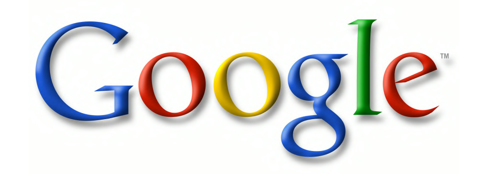
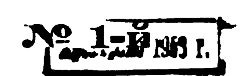

Годъ V-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

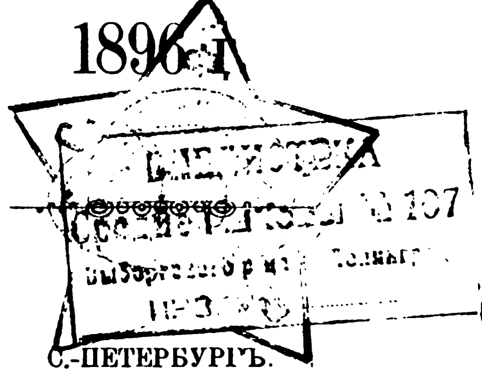
ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

И

САМООБРАЗОВАНІЯ.

ЯНВАРЬ

1896 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1896.

Дозволено цензурою 21-го декабря 1895 года. С.-Петербургъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПО НОВОМУ ПУТИ.

Романъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Когда на правой сторонѣ дороги показались высокія фабричныя трубы, Машу Честюнину охватило какое-то еще неиспытанное жуткое чувство. Эти трубы говорили о близости Петербурга, того Петербурга, гдѣ она уже не будетъ по провинціальному „Машей", а превратится въ оффиціальную „Марью Честюнину". Ей казалось теперь, что не она мчится на поѣздѣ Николаевской желѣзной дороги въ завѣтную для всей учащейся молодежи столицу, а что Петербургъ летитъ на встрѣчу къ ней. Страхъ передъ неизвѣстнымъ будущимъ вызывалъ неопредѣленную тоску по томъ, что осталось *тамъ*, далеко-далеко. Теперь она рѣшительно всѣмъ чужая, никто ея больше не знаетъ, никому до нея нѣтъ никакого дѣла, и жуткое чувство молодого одиночества все сильнѣе и сильнѣе охватывало ее. Она боялась расплакаться и отвернулась къ окну, чтобы никто не видѣлъ ея лица. Въ моменты нервнаго настроенія на нее нападала какая-то чисто бабья плаксивость, за что она ненавидѣла себя отъ чистаго сердца, а сейчасъ въ особенности. Ея волненіе усиливалось еще больше отъ молодого задорнаго хохота, доносившагося съ сосѣдней скамьи, гдѣ сидѣлъ бѣлокурый студентъ съ узенькими сѣрыми глазками и дѣвушка-студентка. Молодые люди, видимо, чувствовали себя прекрасно, болтали всю дорогу и смѣялись, потому что были молоды. Честюниной казалось, что студентъ хохочетъ какъ-то неестественно и только притворяется, что ему весело,

и она почувствовала къ нему завистливую антипатію. Вѣроятно, онъ очень глупый, потому что серьезные люди не будутъ такъ смѣяться. И остальная публика третьяго класса, кажется, раздѣляла это мнѣніе, потому что всѣ оглядывались на хохотавшаго студента и смотрѣли на него злыми глазами.

— Экъ его разбираетъ!..—ворчалъ сѣденькій благообразный старичокъ, сидѣвшій напротивъ Честюниной.—Даже противно слушать...

Этотъ старичокъ тоже не нравился Честюниной, потому что цѣлую ночь мѣшалъ ей спать своимъ храпѣньемъ, охами и шепотомъ какихъ-то молитвъ. Ей почему-то казалось, что онъ не добрый, хотя старичокъ нѣсколько разъ пробовалъ съ ней заговаривать.

— Сударыня, вы откуда изволите ѣхать?

— Изъ Сузумья...

— Извините, пожалуйста: что же это такое будетъ, т.-е. это самое Сузумье?

— Уѣздный городъ...

— Такъ-съ... А позвольте узнать, какой губерніи?

Честюнина назвала одну изъ далекихъ восточныхъ губерній, и старичокъ съ сожалѣніемъ покачалъ головой, точно она ѣхала, по меньшей мѣрѣ, съ того свѣта.

— Такъ-съ... Значитъ, въ Питеръ? Очень хорошо... А позвольте узнать, по какимъ такимъ дѣламъ?

— Учиться...

— Такъ-съ... Въ гимназію, значитъ?

— Нѣтъ, я гимназію кончила, а ѣду поступить на медицинскіе курсы.

Старичокъ посмотрѣлъ на нее какими-то оторопѣлыми глазами и съ раздраженіемъ спросилъ:

— Значитъ, мертвецовъ будете рѣзать?

— Да...

Отвѣтъ, видимо, не удовлетворилъ любопытнаго старца. Онъ что-то пошепталъ про себя, угнетенно вздохнулъ и спросилъ уже другимъ тономъ:

— Позвольте спросить, сударыня, а какъ же, напримѣръ, родители? Я говорю къ тому, что ежели бы моя собственная дочь... Да ни въ жисть!.. Помилуйте, молодая дѣ-

вушка, которая и понимать-то ничего не должна, и, вдругъ, этакая мерзость... тьфу!

Старичокъ даже зашипѣлъ отъ злости и благочестиво плюнулъ по адресу волновавшей его мерзости.

— Такъ какъ же, напримѣрно, родители? —приставалъ онъ.—Этакую даль отпущаютъ одну одинешеньку...

— Что же тутъ страннаго? Какъ видите, никто до сихъ поръ не съѣлъ меня...

— Нѣтъ, я такъ полагаю, что ваши родители померли...

— Отецъ, дѣйствительно, умеръ, а мать жива...

— Изъ чиновниковъ?

— Да...

— И состояніе оставилъ родитель?

— Мама получаетъ пенсію...

— Братья есть?

— Одинъ братъ въ Москвѣ въ университетѣ, а другой въ гимназіи.

Этотъ допросъ начиналъ раздражать Честюнину, и дѣвушка начала придумывать, какъ бы оборвать нахальнаго старика. Но ему, видимо, пришла какая-то новая мысль, и онъ спросилъ прежнимъ заискивающимъ тономъ:

— А можетъ быть, у васъ есть въ Питерѣ богатые родственники?..

— Есть дядя. Онъ служитъ въ министерствѣ...

— Генералъ?

— Право, не знаю... Кажется, дѣйствительный статскій совѣтникъ.

— Богатый?

— И этого не знаю... Я его никогда не видала и ѣду въ Петербургъ въ первый разъ.

— Такъ-съ... Ну, это совсѣмъ другое дѣло, ежели есть дядя и притомъ въ чинѣ штатскаго генерала. Вы, значитъ, прямо къ нему?

— Не знаю, право. Очень можетъ быть...

— Конечно, къ нему, хотя и говорится пословица, что деревенская родня, какъ зубная боль. Вы ужъ извините меня, сударыня, а надо пряменько говорить... Совсѣмъ вы молоды и, можно сказать такъ, что какъ есть ничего не понимаете, а дядя-то ужъ все понимаетъ. У меня три такихъ знакомыхъ

штатскихъ генерала есть... Аккуратно живутъ и держатъ себя весьма сосредоточенно.

Навязчивый старичокъ совершенно успокоился и сосредоточилъ все свое вниманіе на хохотавшемъ студентѣ, но потомъ неожиданно обернулся къ Честюниной и проговорилъ:

— А по нашему, по необразованному, лучше бы было, ежели бы вы, сударыня, остались въ своемъ Сузумьѣ да, напримѣръ, замужъ дѣвичьимъ дѣломъ. Куда аккуратнѣе бы вышло, и мамынкѣ спокойнѣе бы не въ примѣръ, а то теперь вотъ какъ, поди, старушка-то думаетъ.,. Можетъ, у старушки-то и женишокъ былъ свой на примѣтѣ? Что же, дѣло житейское...

Послѣднее замѣчаніе вдругъ сконфузило дѣвушку, такъ что она даже покраснѣла. Любопытный старецъ смотрѣлъ на нее улыбавшимися глазами и покачивалъ головой. Впрочемъ, поѣздъ уже подходилъ къ Петербургу, и разговоръ прекратился самъ собой.

— Эти вонъ трубы-то—это все фабрики по Невѣ,— объяснялъ старичокъ, связывая подушку въ узелъ.—И столько этихъ фабрикъ... А вонъ тамъ дымитъ Обуховскій заводъ. Пушки льютъ...

Дѣвушка молчала, охваченная опять волненіемъ. Она вся точно сжалась и чувствовала себя такой маленькой-маленькой. Весь вагонъ поднялся на ноги, и всѣ торопливо собирали свои пожитки, до веселаго студента включительно. Честюнина наблюдала за всѣми и думала, что вотъ этихъ всѣхъ кто-нибудь ждетъ, кто-нибудь будетъ ихъ встрѣчать и радоваться этой встрѣчѣ, и только она одна составляетъ печальное исключеніе. Вопросъ о томъ, остановиться у дяди или нѣтъ, все еще оставался нерѣшеннымъ.

— Слава тебѣ, Господи, — вслухъ молился старичокъ, крестясь на купола Александро-Невской лавры.—Вотъ мы и дома, сударыня... Счастливо оставаться.

Поѣздъ уже замедлялъ ходъ. По сторонамъ мелькали пустые вагоны, а потомъ точно выплыла станціонная платформа, на которой стояли кучки ожидавшей публики и бѣгали въ синихъ блузахъ и бѣлыхъ передникахъ посыльные. Кто-то махалъ на платформѣ шапкой, слышались радостныя восклицанія и поднималась суматоха разъѣзда. Честюнина дожда-

лась, пока выйдутъ другіе—вѣдь ей некуда было торопиться, и вышла почти послѣдней. Платформа быстро очищалась отъ публики, и оставалось всего нѣсколько человѣкъ, очевидно, никого не дождавшихся. Они пытливо оглядывали каждаго запоздавшаго пассажира, который выходилъ изъ вагона, и провожали его глазами. Когда Честюнина тащила свой саквояжъ и разные дорожные узелки, къ ней подошелъ красивый молодой человѣкъ и проговорилъ:

— Простите, вы не m-lle Честюнина?

Этотъ неожиданный вопросъ смутилъ дѣвушку и она вся вспыхнула.

— Да, я...

— Имѣю честь рекомендоваться: вашъ двоюродный братъ Евгеній Васильевичъ Анохинъ.

— Ахъ, очень, очень рада... Какъ это вы узнали меня?

— Очень просто: по вашимъ узелкамъ. Сейчасъ видно провинціалку. Я такъ и мутерхенъ сказалъ... У насъ комната приготовлена для васъ. Да... Папа вчера получилъ письмо отъ вашей maman, а я сегодня и поѣхалъ встрѣчать.

— Вотъ какая мама... А я еще просила ее ничего не писать обо мнѣ. Во всякомъ случаѣ, очень благодарна вамъ за вниманіе... мнѣ совѣстно...

— Помилуйте, Марья Гавриловна. Позвольте мнѣ ваши узелки... Эй, человѣкъ!..

Анохинъ имѣлъ совсѣмъ петербургскій видъ, какъ опредѣлила его Честюнина про себя. Какой-то весь приглаженный и вылощенный, точно сейчасъ сорвался съ модной картинки. И говорилъ онъ чуть въ носъ, смѣшно растягивая слова. Молодое красивое лицо съ темными усиками и темными глазами было самоувѣренно, съ легкимъ оттѣнкомъ вѣжливаго нахальства. Рядомъ съ нимъ дѣвушка почувствовала себя самой непростительной провинціалкой, начиная съ помятой дорогой касторовой шляпы и кончая несчастными провинціальными узелками. Она еще разъ смутилась, чувствуя на себѣ экзаменовавшій ее съ ногъ до головы взглядъ петербургскаго брата. Онъ, дѣйствительно, осматривалъ ее довольно безцеремонно. Одѣта совсѣмъ по провинціальному, какъ не одѣвается даже горничная Даша, а личико съ большими наивными голубыми глазами, мягкимъ дѣтскимъ носомъ

и свѣжимъ ртомъ ничего себѣ, хоть куда. „Дѣвица съ ноготкомъ“,—опредѣлилъ братецъ провинціальную сестрицу.— „Вотъ этакія бѣлокурыя барышни склонны въ особенности къ трагедіи... „Я твоя на вѣки, а, впрочемъ, въ смерти моей прошу никого не обвинять“. Очень понимаемъ... Папахенъ, кажется, ошибся“.

Пока артельщикъ получалъ багажъ, Анохинъ болталъ самымъ непринужденнымъ образомъ и нѣсколько разъ очень мило съострилъ, такъ что Честюнина не могла не улыбнуться. Анохинъ замѣтилъ, что она очень мило улыбалась, какъ всѣ люди, которыя смѣются рѣдко.

— А знаете, Марья Гавриловна, я долженъ васъ предупредить относительно одной тайны... Да, да, настоящая тайна! Вчера получено было письмо отъ вашей maman, а сегодня утромъ другое... гм... И знаете, адресъ написанъ мужской рукой, немного канцелярскимъ почеркомъ. Моя мутерхенъ великій знатокъ по этой части и сразу надулась... Вы не смущайтесь и сдѣлайте видъ, что ничего не замѣчаете. Я всегда такъ дѣлаю... На всякій случай счелъ своимъ долгомъ предупредить васъ.

Дѣвушка, однако, смутилась еще разъ и даже опустила глаза, какъ горничная.

— Вѣроятно, отъ брата изъ Москвы...—точно оправдывалась она.

— Конечно, отъ брата. И я такъ же объяснилъ мутерхенъ... О, мутерхенъ величайшій изъ дипломатовъ и у насъ происходятъ постоянныя стычки на этой почвѣ. У меня масса непріятностей именно изъ-за писемъ...

Когда артельщикъ принесъ дешевый чемоданчикъ и простой мѣшокъ, сконфузился уже молодой человѣкъ. Во-первыхъ, онъ пріѣхалъ на собственномъ извозчикѣ, а во-вторыхъ, швейцаръ Григорій сдѣлаетъ такую презрительную рожу... Только мужики на заработки идутъ съ такими мѣшками. Впрочемъ, нужно быть немножко демократомъ, когда имѣешь провинціальную сестрицу. Ахъ, эти провинціалы, ничего-то они не понимаютъ: какой-нибудь дурацкій дорожный мѣшокъ, и все погибло. Можно себѣ представить положеніе папахена, который выдавалъ племянницу чуть не за милліонершу. Молодой человѣкъ понялъ, что папахенъ этимъ маневромъ хо-

тѣлъ подкупить мамахенъ, сдѣлавшую кислое лицо при первомъ извѣстіи о ѣдущей провинціалкѣ-племянницѣ, и по пути ввелъ въ заблужденіе родного сына. Развѣ бы онъ поѣхалъ встрѣчать на вокзалъ, если бы по молодости лѣтъ не увлекся мыслью о родственныхъ богатствахъ. Впрочемъ, все равно...

— Ефимъ изъ пятой линіи! — громко выкрикивалъ на подъѣздѣ артельщикъ.

Подалъ извозчикъ-лихачъ, замѣтно покосившійся на проклятый мѣшокъ, сунутый ему въ ноги. Накрапывалъ назойливый осенній дождь, и всѣ зданія казались особенно мрачными.

— Я забылъ извиниться предъ вами за нашу милую петербургскую осень,—весело шутилъ Анохинъ, когда лихачъ выѣхалъ на Знаменскую площадь.—Ефимъ, по Невскому! Я хочу васъ поразить лучшей петербургской улицей, Марья Гавриловна... Только вотъ дождь портитъ впечатлѣніе.

На площади они встрѣтили того старичка, который донималъ Честюнину своей пытливостью. Онъ несъ на спинѣ какой-то тюкъ и раскланялся съ „барышней". Анохинъ черезъ плечо посмотрѣлъ на нее и только приподнялъ плечи въ знакъ удивленія. Она замѣтила это движеніе и улыбнулась.

II.

Невскій проспектъ не произвелъ на Честюнину впечатлѣнія, больше того—онъ совсѣмъ не оправдалъ того представленія, которое сложилось по описаніямъ въ книгахъ. Улица какъ улица. Большіе дома, большіе магазины, большое движеніе, а „блестящаго" и поражающаго какъ есть ничего. Вотъ Исаакіевскій соборъ другое дѣло. Поразила дѣвушку только одна красавица Нева, точно налитая въ гранитныхъ берегахъ. Васильевскій Островъ уже напоминалъ провинціальный губернскій городъ.

Швейцаръ Григорій встрѣтилъ гостью съ изысканной любезностью настоящаго столичнаго хама. Въ Сузумьѣ былъ единственный швейцаръ въ женской гимназіи, и Честюнина смотрѣла съ дѣтскимъ любопытствомъ на эту новую для нея породу людей.

— Вы пройдете въ свою комнату,—диктовалъ Анохинъ, когда они поднимались по лѣстницѣ въ третій этажъ.—Горничная Даша подастъ вамъ умыться... Вы съ ней построже, Марья Гавриловна.

— Я не умѣю...

— Учитесь. А мутерхенъ выйдетъ къ завтраку...

Горничная Даша, красивая, но съ какимъ-то преждевременно увядшимъ лицомъ, встрѣтила гостью съ величавымъ презрѣніемъ, особенно когда на сцену появился знаменитый мѣшокъ и провинціальные узелки. Квартира была большая и парадныя комнаты поражали Честюнину своей показной роскошью. Отведенная ей комната, впрочемъ, отличалась спартанской простотой, и это даже обрадовало гостью, напомнивъ оставленную дома приличную нищету. Вездѣ было тихо, точно весь домъ вымеръ. Даша тоже величественно молчала и демонстративно положила мѣшокъ на письменный столъ. Честюнина ничего ей не сказала, и сама перенесла его въ уголъ.

— Не прикажите ли чего-нибудь, барышня?—спросила Даша, улыбающимися глазами глядя на мужскіе дешевенькіе серебряные часы, которые гостья положила на письменный столъ—такихъ часовъ даже швейцаръ Григорій не будетъ носить.

— Рѣшительно ничего не нужно... Я привыкла все дѣлать сама.

— Какъ вамъ будетъ угодно... Барыня Елена Ѳедоровна выдутъ къ завтраку ровно въ двѣнадцать часовъ. У насъ ужъ такъ заведено.

Оставшись одна, Честюнина подошла къ окну, и долго смотрѣла на столичный дворъ, походившій на пропасть. Со дна этой пропасти поднимался какой-то особенно тяжелый воздухъ. Впрочемъ, она еще на улицѣ почувствовала его— отдавало помойной ямой и какой-то подвальной гнилью. Умывшись безъ помощи Даши, она съ особенной тщательностью занялась своимъ туалетомъ, а прибирая волосы, нѣсколько разъ улыбнулась. Навѣрно петербургскій братецъ теперь волнуется за нее, потому что мутерхенъ произведетъ ей настоящій экзаменъ. Къ сожалѣнію, самое нарядное черное шер-

стяное платье изъ дешевенькаго кашемира оказалось смятымъ, носки ботинокъ порыжѣли, а волосы походили на солому.

Когда она была готова, въ дверяхъ послышался осторожный стукъ.

— Войдите...

Вошелъ Анохинъ, быстро оглядѣлъ ее и остался, кажется, доволенъ. Онъ подалъ ей письмо и, глядя на свои золотые часы, предупредилъ:

— Остается ровно полчаса до завтрака... У насъ это въ родѣ священнодѣйствія.

Онъ уже хотѣлъ уходить, какъ замѣтилъ лежавшіе на столѣ часы.

— Марья Гавриловна, ради Бога, не надѣвайте этихъ несчастныхъ часовъ, а то мутерхенъ увидитъ, и крышка.

— Это часы моего папы, и я ими очень дорожу...

— Я понимаю ваши чувства, но вы не знаете мутерхенъ...

Когда молодой человѣкъ вышелъ, Честюнина поняла, что ей здѣсь не жить. Ее начинали давить самыя стѣны. Хороша должно быть эта мутерхенъ, предъ которой трепещетъ цѣлый домъ. Да и всѣ хороши. Впрочемъ, петербургскій братецъ, должно быть, очень добрый человѣкъ и хлопочетъ отъ чистаго сердца. О папахенъ никто ничего не говоритъ— значитъ, онъ въ полномъ загонѣ.

Письма она не стала читать, а только мелькомъ взглянула на адресъ. Ей почему-то показалось обиднымъ опредѣленіе этого крупнаго и твердаго мужского почерка „канцелярскимъ", хотя петербургская мутерхенъ и угадала. Рѣшивъ не оставаться здѣсь, дѣвушка успокоилась. Что ей за дѣло до этой мутерхенъ... По пути она вспомнила веселаго бѣлокураго студента, который, навѣрно, ужъ не испытываетъ подобныхъ глупыхъ волненій. Боже мой, какое счастье имѣть свой уголокъ, самый крошечный уголокъ, гдѣ можно было бы чувствовать себя самой собой, и только. Неужели въ такомъ громадномъ городѣ не найдется такого уголка? Вѣдь, наконецъ, живутъ же крысы и мыши...

Наступили роковые двѣнадцать часовъ. Даша уже ждала гостью въ полутемномъ корридорѣ и молча повела ее черезъ залъ въ столовую, обставленную съ какой-то трактирной роскошью. Честюнина больше не смущалась и довольно сво-

одно отрекомендовалась „мутерхенъ",которая снизошла до того, что поцѣловала ее въ лобъ. Анохинъ наблюдалъ эту сцену представленія и остался доволенъ провинціалкой. Ничего, для перваго раза не вредно... Мутерхенъ была среднихъ лѣтъ женщина, недавно еще очень красивая, но состарившаяся раньше времени, благодаря сидячей жизни и привычкѣ плотно покушать. Оставались красивыми черные злые глаза и маленькія холеныя ручки.

— Базиль будетъ такъ радъ...—повторяла Елена Ѳедоровна. — У него, вообще, родственныя чувства сильно развиты. Да...

— Мутерхенъ, я, кажется, вполнѣ унаслѣдовалъ эту родственную шишку,—попробовалъ съострить Анохинъ.

— Фи, какъ ты вульгарно выражаешься, Эженъ!..

— Я, мутерхенъ, говорю по френологіи. Есть такая наука...

Елена Ѳедоровна не удостоила отвѣта это оправданіе и вообще больше не считала нужнымъ обращать вниманіе на сына. Честюнину удивило больше всего то, что она завтракала отдѣльно. Даша подала ей куриную котлетку, потомъ какой-то бульонъ, сметану, яйца и какао. Гостья только потомъ узнала, что мутерхенъ находится на положеніи вѣчной больной и ѣстъ отдѣльно. Собственно завтракъ былъ очень простъ, и дѣвушка съ большимъ удовольствіемъ съѣла два ломтя говядины изъ вчерашняго супа и цѣлую порцію горячаго картофеля въ мундирѣ.

— Вамъ придется, Мари—позвольте мнѣ васъ такъ называть?—да, придется измѣнить нѣкоторыя провинціальныя привычки,—тянула Елена Ѳедоровна.—Это уже общая судьба всѣхъ провинціаловъ... Но вы не стѣсняйтесь: въ свое время все будетъ.

— Мутерхенъ, я по этой части могу быть профессоромъ...

— Тѣмъ болѣе, что нынѣшняя молодежь, какъ курсистки, бравируютъ пренебреженіемъ къ условнымъ мелочамъ,—тянула мутерхенъ:—да, бравируютъ, забывая, что онѣ прежде всего и послѣ всего женщины... Я, конечно, понимаю, что это просто молодой бунтъ и что со временемъ все пройдетъ. Повѣрьте, Мари, что изъ настоящихъ буянокъ выйдутъ, можетъ быть, еще болѣе чопорныя дамы, чѣмъ тѣ, надъ которыми онѣ сейчасъ смѣются. Говорю все это впередъ, искренне желая вамъ

добра... Напримѣръ, Базиль, совсѣмъ этого не понимаетъ, онъ даже сочувствуетъ, но вы этимъ не увлекайтесь, потому что онъ все-таки мужчина и ничего не понимаетъ.

Этими наставленіями завтракъ былъ отравленъ, и Честюнина едва дождалась, когда онъ кончится. Но обѣдъ превзошелъ и завтракъ. Къ шести часамъ явился самъ домовладыка. Это былъ высокій, полный господинъ за пятьдесятъ лѣтъ съ какимъ-то необыкновенно чисто выбритымъ лицомъ, точно его крахмалили и гладили утюгомъ. Сѣдые баки котлетами придавали оффиціально-строгій видъ. Старикъ очень обрадовался племянницѣ, обнялъ ее и разцѣловалъ прямо въ губы.

— Вылитая сестра Анна Васильевна!—повторялъ онъ.— Вотъ именно такой она была, когда выходила замужъ... Боже мой, сколько прошло времени!...

Расчувствовавшись, старикъ еще разъ обнялъ дѣвушку и опять поцѣловалъ. Онъ только потомъ спохватился и сразу какъ-то растерялся. „Папахену влетитъ", весело думалъ Эженъ.

За обѣдомъ старикъ проявлялъ усиленные признаки полной независимости, но у него это какъ-то не выходило. Чувствовалась дѣланность тона и какая-то скрытая фальшь. Честюниной сдѣлалось жаль выбивавшагося изъ всѣхъ силъ старика, хотя она и не могла понять, въ чемъ дѣло. Мутерхенъ зловѣще промолчала все время и не сводила съ мужа глазъ, точно очковая змѣя.

— Ну, какъ мать?—въ десятый разъ спрашивалъ старикъ.—Вотъ такая же была снѣгурочка... Мы съ ней ужасно бѣдствовали въ юности и жили душа въ душу. И все-таки, хорошее было время, Маша... Говорятъ, что старикамъ свойственно смотрѣть въ розовомъ свѣтѣ на свою юность, но, право, я дорого заплатилъ бы... да, заплатилъ бы...

— Чтобы вернуться къ дѣтству?—подхватила мутерхенъ.— Но, кажется, за это особенно дорого не придется платить... Только необходимо отличить дѣтство отъ ребячества.

Обѣдъ закончился новой исторіей. Въ столовую вошла молоденькая дѣвушка, некрасивая, но съ умнымъ и выразительнымъ лицомъ.

— Рекомендую,—обратилась мутерхенъ къ гостьѣ:—моя

дочь, Екатерина Васильевна, которая до сихъ поръ еще не знаетъ, что мы обѣдаемъ ровно въ шесть часовъ и что заставлять себя ждать, по меньшей мѣрѣ, невѣжество...

— Мама, да я совсѣмъ не хочу ѣсть, — оправдывалась дѣвушка, здороваясь съ гостьей. — Я только-что отъ подруги, гдѣ былъ кофе и чудные пирожки, а я отъ всего на свѣтѣ готова отказаться, кромѣ пирожковъ. Вѣдь знаю, что ты будешь меня бранить, мама, знаю, и все-таки ѣмъ...

— И все-таки не хорошо, Катя, — съ дѣланной строгостью замѣтилъ отецъ. — Порядокъ въ жизни прежде всего...

Эта Катя сразу понравилась Честюниной. Какъ-то она рѣшительно ни на кого не походила и, вмѣстѣ съ тѣмъ, было пріятно чувствовать, что она въ одной комнатѣ съ вами. Что-то такое жизнерадостное смотрѣло этими умными темными глазами, простое и чуть-чуть властное. Она подсѣла къ гостьѣ, оправила по пути ей воротничокъ, съѣхавшій немного на сторону и заговорила такимъ тономъ, точно онѣ вчера разстались:

— Васъ зовутъ Машей? Вотъ и отлично... Я люблю это имя и съ удовольствіемъ промѣняла бы на свое. Вы на курсы? Еще лучше... Моя мечта поступить на курсы, но мама почему-то не хочетъ. А я все-таки поступлю...

— Это будетъ тогда, когда я умру, — добавила мутерхенъ. — Кажется, вамъ, Катерина Васильевна, не придется долго ждать...

— У насъ мысль о смерти царитъ надо всѣмъ, — объясняла гостьѣ Катя. — Право... Можно подумать, что мы живемъ на кладбищѣ. Милая мама, вы только напрасно себя разстраиваете... Всѣ будемъ жить, пока не умремъ. Это здѣсь такъ принято...

Обѣдъ, наконецъ, кончился, и Катя увела гостью къ себѣ въ комнату, обставленную очень нарядно, но съ ясными слѣдами безпорядочнаго характера хозяйки. Катя долго держала гостью за обѣ руки, что-то соображая про сзбя, а потомъ проговорила серьезно:

— Мы будемъ на ты... да? И смѣшно было бы сестрамъ церемониться... Давай поцѣлуемся!.. Только я тебя должна предупредить, что я рѣшительно никого не люблю... Никого! Признаться сказать, я даже и себя не люблю, потому что,

если бы отъ меня зависѣло, я себя устроила нѣсколько иначе... Во-первыхъ, женщина, по моему, должна быть бѣлокурой. Вотъ такая, какъ ты, съ такой же чудной косой и дѣтскими глазами.

Дѣвушка не переставала болтать и въ то же время разсматривала сестру, какъ невиданнаго звѣря. Честюнина почувствовала себя вдругъ такъ просто и легко, точно цѣлый вѣкъ была знакома съ этой милой Катей. А Катя болтала и болтала безъ умолку. Папа хорошій и добрый, но совершенно безхарактерный, и Женька, къ несчастью, весь въ него. Мама кажется строгой и придирчивой, но это только такъ, для папы. Она немного помѣшана на томъ, чтобы все было, „какъ въ лучшихъ домахъ", а это отъ того, что мама изъ богатой, хотя и раззорившейся, семьи. Женька самый отчаянный шелопай, хотя мама въ немъ души не чаетъ и готова для него на все. Вообще, скучно... Послѣднее заключеніе вышло немного неожиданно и очень смѣшно.

— Меня мама никогда не любила, и я ей очень благодарна за это,—докончила Катя свою семейную хронику.— Когда я была маленькой, то очень обижалась и даже плакала, а теперь благодарю. Никого не нужно любить, потому что отъ этого всѣ несчастія... Поэтому я рѣшила, что никогда-никогда не пойду замужъ.

Потомъ Катя потащила гостью осматривать всю квартиру, комментируя каждую вещь.

— Такъ, кисленькая чиновничья роскошь, Маша... Ну, для чего всѣ эти драпировки, поддѣланныя подъ настоящія дорогія матеріи? для чего эта мебель, которая точно притворяется въ какомъ-то неизвѣстномъ стилѣ? Единственная вещь, которую я люблю—это рояль...

Катя сѣла за рояль и съ шикомъ съиграла какой-то блестящій вѣнскій вальсъ. Она училась въ консерваторіи, но дальше вальсовъ дѣло не шло. Оборвавъ какой-то самый модный вальсъ на половинѣ, Катя потащила гостью въ кабинетъ къ отцу.

— Старикъ очень тебя ждалъ... Онъ у насъ самый чувствительный человѣкъ въ домѣ.

Распахнувъ портьеру, Катя остановилась. Въ кабинетѣ, видимо, разыгрывалась тяжелая семейная сцена. Старикъ

ходилъ по комнатѣ съ краснымъ отъ волненія лицомъ, а мутерхенъ сидѣла на диванѣ въ вызывающей позѣ.

— Господи, что же я такого сдѣлалъ?!...—спрашивалъ старикъ, дѣлая трагическій жестъ.—Вѣдь она мнѣ не чужая..

Катя спустила портьеру и шепнула:

— Пусть старики поссорятся...

Честюнина поняла только одно, что старики ссорятся именно изъ-за нея, и ей опять сдѣлалось грустно и тяжело.

III.

Вмѣстѣ съ провинціальной гостьей въ чопорную чиновничью квартиру дѣйствительнаго статскаго совѣтника Анохина ворвались совсѣмъ новыя мысли и чувства. Генеральша сейчасъ же послѣ обѣда устроила мужу жестокую семейную сцену,—сцену по всѣмъ правиламъ искусства.

— Какъ это мило: облапить и цѣловаться прямо въ губы!—старалась говорить она вполголоса.—Можетъ быть, у васъ тамъ, въ деревнѣ, нѣсколько сотъ такихъ племянницъ, и вы всѣхъ ихъ будете цѣловать? Это можетъ сдѣлать нашъ швейцаръ Григорій, дворникъ, кухонный мужикъ... Наконецъ, вы забываете, что у васъ есть взрослая дочь.

Генералъ не возражалъ, не оправдывался, а только вздыхалъ и умоляюще смотрѣлъ на разгнѣванное домашнее божество. Онъ былъ полонъ такихъ хорошихъ мыслей и чувствъ, а тутъ какая-то глупая сцена. Много такихъ сценъ онъ перенесъ на своемъ вѣку, но именно эта ему показалась особенно обидной,—онъ почувствовалъ себя чужимъ въ собственномъ домѣ. Всѣ чужіе—и жена, и сынъ, и даже дочь, которую онъ любилъ больше всѣхъ. Еще разъ онъ пережилъ то неравенство, которое внесла въ домъ его собственная жена. Она считала себя главной виновницей всей его карьеры и настоящаго чиновничьяго благополучія, потому что онъ, человѣкъ безъ связей и протекцій, затерялся бы въ толпѣ другихъ министерскихъ чиновниковъ, и только она, настоящая генеральская дочь, вывела его на настоящую дорогу. Его провинціальное прошлое тщательно скрывалось и было всегда для Елены Ѳедоровны самымъ больнымъ мѣстомъ, какъ какой-то первородный грѣхъ. Никто не зналъ, чего стоило

Анохину его превосходительство. Да, ему завидовали всѣ сослуживцы, а онъ все чаще и чаще начиналъ думать, что все это чиновничье величіе было лично для него величайшей ошибкой.

Елена Өедоровна, конечно, уже знала все черезъ горничную Дашу, т.-е. знала и о мѣшкѣ, и объ узелкахъ провинціальной родственницы, и на этомъ построила цѣлый обвинительный актъ.

— Это какая-то богомолка...—язвила она.—Мнѣ совѣстно передъ швейцаромъ. А глупый Эженъ имѣлъ еще неосторожность ѣхать встрѣчать ее на вокзалѣ. Конечно, онъ добрый мальчикъ, но дѣлать подобныя глупости все-таки нехорошо. Вѣдь вы выдавали свою сестру за милліонершу....

— Я дѣйствительно говорилъ, что у нея есть свои средства...

— Какая-то несчастная пенсія!..

— У нея собственный домъ въ Сузумьѣ, потомъ послѣ мужа остались средства, что мнѣ хорошо извѣстно.

— Все это одна комедія!.. Вы вводите въ нашу семью какихъ-то салопницъ...

— Не салопницъ, а порядочныхъ людей. Да...

Василій Васильевичъ вдругъ разгорячился и наговорилъ женѣ дерзостей, чего еще никогда съ нимъ не случалось. Онъ покраснѣлъ и сильно размахивалъ руками.

— По вашему, Елена Өедоровна, Маша—салопница, а по моему—это хорошая дѣвушка-труженица. Да, именно, труженица... Я былъ бы счастливъ, если бы у меня была такая дочь.

— Значитъ, и Катя нехороша?

— А что такое Катя, по вашему? Петербургская барышня, и больше ничего. У нея въ головѣ концерты да оперы, да первыя представленія, да пикники—развѣ я не понимаю, что она такое? А твой Эженъ, говоря откровенно, просто шелопай... Да, да, шелопай! Еще одинъ шагъ, и готовъ червонный валетъ. Конечно, имъ дико видѣть настоящую серьезную дѣвушку... Посмотри, какое у нея чудное лицо—простое, какое-то чистое, красивое внутренней красотой.

— Боже мой, до чего я дожила!—стонала генеральша.

Увлекшись, генералъ наговорилъ много лишняго, и когда спохватился—было уже поздно. Генеральша приняла угнетенный видъ и молча вышла изъ кабинета. Это еще была первая сцена, закончившаяся полнымъ разрывомъ. Обыкновенно генералъ вымаливалъ себѣ прощеніе, унижался и покупалъ примиреніе самой дорогой цѣной.

Цѣлый день былъ испорченъ. Елена Өедоровна заперлась въ своей спальнѣ, какъ въ неприступной крѣпости, и не вышла къ вечернему чаю. Генералъ съѣздилъ въ какую-то коммиссію, вернулся поздно и узналъ отъ Даши, что генеральша больна и не желаетъ никого видѣть.

— Э, все равно!—рѣшилъ про себя Василій Васильевичъ.

Онъ тоже заперся въ своемъ кабинетѣ и тоже не желалъ никого видѣть. Господи, вѣдь можно же хоть разъ въ жизни быть самимъ собой и только самимъ собой! Въ минуты маленькихъ домашнихъ революцій онъ спалъ у себя въ кабинетѣ, а сейчасъ былъ даже радъ этому. Въ послѣднее время у него все чаще и чаще появлялась нервная безсонница, и онъ впередъ зналъ, что сегодня не уснетъ до самаго утра. Была приготовлена домашняя работа, но она не шла на умъ. Оставалось ходить по кабинету до головокруженія.

— Что же, я сказалъ правду,—думалъ онъ вслухъ.— И пора сказать... Развѣ я не вижу и не понимаю, что дѣлается кругомъ? Семья дармоѣдовъ—и больше ничего... Другіе, которые не могутъ жить дармоѣдами, завидуютъ намъ. Чего же больше? Ха-ха... Миленькая семейка...

Старикъ шагалъ по своему кабинету, какъ часовой у гауптвахты, и съ тоской думалъ, что неужели это воинствующее настроеніе покинетъ его и онъ опять будетъ унижаться, чтобы вымолить у жены позорное примиреніе. Онъ впередъ презиралъ себя...

Появленіе племянницы подняло въ душѣ петербургскаго статскаго генерала далекое прошлое.

Родился и выросъ онъ въ Сузумьѣ, въ бѣдной чиновничьей семьѣ. Онъ теперь видѣлъ эту семью черезъ десятки лѣтъ... Видѣлъ труженика отца, вѣчно занятаго службой, суроваго и болѣзненнаго, видѣлъ вѣчно озабоченную домашними дѣлами мать, женщину простую, но съ здоровымъ природнымъ умомъ. Чего стоило старикамъ выучить его въ гим-

назіи, а потомъ отправить въ университетъ. У него была всего одна сестра Анюта, которую онъ очень любилъ. Дѣвочка получила самое скромное домашнее образованіе, потому что тогда женскихъ гимназій еще не было, и только дочери дворянъ могли учиться въ институтахъ. Боже мой, какъ все это было давно и, вмѣстѣ, точно вчера... Уѣзжая въ Петербургъ поступать въ университетъ, Анохинъ меньше всего думалъ о томъ, что видитъ отца въ послѣдній разъ. Молодость думаетъ только о себѣ... Ему больше всего жаль было сестру, которая такъ горько плакала при разставаньи. Онъ былъ уже на третьемъ курсѣ, когда отецъ умеръ. Но родное Сузумье было за тридевять земель, такъ что онъ не могъ даже пріѣхать на похороны. Пришлось самому зарабатывать хлѣбъ и тянуть тяжелую лямку. Съ матерью онъ увидался только по окончаніи курса. Въ это лѣто вышла и Анюта замужъ за маленькаго чиновника канцеляріи губернатора, перешедшаго впослѣдствіи на земскую службу. Умерла и мать, и Анохинъ ни разу не былъ въ родномъ гнѣздѣ, откладывая поѣздку туда годъ за годомъ, а потомъ затянула служба, явилась своя семья и свои заботы. Съ Сузумьемъ отношенія поддерживались только рѣдкими письмами сестры. У нея были уже свои дѣти, потомъ эти дѣти учились въ гимназіяхъ, но онъ никого не видалъ. Племянница Маша явилась живымъ эхомъ далекаго прошлаго, и генералъ въ послѣдній разъ переживалъ его и провѣрялъ имъ свою настоящую жизнь. И ему начинало казаться, что въ его чиновничьемъ благополучіи было что-то неладное, что онъ прожилъ всю жизнь въ какомъ-то пустомъ мѣстѣ и что, главное, не умѣлъ дать дѣтямъ настоящаго воспитанія. Для чего онъ вообще жилъ, работалъ, хлопоталъ, и чѣмъ потомъ дѣти помянутъ его, когда его не будетъ на свѣтѣ? А вотъ племянница Маша—другое дѣло... Она съ собой принесла въ столицу такую хорошую молодую заботу, жажду знанія и способность трудиться. Да, эта будетъ работать, а его дѣти шалопайничать... Старику страстно хотѣлось, обнять вотъ эту хорошую Машу и разсказать ей все, всю свою жизнь, и научить ее, чтобы она такъ никогда не жила.

Честюнина тоже не спала, хотя и устала съ дороги страшно. Ее взволновало полученное письмо. Какъ хорошо

она знала этотъ „канцелярскій почеркъ"... Письмо было распечатано только вечеромъ, когда дѣвушка ложилась спать. Это была ея первая ночь въ столицѣ, начало новой жизни. Прежде всего она поняла, что сдѣлала громадную ошибку, остановившись у дяди, хотя въ этомъ и не была виновата. Впрочемъ, непріятное впечатлѣніе, произведенное чопорной генеральшей, нѣсколько сгладилось, благодаря Катѣ. Она такъ мило болтала и была такая добрая.

— Ты не оставайся у насъ жить,—откровенно совѣтовала Катя, забравшись вечеромъ въ комнату гостьи.—Папа добрый и къ мамѣ можно привыкнуть, а только у насъ ужасно скучно. Всѣ мрутъ отъ скуки... То-ли дѣло, если ты устроишься по студенчески, Маша.

— Я тоже думаю, что будетъ лучше.

— Откровенно говоря, я завидую тебѣ. А совѣтую переѣзжать потому, что тогда буду бывать у тебя. Будетъ молодежь, разговоры, шумъ... Я ужасно люблю спорить. Со всѣми готова спорить... Видишь, я хлопочу, главнымъ образомъ, о себѣ и не скрываю этого. По праздникамъ ты будешь пріѣзжать къ намъ... Поѣдемъ какъ-нибудь въ оперу.

Оставшись одна, Честюнина, наконецъ, распечатала письмо и прочла его нѣсколько разъ, причемъ на лицѣ у нея отъ волненія появился румянецъ.

„Милая Маруся",—писалъ „канцелярскій" почеркъ.—„Адресую тебѣ письмо на твоего дядю... Можетъ быть, это не совсѣмъ тактично, но, каюсь, не могъ выдержать. Когда ты уѣхала, меня охватила такая страшная тоска и такое малодушіе, точно я похоронилъ тебя. Сознаю, что все это глупо и съ извѣстной точки зрѣнія даже смѣшно, но не могу удержаться. Каяться такъ каяться: когда шелъ на свою службу въ земскую управу, нарочно сдѣлалъ крюкъ и прошелъ мимо твоей школы... На твое мѣсто поступила уже другая учительница, Наташа Горкина, которая раньше служила помощницей въ четвертой школѣ. Славная дѣвушка, а мнѣ обидно, что она заняла твое мѣсто. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы оно оставалось незанятымъ, что уже совсѣмъ глупо. Однимъ словомъ, разыгрался самый непростительный эгоизмъ. На службѣ я почти ничего не дѣлалъ, такъ что нашъ членъ управы, Ефимовъ, только покосился на меня,—ты знаешь, онъ вообще

не благоволитъ ко мнѣ и радъ всякому случаю придраться. Впрочемъ, теперь для тебя все это неинтересно и слишкомъ далеко. Не буду... Вечеромъ не утерпѣлъ и завернулъ къ Аннѣ Васильевнѣ, подъ предлогомъ взять книгу. Старушка очень обрадовалась мнѣ—она, кажется, догадывается... Мы сидѣли въ угловой комнатѣ и пили чай. Все до послѣдней мелочи напоминало тебя, и мнѣ хотѣлось плакать, какъ мальчишкѣ. Дверь въ твою комнату была закрыта, и мнѣ все время казалось, что вотъ-вотъ ты выйдешь. Я даже раза два оглянулся, что не ускользнуло отъ вниманія Анны Васильевны. Мнѣ было жаль и себя, и ее, и казалось, что мы сдѣлали какую-то ошибку. Я убѣжденъ, что и она думала тоже самое, хотя прямо этого, конечно, и не высказывала. Для нея я все-таки только хорошій знакомый, а въ сущности чужой... Да, тяжело и грустно и я отвожу душу за этимъ письмомъ. Гдѣ-то ты теперь? среди какихъ людей? какія твои первыя впечатлѣнія? думаешь ли о насъ—боюсь напомнить о собственной особѣ. Съ другой стороны, не могу скрыть нѣкоторой зависти... Кажется, взялъ бы да и полетѣлъ на крыльяхъ въ Петербургъ, чтобы хоть однимъ глазкомъ посмотрѣть на тебя... Кстати, ты забыла оставить мнѣ свой петербургскій адресъ, т. е. адресъ твоего дяди, и я его добывалъ отъ Анны Васильевны обманнымъ способомъ. Совралъ, грѣшный человѣкъ, что ты просила выслать какую-то книгу... Старушка, кажется, опять догадалась, хотя и сдѣлала видъ, что забывать книги людямъ свойственно. Я уже сказалъ, что... Нѣтъ, я долженъ высказаться прямо, и ты можешь меня презирать за мой неисчерпаемый эгоизмъ. Да, я раскаиваюсь, что отпустилъ тебя... Вижу твое негодующее лицо, чувствую, что ты презираешь меня, но вѣдь геройство не обязательно даже по уложенію о наказаніяхъ. Да, я тебя впередъ ревную ко всему и ко всѣмъ—къ тѣмъ людямъ, съ которыми ты будешь встрѣчаться, къ той комнатѣ, въ которой ты будешь жить, къ тому воздуху, которымъ ты будешь дышать. Я желалъ бы быть и этими новыми людьми, и этой новой комнатой, и этимъ новымъ воздухомъ, даже мостовой, по которой ты будешь ходить... Подумай хорошенько, отнесись безпристрастно и ты поймешь, что я правъ. Вѣдь ждать цѣлыхъ пять лѣтъ... Мало-ли что можетъ случиться? Впереди цѣлая

вѣчность... Одинъ день—и то вѣчность, не то что пять лѣтъ. Моя ариѳметика отказывается служить, и знаю только одно, что я несчастный, несчастный, несчастный...

твой навсегда Андрей Нестеровъ".

Честюнина нѣсколько разъ перечитала это посланіе, поцѣловала его и спрятала въ дорожную сумочку.

— Милый... хорошій...—шептала она.—Какой онъ хорошій, Андрюша... Если бы онъ зналъ, какъ мнѣ-то скучно!

Дѣвушка, не смотря на усталость, долго не могла заснуть. Прошлое мѣшалось съ настоящимъ, а съ завтрашняго дня начнется будущее. Да, будущее... Она закрывала глаза и старалась представить себѣ тѣхъ людей, съ которыми придется имѣть дѣло. Вотъ теперь она никого не знаетъ и ея никто не знаетъ, а потомъ, день за днемъ, возникнутъ и новыя знакомства, и дружба, и ненависть. Гдѣ-то уже есть и эти будущіе враги, и будущіе друзья... Еще утромъ сегодня семья дяди не существовала для нея, а сейчасъ она уже всѣхъ знаетъ и со всѣми опредѣлились извѣстныя отношенія. Дядя ее любитъ, т. е., вѣрнѣе, любитъ въ ней свою сестру, тетка ненавидитъ, какъ всѣ жоны ненавидятъ мужнину родню, шелопай Эженъ—ни то, ни сё, для Кати она любопытная новинка и т. д. Ахъ, какой смѣшной этотъ Андрюша! Оставалось только накапать въ письмо слезъ, какъ дѣлаютъ институтки. Какъ онъ смѣшно пишетъ... Мама, конечно, догадается, если онъ будетъ повторять вѣчную исторію о забытой книгѣ. Право, смѣшной... А если бы можно было устроить его гдѣ-нибудь на службу въ Петербургѣ? Вѣдь дядя могъ бы это сдѣлать, если бы захотѣлъ... Впрочемъ, Андрюша самъ не пойдетъ: онъ помѣшанъ на своемъ земствѣ.

Она заснула, почему-то думая о давешнемъ пытливомъ старичкѣ, который постепенно превратился въ веселаго студента и принялся хохотать тоненькимъ дѣтскимъ голоскомъ.

IV.

Утромъ генеральша пила свой какао въ постели, поэтому за утреннимъ чаемъ собралась въ столовой только молодежь, а потомъ пришелъ Василій Васильевичъ. Онъ былъ блѣденъ и въ глазахъ чувствовалась тревога.

— Сегодня на службу, Маша?—спрашивалъ онъ, цѣлуя племянницу въ лобъ.—Хорошее дѣло, голубчикъ... Отъ души тебѣ завидую.

— Папа, зачѣмъ ты ее зовешь Машей?—замѣтила Катя.— Это что-то вульгарное... Машами зовутъ горничныхъ да кошекъ. Я буду называть ее Марусей...

— Нѣтъ, лучше называй Машей,—отвѣтила Честюнина, чувствуя, какъ начинаетъ краснѣть.—Марусей ее называлъ только Андрей.—Дома меня всегда называли Машей и я привыкла къ этому имени.,.

Катя съузила глаза и засмѣялась. Она поняла, въ чемъ дѣло. Дядя молча пилъ чай, сравнивая дочь и племянницу. Сегодня дочь уже не казалась ему такой дурной. Дѣвушка какъ дѣвушка, а выйдетъ замужъ—будетъ доброй и хорошей женой. Старикъ который разъ тревожно поглядывалъ на входившую Дашу, ожидая приглашенія въ спальню, но Даша молчала и онъ чувствовалъ себя виноватымъ все больше и больше.

— Мари, я васъ провожу въ медицинскую академію,— предлагалъ Эженъ, закручивая свои усики.—Вы позволите мнѣ быть вашимъ Виргиліемъ?

— Пожалуйста, не безпокойтесь,—остановила его Катя.— Я сама поѣду провожать Маню... У меня даже есть знакомый въ академіи. Кажется, онъ профессоръ или что-то въ этомъ родѣ... Однимъ словомъ, устроимся и безъ васъ, тѣмъ болѣе, что женщина должна быть вполнѣ самостоятельна, а двѣ женщины въ особенности.

— Не смѣю утруждать своимъ вниманіемъ, mesdames... Одинъ маленькій совѣтъ: когда поѣдете, возьмите моего Ефима. Онъ стоитъ на углу. Впрочемъ, виноватъ, можетъ быть изъ принципа вы желаете ѣхать на скверномъ извозчикѣ?..

— Пожалуйста, побереги свое остроуміе, потому что оно сегодня еще можетъ тебѣ пригодиться.

Когда дѣвушки собрались ѣхать, Василій Васильевичъ обнялъ Машу и перекрестилъ ее по-отечески.

— Съ Богомъ, моя хорошая...

Когда дѣвушки вышли на подъѣздъ, Катя заявила швейцару:

— Найди намъ самаго сквернаго извозчика... Понимаешь? И чтобы экипажъ непремѣнно дребезжалъ... Я сегодня желаю быть демократкой.

Когда швейцаръ ушелъ, Катя весело захохотала и проговорила:

— А какъ я тебя подвела давеча за чаемъ, Маша? Это *онъ* тебя называетъ Марусей? Да?.. Вѣдь и письмо было тоже отъ *него*? Пожалуйста, не отпирайся... Это даже въ порядкѣ вещей, если Маргарита ѣдетъ на медицинскіе курсы, то Фаусту остается только писать письма. Я вотъ никакъ не могу влюбиться, а у васъ, провинціалокъ, это даже очень просто... Каждая гимназистка шестого класса уже непремѣнно влюблена... Это просто отъ скуки, Маша... Впрочемъ, я не прочь испытать нѣжныя чувства, но какъ-то ничего не выходитъ. Прошлую зиму за мной ухаживалъ одинъ офицеръ гвардеецъ и немножко мнѣ нравился, но очень ужъ занятъ собственнымъ величіемъ, и дѣло разошлось. Я какъ-то не понимаю великихъ людей, потому что они мнѣ напоминаютъ бронзовые памятники... На вещи, голубушка, нужно смотрѣть прямо.

Дрянной извозчикъ былъ найденъ, и Катя торжествовала. Она вообще умѣла быть заразительно веселой. Всю дорогу, пока ѣхали черезъ Васильевскій Островъ, а потомъ черезъ Тучковъ мостъ, она болтала безъ умолку. Петербургская Сторона еще больше напомнила Честюнной родную провинцію, и она страшно обрадовалась, когда увидѣла первый маленькій деревянный домикъ, точно встрѣтила хорошаго стараго знакомаго. Въ семидесятыхъ годахъ, когда происходитъ дѣйствіе нашего разсказа, Петербургская Сторона только еще начинала застраиваться многоэтажными домами, было много пустырей и еще больше скверныхъ деревянныхъ домишекъ, кое-какъ закрашенныхъ снаружи. Второе, что обрадовало Честюнину, это Александровскій паркъ, мимо котораго повезъ ихъ извозчикъ. Ей почему-то представлялось, что въ Петербургѣ совсѣмъ нѣтъ деревьевъ, а тутъ почти цѣлый лѣсъ. Въ Сузумьѣ не было такого парка. По дорожкамъ бѣгали дѣти, на зеленыхъ скамейкахъ отдыхали пѣшеходы, гулялъ какой-то старичокъ, таскавшій одну ногу—однимъ словомъ, жить еще можно. День былъ свѣтлый, хотя съ моря и поддувало свѣжимъ вѣтеркомъ.

— Послушай, Маша, мы сегодня же будемъ и квартиру искать,—предложила Катя.—Найдемъ крошечную-крошечную конурку, чтобы было слышно все, что дѣлается въ сосѣдней комнатѣ, чтобы хозяйка квартиры была грязная и чтобы непремѣнно воняло изъ кухни капустой... Я ненавижу капусту, какъ сорокъ тысячъ братьевъ не могли никогда любить.

По Самсоніевскому мосту переѣхали на Выборгскую Сторону. Массивныя зданія клиники Вилліе произвели на Катю дурное впечатлѣніе, и она сразу присмирѣла.

— Знаешь, мнѣ кажется, что меня непремѣнно привезутъ когда-нибудь вотъ въ эти клиники и непремѣнно зарѣжутъ,—сообщила она упавшимъ голосомъ.—Я не выношу никакой физической боли, а тутъ царство всевозможныхъ ужасовъ. Ванька, дребезжи поскорѣе...

Ванька, дѣйствительно, могъ удовлетворить по части дребезжанья и тащился съ убійственной медленностью. Прошелъ чуть не часъ, пока онъ остановился у подъѣзда низенькаге каменнаго флигеля, гдѣ былъ входъ въ правленіе. По тротуарамъ быстро шли группы студентокъ, и Катя занималась тѣмъ, что старалась угадать новичковъ.

— Вонъ, это навѣрно поповна,—говорила она.—Посмотри, какъ она колѣнками работаетъ... А это наша петербургская барынька, цирлихъ-манирлихъ и не тронь меня.

Въ правленіе нужно было пройти по длинному каменному корридору, по которому шагали группы студентовъ. Первымъ встрѣтился вчерашній веселый сосѣдъ и Честюнина невольно улыбнулась. Катя нечаянно задѣла его локтемъ и студентъ замѣтилъ довольно грубо:

— Барышня, извинпте, что вы меня толкнули...

— Ахъ, виновата, что не достаточно сильно... Кстати, какъ намъ пройти къ ученому секретарю?

Студентъ молча ткнулъ пальцемъ впередъ.

— Вотъ еще невѣжа...—ворчала Катя, оглядываясь.— Мнѣ такъ и хотѣлось спросить, въ какой онъ конюшнѣ воспитывался.

— Пожалуйста, Катя, тише...—упрашивала Честюнина.

— Э, пустяки... Я сегодня хочу быть равноправной. Какъ онъ смѣлъ называть меня барышней? Хочешь, я сейчасъ вернусь и наговорю ему дерзостей...

— Катя, пожалуйста...

— Хорошо. Обрати вниманіе: только для тебя дарую жизнь этому невѣжливому мужчинѣ. Такъ и быть, пусть существуетъ на благо отечества...

У входа въ кабинетъ ученаго секретаря дѣвушкамъ пришлось подождать. Честюнина начала волноваться. Вѣдь это былъ рѣшительный шагъ, о которомъ она мечтала столько лѣтъ. Ея торжественному настроенію мѣшала только безпокойная Катя, сейчасъ же завязавшая споръ съ какой-то курсисткой мрачнаго вида.

Почему-то Честюнина очень волновалась, входя въ пріемную ученаго секретаря, точно отъ этого господина зависѣла вся ея судьба. Но дѣло обошлось такъ быстро и такъ просто, что она даже осталась недовольна. Онъ принялъ молча ея прошеніе, осмотрѣлъ бумаги и сказалъ всего одну фразу:

— Хорошо. Потомъ объявятъ, кто принятъ...

Онъ даже не взглянулъ на новую курсистку, точно вошла и вышла кошка.

Катя ходила по корридору съ самымъ вызывающимъ видомъ и тоже удивилась, что Честюнина такъ скоро вернулась.

— Подождемъ немного...—шепнула она.—Ужасно интересно посмотрѣть, а тебѣ даже поучительно.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ студенты-медики ходили безъ формы. Многіе щеголяли въ излюбленныхъ студенчествомъ высокихъ сапогахъ и расшитыхъ малороссійскихъ сорочкахъ. Вообще преобладали довольно фантастическіе костюмы. Студентки одѣвались однообразнѣе. Темныя платья придавали немного больничный видъ этимъ молодымъ дѣвичьимъ лицамъ. Честюниной понравились эти дѣвушки, собравшіяся сюда со всѣхъ концовъ Россіи. Красивыхъ лицъ было немного, но этотъ недостатокъ выкупался серьезнымъ выраженіемъ. Большинство составляли труженицы, пріѣхавшія сюда на послѣдніе гроши. Это была одна семья, спаянная однимъ общимъ чувствомъ, и Честюнина почувствовала себя дома. Вонъ эта худенькая дѣвушка въ очкахъ навѣрно хорошая, и вотъ та—да всѣ хорошія, если разобрать.

Катя вдругъ притихла и больше не бунтовала. Она даже потихоньку отцѣпила какой-то яркій бантъ и спрятала его

въ карманъ. Бѣлокурый студентъ продолжалъ шагать по коридору и поглядывалъ на Катю злыми глазами.

— Вотъ человѣкъ, которому, кажется, нечего дѣлать,— проговорила Катя довольно громко, такъ что студентъ не могъ не слышать.

Онъ остановился, хотѣлъ что-то сказать, но только презрительно пожалъ плечами. Честюнина разсказала, что онъ ѣхалъ вмѣстѣ съ ней и что это очень веселый молодой человѣкъ. Этого было достаточно, чтобы Катя остановила его.

— Милостивый государь, не знаете ли вы гдѣ-нибудь маленькой комнатки? Я подозрѣваю, что вы уже второй годъ на томъ же курсѣ и должны знать...

Студентъ добродушно засмѣялся.

— Вы почти правы, милостивая государыня... У меня переэкзаменовка по гистологіи. А что касается комнаты, то могу рекомендовать. По Самсоніевскому проспекту... Да вотъ я вамъ напишу адресъ.

— Покорно благодаримъ...

— Во дворѣ, вторая лѣстница направо, четвертый этажъ. Тамъ есть свободная комната для одной...

Дѣвушки поблагодарили и отправились разыскивать квартиру по этому адресу. Самсоніевскій проспектъ былъ въ двухъ шагахъ, и онѣ пошли пѣшкомъ. Катя храбро шагала черезъ грязную мостовую и сейчасъ же запачкала себѣ подолъ платья— она не привыкла ходить пѣшкомъ.

— А студентикъ славный,—болтала Катя.—Я съ удовольствіемъ поспорила бы съ нимъ... Онъ ужасно походитъ на молоденькаго пѣтушка.

Д. Маминъ-Сибирякъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ГРЁЗА.

(Изъ Виктора Гюго).

Унесемся скорѣй
Отъ земли, отъ людей
Въ міръ далекій, иной,
Полный тайны, нѣмой!..

—

Наши кони—мечты...
Въ нихъ живительный свѣтъ...
Въ нихъ любви, красоты,
Первой страсти расцвѣтъ...

—

Имъ тотъ путь нипочемъ...
Блещетъ мѣсяцъ на немъ,
Да въ лазури одни
Звѣздъ мерцаютъ огни...

—

Улетимъ же скорѣй!..
Мракъ ужъ рощи одѣлъ;
Другъ ночей, соловей
Звонко пѣсню запѣлъ.

—

Не услышалъ-ли онъ
Тѣхъ цѣпей чудный звонъ,
Что, случайной судьбой,
Насъ сковали съ тобой!?..

—

Вотъ ночной вѣтерокъ
По вѣтвямъ пробѣжалъ—

И листу ужъ листокъ
О любви прошепталъ...

—

О, скорѣе!.. Молю!..
Не дождемся-ли мы,
Что лѣса и холмы—
Всѣ зашепчутъ „люблю“!?..

—

...Кони рвутся, дрожатъ,
На дыбы поднялись...
И ужъ мчатся, летятъ
Въ безпредѣльную высь...

—

Мчимся мы... Намъ луна
Шлетъ лучистый привѣтъ...
Насъ зари пелена
Въ свой окутала свѣтъ...

—

Звѣзды яркой толпой
Насъ все дальше влекутъ
И улыбкой нѣмой
Въ міръ свой тайный зовутъ...

—

Мы летимъ, мы плывемъ,
Сномъ исполнясь живымъ...
Мы разскажемъ о немъ
Только звѣздамъ ночнымъ...

А. Мейснеръ.

МОЗГЪ И МЫСЛЬ.

(Критика матеріализма).

Прив.-доц. Г. Челпанова.

Въ настоящей статьѣ я намѣренъ подвергнуть критическому разсмотрѣнію матеріалистическое ученіе, поскольку оно примѣняется къ душевнымъ явленіямъ. Я убѣжденъ, что мое намѣреніе критиковать матеріализмъ вызоветъ у моихъ читателей различное отношеніе. Одни изъ нихъ навѣрно скажутъ: «да стоитъ-ли критиковать матеріализмъ, ученіе, которое давнымъ-давно опровергнуто философіей; едва-ли въ наше время найдется кто-нибудь, кто сталъ бы серьезно поддерживать это ученіе; уже давно минули тѣ времена, когда можно было увлекаться ученіями *Фохта*, *Молешотта*, *Бюхнера!*» Но другіе читатели, и гораздо большая часть ихъ, отнесутся совсѣмъ иначе: «Какъ,—воскликнутъ они,—развѣ матеріализмъ не есть послѣднее слово науки, развѣ можно считать несправедливымъ ученіе, которое въ своихъ объясненіяхъ пользуется лишь тѣмъ, что естественныя науки доказали неопровержимо; матеріализму же принадлежитъ честь освобожденія насъ отъ разныхъ туманныхъ метафизическихъ ученій, которыя учатъ чему-то такому, что мало понятно, да при томъ же находятся въ полномъ противорѣчіи съ тѣмъ, что намъ извѣстно изъ наукъ естественныхъ. Мы должны торжествовать, что матеріализмъ побѣдилъ метафизику и вывелъ насъ на чисто научный путь толкованія душевныхъ явленій!»

Я думаю, что ни тѣ, ни другіе изъ моихъ читателей не правы. Не правы тѣ, которые утверждаютъ, что матеріалистическое ученіе не имѣетъ больше никакихъ послѣдователей: матеріализмъ, вслѣдствіе своей простоты и удобопонятности, всегда будетъ пользоваться признаніемъ тѣхъ, которые, вмѣсто научно-философскихъ данныхъ, будутъ руководствоваться обыденными представленіями,— онъ всегда будетъ оставаться философіей не-философовъ. Что ка-

сается второй группы читателей, то имъ я долженъ заявить, что матеріализмъ вовсе не есть послѣднее слово науки, а обладаетъ такою же древностью, какъ и сама философія, и что *матеріалистическое ученіе о душѣ вовсе не есть наука, а метафизика*, какъ и всѣ другія ученія о природѣ души.

Такъ какъ послѣднее положеніе, будучи совсѣмъ несогласно съ обычно распространенными взглядами, можетъ показаться непонятнымъ, то я постараюсь разъяснить его, показавъ въ общихъ чертахъ, какая разница между *наукой* и *метафизикой*, каковъ предметъ одной и другой, и чѣмъ предметъ одной отличается отъ предмета другой.

Обыкновенно, разница эта выражается такимъ образомъ, что наука изучаетъ *явленія*, а метафизика—*сущность* явленій. Психологія, напримѣръ, какъ наука, занимается изслѣдованіемъ душевныхъ явленій, доступныхъ нашему внутреннему чувству, а та часть психологіи, которая собственно относится къ метафизикѣ, занимается изслѣдованіемъ сущности душевныхъ явленій, или природы души. Психологія, какъ наука, занимается изслѣдованіемъ послѣдовательности и сосуществованія явленій, она можетъ только описывать, классифицировать явленія; она не можетъ изслѣдовать того, что въ философіи называется *ноуменомъ*, т. е. высшаго и недоступнаго для опыта принципа, *души*, *субстанціи*, *причины* душевныхъ явленій; она можетъ имѣть цѣлью только описаніе явленій.

Задача метафизики опредѣлять, такъ сказать, *сверхъопытныя* качества вещей, задача науки опредѣлять взаимозависимость явленій. Нѣкоторые метафизики предполагаютъ, что то, что мы воспринимаемъ посредствомъ чувствъ, не есть истинно существующее, а только кажущееся бытіе, феноменъ, а позади явленій есть реально существующее, *источникъ* явленій, которое именно и есть то, что философы называютъ *субстанціей*. На эту разницу между сущностью и явленіями указываютъ обманы нашихъ чувствъ. Такъ, мы говоримъ, что предметы нашихъ чувствъ, поскольку намъ ихъ показываетъ внѣшнее чувство, суть простые *феномены*; *цвѣтъ*, *звукъ*, *теплота*, *вкусъ* не существуютъ дѣйствительно внѣ нашего ощущенія, хотя бы даже они и указывали на что-либо истинно существующее. Если охладить одну руку и нагрѣвать другую, а затѣмъ обѣ погрузить въ сосудъ съ водою, то одной рукой мы будемъ ощущать холодъ, а другой теплоту. Отсюда слѣдуетъ, что изъ внѣшняго воспріятія мы не имѣемъ никакихъ основаній предполагать, что вещи таковы въ дѣйствительности, какими онѣ намъ кажутся.

Нѣкоторые метафизики говорили: «мы должны признать субстанцію, если мы признаемъ *измѣненія* вещей; мы должны признать, что позади вещей существуетъ *нѣчто, что этой смѣнѣ не подлежитъ*». Природа, по замѣчанію древнѣйшихъ греческихъ философовъ, обнаруживаетъ всюду измѣненіе, движеніе и превращеніе воспринимаемаго. *Смѣна* и *превращеніе* вещей указываетъ на существованіе чего-то *постояннаго*. Это постоянное единое, которое они считаютъ *первоначальнымъ* въ отличіе отъ того, что *потомъ возникаетъ*, они считаютъ *существеннымъ* въ отличіе отъ скоропреходящихъ состояній. Это различіе выражаетъ старое слово *элементъ*, то единое, изъ котораго состоятъ всѣ вещи, изъ котораго онѣ, какъ изъ первоначальнаго, созидаются и въ который онѣ въ концѣ концовъ переходятъ, такъ что, между тѣмъ какъ сущность остается неизмѣнной, вещи изъ нея состоящія измѣняются. Такимъ элементомъ одинъ философъ признавалъ *воду*, другой *воздухъ*, третій *огонь*, четвертый *землю*. Въ такомъ видѣ эта идея о неизмѣнной субстанціи была у древнихъ философовъ; хотя она впослѣдствіи и видоизмѣнялась, но по существу осталась тою же самою.

Но можно ли познать эту сущность? Въ этомъ вопросѣ между философами возникаетъ рознь. Одни изъ нихъ говорятъ, что эти субстанціи существуютъ на самомъ дѣлѣ позади вещей, что ихъ можно и познать, а другіе, именно *позитивисты* (отрицатели метафизики), говорятъ, что сомнительно, чтобы эти субстанціи, или вещи въ себѣ, какъ ихъ еще называютъ, существовали, а если онѣ и существуютъ, то познать ихъ мы никоимъ образомъ не можемъ, потому что все то, что мы познаемъ, мы познаемъ лишь постольку, поскольку оно *дѣйствуетъ на наши органы чувствъ*, а дальше мы ничего не знаемъ. По ихъ мнѣнію, вещи извѣстны намъ только лишь въ томъ отношеніи, въ какомъ онѣ производятъ извѣстныя впечатлѣнія на наши чувства, и все познанное нами приводится именно къ этимъ впечатлѣніямъ. Сущность же вещей можетъ быть разсматриваема, какъ нѣчто *неизвѣстное*, и это *неизвѣстное нѣчто есть предположеніе, лишенное очевидности*.

И такъ, слѣдовательно, мы приходимъ къ тому положенію, что одни философы признаютъ субстанцію вещей, и познаніе ея считаютъ своею главною задачей, а другіе полагаютъ, что эта субстанція познана быть не можетъ.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, которые изъ философовъ правы, я перейду къ другому весьма важному вопросу, въ значительной мѣрѣ уясняющему для насъ отношеніе между наукой и метафизикой.

Если мы признаемъ ту точку зрѣнія, что метафизика имѣетъ своей цѣлью изслѣдованіе субстанціи вещей самихъ въ себѣ, т. е. вещей такъ, какъ онѣ существуютъ сами по себѣ, независимо отъ того, какъ мы ихъ воспринимаемъ, или даже какъ мы ихъ воспринимать не можемъ, то окажется, что даже обыкновенно признанная матеріалистическая философія на самомъ дѣлѣ есть метафизика, потому что она занимается именно изслѣдованіемъ *сущности вещества*. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только разсмотрѣть, въ чемъ состоитъ матеріалистическое ученіе, какъ оно обыкновенно признается. «*Міръ состоитъ изъ атомовъ и пустого пространства*». «Въ этомъ положеніи, говоритъ *А. Ланге* *),—согласуются матеріалистическія системы древняго и новаго времени, какъ ни различно видоизмѣнялось постепенно понятіе атома, какъ ни различны теоріи о возникновеніи пестрой и богатой вселенной изъ такихъ простыхъ элементовъ». Но что такое это атомистическое ученіе, наука или метафизика?

Бюхнеръ, одинъ изъ самыхъ выдающихся представителей современнаго матеріализма, считаетъ атомы новѣйшаго времени открытіемъ естествознанія, тогда какъ атомы древнихъ, по его словамъ, были «произвольными умозрительными представленіями». «Атомы древнихъ были философскими категоріями или вымыслами; атомы новѣйшихъ ученыхъ суть открытія естествовѣдѣнія». На самомъ же дѣлѣ Бюхнеръ совсѣмъ не правъ: атомистика и нынѣ еще то же, чѣмъ она была въ древней философіи. Еще и нынѣ она не потеряла своего метафизическаго характера, и уже въ древности она составляла вмѣстѣ и естественно-научную гипотезу для объясненія наблюдаемыхъ процессовъ природы.

Чтобы убѣдиться въ такомъ характерѣ матеріалистическаго ученія, разсмотримъ, что такое матерія и атомы.

Матерія, говорятъ, наполняетъ или занимаетъ пространство. Это наполненіе можно себѣ представить или *непрерывнымъ*, такъ что въ пространствѣ не останется ни одного пустого мѣста, или *прерывающимся* пустыми промежутками. Слѣдовательно, матерію можно представить однимъ предметомъ, распростертымъ по всему пространству, или же множествомъ частицъ въ пространствѣ. Если представлять матерію состоящею изъ частицъ, то ихъ можно представить или *физическими недѣлимыми* частичками (атомами), или *геометрическими точками*. Первое ученіе (атомизмъ), провозглашенное впервые Демокритомъ (греческимъ философомъ), имѣло по-

*) Исторія матеріализма. Спб. 1881—1883, т. II.

слѣдователей и въ новой философіи. Оно слишкомъ наглядно и общеизвѣстно, чтобы на немъ стоило останавливаться. Гораздо меньшая наглядность принадлежитъ второй теоріи, по которой матерія состоитъ изъ *непротяжсныхъ геометрическихъ точекъ*.

Это ученіе предложилъ одинъ ученый іезуитъ, жившій въ серединѣ восемнадцатаго столѣтія, *Босковичъ*. Именно онъ предполагалъ, что послѣдніе элементы матеріи суть недѣлимыя точки безъ протяженности, но окруженныя сферами притягательной и отталкивательной силы, соотвѣтственно разстоянію этихъ точекъ до извѣстныхъ предѣловъ. Послѣдователями его явились *Амперъ*. *Фарадей*, *Тиндаль*, *Коши* и многіе другіе физики. Въ недавнее время *Пфейльширикеръ* предположилъ, что подобныя недѣлимыя точки, служащія центрами притягательныхъ силъ, или, какъ онъ ихъ называетъ, *кинеты*, взаимно проницаемы одна для другой, такъ что они, взаимно притягиваясь, проходятъ одна сквозь другую, вслѣдствіе чего устанавливается между ними колебательное движеніе, отчего въ концѣ концовъ и появляются тѣла. Знаменитый англійскій физикъ, *Вильямъ Томсонъ*, предполагаетъ, что всѣ матеріальныя тѣла состоятъ изъ атомовъ, недѣлимыхъ, не потому, что они тверды, а отъ того, что «атомы суть безконечно малыя вращающіяся кольца или замкнутые въ себѣ вихри несжимаемой, нетрущейся жидкости, которую предполагаютъ однородной и совершенной». Эти кольца похожи на кольца дыма, выпускаемаго изо рта искусными курильщиками. Ихъ нельзя ни разсѣчь, ни разорвать. Матерія, изъ которой они образуются, сплошь наполняетъ пространство.

Но изъ всѣхъ воззрѣній современныхъ физиковъ для насъ особенный интересъ представляетъ взглядъ пражскаго физика, *Маха*. «Атомы, по его мнѣнію, не могутъ имѣть никакихъ чувственныхъ свойствъ: отдѣльный атомъ не свѣтитъ, не издаетъ звуковъ, онъ ни твердъ, ни мягокъ и не представляетъ протяженности. Атомистическій міръ есть міръ математическихъ точекъ, и матерія, вѣроятно, существуетъ въ пространствѣ не нашемъ, не эвклидовскомъ, не трехъ измѣреній». Если мы сравнимъ всѣ эти гипотезы о матеріи, лежащей въ основѣ тѣлъ, то для насъ сдѣлается очевиднымъ, что онѣ суть лишь субъективныя построенія.

Никто атомовъ никогда не наблюдалъ и наблюдать не можетъ, ибо наблюденію подлежатъ массы, а не эти воображаемыя существа. Если бы мы увидѣли, напр., атомъ, положимъ, въ микроскопѣ, то онъ тотчасъ превратился бы для насъ въ массу, въ тѣло, и пересталъ бы быть атомомъ.

Атомъ не *дѣйствительная* вещь или существо, а только лишь

продуктъ нашего *представленія*. «Атомистическое ученіе,—говоритъ *Менделѣевъ*,—наукою должно быть принимаемо только какъ пріемъ, подобный тому пріему, который употребляетъ математикъ, когда сплошную кривую линію разбиваетъ на множество прямыхъ, и только въ этомъ послѣднемъ смыслѣ можно допускать справедливость атомной гипотезы».

Представленіе атомовъ, въ такомъ смыслѣ понимаемое, *Тэтъ* называетъ математической фикціей, крайне удобной въ нѣкоторыхъ случаяхъ для физикоматематическихъ изслѣдованій. Точно также смотритъ на атомы и англійскій философъ *Бэнъ*.

Изъ только что сказаннаго, очевидно, *атомы нужны намъ только для того, чтобы олицетворить неизмѣнную сущность вещества, и, слѣдовательно, съ ними нельзя встрѣтиться въ мірѣ явленій, въ мірѣ безпрерывныхъ перемѣнъ* *). Атомизмъ современной науки весь основанъ на убѣжденіи, что сзади дѣйствительно наблюдаемыхъ нами измѣнчивыхъ тѣлъ скрывается внѣ всякаго опыта ихъ истинная неизмѣняемая сущность. Эта сущность остается навсегда за предѣлами доступныхъ для насъ воспріятій, какъ бы ни были изощрены наши чувства. А уже изъ этого обнаруживается метафизическій характеръ основной атомистической предпосылки.

И такъ, матеріализмъ допущеніемъ сверхъопытныхъ атомовъ дѣлается теоріей умозрительной, или что тоже—метафизикой.

Такой характеръ этого ученія производитъ то, что его ставятъ, по справедливости, на ряду съ другими метафизическими ученіями **). По ученію метафизиковъ-спиритуалистовъ, существуетъ духовная субстанція, т. е. та сущность, которая скрывается за явленіями и составляетъ причину ихъ; метафизики-матеріалисты признаютъ матеріальную субстанцію (т. е., какъ мы видѣли, атомъ).

Теперь въ зависимости отъ того, какую субстанцію мы признаемъ лежащею въ основѣ міровыхъ явленій, мы будемъ или *спиритуалистами*, или *матеріалистами*, или *монистами*. Если, по нашему мнѣнію, существуетъ въ мірѣ только одна духовная субстанція,а матеріальная субстанція есть только видимость, то мы *спиритуалисты*. Если мы допускаемъ, что въ мірѣ есть только одна матеріальная субстанція, то мы *матеріалисты*. Если мы признаемъ,

---

*) Ученіе о матеріи см. *Ланге*. Ист. Мат. II. 162—200. *Введенскій*. Опытъ построенія матеріи. Спб. 1888. Его же, Къ вопросу о строеніи матеріи, Ж. М. Н. П. 1890. № 7 и 8. *Тэтъ*. Свойства матеріи. *Остроумовъ*. О физіологическомъ методѣ въ психологіи. 1886.

**) Такъ, напр., Гельмгольцъ въ своей рѣчи «О мышленіи въ медицинѣ», предостерегая слушателей отъ увлеченія матеріализмомъ, называетъ его «метафизической гипотезой».

что въ мірѣ есть одна и другая субстанція, то мы *дуалисты*. Наконецъ, если мы признаемъ одну субстанцію, изъ которой происходятъ и матеріальныя, и духовныя явленія, то можно сказать, что мы *монисты*.

Послѣ этихъ предварительныхъ свѣдѣній я позволю себѣ изложить краткую *исторію и развитіе* матеріалистическаго ученія. Я говорю, что намѣренъ изложить исторію и развитіе матеріалистической доктрины, но слово «развитіе» по отношенію къ матеріалистическому ученію можетъ быть приложено только въ несобственномъ смыслѣ, потому что на самомъ дѣлѣ ученіе это оказывается удивительно коснымъ. Не взирая на тѣ громадные успѣхи естествознанія, какіе видѣлъ XIX-й вѣкъ, ученіе матеріалистовъ нашего времени въ существенныхъ чертахъ остается почти тождественнымъ матеріализму въ его древнѣйшей формѣ. О матеріализмѣ можно сказать, словами *Альб. Ланге* *), что онъ «такъ же древенъ, какъ и философія, но не древнѣе. Естественное пониманіе предметовъ, которое господствуетъ въ древнѣйшіе періоды культурно-историческаго развитія, постоянно бываетъ подвержено противорѣчіямъ дуализма. Первые опыты освободиться отъ этихъ противорѣчій, объять міръ въ цѣломъ и подняться надъ обыкновенною видимостью чувствъ, ведутъ уже въ область философіи и уже при первыхъ попыткахъ встрѣчается матеріализмъ». Систематическую форму это ученіе пріобрѣтаетъ у греческаго философа *Демокрита*, жившаго въ V-мъ вѣкѣ до Р. Хр. Демокритъ считалъ чувственныя качества только видимостью. «Сладкое имѣетъ только *кажущееся* существованіе, такое же существованіе имѣютъ тепло, холодъ, цвѣта, *въ дѣйствительности же не существуетъ ничего, кромѣ атомовъ и пустого пространства*». Такъ какъ для него непосредственно данное ощущеніе имѣло въ себѣ нѣчто обманчивое, то онъ придавалъ *размышленію* бо́льшее значеніе въ дѣлѣ познанія, чѣмъ непосредственному воспріятію при помощи *чувствъ*. Атомы, изъ которыхъ состоятъ всѣ вещества, безконечны въ числѣ и безконечно различны по формѣ. Различіе всѣхъ предметовъ зависитъ отъ различія ихъ атомовъ въ числѣ, величинѣ, формѣ и порядкѣ; качественнаго различія атомовъ не существуетъ. Атомы не имѣютъ «внутреннаго состоянія», они дѣйствуютъ другъ на друга только посредствомъ давленія и удара. *Душа состоитъ изъ мелкихъ, гладкихъ и круглыхъ атомовъ, подобныхъ атомамъ огня*. Эти атомы суть самые подвижные, и отъ ихъ движенія, проникающаго черезъ все тѣло, происходятъ явленія жизни, и въ частности всѣ явленія психической жизни.

*) Ук. соч. т. I.

Слѣдовательно, *душа для Демокрита есть особенное вещество на ряду съ другими веществами.* Разумность онъ разсматривалъ, какъ явленіе, происходящее изъ механическаго свойства извѣстныхъ атомовъ въ ихъ отношеніи къ другимъ *).

Я обращаю вниманіе на то обстоятельство, что Демокритъ духовныя явленія объясняетъ изъ механическихъ свойствъ атомовъ, а всякія внутреннія состоянія совсѣмъ устраняетъ, т. е., другими словами,—онъ не признаетъ никакихъ духовныхъ состояній, потому что, по его мнѣнію, въ мірѣ ничего, кромѣ атомовъ, не существуетъ.

Отъ изложенія ученій *Эпикура*, *Лукреція*, *Гоббеса*, *Гассенди* я отказываюсь, потому что они составляютъ лишь видоизмѣненія ученія Демокрита. Ближе всего къ современному матеріализму стоитъ французскій матеріализмъ прошлаго столѣтія, такъ какъ и доказательства его почти тѣ же, что и въ современномъ матеріализмѣ. Изъ нихъ наибольшій интересъ представляетъ ученіе *Ламеттри*, автора книги «Человѣкъ—машина» **). Въ своей «Естественной исторіи души», послѣ того какъ онъ посредствомъ самонаблюденія въ лихорадочномъ состояніи пришелъ къ тому результату, что всѣ *духовныя функціи суть только свойство нашихъ тѣлесныхъ особенностей*, слѣдствіе нашей организаціи,—онъ не видитъ никакой необходимости допускать особое существо—душу. Слѣпые, глухонѣмые даютъ ему въ руки доказательство того, какъ всѣ представленія возникаютъ изъ чувствъ: человѣкъ, осужденный съ дѣтства на полное одиночество, дѣлается какъ бы совершенно безъ души, и это показываетъ, что духъ не есть что-либо само по себѣ существующее, потому что онъ въ такомъ случаѣ долженъ былъ бы развиваться изъ себя. Всѣ ощущенія приходятъ къ намъ отъ чувствъ, а чувства связаны съ мозгомъ, мѣстомъ ощущеній, посредствомъ нервовъ. Въ нервныхъ трубочкахъ движется жидкость, esprit animal, жизненный духъ. Стало быть, не возникаетъ никакого ощущенія, если не вызывается измѣненія въ его органѣ, посредствомъ котораго возбуждаются жизненные духи, которые затѣмъ приводятъ ощущеніе къ душѣ, а отсюда дѣлается выводъ, что *то, что чувствуетъ, должно быть также матеріальнымъ.* Затѣмъ Ламеттри приводитъ рядъ фактовъ, доказывающихъ несомнѣннымъ образомъ *зависимость духовныхъ явленій отъ физическихъ.* Различные темпераменты, основывающіеся на физическихъ причинахъ, опредѣляютъ характеръ человѣка.

Въ болѣзняхъ душа то помрачается, то, можно сказать, раздваивается, то разсѣевается въ безуміи. Выздоровленіе безумнаго

*) О немъ см. Ланге, Ист. Матер., т. I, стр. 1—26.

**) См. Ланге, ук. соч. т. I, стр. 297—322.

создаетъ умнаго человѣка. Самый великій геній часто бываетъ глупъ, и гдѣ тогда всѣ тѣ прекрасныя знанія, пріобрѣтенныя съ такимъ большимъ трудомъ? Англійская нація, кушающая полусырое и кровяное мясо, получила, повидимому, свою дикость отъ такой пищи,—дикость, которой можно противудѣйствовать только воспитаніемъ. Эта дикость порождаетъ въ душѣ гордость, злобу, презрѣніе къ другимъ націямъ и другіе недостатки характера, подобно тому, какъ грубая пища дѣлаетъ умъ лѣнивымъ и неповоротливымъ. Какой-нибудь вздоръ, маленькая фибра, что-нибудь, чего не въ состояніи открыть самая тонкая анатомія, могла бы сдѣлать изъ Эразма и Фонтенэля двухъ дураковъ. *Такова зависимость духовныхъ явленій отъ тѣлесныхъ*.

И такъ, по ученію матеріалистовъ, оказывается, что въ мірѣ нѣтъ ничего, кромѣ атомовъ и ихъ соединеній, нѣтъ ничего, кромѣ матеріальнаго начала; что ощущеніе или вообще душевная дѣятельность есть не что иное, какъ движеніе вещества, какъ движеніе матеріальныхъ элементовъ.

Въ этомъ отношеніи, какъ ученіе Демокрита, такъ и французскихъ матеріалистовъ *) прошлаго столѣтія сходятся между собою, съ тою только разницею, что эти послѣдніе снабжаютъ свое основное положеніе большимъ количествомъ доказательствъ, заимствованныхъ въ естественныхъ наукахъ, метафизическій же принципъ остается одинъ и тотъ же.

Посмотримъ, какъ обстоитъ дѣло у современныхъ матеріалистовъ. Многіе, мало знакомые съ исторіей философіи, думаютъ, что возникновеніе матеріализма находится въ связи съ ходомъ развитія естественныхъ наукъ; но это мнѣніе на самомъ дѣлѣ неосновательно. Главная причина возрожденія матеріализма въ новѣйшее время заключается въ томъ, что философія начала нынѣшняго столѣтія слишкомъ пренебрегала тѣми данными, которыя вырабатывала наука, пускалась въ слишкомъ произвольныя построенія, такъ что довѣріе и къ самой философіи, и къ методу, употреблявшемуся ею, было утрачено. Извѣстно, что въ началѣ нынѣшняго вѣка въ Германіи метафизика *Фихте*, *Шеллинга* и *Гегеля* имѣла громадный успѣхъ, извѣстно также, что методъ, которымъ пользовалась эта философія, былъ спекулятивный, и результаты, полученные посредствомъ него, не внушали рѣшительно никакого довѣрія, да и какъ, въ самомъ дѣлѣ, можно было довѣряться философіи, которая становилась въ полнѣйшее противорѣчіе съ наукой!

Гегель, который имѣлъ такое крупное, и, мы бы сказали, во многихъ отношеніяхъ благотворное вліяніе на европейскую мысль,

*) Главнѣйшіе изъ нихъ *Бруссэ*, *Гольбахъ*, *Кабанисъ*, *Ламеттри*.

быть поняты каждымъ образованнымъ человѣкомъ, не стоютъ, по нашему мнѣнію, тѣхъ типографскихъ чернилъ, которыя употреблены на нихъ. Что ясно мыслится, можетъ быть и сказано создалъ натурфилософію, противорѣчіе которой съ естественными науками было поразительно *). «Въ эту эпоху,—говоритъ *Жанэ* **)—господство философіи было столь велико, что она присвоила себѣ право отзываться съ величайшимъ презрѣніемъ объ эмпирическихъ возраженіяхъ. Если упрекали въ томъ, что философія не могла объяснять частностей, *Мишле*, философъ школы Гегеля, съ высоты своего величія отвѣчалъ, что подобныя объясненія не выше, но ниже знанія».

Натурфилософія метафизиковъ вызывала величайшее презрѣніе у современниковъ. *Гёте*, геніальный поэтъ, и въ тоже время выдающійся ученый, видѣлъ громадный вредъ спекулятивнаго метода въ наукѣ. «Вотъ ужъ 20 лѣтъ,—говоритъ онъ,—какъ въ Германіи господствуетъ трансцендентная философія, что покажется весьма смѣшнымъ, когда обратятъ на это вниманіе».

Конечно, при такихъ условіяхъ нѣмецкая мысль должна была устремиться къ построенію міровоззрѣнія на болѣе положительныхъ данныхъ. Для этого послужили физіологія и вообще естественныя науки, остававшіяся въ сторонѣ во время господства спекулятивной философіи.

Люди науки, въ особенности представители естествознанія, стали относиться съ глубокимъ презрѣніемъ къ спекулятивному методу. Бюхнеръ говоритъ: «Мы будемъ избѣгать всякаго философскаго пустословія, которымъ блещетъ философія, заслуживающая справедливаго отвращенія къ ней ученыхъ и неученыхъ читателей. Прошло то время, когда было въ ходу ученое пустословіе, философское шарлатанство и умственное фиглярство». Онъ отрицаетъ мнимую новизну нѣмецкой философіи. «Наши новѣйшіе философы,—говоритъ онъ,—любятъ подогрѣвать намъ старое кушанье подъ новымъ названіемъ, какъ послѣднее изобрѣтеніе философской кухни». «Въ самой природѣ философіи лежитъ то, что она есть общее умственное достояніе. Философскія разсужденія, которыя не могутъ

*) Вотъ одинъ образчикъ этой натурфилософіи. Извѣстно, что неподвижныя звѣзды были для Гегеля не небесными тѣлами, а лишь «абстрактными свѣтовыми точками», «свѣтовою сыпью, такъ же мало заслуживающею удивленія, какъ шолуди у человѣка». Онъ приравнивалъ ихъ къ фосфоресценціи моря; извѣстно, что у него планеты выбросили изъ себя солнце, что земля совершеннѣйшая изъ планетъ потому, что у нея есть спутникъ, тогда какъ Юпитеру не помогаютъ въ этомъ ни мало и четыре спутника. Другіе примѣры въ этомъ же родѣ смотри *Риль*. Теорія науки и метафизики. М. 1887 г., стр. 142—9.

**) Le materialisme contemporain. 1888, стр.

ясно и безъ обиняковъ». Таково было *всеобщее* отношеніе къ философіи.

Начало этому движенію естественныхъ наукъ противъ спекулятивной философіи было положено физіологомъ *Молешоттомъ*, вслѣдъ за которымъ пошли *Фохтъ* и *Бюхнеръ*. Философская система, предложенная ими взамѣнъ системъ, предшествовавшихъ, былъ матеріализмъ, основанный на наукѣ, положительномъ знаніи и опытѣ.

Первое сочиненіе, въ которомъ изложено ученіе матеріализма—книга Молешотта подъ заглавіемъ: «Круговоротъ жизни» (Kreislauf des Lebens), вышла въ 1852 году *). Это собраніе писемъ его къ знаменитому химику—Либиху, о главныхъ предметахъ философіи: о душѣ, безсмертіи, свободѣ. Мы разсмотримъ только тѣ главы этого сочиненія, которыя касаются вопроса объ отношеніи душевныхъ явленій къ тѣлеснымъ, и прежде всего вопросъ о сущности *силы* и объ отношеніи ея къ *матеріи*.

Его основное положеніе сводится къ формулѣ: «*Нѣтъ силы безъ вещества, нѣтъ вещества безъ силы*». Это положеніе направлено противъ философскихъ ученій, которыя признавали возможнымъ существованіе *силъ* отдѣльно отъ матеріи,—силъ, которыя могли бы оказывать воздѣйствіе на матерію. По мнѣнію Молешотта, «сила не есть какой-либо движущій богъ, не есть какая-либо сущность вещей, отдѣлимая отъ матеріальной основы, она есть неотдѣлимое отъ вещества, отъ вѣчности ему присущее свойство». Съ другой стороны матерія совершенно немыслима безъ какихъ-либо силъ, которыя собственно сводятся къ свойствамъ вещества.

«Сущность вещей,—говоритъ онъ,—есть сумма ихъ свойствъ, а сущность всѣхъ свойствъ есть сила» **).

Съ вопросомъ объ отношеніи души къ тѣлу въ тѣсной связи находится вопросъ о такъ называемой *жизненной силѣ*. По ученію прежнихъ натуръ-философовъ, для того, чтобы вещество, входящее въ составъ организмовъ, могло получить жизнь, нужно. чтобы особенная *сила*, которую они называли *жизненной*, присоединилась въ веществу. Всѣ естествоиспытатели согласны въ томъ, что между разнообразными веществами природы есть рѣзкое различіе, которое позволяетъ дѣлить ихъ на два огромные класса, на *органическія* и *неорганическія*. Прежде думали, что изъ элементовъ неорганической природы искусственнымъ, химическимъ

*) Послѣднее пятое дополненное изданіе вышло въ 1877—1887 году. Книга эта вышла въ нѣсколькихъ изданіяхъ и на русскомъ языкѣ, но съ очень большими пропусками.

**) т. II послѣдн. нѣм. изд. с. 584.

путемъ нельзя составить органическихъ соединеній, что всѣ подобныя соединенія предполагаютъ уже *живой* организмъ, и въ этомъ-то находили различіе между тѣлами органическими и неорганическими. Либихъ, напр., заявляетъ: неорганическія соединенія (минералы) образовались вслѣдствіе дѣйствія химическаго сродства; но самый способъ ихъ сплоченія, а, слѣдовительно, ихъ форма и свойства зависѣли отъ внѣшнихъ постороннихъ причинъ, содѣйствовавшихъ ихъ образованію, именно отъ высоты температуры. Совершенно подобнымъ же образомъ причиною, обусловливающею форму и свойства химическихъ соединеній, совершающихся въ организмѣ, служатъ свѣтъ, теплота и преимущественно жизненная сила: послѣдняя опредѣляетъ, какъ число атомовъ, которые соединяются, такъ и способъ ихъ расположенія. Мы можемъ составить кристаллъ квасцовъ изъ его элементовъ—сѣры, кислорода, калія и аллюминія, потому что до извѣстной степени мы можемъ свободно располагать ихъ химическимъ сродствомъ, равно какъ теплородомъ и распорядкомъ частицъ; но крахмальнаго зерна нельзя составить изъ его элементовъ, такъ какъ *сплоченію ихъ въ свойственную крахмальному зерну форму содѣйствовала жизненная сила, которая не подчинена нашей волѣ въ такой мѣрѣ, какъ теплота, свѣтъ, сила тяжести и проч.*

Но въ то время, когда Молешоттъ писалъ свою книгу, различіе между веществами органическими и неорганическими уже нужно было считать неосновательнымъ, по крайней мѣрѣ отчасти, потому что *химіи во многихъ случаяхъ удалось изъ чисто неорганическихъ элементовъ произвести вещества органическія*, напр., муравьиную кислоту, мочевину, щавелевую кислоту и другія органическія вещества.

«Если, — говоритъ Молешоттъ, — мы органическія вещества искусственнымъ способомъ можемъ создать изъ основныхъ веществъ, то очевидно, что *органическія и организованныя вещества происходятъ изъ неорганическихъ основныхъ веществъ и неорганическихъ соединеній*». Сила, которая не была бы связана съ веществомъ, которая, свободно витая надъ веществомъ, могла бы по произволу съ нимъ соединяться, есть совершенно нелѣпое представленіе. Азоту, углероду, водороду и кислороду, сѣрѣ и фосфору—ихъ свойства присущи отъ вѣчности. Поэтому, свойства вещества, когда оно входитъ въ составъ растеній и животныхъ, не измѣняются. Допущеніе особенной жизненной силы, для объясненія жизненныхъ процессовъ, совсѣмъ неосновательно: ихъ можно объяснить свойствами матеріи, присущими ей отъ вѣка.

«Жизненная сила, какъ и жизнь, есть не что иное, какъ результатъ сложнаго взаимодѣйствія физическихъ и химическихъ силъ.

Прежнія представленія о жизненной силѣ можно свести на глубоко коренящуюся наклонность представлять причину ряда явленій, связь которыхъ кажется уму загадочной, въ формѣ какой-либо личности»*).

Кто говоритъ о жизненной силѣ, тотъ поставленъ въ необходимость допускать *силу безъ вещества.* Но сила безъ матеріальнаго носителя есть совершенно безсмысленное представленіе. Единственное основное различіе между органической и неорганической матеріей состоитъ въ томъ, что органическое вещество обладаетъ болѣе сложнымъ строеніемъ. *Какъ только вещество достигаетъ опредѣленной степени сложности, тотчасъ съ организированной формой начинается жизнь.*

Жизнь совсѣмъ не есть продуктъ какой-нибудь особенной силы, она, скорѣе можно сказать, есть *форма движенія вещества*, основывающаяся на скрытыхъ свойствахъ его и обусловливаемая своеобразными явленіями движенія, какія въ веществѣ вызываютъ вода и воздухъ, электричество и механическое сотрясеніе, теплота и т. п. Такъ называемыя *силы* суть: тѣла, обладающія теплотой, электрически возбужденныя вещества, колеблющіяся тѣла, свѣтовыя волны, звуковыя волны, однимъ словомъ, все, что производитъ движеніе посредствомъ движенія.

Движеніями же вещества Молешоттъ объясняетъ и происхожденіе *сознанія*, *мысли* и вообще душевныхъ явленій.

Мозгъ человѣка превосходитъ мозгъ животныхъ богатствомъ жировъ, содержащихъ фосфоръ. *Безъ фосфора, жира и воды не существуетъ мысли* **).

Если кто-нибудь хочетъ доказать существованіе пропасти между природой и духомъ тѣмъ, что невозможно объяснить *рожденіе* мысли посредствомъ опредѣленнаго *движенія* частичекъ нашего мозга, тотъ забываетъ, что такая же невозможность должна быть признана и въ другихъ явленіяхъ природы. О расположеніи частицъ въ желѣзной палкѣ, которую электрическій токъ намагничиваетъ, въ мѣдной проволокѣ, которую электризуетъ магнитъ или электрическій токъ, о молекулярномъ движеніи, которое производитъ отклоненіе магнитной стрѣлки, мы знаемъ такъ же мало, какъ и о

*) l. c. 598.

**) Первоначально эту мысль Молешоттъ формулировалъ иначе. Онъ говорилъ: «Безъ фосфора нѣтъ мысли — Ohne Phosphor kein Gedanke». Но ему возражали, что въ такомъ же смыслѣ можно было бы сказать, — «безъ бѣлковины нѣтъ мысли», «безъ кали, безъ крови, безъ воды нѣтъ мысли» (См. Liebmann Analysis der Wirklichkeit. 1880, стр. 529). Тогда Молешоттъ этой мысли придалъ ту форму, въ которой мы ее приводимъ, но эта форма также неудовлетворительна, какъ и прежняя, потому что не только фосфоръ, жиръ и вода обусловливаютъ возможность мысли, но еще и тысячи другихъ причинъ, которыя всѣ нужно было бы перечислить.

состояніи мозга, который чувствуетъ и мыслитъ. Мы описываемъ разнообразныя воздѣйствія электрическихъ и магнетическихъ матеріальныхъ воздѣйствій; мы надѣемся когда-нибудь открыть тотъ *внутренній* процессъ, то *расположеніе* мельчайшихъ частицъ матеріи, теперь же мы описываемъ только результатъ, не подвергая сомнѣнію, что дѣйствующія причины связаны съ металлами и съ жидкостями, съ земнымъ шаромъ и съ его матеріальными продуктами, и вовсе мы не призываемъ для объясненія какихъ-либо электрическихъ или магнетическихъ духовъ *).

Даже больше. Мы, собственно, относительно дѣятельности мозга имѣемъ болѣе точныя свѣдѣнія, чѣмъ относительно магнита, притягивающаго желѣзо. Потому что, между тѣмъ какъ въ желѣзѣ, которое магнетизируется, мы, кромѣ притяженія желѣза, не воспринимаемъ никакихъ другихъ явленій, которыя давали бы намъ указанія относительно расположенія его частицъ,—въ мозгу, когда онъ мыслитъ, мы можемъ съ полною опредѣленностью указать тѣ измѣненія, которыя онъ претерпѣваетъ въ себѣ и вызываетъ въ тѣлѣ. *Мысль есть движеніе, перемѣщеніе мозгового вещества*; мозговая дѣятельность есть такое же необходимое и неотдѣлимое свойство мозга, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ сила присуща матеріи, какъ внутренній необнаруживающійся признакъ. Такъ же невозможно, чтобы неповрежденный мозгъ не мыслилъ, какъ невозможно, чтобы мысль принадлежала другому веществу, а не мозгу **).

Всѣ процессы въ нервной системѣ, возбужденіе, распространеніе его воздѣйствія, сужденіе, волевое возбужденіе имѣютъ опредѣленную *скорость*, тѣмъ меньшую, чѣмъ сложнѣе процессъ. *Мышленіе* есть *протяженный процессъ*, и именно тѣмъ болѣе протяженный, чѣмъ болѣе онъ сложенъ. Но то, что для своего совершенія требуетъ времени, связано съ временемъ, оно можетъ существовать только лишь черезъ посредство *передвиженія* и именно мельчайшихъ частицъ. Во времени движутся мельчайшія частицы, слѣдовательно, оно совершается черезъ посредство движенія. Оно не можетъ быть извлечено изъ окружающей матеріальной массы безъ того, чтобы не прекратить своего существованія. *Оно поэтому само матеріально*, но движется такимъ своеобразнымъ способомъ, что за нимъ слѣдуютъ тѣ явленія, которыя обыкновенно называются духовными; они не возникаютъ безъ матеріи, не существуютъ безъ матеріи, не могутъ быть восприняты безъ матеріи ***).

«Пропасть, которая нѣкогда отдѣляла вѣсомыя вещества отъ невѣсомыхъ, была не больше, чѣмъ та, которая еще и въ на-

*) l. c. 601 и д.

**) l. c. 601—603.

***) l. c. 604.

стоящее время усматривается между протяженностью тѣлъ и непротяженностью душевной дѣятельности».

«Въ научномъ смыслѣ, величайшее пріобрѣтеніе нашего столѣтія это открытіе, что теплота есть форма движенія [1]). То ученіе, что теплота есть мѣра движенія, что поднятіе тяжести требуетъ количество теплоты, соотвѣтствующее высотѣ поднятія и величинѣ тяжести, что препятствія, которыя противустоятъ какому-либо движенію, не утрачиваютъ ни одной части своей силы, превращаются въ форму движенія, которую мы называемъ теплотой, основывается на той же самой почвѣ созерцанія природы, на какой покоится то положеніе, что «*мышленіе есть форма движенія*».

Вотъ общее философское содержаніе книги Молешотта, которая надѣлала много шуму въ Германіи и вызвала поворотъ въ общественномъ мнѣніи въ пользу матеріалистической философіи.

Продолжателемъ его идей явился другой извѣстный физіологъ *Карлъ Фохтъ* [2]), который объ отношеніи мысли къ мозгу въ своихъ «Физіологическихъ письмахъ» говоритъ слѣдующее: «Я полагаю, что каждый естествоиспытатель при сколько-нибудь послѣдовательномъ размышленіи, придетъ къ тому убѣжденію, что *всѣ способности, извѣстныя подъ названіемъ душевной дѣятельности, суть только отправленія мозгового вещества* или, выражаясь нѣсколько грубѣе, что *мысль находится почти въ такомъ же отношеніи къ головному мозгу, какъ желчь къ печени* [3]). Принимать душу, для которой головной мозгъ служитъ инструментомъ, которымъ она работаетъ по произволу—затруднительно. Въ такомъ случаѣ мы должны были бы принять для каждаго отправленія нашего организма особенную душу, и при такомъ множествѣ безтѣлесныхъ душъ, управляющихъ отдѣльными отправленіями, мы никогда не могли бы понять нашу жизнь. Отправленіе тѣла повсюду обусловливается формою и матеріею, и каждая часть тѣла, имѣющая особенное устройство необходимо должна имѣть и особенное отправленіе».

Самымъ популярнымъ изъ всѣхъ писателей матеріалистической школы нужно признать *Бюхнера*, автора книги «Kraft und Stoff», которая выдержала 18 изданій [4]) и всегда считалась настольной книгой матеріализма. Если бы спросили, чѣмъ объясняется такой

---

[1]) См. статью Готлиба Адлера «*О свойствахъ матеріи*», «М. Б.» 1895 г. іюнь. *Прим. ред.*

[2]) См. «Карлъ Фохтъ», ст. В. Агафонова, «М. Б.» 1895 г., сентябрь. *Прим. ред.*

[3]) Эту мысль мы находимъ у одного писателя конца прошлаго столѣтія Кабаниса. Онъ уподобляетъ отношеніе психическихъ явленій къ мозгу отношенію выдѣленій къ выдѣляющимъ органамъ: «*Мысль есть выдѣленіе мозга*»

[4]) Первое изданіе вышло въ 1855 г.

громадный успѣхъ этой книги (насколько объ этомъ можно судить по количеству изданій), то на этотъ вопросъ отвѣтить не легко. Нужно думать, что причина лежитъ въ условіяхъ культурно-историческихъ, которыя можно было бы въ двухъ словахъ такъ характеризовать: полное недовѣріе къ умозрительной философіи и проистекающее вслѣдствіе этого поклоненіе авторитету научной мысли. Матеріализмъ всегда выступалъ подъ знаменемъ науки и этимъ, разумѣется, всегда привлекалъ къ себѣ неопытные умы. Наконецъ, достоинства книги, заключающіяся въ томъ, что она написана просто, доступно и интересно; факты, которые приводитъ Бюхнеръ, весьма любопытны: они заимствованы у научныхъ авторитетовъ съ цѣлями философскими, именно доказать справедливость матеріалистическаго ученія; а такъ-какъ къ тому же она задается цѣлью рѣшить основные вопросы *жизни*, *души*, *безсмертія* и т. п., то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что въ Германіи, напр., ее читаютъ даже рабочіе, какъ это можно судить по существованію дешеваго народнаго изданія.

Его ученіе формулируется слѣдующей фразой: «*Нѣтъ силы безъ матеріи*, *нѣтъ матеріи безъ силы*». Свою книгу онъ начинаетъ цитатой изъ Молешотта *): «Сила не есть какой-либо богъ, дающій толчокъ матеріи, она не есть сущность вещей, отдѣленная отъ матеріальной основы, она не есть свойство, отдѣлимое отъ вещества, но свойство отъ вѣчности ему присущее». «Матерія не есть телѣга, въ которую можно было бы припречь или отпречь силы, подобно лошадямъ». «Матерія вѣчно обладаетъ извѣстными свойствами. Частичка желѣза остается всегда одной и тою же вещью, все равно, пробѣгаетъ ли она въ метеорномъ камнѣ вселенную, дребезжитъ ли въ колесѣ локомотива по желѣзнымъ рельсамъ или циркулируетъ въ кровяномъ шарикѣ въ вискахъ поэта. *Эти свойства вѣчны*».

Затѣмъ Бюхнеръ приводитъ цѣлый рядъ цитатъ изъ сочиненій самыхъ знаменитыхъ современныхъ натуралистовъ, доказывающія положенія, что «нѣтъ силы безъ матеріи, нѣтъ матеріи безъ силы».

«Только суевѣріе и невѣжество прошлыхъ вѣковъ могло считать возможнымъ существованіе въ природѣ силъ, которыя дѣйствовали бы *независимо* отъ вещества, между тѣмъ, какъ въ настоящее время подобныя возможности совершенно изгнаны изъ науки. Ничто не можетъ дать намъ основанія допустить дѣйствительное существованіе какой-либо силы, кромѣ тѣхъ свойствъ, измѣненій или движеній, которыя мы воспринимаемъ въ матеріи и которыя мы называемъ *силами*. Познаніе ихъ другимъ путемъ **) есть невозмож-

*) Цитировано по 17-му изд. Leipz. 1892 г., стр. 1—2.

**) Т. е. если они не находятся въ связи съ матеріей.

ность. Представимъ себѣ электричество, магнетизмъ, тяжесть, теплоту, химическое сродство и т. п. *безъ тѣлъ*, въ которыхъ мы наблюдали проявленіе этихъ силъ, или безъ тѣхъ матеріальныхъ частицъ, взаимное отношеніе которыхъ именно и есть причина этихъ явленій, тогда у насъ не осталось бы ничего, кромѣ пустого понятія, слова, которое можетъ служить лишь къ тому, чтобы наглядно намъ представлять извѣстный классъ или рядъ явленій матеріи».

«Дѣйствительное понятіе о томъ, что такое силы сами по себѣ или чѣмъ могла бы быть сила безъ матеріи, такъ же ускользаетъ отъ насъ, какъ понятіе о томъ, чѣмъ могло бы быть вещество безъ силъ. Поэтому, мы, собственно, не можемъ говорить объ электричествѣ, но только лишь о веществѣ, находящемся въ электрическомъ состояніи. Тѣ, которые говорятъ о внѣміровой или сверхестественной творческой силѣ, которая создала міръ изъ самой себя или изъ ничего, становятся въ противорѣчіе съ первымъ и самымъ простымъ основоположеніемъ, доказываемымъ опытомъ и философскимъ разсмотрѣніемъ дѣйствительности: *ни сила не можетъ создать* матеріи, ни матерія силы, потому что мы видѣли, что раздѣльное существованіе обѣихъ невозможно эмпирически, да и немыслимы логически».

Затѣмъ у Бюхнера слѣдуютъ главы, своимъ названіемъ указывающія на ихъ содержаніе: «Безсмертіе матеріи», «Безсмертіе силы», «Безконечность матеріи», «Значеніе матеріи», «Неизмѣнность законовъ природы» и т. п. Мы не станемъ излагать содержанія этихъ главъ, а перейдемъ къ интересующему насъ вопросу объ отношеніи мысли къ мозгу, по ученію Бюхнера. Замѣтимъ, что свойство *движенія* матеріи является весьма существеннымъ въ глазахъ Бюхнера. «Для современнаго естествознанія говоритъ онъ, обоснованіе движенія есть его собственная задача и его предметъ есть все то, что можетъ быть *сведено на движеніе*, движущаяся, или находящаяся въ движеніи матерія есть его первое и послѣднее слово или, по крайней мѣрѣ, должно быть таковымъ».

Главу о *мозгѣ* и *душѣ* онъ предваряетъ слѣдующими тремя эпиграфами: «*Душа* и *общая сумма живыхъ дѣйствующихъ нервныхъ клѣтокъ* живого существа, а, слѣдовательно, и человѣка суть для непредубѣжденнаго естествоиспытателя совершенно покрывающіяся понятія. Внѣ нервныхъ клѣтокъ не существуетъ никакой души, въ бѣлковинѣ нервныхъ клѣтокъ заключена тайна души» (Брюль). «Душа есть мозгъ, находящійся въ дѣятельности, и ничего больше» (Бруссе). «Отъ матеріи мы возвышаемся къ духу черезъ посредство мозга» (Туттле). «Что мозгъ, или тотъ органъ, который заполняетъ внутренность черепа, который представляетъ изъ себя на ряду съ печенью самый объемистый и

вмѣстѣ съ этимъ относительно самый обильный кровью изъ всѣхъ органовъ человѣческаго тѣла, есть *органъ мышленія*, воли и чувства, и что послѣднее безъ перваго немыслимо,—есть истина, которая едва ли покажется сомнительной какому-либо врачу или физіологу. Наука, ежедневный опытъ и масса самыхъ убѣдительныхъ фактовъ съ необходимостью приводятъ къ этому убѣжденію. Мозгъ есть сѣдалище мысли и органъ мысли, его величина, его форма, развитіе, способъ его сложенія и образованія или образованія его отдѣльныхъ частей находится въ опредѣленномъ отношеніи къ величинѣ и силѣ исходящихъ отъ него психическихъ или духовныхъ дѣятельностей».

«Для насъ кажется безразличнымъ, говоритъ онъ далѣе, какимъ образомъ возможно представленіе о томъ, *какъ душевныя явленія возникаютъ изъ матеріальныхъ* комбинацій или дѣятельностей мозгового вещества. Достаточно знать, что *существуетъ неразрывная связь между духомъ и матеріей* *). Слово душа есть ни что иное, какъ собирательное понятіе или общее выраженіе для всей совокупности дѣятельности мозга и его отдѣльныхъ частей или органовъ, совершенно такъ, какъ слово «дыханіе» есть коллективное понятіе для дѣятельности органовъ дыханія или слово «пищевареніе» для дѣятельности пищеварительныхъ органовъ».

Глава подъ названіемъ «*Мысль*» опять предваряется эпиграфами, которымъ авторъ, очевидно, вполнѣ сочувствуетъ: «*Мысль есть движеніе матеріи*» (Молешоттъ). «Подобно тому, какъ цвѣтъ относится къ свѣтовымъ колебаніямъ, звукъ къ колебаніямъ упругихъ жидкостей, такъ относится мысль къ нервно-электрическимъ колебаніямъ мозговыхъ волоконъ» (Гушке).

Въ самомъ началѣ главы Бюхнеръ указываетъ на то, что онъ не согласенъ съ приведеннымъ нами выше выраженіемъ Карла Фохта. «Даже при самомъ безпристрастномъ разсмотрѣніи, мы не въ состояніи, — говоритъ онъ, — найти аналогію или *дѣйствительное сродство между выдѣленіемъ желчи* и тѣмъ процессомъ, *посредствомъ котораго мысль созидается въ мозгу*. Желчь есть вещество осязаемое, вѣсомое и видимое; сверхъ того, это—отбросъ, который тѣло выдѣляетъ изъ себя; мысль же или же мышленіе совсѣмъ не есть выдѣленіе или отбросъ, но это есть дѣятельность или *движеніе веществъ*, или соединеній веществъ, опредѣленнымъ способомъ располагающихся въ мозгу. Тайна мышленія заключается не въ мозговыхъ веществахъ, какъ таковыхъ, но въ особенномъ *способѣ ихъ соединенія и ихъ взаимодѣйствія для одной опредѣленной цѣли. Мышленіе, поэтому, должно быть раз-*

*) Мы увидимъ далѣе, что это вовсе не все равно.

сматриваемо, какъ особая форма общиго движенія природы, которое для вещества центральныхъ нервныхъ элементовъ такъ же характеристично, какъ движеніе сокращенія мускульной субстанціи или движеніе свѣта міровому эфиру, или какъ явленіе магнетизма магниту; поэтому, мысль не есть матерія, но она *матеріальна* въ томъ смыслѣ, что является обнаруженіемъ матеріальнаго субстрата, отъ котораго она такъ же мало отдѣлима, какъ сила отъ матеріи, или, другими словами, своеобразное обнаруженіе своеобразнаго матеріальнаго субстрата совершенно такъ, какъ теплота, свѣтъ, электричество неотдѣлимы отъ ихъ субстратовъ».

«Психическая дѣятельность есть не что иное, и не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ *распространеніе движенія, происходящаго отъ внѣшнихъ впечатлѣній, между клѣтками мозговой корки*. Ибо мышленіе безъ чувственнаго содержанія не существуетъ. Слова: «духъ», «душа», ощущеніе, воля, жизнь, не обозначаютъ никакихъ сущностей, никакихъ дѣйствительныхъ вещей, но только лишь *свойства* способности, дѣятельности живой субстанціи или результаты (дѣятельности) субстанцій, которыя обоснованы на матеріальныхъ формахъ существованія».

«Какъ извѣстно, Вольтеръ сравниваетъ душу съ пѣніемъ соловья, которое происходитъ до тѣхъ поръ, пока маленькая органическая машина, его производящая, живетъ и находится въ дѣятельности, и прекращается съ прекращеніемъ этой дѣятельности. Это же самое сравненіе можетъ быть примѣнено ко всякой машинѣ, созданной руками человѣка. Если какая-либо паровая машина производитъ какую-либо работу, или если часы показываютъ время, то это есть также результатъ ихъ дѣятельности, какъ *мысль есть результатъ того сложнаго механизма матеріальнаго комплекса, который мы называемъ мозгомъ*. Но такъ же мало, какъ сущность паровой машины состоитъ въ томъ, что она производитъ паръ, или часовъ, что они посредствомъ своего движенія производятъ теплоту, такъ же мало сущность мозгового механизма состоитъ въ томъ, что онъ образуетъ теплоту или то крайне незначительное количество жидкой субстанціи, которое находится во внутреннихъ полостяхъ мозга. Онъ не производитъ никакихъ веществъ подобно печени или почкамъ, но дѣятельность, которая является цвѣтомъ всякой земной организаціи *). Разъ доказано, что *мысль неразрывно связана съ опредѣленными матеріальными движеніями, то уже достаточно простого указанія на вели-*

*) Этимъ Бюхнеръ хочетъ сказать, что онъ не согласенъ съ Фохтомъ, по мнѣнію котораго, мысль есть выдѣленіе, но самъ все-таки приходитъ къ признанію *матеріальности* мысли.

кій и недопускающій исключенія законъ сохраненія или безсмертія силы, чтобы не сомнѣваться въ томъ, что мысль или психическая дѣятельность вообще есть только форма или способъ проявленія того великаго общаго движенія природы, которое поддерживаетъ вѣчное круговращеніе силъ и которое обнаруживается то въ видѣ механической, то въ видѣ электрической или духовной силы. «Будетъ-ли обмѣнъ матеріи, безпрестанно совершающійся въ нашемъ тѣлѣ и поддерживаемый употребляемыми нами пищевыми средствами, доставлять силу дровосѣку, которую онъ расходуетъ при помощи своихъ мускуловъ, или ученому, мыслителю, поэту—силу, которая въ его мозгу созидаетъ мысли,—на самомъ дѣлѣ оказывается вполнѣ тождественнымъ, только форма или дѣйствіе различно, смотря по различію органовъ».

«Нервная сила, нервная дѣятельность равнозначна съ превращеніемъ электричества, и нервъ есть одинъ изъ тѣхъ многочисленныхъ, существующихъ въ природѣ аппаратовъ, которые предназначены къ тому, чтобы напряженныя силы переводить въ живыя или въ движеніе. Это онъ дѣлаетъ такимъ образомъ, что, вслѣдствіе химическихъ процессовъ, происходящихъ внутри его, освобождаетъ электричество, и затѣмъ это освобожденное электричество превращаетъ въ нервную дѣятельность. Но такъ какъ эта дѣятельность состоитъ, главнымъ образомъ, въ созиданіи ощущеній и воли, и такъ какъ всякая психическая дѣятельность развивается изъ ощущеній, получаемыхъ черезъ нервы отъ впечатлѣній внѣшняго міра, то мы находимся на порогѣ познанія, которое можетъ намъ показать несомнѣннымъ *выведеніе всякаго психическаго дѣйствія изъ общихъ источниковъ силы природы и подчиненіе его подъ великій законъ сохраненія энергіи*». Здѣсь психическую силу Бюхнеръ отождествляетъ съ другими физическими силами, существующими въ природѣ.

Не существуетъ никакой мысли безъ мозга; *духовная дѣятельность есть функція или дѣятельность мозгового вещества.*

Такъ какъ мышленіе по Бюхнеру, слѣд., есть такая же *сила* какъ электричество, свѣтъ и т. д., и такъ какъ оно, подобно этимъ послѣднимъ, *неразрывно связано съ матеріей*, то нужно было бы предположить, что *матерія обладаетъ способностью мыслить* И дѣйствительно, Бюхнеръ это утверждаетъ. «Какая имѣется у насъ основательная причина,—говоритъ онъ,—отрицать то положеніе, что матерія можетъ мыслить? Никакой, кромѣ понятія, которое вслѣдствіе впечатлѣній спиритуалистическаго воспитанія, сдѣлалось уже нашей второй природой». По этому поводу уже Ламетри говорилъ: «если кто-либо спрашиваетъ, можетъ-ли матерія.

мыслить, то дѣло обстоитъ такимъ образомъ, что онъ какъ бы хочетъ знать, можетъ ли матерія часы считать?» Конечно, матерія такъ же мало мыслитъ, какъ мало считаетъ часы, но она дѣлаетъ и то, и другое, коль скоро она вступитъ въ такія *соединенія* или состоянія, изъ которыхъ возникаетъ мышленіе или счетъ часовъ. Объ этомъ говорилъ также Фридрихъ Великій: «Я знаю, что я оживленное матеріальное существо, которое имѣетъ органы и мыслитъ, откуда я заключаю, что оживленная матерія можетъ мыслить совершенно такъ же, какъ она обладаетъ свойствомъ быть электрической».

Отсюда мы, ради послѣдовательности, должны были бы заключить, что *послѣдніе элементы вещества, атомы, обладаютъ* способностью мышленія, разумѣется, принимая оговорку Бюхнера, что они обладаютъ мышленіемъ не такимъ, какимъ обладаемъ мы. Но Бюхнеръ не соглашается съ тѣмъ, что *атому*, этому послѣднему элементу матеріи, *присуще сознаніе*. А эта мысль представляется для насъ въ высокой мѣрѣ важной, потому что она показываетъ, что Бюхнеръ, не взирая на всѣ противорѣчія (которыя мы впослѣдствіи приведемъ), является однимъ изъ самыхъ типичныхъ представителей матеріализма. «Ни въ коемъ случаѣ,—говоритъ онъ,—мы не можемъ *атому*, какъ таковому, приписать ощущеніе, но только лишь *комплексамъ атомовъ* при опредѣленныхъ состояніяхъ или условіяхъ. Какъ и какимъ образомъ эти комплексы, нервныя клѣтки или, выражаясь совсѣмъ общо, матерія начинаетъ созидать или производить ощущеніе или сознаніе, для нашей цѣли это совершенно безразлично, *для насъ вполнѣ достаточно знать, что это на самомъ дѣлѣ такъ*».

Это признаніе потому важно, что имъ Бюхнеръ ясно показываетъ, что мысль порождается соединеннымъ дѣйствіемъ множества атомовъ. Слѣдовательно, атому, какъ таковому, мышленіе вовсе не присуще; а такъ какъ взаимодѣйствіе между атомами возможно только лишь при условіи ихъ *движенія*, то мы такимъ образомъ приходимъ къ основному матеріалистическому положенію, что *мысль есть продуктъ движенія вещества* *).

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

---

*) Съ этимъ интересно сравнить взглядъ физіолога *Болля*. «Эфирныя волны, которыя возбуждаютъ глазъ, продолжаются въ колебаніяхъ нервовъ, не для того, чтобы *создать* представленіе, но для того, чтобы *быть* представленіемъ». Здѣсь мысль прямо отождествляется съ *движеніемъ вещества*.

ПОСЛѢДНЯЯ НОЧЬ ІУДЫ.

Пер. съ французскаго **Т. Криль**.

Іуда долго стоялъ неподвижно на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ далъ смертельный поцѣлуй Іисусу. Онъ слѣдилъ взоромъ за отрядомъ, увлекавшимъ Сына Человѣческаго въ Іерусалимъ. Въ кровавомъ свѣтѣ факеловъ и фонарей, съ пиками и обнаженными мечами исчезала вдали эта печальная процессія, молчаливо и поспѣшно, какъ шайка ночныхъ грабителей, исчезала и исчезла. Тогда Іуда спокойно завернулся въ свой длинный красный плащъ и, съ лицемъ, обращеннымъ въ сторону города, ждалъ.

Было больше полуночи. Луна озаряла голубоватымъ свѣтомъ безплодныя поля, башни и укрѣпленія священнаго города. Смутный, грозный гулъ подымался вверхъ, къ площади храма. Крики совы раздавались въ пустынѣ. Громадная летучая мышь задѣла своимъ холоднымъ крыломъ щеку Іуды. Онъ закрылъ голову полой плаща.

Онъ все ждалъ. Но вотъ онъ вдругъ обернулся съ радостнымъ волненіемъ къ входу въ садъ, вышелъ изъ тѣни и бросился навстрѣчу человѣку, который, казалось, искалъ кого-то во мракѣ Геѳсимана. Это былъ старый еврей, съ длинной, бѣлой бородой, сгорбленный, опирающійся на палку— казначей первосвященника, приближавшійся нетвердыми шагами. Онъ далъ Іудѣ подойти, бросилъ ему кожаный кошелекъ и затѣмъ удалился быстрѣе, чѣмъ пришелъ.

— И скверному псу бросаютъ кость поласковѣе,—пробормоталъ Іуда.

Онъ поднялъ кошелекъ и улыбнулся. Кошелекъ былъ тяжелъ и издавалъ пріятный для слуха звонъ. Іуда выбѣжалъ изъ рощи и открылъ его при свѣтѣ луны. Въ первую минуту блескъ серебра какъ будто ослѣпилъ его. Но онъ скоро при-

нялся пересчитывать монеты, пробовалъ вѣсъ каждой изъ нихъ на ладони правой руки и долго съ безпокойствомъ разсматривалъ одну монету, на которой изображеніе Цезаря слегка стерлось.

— Это Августъ,—сказалъ онъ,—покойный Цезарь. Я предпочитаю другія монеты, Тиверія, совсѣмъ новыя. Священники исполнили свое обѣщаніе. Это хорошо.

Онъ спряталъ кошелекъ за поясъ и направился къ Іерусалиму. Онъ чувствовалъ себя легко, онъ считалъ себя счастливымъ. Чтобы вполнѣ успокоиться, онъ вызывалъ въ памяти коварныя увѣщанія Каіафы въ вечеръ позорнаго торга. Вѣдь онъ предалъ пророка, который предвѣщалъ гибель закона и презиралъ Моисея. Ложнаго царя Израиля, Лже-Мессію, который прогонялъ торговцевъ изъ храма Соломона и закрывалъ для богатыхъ Царство Небесное! Онъ, скромный Искаріотъ, онъ славно отмстилъ за Бога, за Давида, за Римъ. И въ этотъ самый день, когда солнце освѣтитъ мученія Христа, истинный народъ Божій—левиты, садукеи, книжники, фарисеи и Пилатъ, гордый намѣстникъ Цезаря, будутъ привѣтствовать въ его лицѣ свершителя великаго дѣла.

— Имя мое,—думалъ онъ,—будетъ жить такъ же долго, какъ имена Іакова, Даніила и Иліи!

* * *

Онъ проникъ въ безмолвный и мрачный городъ; думая, что въ этотъ часъ Каіафа допрашиваетъ Іисуса, онъ направился ко дворцу первосвященника. Издали онъ увидѣлъ освѣщенныя окна; на терассахъ вдоль портиковъ двигались взадъ и впередъ тѣни. На переднемъ дворѣ виднѣлся красноватый свѣтъ. Улица была пустынна. Пропѣлъ пѣтухъ.

— Близокъ разсвѣтъ,—сказалъ Іуда.

Онъ остановился въ воротахъ. Посреди двора пылалъ большой костеръ. Одинъ изъ двѣнадцати, Петръ, сидѣлъ на скамьѣ и грѣлъ руки, разговаривая съ молодой служанкой. Петръ, казалось, былъ и очень раздраженъ, и очень несчастливъ. Онъ говорилъ громко и сказалъ молодой дѣвушкѣ:

— Поистинѣ, клянусь тебѣ, нѣтъ, я не знаю этого человѣка!

Пѣтухъ пропѣлъ вторично.

Служанка ушла. Петръ умолкъ и погрузился въ печальное раздумье. Онъ не слышалъ, какъ Іуда приблизился къ костру. Изъ преторіи Каіафы доносился глухой шумъ, прерываемый долгими промежутками молчанія, слышны были то

звуки гнѣвнаго и презрительнаго голоса, то серьезная и кроткая рѣчь, заставлявшая дрожать и по-дѣтски плакать галилейскаго рыбака, думавшаго, что, кромѣ него, никого нѣтъ во дворѣ.

И вотъ пѣтухъ пропѣлъ въ третій разъ.

Петръ содрогнулся, испустилъ крикъ ужаса, поднялъ голову и всталъ. И оба апостола, отступникъ и предатель, очутились лицомъ къ лицу. Но взоръ Петра былъ такъ ужасенъ, онъ такъ рѣшительно взялся за мечъ, что Іуда, дрожа отъ страха, отступилъ къ воротамъ дома первосвященника.

Долго бродилъ онъ вокругъ храма, ограда котораго открывалась лишь при восходѣ солнца. Онъ хотѣлъ теперь же выбрать мѣсто во внѣшнихъ галлереяхъ зданія, гдѣ онъ откроетъ лавку торговца золотомъ. Священники дадутъ ему, конечно, удобное мѣсто, и скоро прекрасныя монеты Египта, Греціи, Италіи, Азіи будутъ протекать черезъ его пальцы. Тогда онъ будетъ смѣяться надъ всѣми этими голодными бродягами, влюбленными въ бѣдность и покаяніе, надъ своими прежними сотоварищами по нищетѣ, надъ учениками Человѣка, который долженъ умереть. Уже нѣсколько левитовъ подъ наблюденіемъ раввина отворяли рѣшетки храма. Іуда подошелъ къ нимъ увѣренными шагами человѣка, который входитъ въ свой собственный домъ, съ улыбкой, съ привѣтливымъ жестомъ руки. Но священникъ сдвинулъ брови, протянулъ руку и преградилъ ему путь.

— Остановись и уходи. Законъ воспрещаетъ нечистому существу входить въ священныя сѣни. Уходи. Въ эту ночь тебѣ вручили тридцать сребренниковъ, плату за кровь: твой трудъ вознагражденъ. Уходи, иначе я прогоню тебя, какъ прелюбодѣя, идолопоклонника или убійцу.

* * *

Іуда удалился изъ храма. На этотъ разъ онъ направлялся къ судилищу Пилата. Римляне отнесутся къ нему мягче, чѣмъ священники, они даже защитятъ его противъ коварства синагоги. Эти раввины—фанатики, ему просто жаль ихъ. Онъ знаетъ, что въ глубинѣ души колѣно Левія продолжаетъ поклоняться золотому тельцу, какъ и во времена Моисея. Когда они увидятъ, какъ Искаріотъ, кліэнтъ намѣстника, осыпанный милостями Цезаря, накопитъ громадныя богатства, наполнитъ свои магазины золотыми и шелковыми тканями, слоновой костью, драгоцѣнными камнями, азіатскими благовоніями, какъ потомъ онъ будетъ перепродавать ихъ за доро-

гую цѣну Риму, тогда они будутъ уважать его и льстить ему, будутъ каждый день воскурять у ногъ его фиміамъ, похищенный у ихъ Іеговы.

И, радуясь своимъ горделивымъ и ненасытнымъ мечтамъ, Іуда всю дорогу отвѣчалъ вызывающими взглядами на презрительное любопытство членовъ синагоги, книжниковъ и фарисеевъ, которые издали указывали на него пальцами, а вблизи съ отвращеніемъ сторонились отъ его тѣни, какъ отъ чего-то нечистаго. Онъ ускорилъ шаги, привлеченный шумомъ большой толпы, и вдругъ на поворотѣ улицы очутился передъ ужасающей сценой.

Разнузданная толпа стучала въ стѣны дворца Пилата; чернь Іерусалима и Іудеи: воры, падшія женщины, клятвопреступники, фальшивые монетчики, разбойники, сошедшіе съ своей горы, человѣкоубійцы и преступники, вырвавшіеся изъ своихъ притоновъ, всѣ они съ горящими глазами протягивали руки къ проконсулу и кричали:

— Варраву! Варраву! отдай намъ Варраву!

Пилатъ стоялъ съ обнаженной головой среди галлереи изъ тяжелыхъ порфировыхъ колоннъ, окруженный свитой и главными священниками. Онъ былъ въ бѣлой тогѣ и бросалъ толпѣ слова, которыхъ Іуда не могъ разслышать. И каждый разъ, когда римскій начальникъ открывалъ ротъ, крики ужаснаго сброда усиливались:

— Варраву! Варраву!

Іуда вмѣшался въ толпу. Тамъ онъ встрѣтилъ друзей, которые кланялись ему; убійцы и падшія женщины посылали ему привѣтствія. Когда онъ пробрался въ первые ряды, къ самому порогу дворца, онъ почувствовалъ, что его со всѣхъ сторонъ окружаетъ, охватываетъ страшная буря общей злобы: изъ тысячи грудей вырывался одинъ крикъ, ужасный крикъ:

— Распни его! Распни его!

Пилатъ грустный, смущенный, вошелъ въ преторію; за нимъ послѣдовала его свита. На галлереѣ остался только одинъ молодой центуріонъ; онъ стоялъ между двумя колоннами и наблюдалъ толпу. Передъ нимъ старый законникъ съ благородной осанкой лихорадочно развертывалъ и съ какой-то странной тревогой читалъ книгу великихъ пророковъ. Постепенно ярость народа улеглась, онъ смутно почувствовалъ, что во внутренности дворца свершалось мрачное дѣло. Вдругъ священникъ увидѣлъ апостола въ красномъ плащѣ, онъ прошепталъ нѣсколько словъ центуріону, и тотъ, въ свою

очередь, обратилъ взоръ на Искаріота; на лицѣ его ясно выразилось отвращеніе, и онъ быстро удалился.

Тогда тяжелая дверь, украшенная бронзою, отворилась медленно и торжественно. Пилатъ вновь появился передъ порфировой колоннадой; мертвенное молчаніе воцарилось на улицѣ. Въ полумракѣ сѣней, пошатываясь, поддерживаемый двумя солдатами, съ лицомъ, залитымъ кровавыми слезами, съ терновымъ вѣнцомъ на головѣ, съ тростью въ рукѣ, съ пурпуровымъ лоскутомъ, связаннымъ узломъ на груди, шелъ Іисусъ, направляясь къ избранному народу Божію.

Изумленная, безмолвная толпа смотрѣла на приближающійся окровавленный призракъ. Іуда въ ужасѣ отвратилъ лицо. Пилатъ наклонился впередъ и рукой, на которой блестѣлъ перстень, служившій печатью для приказовъ Цезаря, онъ указалъ Назарянина и произнесъ звучнымъ голосомъ:

— Вотъ человѣкъ!

И снова прогремѣлъ ужасный крикъ черни, болѣе яростный и повелительный:

— Распни его! Распни его!

Нѣкоторыя женщины разразились рыданіями, одинъ бѣсноватый обнималъ статую Тиверія и кричалъ:

— Горе ему! Горе Іерусалиму! Горе Богу! Горе мнѣ!

Центуріонъ во главѣ стражи проконсула, съ копьемъ на перевѣсъ, грубо разогналъ толпу и очистилъ проходъ для печальной процессіи. Іуда прятался за своихъ сосѣдей, чтобы не встрѣтиться глазами съ Іисусомъ, но одинъ изъ воиновъ Пилата ударилъ его своимъ мечемъ:

— Зачѣмъ ты пришелъ? издѣваться надъ страданіями еврейскаго Пророка или оскорблять своимъ присутствіемъ величіе Рима? Наши боги презираютъ измѣнниковъ. Уходи отсюда, ищи какого-нибудь уединеннаго убѣжища, гдѣ бы ты могъ скрыть свой позоръ!

* * *

Іуда шелъ среди толпы, которая окружала со всѣхъ сторонъ римскую стражу. Многіе изъ этихъ людей, только-что требовавшихъ Варраву, поняли слова центуріона. Іуда уловилъ насмѣшливыя замѣчанія, сказанныя шепотомъ и дышавшія враждой; изъ осторожности онъ замедлилъ шагъ и свернулъ въ пустынный переулокъ.

— Неужели всѣ смотрятъ на меня, какъ на зачумленнаго?—подумалъ онъ.

Тогда онъ рѣшилъ вернуться домой и тамъ спокойно об-

думать настоящее и будущее. Но случайно онъ наткнулся на группу женщинъ и юношей и испугался ихъ взглядовъ. Онъ узналъ тѣхъ мальчиковъ, которые три дня тому назадъ усыпали цвѣтами и зелеными вѣтвями путь при торжественномъ въѣздѣ въ Іерусалимъ и пѣли:

— Осанна! Сынъ Давида, помилуй насъ! Осанна!

Онъ измѣнилъ направленіе и пошелъ къ городскимъ укрѣпленіямъ. Но мальчики слѣдовали за нимъ, осыпая проклятіями его имя. Онъ пошелъ быстрѣе и чувствовалъ, что они бѣгутъ за нимъ съ криками угрозы. Онъ вышелъ на площадь рынка, гдѣ толпились крестьяне и пастухи, пришедшіе въ это утро изъ селеній Галилеи.

— Іуда! Іуда!—кричали мальчики.

— Іуда!—отвѣчали галилеяне.

— Смерть ему! Смерть ему!

Онъ бросился бѣжать подъ градомъ камней, опустивъ голову, подбирая складки плаща; его травили собаками, онъ чувствовалъ, что земля уходитъ изъ-подъ его ногъ, что онъ погибнетъ ужасной смертью и что прежде всего у него отнимутъ его тридцать сребренниковъ. Вдругъ онъ очутился передъ широко открытыми воротами Іерусалима. Въ порывѣ отчаянія онъ бросился подъ ихъ своды. Римскіе стражники, думая, что мятежный народъ бѣжалъ къ Голгоѳѣ, чтобы отнять у палачей царя іудеевъ, направили копья на толпу и остановили ее.

Іуда бѣжалъ по полямъ, залитымъ свѣтомъ; онъ бѣжалъ по каменистой долинѣ, по руслу потоковъ, по обнаженнымъ гребнямъ холмовъ. Онъ бѣжалъ на удачу то въ сторону горъ, то по направленію къ морю, то къ Тиверіадѣ, то къ Самаріи, то къ Виѳлеему, то къ Содому. Одна мысль, одна ужасная мысль овладѣла имъ: онъ погибъ; его, вѣрнаго слугу Цезаря и Моисея, преслѣдовали какъ бѣшенаго звѣря; гдѣ найдетъ онъ безопасное убѣжище на сегодняшній день, гдѣ будетъ онъ скрываться завтра, всю жизнь?

Около полудня онъ сѣлъ подъ тѣнь утеса и съ удовольствіемъ замѣтилъ, что, не смотря на его долгое бѣгство, зловѣщія стѣны Іерусалима возвышались въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него. Потомъ онъ увидѣлъ на вершинѣ холма, подлѣ самаго города, отрядъ римскихъ всадниковъ, дальше показалась группа людей, женщинъ и дѣтей въ траурѣ, наконецъ, большая толпа народа. Это была какая-то странная и неясная картина, на которую онъ смотрѣлъ почти безсозна-

тельно. Но вотъ, выше копій и касокъ римлянъ, на фонѣ голубого неба поднялись три креста, и на каждомъ изъ нихъ висѣлъ человѣкъ, пригвожденный по рукамъ и ногамъ. Іуда узналъ Голгофу. На самомъ высокомъ крестѣ, склонивъ голову, увѣнчанную терновымъ вѣнцомъ, умиралъ Христосъ. И когда римскіе всадники направились обратно въ Іерусалимъ, предатель увидѣлъ у ногъ Царя Іудейскаго женщину на колѣняхъ, а вокругъ креста учениковъ и дѣтей, простертыхъ ницъ на землѣ.

Это зрѣлище нѣсколько смягчило его страданія, и онъ пріободрился. Пилатъ отмстилъ за него. Онъ вспомнилъ, что многіе пророки претерпѣли еще больше его гоненій со стороны народа, презрѣнья со стороны священниковъ, жестокостей со стороны начальниковъ. Нѣкоторые заплатили даже кровью за свою ревность къ дѣлу Божію. Онъ уйдетъ изъ Іудеи, осыпанный оскорбленіями, но живой и съ туго набитымъ кошелькомъ. Его не удастся распилить между двумя досками, какъ Исаію. И, повернувшись спиной къ неблагодарной синагогѣ, онъ зашагалъ по направленію къ Іоппіи. Но вдругъ страшный вихрь пролетѣлъ по небу, по холмамъ и долинамъ, солнце померкло, почти погасло, темное облако спустилось надъ Іерусалимомъ; молнія раздробила скалу въ нѣскольких шагахъ отъ Искаріота; а тамъ, озаренные багрянцемъ молній, три креста, казалось, росли и двигались, трое распятыхъ, казалось, приближались къ предателю съ протянутыми впередъ окровавленными руками, съ остановившимися глазами.

Обезумѣвъ отъ ужаса, Іуда бросился на землю и закрылся плащемъ.

* * *

Онъ приподнялся уже вечеромъ. Мертвенная тишина царила во всемъ мірѣ. Онъ не осмѣливался взглянуть въ сторону Голгофы. Великое молчаніе природы пугало его. Ему хотѣлось встрѣтить кого-нибудь, услышать звукъ человѣческаго голоса, увидѣть проблескъ сочувствія на человѣческомъ лицѣ. Онъ пошелъ назадъ къ Іерусалиму и сѣлъ у края дороги, измученный усталостью.

Скоро въ небесной синевѣ зажглись звѣзды, и сквозь дымку голубоватаго тумана луна озарила равнину печальнымъ свѣтомъ. По дорогѣ изъ города послышался стукъ посоха о камни, и вдругъ появилась тѣнь. Какой-то человѣкъ шелъ очень быстро, нагнувшись впередъ, будто убѣгая

отъ проклятія. Въ полусвѣтѣ пустыни рисовалась рука его, дѣлавшая большіе взмахи палкой съ выраженіемъ отчаянной рѣшимости. Путникъ прошелъ мимо Іуды, не останавливаясь.

— Агасферъ!—воскликнулъ апостолъ,—Агасферъ!

Человѣкъ ничего не отвѣтилъ и пошелъ быстрѣе. Іуда бросился за нимъ бѣгомъ, умоляя его:

— Агасферъ! позволь мнѣ слѣдовать за тобой! Я пойду всюду, куда ты пойдешь, гдѣ ты будешь отдыхать, тамъ отдохну и я. Я буду твоимъ слугою, твоимъ рабомъ, твоимъ вѣрнымъ псомъ. Не покидай меня одного среди ночи!

— Я иду слишкомъ далеко, въ Сирію, въ Египетъ, въ глубь Азіи, на край свѣта; я иду въ Римъ. Я никогда не буду отдыхать; я уже никогда болѣе не буду спать. Я не проявилъ состраданія къ Іисусу и я буду искупать свою жестокость вѣчнымъ скитаніемъ безъ цѣли, безъ надежды. Но на мнѣ нѣтъ крови этого праведника. И, предупреждаю тебя, Іуда, я раздавлю ногой всякую ехидну, которая попадется мнѣ на пути.

Скиталецъ скрылся во мракѣ. Іуда слѣдилъ, какъ исчезала тѣнь вѣчнаго изгнанника; онъ долго прислушивался къ ослабѣвающему стуку желѣзной палки. Потомъ онъ снова робко приблизился къ Іерусалиму. Онъ зналъ, что возлѣ городской стѣны, на днѣ оврага, было нѣсколько лачугъ, гдѣ ютились преступники и жалкіе отверженцы. Быть можетъ, въ одной изъ этихъ хижинъ онъ найдетъ друга и убѣжище до восхода солнца.

* * *

Сквозь щели одной изъ дверей проникалъ свѣтъ. Іуда вглядѣлся и узналъ въ человѣкѣ, сидѣвшемъ передъ лампой, злодѣя, приводившаго въ трепетъ всю Іудею, разбойника, котораго Пилатъ отдалъ народу — Варраву. Онъ постучалъ. Дверь отворилась.

— Варрава! Я измученъ. Я озябъ, я голоденъ, мнѣ страшно! Позволь мнѣ провести эту ночь у твоего очага!

Разбойникъ стоялъ въ дверяхъ своего дома. Онъ пожалъ плечами и отвѣтилъ съ зловѣщимъ смѣхомъ:

— Ты хочешь обезчестить Варраву? Если я приму тебя, какъ гостя, завтра въ Іерусалимѣ мой народъ побьетъ меня каменьями. Нѣтъ! Слушай Іуда: я убилъ пять или шесть евреевъ и двухъ римскихъ всадниковъ, я укралъ много золота въ храмѣ изъ сундуковъ первосвященника, я оторвалъ золотую полосу отъ Скиніи Завѣта, за прикосновеніе къ ко-

торой грозитъ смерть, но я никогда не предавалъ человѣка, я никогда не поставлялъ жертвъ палачамъ. Я скорѣе задушу тебя своими руками, чѣмъ позволю тебѣ переступить порогъ моего жилища. Если тебя клонитъ сонъ—Голгофа недалеко отсюда; ты можешь спокойно спать, прислонивъ голову къ кресту твоего Господа, и никто въ эту ночь, даже самъ дьяволъ, не осмѣлится потревожить тебя тамъ!

И Іуда побрелъ далѣе, то скрываясь подъ стѣнами укрѣпленій, то пробираясь среди виноградниковъ и оливковыхъ рощъ. Оскорбленіе Варравы было для него слишкомъ тяжелымъ ударомъ. До сихъ поръ Богъ Іисуса выставлялъ противъ него благородныхъ враговъ: храмъ, Римъ, ученики, народъ, проклятый Іудей, прошедшій мимо, все это было еще сносно; но этотъ убійца, который прогналъ его отъ своего жилища! Оскорбленіе было слишкомъ жестоко и орудіе слишкомъ презрѣнно!

И ненависть его къ Назарянину возрастала до чудовищныхъ размѣровъ. Во всемъ его позорѣ виноватъ этотъ Распятый. Ему было пріятно, что онъ Его предалъ; онъ съ ужасной улыбкой вспоминалъ о тѣхъ страданіяхъ, свидѣтелемъ которыхъ ему пришлось быть. Онъ перебиралъ въ умѣ раны отъ бичеванія, пощечины слугъ Пилата, иглы терноваго вѣнца, гвозди креста.

Тогда ему пришла въ голову горькая мысль, что мученикъ, столь драгоцѣнный міру, былъ отданъ въ когти синагоги за слишкомъ незначительную плату.

— Онъ стоилъ, по меньшей мѣрѣ, 100 динаріевъ,—пробормоталъ Іуда,—священники жестоко обманули меня.

Онъ погрозилъ кулакомъ небу, сверкавшему звѣздами. Его жгли жажда и лихорадка, онъ направился къ группѣ деревьевъ, съ надеждой найти подъ сѣнью ихъ какой-нибудь источникъ воды. Вѣтеръ тихо вздыхалъ среди листвы. Іуда почувствовалъ нѣкоторое облегченіе. Вдругъ онъ испустилъ дикій крикъ утопающаго, и упалъ на колѣни, какъ бы подъ ударомъ невидимой руки. Онъ узналъ оливковое дерево, то дерево, подъ которымъ въ прошлую ночь онъ далъ въ присутствіи вооруженныхъ воиновъ смертельный поцѣлуй Сыну Человѣческому.

Онъ на колѣняхъ выползъ изъ Геѳсиманскаго сада, потомъ, спотыкаясь на каждомъ шагу, пустился бродить по пустынѣ. Онъ ни о чемъ болѣе не думалъ, ни на что не надѣялся, онъ желалъ только встрѣтить низверженнаго

ангела—сатану и тронуть его своимъ безграничнымъ отчаяніемъ.

Вдали двѣ пальмы протягивали свои тонкія вѣтви надъ водоемомъ, затерявшимся среди полей. Это былъ колодезь Іакова, святая вода котораго была освящена однимъ словомъ Іисуса. Іуда не имѣлъ силы отогнать отъ себя это великое воспоминаніе. Онъ тяжело опустился на край колодца. На цѣпи не висѣло ведра, и онъ перегнулся черезъ бортъ, чтобы освѣжить свое пылающее лицо водяною прохладой.

* * *

Между пальмами скользнула, какъ легкій призракъ, молодая дѣвушка, вся въ бѣломъ, съ бѣлымъ покрываломъ на головѣ; нѣжная и хрупкая, она держала обнаженной рукой на правомъ плечѣ глиняную амфору. Іуда приподнялъ свое горящее лицо и произнесъ едва слышнымъ голосомъ:

— Я жажду!

Молодая дѣвушка содрогнулась отъ ужаса, какъ будто увидѣвъ передъ собой опаснаго звѣря.

— Я жажду!—повторилъ онъ.

— И Онъ также, Пророкъ, котораго ты предалъ, воскликнулъ на крестѣ: „Я жажду!“, а римляне протянули ему на остріѣ копья губку, смоченную въ уксусѣ.

Она погрузила амфору на дно водоема и вынула ее оттуда наполненною чистой водой, капли которой, падая, сверкали, какъ драгоцѣнные камни.

Іуда молчалъ. Онъ дрожалъ въ присутствіи этого ребенка. Его высохшія губы тянулись къ свѣжей водѣ.

Она склонилась къ нему, прелестная въ своей тихой грусти.

— Возьми,—сказала она,—ради любви къ Іисусу, возьми и пей!

И, когда онъ напился, она снова поставила амфору на правое плечо, и удалилась вся бѣлая, облитая ласковымъ свѣтомъ звѣздъ.

Въ этотъ мигъ въ мрачную душу Іуды проникла какъ бы волна свѣта. Быстрымъ взглядомъ измѣрилъ онъ всю бездну своего паденія, своего злодѣянія. Это было—внезапное, убійственное потрясеніе для его сознанія. Кротость молодой дѣвушки открыла ему ту тайну, въ которую онъ никогда не вѣрилъ, и ужасъ при мысли, что онъ оскорбилъ Бога, охватилъ его сердце.

— Кто же этотъ Распятый,—сказалъ онъ,—который рукою ребенка пролилъ бальзамъ милосердія на мою голову?

Онъ долго просидѣлъ на краю колодца Іакова. Одна и та же мысль постоянно возвращалась къ нему; она не приносила ему утѣшенія, — напротивъ, она доставляла ему безграничное страданіе. Прямо передъ нимъ, на пригоркѣ, стояла высохшая смоковница, и притча Господа смутно встала въ его памяти. Внезапно онъ подбѣжалъ къ дереву, бросилъ на землю красный плащъ, высыпалъ на него 30 сребренниковъ, и, развязавъ завязки своего тюрбана, онъ повѣсился на самой толстой вѣтви безплодной смоковницы.

У ногъ мертваго апостола плащъ казался большимъ кровавымъ пятномъ. Шакалъ легъ на него и проспалъ до зари. Когда наступило блѣдное утро, огромный коршунъ съ красноватыми крыльями сталъ высоко въ небѣ описывать круги надъ зловѣщимъ деревомъ.

Изъ «Revue de Paris». E. Gebhart.

ЗА АТЛАНТИЧЕСКИМЪ ОКЕАНОМЪ.

ПУТЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ ЛЮДВИГА КРЖИВИЦКАГО.

Переводъ съ польскаго **В. Чепинскаго.**

24 мая. Гамбургъ.

Масса пыли — вотъ единственное впечатлѣніе, какое до сихъ поръ произвелъ на меня Гамбургъ. Ни малѣйшаго слѣда той казарменной публичной эстетики, которая такъ всевластно распростерлась надъ прусскими городами: практичная администрація, составленная не изъ бюрократовъ, а изъ купцовъ, знаетъ очень хорошо, что красота—вещь крайне невыгодная, ибо поглощаетъ капиталы и не приноситъ доходовъ. А потому, вмѣсто одного центральнаго вокзала, въ городѣ множество мелкихъ и грязныхъ вокзаловъ, какіе не рѣдкость встрѣтить и у насъ на второстепенныхъ желѣзнодорожныхъ станціяхъ. Еще одна особенность вольнаго города. Вмѣсто полицейской опеки, неразрывно связанной съ каждымъ прусскимъ уголкомъ, исполненіе множества обязанностей предоставлено вниманію и самопомощи обывателей. Желѣзнодорожные поѣзда мчатся по улицѣ, шлагбаумъ опускается лишь въ немногихъ мѣстахъ, кое-гдѣ однѣ надписи призываютъ къ осторожности. Ребятишки шныряютъ по рельсамъ въ то время, какъ приближается локомотивъ, пассажиры вскакиваютъ и выскакиваютъ почти на ходу, глазъ мой, съ трудомъ отыскавъ въ толпѣ «охранителя общественнаго спокойствія», напрасно силится открыть въ немъ слѣды личнаго достоинства, которые проистекали бы изъ сознанія, что безъ него погибъ бы весь родъ человѣческій. Подвижный торговый капитализмъ сломалъ оковы берлинской отеческой опеки!

Измученный ночнымъ путешествіемъ и бѣготней съ утра по конторамъ, я проспалъ цѣлый день. Изъ утренняго осмотра я извлекъ лишь ту пользу, что узналъ о существованіи двухъ раз-

личныхъ Гамбурговъ, чуждыхъ другъ другу: одного—Гамбурга людей зажиточныхъ, утопающаго въ зелени, съ парками, съ широкими, чистыми улицами, другого—грязнаго, тѣснаго, пропитаннаго гнилымъ запахомъ, съ домами въ нѣсколько этажей, похожими на нагроможденныя другъ на друга клѣтки. Кто видѣлъ одинъ городъ и не осмотрѣлъ другого, тотъ составитъ себѣ совершенно превратное понятіе о Гамбургѣ. А вѣдь какъ легко можетъ случиться со всякимъ заѣзжимъ, что простой случай увлечетъ его въ одну сторону и раскроетъ передъ нимъ лишь часть цѣлаго! Между тѣмъ оба города живутъ различною жизнью, различно мыслятъ и, въ особенности со времени холеры, одинъ изъ нихъ является вражескимъ станомъ по отношенію къ другому. Вѣдь «Pfeffersack» u *) не задумались принести своихъ противниковъ въ жертву свирѣпствовавшей эпидеміи и не вынули изъ муниципальной шкатулки ни единаго гроша имъ на помощь!

Лишь поздно вечеромъ предпринялъ я путешествіе по городу или, вѣрнѣе, по одному изъ городовъ, по тому Гамбургу, который былъ очагомъ холеры и всегда является убѣжищемъ труда, связаннаго съ неувѣренностью въ завтрашнемъ днѣ. Съ вокзала Klosterthor я сразу попадаю въ узкіе переулки, представляющіе какъ бы собраніе древностей. Дома въ нѣсколько аршинъ шириною, зато неимовѣрной вышины, тѣснятся другъ къ другу. Каждый домъ по внѣшнему виду отличается отъ другого, что производитъ странное впечатлѣніе на глазъ, привыкшій къ казарменной простотѣ и шаблонному однообразію новыхъ кварталовъ. Эти старые грязные переулки, окна во всю стѣну, словно въ теплицѣ, эти разнообразныя, но неизмѣнно стрѣльчатыя крыши, неправильныя постройки — все это какъ-то теплѣе, сердечнѣе говоритъ моему воображенію, нежели ряды новомодныхъ домовъ. Индивидуальность явно проглядываетъ въ этомъ старосвѣтскомъ непелицѣ, оригинальная, пестрая, быть можетъ, неотесанная, но съ человѣческимъ сердцемъ...

Гнѣздо авантюристской Ганзы въ настоящее время является мѣстопребываніемъ труда—въ этомъ отношеніи оно не измѣнило, по крайней мѣрѣ, стародавней традиціи; но потомки пресловутыхъ патриціевъ выселились изъ тѣсныхъ переулковъ и опошлѣли подъ вліяніемъ капиталистическаго шаблона. На улицахъ шумно. Толпы тружениковъ высыпали теперь изъ душныхъ горницъ на свѣжій воздухъ—какая иронія! атмосфера, полная сажи и пыли, можетъ

*) «Pfeffersack», мѣшокъ съ перцемъ, прозвище крупныхъ буржуа въ Гамбургѣ. *Перев.*

еще называться свѣжей! Мѣстами трудно протиснуться, тамъ и сямъ изъ кабаковъ доносится пронзительная музыка, здѣсь обсуждаетъ что-то небольшая толпа, дальше—другая, третья, десятая... У одного я замѣчаю большую книжку въ рукахъ; возлѣ него нѣсколько подростковъ безъ сюртуковъ, въ громадныхъ сѣрыхъ шляпахъ. Это самоучка - лекторъ! Сидитъ онъ на крутой лѣсенкѣ и въ полусвѣтѣ что-то громко читаетъ. Повсюду газеты. Стало быть, не одна только холера ютится въ старомъ, грязномъ, запущенномъ Гамбургѣ гордой Ганзы! Я стараюсь приблизиться къ какой нибудь кучкѣ. Ухо мое ловитъ отдѣльныя слова—распущеніе рейхстага, новые выборы... Въ серединѣ интеллигентный мужчина, безъ сюртука и въ громадной шляпѣ, живо обсуждаетъ что-то. Иду дальше. На углу — группа молодежи, рѣшительная, смѣлая, въ такихъ же сѣрыхъ шляпахъ—повидимому, такой уборъ тѣсно связанъ съ этими переулками. Слышу какое-то сквернословіе — подростокъ съ испитымъ лицомъ ругаетъ своего «пфефферзака».

Среди этого стана, напоминающаго сеймъ, среди взрывовъ жалобъ, ненависти и отголосковъ кабацкой оргіи, разсыпалась человѣческая мелюзга. Надо идти осторожно, ибо на панели узкой улицы то и дѣло можно наступить на малютку, ползающаго еще на четверинькахъ, или задѣть локтемъ маленькую дѣвочку, прислушивающуюся къ жалобамъ отцовъ или къ разговорамъ о парламентѣ. Къ свободѣ дѣтей я привыкъ уже въ Берлинѣ: улица—это ихъ салонъ, ихъ объѣзжаетъ извозчичья пролетка, внимательно обходитъ прохожій. Въ Гамбургѣ, этомъ недавнемъ очагѣ холеры, свобода дѣтей еще больше. Кажется, пузыри вотъ-вотъ влѣзутъ на шею «охранителю спокойствія», сорвутъ съ него каску, и онъ будетъ стоять беззащитный передъ лицомъ расхрабрившихся малышей - гражданъ. «Не было у насъ въ дѣтствѣ такой свободы», говоритъ мой спутникъ-нѣмецъ: «если бы мы съ младенчества привыкли къ такой смѣлости, нашему Михелю *) теперь нечего было бы такъ бороться противъ милитаризма».

Ночь прерываетъ мое путешествіе. Съ сожалѣніемъ покидаю я закоулки стараго Гамбурга.

25 мая. На Каналѣ.

Мы оставляемъ за собою на поверхности воды широкую полосу исчезающую гдѣ-то тамъ, въ невидимой дали. Посреди этой полосы, въ томъ мѣстѣ, гдѣ вода впадаетъ въ углубленіе, обра-

*) Прозвище нѣмца. *Перев.*

зующееся позади парохода, тянется зеленоватая лента; по краямъ ея пѣнится зыбь. Полоса эта кажется сотканною на безконечной основѣ въ одномъ поясѣ изъ рядовъ бѣлыхъ нитей. Тамъ и сямъ, въ сторонѣ отъ млечнаго пути, тянущагося по нашимъ слѣдамъ, вздымается бѣлый гребень и, падая внизъ, разсыпается словно брызгами молока. Это вспѣнилась волна. Опять взглядъ возвращается къ пути, взбаламученному нами. Тамъ далеко, среди правильно сотканныхъ швовъ пѣны усѣлась неправильная группа бѣлыхъ точекъ. Ужъ не вздымающіяся ли волны прорвали сотканную изъ пѣны полосу? Бѣлыя, нѣжныя точки подымаются кверху, летятъ надъ бѣлоснѣжною зыбью, исчезаютъ въ ней, снова выплываютъ и все приближаются. Это чайки. Отъ Соутгамптона насъ сопровождаетъ цѣлая ихъ стая. Кто-то бросилъ съ палубы кусокъ хлѣба—вся стая падаетъ въ воду и долго ищетъ корма. Можно подумать, что чайки плаваютъ по водѣ, хотя онѣ только носятся надъ нею.

Намъ сопутствуютъ берега Англіи. Иногда мы ѣдемъ такъ близко, что можно различить окна въ домахъ и дорожки на покатостяхъ; иногда же опять удаляемся отъ берега, мгла словно кисеей застилаетъ наготу скалъ и красоту рощъ. Море дышетъ жизнью, по всѣмъ направленіямъ мчатся корабли, пароходы, рыбачьи лодки. Иногда проносится мимо яхта прогуливающагося по морю богатаго англичанина. Около миніатюрной паровой машины возится легко одѣтая семья, даже молодыя «misses» не остаются праздными и помогаютъ мужчинамъ. По сравненію съ нашимъ великаномъ, яхта кажется орѣховой скорлупой. Волна, созданная нами, подхватываетъ утлую паровую ладью, прокатываетъ ее на своемъ гребнѣ и бросаетъ внизъ. Зальетъ ее! Нѣтъ, яхта выплываетъ, словно играя съ морскою стихіей. «Ladies» и «misses» машутъ намъ издали на прощанье платками, джентльмены приподымаютъ шляпы. Разстояніе увеличивается, яхта исчезаетъ изъ глазъ, одна лишь черная труба свидѣтельствуетъ о томъ, что она движется гдѣ-то на поверхности водъ.

Послѣ Соутгамтона на суднѣ выступилъ на сцену національный вопросъ. До сихъ поръ «Колумбію» наполняли одни лишь нѣмцы, въ послѣднемъ портѣ прибыли англичане. Отличить ихъ не трудно: вся ихъ одежда, отъ ботинокъ до шапки, принаровлена къ путешествію. Держатся они всѣ вмѣстѣ. Они молча дѣлаютъ другъ другу указанія, какъ слѣдуетъ держаться на морѣ, отыскали неизвѣстные намъ уголки, снесли туда кресла, читаютъ, спорятъ, играютъ въ шахматы или въ карты. Когда нѣмцы начинаютъ пѣть хоромъ, англичане собираются въ качествѣ зри-

телей, обмѣниваются другъ съ другомъ громкими замѣчаніями, безцеремонно смотрятъ въ бинокли, словно глядятъ на звѣрей въ звѣринцѣ.

Нѣмецъ свысока относится къ нашему брату. Впрочемъ, не всѣ держатъ себя одинаково, все зависитъ отъ того, къ какой партіи принадлежитъ данное лицо Свободомыслящій холодно, но вѣжливо поклонится вамъ издали, національ-либералъ (двуногое млекопитающее, по большей части, почтенныхъ размѣровъ) повернется къ вамъ спиной, если только не почувствуетъ, что пріѣзжій благороднаго происхожденія—разумѣется, въ современномъ смыслѣ, т. е. имѣетъ за себя достаточную денежную рекомендацію. Тогда онъ станетъ скакать, какъ песъ на заднихъ лапкахъ, подлизывающійся изъ за кусочка сахара. Не знаю, какъ сталъ бы держать себя юнкеръ, такъ какъ мнѣ не приходилось имѣть дѣла съ чисто-нѣмецкими «фон'ами»; что же касается до жалкихъ ихъ подражателей изъ Познани, то на нихъ нельзя смотрѣть серьезно: всякія копіи всегда имѣютъ характеръ поддѣлокъ. Тѣмъ не менѣе, я полагаю, что у чисто нѣмецкаго «фон'а», насколько онъ сохранилъ еще въ себѣ старинную рыцарскую грубость и презрѣніе къ маммонѣ, выраженіе лица будетъ болѣе человѣческое, чѣмъ у городского выскочки... Англичане относятся къ нѣмцамъ, особенно національ-либеральнаго пошиба, совершенно такъ же, какъ нѣмцы относятся къ нашимъ землякамъ. Сынъ же воинствующаго Vaterland'а просто не знаетъ, какъ и плясать передъ этимъ высшимъ созданіемъ. Кое-кто изъ нѣмцевъ постоянно возобновляетъ попытки какъ-нибудь проникнуть въ общество англичанъ, подходитъ къ нимъ, дѣлаетъ замѣчанія по-англійски, но отъ него отдѣлываются либо молчаніемъ, либо малозначущими «yes», и, наконецъ, онъ теряетъ терпѣніе и отступаетъ...

Теплый, тихій вечеръ. Мы проѣзжаемъ мимо двойного морского фонаря на островѣ Сцилли. Скоро распростимся навсегда съ европейскимъ континентомъ и очутимся въ открытомъ морѣ: воды Сѣвернаго моря и Канала нельзя еще принимать за настоящее море. Желаніе увидѣть океанъ столпило всѣхъ на палубѣ. Мы подаемъ сигналы. При помощи разноцвѣтнаго огня мы дали знать сторожу маяка на островѣ Сцилли, какъ мы называемся—пусть онъ доложитъ всему міру, что такой-то пароходъ счастливо миновалъ самую опасную часть пути и въ такой-то часъ пустился на необозримую водную поверхность.

Но никто не поставилъ границъ между каналомъ и океаномъ. То тотъ, то другой изъ пассажировъ, потерявъ надежду узрѣть

океанъ, отправляется въ свою каюту. На палубѣ образуется много пустыхъ мѣстъ. Я сижу на верху и пытаюсь проникнуть взоромъ въ таинственную темноту ночи и въ безпредѣльныя водныя пространства. Странное чувство овладѣваетъ человѣческимъ существомъ. «Море» глубоко и широко, и вотъ поглотитъ оно тебя, и никто не узнаетъ, въ какомъ мѣстѣ ты перешелъ изъ одной безконечности въ другую... Не страхъ это—совсѣмъ нѣтъ! да и не радость также, а скорѣе нѣчто похожее на экстазъ, въ состояніи котораго истинные поклонники нирваны сбрасываютъ съ себя оковы бытія. Блаженствомъ наполняетъ тебя мысль, что вотъ ты помѣришься съ таинственнымъ пространствомъ, которое сегодня улыбается, а завтра, быть можетъ, задрожитъ и заволнуется подъ тобою. Это страхъ передъ безграничной неопредѣленностью, соединенный съ томленіемъ по ней.

29 мая. Въ открытомъ морѣ.

Вотъ уже три дня, какъ мы на океанѣ. Кругомъ пустынно, даже на далекомъ горизонтѣ не мелькаетъ конецъ корабля. Чайки покинули насъ. Не смотря на тишину, волны высоко вздымаются и кудрявятъ бѣгущую за пароходомъ водную ленту. Цѣлыми часами силюсь понять технику морской краски и вибраціи волнъ. Поверхность имѣетъ одинъ видъ, если смотрѣть на нее противъ солнца, и другой, если взглядъ скользитъ по направленію лучей дневного свѣтила. Если небо нахмурится, отблескъ снова получается иной. Море не всегда одинаково дѣйствуетъ на нервы: самосознаніе мало-по-малу уходитъ вглубь и засыпаетъ, какъ у индусскаго факира, который, находясь въ пассивномъ экстазѣ, освобожденный отъ страстей, желаній, наконецъ, отъ всякихъ мыслей, все-таки чувствуетъ, что еще живетъ при каждомъ шепотѣ и трепетѣ природы. Стихійно, безсознательно, рождается склонность къ мистицизму съ оттѣнкомъ пантеизма. При видѣ этой безпредѣльной, голубой, волнующейся поверхности васъ охватываетъ блаженство. Но подъ этимъ покоемъ скрывается безпрерывная угроза опасности. Никто не знаетъ, когда она обрушится, когда гнѣвъ заклокочетъ въ груди воднаго великана. Мысль часто возвращается къ этому предмету и даже начинаетъ жаждать гула бури.

Изъ моря выплыла отвага викинговъ. Житель материка съумѣетъ быть смѣлымъ, когда опасность наступила. Человѣкъ моря ожидаетъ опасности смѣло, болѣе того—спокойно. Я думаю, есть натуры, рожденныя для моря, которымъ тоскливо и тѣсно на континентѣ, Я лично знаю людей, которые душевно и даже

физически страдали во время пребыванія въ Швейцаріи съ ея разнообразнымъ, тѣснымъ горизонтомъ. Ими овладѣвала тоска, переходившая въ нервную боль въ груди, апатія давила ихъ. Ихъ исцѣлялъ видъ равнины, и это раскрывало имъ причины подобнаго состоянія. Чтобы находить наслажденіе въ общеніи съ моремъ, надо обладать особымъ складомъ духа и чувствъ. Навѣрно, есть такіе люди. Случай обыкновенно открываетъ имъ глаза на ихъ призваніе, иногда же они умираютъ, не успѣвъ ни разу побывать среди своей стихіи.

Море должно быть сердечнымъ товарищемъ для всѣхъ, кто не бѣжитъ отъ счастья, не надѣясь, однако, завернуть въ его пристань.

Я взялъ изъ небольшой пароходной библіотеки Байрона и наслаждаюсь лирическими изліяніями, вплетенными въ мелодію величія и безконечности моря. Въ полудремотѣ, вздрагивая при непрестанномъ движеніи волнъ и вглядываясь въ безпредѣльное морское пространство, я начинаю понимать тоску, которая вылилась изъ души поэта такимъ великолѣпнымъ аккордомъ, какъ прощаніе Чайльдъ-Гарольда:

«For pleasures past J have no grief
Nor perils gahtering near
My greatest grief is that J leave
No thing thaf claims a tear» *).

30 мая. Въ открытомъ морѣ.

Небо заволокло тучами, море приняло оловянный оттѣнокъ, волны вздымаются, нашъ пароходъ слегка подскакиваетъ. Палуба сдѣлалась всецѣло достояніемъ англичанъ; нѣмцевъ совсѣмъ не видно, они борются со своею участью въ каютахъ. Шумъ и смѣхъ раздаются на опустѣвшей палубѣ. Англичане выставили небольшой колышекъ, придѣланный къ досчечкѣ; человѣкъ десять, иные уже сѣдовласые, другіе еще безъ всякихъ признаковъ растительности, забавляются метаніемъ небольшихъ обручей. Веревочный обручъ долженъ, падая, повиснуть на колышкѣ. Лишь одинъ разъ изъ двадцати кому-нибудь удается достигнуть этого.

Кучка играющихъ растетъ, лица разгораются, то одинъ, то другой вынимаетъ бумажникъ. Пари слѣдуютъ за пари. Всѣмъ распоряжается пятидесятилѣтній мужчина, сильный и интеллигент-

---

*) Не жаль мнѣ дней счастья въ родной сторонѣ,
Не гнусь я при видѣ грозы,
Но горько одно лишь, что не о комъ мнѣ
Сронить ни единой слезы. (Перев. Минаева).

ный. Смѣхъ, шутки, остроты. Кто-нибудь ловко нанизываетъ на колышекъ одинъ обручъ за другимъ, потомъ со смѣхомъ обходитъ проигравшихъ пари и собираетъ шиллинги. Изъ сдержанныхъ джентльменовъ англичане превратились въ толпу веселыхъ шалуновъ. Они показываютъ другъ другу языки, одинъ отъ радости кувыркается, не смотря на свои сѣдые волосы. Прислуга звонкомъ приглашаетъ къ обѣду—англичане не обращаютъ на это вниманія, смѣются и продолжаютъ биться объ закладъ. Игра эта происходитъ уже не въ первый разъ; нѣмцы не принимаютъ въ ней никакого участія: пьютъ пиво, играютъ въ карты или увиваются около дамъ.

30 мая. На водахъ сѣвернаго теченія.

Холодъ пронизывающій, волны доходятъ уже до нижней палубы. Мы переплываемъ теченіе, отводящее воды изъ Сѣвернаго океана, и находимся сравнительно недалеко отъ Ньюфаундлэндскихъ ледниковъ. Около пяти часовъ мы видѣли издали ледяную гору, дальнозоркіе же моряки различали еще и другую. Надъ водою носятся птицы; мичманъ увѣряетъ, что въ волнахъ видитъ китовъ. Вскорѣ мы подъѣзжаемъ къ судамъ, занимающимся ловлей ихъ. Одно судно такъ близко къ намъ, что стоитъ только протянуть руку, чтобы достать его. Мы кричимъ: «ура!» Никто намъ не отвѣчаетъ: вся команда носится на челнахъ по поверхности океана. Они встрѣчаются намъ по пути—это утлыя ладьи, въ которыхъ не можитъ помѣститься больше пяти человѣкъ. Дальше виднѣется другое, третье китобойное судно, команды ихъ также носятся по волнамъ на челнахъ. Никогда мы не видимъ всѣхъ ихъ одновременно. Вотъ волна подхватила одинъ изъ челновъ, несетъ его на своемъ хребтѣ, свергаетъ внизъ—вода скрыла его отъ нашихъ взоровъ. Кажется, будто море извергаетъ изъ пучины своей маріонетокъ и опять поглощаетъ ихъ.

Англичане безраздѣльно владѣютъ палубой. Теперь я могу отлично наблюдать особенность ихъ культуры. Никогда не встрѣчалъ я пожилыхъ людей съ такою дѣтскою впечатлительностью. Играютъ, напр., въ обручи, и кто-то, чуть-ли не въ десятый разъ въ теченіе одного часа, объявляетъ о близости китовъ. Всѣ чуть ли не въ десятый разъ бросаютъ игру, толпятся у барьера, кричатъ, смотрятъ въ бинокли. Потомъ всякій вынимаетъ дорожную записную книжку, глядитъ на часы и отмѣчаетъ, что въ такомъ-то часу кричалъ «ура» въ честь кита, быть можетъ, фиктивнаго. Появится ли верхушка мачты на горизонтѣ,—то же самое любопытство, то же оживленіе, то же записываніе въ книжку. Часовъ

около двѣнадцати капитанъ объявляетъ, подъ какой широтой и долготой мы находимся и на вывѣшенной картѣ отмѣчаетъ это мѣсто особымъ значкомъ. Англичане всѣ срисовали эту карту и начертили на ней нашъ путь. То тотъ, то другой дѣлаетъ усиліе, чтобы письменно выразить свою мысль—грызетъ карандашъ или вертитъ въ рукѣ автоматическое перо; вотъ онъ ужъ собрался что-то записать, но въ послѣднюю минуту колеблется и снова грызетъ злополучное орудіе письма. Во время концерта, который длится около двухъ часовъ, онъ не успѣлъ написать и полъ-странички. Это записыванье—не одна только формальность, не этикетъ,—видно, что человѣкъ вкладываетъ въ это дѣло свою душу.

Въ ихъ играхъ обнаруживается та же страстность. Сегодня они выдумали новую игру. Двое взялись за концы веревки и принялись вращать ее: веревка сначала касается пола, потомъ каждая ея точка описываетъ круги и опускается снова внизъ. Вся штука состоитъ въ томъ, чтобы перескочить черезъ веревку въ тотъ моментъ, когда она коснется земли. Это вовсе не легко, такъ какъ быстрота вращенія вполнѣ зависитъ отъ лицъ, держащихъ концы веревки. И старъ, и младъ скачутъ черезъ веревку, болѣе или менѣе неловкіе награждаются не особенно деликатными ударами по лицу, и все это среди остротъ, закладовъ и сопровождающаго ихъ подсчитыванія пенсовъ. Какая-то «miss» одерживаетъ побѣду; она прыгаетъ съ безупречной ловкостью, слегка приподнявъ юбку, и искусно предупреждаетъ всѣ хитрыя штуки тѣхъ, кто держитъ веревку.

31 мая, рано утромъ.

Въ воздухѣ тепло и влажно. Стоитъ такой густой туманъ, что даже на близкомъ разстояніи глазъ не можетъ пронизать его. Дуетъ сильный вѣтеръ, пригоняя къ намъ волны. Никакая кисть не изобразитъ этого зрѣлища, отличительная черта котораго—движеніе. Насколько хватаетъ глазъ—вездѣ тянутся валы, тамъ и сямъ прерываемые поднимающеюся пѣной, равномѣрно удаленные другъ отъ друга, и всѣ, словно армія во время атаки, идутъ на насъ. Движутся они по удивительно изогнутой поверхности.

Ни разу еще пароходъ не плясалъ такъ сильно. На палубѣ остается только человѣкъ десять—видно, что это истинныя натуры моря. Опершись о перила, они вмѣстѣ съ пароходомъ падаютъ внизъ и подымаются вверхъ, привѣтствуя громкими криками восторга каждое болѣе сильное паденіе или подъемъ. Огромное наслажденіе трепетать такъ и жить заодно съ разъярившейся стихіей.

Завтра въ это время мы будемъ уже въ портѣ.

2 іюня. Nawark, N. J.

Странное впечатлѣнія произвела на меня сначала Америка— въ высшей степени непріятное. Грязь, пыль — нѣтъ, нашей немытой родинѣ нечего стыдиться своихъ грязныхъ мѣстечекъ, она не послѣдняя въ этомъ отношеніи на землѣ! Вездѣ на главныхъ улицахъ—кучи мусору, какъ въ нашихъ закоулкахъ. Крайне запущены также значительныя площади земли вдоль желѣзнодорожныхъ линій. Въ Германіи каждый клочекъ подвергается тщательному уходу, здѣсь же на каждомъ шагу мы встрѣчаемъ пустыри. По всему видно, что здѣсь человѣкъ для эксплуатаціи имѣетъ въ своемъ распоряженіи щедрыя и богатыя силы природы, и что ему не приходится трудиться надъ обработкой болѣе или менѣе плохой почвы. Поэтому полотно желѣзной дороги и проходитъ мѣстами по пустырямъ. Нѣтъ, мы ошиблись: и пустырь пошелъ въ дѣло, такъ какъ на всемъ пространствѣ, какое только можетъ обхватить глазъ, онъ заставленъ огромными заборами или, точнѣе, цѣлыми лѣсами рекламъ. Отдѣльныя буквы иногда величиною съ меня, и, не смотря на быструю ѣзду, я легко могу прочесть въ окна вагона, о чемъ гласятъ рекламы. Рекламы попадаются намъ на каждомъ шагу. Входя въ вокзалъ, мы топчемъ ихъ ногами на ступеняхъ, мы усматриваемъ ихъ на крышахъ сельскихъ домиковъ, на фабричныхъ трубахъ, на подпорахъ мостовъ.

Дома тамъ не имѣютъ нашихъ покатыхъ, острыхъ крышъ, а слѣдовательно, и чердаковъ для сушки бѣлья. Для этой цѣли американецъ придумалъ другое средство. Вездѣ, на большихъ дворахъ, торчатъ столбы, и на высотѣ каждаго этажа отъ столба къ столбу протянуты подвижныя веревки. Хозяйка изъ окна развѣшиваетъ бѣлье на веревкѣ, прикрѣпляетъ его, чтобы оно не упало, и передвигаетъ посредствомъ особагô приспособленія. Повсюду, куда ни взглянешь, развѣваются такія бѣлыя знамена. Не скажу, чтобы это зрѣлище имѣло особенную прелесть, но оно превосходно гармонируетъ съ мусорными корзинами, разставленными по троттуару.

3 іюня. New-York.

Поѣздъ мчитъ меня по «elevator railroad», т. е. верхней желѣзной дорогѣ, пересѣкающей Нью-Іоркъ, съ невѣдомою нашимъ поѣздамъ быстротою. По одной сторонѣ улицы возвышается на опредѣленномъ разстояніи другъ отъ друга рядъ столбовъ, вродѣ нашихъ фонарныхъ; инженерное искусство съ поразительной смѣлостью перекинуло черезъ нихъ короткія шпалы—каждый столбъ на верху развѣтвляется на двое и обхватываетъ шпалу своими

желѣзными тисками. По другой сторонѣ улицы тянется совершенно такой же рядъ столбовъ: тамъ пробѣгаетъ теперь рядъ вагоновъ въ противоположномъ направленіи. Черезъ каждыя нѣсколько минутъ мы останавливаемся, нѣсколько десятковъ пассажировъ выходитъ, столько же входитъ, и все это происходитъ гораздо быстрѣе, чѣмъ на мѣстахъ остановокъ трамваевъ въ Варшавѣ.

Мы мчимся на высотѣ перваго, по нашему второго этажа, по горизонтально положенной лѣстницѣ — лучшаго сравненія подыскать невозможно. Теперь мы уже почти за городомъ — улицы здѣсь только-что возникаютъ. Лѣстница пробѣгаетъ на высотѣ четвертаго этажа да еще извивается въ видѣ буквы S. Неужели мы поѣдемъ по этой отчаянной дорогѣ? Да, мы ѣдемъ по ней и притомъ съ такою же скоростью.

Я ѣду по «Avenue» — будемъ американцами и замѣнимъ это длинное выраженіе болѣе краткимъ и удобнымъ: «Ave № 9». Передо мною непрерывный рядъ казармъ, совершенно одинаковой архитектуры, одинаковаго кирпичнаго цвѣта. Такой шаблонности и въ такомъ большомъ масштабѣ мнѣ не случалось еще видѣть въ Европѣ. Красныя стѣны, узкія окна, одна и та же архитектура все это производитъ угнетающее впечатлѣніе. Мысль моя поневолѣ сверлитъ эти стѣны, проникаетъ внутрь домовъ, ищетъ тамъ человѣческой души и старается разгадать, какъ эта родственная мнѣ душа, отлитая въ каждомъ человѣкѣ на особый ладъ, должна чувствовать себя въ этомъ наводненіи шаблона, гдѣ даже храмы и вмѣстилища искусства такіе же дома безъ всякой оригинальности. Мысль бѣжитъ оттуда, натолкнувшись на нѣчто чуждое себѣ. Можно ли предположить въ этомъ морѣ казарменности какое-нибудь оригинальное существо, которое такъ же отличалось бы мощью и своеобразностью отъ своихъ сосѣдей, какъ дома любого средневѣкового переулка отличались другъ отъ друга? И не знаю почему, среди звона колокольчиковъ желѣзной дороги, проложенной надъ рядами однообразныхъ домовъ, въ этомъ царствѣ шаблона, гдѣ человѣкъ за наемную плату живетъ въ чужихъ стѣнахъ, все время мысль моя возвращается къ спиритизму. Кажется, только теперь я понялъ сущность всѣхъ разговоровъ съ духами посредствомъ вращающихся столиковъ, — разговоровъ безъ единой крупицы мистическаго восторга; кумушки завязываютъ сношеніе съ «великой тайной», словно съ какой-нибудь сосѣдкой, съ которой можно цѣлыми часами тараторить о цѣнѣ мяса. Всѣ прочіе кварталы Нью-Іорка отличаются такимъ же казарменнымъ характеромъ. «Down-town» слагается изъ улицъ, различно расположен-

ныхъ; каждая изъ нихъ имѣетъ свое названіе, и въ этомъ отчасти скрывается исторія этой части города. «Broadway» своимъ названіемъ свидѣтельствуетъ о томъ, что когда-то она была самой широкой артеріей городскаго движенія, «Bowery» — названа такъ, благодаря своей выгнутой формѣ. Но верхній, новый городъ умалчиваетъ о своемъ прошломъ, ибо не имѣетъ его. Нью-Іоркъ въ этомъ мѣстѣ выросталъ очень быстро. Человѣкъ заранѣе набрасывалъ схемы для будущаго своего мѣстопребыванія и, за отсутствіемъ исторіи, которая окрестила бы улицы такъ или иначе, призвалъ на помощь логику. По направленію съ юга на сѣверъ онъ провелъ длинныя, равномѣрныя линіи, «avenues», обозначилъ ихъ либо цифрами: «Ave 1,... 12», либо буквами: «Ave A,... D». На нѣкоторыхъ изъ нихъ по нѣскольку тысячъ домовъ. Перпендикулярно къ этимъ линіямъ онъ провелъ множество болѣе короткихъ (на картѣ ихъ больше 200) и каждую опять назвалъ цифрами. Это «streets 1, 10... 100». Каждую изъ streets, улицъ, подраздѣлилъ онъ еще на восточную и западную. Адресъ гласитъ кратко: 164 E. Str. 95, т.-е. домъ подъ номеромъ 164, на восточной сторонѣ 95-ой улицы. При каждомъ пересѣченіи такой улицы съ «Ave» номера домовъ начинаются съ новой сотни. Однимъ словомъ, все подогнано къ одному и тому же образцу. Однако же, я охотно прощаю подобную шаблонность; я готовъ даже согласиться на какую угодно простоту, лишь бы она сберегала непроизводительную затрату силъ и тѣмъ самымъ дѣлала бы болѣе возможнымъ разцвѣтъ внутренняго разнообразія. Схема же улицъ является такого рода упрощеніемъ. Черезъ десять минутъ внимательнаго изученія я могу оріентироваться въ пространствѣ, гдѣ живетъ около милліона человѣческихъ головъ. Что бы тамъ ни было, схема эта остается тѣмъ, что она есть: живымъ, или, лучше сказать, мертвымъ доказательствомъ шаблонности современной жизни. Въ умѣ моемъ выплываетъ старый Гамбургъ съ его закопченными стѣнами, изогнутыми въ странныя, но всегда своеобразныя и оригинальныя формы. Это двѣ различныя эпохи исторіи человѣчества! Тамъ, на лонѣ старой Ганзы, у производителя было свое собственное имя, и онъ заботился о томъ, чтобы дѣло его рукъ славило своего творца. Здѣсь, среди этихъ улицъ, которыя при крещеніи получили имена, взятыя изъ азбуки и изъ руководства по ариѳметикѣ, въ лабиринтѣ какъ двѣ капли воды похожихъ другъ на друга зданій, я чувствую, что нахожусь среди твореній безымянной человѣческой толпы, что фабрика, лишенная индивидуализма, наложила свой отпечатокъ даже на улицы и дома, на окна и двери, на задвижки и занавѣски.

Вездѣ реклама! Въ Нью-Іоркѣ и въ Бруклинѣ нѣсколько сотенъ станцій верхней желѣзной дороги; къ каждой станціи ведутъ лѣстницы въ нѣсколько десятковъ ступеней. На вертикальной сторонѣ каждой ступени прибита довольно большая, эмальированная, металлическая досчечка, предлагающая какой-то порошокъ для печенья. Принимая во вниманіе обиліе станцій и лѣстницъ, мы не ошибемся, считая, что число такого рода табличекъ сто тысячъ! Если бы мнѣ когда-нибудь понадобилась эта специя, я машинально рѣшилъ бы купить ее у данной фирмы. Въ числѣ рекламъ на крышахъ, на стѣнахъ, на лѣсахъ вдоль загородной желѣзной дороги, замѣчаю также газеты. Издательство газеты въ Америкѣ сбросило съ себя всякіе идеологическіе покровы, въ какіе любятъ еще наряжаться въ старой Европѣ. Это—«business» (гешефтъ), ничѣмъ не отличающійся отъ производства порошка для печенья. Ба! да не только публицистическія каѳедры оказываются убѣжищемъ гешефта! Изъ окна городского поѣзда желѣзной дороги я вижу громадную афишу—объявленіе какого-то храма о томъ, что нигдѣ не бываетъ такого великолѣпнаго богослуженія. Обязанности священника сдѣлались за моремъ такою же профессіей, какъ у насъ адвокатура или медицинская помощь. A propos. Проходя по Ave 5, я увидѣлъ за оградой дѣтскую гвардію въ голубыхъ мундирахъ. Нѣсколько дѣтей шло впереди и изо всей силы били въ барабанъ, одинъ несъ знамя, а прочіе двигались сомкнутой шеренгой съ ружьями на плечахъ. Меня удивилъ этотъ дѣтскій милитаризмъ, явно разсчитанный на эффектъ. Любопытство мое возрасло, когда я замѣтилъ между батальонами нѣсколько старыхъ вѣдьмъ — таково было мое первое впечатлѣніе! — одѣтыхъ въ черное, съ капюшонами на головѣ, съ опущенными на лицо вуалями. Гвардія вышла изъ сада, перешла черезъ улицу и съ барабаннымъ боемъ стала обходить вокругъ сосѣдняго храма великолѣпной постройки. Надпись на воротахъ: «Catholic orphan house» (Католическій сиротскій домъ) вывела меня изъ невѣдѣнія. Все это была реклама, разсчитанная на приманку толпы, въ особенности же на привлеченіе молодого поколѣнія! Вѣдь дѣти такъ льнутъ къ мундирамъ, ружьямъ, барабанамъ, маршамъ! Когда-то вѣдь посредствомъ парадовъ и музыки держали въ повиновеніи парагвайское стадо...

4 іюня. Brownsville, N. Y.

Броунсвиль — еврейская колонія на разстояніи часа ѣзды отъ Нью-Іорка. По дорогѣ туда мнѣ пришлось проѣзжать черезъ Бруклинъ. Число жителей этого города въ точности мнѣ неиз-

вѣстно: по переписи 1890 г. ихъ считалось 800 тысячъ. И тѣмъ не менѣе, изъ за каждаго поворота выглядываетъ еще деревня. На болѣе богатыхъ улицахъ низкіе, одноэтажные, деревянные домики, на главнѣйшихъ торговыхъ артеріяхъ — трехэтажные, но матеріалъ, въ большинствѣ случаевъ, одинъ и тотъ же — дерево. Впечатлѣніе получается странное, когда наряду съ верхними желѣзными дорогами и электрическимъ освѣщеніемъ, видишь непрерывные ряды высокихъ деревянныхъ строеній. Кучи мусору на улицахъ, часто совсѣмъ не мощеныхъ, и въ то же время электрическіе фонари. Каждая хозяйка въ опредѣленные часы дня выставляетъ на улицу передъ домомъ корзину съ мусоромъ, которая потомъ опорожняется спеціально съ этою цѣлью въ проѣзжающую телѣгу. Проходя по улицѣ около полудня, мы видимъ передъ каждымъ домомъ бочонки, ящики и корзины съ мусоромъ и кухонными отбросами.

Американцу положительно некогда украшать свой городъ. Это результатъ не врожденной нечистоплотности, а чрезвычайно быстраго развитія жизни. Грязь въ европейскихъ городахъ указываетъ на низкій уровень потребностей, американская же грязь — на быстрый прогрессъ и на чистоту. Я вполнѣ убѣждаюсь въ этомъ въ Броунсвиллѣ. Только-что провели въ открытомъ полѣ нѣсколько десятковъ артерій движенія и застроили ихъ Не успѣли еще ни выставить на углахъ названій улицъ, ни вымостить ихъ, а потому по срединѣ—горы рухляди и камней. Однако, тротуары уже устроены, электрическіе фонари разсѣеваютъ ночной мракъ. Городское управленіе дѣлаетъ все крайне необходимое, прочее же откладываетъ на будущее. Это зрѣлище даетъ намъ какъ бы ключъ къ пониманію американской культуры. Броунсвиль—незаконченный еще городъ, какъ и весь сѣверо-американскій союзъ—незаконченная еще культура, которая не успѣваетъ еще справиться съ одними дѣлами, когда на сцену выступаютъ другія и требуютъ рѣшенія. Даже ежедневный вывозъ мусора на дѣлѣ оказывается, быть можетъ, весьма разумнымъ средствомъ. Корзины, стоящія у каждаго дома, не отличаются особенною прелестью, но вѣдь черезъ какой-нибудь часъ всѣ эти отбросы исчезнутъ въ телѣгѣ. Это ужъ, разумѣется, лучше, чѣмъ если бы они гнили гдѣ-нибудь на дворѣ, лицемѣрно скрытые отъ взоровъ прохожаго и заражая воздухъ по цѣлымъ мѣсяцамъ. Америка совершенно порвала съ эстетикой и лицемѣріемъ, ежедневно вывозитъ логовища бактерій и уничтожаетъ всякій источникъ скрытой заразы.

«Help yourself!» (Заботьтесь о себѣ сами!) Улицы Броунсвилля

пересѣкаются рельсами во всевозможныхъ направленіяхъ, по нимъ мчатся поѣзда. Никакихъ оградъ и шлагбаумовъ, хотя тутъ же, на тротуарахъ, играютъ кучки дѣтей!

5 іюня. New-York.

Не разъ уже подмѣчалъ я обычаи, съ перваго взгляда совсѣмъ непонятные моей европейской головѣ. Ремонтируютъ, напр., домъ; весь нижній этажъ разрушенъ, одна или двѣ стѣны совершенно вынуты и только по угламъ видны ряды кирпичей. А между тѣмъ на верхнихъ этажахъ продолжаютъ жить люди, ничуть не безпокоясь, что подъ ними разрушены стѣны! Сегодня эта загадка для меня разъяснилась. На одной улицѣ я издали увидѣлъ огромную трехъэтажную клѣтку. Это лѣса будущаго дома. Изъ приготовленныхъ извѣстнымъ образомъ желѣзныхъ жердей американцы воздвигаютъ сначала скелетъ дома, потомъ прокладываютъ въ горизонтальномъ направленіи полы, а въ вертикальномъ обшиваютъ стѣнами.

6 іюня. New-York.

У насъ, если кто-нибудь собирается въ путь, то беретъ обыкновенно газету и просматриваетъ помѣщенное на послѣдней страницѣ росписаніе поѣздовъ. Въ Америкѣ это дѣло гораздо сложнѣе, здѣшнія экономическія отношенія разрушили нашу простоту. Напрасно стали бы мы искать нѣмецкихъ «Fahrplan'овъ» или росписаній. Желѣзнодорожныя товарищества постоянно мѣняютъ росписаніе поѣздовъ, всякій общій путеводитель оказался бы устарѣлымъ прежде, чѣмъ былъ бы отпечатанъ. Въ этомъ отношеніи большое значеніе имѣютъ отсутствіе централизаціи и конкурренція. Ничего не остается, какъ только лично отправиться на станцію и тамъ, у первоисточника, запастись необходими свѣдѣніями, т.-е., другими словами, попросить книжечку съ росписаніемъ поѣздовъ. Впрочемъ, почти на каждой изъ главнѣйшихъ улицъ, есть контора продажи билетовъ. Достаточно зайти туда и безъ спросу взять изъ шкафчика нужныя росписанія въ какомъ угодно количествѣ.

7 іюня. Brooklyn, N. Y.

«Whisker!» —такимъ прозвищемъ наградила меня толпа мальчишекъ, когда я въ ночномъ мракѣ ждалъ у пивной своего спутника, вошедшаго туда съ цѣлью разузнать дорогу. Меня окружило больше десяти уличныхъ мальчишекъ, одинъ изъ нихъ остановился предо мною, подмигивалъ и корчилъ рожи. Товарищъ мой, вернувшись, рѣшилъ, что намъ слѣдуетъ по возможности скорѣе

удалиться. Потомъ онъ признался мнѣ, что опасался града камней со стороны мальчишекъ.

Кто-то сказалъ, что демократы отличаются нетерпимостью и консерватизмомъ. До извѣстной степени это вѣрно. Не знаю, какъ составилось высокое мнѣніе объ оригинальности американца. Трудно представить себѣ что-нибудь болѣе однообразное! Одежда, меблировка, образъ жизни—рабски одинаковы на всемъ пространствѣ Соединенныхъ Штатовъ. Одна и та же жесткая черная шляпа въ холодное время года, одного и того же фасона соломенная шляпа въ лѣтнюю пору, одного и того же стиля мебель—если и есть какая-нибудь разница, то развѣ только въ матеріалѣ! Да и не можетъ быть иначе тамъ, гдѣ фабричный шаблонъ все захватилъ въ свои тиски и задушилъ оригинальность мелкаго ремесла, гдѣ даже кресла, какъ у насъ сапоги, различаются по нумерамъ. Никто, кромѣ, развѣ, пожилыхъ, не имѣетъ растительности на лицѣ. Малѣйшія нарушенія въ этомъ отношеніи строго преслѣдуются общественнымъ мнѣніемъ, исполнителемъ котораго является подростающее поколѣніе. Китайцы, а ныньче и евреи, дѣлаются жертвами нетерпимости. Первымъ «loafers», т. е. уличники,—по сравненію съ которыми парижскіе уличные мальчишки представляютъ скромное стадо,—обрѣзываютъ косы на улицахъ, если только тотъ, кому угрожаетъ бѣда, не съумѣетъ откупиться. Тотъ, кто носитъ бороду, рискуетъ получить на нѣкоторыхъ улицахъ прозвище «whisker», т. е. «кудлатый», а иногда такъ прямо кто-нибудь можетъ подойти и потянуть его за бороду. Первымъ дѣломъ европеецъ, который желаетъ надолго поселиться въ чисто-американскомъ кварталѣ, долженъ нарядить свою особу по мѣстному образцу, т. е. купить себѣ такую шляпу, какую носятъ всѣ, одѣть свою дочку въ длинное, словно монашеское платьице, такъ что у малютки постоянно будутъ заплетаться ножки въ сладкахъ, сбрить бороду. Особенно среди евреевъ эта болѣзнь доходитъ просто до смѣшного. Рабски копируютъ они,—я говорю о младшемъ поколѣніи,—здѣшніе обычаи, лишь бы только не узнали въ нихъ «dreener'овъ», «popcorn'овъ», «greenhorn'овъ», ибо существуетъ цѣлый лексиконъ ругательствъ, относящихся къ чужеземцу. Какъ американецъ никогда не станетъ переходить черезъ улицу иначе, какъ въ спеціально предназначенныхъ для этого мѣстахъ, такъ и не станетъ этого дѣлать никакой новый обыватель семитскаго происхожденія, только-что пріѣхавшій изъ Бреста или Супрасля. Янки не снимаетъ шляпы въ лавкѣ, не сдѣлаетъ этого и пріѣзжій...

Мѣстная пресса недавно оправдывала позорныя нападенія на

китайцевъ тѣмъ, что они своею конкурренціей подрываютъ благосостояніе рабочихъ. Однако же настоящею причиною этого была нетерпимость: пришлецъ осмѣлился имѣть иныя черты лица, носить косу и одѣваться по своему. Я увѣренъ, что, если бы сынъ неба одѣлся въ мѣстное платье, обрѣзалъ косу и надѣлъ на себя американскую шляпу, ожесточеніе было бы вполовину меньше.

8 іюня. New-York.

Передъ нами цѣлые вороха росписаній поѣздовъ. Это нѣчто достойное изученія! Многія изъ этихъ росписаній величиной съ огромный столъ. На одной сторонѣ огромнаго листа обозначено время отхода поѣздовъ, на другой помѣщена карта той мѣстности, по которой проходятъ линіи даннаго товарищества. Между таблицами движенія вплетены сообщенія о мѣстностяхъ, лежащихъ вдоль этой дороги, и изображенія прелестныхъ пейзажей. Теперь, когда Чикаго *) на языкѣ у всякаго, въ росписаніяхъ движеній мы находимъ планы этого города, виды выставки съ птичьяго полета. Для спеціальныхъ, скорыхъ поѣздовъ росписанія изданы еще изящнѣе. Существуютъ цѣлыя книжки, посвященныя описанію пресловутаго «Flyer'a» (отъ fly—летѣть), вотъ уже нѣсколько недѣль летающаго между Нью-Іоркомъ и Чикаго. На множествѣ рисунковъ изображено устройство обсерваціонныхъ вагоновъ; на планахъ указано расположеніе сидѣній и столиковъ въ вагонѣ, звонковъ и ваннъ, приведены описанія матеріала, изъ котораго сдѣланы портьеры и спинки. Европа не вѣдаетъ такой рекламы или, лучше сказать, такого рода объявленій. Разумѣется, каждая изъ соперничающихъ линій превозноситъ себя до небесъ. Одна напоминаетъ, что только она одна въ цѣломъ свѣтѣ имѣетъ въ своемъ распоряженіи четыре пути на всемъ своемъ протяженіи; другая провозглашаетъ, что проходитъ по самымъ красивымъ мѣстностямъ; третья заявляетъ, что она первая ввела въ употребленіе спальные вагоны.

Въ либеральныхъ руководствахъ политической экономіи нерѣдко встрѣчаются жалобы на обособленность средневѣкового ремесла въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ. Ремесленники, занимавшіеся однимъ ремесломъ, жили рядышкомъ на одной и той же улицѣ, которая для нихъ была цѣлымъ міромъ. Современное экономическое развитіе породило отчасти аналогичныя отношенія. Въ «Down-town'ѣ»—нижнемъ городѣ,—каждая отрасль производства сплотилась въ какомъ-нибудь одномъ мѣстѣ; на нѣсколькихъ со-

*) По случаю выставки. *Перев.*

сѣднихъ улицахъ встрѣчаемъ исключительно конторы фабрикъ, занятыхъ производствомъ машинъ, и напрасно глазъ сталъ бы искать вывѣсокъ, гласящихъ о чемъ-либо иномъ; въ другомъ мѣстѣ—оптовые склады овощей, въ третьемъ—мучные лабазы, магазины лампъ. Но въ то время, какъ въ основаніи средневѣкового цехового устройства лежала взаимная солидарность, связывавшая ремесленниковъ въ одно органическое цѣлое, здѣсь, наоборотъ, такою сплачивающею силой является конкурренція. Одинъ селится рядомъ съ другимъ, такъ какъ каждый хочетъ контролировать своихъ соперниковъ. Словно сбѣжалась стая псовъ и ворчитъ при видѣ того, какъ какой-нибудь обыватель песьяго рода грызетъ кость. Но не станемъ обманываться! Это лишь переходная фаза въ развитіи крупной промышленности. Можетъ быть, результатомъ такой же борьбы нѣкогда явилась и цеховая организація. Соперничающіе бульдоги начинаютъ теперь уже объединяться въ различные союзы,—«troost'ы» и «pool'и»,—конкурренція другъ съ другомъ замѣняется солидарнымъ выслѣживаніемъ барышей, цѣна предметовъ устанавливается одинаковая во всѣхъ конторахъ.

Редакціи газетъ не составляютъ исключенія изъ общаго правила. Онѣ расположились другъ возлѣ друга, близь моста, тамъ, гдѣ ежедневно расплывается въ разныя стороны нѣсколько сотъ тысячъ людей. «World» («Міръ») помѣщается въ 13-ти-этажномъ домѣ; крыша куполообразной формы издали блеститъ на солнцѣ своей позолотой, вечеромъ же пылаетъ электрическимъ свѣтомъ. Если кто-либо станетъ еще сомнѣваться въ томъ, что изданіе газеты сдѣлалось обыкновеннымъ «business'омъ», то сразу освободится отъ такой иллюзіи, придя на улицу «Broadway». Передъ редакціями висятъ огромныя вывѣски, какъ передъ пасхальными панорамами въ Мокотовѣ *). Въ крикливыхъ и бьющихъ на эффектъ заглавіяхъ указывается содержаніе номера газеты, который скоро появится изъ-подъ печатной машины. Другая надпись объявляетъ, что газета имѣетъ стольких-то и стольких-то читателей, которые своею многочисленностью ручаются за доброкачественность печатаемаго товара. Можно свободно входить въ каждую редакцію. Пользуясь этимъ, я расположился въ редакціи «Herald'a» («Герольда»). Огромный залъ, предназначенный къ услугамъ публики, нѣсколько круглыхъ пюпитровъ, каждый на двухъ человѣкъ, чернильницы, перья, почтовая бумага, конверты. Всякій желающій входитъ, пишетъ, допустимъ, письмо на разло-

*) Названіе одного изъ предмѣстій Варшавы. *Перев.*

женной бумагѣ, запечатываетъ его въ конвертъ и выходитъ, не снявъ даже шляпы. На стѣнахъ замѣчаю влажные еще столбцы объявленій — номеръ газеты выйдетъ лишь черезъ два часа, но редакція уже заранѣе вывѣсила объявленія, около которыхъ тѣснится толпа ищущихъ заработка.

Около зданія почты, въ верхней части улицы «Broadway» непрерывно тянутся «offices» (конторы), занимающіяся продажей желѣздорожныхъ билетовъ. Необходимость, сплотившая разныя отрасли производства въ одной и той же мѣстности, оказала такое же вліяніе и на транспортныя агентуры. Повсюду видны рекламы, увѣряющія, что только въ данной конторѣ можно получить билеты по самой дешевой цѣнѣ. Огромныя таблицы съ разными обѣщаніями висятъ на фонаряхъ и стоятъ на тротуарѣ. Съ однимъ знакомымъ, уже нѣсколько лѣтъ живущимъ въ Нью-Іоркѣ, мы странствуемъ изъ конторы въ контору, чтобы, по возможности, дешевле и на лучшихъ условіяхъ пріобрѣсти билетъ въ Чикаго. Торгуемся отчаянно, совсѣмъ какъ въ Поцѣёвѣ *).

9 іюня. New-York.

На «Bowery». Широкая улица съ двумя рядами столбовъ верхней желѣзной дороги. Крикъ и шумъ, страшная пыль, грязь нищеты, мѣстами такая вонь, что дышать трудно. Вдоль тротуаровъ разставлены лотки съ съѣстнымъ. На солнцѣ выставлены: устрицы, омары, сыры, буттерброды; кое-кто подходитъ, беретъ закуску, кропитъ ее жидкостью подозрительнаго запаха и чистоты. Кабаки, склады всякаго старья, въ окнахъ верхнихъ этажей объявленія, что за 15 центовъ въ сутки можно снять комнату. Всѣ утратившіе способность къ систематической работѣ, аферисты, скатившіеся въ пропасть полной нищеты и не могущіе уже выкарабкаться изъ нея,—вотъ населеніе, гнѣздящееся среди этой грязи. Днемъ оно спитъ, вечеромъ аккуратно читаетъ въ газетахъ объявленія о мѣстахъ, хотя и не ходитъ искать ихъ, не вѣря, что можетъ найти какое-нибудь постоянное занятіе; ночью засѣдаетъ въ кабакахъ. Теперь только шесть часовъ. На встрѣчу мнѣ попадаются босыя, грязныя дѣти, оборванные мужчины съ заспаннымъ, апатичнымъ лицомъ, безъ всякаго слѣда энергіи.

Но даже на «Bowery» минуты нищеты услаждаются поэзіей, и въ ней человѣкъ ищетъ отдохновенія. Мнѣ думается, что здѣсь это дѣлается чаще, чѣмъ въ салонахъ, гдѣ болтающія дамы такъ

*) «Pociejowo»—Варшавское предмѣстье. *Перев.*

увлекаются искусствомъ и копаются въ «субтильностяхъ» того или другого произведенія. Вотъ огромная выставка отпечатанныхъ листовъ простой сѣрой бумаги, наполненныхъ стихами. «Послѣ бала», «Во мракѣ ночи», «На Bowery» — такъ звучатъ заглавія стихотвореній. Ба! Да я очутился лицомъ къ лицу съ поэзіей, можетъ быть, съ поэзіей разнузданности, о которой такъ много говоритъ Ломброзо вмѣстѣ со всѣмъ штабомъ мѣщанскихъ криминологовъ. Я покупаю пару листовъ. Первое произведеніе относится къ данному кварталу. Юноша разсказываетъ, какъ онъ отправился на «Bowery», какъ потерялъ тамъ свои часы, какъ торгашъ-портной надулъ его, какъ дѣвушка, бросившаяся ему на шею, ограбила его въ отплату за его объятія. Но разнузданности—ни малѣйшаго слѣда! Напротивъ, горькая жалоба, жажда дружбы, любви, правды, раздаются со страницъ сѣрой бумаги, которая расхватывается отверженниками общества! «Ахъ, напиши письмо своей старушкѣ, когда ты очутился такъ далеко отъ нея», читаемъ мы на одномъ изъ листовъ, «въ жизни ея гораздо больше мрака, чѣмъ солнечнаго свѣта; она молится за тебя, а потому напиши ей и доставь ей этимъ удовольствіе, напиши же письмо, напиши сейчасъ же!» Кто-то другой мечтаетъ о покинутой родной хатѣ, слезы навертываются у него на глазахъ, сердце бьется надеждой, что его, вѣроятно, простятъ, когда онъ постучится въ ворота. Или возьмемъ пѣсенку маленькой дочери пьяницы. Бѣдняжка жалуется, что одинокая скитается и плачетъ въ черную ночь—мать ея умерла, а отецъ пьетъ! Она молитъ Бога, чтобы кто-нибудь изъ общества трезвости исправилъ ея отца; она была бы тогда такъ счастлива, работала бы на него, собирая милостыню, лишь бы только онъ поцѣловалъ ее... Да, эта сѣрая бумага настоящій золотой рудникъ!

Тамъ и сямъ расположились различныя миссіи, обращающія на путь истинный грѣшниковъ. Я вхожу въ одну изъ нихъ. Огромная безплатная читальня. Пюпитры для писанія. На стѣнахъ изображенія блуднаго сына. Нѣсколькими домами дальше армія спасенія приглашаетъ отверженниковъ отвѣдать ея наркотическаго снадобья: водку она замѣнила маршами, упоеніе алкоголемъ—экстазомъ толпы. Одно средство стóитъ другого: первое усыпляетъ духъ напиткомъ, другое—мыслью о спасеніи. Не тамъ создаются люди, борющіеся изъ за обидъ своихъ, — тамъ стараются выбить эти обиды изъ головы.

Различные народы расположились въ Нью-Іоркѣ своими кварталами. Есть кварталы романскій, китайскій, негрскій, наконецъ еврейскій. Послѣдній обнимаетъ пространство не меньшее, чѣмъ

Налевки въ Варшавѣ, съ прилегающей къ нимъ окрестностью. Когда-то тамъ жили ирландцы; теперь евреи вытѣснили ихъ совершенно. Мнѣ пришлось побывать тамъ нѣсколько разъ, въ различное время дня, между прочимъ, и въ субботу. Одежды были праздничныя, но лавки были открыты, и торговля шла какъ нельзя лучше. Молодое поколѣніе «обамериканилось»: молодежь носитъ американскія шляпы, мужчины брѣютъ бороду, говорятъ только по-англійски, хотя и плохо. Старшіе придерживаются еще старинныхъ обычаевъ и жалуются, что дѣти ихъ безбожники. Нѣкоторыя особенности Налевокъ и здѣсь проявляются во всей полнотѣ, болѣе того, — онѣ еще пышнѣе расцвѣли на американской почвѣ, гдѣ полиція вовсе не требуетъ, чтобы дома содержались въ чистотѣ. Въ Америкѣ вездѣ на тротуарахъ стоятъ бочки съ мусоромъ; здѣсь онѣ буквально нагружены одна на другую. Можно угадывать, что въ извѣстный день готовилось въ томъ или другомъ домѣ, ибо различные запахи одуряютъ прохожаго. Грязь превосходитъ всякое вѣроятіе. На улицѣ разставлены лотки и возы, такъ что негдѣ пройти. Вездѣ толпа, кричащая и жестикулирующая и днемъ, и ночью. Къ вечеру тротуары превращаются въ салонъ: мужчины бесѣдуютъ, женщины кормятъ грудныхъ дѣтей, ребятишки играютъ, молодежь предается любви и прогуливается парами, выражая свои чувства на плохомъ англійскомъ языкѣ.

12 іюня, между Нью-Іоркомъ и Буффало.

Я въ восхищеніи отъ устройства здѣшнихъ поѣздовъ. Вагоны узкіе, но очень длинные, по крайней мѣрѣ, вдвое длиннѣе, чѣмъ въ Европѣ. По срединѣ проходъ, по обѣимъ сторонамъ его кресла, каждое на двоихъ; они обращены передомъ къ локомотиву, такъ какъ спинки и ручки ихъ могутъ переставляться, какъ въ лѣтнихъ трамваяхъ. Сидѣнія мягкія, обитыя бархатомъ, съ удобными ручками, какъ у насъ въ первомъ классѣ. Огромныя окна сплошь выполняютъ обѣ боковыя стѣны. Въ каждомъ вагонѣ приборъ съ холодной водой для питья. Лампы ночью горятъ ярко, вагонъ покоится на рессорахъ, устраняющихъ всякую тряску. Металлическія ручки, задвижки оконъ, лампы, полъ — все сверкаетъ чистотою, невѣдомою даже германскимъ поѣздамъ.

Нигдѣ не видно ни стрѣлочниковъ съ флагами, ни шлагбаумовъ на перекресткахъ, опускаемыхъ при приближеніи поѣзда. Каждому предоставлено заботиться о самомъ себѣ. Изъ оконъ вагона замѣчаю на перекресткахъ только таблицу съ надписью: «look out for the locomotive» (глядите, не ѣдетъ ли локомотивъ); это предо-

стереженіе замѣняетъ все—и стрѣлочника, и шлагбаумъ. Къ этому предостереженію прибавлено еще другое: на нѣкоторомъ разстояніи отъ перекрестка возвышается столбъ, который гласитъ кратко: свистать! Локомотивъ свиститъ и даетъ знать о своемъ приближеніи тому, кто въ эту минуту собирается переѣзжать черезъ полотно желѣзной дороги.

Демократическія традиціи стариннаго пуританизма держатся еще очень крѣпко. Въ сферѣ земледѣльческихъ отношеній они породили особое законодательство «homestead'овъ» (земель, принадлежащихъ къ дому), которое предупреждаетъ сосредоточеніе земли въ немногихъ рукахъ. Въ Нью-Іоркѣ скамейки въ общественныхъ садахъ раздѣлены ручками на отдѣльныя сидѣнія, такъ что никто не можетъ обидѣть другого. Тотъ же обычай сохраняется въ трамваяхъ и на желѣзныхъ дорогахъ. Существуетъ одинъ только классъ: «Мы не вѣдаемъ ни кастъ, ни сословій, ни классовъ»—такъ издѣвается янки надъ Старымъ Свѣтомъ. Однако, не напрасно существуютъ въ Америкѣ обладатели милліардовъ. Демократической формулѣ они придали иное содержаніе! Поѣздъ, въ которомъ я ѣду, состоитъ изъ нѣсколькихъ различныхъ вагоновъ. Каждый пассажиръ заплатилъ одно и то же за билетъ, но болѣе богатый еще кое-что добавилъ, а потому пользуется спальнымъ вагономъ. Днемъ это обыкновенный вагонъ, ночью же сидѣнія превращаются въ постели. Есть еще вагонъ-салонъ, которымъ можетъ пользоваться лишь тотъ, кто еще кое-что доплатилъ, впрочемъ, немного. Тамъ къ его услугамъ кресла на одну особу, столики съ газетами, читальня. Быть можетъ, въ моемъ поѣздѣ ѣдетъ еще частный вагонъ, находящійся въ распоряженіи одного только семейства. Если бы я ѣхалъ по Гудзоновой линіи, то позади шелъ бы обсерваціонный вагонъ, вродѣ вагона-салона, половина котораго, за исключеніемъ только потолка и пола, слагается изъ огромныхъ цѣльныхъ стеклянныхъ рамъ. Весь пейзажъ окружающей мѣстности находится передъ пассажиромъ, какъ на ладони. Въ то время, какъ я, подобно улиткѣ, не выхожу изъ одного вагона, другіе прогуливаются по всему поѣзду, высыпаются на креслѣ, убиваютъ время чтеніемъ газетъ въ салонѣ, наслаждаются видами въ обсерваціонномъ помѣщеніи, и я долженъ признаться, что передъ глазами проносятся роскошные ландшафты, такъ какъ мы взбираемся на возвышенность, окаймляющую большія озера.

И, тѣмъ не менѣе, номинально существуетъ только одинъ классъ...

13 іюня. Buffalo, N. Y.

На вокзалѣ ожидаетъ меня мой давнишній товарищъ по университету, практикующій въ настоящее время въ качествѣ врача въ

Буффало. Вокзалъ небольшой, грязный, тѣсный, словно хлѣвъ, хотя ни одну изъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ нельзя сравнивать съ данной линіей, а Буффало своимъ богатствомъ, по крайней мѣрѣ, вдесятеро превосходитъ Варшаву. Такого рода роскошь считается здѣсь мотовствомъ. Сквозь толпу мы кое-какъ добираемся до повозки, которая стоитъ привязанная далеко на улицѣ. Собственникъ оставилъ повозку съ лошадью безъ всякой опеки почти на четверть часа среди толкотни людской толпы и экипажей, среди города, въ которомъ жителей столько же, какъ въ Варшавѣ. И, тѣмъ не менѣе, никто не укралъ ея! То же дѣлаетъ другой и десятый, вездѣ стоятъ экипажи, охраняемые такимъ образомъ, т.-е. вовсе не охраняемые. По дорогѣ намъ надо побывать въ одной конторѣ, толпа мѣшаетъ намъ доѣхать. Мы опять оставляемъ лошадь безъ всякаго присмотра, и когда я недоумѣваю, какъ поступить мнѣ съ моимъ пледомъ, знакомый мой съ улыбкой бросаетъ его въ повозку. Мы ѣдемъ съ полчаса. Грязныя, закоптѣлыя зданія одинаковой архитектуры — вотъ какой видъ имѣетъ торговый кварталъ, значительно, впрочемъ, опустѣвшій къ вечеру. Желѣзныя дороги вездѣ пересѣкаютъ площади и улицы, никакіе шлагбаумы не предостерегаютъ публику. Всякій думай о себѣ! Безъ конца тянутся широкія асфальтовыя улицы, небольшіе одноэтажные деревянные домики разбросаны среди зелени. Улицы пересѣкаются подъ прямымъ угломъ, и одинъ перекрестокъ, какъ двѣ капли воды, похожъ на другой. Все путается и мѣшается въ памяти, которая, утомленная однообразіемъ, наконецъ засыпаетъ.

15 іюня, «Niagara Talls», N. Y.

Только одна минута пути отдѣляетъ меня отъ водопада! Отъ запаха воды кружится голова, грудь дышетъ свободно послѣ вони Буффало, глазъ, увлеченный движеніемъ нагроможденныхъ другъ на друга каскадовъ, бѣжитъ туда, далеко за журчащей водой, къ самымъ отдаленнымъ обрывамъ, которые купаются внизу въ синихъ водахъ рѣки и слегка затемнены нѣжною мглой—это водяная пыль поднимается между мною и окрестностью, брызжа изъ подъ основанія водопада. Гулъ и громъ, словно отъ тысячи мельницъ. Еще нѣсколько шаговъ. Взбудораженная поверхность изгибается и исчезаетъ, вода изъ темносѣрой дѣлается на перегибѣ болѣе свѣтлой, линія, раздѣляющая оба цвѣта, вырисовывается рѣзко и рельефно. Бѣлая пыль бьетъ снизу клубами, словно кто-то въ глубинѣ у нашихъ ногъ варитъ чародѣйскія зелья. Водопадъ какъ разъ передъ нами! Мы еще не видимъ его, но чувствуемъ по всему этому треску, гулу, облакамъ водяной пыли, огромнымъ клу-

бамъ пѣны тамъ, далеко на рѣкѣ. Мы подходимъ къ периламъ и устремляемъ наши взоры внизъ. Обломки красныхъ гранитовъ дымятся, словно кто-то льетъ потоки воды на раскаленный камень, надъ нами, въ облакахъ водяной пыли, повисла и дрожитъ радуга; сквозь все проглядываетъ и зеленѣетъ поверхность рѣки, которую пароходъ бороздитъ прямо по направленію къ водопаду. Сверху спускается громадныхъ размѣровъ бѣлая простыня — она кажется неподвижной.

Мы стоимъ передъ американскимъ рукавомъ Ніагары *).

Канатная желѣзная дорога довозитъ насъ до основанія обрыва, туда, гдѣ съ незапамятныхъ временъ неподвижно стоятъ на стражѣ огромные граниты. Тропинка, высѣченная на хребтѣ ихъ, ведетъ насъ къ водопаду. Чѣмъ ближе мы подходимъ, тѣмъ она становится болѣе скользкою и вѣроломною. Дождикъ орошаетъ насъ со всѣхъ сторонъ сверху, снизу, съ боковъ. Нѣтъ, это не дождикъ, — вся атмосфера пропитана влажнымъ порошкомъ, необычайно мелкимъ, словно выходящимъ изъ самаго тонкаго пульверизатора. Мы идемъ все дальше по скользкой скалѣ, пока пути намъ не преградили огромные отвѣсные граниты; облака водяной пыли несутся на насъ и обдаютъ насъ проливнымъ дождемъ, ноги не въ силахъ удержаться на предательской красной поверхности. Мы отступаемъ и направляемся къ пристани, гдѣ «Дѣва пыли» нетерпѣливыми свистками приглашаетъ насъ на свою палубу.

Облекшись въ непромокаемые плащи, мы движемся на ея палубѣ по направленію къ облаку, которое лобзаетъ стопы американскаго водопада. Водяная пыль освѣжаетъ насъ, въ полуденный зной грудь жадно глотаетъ ее. Мелкій порошокъ превращается въ... Я опять беру карандашъ въ руки. Пыль обратилась въ проливной дождь, ураганъ рветъ съ головы капюшонъ, холодъ охватилъ меня. Теперь мы уже миновали американскій рукавъ. Я приглядываюсь къ клубамъ воды, брызжущимъ изъ гранитовъ. Мы только слегка коснулись ихъ, а они уже наградили насъ ливнемъ. А все-таки еще глубже подъ покровомъ мглы, черезъ граниты перекинуты мостки, которые смѣло врѣзываются въ рѣчную поверхность и исчезаютъ изъ виду въ ея складкахъ. Солнце

*) Знаменитый Ніагарскій водопадъ состоитъ изъ двухъ рукавовъ — одного, называемаго просто американскимъ водопадомъ, низвергающагося съ высоты 52 метровъ, и другого, называемаго по формѣ своей «Подковой» и падающаго съ высоты 54 метровъ. Рукава эти образуются вслѣдствіе раздѣленія русла рѣки Ніагары на двое Козлинымъ островомъ, лежащимъ до начала паденія. *Переводч.*

печетъ, отъ насъ подымается паръ. «Дѣва» слегка колышется на волнахъ. Мы ѣдемъ по направленію къ канадскому водопаду. По сравненію съ этимъ гудящимъ и клокочущимъ адомъ водяной пыли, ливень, испытанный нами близь его американской сестрицы, кажется намъ игрушкой. Пароходъ качается все сильнѣе и сильнѣе, и самыя разнообразныя стихіи играютъ съ нами. Солнце печетъ насъ, водяная пыль орошаетъ насъ, волны насъ подбрасываютъ, гулъ оглушаетъ, вѣтеръ срываетъ капюшонъ и развѣваетъ плащъ. А между тѣмъ мы не приблизились даже къ первымъ клубамъ облака! Что же будетъ дальше? Нетерпѣніе раздражаетъ нервы. Въѣздъ нашъ тянется ужъ что-то очень долго,— да нѣтъ, мы удаляемся! «Дѣва» подвезла насъ и показала намъ преддверіе воднаго ада, а теперь мы улепетываемъ... Съ обрывовъ свѣшивается роскошная растительность. На страшной высотѣ виднѣется нѣсколько паутинныхъ нитей — это висячій мостъ, за нимъ глазъ замѣчаетъ еще вторую и третью пару подобныхъ сѣтокъ. Это еще мосты, истинные шедевры инженернаго искусства. По одному изъ нихъ въ настоящую минуту мчится на всѣхъ парахъ поѣздъ.

На канадскомъ берегу я обсыхаю послѣ экскурсіи на «Дѣвѣ пыли». Жара страшная, лишь нѣсколько смягчаемая освѣжающими дуновеніями влажнаго вѣтра. Капли пота смѣшиваются съ водой, которую я не успѣлъ еще стряхнуть съ себя. Поднимаюсь вверхъ по крытой дорогѣ. Всякій разъ, какъ выхожу изъ подъ навѣса скалы на открытый поворотъ, я на разстояніи полумили чувствую движеніе воздушнаго тока, вызванное паденіемъ воды.

На канадскомъ берегу расположенъ паркъ Викторіи. Мертвый проводникъ мой объясняетъ мнѣ, какую площадь занимаетъ этотъ паркъ. Эти мелочи не останавливаютъ на себѣ вниманія. Всякіе счеты являются какъ бы оскорбленіемъ этой роскошной растительности, которая окружаетъ меня со всѣхъ сторонъ и которая распускается подъ непрерывной росой водопада и подъ солнцемъ, проникающимъ сквозь водяную пыль, разносимую на крыльяхъ вѣтра. У входа дорогу заграждаетъ мнѣ таблица. Одинъ изъ параграфовъ гласитъ, что входъ въ паркъ воспрещается лицамъ въ нетрезвомъ видѣ, приносящимъ съ собою крѣпкіе напитки. Только рѣчная полоса отдѣляетъ насъ отъ Соединенныхъ Штатовъ, а между тѣмъ напрасно стали бы мы искать тамъ подобной материнской опеки. «Не изображай изъ себя невиннаго юношу въ опасныхъ мѣстахъ», — вотъ единственное тамошнее предостереженіе. Автоматическія ворота отмѣчаютъ, что кто-то преступилъ порогъ парка, другія, по всей вѣроятности, запишутъ нашъ

выходъ или когда-нибудь, при окончательномъ счетѣ, укажутъ, что какое-нибудь безымянное человѣческое существо вошло туда и уже больше не выходило...

Запахъ цвѣтовъ одуряетъ меня, зной печетъ, отъ водопадовъ доходитъ гулъ вмѣстѣ съ водяною пылью. «Конская подкова» (такое названіе носитъ канадскій водопадъ) открывается во всемъ своемъ великолѣпіи. Мнѣ видны только края «Подковы», середину заслонила пыль, которая столбами валитъ снизу вверхъ и образуетъ цѣлыя облака. Рѣка, до паденія имѣвшая зеленоватый оттѣнокъ, теперь выплывъ, изъ подножія «Подковы», становится бѣлою. Можно подумать, что природа сотворила чудо, обративъ воду въ молоко, которое кипитъ и пѣнится. Карандашъ отказывается служить, еще возможно изобразить на бумагѣ силу американскаго водопада, но немыслимо дать понитіе о мощи водопада канадскаго. Въ хаосѣ частностей теряется духъ цѣлаго. Водопадъ, лежащій на американской сторонѣ, утратилъ часть своей прелести и грозности. За мостомъ, на разстояніи какой-нибудь версты, я замѣчаю черные клубы дыма чудовищнаго вида, которые какъ-то странно отдѣляются отъ снѣжной бѣлизны, разстилающейся подо мною. Взоръ съ отвращеніемъ убѣгаетъ отъ этой грязи, опускается внизъ вмѣстѣ съ водой, скользитъ по молочной поверхности, потомъ по зеленовато-голубой, усѣянной грязно-желтыми пятнами пѣны. Какой-то предметъ отклоняетъ мои взоры и привлекаетъ ихъ къ себѣ — онъ поднимается и падаетъ, фыркаетъ черными клубами дыма на снѣжную пучину и старается добраться до снѣжной котловины. Поразительный контрастъ! Это «Дѣва пыли» жаждетъ въѣхать на воды бѣлѣющаго ада.—Жаждетъ?—сущая пародія! Вѣдь заранѣе же знаетъ, что не подъѣдетъ. И, однако, пассажиры обманываются и тѣшатъ себя надеждой...

На гранитахъ, у меня подъ ногами, вонъ тамъ далеко, далеко въ пропасти, окутанныя легкою дымкою, мелькаютъ передо мною человѣческія фигуры въ желтыхъ одеждахъ. Это туристы, спустившіеся къ «Каменному столу».

Въ желтомъ непромокаемомъ одѣяніи стою я у подножія канадскаго обрыва. Только что побывалъ въ пещерѣ подъ лѣвымъ берегомъ «Подковы». Замѣтивъ, что одно мѣсто ниспадающей простыни нѣсколько темнѣе, пришли къ заключенію, что толщина ея здѣсь не особенно значительна. Въ твердой скалѣ просверлили длинный корридоръ и въ концѣ его пробили окно, которому водная стѣна замѣняетъ стекло.

Я спускаюсь съ гранита на гранитъ и стою совершенно одинъ

на обрывѣ. Вода совсѣмъ молочнаго цвѣта. Съ крайней скалы я гляжу на мощь кипѣнія рѣки, когда столбы и полосы ея снова соединились въ одномъ ложѣ. Волна бѣжитъ за волною, дико ударяется о гранитныя оковы, оттаскиваетъ и опять напираетъ. Нѣсколько футовъ высоты отдѣляютъ меня отъ вспѣнившейся пучины—я различаю всякій тонъ ея рева. Общество, съ которымъ я ѣхалъ на подъемной машинѣ, давно уже покинуло меня: теперь оно возвращается съ «Каменнаго стола» и кричитъ мнѣ, чтобы я шелъ туда осторожнѣе. Совѣтъ этотъ выводитъ меня изъ оцѣпенѣнія; я отправляюсь по скользкимъ тропинкамъ, гдѣ нѣкогда ползали стада ужей. Теперь они изгнаны изъ своихъ прежнихъ жилищъ. Тропинка вьется по скалѣ вверхъ, сбѣгаетъ внизъ, перекидывается, съ помощью мостиковъ, съ гранита на гранитъ и становится все опаснѣе, все ближе подходитъ къ одному боку «Подковы». Между скалами пѣнятся кипящіе рукава, которыми вода, разбившись о скалы, вливается въ общее русло. Посреди водяной пыли возвышается «Каменный столъ». При ливнѣ и вихрѣ направляюсь я подъ выступъ скалы. Надо мною бушуетъ настоящій ураганъ, который гонитъ меня съ открытаго мѣста, обдаетъ водой и оглушаетъ шумомъ. Я хватаюсь за перила лѣстницы, ведущей къ «Каменному столу», но кто-то сталкиваетъ меня внизъ и подкашиваетъ ноги, руки судорожно хватаются за ступени. Я борюсь за каждый шагъ. Наконецъ, поднимаю голову, хочу осмотрѣться, но не вижу ничего среди потоковъ воды и вихря. Съ одного бока ниспадаетъ одинокій, случайный столбъ воды, съ другого—воетъ млечная котловина, извергая тысячи брызгъ изъ своей пасти. Ужасъ охватываетъ меня, я прячу голову и удаляюсь, убѣгая подъ ближайшую скалу. Однако, и тутъ вода брызжетъ отовсюду, но что значитъ этотъ дождь по сравненію съ недавнимъ столкновеніемъ моимъ съ разъяренными стихіями! Я отдыхаю на скользкомъ уступѣ гранита. Прежніе путешественники, которые безъ всякихъ мостковъ и лѣстницъ вскарабкивались на «Каменный столъ», оставили преданіе о томъ, что какая-то сила, — должно быть нечистая, — заграждала имъ путь до тѣхъ поръ, пока они не приносили ей жертвы. Они бросали внизъ камешекъ, и сила эта исчезала... Меня охватываетъ желаніе побывать на этомъ заколдованномъ гранитѣ или, лучше сказать, на его обломкахъ, ибо часть его обрушилась въ пучину. Я возвращаюсь по дорогѣ, по которой только-что такъ позорно улепетывалъ, вскарабкиваюсь, опять высовываю голову—вихрь чуть не срываетъ ея. Вода брызжетъ и хлещетъ; небо, рѣка и водопадъ слились въ одно цѣлое: трудно сказать, гдѣ начинаются однѣ стихіи и кончаются другія.

Площадь «Стола» лишь въ нѣсколько футовъ, она слегка наклонна. Нога стоитъ на ней не твердо. ...Звоню на подъемную машину. Въ ожиданіи, пока она опустится, я разсматриваю окружающую меня мѣстность. «Каменный столъ» краснѣетъ вдали, среди облаковъ вьюги. Но какой скромный видъ имѣетъ это мѣсто по сравненію съ болѣе отдаленными клубами, которые, въ свою очередь, являются лишь мелкой пылью по сравненію съ адомъ, бушующимъ въ серединѣ «Подковы»! Полный отваги, поднимаюсь я на верхъ. При выходѣ моемъ съ машины, подходитъ ко мнѣ фотографъ и предлагаетъ сняться. Полотно съ клубами водяной пыли уже приготовлено, остается только усѣсться передъ нимъ... Я на-скоро просматриваю поданныя мнѣ фотографіи: улыбающіяся изъ-подъ капюшоновъ лица свидѣтельствуютъ о самодовольствѣ туристовъ: они будутъ хвастаться, что заглянули въ пасть Ніагары, а фотографія послужитъ для нихъ неопровержимымъ доказательствомъ. О, суета суетъ!

Я только-что прочелъ описаніе экспропріаціи Ніагары, этого гудящаго грома, какъ гласитъ ея индѣйское названіе. Едва появившись на этой территоріи, бѣлый человѣкъ тотчасъ же опоясалъ ее вѣнцомъ земельныхъ участковъ, составлявшихъ частную собственность. Какой-то патріотъ, который за услуги, оказанныя отечеству, получилъ право пожелать болѣе десяти акровъ земли въ какомъ угодно мѣстѣ, выбралъ ихъ на Козлиномъ островѣ. Такимъ образомъ, тотъ, кто желалъ добраться до тѣхъ мѣстъ, откуда открывался болѣе широкій видъ на грозную стихію, долженъ былъ платить дань этимъ современнымъ рыцарямъ большой дороги. Обдирали, однако же, не бѣдняковъ. Эксплуатація опорожняла карманы разочарованныхъ господъ, страдающихъ сплиномъ, которые, не смотря на свой чайльдъ-гарольдизмъ, дрожали за каждый грошъ, вынимаемый изъ кошелька. Неудовольствіе, которое безъ этого покорно дремало бы сотни лѣтъ, стало взывать о мщеніи къ государству. Къ правительству Соединенныхъ Штатовъ поступаетъ петиція со множествомъ подписей, между прочимъ Леббока, Карлейля, Рёскина. Американскіе милліонеры съ тою же цѣлью составляютъ лигу, «стоющій сотни милліоновъ» Вандербильтъ агитируетъ въ пользу экспропріаціи владѣтелей и націонализаціи окрестностей водопада. Клопамъ, гнѣздившимся на сотнѣ акровъ, бросили три милліона рублей отступного и въ 1883 году, въ присутствіи огромной толпы народа, объявили Ніагару собственностью всего человѣчества...

...Вхожу на висячій мостъ, въ верстѣ разстоянія отъ «Подковы» соединяющій оба берега рѣки. Передо мною во всемъ своемъ

великолѣпія водопадъ, громадный, бѣлоснѣжный, бушующій, омывающій стопы свои въ кипящемъ молокѣ. Съ другой стороны зрѣлище прямо противное. Изъ обрывовъ выростаютъ грязныя кирпичныя постройки, изъ середины ихъ возносятся къ чистому небу еще болѣе грязныя трубы, изъ которыхъ клубами валитъ черная сажа, соединяющаяся въ одно громадное грязное облако. Снѣжная бѣлизна водопада и грязь промышленности, вольныя силы свободной природы и сфера эксплуатаціи! А изъ-подъ фабрикъ, черезъ отверстія, пробуравленныя въ скалѣ, брызжетъ цѣлый рядъ мелкихъ водопадовъ, такихъ же бѣлоснѣжныхъ, какъ и великая мать ихъ, отъ лона которой они отдѣлены. Человѣкъ-капиталистъ укралъ у великаго потока нѣсколько водныхъ нитей, заперъ ихъ въ каналѣ, заставилъ вертѣть колеса на фабрикѣ и оказывать себѣ содѣйствіе въ дѣлѣ пріобрѣтенія состоянія. Слухъ улавливаетъ звукъ паденія этихъ сиротъ—они словно стонутъ, что силу ихъ, нѣкогда ничѣмъ не стѣсненную, запрягли въ ярмо, что поработили свободное движеніе, нѣкогда подчинявшееся однимъ лишь законамъ тяготѣнія. Я сочувствую имъ, какъ живымъ существамъ. Развѣ эпоха всеобщаго торгашества не впрягла вибрацій моего мозга въ такого рода утаптывающую машину, развѣ не принудила она меня выносить на рынокъ каждое впечатлѣніе, которое я охотно сохранилъ бы для самого себя? Ряды фабрикъ съ дымящимися трубами кажутся кузницей дьявола, который хочетъ запятнать чистоту природы. И дѣйствительно, тамъ сокрыты подобныя намѣренія! Эксплуататоръ, распоряжающійся въ этихъ казематахъ не только человѣческимъ духомъ, но и красотами матери-природы, знаетъ очень хорошо, что можно раздробить на такихъ сиротъ всю Ніагару. Если бы онъ отнялъ хоть одинъ дюймъ наклона у «гудящаго грома», то украденная, такимъ образомъ, у природы живая сила была бы больше доставляемой въ совокупности всѣми двигателями на всемъ пространствѣ Соединенныхъ Штатовъ. Безплатный двигатель! Какъ онъ поднялъ бы ренту и какъ уничтожилъ бы всѣхъ конкуррентовъ на всемірномъ рынкѣ! Вандербильтъ и другіе милліонеры вотъ ужъ нѣсколько лѣтъ соблазняютъ правительство Соединенныхъ Штатовъ отдать имъ только одинъ дюймъ, они соглашаются взять хоть сотую его часть! Отъ такой бездѣлицы не оскудѣетъ великанъ, не уменьшится его величіе, не исчезнетъ его прелесть! Такъ вотъ ради чего денежные тузы нарушили священное право собственности и вымели мелкихъ червей изъ окрестностей водопада... Они получили концессію, основали акціонерное товарищество съ капиталомъ въ 10.000.000 долларовъ, сотни наемныхъ рабочихъ оканчиваютъ туннель, который

урветъ у рѣки часть ея пучины, замѣнивъ ее электричествомъ или двигателемъ сгущеннаго воздуха. Электричество будетъ перенесено въ грязный Буффало, гдѣ оно, между прочимъ, будетъ разсѣявать ночной мракъ. Техники работаютъ надъ перенесеніемъ его въ болѣе отдаленныя мѣста; нѣсколько сотъ тысячъ рублей награды ожидаетъ того, кто разрѣшитъ эту задачу. Ніагара проявляла свою энергію въ теченіе десятковъ тысячъ лѣтъ, дикая, вольная, смѣлая, пока не наступила, наконецъ, эпоха зашибателей деньгй, которые всюду суютъ свой носъ. Запрягутъ они ее для освѣщенія мусорныхъ ямъ и укромныхъ уголковъ, для сверленія дырявыхъ зубовъ филистера и для поджариванья ему ростбифовъ и пуддинговъ. Въ путеводителѣ находимъ увѣреніе, что «лишь тогда», т. е. когда Ніагара замѣнится порабощенными полосами живой силы, «мы будемъ чувствовать, что землю опоясываетъ живая гирлянда, которая дрожитъ и топчетъ по нашему приказанію, что ее окружаетъ вѣнецъ напряженной энергіи, принужденной, однако, къ правильной пульсаціи». Разумомъ признаешь, что, лишившись нѣсколькихъ потоковъ, Ніагара не утратитъ своей прелести, но жаль, что даже эта частица ея пойдетъ на чужую сторону служить капиталу.

«Пещера вѣтровъ» — это такой уголокъ, гдѣ человѣкъ всего глубже проникаетъ въ лоно водопада. Туда ведутъ мостки, которые я видѣлъ среди водяныхъ брызговъ съ «Дѣвы пыли». При благопріятномъ вѣтрѣ извнутри пещеры можно видѣть радугу въ формѣ замкнутаго круга, иногда даже двѣ радуги. Но это самая опасная часть экскурсіи на Ніагару, лишь нѣсколько человѣкъ на сто предпринимаетъ ее. Съ проводникомъ—безъ него обойтись невозможно—подъ прикрытіемъ выступа скалы, мы доходимъ до мостковъ и окунаемся въ облако водяной пыли. Ливень гораздо хуже того, который столкнулъ меня съ «Каменнаго стола». Мостки переброшены съ гранита на гранитъ надъ бушующими потоками, извиваются вокругъ скалъ и, наконецъ, вдаются въ свободное пространство между двумя столбами низвергающейся рѣки. Проводникъ беретъ меня за руку, ибо во мракѣ я ничего не вижу. «И разверзлись хляби небесныя», и Эолъ, прибавимъ мы, выпустилъ всѣ вѣтры. Гулъ оглушающій, я не слышу, чтó говоритъ мой чичероне, изъ словъ его я понялъ только протяжное «look at» (поглядите сюда). Я хочу смотрѣть — вода заливаетъ мнѣ глаза. Мостки обрываются, и мы очутились въ темной пещерѣ, которая свиститъ, воетъ, хлещетъ. Мой руководитель тащитъ меня все дальше по этой пропасти, ноги мои утопаютъ въ холодной водѣ по щиколки, свободною рукою я нащупываю скользкую скалу,

грудь моя дрожитъ, какъ подъ душемъ. Въ двухъ, трехъ, самое большее въ десяти футахъ, вода низвергается съ всесокрушающей силой въ пучину, глубины которой никто не измѣрялъ. Закрытыми глазами ничего не видишь, а сознаніе того, что ты зависишь отъ милости другого, уничтожаетъ всякую прелесть этого момента. Я желалъ бы остаться на нѣкоторое время посреди этого гула и дождя, прижавшись къ скалѣ, но проводникъ тащитъ меня, говорить же не стоитъ — все равно не услышитъ. Нога натыкается на ступени—одну, другую, третью. Пройдя подъ низвергающеюся стѣною, я выхожу изъ пещеры плечами кь водопаду!..

Мой чичероне проситъ дать ему что-нибудь. Ежедневно онъ сопровождаетъ внизъ больше десяти человѣкъ; иныхъ приходится ему обхватывать руками, такъ какъ они теряютъ сознаніе, а между тѣмъ онъ не получаетъ отъ предпринимателя и десятой части дохода. Вѣдь одежда, въ которую наряжаютъ туристовъ, не составляетъ и сотой доли барыша, между тѣмъ какъ «Пещера вѣтровъ» гудитъ даромъ и даромъ даетъ впечатлѣнія.

Я брожу по островамъ, которые расположились на срединѣ рѣки между водопадами и доходятъ до самаго перегиба. Я былъ на всѣхъ «Сестрахъ», осматривалъ «Братца», съ часъ уже разгуливаю по Козлиному и по Лунному острову. Вездѣ мосты повисли надъ потоками, которыми вода подготовляется къ гигантскому скачку, осуществляемому ниже. На выдающихся изъ рѣки камняхъ, въ нѣсколькихъ дюймахъ отъ перегиба, торчатъ колоды деревьевъ, принесенныя потокомъ. Островки являются букетами зелени, но среди листвы затесались непонятнымъ образомъ какіе-то клочки бумаги. То развѣсили свои рекламы содержатели гостинницъ крупнаго разбора, думая, быть можетъ, что этимъ увеличили красоту природы! Мостки тянутся вплоть до гранитовъ, торчащихъ возлѣ перегиба надъ бездной; отсюда можно устремить взоръ въ низвергающуюся катаракту надъ са́мой бездной. Инженерное искусство вездѣ проложило дороги и самыя опасныя мѣста сдѣлало доступными даже для самой робкой горлинки, для самаго трусливаго подорожника *). Ни одинъ хребетъ подводной скалы, обнажившійся надъ зеркаломъ рѣки, не остался нетронутымъ. Не такой видъ имѣли эти мѣста лѣтъ десять съ небольшимъ тому назадъ! Тогда посѣщеніе этихъ мѣстъ, которыя я теперь обозрѣваю съ такими удобствами, было дѣломъ опаснымъ. И все-таки былъ человѣкъ, который и въ тѣ времена такъ полюбилъ Ніа-

*) Подорожникъ—довольно трусливая, прожорливая и тупая птица, составляющая переходную ступень отъ воробьевъ къ жаворонкамъ. *Перев.*

гару, что избралъ ее своимъ постояннымъ мѣстопребываніемъ — одинъ изъ того поколѣнія, которое Байронъ заколдовалъ мелодіей своего слова. Трезвая эстетическая критика, которая воспиталась въ трезвой (читай: трусливой) школѣ мѣщанской разсудочности, осыпаетъ презрѣніемъ духовныхъ дѣтей этого поэта, усматриваетъ въ нихъ исключительно погоню за юбкой, всклокоченные волосы и растегнутую рубашку, забывая о томъ, что эти люди первые вняли стонамъ Эллады и первые покраснѣли отъ стыда за униженіе Италіи. Одинъ изъ этого племени авантюристовъ, потомокъ богатаго англійскаго рода, поселился одинокій на этихъ гранитахъ, быть можетъ, въ ожиданіи того времени, когда въ человѣческихъ сердцахъ пробудится жизнь. Днемъ и ночью, въ ясную погоду и въ ненастье скитался онъ здѣсь, далекій отъ людей, что-то писалъ и сжигалъ, купался въ каскадахъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ перегиба, свѣшивался, прямо надъ нимъ съ гранитовъ, всѣмъ своимъ существомъ упивался опасностью. Ніагара, въ свою очередь, пріютила этого отшельника въ своихъ глубинахъ. Преданіе дало ему прозвище «пустынника водопадовъ». Нѣсколько выше, передъ первымъ порогомъ, который пересѣкаетъ всю рѣку, утлыя ладьи контрабандистовъ перевозили темною ночью тайно добытый товаръ. Рѣдкая смѣлость, всегда, впрочемъ, неразлучная съ промысломъ бандитовъ...

А теперь? Развѣ фотографіи самодовольныхъ лицъ, окруженныхъ водяною пылью, не отражаютъ лучше всего души тѣхъ толпъ, которыя, какъ черви, цѣлыми массами топчутъ острова и обрывы? Кто изъ нихъ отважился бы безъ мостковъ, проводниковъ и свѣдѣній о прошлыхъ попыткахъ, первый разгадать тайну «Пещеры вѣтровъ»? Да и къ чему имъ это дѣлать, отвѣчаетъ Санхо-Панчо, когда все для нихъ доступно, благодаря инженерному искусству— для этого надо быть Донкихотомъ! Это сущая правда, но правда и то, что удобства жизни, какъ ржа желѣзо, разрушаютъ энергію характера и твердость воли. Скитающихся рыцарей становится все меньше и меньше, а съ ними исчезаютъ не одни только ребяческія похожденія, но и одинъ изъ рычаговъ прогресса.

Измученный хожденіемъ въ теченіе долгихъ часовъ, отдыхаю на скамейкѣ на Козлиномъ островѣ. Какъ разъ подъ этимъ мѣстомъ, у основанія обрыва, вьется тропинка, ведущая въ «Пещеру вѣтровъ». Брошенный сверху камень угрожаетъ опасностью прохожему. Это принимаетъ въ разсчетъ рука законодателя, которая предупреждаетъ подобную шалость чисто американскимъ способомъ. Таблица гласитъ: «stone, thrown over the bank, may fall upon persons below» (т. е. камень, брошенный сверху, можетъ упасть

на лицъ, находящихся внизу). Коротко и сжато, но, тѣмъ не менѣе, этого оказывается достаточно!

По правдѣ сказать, я недоволенъ всею экскурсіей. Пытаешься воскресить въ памяти общую картину, но напрасно. Выплываютъ только обрывки: то водяная пыль «Каменнаго стола», то тотъ или другой столбъ воды, то видъ того или другого мѣста. Жалкіе обломки! Я пожиралъ Ніагару, какъ голодный, получившій кусокъ хлѣба и отъ голоду не имѣющій времени насладиться его вкусомъ. Чувствую, что необходимо болѣе продолжительное пребываніе на водопадѣ, чтобы обрывки уложились въ цѣльную мозаику, что я уѣзжаю съ хаосомъ отдѣльныхъ впечатлѣній. Я былъ на Ніагарѣ, но въ то же время словно и не былъ, ибо нѣтъ ея въ моемъ представленіи. Хоть я и могу пробыть здѣсь еще нѣсколько часовъ, но не имѣю охоты оставаться. Бѣгу съ ближайшимъ поѣздомъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЖИЗНЬ БЕЗСЛОВЕСНАЯ.

I.

Глухая полночь. Спитъ въ сугробахъ снѣга барская усадьба. Точно бунты какого-нибудь сложеннаго товара подъ этими сугробами лежатъ, и караулитъ ихъ ночной сторожъ, старый, лѣтъ восьмидесяти, высокій отставной солдатъ, Немальцевъ. Ударилъ въ чугунную доску, и несется далеко тоскливый звукъ удара.

Проснется въ своей каморкѣ въ барскомъ домѣ старая Анна, слушаетъ и смотритъ на дочку свою, красавицу, спящую Лизу: играетъ лампадка на молодомъ лицѣ; сны, какъ думы, пробѣгаютъ по немъ—спокойные, тихіе...

— Спи, Царица Небесная съ тобой, насыпай силушку,— думаетъ Анна,—спи, пока молода, пока старость не нагрянула: скучная, пустая, съ длинными да безсонными ночами...

И опять бьетъ Немальцевъ въ чугунную доску, и замираютъ тоскливо удары въ усадьбѣ, въ полѣ, въ темномъ просвѣтѣ, откуда выглядываетъ зарѣчный лѣсъ. Черныя тучи спустились къ землѣ, еще бѣлѣе кажется снѣгъ и далеко видно отъ него въ настороживщейся тишинѣ.

Тихо и глухо кругомъ, и выше кажется и точно растетъ въ темной ночи высокая фигура старика.

У чугунной доски скамья,—присѣлъ на нее сторожъ и мурлычитъ что-то. Маленькій кудластый песикъ плетется къ нему, виляя хвостомъ. Положилъ мордочку на колѣни старику и смотритъ ему въ глаза: точно вспоминаетъ что-то или жалѣетъ, что уходятъ годы хозяина и его кудластаго песика годы... такъ и пройдутъ они всѣ—тѣни земли—и безслѣдно исчезнутъ гдѣ-то тамъ, въ темной ночи.

— Пса... пса...—тихо, ласково шепчетъ старикъ и внимательно смотритъ въ глаза пёсика, словно вотъ-вотъ заговоритъ съ нимъ пёсикъ.

Но только взвизгнетъ да вильнетъ нетерпѣливо и плотнѣе прижмется мордочкой пёсикъ.

II.

Вся жизнь назади, вся, какъ на ладони, и всю помнитъ ее старикъ.

Помнитъ, какъ росъ онъ вонъ въ той деревушкѣ, что пріютилась тамъ, у горы, и спитъ теперь въ ворохахъ соломы, занесенная снѣгомъ.

Тѣ же лачужки, то же житье, а можетъ, и хуже... Такъ же, какъ и теперешніе, и онъ парнишкой околачивался, бывало, въ татькиномъ картузѣ: пачкался въ лужахъ, сушился на привольномъ солнышкѣ, шарилъ по задамъ дворовъ и бѣгалъ въ зарѣчный лѣсъ по ягоды да по грибы. Отецъ за вихры дралъ, мать подзатыльниками угощала,—ревѣлъ тогда онъ, а потомъ съ горя уплеталъ краюху чернаго хлѣба.

Мать умерла. Мачиха новая ужъ не матерью была, и плакалъ, бывало, Лукашка, забившись гдѣ-нибудь на задахъ, мать родную вспоминая.

Подросъ—работа пошла: лѣтомъ отцу помогалъ въ пашнѣ да бороньбѣ, хлѣбъ жалъ, а зимой изъ зарѣчнаго лѣсу дрова возилъ въ городъ. Теперь какой это лѣсъ? Пеньки одни. Помнитъ онъ тогдашній лѣсъ. Стояли зеленыя ели до неба, опушенныя снѣгомъ, а между ними березки нѣжныя, голыя дрогнули отъ лютаго холода. И казался не лѣсъ то, а какое-то царство заколдованное или городъ, слышался временами точно звонъ колокольный оттуда, изъ волшебной пустоты зеленаго бора.

Выросъ Лукьянъ. Откуда взялся ростъ высокій, ширина въ плечахъ, смотритъ голубыми глазами и точно самъ стыдится, что такой молодой и статный онъ.

Кто крѣпостнымъ родился, а онъ изъ вольной семьи. Пришло время по ревизскимъ сказкамъ солдатчину отбывать Лукьяну; повезъ отецъ парня въ городъ. Представилъ зачетную квитанцію за сына и освободили его, было, отъ солдатчины.

Этого только и ждали въ семьѣ: тутъ же, какъ вернулись домой, еще до заговѣнь, и свадьбу сыграли. Крестьянскую свадьбу не долго сыграть: съѣздилъ Лукьянъ въ сосѣднюю деревню, поглядѣлъ разъ на вольную солдатскую дочку, молодую Ирину, а во второй разъ увидѣлъ ее ужъ въ церкви, когда подъ вѣнцомъ рядомъ обоихъ поставили.

Только пріѣхали изъ-подъ вѣнца домой, только сѣли, было, за гарной, свадебный столъ, какъ входитъ въ избу старшина:

— Скорѣй одѣвайся: ошибка вышла... Тебѣ въ солдаты..

Такъ изъ-за гарного стола и ушелъ Лукьянъ на двадцатипятилѣтнюю службу, ушелъ отъ молодой жены, отъ родныхъ полей, отъ зарѣчнаго лѣса.

Сперва въ Саратовъ угнали. Выломали тамъ изъ него николаевскаго солдата и отправили въ Бутырскій полкъ на Кавказъ, вмѣстѣ съ другомъ его, Степаномъ Петровичемъ.

На Кавказѣ Степанъ Петровичъ въ фельдфебеля выскочилъ, а Лукьянъ Васильевичъ дослужился до нашивокъ.

Усядутся они, бывало, со Степаномъ Петровичемъ, оба тихіе, степенные, по службѣ исправные, гдѣ-нибудь на бережку синяго моря и разговариваютъ другъ съ другомъ.

Степанъ Петровичъ бобыль и разсказываетъ ему Лукьянъ Васильевичъ о своей сторонѣ, о братьяхъ, отцѣ, о молодой женѣ Иринѣ.

— Вотъ, Лукьянъ Васильевичъ, доживемъ свой срокъ,— жить къ тебѣ пріиду,—скажетъ Степанъ Петровичъ.

— Что жъ, милости просимъ, Степанъ Петровичъ, рады будемъ... вó какъ примемъ.

III.

Крымская война началась.

Бутырскій полкъ отправился въ Севастополь. По камнямъ верстъ по восьмидесяти уходили въ день.

Въ Севастополь пришли поздно вечеромъ и прямо на южную сторону. Тогда только начинали укрѣплять городъ.

Ведетъ ихъ провожатый казакъ: идутъ за нимъ солдаты и смотрятъ, все мѣшки, да мѣшки.

— Это видно овесъ для конницы, что-ли, припасенъ,— толкуютъ между собой солдаты.

Кончились мѣшки, а казакъ провожатый скачетъ, догоняетъ баталіоннаго и кричитъ ему:

— Ваше высокородіе, за крѣпость ушли.

Смотрятъ солдатики: какая же такая крѣпость, гдѣ она?

— Да вотъ эти самые мѣшки и крѣпость, — говоритъ казакъ.

Смѣшно всѣмъ: ну, и крѣпость!

Тутъ и на ночевку устроились: такъ безъ хлѣба и легли.

Утромъ проснулись: нѣтъ хлѣба. Солнце ужъ высоко поднялось,—нѣтъ хлѣба. Скучно безъ хлѣба.

Заглянулъ, наконецъ, каптенармусъ въ палатку,—важный, форменный.

— Хлѣбъ получать!

Повеселѣли сразу солдатики.

Повелъ Немальцевъ своихъ съ мѣшками за каптенармусомъ. Вдругъ съ моря, — жи-и, — черное что-то въ крышу влетѣло.

— Это что? галки что ль?—спрашиваетъ Немальцевъ.

А каптенармусъ идетъ впереди,—жирный животъ впередъ, въ одной рукѣ карандашъ, въ другой—бумага, и говоритъ:

— Будетъ тебѣ галка, какъ хватитъ... бомба это.

„Вотъ она какая бомба", думаетъ Немальцевъ.

Еще одна пролетѣла, другая, третья...

Вдругъ какъ щелкнетъ гдѣ-то близко, близко...

Смотритъ Немальцевъ: лежитъ уже каптенармусъ на землѣ,—такъ и лежитъ такой же важный, какъ и шелъ, лицомъ къ землѣ: въ одной рукѣ карандашъ, въ другой—бумажка... прямо въ голову щелкнуло и лопнула голова, какъ спѣлый арбузъ, и залѣпила мозгами солдатиковъ, что шли за нимъ съ мѣшками для хлѣба.

— Вотъ тебѣ и жизнь!—говоритъ одинъ.

— Вотъ тебѣ и хлѣбъ!—говоритъ другой.

Прибѣжали съ носилками, подобрали и унесли убитаго.

И пошло день за днемъ все то же: днемъ въ траншеяхъ, ночью на окопахъ.

И растутъ вмѣсто мѣшковъ одинъ за другимъ грозные валы севастопольскихъ бастіоновъ.

А непріятель все палитъ да палитъ: двадцать девять дней

безъ перерыву... Городъ весь въ развалины обратился. Въ улицу попадетъ бомба: такъ и выроетъ яму.

Видѣлъ Немальцевъ, какъ флотъ потопили.

Только и остался пароходъ „Владиміръ", грузы въ гавани съ одного берега на другой перевозилъ.

Привязались солдаты къ фельдфебелю: по службѣ не то, что строгъ, а прямо не допуститъ до оплошности,—все во время въ каждомъ и усмотритъ, и убережетъ. А внѣ службы не было лучшаго совѣтника: вникнетъ, растолкуетъ, а бѣда придетъ и—выручитъ. Съ виду молодой, красивый, бравый. Въ обращеніи простъ, только устанетъ когда, или если озабоченъ, тогда становится неразговорчивъ, отвѣчаетъ коротко, нехотя, а самъ смотритъ и точно не видитъ того, съ кѣмъ говоритъ, или думаетъ о чемъ-нибудь далекомъ, далекомъ.

Приходитъ какъ-то фельдфебель и говоритъ:

— Походъ: на три дня одежу, провизію бери...

— Степанъ Петровичъ, куда жъ это?—спросилъ Немальцевъ.

— Лукьянъ Васильевичъ, куда жъ это?—отвѣтилъ ему Степанъ Петровичъ,—откуда я знаю?

4-го августа, передъ сраженьемъ на Черной рѣчкѣ, говоритъ фельдфебель Немальцеву:

— Сонъ какой мнѣ нынче приснился, Лукьянъ Васильевичъ. Будто стоимъ мы въ Саратовѣ и успенская просвирня— помнишь?—меня блинами угощаетъ... И такъ изъ-подъ нихъ и фырчитъ масло... горячіе, вкусные, такъ и фырчитъ, а я ѣмъ... И что значитъ этотъ сонъ, и не знаю.

— Къ письму это, Степанъ Петровичъ,—говоритъ Немальцевъ.

Заглянулъ Степанъ Петровичъ ему въ глаза и говоритъ раздумчиво:

— Въ томъ-то и дѣло, что письма я никакого не получалъ.

Плохо пришлось въ тотъ день бутырцамъ. Непріятельскія ружья не чета были нашимъ, изъ кремневыхъ передѣланнымъ ружьямъ: на сто саженей улетали изъ нашего пули, а у непріятелей были такія ружья, что и не видно еще ихъ, а ужъ наши отъ ихъ выстрѣловъ валятся.

Повели Бутырскій полкъ въ атаку. Валится народъ.

Полковникъ кричитъ:

— Братцы, добѣжимъ скорѣй, да въ рукопашную!

Добѣжали... Взяли первую линію... на вторую пошли... Но такой огонь открылъ непріятель, точно весь адъ на встрѣчу полетѣлъ.

Батальонный повернулся-было, поднялъ руку,—сказать, вѣроятно, что-то хотѣлъ,—и свалился, какъ подкошенный... Ротный свалился... Полковника ужъ пронесли на носилкахъ. Кричитъ товарищу, полковнику другого полка:

— Прими полкъ мой...

Два оберъ-офицера изъ всего состава офицеровъ полка осталось.

А оттуда еще сильнѣе огонь: духу не переведешь, какъ градомъ сыпятъ пули и картечь: солдаты кучами валятся и нѣтъ ходу впередъ.

Слышатъ играетъ горнистъ отступленіе, и бросились всѣ, кто какъ зналъ, назадъ.

Изъ всего полка тысяча триста только человѣкъ возвратилось.

Не возвратился фельдфебель.

Выстроили полкъ, смотритъ рота: нѣтъ фельдфебеля Степана Петровича.

Не радъ и жизни Немальцевъ: что съ нимъ? Убитъ, раненъ, въ плѣнъ попалъ?

Ночь пришла. Стали вызывать охотниковъ—раненыхъ собирать. Вызвался и Немальцевъ, думаетъ: „не дастъ-ли Господь разыскать фельдфебеля?“

Ползутъ... ночь темная...

— Братцы, вы?

Бросились: фельдфебель!

Лежитъ, бокъ распоротый... Въ памяти еще...

Разсказалъ, какъ французы къ нему подходили: „что, руссъ, раненъ?“ — Раненъ. — „Не хорошо“. Виноградной водки ему оставили, сухарей.

Слушаютъ охотники фельдфебеля, а время идетъ...

Говоритъ Степану Петровичу офицеръ:

— Что жъ теперь дѣлать? Не жилецъ вѣдь ты, голубчикъ... Взять тебя—другого, который жилъ бы еще, не унесемъ.

Слушаютъ солдаты, потупились. Слушаетъ Степанъ Петровичъ, вздохнулъ, на минуту закрылъ глаза и говоритъ:

— Идите съ Богомъ... вѣрно, не жилецъ я больше, ваше благородіе... идите, другихъ спасайте, а мнѣ ужъ недолго...

Попрощались съ нимъ солдаты и поползли отъ него.

Прощается Лукьянъ Васильевичъ.

— Сонъ-то вотъ онъ, что значитъ, Лукьянъ Васильевичъ...

— Ахъ, голубчикъ, Степанъ Петровичъ, какъ же оставить тебя? Не могу я...

— Иди, иди...—строго говоритъ фельдфебель,—что ты?

И глядитъ Степанъ Петровичъ вслѣдъ товарищамъ: неслыхать ужъ ихъ... Только темная ночь, послѣдняя страшная ночь его на землѣ, смотритъ на него отовсюду.

Кончилась севастопольская кампанія. Еще семь лѣтъ прослужилъ Немальцевъ и по красному билету чрезъ 15 лѣтъ домой собрался.

Передъ самымъ уже уходомъ ѣдетъ какъ-то разъ съ ротнымъ Немальцевъ, и говоритъ ему ротный.

— Немальцевъ, женись на моей горничной... Ты молодецъ, она, видишь самъ—какая.

Повернулся къ нему съ козелъ Немальцевъ и говоритъ:

— Я вѣдь, ваше высокоблагородіе, женатъ.

— Что ты врешь?

— Такъ точно.

— Да вѣдь въ спискахъ ты холостъ?

— Не могу знать, а только, что я женатъ: Ириной и прозывается жена моя. И разсказалъ ему все Немальцевъ.

Говоритъ ротный ему:

— Да ты что жъ? только часъ и видѣлъ свою жену?

— Такъ точно.

— Такъ вѣдь старуха она теперь...

— Какую Господь далъ.

IV.

Привелъ, наконецъ, Господь „удостовѣрить“ свою Ирину.

Честно прожила, честно встрѣтила послѣ пятнадцатилѣтней разлуки своего мужа Ирина.

Только годъ съ небольшимъ и отдохнулъ отъ трудовъ и походовъ Немальцевъ. А тамъ опять угнали его на польскую войну. Родила ему двухъ сыновей Ирина.

Тяжело было подыматься въ новый походъ.

Тяжело ли, легко—знаетъ Богъ да Немальцевъ—николаевскій солдатъ.

Пошелъ и еще пять лѣтъ тянулъ лямку: спасибо, Севастопольская кампанія помогла,—мѣсяцъ за годъ пошелъ,—пять лѣтъ меньше.

По второму призыву только по вольной волѣ на театръ военныхъ дѣйствій шли.

На войну не пожелалъ идти Немальцевъ, и назначили его въ резервный батальонъ въ Псковѣ обучать новобранцевъ.

Сталъ и Немальцевъ старшимъ. Дѣло онъ свое хорошо зналъ, былъ исправенъ по службѣ, новобранцевъ не обижалъ, объяснялъ толково и такъ и думалъ, что, Богъ дастъ, шутя его служба пройдетъ.

Однако, не вышло такъ.

Сталъ каптенармусъ не додавать новобранцамъ муки. Сказали Немальцеву о томъ новобранцы. Онъ къ каптенармусу. Тотъ туда, сюда:

— Курковъ, дескать, поломали они на пятнадцать рублей, ну и приказано изъ довольства удерживать.

— Первое, говоритъ Немальцевъ, 300 человѣкъ по фунту въ день, такъ тутъ что жъ такое пятнадцать рублей за курки? Два дня и квитъ. Второе — и курки-то старые вѣдь резервисты поломали.

Молчитъ каптенармусъ, а Немальцевъ и говоритъ ему:

— Какъ хотите, а грѣхъ все-таки на вашей душѣ съ ротнымъ будетъ.

Каптенармусъ ротному разсказалъ и сталъ тотъ на Немальцева коситься.

А тутъ и со старыми резервистами вышла исторія. Пристали они къ артельщикамъ, почему пища плоха? Артельщики туда, сюда: надо оправдаться,—и сказали, что ротному отпускается масло, крупа, мясо. Вышелъ бунтъ. „Какъ такъ? ротному не полагается довольствоваться изъ котла,—ему пищевые особо отпускаютъ,—не давать“. Дежурный какъ разъ Немальцевъ.

Приходитъ деньщикъ отъ ротнаго: несетъ бутылку для масла, мѣшечки для крупы, мяса. Немальцевъ объясняетъ ему: такъ и такъ, рота не желаетъ больше отпускать.

Такъ ни съ чѣмъ и ушелъ деньщикъ. Ротный только спросилъ его: „кто дежурный“. Вечеромъ приходитъ Немальцевъ съ рапортомъ: столько-то здоровыхъ, столько-то больныхъ, столько на довольствіи было.

Только вошелъ и началъ было, а ротный: „пошелъ вонъ!“ Повернулъ направо кругомъ Немальцевъ и маршъ за дверь!

Еще больше сталъ коситься ротный на него. Еще больше старается по службѣ Немальцевъ. По службѣ привязаться нельзя, другимъ донялъ.

Потребовали въ Варшаву 700 новобранцевъ, а съ ними четырехъ старыхъ унтеръ-офицеровъ.

— Немальцевъ! Къ майору.

Пошелъ Немальцевъ. Встрѣчаетъ своего ротнаго: такъ и такъ, требовали? Покраснѣлъ ротный, отвернулся: „иди,— говоритъ, къ новому майору“. Приходитъ Немальцевъ къ майору, который принимать отрядъ назначенъ.

— Ну, что жъ, Немальцевъ,—говоритъ ему майоръ,— ротный тебя назначилъ въ Варшаву.

— Воля ваша,—говоритъ Немальцевъ.

— Да, какже тутъ быть? вѣдь ты призывной, — тебя противъ воли нельзя посылать?

— Не могу знать.

— Сердитъ, что ли, на тебя ротный?

— Не могу знать.

— Если сердитъ, доймetъ вѣдь онъ тебя, если не пойдешь.

— Такъ точно.

— Пойдешь ужъ развѣ?

— Что жъ,—говоритъ Немальцевъ—за Царемъ служба, а за Богомъ правда не пропадетъ: пойду.

— Такъ вотъ что, Немальцевъ, ты уже распишись, что по доброй волѣ идешь.

Расписался.

Такъ нежданно-негаданно попалъ опять на войну Немальцевъ.

Принялъ новый майоръ солдатъ, выстроилъ ихъ во фронтъ и спрашиваетъ ротнаго:

— Хочу я къ роднымъ заѣхать, — кому команду довѣрить?

Ротный изъ-подлобья смотритъ и говоритъ:

— Сдайте Немальцеву.

— Можно на него положиться?

— Можно вполнѣ.

Повелъ въ Варшаву команду Немальцевъ. На ночевку разбросается отрядъ: гдѣ за семь верстъ, гдѣ за пять, всѣхъ въ одно мѣсто не уложишь вѣдь. А тутъ унтеръ докладываетъ ему: такъ и такъ, солдатики вещи продаютъ казенныя.

Какъ разъ и майоръ ужъ пріѣхалъ тогда отъ родныхъ. Докладываетъ ему Немальцевъ:

— Не иначе, говоритъ, что надо у нихъ все лишнее отобрать, да въ тюки и на подводы, а въ Варшавѣ раздать.

— У меня, говоритъ, денегъ не припасено для этого.

Такъ и осталось это дѣло.

Пришли въ Варшаву. Майоръ сѣлъ на извозчика и въ городъ. Крикнулъ только:

— Я артиллерійскихъ сдавать ѣду.

Тутъ подъѣзжаетъ адъютантъ.

— Гдѣ вашъ майоръ?

— Уѣхалъ артиллерійскихъ, — говоритъ Немальцевъ, — сдавать.

— Сегодня подъ вечеръ,—говоритъ адъютантъ,—приходи за приказаніемъ ко мнѣ.

— Ваше высокоблагородіе, а вы гдѣ изволите проживать?

— Найдешь! Языкъ до кабака доводитъ.

Сѣлъ на извозчика и укатилъ.

Туда, сюда бросился Немальцевъ. Посовѣтовали ему въ штабъ бѣжать. Кое-какъ разыскалъ штабъ. Попросилъ тамъ писарька одного:

— Какой, дескать, адъютантъ назначенъ насъ принимать?

Говоритъ писарь:

— Стоитъ онъ во дворцѣ Замойскаго.

— А гдѣ это?

— Ну, ужъ это на улицахъ ищи.

Вышелъ Немальцевъ на улицу: темнѣетъ, а онъ безъ тесака, какъ разъ ночной обходъ схватитъ. Спросилъ куда и ай-да бѣжать. Разыскалъ адъютанта, говоритъ тотъ ему:

— Завтра въ 9 часовъ утра генералъ будетъ смотрѣть отрядъ. Увѣдомь своего майора.

Поворотился Немальцевъ, направо кругомъ, вышелъ на улицу и думаетъ: „гдѣ я своего майора искать теперь буду?“

Побѣжалъ по гостиницамъ. А ночь, военный обходъ, что ни шагъ: „стой!“ Объяснитъ Немальцевъ имъ и дальше.

Разыскалъ. Уже утро. Опять бѣда: нѣтъ дома.

Сѣлъ и ждетъ Немальцевъ.

Солнце ужъ взошло, когда пріѣхалъ майоръ.

— Что тебѣ?

— Въ 9 часовъ смотръ назначенъ.

— Хорошо,—ступай...

Отправился къ отряду Немальцевъ. Только поспѣлъ построить людей, уже девять часовъ; катитъ генералъ съ тѣмъ самымъ адъютантомъ. А майора нѣтъ. Подъѣхалъ, поздоровался.

Выступилъ Немальцевъ, отрапортовалъ.

— Гдѣ твой майоръ?

— Артиллерійскихъ сдаетъ.

А адъютантъ говоритъ:

— Со вчерашняго дня все сдаетъ.

Помолчалъ генералъ и пошелъ по фронту. Плохо: у кого только торба пустая вмѣсто вещей... Другіе и шинели, и мундиры вымѣняли. Одинъ перевязалъ сапогъ мочалой, чтобъ подошва не отвалилась,—только на паперть его.

— Это что жъ такое?

— Такъ и такъ,—докладываетъ Немальцевъ.

— А ты чего смотрѣлъ?

Ушла душа Немальцева въ пятки: молчитъ. Адъютантъ говоритъ:

— Обоихъ ихъ съ майоромъ подъ судъ надо отдать.

Екнуло сердце у Немальцева: прощай нашивки, прощай отставка... А тамъ Ирина съ двумя дѣтьми колотится.

Смотритъ генералъ на Немальцева внимательно, строго.

— Ну, говоритъ, а еслибъ ты велъ отрядъ, ты что бы сдѣлалъ, чтобы воспретить имъ продажу казенныхъ вещей?

Что бы онъ сдѣлалъ? Онъ отобралъ бы вещи, да въ тюки ихъ, а въ Варшавѣ получай. Такъ и доложилъ Немальцевъ.

— А они бы тебя, говоритъ, не послушались.

— Никакъ нельзя,—говоритъ Немальцевъ,—потому что съ этапныхъ пунктовъ я бы потребовалъ сейчасъ помощь, и потому должны повиноваться.

Посмотрѣлъ на него генералъ и ничего не сказалъ. Потомъ подходитъ къ солдатику, у котораго сапогъ мочалкой перевязанъ, и говоритъ ему:

— Ну, а ты, голубчикъ, на что надѣялся, продавая казенныя вещи?

— На смерть надѣюсь, ваше превосходительство,—говоритъ солдатъ,—такъ, что порѣшилъ я за Царя и отечество голову свою сложить, и потому въ одѣяніи больше не нуждаюсь.

Усмѣхнулся генералъ и говоритъ:

— Сколько тутъ такихъ въ отрядѣ?

Говоритъ Немальцевъ:

— Семьдесятъ три.

— Ну, такъ вотъ что... Этихъ, такъ какъ они порѣшили головы свои посkладывать, въ передовой отрядъ, въ Ломжу, а ты тоже съ ними. Не умѣлъ досмотрѣть за вещами, можетъ, досмотришь, чтобъ слово свое исполнили. А вины вашей я все-таки не снимаю: тамъ ужъ какъ полковникъ, который васъ будетъ принимать въ томъ отрядѣ, хочетъ—есть запасныя вещи—выведетъ въ расходъ, а нѣтъ: его дѣло.

Попалъ, наконецъ, и на войну Немальцевъ.

Только ужъ это не Севастопольская была. За все время такъ и не видѣлъ Немальцевъ непріятельскихъ войскъ.

Кочевали изъ деревни въ деревню, дѣлали облавы въ лѣсахъ, въ деревняхъ, въ клетяхъ.

Разъ спитъ Немальцевъ въ избѣ съ восемью солдатами, девятый, часовой, за дверями. Подкрались повстанцы и прирѣзали часоваго.

Окна выбили и палятъ въ избу, гдѣ солдаты. Поджались солдаты ближе къ окну, держатъ ружья наготовѣ: и имъ встать нельзя, и тѣ въ нихъ попасть не могутъ. Смотрятъ: лѣзетъ въ окно коса, другая: норовятъ косами поймать кого-

нибудь. А тѣмъ временемъ подоспѣли другіе солдаты, изъ другихъ избъ, всѣхъ повстанцевъ переловили.

Кончилась война. Доживаетъ службу Немальцевъ. Чѣмъ ближе къ концу, тѣмъ сильнѣй тоска по дому.

Вышелъ приказъ восьмнадцатилѣтнихъ сроковъ отпускать домой.

А Немальцевъ двадцати-пяти-лѣтній уже доживаетъ. Обидно стало ему.

Пошелъ онъ къ ротному, проситъ отпустить его.

— Поговорю я съ полковникомъ, только врядъ ли!

— А сколько ему осталось?—спрашиваетъ полковникъ.

— Шесть мѣсяцевъ.

— О чемъ тамъ толковать!

Пришелъ, наконецъ, и Немальцева службѣ конецъ. Вызвали всѣхъ ихъ, отслужившихъ, въ полковую канцелярію.

Вонъ онѣ, лежатъ у писаря тѣ бѣлыя бумажечки, на которыхъ отставка ихъ прописана. Вызываетъ писарь по очереди и раздаетъ ихъ.

А Немальцева отставку припряталъ для шутки.

Кончили. Стоитъ Немальцевъ ни живъ, ни мертвъ.

— Тебѣ что?—спрашиваетъ писарь.

— Какъ что? Отставку.

— Нѣтъ твоей отставки...

Все выдержалъ громадный до потолка Немальцевъ, а какъ увидѣлъ, что нѣтъ его отставки, зашатался.

— Есть, есть... Я пошутилъ...

Пули не свалили, а шуткой чуть не убили человѣка.

Смѣются писаря.

Отошелъ Немальцевъ, взялъ отставку,—Богъ съ вами,— и пошелъ на далекую родину.

V.

Думалъ опять, было, удостовѣрить свою Ирину, да не то судилъ ему Богъ: умерла Ирина... ждала, все ждала мужа, двухъ мѣсяцевъ только и не дожила до прихода.

Годъ прошелъ: сгорѣлъ ветхій домикъ Немальцева.

Выросли дѣти. Одного въ солдаты угнали, другой въ холеру умеръ. Ничего не осталось у старика. Только вотъ служба дозорная осталась, да кудластый песикъ, что человѣческими глазами глядитъ, да слушаетъ, точно понимаетъ...

Скоро разсвѣтъ. Устало бредетъ старикъ. Снова бьетъ онъ въ чугунную доску, и дрожатъ протяжные звуки, и уносятся въ темную даль.

Н. Гаринъ.

ГЕРОЙ СОВРЕМЕННОЙ ЛЕГЕНДЫ.

У всякой эпохи культурной европейской исторіи есть свой весьма опредѣленный девизъ, выражающій излюбленныя стремленія современной мысли и настроенія, по крайней мѣрѣ, большинства современнаго общества.

Такимъ девизомъ для среднихъ вѣковъ была католическая *религія* и ея дѣтище—папское *богословіе*, въ прошломъ вѣкѣ—просвѣщенная *критика* старины и преданій и ея оружіе—*философія*, въ наше время на каждомъ шагу и при всякомъ случаѣ повторяются слова—*положительная наука*.

Это значитъ: знаніе, безусловно свободное отъ всякихъ идей и чувствъ, не имѣющихъ строжайшей основы въ наблюдаемой и очевидной дѣйствительности.

Предъ такимъ правиломъ одинаково теряютъ кредитъ и папская воля, и вольтеровская философія, потому что и римскія буллы, и книги энциклопедистовъ руководятся извѣстными *общими идеями*, правда, совершенно различнаго порядка, но одинаково неподлежащими научному опыту. И въ глазахъ настоящаго положительнаго ученаго философъ XVIII вѣка такой же метафизикъ, какъ и Альбертъ Великій. Путемъ естествознанія одинаково нельзя доказать ни папской непогрѣшимости, ни принципа гуманности.

Положенія, столь опредѣленныя и общепризнанныя, повидимому, разъ навсегда должны бы покончить съ разнаго рода «бездоказательными увлеченіями» и «стихійными заблужденіями», а главное должны бы устранить малѣйшее вмѣшательство воображенія, вѣры, «ортодоксальной тенденціи»—во всѣ науки и въ томъ числѣ въ исторію.

Повидимому, такъ дѣло и идетъ. Многія привлекательнѣйшія историческія преданія безжалостно развѣнчиваются, лишаются всякаго поэтическаго благоуханія и романтической таинственности и въ литературѣ, и въ политикѣ.

Старецъ Гомеръ превращается въ нарицательное слово, Вильгельмъ Телль—въ миѳъ, Жанна Даркъ—въ патологическое явле-

ніе. И на мѣсто вдохновеннаго слѣпца, великаго патріота и «божественной» дѣвы выступаетъ другой, всюду одинъ и тотъ же герой—смутный, безъимянный, хотя и могучій—*народъ*, *нація*.

Исторія рѣшительно не хочетъ быть аристократкой, и это, можно думать, вполнѣ соотвѣтствуетъ вкусамъ времени. Исторія также намѣрена навсегда порвать всѣ старыя связи съ поэзіей, сказкой, легендой, стать вполнѣ новой положительной наукой.

Но... Всегда появляется это *но* и въ человѣческихъ дѣлахъ, и еще чаще въ человѣческихъ идеалахъ. Даже хуже. Чѣмъ идеалъ выше и стремительнѣе, тѣмъ больше появляется этихъ досадныхъ *но*, будто напоминая человѣчеству о стародавней «зависти боговъ».

Такъ и въ наше время. Съ одной стороны—жестокая, неумолимая критика, холодная, проницательная наука, съ другой—длиннѣйшій рядъ *но*. Чего только здѣсь нѣтъ — и буддизмъ, и декадентство, и мистицизмъ, и чуть не пророческое ясновидѣніе и бѣснованіе.

Скажутъ, все это не касается науки: это область, совершенно ей чуждая, область инстинкта, воображенія, вообще безсознательнаго...

Но, во-первыхъ, почему же эта область именно въ наше время до такой степени громко заявляетъ о себѣ, будто издѣваясь надъ разумомъ и знаніемъ? А потомъ, злополучное *но* успѣло пробраться уже прямо во владѣнія науки и съ каждымъ днемъ производитъ здѣсь настоящія опустошенія.

Трудно и вообразить, сколько усилій потратилъ нашъ вѣкъ, чтобы исторіи придать силу и характеръ науки. И имена тружениковъ все самыя блестящія, начиная съ Огюста Конта и Бокля и кончая Ранке и Тэномъ. Все было, кажется, рѣшено и установлено: *безпристрастіе*, а если возможно, то и безстрастіе, *документальность*, доходящая до фанатизма, до поисковъ за мельчайшей запиской дипломата и домашнимъ счетомъ мелочнаго торговца, *положительность*, превращающая историческую личность въ простую зоологическую особь, и историческое событіе пріурочивающая къ полицейскому отношенію.

Все это отнюдь не преувеличенія, все это—и въ особенности данныя зоологіи и полиціи—лежатъ въ основѣ историческихъ трудовъ положительнѣйшихъ историковъ, въ родѣ Тэна.

И вотъ, въ нѣдрахъ такой исторіи и подъ перомъ самыхъ современныхъ историковъ возникаетъ нѣчто менѣе всего положительное, возникаетъ прямо *легенда*. Такъ именуется странное дѣтище на языкѣ самихъ родителей.

Предметъ легенды—*личность* и направленіе легенды—самое *аристократическое* и *антинаціональное*. По поводу Вильгельма Телля и Жанны Даркъ исторія легко согласилась усвоить демократическія идеи вѣка, и почти уничтожила личный героизмъ рядомъ съ «условіями эпохи и среды», какъ любятъ выражаться положительные историки. Но когда вопросъ коснулся отнюдь не патріота, не народнаго вождя и не освободителя націй, а великаго завоевателя, точнѣе, въ результатѣ просто великаго воителя,—гордая и свободолюбивая демократка исторія покорно склонила свою ученую голову и провозгласила его «единственнымъ въ мірѣ геніемъ», «сверхчеловѣческимъ умомъ», «превосходящимъ всѣ извѣстные и даже вѣроятные размѣры»: у него «необъятный мозгъ», «наводящая ужасъ воля»...—эпитеты, несравненно болѣе рѣшительные и лирическіе, чѣмъ даже въ стихотвореніяхъ Лермонтова, Байрона, Гейне. И мы беремъ эту характеристику у писателя, *не считающаго* себя лично, непризнаннаго и другими, за поклонника героя. Онъ—историкъ, все время чувствуетъ подъ собой *положительную науку*, и пишетъ настоящую поэму, даже съ обращеніемъ къ сверхестественнымъ силамъ *). Можно представить, что же дѣлается съ откровенными обожателями, невольными или вольными «творцами» исторіи!..

Не проходитъ мѣсяца, раздается ихъ вдохновенный голосъ, и черта за чертой слагается *золотая легенда—la légende dorée*, по выраженію одного изъ сказателей. Можно потеряться въ волнахъ этой восторженной мелодіи, какъ бы однообразна ни была ея тема и фальшивъ ея тонъ.

Мы и не станемъ погружаться въ это море. Въ заключеніе нашего разсказа мы возьмемъ типичнѣйшихъ и наболѣе вліятельныхъ представителей новѣйшей ученой поэзіи, и ихъ будетъ намъ вполнѣ достаточно, чтобы опредѣлить смыслъ легенды и психологію ея слагателей.

А теперь обратимся къ самому герою и къ источникамъ, ему современнымъ. Ихъ множество: маршалы, министры, дипломаты, фрейлины, писатели, даже простые смертные — всѣ брались за перо съ цѣлью передать потомству свои впечатлѣнія и свой судъ о человѣкѣ, наполнявшемъ своей славой весь культурный и даже некультурный міръ. Руководителями мы возьмемъ прежде всего *самого героя*, его литературныя произведенія и письма и непремѣнно изъ того періода, когда власть и политика на міровой

---

*) Taine *Les. orog. de la Fr. Contemp. Le regime moderne.* I, pp. 5, 41, 42, 44, 49, 61 etc.

сценѣ еще не успѣли разрушить гармоніи между мыслью и словомъ, фактомъ и исторіей. Потомъ, призовемъ въ свидѣтели преимущественно людей, *безусловно расположенныхъ въ пользу героя*, его братьевъ, его спутниковъ и поклонниковъ даже въ паденіи и въ изгнаніи. Дальше *товарищей* раннихъ лѣтъ героя и позже *сотрудниковъ* въ эпоху власти. Изъ остальныхъ очевидцевъ мы предпочтемъ тѣхъ, кто, *по несомнѣнному культурному и нравственному развитію, по доказанной высотѣ пониманія историческихъ событій и непосредственному источнику свѣдѣній*—можетъ быть допущенъ въ качествѣ свидѣтеля и даже судьи. Наконецъ, верховнымъ судьей у насъ будутъ *ясные, въ полномъ смыслѣ историческіе факты*, въ ихъ чистѣйшемъ видѣ.

Можетъ быть, и при такихъ условіяхъ мы не достигнемъ истины. Но мы глубоко убѣждены, что возможный идеалъ исторіи заключается не столько въ *положительной истинѣ*, сколько въ *искреннемъ стремленіи къ ней.*

I.

Наполеоне Буонапарте.

Двадцатаго іюня 1792 года, въ Парижѣ, въ королевской резиденціи—Тюльери—происходила слѣдующая сцена. Громадная толпа народа окружала дворецъ, загромождала лѣстницы и входы во внутренніе покои, бѣшено шумѣла и грозила оружіемъ. У открытаго окна въ креслѣ, поставленномъ на столъ, сидѣлъ Людовикъ XVI и на вопли черни отвѣчалъ отрицательно одной и той же, едва внятной, но твердой фразой. Уже не впервые смиреннѣйшій государь и добродушнѣйшій человѣкъ являлся искупительной жертвой революціонной бури, и на этотъ разъ вся правда — нравственная и юридическая—была на его сторонѣ.

Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ король присягнулъ конституціи, и теперь рѣшился воспользоваться правомъ, которое было предоставлено ему закономъ, — не утвердилъ нѣкоторыхъ рѣшеній представительнаго собранія. Въ парижскихъ предмѣстьяхъ, только что вкусившихъ головокружительнаго напитка вольностей, не хотѣли знать ни о правахъ монарха, ни объ обязанностяхъ народа,— и деспотически требовали отмѣны королевской воли....

Долго и напрасно бушевала толпа.... Вдругъ кто-то поднялъ на пику якобинскую шапку и протянулъ ее къ королю. Тотъ взялъ и надѣлъ ее на голову. Другой рабочій, видя изнеможеніе короля отъ духоты и волненій, — подалъ ему бутылку вина, — и король

не отказался — освѣжиться демократическимъ напиткомъ. — Рукоплесканія и крики торжества загремѣли въ отвѣтъ на это несказанное зрѣлище.

Оно было жесточайшей трагедіей для несчастнаго монарха, и, несомнѣнно, среди самой ликующей толпы въ эту минуту не одно сердце сжалось чувствомъ невольнаго состраданія. Но между зрителями оказался человѣкъ, не испытывавшій ни торжества, ни жалости. Увидѣвъ Бурбона въ уборѣ санкюлота, онъ воскликнулъ съ явнымъ презрѣніемъ:

— Che coglione!

Это значило: какой глупецъ Людовикъ XVI, разговаривающій съ своими подданными! И человѣкъ, издавшій восклицаніе, не замедлилъ здѣсь же объяснить своему товарищу, какъ бы онъ заговорилъ въ подобномъ случаѣ.

Грозная рѣчь менѣе всего соотвѣтствовала внѣшности зрителя. Прежде всего, очевидно, это былъ не французъ: восклицаніе указывало на итальянское происхожденіе, видъ, съ какимъ онъ слѣдилъ за потрясающей сценой, свидѣтельствовалъ о презрительномъ равнодушіи къ смыслу и результату событія. Небольшой ростъ, крайне тщедушное тѣло, болѣзненно-блѣдное, будто изможденное голодомъ лицо, рѣзкія, неловкія, подчасъ смѣшныя движенія—ничего парижскаго, мало даже культурно-европейскаго, и въ тоже время—форма французскаго артиллерійскаго поручика...

Въ толпѣ никто не заинтересовался страннымъ незнакомцемъ, хотя восклицаніе было произнесено довольно громко. Но если бы кто-нибудь обратился къ офицеру даже съ самыми простыми вопросами—на счетъ его имени, службы, пребыванія въ Парижѣ, получилъ бы немало странныхъ отвѣтовъ, — и ни одного опредѣленнаго.

По документамъ значилось: *Nabulion*, *Nabulione*, *Napoleoné Napolioné*, фамилія — также документально — *Buonaparté*, *Bonaparté*,—и нигдѣ—*Napoléon Bonaparte*. Тщедушный поручикъ носилъ множество именъ, но ни одно изъ нихъ пока еще не было именемъ будущаго «императора французовъ». Мало этого. Ни одного изъ названныхъ именъ не знали ни католическій календарь, ни католическія житія святыхъ, и у поручика, такимъ образомъ, совершенно не имѣлось «дня ангела». Этотъ день, какъ и одно опредѣленное имя, также будетъ созданъ только въ лучшемъ будущемъ, когда самъ папа вмѣшается въ дѣло и откроетъ новаго святого. Тогда окончательно станетъ извѣстно свѣту и время появленія на свѣтъ великаго человѣка. А пока — это вопросъ совершенно темный, но не лишенный интереса, хотя бы для товарищей поручика.

Они знаютъ, — *Napoleoné* привезенъ во Францію съ острова Корсики своимъ отцомъ, Карло Буонапарте. Отецъ утверждалъ, будто мальчикъ родился 15-го августа 1769 года и, слѣдовательно, имѣлъ право поступить въ Бріеннскую школу на казенный счетъ— весной 1779, когда еще ему не было *десяти* лѣтъ. Таковы были условія поступленія. Но потомъ въ военномъ министерствѣ оказался актъ, по которому тотъ же ребенокъ родился *7 января 1768 года*, еще позже, генералъ Бонапартъ, вступая въ бракъ съ Жозефиной Богарнэ, назвалъ днемъ своего рожденія *5-е февраля 1768 года* и, наконецъ, Наполеонъ I—предложилъ папѣ освятить *15 августа 1769 года.*

Откуда же такая путаница!

Объясняется она просто и для Наполеона Бонапарта въ высшей степени знаменательно. У Карло, корсиканскаго небогатаго дворянина, старшій сынъ — *Іосифъ* — родился въ 1768 году, вторымъ былъ Наполеоне. *Іосифъ* росъ мальчикомъ, въ высшей степени кроткимъ и семья предназначала его въ духовное званіе. *Nabulion*, напротивъ, являлъ всѣ добродѣтели корсиканской натуры, не имѣлъ ничего общаго съ добродушнымъ, легкомысленнымъ эпикурейцемъ отцомъ и усвоилъ всѣ черты матери — необыкновенно энергичной хозяйки, мужественной патріотки и до безумія бережливой скопидомки. Только изумительная красота Летиціи Буонапарте не перешла къ сыну; во всемъ остальномъ они всю жизнь являлись совершенными корсиканцами.

На островѣ борьба партій — кровная потребность, безконечный эгоистическій и крайне жестокій спортъ. Корсиканецъ не знаетъ никакихъ принциповъ, никакихъ гражданскихъ и политическихъ порядковъ, никакихъ общихъ нравственныхъ обязательствъ. Интересы личности, семьи, рода, безпощадная вендетта до седьмого поколѣнія, ненависть къ порядку и суду во имя мести, — таковы основы корсиканскаго быта. Нѣкоторыми изъ этихъ основъ—напримѣръ, вендеттой и междоусобицами — восхищался Наполеонъ даже на островѣ св. Елены [1]), и всего восемь лѣтъ назадъ французскій путешественникъ изображалъ Корсику во всей ея первобытной красотѣ [2]). Оказывалось, французы съ начала нынѣшняго вѣка истратили на управленіе островомъ чистыхъ *французскихъ* денегъ около милліарда и въ результатѣ— «полуварварская страна, по которой бродятъ шестьсотъ бандитовъ».

Что же было во время дѣтства и молодости Наполеона?

---

[1]) *Mèmorial de Sainte-Helène par le C-te de Las Cases.* Paris 1842, I, 600

[2]) *Bourbe. En Corse.* Paris 1887, chap. XIII.

Madame

Его мать съ наслажденіемъ принимала участіе въ бандитскихъ экспедиціяхъ, даже въ интересномъ положеніи отлично скакала на лошади, въ теченіи двадцатилѣтняго замужества родила тринадцать человѣкъ дѣтей, дожила до восьмидесяти семи лѣтъ, видѣвъ своихъ сыновей—оборванными сорванцами, отчаянными «борцами за существованіе», монархами и, наконецъ, изгнанниками и узниками.

Она первая должна была разсказать юному Набуліону разныя исторіи изъ корсиканскихъ нравовъ, въ особенности громкія романическія трагедіи, заронить искру того островитянскаго патріотизма, который на склонѣ лѣтъ заставлялъ развѣнчаннаго императора восторженно вспоминать «родную землю», даже «запахъ ея почвы». Этотъ запахъ, увѣрялъ Наполеонъ, онъ могъ распознать съ закрытыми глазами...

Второй сынъ Карло былъ, несомнѣнно, будущій воинъ. Онъ самъ впослѣдствіи любилъ разсказывать о своихъ дѣтскихъ задаткахъ будущаго завоевателя.

«Я былъ задира и шалунъ; я никого не боялся, билъ одного, царапалъ другого, являлся ужасомъ для всѣхъ. Особенно доставалось брату Іосифу. Я его побью, искусаю, изругаю и успѣю нажаловаться на него же раньше, чѣмъ онъ опомнится...»

Карьера, слѣдовательно, намѣчалась сама собой, и отецъ поспѣшилъ воспользоваться только-что совершившимся присоединеніемъ Корсики къ Франціи, заявилъ себя горячимъ французскимъ патріотомъ съ самыми вѣрными разсчетами на казенное воспитаніе дѣтей, перемѣнилъ документы о рожденіи, заручился покровительствомъ губернатора острова, большого друга г-жи Буонапарте, и привезъ обоихъ сыновей во Францію [1]).

Будущій повелитель Франціи едва зналъ нѣсколько французскихъ словъ. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ онъ научился кое-какому разговору, но до самаго консульства, т. е. почти до тридцатипятилѣтняго возраста смѣшивалъ такія слова, какъ, напримѣръ, *session* и *section*, *armistice* и *amnistie*, point *culminant* и point *fulminant*. Что касается матери, впослѣдствіи *Madame Mère*, эта до самой смерти говорила на самомъ странномъ діалектѣ,—начала словъ французскія, окончанія итальянскія, или *jou* вмѣсто *je*, *hourouse* вмѣсто *heureuse*. *Madame* необыкновенно горячо заботилась о титулахъ, и сына упорно называла *Emperour*...

Но для г-жи Буонапарте эти недостатки не стоили никакихъ лишеній. Совершенно иначе съ ея сыномъ. Уже въ начальной

---

[1]) M-me Rémusat. *Mémoires*. Излож. *В. Евр*. 1880, іюнь, 152.

школѣ онъ долженъ безпрестанно отражать нападки товарищей, совершенно не признававшихъ корсиканскихъ доблестей и безпощадно издѣвавшихся надъ маленькимъ дикаремъ. Въ Бріеннѣ дѣло пошло несравненно хуже. Наполеоне оказался здѣсь совершенно одинокимъ. Его сразу встрѣтили прозвищемъ *paille au nez*. Это было издѣвательствомъ надъ его именемъ. Еще больнѣе оскорбляли насмѣшки надъ его бѣдностью, неуклюжестью, корсиканской дикостью... Десятилѣтній ребенокъ попадаетъ въ положеніе затравленнаго волченка.

У него нѣтъ друзей. Онъ почти всегда одинъ, у него во дворѣ школы намѣченъ излюбленный уголокъ, онъ сидитъ здѣсь молчаливый и угрюмый по цѣлымъ часамъ, будто въ оборонительномъ положеніи. Горе тому, кто посягнетъ на его владѣніе: онъ тогда начинаетъ отбиваться съ яростью накипѣвшей злобы. «Меня совсѣмъ не любили въ школѣ»,—прибавлялъ Наполеонъ, разсказывая всѣ эти подробности [4]).

Но еще менѣе любилъ товарищей самъ разсказчикъ. Одному изъ нихъ Бурріенну, впослѣдствіи спутнику его славы, онъ высказывалъ откровенно свою ненависть къ *французамъ*, грозилъ надѣлать имъ впослѣдствіи всякаго зла [5]). Всѣ его любовныя мечты сосредоточены на родномъ островѣ, на его героѣ Паоли, на родной семьѣ. Въ зрѣломъ возрастѣ онъ станетъ сочинять планы отнять Корсику у Франціи; несомнѣнно, эти планы волнуютъ душу школьника въ его одинокомъ углу. Во время революціи онъ напишетъ къ Паоли письмо, исполненное пламеннымъ негодованіемъ на порабощеніе Корсики. Именно революція и разгорячитъ мечты Буонапарте о свободѣ родины [6]). Именно по этой причинѣ онъ будетъ вѣчно стремиться въ Аяччо въ моменты самыхъ страшныхъ опасностей для Франціи со стороны внѣшнихъ враговъ. Даже на тронѣ у него не разъ сорвется презрительное слово о націи, на своей крови воздвигшей его величіе. «*Vous autres Français*»—будетъ невольнымъ восклицаніемъ *иностранца*.

И за что бы могъ молодой корсиканецъ полюбить людей, ежеминутно наносившихъ жесточайшія обиды его самолюбію? Отецъ его представилъ документъ, свидѣтельствовавшій дворянское происхожденіе Буонапарте, но чего стóило это корсиканское дворянство предъ гербами маленькихъ французскихъ шевалье? M-me Летиція была отличная хозяйка; умѣла копить франки даже въ по-

---

[4]) M-me Rèmusat, *B. E.* іюнь, 651.

[5]) Bourrienne. *Mémoires*. I, 33.

[6]) Письмо къ Paoli. Chateaubriand. Mémoires d'outre-tombe. Bruxelles 1849, III, 106. Jung, *Bonaparte et son temps*. I, 195.

ложеніи *Madame Mère*, но что̀ значили ея сбереженія предъ феодальными богатствами будущихъ сеньёровъ Кастри, Комминжей? Маленькій Наполеоне очень умный и отважный мальчикъ, но развѣ эти качества, въ глазахъ графовъ и маркизовъ, не были просто дерзостью и даже преступленіемъ черни?

Философская литература XVIII-го вѣка очень любила изображать эгоизмъ и сословное самовластіе въ дѣтяхъ знатныхъ баръ, и сама жизнь давала ей безчисленное множество драматическихъ мотивовъ въ приключеніяхъ какого-нибудь деревенскаго мальчишки Кола̀, молочнаго брата и сверстника высокороднаго Фанфана. Но литература обыкновенно въ лицѣ Кола̀ стремилась воплощать незлобіе и чувствительность, вліяющія даже на несовершеннолѣтнихъ деспотовъ. Наполеоне не былъ созданъ для подобной назидательной роли. Въ его жилахъ текла кровь, воспитанная вѣковыми вендеттами, и даже учителя невольно всматривались въ этотъ не по-дѣтски твердый, пристальный взоръ. Величайшая язва стараго порядка зажгла въ дѣтскомъ сердцѣ истинно-революціонную ненависть униженнаго демократа. Недаромъ впослѣдствіи Наполеонъ съ презрѣніемъ будетъ отвергать всевозможныя изслѣдованія о генеалогіи Бонапартовъ. Австрійскій императоръ, вынужденный отдать свою дочь самодѣльному цезарю, вздумаетъ утѣшать себя высоко-благороднымъ, даже владѣтельнымъ происхожденіемъ своего грознаго зятя. Бонапартъ отвѣтитъ смѣхомъ на эти претензіи и заявитъ, что, вмѣсто всякихъ предковъ, онъ хотѣлъ бы быть Рудольфомъ Габсбургскимъ своей фамиліи [7]). Въ другомъ случаѣ онъ просто отвернется отъ досужихъ, но неумѣлыхъ льстецовъ, не раздѣлявшихъ глубочайшаго убѣжденія императора: его *я* и его шпага сто̀ятъ всѣхъ гербовъ во всемъ мірѣ [8]).

Двѣнадцатилѣтній Наполеоне не умѣлъ молчать о своихъ страданіяхъ: эта черта останется у него до могилы, только не всегда его жалобы будутъ такъ горды и благородны, какъ именно въ военной Бріеннской школѣ.

Пятаго апрѣля 1781 года онъ писалъ отцу:

«Мой отецъ! Если вы или мои покровители не даютъ мнѣ средствъ съ бо̀льшимъ почетомъ содержать себя въ домѣ, гдѣ я живу, то лучше возьмите меня къ себѣ, и немедленно. Мнѣ надоѣло выказывать свою нищету, видѣть улыбки дерзкихъ школьниковъ, которые только и превосходятъ меня богатствомъ, потому что нѣтъ никого среди нихъ, кто бы во сто разъ не былъ ниже меня по благороднымъ чувствамъ, воодушевляющимъ меня».

---

[7]) *Mémorial* I, 51.

[8]) Ibid.

Все письмо написано въ такомъ тонѣ; въ концѣ говорится о лишеніяхъ и даже объ отчаяніи.

Нервы юнаго корсиканца, очевидно, возбуждены до послѣдней степени. Но отецъ не въ силахъ помочь. Тогда Наполеоне находитъ случай пожаловаться покровителю своей семьи, и уже не на денежную нужду, а на несправедливое, по его мнѣнію, наказаніе за ссору съ товарищемъ... Полная противоположность отцу. Тотъ не знаетъ покоя, пристраивая свое многочисленное потомство, подаетъ прошенія, обиваетъ пороги переднихъ, пишетъ даже сонетъ въ честь главнаго благодѣтеля, считаясь въ то же время авторомъ противорелигіозныхъ стихотвореній.

За то для отца-Буонапарте жизнь течетъ сравнительно весело, а сынъ уже въ 15—16 лѣтъ кажется одновременно и мученикомъ, и героемъ. Его лицо — желто, даже черно, взглядъ необыкновенно быстръ, тонкія губы нервно сжаты, какія-то жгучія думы волнуютъ все существо юноши. Думы эти, повидимому, очень далеки отъ школы и школьнаго ученья. По крайней мѣрѣ, Наполеоне по-прежнему пишетъ безграмотно, но содержаніе писемъ еще энергичнѣе и исключительно практическое, посвящено заботамъ о семьѣ, основательнымъ доводамъ и неотразимымъ требованіямъ, чтобы Іосифъ шелъ въ духовное званіе: «онъ могъ бы сдѣлаться епископомъ!...» Іосифъ не послушался, — но для насъ любопытенъ этотъ повелительный тонъ и подавляющая логика въ житейскихъ вопросахъ. Воля, пониманіе жизни, какъ безпощадной борьбы, ненависть къ старымъ привиллегіямъ и презрѣніе къ личному ничтожеству, полное отсутствіе сердечныхъ привязанностей помимо семьи;—съ такимъ душевнымъ запасомъ явился Наполеоне доканчивать свое военное образованіе въ Парижскую школу.

Парижъ могъ только умножить и упрочить этотъ запасъ. Наполене не чувствовалъ склонности къ современнымъ философскимъ идеямъ. Въ Бріеннской школѣ преподаваніе было весьма плохое, въ Парижской какая угодно учебная система неизбѣжно разбивалась о твердыни аристократическаго быта привиллегированныхъ питомцевъ. Буонапарте обратилъ вниманіе отнюдь не на преподаваніе, менѣе всего — на науку, а занялся исключительно практическими и нравственными вопросами. Умственное развитіе въ высшемъ смыслѣ слова для него будто не существуетъ. Съ этой точки зрѣнія онъ впослѣдствіи будетъ судить сначала Парижъ, потомъ Францію и, наконецъ, всю Европу. Это — точка зрѣнія почти первобытнаго народа, сравнительно нравственнаго и органически-крѣпкаго, съ самыми ограниченными культурными потребностями,—народа, совершенно чуждаго общихъ идей, и

общечеловѣческихъ интересовъ. Это точка зрѣнія здраваго мѣщанскаго смысла. Въ семьѣ Буонапарте философскими идеями считалось, напримѣръ, обереганіе деревьевъ отъ козъ! Именно по такому поводу молодой Наполеоне выдерживалъ бурныя сцены съ своимъ дядей. Наполеоне былъ самымъ умнымъ и даровитымъ членомъ этой семьи, но и онъ въ понятіяхъ о философіи могъ подняться надъ своими родичами только *количественно*, а не *качественно*, т. е. преслѣдовать идеи на неизмѣримо болѣе обширномъ поприщѣ, чѣмъ островъ Корсика, столь же мало отдавая въ нихъ отчета, какъ и дядя архидіаконъ.

Наполеоне, едва вступивъ въ парижскую школу, уже сочиняетъ записку о распущенности воспитанниковъ. Въ авторѣ, несомнѣнно, говорило сильное личное чувство, но это не мѣшало запискѣ быть вполнѣ правдивой. Авторъ рекомендовалъ лишить будущихъ воиновъ права держать у себя прислугу, принудить ихъ самихъ чистить платье, сапоги, и вообще подвергнуть ихъ военной дисциплинѣ.

Эти слова—*военное воспитаніе*, *дисциплина* — магическія въ устахъ Бонапарта. Въ нихъ заключается вся тайна его грядущей власти надъ Франціей и почти всей Западной Европой. Вопросъ, вездѣ ли и всегда примѣнимъ такой способъ управлять людьми, нѣтъ ли другихъ путей общественнаго блага и государственнаго порядка, — для Наполеона не существуетъ. Съ начала карьеры до самой смерти онъ безпрестанно повторяетъ, что онъ — солдатъ, и его подданые, — *всѣ безъ исключенія*, должны быть подвергнуты—до преклонной старости—военнымъ распорядкамъ. Послѣднимъ идеаломъ государственной мудрости императора будетъ *военная классификація*—classement militaire—всей французской націи, отъ десятилѣтняго до шестидесятилѣтняго возраста. Мы увидимъ, — даже наполеоновскіе совѣтники, въ сущности безмолвные исполнители его воли, отступили предъ страшнымъ призракомъ всепоглощающей казармы [10])...

Школу будущій цезарь окончилъ весьма не блистательно,— 42-мъ изъ 58. Но зато отзывы его воспитателей крайне любопытны и, очевидно, — справедливы. Говорится о большомъ прилежаніи Наполеоне, о его любви къ чтенію, о математическихъ и географическихъ способностяхъ. Это—относительно умственныхъ способностей. Нравственныя мы отчасти знаемъ: «Онъ молчаливъ, любитъ уединенье, своенравенъ, надменenъ, въ высшей степени эгоистиченъ (extrêmement porté à l'égoisme), энергиченъ въ от-

[10]) Roederer. *Mém.* III, 536. *Mémorial.* I, 449, 723.

вѣтахъ, быстръ и суровъ въ возраженіяхъ, у него много самолюбія, честолюбивъ и—*aspirant à tout*».

Послѣднее замѣчаніе—самое знаменательное. Въ семнадцать лѣтъ Наполеоне уже сумѣлъ выказать свою неукротимую стремительность къ завоеваніямъ на житейскомъ поприщѣ, и стремительность, очевидно. безразличную къ понятіямъ о долгѣ, объ общественныхъ отношеніяхъ: *крайній эгоизмъ* не мирится съ этими идеями. Предъ нами въ сущности весь Бонапартъ; не достаетъ только единственственной *третьей* черты. Она будетъ результатомъ первыхъ двухъ, и въ свою очередь, наложитъ рѣзкую печать на личность великаго удачника: это—необыкновенно быстрая побѣда надъ людьми и обстоятельствами, безпримѣрная въ культурномъ мірѣ власть, пріобрѣтенная съ классической, цезарской легкостью.

Впрочемъ, о какомъ долгѣ и о какихъ отношеніяхъ могъ помышлять молодой офицеръ? Правда, онъ учился на королевскій счетъ, носитъ французскую форму, но здѣсь и кончаются всѣ его связи съ Франціей. Связи—исключительно внѣшнія. Другихъ не могли воспитать ни школа, ни товарищи, ни учителя, ни общество. Любимымъ авторомъ Наполеоне въ Парижской школѣ является Руссо. Извѣстно вѣдь, — женевскій философъ совершеннѣйшимъ европейскимъ народомъ считалъ именно корсиканцевъ и даже предсказывалъ, что они въ недалекомъ будущемъ изумятъ весь міръ. Философъ былъ далекъ, конечно, отъ мысли, что виновникомъ этого изумленія будетъ не народъ собственно, а сынъ представителя корсиканскаго дворянства. Руссо также считалъ корсиканцевъ націей, наиболѣе способной къ идеальному государственному строю. На этотъ разъ, въ рѣчахъ философа не было ни капли практическаго смысла, но подобныя заявленія, конечно, весьма льстили воображенію читателя-корсиканца.

Въ положеніи Наполеоне-школьника и офицера много общаго съ страдальческой жизнью Руссо. То же одиночество, та же злоба на счастливцевъ, на легкомысленное, развращенное общество; то же чувство полной нравственной и даже національной отчужденности. Идеи Руссо о равенствѣ и свободѣ совершенно не входили въ душу Наполеоне. Онъ, по собственному заявленію, рѣшительно не понималъ ихъ. И, несомнѣнно, фантастическія мечты философа о первобытномъ состояніи сыграли свою роль въ органическомъ отвращеніи Бонапарта къ «идеологіи и метафизикѣ».

Но у Руссо было и многое другое, прежде всего — страстныя декламаціи противъ французскаго общества, особенно противъ парижанъ, чувствительныя изліянія героевъ и героинь, не призна-

ваемыхъ и гонимыхъ жестокой, безнравственной средой. Этими страницами зачитывался юный корсиканецъ: такъ хорошо онѣ отвѣчали его личнымъ настроеніямъ, его личной судьбѣ.

О чтеніяхъ Руссо мы слышимъ очень долго, вплоть до консульства. А отголоски узнаемъ немедленно съ той самой минуты, когда Буонапарте попадаетъ въ парижское общество. Его письма не что иное, какъ знаменитая корреспонденція несчастнаго любовника Юліи: недаромъ *Новая Элаиза* будетъ сопровождать генерала Бонапарта даже къ пирамидамъ, и дастъ ему, вѣроятно, не одну тему для супружеской переписки съ Жозефиной.

Неоцѣненный вдохновитель,—Руссо для гарнизоннаго французскаго офицера! И какого офицера! настоящее—самое прозаическое, перекочевка изъ одного провинціальнаго города въ другой, жалованье, едва позволяющее ѣсть одинъ разъ въ день... Буонапарте самъ варитъ свой супъ, экономитъ по 4 су на бѣльѣ, самъ чиститъ платье, не имѣетъ возможности пойти въ кафе. Съ нимъ живетъ его братъ Луи; отецъ ихъ умеръ, и Буонапарте рѣшилъ облегчить заботы матери. Императоръ французовъ и король Голландіи въ недалекомъ будущемъ—живутъ теперь на три франка и пять сантимовъ въ день.

Необходимо измыслить какой-нибудь заработокъ, и Наполеоне бросается въ литературу. Подъ вліяніемъ Руссо онъ принимается за исторію Корсики, ищетъ покровительства у знаменитаго философа и историка Рейналя, посылаетъ ему для отзыва начало своего труда, проситъ книгъ. Письмо написано въ такомъ стилѣ и по такой ореографіи, что уже само по себѣ давало вполнѣ точное представленіе о литературныхъ талантахъ артиллерійскаго офицера. Достаточно одной фразы, оканчивающей просьбу на счетъ книгъ:

«*Jentend* votre reponse pour vous envoyer *l'argent à quoi* cela montera»...

Изъ проекта ничего не могло выйти, да и самъ Буонапарте напалъ на него съ голода. Но молодость беретъ свое. Нужда и одиночество—ея величайшіе мучители. Они нестерпимо терзаютъ сердце самолюбиваго и гордаго юноши. Ему не съ кѣмъ подѣлиться своимъ горемъ; у него по прежнему нѣтъ друзей,—и вотъ въ минуты отчаянія, накипѣвшей желчи, Буонапарте бросаетъ на бумагу «тоску своей души».

«Всегда одинокій среди людей, я возвращаюсь домой, чтобы помечтать наединѣ съ самимъ собой и отдаться во власть глубочайшей меланхоліи». И мысль о смерти начинаетъ манить его. Предъ нимъ проходятъ воспоминанія дѣтства, онъ чувствуетъ

горячій приливъ любви къ родинѣ, къ семьѣ... Но онъ далеко отъ нихъ, и нѣтъ ему ни въ чемъ утѣшенія. Не лучше ли умереть?

Но Буонапарте слишкомъ высоко цѣнитъ свою личность, чтобы при мысли о своихъ мученіяхъ забыть первоисточникъ ихъ, презрѣнныхъ людей, все тѣхъ же французовъ. Непосредственно послѣ раздумья о самоубійствѣ слѣдуютъ грозныя обвинительныя рѣчи противъ поработителей Корсики; онъ готовъ «вонзить мечъ въ сердце тирана» своей родины, и, оказывается, вся тягота его жизни происходитъ отъ необходимости жить съ людьми, совершенно «удаленными отъ природы», т. е по нравамъ столь же непохожими на него, корсиканца, какъ свѣтъ луны не походитъ на блескъ солнца.

Логическій выводъ — отправиться на дорогой островъ, попытаться освободить его. И вотъ предъ нами странное явленіе, возможное только въ самыхъ исключительныхъ обстоятельствахъ. Буонапарте безпрестанно беретъ отпуски, не является въ сроки, испрашиваетъ отсрочки, и въ результатѣ изъ девяноста девяти мѣсяцевъ службы онъ дѣйствительно служитъ только *сорокъ одинъ мѣсяцъ*. За эту службу онъ получаетъ чинъ французскаго генерала въ то время, когда отпусками онъ пользуется *противъ* Франціи, беретъ ихъ въ самыя для нея критическія минуты, напримѣръ, въ сентябрѣ 1791 года, въ сентябрѣ слѣдующаго года, когда странѣ со всѣхъ сторонъ грозитъ иноземное вторженіе.

А въ это время на Корсикѣ Буонапарте составляетъ заговоры, пишетъ манифесты и прокламаціи, становится во главѣ шаекъ и партій... Все это возможно благодаря революціоннымъ смутамъ во Франціи. Паоли сначала привѣтствуетъ молодого соотечественника, не видитъ въ немъ ничего «современнаго»; «онъ человѣкъ Плутарха!..» Но на Корсикѣ не бываетъ продолжительнаго согласія между вождями, — Буонапарте вскорѣ ссорится съ героемъ и окончательно объявляетъ себя сторонникомъ Франціи...

Когда-то, гораздо раньше, дядя Набуліона высказалъ еще болѣе любопытное сужденіе о своемъ племянникѣ, чѣмъ Паоли. Пораженный способностью мальчика лгать, онъ предсказалъ ему власть надъ міромъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, разсказывалъ самъ Наполеонъ.

И дѣйствительно со стороны французскаго офицера требовался громадный талантъ въ этомъ направленіи, чтобы не быть разстрѣляннымъ за корсиканскіе подвиги.

Эти подвиги любопытны еще въ другомъ смыслѣ. Они доказываютъ, что честолюбіе Буонапарте въ самый разгаръ революціи отнюдь не искало пищи во Франціи. Оно ограничивалось Кор-

сикой, и не будь у Наполеона соперника въ родѣ Паоли, исторія, вѣроятно, знала бы еще одного великаго корсиканскаго героя, и только. Наполеона I-го не существовало бы. Самъ Бонапарте впослѣдствіи сознавался, что у него не было никакихъ плановъ относительно Франціи. Только близкое знакомство съ революціонными правителями и психологіей парижской толпы открыло ему глаза.

До какой степени мало онъ сознавалъ въ себѣ будущаго цезаря, доказываетъ его упорное пристрастіе къ литературѣ. Болѣе странную наклонность трудно и представить у человѣка подобнаго закала. А между тѣмъ, даже на Корсикѣ онъ продолжаетъ сочинять, и на этотъ разъ даже въ беллетристическомъ жанрѣ.

Пишется сказка *La masque prophète* [11]). Содержаніе ея поистинѣ пророческое для автора. Одинъ восточный пророкъ, необыкновеннаго краснорѣчія и величественной внѣшности, объявилъ себя посланникомъ неба, пріобрѣлъ множество поклонниковъ и царствовалъ надъ ними неограниченно. Но жестокая болѣзнь поразила пророка и обезобразила его лицо. Тогда онъ надѣлъ маску,— по его словамъ, затѣмъ, чтобы не слѣпли люди отъ сіянія его лика. Все шло по старому, и пророкъ разсчитывалъ, что энтузіазмъ поклонниковъ не угаснетъ до конца. Но вдругъ онъ проигрываетъ одну битву, и его все могущество готово рухнуть. Тогда пророкъ собираетъ своихъ вѣрныхъ и объявляетъ: ему во время молитвы былъ голосъ, обѣщавшій всѣмъ его друзьямъ богатства, а врагамъ гибель. Этотъ голосъ, будто бы, повелѣлъ также вырыть рвы, наполнить ихъ известью и бочками съ воспламеняющимися жидкостями. Все исполнено. Пророкъ устраиваетъ пиршество, отравляетъ своихъ друзей виномъ. Стаскиваетъ ихъ тѣла во рвы, зажигаетъ бочки и самъ бросается въ огонь. А поклонники его увѣровали, что онъ взятъ на небо съ своими вѣрными.

Авторъ заключаетъ отъ себя: «Этотъ примѣръ невѣроятенъ. До чего можетъ довести жажда славы!»

Не надо особенной догадливости, чтобы въ этомъ произведеніи увидѣть необыкновенно тонкую аллегорію собственной біографіи автора. Подобной аллегоріи, конечно, авторъ не имѣлъ въ виду, но были же нравственные мотивы, вдохновившіе девятнадцатилѣтнему артиллерійскому офицеру именно эту исторію. Впослѣдствіи у генерала Бонапарта разовьется сильнѣйшее пристрастіе къ востоку, т. е. къ его грандіознымъ военнымъ эпопеямъ, легендарнымъ пророкамъ и деспотамъ. Отъ императора Наполеона

---

[11]) Перепечатана у Jung'а I, 115.

мы услышимъ не разъ глубокое сожалѣніе, что судьба опредѣлила ему подвизаться въ тѣсной, маловѣрной Европѣ... *Пророческая маска* является, слѣдовательно, своего рода предчувствіемъ. Пророкъ Гакемъ—*демонъ* наполеоновской молодости, геній его мечтательныхъ сновъ и невольной тоски по власти и славѣ.

Это—поэзія. Буонапарте не перестаетъ заниматься и прозой, и не менѣе интересной. У этого оригинальнаго автора всякое слово въ строку, всякая фраза—своего рода психологическая драгоцѣнность.

Доканчивается исторія Корсики и всего за нѣсколько мѣсяцевъ до революціи возникаетъ планъ разсужденія о королевской власти.

Авторъ знаетъ о предстоящихъ генеральныхъ штатахъ и обнаруживаетъ самыя радикальныя убѣжденія. По его мнѣнію, европейскіе государи—узурпаторы и почти всѣ заслуживаютъ сверженія. Очевидно, и Людовикъ XVI не долженъ избѣжать своей участи. Съ другой стороны — *Исторія Корсики* должна служить памфлетомъ противъ французскихъ властителей на островѣ. Какъ разъ во время преобразованія генеральныхъ штатовъ въ національное собраніе, т. е. въ минуту несомнѣннаго революціоннаго движенія Франціи, Буонапарте пишетъ письмо въ Лондонъ къ Паоли, молитъ его покровительства своему труду, осыпаетъ французовъ жесточайшими упреками, заявляетъ полнѣйшую преданность свою и своей семьи—корсиканскому революціонеру, горячо называя свое поведеніе *законнымъ*.

Отвѣтъ Паоли не соотвѣтствовалъ лихорадочному тону письма, и авторъ *Исторіи Корсики* рѣшилъ искать покровителя въ совершенно противоположной сторонѣ, въ лицѣ министра финансовъ Неккера. Слѣдовало, конечно, передѣлать сочиненіе. Пока это происходитъ, въ Парижѣ популярность Неккера исчезаетъ, Бастилія взята и основныя привиллегіи старой монархіи уничтожены.

Тогда *Наполеонъ* Буонапарте (такъ онъ теперь подписывается) рѣшается устроить собственную революцію. Слѣдуетъ рядъ его путешествій въ Аяччо и одновременно—литературныя произведенія на самыя идиллическія темы.

Первое написано на конкурсъ, объявленный Ліонской академіей, и носитъ заглавіе: *Какія истины и какія чувства важнѣе всего внушать людямъ для ихъ счастья*?

Языкъ, по прежнему, изумительно варварскій. Вотъ фраза въ духѣ Руссо, но въ чисто корсиканскомъ стилѣ:

«C'était principalement par le spectacle du fort de la vertu que les Lacedemoniens sentaient».

Идеи—сплетеніе радикализма и все того же мѣщанскаго идеализма, процвѣтавшаго подъ кровомъ m-me Летиціи. Восторги предъ Тацитомъ,—тѣмъ самымъ историкомъ, котораго Наполеонъ I будетъ преслѣдовать, какъ личнаго врага, ненависть къ тираннамъ: «тамъ нѣтъ людей, гдѣ короли—государи», восклицаетъ авторъ. А дальше такая философія:

«Безъ женщинъ нѣтъ ни здоровья, ни счастья... Счастье не что иное, какъ жизнь, сообразная съ организаціей... Наша животная организація имѣетъ необходимыя потребности — ѣсть, спать, производить потомство. Пища, жилище, одежда, женщина — безусловно необходимы для счастья».

Еще дальше — идеи Руссо о собственности, выходки противъ богачей, похвала геніальнымъ людямъ, создавшимъ прогрессъ вопреки деспотамъ и темницамъ Бастиліи.

Очевидно, при случаѣ Буонапарте понималъ почти *всего* Руссо и съ идеями равенства, умѣлъ даже говорить нѣчто отъ себя, хотя и подъ вліяніемъ учителя,—о «меланхоліи природы», сожалѣть тѣхъ несчастныхъ, кого никогда не волновало «электричество натуры».

Авторъ зналъ, что и когда писать, но, къ сожалѣнію, *форма* писанія была ужъ слишкомъ оригинальная и модныя идеи Руссо принимали болѣе чѣмъ наивный видъ въ устахъ диссертанта. Тысяча пятьсотъ ливровъ—призъ академіи—миновали Наполеона.

И врядъ ли когда подобный призъ получилъ бы этотъ историкъ, философъ, новеллистъ, даже поэтъ [12]). Мы будемъ имѣть случай познакомиться съ его общими разсужденіями въ самый зрѣлый возрастъ и убѣдимся, что это была не его сфера. Много реторики и ни одной плодотворной или оригинальной идеи. Математикъ и географъ Парижской школы до самой смерти не сдѣлался ни политикомъ—въ широкомъ культурномъ смыслѣ слова, ни проницательнымъ цѣнителемъ чужой умственной дѣятельности.

Немного спустя пишется еще болѣе любопытное сочиненіе—*Діалогъ о любви.*

Мы знаемъ мысли Боунапарте о супружескомъ счастьѣ. Онъ не забывалъ рисовать его, даже размышляя о самоубійствѣ. Семейные инстинкты — расовая корсиканская черта, и Наполеоне, вскорѣ по выходѣ изъ школы, поглощенъ планами женитьбы. Но поручикъ имѣлъ слишкомъ мало данныхъ на успѣхъ у женщинъ. Только слава и власть могли впослѣдствіи смягчить парижскихъ красавицъ. А до тѣхъ поръ его женщины не балуютъ. Такъ онъ самъ разсказывалъ уже на островѣ св. Елены.

---

[12]) Приписываемый ему мадригалъ у Шатобріана, *О. С.* III, 114.

Совершенно напротивъ. Тщетно старается юный артиллеристъ выучиться танцовать во время службы въ провинціи, любезничаетъ съ дамами,—онъ кажется имъ просто смѣшнымъ. Его худощавая фигура, бѣдно и неизящно одѣтая, съ тонкими ногами, въ огромныхъ сапогахъ, стяжали ему прозвище—*chat botté*, *котъ въ сапогахъ*. И дѣти въ знакомыхъ семействахъ, не стѣсняясь, привѣтствуютъ этимъ прозвищемъ будущаго цезаря. Кромѣ того, питаясь по цѣлымъ днямъ однимъ молокомъ, трудно было съ достаточной энергіей измышлять комплименты и слѣдить за изяществомъ манеръ [13]).

Естественно, Наполеонъ не могъ быть очень высокаго мнѣнія о любви и о женщинахъ при такихъ обстоятельствахъ, и *Діалогъ* несомнѣнно, одинъ изъ криковъ боли и гнѣва, столь многочисленныхъ въ эту скорбную эпоху странствій.

Авторъ прямо отъ своего лица заявляетъ: «Я болѣе чѣмъ отрицаю существованіе любви, я считаю ее вредной обществу, личному счастью людей. Наконецъ, я вѣрю, что любовь причиняетъ болѣе зла, чѣмъ добра, и со стороны Провидѣнія было бы благодѣяніемъ—спасти насъ отъ нея и освободить людей».

Наполеонъ рѣдко разсуждалъ спокойно. Нервная дрожь немедленно охватывала его, лишь только онъ принимался развивать какую-либо мысль. И въ приведенныхъ словахъ чувствуется эта дрожь, и она была вполнѣ искренняя.

Много лѣтъ спустя императоръ разсказывалъ о своей *первой* любви. Ему было около 5—6 лѣтъ. Онъ учился въ пансіонѣ для дѣвочекъ и, по его словамъ, былъ недуренъ собой. Вмѣстѣ съ нимъ училась маленькая Джакометта, ребенокъ очаровательной красоты. Наполеоне гулялъ только съ ней, всегда подъ руку. Школьники, поголовно влюбленные въ красавицу, жестоко преслѣдовали счастливую парочку, сложили даже цѣлую пѣсню, и привѣтствовали этой пѣсенью героя. Всякій разъ поднималась страшная драка. Влюбленный хватался за палки и камни и яростно бросался на толпу, какъ бы она многочисленна ни была.

То же страстное чувство бьется и подъ мундиромъ поручика,— и даже генерала,—до того самаго времени, когда власть, завоеванная съ молніеносной быстротой и неожиданностью, — окончательно исцѣлитъ могущественнаго цезаря отъ романтическихъ порывовъ и мѣщанскихъ томленій — и навсегда избавитъ его отъ женскихъ жестокостей...

Теперь пока еще порывы очень сильны. Буонапарте явно ста-

---

[13]) *Mémoires de la duchesse d'Abrantès*, I. 112.

рается писать стилемъ Руссо, даже опровергая его идеи. Таковы— *Размышленія объ естественномъ состояніи.* Они не предназначались для посторонней публики, и авторъ откровенно высказываетъ совершенно другое представленіе о первобытномъ состояніи, чѣмъ у Руссо. И на этотъ разъ мысль яснѣе, форма изящнѣе,—можетъ быть, именно потому, что авторъ говоритъ отъ себя, искренне, не старается искусственной реторикой прикрыть отсутствіе убѣжденія и вѣры.

По его мнѣнію, чувства и разумъ врождены человѣческой природѣ, также и общественный инстинктъ: слѣдовательно, дикій, одиноко бродящій, лишенный слова—естественный человѣкъ Руссо—фантастическія сказки.

Придетъ время, когда Наполеонъ опять обратится къ Руссо и у стараго любимаго автора найдетъ несравненно болѣе нужныя для себя мысли. Поручикъ-романтикъ и цезарь-законодатель— дѣтища одной и той же поэзіи и мудрости.

Наполеонъ, странствующій по французскимъ гарнизонамъ и безпрестанно навѣщающій Корсику, не можетъ, конечно, представить такого совпаденія. Всѣ его грезы о славѣ и власти сосредоточиваются на Аяччо. Во Франціи онъ — республиканецъ, отнюдь не менѣе «убѣжденный» и, главное, не болѣе «сознательный», чѣмъ и всѣ другіе читатели *Общественнаго договора*, по крайней мѣрѣ въ Парижѣ. Это значитъ—у него въ душѣ нѣтъ ни одного чувства въ пользу короля. Необыкновенно на видъ стройное и красивое зданіе республики Руссо должно казаться его математическому уму несравненно привлекательнѣе, чѣмъ уродливыя феодальныя наслоенія старой монархіи, наконецъ, идея равенства будто нарочно была разсчитана на людей, подобныхъ Наполеону: сознаніе громадныхъ личныхъ силъ среди самовластія привиллегированнаго ничтожества.

Но все это — идеи и настроенія чисто отрицательнаго характера.

Спросите того же самаго Наполеона на счетъ его положительнаго идеала,—у него не окажется не только точнаго и яснаго отвѣта, а просто—никакого. Громадное большинство французовъ стремилось передѣлать строй своего отечества на основаніи самыхъ разнообразныхъ и противорѣчивыхъ теорій, не имѣя ни малѣйшаго представленія о *практикѣ* высшаго государственнаго управленія, сочиняло конституціи по рецептамъ Руссо, больного, хотя подчасъ и геніальнаго поэта-мечтателя, желчнаго отшельника и теоретическаго фанатика, по рецептамъ Монтескьё—пріятнаго собирателя бытовыхъ и историческихъ курьезовъ, англомана,

адвоката, барона, острослова и уже послѣ всего этого — политическаго мыслителя...

Это была работа, восторженно горячая, предпринятая съ самыми лучшими намѣреніями, но роковымъ образомъ осужденная на безвременную архивную смерть—не только исторіей и жизнью, но и самыми основными законами и свойствами человѣческой природы.

Таковъ результатъ предпріятій французскихъ законодателей. Чего же послѣ этого стоила «умственная политика» Бонапарта, если бы она даже и существовала?

Французскіе представители отлично знали литературу XVIII вѣка, и не только французскую, многіе изъ нихъ видали лично порядки другихъ европейскихъ странъ, сами были администраторами и судьями... А Бонапартъ такъ на Руссо и остановился, да и на этого то философа онъ попалъ, вѣроятно, по поводу Корсики. Онъ не прочелъ даже какъ слѣдуетъ Монтескьё, едва слышалъ объ Адамѣ Смитѣ, не былъ знакомъ съ основной книгой своего времени—словаремъ Бэйля и объ общественныхъ вопросахъ имѣлъ самое смутное представленіе, вѣрнѣе—никогда о нихъ не думалъ. Впослѣдствіи, онъ просто отвергнетъ даже существованіе подобныхъ вопросовъ и при всякомъ случаѣ станетъ обнаруживать сильнѣйшее отвращеніе къ соціальнымъ и культурно - историческимъ идеямъ. Мы увидимъ,—столкновеніе съ парижскими «идеологами» какъ нельзя болѣе могло утвердить его въ этомъ чувствѣ. Но знаменательно, что съ самаго начала, по натурѣ, Наполеону чужда громадная и важнѣйшая область интересовъ цивилизованнаго человѣчества. Можетъ, именно здѣсь съ особенной яркостью сказалась корсиканская раса великаго воина.

Трудно сказать, сколько времени Буонапарте оставался бы въ области провинціальныхъ разсужденій и корсиканскихъ революцій. Достовѣрно одно—онъ никакъ не могъ добровольно разстаться съ приключеніями въ своей отчизнѣ, — и постоянно пропускалъ сроки отпусковъ. То же произошло и въ началѣ 1792 года.

Въ маѣ Буонапарте явился въ столицу въ первый разъ послѣ выхода изъ школы, и явился по необходимости, числясь въ отставкѣ, лишенный средствъ къ жизни и разсчитывая исключительно на снисходительность военнаго министерства.

II.

Наполеонъ Бонапартъ.

Мы встрѣтили нашего героя въ толпѣ предъ Тюльери въ самый трагическій моментъ злополучнаго 20-го іюня, когда весь Парижъ дрожалъ и волновался подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ, но одинаково глубокихъ и сильныхъ личныхъ страстей и политическихъ стремленій.

Какія же чувства и идеи принесъ въ столицу ея будущій повелитель?

Объ идеяхъ, мы видѣли, врядъ ли можетъ быть рѣчь, если подъ идеями разумѣть опредѣленный политическій и общественный символъ. Буонапарте — и по натурѣ, и по національности, и по воспитанію—менѣе всего былъ приспособленъ къ такого рода нравственному капиталу.

Другое дѣло—*чувства*.

На парижской улицѣ главныя роли играли два героя—дворъ и народъ. Представительное собраніе, сравнительно съ этими силами, оставалось въ тѣни и съ теченіемъ времени должно было все дальше отступать предъ стихійнымъ натискомъ демагоговъ и предмѣстій. Буонапарте пришлось лично видѣть самыя бурныя сцены великой драмы. Послѣ двадцатаго іюня онъ присутствуетъ при еще болѣе страшныхъ событіяхъ — 10-го августа, когда дворецъ былъ взятъ народомъ, Людовикъ XVI заключенъ въ тюрьму, и часъ монархіи пробилъ...

Кто во всемъ мірѣ могъ оставаться равнодушнымъ къ такимъ событіямъ?

Оказывается, могъ нѣкто: все тотъ же Буонапарте.

Къ участи Людовика XVI онъ долженъ былъ относиться, по меньшей мѣрѣ, спокойно: во-первыхъ, какъ самый мятежный сынъ только-что завоеванной, но отнюдь не замиренной колоніи, потомъ, въ качествѣ французскаго подданнаго при старой монархіи, онъ не видѣлъ достаточно широкихъ путей для своего честолюбія и, наконецъ, высшая политика Буонапарте пока была связана все-таки съ Корсикой: скоро онъ еще разъ возьметъ отпускъ на островъ и только послѣ окончательной неудачи — стать первымъ въ отечествѣ—онъ перевезетъ свою семью во Францію и примется здѣсь искать счастья.

Оставался народъ.

Здѣсь настроеніе Буонапарте вполнѣ опредѣленно: презрѣніе. Онъ научился этому чувству на той же Корсикѣ; среди непре-

станныхъ междоусобицъ и мятежей онъ привыкъ смотрѣть на толпу просто какъ на цѣль для выстрѣловъ. Кромѣ того, была чисто психологическая причина. Ее необыкновенно мѣтко опредѣлилъ самъ Буонапарте. Ему казалось просто противоестественнымъ неуваженіе людей въ блузахъ къ людямъ въ мундирахъ, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ.

Отсюда — приведенное нами восклицаніе и разсужденіе: по адресу короля—*coglione*, по адресу народа—*canaille*.

Эти выраженія вполнѣ характеризуютъ «политику» Буонапарте въ самый разгаръ революціи. А дѣятельность его окончательно дорисовываетъ картину.

Онъ прибылъ въ Парижъ хлопотать о зачисленіи въ армію. Средствъ у него нѣтъ, за обѣдомъ онъ ѣстъ порцію по 6 су, и, естественно, помышляетъ о разныхъ коммерческихъ предпріятіяхъ, напримѣръ, о наймѣ домовъ подъ квартиры, о скупкѣ конфискованныхъ имуществъ, вообще о «какой-нибудь полезной спекуляціи», какъ выражается его товарищъ [14]). Онъ бродитъ по парижскимъ улицамъ въ качествѣ любопытнаго зрителя или странствующаго принца, и ждетъ благопріятной погоды...

Наблюденія его за парижскими дѣятелями въ эту эпоху въ высшей степени любопытны. Мы невольно начинаемъ различать шумъ приближающагося цезаризма.

Въ іюлѣ Буонапарте пишетъ Іосифу о революціонерахъ:

«Тѣ, кто идутъ во главѣ—жалкіе люди. Увидѣвъ все это вблизи, надо сознаться, что врядъ ли стоитъ труда хлопотать о добромъ расположеніи народовъ. Ты знаешь исторію Аяччо, — исторія Парижа точь-въ-точь та же самая. Можетъ быть, люди здѣсь даже ничтожнѣе, злѣе, болѣе склонны къ клеветѣ и злословію. Надо видѣть вещи вблизи, чтобы понять, что̀ такое энтузіазмъ и что французскій народъ—народъ старый, безъ предразсудковъ и безъ правилъ».

Дальше изображается эгоизмъ и полнѣйшая неразборчивость въ средствахъ со стороны политиковъ. Ихъ «необычайно низкое интригантство» производитъ на автора письма совершенно неожиданное впечатлѣніе. Онъ мечтаетъ имѣть хотя бы тысячи 4—5 ренты, отказаться отъ всякой карьеры и зажить счастливымъ семьяниномъ.

Письмо оканчивается настоятельнымъ совѣтомъ семьѣ соблюдать во всемъ умѣренность.

На Буонапарте не произвелъ впечатлѣнія даже народный

---

[14]) Bourrienne I, 27.

энтузіазмъ по поводу объявленія войны Австріи. Презрѣніе къ революціи, очевидно, предрѣшило въ глазахъ опальнаго офицера всѣ другіе вопросы. И все-таки онъ совершенно напрасно писалъ брату на счетъ идиллическаго отшельничества. Именно самое роковое событіе — низверженіе Людовика XVI — и спасло Буонапарте: онъ не только снова принятъ въ армію, но даже съ повышеніемъ въ чинъ капитана. Правда, онъ просилъ подполковника, но ужъ это было слишкомъ, хотя бы въ періодъ величайшей государственной смуты. Ему отказали, но за то дали отпускъ.

Это — послѣдній... Буонапарте ничего не удалось сдѣлать на родинѣ, помечталъ онъ только въ нѣдрахъ семьи—о путешествіи въ Индію, о превращеніи въ набоба, о богатомъ приданомъ для сестеръ. Но судьба готовила мечтателю нѣчто, несравненно болѣе блестящее.

Прошло всего нѣсколько мѣсяцевъ, и капитанъ превратился въ генерала.

Какъ и почему?.. Впослѣдствіи Наполеонъ свои *неудачи* объяснялъ *фатальнымъ* стеченіемъ обстоятельствъ, никогда не сознаваясь въ личныхъ ошибкахъ. Счетъ *фатальностямъ* слѣдовало бы начать съ осады Тулона. На островѣ св. Елены Наполеонъ изображалъ въ самыхъ жалкихъ краскахъ французскаго генерала —начальника арміи, а его собственная роль оказывалась ослѣпительной. На самомъ дѣлѣ передъ осадой онъ написалъ свое послѣднее литературное произведеніе — *Le Souper de Beaucaire*, гдѣ очень хвалебно отзывался о томъ же самомъ генералѣ, а потомъ онъ командовалъ лишь артиллеріей фланга и въ современныхъ документахъ его имя упомянуто всего одинъ разъ. Производство въ генералы не соотвѣтствовало этимъ даннымъ, и нисколько не прославило имени Буонапарте. Даже въ слѣдующемъ году отцы упрекали дѣтей, зачѣмъ они состоятъ при никому невѣдомомъ генералѣ Буонапарте [15]).

Дѣло въ томъ, что чины отнюдь не зависѣли отъ военнаго начальства. Представительное собраніе, засѣдавшее въ Парижѣ, управляло Франціей при помощи своихъ коммиссаровъ. При Тулонѣ коммиссарами были—землякъ Буонапарте и братъ Робеспьера, въ эту эпоху всемогущаго диктатора. Буонапарте вступилъ съ ними въ дружескія отношенія, отдалъ имъ на просмотръ свой *Souper de Beaucaire*, вообще обнаружилъ большіе таланты на гражданскомъ поприщѣ. Впослѣдствіи, на островѣ св. Елены, виновникомъ своей карьеры онъ называлъ третьяго коммиссара—Гаспарэна [16]).

---

15) Lévy. *Napoléon intime*. Paris 1893. p. 48.

Почему?—Отвѣтъ весьма характеренъ.

Все зависѣло, конечно, отъ Робеспьера. Но девятое термидора прекратило власть диктатора, погибъ и его братъ. Возникла Директорія—новые боги, и генералъ Бонапартъ заявилъ, что онъ также вонзилъ бы кинжалъ въ грудь тирана, т. е. младшаго Робоспьера... [17]).

Слишкомъ скорая и явная любезность по адресу новыхъ владыкъ.

Но теперь уже Буонапарте не тоскуетъ о мѣщанскомъ счастьѣ! Правда, ему живется по прежнему плохо: генеральскій чинъ не принесъ ему никакихъ матеріальныхъ благъ; напротивъ, пришлось даже посидѣть въ тюрьмѣ за старую дружбу съ якобинцами. Но зато сообразительный и наблюдательный корсиканецъ за два года много увидѣлъ и многому научился. Имъ по временамъ овладѣваетъ горькое раздумье, неугомонная натура требуетъ дѣятельности, вмѣсто Индіи, онъ теперь серьезно намѣренъ отправиться въ Турцію артиллерійскимъ инструкторомъ... Но почему же онъ ни за что не соглашается присоединиться къ войскамъ на французскихъ границахъ и упорно сидитъ въ Парижѣ, хотя за неповиновеніе его опять отставляютъ? Это, впрочемъ, пустая игра, и такъ думаетъ, очевидно, самъ преступникъ: иначе онъ не сталъ бы рисковать.

Онъ весь полонъ предчувствіями, а подчасъ—и вполнѣ опредѣленными планами. Его звѣзда начинаетъ всходить, и чѣмъ дальше, тѣмъ быстрѣй. Впослѣдствіи онъ говорилъ, что видитъ эту звѣзду даже въ полдень... Въ 1795 году она не была такъ ярка, но сплошной темной ночи уже не было надъ головой полуголоднаго, крайне невзрачнаго генерала.

Такъ его описываютъ и дамы, и мужчины. Онъ бродитъ по Парижу «неуклюжей и неровной походкой», его длинные волосы дурно напудрены, дурно причесаны; руки—худощавы и черны; перчатки онъ считаетъ лишнимъ расходомъ, сапоги дурно сшиты и дурно вычищены [18]).

Это—дамскія впечатлѣнія.

Для мужчинъ онъ—«молодой человѣкъ съ худымъ и синеватымъ лицомъ, сгорбленный, хрупкій и болѣзненный».

Его видятъ нерѣдко въ пріемныхъ министровъ и депутатовъ. Иногда онъ не входитъ къ нимъ, останавливается у двери, очевидно, стѣсняясь ролью просителя.

Естественно, подчасъ ему становится тяжело и горько. Тогда

---

[17]) Письмо у Jung'a. *O. C.* II, 4451

[18]) *M-me d'Abrantès* I, 179.

онъ пишетъ брату меланхолическія изреченія, въ родѣ «жизнь— легкій сонъ, который пропадаетъ безслѣдно...»

Слѣдовательно, и лишенія также сонъ?

Именно такова должна быть мысль молодого генерала. И иной быть не можетъ. Послушайте, что̀ онъ пишетъ брату здѣсь же рядомъ съ пессимистическими изліяніями.

Вотъ когда ему пригодилась *Новая Элоиза.* Директорія ничѣмъ не уступаетъ временамъ Людовика XV: ея удовольствія еще откровеннѣе и безконечно смѣшнѣе.

Буонапарте—цѣломудренный, сдержанный, испытавшій нужду и всяческія заботы, является истиннымъ Іереміей среди новаго Вавилона.

Едва прошло шесть лѣтъ со дня собранія генеральныхъ штатовъ—и какая перемѣна! Революціонный потокъ унесъ все выдающееся, сильное, даровитое, вѣрующее. Одни покинули родину, другіе ушли ее защищать въ армію, третьи сложили головы на гильотинѣ, четвертые — затаили дыханіе и стушевались со сцены. Въ воздухѣ носятся усталость, разочарованіе и болѣе всего—жгучая жажда порядка и спокойствія во что бы то ни стало.

Воображеніе, перепуганное страшными событіями, смѣшиваетъ самыя разнородныя понятія ради спокойствія. Свобода звучитъ якобинствомъ, конституція—междоусобицей, народъ—терроромъ.

Послѣ паденія Робеспьера кровопролитіе во имя патріотизма и гражданской благонамѣренности прекратилось, но стѣсненное чувство, запуганность, тайная ненависть къ революціонной политикѣ остались у всѣхъ, кто дорожитъ жизнью и личнымъ благосостояніемъ. Можно было думать, что вулканъ притихъ только на время и съ часу на часъ должно послѣдовать новое изверженіе.

И страхъ предъ будущими катастрофами вполнѣ естественъ и логиченъ. Годы революціи доказали, что̀ значило практическое осуществленіе идеаловъ главнѣйшаго революціоннаго учителя—Руссо. Война во имя всеобщаго равенства была войной не только противъ старой Франціи, а противъ самой природы, противъ исконныхъ законовъ, управляющихъ жизнью нашей планеты. Реформы во имя античной республики, во имя народа-законодателя были самымъ безпощаднымъ нарушеніемъ историческихъ основъ французской исторіи и вопіющимъ насиліемъ надъ національнымъ и нравственнымъ характеромъ французскаго народа.

Кто изъ десятковъ милліоновъ населенія вѣковой монархической страны могъ подойти подъ мѣрку древняго спартанца, и вчерашній вѣрноподданный короля и вассалъ своего сеньёра могъ ли сегодня, во мгновеніе ока, превратиться въ Брута и Катона? А

между тѣмъ, этого именно превращенія требовали самые пламенные и самые энергическіе преобразователи.

Очевидно, возникалъ деспотизмъ, неизмѣримо страшнѣйшій и нетерпимѣйшій, чѣмъ королевская власть, и путь равенства и античной доблести ежеминутно готовъ былъ превратиться въ инквизиціонный застѣнокъ.

Терроръ это и доказалъ.

Въ высшей степени наивно смотрѣть на якобинцевъ, какъ на выродковъ человѣческой природы, на кровожадныхъ звѣрей, совершавшихъ казни ради самихъ казней. Несомнѣнно, жестокіе инстинкты въ эпоху смутъ просыпаются у многихъ людей, въ мирное время, повидимому, безобидныхъ и уживчивыхъ. Но это—отдѣльныя единицы, преступныя по натурѣ. При террорѣ, разумѣется, подвизалось не мало такого сорта скрытыхъ преступниковъ, готовыхъ кандидатовъ на галеры, предававшихся дикимъ инстинктамъ подъ покровомъ патріотизма и независимо отъ какихъ бы то ни было теорій.

Но рядомъ съ ними дѣйствовали патріоты совершенно другого закала. Изъ исторіи извѣстно, что большинство жесточайшихъ инквизиторовъ лично были людьми добродѣтельными и высокопочтенными. Это безусловно признано новѣйшей наукой, и между тѣмъ, даже воображеніе содрогается отъ мукъ и казней еретиковъ!

Муки и казни совершались во имя искреннѣйшаго убѣжденія, во имя крайняго религіознаго идеализма, какъ его понимала римская церковь.

То же самое и съ якобинствомъ, только вмѣсто папскихъ буллъ, здѣсь повелѣвалъ *Общественный договоръ*, отнюдь не менѣе деспотическій и жестокій. Изъ этой злополучной книги самымъ логическимъ путемъ вытекала новая кровавая инквизиція и неограниченная власть *одного человѣка* надъ личностью и жизнью другихъ людей.

Робеспьеръ и впослѣдствіи генералъ Бонапартъ могли провозгласить себя диктаторами и первосвященниками, т. е. присвоить власть надъ совѣстью, жизнью и собственностью согражданъ, оставаясь вполнѣ вѣрными *духу* и *буквѣ* философіи Руссо.

Женевскій философъ, представивъ идеальный строй республики, нарисовалъ образъ *законодателя*. Это — по истинѣ нѣчто сверхестественное, демоническое въ образѣ человѣка. Законодатель—не поучаетъ и не доказываетъ, онъ изрекаетъ: «увлекаетъ безъ насилія и убѣждаетъ безъ доказательствъ». Онъ можетъ измѣнить самую человѣческую природу. У него—авторитетъ, неизмѣримо болѣе высокій, чѣмъ всѣ человѣческія средства и силы.

Однимъ словомъ, если перевести это на историческій языкъ, предъ нами будетъ никто иной, какъ тотъ же римскій первосвященникъ, неотразимый, непогрѣшимый, недоступный.

Это—одинъ идеалъ всесовершеннаго деспота-законодателя.

Но у Руссо есть и другой, — *деспота-правителя*, и на этотъ разъ даже два идеала.

Во-первыхъ, вообще не всякое государство способно усвоить законы свободы, какъ ихъ понимаетъ Руссо: самъ авторъ знаетъ только одинъ народъ, предназначенный для этого счастья—корсиканцевъ. Другіе, слѣдовательно, осуждены на рабство. Во-вторыхъ, идеальный порядокъ *Общественнаго договора*, по мнѣнію философа, возможенъ только въ очень небольшихъ государствахъ: только здѣсь всѣ граждане могутъ быть законодателями и правителями,—чѣмъ обширнѣе страна, тѣмъ энергичнѣе должна быть власть, а такою можетъ быть только власть одного человѣка. Наконецъ, Руссо рѣшительно заявляетъ, что жить по его высшимъ идеямъ могутъ только *боги*.

Очевидный выводъ изъ всего этого—Франція *не создана* для идеаловъ философа — по всѣмъ даннымъ: французы слишкомъ цивилизованны, ихъ государство слишкомъ велико и они, конечно, не боги. Остается власть одного правителя. Этого требуетъ исторія, нравственность и политическое состояніе французовъ, и все— *на основаніи сочиненія Руссо*.

Дальше философъ подскажетъ и какова должна быть власть монарха. Это второй идеалъ—скорѣе религіозный, чѣмъ политическій.

Руссо устанавливаетъ догматы гражданской религіи, и за нарушеніе ихъ грозитъ смертью. Догматы и судъ въ рукахъ все того же правителя. Опять, слѣдовательно, папа и притомъ эпохи глубокихъ среднихъ вѣковъ.

Вотъ Руссо—спеціально французскій, т. е. въ силу вещей возможный на почвѣ великой старой монархической державы.

И факты съ неумолимой логикой подтвердили эти выводы. Со дня сверженія Людовика XVI, съ каждымъ часомъ все выше и выше выросталъ призракъ *законодателя* «Общественнаго договора», т. е. диктатора-первосвященника. Уже Робеспьеръ выполнялъ програму: учреждалъ культъ Верховнаго Существа и направлялъ гильотину на всѣхъ, кто, по его мнѣнію, нарушалъ гражданскіе и религіозные догматы.

Робеспьеръ погибъ... Почему? Отнюдь не за свою тираннію и не потому, что его свергли свободомыслящіе и принципіальные республиканцы. Робеспьеру просто недоставало практическихъ та-

лантовъ правителя и главное—у него не было вооруженной силы. Впослѣдствіи генерала Бонапарта будутъ называть *Робеспьеромъ на лошади—Robespierre à cheval*—и это не только остроумно, но и совершенно справедливо съ политической точки зрѣнія.

Робеспьеръ былъ созданъ *силой обстоятельствъ*, и онъ именно, а не другой, потому что онъ больше всѣхъ обладалъ теоретическимъ фанатизмомъ и съ инквизиторской послѣдовательностью проводилъ идеи учителя. Этого было довольно для пріобрѣтенія власти, но для удержанія и утвержденія ея требовалось, помимо логическаго натиска, матеріальная сила подавлять чужія страсти и оберегать свое мѣсто диктатора.

Тѣ же обстоятельства создали и генерала Бонапарта, и Наполеона I.

Мы знаемъ, — на счетъ Франціи у него не было никакого плана. По его словамъ, только вечеромъ послѣ сраженія при Лоди, т. е. во время итальянскаго похода, онъ окончательно созналъ, что надъ нимъ горитъ звѣзда могучей власти.

«Въ этотъ день я въ первый разъ взглянулъ на себя не какъ на простого генерала, а какъ на человѣка, призваннаго вліять на судьбу народа. Я видѣлъ себя на страницахъ исторіи».

Этотъ день десятое мая 1796 года. Рѣка Адда была Рубикономъ, по крайней мѣрѣ, для политическихъ плановъ Бонапарта.

Мы не знаемъ, въ какой день подобное преобразованіе совершилось съ Робеспьеромъ, но оно было,—это несомнѣнно.

Грозный диктаторъ явился въ генеральные штаты скромнымъ, пугливымъ, даже трепещущимъ депутатомъ. Дома, въ своей провинціи, онъ, подобно Боунапарте, занимался литературой, зачитывался Руссо, писалъ весьма чувствительные мадригалы. Но въ палатѣ его сначала никакъ не могли заставить говорить. Онъ сознавался, что чувствовалъ «дѣтскій страхъ» и прямо дрожалъ,—приближаясь къ трибунѣ...

И этотъ смѣшной провинціалъ въ какихъ-нибудь три года выростетъ въ неограниченнаго повелителя—и въ представительномъ собраніи, и въ парижскихъ предмѣстьяхъ!

Это—тоже звѣзда, и въ своемъ родѣ стоитъ бонапартовской.

Правда, Робеспьеръ не носилъ въ себѣ задатковъ геніальнаго полководца, но онъ за то и не чувствовалъ корсиканскаго презрительнаго равнодушія къ французской революціи. Его теоретическій азартъ на первое время сослужилъ ему такую же службу, какъ и военные таланты Буонапарте.

Но важно не это собственно, а головокружительное возвышеніе людей, совершенно не имѣющихъ въ виду этого возвышенія и даже, повидимому, мало склонныхъ къ нему.

Личность является здѣсь будто утлымъ челномъ, который подбрасывается на страшную высоту бушующимъ моремъ.

И мы видѣли—это явленіе было совершенно естественнымъ даже по революціонной *теоріи* Руссо.

Еще естественнѣе оно было по *практическимъ* условіямъ революціонныхъ событій.

Исторія французской революціи—цѣлая эпопея, подчасъ величественная и неизмѣнно бурная и грозная. Но это только по *событіямъ*, точнѣе—по стихійному размаху. Припомните *личностей*, *героевъ*,—вы будете поражены несоотвѣтствіемъ людскихъ силъ величію событій. Пересмотрите списки депутатовъ всѣхъ революціонныхъ собраній, вы и десятка не насчитаете сильныхъ оригинальныхъ именъ. Въ началѣ Мирабо, потомъ нѣкоторые жирондисты, наконецъ, Дантонъ—и только. И опять всмотритесь даже въ этихъ *избранныхъ*. Жирондисты — блестящіе ораторы, но истинные герои слова, симпатичные, честные; все это отнюдь не довершаетъ политическаго дѣятеля, да еще въ революцію. Мирабо—съ блескомъ краснорѣчія соединяетъ волю, но у него нѣтъ нравственнаго авторитета, его всѣ знаютъ за одного изъ вѣрнѣйшихъ поклонниковъ эпикурейской морали, и притомъ въ самой необузданной формѣ. То же самое и Дантонъ: у этого даже неизвѣстно, гдѣ кончаются революціонные принципы и начинается простой разгулъ широкой натуры.

Но даже и эти люди быстро гибнутъ одинъ за другимъ. Богиня равенства будто косой равняетъ всѣ шероховатости на политической, общественной и даже литературной сценѣ. На эшафотъ или въ тюрьму идутъ одновременно Верньо, Лавуазье, Кондорсе, Шенье. Остаются тѣ, у кого головы не поднимаются выше самаго скромнаго уровня, кто не возбуждаетъ даже вниманія, не только сильныхъ чувствъ.

Послѣ гибели Робеспьера остается одноцвѣтная, дѣйствительно ровная толпа. Нѣтъ ни талантовъ, ни энергіи, нѣтъ даже реторическаго жара и театральной смѣлости,—типично-французскихъ добродѣтелей. Но чтò еще важнѣе, весь политическій интересъ сосредоточивается на одной органической потребности — жить сегодня въ полной увѣренности за завтрашній день. Жизнь, простой жизненный процессъ получаетъ вдругъ громадную цѣнность: будто общество, пережившее терроръ, вышло изъ тюрьмы на свѣтъ солнца.

Въ такомъ состояніи Буонапарте находитъ Парижъ, и его собственное положеніе несравненно выгоднѣе робеспьеровскаго: вмѣсто жирондистовъ и Дантона, предъ нимъ—Директорія.

Что̀ она изъ себя представляла—пусть разскажетъ самъ генералъ, усердно странствовавшій по Парижу и посѣщавшій салоны директоровъ

Онъ сообщаетъ свои впечатлѣнія брату Іосифу и, что̀ въ высшей степени любопытно, о французахъ и ихъ столицѣ онъ все время говоритъ, какъ объ иностранцахъ и городѣ, совершенно ему чуждомъ. Часто къ общему пренебрежительному тону примѣшивается легкій юморъ, на какой только способенъ сынъ Корсики.

«Ce grand peuple»... читаемъ мы, и невольно припоминаемъ любимую остроту по сю сторону Рейна «Cette *grande* nation!».

Буонапарте пораженъ роскошью парижанъ: это какой-то волшебный сонъ!

Въ Парижѣ сосредоточено все, что дѣлаетъ жизнь пріятной. Генералъ, при всей серьезности своего положенія, не можетъ даже сосредоточиться... Женщины повсюду—въ театрахъ, на прогулкахъ, въ библіотекахъ, даже въ кабинетахъ ученыхъ. Мужчины только и бредятъ ими и живутъ для нихъ. Это—по истинѣ женское царство. О террорѣ всѣ забыли и думать, какъ о тяжеломъ сновидѣніи.

Буонапарте при видѣ этого блеска еще глубже долженъ чувствовать свои лишенія. Его поношенный мундиръ, испитое лицо и дикость манеръ невольно выдѣляютъ его изъ веселой беззаботной толпы. Что дѣлать? Остается пристать къ какому-нибудь убѣжищу и сдѣлать все возможное.

А возможно многое. «Этотъ великій народъ предается удовольствіямъ», и во всемъ Парижѣ, можетъ быть, одинъ только исключенный изъ службы генералъ вдумывается въ окружающую жизнь и рѣшаетъ задачи будущаго.

«Робеспьеръ погибъ, Баррасъ игралъ роль; надо же мнѣ было опереться на кого-нибудь и на что-нибудь».

Такъ выражался Наполеонъ много лѣтъ спустя.

И онъ нашелъ опору именно въ Баррасѣ.

Мы слышали о «великомъ народѣ», каковы же были его правители? Три года назадъ, по мнѣнію Буонапарте, они являли изъ себя низкихъ интригановъ и безпринципныхъ эгоистовъ. Пронесся терроръ,—и на сценѣ пять «директоровъ».

Баррасъ—главный изъ нихъ—«не обладалъ совершенно ораторскимъ талантомъ, совсѣмъ не былъ привыченъ къ работѣ... Онъ сдѣлалъ свой домъ блестящимъ, имѣлъ охоту и проживалъ очень много... По выходѣ изъ Директоріи у него осталось большое состояніе. Онъ не скрывалъ этого... У него не было никакихъ опредѣленныхъ представленій объ общественномъ управленіи».

Другой директоръ мнилъ себя творцомъ новой религіи — *теофилантропіи*, мечталъ стать оффиціальнымъ первосвященникомъ. и Наполеонъ, много лѣтъ спустя разсказывалъ о забавномъ ужинѣ: «первосвященникъ»—угощалъ нашего генерала съ цѣлью превратить его въ апостола своей религіи... Самый достойный изъ директоровъ Карно — честный, талантливый военный администраторъ, но безъ широкой инипіативы, и одинаково усердно служившій при директоріи, консульствѣ и имперіи.

Вообще — наибольшая добродѣтель, если только вообще директорамъ были свойственны добродѣтели—честность и аккуратность, и «никакого военнаго таланта», не забываетъ прибавить Наполеонъ по поводу одного изъ нихъ.

Но этого мало. Директоры немедленно по вступленіи въ должность, сдѣлали себя посмѣшищемъ всего Парижа.

Значилась все-таки республика, оффиціальныя лица носили античные костюмы, даже дамы старались одѣваться на манеръ олимпійскихъ богинь, и вдругъ директоры заводятъ у себя дворы по образцу Людовика XIV, устанавливаютъ пріемные часы для стараго монархическаго дворянства, сторонятся республиканцевъ, бывшихъ своихъ товарищей, какъ людей дурного тона, требуютъ отъ окружающихъ строжайшаго соблюденія этикета, какъ это всегда бываетъ съ мѣщанами во дворянствѣ.

На всѣ подобныя затѣи требовались большія деньги, и на директоровъ налетаетъ рой разнаго рода хищниковъ: подрядчиковъ, поставщиковъ, биржевыхъ игроковъ и просто авантюристовъ. Мѣста продаются съ аукціона нисколько не хуже, чѣмъ при старомъ порядкѣ, и для довершенія сходства—милыя красавицы заправляютъ милостями и политикой властителей.

Все это мы знаемъ отъ самого Наполеона [20]). M-me Сталь, полнѣйшая противоположность Буонапарте въ политическомъ и нравственномъ смыслѣ, разсказываетъ буквально то же самое, смѣется надъ королевскими замашками республиканскихъ правителей, краснорѣчиво описываетъ полное разстройство финансовъ и внутренняго управленія, рѣзко клеймитъ деспотизмъ новой республики [21]).

Чтобы однимъ словомъ изобразить принципъ и практику директорскихъ порядковъ, достаточно назвать—*Фуше*. Бывшій якобинецъ, судья Людовика XVI, теперь министръ полиціи, имъ онъ долго будетъ также при имперіи, перейдетъ и къ Людовику XVIII, т.-е. пройдетъ

---

[20]) *Mémorial*. I, 669 etc.

[21]) *Oeuvres compl*. Bruxelles 1830. XIII, 97, 147.

всѣ поприща отъ террора до бурбонской монархіи, и нигдѣ ни на минуту не потеряется и не споткнется. Соперникомъ въ этомъ искусствѣ у него будетъ только одинъ человѣкъ—Талейранъ. Мы еще встрѣтимся съ этими господами. Пока подвизается со всею энергіей якобинца Фуше и жесточайшими и хитрѣйшими способами преслѣдуетъ журналистику и литературу, въ одинъ день уничтожаетъ одиннадцать газетъ противоположныхъ направленій, по собственной охотѣ беретъ на себя цензуру театральныхъ пьесъ, первый открываетъ гоненія на m-me Сталь, вообще усердствуетъ гораздо больше, чѣмъ этого хотятъ сами правители. Такъ онъ будетъ работать всю жизнь, гдѣ только потребуется крутая расправа съ писателями, книгопродавцами, издателями, вообще съ мыслью и словомъ. И онъ найдетъ себѣ помощниковъ именно среди крайнихъ республиканцевъ. У Наполеона покорнѣйшими слугами будутъ *сто тридцать одинъ* цареубійца, т.-е. члены собранія, осудившаго Людовика XVI на смерть, а одинъ изъ самыхъ яростныхъ—Барерь—примется строчить доносы, пасквили, панегирики за деньги изъ императорской полиціи.

На вопросъ, какъ Бареръ, при своемъ азартѣ, могъ уцѣлѣть во время революціи, Наполеонъ отвѣтитъ: по своему ничтожеству и безпринципности. Такой отвѣтъ—смертный и справедливый приговоръ надъ громаднымъ большинствомъ гражданъ-правителей послѣ террора [22]).

Развѣ послѣ этого генералъ Бонапартъ не имѣлъ основаній повторять свое любимое разсужденіе о политической и нравственной непригодности французовъ для свободы, и его мысль, будто революціонное поколѣніе производило или деспотовъ, или рабовъ—подтверждается всецѣло разсказами г-жи Сталь [23]). Ея же никоимъ образомъ нельзя упрекнуть въ единомысліи со своимъ безпощаднымъ врагомъ.

На вершинахъ государства водворилась мутная вода и ловилъ здѣсь рыбу, кто только хотѣлъ и могъ. Наполеонъ на островѣ св. Елены разсказывалъ въ высшей степени знаменательный эпизодъ съ присяжнымъ авторомъ революціонныхъ конституцій, съ аббатомъ Сійэсомъ. Уже во время консульства законодатель и бывшій директоръ, оставшись вдвоемъ съ первымъ консуломъ въ залѣ присутствія, указалъ ему таинственно на коммодъ, когда-то собственность Людовика XVI, и спросилъ, сколько, по его мнѣнію, стоитъ эта вещь? Бонапартъ не понималъ, тогда Сійэсъ отвѣ-

[22]) *Mémorial.* II, 683.
[23]) *Mémorial.* II, 401.

тилъ: въ коммодѣ заперто 800,000 франковъ, и это только остатокъ отъ очень оригинальной кассы. Ее устроили директора и каждый бралъ изъ нея извѣстную долю, выходя въ отставку. Теперь Сійэсъ предлагалъ подѣлить деньги между нимъ и Бонапартомъ. Консулъ отказался, и Сійэсъ поспѣшилъ взять себѣ 600.000, а другому директору отдалъ всего 200.000. Этотъ обидѣлся, поднялъ-было вопросъ о передѣлежкѣ, Бонапартъ принужденъ былъ предупредить: если дѣло станетъ гласнымъ, онъ конфискуетъ ихъ добычу въ пользу казны [24])...

Наполеонъ свое далеко не гражданское поведеніе, очевидно, считалъ въ данномъ случаѣ безупречнымъ: можно судить, на какомъ уровнѣ стояла вообще республиканская нравственность при директоріи!

Существовала еще другая сила — военная, армія, доблестно сражавшаяся на границахъ. Ей и предстояло рѣшить вопросъ не только о внѣшней, но и о внутренней участи Франціи. Буонапарте, наблюдая правительственные порядки и общественное настроеніе, совершенно логично пришелъ къ мысли: «Чтобы управлять— надо быть военнымъ; хорошо управляютъ только въ шпорахъ и сапогахъ»... И эта мысль не его открытіе. Уже не одинъ генералъ пытался предвосхитить лавры цезаря, и еще въ то время, когда поручикъ Буонапарте читалъ Руссо и разсуждалъ о любви. Но плодъ пока не успѣлъ созрѣть: требовалось полнѣйшее опустошеніе въ рядахъ энергичныхъ дѣятелей и паническій ужасъ предъ якобинствомъ. Тогда оставалось, по собственному выраженію Наполеона, наклониться и подобрать на землѣ корону Франціи.

Повторится исторія, давно извѣстная міру, со временъ римскихъ тріумвировъ. Буонапарте сначала увѣнчаетъ себя лаврами Марса, а потомъ на тотъ же вѣнокъ надѣнетъ корону.

И лучшимъ помощникомъ его будетъ не кто иной, какъ Баррасъ—въ качествѣ директора и любителя новѣйшихъ Діанъ.

Первое мѣсто среди этихъ богинь занимаетъ г-жа Талльенъ, извѣстная міру и исторіи подъ именемъ *Notre Dame de Thermidor*. Въ сущности не Баррасъ директоръ, а эта красавица въ кисейномъ костюмѣ, въ золотомъ поясѣ, съ браслетами выше локтя, въ короткихъ, завитыхъ волосахъ бархатистаго оттѣнка, въ великолѣпной ярко-красной кашемировой шали. Даже женщины не могутъ безъ восторга смотрѣть на новаго генія французской свободы. Помимо всѣхъ прелестей, геній одаренъ истинно ангельской добротой и всегда готовъ помочь ищущему...

---

[24]) *Mém.* I, 775—776.

Буонапарте и направилъ всѣ свои военные и дипломатическіе таланты на этотъ пунктъ. Рѣшивъ «опереться» на Барраса, генералъ быстро вошелъ въ роль домашняго друга въ пышномъ салонѣ директора. *Notre Dame* звала его не иначе, какъ *notre petite général*: у нея оказались свои маленькіе планы на молодого воина. Баррасъ имѣлъ, повидимому, всѣ резоны способствовать этимъ планамъ.

При г-жѣ Талльенъ состояла въ качествѣ подруги дама лѣтъ тридцати двухъ—трехъ, вдова недавно казненнаго генерала Богарнэ и только-что сама сидѣвшая въ тюрьмѣ, причемъ сынъ ея, будущій принцъ Евгеній, находился въ ученьи у столяра, а дочь, будущая королева голландская — у бѣлошвейки [25]). Г-жа Богарнэ также «оперлась» на побѣдителей Робеспьера, и опора оказалась необыкновенно практичной. Предъ нами письма вдовы; изъ нихъ мы узнаемъ, что Баррасъ не имѣлъ обыкновенія *ей* отказывать въ протекціяхъ и любезностяхъ, и будущая императрица, Жозефина, очевидно, раздѣляла съ г-жей Талльенъ высокое назначеніе—быть предстательницей за нуждающихся и несчастныхъ предъ Директоріей. Въ Парижѣ на этотъ счетъ выражались гораздо откровеннѣе... Вообще Жозефина слыла *очень доброй* дамой, по лукавому выраженію брата Наполеона, Луціана.

Этотъ Луціанъ также бывалъ на вечерахъ Директоріи и видѣлъ обѣихъ подругъ: предъ г-жей Талльенъ Жозефина рѣшительно тускнѣла. Луціанъ, ослѣпленный «Калипсо» Барраса, едва замѣтилъ будущую родственницу. Она рѣшительно терялась въ блестящей свитѣ красавицъ, окружавшихъ директора. Правда, ея происхожденіе—креолки, сообщало ей нѣкоторую внѣшнюю оригинальность, особую нѣгу и грацію, но возрастъ и полнѣйшее нравственное ничтожество рѣшительно осуждали ее на задній планъ.

Генералъ былъ другого мнѣнія. Впослѣдствіи онъ самъ очень подробно разсказывалъ о знакомствѣ съ Жозефиной, придавая исторіи наивный романтическій характеръ. Будто вдова вскружила ему голову похвалами его военнымъ талантамъ, Баррасъ это замѣтилъ, предложилъ свое сватовство, чтобы упрочить положеніе «одинокаго» генерала и снабдить его «апломбомъ».

Выходитъ,—Жозефина сама влюбилась въ Буонапарте, а тотъ горячо отозвался на ея страсть.

На самомъ дѣлѣ сватовство происходило совершенно иначе. Опять изъ тѣхъ же писемъ Жозефины мы узнаемъ, что она во-

---

[25]) *Mém.* I, 577.

все не любитъ «маленькаго генерала», даже боится его военныхъ замашекъ и необыкновенныхъ всестороннихъ познаній.

Да, бѣдной Жозефинѣ генералъ казался энциклопедистомъ,—тотъ генералъ, который, по свидѣтельству преданнѣйшаго ему человѣка, не зналъ основныхъ фактовъ французской исторіи даже на тронѣ!..[26]). Но дѣло объясняется просто.

Нѣсколько лѣтъ спустя въ салонѣ перваго консула произошло несказанное событіе. Одна изъ дамъ произнесла имя *Шекспира* и заявила, что читала небольшое сочиненіе Монтескье о римлянахъ. Бонапартъ воскликнулъ: «Чортъ возьми, да вы ученая женщина!..» Но больше всего смутилъ публику Шекспиръ. Героиня разсказываетъ:

«Это длинное англійское имя, сорвавшееся у меня съ языка, произвело нѣкоторую сенсацію на нашу галлерею эполетъ, внимательную и безмолвствующую... Какая эрудиція! Сколько дней мнѣ пришлось мученіемъ искупать эффектъ, произведенный мною совсѣмъ нечаянно!. » [27]).

Послѣ этого понятны изумленія Жозефины. Другой публикѣ, дѣйствительно просвѣщенной, ученость Бонапарта являлась совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ, хотя,—мы увидимъ ниже,—не было человѣка, болѣе способнаго ко всякаго рода шарлатанству и эффекту.

Но все-таки не ученость и не страшные взоры генерала побѣдили Жозефину. «Баррасъ,—пишетъ она,—завѣряетъ, что если я выйду замужъ за генерала, онъ дастъ ему мѣсто главнокомандующаго итальянской арміей».

Луціанъ съ своей стороны прибавляетъ:

«Эта женщина... плѣнила моего брата на столько, что онъ желаетъ жениться на ней. Правда, Баррасъ беретъ на себя приданое, которое состоитъ въ санѣ главнокомандующаго итальянской арміей».

Вотъ, слѣдовательно, ключъ къ браку генерала Буонапарте и къ рѣшительному шагу на его цезарскомъ пути.

У жениха были конкурренты, между прочимъ, изъ богатаго купечества. Шпага рѣшила вопросъ въ пользу генерала.

Тринадцатаго вандемьера, т.-е. 4-го октября, Буонапарте, по приглашенію Барраса, пушками подавилъ роялистское возстаніе; на слѣдующій день, членъ представительнаго собранія, Фреронъ, давнишній другъ генерала и въ особенности его сестры Полины, чудной красавицы, заявилъ о подвигѣ съ трибуны, Баррасъ так-

---

[26]) C-te de Las Cases. *Mém.* II, 283.

[27]) M-me Ремюза. *Ib.*, іюнь, 662.

же взывалъ о наградахъ для Буонапарте, и вчерашній генералъ не у дѣлъ, въ нѣсколько дней превращается въ главнокомандующаго внутренней арміей. Это происходитъ 25-го октября, а 27-го мы читаемъ записочку Жозефины такого содержанія.

«Вы не являетесь больше взглянуть на любящую васъ подругу; вы ее совершенно покинули, вы неправы, потому что она нѣжно къ вамъ привязана.

«Приходите завтра завтракать со мной; мнѣ нужно видѣть васъ и поговорить съ вами о вашихъ дѣлахъ.

«До свиданія, другъ мой. Обнимаю васъ.

Вдова Богарнэ».

Это слишкомъ сильно для человѣка, уже два раза потерпѣвшаго неудачу въ сватовствѣ. Искушенный супружескимъ счастьемъ Іосифа съ дочерью мыльнаго торговца, онъ адресовался къ сестрѣ его жены, и былъ отвергнутъ. Потомъ въ Парижѣ, ища солиднаго положенія и «апломба», сдѣлалъ предложеніе г-жѣ Пермонъ, вдовѣ, знакомой ему еще съ Корсики. Но ему заявили, что неудобно дамѣ выходить замужъ за молодого человѣка, годнаго ей въ сыновья... Да, дѣйствительно, женщины «не баловали» будущаго цезаря, и мы легко вѣримъ, что партія съ Жозефиной, бывшей супругой маркиза и очень важнаго революціоннаго дѣятеля, льстила его самолюбію помимо «приданаго». Съ другой стороны, день вандемьера обнаружилъ очень важное обстоятельство: у республики не оказалось въ столицѣ ни одного способнаго и надежнаго генерала. Гражданскіе принципы столь же были сомнительны и подъ военными мундирами, какъ и подъ римскими тогами. Самымъ вѣрнымъ защитникомъ порядка являлся опальный генералъ, нѣсколько времени назадъ едва избѣгшій военнаго суда. Измѣны республикѣ зрѣли въ Парижѣ. Даже въ сердцахъ героевъ, бившихся на границахъ, было несравненно болѣе военнаго мужества и французскаго патріотизма,—чѣмъ стойкихъ республиканскихъ чувствъ. *У республики не было гражданъ*, хотя у Франціи были храбрые воины, а въ Парижѣ—нѣсколько конституцій и множество законодателей. Буонапарте столь же легко досталась побѣда надъ генералами и солдатами, какъ и надъ блузниками 4-го октября.

И обратите вниманіе—какая побѣда и какими средствами!

Седьмого марта Буонапарте былъ утвержденъ главнокомандующимъ итальянской арміей, девятаго произошла его свадьба по странному документу. Получая генеральство отъ якобинцевъ, Буонапарте заявилъ себя *non noble*, хотя въ военную Бріеннскую школу онъ могъ поступить только какъ *noble* и это было удосто-

вѣрено документомъ. Теперь онъ указывалъ другой день своего рожденія—*7-е февраля 1768 года*. Невѣста уменьшила свой возрастъ, по крайней мѣрѣ, на пять лѣтъ, подчистивъ цифру въ метрическомъ свидѣтельствѣ. Но зато въ брачной бумагѣ *Буонапарте* превращался теперь въ *Бонапарта*, дѣлалъ уступку французскому языку и въ письмѣ къ Директоріи новый главнокомандующій говорилъ о своемъ бракѣ: «это новая связь, привязывающая меня къ отечеству, это лишній залогъ моей твердой рѣшимости видѣть мое счастье только въ республикѣ».

Salut et fraternité.

Не лишена наивности эта стремительная поспѣшность, по случаю свадьбы, завѣрять отечество и республику въ вѣрности. Тому, кто чувствовалъ бы себя французомъ по природѣ и республиканцемъ по убѣжденіямъ, врядъ ли пришла бы на умъ подобная идея.

Два дня спустя, счастливый мужъ летѣлъ къ итальянской арміи. По любопытной игрѣ судьбы, для галльскаго цезаря Италія должна была сыграть ту самую роль, какую Галлія когда-то сыграла для итальянскаго.

Ив. Ивановъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ МЕЛКИХЪ НАРОДНОСТЕЙ.

I.

Чешская школьная Мàтица.

Если вамъ, читатель, придется побывать въ Прагѣ или въ какомъ-нибудь другомъ чешскомъ городѣ, то ваше вниманіе будетъ непремѣнно привлечено слѣдующимъ характернымъ обстоятельствомъ. Повсюду—въ ресторанахъ, кофейняхъ, кондитерскихъ, всякихъ магазинахъ, разъ только ихъ хозяинъ чехъ,—вы увидите висящій на самомъ видномъ мѣстѣ, оправленный въ изящную раму, большой листъ бумаги, снабженный какой-то надписью и украшенный виньетками и орнаментаціей въ чешскомъ стилѣ.

Когда вы обратитесь къ владѣльцу одного изъ такихъ заведеній съ вопросомъ, что обозначаетъ эта бумага, то замѣтите, что онъ обиженъ вашимъ невѣжествомъ. Онъ окинетъ васъ съ головы до ногъ презрительнымъ взглядомъ и, только убѣдившись, что вы иностранецъ, отвѣтитъ, горделиво пріосаниваясь:

— Это дипломъ «Чешской школьной Мàтицы»! Всякій, кто соберетъ на «Мàтицу» сто гульденовъ, получаетъ такой дипломъ...

Не успѣли вы еще оправиться отъ канфуза, какъ онъ ужъ протягиваетъ вамъ красную копилку, предлагая пожертвовать пару крейцеровъ «на Мàтицу».

Вы опускаете въ копилку нѣсколько мелкихъ монетъ и стараетесь узнать, что представляетъ эта «Мàтица», въ пользу которой собирается, повидимому, столько денегъ. Когда вы узнаете, что такое «Чешская школьная Мàтица», какой характеръ имѣетъ ея дѣятельность, какова ея роль въ жизни чешскаго народа и каковы ея заслуги — вы поймете, что гордость, съ которой говоритъ о ней каждый чехъ вовсе не лишена основанія.

Судьба не благопріятствовала чешскому народу въ его исторической жизни. Уже въ XV столѣтіи его начинаютъ постигать

бѣдствія, которыя надолго затормозили правильный ходъ его культурнаго развитія. Бѣлогорское пораженіе 1620 г. нанесло чехамъ страшный ударъ, отъ котораго они до сихъ поръ еще не смогли совершенно оправиться. Все чешское дворянство или погибло, или принуждено было покинуть родной край. Его мѣсто заняли нѣмецкіе феодалы, появившіеся въ Чехіи вмѣстѣ съ эрцгерцогомъ австрійскимъ Фердинандомъ, который овладѣлъ наслѣдіемъ Пшемыславичей. Болѣе тридцати тысячъ чешскихъ семействъ покинуло Чехію, а ихъ мѣсто заняли отовсюду нахлынувшіе нѣмцы. Всякія проявленія культурной дѣятельности чеховъ были убиты. Тридцатилѣтняя война окончательно уничтожила благосостояніе чешской земли, а ея населеніе уменьшилось съ 2.000.000 до 700.000! Чехія была отдана въ жертву нѣмецкимъ чиновникамъ и іезуитамъ, которые дѣлали все, чтобы уничтожить и самую память о томъ, что въ земляхъ короны св. Вацлава жилъ когда-то высококультурный чешскій народъ. Еженедѣльно на площадяхъ чешскихъ городовъ пылали яркіе костры. Это іезуиты жгли чешскія книжки. Чешскіе города переполнились нѣмцами, такъ что и тѣ немногіе чехи, которые уцѣлѣли отъ всякихъ погромовъ, въ концѣ концовъ онѣмечились...

Къ концу XVIII столѣтія ни чешскихъ дворянъ, ни чешскаго мѣщанства, ни чешскаго образованнаго класса не существовало. Чешскую національность сохранилъ только крестьянинъ, на котораго высшіе классы смотрѣли, какъ на рабочій скотъ, и котораго, поэтому, и не старались германизировать.

Однако, наступило время, когда и мужикъ былъ признанъ человѣкомъ. Реформы Іосифа II призвали къ самостоятельной жизни и чешскаго крестьянина. И вотъ, изъ среды крестьянства выходятъ люди, которые начинаютъ работать на поприщѣ родной культуры, начинаютъ развивать чешскую литературу, естественный ходъ развитія которой былъ прерванъ жестокой рукой историческихъ событій; мало-по-малу появляется чешскій образованный классъ, который, не теряя связи съ роднымъ народомъ, готовитъ для него лучшую будущность...

Здѣсь не мѣсто передавать исторію чешскаго возрожденія, описывать, какимъ образомъ народъ, котораго не только враги, но и друзья приговорили къ смерти *), пробудился къ новой жизни и занимаетъ въ настоящее время одно изъ первыхъ мѣстъ среди

*) Такъ, напр., извѣстный аббатъ Іосифъ Добровскій занимался филологическими изслѣдованіями чешскаго языка только съ тою цѣлью, чтобы хоть какая-нибудь память осталась объ языкѣ, обреченномъ, по его мнѣнію, на вѣчную погибель.

культурныхъ членовъ европейской семьи народовъ. Чешскій народъ возродился; однако, ему уже никогда не залѣчить тѣхъ тяжелыхъ ранъ, которыя ему нанесла трехсотлѣтняя неволя!

Если мы возьмемъ въ руки этнографическую карту нѣкогда чисто-чешскихъ провинцій: Чехіи, Моравіи и Силезіи,— мы сразу же увидимъ, каковъ результатъ вѣкового преобладанія нѣмцевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ поймемъ, какой опасности подвергается чешскій народъ еще и въ настоящее время. Нѣмцы оттѣснили его отъ горъ, лишая его такимъ образомъ естественныхъ границъ. Нѣмецкій элементъ окружаетъ чеховъ съ трехъ сторонъ. Только на востокѣ (гдѣ чехи соприкасаются съ поляками и словаками), имъ не угрожаетъ денаціонализація. Нѣмецкое море все подвигается. Оно уже залило совершенно чешскую часть Силезіи (опавское княжество) и готовится отрѣзать Моравію отъ собственной Чехіи. Нѣмцы идутъ впередъ во всеоружіи германской культуры, обладая всѣми ея могущественными средствами борьбы: печатью, школой, литературой. Нѣмецкій элементъ подвигается со всѣхъ сторонъ, стараясь поглотить и уничтожить самый западный форпостъ славянскаго міра.

Чтобы бороться успѣшно съ такимъ врагомъ, нужно было употребить тѣ же средства, которыми онъ былъ силенъ, т.-е. съ врагомъ, побивающимъ своей культурой, нужно было бороться культурными средствами,—литературой, печатью, школой.

Вотъ въ этой-то культурной борьбѣ «Общество школьной Матицы» и играетъ выдающуюся, если не главную, роль.

Нѣмцы употребляютъ всѣ средства, чтобы германизировать чешскій народъ. При нѣмецкихъ школахъ существуютъ спеціальныя стипендіи для дѣтей чешскихъ родителей. Чешскія дѣти изъ бѣдныхъ семей, посѣщающія нѣмецкую школу, получаютъ даромъ завтракъ и обѣдъ, одежду, обувь, книжки и всѣ учебныя пособія. Для нихъ устраиваются елки и базары на Рождество, гулянья и увеселительныя экскурсіи во время каникулъ и т. д.

Фабрикантъ-нѣмецъ, нанимая чешскаго рабочаго, нерѣдко ставитъ ему въ условіе, чтобы его дѣти посѣщали не чешскую, а нѣмецкую школу. Зажиточный нѣмецъ всегда заботится о томъ, чтобы дѣти его чешской прислуги не попали въ чешскую школу. А такъ какъ нѣмцы въ Чехіи по большей части люди зажиточные, и, кромѣ того, пользующіеся всякою поддержкою со стороны австрійскаго правительства, то парализировать ихъ дѣятельность крайне трудно.

Нужно было противодѣйствовать имъ въ границахъ возможности, т.-е. слѣдовало постараться, чтобы вездѣ, гдѣ чехамъ угро-

жаетъ опасность денаціонализаціи, существовали чешскія школы; чтобы родители, желающіе и могущіе посылать своихъ дѣтей въ чешскую школу, не были принуждены отдавать ихъ въ нѣмецкую, за неимѣніемъ первой *). Поэтому, нужно было позаботиться, чтобы вездѣ на окраинахъ чешской этнографической территоріи, затѣмъ въ городахъ и селахъ, въ которыхъ чехи представляютъ меньшинство и поэтому не могутъ требовать постройки собственной школы на общественныя средства,—были основаны чешскія школы, которыя предохраняли бы чешскихъ дѣтей отъ онѣмеченія.

Вотъ этой-то цѣлью и задалось «Общество чешской школьной Матицы», основанное въ 1880 году по инціативѣ нѣсколькихъ чешскихъ учителей гимназіи.

«Общество чешской школьной Матицы», начиная свою дѣятельность, было убѣждено, что весь чешскій народъ придетъ ему на помощь, и оно не ошиблось. Въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ своего существованія «Общество» собрало 804.000 гульденовъ. Доходъ одного пятаго года равнялся 149.794 гульденамъ. Этотъ капиталъ былъ употребленъ на содержаніе тридцати трехъ дѣтскихъ пріютовъ, двадцати трехъ школъ и двухъ гимназій, причемъ педагогическій персоналъ, занимающійся въ школахъ «Общества», состоялъ изъ ста пятидесяти трехъ лицъ.

По мѣрѣ развитія дѣятельности «Матицы», ея доходы постоянно увеличивались. Вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивались и расходы.

Въ 1890 году «Матица» праздновала десятилѣтнюю годовщину своего основанія. Общая сумма собранныхъ въ теченіе этихъ десяти лѣтъ денегъ равнялась 1.578.685 гульд., расходъ же дошелъ до 1.367.800 гул. Въ одиннадцатомъ году своего существованія «Матица» содержала одну гимназію, тридцать три народныхъ школы и тридцать три дѣтскихъ пріюта. Одна гимназія и пятнадцать народныхъ школъ, основанныхъ «Матицей», перешли въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія **), а семь школъ приняли подъ свое покровительство другія благотворительныя учрежденія. Учительскій персоналъ «Матицы» достигъ двухсотъ пятнадцати человѣкъ.

До 1895 года «Общество» собрало болѣе 2.500.000 гульденовъ, а число его членовъ равняется въ настоящее время 25.000.

---

*) Въ Чехіи, какъ и во всѣхъ западно-европейскихъ странахъ, посѣщеніе школъ обязательно для каждаго ребенка.

**) Въ Австріи можно требовать, чтобы министерство народнаго просвѣщенія приняло на свой счетъ частную школу, если окажется, что она необходима населенію, т.-е. посѣщается узаконеннымъ числомъ учениковъ.

Если мы вспомнимъ, что всѣхъ чеховъ по самой оптимистической *чешской* статистикѣ немногимъ болѣе пяти милліоновъ, что чехи не имѣютъ ни богатыхъ аристократовъ, ни крупныхъ землевладѣльцевъ, то намъ невольно придетъ въ голову вопросъ, откуда же почерпаетъ «Мàтица» такія громадныя суммы на удовлетвореніе своихъ потребностей?

Только познакомившись ближе съ чешской жизнью, съ готовностью чеха пожертвовать послѣдній крейцеръ на всякое національное учрежденіе, мы поймемъ, на какія средства содержится «Общество чешской школьной Мàтицы».

«Школьная Мàтица»—это учрежденіе общенаціональное, лишенное всякой партійной окраски. И консервативный старочехъ, и либеральный младочехъ, и клерикалъ, и соціалъ-демократъ одинаково заботятся объ интересахъ дорогой для каждаго чешскаго сердца «Мàтицы». Не слѣдуетъ думать, чтобы «Матицу» поддерживалъ только интеллигентный слой чешскаго общества. Успѣхъ этого учрежденія принимается близко къ сердцу каждымъ чехомъ, чѣмъ бы онъ ни занимался, къ какой бы сферѣ онъ ни принадлежалъ. На «Мàтицу» даютъ средства и ремесленники, и рабочіе, и крестьяне. Особенно много жертвуютъ именно послѣдніе *).

И покидая свою отчизну, эмигрируя изъ Чехіи, чехъ не забываетъ свою «Мàтицу». Ежегодно получаетъ она тысячи гульденовъ изъ Америки, Австраліи, Россіи, Лондона, Вѣны и другихъ мѣстностей, гдѣ живутъ чешскіе переселенцы.

Чеха, не пожертвовавшаго ничего въ пользу «Мàтицы», трудно представить себѣ. Нѣтъ буквально ни одного чеха, нѣтъ ни одного чешскаго учрежденія, которое не считало бы своимъ долгомъ поддерживать «Мàтицу». «Мàтицу» субсидируетъ и пражскій ландтагъ, и всѣ городскія думы, въ которыхъ большинство гласныхъ чехи, и всякіе чешскіе банки, сберегательныя кассы и т. п. учрежденія. Нѣтъ ни одного публичнаго или частнаго, семейнаго торжества, которое не принесло бы «Мàтицѣ» извѣстнаго дохода.

Чехи пользуются всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы увеличить фондъ ея. На всѣхъ митингахъ, общественныхъ собраніяхъ и т. д. кто-нибудь изъ присутствующихъ добровольно принимаетъ на себя роль сборщика. По окончаніи любой политической сходки, вы непремѣнно наткнетесь у выхода на господина, который протягиваетъ вамъ шляпу, говоря:

*) Чешскій крестьянинъ стоитъ въ культурномъ отношеніи очень высоко. Между чешскими крестьянами почти нѣтъ безграмотныхъ. Почти всѣ они выписываютъ газеты и журналы, и спеціальная народная литература уже потеряла въ Чехіи raison d'être.

— На «Ма̀тицу».

На балахъ, раутахъ и т. д. собираютъ пожертвованія дамы.

Нѣкоторые способы сбора пожертвованій на «Ма̀тицу» дѣлаютъ честь изобрѣтательности чеховъ.

Вы сидите, напр., въ какомъ-нибудь ресторанѣ и наблюдаете слѣдующую сцену. Изъ компаніи, расположившейся за однимъ изъ столовъ, встаетъ кто-нибудь и, поднимая кверху сигару, заявляетъ:

— Продается сигара съ публичнаго торга на «Матичку»! Цѣна два крейцера; кто больше?

На минуту все въ ресторанѣ затихаетъ, а затѣмъ въ разныхъ углахъ зала раздаются крики:

— Три!

— Четыре!

— Пять! и т. д,

Владѣлецъ сигары переходитъ отъ стола къ столу, собирая въ шляпу крейцеры. Аукціонъ продолжается, обыкновенно, довольно долго, публикой овладѣваетъ увлеченіе, и, наконецъ, кто-нибудь получаетъ грошовую сигару, цѣна которой успѣла, между тѣмъ, дойти до двухъ-трехъ гульденовъ. Вырученныя отъ аукціона деньги съ надписью «На школьную Ма̀тицу» опускаются въ кружку, какихъ десятки тысячъ разбросаны по разнымъ чешскимъ общественнымъ учрежденіямъ и торговымъ заведеніямъ Чехіи, Моравіи и Силезіи.

Не считая правильныхъ взносовъ членовъ, «Ма̀тица» получаетъ ежегодно большое количество пожертвованій по нѣскольку сотенъ гульденовъ.

Въ жизни каждаго интеллигентнаго чеха существуетъ масса случаевъ, которые ознаменовываются обязательными пожертвованіями въ пользу «Школьной Ма̀тицы». Это начинается чуть ли не съ самаго появленія чеха на свѣтъ. На его крестинахъ, обыкновенно, собирается между гостями извѣстная сумма, которую отправляютъ въ канцелярію «Ма̀тицы». Когда ребенокъ-чехъ поступаетъ въ школу,—его родители, желая ознаменовать этотъ торжественный фактъ его жизни, жертвуютъ на «Матицу» нѣсколько гульденовъ. Переходя изъ класса въ классъ, ученики собираютъ изъ своихъ сбереженій (стоившихъ иногда не одного недоѣденнаго завтрака) небольшую сумму на «Ма̀тицу».

Во многихъ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ ученики собирали въ теченіе года столько денегъ, что могли получить дипломъ «основателей», выдаваемый каждому, кто пожертвовалъ minimum сто гульденовъ. Такой дипломъ вѣшали, обыкновенно, въ классѣ, и онъ переходилъ изъ класса въ классъ вмѣстѣ съ учениками, при чемъ каждый годъ прибавлялось по одному новому диплому.

Въ настоящее время правительствомъ запрещено ученикамъ собирать пожертвованія въ пользу «Матицы». Теперь только оканчивающіе гимназію и получающіе аттестатъ зрѣлости сразу собираютъ нѣсколько десятковъ гульденовъ. Въ младшихъ классахъ эти пожертвованія собираются тайно, причемъ запрещеніе, какъ это обыкновенно бываетъ, только усиливаетъ агитацію въ пользу «Матицы».

Молодой человѣкъ, заказывая визитныя карточки, печатаетъ ихъ на спеціальныхъ картонныхъ листкахъ, украшенныхъ эмблемой «Матицы» и издаваемыхъ ею же. Доходъ отъ продажи этихъ карточекъ идетъ въ пользу «Матицы».

Такъ какъ «Матица» издаетъ свою спеціальную почтовую бумагу и конверты, то и любовныя записочки молодежи обоего пола приносятъ нѣкоторый доходъ національному учрежденію.

Женясь, чехъ разсылаетъ приглашенія на свадьбу, отпечатанныя опять-таки на бланкахъ, издаваемыхъ «Матицей». Во время свадебнаго пира гости собираютъ деньги для пріобрѣтенія т. н. «свадебнаго матичнаго диплома», который долженъ украшать гостиную новобрачныхъ.

Даже смерть чеха приноситъ «Матицѣ» доходъ. Во-первыхъ, почти каждый чехъ отказываетъ въ своемъ завѣщаніи какую-нибудь, хотя бы небольшую, сумму въ пользу «Школьной Матицы». Затѣмъ, многіе вѣнки, которые родственники, друзья и знакомые покойника возлагаютъ на его гробъ, изящно сдѣланы изъ бѣлыхъ билетиковъ, продаваемыхъ «Матицей», перемѣшанныхъ съ зелеными листьями.

Очень часто при процессахъ тяжущіеся, желая покончить дѣло миромъ, жертвуютъ по нѣскольку гульденовъ въ пользу «Матицы». Выручкой отъ проигранныхъ пари, въ большинствѣ случаевъ, пользуется та же «Школьная Матица». Иногда адвокаты, защищая какое-нибудь дѣло, отдаютъ гонораръ «Матицѣ». То же самое дѣлаютъ и врачи.

Въ окнѣ канцеляріи «Матицы» въ Прагѣ, по Фердинандовой улицѣ (пражскій Невскій), существуетъ отверстіе, въ которое опускаются доброхотныя пожертвованія. Это окно приноситъ въ иной мѣсяцъ по нѣскольку сотъ гульденовъ дохода.

У нѣкоторыхъ чеховъ собираніе пожертвованій въ пользу «Матицы» переходитъ въ какую-то манію.

Во всей Чехіи пользуется большой популярностью пражскій ресторанъ, извѣстный подъ названіемъ «U Fleku». Въ этомъ ресторанѣ ежедневно собирается громадная масса посѣтителей, принадлежащихъ къ самымъ различнымъ слоямъ чешскаго общества,

начиная съ профессоровъ университета и литераторовъ и кончая студентами, ремесленниками и торговцами. Между ежедневными посѣтителями ресторана «U Fleku» одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ сапожникъ Билекъ. Каждый вечеръ встрѣтите вы его тамъ сидящимъ за кружкой пильзнера, покуривающимъ сигару и весело болтающимъ съ пріятелями.

Съ наступленіемъ девяти часовъ Билекъ поднимается со своего мѣста, беретъ подносъ и отправляется обходить гостей. Онъ останавливается передъ каждымъ изъ нихъ,—все одно, знакомъ ли онъ съ нимъ или нѣтъ,—протягивая ему подносъ. Каждый посѣтитель даетъ minimum одинъ крейцеръ и, спустя десять минутъ, Билекъ возвращается на свое мѣсто, считаетъ собранные крейцеры и передаетъ ихъ въ кассу, ключи отъ которой хранятся у двоихъ изъ гостей, ежедневно у другихъ.

Повторяя свой обходъ каждый день, сапожникъ Билекъ собралъ уже такимъ образомъ болѣе *пятнадцати тысячъ* гульденовъ.

Почти каждый чешскій авторъ, издавая свои произведенія, считаетъ прямой обязанностью пожертвовать въ пользу «Школьной Мàтицы» нѣсколько, а иногда и нѣсколько десятковъ экземпляровъ. «Мàтица» продаетъ ихъ, а вырученныя деньги идутъ въ ея кассу. Кромѣ того, въ Чехіи появляется много книжекъ и брошюръ, чистая прибыль отъ продажи которыхъ идетъ въ пользу «Школьной Мàтицы».

Сама «Матица» продаетъ, кромѣ бумаги, конвертовъ и визитныхъ карточекъ, еще и спички посредствомъ автоматовъ, разставленныхъ по площадямъ, улицамъ и въ садахъ Праги и другихъ чешскихъ городовъ. Въ пользу «Мàтицы» идетъ весь доходъ съ пражскаго катка.

Чешскій фибрикантъ и торговецъ старается получить отъ «Матицы» такъ называемую привилегію. Привилегія эта состоитъ въ томъ, что они имѣютъ право снабдить свой товаръ подписью: «въ пользу чешской школьной Мàтицы». Хотя промышленникъ и долженъ заплатить «Мàтицѣ» за пріобрѣтеніе такой привилегіи иногда довольно значительную сумму, однако, онъ ничего не теряетъ и даже еще выигрываетъ, потому что каждый чехъ съ бòльшей охотой покупаетъ товаръ, снабженный подобной подписью.

Большой доходъ приносятъ «Мàтицѣ» ежегодно устраиваемые въ ея пользу театральныя представленія, концерты, лекціи, балы, рауты, маскарады, базары, загородныя экскурсіи съ музыкой, лоттереи и т. д.

Ежегодно, 28 сентября, въ день смерти покровителя чешскаго народа св. Вацлава, по всей Чехіи собираются усиленно пожер-

твованія на такъ называемый «святовацлавскій даръ Мàтицѣ» До сихъ поръ въ этотъ день собрано болѣе ста тысячъ гульденовъ. Двѣ чешскія національные выставки—такъ называемая юбилейная 1891 года и этнографическая—1895 г. не мало содѣйствовали увеличенію капиталовъ «Школьной Мàтицы».

Въ различныхъ пунктахъ этихъ выставокъ помѣщались большія красивыя стеклянныя копилки «Мàтицы», куда посѣтители опускали деньги. Любопытно, что въ этихъ копилкахъ появлялись рядомъ съ деньгами и лотерейные билеты и даже серьги, кольца, броши и браслеты. На этнографической выставкѣ былъ построенъ спеціальный павильонъ, въ которомъ любопытные посѣтители могли видѣть милліонъ крейцеровъ, сложенный изъ одних крейцеровыхъ монетъ. Плата за входъ въ этотъ павильонъ шла въ пользу «Мàтицы».

Пріѣзжавшіе на выставку депутаты отъ различныхъ чешскихъ городовъ привозили съ собою иногда значительныя суммы на «Мàтицу».

Одно время «Школьная Мàтица» издавала свой спеціальный календарь подъ редакціей двухъ самыхъ выдающихся чешскихъ поэтовъ: Ярослава Врхлицкаго и Святополка Чеха.

Органомъ «Мàтицы» является мѣсячникъ «Viestnik ustrzedni Matice Szkolske», въ которомъ печатается отчетъ о дѣятельности этого общества и распредѣленіи получаемыхъ ею пожертвованій.

Дѣятельность «Школьной Мàтицы» развивается съ каждымъ годомъ, и нѣмцы сами сознаются, что имъ невозможно съ ней бороться *). Подъ вліяніемъ «Мàтицы» и галиційскіе поляки основали подобное общество, которое вътеченіе трехлѣтняго своего существованія собрало болѣе 70.000 капитала, основало само нѣсколько школъ, помогло нѣсколькимъ десяткамъ сельскихъ общинъ построить школы и, такимъ образомъ, противодѣйствуетъ германизаціи польскихъ дѣтей въ Силезіи и западной части Галиціи.

Л. Василевскій.

---

*) См. Mittheilungen des Deutshen Schulvereines. Wien. 1894.

РАЗВИТІЕ ПРОФЕССІЙ.

Перев. съ англійскаго Т. К—ль.

Введеніе.

Трудно указать черты, общія всѣмъ профессіональнымъ группамъ и въ то же время отличающія ихъ отъ прочихъ группъ, на какія распадается общество. Намъ будетъ легче составить себѣ объ этомъ правильное представленіе, когда мы разсмотримъ функціи данныхъ группъ при самомъ ихъ возникновеніи.

Всѣ онѣ въ томъ или другомъ отношеніи поддерживаютъ жизнь общества и его членовъ; поддержаніе жизни общества—организма безсознательнаго, есть первая ближайшая цѣль ихъ, или, лучше сказать, средство къ достиженію дальнѣйшей цѣли—поддержанія жизни отдѣльныхъ членовъ общества—организмовъ сознательныхъ.

Первая функція и по времени, и по значенію ея есть охраненіе племенной или національной жизни—защита общества отъ нападенія враговъ. Для достиженія этой цѣли возникаетъ прежде всего нѣкоторое упорядоченіе жизни. Стѣсненіе свободы индивидуальныхъ дѣйствій необходимо для успѣшнаго веденія войны, что обусловливаетъ повиновеніе военачальнику или предводителю. Когда, послѣ побѣды, временный предводитель превращается въ постояннаго вождя, внутренняя жизнь общества получаетъ такое устройство, которое отвѣчаетъ цѣлямъ войны. Вслѣдъ за обезпеченіемъ отъ внѣшнихъ враговъ, являются заботы о защитѣ граждапъ другъ отъ друга. Законы, устанавливаемые первоначально побѣдоноснымъ предводителемъ, получаютъ послѣ его смерти еще большую силу, какъ внушенія, приписываемыя его духу. Такимъ образомъ, къ власти живого короля и его слугъ присоединяется мало-по-малу власть умершаго короля и его слугъ. Одновременно съ увеличеніемъ средствъ охраненія и упорядоченія жизни растутъ и средства поддержанія ея. Сначала пища, одежда и жилище добываются каждымъ для себя, затѣмъ они становятся предметомъ обмѣна и

вмѣстѣ съ этимъ развивается рядъ мѣръ, которыя значительно облегчаютъ матеріальное обезпеченіе всѣхъ членовъ общества. Въ чемъ же должна состоять дальнѣйшая работа общества, послѣ того какъ достигнуты безопасность, порядокъ и матеріальное обезпеченіе жизни? Она должна состоять въ расширеніи жизни, и дѣйствительно, къ этому стремятся всѣ вообще профессіи. Очевидно,—когда докторъ утоляетъ боль, вправляетъ вывихнутые члены, излѣчиваетъ болѣзнь и предотвращаетъ преждевременную смерть, онъ увеличиваетъ сумму жизни. Музыкальные композиторы и исполнители, а также преподаватели музыки и танцевъ увеличиваютъ наши эмоціи и такимъ образомъ увеличиваютъ интенсивность жизни. Поэты эпическіе, лирическіе и драматическіе, также какъ и актеры, вызываютъ каждый по своему пріятныя ощущенія и, слѣдовательно, увеличиваютъ интенсивность жизни. Историкъ и литераторъ отчасти вліяютъ на насъ своими произведеніями, а главное, возбуждаютъ въ насъ интересъ сообщаемыми фактами или создаваемыми образами и такимъ путемъ вызываютъ подъемъ духа, слѣдовательно—увеличиваютъ интенсивность жизни. Хотя мы не можемъ сказать про юристовъ, что они идутъ непосредственно къ той же цѣли, но и они, помогая гражданамъ защищаться противъ незаконныхъ посягательствъ, содѣйствуютъ ихъ благополучію, а слѣдовательно, увеличиваютъ интенсивность жизни. Различныя примѣненія къ практикѣ научныхъ открытій, разнообразные умственные интересы, которые возбуждаетъ человѣкъ науки, и всеобщее просвѣщеніе, которому онъ содѣйствуетъ, все это служитъ къ увеличенію жизни. Учитель, сообщая знанія или занимаясь воспитаніемъ своего ученика, дѣлаетъ его болѣе способнымъ исполнять ту или другую работу и успѣшно бороться за свое существованіе, и въ то же время онъ открываетъ ему возможность пользоваться разнообразными наслажденіями,—въ обоихъ случаяхъ онъ увеличиваетъ интенсивность его жизни. Наконецъ, всякій, кто занимается пластическими искусствами—живописецъ, скульпторъ и архитекторъ—возбуждаетъ своими произведеніями пріятныя ощущенія эстетическаго характера, т. е. увеличиваетъ интенсивность жизни.

Какимъ же путемъ возникаютъ всѣ эти профессіи? Изъ какой первичной соціальной ткани дифференцируются они,—говоря языкомъ эволюціонистовъ? Признавая общую истину, доказанную многочисленными примѣрами въ «Основахъ соціологіи», что всякое соціальное учрежденіе происходитъ вслѣдствіе дифференцированія сравнительно однородной массы, мы должны изслѣдовать, въ какой части этой массы зародились профессіональныя учрежденія.

На этотъ вопросъ можно дать одинъ только опредѣленный от-

вѣть: зародыши профессіональной дѣятельности замѣчаются въ самыхъ первобытныхъ политико-религіозныхъ учрежденіяхъ; когда эти учрежденія распадаются на политическія съ одной стороны и религіозныя съ другой, зародышъ профессіональной дѣятельности сохраняется и окончательно развивается преимущественно въ религіозныхъ учрежденіяхъ. Въ первобытныхъ соціальныхъ группахъ на войнѣ появляется временный военачальникъ, и тамъ, гдѣ войны случаются часто, онъ превращается въ постояннаго предводителя: успѣшное веденіе войны требуетъ повиновенія ему; а когда его власть окончательно утвердится, это повиновеніе, ограниченное первоначально войною, распространяется на мирное время и содѣйствуетъ упорядоченію общественной жизни. Когда, подъ начальствомъ какого-либо предводителя, племя его покоряетъ другія племена, эти племена стараются всячески умилостивить его, и его собственное племя все больше и больше удивляется и подчиняется ему; вслѣдствіе господствующаго повсюду культа душъ умершихъ, предводитель обладаетъ послѣ смерти еще большею властью, чѣмъ при жизни,—припомнивъ всѣ эти факты, мы поймемъ, какимъ образомъ могло произойти это явленіе, что поклоненіе, какимъ пользуются предводители при жизни, продолжается, а иногда и усиливается послѣ ихъ смерти. Первобытные народы представляютъ себѣ жизнь на томъ свѣтѣ совершенно подобною жизни на этомъ. Поэтому, какъ живому предводителю доставляютъ пищу и напитки, такъ и на могилу его приносятъ жертвы и дѣлаютъ возліянія. Когда онъ былъ живъ, ему приносили въ даръ животныхъ—и на могилѣ его приносятъ въ жертву такихъ же животныхъ. Если это былъ король съ большимъ штатомъ придворныхъ и для поддержанія его двора требовалось много скота, то для продовольствія его души и душъ его приближенныхъ приносятся цѣлыя гекатомбы воловъ и барановъ. Если онъ былъ людоѣдъ, ему и при жизни, и послѣ смерти приносятся человѣческія жертвы, и кровь ихъ выливается на его могильный холмъ или на алтарь, который представляетъ собою могильный холмъ. Если на этомъ свѣтѣ у него были слуги, то предполагается, что онъ нуждается въ нихъ и на томъ,—поэтому, часто ихъ убиваютъ на его похоронахъ, т. е. посылаютъ вслѣдъ за нимъ. Если женщины его гарема не умерщвляются на его могилѣ (что также часто случается), то въ его храмѣ, обыкновенно, содержатъ посвященныхъ ему дѣвушекъ. Посѣщенія его для засвидѣтельствованія ему почтенія превращаются со временемъ въ путешествія на его могилу или въ его храмъ; подарки, приносимые къ подножію его трона, замѣняются дарами, возлагаемыми на его гроб-

ницу. Колѣнопреклоненія, паданье ницъ, обнаженіе той или другой части тѣла и другія формы почитанія совершаются въ его присутствіи,—и тѣ же обряды сопровождаютъ поклоненіе ему въ его храмѣ. Его прославляютъ хвалами при жизни—и такими же, если не большими, хвалами послѣ смерти. Пляска, служившая раньше непроизвольнымъ выраженіемъ радости въ его присутствіи, пріобрѣтаетъ характеръ церемоніи, и эта же церемонія соблюдается какъ знакъ почтенія къ его душѣ. То же самое можно сказать и о музыкѣ: и инструментальная, и вокальная, она равно исполняется, какъ передъ живымъ, такъ и передъ умершимъ вождемъ.

Если нѣкоторыя изъ этихъ дѣйствій и обрядовъ, служащихъ одновременно знаками политическаго вѣрноподданства и религіознаго поклоненія, сходны съ нѣкоторыми профессіональными дѣйствіями, то, очевидно, — эти послѣднія имѣютъ двойной корень и въ политическихъ, и въ религіозныхъ учрежденіяхъ. Точно также очевидно, что, по мѣрѣ дифференціаціи этихъ двухъ областей, религіозная развивается шире и полнѣе; это зависитъ, во-первыхъ, отъ того, что значеніе, приписываемое умершему существу, постоянно возрастаетъ; во-вторыхъ, отъ того, что поклоненіе ему не ограничивается однимъ какимъ-либо мѣстомъ, а распространяется на многія мѣстности. Вмѣстѣ съ религіозными учрежденіями, развивается и связанная съ ними профессіональная дѣятельность.

Мы указали различныя проявленія этой дѣятельности, связанныя съ обѣими областями—политической и религіозной.

Принесеніе жертвъ, какъ видимому, такъ и невидимому обожествленному предводителю имѣетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ цѣлью поддержаніе жизни, въ другихъ—увеличеніе ея интенсивности: восхваляемому существу стараются доставить наслажденія посредствомъ хвалебныхъ рѣчей, пѣсенъ и разныхъ эстетическихъ удовольствій. Естественно, всѣ эти обряды, какъ, напримѣръ, хвалебныя рѣчи, гимны, драматическія представленія, а также скульптурныя и живописныя изображенія въ храмахъ,—развиваются одновременно съ тѣмъ сословіемъ, которое постоянно служитъ обожествленному вождю—съ жречествомъ.

Вторая причина, почему всѣ профессіи, какъ упомянутыя нами, такъ и остальныя, напримѣръ, юридическая, учительская и т. п., имѣютъ религіозное происхожденіе,—заключается въ томъ, что классъ жрецовъ по необходимости превосходитъ всѣ остальные классы знаніями и умственнымъ развитіемъ.

Знаніе природы, искусство и опытность даютъ первобытнымъ жрецамъ или лѣкарямъ вліяніе надъ ихъ согражданами; эти же

черты продолжают отличать ихъ и тогда, когда въ дальнѣйшей стадіи развитія ихъ жреческій характеръ болѣе спеціализируется. Ихъ вліяніе, какъ жрецовъ, возрастаетъ, когда они совершаютъ дѣла и поступки, далеко превышающія силы и разумѣніе народа; поэтому, у нихъ постоянно есть стимулъ достигать высшихъ ступеней культуры и умственнаго превосходства, необходимаго для той дѣятельности, которую мы относимъ къ разряду профессіональной.

Безспорно, классъ жрецовъ, которому другіе классы доставляютъ средства къ жизни, становится мало-по-малу самымъ празднымъ. Освобожденые отъ необходимости работать ради поддержанія существованія, жрецы могутъ посвящать свою энергію и свой досугъ тому умственному труду и тѣмъ спеціальнымъ упражненіямъ, которыя необходимы для профессіональной дѣятельности.

Изложивъ эти общія соображенія о природѣ происхожденія профессіональной дѣятельности, мы перейдемъ къ выясненію тѣхъ фактовъ, которые представляетъ историческое развитіе различныхъ профессій.

Врачи и хирурги.

Мы говорили выше, что среди дикихъ народовъ трудно установить различіе между жрецомъ и врачемъ, такъ какъ обязанности того и другого соединяются обыкновенно въ одномъ лицѣ. Приведемъ нѣкоторые факты въ подтвержденіе этой мысли. По словамъ Гумбольдта, «караибскіе маррири въ одно и то же время были жрецами, кудесниками и врачами». У тупійцевъ «такъ называемые, пайи были одновременно знахарями, кудесниками и жрецами». Переходя отъ Южной Америки къ Сѣверной, мы читаемъ: «Каррьеры очень мало знакомы съ лѣчебными свойствами травъ. Жрецъ или шаманъ бываетъ у нихъ одновременно и врачемъ». Шулькрафтъ разсказываетъ, что у дакотовъ «жрецъ является въ одно и то же время предсказателемъ и врачемъ». Въ Азіи мы находимъ точно такое же тѣсное соединеніе обоихъ занятій. У племени бадаговъ въ Южной Индіи «курумбасы занимаются лѣченьемъ и, кромѣ того, исполняютъ роль священниковъ на свадьбахъ и похоронахъ». У болѣе сѣверныхъ народовъ мы встрѣчаемъ то же явленіе. «Въ Монголіи очень много мѣстныхъ врачей и это по большей части ламы. Свѣтскія лица очень рѣдко присоединяютъ медицину къ другимъ своимъ занятіямъ, большинство же врачей принадлежитъ къ духовному сословію».

То же самое явленіе имѣетъ мѣсто и на другомъ великомъ материкѣ. Такъ, относительно экваторіальной Африки Ридъ сообщаетъ, что человѣкъ-фетишъ является тамъ одновременно врачемъ, жрецомъ и колдуномъ. Такого же рода факты находимъ мы въ изслѣдованіяхъ Моллена, Аллена и Томсона относительно племени джагофовъ и еггараевъ.

Эти примѣры (желающіе могутъ найти гораздо большее количество ихъ въ «Соціологіи» того же автора) ясно показываютъ, что соединеніе обѣихъ профессій въ одномъ лицѣ было нормальнымъ явленіемъ въ первобытныхъ обществахъ.

Причина этого соединенія заключается въ томъ, что какъ первобытный жрецъ, такъ и первобытный врачъ, оба одинаково имѣли дѣло съ существами, которыя считались сверхъестественными. Этимъ богамъ и демонамъ приписывались различныя качества: одни изъ нихъ были враждебны человѣку, другіе, по большей части, милостивы, но иногда, подъ вліяніемъ гнѣва, способны насылать различныя бѣдствія.

Первобытный врачъ имѣлъ дѣло съ злыми духами, которые, по понятіямъ дикарей, являлись причиной всѣхъ несчастій вообще и болѣзней въ частности; больныхъ онъ лѣчилъ иногда при помощи естественныхъ средствъ, но въ большинствѣ случаевъ прибѣгалъ къ тому или иному способу заклинанія. Такъ, чиппевасы, по словамъ Китинга, «при лѣченіи употребляютъ гораздо чаще разнаго рода заклинанія, чѣмъ подходящія къ дѣлу средства». У племени куткасовъ «страданія и болѣзни, происходящія отъ естественныхъ причинъ, объясняются или отсутствіемъ, или ненормальнымъ состояніемъ души, а также вліяніемъ злыхъ духовъ; все лѣченіе направляется къ тому, чтобы водворить душу въ ея прежнее мѣсто и смягчить разгнѣванныхъ духовъ». Объ оканагонахъ разсказываютъ: «у нихъ, также какъ и вездѣ, въ случаѣ, если болѣзнь принимаетъ серьезный и загадочный оборотъ, медицинское лѣченіе тотчасъ прекращается, и на сцену выступаетъ знахарь съ своими чарами».

Слѣдствіемъ такой вѣры въ сверхъестественное происхожденіе болѣзней являются разнообразные обычаи. У кароновъ «врачъ за извѣстную плату открываетъ, какой духъ причинилъ болѣзнь и какимъ приношеніемъ можно смягчить его гнѣвъ». Ароканскій врачъ приводитъ себя въ дѣйствительное или притворное состояніе изступленія, во время котораго онъ, по убѣжденію присутствующихъ, находится въ общеніи съ духами. Придя въ себя, онъ объявляетъ, «въ чемъ состоитъ болѣзнь и гдѣ она гнѣздится. Затѣмъ онъ жметъ и растираетъ больное мѣсто до тѣхъ поръ,

пока ему не удастся извлечь предметъ, причинившій болѣзнь, который онъ торжественно показываетъ окружающимъ. Этимъ предметомъ бываетъ обыкновенно паукъ, жаба или какое-нибудь пресмыкающееся, которое онъ передъ тѣмъ тщательно скрылъ у себя въ одеждѣ».

По словамъ Еллиса, врачи Таити, дѣйствующіе также въ качествѣ жрецовъ и заклинателей, получаютъ отъ больныхъ извѣстное вознагражденіе, причемъ часть его считается собственностью боговъ; такой обычай основывается на убѣжденіи, что дары могутъ смягчить гнѣвъ боговъ, причинившихъ болѣзнь. Такую же ассоціацію идей находимъ мы и у болѣе культурнаго народа— монголовъ. «Они, какъ говоритъ Гильмуръ, рѣдко отдѣляютъ лѣченіе отъ молитвъ и предпочитаютъ врача изъ духовенства, потому что онъ можетъ сразу исполнять обѣ обязанности — онъ даетъ больному лѣкарство и въ то же время совершаетъ надъ нимъ религіозные обряды».

Такимъ образомъ, понятно, почему жрецъ можетъ исполнять обязанности врача. Если болѣзнь произошла не вслѣдствіе гнѣва божества, то ее приписываютъ демонамъ, обитающимъ въ человѣкѣ. Изгнать ихъ возможно двумя средствами: или сдѣлать, чтобы ихъ обиталище, т.-е. тѣло человѣка, стало для нихъ невыносимымъ, или призвать на помощь болѣе могущественныхъ духовъ, которые могутъ удалить ихъ.

Но, кромѣ этого, лѣченіе во многихъ случаяхъ состояло изъ соединенія естественныхъ и сверхъестественныхъ средствъ. То обстоятельство, что первобытный врачъ употреблялъ средства, дѣйствующія физически и химически, заставляетъ, повидимому, считать его предшественникомъ современныхъ врачей. Но это совершенно невѣрно: тѣ средства, которыя теперь мы считаемъ естественными, не признавались за естественныя людьми того времени. Дѣйствія, производимыя растеніями и ихъ продуктами на тѣло человѣка, приписывались духамъ, живущимъ въ растеніи. Такимъ образомъ, первобытный врачъ или колдунъ, видѣвшій повсюду дѣйствіе сверхъестественныхъ силъ, сходится съ современнымъ врачемъ лишь въ употребленіи нѣкоторыхъ однородныхъ средствъ, но никакъ не въ своемъ понятіи объ этихъ средствахъ.

Врачъ обязанъ своимъ происхожденіемъ скорѣе всего жрецу, который старается умилостивлять духовъ, а не бороться съ ними.

Существованіе знахарей характеризуетъ собой небольшое, неразвитое общество,—жрецъ появляется съ возникновеніемъ крупнаго соціальнаго тѣла и правильно установленнаго правительства. Первоначально обязанность поклоняться душамъ родителей и дру-

гихъ членовъ семьи лежала на всѣхъ родственникахъ и, такимъ образомъ, жреческія функціи распредѣлялись между многими лицами. Затѣмъ эта обязанность перешла къ старшему въ родѣ, а съ установленіемъ прочной, наслѣдственной власти вождя, находящійся въ живыхъ вождь долженъ былъ приносить жертвы душѣ умершаго вождя, причемъ иногда онъ совершалъ эту церемонію въ присутствіи народа. Такимъ образомъ возникло оффиціальное жречество. Постепенно общественная группа увеличивается въ объемѣ, вслѣдствіе смѣшенія съ покоренными племенами; власть вождя, превратившагося въ короля, распространяется на различныя подвластныя ему группы; для управленія этими подвластными народами посылаются намѣстники, которые выполняютъ обряды того культа, котораго придерживается племя завоевателей; отсюда ведетъ свое начало жреческое сословіе, которое превращается мало-по-малу въ касту и дѣлается проводникомъ господствующей религіи; оно же, по причинамъ, на которыя мы указывали выше, становится вообще носителемъ культуры.

Эта культура, развиваясь все болѣе и болѣе, приноситъ большее знакомство съ медицинскими пріемами, которые постепенно утрачиваютъ свой сверхъестественный характеръ. Древнія цивилизаціи даютъ намъ много примѣровъ подобнаго перехода. Масперо разсказываетъ намъ о древнихъ египтянахъ: «Врачеватели раздѣляются у нихъ на разныя категоріи. Одни вѣрятъ въ колдовство и дѣйствуютъ исключительно талисманами и магическими формулами. Другіе употребляютъ лѣкарственныя средства, они изучаютъ свойства растеній и минераловъ и съ точностью опредѣляютъ время, когда ихъ слѣдуетъ приготовлять и употреблять. Лучшіе врачи тщательно избѣгаютъ исключительнаго примѣненія того или другого метода. Они одинаково прибѣгаютъ какъ къ лѣкарственнымъ средствамъ, такъ и къ заклинаніямъ, смотря по больному. Они бываютъ въ большинствѣ случаевъ въ то же время и жрецами».

Одновременно съ этимъ прогрессомъ идетъ и дифференціація занятій. Среди низшихъ классовъ духовенства появляются «пастофоры, которые занимаются медициной».

Въ извѣстіяхъ, относящихся къ Вавилону и Ассиріи, дѣло представляется не на столько яснымъ. Вотъ что говоритъ Ленорманъ о халдеяхъ: «Интересно, что великая книга о магіи, отрывки которой нашелъ сэръ Раулинсонъ, распадается на три части, соотвѣтствующія въ точности тремъ классамъ халдейскихъ врачей, перечисляемымъ въ книгѣ Даніила рядомъ съ астрологами и прорицателями (каздимъ и газримъ): *картумины*, или заклина-

тели, *гакамины*, или врачи, и *азафины*, или богословы». Профессоръ Сэйсъ приводитъ подобные же примѣры. «Въ Ассиріи и Вавилонѣ,—говоритъ онъ,—издавна существовало званіе врача. Правда, большинство народа въ случаѣ болѣзни прибѣгало къ религіознымъ чарамъ и церемоніямъ, а самую болѣзнь приписывало не естественнымъ причинамъ, а навожденію демоновъ; но число просвѣщенныхъ людей, обращавшихся охотнѣе къ помощи врача съ его лѣкарствами, чѣмъ къ помощи заклинателя или жреца съ ихъ чарами—постоянно возрастало».

Изъ этихъ цитатъ видно, что сословіе врачей выдѣлилось, какъ часть изъ жреческаго сословія.

У евреевъ наблюдается то же явленіе, которое мы встрѣчаемъ у ихъ болѣе цивилизованныхъ сосѣдей. «Медицина у евреевъ, какъ и у большинства древнихъ народовъ, — говоритъ Готье, — долго сохраняла жреческій характеръ; врачами были исключительно левиты... У древнѣйшихъ народовъ Азіи, каковы, наприм.; индусы и персы, искусство лѣченія находилось также въ рукахъ жрецовъ».

Позднѣе эта связь начинаетъ ослабѣвать, и врачъ постепенно отдѣляется отъ священника. Такъ, мы читаемъ въ книгѣ Премудрости Іисуса, сына Сирахова: «Сынъ мой! въ болѣзни твоей не будь небреженъ, но молись Господу, и онъ исцѣлитъ тебя. Оставь грѣховную жизнь и исправь руки твои и отъ всякаго грѣха очисти сердце. Вознеси благоуханіе и изъ семидала памятную жертву, и сдѣлай приношеніе тучное, какъ бы уже умирающій. И дай мѣсто врачу, ибо и его создалъ Господь, и да не удаляется онъ отъ тебя, ибо онъ нуженъ». (Книга Премудрости XXXVIII, 9—13).

Дрэперъ приводитъ подобные же факты: «Въ талмудической литературѣ мы находимъ указанія на переходный періодъ медицины: сверхъестественное какъ бы сливается съ естественнымъ, религіозное смѣшивается съ научнымъ. Такъ, раввинъ излѣчиваетъ больныхъ чисто религіознымъ обрядомъ возложенія рукъ, и въ то же время припадки лихорадки объясняются естественною, хотя и ошибочною причиною, а параличъ заднихъ ногъ животнаго совершенно правильно приписывается давленію опухоли на спинной мозгъ».

Что касается индусовъ, исторія которыхъ представляетъ постоянную смѣну правительствъ и религій, то мы имѣемъ очень мало свѣдѣній о происхожденіи у нихъ профессіи врача. Всѣ разсказы сводятся, однако, къ тому, что медицина имѣетъ божественное происхожденіе, очевидно, черезъ посредство жреческаго сословія. Во введеніи къ «Каракѣ» говорится, что знаніе меди-

цины косвеннымъ образомъ перешло отъ Брамы къ Индрѣ. «Барадвая научился ему отъ Индры и сообщилъ его шести Риши, въ числѣ которыхъ находился Агниваза». Соединеніе медицинской профессіи съ обязанностями священника подтверждается словами Гунтера, что «національная астрономія и медицина Индіи обязаны своимъ возникновеніемъ требованіямъ національнаго культа». Это соединеніе продолжается и во времена буддизма. «Наука изучалась въ главныхъ центрахъ буддистской цивилизаціи; таковъ, напримѣръ, былъ монашескій университетъ въ Наландѣ, близъ Гайи».

У грековъ наблюдается тотъ же ходъ развитія медицинской профессіи. «Наука медицины была божественнаго происхожденія, и врачи отчасти продолжали считаться потомками Асклепія. Многія семьи или роды, называвшіеся Асклепіадами,—пишетъ Гротъ,—посвящали себя изученію и практикѣ медицины. Они жили по близости храмовъ Асклепія, къ которому больные и страждущіе прибѣгали за исцѣленіемъ, и считали этого бога не только объектомъ своего культа, но и своимъ дѣйствительнымъ родоначальникомъ». Позднѣе ихъ профессія получаетъ свѣтскій характеръ. «Связь профессіи врачей съ жречествомъ все болѣе и болѣе ослабѣваетъ. Послѣ ея окончательнаго отдѣленія, въ ней самой возникаютъ подраздѣленія, какъ въ отношеніи занятій (фармація, хирургія и т. д.), такъ и по отношенію лицъ, которыя посвящаютъ себя этимъ занятіямъ».

Въ первыя времена римской исторіи, когда не было еще отдѣльнаго медицинскаго класса, болѣзни приписывались сверхъестественнымъ причинамъ, а способъ лѣченія состоялъ въ принесеніи жертвъ. Считалось, что болѣзни посылались особымъ божествомъ, и вслѣдствіе этого приносились жертвы Фебрису, Мефитису, Оссипагѣ и Карнѣ. Одинъ изъ тибрскихъ острововъ, который имѣлъ прежде своего бога-цѣлителя, сдѣлался центромъ культа Эскулапа; этого бога призывали во времена эпидемій. И такъ, очевидно, что и въ Римѣ врачеваніе соединялось первоначально съ обязанностями священника. Но здѣсь нормальный ходъ эволюціи былъ нарушенъ посторонними вліяніями. Покоренные народы, которые славились дѣйствительнымъ или мнимымъ искусствомъ въ медицинѣ, поставляли Риму своихъ врачей, которые долгое время находились въ зависимости отъ знатныхъ домовъ. «Врачи и хирурги были, по большей части, рабами или вольноотпущенниками», говорится у Гуля и Конера. Медицинская профессія, при началѣ своего самостоятельнаго развитія, была иностраннаго происхожденія. «Въ 535 году въ Римѣ поселился великій

греческій врачъ, пелопонесецъ Архагатусъ, и пріобрѣлъ такую славу своими хирургическими операціями, что государство назначило ему отъ себя жилище и даровало право гражданства; съ этого времени врачи массами стали стекаться въ Римъ. Эта профессія— одна изъ самыхъ выгодныхъ въ Римѣ, сдѣлалась монополіей иностранцевъ» (Моммсенъ).

Въ виду полной противоположности между христіанствомъ и язычествомъ, можно бы думать, что первобытное смѣшеніе священнической и медицинской профессій исчезнетъ, какъ только христіанство окончательно утвердится. На самомъ дѣлѣ вышло не такъ. Первые христіане устраивали много госпиталей и надзоръ за ними поручался, обыкновенно, священнику; такъ, въ Александріи въ патріаршество Θеофила начальникомъ госпиталя былъ св. Исидоръ; въ Константинополѣ св. Зотикъ, а послѣ него св. Самсонъ.

По поводу замѣны языческихъ медицинскихъ учрежденій христіанскими, мы встрѣчаемъ слѣдующее замѣчаніе: «Разрушеніе школъ Асклепія не сопровождалось никакими мѣрами къ упроченію профессіональнаго образованія. Благодаря этому, суевѣрія и обманы постоянно возрастали въ теченіе слѣдующихъ вѣковъ и въ концѣ концовъ всюду распространилась вѣра въ чудодѣйственное вмѣшательство сверхъестественныхъ силъ». Правильнѣе было бы сказать, что языческія представленія о болѣзни и ея лѣченіи воскресли въ умахъ народа. По словамъ Шпренгеля, послѣ VI в. медицина находилась почти исключительно въ рукахъ монаховъ. Въ VII вѣкѣ высшее духовное начальство нашло, что занятіе медициной мѣшаетъ монахамъ исполнять ихъ религіозныя обязанности и стало запрещать имъ это занятіе; такое запрещеніе издано Латеранскимъ соборомъ 1123 года, Реймскимъ 1131 года, и новымъ Латеранскимъ 1139 года. Но, несмотря на это, обычай продолжалъ существовать еще цѣлыя столѣтія, какъ во Франціи, такъ, вѣроятно, и въ другихъ мѣстахъ. Повидимому, только съ изданіемъ папской буллы, разрѣшавшей врачамъ жениться, занятіе медициной стало понемногу переходить въ руки свѣтскихъ лицъ. По словамъ Уортона, «врачамъ парижскаго университета не было разрѣшено вступать въ бракъ вплоть до 1452 года».

Въ Англіи мы видимъ тѣ же явленія. Въ 1456 году медицина до извѣстной степени находилась еще въ рукахъ духовенства. При Генрихѣ VIII духовенство имѣло большое вліяніе на медицинскую практику, что доказывается слѣдующимъ эдиктомъ, изданнымъ въ третій годъ царствованія этого короля. «Всякому лицу, живущему въ Лондонѣ или на семь миль въ окружности, воспрещается прак-

тиковать въ качествѣ врача или хирурга безъ экзамена и разрѣшенія отъ лондонскаго епископа или декана собора св. Павла, установленнымъ порядкомъ засвидѣтельствованнаго факультетомъ; внѣ этихъ границъ—безъ разрѣшенія мѣстнаго епископа или генеральнаго викарія, которое свидѣтельствуется тѣмъ же порядкомъ».

Право присуждать медицинскіе дипломы до самаго начала XIX вѣка оставалось за архіепископомъ Кентерберійскимъ. Мы видимъ, слѣдовательно, что отдѣленіе духовнаго врача отъ тѣлеснаго, которое возникаетъ у дикихъ племенъ при переходѣ на болѣе высокую степень цивилизаціи, достигло лишь постепенно своего полнаго развитія въ христіанской Европѣ

Нѣкоторыя вѣрованія и взгляды первобытныхъ народовъ оказывали весьма долго вліяніе на медицинскую практику. Первобытный врачъ, приписывавшій причину болѣзни присутствію демона, всячески старался сдѣлать для него непріятнымъ пребываніе въ тѣлѣ человѣка; съ этой цѣлью онъ пугалъ своего паціента, причинялъ ему боль, заставлялъ его принимать разныя отвратительныя снадобья, производилъ передъ нимъ сильный шумъ, корчилъ страшныя гримасы, подвергалъ больного дѣйствію невыносимаго жара, заставлялъ нюхать самые противные запахи и глотать самыя противныя вещи, какія только можно придумать. Изъ вышеприведеннаго отрывка Экклезіаста видно, что подобные взгляды долго держались даже у полуцивилизованныхъ евреевъ. Можно привести множество примѣровъ того, что не только въ средніе вѣка, но и въ гораздо болѣе близкую къ намъ эпоху, степень дѣйствительности лѣкарства измѣрялась въ глазахъ многихъ степенью его отвратительности: чѣмъ отвратительнѣе лѣкарство, тѣмъ вѣрнѣе оно дѣйствуетъ. Монтень, подсмѣиваясь надъ врачами своего времени, увѣряетъ, что они прописываютъ больнымъ разныя снадобья, вродѣ слѣдующаго: смѣшать лѣвую ногу черепахи, испражненія слона, печень крота и толченый экскрементъ крысы. На этой же теоріи основанъ рецептъ, помѣщенный въ «Сокровищницѣ анатоміи» Викарія (1641): примите 5 ложекъ выдѣленій ребенка-идіота. Ею же объясняются многія повѣрья: напр.: «эпилепсія излѣчивается, если больной напьется воды изъ черепа убитаго или выпьетъ крови убійцы», что головная боль проходитъ, если употреблять высушенную и истолченную въ порошокъ пленку, покрывающую черепъ. Веревка или щепка отъ висѣлицы, на которой былъ повѣшенъ преступникъ, также считалась цѣлебнымъ средствомъ. Въ наше время среди необразованныхъ и неразвитыхъ людей господствуютъ тѣ же понятія. Они неразрывно соединяютъ представленіе объ отвратительномъ вкусѣ лѣкарствъ съ его цѣлеб-

нымъ свойствомъ и недовѣрчиво относятся ко всякому пріятному на вкусъ лѣкарству.

Какъ при эволюціи органической, такъ и при соціальной эволюціи со всѣми ея подраздѣленіями, вторичныя дифференціаціи всегда сопровождаютъ первоначальную. Въ то время, какъ медицина выдѣляется изъ сферы дѣятельности духовенства, въ ней самой возникаютъ подраздѣленія. Первымъ изъ нихъ было дѣленіе на врачей и хирурговъ. Процессъ этотъ шелъ различными путями и прослѣдить его особенно трудно потому, что въ послѣднее время обѣ профессіи, вмѣсто того, чтобы еще больше раздѣлиться, начали снова сливаться въ одно: Врачъ-практикъ соединяетъ въ своемъ лицѣ обѣ профессіи и лѣчитъ отъ всѣхъ обыкновенныхъ болѣзней. Многіе врачи прямо получаютъ дипломъ доктора медицины и хирургіи. Соединяясь вмѣстѣ, профессіи эти въ то же время болѣе рѣзко отдѣляются отъ другихъ подчиненныхъ имъ отраслей труда. До послѣдняго времени не только хирургъ приготовлялъ самъ необходимые ему медикаменты, но многіе врачи имѣли свои аптеки и даже лабораторіи; это обыкновеніе до сихъ поръ еще сохранилось въ нѣкоторыхъ сельскихъ мѣстностяхъ. Теперь врачи и хирурги, практикующіе вь городахъ, предоставляютъ эту часть своихъ занятій аптекарямъ и дрогистамъ.

Это кажущееся несоотвѣтствіе съ законами эволюціи исчезнетъ, если мы обратимся къ болѣе раннимъ эпохамъ. Различіе между врачемъ и хирургомъ возникаетъ не въ силу дифференціаціи—оно намѣчается уже при самомъ возникновеніи медицины. Какъ медицина, такъ и хирургія, обѣ имѣли своей задачей лѣчить болѣзни тѣла, но одна изъ нихъ занималась болѣзнями, которыя происходили отъ сверхъестественныхъ причинъ, другая же такими, которыя возникали естественнымъ путемъ—первая объясняла болѣзнь присутствіемъ въ человѣкѣ злыхъ духовъ, вторая имѣла дѣло съ поврежденіями, причиненными человѣку другими людьми, животными и неодушевленными предметами. Понятно, почему въ дошедшихъ до насъ свѣдѣніяхъ о древнихъ цивилизаціяхъ мы находимъ ясный слѣдъ различія между этими отраслями медицины. «Браминъ былъ врачемъ, но низкій ручной трудъ, который составляетъ часть этой профессіи, не могъ исполняться чистымъ браминомъ; во избѣжаніе этого затрудненія, въ ранній періодъ исторіи была образована новая каста, происшедшая отъ одного изъ потомковъ Брамы и дочери Вайшіи».

Въ Египтѣ раздѣленіе профессій существовало еще до христіанской эры. Арабы, повидимому, систематически различали медицину, хирургію и фармацію, какъ три отдѣльныя профессіи.

Что касается грековъ, то у нихъ не было подобнаго раздѣленія. «Греческій врачъ былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и хирургомъ, и онъ же занимался приготовленіемъ лѣкарствъ. Принимая въ соображеніе отрывочность тѣхъ фактовъ, которые мы имѣемъ о жизни первобытныхъ обществъ, мы легче можемъ вывести заключеніе о томъ, насколько различались между собою обѣ медицинскія профессіи въ средневѣковой Европѣ. Въ средніе вѣка центромъ всей тогдашней культуры были монастыри и монашескіе ордена, слѣдовательно, обѣ профессіи находились въ вѣдѣніи духовенства и монаховъ; значитъ, въ началѣ V вѣка хирургія не была еще отдѣльной отраслью медицины. Однако, духовныя лица воздерживались отъ занятій хирургіей и ограничивались только наблюденіемъ надъ серьезными операціями, которыя исполнялись ихъ помощниками. Причиной этого было, повидимому, то обстоятельство, что духовенству воспрещалось пролитіе крови, и такимъ образомъ оно не имѣло права дѣйствовать операціоннымъ ножомъ. По всей вѣроятности, это же обстоятельство вызвало появленіе свѣтскихъ врачей, которые получали образованіе въ монастырскихъ школахъ и потомъ поступали на службу большихъ городовъ въ качествѣ цирюльниковъ-хирурговъ. Эта дифференціація была, по всей вѣроятности, ускорена папскими эдиктами, запрещавшими духовнымъ лицамъ занятіе медициной вообще; явился компромиссъ, по которому духовныя лица сохранили право прописывать лѣкарства, но предоставили всю хирургическую практику людямъ свѣтскимъ.

Вмѣстѣ съ основной дифференціацией, ходъ которой нѣсколько затемнился въ силу указанныхъ причинъ, внутри каждаго подраздѣленія появляются новыя дифференціаціи. Нѣкоторыя изъ нихъ возникаютъ и обозначаются на самыхъ раннихъ ступеняхъ развитія. Въ древней Индіи «цѣлая спеціальная отрасль медицины была посвящена ринопластикѣ, которая занималась исправленіемъ обезображенныхъ ушей и носовъ и придѣлываніемъ новыхъ». Существованіе подобной спеціализаціи подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что «въ сочиненіяхъ древнихъ хирурговъ описано не менѣе ста двадцати семи хирургическихъ инструментовъ». Въ санскритскій періодъ «число медицинскихъ сочиненій и авторовъ было чрезвычайно велико. Первыя были посвящены изложенію системъ, охватывающихъ всю область науки, или спеціальнымъ изслѣдованіямъ по отдѣльнымъ вопросамъ».

Тѣ же явленія встрѣчаемъ мы и въ древнемъ Египтѣ. Вотъ что говоритъ объ этомъ Геродотъ: «Медицина раздѣляется у нихъ на отдѣльныя отрасли; каждый врачъ лѣчитъ только одну какую-либо болѣзнь и не касается остальныхъ; такимъ образомъ,

въ странѣ существуетъ множество врачей, одни лѣчатъ болѣзни глазъ, другіе—болѣзни головы, зубовъ, внутренностей, третьи—болѣзни, не имѣющія опредѣленнаго мѣста».

У грековъ очень долго не существовало раздѣленій между медициной и хирургіей, но впослѣдствіи «искусство лѣченія распалось на отдѣльныя отрасли, появились окулисты, дантисты и т. п.». Средніе вѣка даютъ въ этомъ отношеніи лишь отрывочныя свѣдѣнія, но за то наша эпоха представляетъ очевидныя доказательства того, что процессъ раздѣленія труда между медиками сильно подвинулся впередъ. Въ настоящее время мы имѣемъ, напримѣръ, врачей, которые лѣчатъ почти исключительно болѣзни легкихъ, другіе—болѣзни сердца, третьи—разстройства нервной системы или пищеваренія, четвертые—накожныя болѣзни и т. п. У насъ существуютъ госпитали, куда принимаются больные только съ какимъ-нибудь опредѣленнымъ видомъ болѣзни. То же самое можно сказать и о хирургахъ. Кромѣ окулистовъ и отіатровъ, есть знаменитые операторы мочевого пузыря, прямой кишки или яичниковъ; нѣкоторые хирурги славятся искусствомъ лѣчить переломы и вывихи; я не говорю уже о, такъ называемыхъ, костоправахъ, которые часто пользуются даже большимъ успѣхомъ, чѣмъ лица, оффиціально принадлежащія къ профессіи.

Согласно съ нормальнымъ ходомъ эволюціи, дифференціація сопровождается, въ свою очередь, интеграціей. Уже съ самаго начала обнаруживается стремленіе къ объединенію лицъ, занимающихся медициной. Возникаютъ учрежденія, гдѣ они сообща обучаются своему искусству—появляются ассоціаціи всѣхъ лицъ, занимающихся медициной. Въ Александріи «храмъ Сераписа служилъ госпиталемъ, куда принимались больные; туда былъ открытъ доступъ лицамъ, занимающимся медициной, чтобы они могли на практикѣ изучать болѣзни, совершенно такъ же, какъ это дѣлается теперь въ подобныхъ учрежденіяхъ».

Въ Римѣ, съ установленіемъ культа Эскулапа, наука стала преподаваться въ храмахъ, посвященныхъ этому богу. Вь началѣ среднихъ вѣковъ медицинская наука развивалась въ монастыряхъ—этихъ центрахъ тогдашней образованности, подобно тому, какъ въ наше время она сосредоточивается въ университетахъ. Позднѣе въ Италіи возникли учрежденія для подготовленія врачей, какъ, напр., Салернская медицинская школа въ 1140 г. Во Франціи въ концѣ XIII в. корпорація хирурговъ имѣла свою собственную коллегію по примѣру медицинскихъ факультетовъ. Послѣ этой интеграціи хирурги исключили изъ своей среды цирульниковъ, которымъ было воспрещено совершать операціи и

оставлено только право перевязывать раны. Въ Англіи постепенно происходила такая же группировка. Лондонскіе цирульники-хирурги ввели у себя корпоративное устройство при Эдуардѣ IV. Въ XV в. была основана медицинская школа. «Она получила право выдавать дипломы врачамъ,—право, принадлежавшее раньше епископу». Въ царствованіе Карла I въ Лондонѣ и на 7 миль въ окружности запрещено было заниматься хирургіей лицамъ, которыя не выдержали экзаменъ при корпораціи цирульниковъ и хирурговъ. Указомъ Георга II изъ корпораціи были исключены хирурги и основана королевская коллегія хирурговъ. Такимъ образомъ, въ эту эпоху интеграція сдѣлала значительные успѣхи. Въ то же самое время въ различныхъ мѣстахъ основывались медицинскія школы для подготовленія къ испытанію въ подобныхъ медицинскихъ корпораціяхъ, а это, въ свою очередь, способствовало успѣхамъ интеграціи. Госпитали, разсѣянные по всему королевству, сдѣлались разсадниками клиническаго изученія болѣзней, причемъ нѣкоторые существовали при коллегіяхъ, другіе отдѣльно. Новымъ средствомъ интеграціи явились медицинскіе журналы, выходящіе то еженедѣльно, то ежемѣсячно. Они способствуютъ взаимному общенію медицинскихъ образовательныхъ учрежденій, корпорацій и вообще всѣхъ лицъ, принадлежащихъ къ профессіи.

Прежде чѣмъ кончить эту главу, отмѣтимъ еще два факта. Одинъ изъ нихъ есть фактъ дифференціаціи: нѣкоторые профессора анатоміи и физіологіи стали заниматься біологіей. Изученіе человѣческой жизни привело ихъ къ изученію жизни вообще. И замѣчательно, что эта спеціальность, не имѣющая, повидимому, никакого отношенія къ медицинской профессіи, на самомъ дѣлѣ, расширяя пониманіе жизни человѣка, содѣйствуетъ успѣхамъ медицины. Другой фактъ заключается въ томъ, что какъ только оффиціально признанные медики соединились въ корпорацію, у нихъ явилась вражда къ медикамъ, стоящимъ внѣ корпораціи. Они преслѣдуютъ, какъ еретиковъ, всѣхъ лицъ, осмѣливающихся лѣчить безъ надлежащаго диплома, всѣхъ химиковъ и дрогистовъ, отпускающихъ лѣкарства безъ рецепта врача. Это доказываетъ тенденцію профессіи — достигнуть еще болѣе рѣзко опредѣленной интеграціи.

Изъ «Popular Science Monthly». **Гербертъ Спенсеръ.**

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

День за днемъ ускользаетъ песмѣло,
Ночи стелютъ свой черный покровъ.
Снова полночь нѣмая приспѣла,
Слышенъ бой колокольныхъ часовъ.

Гулкій звукъ разростается, стонетъ,
Заунывнымъ призывомъ звучитъ,
И въ застывшемъ безмолвіи тонетъ,—
И пустынная полночь молчитъ.

Мѣдный говоръ такъ долго тянулся,
Что, казалось, не будетъ конца,—
И какъ будто вдали улыбнулся
Милый очеркъ родного лица.

И забылся весь ужасъ изгнанья,
Засвѣтился родимый очагъ,
Но мгновенно настало молчанье,
Неоглядный раскинулся мракъ.

Дверь открылась—и снова замкнулась,
Лучъ блеснулъ—и его не видать.
И безсильно въ груди шевельнулось
То, чему не бывать, не бывать.

К. Бальмонтъ.

СЭРЪ ДЖОРЖЪ ТРЕССЕДИ.

Романъ Гемпфри Уордъ.

Переводъ съ англійскаго А. Анненской.

I.

— Ну, все кончено, слава Богу!

Молодой человѣкъ, проговорившій эти слова, откинулся отъ окна кареты, но не сѣлъ спокойно на мѣсто, а быстро повернулся, приподнялъ подушечку, закрывавшую заднее окошко ландо, привсталъ, чтобы удобнѣе смотрѣть сквозь него, и при этомъ оперся рукой о плечо своего спутника. Пока лошади быстро уносили ихъ впередъ, онъ увидѣлъ черезъ окошечко на широкой улицѣ Маркетъ Мальфорда, толпу, продолжавшую кричать и махать шляпами, отблескъ полудюжины факеловъ на лицахъ и движущихся фигурахъ, закрытые магазины на обѣихъ сторонахъ улицы, неправильныя очертанія крышъ и трубъ, рисовавшихся на зимнемъ небѣ, и вдали маленькій фонарь на башнѣ новой ратуши.

— Я удивляюсь, что лошади не взбѣсились,—сказалъ его спутникъ.—Гнѣдая кобыла ужъ начала горячиться. Хорошо, что мы велѣли поднять верхъ, становится очень холодно. Не лучше-ли вамъ сѣсть?

И лордъ Фонтеной сдѣлалъ движеніе, какъ бы желая сбросить руку съ своего плеча.

Тотъ, кому принадлежала эта рука, бросился на свое мѣсто, пробормотавъ какое-то извиненіе, снялъ шляпу и вздохнулъ съ видомъ утомленія. Въ ту же секунду выраженіе разочарованія смѣнило улыбку, съ которою онъ бросалъ послѣдній взглядъ на толпу.

— Все отлично! Но, знаете, чего хочется послѣ всей этой исторіи: нравственной ванны! Сколько лжи наговорилъ я за послѣднія три недѣли, сколько всякой ерунды! Я положительно чувствую себя грязнымъ! Хуже всего то, что сколько вы послѣ ни чистите свою душу, нѣчто на ней останется!

Онъ взялъ папиросу слегка дрожащей рукой и закурилъ ее у своего сосѣда. У того было худощавое, длинное лицо и очень красивые волоса; на видъ онъ казался лѣтъ на 10 старше своего собесѣдника.

— Конечно, останется,—отвѣчалъ этотъ послѣдній.—Теперь всѣ очень слѣдятъ за тѣмъ, чтобы депутаты исполняли обѣщанія, которыя даютъ на выборахъ. Я не слыхалъ никакой ерунды. Вообще, насколько мнѣ извѣстно, наша партія ерунды не говоритъ, мы это предоставляемъ министерству!

Сэръ Джоржъ Тресседи,—такъ звали младшаго собесѣдника,—пожалъ плечами. Губы его все еще дрожали подъ вліянемъ нервнаго возбужденія. Но когда карета покатилась вдоль темныхъ заборовъ и фонари ея стали освѣщать мокрыя, но, не смотря на ноябрь, еще зеленыя вѣтви деревьевъ, къ нему понемногу возвратилось полуциническое самообладаніе. Результатъ выборовъ округа Маркетъ Мальфордъ, въ Западной Мерсіи, былъ объявленъ въ этотъ день въ третьемъ часу послѣ жаркой выборной борьбы; въ качествѣ кандидата, одержавшаго побѣду, хотя весьма слабымъ большинствомъ, онъ съ балкона отеля «Сѣрой Собаки» говорилъ рѣчь шумѣвшей толпѣ, прошелъ черезъ обычную церемонію выпряганья лошадей и торжественной ѣзды на людяхъ по улицамъ города и теперь возвращался съ своимъ помощникомъ и предводителемъ партіи, лордомъ Фонтеной, въ большой торійскій домъ, изъ котораго ихъ провожали сегодня утромъ и гдѣ была главная штабъ-квартира Тресседи въ теченіе выборной кампаніи.

— Видали-ли вы кого-нибудь до того разстроеннымъ, какъ Берроусъ?—спросилъ онъ съ легкимъ смѣхомъ. — Клянусь св. Георгомъ, непріятное положеніе! Онъ навѣрно считалъ свое дѣло выиграннымъ! Онъ такъ много сдѣлалъ для округа, онъ пользуется вліяніемъ на рудокоповъ. Вдругъ является какой-то проклятый незнакомецъ, и семнадцать шальныхъ голосовъ все перевертываютъ! Онъ едва могъ заставить себя пожать мнѣ руку. Мнѣ такъ онъ очень понравился, а вамъ какъ?

Лордъ Фонтеной кивнулъ головой.

— Судя по его рѣчамъ, это умный человѣкъ,—замѣтилъ онъ равнодушно, — но такого рода умы слѣдуетъ держать подальше отъ парламента, вотъ и все. Мнѣ жаль, что вы чувствуете нѣкоторое угрызеніе совѣсти, совершенно излишнее въ данномъ случаѣ, увѣряю васъ. Въ настоящее время или Берроусъ и подобные ему должны быть побиты, или вы и вамъ подобные. На этотъ разъ побитъ Берроусъ, хотя только 17 голосами, и я говорю, слава Богу! — Онъ опустилъ на минуту окно и выбросилъ окурокъ.

Тресседи ничего не отвѣчалъ. Но снова выраженіе полу-печальное, полу-задумчивое нагнало морщины на его гладкій, бѣлый, почти юношескій лобъ, окаймленный прядями густыхъ красивыхъ волосъ; остальная часть лица его казалась сильно загорѣлой, точно вслѣдствіе путешествій или жизни на открытомъ воздухѣ. Носъ и ротъ, хотя не красивые, были не велики и тонко очерчены, а длинный, острый, слегка выдавшійся подбородокъ, заставлялъ его враговъ утверждать, что онъ похожъ на тѣ безчисленные портреты Филипа IV Веласкеза и подражателей Веласкеза, которые наполняютъ всѣ галлереи Европы. Можетъ быть, въ его подбородкѣ и было нѣчто Гагсбургское, но, несомнѣнно, вся остальная физіономія его, дышавшая умомъ и живостью, была вполнѣ современной.

Собесѣдники замолчали; карета катилась по холмистой мѣстности, слабо освѣщенной звѣздами. Тамъ и сямъ возвышались земляныя насыпи съ высокими трубами и зданіями, тѣснившимися на нихъ или около нихъ; очевидно, они въѣзжали въ районъ угольныхъ копей; огоньки, мерцавшіе низко надъ землей, показывали, что эта мѣстность густо населена.

Вдругъ карета въѣхала въ деревню и Тресседи выглянулъ изъ окна.

— Смотрите-ка, Фонтеной, какая толпа! Вы думаете, они уже знаютъ? Что это значитъ! Грегсонъ повезъ насъ по другой дорогѣ!

Лордъ Фонтеной опустилъ окно и узналъ маленькую деревеньку углекоповъ Баттаджъ.

— Зачѣмъ вы повезли насъ этой дорогой, Грегсонъ?—спросилъ онъ у кучера.

Кучеръ, лондонецъ, повернулся и сказалъ тихимъ голосомъ:

— Я побоялся ѣхать черезъ Марраби, милордъ; я думалъ, что тамъ народъ волнуется; теперь я вижу, что и здѣсь неспокойно.

Дѣйствительно, ему пришлось остановить лошадей. По всей деревенской улицѣ съ одного конца до другого толпились рудокопы, только-что вернувшіеся съ работы. Фонтеной сразу замѣтилъ, что результатъ выборовъ здѣсь извѣстенъ. Люди стояли большими толпами, разсуждали и спорили, видимо сильно возбужденные; замѣтивъ хорошо извѣстную имъ ливрею кучера, они бросились къ каретѣ новаго депутата. Нѣкоторые изъ рабочихъ уже разошлись по домамъ; услышавъ шумъ колесъ и говоръ, они снова выскочили на улицу. Поднялся ревъ, крики, брань, и карета была окружена разъяренною толпою.

— Убирайтесь вонъ, жирные паразиты, вонъ!—кричалъ какой-

то молодой парень, хватаясь за ручку дверецъ съ того бока, гдѣ сидѣлъ лордъ Фонтеной.—Мы скоро расправимся со всѣми вами! Кто васъ просилъ соваться къ намъ въ Мальфордъ, чортъ васъ подери!

— Намъ не надо такихъ депутатовъ, какъ вы!—кричалъ другой, тыкая пальцемъ на Тресседи.—Смотрите на него! онъ даже ходить не можетъ! его тащатъ въ каретѣ, несчастнаго калѣку! Работали вы когда-нибудь, въ жизни хоть одинъ день, а? Вонъ какія у меня руки! Это руки честнаго человѣка! Правда, братцы?

Въ толпѣ раздался одобрительный смѣхъ, поднялся цѣлый лѣсъ махавшихъ рукъ, выставлявшихъ на видъ свои мозоли.

Джоржъ спокойно опустилъ окно кареты и выставилъ голову. Онъ бросилъ нѣсколько шутливыхъ замѣчаній людямъ, стоявшимъ подлѣ экипажа; двое или трое отвѣтили ему. Но большинство лицъ сохраняло сердитое, угрожающее выраженіе, и лошадей тѣснили со всѣхъ сторонъ.

— Поѣзжайте, Грегсонъ,—приказалъ Фонтеной, высовываясь изъ окна.

— Если меня пустятъ, милордъ,—отвѣчалъ Грегсонъ, блѣдный отъ страха, поднимая кнутъ.

Лошади рванулись впередъ, въ толпѣ раздался крикъ, три или четыре человѣка, стоявшіе передъ лошадьми, были отброшены прочь, но вдругъ послышались восклицанія другого рода.

— Берроусъ! Берроусъ ѣдетъ! Да здраствуетъ Берроусъ!

Нѣсколько позади ихъ, около поворота улицы, Тресседи увидѣлъ приближавшуюся телѣжку, въ которой сидѣли два человѣка. Ее сразу окружила шумная толпа, и одинъ изъ сидѣвшихъ въ ней пожималъ руки направо и налѣво.

Джоржъ, смѣясь, спряталъ голову въ карету.

— Какая драматическая сцена! Они остановили нашихъ лошадей и вдругъ является Берроусъ! — Фонтеной пожалъ плечами. — Надѣюсь, теперь они насъ пропустятъ. Берроусъ усмиритъ ихъ.

— Что ты тамъ такое бармочешь, провалъ тебя возьми!—закричалъ какой-то рослый человѣкъ, вскакивая на подножку кареты и потрясая чернымъ кулакомъ передъ самымъ лицемъ.—Для чего ты сунулся, куда тебя не спрашивали? Намъ *его* нужно было, мы для него старались. Здѣсь округъ рабочихъ, мы *вправѣ* выбирать своего человѣка. Слышишь, что ли?

— Вамъ бы надобно было набрать для него лишнихъ 17 голосовъ,—спокойно проговорилъ Джоржъ, засунувъ руки въ карманы.—Вѣдь это все равно, что война; въ слѣдующій разъ, можетъ

быть, вы побѣдите. Послушайте, скажите вашимъ товарищамъ, чтобы они пропустили насъ. Мы сегодня рано выѣхали изъ дому и очень хотимъ ѣсть. Ахъ, обратился онъ къ Фонтеною, — вотъ и Берроусъ пріѣхалъ!

Фонтеной повернулся и увидѣлъ, что телѣжка стоитъ рядомъ съ ихъ экипажемъ и что одинъ изъ ѣхавшихъ въ ней стоитъ на подножкѣ и держится за ея бочокъ.

Это былъ высокій, стройный человѣкъ; онъ заглянулъ въ карету и на Тресседи, высовывавшагося изъ окна, и въ эту минуту свѣтъ уличнаго фонаря освѣтилъ его красивое лицо, блѣдное отъ усталости и волненія.

— Теперь, друзья мои,—сказалъ онъ, поднимая руки и обращаясь къ толпѣ,—пустите сэра Джоржа обѣдать домой. Онъ насъ побѣдилъ, но, насколько мнѣ извѣстно, онъ боролся честно, я не говорю о томъ, что дѣлали нѣкоторые его друзья. Я ѣду домой поѣсть чего-нибудь и выспаться. Я страшно усталъ. Но если кто-нибудь изъ васъ зайдетъ въ клубъ, часовъ въ 8, мы тамъ поговоримъ о сегодняшнихъ выборахъ. А теперь, прощайте, сэръ Джоржъ. Въ другой разъ мы васъ побѣдимъ, будьте увѣрены. Отойдите, братцы, пропустите!

Эти послѣднія слова относились къ людямъ, державшимъ лошадей. И они, и вся толпа сразу послушались его.

Карета поѣхала дальше, сопровождаемая бранью и насмѣшками всей деревни, мужчинъ, женщинъ, дѣтей, высыпавшихъ на улицу.

— Должно быть, этотъ Грегсонъ недавно здѣсь, — досадливо проговорилъ Фонтеной, когда они выѣхали изъ деревни.—Вѣрно Уаттоны только-что взяли его; съ какой стати онъ вмѣсто Марраби поѣхалъ на Баттаджъ.

— Развѣ Баттаджъ въ какихъ-нибудь особенныхъ отношеніяхъ съ Берроусомъ? Я что-то забылъ.

— Конечно. Онъ былъ нѣсколько лѣтъ вѣсовщикомъ на шахтѣ Акме, а потомъ они его сдѣлали секретаремъ рабочаго союза здѣшняго округа.

— Такъ вотъ отчего они устроили мнѣ такую горячую встрѣчу двѣ недѣли тому назадъ! Помню теперь! Когда много дѣлъ въ головѣ, поневолѣ что-нибудь забудешь. Да, надобно сознаться, этотъ Берроусъ задастъ намъ съ вами не мало работы!

Тресседи откинулся въ уголъ и зѣвнулъ. Фонтеной засмѣялся.

— На будущій годъ будетъ опять большая стачка,—сказалъ онъ сурово, — стачка должна быть, на сколько я понимаю дѣло. Тогда Берроусъ всѣмъ намъ задастъ работу!

— Пусть себѣ,—равнодушно проговорилъ Тресседи, надвигая

шляпу на глаза. — Мнѣ все равно, кто меня побѣдитъ на будущихъ выборахъ, Берроусъ или кто другой, только бы мнѣ теперь дали поспать.

Однако, оказалось, что ему не такъ легко уснуть. Его пульсъ все еще сильно бился вслѣдствіе волненій цѣлаго дня и возбужденія только-что пережитой сцены. Передъ нимъ мелькали разныя событія послѣдняго полугода его жизни, разныя сцены во время выборной кампаніи и разныя сцены другого рода, разыгрывавшіяся въ томъ деревенскомъ домѣ, куда возвращался и онъ, и Фонтеной.

Но онъ старался притворяться спящимъ. Ему хотѣлось только одного, чтобы Фонтеной не говорилъ съ нимъ. Но отъ Фонтеноя не легко было избавиться: какъ только Джоржъ сдѣлалъ первое безпокойное движеніе подъ пледомъ, который натянулъ на себя, такъ его сосѣдъ прервалъ молчаніе.

— Скажите кстати, какъ вамъ понравилась моя записка о биллѣ Максвеля?

Джоржъ безпокойно задвигался и что-то пробормоталъ. Фонтеной, ни мало не смущаясь, началъ длинное разсужденіе о какихъ-то частностяхъ фабричнаго закона и говорилъ такимъ однообразнымъ тономъ, что Тресседи чувствовалъ безконечную скуку.

Онъ минуты двѣ глядѣлъ на говорившаго полузакрытыми глазами. Такъ вотъ предводитель его партіи, человѣкъ, который сдѣлалъ его депутатомъ Маркетъ Мальфорда.

Восемь лѣтъ тому назадъ, когда Джоржъ Тресседи поступилъ въ коллегію Кристчёрчъ, онъ нашелъ, что это заведеніе, гдѣ ученыя занятія процвѣтали весьма умѣренно, было полно воспоминаніями о «Дикѣ Фонтеноѣ». И какими воспоминаніями, Господи, Боже мой! Впослѣдствіи на всякихъ скачкахъ, большихъ и малыхъ, въ разныхъ клубахъ, въ театрахъ, на всякихъ общественныхъ увеселеніяхъ юноша имѣлъ возможность наблюдать своего старшаго собрата и часто восхищаться имъ. Самъ онъ не имѣлъ желанія идти по стопамъ Фонтеноя. У него былъ другой характеръ и онъ пошелъ другой дорогой. Но онъ видѣлъ что-то оригинальное въ той беззавѣтности или, лучше сказать, въ томъ упорствѣ, съ какимъ Фонтеной принялся за собственное раззореніе, и эта оригинальность увлекала его воображеніе. Года три съ половиной тому назадъ, когда Тресседи въ послѣдній разъ видѣлъ Фонтеноя передъ началомъ своего большаго путешествія на востокъ, онъ недоумѣвалъ, что случится съ «Дики» во время его отсутствія. Старшіе сыновья перовъ, обыкновенно, не попадаютъ въ рабочіе дома; но существуютъ нѣкоторыя аристократи-

ческіе суррогаты этихъ домовъ, весьма мало пріятные, и Джоржъ былъ увѣренъ, что Фонтеною не избѣжать ихъ.

А теперь — не прошло еще и четырехъ лѣтъ!—и вотъ Дики Фонтеной сидитъ и разсуждаетъ о скучныхъ статьяхъ чисто техническаго закона, горло его охрипло отъ рѣчей, произнесенныхъ за послѣднія три недѣли, глаза стали впалыми вслѣдствіе тревогъ и усиленной работы; онъ создатель и предводитель политической партіи, которая не существовала, когда Тресседи уѣзжалъ изъ Англіи, а теперь надѣется добиться власти. Какая странная перемѣна и судьбы, и характера! Тресседи задумался надъ ними въ полуснѣ; но усталость многихъ дней взяла свое. Даже собесѣдникъ его былъ принужденъ признать, что онъ неподходящій слушатель. Лордъ Фонтеной пересталъ говорить, но когда, всякій разъ, вслѣдствіе толчка кареты, Джоржъ открывалъ глаза, онъ видѣлъ рядомъ съ собою широкоплечую фигуру, сидящую все въ той же позѣ, прямую и неутомимую, все съ тѣмъ же недовольнымъ, полупрезрительнымъ выраженіемъ губъ и глазъ.

— Ну, выходите, Тресседи! Мы пріѣхали! — Эти слова Фонтеной произнесъ съ какимъ-то злобнымъ раздраженіемъ. Теперь онъ отрицалъ отдыхъ для себя, не любилъ видѣть, когда и другіе предавались ему. Джоржъ, въ послѣднюю минуту крѣпко уснувшій, вздрогнулъ, вскочилъ на ноги и сталъ хвататься за пледы и свертки, лежавшія въ каретѣ.

Карета стояла подъ колонадой Мальфордъ-гоуза и сквозь большія двери дома, открытыя на внутреннюю мраморную лѣстницу, лились цѣлые потоки свѣта. Джоржъ, выйдя изъ экипажа, окончательно проснулся и передалъ слугѣ вещи, которыя держалъ въ рукахъ; въ эту минуту въ домѣ поднялся сильный шумъ. Цѣлая толпа мужчинъ и женщинъ, мужчинъ, привѣтствовавшихъ его криками, женщинъ, рукоплескавшихъ и смѣявшихся—сбѣжала къ нему съ лѣстницы. Его окружили, обнимали, хлопали по спинѣ, и, наконецъ, торжественно ввели въ домъ.

— Ведите его, — кричалъ радостный голосъ,— и пожалуйста отойдите, дайте его матери подойти къ нему.

Смѣющаяся толпа отступила, и Джоржъ, щурясь отъ свѣта, радостный и сконфуженный, очутился въ объятіяхъ необыкновенно оживленной и моложавой дамы съ бѣлокурыми локончиками, съ фигурой и лицомъ семнадцатилѣтней дѣвушки.

— Ахъ ты мой дорогой, большой, глупый мальчикъ! — говорила леди тоненькимъ голоскомъ и съ увлеченіемъ тоже 17 лѣтъ.— Ты выбранъ, ты добился-таки! Ну, если бы ты не былъ выбранъ, я бы такъ разсердилась, что не стала бы говорить съ

тобой. А я знаю, это бы тебя огорчило, ты вѣдь любишь свою маму! Господи, какой онъ холодный!

И она снова набросилась на него, осыпала его маленькими отрывистыми поцѣлуями, на минуту отходила, чтобы полюбоваться имъ, и затѣмъ съ новымъ восторгомъ бросалась къ нему; наконецъ, терпѣніе Джоржа лопнуло и онъ удержалъ ее сильной рукой.

— Ну, мама, довольно... А что, наши давно пріѣхали?—спросилъ онъ у улыбающагося молодого человѣка, стоявшаго, заложивъ руки въ карманы, подлѣ героя дня и съ интересомъ слѣдившаго за всѣмъ происходившимъ.

— Съ полчаса тому назадъ. Они говорили, что вамъ трудно пробраться сквозь толпу. Мы не ожидали, что вы такъ рано пріѣдете.

— А что головная боль миссъ Сьювель? Она знаетъ обо мнѣ?

Выраженіе глазъ молодого человѣка, глядѣвшаго на Тресседи, слегка измѣнилось.

— О да, она знаетъ, — отвѣчалъ онъ. — Какъ только наши пріѣхали, миссисъ Уаттонъ пошла и сказала ей. Она не выходила къ завтраку.

— Миссисъ Уаттонъ пришла и сказала *мнѣ*, гадкій человѣкъ! — вскричала леди, которую Джоржъ называлъ мамой, хлопая говорившаго вѣеромъ по рукѣ. — Мать всегда должна быть на первомъ планѣ, помните это, особенно, когда она такая калѣка, какъ я, и не можетъ ѣхать собственными глазами видѣть торжество своего дорогого любимца. Я все разсказала миссъ Сьювель.

Она наклонила голову на бокъ и лукаво глядѣла на сына. Ея нарядное платье — произведеніе извѣстнаго парижскаго мастера—было такъ сшито, что открывало болѣе, чѣмъ слѣдовало, шею, на которой красовалась нитка крупнаго жемчуга. Поясъ empire обрисовывалъ ея изящную талію; вся фигура ея дѣлала большую честь ея горничной и, надо сознаться, ея годамъ. Джоржъ слегка покраснѣлъ при словахъ матери и хотѣлъ отойти отъ нея, но его захватилъ хозяинъ дома, сквайръ Уаттонъ, краснорѣчивый и добродушный старый джентльменъ, который порядочно надоѣлъ ему въ ратушѣ своими рукопожатіями и поздравленіями, а теперь готовился снова повторить ихъ. Леди Тресседи присоединилась къ нему съ своими восторгами, прочіе гости дома собрались вокругъ нихъ, и герой дня еще разъ скрылся изъ виду среди всей этой кричащей и смѣющейся толпы, по крайней мѣрѣ изъ вида молодого человѣка, который нѣсколько отошелъ отъ остальныхъ.

— Желалъ бы я знать, когда она соизволитъ сойти внизъ,— говорилъ онъ самому себѣ, задумчиво разсматривая свои сапоги. — Конечно, она изъ пустого каприза не поѣхала въ Мальфордъ, она 'хотѣла сдѣлать на зло.

— Пожалуйста, пустите меня погрѣться,—сказалъ, наконецъ, Тресседи, освобождаясь отъ своихъ мучителей и подходя къ топившемуся камину, около котораго стоялъ молодой человѣкъ. — Куда дѣлся Фонтеной?

— Онъ выпилъ чашку чаю и тотчасъ же пошелъ писать письма, — отвѣчалъ молодой человѣкъ, котораго звали Байль; — онъ и Маркса взялъ съ собой. (Марксъ былъ частнымъ секретаремъ лорда Фонтеноя). Джоржъ Тресседи съ неудовольствіемъ махнулъ рукой.

— Это нелѣпо. Онъ не даетъ себѣ ни часу отдыха. Если онъ воображаетъ, что я стану такъ же мучиться, какъ онъ, онъ скоро пожалѣетъ, что помогъ мнѣ вступить въ парламентъ. Я весь промерзъ и усталъ, какъ собака. Я пойду и возьму горячую ванну передъ обѣдомъ.

Но онъ не уходилъ, а продолжалъ грѣть руки передъ огнемъ и поглядывать на галлерею, которая окружала большую залу. Байль что-то болталъ о разныхъ инцидентахъ выборовъ, Джоржъ отвѣчалъ ему наудачу. Онъ, дѣйствительно, казался усталымъ, лицо его выражало безпокойство и неудовольствіе,

Но вотъ въ группѣ молодыхъ людей и дѣвушекъ, стоявшихъ среди залы, раздалось восклицаніе:

— А, вотъ и Летти! Свѣжа, какъ роза!

Джоржъ быстро повернулся. Байль замѣтилъ, что онъ выпрямился и въ глазахъ его блеснулъ огонь.

Молодая дѣвушка медленно спускалась по большой лѣстницѣ, которая вела въ залу. На ней было надѣто мягкое черное платье съ голубымъ поясомъ и голубая ленточка на шеѣ; во всемъ костюмѣ было что-то дѣтское, что очень шло къ ея округленнымъ формамъ, ея вьющимся волосамъ и ея ручкѣ, скользившей по мраморнымъ периламъ. Она спускалась молча, улыбаясь, медленно ступая съ одной ступеньки на другую, не обращая вниманія на полунасмѣшливыя, полудружескія привѣтствія общества. Ея блестящіе глаза перебѣгали съ одного лица на другое, отъ смѣющейся компаніи, стоявшей около лѣстницы, къ Тресседи, не отходившему отъ огня.

Въ ту минуту, когда она ступила на послѣднюю ступеньку, Тресседи счелъ нужнымъ подбросить въ огонь еще полѣно, хотя печка была биткомъ набита.

Миссъ Сьювель направилась прямо къ новому члену парламента и протянула ему руку.

— Я очень рада, сэръ Джоржъ; позвольте мнѣ поздравить васъ.

Джоржъ положилъ полѣно и съ сомнѣніемъ посмотрѣлъ на свои руки.

— Мнѣ очень жаль, миссъ Сьювель, но до меня неудобно дотрогиваться. Надѣюсь, вашей головѣ лучше.

Миссъ Сьювель кротко опустила руку, бросила на него взглядъ, который нельзя было назвать кроткимъ, и спокойно отвѣчала:

— О, моя голова слушается меня. Видите, я захотѣла васъ поздравить, и пришла.

— Вижу,—отвѣчалъ онъ съ легкимъ поклономъ.—Надѣюсь, когда я заболѣю, мои болѣзни будутъ такъ же послушны. Вамъ разсказала мать?

— Мнѣ не надо было никакихъ разсказовъ,—все такъ же спокойно отвѣчала она.—Я знала, что все кончится хорошо.

— Значитъ, вы знали то, чего, кромѣ Бога, никто не зналъ.—Я прошелъ всего 17-ю голосами.

— Да, я слышала. Я очень пожалѣла Берроуса.

Она поставила ногу на каминную рѣшетку, приподняла одной рукой платье, а другою слегка облокотилась на доску камина. Вся поза ея была въ высшей степени граціозна, и тонкій пѣвучій голосъ ея, какъ нельзя болѣе, подходилъ къ складу ея ротика, повидимому, всегда готоваго смѣяться, но рѣдко смѣявшагося искренно.

На ея замѣчаніе по поводу Берроуса, Тресседи улыбнулся.

— Мой пророческій духъ не обманулъ меня,—сказалъ онъ,—я зналъ, что вы будете жалѣть Берроуса.

— Да, конечно. Развѣ же это не тяжело для него. Вѣдь, вы не станете отрицать, что вамъ хорошо подготовили дорожку?

— Конечно, нѣтъ, я этимъ горжусь.

Онъ окинулъ взглядомъ комнату. Остальная часть общества, смѣясь и перешептываясь, отошла отъ нихъ. Нѣкоторые люди уже пошли одѣваться. Мужчины отправились въ маленькую библіотеку и курильную комнату, дверь которой выходила въ залу. Сквайръ, усѣвшись въ спокойное кресло, погрузился въ чтеніе мѣстной газеты и послѣднихъ извѣстій о выборахъ.

Довольный своимъ осмотромъ, Тресседи заложилъ руки въ карманы и прислонился къ камину съ тѣмъ, чтобы не терять изъ виду ни малѣйшаго движенія миссъ Сьювель.

— Вы всегда оказываете своимъ друзьмъ такъ же мало сим-

патіи, какъ мнѣ въ этомъ дѣлѣ, миссъ Сьювель?—спросилъ онъ, когда глаза ихъ встрѣтились.

Она сдѣлала маленькую гримаску.

— Какъ! я была добра, какъ ангелъ! — сказала она, толкая ногою высунувшееся полѣно.

Джоржъ засмѣялся.

— Очевидно, наши понятія объ ангелахъ такъ же различны, какъ и всѣ остальныя. Отчего вы не пріѣхали и не присутствовали на баллотировкѣ, вѣдь, вы мнѣ обѣщали?

— У меня болѣла голова, сэръ Джоржъ.

Онъ отвѣтилъ легкимъ поклономъ, какъ будто оффиціально признавая приведенную ею причину.

— А позвольте спросить, въ которомъ часу началась ваша головная боль?

— Дайте вспомнить,—засмѣялась она;—кажется, тотчасъ послѣ завтрака.

— Да, если память мнѣ не измѣняетъ,—она началась сразу послѣ нѣкоторыхъ моихъ замѣчаній о капитанѣ Аддисонѣ?

Онъ смотрѣлъ прямо передъ собой съ безучастнымъ видомъ.

— Да,—задумчиво проговорила Летти,—это было странное совпаденіе, не правда-ли?

Съ минуту они оба молчали. Затѣмъ, она разсмѣялась самымъ заразительнымъ смѣхомъ.

— Знаете ли,—сказала она, положивъ руку ему на плечо,— знаете ли, что вы пренесносный и пренеразумный человѣкъ? Мы съ вами отлично ладили, всю недѣлю вмѣстѣ веселились, и вдругъ вы вздумали дѣлать невѣжливыя замѣчанія о моихъ друзьяхъ, да еще при всѣхъ! Вы, пожалуй, готовы совѣтовать тетушкѣ Уаттонъ, какъ ей держать меня въ рукахъ! Вы мнѣ надѣлали ужасныхъ непріятностей; мнѣ и въ недѣлю не исправить того, что вы натворили. А вы воображаете, что я это приму съ кротостью овечки! Ну-ка посмотрите, похожа-ли я на овечку?

Все это время она держала его крѣпко за руку и ея хорошенькое личико, оживленное веселостью и лукавствомъ, было такъ близко къ его лицу, что на минуту онъ почувствовалъ страстное желаніе разцѣловать его. Но желаніе быстро исчезло. Онъ познакомился съ Летти Сьювель три недѣли тому назадъ. Онъ не былъ ея женихомъ, даже не думалъ объ этомъ. Хватанье за руки и все прочее—это были обычныя манеры Летти Сьювель.

Вмѣсто того, чтобы поцѣловать ее, онъ пристально посмотрѣлъ на нее.

— Я никого не видалъ такого гордаго и упрямаго, какъ вы,—

проговорилъ онъ.—Я разсказалъ вамъ просто нѣсколько фактовъ изъ жизни человѣка, котораго вы не знаете, а я знаю, и вы за это дуетесь цѣлый день, не исполняете обѣщанія пріѣхать въ Мальфордъ, и браните меня.

Она подняла брови и отняла руку.

— Неужели вы не понимаете, что я не могла не сердиться и была сердита? Мнѣ, конечно, было страшно скучно сидѣть наверху, хотя я написала длиннѣйшее письмо подругѣ, и все объ васъ, я все подробно описала; теперь мнѣ, пожалуй, придется немного смягчить нѣкоторыя вещи. Однако, вы, кажется, не намѣрены одѣваться къ обѣду?

Джоржъ вздрогнулъ и посмотрѣлъ на часы.

— Мы будемъ одни? Гостей не ждутъ?

— Пріѣдутъ нѣкоторые «мѣстные», ради торжественнаго случая. Я знаю, что жена священника пріѣдетъ; она сняла фасонъ съ одной моей кофточки и хочетъ узнать, не разсердилась ли я.

Джоржъ засмѣялся.

— Бѣдные люди!

— Я, навѣрно, буду не любезна съ ней,—сказала Летти, играя цвѣткомъ на каминѣ.—Мнѣ противно видѣть женщинъ, которыя не умѣютъ порядочно одѣться. Однако, мнѣ пора позаботиться о своемъ туалетѣ.

Теперь пришла его очередь удержать ее за руку.

— Вы сердитесь? — спросилъ онъ, наклоняясь къ ней. Его блестящіе сѣрые глаза не казались болѣе усталыми.

— За что? За то, что вы выбраны?

Она весело разсмѣялась. Онъ выпустилъ ея руку. Она взяла подъ руку дочь хозяина, миссъ Флоренсу Уаттонъ, которая въ эту минуту шла по залѣ, и онѣ вмѣстѣ поднялись по лѣстницѣ, причемъ она бросила на него торжествующій взглядъ сверху. Джоржъ слѣдилъ за ними глазами, пока онѣ не скрылись. Выраженіе его лица не было ни сердито, ни нѣжно. Онъ глядѣлъ съ насмѣшливымъ самодовольствомъ, какъ будто и самъ также игралъ роль, хотя къ его самодовольству примѣшивалась нѣкоторая доля тревоги

II.

Джоржъ Тресседи сошелъ къ обѣду слишкомъ поздно и нашелъ хозяйку въ очень дурномъ расположеніи духа. Миссисъ Уаттонъ была крупная властолюбивая женщина, которая рѣдко считала нужнымъ скрывать свое неудовольствіе противъ коголибудь или чего-нибудь.

Джоржъ поспѣшилъ умилостивить ее обычными извиненіями: онъ думалъ, что еще рано, его часы отстаютъ и т. п. Миссисъ Уаттонъ, которая въ этотъ великій день видѣла въ новомъ членѣ торжество самыхъ дорогихъ своихъ принциповъ, приняла эти извиненія сначала сухо, но вскорѣ смягчилась.

— Ахъ, негодный мальчикъ! негодный лгунишка! — проговорилъ чей-то шаловливый голосъ подъ ухомъ Тресседи. — Рано! скажите пожалуйста! Я, вѣдь, видѣла, что ты дѣлалъ! Какъ стыдно!

И леди Тресседи отскочила отъ сына, смѣясь черезъ плечо, своей обычной манерой. На ней было надѣто легкое бѣлое платье на темно-красномъ шелковомъ чахлѣ. Шея и плечи ея были открыты до послѣдней возможности, а румяны на ея щекахъ лежали слишкомъ густымъ слоемъ, что съ ней рѣдко случалось. Джоржъ поспѣшилъ отвернуться отъ нея и заговорилъ съ мадамъ Фонтеной.

— Какъ глупа эта женщина!—думала миссисъ Уаттонъ, слѣдя суровымъ взглядомъ за своею гостьею.— Она навѣрно заставитъ Джоржа возненавидѣть себя, а между тѣмъ, ей надобно, чтобы онъ заплатилъ ея долги, иначе выйдетъ скандалъ. Что! Обѣдъ? Джонъ, подайте руку леди Тресседи. Гардингъ, веди, пожалуйста, миссисъ Гаукинсъ! — она указала своему второму сыну на леди въ черномъ, чопорно сидѣвшую на диванѣ. — Мистеръ Гаукинсъ возьметъ Флоренсу, сэръ Джоржъ,—она указала рукой на миссъ Сьювель. — А вы, лордъ Фонтеной, должны дать руку мнѣ; остальные идите съ кѣмъ хотите.

Молодые люди, по большей части, кузены и кузины, смѣясь, исполнили это приказаніе, а сэръ Джоржъ протянулъ руку миссъ Сьювель.

— Мнѣ жаль васъ,—сказалъ онъ, пока они шли въ столовую.

— О, я знала, что сегодня моя очередь,— чопорно отвѣчала Летти.—Вчера вы вели Флори, а третьяго дня тетю Уаттонъ.

Джоржъ спокойно усѣлся на стулѣ и повернулся къ своей дамѣ.

— Не посовѣтуете ли вы, прежде всего, какъ мнѣ поступать, чтобы не вызвать у васъ опять головную боль? Послѣ сегодняшняго утра я чувствую, что не могу жить своимъ умомъ, что мнѣ нужны указанія.

— Хорошо,—сказала Летти серьезно,—рѣшимъ сначала, о чемъ мы можемъ говорить прежде всего. Напримѣръ, вы можете говорить о миссисъ Гаукинсъ.

Она сдѣлала едва замѣтный знакъ, и, слѣдуя ея указанію, взглядъ его упалъ на худощавую женщину, сидѣвшую противъ

нихъ; ея кавалеръ, Гардингъ Уаттонъ, фешенебельный и весьма самоувѣренный молодой человѣкъ, почти не обращалъ на нее вниманія.

Джоржъ посмотрѣлъ на нее.

— Это мнѣ не нравится,—сказалъ онъ рѣзко. —Къ тому же о ней и говорить нечего.

— О, напротивъ,—отвѣчала Летти, и лукавый огонекъ зажегся въ ея карихъ глазахъ,—я могу говорить о ней цѣлыхъ двадцать минутъ. На ней надѣто мое платье.

— Я его не узналъ,—отвѣчалъ Джоржъ, продолжая пристально смотрѣть на леди.

— Это бы не бѣда, — тѣмъ же серьезнымъ тономъ продолжала Летти,—если бы миссисъ Гаукинсъ, снявъ фасоны съ моихъ платьевъ, не считала своимъ долгомъ читать мнѣ нотаціи. Если бы я осуждала какую-нибудь барышню, я бы не стала подсылать свою няню къ ея горничной за выкройками.

— Я замѣчаю,—вы очень спокойно относитесь къ ея осужденію.

— Безчувственно, хотите вы сказать. Да, это мое несчастіе. Я всегда чувствую себя гораздо разумнѣе, чѣмъ тѣ люди, которые осуждаютъ.

— Значитъ, сегодня утромъ вы считали меня глупымъ?

— О, нѣтъ! Только... видите ли, я *знала*, что я знаю лучше васъ. Я была благоразумна и...

— О, не кончайте,—быстро перебилъ Джоржъ,—и не воображайте, что я когда-нибудь еще дамъ вамъ хорошій совѣтъ.

— Неужели?

Ея насмѣшливый взглядъ бросилъ ему вызовъ, который онъ принялъ, повидимому, твердо. Между тѣмъ, въ головѣ его вертѣлась фраза, которую одна знакомая ему дама сказала о своей лучшей пріятельницѣ: «Ея душа? Ея душа, другъ мой, это пустой хаосъ!» Эти слова, съ насмѣшкой думалъ онъ, могли служить отличнымъ опредѣленіемъ его собственныхъ чувствъ. Онъ не могъ убѣдить себя, что его чувства къ миссъ Сьювель серьезны, хотя сознавалъ, что способенъ иногда на безразсудный поступокъ, напримѣръ, когда на ней было надѣто то прелестное розовое платье, въ которомъ она была въ этотъ вечеръ, или когда она принимала тотъ милый дерзкій тонъ, который такъ шелъ къ ней именно въ эту минуту. Все это время въ душѣ его раздавался какой-то холодный и критическій голосъ, осуждавшій ее. Черезъ 10 лѣтъ, говорилъ онъ самому себѣ, она потеряетъ всю теперешнюю миловидность. Да, но, все-таки, маленькая граціозная фигурка ея, ея

движенія, легкія, какъ воздухъ, изящный вкусъ ея туалетовъ— все это заставляетъ забывать нѣкоторые недостатки въ чертахъ ея лица и въ его выраженіи, и большинство мужчинъ находитъ ее ослѣпительно-прелестной и обаятельной. Во всякомъ случаѣ, въ своемъ кругу Летти никогда не имѣла недостатка ни въ друзьяхъ и поклонникахъ, ни въ разнаго рода развлеченіяхъ; всѣ вообще находили—хотя сама она имѣла сильныя доказательства противнаго,—что она въ состояніи добиться всего, чего сильно захочетъ. Ей хотѣлось,—всѣ окружающіе очень скоро угадали это,—заполонить молодого Джоржа Тресседи. И ей это удалось. Даже въ эти послѣдніе тревожные дни всѣмъ было очевидно, что сердце его дѣлится между нею и выборами, причемъ перевѣсъ скорѣе на ея сторонѣ. Что касается *степени* ея успѣха, это было пока дѣло темное, въ особенности для нея самой и для него.

Во всякомъ случаѣ, въ этотъ вечеръ онъ не могъ оторваться отъ нея. Онъ пробовалъ нѣсколько разъ заговаривать съ своей сосѣдкой слѣва, дѣвочкой, только что сошедшей со школьной скамьи; ея благородное лицо обѣщало, что черезъ три года она превзойдетъ Летти Сьювель какъ красотой, такъ и всѣмъ остальнымъ. Но это не удавалось ему. Послѣ утомленія и волненій цѣлаго дня, онъ, въ видѣ реакціи, стремился просто повеселиться. Онъ снова возвращался къ Летти, и они болтали и спорили, обмѣниваясь мнѣніями о людяхъ, театрѣ и книгахъ или, лучше сказать, подъ прикрытіемъ этихъ темъ о разныхъ предметахъ, имѣющихъ отношеніе къ любви,—обычное начало сближенія между мужчиной и женщиной. Проницательные сѣрые глаза миссисъ Уаттонъ не разъ устремлялись на нихъ, и она скрывала улыбку за вѣеромъ, а лордъ Фонтеной поглядывалъ на нихъ серьезно и неодобрительно.

Между тѣмъ, всю первую половину обѣда, стулъ прямо противъ Тресседи оставался пустымъ. Онъ предназначался для старшаго сына хозяевъ, и мать объяснила лорду Фонтеною, что его нѣтъ дома, что «онъ, по обыкновенію, гдѣ-нибудь въ приходѣ».

Но когда подали фазановъ, дверь изъ гостиной отворилась, и въ комнату тихо вошелъ худощавый темноволосый молодой человѣкъ. Онъ безъ всякаго шума сѣлъ на свое мѣсто, съ улыбкой поклонившись Джоржу и своимъ сосѣдямъ, и шепотомъ приказалъ лакею подать себѣ то кушанье, какое стояло на столѣ.

— Глупости Эдвардъ!—громкимъ голосомъ заявила мать его съ верхняго конца стола;—пожалуйста, не дѣлай себя смѣшнымъ. Моррисъ, принесите мистеру Эдварду зайца и баранину.

Вновь прибывшій кротко поднялъ брови, улыбнулся и покорился.

— Гдѣ вы были, Эдвардъ?—спросилъ Тресседи.—Я не видалъ васъ послѣ конца выборовъ.

— Я былъ на репетиціи. На будущей недѣлѣ приходское попечительство даетъ концертъ, и я на немъ распорядителемъ.

— Эти концерты всегда бываютъ очень не хороши,—заявила миссъ Уаттонъ рѣзко.

Эдвардъ Уаттонъ пожалъ плечами. У него было очень пріятное, но нѣсколько робкое выраженіе лица, которому противорѣчилъ огонь энтузіазма и отваги, вспыхивавшій по временамъ въ его глазахъ.

— Тѣмъ болѣе нужны репетиціи,—отвѣчалъ онъ.—Впрочемъ, надѣюсь, на этотъ разъ дѣло пойдетъ не дурно.

— Эдвардъ принадлежитъ къ числу людей,—сказала миссъ Уаттонъ вполголоса лорду Фонтеною — которые думаютъ, что можно пріобрѣсти симпатіи народа,—простонародья—пожимая имъ руку, показывая имъ картинки и распѣвая съ ними «Мессію». У меня въ прежнее время были такія же идеи. Они у всякаго бываютъ. Это все равно, что корь. Но разумные люди бросаютъ ихъ.

— Благодарю, мама, — проговорилъ Уаттонъ, кланяясь съ улыбкой.

Леди Тресседи прервала свой разговоръ со сквайромъ на другомъ концѣ стола, чтобы послушать, что говорятъ другіе. Она болтала очень быстро рѣзкимъ, аффектированнымъ голосомъ и дѣлала при этомъ такіе свободные жесты и такъ близко придвигала свое лицо къ его лицу, что нервный, чопорный сквайръ каждую минуту боялся, какъ бы она не выткнула ему глаза. Онъ почувствовалъ значительное облегченіе, когда увидѣлъ, что ея вниманіе обратилось въ другую сторону.

— Что это? М. Эдвардъ проповѣдуетъ свой радикализмъ? — спросила она, надѣвая золотое пенснэ.—Свой милый, гадкій радикализмъ? Ахъ, мы вѣдь всѣ знаемъ, гдѣ М. Эдвардъ заразился имъ.

За столомъ раздался смѣхъ. Гардингъ Уаттонъ смѣялся громче всѣхъ.

— На прошлой недѣлѣ Эгерія была у него по сосѣдству,—сказалъ онъ, обращаясь къ леди Тресседи.—Эдвардъ ѣздилъ къ ней. Послѣ этого онъ сталъ членомъ двухъ новыхъ обществъ и заказалъ шесть новыхъ книгъ по рабочему вопросу.—Эдвардъ слегка покраснѣлъ, но продолжалъ спокойно ѣсть свой обѣдъ, не выказывая другихъ знаковъ смущенія.

— Если вы говорите о леди Максвель, — сказалъ онъ добродушно,—то я, право, жалѣю тѣхъ изъ васъ, кто съ ней незнакомъ.

Онъ поднялъ свою красивую голову и окинулъ общество вызы-

вающимъ взглядомъ, который очень шелъ къ нему, но очень не понравился его матери.

— Ну ужъ эта *женщина*!—вскричала миссъ Уаттонъ, махнувъ рукой.—Какъ вамъ кажется,—обратилась она къ лорду Фонтеной, строгимъ голосомъ,—не правда ли, она виновата въ половинѣ тѣхъ нелѣпостей, какія дѣлаетъ наше милое министерство въ послѣдніе два года?

Полупрезрительная улыбка скользнула по усталому лицу Фонтеноя.

— По моему, напрасно дѣлать изъ леди Максвель козла отпущенія. Они сами виноваты въ своихъ глупостяхъ.

— И потомъ, можно ли сказать объ англійскихъ министрахъ что-нибудь хуже того, что ими руководитъ женщина? — проговорилъ М. Уаттонъ съ другого конца стола.—Въ наше время это было совершенно немыслимо. Извини, моя дорогая, извини,—быстро прибавилъ онъ, взглянувъ на жену.

Летти посмотрѣла на Джоржа и закрылась платкомъ, чтобы скрыть свой смѣхъ.

Миссисъ Уаттонъ была недовольна.

— Очень многіе англійскіе кабинетъ-министры подчинялись женщинамъ во всѣ времена,—сухо проговорила она,—и никто ихъ за это не осуждалъ. Но дѣло въ томъ, что въ прежнее время всякій зналъ свое мѣсто. Женщины соблазняли—и всѣ находили это естественнымъ,—ради пользы своихъ мужей, братьевъ, сыновей. Онѣ старались добиться чего-нибудь для кого-нибудь, и добивались. Теперь онѣ соблазняютъ—какъ эта леди Максвель—ради того, что онѣ называютъ «дѣломъ», и это-то погубитъ нашу націю.

Эдвардъ Уаттонъ энергично протестовалъ противъ слова соблазняли, но его мать и братъ настаивали на этомъ словѣ, и присутствующіе громко поддержали ихъ. Леди Тресседи старалась вставить въ разговоръ свои собственныя замѣчанія, махала вѣеромъ, называла всѣхъ полуименами и обращалась ко всѣмъ съ разными личными намеками. Но одинъ только Эдвардъ Уаттонъ иногда вѣжливо или съ улыбкой отвѣчалъ ей; остальные не обращали на нее вниманія. Они были поглощены важнымъ дѣломъ: травили несогласнаго съ ними и непокорнаго члена своего общества и въ эту минуту не могли заниматься ничѣмъ другимъ.

— Я навѣрно увижу знаменитую леди недѣли черезъ двѣ,— сказалъ Джоржъ миссъ Сьювель подъ общій гулъ голосовъ.— Странно, я до сихъ поръ никогда не видалъ ея.

— Кого? леди Максвель?

— Да, вѣдь вы помните, меня четыре года не было въ

Англіи. Она, кажется, была въ Лондонѣ за годъ до моего отъѣзда, но я нигдѣ съ ней не встрѣчался.

— Предсказываю вамъ, что она вамъ очень понравится,—рѣшительнымъ голосомъ произнесла Летти. — По крайней мѣрѣ, со мною это всегда случается, когда тётя Уаттонъ кого-нибудь бранитъ. Я уже не могу находить этого человѣка дурнымъ, хотя и стараюсь.

— Позвольте мнѣ замѣтить, что у меня совсѣмъ не такой характеръ! Я человѣкъ—и мнѣніе друзей всегда оказываетъ на меня вліяніе.

Онъ повернулся къ ней, чтобы лучше видѣть дѣйствіе своихъ словъ.

— О, вы совершенно напрасно выставляете себя такимъ кроткимъ созданіемъ!—сказала Летти, качая головой.—Напротивъ, вы самый упрямый человѣкъ въ свѣтѣ, вы все возвращаетесь къ одному и тому же, вы никакъ не хотите признать себя побѣжденнымъ.

— Побѣжденнымъ? — съ удивленіемъ спросилъ Джоржъ;— головною болью? Ну, это еще небольшая бѣда. Надѣюсь, въ другой разъ я буду счастливѣе. Вы, кажется, намѣрены оставить безъ малѣйшаго вниманія ту массу фактовъ, которые я вамъ сообщилъ сегодня утромъ о капитанѣ Аддисонѣ.

— Я буду добра къ вамъ и постараюсь забыть ихъ. А теперь слушайте тетушку Уаттонъ! Это ваша обязанность. Тетушка Уаттонъ привыкла, чтобы ея слушали, а вы не слышали ее сто разъ прежде, какъ я.

Дѣйствительно, миссисъ Уаттонъ разсказывала на своемъ концѣ стола что-то, что видимо сильно возбуждало ее. Презрѣніе и ненависть придавали энергичное выраженіе головѣ и лицу ея, которыя и безъ того были довольно характерны. Они были крупныхъ размѣровъ, но далеко не пошлыя. Головной уборъ изъ старыхъ кружевъ шелъ къ ея волнистымъ полусѣдымъ волосамъ, и она носила его съ сознаніемъ собственнаго достоинства; рука ея, лежавшая на столѣ, была велика и толста, но сильна и красива. М-съ Уаттонъ была и казалась тираномъ, но умнымъ тираномъ.

— Одинъ изъ ихъ брушайрскихъ сосѣдей,—говорила она, — разсказывалъ мнѣ на прошлой недѣлѣ, какія удивительныя вещи дѣлаются въ Мемгорѣ. Она получила въ наслѣдство это Мемгорское имѣніе—послѣднія слова были обращены къ молодому Байлю, который, какъ, сравнительно, новый знакомый, могъ не знать всѣмъ извѣстныхъ фактовъ—раззоренное имѣніе, приносившее тысячи двѣ въ годъ. Какъ только она вышла замужъ, она тотчасъ же посе-

лила тамъ какого-то соціалиста изъ самаго беззастѣнчиваго сорта. Этотъ господинъ не медля установилъ то, что они называютъ «правильную плату» всѣмъ рабочимъ, въ сущности двойную плату противъ нормальной, силой заставилъ фермеровъ выдавать ее и раздражилъ всѣхъ сосѣдей. Прежде это была спокойнѣйшая мѣстность въ свѣтѣ, теперь она все поставила вверхъ дномъ. Конечно, когда она вышла замужъ за 30.000 дохода, она можетъ позволять себѣ такія маленькія забавы; но другіе люди, которые живутъ доходами съ земли, просто не знаютъ, что дѣлать.

— Она мнѣ говорила, что вообще эта система приноситъ очень хорошіе результаты,—сказалъ Эдвардъ Уаттонъ; сильная краска на лицѣ одна показывала, какъ его раздражаютъ эти постоянныя нападки матери,—и что Максвель, по всей вѣроятности, примѣнитъ ее и въ своихъ имѣніяхъ.

Миссисъ Уаттонъ всплеснула руками.

— Какимъ идіотомъ сталъ этотъ человѣкъ! Пока онъ не женился, онъ былъ совершенно разумнымъ существомъ. А теперь она водитъ его за носъ, и министерство пляшетъ по его дудкѣ, потому что онъ имѣетъ большое вліяніе въ палатѣ лордовъ.

— Хуже всего то,—сказалъ Гардингъ съ непріятнымъ смѣхомъ,—что, если бы она не была красивой женщиной, ея вліяніе было бы вдвое меньше. Она пользуется своей красотой самымъ непозволительнымъ образомъ.

— Я увѣренъ, что это совершенно несправедливо,—съ жаромъ возразилъ Эдвардъ Уаттонъ и сердито посмотрѣлъ на брата.

Джоржъ Тресседи вмѣшался въ разговоръ. Онъ очень любилъ Эдварда Уаттона и терпѣть не могъ Гардинга.

— Она въ самомъ дѣлѣ такая красавица?—спросилъ онъ, наклоняясь впередъ и обращаясь къ хозяйкѣ. М-съ Уаттонъ сдѣлала презрительную гримасу и ничего не отвѣчала.

— Одинъ старый дипломатъ говорилъ мнѣ какъ-то,—произнесъ лордъ Фонтеной холодно и нехотя, точно, эта тема разговора была ему непріятна, что — по его мнѣнію—она самая красивая женщина, какую онъ видалъ въ Лондонѣ послѣ леди Блессингтонъ.

— Леди Блессингтонъ! Господи, Боже! Леди Блессингтонъ!—воскликнула леди Тресседи съ особеннымъ удареніемъ.—Какое несчастное сравненіе, не правда ли? Не многія женщины найдутъ пріятнымъ, что ихъ считаютъ преемницами леди Блессингтонъ.

— Во всѣхъ отношеніяхъ, кромѣ красоты,—сказалъ Эдвардъ Уаттонъ съ неудовольствіемъ,—это сравненіе было бы дѣйствительно смѣшно.

Гардингъ пожалъ плечами и, покачиваясь на стулѣ, шепнулъ на ухо скромному молодому человѣку, сидѣвшему съ нимъ рядомъ:

— Я такъ думаю, что графъ д'Орсей—это только вопросъ времени. Конечно, этого нельзя говорить Эдварду.

Гардингъ читалъ мемуары и считалъ себя высоко образованнымъ человѣкомъ. Молодой человѣкъ, къ которому онъ обратился, не читалъ ничего печатнаго, кромѣ извѣстій о скачкахъ, и не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что такое леди Блессингтонъ и графъ д'Орсей; онъ улыбнулся какъ-то неопредѣленно и ничего не отвѣчалъ.

— Дорогая моя,—жалобнымъ голосомъ проговорилъ сквайръ,—мнѣ кажется, здѣсь очень жарко, не правда ли?

Среди молодежи раздался сдержанный смѣхъ, многимъ изъ нихъ уже давно надоѣлъ этотъ вѣчный семейный споръ. М. Уаттонъ, никогда ничего не понимавшій, посмотрѣлъ на всѣхъ вопросительно. М-съ Уаттонъ соблаговолила понять его намекъ и встала изъ за стола.

Когда перешли въ гостиную, миссисъ Уаттонъ сочла своею обязанностью удѣлить десять минутъ разговора исключительно о дѣлахъ прихода миссисъ Гаукинсъ, которая, какъ жена священника, занимала опредѣленное оффиціальное мѣсто въ обществѣ Мальфордъ-гауза, совершенно независимое отъ своихъ личныхъ качествъ. Миссисъ Гаукинсъ была женщина простая, самоувѣренная, ни мало не интересная для миссисъ Уаттонъ, никогда не потрудившейся взглянуть на нея съ другой точки зрѣнія, не только какъ на особу, мужъ которой состоялъ на службѣ въ приходѣ сквайра. Ради ея званія, ей слѣдовало оказывать вѣжливость, уваженіе, и ей оказывали ихъ. Увы! этого было недостаточно для м-съ Гаукинсъ, питавшей весьма честолюбивые замыслы, которымъ мѣшала ея сильная застѣнчивость, отсутствіе свѣтскихъ манеръ и ея ограниченные доходы. Какъ только 10 минутъ прошли и миссисъ Уаттонъ, сильно интересовавшаяся политикой и не считавшая нужнымъ церемониться съ женой викарія, погрузилась въ чтеніе вечернихъ газетъ, принесенныхъ лакеемъ,—м-съ Гаукинсъ подсѣла къ Летти Сьювель. Она выразила ей свою благодарность, сердечную благодарность за выкройки, которыя дала ея горничная.

— Развѣ она вамъ дала выкройки?—сказала Летти, поднимая брови.—Скажите, пожалуйста! А я и не знала!

И ея взглядъ холодно скользнулъ по костюму м-съ Гаукинсъ, представлявшему доморощенную копію того изящнаго туалета, который былъ въ этотъ вечеръ надѣтъ на миссъ Сьювель. М-съ Гаукинсъ покраснѣла.

— Я строго наказывала нянѣ, чтобы она непремѣнно спросила у васъ позволенія. Но моя няня и ваша горничная, кажется, окон-

чательно подружились. По правдѣ сказать, моя няня очень можетъ заниматься шитьемъ, когда у нея на рукахъ всего одинъ 4-лѣтній ребенокъ, но въ здѣшнемъ глухомъ мѣстѣ неоткуда добыть новыхъ фасоновъ. Во всякомъ случаѣ, я бы никогда не рѣшилась безъ вашего позволенія.

Смѣсь гордости и ложнаго стыда дѣлали ея голосъ и манеры весьма непривлекательными. Летти поддалась тому же чувству, которое заставляетъ мальчиковъ отрывать крылья у мухъ.

— Помилуйте, я очень рада!—произнесла она равнодушнымъ тономъ. — Это такъ пріятно, когда можно шить свои вещи дома! Ваша няня просто кладъ.

Все время она внимательно разглядывала всѣ дурно сдѣланные швы, всѣ неправильности въ отдѣлкѣ этого доморощеннаго произведенія искусства. Слухъ жены викарія, всегда до болѣзненности чуткій именно въ этой гостиной, ловилъ оскорбительную ноту во всякомъ словѣ дѣвушки. Ею овладѣло сильное негодованіе и она рѣшила постоять за себя.

— Вы отсюда поѣдете еще къ кому-нибудь гостить? — спросила она.

— Да, въ два или въ три мѣста, — отвѣчала Летти, простодушно поднимая глаза на свою собесѣдницу. До сихъ поръ она сидѣла, наклонивъ голову, и ласкала собаку м-съ Уаттонъ, сѣраго абердинскаго терьера, который смотрѣлъ на нее совершенно равнодушно.

— Вы, кажется, бóльшую часть времени проводите въ гостяхъ, не правда ли?

— Да, пожалуй, что такъ,—согласилась Летти.

— Не находите ли вы, что это страшная потеря времени? Вѣдь вамъ, я думаю, некогда заняться ничѣмъ серьезнымъ? Мнѣ бы это ужасно надоѣло.—М-съ Гаукинсъ засмѣялась, желая показать, что просто шутитъ.

Летти подняла маленькую ручку, чтобы скрыть зѣвокъ, который былъ, тѣмъ не менѣе, довольно замѣтенъ.

— Неужели?—спросила она тономъ уже прямо дерзкимъ.— Эвелина, посмотри на эту собаку. Не напоминаетъ она тебѣ мистера Байля?

Она обращалась съ этими словами къ красивой 16-лѣтней дѣвушкѣ, той самой, которая за обѣдомъ сидѣла по лѣвую руку Джоржа Тресседи; взявъ горсть розовыхъ листочковъ, осыпавшихся съ букета стоявшаго сзади нея, она бросила ихъ на собаку, подзывая ее къ себѣ. Вмѣсто того, чтобы подойти къ ней, собака улеглась на коврѣ, положила морду на переднія лапы и пристально глядѣла на нее, точно стерегла ее.

— Она никогда не ласкается къ тебѣ, Летти, какъ это странно,—смѣясь, сказала Эвелина и погладила собаку.

— Не бѣда, другія собаки ласкаются. Видѣли вы очаровательнаго чернаго шпица леди Артуръ? Она обѣщала подарить мнѣ такого же.

Между кузинами завязалась болтовня о ихъ деревенскихъ сосѣдяхъ, по большей части богатыхъ аристократахъ, о которыхъ м-съ Гаукинсъ не знала ничего или очень мало. Эвелина Уаттонъ, отличавшаяся добрыми, великодушными инстинктами, всячески старалась ввести въ разговоръ жену викарія. Летти твердо рѣшила устранять ее. Она прислонилась къ спинкѣ софы, болтала самымъ веселымъ образомъ, бѣлизна ея щекъ и шеи выдѣлялись на красномъ фонѣ мебели, скрещенныя ножки ея показывали пару прелестныхъ маленькихъ туфель съ пряжками изъ стразъ. Она сіяла драгоцѣнными камнями, какъ только можетъ сіять молодая дѣвушка,—болѣе чѣмъ прилично молодой дѣвушкѣ, по мнѣнію м-съ Гаукинсъ. Она вся съ головы до ногъ была довольство, привлекательность, торжество успѣхомъ,—только ея привлекательность предназначалась не для м-съ Гаукинсъ и ей подобныхъ.

Жена священника сидѣла на стулѣ, вытянувшись и краснѣя, оставивъ всякую попытку вмѣшиваться въ разговоръ, но въ душѣ страшно обиженная. Она, къ сожалѣнію, не могла презирать Летти, такъ какъ для самой себя всего больше желала именно того, чѣмъ обладала Летти. Но въ ея душѣ копошилась не просто зависть. Когда Летти была хорошенькой дѣвочкой въ коротенькихъ платьицахъ, жена викарія, бывшая на 6 лѣтъ старше ея, открыла ей свое сердце и всячески старалась заслужить любовь племянницы м-съ Уаттонъ. Было время, когда онѣ называли другъ друга «Мэджи» и «Летти», даже когда Летти уже начала «выѣзжать». Теперь всякій разъ, когда м-съ Гаукинсъ пыталась назвать ее по имени, языкъ отказывался повиноваться ей; она даже сама стала считать это неприличною фамильярностью. Между тѣмъ Летти съ каждымъ пріѣздомъ въ Мальфордъ все рѣшительнѣе отстранялась отъ своего прежняго друга, и имя Мэджи никогда болѣе не произносилось.

Мужчины, занятые разговорами о разныхъ инцидентахъ выборной кампаніи и сплетнями по поводу ея, засидѣлись очень долго въ столовой. Когда они, наконецъ, перешли въ гостиную, Джоржъ Тресседи сдѣлалъ еще разъ попытку завести разговоръ съ кѣмъ-нибудь другимъ, не съ Летти, и опять безуспѣшно.

— Мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы поразсказали мнѣ что-нибудь о миссъ Сьювель,—сказалъ лордъ Фонтеной на ухо м-съ Уаттонъ.

Онъ нѣсколько времени молча сидѣлъ подлѣ нея на софѣ, повидимому занятый вечерними газетами, которыя м-съ Уаттонъ уступила ему.

М-съ Уаттонъ подняла голову, взглянула туда, куда были устремлены его глаза,—на маленькій диванчикъ въ углу комнаты, и на лицѣ ея мелькнуло выраженіе отчасти удовольствія, отчасти нетерпѣнія.

— Летти? О, Летти моя племянница, дочь моего брата, Вальтера Сьювеля изъ Гельбека. Они живутъ въ Іоркширѣ. Братъ наслѣдовалъ послѣ отца маленькое имѣніе съ очень неопредѣленнымъ доходомъ. Я часто удивляюсь, изъ какихъ средствъ они такъ одѣваютъ дѣвочку. Впрочемъ, она съ самыхъ малыхъ лѣтъ всегда дѣлала, что хотѣла. Мой бѣдный братъ боленъ вотъ уже десять лѣтъ, и ни онъ, ни жена его—ахъ, какая глупая женщина! — М-съ Уаттонъ энергичнымъ движеніемъ рукъ и глазъ призвала небо въ свидѣтели справедливости своихъ словъ, — нисколько не заботятся пристроить Летти. У нея есть еще сестра, маленькое, нѣжное, молчаливое существо, она ухаживаетъ за родителями. О, Летти не глупа; я увѣрена, что не глупа. Вы, кажется, безпокоитесь о сэръ Джоржѣ? Напрасно. Она со всѣми ведетъ себя точно также.

Простодушная тетушка продолжала нѣсколько времени разговоръ въ томъ же тонѣ, полунасмѣшливомъ, полуснисходительномъ. Въ концѣ концовъ безпокойство лорда Фонтеноя не улеглось. Онъ переселился въ Мальфордъ-гоусъ передъ самой баллотировкой, а всю недѣлю выборной кампаніи провелъ въ другомъ мѣстѣ округа. Теперь въ этотъ вечеръ, послѣ побѣды, онъ вдругъ почувствовалъ, какъ будто ему готовится пораженіе, благодаря неожиданно всплывшему факту, и это приводило его въ уныніе.

Когда пришло время идти спать, Летти осталась въ гостиной дольше прочихъ лэди, подъ предлогомъ уборки разныхъ своихъ вещицъ, такъ что когда Джоржъ Тресседи взялъ свѣчу, чтобы посвѣтить ей въ галлереѣ, они очутились одни.

На него вдругъ напала странная молчаливость, такъ что, принимая подсвѣчникъ изъ его рукъ, она пристально взглянула на него. Его тонкая, но мужественная, высокая фигура и выразительное лицо нравились ей. Можетъ быть, онъ нѣсколько простоватъ—она считала его такимъ, но, во всякомъ случаѣ, изященъ и очень веселаго характера.

— Я думаю, вы устали до смерти,—сказала она ему.—Что вы не идете спать?

Она говорила совершенно свободно, какъ женщина, привыкшая

давать совѣты знакомымъ мужчинамъ ради ихъ же пользы. Джоржъ засмѣялся.

— Усталъ? Нисколько. Я былъ уставши передъ обѣдомъ. Послушайте, миссъ Сьювель, мнѣ хочется предложить вамъ одинъ вопросъ.

— Предлагайте.

— Вѣдь вы не хотите испортить мнѣ сегодняшній торжественный день? Скажите, вы раскаиваетесь въ своей головной боли?

Они смотрѣли другъ на друга, смѣхъ игралъ въ ихъ глазахъ, но въ его глазахъ къ этому смѣху примѣшивалось настойчивое желаніе.

— Прощайте, сэръ Джоржъ, — проговорила она, протягивая ему руку.

Онъ удержалъ эту руку.

— Раскаиваетесь?—еще разъ спросилъ онъ, наклоняясь къ ней.

Ей нравилось ихъ взаимное положеніе, и она не дѣлала попытки измѣнить его.

— Спросите у меня черезъ мѣсяцъ, когда я буду имѣть доказательства справедливости вашихъ обвиненій.

— Вы, значитъ, допускаете, что это былъ только предлогъ?

— Я ничего не допускаю,—весело проговорила она,—я просто защищала своего друга.

— Да, оскорбляя и обижая другого друга. Будетъ вамъ пріятно, если я скажу, что мнѣ было очень грустно, когда я васъ не видѣлъ сегодня днемъ въ Мальфордѣ?

— Я отвѣчу вамъ на это завтра, — теперь слишкомъ поздно! Пожалуйста, отпустите мою руку.

Онъ не послушался и они дошли до самой лѣстницы, держась за руки, причемъ она его тянула.

— Джоржъ! — раздался рѣзкій, дребезжащій голосъ сверху.

Джоржъ поднялъ голову и увидѣлъ мать. Онъ и Летти отскочили другъ отъ друга. Летти быстро вбѣжала на лѣстницу и исчезла.

— Что вамъ, мама?—нетерпѣливо спросилъ Джоржъ.

— Приди, пожалуйста, сюда.

Онъ вошелъ наверхъ и нашелъ лэди Тресседи нѣсколько взволнованной, но аффектированной, какъ всегда.

— О, Джоржъ! было такъ темно! Я не видѣла, я не знала... Джоржъ, не можешь ли ты удѣлить мнѣ полчаса времени завтра послѣ завтрака, мнѣ надобно поговорить съ тобой. О, Джоржъ, мой милый, мой дорогой мальчикъ! Твоя бѣдная мама все понимаетъ!

Она положила одну руку на его плечо и другою подняла свой

вѣеръ и указала ему шаловливымъ движеніемъ въ ту сторону, куда ушла Летти.

Джоржъ поспѣшилъ освободиться.

— Конечно, я готовъ переговорить съ вами, мама. Что касается остальнаго, я не знаю, что вы подразумѣваете. Но, пожалуйста. позвольте мнѣ идти спать. Я такъ усталъ, что не въ состояніи ни о чемъ разговаривать сегодня. Доброй ночи!

Лэди Тресседи удалилась въ свою комнату, улыбаясь, но съ тревогой въ душѣ.

— Она его поймала!—говорила она сама себѣ.—Безстыдная, маленькая кокетка! Нельзя сказать, чтобы это было особенно выгодно для меня. Но, можетъ быть, это расположитъ его къ щедрости, если... если я съумѣю вести свою игру.

Между тѣмъ Летти Сьювелъ пришла въ свою тихую, роскошную спальню и позвала горничную помочь раздѣться. Горничная ушла, исполнивъ свои обязанности, и молодая госпожа ея долго сидѣла у камина и раздумывала; она старалась выяснить себѣ общее положеніе своихъ дѣлъ, свои желанія, намѣренія другихъ людей, свою цѣль и шансы достиженія ея. Мысленно она разбирала всѣ эти различные вопросы обстоятельно и дѣловито. Летти привыкла къ подобнаго рода анализу своихъ дѣлъ, и это значительно способствовало выработкѣ изъ нея самостоятельной личности, подобно тому, какъ самоанализъ другого рода способствуетъ выработкѣ нравственности у людей другого сорта.

Она съ удовольствіемъ сознавала, что чувствуетъ настоящее волненіе. Джоржъ Тресседи затронулъ ея чувства, раздражилъ ея нервы больше,—да, она сознавалась въ этомъ самой себѣ,—больше, чѣмъ кто-нибудь другой, больше, чѣмъ всѣ остальные. Она мысленно перебирала этихъ остальныхъ, и перебирала съ презрѣніемъ. А между тѣмъ, несомнѣнно, очень немногія дѣвушки ея званія и данной мѣстности больше нея пользовались жизнью, очень немногія имѣли столько приключеній. Мать никогда ни въ чемъ не стѣсняла ее, а сама она никогда не смущалась тѣмъ, «что скажутъ». Танцы, пикники, прогулки при лунѣ; жаркое соперничество съ болѣе красивыми дѣвушками и удовольствіе затмить ихъ; дерзкое обращеніе съ мужчинами, которые не интересовались ею, и милая привѣтливость съ тѣми, кто интересовался—обо всемъ этомъ было пріятно вспоминать. Она не могла упрекнуть себя въ томъ, что не воспользовалась какимъ-либо шансомъ, какимъ-либо случаемъ получить то, чего ей въ данное время хотѣлось.

А между тѣмъ, да, все это надоѣло ей! ей надоѣло оставаться незамужней дѣвушкой, надоѣло пользоваться всѣми выго-

дами своего положенія. Она пріѣхала въ Мальфордъ-гоусъ въ уныломъ настроеніи, чѣмъ и объясняется, отчасти, ея обращеніе съ миссисъ Гаукинсъ. Въ прошломъ году ей открывалась возможность выйти выгодно замужъ за одного изъ богатыхъ сосѣдей. Она всѣми силами старалась объ этомъ и потерпѣла неудачу, неудачу при самыхъ унизительныхъ условіяхъ. Бракъ состоялся, но вышла замужъ не Летти Сьювель, а одна изъ ея молоденькихъ сосѣдокъ.

Сегодня въ первый разъ она могла думать объ этомъ спокойно, даже съ улыбкой. Въ ней были оскорблены только тщеславіе и честолюбіе, а сегодня эти чувства нашли полное удовлетвореніе и успокоеніе.

Конечно, это будетъ не особенно выгодный бракъ, если онъ состоится. Все, что тетушка Уаттонъ знала о Тресседи, было давно извѣстно ея племянницѣ. Самъ Тресседи очень откровенно отвѣчалъ на ловкіе вопросы Летти. Она знала почти все, что хотѣла знать. Несомнѣнно, Фертъ было далеко не первостепенное имѣніе а когда начались волненія этихъ противныхъ углекоповъ, его доходы, какъ владѣльца копей, стали гораздо меньше, чѣмъ были при его отцѣ,—вѣроятно, тысячи три-четыре въ годъ, можетъ быть, въ хорошіе года нѣсколько больше. Это было не очень много.

Но,—она закрыла глаза руками,—онъ былъ аристократиченъ, она это отлично замѣчала. Его вездѣ примутъ съ радостью.

— А мы не аристократы, въ этомъ все дѣло. Мы люди неважные, незамѣтные. И мнѣ было очень трудно подняться надъ своей средой. Тетя Уаттонъ была очень счастлива, что нашла себѣ такого мужа. На самомъ дѣлѣ она заставила дядю Уаттонъ жениться на себѣ; но это было очень ловко съ ея стороны, и папа говоритъ, что никто другой не съумѣлъ бы этого сдѣлать.

Ей пріятно было вспоминать ухаживанье Тресседи, и лицо ея сіяло отъ удовольствія. «Капитанъ Аддисонъ! Какъ бы онъ посмѣялся, если бы зналъ, какое употребленіе я сдѣлала изъ его имени и его несмѣлаго ухаживанья. Но онъ никогда не узнаетъ. А, вѣдь, сэръ Джорджъ въ самомъ дѣлѣ обидѣлся, въ самомъ дѣлѣ приревновалъ!» Она разсмѣялась тихимъ смѣхомъ полнаго удовольствія.

Да, она рѣшилась. Со вздохомъ отбросила она всѣ другія, болѣе низкія, мечты. Надобно помнить, что у нея нѣтъ важнаго имени и совсѣмъ нѣтъ денегъ. Надобно смотрѣть фактамъ въ лицо. Джорджъ Тресседи введетъ ее въ другую общественную среду, болѣе высокую, чѣмъ та, къ которой она принадлежала.

Она говорила самой себѣ, что всегда интересовалась парламентомъ, политикой и выдающимися личностями. Почему же ей не имѣть въ этомъ мірѣ такого же успѣха, какой она имѣла въ Гельбекскомъ обществѣ? О, навѣрно, она будетъ имѣть успѣхъ!

Его мать, глупая, раскрашенная старая лэди, представляла несомнѣнно значительный минусъ, и тетя Уаттонъ говоритъ, что она безумно расточительна и раззоритъ Тресседи, если все будетъ идти, какъ теперь. Тѣмъ болѣе необходимо спасти его. Летти плотнѣе закуталась въ свой хорошенькій бѣленькій пеньюаръ и утвердилась въ мысли, что матерей такого рода можно и слѣдуетъ держать въ уздѣ.

Необходимо, конечно, имѣть домъ въ городѣ, но не на Уарвинъ-скверѣ, гдѣ у Тресседи былъ домъ, который прежде отдавался въ наемъ, а теперь былъ въ распоряженіи сера Джоржа. Этотъ домъ годится, пожалуй, для лэди Тресседи, если она въ состояніи будетъ содержать его, когда сынъ ея женится и приметъ на себя другія обязательства.

Летти позволила себѣ увлечься мечтами о будущей жизни въ Лондонѣ: молодой членъ парламента, близкій другъ и protégé лорда Фонтеноя, жена молодого члена, прокладывающая себѣ путь въ знатное общество, прелестные праздники въ Фѣртѣ.

Все это было превосходно! Но какіе же факты даютъ ей право надѣяться? Она подперла рукой свой маленькій подбородокъ и силилась припомнить всѣ эти факты. Конечно, онъ очень заинтересованъ, очень увлеченъ. Она наблюдала за нимъ, когда онъ старался удаляться отъ нея, широкая улыбка раскрыла ея губы, при воспоминаніи о ея торжествѣ, когда онъ внезапно возвращался къ ней и снова поддавался ея обаянію. Она находила, что у него характеръ ровный, спокойный, но онъ способенъ легко впадать въ уныніе. Въ ея обществѣ, впрочемъ, онъ никогда не казался унылымъ.

Однако, ничего еще не рѣшено. Все, что было между ними, можетъ самымъ легкимъ образомъ обратиться въ ничто, если, да, если она не приметъ надлежащихъ мѣръ. Онъ не новичекъ, и она также; онъ навѣрно имѣлъ множество любовныхъ исторій, это видно по его манерѣ. Такого рода мужчины всегда способны передумать, отступить, особенно когда они подозрѣваютъ, что ихъ ловятъ, преслѣдуютъ.

Ей казалось, она была почти увѣрена, что завтра у него наступитъ реакція, можетъ быть, именно по тому, что его мать застала ихъ вмѣстѣ. Завтра утромъ ему это будетъ непріятно, непріятно снова начинать то, на чемъ онъ остановился сегодня.

Безъ большого такта и ловкости все зданіе можетъ разрушиться, какъ карточный домикъ. Хватитъ ли у нея мужества разыгрывать неприступную, воздвигнуть преграды на его пути?

Было около полуночи, когда Летти подняла наконецъ голову и позвонила въ колокольчикъ, проведенный въ комнату ея горничной, но позвонила тихонько, чтобы не разбудить другихъ.

— Если Грайеръ заснула, она должна проснуться—вотъ и все.

Черезъ двѣ или три минуты вошла растрепанная горничная, потревоженная въ своемъ первомъ снѣ, и спросила, не больна ли барышня.

— Нѣтъ, Грайеръ; но я хотѣла сказать вамъ, что передумала и не останусь здѣсь до субботы. Я уѣзжаю завтра утромъ съ поѣздомъ 9 ч. 30 м. Закажите прежде экипажъ, а потомъ ужъ принесите мнѣ завтракъ, но только пораньше.

Горничная, ужасаясь при мысли о чемоданахъ, которые ей придется укладывать такъ спѣшно, осмѣлилась представить свои возраженія.

— Пустяки, вы можете позвать здѣшнюю горничную и она поможетъ вамъ,—рѣшительнымъ голосомъ проговорила миссъ Сювель.—Дайте ей за это, сколько хотите. А теперь идите и ложитесь, Грайеръ. Мнѣ жаль, что я васъ разбудила; у васъ такой сонный видъ, точно у совы.

Послѣ этого она долго стояла неподвижно, сложивъ руки, и глядѣлась въ большое трюмо.

— Летти уѣхала съ 9-часовымъ поѣздомъ—проговорила она громко, улыбаясь и сама подсмѣиваясь своимъ мыслямъ.—Боже мой! Какъ неожиданно! Какъ удивительно! Да, но это похоже на нее. Гм... Онъ долженъ будетъ написать мнѣ письмо, потому что я напишу ему вѣжливую записочку съ просьбой возвратить книгу, которую я ему дала. О, я надѣюсь, тетя Уаттонъ и его мать до смерти надоѣдятъ ему!

Она разразилась веселымъ смѣхомъ; затѣмъ, зачесавъ всю массу своихъ хорошенькихъ волосъ на одну сторону, она начала подкалывать ихъ на ночь: ея пальцы работали такъ же быстро, какъ ея мысли, а мысли строили одинъ за другимъ разные остроумные планы на случай слѣдующаго свиданія съ Джоржемъ Тресседи.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ФИНЛЯНДСКАЯ ВЫСШАЯ НАРОДНАЯ ШКОЛА.

(Замѣтка объ экскурсіи въ Финляндію).

— Хотите видѣть интересное образовательное учрежденіе финновъ, именно—высшую народную школу въ Финляндіи?

Предложеніе было слишкомъ соблазнительно, чтобы пренебречь имъ, и въ назначенный день, компаніей въ нѣсколько человѣкъ, мы выѣхали изъ Петербурга съ девятичасовымъ поѣздомъ по Финляндской желѣзной дорогѣ, а въ началѣ двѣнадцатаго были на одной изъ ближнихъ станцій, не доѣзжая Выборга. Нѣсколько финновъ-извозчиковъ окружили насъ, предлагая на какомъ-то смѣшанномъ нарѣчіи свои услуги. При помощи бывшаго съ нами финляндца, владѣющаго русскимъ языкомъ, мы скоро объяснились съ ними и быстро покатили на низенькихъ саночкахъ въ деревню, гдѣ находится высшая народная школа—цѣль нашей поѣздки. Не прошло и получаса, какъ мы уже подъѣзжали къ одноэтажному, сѣрому деревянному дому, съ очень большими окнами, въ которомъ помѣщается школа.

Насъ встрѣтилъ директоръ школы, человѣкъ лѣтъ 35-ти, невысокаго роста, бѣлокурый, съ серьезнымъ, оживленнымъ лицомъ. Мы объяснили ему цѣль нашего пріѣзда, мотивируя ее тѣмъ, что типъ такихъ народныхъ образовательныхъ учрежденій совершенно неизвѣстенъ у насъ. Любезно, хотя и нѣсколько сдержанно, директоръ разрѣшилъ намъ осмотрѣть все, что мы найдемъ интереснымъ, и пригласилъ прежде всего зайти въ классъ, гдѣ въ ту минуту происходила спѣвка хора. Классъ, большой и высокій, съ 5-ю громадными окнами, былъ увѣшанъ кругомъ географическими картами, портретами и бюстами финскихъ ученыхъ и писателей.

Какъ оказалось, мы пріѣхали въ день окончанія занятій передъ рождественскими каникулами, и ученики разучивали пѣсни къ школьному празднику, который долженъ былъ состояться вечеромъ. Учащіеся всѣ были въ сборѣ — 38 человѣкъ, изъ нихъ 20 мужчинъ и 18 дѣвушекъ, большею частью юная молодежь, лѣтъ 18—20. Самому старшему, какъ мы узнали послѣ, было 27 лѣтъ.

Вообще, въ такія школы принимаются всѣ, прошедшіе курсъ начальной народной школы, въ возрастѣ отъ 18 до 40 лѣтъ, мужчины и женщины, безразлично.

Пѣніе продолжалось и послѣ нашего прихода, стройное, хотя исключительно въ унисонъ. Кромѣ нѣсколькихъ довольно однообразныхъ, большею частью заунывныхъ народныхъ пѣсенъ, спѣли еще прекрасный финскій народный гимнъ и закончили «Боже, царя храни». Кончивъ пѣніе, ученики быстро сдвинули къ стѣнамъ учебные столы и принялись очищать мѣсто для предстоящаго праздника, а мы тѣмъ временемъ стали разспрашивать директора о программѣ, ходѣ учебныхъ занятій, количествѣ учениковъ и т. п.

Чтобы познакомить насъ съ объемомъ проходимаго курса наукъ, директоръ показалъ недѣльное росписаніе уроковъ. Занятія продолжаются ежедневно, кромѣ воскресенья, съ 8 ч. утра до 6 ч. вечера; отъ 6 до 7 часовъ полагается на занятія науками, а въ промежуткѣ 3—4 часа посвящаются физическимъ работамъ. Предметовъ, входящихъ въ программу, довольно много: ежедневно читается исторія, всеобщая или родной страны, и математика; далѣе— Законъ Божій, географія всеобщая и отечественная, литература, общія свѣдѣнія по физикѣ, химіи, ботаникѣ, зоологіи, анатоміи, и по государственному праву. Всѣми предметами ученики занимаются въ классѣ, подъ руководствомъ самого директора, двухъ учителей и одной учительницы; внѣ-классныхъ работъ совсѣмъ не существуетъ.

Довольно важнымъ неудобствомъ для веденія занятій является почти полное отсутствіе подходящихъ учебниковъ. Ученики, поступающіе въ школу, ранѣе прошли только начальное народное училище, такъ что по всѣмъ предметамъ курса высшей школы совершенно не подготовлены. Между тѣмъ, это люди уже болѣе или менѣе взрослые, могущіе посвятить занятіямъ не больше одного года. Поэтому имъ нужны книги, съ одной стороны, менѣе подробныя, съ другой — болѣе серьезныя, чѣмъ обычные элементарные учебники. Недостатокъ подходящихъ книгъ пополняется, насколько возможно богатой коллекціей прекраснѣйшихъ учебныхъ пособій. Громадныя географическія карты, подробные ботаническіе и зоологическіе атласы тонкой заграничной работы, разнообразныя историческія картины, различные приборы для простѣйшихъ химическихъ и физическихъ опытовъ, гипсовые анатомическіе препараты,—все это даетъ возможность вести преподаваніе безъ помощи книгъ, наглядно и живо.

Кромѣ систематическихъ занятій предметами курса, одинъ вечеръ въ недѣлю посвящается общимъ бесѣдамъ учениковъ съ учи-

телями. Бесѣды организуются самими учениками. Для этого всѣ они дѣлятся на 5 группъ, и каждую недѣлю очередная группа выбираетъ нѣсколько вопросовъ для обсужденія и готовится говорить по поводу ихъ. Вопросы поднимаются самые разнообразные; иногда обсуждаютъ практическія стороны и нужды сельской жизни, а попутно затрогиваются также болѣе или менѣе отвлеченныя, нравственныя и общественныя, темы. Цѣль такихъ бесѣдъ—выработать въ учащихся умѣнье свободно и правильно выражать мысли и подыскивать аргументы въ защиту своего мнѣнія.

Въ то время, какъ одна изъ 5-ти группъ учениковъ занята подготовленіемъ бесѣды, другая составляетъ текущій нумеръ еженедѣльной школьной газеты, которая и редактируется, и составляется, и переписывается самими учениками. По виду, это—3-4 листа писчей бумаги большого формата, четко исписанныхъ однимъ почеркомъ. Нумеръ, вышедшій при насъ, былъ цѣликомъ посвященъ предстоящимъ рождественскимъ праздникамъ. Въ немъ было около десятка мелкихъ разсказовъ и статеекъ: размышленія по поводу возвращенія домой на праздникъ, о елкѣ, о подаркахъ, о гаданьи, объ отношеніяхъ учениковъ къ школѣ и чувствахъ, какія она въ нихъ возбуждаетъ, и т. п. Съ содержаніемъ этихъ разсказовъ мы, къ сожалѣнію, не могли познакомиться, такъ какъ весь журналъ, конечно, ведется по фински. Разъ въ недѣлю журналъ читается вслухъ передъ всѣми учениками и учителями, причемъ каждая статья читается ея авторомъ.

Такимъ образомъ, умственныя занятія учениковъ состоятъ не только въ пассивномъ усвоеніи предметовъ школьнаго курса, но и въ самостоятельной, активной работѣ мысли, которую вызываютъ бесѣды и веденіе собственнаго журнала.

На ряду съ теоретическими занятіями идетъ преподаваніе ремеслъ. Мужчины учатся столярному, женщины—ткацкому ремеслу и рукодѣльямъ. Въ отдѣльной, свѣтлой и чистой, комнатѣ школьнаго дома,—чистотой, впрочемъ, одинаково блистало все школьное помѣщеніе,—устроена ткацкая мастерская, гдѣ жена директора учитъ дѣвушекъ ткать полотна, канву для скатертей, вязать и вышивать. Она же учитъ ихъ готовить кушанья, и подъ ея руководствомъ ученицы сами приготовляютъ обѣдъ для всѣхъ учащихся и учащихъ; все школьное населеніе обѣдаетъ вмѣстѣ въ просторной столовой, за длинными деревянными столами, изъ блестящей, бѣлой глиняной посуды. Тѣ два предобѣденныхъ часа, пока дѣвушки учатся рукодѣльямъ и готовятъ обѣдъ, мужчины работаютъ въ двухъ столярныхъ мастерскихъ. Обѣ мастерскія помѣщаются въ отдѣльныхъ небольшихъ домикахъ на школьномъ дворѣ—одна для

болѣе грубыхъ и громоздкихъ работъ, другая для мелкихъ и болѣе тонкихъ.

Такъ проводятъ ученики цѣлый день въ школѣ, занимаясь, подъ руководствомъ учителей, то умственной, то физической работой.

Помѣщенія для ночлега при школѣ нѣтъ, а между тѣмъ, только одинъ ученикъ осмотрѣнной нами школы былъ изъ мѣстныхъ крестьянъ; большая же часть съѣхалась спеціально для занятій изъ окрестныхъ деревень, часто довольно отдаленныхъ,—нѣкоторыя за 200 — 300 верстъ. Поэтому, ученики нанимаютъ помѣщеніе у сосѣднихъ крестьянъ. Квартира и обѣдъ обходятся имъ, приблизительно, отъ 7-ти до 10-ти р. въ мѣсяцъ, за ученье же они платятъ 5 р. въ годъ; не имѣющіе средствъ освобождаются и отъ этой невысокой платы.

Ученье въ школѣ продолжается съ ноября по май и курсъ считается одногодичнымъ. Конечно, въ продолженіе шестимѣсячныхъ занятій школа не можетъ дать ученикамъ солидныхъ спеціальныхъ знаній, да она и не задается такими цѣлями. Цѣль ея—пробудить интересъ къ умственнымъ занятіямъ, развить привычку думать и выражать свои мысли словами и перомъ, отвѣтить на самые общіе, близкіе вопросы и, наконецъ, привить вкусъ къ чтенію. Этой послѣдней цѣли служитъ небольшая, хорошо подобранная, школьная библіотека, состоящая изъ разнообразныхъ книгъ, какъ популярно научныхъ, — историческихъ, географическихъ и пр.—такъ, главнымъ образомъ, беллетристическихъ. По окончаніи 6-тимѣсячнаго курса ученики не получаютъ никакихъ дипломовъ или свидѣтельствъ, такъ какъ они не считаются спеціально подготовленными къ чему-нибудь; они возвращаются домой къ своимъ, на время прерваннымъ земледѣльческимъ работамъ, съ запасомъ новыхъ мыслей, съ широко раздвинутымъ умственнымъ горизонтомъ, унося съ собой свѣтлое воспоминаніе о плодотворно и интересно прожитомъ времени.

Такого рода школы стали устраиваться въ Финляндіи очень недавно—съ 1888 года. Въ настоящее время ихъ насчитывается во всей странѣ 20; въ 15-ти преподаваніе ведется на финскомъ языкѣ, въ 5—на шведскомъ. Учениковъ въ нихъ обыкновенно бываетъ отъ 30-ти до 60-ти, исключительно изъ крестьянъ, съѣзжающихся въ ту деревню, гдѣ находится школа, изъ всѣхъ сосѣднихъ приходовъ. Кромѣ директора, въ каждой школѣ занимаются еще 2—3 учителя или учительницы. Всѣ они, по большей части, люди съ высшимъ образованіемъ,—мужчины, окончившіе университетъ, женщины—какую-нибудь высшую женскую школу. Всѣ эти школы устраиваются частнымъ обществомъ, собирающимъ для этой цѣли

средства съ помощью членскихъ взносовъ, концертовъ, лекцій, баловъ и т. п. Для каждой школы строится домъ со всѣми необходимыми надворными строеніями и квартирой для директора, покупаются всѣ нужныя пособія и книги, и выдается ежемѣсячно жалованье директору и учителямъ. Содержаніе каждой школы обходится обществу около 8.000 марокъ, т. е. менѣе 4.000 р. на наши деньги.

Когда мы осмотрѣли школьное помѣщеніе и разспросили директора обо всемъ, что насъ интересовало, онъ сказалъ намъ, что занятія у нихъ теперь кончились до 7-го января, на другой день всѣ ученики разъѣдутся по своимъ деревнямъ, а сегодня, вечеромъ, будетъ по этому случаю «ёлка». Онъ любезно предложилъ намъ остаться посмотрѣть на ёлку. Мы съ удовольствіемъ согласились и такъ какъ до начала праздника оставалась еще часа 2—3, то и пошли пока посмотрѣть деревню.

Первое, что остановило наше вниманіе среди маленькой, разбросанной деревушки, — былъ громадный новый домъ начальной школы. Къ сожалѣнію, занятія и въ ней уже кончились, но мы все-таки зашли въ домъ, чтобы осмотрѣть его внутри. Тутъ, какъ и въ высшей школѣ, больше всего поразила насъ идеальная чистота, масса свѣта и воздуха. Помѣщеніе состоитъ изъ двухъ большихъ, высокихъ классныхъ комнатъ, съ громадными окнами, большими географическими картами и картинами по стѣнамъ. Столы и скамьи устроены по послѣдней системѣ, позволяющей дѣтямъ сидѣть свободно и прямо, не упираясь грудью въ столъ. Рядомъ съ каѳедрой стоитъ небольшая фисгармонія, подъ аккомпаниментъ которой дѣти поютъ молитвы. Всѣхъ учениковъ въ школѣ оказалось 58, но помѣщеніе настолько велико, что смѣло могло бы вмѣстить и больше сотни. Занимается съ ними одна учительница, которая живетъ въ томъ же домѣ и имѣетъ 2 комнаты и кухню. Полюбовавшись такъ прекрасно обставленной школой, мы отправились гулять по деревнѣ, которая мало чѣмъ отличается отъ нашихъ селъ,—такіе же маленькіе, сѣрые домишки, да изрѣдка домикъ получше, принадлежащій какому-нибудь мѣстному богачу.

Пошатавшись по деревнѣ, мы зашли на постоялый дворъ, напиться чаю. Хозяина не было, и мы съ нѣкоторымъ трудомъ объяснились съ хозяйкой, пожилой женщиной, въ обыкновенномъ городскомъ платьѣ, но съ оригинальнымъ финскимъ уборомъ на головѣ. Понявъ, что намъ нужно, она очень любезна пригласила насъ пройти въ чистую половину избы, гдѣ, вѣроятно, принимаются гости, и которая въ то же время служитъ и спальной, и столовой для всего семейства. Въ первой же очень просторной кухнѣ обѣдаютъ и пьютъ чай обычные посѣтители постоялаго двора—заѣзжіе изъ сосѣднихъ деревень крестьяне и извозчики.

Пока мы пили чай, подошелъ и хозяинъ. Толстый, съ самодовольнымъ, краснымъ лицомъ и массивной серебряной цѣпочкой во весь жилетъ, онъ произвелъ на насъ впечатлѣніе типичнаго зажиточнаго крестьянина. Онъ немедленно разсказалъ намъ (онъ почти свободно говоритъ по-русски), что у него здѣсь и постоялый дворъ, и мелочная лавка, и молочное хозяйство, и дровяной складъ. Сообщивъ всѣ свѣдѣнія о себѣ, онъ сталъ разспрашивать и насъ, откуда и зачѣмъ забрались мы сюда. Узнавъ, что мы пріѣхали съ спеціальной цѣлью—осмотрѣть ихъ высшую школу, онъ былъ очень польщенъ и заявилъ, что имъ это очень пріятно, что школа—предметъ гордости всего села, и имъ въ высшей степени лестно, что о ней слышатъ и ею интересуются даже въ Петербургѣ. Уходя, мы хотѣли расплатиться за чай, но онъ и слушать не сталъ.

— Это намъ обидно,—говорилъ онъ.—Школа не этого стоитъ... Вы пріѣхали на нашу школу посмотрѣть, а мы съ васъ за чай будемъ брать!.. Нѣтъ! мы готовы васъ и не такъ принять, если вы такъ интересуетесь нами...

Вмѣстѣ съ нимъ и его семьей мы отправились на ёлку. Жена его надѣла болѣе нарядное платье, хотя осталась въ томъ же оригинальномъ головномъ уборѣ—родъ маленькой круглой фески, отъ которой, на затылокъ, на лобъ и виски спускается длинная и густая черная бахрома. Дочь ея, молоденькая дѣвушка, окончившая въ прошломъ году курсъ той же школы, выглядѣла настоящей городской барышней, скромно, но нарядно одѣтой.

Когда мы пришли, все уже было готово. Въ переднемъ углу класса стояла большая ёлка, убранная дешевыми бумажными украшеніями и простыми лакомствами, а въ противоположномъ концѣ рядами стояли стулья. Гости начали уже собираться. Ученики и ученицы имѣли теперь болѣе праздничный видъ, чѣмъ утромъ, — молодые люди — въ пиджакахъ, большинство въ крахмальныхъ рубашкахъ и галстукахъ; дѣвушки въ темныхъ шерстяныхъ платьяхъ, съ модными буфами на рукавахъ, хотя многія были въ передникахъ. Вслѣдъ за нами стали сходиться и другіе гости — пожилыя женщины въ шерстяныхъ платьяхъ и описанныхъ выше головныхъ уборахъ, мужчины — нѣкоторые въ пиджакахъ, а нѣкоторые въ полушубкахъ и валенкахъ. Среди женщинъ были и побѣднѣе одѣтыя, въ ситцевыхъ платьяхъ и домотканыхъ передникахъ, но такихъ было меньшинство. Наконецъ, забралось и съ десятокъ ребятъ. Среди учениковъ, совершенно не выдѣляясь изъ ихъ среды ни по костюму, ни по манерѣ обращенія, находились два учителя и двѣ учительницы.

Въ половинѣ шестого всѣ усѣлись, гдѣ кто нашелъ себѣ мѣсто, ёлку зажгли и праздникъ начался. Прежде всего ученики, подъ

управленіемъ одного изъ учителей, пропѣли хоромъ нѣсколько народныхъ пѣсенъ, въ промежуткахъ авторы читали свои разсказы изъ школьной газеты, и мы могли убѣдиться, что цѣль, которую должны имѣть въ виду такія чтенія, уже въ значительной степени достигнута. И молодые люди, и дѣвушки выходили совершенно спокойно на средину класса и читали свои разсказы, безъ признаковъ смущенья или неловкости, хотя аудиторія, къ которой они обращались, была все-таки довольно разнообразна и велика— всѣхъ собравшихся, вѣроятно, было не менѣе ста.

Между тѣмъ, директоръ принесъ только-что полученные имъ физическіе приборы, которыхъ ученики еще не видѣли. Составивъ цѣпь изъ всѣхъ дѣвушекъ, онъ далъ имъ въ руки концы приводовъ электрической баттареи и замкнулъ токъ. Дѣвицы, конечно, подняли крикъ, хохотъ, отдернули руки и, наконецъ, разбѣжались; тоже повторилось и съ молодыми людьми. Посторонняя публика, въ свою очередь, заинтересовалась, въ цѣпь стали протискиваться и гости, почтенные сѣдовласые старцы, и также весело хохотали, потирали руки и съ недоумѣніемъ поглядывали другъ на друга. Потомъ директоръ зажегъ на ёлкѣ электрическую лампочку, показалъ вогнутое и выпуклое зеркала и страбоскопъ съ разными потѣшными картинками, которыя возбуждали общую неудержимую веселость. Директоръ разъяснилъ намъ, что послѣ Рождества онъ будетъ объяснять въ классѣ причины всѣхъ этихъ физическихъ явленій, теперь же пользуется случаемъ одновременно и позабавить публику, и возбудить ея любознательность.

Общее оживленіе все росло и достигло апогея, когда изъ комнатъ директора появилась дѣвушка, наряженная рождественскимъ дѣдомъ. Она несла въ мѣшкѣ кипу нумеровъ одного иллюстрированнаго журнала, который даромъ разсылаетъ въ большомъ количествѣ свои рождественскіе нумера по школамъ. Каждому ученику дѣдушка давалъ по книжкѣ, сопровождая подарокъ, очевидно, какими-то непонятными для насъ остротами, такъ какъ каждое его слово покрывалось общимъ дружнымъ хохотомъ.

Снова началось пѣніе, но время отхода послѣдняго поѣзда было уже близко, и намъ пришлось съ сожалѣніемъ оставить оживленный и веселый праздникъ, не дождавшись конца. Простившись съ директоромъ и горячо поблагодаривъ его за любезность, мы уѣхали подъ прекраснымъ впечатлѣніемъ живого и полезнаго дѣла, созданнаго общественной иниціативой и руководимаго съ энергіей и любовью, какія можетъ вдохнуть только сознаніе живой общественной дѣятельности.

Т. К.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Къ характеристикѣ современныхъ настроеній въ литературѣ, иностранной и у насъ. — Минувшій годъ въ литературѣ. — Сборникъ статей «Положеніе армянъ въ Турціи до вмѣшательства державъ въ 1895 г.».—Сущность армянскаго вопроса и странное положеніе, занятое въ немъ частью нашей печати.— Изъ «Отчетовъ» Московскаго и С.-Петербургскаго Комитетовъ грамотности.

Одно изъ лучшихъ произведеній Ибсена, «Привидѣнія», заканчивается потрясающей сценой, написанной съ поразительной силой. Герой драмы, надломленный потомокъ цѣлаго поколѣнія много грѣшившихъ отцовъ, гибнетъ жертвой наслѣдственности. Подавленный медленно охватывавшей его болѣзнью, онъ сходитъ съ ума и монотонно повторяетъ одни и тѣ же слова, обращенныя къ матери:

«—Мама, дай мнѣ солнце... солнце... солнце...»

Этотъ несчастный больной намъ представляется символомъ души современнаго человѣка, какъ она отразилась въ литературѣ. Такое сравненіе невольно навертывается при чтеніи «Обзора иностранныхъ литературъ», помѣщеннаго въ декабрьской книгѣ нашего журнала. Тамъ есть одна черта, останавливающая вниманіе читателя,—черта, красной нитью проходящая черезъ весь «Обзоръ», не смотря на разнообразіе лицъ, въ немъ участвовавшихъ, различныхъ по національностямъ, возрастамъ, темпераментамъ и направленіямъ. Но всѣ они, одни больше, другіе меньше, подчеркиваютъ ее, и такое единодушіе—«безъ предварительнаго сговора»—само по себѣ представляется знаменательнымъ явленіемъ.

«Послѣ господства реализма, крайнія проявленія котораго никогда не встрѣчали симпатіи въ Швеціи, явилось въ видѣ реакціи стремленіе къ романтизму и символизму», пишетъ шведъ, перечисляя рядъ авторовъ, «по складу своего ума несклонныхъ къ этому направленію», но «слѣпо подчиняющихся господствующей модѣ». Бринкманнъ, обозрѣватель норвежской литературы, отличавшейся прежде простотой и реализмомъ, граничившимъ нерѣдко съ натурализмомъ довольно подозрительнаго свойства, отмѣчаетъ рѣзкую перемѣну въ направленіи Арне Гарборга, замѣчательнаго писателя, автора нѣскольких натуралистическихъ романовъ, сдѣ-

лавшагося внезапно пессимистомъ, затѣмъ піетистомъ и кончившаго «мрачнымъ мистицизмомъ». «Нѣсколько лѣтъ тому назадъ,—продолжаетъ Бринхманнъ, — въ Норвегіи почти никто не писалъ стиховъ, а теперь она насчитываетъ десятки поэтовъ самыхъ разнообразныхъ направленій», среди которыхъ онъ указываетъ нѣсколькихъ, «проникнутыхъ страннымъ романтизмомъ», силящихся передать читателю «свое мистическое настроеніе». Ибсенъ, обозрѣвая литературу Даніи, почти буквально повторяетъ Бринхманна: «Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, стихи считались въ Даніи болѣе низкой формой, чѣмъ проза, и неудобнымъ способомъ выраженія чувствъ; теперь это мнѣніе оставлено, и многіе молодые писатели съ успѣхомъ занимаются стихотворствомъ. Въ романѣ господствовалъ чистый реализмъ, идеи и все сколько-нибудь абстрактное строго отрицалось, — теперь мы замѣчаемъ въ немъ тенденцію къ символизму и неопредѣленному мистицизму».

Могутъ замѣтить, что Швеція, Норвегія и Данія—родственныя страны, чѣмъ отчасти и объясняется тожественность настроеній. Но вотъ обозрѣватель Италіи подчеркиваетъ «меланхоличное настроеніе у всѣхъ современныхъ поэтовъ», темноту и вычурность формы у двухъ наиболѣе прославленныхъ изъ нихъ—Пасколи и Кардучи—и болѣзненную манерность у самаго моднаго современнаго романиста, д'Аннунціо. Про Францію мы не говоримъ: шумъ, поднимаемый тамъ символистами, отдается даже у насъ на подмосткахъ столичной сцены, какъ было, напр., во время представленія «Тайны души» Метерлинка. Какъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній, авторъ французскаго обзора отмѣчаетъ «Les Pleureuses» (Плакальщицы) Генри Барбусса,—«рядъ стихотвореній, составляющихъ одну длинную поэму, воспѣвающую сладость траура и тѣни, уединенія и печали». Въ Германіи Робертъ Цимерманнъ приводитъ «образчики поэзіи въ новѣйшемъ вкусѣ», произведеніе «Садъ познанія» Леопольда Адріана, «несомнѣннаго импрессіониста», и жалуется на необузданность фантазіи нѣмецкихъ декадентовъ.

Если къ этому обзору прибавимъ кучу нелѣпостей нашего доморощеннаго декадентства, рѣзко проявившагося въ русской литературѣ за истекшій годъ, то картина получится довольно полная и внушительная. Получается яркая черта въ настроеніи современнаго общества, какъ западнаго, такъ и нашего, хотя у насъ она слабѣе,—быть можетъ, потому, что и литература у насъ меньше отражаетъ въ себѣ настроенія вообще. Во всякомъ случаѣ, говорить о подражательности и позаимствованіи и только этимъ объяснять общность этого явленія—значило бы закрывать

глаза, отказываясь отъ пониманія его. Какъ бы то ни было, его приходится признать, а тамъ ужъ дѣло личнаго настроенія—видѣть въ немъ шагъ впередъ или назадъ, радоваться или плакать.

Стремленіе къ символизму и мистицизму—вотъ то ебщее, что выдѣляется на сѣроватомъ фонѣ современныхъ литературъ, гдѣ истекшій годъ не выдвинулъ ни одного сильнаго таланта, ни одного произведенія, которому было бы суждено «прейти вѣковъ завистливую даль». Какъ въ биржевыхъ бюллетеняхъ мы читаемъ: «биржа прошла въ угнетенномъ настроеніи», такъ литературный годъ начался и закончился въ угнетеніи. Сильно понизились фонды натурализма, что составляетъ, повидимому, фактъ неоспоримый. Но въ этомъ пониженіи искать причинъ «возрожденія кикиморы»,—какъ ѣдко охарактеризовалъ одинъ глубокоуважаемый философъ усиленіе тенденцій къ мистикѣ и символизму,—едва ли возможно. Такое объясненіе одностороние и потому не совсѣмъ вѣрно.

На долю современнаго поколѣнія выпала тяжелая расплата за увлеченія, ошибки и несчастья отцовъ, и, что удивительнаго, если души мечтательныя и слабыя, неспособныя къ анализу и несклонныя къ борьбѣ, отвращаются отъ прежнихъ идеаловъ и ищутъ спасенія въ убаюкивающей тиши мистицизма? Тегнеръ лучше всего опредѣляетъ это настроеніе. «Сложить руки на груди, закрыть глаза на все окружающее и предать себя во власть высшей силѣ—вотъ что значитъ быть мистикомъ», говоритъ онъ. Такое «дремотное состояніе души» очень соблазнительно въ извѣстныя эпохи жизни какъ отдѣльной личности, такъ и цѣлыхъ обществъ, что и выразилъ Пушкинъ въ своемъ шутливо-скорбномъ восклицаніи: «зачѣмъ какъ тульскій засѣдатель я не лежу въ параличѣ?» Даже самыя сильныя натуры, меньше всего склонные къ апатичному прозябанію, могутъ въ порывѣ отчаянія припасть на минуту къ ногамъ «кикиморы». Потому что жить безъ вѣры нельзя, безъ вѣры во что-либо столь большое, предъ чѣмъ личное, маленькое я умалялось бы до полнаго уничтоженія, что было бы тѣмъ большимъ кораблемъ, къ которому намъ, маленькимъ людямъ, можно было бы привязать и свой челнокъ. Если нѣтъ этого, жизнь представляется тогда темнымъ корридоромъ, въ которомъ бредешь ощупью, рискуя на каждомъ шагу разбить себѣ лобъ.

Но порывъ отчаянья, какъ и всякій порывъ, дѣло минутнаго настроенія, и съ исчезновеніемъ его разсѣевается и мистическій туманъ, въ которомъ нѣтъ и не можетъ быть здороваго зерна, какъ думаютъ иные. Всякій разъ, когда «душа вселенной тосковала о духѣ вѣры и любви», замѣчалась та же склонность къ мистическимъ бреднямъ. Мистицизмъ—это душевный заразный ми-

кробъ, который овладѣваетъ ослабленнымъ организмомъ и гибнетъ, разъ силы возстановляются. И какъ есть натуры, отъ рожденія особенно склонныя, напр., къ чахоткѣ (такъ-назыв. status phtisicus), такъ есть другія, заранѣе обреченныя пасть жертвой мистическаго микроба. Мы не можемъ указать ни одного великаго художника или мыслителя съ мистическими наклонностями, и, наоборотъ, можно привести рядъ великихъ именъ, людей, съ поразительной душевной ясностью, почти кристальной чистоты. Чтобы не ходить далеко за примѣрами, припомнимъ Пушкина или Тургенева.

Мистицизмъ не имѣетъ въ себѣ ничего творческаго, и художественный талантъ съ оттѣнкомъ мистицизма отцвѣтаетъ безъ расцвѣта. Онъ можетъ дать нѣсколько незначительныхъ, хотя болѣе или менѣе яркихъ образовъ, но преходящихъ, почти неуловимыхъ, какъ смутныя тѣни сумерекъ. Все здоровое, сильное, гордое чуждо ему, почти непонятно. Такіе художники выбираютъ сюжеты для своихъ созданій среди слабыхъ и больныхъ, они склонны рисовать жизнь болѣзненныхъ дѣтей, преступниковъ, сбившихся съ пути людей или уродцевъ и несчастныхъ отъ рожденія. Положенія для своихъ героевъ они выбираютъ всегда экстравагантныя, странныя, почти неестественныя. Замѣчательно, между прочимъ, они никогда не описываютъ любви, потому что въ ихъ душѣ, омраченной мистицизмомъ, нѣтъ страсти. А любовь безъ страсти не бываетъ. Страсть—это признакъ силы, которой имъ недостаетъ. Это сказывается въ ихъ слогѣ, нерѣдко звучномъ, красивомъ, округленномъ, но отдающимъ какой-то нездоровой припухлостью, манерной мелочностью, туманностью, почти напыщенностью. Они щеголяютъ эпитетами, у нихъ всегда есть излюбленныя словечки. Вообще, ихъ словарь не богатъ, вслѣдствіе чего имъ постоянно приходится, во избѣжаніе повтореній, прибѣгать къ самымъ удивительнымъ сочетаніямъ словъ, что дѣлаетъ ихъ произведенія монотонными. Еще одна любопытная подробность,—они очень часто описываютъ смерть, силясь безплодно понять эту тайну, потому что мистицизмъ есть, въ сущности, скрытый страхъ смерти. «Они чувствуютъ тайну и стараются облечь ее въ образы»,—въ этомъ весь смыслъ мистицизма.

Но тайна не перестаетъ быть отъ этого тайной, пожалуй, она становится лишь еще глубже и непонятнѣе. Растетъ и страхъ передъ нею и усиливаются мучительныя попытки совладать съ нимъ посредствомъ новыхъ и новыхъ образовъ, въ созерцаніи которыхъ жертвы этого страха думаютъ забыться, подобно тому, какъ евреи передъ мѣднымъ змѣемъ Моисея въ пустынѣ. Въ концѣ концовъ обезсиленныя, онѣ складываютъ руки и отдаются всецѣло во власть торжествующей кикиморы.

Вотъ почему возрожденіе послѣдней знаменуетъ всегда ослабленіе жизненности общества. Когда оно живетъ полной жизнью, наслаждаясь всей полнотой бытія, нѣтъ тогда мѣста мистическимъ влеченіямъ, какъ, напр., въ радостную эпоху Возрожденія, на зарѣ современной цивилизаціи, или у насъ въ шестидесятые годы, въ первые дни гражданской жизни. Напротивъ, мистическія влеченія усиливаются во времена общественной реакціи и душевной смуты, въ тѣ переходныя эпохи, когда старые боги повержены въ прахъ, а новые еще не успѣли занять ихъ опустѣвшіе пьедесталы.

Такое же явленіе мы наблюдаемъ теперь, и, повидимому, оно еще только въ началѣ. На Западѣ это настроеніе проявляется ярче, потому что и жизнь тамъ интенсивнѣе, разнообразнѣе, столкновеніе интересовъ сильнѣе, а, слѣдовательно, больше жертвъ, больше разбитыхъ надеждъ и неудовлетворенныхъ существованій. Что это настроеніе западныхъ литературъ коренится въ общественныхъ условіяхъ, видно изъ того, что тамъ, гдѣ эти условія лучше и жизнь нормальнѣе, замѣчается совершенно иное настроеніе. Мы имѣемъ въ виду литературу англійскую и американскую. Въ первой замѣтно усилился такъ-называемый соціальный романъ, въ которомъ обычная романтическая коллизія любви и любовная психологія отступаютъ на второй планъ и выдвигаются картины общественной жизни, политическихъ кружковъ, промышленной сферы или рабочаго движенія. Очень яркимъ представителемъ этого направленія можетъ служить романъ Гемпфри Уордъ «Марчелла», печатавшійся въ прошломъ году въ «Русской Мысли», къ сожалѣнію, въ сильно сокращенномъ видѣ. Это исторія богато одаренной отъ природы дѣвушки изъ аристократической семьи. Въ противность героинямъ добраго стараго времени, романовъ Диккенса и Тэккерея, Марчелла не удовлетворяется личной жизнью, не отказывается отъ своего *я* ради любимаго человѣка и ищетъ примѣненія для своихъ недюжинныхъ силъ въ борьбѣ за обездоленныхъ. Чуждая кружковыхъ крайностей и партійной узости, она смягчаетъ неумолимыя доктрины своихъ духовныхъ вождей сердечностью высоко развитой и чуткой женской натуры, которой ничто человѣческое не чуждо, даже пониманіе порока. Марчелла—совершенно новый типъ въ англійской литературѣ, типъ удивительной красоты и духовнаго совершенства, для созданія и развитія котораго необходима и высокая культура Англіи. Такое же новое направленіе замѣчается и въ англійской драмѣ, гдѣ драматическія положенія вытекаютъ не изъ столкновенія личныхъ страстей, а политическихъ и общественныхъ интересовъ. Въ литературѣ Америки (Соединенныхъ Штатовъ, конечно), какъ можно судить по

очеркамъ г. Тверского и разсказамъ Бойезена, печатавшимся въ «Вѣст. Европы», пробивается не менѣе живая струя, которую мы назвали бы «народническою», если бы этотъ эпитетъ не получилъ у насъ значеніе, далеко не всегда выражающее истину. Эту струю лучше охарактеризовать демократическою, тѣмъ болѣе, что она непосредственно вытекаетъ изъ того широкаго народнаго движенія, которое охватило всѣ слои американской націи, движенія къ просвѣщенію и критическому пересмотру всѣхъ основъ соціальной и политической жизни.

Когда отъ этой картины здороваго, мощнаго, полной грудью дышащаго общественнаго организма, вернемся на континентъ Европы, первое, что привлекаетъ вниманіе, это французская «Камчатка»—зрѣлище, даже и не у олимпійцевъ способное вызвать лишь «смѣхъ несказанный». А на фонѣ ея вырисовывается печально-запуганный Метерлинкъ, этотъ выразитель «тайнъ души» современнаго французскаго буржуа, который живетъ въ постоянномъ трепетѣ смерти. Въ дни своей молодости этотъ буржуа отличался скептицизмомъ, жилъ шутя и умиралъ шутя, при случаѣ, даже съ большимъ достоинствомъ. Въ періодъ зрѣлости онъ ударился въ натурализмъ и пожилъ, что называется, въ полное свое удовольствіе. Теперь же старый грѣшникъ блѣднѣетъ при мысли о смерти, сталъ ханжей, проповѣдуетъ возвратъ къ католицизму и папскому престолу, у подножія котораго онъ не прочь пройтись слегка по части разныхъ liaisons dangereuses. Въ литературѣ современной Франціи, какъ въ зеркалѣ, отразилось все ничтожество буржуазной, мѣщанской жизни, съ ея низменными стремленіями, ограниченнымъ самодовольствомъ и непрестаннымъ страхомъ за свое драгоцѣнное существованіе, которое въ глазахъ буржуа есть центръ міра. Можно сказать, что это—индивидуализмъ, дошедшій до своего отрицанія.

Въ Германіи струя мистицизма и символизма сталкивается съ яркимъ и свѣжимъ талантомъ Гергардта Гауптманна, самаго молодого и самаго талантливаго изъ писателей молодой Германіи. Онъ какъ бы является представителемъ новаго поколѣнія объединенной Германіи,—поколѣнія, выросшаго въ суровыхъ условіяхъ политики крови и желѣза, въ тискахъ милитаризма и усилившагося, послѣ войны, капитализма. Это поколѣніе прошло суровую школу, изъ которой вынесло сильную, закаленную душу борца, что отражается въ каждомъ произведеніи Гауптманна. Что такое его «Ганеле»,—съ которой наши читатели знакомы,—какъ не открытый вызовъ, брошенный современному общественному строю? Или его «Одинокіе люди» (см. іюль «Сѣв. Вѣст.»), предпочитающіе смерть

гнету семейнаго лицемѣрія? Наконецъ, въ «Ткачахъ» онъ ставитъ ребромъ рабочій вопросъ, такъ обострившійся въ Германіи въ послѣднее двадцатипятилѣтіе. Гауптманнъ ставитъ вопросы въ самой простой, до осязательности конкретной формѣ, какъ того и требуетъ современная жизнь. Въ сущности, мы меньше всего нуждаемся въ построеніи новыхъ идеологическихъ формъ, въ новыхъ общественныхъ и личныхъ идеалахъ. Ихъ болѣе, чѣмъ достаточно, и изслѣдованы они до послѣднихъ логическихъ выводовъ. Быть можетъ наше время—скорѣе время осуществленія идей и мечтаній, вдохновлявшихъ великія сердца нашихъ отцовъ? И та смутная тревога, которая овладѣваетъ даже наиболѣе сильными умами и стойкими душами, а слабыхъ толкаетъ къ мистицизму и символизму.—не есть-ли она одно изъ тѣхъ знаменій, которыя предшествуютъ великимъ событіямъ, какъ говоритъ Ламмене? И, быть можетъ, наступающій годъ несетъ намъ, въ складкахъ своего таинственнаго покрывала, разгадку не одного изъ жгучихъ вопросовъ, завѣщанныхъ ему печально сходящимъ со сцены предшественникомъ?..

Переходя къ родной литературѣ, мы бы затруднились назвать особенно выдающіяся творенія. Истекшій годъ отличался большой плодовитостью, и книжный и журнальный рынокъ не оскудѣвалъ товаромъ. Разнаго качества былъ послѣдній, но есть одно, подавлявшее всѣ остальныя,—посредственность, шаблонъ, какъ у фабричныхъ издѣлій, вышедшихъ изъ-подъ одной и той же штампы. И если литература, какъ можно думать, служитъ выразительницей извѣстныхъ настроеній, то главная, характернѣйшая черта ихъ — неопредѣленность. Въ нѣкоторыхъ моряхъ довольно часто наблюдается явленіе, когда при полномъ безвѣтріи начинается странное волненіе, въ видѣ мелкихъ, короткихъ волнъ, бѣгущихъ безъ опредѣленнаго направленія, сталкивающихся и расходящихся въ суетливомъ безпорядкѣ. У моряковъ для этого явленія есть особое названіе—мертвая зыбь. Плохо кораблю, который, не обладая сильной машиной, попадетъ въ эту толчею, не дающую ему двигаться впередъ и въ то же время сильно расшатывающую его корпусъ. Такую же мертвую зыбь напоминаютъ литературныя теченія минувшаго года, своей безпорядочностью, неопредѣленностью, минорностью тона и мелочностью интересовъ. «Смѣшиця по Русѣ пошла», -- говоритъ одно изъ дѣйствующухъ лицъ въ разсказѣ г. Короленко «Рѣка играетъ». «Давно ужъ это, не со вчерашняго дня», успокоительно отвѣчаетъ ему другой. Эти немудрыя замѣчанія вполнѣ примѣнимы и къ нашей литературѣ, въ которой «смѣшиця» составляетъ наиболѣе характерное явленіе за прошлый годъ.

Добромъ помянуть его не за что, а лихомъ—не стоитъ того. «Vorbei und reines Nichts, volkommnes Einerlei» *), говоритъ Мефистофель, и такъ какъ живемъ мы не ради прошлаго, а во имя будущаго, то хотя бы «трудъ и горе» сулило намъ «грядущаго волнуемое море»,—будемъ продолжать нашу работу, утѣшаясь французской поговоркой: «дѣлай каждый свое дѣло, а что изъ сего воспослѣдуетъ—предоставимъ Богу».

Плохое утѣшеніе, могутъ замѣтить. Кто знаетъ лучшее—пусть скажетъ.

Въ числѣ жгучихъ вопросовъ, выпавшихъ на долю наступающаго года, не послѣднее мѣсто занимаетъ армянскій, которому посвященъ обстоятельный сборникъ, только что вышедшій въ свѣтъ, «Положеніе армянъ въ Турціи до вмѣшательства державъ въ 1895 г.» **). Сборникъ открывается рѣчью «великаго старца», Гладстона, предъ которымъ само время, какъ-бы въ безсильи, сложило свои «необорныя руки». Такою мощью дышетъ эта рѣчь, простая и ясная, идущая отъ сердца и потому глубоко волнующая сердца̀. Уже не первый разъ поднимаетъ онъ голосъ въ защиту униженныхъ и оскорбленныхъ и политикѣ силы противопоставляетъ политику справедливости. Такъ выступилъ онъ сорокъ лѣтъ тому назадъ, когда съ добросовѣстностью англійскаго ученаго, съ негодованіемъ, на какое способенъ только истый джентельменъ, и съ свойственною ему, какъ величайшему оратору вѣка, силою—обрушился на неаполитанское правительство и раскрылъ предъ пораженною ужасомъ Европою невѣроятныя тайны политическихъ тюремъ Неаполя и замка Сентъ-Эльма. Его книга, написанная о звѣрствахъ неаполитанскаго правительства, послужила дѣлу освобожденія Италіи не менѣе, чѣмъ политика Кавура и шпага Гарибальди. Вторично онъ возсталъ восемнадцать лѣтъ назадъ по поводу болгарскихъ вакханалій турецкаго правительства, доказывая невѣрность политики д'Израели, отстаивавшаго ненарушимость турецкой имперіи. И событія послѣдняго времени вполнѣ подтвердили справедливость его взглядовъ, къ которымъ склонился теперь и непосредственный преемникъ д'Израели, графъ Салисбери.

«Престарѣлый ораторъ, отказавшійся по болѣзни отъ публичной дѣятельности и выступающій съ рискомъ для здоровья, чтобы

*) «Что прошло—все равно, какъ будто и не было».

**) «Положеніе армянъ въ Турціи до вмѣшательства державъ въ 1895 г.». Рѣчь Гладстона, статьи: Роленъ-Жакемина, Макъ-Коля, Грина, Диллона, Діева и др. Москва. 1896 г. Ц. 1 р. Стр. XXIII + 443.

сказать во имя человѣчности и права слово въ защиту угнетенныхъ армянъ, которые въ глуши своей даже и не узнаютъ имени своего благороднаго защитника—рѣдкая, по своей возвышенности и красотѣ, картина!» — замѣчаетъ редакція Сборника. Дѣйствительно, это одна изъ тѣхъ картинъ, въ созерцаніи которыхъ вниманіе, утомленное завываніемъ разныхъ писакъ, отдыхаетъ съ отрадой и умиленіемъ. Можно еще жить на свѣтѣ, есть еще «порохъ въ пороховницахъ»,—пока на эстрадѣ передъ взволнованной толпой слышится такой голосъ и раздаются такія рѣчи:

«Пусть мнѣ не говорятъ, что одинъ народъ не имѣетъ власти надъ другимъ. Каждый народъ, а если нужно, то каждый человѣкъ, имѣетъ власть *во имя гуманности и справедливости.* Эти принципы присущи человѣчеству, и нарушеніе ихъ можетъ открыть, въ подобающій моментъ, уста самому малому изъ насъ. Но, въ такихъ случаяхъ, какъ настоящій, мы должны опасаться, чтобы не совершить какой-либо несправедливости, и чѣмъ ужаснѣе слухи, тѣмъ строже мы обязаны воздерживаться отъ поспѣшнаго признанія ихъ достовѣрности; нашъ долгъ ожидать разслѣдованія дѣла и слѣдить за тѣмъ, чтобы все, что мы говоримъ, основывалось на провѣренныхъ фактахъ.

«Да, мм. гг., 18 лѣтъ тому назадъ, на мою долю, я полагаю — на мое счастье, выпало принять на себя активную роль по поводу другихъ насилій, о которыхъ сначала распространились только слухи, но которыя затѣмъ также были ужаснымъ образомъ подтверждены: это насилія, совершенныя въ Болгаріи. Я, однако, не выступилъ по этому поводу до тѣхъ поръ, пока, во-первыхъ, достовѣрность и характеръ упомянутыхъ слуховъ не были установлены безспорнымъ изслѣдованіемъ; во-вторыхъ, пока я самъ не утратилъ надежды на то, что правительство, находившееся тогда у власти, явится вѣрнымъ выразителемъ британскаго общественнаго мнѣнія. Вы видите, что мой образъ дѣйствій въ настоящемъ случаѣ не противорѣчитъ моимъ поступкамъ по поводу болгарскихъ событій, и, не смотря на мою старость, не можетъ служить доказательствомъ того, что чувства мои зачерствѣли въ отношеніи къ столь ужаснымъ фактамъ, какъ тѣ, о которыхъ говорятъ теперь.

«Я хранилъ до сихъ поръ молчаніе потому, что имѣлъ полную увѣренность, что правительство королевы исполнитъ свой долгъ, и сохраняю эту увѣренность и теперь. Власть и вліяніе правительства значительны и въ тоже время ограничены. Эта страна, дѣйствуя одиноко, не можетъ выступить представительницей всего человѣчества и подвергать достойному наказанію даже самыхъ грубыхъ злодѣевъ; но существуетъ совѣсть человѣчества, какъ единаго цѣлаго,—совѣсть, которая не ограничена даже предѣлами христіанства. И великая сила въ соединенномъ голосѣ оскорбленнаго человѣчества! Что произошло въ Болгаріи? Султанъ и его правительство безусловно отрицали, чтобы совершено было что-либо дурное. Да, но ихъ отрицаніе было поколеблено фактами. Истина обнаружилась на глазахъ всего міра. Я сказалъ тогда: «наступило время, чтобы турки и всѣ ихъ приверженцы ушли разъ навсегда изъ Болгаріи». Слова эти были сочтены за сумасбродство, но въ концѣ концовъ турки удалились не только изъ Болгаріи, но и изъ цѣлаго ряда другихъ мѣстъ».

На ту же силу совѣсти «соединеннаго человѣчества», Гладстонъ возлагаетъ надежду и теперь, и, сдѣлавъ блестящую характеристику турецкаго правительства, которое онъ называетъ «поруганіемъ цивилизаціи во всемъ ея цѣломъ и проклятіемъ человѣчества», онъ заканчиваетъ свою рѣчь: «Это сильныя выраженія; но такія выраженія должны быть употребляемы, когда сильны факты, и они не должны употребляться безъ этого условія. Я совѣтовалъ

всѣмъ пока воздерживаться отъ сужденій и хранить ихъ про себя, но по мѣрѣ того, какъ доказательства усиливаются и положеніе дѣлъ представляется мрачнѣе, мои надежды меркнутъ и угасаютъ; и до тѣхъ поръ, пока я буду имѣть голосъ, я надѣюсь, — этотъ голосъ, въ случаѣ необходимости, будетъ раздаваться во имя человѣколюбія и истины».

Эта рѣчь была имъ сказана въ день 85-ти-лѣтней годовщины рожденія, 29-го декабря 1894 г., а въ іюлѣ 1895 г. онъ, убѣдившись въ справедливости всѣхъ свѣдѣній о систематическомъ избіеніи армянъ, «совершающемся изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, изъ недѣли въ недѣлю, изо дня въ день»,—снова выступилъ съ рѣчью, въ которой именемъ всей британской націи требуетъ вмѣшательства Европы въ дѣла турецкой имперіи. «Мы достигли дѣйствительно критическаго положенія, — говорилъ онъ на публичномъ митингѣ въ Честерѣ.—Три великихъ европейскихъ правительства, управляющія населеніемъ въ 209 милліоновъ человѣкъ, превосходящимъ въ восемь или девять разъ населеніе Турціи, — правительства, средства которыхъ двадцать разъ больше средствъ Турецкой имперіи, вліяніе и сила которыхъ въ пятьдесятъ разъ превосходятъ могущество Турціи, взяли на себя по этому вопросу извѣстныя обязательства; если онѣ отступятъ въ виду противодѣйствія султана и отоманскаго правительства, онѣ будутъ опозорены въ глазахъ всего свѣта. Всѣ мотивы долга совпадаютъ въ этомъ случаѣ со всѣми мотивами самоуваженія».

Факты, убѣдившіе Гладстона, что моментъ для вмѣшательства назрѣлъ, составляютъ содержаніе настоящаго сборника, состоящаго изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ статей, выясняющихъ положеніе армянъ въ Турціи со всѣхъ сторонъ. Вопросъ этотъ простъ и ясенъ, и если бы не путаница интересовъ, въ которой тонетъ здравый смыслъ современной политики, онъ былъ бы разрѣшенъ давнымъ-давно. Почти 3.000.000 людей подвергаются уже нѣсколько десятилѣтій подъ рядъ систематическому истребленію, которое за послѣдніе три года приняло характеръ массовыхъ избіеній. Турецкое правительство, обязанное европейскими державами, по берлинскому трактату, упорядочить положеніе дѣлъ въ Арменіи, пришло къ мудрому заключенію, что лучшее средство для этого— уничтожить армянъ совсѣмъ. «Теперь доказано, — говоритъ Диллонъ,—что сасунская рѣзня была *сознательнымъ* дѣломъ представителей Блистательной Порты, дѣломъ, которое было заботливо подготовлено и безпощадно выполнено, не смотря на то, что эти ужасы вызывали содроганія даже въ курдскихъ разбойникахъ и чувства состраданія даже въ сердцахъ турецкихъ солдатъ». Масса

свидѣтельствъ, собранныхъ Гриномъ, Макъ-Колемъ и Диллономъ, рисуютъ это истребленіе въ такихъ чудовищныхъ краскахъ, что сравниться съ ними могутъ развѣ древнія преданія объ истребленіи городовъ Чингисъ-Ханомъ или Тимуромъ. Американскій миссіонеръ Гринъ, мало, лучше сказать, вовсе не заинтересованный въ восточномъ вопросѣ, заявляетъ, что, «повидимому, можно безъ опасеній сказать, что 40 деревень совершено разрушены, и представляется вѣроятнымъ, что убито, по меньшей мѣрѣ, 16.000 человѣкъ. *Самая низкая цифра 10.000*, но многіе считаютъ гораздо больше». «Нужно замѣтить,—добавляетъ онъ,—что избіеніе совершалось регулярными солдатами, находившимися большею частью подъ командой офицеровъ высокаго ранга. Это придаетъ дѣлу въ высшей степени серьезное значеніе». Маршалъ Зекки-паша, спеціально присланный изъ Эрзинкіана, объявилъ фирманъ султана, повелѣвающій истребленіе, и затѣмъ, «держа указъ на груди, увѣщевалъ солдатъ» не уклоняться отъ исполненія долга. «Въ послѣдній день августа, въ годовщину восшествія султана на престолъ, солдатъ особенно увѣщевали отличиться, и они произвели въ этотъ день самую звѣрскую рѣзню», а вся расправа тянулась 23 дня, или въ общемъ—«съ середины августа до середины сентября» (стр. 237).

Подробности слишкомъ возмутительны, чтобы передавать ихъ здѣсь, и мы отсылаемъ читателей къ самой книгѣ. Приведемъ лишь выдержку изъ описанія Лейярда, знаменитаго изслѣдователя Ниневіи, которому пришлось побывать на мѣстѣ другой турецкой расправы въ Арменіи, относящейся къ пятидесятымъ годамъ. Оно лучше всякихъ «передовицъ» нашихъ «патріотовъ» характеризуетъ попечительное управленіе турецкаго правительства.

«Скоро мы увидѣли слѣды избіенія. Сначала черепъ, одиноко катившійся вмѣстѣ съ щебнемъ, потомъ груды бѣлѣвшихъ костей; дальше обрывки гнилого тряпья. При движеніи впередъ чаще начали встрѣчаться подобные остатки; скелеты, почти совершенно цѣлые, еще висѣли на низкихъ кустахъ. Мнѣ скоро пришлось отказаться отъ попытки сосчитать ихъ. Когда мы приблизились къ отвѣсу скалы, покатость вся оказалась покрытой костями, въ перемежку съ длинными, заплетенными въ косы женскими волосами, съ потерявшимъ свой первоначальный видъ бѣльемъ, съ изношенными башмаками. Здѣсь были черепа всевозможныхъ возрастовъ, начиная отъ народившагося на свѣтъ ребенка до беззубаго старика. Подвигаясь впередъ, мы невольно наступали на нихъ и скатывали ихъ въ долину вмѣстѣ съ костями. «Это еще ничего», воскликнулъ мой проводникъ, замѣтивъ, что я съ изумленіемъ смотрю на эти несчастныя груды: — это только останки, тѣхъ, которые бросились внизъ или пытались спастись отъ убійства, прыгая со скалы. Слѣдуйте за мной» (стр. 180—181).

Но мы за нимъ не послѣдуемъ, полагая, что и этого достаточно.

Странное, чтобы не сказать больше, впечатлѣніе производятъ послѣ этого смѣлыя завѣренія нашихъ «патріотическихъ туркофиловъ», что «*всѣ крики* о турецкихъ преслѣдованіяхъ армянъ—*вымы*-

селъ»... Редакція сборника дѣлаетъ по этому поводу справедливое примѣчаніе: «Любопытно сопоставить съ этими явно пристрастными туркофильскими потугами фальсификаціи исторіи прошлой и современной — свѣдѣнія, напечатанныя въ августѣ 1895 г. въ фельетовѣ «*Правительственнаго Вѣстника*». Въ статьѣ «Арменія и отношенія къ ней русскаго народа» приводится множество данныхъ о звѣрствахъ турокъ за послѣдніе три вѣка. Передавъ со словъ *турецкаго* историка данныя о звѣрствахъ, совершенныхъ въ XVI в. во время осады Эрзерума турками надъ мирнымъ армянскимъ сельскимъ населеніемъ, статья продолжаетъ: «*Эти звѣрства съ небольшими промежутками* длились въ теченіе *трехъ столѣтій* и, *какъ извѣстно*, повторяются еще и въ *наши дни* («*Прав. Вѣстн.*» 1895 г. № 189).

При видѣ этихъ туркофильскихъ симпатій, такъ внезапно проявившихся въ нашей quasi-патріотической прессѣ, само собой напрашивается сравненіе съ поведеніемъ ея восемнадцать лѣтъ тому назадъ. Она словно обмѣнялась ролями съ извѣстной частью тогдашней англійской печати. Произошло, словомъ, политическое chasser-croiser. «Коварный Альбіонъ»,—лучшіе представители котораго и тогда, какъ и теперь, были на сторонѣ права и справедливости,—изображался ею то въ видѣ укрывателя баши-бузуковъ, то въ видѣ совѣтника, нашептывавшаго Портѣ мудрыя мѣры для укрощенія болгаръ. Теперь наши патріоты сами выступаютъ открыто въ неблагодарной роли укрывателей и попустителей курдовъ, которые въ ихъ изображеніи представляются кроткими овечками, терпящими напраслину, а армяне—злодѣями, бунтовщиками и агитаторами, задавшимися цѣлью, во что бы то ни стало, втянуть насъ въ войну. А каковы эти «овечки», показываетъ разговоръ Диллона съ однимъ изъ ихъ вождей, нѣкіимъ Мостиго, совершившимъ, по его словамъ, «большія дѣла, такія, которыя удивили бы 12 державъ», не то что «6 державъ».

«Выслушавъ рядъ исторій объ ихъ набѣгахъ, убійствахъ, грабежахъ, и т. п., я опять спросилъ его:

«— Можете ли вы, Мостиго, сообщить мнѣ еще что-нибудь о вашихъ смѣлыхъ дѣяніяхъ для того, чтобы я довелъ о нихъ до свѣдѣнія 12-ти державъ?»—на что онъ далъ слѣдующій характерный отвѣтъ:

«Однажды волку сказали, разскажи намъ что-нибудь объ овцѣ, которую ты съѣлъ, а онъ отвѣтилъ: я съѣлъ тысячи овецъ, о какой изъ нихъ вы говорите? То же самое можно сказать о моихъ дѣлахъ. Еслибъ я говорилъ, а вы писали два дня подрядъ, все-таки многое еще оставалось бы недосказаннымъ.» (стр. 348—349).

«Овечки» оказываются наивнѣе своихъ добровольныхъ адвокатовъ. Впрочемъ, въ одномъ они вполнѣ сходятся: какъ для овечекъ ихъ «великія дѣла» составляютъ обычное занятіе, такъ для ихъ защитниковъ — лганье вошло давно уже въ профессію. Мы очень рады, что появленіе этого сборника поможетъ русскому обществу уяснить себѣ истинное положеніе дѣла, нарочно запутываемаго, хотя и безъ видимой цѣли. Дѣло въ томъ, что если правительство Англіи времени освобожденія Болгаріи отстаивало Турцію, то оно имѣло нѣкоторыя основанія, въ виду весьма недвусмысленныхъ посягательствъ патріотовъ того времени на Константинополь. Теперь же никто и ни на что не посягаетъ, и всѣ державы, въ томъ числѣ и Россія, желаютъ одного—мирнаго разрѣшенія давно назрѣвшаго вопроса.

Оглядываясь на прошлый годъ, нельзя не отмѣтить одного выдающагося явленія въ нашей общественной жизни. Мы имѣемъ въ виду несомнѣнное оживленіе вопроса о народномъ просвѣщеніи. Нельзя при этомъ не помянуть добрымъ словомъ дѣятельности С.-Петербургскаго и Московскаго Комитетовъ грамотности, выдающаяся роль которыхъ въ этомъ дѣлѣ можетъ служить еще разъ доказательствомъ того положенія, какъ важна и необходима свободная иниціатива общества въ дѣлѣ, требующемъ прежде всего живого къ себѣ отношенія, готовности не только поддерживать то, что уже существуетъ, но и идти на встрѣчу все возрастающимъ въ народѣ стремленіямъ къ знанію.

Нѣсколько данныхъ, заимствуемыхъ изъ отчетовъ упомянутыхъ Комитетовъ, покажутъ намъ, какъ постепенно расширялась ихъ дѣятельность, сообразно росту просвѣтительныхъ задачъ общества и требованій народа. Кстати, изъ отчета Московскаго Комитета мы узнаемъ, что въ минувшемъ году исполнилось пятидесятилѣтіе его существованія, почему, какъ старѣйшему, мы и отведемъ ему первое мѣсто въ этихъ краткихъ замѣткахъ, заранѣе оговариваясь, что лишь характеръ послѣднихъ вынуждаетъ насъ остановиться на самомъ существенномъ. Въ дѣйствительности трудно сдѣлать такое разграниченіе, такъ какъ въ дѣятельности обоихъ Комитетовъ—все существенно.

Первое, что привлекаетъ къ себѣ вниманіе, это—замѣтный за послѣдніе годы ростъ личнаго состава Московскаго Комитета, въ число членовъ котораго въ 1891 г. вступило 62 новыхъ члена, въ 1892 г.—26, 1893 г.—69, 1894 г.—183, и 1895 г.—190. Въ этомъ отношеніи ему не уступаетъ С.-Петербургскій, ростъ котораго, пожалуй, еще болѣе поразителенъ, какъ видно изъ слѣдую-

щихъ данныхъ: къ 1-му января 1891 г. число членовъ было 251 къ 1892 г.—289, 1893 г.—388, 1894 г.—644, 1895 г.—883. Въ настоящее время число членовъ Московскаго Комитета почти сравнялось съ Петербургскимъ, достигая 800. Мы потому съ такою подробностью отмѣчаемъ возрастаніе числа членовъ обоихъ Комитетовъ, что въ нашихъ свободныхъ общественныхъ учрежденіяхъ всегда замѣчается обратное явленіе: въ началѣ ихъ возникновенія приливъ силъ, затѣмъ постепенный отливъ, вызываемый разочарованіемъ. Тогда какъ необычный въ нашей жизни ростъ столичныхъ Комитетовъ грамотности ясно говоритъ намъ, насколько дѣятельность ихъ удовлетворяла настоятельной общественной потребности идти на встрѣчу просвѣтительнымъ стремленіямъ народа.

Дѣйствительно, краткій перечень вопросовъ, разработанныхъ этими Комитетами, показываетъ, съ какою чуткостью относились они къ запросамъ и нуждамъ народной среды. «Наиболѣе важнымъ изъ предметовъ, обсуждавшихся Комитетомъ»,—читаемъ въ московскомъ отчетѣ,—«была разработка вопроса о возможности введенія въ нашей странѣ всеобщаго начальнаго образованія, вопроса, привлекавшаго въ истекшемъ году серьезное вниманіе общественныхъ дѣятелей и органовъ печати. Въ цѣломъ рядѣ земствъ вопросъ о всеобщемъ обученіи поставленъ въ настоящее время на первый планъ и успѣла создаться цѣлая литература, посвященная обсужденію его. Въ этомъ общественномъ движеніи, охватившемъ всю страну и сплотившемъ лучшіе элементы общества, принималъ не малое участіе и Московскій Комитетъ грамотности, которому принадлежитъ заслуга возбужденія этого вопроса и посильной разработки его... Этотъ вопросъ нашелъ себѣ подробную разработку въ рефератѣ В. П. Вахтерова «о всеобщемъ обученіи», разосланномъ впослѣдствіи Комитетомъ по всѣмъ земствамъ, городскимъ думамъ и другимъ учрежденіямъ, вѣдающимъ дѣло народнаго образованія». Для болѣе полной его разработки была затѣмъ избрана особая коммиссія, собравшая посредствомъ многочисленныхъ опросовъ и сношеній съ различными мѣстными дѣятелями богатый фактическій матеріалъ, отчасти уже опубликованный, именно—объ отношеніи самого населенія къ этому вопросу. Нашимъ читателямъ мы уже сообщали въ свое время объ этихъ интересныхъ результатахъ дѣятельности Комитета (см. «На Родинѣ», іюль и августъ 1895 г.).

Другимъ, не менѣе важнымъ предметомъ обсужденія Комитета былъ вопросъ о нормальномъ типѣ народной школы, причемъ Комитетъ категорически высказался противъ всякаго пониженія образовательнаго уровня школы и распространенія образовательныхъ

начальныхъ учрежденій, стоящихъ внѣ связи съ правильно поставленной школой и внѣ общественнаго контроля. Затѣмъ, Комитетъ возбудилъ вопросъ о крайне тяжеломъ положеніи сельскихъ учителей, вопросъ объ учрежденіи народныхъ библіотекъ, цѣлый рядъ ходатайствъ предъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, и т. д.

Такова была теоретическая часть его дѣятельности. Практическая выразилась въ изданіи «Ежегодника» отзывовъ о народныхъ книгахъ (738 отзывовъ о книгахъ и 784 — о народныхъ картинкахъ), въ разсылкѣ 185 библіотекъ на сумму 4.000 руб., въ изданіи ряда народныхъ книжекъ и цѣннаго сборника «Частный починъ въ дѣлѣ народнаго образованія».

Дѣятельность Петербургскаго Комитета не только не уступала Московскому, но отличалась еще большей интенсивностью и размѣрами обхватываемой ею области. Объ этомъ лучше всего свидѣтельствуетъ рядъ коммиссій, работавшихъ надъ спеціальными вопросами, какъ-то: коммиссіи издательская, библіотечная, по изданію сочиненій Кольцова, по оказанію помощи школамъ и другимъ учрежденіямъ, по сбору пожертвованій на школу имени А. Н. Энгельгарда, по собиранію и разработкѣ свѣдѣній о состояніи народнаго образованія въ Россіи, по составленію систематическаго обзора народно-учебной литературы, по участію Комитета на Всероссійской выставкѣ 1896 г., коммиссія помощи ученикамъ народныхъ школъ въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая, по изысканію средствъ, по разсмотрѣнію вопроса о внѣшкольномъ образованіи народа и возбужденію ходатайствъ,—всего *одиннадцать* коммиссій въ составѣ членовъ свыше *ста*. Такимъ образомъ, каждый изъ 8 членовъ Комитета такъ или иначе былъ привлеченъ къ работѣ. Пусть намъ укажутъ другое общество, въ которомъ было-бы больше *дѣятельныхъ* членовъ! И работали бы они такъ, какъ эти, которымъ пришлось возбуждать вопросы, писать доклады, обсуждать ихъ, перечитывать массу книгъ на всевозможныхъ языкахъ, дѣлать изъ нихъ выборъ, переводы, извлеченія, вести переписку съ массою учрежденій и частныхъ лицъ, заниматься изданіями, т. е. входить въ сношенія съ типографіями, фабриками бумаги, авторами, вести корректуру, устраивать и наблюдать за складами, завѣдывать продажей и разсылкой книгъ, и проч. Все это безвозмездно, урывая время отъ своихъ занятій, а слѣдовательно, жертвуя, кромѣ работы, и заработкомъ. Только искреннее желаніе принести пользу просвѣщенію, послужить народу можетъ вдохнуть въ людей ту энергію, которую проявилъ Комитетъ за послѣдніе годы своего существованія.

Результаты этой дѣятельности слишкомъ извѣстны, почему

не будемъ останавливаться на ея деталяхъ. Комитетомъ собрано до 30.000 р. на учрежденіе народныхъ библіотекъ, которыя и открыты по соглашенію съ земствами. Издано до *полумилліона* экземпляровъ книгъ, изъ которыхъ продано въ 1894 году до 150 т. экз., Число изданій сильно возрасло, составляя нынѣ 54 названія лучшихъ русскихъ и иностранныхъ авторовъ. Въ то же время цѣна ихъ понижена до крайности, такъ что изданія Комитета, выдѣляясь своимъ содержаніемъ и своей образцовой внѣшностью, являются на книжномъ рынкѣ самыми дешевыми. Чтобы дать приблизительное представленіе о трудѣ, посвященномъ на эти изданія, приведемъ небольшую выдержку изъ отчета. «Издательскою коммиссіею было разсмотрѣно около 600 литературныхъ произведеній русскихъ писателей и изъ нихъ выбрано для изданія 47 произведеній». Это показываетъ также, съ какой тщательностью и осмотрительностью дѣлался выборъ, причемъ коммиссія «руководствовалась *исключительно* соображеніями художественной правды и гуманности и была чужда какихъ бы то ни было тенденціозныхъ цѣлей». Чтобы оцѣнить значеніе издательской дѣятельности Комитета, надо принять во вниманіе не только эти голыя цифры, а и то несомнѣнное вліяніе, какое она оказала на изданіе книгъ для народа вообще. Какъ ни слабо развитъ вкусъ послѣдняго, но онъ не могъ не обратить вниманіе на рѣзкую разницу между изданіями Комитета и Никольскаго рынка, разницу хотя бы внѣшнюю и въ цѣнѣ, что повлекло за собою повышеніе требованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и общее улучшеніе въ народной литературѣ, замѣчаемое всѣми. Оцѣнить конкретно это вліяніе невозможно но его слѣдуетъ поставить на первомъ мѣстѣ въ ряду заслугъ Комитета передъ обществомъ.

Такова была въ самыхъ общихъ чертахъ дѣятельность столичныхъ Комитетовъ грамотности при Вольноэкономическомъ Обществѣ, которымъ и злѣйшіе ихъ критики не могли отказать въ энергіи, преданности дѣлу и умѣньи вести его.

А. Б.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Къ вопросу о земской и церковно-приходской школѣ. На одномъ изъ засѣданій обще-педагогическаго отдѣла въ Педагогическомъ Музеѣ (въ Соляномъ Городкѣ) П. Ѳ. Каптеревъ сдѣлалъ интересный докладъ «о народной школѣ по воззрѣніямъ проф. Рачинскаго».

Изложивъ взгляды послѣдняго, г-нъ Каптеревъ предложилъ членамъ Педагогическаго Общества высказаться по вопросу о томъ, какой типъ школы наиболѣе желателенъ для русской деревни — школа земская или церковно-приходская. Среди высказанныхъ мнѣній особенно заслуживаетъ вниманіе авторитетное указаніе М. Н. Капустина, попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, который высказался противъ пріуроченія школъ къ приходу, на томъ основаніи, что приходовъ (и священниковъ) въ Россіи считается до 40.000, а школъ уже теперь до 60.000 разныхъ типовъ, такъ что число приходовъ оказывается значительно меньше даже нынѣшняго, еще далеко недостаточнаго числа школъ.

Въ общомъ собраніе педагоговъ пришло къ выводу, что не слѣдуетъ отдавать предпочтенія ни одному изъ существующихъ типовъ школъ, а содѣйствовать ихъ равномѣрному совмѣстному развитію.

Вопросъ о преимуществахъ того или иного типа школъ имѣетъ огромное практическое значеніе. Въ дѣйствительности церковно - приходская школа чрезвычайно далека отъ того идеала, который рисовался воображенію пр. Рачинскаго. Въ большинствѣ случаевъ, церковно-приходскія школы обставлены несравненно хуже болѣе богатыхъ и благоустроенныхъ земскихъ школъ и вслѣдствіе этого населеніе относится къ нимъ безъ особаго сочувствія.

Интересныя пренія о народной школѣ велись также на послѣднемъ нижегородскомъ губернскомъ земскомъ собраніи. Коммиссія по народному образованію внесла въ земское собраніе слѣдующія предложенія: 1) поручить губернской управѣ, при участіи свѣдущихъ лицъ, пополнить существующій нынѣ каталогъ книгъ для обращенія въ народныхъ библіотекахъ составленіемъ добавочнаго каталога и представить его на утвержденіе министра народнаго просвѣщенія. Предложеніе коммиссіи принято и управѣ открытъ кредитъ на работу по пополненію каталога въ суммѣ 100 рублей 2) Признавая существующее количество инспекторовъ народныхъ училищъ крайне недостаточнымъ для губерніи, коммиссія предложила ходатайствовать предъ правительствомъ объ увеличеніи ихъ числа на два, при чемъ, въ случаѣ отказа правительства, содержаніе двухъ инспекторовъ принять на счетъ губернскаго

земства. Предложеніе принято единогласно, только земскій начальникъ г. Д. В. Хотяинцевъ хотѣлъ-было говорить о незаконномъ стремленіи земства создать себѣ право по инспекціи дѣла народнаго образованіи, но ему замѣтили, что не объ этомъ идетъ рѣчь. 3) Коммиссія предложила увеличить представительство отъ земства въ училищныхъ совѣтахъ еще однимъ членомъ отъ земства (до сихъ поръ было два представителя) по выбору земскаго собранія.

Единогласно принято предложеніо объ устройствѣ центральнаго склада при губернской земской управѣ письменныхъ принадлежностей и пособій для отпуска ихъ уѣзднымъ земствамъ и училищамъ. По пятому пункту были продолжительныя пренія. Коммиссія признала необходимымъ участіе губернскаго земства въ дѣлѣ народнаго образованія въ губерніи и предложила придти на помощь крестьянскимъ обществамъ при устройствѣ ими школьныхъ зданій. Для этого и для другихъ цѣлей коммиссія нашла, что долженъ быть образованъ особый «училищный» фондъ губернскаго земства въ размѣрѣ 50 тыс. р. Ссуды должны выдаваться въ размѣрѣ не свыше 1.000 р. на каждое училище и должны быть безпроцентныя. Противъ этого возставалъ особенно помянутый земскій начальникъ Хотяинцевъ. Собраніе постановило образовать фондъ и необходимую сумму позаимствовать изъ страхового капитала съ возвратомъ въ теченіе 20 лѣтъ изъ 4%.

Противъ этого послѣдняго предложенія особенно энергично возсталъ тотъ же гласный, земскій начальникъ Хотяинцевъ, заявившій, что онъ считаетъ совершенно излишнимъ ассигнованіе такой крупной суммы изъ средствъ губернскаго земства на народное образованіе. Ссылаясь на недавнее Высочайшее пожертвованіе 3.000.000 р. на церковно-приходскія школы, гл. Хотяинцевъ заявилъ, что, по его мнѣнію, нужды народнаго образованія уже получили полное удовлетвороніе и земству незачѣмъ больше дѣлать затраты въ этомъ направленіи. Взгляды, высказанныя гл. Хотяинцевымъ, вызвали возраженія со стороны другихъ гласныхъ. Приведемъ нѣкоторыя извлеченія изъ возникшихъ по этому поводу преній, обстоятельно изложенныхъ въ «Нижегородскомъ Листкѣ». Первымъ возражалъ гласный Щегловъ, который сказалъ слѣдующее: «Гл. Хотяинцевъ, приходя къ своему выводу, предпосылаетъ ему очеркъ того, что сдѣлано обществомъ и правительствомъ. Онъ говоритъ, что съ нѣкоторыхъ поръ,—я говорю: со времени открытія земскихъ учрежденій — народное образованіе сильно подвинулось впередъ. Правительство пришло ему на помощь. Мнѣ кажется, это должно, наоборотъ, заставить насъ расширить это дѣло и дать средства сдѣлать народное образованіе всеобщимъ. Выводъ-же гласнаго иной: такъ какъ правительство сознало, что помощь нужна, то съ нашей стороны ничего дѣлать не слѣдуетъ. Я съ этимъ не согласенъ, и думаю, что собраніе согласится со мной. Незначительный заемъ, который понадобится, легко можетъ быть покрытъ». Гл. Савельевъ: «Я думаю, что вопросъ объ ассигнованіи 50.000 р. поставленъ не широко, а скромно. Это помощь уѣзднымъ земствамъ—и больше ничего; такая же помощь, какъ складъ, какъ увеличеніе инспекціи, которое должно облегчить дирекціи надзоръ. Само губернское земство вѣдь ничего еще не устраиваетъ само, ни одной школы. Нѣкоторыя уѣздныя земства при всемъ желаніи не могутъ всего сдѣлать, и губернское поможетъ имъ, отчисляя суммы съ возвратомъ. Неужели это такая громадная затрата, такой чрезвычайный шагъ? Неужели мы дѣлаемъ какой-то необыкновенный скачокъ? Я не могу съ этимъ согласиться, въ

коммиссіи директоръ народныхъ училищъ разъяснилъ, что вопросъ о постройкѣ школьныхъ зданій—вопросъ существенный. Скопленіе 50—60 ребятъ въ курной избенкѣ, въ духотѣ—можетъ вредно отразиться на ихъ здоровьѣ».

Но всѣ эти убѣжденія не подѣйствовали на гл. Хотяинцева, который продолжалъ стоять на своемъ. «Обращаю вниманіе собранія,—говорилъ онъ,—на то, что нужда въ дѣлѣ народнаго образованія и такъ получила значительное удовлетвореніе. У насъ есть столько нуждъ, самыхъ вопіющихъ—это видно изъ докладовъ. Мы стоимъ передъ вопросами, вызывающими состраданіе къ человѣку, и мы безсильны помочь. Есть нужды, для которыхъ каждая наша копѣйка была бы въ пользу, а тамъ, гдѣ средства обезпечены и безъ того для дальнѣйшаго роста дѣла—мы будемъ тратить наши средства»...—В. В. Хвощинскій. «Дѣйствительно, правительство въ своей заботливости о нуждахъ крестьянъ, ассигновало огромныя средства на школы въ распоряженіе духовенства. Дмитрій Васильевичъ хочетъ, повидимому, указать, что разъ есть такое направленіе въ этомъ дѣлѣ, намъ не нужно тратить наши скудныя средства на участіе въ немъ. Но, кто читалъ Высочайшія отмѣтки о дѣятельности земствъ, согласится, что онѣ налагаютъ па насъ обязанность не останавливаться передъ грошами, а идти еще впередъ, и то, что мы просили, вовсе не такъ уже много: въ среднемъ это составитъ 3—4.000 р. въ годъ. Это совсѣмъ не тяжело».

Вопросъ объ ассигнованіи 50.000 р. на помощь школамъ былъ рѣшенъ утвердительно и гласный Хотяинцевъ имѣлъ за себя только 4 голоса.

Въ заключеніе собраніе единогласно постановило выразить г-жѣ А. А. Штевенъ благодарность нижегородскаго губерн. земства за ея благотворную дѣятельность на поприщѣ народнаго просвѣщенія.

Къ характеристикѣ земскаго начальника Хотяинцева, этого ревностнаго гонителя просвѣщенія, въ «Недѣлѣ» сообщаются слѣдующіе любопытные факты. Корреспондентъ «Недѣли» сообщаетъ, что г. Хотяинцевъ «всѣми силами старается мѣшать крестьянамъ своего участка открывать школы и вообще обучать дѣтей. Но иногда потребность просвѣщенія у крестьянъ бываетъ настолько сильна, желаніе открыть школу настолько единодушно, что даже г. Хотяинцевъ не находитъ удобнымъ идти прямо противъ свѣта, а старается допустить «зло» въ возможно безвредной формѣ, т.-е. позволяетъ крестьянамъ обзавестись самой убогой, несовершенной, маленькой и неудовлетворительной церковно-приходской школой. Нижегородскій вице-губернаторъ г. Родіоновъ, посланный въ Арзамасскій уѣздъ для разслѣдованія обвиненій, взводимыхъ на г-жу Штевенъ, выяснилъ, что именно такой «пріемъ» былъ примѣненъ г. Хотяинцевымъ къ крестьянамъ с. Лопатина, Арзамасскаго уѣзда. 19-го марта этого года лопатинскіе крестьяне единодушно составили приговоръ о своемъ желаніи открыть у себя въ селѣ земскую школу. Живущая въ с. Лопатинѣ г-жа Кохманская заявила, что на постройку этой школы даетъ 500 р. Крестьяне были очень обрадованы. Но ликованіе продолжалось недолго: пріѣхалъ въ село г. Хотяинцевъ и объявилъ крестьянамъ, что школа имъ совсѣмъ не нужна, что и безъ школы они достаточно бѣдны, что школа—роскошь и т. д., и т. д. Крестьяне стояли на своемъ, говорили, что только ученье и можетъ вывести ихъ изъ нищеты, и упрашивали г. Хотяинцева не тормозить дѣла. Разсерженный упорствомъ крестьянъ, г. Хотяинцевъ объявилъ имъ наконецъ, что въ крайнемъ случаѣ раз-

рѣшаетъ имъ открыть лишь самую маленькую и дешевую церковно-приходскую школу, и что если не составятъ немедленно контръ-приговора согласно его указаніямъ, онъ сочтетъ ихъ за очень состоятельныхъ людей и немедленно прикажетъ старшинѣ неукоснительно взыскать съ нихъ всѣ недоимки и текущіе платежи. Крестьяне испугались, уступили и составили новый приговоръ въ отмѣну прежняго, желая получить хотя самую маленькую и низшую школку. Копія новаго приговора была послана, по приказанію г. Хотяинцева, въ назиданіе г-жѣ Кохманской, уѣхавшей въ это время въ Москву. Г-жа Кохманская, въ отвѣтъ на любезное извѣщеніе, объявила, что отъ пожертвованія 500 руб. на школу отказывается, и крестьянское ликованіе смѣнилось теперь весьма понятнымъ уныніемъ. Г. Родіоновъ находитъ, что новый приговоръ былъ г. Хотяинцевымъ «вымученъ» и что такими пріемами легко вызвать крестьянъ на грубыя выходки, за которыми неизбѣжно послѣдуютъ самыя печальныя взысканія».

Оказывается, что г. Хотяинцевъ неоднократно проявлялъ подобное же рвеніе въ дѣлѣ попеченія о народномъ образованіи. Корреспондентъ «Недѣли» разсказываетъ, что «такой же случай имѣлъ мѣсто и въ с. Салалеяхъ. Это большое, въ 1.000 душъ, село Арзамасскаго уѣзда. Салалейскіе крестьяне составили приговоръ о своемъ желаніи открыть и содержать земскую школу. Приговоръ этотъ былъ неосторожно написанъ на листѣ бумаги, а не въ книгѣ приговоровъ. Когда г. Хотяинцевъ узналъ о замыслахъ салалейскаго общества, онъ потребовалъ приговоръ и помимо всякихъ съѣздовъ и присутствій самъ краткимъ способомъ отмѣнилъ приговоръ, изорвавши его въ клочки. Узналъ объ этомъ арзамасскій уѣздный предводитель дворянства М. И. Степановъ, и несмотря на то, что всю жизнь провелъ въ деревнѣ и присмотрѣлся ко всякимъ провинціальнымъ нравамъ, онъ все же удивился упрощенному способу г. Хотяинцева отмѣнять приговоры. Г. Степановъ посовѣтовалъ крестьянамъ еще разъ написать приговоръ и непосредственно подать ему, предводителю. Однако, ни писарь, ни крестьяне не рѣшились вызвать гнѣва г. Хотяинцева, доказавшаго не одинъ разъ свою памятливость. Но лишить громадное село всякой школы не рѣшился даже г. Хотяинцевъ, и поэтому чрезъ нѣкоторое время въ с. Салалеяхъ была открыта небольшая, низшая церковно-приходская школа».

Г. Хотяинцева спросили какъ-то, почему онъ помѣшалъ крестьянамъ открыть хорошую земскую школу, чего такъ крестьяне желали? Отвѣтъ земскаго начальника на этотъ вопросъ заслуживаетъ быть увѣковѣченнымъ. Г. Хотяинцевъ отвѣтилъ коротко:

«Они желали... а я не желаю, чтобы они желали». Справедливость заставляетъ насъ добавить, что за всѣ свои подвиги г. Хотяинцевъ уже удостоился получить оффиціальный выговоръ, съ занесеніемъ въ формуляръ.

Новѣйшіе земскіе проекты по рабочему вопросу. Въ то время, какъ по народному образованію, народной медицинѣ и даже поднятію экономическаго быта населенія земствомъ сдѣлано такъ много, оно почти ничего не сдѣлало для урегулированія положенія сельскохозяйственныхъ рабочихъ.

По словамъ земской хроники «Хозяина», относительно земскихъ проектовъ по рабочему вопросу можно замѣтить слѣдующее: Во-первыхъ, не только проекты различныхъ земствъ, но даже возникшіе въ разные періоды времени проекты одного и того же земства нерѣдко радикально противоположны другъ другу. Во-вторыхъ, громадное большинство проектовъ не

получило накакого практическаго осуществленія.

По мнѣнію «Хозяина», эти явленія во многомъ объясняются, разумѣется, крайней сложностью и трудностью самой задачи, но, кромѣ того, есть одна коренная причина, которую необходимо имѣть въ виду при сужденіи о земскихъ работахъ по рабочему вопросу. Дѣло въ томъ, что послѣдній непосредственно затрогиваетъ очень серьезные и въ то же время совершенно противоположные интересы землевладѣльцевъ съ одной стороны, крестьянъ — съ другой. Слѣдовательно, чтобы эти интересы могли получить безпристрастную оцѣнку и сколько-нибудь справедливое удовлетвореніе, безусло́вно необходимо равномѣрное представительство въ земствѣ обоихъ этихъ классовъ, т. е. какъ разъ то условіе, которое отсутствовало даже и въ первоначальной земской организаціи, не говоря уже объ организаціи, существующей теперь. Ожидать отъ массы земскихъ гласныхъ способности навсегда отрѣшиться отъ своихъ узкихъ эгоистическихъ интересовъ во имя справедливыхъ общественныхъ идеаловъ, разумѣется, нѣтъ никакихъ основаній и вполнѣ понятно потому, что въ очень многихъ земскихъ проектахъ и ходатайствахъ по рабочему вопросу ясно проглядываетъ односторонняя тенденція къ рѣшенію задачи въ пользу землевладѣльцевъ.

Разсмотримъ теперь самыя мѣропріятія. Херсонское губернское земство организовало лѣчебно-продовольственные пункты для пришлыхъ рабочихъ. Пункты эти представляютъ чрезвычайно цѣлесообразныя и полезныя учрежденія. Съ одной стороны, они доставляютъ рабочимъ серьезную помощь, съ другой — позволяютъ вести правильную массовую регистрацію рабочаго движенія. Въ 1894 году въ Херсонской губерніи функціонировало 18 такихъ пунктовъ, на которые было издержано всего 5.940 р. (въ томъ числѣ на наемъ квартиръ и первоначальное обзаведеніе 1.244 р., содержаніе дешевыхъ столовыхъ 1.716 руб., медицинскій персоналъ 2.695 р., на медикаменты 198 р.). Въ возвратъ по содержанію столовыхъ за проданные обѣды поступило 1.215 руб. Зарегистровано было всего 55 тысячъ рабочихъ, медицинская помощь оказана 5.138 больнымъ, обѣдовъ выдано 30.556. Въ текущемъ году было устроено всего 15 пунктовъ. Казалось бы, что можно возразить противъ такого рода помощи, кромѣ того, что она слишкомъ ничтожна для облегченія участи многихъ тысячъ рабочихъ, стекающихся ежегодно въ Херсонскую губернію? А между тѣмъ, оказывается, что среди уѣздныхъ гласныхъ были высказаны совсѣмъ другого рода возраженія. Такъ, земскія собранія елисаветградское, ананьевское и таврическое, не отрицая цѣлесообразности врачебносанитарнаго надзора за рабочими, высказались, однако, противъ устройства для нихъ дешевыхъ столовыхъ, которыя, будто бы, способствовали повышенію наемной платы.

Многіе изъ гласныхъ землевладѣльцевъ возстаютъ противъ столовыхъ, утверждая, что жалкіе 5-тикопѣечные обѣды, получаемые въ нихъ рабочими, способствуютъ повышенію цѣнъ на рабочія руки. Эти господа не обращаютъ вниманія на факты, показывающіе, что около 10% изъ общаго числа рабочихъ оказываются нездоровыми или истощенными, а гораздо большая ихъ часть является на рынокъ буквально безъ всякихъ средствъ. На многихъ пунктахъ были замѣчены случаи, когда рабочіе не имѣли средствъ даже на покупку обѣда или же принуждены были брать по одному обѣду на 2—3 человѣка. По поводу этихъ жалобъ губернская управа справедливо замѣчаетъ, что дешевыя столовыя существовали не

вездѣ, а жалобы на дороговизну рабочихъ рукъ раздаются повсюду, гдѣ только есть на нихъ спросъ. Точно такія же жалобы, даже въ аналогичныхъ выраженіяхъ, раздаются не только у насъ, но и на Западѣ. Между тѣмъ въ 1894 году цѣны на рабочихъ были не только ниже прошлогоднихъ, но ниже среднихъ при такихъ же урожаяхъ за прежніе годы. Завѣдующій пунктомъ въ м. Казанкѣ, врачъ М. Делинъ, замѣчаетъ, что вражда землевладѣльцевъ къ столовымъ начинаетъ уже проходить, а зажиточные крестьяне-наниматели нерѣдко жертвовали въ пользу его столовой продукты, сознавая, что дешевыя столовыя—явленіе вполнѣ желательное и если приносятъ ущербъ, то лишь интересамъ кабаковъ, харчевень и базарныхъ торговокъ.

Въ настоящую сессію земскаго собранія херсонская губернская земская управа вноситъ слѣдующія предложенія: 1) временно лѣчебно-продовольственные пункты съ дешевыми столовыми и безплатными амбулаторіями должны быть сдѣланы постоянными земскими учрежденіями; 2) въ этихъ пунктахъ должны группироваться свѣдѣнія о видахъ на урожай, количествѣ пришлыхъ рабочихъ и о цѣнахъ на рабочія руки; 3) обѣды въ дешевыхъ столовыхъ должны отпускаться за плату, опредѣляемую стоимостью продуктовъ, топлива и содержанія прислуги; выдача безплатныхъ обѣдовъ должна быть допускаема лишь въ исключительныхъ случаяхъ — больнымъ и истощеннымъ; 4) на пунктахъ должны быть устроены навѣсы для пріюта рабочихъ отъ непогоды; 5) безплатныя амбулаторіи при пунктахъ должны снабжаться лѣкарствами на средства уѣздныхъ земствъ, а рабочіе, больные заразными болѣзнями, должны пользоваться въ земскихъ больницахъ безплатнымъ лѣченіемъ. Кромѣ того, управа предлагаетъ собранію издать обязательное постановленіе, чтобы всѣ вообще базарныя площади, служащія мѣстомъ сбора рабочихъ, были снабжены крытыми навѣсами для пріюта рабочихъ. На приглашеніе медицинскаго персонала для работы при лѣчебно-продовольственныхъ пунктахъ управа предлагаетъ ввести въ смѣту 1.500 руб., предполагая по прежнему покрывать всѣ остальные расходы изъ спеціально отпущенныхъ для этого губернскому земству суммъ.

Въ Екатеринославской губ. вопросъ объ упорядоченіи передвиженія сельскихъ рабочихъ былъ возбужденъ еще въ 1888 г. александровскимъ уѣзднымъ земствомъ, и затѣмъ былъ переданъ на обсужденіе другихъ уѣздныхъ земствъ, но большинство отнеслось къ нему отрицательно. Обсужденіе этого вопроса закончилось возбужденіемъ ходатайства о разрѣшеніи съѣзда представителей земствъ всѣхъ заинтересованныхъ губерній, какъ поставляющихъ рабочихъ, такъ и нуждающихся въ нихъ. На необходимость подобнаго съѣзда указывали неоднократно многія земства (напр., курское губернское въ 1892 году, уѣздныя земства Полтавской губ. и т. д.), но всѣ эти ходатайства до сихъ поръ остаются безрезультатными.

Въ истекшемъ году на обсужденіе всѣхъ уѣздныхъ земскихъ собраній Таврической губ. былъ представленъ проектъ евпаторійскаго уѣзднаго земства для урегулированія найма сельскихъ рабочихъ. Проектъ этотъ имѣетъ характеръ какихъ-то драконовскихъ мѣропріятій. Земство считаетъ необходимымъ, чтобы договорный листъ служилъ въ то же время паспортомъ, чтобы былъ безусловно воспрещенъ наемъ на срочныя полевыя работы по словеснымъ договорамъ и, наконецъ, чтобы лица, нанимающія рабочихъ безъ договорныхъ книжекъ, были подвергаемы административнымъ порядкомъ взысканію штрафа согласно 51 ст. Уст. о наказ., налагаемыхъ

миров. судьями. Къ счастью, далеко не всѣ уѣздныя земства Таврической губерніи смотрятъ на вопросъ съ той односторонней точки зрѣнія, на которую стало евпаторійское земство. Такъ, напримѣръ, мелитопольское земское собраніе рѣшительно высказалось въ томъ смыслѣ, что воспрещеніе словесныхъ договоровъ было бы въ высшей степени несправедливо въ отношеніи рабочихъ, въ огромномъ большинствѣ неграмотныхъ людей, и до крайности стѣснительно какъ для нихъ, такъ и для нанимателей, особенно во время спѣшныхъ полевыхъ работъ и въ такихъ мѣстахъ, гдѣ писать договоры невозможно.

Народное образованіе въ г. Томскѣ. Отчетъ о состояніи томскихъ народныхъ училищъ за 1894—1895 г. сообщаетъ чрезвычайно отрадные факты о положеніи народнаго образованія въ этомъ городѣ.

«Можно смѣло сказать, что г. Томскъ въ послѣднія 25 лѣтъ сдѣлалъ огромные шаги впередъ на поприщѣ начальнаго образованія своего населенія; четверть вѣка тому назадъ существовало въ городѣ только одно приходское училище съ однимъ учителемъ и сотней учащихся, а нынѣ Томскъ покрылся сѣтью начальныхъ школъ, съ 46 преподавателями и 2.000 учащихся. Къ 1 января 1895 г. въ Томскѣ всѣхъ начальныхъ училищъ разныхъ вѣдомствъ состояло: приходскихъ городскихъ: 10 мужскихъ и 8 женскихъ, 2 воскресныя школы, 1 земская. 7 церковно-приходскихъ (3 мужскихъ, 3 женскихъ и 1 смѣшанная), 4 частныхъ школъ и 3 при пріютахъ, всего 33 училища. Всѣхъ учащихся въ начальныхъ училищахъ (безъ школъ пріюта) 2.222 ч. обоего пола—1.143 мальчика и 1.079 дѣвочекъ».

Любопытно при этомъ отмѣтить, что число учащихся дѣвочекъ почти равняется числу учащихся мальчиковъ: въ настоящее время, напр., дѣвочекъ 96 на 100 мальчиковъ. Это обстоятельство еще болѣе бросается въ глаза, когда мы обратимъ вниманіе на процентное отношеніе числа дѣвочекъ къ мальчикамъ въ округахъ, гдѣ оно является въ такомъ видѣ: 35 дѣв. на 100 мал.

Во что же обходится городу содержаніе школъ? Составитель вышеупомянутаго отчета, г-нъ Буткѣевъ, замѣчаетъ по этому поводу:

«Справедливость требуетъ сказать, что ростъ школьнаго дѣла всецѣло обязанъ заботливости о немъ томской городской думы, которая не жалѣла средствъ на развитіе въ городѣ народнаго образованія и въ этой сферѣ дѣлала все отъ нея возможное». Замѣтно, какъ съ каждымъ годомъ городъ увеличиваетъ расходы на школьное дѣло: въ 1872 г., при бюджетѣ 78.757 р., на народное образованіе расходовано только 1.990 р. 2 к.; чрезъ 10 лѣтъ — 1882 г. 11.483 р. 24 к., при бюджетѣ 179.226 р. 71 коп.; въ 1894 г. на содержаніе 15 приходскихъ училищъ городской управой издержано 18.673 р. По городской смѣтѣ на настоящій годъ расходы вычислены въ количествѣ 268.846 р., изъ коихъ 30.690 руб. ассигнованы думой на учебное дѣло, что составляетъ *девятую* часть всего городского бюджета. Собственно, на начальныя школы назначено 20.000 р.

Расходъ въ 20.000 р. оказывается чрезвычайно большимъ, особенно если сравнить его съ тѣмъ, что тратятъ на народное образованіе многія городскія думы въ Европейской Россіи, но онъ все-таки еще недостаточенъ. Вслѣдствіе этого, въ постановкѣ народнаго образованія въ Томскѣ встрѣчаются еще многіе недочеты. Однимъ изъ главнѣйшихъ является недостаточное число учителей: такъ, на одного преподавателя приходится 82 ч. учащихся.

Второе больное мѣсто томскихъ учи-

лицъ—неудобство ихъ помѣщеній, по большей части наемныхъ а не приспособленныхъ къ школьнымъ занятіямъ.

Конечно, училищныя помѣщенія выбираются, на сколько возможно, болѣе удобныя; но наплывъ въ нихъ учащихся скоро дѣлаетъ ихъ переполненными, тѣсными. Въ школѣ, могущей вмѣстить только 80 чел., обучается 100 чел. Съ этимъ приходится мириться, такъ какъ отказывать въ пріемѣ, оставлять за стѣнами учебнаго заведенія массу дѣтей является крайне нежелательнымъ. При всемъ томъ, въ началѣ текущаго года, за недостаткомъ мѣста, отказано въ пріемѣ 102 дѣтямъ (52 мал. и 50 дѣв.), принято 730 чел. (372 м. и 358 дѣв.). Видя это, городъ принесъ новую жертву: онъ пошелъ на встрѣчу потребности городского населенія въ грамотности и открылъ въ ноябрѣ еще двѣ школы — 1 мужскую и 1 женскую. Въ этихъ двухъ училищахъ нашелъ себѣ мѣсто тотъ излишекъ дѣтей, который до того оставался за порогомъ школы, такъ что «въ настоящее время,—какъ справедливо замѣчаетъ г. Буткѣевъ,—рѣдкій ребенокъ въ городѣ уже не учится грамотѣ, особенно изъ дѣтей старожиловъ».

Кромѣ начальныхъ училищъ въ Томскѣ существуютъ еще двѣ воскресныя школы.

Томскія воскресныя школы основаны въ 1881 году нѣкоторыми учителями и учительницами въ память закладки университетскихъ зданій. Теперь они вступили въ 15-й годъ своего существованія; за все это время онѣ, какъ замѣчаетъ выше цитированный отчетъ, «выпустили массу грамотныхъ людей».

Окончившіе начальныя училища въ Томскѣ имѣютъ возможность идти дальше и получать внѣ-школьное образованіе. Здѣсь имѣется народная безплатная библіотека, открытая и содержимая обществомъ попеченія о начальномъ образованія въ г. Томскѣ. Общество это возникло въ 1882 г. Учрежденіе его было вызвано настоятельной необходимостью—придти на помощь городскому самоуправленію въ дѣлѣ развитія народнаго образованія, расходы на которое ложились слишкомъ большимъ бременемъ на сравнительно невысокій бюджетъ города. Въ этихъ видахъ общество въ 1883 г. открыло начальную школу; открывая каждый годъ по училищу, оно имѣло въ 1887 г. 4 школы съ 139 учащ., расходуя въ среднемъ по 745 р. Съ 1888 года 2 школы переданы обществомъ городу, двѣ же оно содержитъ и по настоящее время; число учащихся въ нихъ достигаетъ 118 челов., израсходовано на содержаніе ихъ 1.822 руб. 42 коп.; общество не ограничиваетъ свою дѣятельность однѣми школами: оно, какъ выше уже сказано, открыло библіотеку, задача которой — дать возможность лицамъ, получившимъ начальное образованіе въ городскихъ школахъ, поддерживать пріобрѣтенныя въ школѣ знанія и продолжать свое образованіе путемъ чтенія книгъ. Библіотека помѣщается въ красивомъ двухъэтажномъ каменномъ домѣ; здѣсь имѣется прекрасный въ два свѣта залъ, могущій вмѣстить до 400 чел. Открытіе библіотеки состоялось 30 сентября 1884 г.; черезъ годъ она имѣла до 100 названій книгъ и 400 подписчиковъ; къ 1 января 1894 г. въ библіотекѣ было до 300 названій книгъ и болѣе 900 подписчиковъ. Въ настоящее время число и тѣхъ и другихъ еще болѣе возрасло.

Въ залѣ библіотеки общество устраиваетъ воскресныя чтенія съ волшебнымъ фонаремъ.

Въ послѣднее время къ чтеніямъ присоединились объясненія по свящ. исторіи, физической географіи, естественной исторіи при помощи наглядныхъ пособій и коллекцій педагогическаго музея.

Чествованіе проф. А. И. Чупрова. 3 декабря, въ Москвѣ, происходило чествованіе 25-лѣтней дѣятельности извѣстнаго ученаго и общественнаго дѣятеля, профессора политической экономіи въ московскомъ университетѣ Александра Ивановича Чупрова. Чествованіе это еще разъ доказало, какой огромной популярностью пользуется А. И. Чупровъ въ русскомъ интеллигентномъ обществѣ: со всѣхъ концовъ Россіи были присланы привѣтствія и поздравленія, въ юбилейномъ обѣдѣ участвовало болѣе 300 человѣкъ, причемъ множеству лицъ было отказано за тѣснотою помѣщенія; самое чествованіе имѣло праздничный и задушевный характеръ. Подписка на стипендію имени Чупрова въ нѣсколько дней дала капиталъ въ 12.000 р., такъ что его хватило не только на стипендію, но и на «чупровскую школу». Корреспондентъ «Нов. Врем.» отмѣчаетъ въ числѣ прочихъ слѣдующіе адреса, полученные А. И. Чупровымъ въ день его юбилея: 1) отъ бывшихъ слушательницъ женскихъ курсовъ, 2) московскаго Комитета грамотности, 3) слушателей сельско-хозяйственнаго института (бывш. Петровской Академіи). Адресъ курсистокъ свидѣтельствовалъ А. И. Чупрову — «дорогому другу и учителю»—«горячую благодарность за гуманное, благородное и чуткое отношеніе къ женской душѣ и ея духовнымъ стремленіямъ». Отмѣтивъ заслуги А. И. Чупрова на пользу женскаго образованія, адресъ выражаетъ надежду, «что въ настоящую пору, когда русскія женщины полны особенно обострившейся жажды къ наукамъ и служенію общественнымъ нуждамъ, профессоръ пойдетъ на встрѣчу этимъ благороднымъ порывамъ и, какъ всегда, радъ радъ будетъ постоять за права женскаго образованія, съ завѣтною конечною точкою послѣдняго — женскимъ университетомъ—въ идеалѣ». Адресъ отъ кіевскихъ почитателей юбиляра, за 90 подписями, желаетъ А. И. Чупрову «долго продолжать свѣтлую дѣятельность и поддерживать въ русскомъ обществѣ вѣру, что свѣтъ и во тьмѣ свѣтитъ и тьмѣ его не объять». Приблизительно, въ томъ же духѣ высказались саратовскіе статистики. Комитетъ грамотности, поднося А. И. Чупрову званіе почетнаго члена, указалъ, что научная и публицистическая дѣятельность юбиляра шла всегда въ нераздѣльной связи съ интересами просвѣщенія народнаго, — «какъ глубоко свѣдущій экономистъ, вы постоянно выдвигали эти нужды на первое мѣсто». И въ настоящее время подъ предсѣдательствомъ А. И. Чупрова успѣшно работаетъ коммиссія, которая изучаетъ пути и средства для введенія у насъ всеобщаго начальнаго образованія. Адресъ Комитета грамотности, равно какъ и поднесенный ему дипломъ почетнаго члена были вотированы Комитетомъ единогласно, закрытою баллотировкою.

Изъ телеграммъ и писемъ, прочитанныхъ на юбилейномъ обѣдѣ, были встрѣчены громомъ рукоплесканій привѣтствіе М. М. Ковалевскаго — изъ Beaulieu, профессора П. Г. Виноградова — изъ Христіаніи и профессора Столѣтова. Рядъ коллективныхъ телеграммъ, подписанныхъ представителями научнаго, литературнаго и артистическаго міра, изъ Петербурга, изъ Одессы, Юрьева, Харькова. Кіева, Нижняго-Новгорода, Новгорода, Казани. Прислали телеграмму русскіе студенты въ Парижѣ. Юристы—слушатели А. И. Чупрова — также. Въ маленькомъ Зарайскѣ нашлось нѣсколько питомцевъ московской alma mater, разныхъ выпусковъ, которые, словно въ Татьянинъ день, не полѣнились сойтись вмѣстѣ, чтобы привѣтствовать бывшаго своего профессора дружнымъ товарищескимъ кружкомъ.

Изъ литературнаго міра юбиляра

привѣтствовали редакціи: «Русскихъ Вѣдомостей» (рѣчи гг. Постникова и Бларамберга), «Русской Мысли», «Міра Божьяго» (рѣчь В. А. Гольцева), «Новаго Слова», «Волжскаго Вѣстника», «Нижегородской Газеты», гг. Эртель, Засодимскій, Нефедовъ, Ремезовъ Рубакинъ, Короленко, Лучицкій, Вейнбергъ, Карѣевъ, Боборыкинъ; изъ юридическихъ извѣстностей—Кони, Плевако, Урусовъ и Дерюжинскій.

Изъ подарковъ, поднесенныхъ А. И. Чупрову, слѣдуетъ отмѣтить большой портретъ Грановскаго отъ редакціи «Русской Мысли».

Мултанское жертвоприношеніе. Въ ноябрьскомъ нумерѣ «Рус. Бог.» помѣщена интересная статья Вл. Гал. Короленко о Мултанскомъ жертвоприношеніи. «Во второй уже разъ, — говоритъ онъ, — судебнымъ приговоромъ устанавливается, что въ Европейской Россіи, среди чисто-земледѣльческаго, вятскаго населенія, живущаго бокъ-о-бокъ съ русскими, одною и тою же жизнью, въ одинаковыхъ избахъ, на одинаковыхъ началахъ владѣющаго землею и исповѣдующаго ту же христіанскую религію,—существуетъ до настоящаго времени живой, вполнѣ сохранившійся, дѣйствующій культъ каннибальскихъ жертвоприношеній!» Вл. Г. Короленко находитъ, что этотъ приговоръ является безпощаднымъ приговоромъ всей русской культурѣ; «это обвиненіе,—говоритъ онъ,—противъ самаго культурнаго типа не однихъ вотяковъ, но и ихъ сосѣдей, неспособныхъ вѣковымъ общеніемъ облагородить сосѣда-инородца хотя бы до степени невозможности каннибализма въ культурной атмосферѣ, которой они дышатъ сообща!»

В. Короленко предвидитъ возраженіе, которое, вѣроятно, зародится у многихъ читателей; возраженіе это заключается въ томъ, что культурный уровень русской деревни такъ невысокъ, что явленіе, подобное вятскому жертвоприношенію, не является совершенно невѣроятнымъ, «у насъ есть лѣшіе и вѣдьмы, въ наши глухія деревушки залетаютъ огненныя змѣи, у насъ приколачиваютъ мертвыхъ колдуновъ къ землѣ, у насъ убиваютъ вѣдьмъ, въ Сибири еще недавно убили мимо идущую «холеру»... «Что же мудренаго,—спрашиваетъ Вл. Короленко одинъ анонимный корреспондентъ,— что вотяки, полуязычники, которые, вдобавокъ, несомнѣнно сохранили обычай кровной мести,—могли принести и человѣческую жертву, и что новаго открыло намъ въ этомъ отношеніи Мултанское дѣло?»

В. Короленко, возражая на это, доказываетъ, тѣмъ не менѣе, что мултанское убійство нельзя сравнивать со случайными вспышками дикости и суевѣрія, которыя ведутъ къ убійству вѣдьмъ и пр. Онъ говоритъ: «Бываютъ вспышки паники, страсти, когда въ толпѣ сразу просыпаются, оживаютъ инстинкты пещерныхъ предковъ, даже звѣрей. Тогда-то и убиваютъ проходящую мимо холеру. Но здѣсь не то. Здѣсь необходимо допустить существованіе культа, при которомъ молитвенное настроеніе души въ цѣломъ сельскомъ обществѣ, нѣтъ, въ цѣломъ краѣ — спокойно и сознательно, постоянно, или, по крайней мѣрѣ, періодически, направляется въ сторону человѣческихъ жертвоприношеній. Каннибализмъ здѣсь является постоянно дѣйствующимъ, живымъ культомъ, охватывающимъ еще въ наше время огромную площадь, живущимъ въ сотняхъ тысячъ умовъ, исповѣдующихъ, по наружности, христіанскую вѣру!» Самое дѣло о мултанскомъ убійствѣ уже извѣстно читателямъ «Міра Божьяго» *); поэтому не будемъ здѣсь останавливаться на изложеніи его. Подробно разсматривая всѣ обстоятельства дѣла и заключенія ученой экспертизы, В. Короленко приходитъ къ

*) См. февраль 1895 г.

выводу, что въ вятской миѳологіи нѣтъ такого бога, которому могла бы быть принесена человѣческая жертва. На предварительномъ слѣдствіи свидѣтель Кобылинъ показалъ, что жертва эта была принесена злому богу Курбану, который, будто-бы, черезъ каждыя 40 лѣтъ требуетъ человѣческой жертвы. Но на судѣ выяснилось, что никакого бога Курбана въ ватской миѳологіи не существуетъ, а слово «курбанъ» означаетъ просто «моленіе» или жертву.

Разсмотрѣвъ съ большой подробностью данныя вятской миѳологіи и обрядности, которыя, по его мнѣнію, клонятся къ опроверженію мнѣнія о возможности человѣческаго жертвоприношенія, Вл. Короленко останавливается надъ вопросомъ: «кто же былъ убійцей Матюнина? Кѣмъ у него отнята голова—мултанцами, или тѣми, кто съ неизвѣстной цѣлью надѣвалъ и снималъ съ него одежду уже въ то время, когда убитый лежалъ на тропѣ? И не могла ли та же рука, которая все это сдѣлала неизвѣстно зачѣмъ — вынуть также и внутренности изъ убитаго, въ первые дни, или даже въ длинный промежутокъ времени между нахожденіемъ трупа (когда еще никто не зналъ, что у него нѣтъ сердца и легкихъ) и вскрытіемъ, которое сдѣлано черезъ мѣсяцъ?»

Авторъ намѣревается въ слѣдующей статьѣ доказать, что все это могло быть сдѣлано съ цѣлью симуляціи жертвоприношенія, чтобы все дознаніе, слѣдствіе и самый судъ направить по ложному слѣду.

Картинки нравовъ. Удивительныя вещи дѣлаются на Руси. Въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» разсказывается о судѣ надъ крестьянами Сердобскаго уѣзда, убившими одного старика по подозрѣнію его въ колдовствѣ. Корреспондентъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» описываетъ слѣдующую сцену, происходившую на судѣ:

— Признаете ли вы себя виновнымъ? — былъ спрошенъ Орѣшкинъ, внукъ убитаго.

— Убилъ, это точно,— совершенно спокойно и съ видимымъ сознаніемъ своей правоты отвѣтилъ Орѣшкинъ.

— За что же? Почему?

— Потому, значитъ, какъ дѣдушка былъ злой колдунъ. Всѣмъ извѣстно, что онъ былъ колдунъ. Ну, и убилъ я его.

— Что же онъ, зло какое сдѣлалъ?

— А какъ же: одно слово, злой колдунъ. Матка моя, значитъ, изъ-за него померла, а потомъ у бабы моей ноги испортилъ... Кого хотите спросите, всѣ про его колдовство скажутъ...

И судъ спрашиваетъ, двадцать человѣкъ спрашиваетъ.

— Колдунъ былъ, злой колдунъ былъ, — совершенно согласно отвѣчаютъ всѣ. — Какъ, бывало, кому пригрозитъ, у того непремѣнно бѣда будетъ.

— У меня жену испортилъ,—раздается заявленіе одного.

— У меня лошадей своимъ колдовствомъ переморилъ, — заявляетъ другой.

— У меня парня испортилъ...

— У меня коровъ погубилъ...

И всѣ не только не осуждаютъ учиненное Орѣшкинымъ и Ермоловымъ убійство, но совершенно напротивъ: явно имъ сочувствуютъ.

— Слава Богу, избавились отъ лихого человѣка,—слышится въ каждомъ изъ ихъ показаній.

Передъ судомъ были, такимъ образомъ, и злодѣи, не только не сознающіе всей тяжести совершеннаго ими, но еще, напротивъ, увѣренные, что они сдѣлали хорошее дѣло, избавивъ «міръ» отъ лиходѣя,—и самый этотъ «міръ», явно раздѣляющій эту увѣренность.

Судъ вынесъ обвиняемымъ оправдательный приговоръ, усмотрѣвъ въ нихъ, по справедливому замѣчанію «Биржевыхъ Вѣдомостей», не зло-

дѣевъ, а жертвъ... той страшной силы, имя которой—«власть тьмы». Они, эти судьи, рѣшительно не могли усмотрѣть никакой нравственной разницы между «злодѣями», сидѣвшими на скамьѣ подсудимыхъ и допрошенными по ихъ дѣлу многочисленными свидѣтелями... Всѣ они одинаково крѣпко вѣрили и вѣрятъ въ колдуна и всѣ они считали и считаютъ убійство злого колдуна не грѣхомъ, а спасеніемъ.

Въ Люблинской губ. крестьяне ополчились не противъ колдуна, а противъ самого дьявола.

На этотъ разъ «дьяволъ» объявился въ Любартовскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Закржовъ, гмины Мелгевъ, Люблинской губерніи.

«Дьяволъ, съ огненной головой», началъ показываться на мельницѣ, арендуемой нѣкіимъ Гринбергомъ, которымъ и былъ съ ужасомъ усмотрѣнъ.

Страшная вѣсть не замедлила облетѣть всю деревню; паническій страхъ овладѣлъ ею. Цѣлый мѣсяцъ наблюдали «дьявола», три раза въ недѣлю «по получасу», и никто не отважился приблизиться къ нему.

Наконецъ, выискалось пятеро «отчаянныхъ» головъ, которые вооружившись чѣмъ попало и прихвативъ пять злѣйшихъ собакъ, рѣшились подойти къ «дьяволу» поближе.

Ихъ провожали какъ на смерть.

— Вотъ отчаянные-то! На самого дьявола пошли!

Однако, «отчаянные» все же не рѣшились приблизиться къ мѣсту появленія дьявола, а остановились и издали начали звать его къ себѣ. И къ ихъ ужасу, «злой духъ» сталъ приближаться, бомбардируя смѣльчаковъ то грязью, то каменьями. Смѣльчаки, позабывъ о своей миссіи, ударили, съ арендаторомъ Гринбергомъ во главѣ, на утекъ, и ну прятаться—кто куда успѣлъ. Арендаторъ забился подъ постель и не вылѣзалъ оттуда до утра, а мельникъ (христіанинъ) и прочіе — за печь. «Дьяволъ» подошелъ къ окну и продержалъ бѣдняковъ въ осадѣ, въ предсмертномъ поту, до часу ночи затѣмъ пошелъ на свое обычное мѣсто и—пропалъ.

Послѣ этого населеніе деревни обратилось къ властямъ съ просьбой «отогнать дьявола». Былъ ли онъ изгнанъ и какъ, объ этомъ пока неизвѣстно. Но, не рискуя впасть въ ошибку, можно заранѣе предположить, что борьба съ нимъ предстоитъ долгая и упорная. Если Достоевскій пресерьезно проповѣдовалъ вѣру въ «чорта съ хвостомъ», если одна московская (университетская!) газета посвятила еще недавно рядъ фельетоновъ вопросу о томъ, есть ли у «чорта хвостъ», и если есть, то каковъ вообще видъ его, и, послѣ многочисленныхъ изысканій и глубокомысленныхъ умозаключеній, пришла къ выводу, что хвостъ у чорта есть, во всякомъ случаѣ долженъ быть,—то можно ли удивляться, если въ глухой деревушкѣ «чортъ» воочью бродитъ и пугаетъ обывателей, и что борьба съ нимъ предстоитъ долгая и многотрудная?

За границей.

Турція и султанъ. Одинъ изъ выдающихся государственныхъ дѣятелей Франціи сказалъ однажды по поводу Турціи: «Это государство напоминаетъ мнѣ старинныя повозки, встрѣчающіяся гдѣ-нибудь въ деревенской глуши. Повозки эти скрипятъ, трещатъ и грозятъ развалиться каждую минуту, а между тѣмъ все-таки везутъ. Такъ и Турція!»

Переживаемый Турціей кризисъ въ данную минуту, однако, настолько серьезенъ, что, дѣйствительно, можетъ явиться опасеніе «какъ бы по-

возка не развалилась въ самомъ дѣлѣ». Кризисъ тѣмъ болѣе серьезенъ, что онъ подготовлялся давно и причины его довольно многосложны.

Когда, осенью 1894 года, въ Европѣ пронесся слухъ о кровавыхъ происшествіяхъ въ битлисскомъ вилайетѣ (Малая Азія), то никто не могъ предвидѣть серьезности этихъ событій и того, что они повліяютъ на судьбы цѣлаго оттоманскаго государства. Провинція, въ которой совершались эти событія, такъ удалена и такъ мало извѣстна, что, казалось, европейскія государства не могутъ быть слишкомъ заинтересованы тѣмъ, что тамъ творится. Такъ и было въ началѣ, но дѣла, однако, скоро приняли такой оборотъ, что привлекли вниманіе Европы и первыми вмѣшались три державы (Франція, Англія и Россія), а за ними уже и остальныя европейскія государства. Въ нашей предшествовавшей статьѣ о турецкихъ армянахъ мы уже познакомили читателей съ тѣми ужасными фактами, которые совершились въ Сассунѣ, горномъ округѣ битлисскаго вилайета. Между армянскимъ населеніемъ этого округа и сосѣднимъ курдскимъ племенемъ, производившимъ постоянные набѣги на это населеніе, произошло столкновеніе, вызвавшее вмѣшательство турецкихъ войскъ, принявшихъ сторону своихъ единовѣрцевъ курдовъ, и въ результатѣ возникла страшная рѣзня: мужчины, женщины, старики, дѣти безпощадно были перебить чуть ли не на глазахъ турецкихъ властей, и можно было подумать, что отдано было приказаніе истребить всѣхъ армянъ этой области. Несчастные армяне, куда бы ни обращали свои взгляды, вездѣ видѣли только безжалостныхъ палачей, но нигдѣ не находили ни покровителей, ни судей. Такой внезапный взрывъ свирѣпаго фанатизма у турокъ, преобладающія черты характера которыхъ составляютъ: пассивность, фанатизмъ и терпимость, можетъ показаться нѣсколько страннымъ съ перваго взгляда. Вѣроятно, тутъ дѣйствовали гнѣвъ и изумленіе—изумленіе, по поводу того, что армяне, которыхъ курды считали своими данниками и къ которымъ турки относились всегда съ снисходительнымъ презрѣніемъ, вдругъ подняли голову, выказали сопротивленіе и заговорили о какихъ-то своихъ правахъ.

Между тѣмъ, армяне, находившіеся подъ властью турокъ въ теченіе столькихъ вѣковъ, сохранили все-таки свою самобытность и рабство не наложило на нихъ своего отпечатка, быть можетъ, именно потому, что турки выражали свое господство надъ ними только поборами; во всемъ же остальномъ турецкія власти предоставляли имъ относительную свободу. Пробужденіе національнаго чувства у всѣхъ народностей Турціи, заявившее о себѣ въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ, не могло не отразиться и на армянахъ. Въ нихъ также заговорило національное чувство, и они возмутились противъ тираннія, какъ курдовъ, такъ и турецкихъ властей. Вначалѣ движеніе имѣло только мѣстный характеръ, но вскорѣ волненіе распространилось и на провинціи Европейской Турціи и, наконецъ, произошли безпорядки въ самой столицѣ, заставившіе султана уступить настояніямъ европейскихъ державъ и обнародовать проектъ реформъ для Арменіи. Безпорядки въ Константинополѣ были вызваны манифестаціей армянъ, собравшихся толпою, чтобы подать великому визирю петицію о реформахъ. Турки набросились на нихъ и въ теченіе трехъ дней на улицахъ Константинополя происходили самыя дикія сцены, совершались убійства и т. п. Армяне искали убѣжища въ соборѣ и другихъ церквахъ. Паника охватила все населеніе и даже иностранцы начали тревожиться за свою безопасность, такъ что англійскій посолъ телеграфировалъ адмиралу, ко-

мандующему англійской эскадрой, стоящей въ Митиленѣ, что онъ долженъ немедленно форсировать Дарданельскій проходъ, если только перестанетъ получать каждые три часа телеграмму со словомъ «Safe» (внѣ опасности).

Но обнародованіе проекта реформъ и рѣшительное вмѣшательство европейскихъ державъ произвело спасительное отвлеченіе. Мало-по-малу спокойствіе возстановилось въ турецкой столицѣ, но за то въ другихъ мѣстахъ, преимущественно въ Малой Азіи, возникли новые безпорядки. Мусульмане, сильно раздраженные вмѣшательствомъ иностранцевъ, возмутились еще болѣе, когда увидѣли, что христіанскіе подданные Турціи, которыхъ они привыкли считать ниже себя, добились, благодаря покровительству державъ, обѣщанія такихъ реформъ, которыя должны облегчить ихъ положеніе, тогда какъ положеніе турецкаго населенія, также страдающаго отъ поборовъ и произвола властей, остается, повидимому, безъ измѣненій. Во всякомъ случаѣ, произошло чуть ли не повальное возстаніе мусульманъ во всѣхъ малоазіатскихъ провинціяхъ, и Турція оказалась безсильной подавить его.

Такимъ образомъ, изъ армянскаго вопроса возродился грозный турецкій вопросъ. Европа всполошилась, такъ какъ распаденіе Турціи могло вызвать страшную европейскую войну за турецкое наслѣдство. Надо было спасти во что бы то ни стало, находящееся въ агоніи оттоманское государство, и вотъ на сцену выступилъ европейскій концертъ, т. е. совмѣстное дѣйствіе державъ. Благодаря ему, кризисъ потерялъ нѣсколько свой острый характеръ, но все же онъ еще очень далекъ отъ своего разрѣшенія, такъ какъ въ немъ дѣйствуютъ еще и другіе элементы, кромѣ турецко-армянской вражды. Чтобы вполнѣ оцѣнить значеніе этихъ элементовъ, расшатывающихъ самыя основы турецкой имперіи, мы должны вернуться нѣсколько назадъ, къ 1876 году, когда дворцовая революція возвела на турецкій престолъ нынѣ царствующаго султана Абдулъ-Гамида. Абдулъ-Гамидъ, племянникъ Абдулъ-Азиса, такъ трагически кончившаго свое существованіе, вовсе не помышлялъ о престолѣ. Воспитанный въ уединеніи сераля, онъ ничего не зналъ объ общественныхъ дѣлахъ, въ которыхъ ему было запрещено принимать какое бы то ни было участіе За то ему была предоставлена полная свобода вести самую разгульную жизнь, чѣмъ онъ не замедлилъ воспользоваться, но скоро съ нимъ произошла какая-то перемѣна. Онъ внезапно измѣнился и ударился въ противоположную крайность, сдѣлавшись аскетомъ. Самое любопытное то, что эта внезапная перемѣна произошла именно тогда, когда вокругъ него, въ Константинополѣ, царили необузданная роскошь и разгулье, благодаря займамъ, заключеннымъ его несчастнымъ дядюшкой, Абдулъ-Азисомъ, такъ что Константинополь въ послѣдніе годы царствованія этого султана напоминалъ Парижъ въ послѣдніе годы второй имперіи.

Но Абдулъ-Гамидъ не принималъ участія ни въ этомъ весельѣ, ни въ дѣлахъ. Онъ жилъ въ полномъ уединеніи, строго соблюдая всѣ предписанія корана, и держался въ сторонѣ отъ нарушителей законовъ, окруживъ себя только муллами да имамами. Можно себѣ представить, какое должны были произвести на него впечатлѣніе трагическія событія, разыгравшіяся во дворцѣ! Сверженіе Абдулъ-Азиса, его смерть, воцареніе его брата Мурада, волненія въ Босніи и Герцеговинѣ, убійства въ Болгаріи, война съ Сербіей и Черногоріей, появленіе русскихъ добровольцевъ въ Сербіи— все это необыкновенно быстро слѣдовало одно за другимъ,—и не успѣлъ узнать Абдулъ-Гамидъ обо всѣхъ этихъ событіяхъ, какъ его внезапно сразило извѣстіе, что его братъ Мурадъ со-

шелъ съ ума, слѣдовательно, турецкій престолъ долженъ перейти къ нему, и притомъ въ такую трудную минуту, когда со всѣхъ сторонъ надвигались грозныя тучи и самое существованіе Турціи подвергалось опасности.

Говорятъ, что отшельнику Абдулъ-Гамиду вовсе не улыбалась мысль возсѣдать на турецкомъ престолѣ и особенно при такихъ условіяхъ. Онъ долго противился объявленію Мурада съумасшедшимъ и, только убѣдившись, что его могутъ убрать съ дороги, какъ законнаго наслѣдника, и на мѣсто Мурада посадить кого-нибудь другого, онъ согласился надѣть на себя терновый султанскій вѣнецъ и сѣсть на колеблющійся турецкій престолъ. Вырванный внезапно изъ своего добровольнаго уединенія, безъ всякой подготовки, безъ единаго друга, на совѣты котораго онъ могъ бы положиться, Абдулъ-Гамидъ очутился лицомъ къ лицу съ необыкновенно трудною задачей--управлять государствомъ, раздираемымъ междоусобными войнами, всевозможными неурядицами, лишеннымъ всякаго кредита и имѣющимъ въ перспективѣ войну съ Россіей. Быть можетъ, еслибъ Абдулъ-Гамидъ былъ болѣе европеецъ по своему воспитанію и былъ бы зараженъ западными идеями, то его постигла бы та же участь, которая постигла Мурада, т.-е. онъ бы лишился разсудка. Но его спасъ отъ этого мусульманскій фанатизмъ и преданность ученію пророка. Такова, значитъ, воля Аллаха, чтобы онъ царствовалъ, и онъ будетъ царствовать, не смотря ни на что. Съ этой минуты онъ уже смотрѣлъ на себя, какъ на избранника Аллаха, на котораго возложена священная миссія,—и этимъ взглядомъ онъ руководствуется и до сихъ поръ во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ.

Великій визирь Мидхатъ-паша, возведшій на престолъ застѣнчиваго и аскетическаго Абдулъ-Гамида, ошибся въ своихъ разсчетахъ, полагая, что этотъ султанъ будетъ орудіемъ въ его рукахъ и согласится на всѣ его проекты. Мидхатъ мечталъ о томъ, чтобы поставить Турцію наравнѣ со всѣми прочими европейскими государствами, и ему какъ будто удалось вначалѣ склонить Абдулъ-Гамида въ пользу своихъ плановъ, такъ что первымъ актомъ царствованія новаго султана было объявленіе равноправности всѣхъ турецкихъ подданныхъ. Европа, дѣйствительно, была поражена: въ Турціи была объявлена конституція, организованъ парламентъ. Но все это продолжалось недолго. Абдулъ-Гамидъ согласился исполнить желаніе Мидхата, но лишь потому, что самъ еще не совсѣмъ твердо стоялъ на ногахъ, не могъ придти въ себя отъ внезапной перемѣны своей участи и не вполнѣ оріентировался въ своемъ новомъ положеніи. Однако, султанъ воспользовался первымъ представившимся ему случаемъ, чтобы закрыть парламентъ и положить конституцію подъ сукно. Мидхатъ былъ отправленъ въ ссылку въ Аравію, гдѣ и умеръ. Съ этого момента Абдулъ-Гамидъ расправилъ крылья и сталъ управлять страной согласно своимъ истиннымъ воззрѣніямъ. А воззрѣнія эти были слѣдующія: править страной, руководствуясь традиціями предковъ, идти по прежнему пути и во всемъ подчиняться ученію пророка. Аллахъ возложилъ на него миссію управленія государствомъ и сдѣлалъ его повелителемъ правовѣрныхъ, намѣстникомъ пророка на землѣ, и, слѣдовательно, султанъ не могъ ни съ кѣмъ раздѣлить данной власти. Исходя изъ этого убѣжденія, Абдулъ-Гамидъ постарался сосредоточить все въ своихъ рукахъ. Прежде великій визирь былъ единственнымъ отвѣтственнымъ лицомъ передъ султаномъ и единственнымъ посредникомъ между нимъ и его подданными. Порта, т. е. собраніе высшихъ и болѣе или менѣе опыт-

ныхъ государственныхъ дѣятелей, пользовалась почти полною автономіей и управляла государствомъ. Но со вступленіемъ Абдулъ-Гамида все это измѣнилось. Онъ захотѣлъ изъ своего дворца Илдызъ-Кіоска—всѣмъ управлять и всѣмъ руководить самъ, до малѣйшихъ административныхъ подробностей. И въ самомъ дѣлѣ, ни одна бумага, ни одно назначеніе, хотя бы дѣло шло о простомъ полицейскомъ агентѣ, не миновало рукъ султана. Онъ самъ подписывалъ всякую бумагу, чего бы она ни касалась, государственной ли реформы, или открытія театра въ Стамбулѣ и правилъ для кофеенъ. Результатомъ такой чрезмѣрной централизаціи власти было то, что во всѣхъ отдѣлахъ государственной администраціи воцарились произволъ и неурядица. Ничто не дѣлалось во-время, чиновники смѣнялись безпрестанно, даже не успѣвая хорошенько ознакомиться со своими обязанностями. Абдулъ-Гамидъ, стараясь совершить невозможное, всюду поспѣть и все знать, не замѣчалъ, что онъ становится игрушкою въ рукахъ искусныхъ и ловкихъ придворныхъ, опутывающихъ его цѣлою сѣтью интригъ, и думая, что у него въ рукахъ сосредоточиваются всѣ нити власти, на самомъ дѣлѣ большею частью дѣлалъ лишь то, что хотѣли его приближенные. Все это породило страшный безпорядокъ въ администраціи; взяточничество, лихоимство и произволъ возведены были въ принципъ, и турецкіе подданные страдали отъ такого порядка вещей ничуть не меньше христіанскихъ подданныхъ султана.

А между тѣмъ, султанъ одержимъ былъ всегда самыми благими намѣреніями; онъ желалъ водворить законность и справедливость въ своемъ государствѣ и упрочить счастье своихъ подданныхъ. Вся его ошибка заключалась только въ томъ, что онъ думалъ, что онъ не только можетъ быть всемогущимъ, но и всевѣдущимъ. Такъ, нѣсколько времени тому назадъ онъ жаловался одному американцу, мэру города Нью-Іорка, которому давалъ аудіенцію, что онъ не можетъ видѣть и знать все, что творится въ разныхъ углахъ его имперіи. Американецъ былъ тронутъ искренностью султана и горячностью, съ которою султанъ просилъ его писать лично ему обо всемъ тотчасъ же, какъ только онъ замѣтитъ что-нибудь такое, что, по его мнѣнію, слѣдовало бы знать султану.

Заваливая себя непосильною работой, султанъ въ то же время не имѣетъ ни минуты покоя. Онъ боится измѣны и не вѣритъ никому изъ окружающихъ. Онъ каждую недѣлю мѣняетъ стражу во дворцѣ, и ни одинъ министръ не смѣетъ выйти изъ дворца безъ письменнаго разрѣшенія султана. Подозрительность его доходитъ до того, что онъ въ каждомъ министрѣ готовъ видѣть измѣнника, особенно если этотъ министръ возвышается надъ уровнемъ прочихъ и обнаруживаетъ хоть какую-нибудь самостоятельность. Поэтому, султана окружаютъ только посредственности, да люди, преслѣдующія свои личныя цѣли, и только они и имѣютъ успѣхъ; все же выдающееся безпощадно вытѣсняется и даже изгоняется изъ предѣловъ государства. Общественнаго мнѣнія не существуетъ въ Турціи, и печать не имѣетъ никакой самостоятельности, такъ какъ можетъ говорить лишь то, что пріятно и желательно тѣмъ или другимъ лицамъ, окружающимъ султана, или занимающимъ административныя должности.

Но опытъ Мидхата-паши пріобщить Турцію къ сонму европейскихъ государствъ не остался все-таки безъ послѣдствій. Въ Турціи образовалась цѣлая партія, именующая себя «Молодой Турціей», которая сдѣлалась послѣдовательницей идей Мидхата-паши, и возникшій внезапно армянскій вопросъ

далъ поводъ этой партіи перейти отъ теоретическихъ разсужденій къ практической дѣятельности. Вѣдь, дѣйствительно, отъ неурядицы въ государственномъ управленіи страдаютъ не одни только христіанскіе подданные султана! Минута казалась подходящей, чтобы возбудить протестъ въ турецкомъ населеніи и заставить его, въ свою очередь, требовать реформъ.

Вмѣстѣ съ «Молодой Турціей», стремящейся эксплуатировать неудовольствіе турецкаго народа въ пользу своихъ идей, дѣйствуетъ еще старо-турецкая консервативная партія, очень могущественная и вліятельная, врагъ всякихъ реформъ и въ особенности врагъ иностраннаго вліянія. Эта партія проникнута старомусульманскими воззрѣніями и уже поэтому болѣе симпатична султану. Но, кромѣ того, онъ боится ея, зная ея силу, и по этой-то причинѣ онъ съ такимъ трудомъ согласился на уступки европейцамъ и на какія бы то ни было измѣненія въ существующемъ режимѣ. Все это порождаетъ крайне сложное и опасное положеніе вещей и вызываетъ разнаго рода неудовольствія: на почвѣ національныхъ идей, на почвѣ политической и, наконецъ, на почвѣ религіозной. Эти три рода неудовольствій выражаются, впрочемъ, одинаковыми волненіями, расшатывающими самыя основы государства. Турція трещитъ по всѣмъ швамъ, и если европейскій концертъ въ своихъ собственныхъ интересахъ не поторопится «скрѣпить опять повозку», то она неминуемо должна будетъ развалиться.

Сицилія и ея порядки. Всякій, кому случалось проѣзжать мимо Сициліи или побывать въ ней, непремѣнно приходилъ въ восторгъ отъ этого чуднаго острова, который издали можетъ показаться какимъ-то земнымъ раемъ. Дѣйствительно, природа щедро наградила всѣмъ этотъ благословенный уголокъ: чуднымъ климатомъ, плодородною почвой, роскошною растительностью, минеральными богатствами и т. д. Но стоило только путешественнику углубиться внутрь страны, какъ передъ нимъ развертывалась совершенно другая картина, и онъ долженъ былъ убѣдиться, что этотъ земной рай — на самомъ дѣлѣ мѣсто плача и ужасныхъ человѣческихъ бѣдствій.

Сицилія можетъ служить лучшимъ доказательствомъ того, какъ люди своими порядками могутъ испортить всѣ дары природы. Когда, въ прошломъ году, въ Сициліи произошли безпорядки, потребовавшіе даже вмѣшательства войскъ, то рабочіе на сѣрныхъ копяхъ кричали солдатамъ: «Стрѣляйте, убейте насъ! Мы предпочитаемъ погибнуть сразу, нежели постепенно умирать съ голоду!» Это восклицаніе странно звучитъ среди окружающей роскошной природы, виноградниковъ и цвѣтущихъ полей. А между тѣмъ, тутъ нѣтъ никакого преувеличенія: рабочіе крестьяне въ Сициліи буквально умираютъ съ голоду. Вотъ что разсказываетъ, напримѣръ, одинъ извѣстный итальянскій журналистъ, сотрудникъ правительственной газеты «Tribuna»: «Въ прошломъ году, въ іюлѣ мѣсяцѣ, мнѣ случайно пришлось присутствовать, какъ на гумнѣ дѣлили зерно, привозимое крестьянами. Крестьянинъ ссыпалъ зерно и управляющій отдѣлялъ ту часть, которая, по условію, должна была отойти землевладѣльцу, и отдавалъ остальное крестьянину. Я видѣлъ, что на долю крестьянина пришлось не болѣе одной мѣры зерна, вмѣщающей всего лишь около 17 литровъ. Все остальное было взято себѣ хозяиномъ. Крестьянинъ, облокотившись на заступъ, какъ-то смущенно смотрѣлъ на эту единственную мѣру, составлявшую все его достояніе. Его взглядъ невольно перенесся на жену и дѣтей и въ немъ выразился какой-то ужасъ. Вѣроятно, онъ подумалъ въ эту минуту, что въ

результатѣ цѣлаго года труда, у него остается только небольшая мѣра зерна для прокормленія семьи. Двѣ крупныя слезы скатились по его щекѣ, но онъ молчалъ. Эта сцена глубоко врѣзалась въ моей памяти, и она, какъ нельзя лучше, обрисовываетъ положеніе сицилійскихъ крестьянъ. И, притомъ, надо замѣтить, что послѣ дѣлежа, нѣкоторыя изъ крестьянъ не только не получаютъ ничего назадъ, но даже остаются должны своему хозяину». Итальянскому журналисту, во время путешествія по Сициліи, не разъ приходилось слышать жалобы крестьянъ на то, что у нихъ въ домѣ нѣтъ ни кусочка хлѣба. Одинъ нотаріусъ ему сказалъ: «Здѣсь народъ буквально умираетъ съ голоду. Этому трудно повѣрить, но это такъ!» Худоба и истощенный видъ крестьянъ, дѣйствительно, поражаютъ свѣжаго человѣка. Особенно жалкій видъ имѣютъ дѣти, настоящіе маленькіе скелеты, обтянутые кожей.

Но чѣмъ же обусловливается такое положеніе вещей? Отчего такъ бѣдствуетъ населеніе среди такой роскошной природы? Дѣло въ томъ, что Сицилія представляетъ настоящій анахронизмъ и въ ней еще продолжаютъ господствовать нравы феодальныхъ временъ, когда благосостояніе крестьянина всецѣло зависѣло отъ каприза его господина. Сицилійскій крестьянинъ находится въ полной зависимости отъ землевладѣльца, и право сильнаго составляетъ единственное право въ Сициліи. Промышленности на этомъ островѣ почти нѣтъ никакой и единственными его рессурсами являются сѣрныя копи и земледѣліе. Три четверти земли находится въ рукахъ нѣсколькихъ крупныхъ землевладѣльцевъ, большая часть которыхъ не живетъ въ своихъ помѣстьяхъ и не интересуется ничѣмъ, кромѣ полученія арендной платы. Вслѣдствіе этого, земледѣліе находится въ самомъ первобытномъ состояніи, и крестьянинъ употребляетъ и теперь еще плугъ временъ Виргилія. Земля такъ плохо обрабатывается, что самъ земледѣлецъ часто не въ состояніи сразу отличить вспаханной земли отъ находящейся подъ паромъ.

Незначительное число крестьянъ-землевладѣльцевъ, на долю которыхъ приходится всего лишь одна четверть Сицилійской земли, уменьшается съ каждымъ годомъ. Земля отнимается у крестьянъ и продается съ публичнаго торга за долгъ казнѣ. Такъ, въ теченіе десяти лѣтъ (1883—1893 г.) произведено было 11.662 такихъ лишеній собственности. Въ Сиракузской провинціи въ одинъ день была продана съ публичнаго торга земля, принадлежащая 129 владѣльцамъ. Семеро этихъ несчастныхъ поплатились своей собственностью за долгъ казнѣ въ 5 лиръ (около 2-хъ рублей), который они не могли уплатить. Долги остального большинства не превышали 10 лиръ. Такимъ образомъ, мелкое землевладѣніе мало-по-малу совсѣмъ исчезаетъ и растворяется въ крупномъ, увеличивая его силу. Земледѣльцу въ Сициліи приходится работать уже не для себя, а для другого, и онъ, конечно, эксплуатируется разнаго рода людьми, которые служатъ посредниками между отсутствующимъ помѣщикомъ и его рабочими-земледѣльцами.

Эти піявки въ образѣ людей высасываютъ послѣдніе соки изъ крестьянина. Они арендуютъ у помѣщика землю и, затѣмъ, раздѣляя ее на мелкіе участки, отдаютъ ихъ въ аренду крестьянамъ. Въ большинствѣ случаевъ, у крестьянина нѣтъ денегъ, чтобы платить аренду, и онъ уплачиваетъ ее половиной сбора; но вотъ тутъ-то и обнаруживается вся сила эксплуатаціи, опутывающей его своими сѣтями. Когда наступаетъ время расплаты, при дѣлежѣ зерна, крестьянинъ оказывается кругомъ долженъ арендатору и казнѣ, за сѣмена, за полевыя орудія, за то, за другое, такъ

что, въ концѣ концовъ, онъ еще долженъ почитать себя счастливымъ, если ему останется все-таки маленькая мѣрка зерна, и онъ не уйдетъ изъ гумна съ совершенно пустыми руками, да еще съ новымъ долгомъ въ придачу. Если случится послѣднее, то несчастный крестьянинъ окажется совершенно во власти своего хозяина, который можетъ отнять отъ него за долгъ его послѣднее достояніе—рабочую скотину. Тогда крестьянинъ превращается уже въ простого поденщика и нанимается въ артели, которыя, обыкновенно, отправляются на полевыя работы въ удаленныя отъ городовъ и селъ мѣста. Прежде такой рабочій зарабатывалъ отъ двухъ до трехъ съ половиною лиръ въ день и, кромѣ того, имѣлъ помѣщеніе и столъ. Теперь же, благодаря конкурренціи, созданной тѣмъ, что масса крестьянъ лишилась своей собственности и вынуждена была искать работъ на сторонѣ, можно найти рабочаго за 40 сантимовъ (меньше 20 коп.) въ день. Земледѣлецъ, работающій около 16 часовъ въ день подъ знойными лучами почти африканскаго солнца, получаетъ самое большее одну лиру (около 40 коп.). Работа продолжается только четыре мѣсяца, а остальные восемь онъ остается безъ всякаго дѣла. И такъ какъ ему, конечно, не хватаетъ заработанной имъ лѣтомъ суммы на то, чтобы прожить всю зиму самому и прокормить семью, то онъ и его семья буквально умираютъ съ голоду.

Къ такой системѣ землевладѣнія, доводящей крестьянъ до послѣдней степени нищенства, слѣдуетъ присоединить еще систему налоговъ, всею тяжестью ложащуюся на крестьянъ. Благодаря тому, что Сицилія отстала на нѣсколько вѣковъ и въ ней господствуетъ право сильнаго, всякія злоупотребленія, нарушенія законовъ, произволъ и несправедливости составляютъ въ ней самое обычное явленіе. Сицилійскіе богачи и вліятельные люди не признаютъ равенства передъ законами и находятъ вполнѣ естественнымъ не платить налоговъ, пользуясь своею силою, родствомъ и вліяніемъ, между тѣмъ какъ съ крестьянина эти налоги взыскиваются съ большою строгостью. Крестьянинъ платитъ, тогда какъ помѣщикъ знать не хочетъ никакихъ взысканій, и эти порядки такъ вошли въ нравы страны, что никого не удивляютъ и почти не вызываютъ протеста.

Но въ Сициліи есть еще болѣе несчастные, чѣмъ крестьяне-земледѣльцы, это — рабочіе въ сѣрныхъ копяхъ. Прежде они зарабатывали порядочно, теперь же, вслѣдствіе паденія цѣнъ на продуктъ, заработная плата упала до небывалыхъ размѣровъ. Рабочій, получающій до 2-хъ лиръ (около 80 коп.), работая добавочные часы, считается однимъ изъ рѣдкихъ счастливцевъ. Впрочемъ, онъ никогда не получаетъ на руки цѣликомъ весь свой скудный заработокъ; большая часть этого заработка переходитъ въ карманъ эксплуататоровъ, опутывающихъ рабочаго своими сѣтями съ головы до ногъ.

Самый ужасный анахронизмъ Сициліи, однако, заключается въ существованіи тамъ рабовъ. Да, рабовъ, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, но только малолѣтнихъ. Эти несчастные называются «карузи» и обязанность ихъ заключается въ томъ, чтобы доставлять на поверхность земли добытый въ нѣдрахъ ея минералъ. Родители этихъ бѣдныхъ созданій, превращенныхъ во вьючный скотъ, побуждаемые къ тому нищетой и голодомъ, запродаютъ ихъ въ возрастѣ отъ 8 до 10 лѣтъ рудокопу за сумму въ 50—300 лиръ, смотря по возрасту, физической силѣ и развитію ребенка. Съ этого момента они уже безусловно принадлежатъ своему хозяину, до того дня, пока не выплатятъ ему всей уплаченной за нихъ суммы. Но этотъ день никогда почти не наступаетъ.

Маленькій 8 или 9-ти-лѣтній ребенокъ, за плату въ 50 сантимовъ (около 20 коп.), которая, впрочемъ, не попадаетъ ему въ карманъ, работаетъ двѣнадцать часовъ въ сутки; двѣнадцать часовъ онъ таскаетъ груды добытаго минерала на своей слабой спинѣ! Росси разсказываетъ, что онъ посѣтилъ сѣрныя копи вмѣстѣ съ депутатомъ Дефеличе и оба не могли удержаться отъ слезъ при видѣ несчастныхъ дѣтей. «Въ теченіе моей карьеры журналиста,—восклицаетъ Росси,—мнѣ приходилось не разъ присутствовать при самыхъ ужасныхъ сценахъ, но ничто никогда не производило на меня такого потрясающаго впечатлѣнія, какъ видъ этихъ несчастныхъ дѣтей, изнемогающихъ подъ тяжестью своей ноши. Я видѣлъ, какъ слезы катились по худымъ изможденнымъ щекамъ и глухой стонъ вырывался изъ исхудалой груди. Они напрягали всѣ свои силы, и не смотря на то, что ноги ихъ дрожали отъ усталости, они все-таки тащили свою ношу, изъ опасенія, что хозяинъ начнетъ подгонять ихъ палкой. Я видѣлъ, какъ одинъ карузи, доведенный до послѣдней степени утомленія, присѣлъ со своей ношей на ступени лѣстницы и тихо плакалъ... Это такое зрѣлище, забыть которое невозможно!»

Но какже могутъ твориться такія дѣла въ европейскомъ государствѣ, въ концѣ XIX вѣка? Неужели же итальянское общество и печать не протестуютъ противъ такого порядка вещей? Къ чести того и другой слѣдуетъ сказать, что они не только протестуютъ, но постоянно заявляютъ требованія итальянскому правительству, чтобы оно приняло, наконецъ, мѣры для улучшенія положенія Сициліи. Лучшіе итальянскіе публицисты ратуютъ въ пользу Сициліи и въ парламентѣ постоянно раздаются рѣчи, требующія, чтобы было обращено вниманіе на бѣдственное положеніе населенія этого острова. Но для того, чтобы измѣнить положеніе дѣлъ въ Сициліи, надо произвести въ ней очень крупныя реформы; надо спасти мелкую земельную собственность, уничтожить крупное землевладѣніе, преобразовать систему налоговъ и администрацію острова и ввести новые законы относительно работы въ рудникахъ. Трудно, конечно, произвести сразу всѣ эти реформы и особенно трудно это сдѣлать въ Сициліи, гдѣ господствуютъ такіе феодальные нравы и всѣ отношенія очень осложнились. Но, тѣмъ не менѣе, многіе изъ выдающихся итальянскихъ политиковъ и публицистовъ находятъ, что откладывать не слѣдуетъ, и надо какъ можно скорѣе заняться сицилійскими дѣлами, такъ какъ усиленіе разбойничества въ странѣ и серьезные безпорядки, происходившіе въ прошломъ году, указываютъ, что народъ усталъ страдать. Къ сожалѣнію, современный недугъ, отъ котораго страдаетъ чуть-ли не вся Европа, до такой степени овладѣлъ Италіей, что лишаетъ ее свободы дѣйствій. Она тратитъ свои послѣднія средства на поддержаніе дорого стоющихъ экспедицій въ Африкѣ, на содержаніе огромной арміи въ Европѣ, для того, чтобы занимать подобающее мѣсто въ тройственномъ союзѣ, и поэтому не можетъ ни уменьшить налоговъ, тяготѣющихъ надъ населеніемъ, ни заняться полезными реформами. Но надо надѣяться, что общество, громко протестующее противъ такой самоубійственной политики, заставитъ, наконецъ, Италію понять, что благосостояніе ея народа должно быть гораздо важнѣе для нея, нежели военная слава и честь занимать мѣсто рядомъ съ очагомъ милитаризма—Германіей.

Англійскій романистъ - портной Даніель Оуэнъ. Въ Англіи умеръ недавно одинъ, въ своемъ родѣ знаменитый, писатель и человѣкъ Даніель Оуэнъ, о которомъ вся англійская пе-

чать отозвалась съ большимъ уваженіемъ и сочувствіемъ. Въ Европѣ этотъ писатель былъ очень мало извѣстенъ, но это потому, что всѣ его произведенія были написаны на валлійскомъ нарѣчіи. Маленькое валлійское княжество, «Wild Wales» (дикій Валлисъ) какъ его называютъ англичане, отличается многими особенностями. Преобладающею чертою валлійца является его способность къ самой смѣлой иниціативѣ. Даже сами англичане, изъ тѣхъ, конечно, которые не ослѣплены предразсудками, признаютъ, что ни одна реформа не была введена въ Англіи безъ того, чтобы валлійцы не подали первые примѣръ, введя ее у себя, по собственному побужденію и собственными средствами. Валлійскій народъ обладаетъ въ высшей степени самобытностью и чувствомъ собственнаго достоинства, не смотря на свою немногочисленность; валліецъ очень смѣлъ и отличается стойкими убѣжденіями; культура въ Валлисѣ распространена даже среди народныхъ массъ.

И вотъ, этотъ маленькій народъ, какъ оказывается, обладаетъ собственною литературой, лучшимъ представителемъ которой былъ Даніель Оуэнъ, сдѣлавшійся выразителемъ всѣхъ народныхъ чувствъ и стремленій. Нельзя сказать, чтобы литературный багажъ этого писателя былъ очень великъ, но, по словамъ компетентныхъ знатоковъ валлійской литературы, всѣ его произведенія отличаются глубиною мысли и многими литературными достоинствами, обнаруживающими въ немъ весьма проницательнаго наблюдателя и психолога. Онъ написалъ не болѣе четырехъ томовъ повѣстей, хотя подвизался на литературномъ поприщѣ около 20 лѣтъ Лучшими его произведеніями считаются, по мнѣнію знатоковъ: «Деревня». «Приключенія Еноха Гью» и очеркъ нравовъ валлійскаго духовенства: «Райсъ Льюсъ—пасторъ въ Бемелѣ». По словамъ валлійцевъ, въ произведеніяхъ Даніеля Оуэна отражается, какъ въ зеркалѣ, душа валлійскаго народа. «Прочтите повѣсть Оуэна,—говорятъ они,—и вы узнаете, что такое валліецъ».

Къ Оуэну, ни въ какомъ случаѣ, нельзя примѣнить пословицы: «Никто не пророкъ въ своемъ отечествѣ». Даніель Оуэнъ былъ именно пророкомъ въ своей странѣ. Онъ былъ окруженъ такимъ почетомъ и уваженіемъ въ народѣ, какой, вообще, выпадаетъ на долю лишь очень немногихъ людей. Появленіе въ печати какой-нибудь его повѣсти было настоящимъ національнымъ событіемъ. Врядъ ли кто-нибудь изъ современныхъ авторовъ можетъ похвастаться такою популярностью, какою пользовался Даніэль Оуэнъ среди валлійцевъ. Не было такой хижины во всемъ Валлисѣ, гдѣ нельзя было бы встрѣтить томика повѣсти Оуэна или нумера журнала, гдѣ они печатаются; не было такой семьи, гдѣ бы эти повѣсти не читались и не перечитывались десятки разъ, особенно валлійскою молодежью, преклонявшеюся передъ Оуэномъ, какъ человѣкомъ и писателемъ. Одинъ изъ путешественниковъ разсказываетъ, что какъ только онъ попалъ въ княжество Валлійское, то въ каждомъ домѣ, гдѣ ему случалось бывать, ему непремѣнно говорили: «Смотрите, не уѣзжайте отсюда, не посѣтивъ Даніеля Оуэна, нашего великаго романиста».

Конечно, каждый изъ посѣтителей княжества Валлійскаго считалъ своимъ долгомъ послѣдовать этому совѣту и, разумѣется, не могъ раскаяваться въ этомъ, такъ какъ Даніель Оуэнъ несомнѣнно представлялъ самую крупную достопримѣчательность Валлиса. Путешественнику, пріѣхавшему въ маленькій чистенькій городокъ «Wyddgrug»(по англійски: Mold), въ графствѣ Флинтъ, стоило только спросить объ Оуэнѣ перваго встрѣч-

наго, и ему немедленно указывали маленькую, скромную лавочку, надъ которой виднѣлась вывѣска: «Портной и закройщикъ». Въ этомъ укромномъ уголкѣ Даніель Оуэнъ провелъ всю свою жизнь, за исключеніемъ нѣсколькихъ лѣтъ ученія въ Бала, главномъ интеллектуальномъ центрѣ княжества Валлійскаго.

Даніель Оуэнъ встрѣчалъ каждаго посѣтителя у дверей своей лавочки и, вѣжливо освѣдомившись, что ему угодно, вводилъ его въ заднюю комнату, родъ салона и вмѣстѣ рабочого кабинета. Гораздо раньше появленія проповѣди графа Толстого о возрожденіи человѣчества путемъ ручнаго труда, Даніель Оуэнъ проводилъ этотъ принципъ въ своей жизни, не дѣлая, впрочемъ, изъ него никакой доктрины, а потому, что ручной трудъ обозпечивалъ ему независимость, а на литературу онъ смотрѣлъ, не какъ на доходную статью или путь къ славѣ, а какъ на средство общенія съ народомъ, дающее ему возможность высказывать свои мысли и идеи и свое дешевное настроеніе. Исполнивъ свою обязанность, какъ портной и суконщикъ, Даніель Оуэнъ бросалъ иглу и ножницы и становился писателемъ. Литературный трудъ доставлялъ ему высокое наслажденіе; и въ немъ онъ находилъ отраду и успокоеніе въ трудныя минуты жизни. Насколько онъ не заботился о литературномъ заработкѣ, настолько же не думалъ и о литературной славѣ. Несомнѣнно, онъ могъ бы достигнуть весьма большой извѣстности, обладая, по словамъ компетентныхъ людей, недюжиннымъ литературнымъ талантомъ, если бы писалъ свои произведенія по англійски. Но онъ предпочелъ оставаться вѣрнымъ своему національному нарѣчію и воздвигнулъ литературѣ своей страны вѣчный памятникъ. Честолюбіе его дальше этого не шло.

Но валлійскій народъ цѣнилъ и высоко ставилъ своего «портного-писателя»: на его похоронахъ собрались представители всего княжества Валлійскаго, даже главные города Англіи пожелали воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы заявить свою солидарность маленькому княжеству. Скромному портному были устроены пышныя національныя похороны, огромная толпа народа провожала его въ его послѣднее жилище, на маленькомъ кладбищѣ его родного городка. Память о немъ, конечно, будетъ долго жить среди валлійскаго народа.

Письменная корпорація молодыхъ дѣвушекъ въ Бирмингамѣ (Girl's Letter Guild). Въ числѣ множества обществъ, союзовъ и корпорацій, организованныхъ въ Англіи съ разными политическими, общественными и благотворительными цѣлями, нельзя не упомянуть объ одной очень скромной, но весьма симпатичной ассоціаціи молодыхъ дѣвушекъ въ Бирмингамѣ, основанной миссъ Изабеллой Кеньуордъ, въ 1889 году. Идея этого общества—вступить въ возможно близкое общеніе съ женскими рабочими классами, познакомиться съ ихъ нуждами и стремленіями и стараться о поднятіи ихъ нравственнаго уровня и улучшеніи ихъ положенія.

Бирмингамъ — огромный промышленный центръ, и работницы въ немъ насчитываются тысячами. Но какъ войти съ ними въ сношенія, какъ пріобрѣсти ихъ довѣріе? Миссъ Кеньуордъ понимала всю трудность задачи, которую хотѣла выполнить. Посѣщеніе кварталовъ, гдѣ живутъ работницы, дѣвушками изъ лучшаго общества не привело бы ни къ чему. Обыкновенно, работницы относятся къ этимъ посѣщеніямъ не только скептически, но даже враждебно: чаще всего онѣ видятъ въ этомъ лишь проявленіе барской фантазіи и празднаго любопытства, оскорбительнаго для нихъ. Надо обладать большимъ тактомъ и искусствомъ, чтобы побѣдить

это недовѣріе, вызвать на откровенность, расположить къ себѣ. Въ матеріальной помощи, оказываемой имъ, онѣ всегда подозрѣваютъ презрительное сожалѣніе и состраданіе, какое только можно чувствовать къ существамъ низшаго разряда, и не вѣрятъ въ дѣйствительно гуманныя чувства людей, приходящихъ къ нимъ на помощь, бо́льшею частью въ этой помощи видятъ посягательство на свою свободу. Обдумывая различные способы, какъ побѣдить это недовѣріе и вступить въ болѣе тѣсныя сношенія съ работницами, миссъ Кеньуордъ пришла къ мысли попробовать добиться этого путемъ писемъ. Подѣлившись своей идеей съ нѣсколькими друзьями, миссъ Кеньуордъ очень быстро перешла отъ слова къ дѣлу и организовала «письменную корпорацію молодыхъ дѣвушекъ», въ составъ которой вошли вначалѣ только нѣсколько ея пріятельницъ. Но плодотворная идея быстро пустила ростки, и теперь уже корпорація, существующая всего лишь около семи лѣтъ, насчитываетъ нѣсколько тысячъ членовъ и имѣетъ свой собственный органъ «The Letter Guild Journal».

Принципъ корпораціи — равенство отношеній. Члены ея, въ своей перепискѣ съ работницами, больше всего заботятся о томъ, чтобы не дать имъ почувствовать свое превосходство надъ ними. Тонъ писемъ всегда дружескій, простой и искренній; этимъ только и объясняется успѣхъ идеи миссъ Кеньуордъ. Въ своихъ инструкціяхъ членамъ она говоритъ: «Пишите, поддерживайте правильную переписку и требуйте, чтобы вамъ отвѣчали, но требуйте этого такъ, какъ вы бы требовали отъ своей подруги. Разсказывайте о себѣ, и такимъ путемъ заставляйте ихъ говорить вамъ о себѣ, дѣлиться съ вами своими мыслями, впечатлѣніями, въ особенности горестями. Умѣйте незамѣтнымъ образомъ вставить въ свое письмо добрый совѣтъ, наставленіе, какую-нибудь хорошую нравственную идею. Но, главное, избѣгайте покровительственнаго тона; пусть никогда принципъ равенства не нарушается въ вашей перепискѣ. Не забывайте ставить на конвертѣ: «госпожѣ такой-то», а въ письмѣ обращатесь такъ, какъ вы бы обратились къ своей подругѣ».

Переписка ведется очень правильно и никогда не бываетъ въ застоѣ. Замѣчательно, что работницы очень любятъ письма, и если только корреспондентка съумѣла взять настоящій тонъ, она можетъ быть увѣрена, что никогда не останется безъ отвѣта. Работница быстро привязывается къ своей неизвѣстной подругѣ и, чувствуя потребность любви и довѣрія, раскрываетъ передъ нею свою душу. Въ свою очередь, дѣвушка, членъ корпораціи, вступая въ переписку съ работницей и пріобрѣтя ея довѣріе, чувствуетъ потребность оправдать это довѣріе и оказаться на высотѣ своей задачи. Между переписывающимися возникаетъ духовная связь и обѣ охраняютъ ее какъ самое драгоцѣнное сокровище. «Я часто думаю о вашихъ словахъ, что нѣтъ низкаго труда и всякій трудъ благороденъ,—пишетъ одна работница.—Мнѣ пріятно думать объ этомъ, когда я нахожусь въ мастерской, и о томъ, что вы меня уважаете, хотя насъ раздѣляетъ очень многое. Вы разсказали мнѣ вашу жизнь, описали ваши занятія; я разскажу вамъ свою и опишу свою работу, если съумѣю. Я не могу такъ хорошо говорить, какъ вы, но это не важно. Я люблю получать ваши письма и поэтому сама пишу вамъ, чтобы получать ихъ...» Далѣе работница подробно описываетъ, сколько она получаетъ денегъ, какіе у нея расходы, разсказываетъ про свою мать, братьевъ, иногда жалуется на свою судьбу, но такъ, какъ бы пожаловалась близкому человѣку, безъ тѣни униженія и никогда не выра-

жаетъ въ своихъ письмахъ никакихъ просьбъ о помощи или покровительствѣ. Это послѣднее обстоятельство особенно многознаменательно, такъ какъ указываетъ, какъ велика потребность у работницъ къ такому общенію, которое не даетъ имъ чувствовать ихъ униженнаго положенія. Въ нѣкоторыхъ письмахъ, между прочимъ, можно найти указанія и на потребности въ умственной пищѣ. Одна изъ работницъ описываетъ впечатлѣнія, вынесенныя ею изъ чтенія Шекспира, при этомъ прибавляетъ: «На праздники я непремѣнно съѣзжу въ Стратфордъ, чтобы посмотрѣть домъ, гдѣ родился Шекспиръ, я могу себѣ позволить эту роскошь».

Но корпорація не ограничиваетъ свою дѣятельность только письменными сношеніями. Благодаря великодушію одного жертвователя, она устроила домъ для отдыха на морскомъ берегу, гдѣ могутъ пріютиться работницы, нуждающіяся въ такомъ отдыхѣ. Разъ въ годъ корпорація устраиваетъ чаепитіе и концертъ для работницъ и каждые три-четыре мѣсяца — общее собраніе. Кромѣ того. корпорація устроила воскресныя и вечернія школы и фондъ помощи для заболѣвшихъ работницъ.

Что касается маленькаго журнала «The Lettres Guild Journal», то и онъ имѣетъ свои достоинства и пользуется популярностью среди работницъ. Кромѣ обычныхъ цитатъ изъ Библіи, безъ которыхъ не можетъ обойтись ни одинъ благомыслящій органъ англійской печати, предназначаемый для распространенія среди рабочихъ классовъ, въ немъ заключаются живо и популярно написанныя статейки, трактующія о разныхъ общественныхъ и нравственыхъ вопросахъ, и затѣмъ разные совѣты, касающіеся домашняго хозяйства и мастерства, рецепты кушаній, врачебные и гигіеническіе совѣты и т. п. Работницы въ Бирмингамѣ называютъ его «нашъ журналъ», и охотно его читаютъ.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«North American Review». — «Westminster Review».

«North American Review» задумалъ печатать рядъ очерковъ о женщинахъ разныхъ націй (Study of wifes) и съ этою цѣлью обратился къ писателямъ четырехъ націй: англійской, французской, нѣмецкой и скандинавской. Редакція выбрала изъ современныхъ англійскихъ писателей Грэнтъ Аллена, который воспользовался этимъ, чтобы высказать не мало горькихъ истинъ своимъ соотечественницамъ.

Грэнтъ Алленъ раздѣляетъ всѣхъ англійскихъ женщинъ на три класса: женщину рабочихъ классовъ, женщину среднихъ классовъ и аристократку. Идеальная женщина и жена въ рабочихъ классахъ—это хозяйка и мать на старинный тевтонскій образецъ. Она царствуетъ надъ кухней. Она проводитъ жизнь въ самой тяжелой и грязной работѣ, она исполняетъ все, что надлежитъ ей исполнять, чтобы былъ доволенъ ея мужъ и чтобы кое-какъ поддерживался порядокъ въ ея хозяйствѣ. Она успѣваетъ и накормить мужа, сдѣлать ему постель и вымыть ему бѣлье, и обшить, и обмыть свое многочисленное потомство, причиняющее ей не мало хлопотъ. Она вѣритъ въ Бога, но никогда ни о чемъ не задумывается, и больше всего значенія придаетъ внѣшнимъ обрядамъ и религіознымъ церемоніямъ. У нея нѣтъ души, да у нея нѣтъ и времени, чтобы создать себѣ душу!

Женщина и жена въ среднихъ классахъ, по словамъ Грэнтъ Аллена, также ни въ чемъ не проявляетъ своей собственной души и не живетъ своею собственною жизнью. Она служитъ лишь дополненіемъ къ своему мужу, заботясь о представительности его дома. Она не интересуется дѣлами своего мужа и не распрашиваетъ его о нихъ, но разумно ведетъ свое хозяйство и содержитъ домъ въ порядкѣ, хорошо одѣвается сама и одѣваетъ своихъ дѣтей и больше всего заботится о томъ, чтобы респектабельность дома не была нарушена. Она представляетъ самый несложный и непривлекательный, но въ высшей степени добродѣтельный типъ жены, соотвѣтствующій идеалу солидныхъ, но ограниченныхъ буржуа, лишенныхъ всякаго воображенія и фантазіи.

Что касается аристократическихъ классовъ въ Англіи, то тамъ, по словамъ Грэнтъ Аллена, не существуетъ идеальной жены. Мужъ и жена идутъ каждый своей дорогой, не заботясь другъ о другѣ и не интересуясь другъ другомъ. Оба живутъ въ обществѣ и для общества и большая часть браковъ кончается разводомъ.

Конечно, такое мнѣніе англійскаго писателя о своихъ соотечественницахъ можетъ поразить своею неожиданностью, тѣмъ болѣе, что въ его странѣ, пожалуй, даже больше, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, женщины проявляютъ свою индивидуальность и выражаютъ стремленія выйти за предѣлы узкой домашней сферы и дѣятельности. Это замѣчается, какъ у женщинъ высшихъ классовъ и буржуазіи, такъ и у женщинъ рабочихъ классовъ, у которыхъ Грэнтъ Алленъ совершенно отрицаетъ душу. Максъ о'Ре́ль, описывающій французскую идеальную жену, въ противоположность Грэнтъ Аллену, говоритъ много любезностей по адресу своихъ соотечественницъ. По его словамъ, француженка больше всего заботится о томъ, чтобы нравиться своему мужу, поэтому она обращаетъ огромное вниманіе на свою наружность и даже прическу мѣняетъ каждыя двѣ недѣли. Но, кромѣ этого, она старается быть его другомъ, его повѣренной, его помощницей въ дѣлахъ и т. д. Французскій писатель особенно много распространяется о томъ, какъ француженка старается сохранить поэзію въ бракѣ.

Германскій писатель Карлъ Блиндъ отнесся серьезно къ своей задачѣ изобразить идеальную нѣмецкую жену, поэтому написалъ цѣлый историческій очеркъ, въ которомъ можно прослѣдить постепенную эволюцію германской женщины. Восхваляя современную нѣмку, онъ съ негодованіемъ возстаетъ противъ того распространеннаго мнѣнія, что идеалъ нѣмецкой жены—это «Hausfrau»,—хозяйка дома, интересы которой не выходятъ за порогъ ея жилища и кухни. Нѣмецкая женщина способна и ко всякой умственной и общественной дѣятельности, говоритъ онъ, но сдѣлавшись женой и матерью, больше всего, конечно, заботится о томъ, чтобы создать домашнее счастье и воспитать своихъ дѣтей. Но это не мѣшаетъ ей, — насколько это допускается ея поломъ,—интересоваться и принимать участіе во всемъ, что имѣетъ отношеніе къ интеллектуальному, нравственному и соціальному прогрессу человѣчества.

Самый вѣрный взглядъ на вопросъ, поставленный американскимъ журналомъ, высказалъ скандинавскій писатель Бойейсенъ, написавшій о скандинавской женщинѣ. Онъ говоритъ, что надо различать между идеальнымъ типомъ женщины и идеальнымъ типомъ жены. Идеалъ жены устанавливается мужчинами, которые требуютъ отъ женщины извѣстныхъ качествъ и добродѣтелей, нужныхъ имъ для семейнаго счастья. А эти качества и добродѣтели болѣе или менѣе одинаковы

во всѣхъ странахъ, поэтому, и идеалъ скандинавской жены будетъ такой же. какъ и въ другихъ странахъ, хотя сама по себѣ скандинавская женщина представляетъ много особенностей и также добивается своей самостоятельности и независимости, какъ и женщины во многихъ другихъ цивилизованныхъ государствахъ.

Не знаемъ, къ какимъ выводамъ пришелъ американскій журналъ относительно воззрѣній четырехъ вышеназванныхъ писателей на идеалъ жены, но намъ кажется, что всего типичнѣе въ данномъ случаѣ изображеніе идеальной жены, сдѣланное французскимъ писателемъ. Оно, во всякомъ случаѣ, характерно для французскаго общества и его воззрѣній на женщину, главная цѣль которой должна быть—нравиться мужчинѣ, и въ этомъ нельзя не видѣть новой черты нравственнаго вырожденія французскаго буржуазнаго общества.

«Въ то время, какъ я пишу эти строки, длинныя перчатки и вѣеръ нашей служанки лежатъ на кухонномъ шкафу. Она прекрасная служанка и содержитъ кухню очень опрятно, но сегодня вечеромъ она идетъ на балъ въ яхтъ-клубъ. Клубъ этотъ состоитъ, главнымъ образомъ, изъ молодыхъ рабочихъ. Но тамъ она встрѣтится съ дочерьми нашего перваго министра и многими почетными новозеландскими гражданами».

Эти нѣсколько строкъ взяты нами изъ статьи Эдварда Ривса, напечатанной въ «Westminster Review», и описывающей положеніе рабочихъ классовъ въ Новой Зеландіи. По словамъ Эдварда Ривса, Новая Зеландія можетъ быть названа раемъ рабочихъ, и законы ея не имѣютъ себѣ равныхъ нигдѣ въ мірѣ. Цѣль ихъ — облегчить какъ можно болѣе положеніе рабочихъ, покровительствовать мелкой собственности и помѣшать сосредоточенію обширныхъ помѣстій въ однѣхъ рукахъ, будь то отдѣльныя личности или промышленныя общества. Бѣднякъ, рабочій, мелкій фермеръ и ремесленникъ освобождены отъ платежа налоговъ, насколько это возможно. Число рабочихъ часовъ сокращено и, кромѣ того, постоянный рабочій имѣетъ право на полдня свободы и отдыха каждую недѣлю, безъ сокращенія его заработной платы. Правительство заботится о томъ, чтобы въ мастерскихъ и фабрикахъ работа совершалась, по возможности, въ самыхъ лучшихъ гигіеническихъ условіяхъ и для этой цѣли учрежденъ за всѣми фабриками и заводами самый строгій надзоръ. Приняты мѣры также къ тому, чтобы рабочіе могли употреблять свое свободное время на расширеніе своихъ познаній и на свое умственное развитіе и, вслѣдствіе этого, интеллектуальный уровень новозеландскихъ рабочихъ гораздо выше, чѣмъ въ другихъ странахъ. Часто, слушая ихъ разговоры, можно забыть, что находишься въ средѣ рабочихъ.

Благодаря такому мудрому законодательству, Ново-Зеландія до нѣкоторой степени приблизилась къ соціальному идеалу. Въ ней незамѣтно такого рѣзкаго соціальнаго неравенства; правда, нѣтъ ни одного милліонера, но нѣтъ и страшной бѣдности, которая существуетъ вездѣ. Ривсъ очень подробно излагаетъ сущность рабочаго законодательства Ново-Зеландіи, объясняя въ высшей степени гуманнымъ направленіемъ этого законодательства тѣ благіе результаты, которые достигнуты Ново-Зеландіей въ сравнительно короткое время. Вслѣдствіе благоразумной предусмотрительности, пониженіе заработной платы, вызванное экономическими условіями, не отразилось дурно на положеніи рабочихъ классовъ, такъ какъ, сообразно съ этимъ, понизились и цѣны на предметы первой необходимости и пищевые припасы. «Жилище рабочаго Новой Зеландіи поражаетъ своею опрят-

ностью,— говоритъ Ривсъ. Вы видите, что онъ заботится о своемъ домѣ и не тратитъ своего заработка въ увеселительныхъ заведеніяхъ. Дѣти его должны быть одѣты не хуже, чѣмъ дѣти другихъ, такъ какъ въ школѣ, куда они ходятъ, они будутъ сидѣть рядомъ съ дѣтьми высшихъ чиновниковъ страны. Воспитаніе, получаемое въ школахъ, также какъ и все ново-зеландское законодательство, основано, главнымъ образомъ, на здравомъ смыслѣ и преслѣдуетъ практическія цѣли. Оно не имѣетъ книжнаго характера, и ученики главнымъ образомъ, получаютъ въ школѣ такія свѣдѣнія, которыя не только имъ нужны для дальнѣйшаго умственнаго развитія, но могутъ быть полезны и въ практической жизни. Дѣтей стараются практически ознакомить съ полевыми работами, съ лѣсомъ и фермой. Для этого устраиваются постоянныя школьныя экскурсіи за городъ, въ разныя мѣста. Ученики же деревенскихъ школъ привозятся въ городъ, гдѣ имъ показываютъ музеи, библіотеки, типографіи, разныя мастерскія, газовую фабрику, электрическія машины, водопроводъ, и т. п. Все это объясняется имъ свѣдущими людьми. Учениковъ возятъ также на океанскіе пароходы и показываютъ ихъ устройство. Тысячи городскихъ дѣтей видятъ полевыя работы и учатся отличать пшеницу отъ другихъ сортовъ хлѣбныхъ растеній и во всю жизнь не забываютъ того, чему обучились въ школѣ. Всѣ карьеры одинаково открыты какъ для сына бѣднѣйшаго рабочаго, такъ и для сына богача. Если онъ выказываетъ наклонность къ умственному труду, то можетъ избрать ученую карьеру. Для небогатыхъ имѣются вездѣ стипендіи; въ государственныхъ же техническихъ мастерскихъ и фермахъ онъ можетъ обучиться мастерствамъ и сельскому хозяйству, если питаетъ къ этому склонность. Выйдя изъ школы, юноша, получившій правильное, здоровое воспитаніе, вполнѣ готовъ къ практической дѣятельности и смѣло вступаетъ въ жизнь, не растративъ раньше времени своихъ физическихъ силъ въ борьбѣ со всевозможными лишеніями. Въ школѣ онъ привыкъ къ порядку, къ чистотѣ и опрятности, къ хорошей одеждѣ и столу, къ чистому воздуху и гигіенической обстановкѣ, и будетъ стараться осуществить все это у себя дома. Онъ не разрываетъ общенія со своими бывшими товарищами и встрѣчается съ ними въ различныхъ обществахъ, членомъ которыхъ становится по выходѣ изъ школы. Обществъ такихъ очень много; прежде всего—это рабочіе союзы и изъ нихъ самое вліятельное—«рыцари труда». Затѣмъ идутъ разныя другія ассоціаціи или клубы. Клубъ крикетистовъ, шахматистовъ, яхтъ-клубъ, рѣчной клубъ и т. д. Въ этихъ клубахъ устраиваются вечера, на которыхъ присутствуютъ жены и дочери высшихъ чиновниковъ вмѣстѣ съ служанками и работницами. Равенство здѣсь возведено въ принципъ, который проводится во всемъ и способствуетъ тому, что рабочій всегда стремится удержаться на должной высотѣ и не ударить лицомъ въ грязь передъ какимъ-нибудь его бывшимъ товарищемъ, сдѣлавшимся извѣстнымъ адвокатомъ или занимающимъ высшую правительственную должность. Той страшной нужды, которая составляетъ постоянную спутницу рабочихъ классовъ во всѣхъ странахъ свѣта, новозеландскій рабочій совсѣмъ не знаетъ, также какъ не знаетъ благотворительной помощи, которой не существуетъ въ Ново-Зеландіи, потому что она не нужна. Здѣсь дамы-благотворительницы совершенно неизвѣстны. Если рабочій случайно останется безъ работы, онъ обращается въ бюро труда, которое и пріискиваетъ ему занятіе. Если же онъ не можетъ пристроиться ни въ

какомъ промышленномъ учрежденіи или мастерской, ему предоставляется возможность найти занятіе на фермахъ, плантаціяхъ, внутри страны и т. д. Наконецъ, онъ можетъ заняться лѣсными роботами или на государственномъ лѣсопильномъ заводѣ. Однимъ словомъ, онъ не можетъ умереть съ голоду и всегда найдетъ способъ прокормить свою семью».

Такова привлекательная картина новозеландскихъ порядковъ, которую рисуетъ Ривсъ. Онъ подкрѣпляетъ ее множествомъ документальныхъ данныхъ и обнаруживаетъ такое основательное знакомство съ страной, что къ его словамъ приходится относиться съ полнымъ довѣріемъ и радоваться, что существуетъ на земномъ шарѣ такое благословенное мѣстечко, гдѣ борьба за существованіе далеко не такъ тяжела.

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

Поправка. Въ декабрьской книгѣ вкралось нѣсколько существенныхъ опечатокъ, искажающихъ смыслъ. Въ статьѣ г. Ив. Иванова, «Новая французская литература», на стр. 165, восьмая строка снизу — напечатано *измѣнниками*, надо — *изгнанниками* — Въ статьѣ г. А. Б. годъ основанія «Вѣстника Европы» напечатанъ 1807, надо—1802.

Годъ V-й. **№ 2-й.**

МІРЪ БОЖІЙ

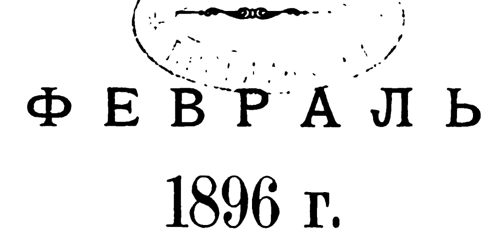
ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

И

САМООБРАЗОВАНІЯ.

ФЕВРАЛЬ

1896 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1896.

Дозволено цензурою 24-го января 1896 года. С.-Петербургъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣрноподданнымъ:

При помощи Божіей вознамѣрились Мы въ маѣ мѣсяцѣ сего года въ первопрестольномъ градѣ Москвѣ, по примѣру благочестивыхъ Государей, предковъ Нашихъ, возложить на Себя корону и воспріять по установленному чину святое Миропомазаніе, пріобщивъ къ сему и любезнѣйшую Супругу Нашу, Государыню Императрицу Александру Ѳеодоровну.

Призываемъ всѣхъ вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ въ предстоящій торжественный день коронованія раздѣлить радость Нашу и вмѣстѣ съ Нами вознести горячую молитву Подателю всѣхъ благъ, да изліетъ на Насъ дары духа Своего Святаго, да укрѣпитъ Онъ державу Нашу и да направитъ Онъ Насъ по стопамъ незабвеннаго Родителя Нашего, коего жизнь и труды на пользу дорогого отечества останутся для Насъ навсегда свѣтлымъ примѣромъ.]

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«НИКОЛАЙ».

ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ.

Манифестомъ въ сей день даннымъ возвѣстивъ объ имѣющемъ совершиться въ маѣ мѣсяцѣ 1896 года коронованіи Нашемъ, признали Мы за благо призвать къ сему времени въ первопрестольный градъ Нашъ Москву, по примѣру коронованія въ Бозѣ почившаго Родителя Нашего, сословныхъ и другихъ представителей Россійской Имперіи на точномъ основаніи утвержденнаго Нами особаго положенія.

ПО НОВОМУ ПУТИ.

Романъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе) *).

V.

— Ахъ, какая прелесть! — крикнула Катя, вбѣгая по темной и грязной лѣстницѣ.—Восторгъ...

Подымавшаяся за ней Честюнина никакъ не могла понять,—напротивъ, эта петербургская лѣстница произвела самое непріятное впечатлѣніе.

— Маша, я счастлива, совершенно счастлива!—кричала Катя откуда-то сверху.—Что же ты молчишь?

— Я рѣшительно не понимаю ничего, Катя...

— А ты понюхай, какой здѣсь воздухъ?

— Кошками пахнетъ...

— Вотъ-вотъ, именно въ этомъ и прелесть. Мнѣ такъ надоѣли эти антре, парадныя лѣстницы, швейцары, а тутъ просто духъ захватываетъ отъ всякихъ запаховъ... ха-ха-ха!.. Прелесть, восторгъ... ура!..

— Пожалуйста, тише, сумасшедшая...

Потомъ все стихло. Когда Честюнина поднялась въ пятый этажъ, ей представилась такая живая картина: въ отворенныхъ дверяхъ стояла полная женщина въ дымчатыхъ очкахъ, стриженая и съ папиросой, а передъ ней стояла Катя, улыбающаяся, свѣжая, задорная.

---

*) См. «Міръ Божій», № 1, январь 1896.

— Вы это чему смѣетесь?—угрожающимъ тономъ спрашивала дама съ папиросой.

— А развѣ здѣсь запрещено смѣяться?

— Не запрещено, но вы, во-первыхъ, чуть не оборвали звонка, а потомъ, когда я открыла дверь, захохотали мнѣ прямо въ лицо... Это доказываетъ, что вы дурно воспитаны.

— Я?! Нѣтъ, ужъ извините, сударыня...—бойко отвѣтила Катя.—Во-первыхъ, я кончила институтъ, во-вторыхъ, мой папаша дѣйствительный статскій совѣтникъ, въ-третьихъ, у насъ на подъѣздѣ стоитъ швейцаръ Григорій, который въ теченіе своей жизни не пропустилъ на лѣстницу ни одной кошки, въ-четвертыхъ...

— У васъ отдается комната?—перебила Честюнина.

Дама съ папиросой строго оглядѣла ее съ ногъ до головы и, загораживая дверь, грубо спросила:

— А вы почему думаете, что я должна сдавать комнату?

— Намъ указалъ вашъ адресъ студентъ... такой бѣлокурый... По фамиліи Крюковъ.

— А, это совсѣмъ другое дѣло...

Дама величественно отступила. Она теперь сосредоточила все свое вниманіе на Катѣ.

— Да вы намъ комнату свою покажите...—приставала Катя, заглядывая въ дверь направо.

— Сюда нельзя, во-первыхъ,—остановила ее дама.—А затѣмъ, кому изъ васъ нужна комната?

— Мнѣ...—успокоила ее Честюнина.

— Ну, это другое дѣло.

Когда сердитая дама съ папироской повела дѣвушекъ по длинному корридору, въ который выходили двери отдѣльныхъ комнатъ, Катя успѣла шепнуть:

— Какая милашка... Я въ нее влюблена. Понимаешь? Ахъ, прелесть...

Свободная комната оказалась рядомъ съ кухней, что еще разъ привело Катю въ восторгъ. Помилуйте, пахнетъ не то лукомъ, не то кофе—прелесть... Однимъ словомъ, обстановка идеальная. Отдававшаяся въ наймы комната единственнымъ окномъ выходила въ брандмауэръ сосѣдняго дома. Изъ мебели полагался полный репертуаръ: столъ, просиженный диванъ, желѣзная кровать, два стула и комодъ.

— Собственно говоря, я отдаю комнаты только знакомымъ,—не безъ достоинства объясняла дама съ папиросой.— И жильцы у меня постоянные, изъ года въ годъ. Вы, вѣроятно, провинціалка?

— Да, я издалека... Можетъ быть, вы слыхали, есть такой городъ Сузумье?

— Сузумье?!.. Боже мой, что же это вы мнѣ раньше не сказали, милая... Я, вѣдь, тоже изъ тѣхъ краевъ. Конечно, вы слыхали про профессора Приростова? Это мой родной братъ...

При послѣднихъ словахъ она вызывающе посмотрѣла на Катю, точно хотѣла сказать: вотъ тебѣ, выскочка, за твоего папеньку дѣйствительнаго статскаго совѣтника... Да-съ, родная сестра, и все тутъ.

— Меня зовутъ Парасковьей Игнатьевной,—уже милостивѣе сообщила она.—А васъ? Марья Гавриловна—хорошее имя. Меня мои жильцы прозвали, знаете какъ? Парасковеей Пятницей... Это упражняется вашъ знакомый Крюковъ. Впрочемъ, я до него еще доберусь...

Катя больше не могла выдерживать и прыснула. Это былъ неудержимый молодой смѣхъ, заразившій даже сестру извѣстнаго профессора. Она смотрѣла на хохотавшую Катю и сама смѣялась.

— А знаете... знаете...—говорила Катя сквозь слезы.— Знаете, у васъ, дѣйствительно, есть что-то такое... Парасковея Пятница, именно! Боже мой, да что же это такое?...

Въ слѣдующій моментъ Катя бросилась на шею къ Парасковьѣ Пятницѣ и расцѣловала ее.

— Нѣтъ, я не могу! Вѣдь это разъ въ жизни встрѣчается... Какъ я васъ люблю, милая Парасковея Пятница!...

Эта нѣжная сцена была прервана апплодисментами,—въ дверяхъ стоялъ давешній бѣлокурый студентъ.

— Браво!.. Какія милыя телячьи нѣжности... Я, грѣшный человѣкъ, думалъ, что вы подеретесь для перваго раза и торопился занять роль благороднаго свидѣтеля.

— Пожалуйста, не трудитесь острить,—вступилась Катя.— Вы—запоздалый и никогда не поймете всей красоты каждаго движенія женской души. А въ частности, что вамъ угодно?

— Что, влетѣло?—шутила Приростова.—Ахъ, молодежь, молодежь... Вотъ посмотришь на васъ и какъ-то легче на душѣ сдѣлается. Когда я была молода, у насъ въ Казани...

— Ну, теперь началась сказка про бѣлаго бычка: „у насъ въ Казани",—замѣтилъ студентъ.—Когда вы доѣдете, Парасковья Игнатьевна, до своего знаменитаго брата, постучите мнѣ въ стѣну... Я буду тутъ рядомъ. Я даже начну за васъ: „Когда я была молода, у насъ въ Казани"...

Когда веселый студентъ ушелъ въ комнату рядомъ, Приростова вздохнула и проговорила:

— Вѣроятно, подъ старость всѣ люди дѣлаются немного смѣшными, особенно когда вспоминаютъ далекую молодость... Можетъ быть, Крюковъ и правъ, когда вышучиваетъ меня. А только онъ добрый, хотя и болтунъ... Вотъ что, дѣвицы, хотите кофе?

— Съ удовольствіемъ перехватимъ кофеевъ, — отвѣтила Катя, стараясь выражаться въ стилѣ студенческой комнаты.

Когда Приростова ушла въ кухню, Честюнина проговорила, дѣлая строгое лицо:

— Знаешь, Катя, ты держишь себя непозволительно... Я тебѣ серьезно говорю. Парасковья Игнатьевна почтенная женщина, я это чувствую и не хорошо ее вышучивать... Вообще, нужно быть поскромнѣе.

— Я больше не буду, милая, строгая сестрица... Но я не виновата, что она говоритъ: молодежь. И потомъ, ты забываешь, что если бы не я, такъ тебѣ не видать бы Парасковеи Пятницы, какъ своихъ ушей. Чувствую, что ты устроишься здѣсь.

— И мнѣ тоже кажется...

Приростова повела „дѣвицъ" къ себѣ въ комнату, устроенную на студенческую руку. Такая же кровать, простенькій диванъ, комодъ, два стула и двѣ этажерки для книгъ. Честюнина обратила вниманіе прежде всего на эти этажерки, гдѣ были собраны изданія: Молешоттъ, К. Фогтъ, Бокль и т. д. Очевидно, это были все авторы, дорогіе по воспоминаніямъ юности. На стѣнѣ у письменнаго стола были прибиты прямо гвоздями порыжѣвшія и засиженныя мухами фотографіи разныхъ знаменитостей, а затѣмъ цѣлый рядъ портретовъ. Эти послѣдніе, вѣроятно, представляли память сердца.

Приростова показала на молодого мужчину съ самыми длинными волосами и таинственно объяснила:

— Мой мужъ, Иванъ Михайловичъ...

Пока „дѣвицы“ пили кофе, Приростова успѣла сообщить всю свою біографію. Да, она родилась въ одномъ изъ поволжскихъ городовъ, въ помѣщичьей семьѣ, отдана была потомъ въ институтъ, а потомъ очутилась въ Казани.

— Ахъ, какое это было время, дѣвицы! Вы ужъ не испытаете ничего подобнаго—да... Развѣ нынче есть такіе люди?.. Да, было удивительное время, и мнѣ просто жаль Крюкова, когда онъ смѣется надо мной! Онъ не понимаетъ, бѣдняжка, что и самъ тоже состарится, и вы, дѣвицы, тоже состаритесь, а на ваше мѣсто придетъ молодежь ужъ другая...

Честюнина переѣхала на новую квартиру въ тотъ же день и была совершенно счастлива. Вышло только одно неудобное обстоятельство—она уѣхала, не простившись съ дядей. Онъ засѣдалъ въ какой-то коммиссіи. Тетка приняла видъ жертвы, покорившейся своей судьбѣ, и съ особенной ядовитостью соглашалась со всѣмъ.

— Комната въ восемь рублей? Превосходно... Рядомъ живетъ студентъ — отлично. Дядя будетъ очень радъ. Онъ всегда стоитъ за женскую равноправность... Впрочемъ, это въ воздухѣ, и я кажусь тебѣ смѣшной.

— Что вы, тетя...—попробовала оправдаться Честюнина.— Я не рѣшаюсь приглашать васъ къ себѣ, но вы убѣдились бы своими глазами, что ничего страшнаго нѣтъ.

Много напортила своими комическими восторгами Катя, но она такъ смѣшно разсказывала и такъ заразительно хохотала, что сердиться на нее было немыслимо. Впрочемъ, когда Честюнина уходила совсѣмъ, она догнала ее въ передней и принялась цѣловать со слезами на глазахъ.

— Что ты, Катя?—удивилась та.—Ты плачешь?

— Да, да... Это глава изъ романа петербургской кисейной барышни. Я презираю себя и завидую тебѣ... Кланяйся Парасковеѣ Пятницѣ. Она хорошая...

Честюнина вздохнула свободнѣе, когда очутилась, наконецъ, на улицѣ. Ее точно давили самыя стѣны дядюшкиной квартиры, а швейцара Григорія и горничной Даши она просто начала бояться. Сейчасъ ее не смущалъ даже роко-

вой мѣшокъ, который производилъ все время такую сенсацію. Тамъ, на Выборгской сторонѣ, такіе пустяки не будутъ имѣть никакого смысла...

Приростова встрѣтила новую квартиранку по родственному и сейчасъ же спросила про Катю.

— Мнѣ кажется, что она на другой дорогѣ,—замѣтила она.—Я хочу сказать, что эта дѣвушка живетъ изо дня въ день барышней, безъ всякой цѣли впереди. А это грустно...

Какъ была рада Честюнина, когда, наконецъ, очутилась въ собственномъ углу. Вѣдь нѣтъ больше счастья, какъ чувствовать себя независимой. Вотъ это мой уголъ и никто, рѣшительно никто не имѣетъ права вторгаться въ него. Дѣвушка полюбила эти голыя стѣны, каждую мелочь убогой обстановки и впередъ рисовала себѣ картины трудовой жизни, о которой столько мечтала раньше. Да, сонъ свершился на яву...

Первой вещью, которую пришлось пріобрѣсти, была дешевенькая лампочка. Когда загорѣлъ первый огонекъ, дѣвушка сѣла къ письменному столу, чтобы написать письма матери и „къ нему". Письмо матери удалось. Она описывала дорогу, семью дяди, свое поступленіе на курсы, новую квартиру,—впечатлѣнія были самыя пестрыя. Но второе письмо совершенно не удалось. Честюнина написала цѣлыхъ пять писемъ, и всѣ пришлось разорвать. Все это было не то, чего она желала. А какъ много хотѣлось написать... Что-то мѣшало, точно выростала невидимая стѣна, заслонявшая прошлое, и въ результатѣ получался фальшивый тонъ. Она перечитала письмо „отъ него" разъ десять и поняла только одно, что ей не отвѣтить въ этомъ простомъ и задушевномъ тонѣ.

— Какой онъ хорошій...—шептала она, испытывая почти отчаяніе.

VI.

Первая лекція... Это было что-то необыкновенное, какъ молодой сонъ. Въ громадной аудиторіи, устроенной амфитеатромъ, собралось до полуторасотъ новенькихъ курсистокъ. Кого-кого тутъ не было: сильныя брюнетки съ далекаго юга, бѣлокурыя нѣмки, русоволосыя дѣвушки средней Рос-

сіи, сибирячки съ типомъ инородокъ. За вычетомъ племенныхъ особенностей, оставался одинъ общій типъ — преобладала сѣрая дѣвушка, та безвѣстная труженица, которая несла сюда все, что было дорогого. Красивыхъ лицъ было очень немного, хотя этого и не было замѣтно. Всѣ переживали возбужденное настроеніе и поэтому говорили громче обыкновеннаго, смѣялись какъ-то принужденно и вообще держались неестественно. На нѣкоторыхъ скамьяхъ образовались самыя оживленныя группы. Очевидно, сошлись землячки, и Честюнина невольно позавидовала, потому что изъ Сузумья она была одна, и опять переживала тяжелое чувство одиночества. Впрочемъ, были и другія дѣвушки, которыя тоже держались особнячкомъ, какъ и она. Одна такая дѣвушка, сухая и сгорбленная, съ зеленоватымъ лицомъ и какими - то странными темными глазами, которые имѣли такой видъ, точно были наклеены—сѣла на скамью рядомъ съ ней.

— У васъ, кажется, нѣтъ никого знакомыхъ?- заговорила она дѣловымъ тономъ, поправляя большіе очки въ черепаховой оправѣ.

— Да...

— И у меня тоже.

— Вы издалека?

— О, очень издалека... съ юга.

Она назвала маленькій южный городокъ и засмѣялась,—этотъ городъ существовалъ только на картѣ, а въ дѣйствительности былъ деревней.

Потомъ она прибавила совершенно другимъ тономъ:

— А вы видите, вонъ тамъ, на третьей скамейкѣ сидитъ бѣлокурая барышня?..

— Да, вижу...

— Вы ее не знаете? Она меня очень интересуетъ... Вотъ сейчасъ она повернулась въ нашу сторону... Знаете, я ее ненавижу. Вѣдь вижу въ первый разъ и ненавижу... Вы когда-нибудь испытывали что - нибудь подобное? А со мной бываетъ... Я даже ненавижу иногда людей, которыхъ никогда не видала.

Аудиторія вдругъ притихла, и Честюнина только сейчасъ замѣтила, что вошелъ профессоръ. Это былъ полный мужчина среднихъ лѣтъ, въ военно-медицинскомъ мундирѣ.

Не смотря на свою нѣмецкую фамилію — Шмадтофъ, онъ имѣлъ наружность добродушнаго русскаго мужичка. Окладистая борода съ просѣдью, каріе большіе глаза, мягкій носъ, крупныя губы, походка съ развальцемъ—во всемъ чувствовалось какое-то особенное добродушіе. Онъ внимательно осматривалъ, дожидаясь, пока стихнетъ шумъ, а потомъ заговорилъ жирнымъ басомъ. Онъ „читалъ" общую анатомію и демонстрировалъ свое чтеніе рисунками цвѣтнымъ карандашемъ по матовому стеклу. Выходило очень красиво, и вся аудиторія ловила каждое слово опытнаго лектора. Честюнина забыла все, превратившись въ одинъ слухъ. Вѣдь это была уже настоящая наука, святая наука, и читалъ лекцію настоящій профессоръ, имя котораго встрѣчалось въ ученой литературѣ. Встрѣчавшіеся въ лекціи научные термины тоже говорили о совершенно новой области знанія и всѣ записывали ихъ въ особыя тетрадки, за исключеніемъ нѣкоторыхъ легкомысленныхъ особъ, не считавшихъ это нужнымъ.

Послѣ лекціи курсистки обступили профессора. Онъ рекомендовалъ разныя сочиненія по анатоміи, пособія и атласы.

— Посмотрите, какъ та юлитъ около профессора,—шепнула Честюниной новая знакомая, указывая глазами на бѣлокурую курсистку.—Я тоже хотѣла подойти, а теперь не подойду. Противно смотрѣть...

Вторая лекція была по химіи, въ другой аудиторіи, гдѣ были устроены приспособленія для химическихъ опытовъ. Профессоръ славился больше своей музыкой, чѣмъ учеными трудами. Онъ имѣлъ смѣшную привычку приговаривать въ затруднительныхъ случаяхъ слово „исторія". „А вотъ мы подогрѣемъ эту исторію... кхе! кхе... да. А изъ этой исторіи получится у насъ формула..." Честюнину поражало больше всего то, что новенькія курсистки знали уже впередъ каждаго профессора. Кто-то уже составилъ опредѣленныя характеристики о каждомъ, и онѣ передавались изъ одного курса въ другой. Были свои любимые профессора и были нелюбимые. О каждомъ изъ поколѣнія въ поколѣніе переходили стереотипные анекдоты. Каждая курсистка являлась на лекцію уже съ предвзятымъ мнѣніемъ и молодой непогрѣшимостью. Честюниной не нравилась именно эта черта. Развѣ не могло быть почему-нибудь ошибки? Да и кто судьи...

Потомъ, развѣ онѣ явились сюда для какого-то суда надъ профессорами? По этому поводу у ней вышелъ горячій споръ съ давешней курсисткой въ черепаховыхъ очкахъ, которая сообщала ей профессорскія характеристики.

— Знаете, это совсѣмъ не интересно...—замѣтила Честюнина.—Сначала мнѣ было больно слышать, а теперь не интересно. Вѣдь это не относится къ наукѣ, а мы пришли сюда учиться. Потомъ, это отдаетъ немного провинціальной сплетней... А главное, кому это нужно? Неужели вамъ легче, если вы впередъ, не зная человѣка, рѣшаете по чужимъ отзывамъ, что онъ дуракъ? Въ этомъ случаѣ я никому бы не повѣрила... Конечно, есть разница, но отъ генія до дурака слишкомъ еще много мѣста...

— Однимъ словомъ, вы желаете быть милой золотой серединой? Могу поздравить впередъ съ полнымъ успѣхомъ...

— Кажется, вы желаете меня ненавидѣть?

— Это уже дѣло мое...

Произошла непріятная размолвка, и Честюнина почувствовала, что нажила себѣ врага. Темные глаза изъ-подъ черепаховыхъ очковъ смотрѣли на нее съ такой ненавистью. Было и непріятно, и неловко. Съ этимъ непріятнымъ чувствомъ она вернулась и домой и только дома вспомнила, что еще не обѣдала.

— И я тоже не обѣдала,—успокоила ее Приростова.—Знаете, дома заводить кухню не стоитъ. И хлопотъ бабьихъ много, и просто невыгодно. Потомъ, полная зависимость отъ какой-нибудь кухарки, кухонныя дрязги... Я предпочитаю брать обѣдъ изъ кухмистерской. Въ будущемъ всѣ будутъ обѣдать въ кухмистерскихъ, какъ сейчасъ берутъ булки изъ булочной.

На первый разъ кухмистерская произвела на Честюнину довольно благопріятное впечатлѣніе. Чего же можно было требовать за двадцать пять копѣекъ? Это и дома не приготовить. Дома она иногда помогала матери по хозяйству и знала цѣны на разную провизію, такъ что могла сдѣлать сравненіе съ петербургскими цѣнами на все. Впрочемъ, все это были такіе пустяки, о которыхъ не стоило даже говорить. Все заключалось тамъ, въ академіи, которая произвела на нее впечатлѣніе именно храма науки. За этими стѣнами

накопленъ научный матеріалъ вѣками и сюда, какъ въ сокровищницу, несли свои вклады ученые подвижники всѣхъ временъ и народовъ. И какое же значеніе могло имѣть такое ничтожное обстоятельство, какъ питаніе. Не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ...

Вечеромъ Честюнина писала письмо Нестерову.

„Дорогой Андрей, пишу тебѣ счетомъ шестое письмо—пишу и рву, потому что все какъ-то выходитъ не то, что хотѣлось бы написать. А тутъ еще твое письмо, такое задушевное, простое и любящее... Но мнѣ въ немъ—говорю откровенно—не понравилось одно, именно, что всѣ твои мысли и чувства сводятся исключительно на личную почву. Ты знаешь, какъ я отношусь къ тебѣ, но личная жизнь какъ-то отходитъ въ сторону, когда встрѣчаешься съ общечеловѣческими явленіями. Думаю, что въ этомъ ни для кого обиднаго ничего нѣтъ. Да, есть вещи, которыя стоятъ неизмѣримо выше и нашихъ маленькихъ радостей, и нашихъ маленькихъ горестей... Признаюсь откровенно, что я сегодня много разъ вспоминала о тебѣ. И когда? На первыхъ лекціяхъ. Профессоръ читаетъ, а мнѣ обидно, что вотъ ты не слышишь этого и что нельзя подѣлиться съ тобой первыми впечатлѣніями. Мнѣ даже казалось, что я какъ будто измѣняю тебѣ... Самое обидное чувство. А сейчасъ я сижу, и мнѣ дѣлается совѣстно... Вѣдь я самая счастливая дѣвушка въ Россіи, гораздо больше счастливая, чѣмъ если бы выиграла двѣсти тысячъ. Ты подумай, сколько тысячъ въ Россіи дѣвушекъ, которыя мечтаютъ о высшемъ образованіи и никогда его не получатъ. Вѣдь женщинѣ такъ трудно вырваться изъ своей семейной скорлупы, и нужно слѣпое счастье, чтобы попасть въ число избранныхъ. Именно это думала я сегодня на первыхъ лекціяхъ, когда въ аудиторіи собрались со всѣхъ концовъ Россіи сотни дѣвушекъ...“

Это письмо было прервано легкимъ стукомъ въ дверь.

— Войдите...

Вошелъ дядя, и Честюнина бросилась къ нему на шею.

— Милый дядя, какъ я рада тебя видѣть... Какъ это мило съ твоей стороны пріѣхать ко мнѣ.

— Да? И я радъ, что ты рада, Маша...

Дядя сѣлъ, оглядѣлъ комнату и проговорилъ, продолжая какую-то тайную мысль:

— Только, голубчикъ, это между нами... Дома я сказалъ, что ѣду въ коммиссію. Понимаешь?

Старикъ смутился и вопросительно посмотрѣлъ на племянницу.

— Это я говорю на случай, если заѣдетъ къ тебѣ шелопай Женька. Онъ все передаетъ матери... Да, такъ ты совсѣмъ устроилась, Маша?

— Да, совсѣмъ... И лучшаго ничего не желаю.

— Вотъ и отлично... А главное, ты знаешь только себя одну и нѣтъ никого, кто имѣлъ бы право быть недовольнымъ тобой. Это самая великая вещь чувствовать себя самимъ собой...

Старикъ прошелся по комнатѣ, потомъ сѣлъ къ письменному столу и машинально взялъ начатое письмо.

— Дядя, нельзя... Это маленькій секретъ.

— Ахъ, виноватъ... Я такъ, безъ всякаго намѣренія.

Пока Честюнина прятала начатое письмо, онъ смотрѣлъ на нее улыбающимися глазами и качалъ головой.

— Вотъ и попалась...—пошутилъ онъ.—Впередъ будь осторожнѣе.

— Тебѣ я все могу сказать, дядя... Дурного ничего нѣтъ.

— Нѣтъ, не нужно, Маша. Твои личныя дѣла должны оставаться при тебѣ... Потомъ можешь пожалѣть за излишнюю откровенность, а я этого совсѣмъ не хочу. Лучше разскажи, какъ ты устроилась, какое впечатлѣніе на тебя произвели первыя лекціи и Петербургъ вообще. Для меня это особенно интересно...

Дѣвушка съ увлеченіемъ принялась разсказывать объ Академіи, профессорахъ и первыхъ лекціяхъ. Она даже раскраснѣлась и глаза заблестѣли. Анохинъ смотрѣлъ на нее и любовался. Ахъ, если бы у него была такая дочь...

— Да, да, хорошо, Маша, — повторялъ онъ. — Очень хорошо...

Старику все нравилось—и эта бѣдная комната, и поданный самоваръ съ зелеными полосами, и кухарка чухонка. Да, вотъ и онъ когда-то жилъ такъ же и такъ же былъ счастливъ. Даже вкусъ дрянного чая изъ мелочной лавочки остался такимъ же.

— Знаешь что, Маша,—заговорилъ Анохинъ:—мы какъ нибудь махнемъ съ тобой въ Сузумье... Этимъ лѣтомъ возьму я отпускъ на мѣсяцъ и поѣду вмѣстѣ съ тобой. Хочется еще разъ взглянуть на родныя мѣста и на новыхъ людей, которые тамъ сейчасъ живутъ. Вѣдь все новое, голубушка...

— Не собраться тебѣ, дядя...

— А вотъ и соберусь!.. Ты думаешь, что я жены испугаюсь? А возьму отпускъ и поѣду... Что въ самомъ дѣлѣ ждать! Могу я, наконецъ, хоть одинъ мѣсяцъ по человѣчески прожить... Кое-кто еще изъ друзей дѣтства найдется, съ которыми когда-то въ школѣ учился. Это школьное родство, вѣдь, остается на всю жизнь... Вотъ и ты такъ же будешь потомъ вспоминать свою Академію. Главное, тутъ ужъ нѣтъ никакихъ житейскихъ расчетовъ и эгоизма, а самыя святыя чувства... Только хорошіе товарищи могутъ быть хорошими людьми—это мое мнѣніе.

Старикъ засидѣлся чуть не до полуночи, отдаваясь своимъ далекимъ воспоминаніямъ о Сузумьѣ. Перебирая старыхъ знакомыхъ, онъ, между прочимъ, упомянулъ и фамилію Нестерова.

— А какъ его звали, дядя?

— Илья Ильичъ... да. Мы съ нимъ на одной партѣ сидѣли. Такъ онъ умеръ?

— Да, лѣтъ уже десять, какъ умеръ. Я знаю его сына Андрея. Онъ часто бывалъ у насъ...

— Служитъ?

— Да, въ земствѣ.

— Хорошее дѣло.

Въ головѣ дѣвушки мелькнула счастливая мысль о возможности черезъ дядю пристроить Андрея куда-нибудь на службу въ Петербургъ. Если бы старикъ выдержалъ характеръ и поѣхалъ лѣтомъ въ Сузумье, все могло бы устроиться само собой.

Когда дядя ушелъ, на дѣвушку напало тяжелое раздумье. Ей сдѣлалось какъ-то особенно жаль хорошаго старика, а потомъ явилась грустная мысль о томъ, что, вѣроятно, каждый подъ старость кончаетъ такъ же, т. е. умираетъ глубоко неудовлетвореннымъ.

VII.

Первый мѣсяцъ въ Академіи имѣлъ опредѣляющее значеніе. Занятія шли своимъ чередомъ и своимъ чередомъ складывались понемногу новыя знакомства. Приростова полюбила скромную жиличку и по своему старалась, чтобы ей не было скучно.

— Только у меня нынче интересныхъ жильцовъ нѣтъ, Марья Гавриловна,—съ грустью говорила она.—Ничего, хорошіе ребята, а особеннаго ничего нѣтъ... Вонъ хоть взять Жиличку—хорошій малый, а пороху не выдумаетъ. Большой пріятель Крюкова... Они изъ одной гимназіи. Крюковъ тотъ егоза, всѣхъ на свѣтѣ знаетъ...

Крюковъ завертывалъ къ пріятелю почти каждый день, хотя трудно было подыскать двухъ такихъ непохожихъ людей. Жиличко, смуглый, сгорбленный, съ цѣлой копной черныхъ кудрей на головѣ, отличался большой нелюдимостью и крайней застѣнчивостью. Онъ, въ сущности, даже не жилъ, какъ другіе, а вѣчно отъ кого-то прятался. Потомъ онъ постоянно занимался и въ его комнатѣ горѣлъ огонь далеко за полночь,— Приростова ставила послѣднее въ особенную заслугу, а Крюковъ утверждалъ, что изъ Жиличко выйдетъ замѣчательный человѣкъ, хотя онъ пока еще и не опредѣлился.

Съ Крюковымъ Честюнина встрѣчалась обыкновенно въ комнатѣ Приростовой. Онъ заходилъ туда, кажется, съ единственной цѣлью подразнить Парасковею Пятницу.

— Вотъ что, Честюнина, — заявилъ онъ разъ.—Что вы сидите, какъ мышь въ своей норѣ? Я васъ познакомлю съ нашей компаніей... Насъ немного, но мы проводимъ время иногда недурно.

— Въ самомъ дѣлѣ, познакомь ее,—просила Приростова.— Вы тамъ что-то такое читаете и прочее.

— Однимъ словомъ, я зайду какъ-нибудь за вами и тому дѣлу конецъ, — рѣшилъ Крюковъ.—Хотите, въ среду нынче?

— Что же, я съ удовольствіемъ,—согласилась Честюнина.

Въ среду вечеромъ Крюковъ явился за ней. Онъ имѣлъ сегодня какой-то забавно-дѣловой видъ. Пока они шли на Петербургскую Сторону, Честюнина переживала жуткое чувство робости. Ей казалось, что она дѣлаетъ какой-то особенно-рѣ-

шительный шагъ. Вѣдь такими знакомствами опредѣлялось до нѣкоторой степени будущее. Потомъ, ей опять начинало казаться, что она такая глупая провинціалка и что всѣ будутъ смѣяться надъ ней.

— Вотъ здѣсь,—сурово проговорилъ Крюковъ, останавливаясь въ глубинѣ какого-то переулка передъ двухъ-этажнымъ домикомъ.—Сегодня будетъ читать Бурмистровъ... О, это замѣчательная голова!.. Онъ университетскій...

Они поднялись во второй этажъ. Въ передней уже слышался гулъ споривших голосовъ. Большая комната была затянута табачнымъ дымомъ. Крюковъ громко отрекомендовалъ гостью и предоставилъ ее своей судьбѣ. Она съ кѣмъ-то здоровалась, слышала фамиліи и все перепутала. Сначала ей показалось, что въ комнатѣ собралось человѣкъ двадцать, но было всего одиннадцать, когда подсчитала потомъ—семь студентовъ и четыре курсистки. Въ одной она узнала ту дѣвушку, съ которой тогда ѣхалъ Крюковъ по Николаевской дорогѣ. Ея появленіе очевидно, прервало, какой-то разговоръ.

— Господа, будемте продолжать, — заявляла съ протестующимъ видомъ низенькая курсистка.—Бурмистровъ, мы ждемъ вашей программы...

Въ уголкѣ сидѣлъ длинный худой студентъ, теребившій козлиную рыжеватую бородку. Онъ какъ-то весь съежился и заговорилъ надтреснутымъ голосомъ, быстро роняя слова:

— Да, безъ программы нельзя... Это главное. Видите ли, дѣло въ томъ, что мы всѣ слишкомъ рано спеціализируемся и опускаемъ изъ виду болѣе серьезное, а можетъ быть, и болѣе важное общее образованіе. Вы—медикъ, онъ—механикъ, тамъ—горный инженеръ, но этого мало... Есть общее, что должно соединить и медика, и механика, и горнаго инженера, что создаетъ солидарность интересовъ и безъ чего, собственно говоря, жить даже не стóитъ.

Честюниной очень понравилась рѣчь этого студента, потому что, про себя она сама часто думала то же самое. Вопросъ шелъ о той границѣ, которая должна отдѣлять спеціальность отъ общаго образованія въ широкомъ смыслѣ этого слова. Но эта простая мысль вызвала массу споровъ.

— Общее образованіе уже заключается въ каждой спеціальности!—выкрикивалъ какой-то широкоплечій студентъ

съ окладистой бородой.—Да и какъ проводить эти границы?.. Это одинъ формализмъ. Прежде всего спеціальность, а потомъ жизнь уже сама натолкнетъ на общіе вопросы. Да, я повторяю—это послѣднее не дѣло школы, а дѣло жизни. Еще проще: гдѣ у васъ время для этого общаго образованія? Въ вашемъ распоряженіи всего какихъ-нибудь пять лѣтъ, чтобы изучить всю медицину, съ громаднымъ кругомъ соприкасающихся съ ней наукъ, и вы едва успѣете только оріентироваться въ этой области и въ концѣ концовъ выйдете изъ Академіи, строго говоря, все-таки недоучкой. Наконецъ, есть извѣстная добросовѣстность: какъ я буду лѣчить, не чувствуя себя въ курсѣ дѣла. Паціентъ мнѣ довѣряетъ свою жизнь и ему нѣтъ дѣла до моего общаго развитія...

— Но исключительная спеціализація создаетъ одностороннихъ людей,— сказала низенькая курсистка. — Наконецъ, каждый имѣетъ право на извѣстный отдыхъ, а перемѣна занятій въ этомъ случаѣ лучше всего достигаетъ цѣли. Вашъ паціентъ не проиграетъ отъ того, что будетъ имѣть дѣло съ разносторонне образованнымъ человѣкомъ, у котораго неизмѣримо шире умственный горизонтъ, развитѣе способность къ анализу и обобщеніямъ...

Честюнина слушала всѣ рѣчи съ самымъ пристальнымъ вниманіемъ и приходила про себя къ печальному заключенію, что она согласна какъ-то со всѣми, что ее глубоко огорчало, какъ ясное доказательство ея полной несостоятельности въ подобнаго рода вопросахъ. Впрочемъ, было два такихъ случая, когда ей хотѣлось возразить, но она не рѣшилась. Вотъ другое дѣло низенькая курсистка—та такъ и рѣжетъ. Какъ хорошо умѣть говорить и имѣть для этого смѣлость.

— Кто это такая? — спросила Честюнина курсистку, ѣхавшую съ Крюковымъ.

— Это? А Морозова... Васъ удивляетъ, что она постоянно споритъ—это ея главное занятіе.

— Но, вѣдь, она говоритъ правду...

— У кого-нибудь слышала, ну, и повторяетъ... Завтра будетъ повторять все, что говорилъ Бурмистровъ. Вамъ понравился онъ?

— Да... Хотя особеннаго я ничего не нахожу въ немъ.

— Не находите?—переспросила дѣвушка, съ удивленіемъ глядя на Честюнину, какъ на сумасшедшую.—Впрочемъ, вы еще новичокъ и не знаете... *Это геніальный человѣкъ*. Да... И вдругъ Морозова лѣзетъ съ нимъ спорить... Да и Крюковъ, кажется, туда же порывается. Нужно его остановить...

Честюниной еще въ первый разъ пришлось видѣть кружковаго божка, и она дальше слушала только одного Бурмистрова и тоже удивлялась и негодовала, что другіе рѣшаются съ нимъ спорить. Ей казалось необыкновенно умнымъ рѣшительно все, что онъ говорилъ. Въ чемъ заключалась геніальность Бурмистрова, она такъ и не узнала, да, говоря правду, даже и не интересовалась этимъ—просто геніальный, чего же еще нужно? Вѣдь всѣ это знаютъ, и она была счастлива. что сидитъ съ нимъ въ одной комнатѣ, слушаетъ его и можетъ смотрѣть на него сколько угодно.

Съ этого перваго сборища Честюнина возвращалась домой въ какомъ-то туманѣ. Ее провожалъ Жиличко. Онъ просидѣлъ весь вечеръ, сохраняя трогательное безмолвіе и теперь сопровождалъ свою даму, какъ тѣнь. Дѣвушкѣ хотѣлось и смѣяться, и плакать, и говорить, и слушать, какъ говорятъ другіе, а онъ молча шагалъ рядомъ, какъ манекенъ изъ папье-маше.

— Послушайте, Жиличко, вы живы?

— Я? Да... А что?

— Говорите же что-нибудь, если вы живы...

Онъ что-то пробормоталъ, засунулъ глубже руки въ карманы и опять шагалъ своимъ мертвымъ шагомъ. Честюнина и не подозрѣвала, какъ этому неловкому молодому человѣку хотѣлось быть и находчивымъ, и остроумнымъ, и веселымъ, и какъ онъ былъ счастливъ, что она идетъ рядомъ съ нимъ, такая жизнерадостная, вся охваченная такимъ хорошимъ молодымъ волненіемъ. Онъ такъ и промолчалъ до самой квартиры, молча пожалъ дамѣ руку и, какъ тѣнь, исчезъ въ своемъ добровольномъ казематѣ.

Укладываясь спать, Честюнина вдругъ почувствовала какое-то неопредѣленно тяжелое настроеніе, точно она сдѣлала что-то нехорошее. Ахъ, да, она опять измѣнила Андрею... А развѣ могутъ быть, развѣ смѣютъ быть умнѣе его, лучше вообще?..

— Нѣтъ, ты одинъ хорошій!..—повторяла она про себя, засыпая и напрасно стараясь отогнать соперничавшую тѣнь геніальнаго человѣка Бурмистрова.

На другой день на лекціи къ ней подсѣла курсистка, ѣхавшая съ Крюковымъ, и проговорила:

— Давайте, познакомимтесь... Моя фамилія: Лукина. Мы вчера были представлены, но не разговорились, да и трудно было это сдѣлать, когда говорилъ Бурмистровъ. Ахъ, кстати, вы вчера ушли раньше, а мы еще оставались, и онъ спрашивалъ о васъ... да. Вы должны быть счастливы, потому что за нимъ всѣ ухаживаютъ.

Честюнина густо покраснѣла отъ этого комплимента и поняла только одно, что обязана настоящимъ знакомствомъ только случайному вниманію геніальнаго человѣка. Лукиной просто хотѣлось съ кѣмъ-нибудь поговорить о немъ, и она воспользовалась первымъ попавшимся подъ руку предлогомъ.

— Вѣдь онъ произвелъ на васъ впечатлѣніе?—приставала Лукина.

— Да, и притомъ очень хорошее, но мнѣ не нравится только одно... Вотъ вы сказали, что за Бурмистровымъ ухаживаютъ всѣ, а это напоминаетъ дѣтство, когда гимназистки обожаютъ какого-нибудь учителя.

— Ахъ, это совсѣмъ не то!.. Учителей тысячи, а Бурмистровъ одинъ. Да, одинъ... Я, правда, знаю нѣсколько другихъ кружковъ, гдѣ есть свои пророки—Горючевъ, Луценко, Щучка, но имъ до Бурмистрова какъ до звѣзды небесной далеко. Рѣшительно отказываюсь понимать, что можетъ въ нихъ нравиться... А Бурмистровъ совсѣмъ другое.

Это былъ бредъ безнадежно влюбленной дѣвушки, и Честюнина посмотрѣла на нее съ невольнымъ сожалѣніемъ. Что бы сказала вотъ эта Лукина, если бы увидѣла Андрея? Но въ глубинѣ души у Честюниной оставалось пріятное чувство, что Бурмистровъ спросилъ о ней. Значитъ, онъ замѣтилъ ее... Она даже улыбнулась про себя. Что же, въ гимназіи ее находили хорошенькой—не красавицей, а хорошенькой, хотя въ послѣднее время она совершенно забыла объ этомъ обстоятельствѣ, увлеченная совсѣмъ другими мыслями. И все-таки пріятно быть хорошенькой, хотя для того только, чтобы обращать на себя вниманіе геніальныхъ людей. Вотъ

Лукина, бѣдняжка, совсѣмъ ужъ не блещетъ красотой и, по всей вѣроятности, завидуетъ ей... Однимъ словомъ, цѣлый потокъ самыхъ непозволительныхъ глупостей, и Честюнина опять краснѣла, точно кто-нибудь могъ подслушать ихъ.

VIII.

Въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ Честюнина успѣла совершенно освоиться съ своимъ новымъ положеніемъ, и ей начинало казаться страшнымъ, что она когда-то могла жить иначе. Утромъ лекціи, три раза въ недѣлю вечернія занятія гистологіей и анатоміей, а потомъ домашнія занятія. Остававшееся свободнымъ время уходило на сонъ, и дѣвушка жалѣла, что въ суткахъ только двадцать четыре часа.

Да, время летѣло быстро, и Честюнина не успѣла оглянуться, какъ уже наступило Рождество, принесшее съ собой воспоминанія о далекой родинѣ, о счастливомъ дѣтствѣ, о старушкѣ матери. Хотѣлось взглянуть, какъ они всѣ тамъ живутъ. Святки—время веселое, а здѣсь придется просидѣть въ четырехъ стѣнахъ. Къ дядѣ Честюнина ходила иногда по воскресеньямъ, чтобы не обидѣть старика, и убѣдилась только въ одномъ, что вся семья страшно скучала. Катя нѣсколько разъ приставала къ ней:

— Маня, а какъ ты будешь проводить святки?

— Да никакъ... Буду отсыпаться, а потомъ читать. Работы по горло...

— Послушай, ты превратишься въ синій чулокъ, и я буду тебя бояться.

— Что же, очень естественно, если и сдѣлаюсь синимъ чулкомъ. Ничего страннаго въ этомъ не вижу... Напримѣръ, тебѣ я нисколько не завидую.

— Я особь статья... Мнѣ все мало, чего ни дай. Вѣрнѣе, мнѣ нравится только то, что недоступно, а только попало въ руки, и конецъ...

— Избалованная салонная барышня...

— Подожди, эта салонная барышня еще удивитъ міръ... Кромѣ шутокъ. Вотъ увидишь сама, а пока страшный секретъ. Никто, никто не знаетъ...

Катя нѣсколько разъ пріѣзжала навѣстить Честюнину и

держала себя крайне странно. Посидитъ хмурая и сейчасъ же начинаетъ прощаться, а то заберется въ комнату хозяйки и примется ее дразнить. Вообще, съ ней что-то дѣлалось непонятное. Разъ на прощаньи она шепнула Честюниной.

— Прощай, милая... Можетъ быть, больше не увидимся.

— Это еще что за глупости?

— Да такъ... Все надоѣло до смерти. Сегодня у насъ вторникъ, а въ пятницу ты прочтешь въ газетахъ: „Трагическое происшествіе на Васильевскомъ Островѣ. Молодая дѣвушка А—а, дочь д. с. совѣтника, отравилась морфіемъ. Невозможно описать все отчаяніе престарѣлыхъ родителей". Вотъ и ты меня тогда пожалѣешь...

— Нисколько.

Когда Катя ушла, Честюнина пожалѣла, что отнеслась къ ней слишкомъ сурово. Эта взбалмошная дѣвушка способна была на все. Честюнина даже хотѣла въ пятницу съѣздить на Васильевскій Островъ навѣстить ее, но Катя предупредила. Она явилась разодѣтая въ пухъ и прахъ, веселая, задорно свѣжая и заявила:

— Я за тобой, несчастный синій чулокъ... Будетъ тебѣ киснуть. Такъ и состаришься за своими книжками, а у меня есть билетъ въ оперу. Понимаешь: цѣлая ложа. Охъ, чего только мнѣ стоила эта ложа, если бы ты знала... Папа согласился дать денегъ съ перваго раза, а мама подняла цѣлый скандалъ. Но я добилась своего...

— Для чего же тебѣ ложу? Можно было взять кресло...

— Ничего ты не понимаешь... Я дѣвушка изъ общества и мнѣ неприлично одной ѣхать въ кресло. Кстати, вѣдь ты никогда не бывала въ оперѣ и должна меня благодарить.

— Что же, я дѣйствительно съ удовольствіемъ...

— Фу! какимъ тономъ говоришь, точно я тебя запрягаю, чтобы везти на тебѣ воду. Ну, одѣвайся... Гдѣ твоя роскошь?..

Самый парадный костюмъ Маши привелъ Катю въ отчаяніе. Вѣдь невозможно же показываться въ такихъ тряпкахъ передъ публикой... Но потомъ она сообразила, что въ театрѣ будутъ и другія такія же курсистки, такъ что съ этимъ можно помириться.

У воротъ ихъ ждалъ лихачъ Ефимъ. Катя всю дорогу болтала, какъ вырвавшаяся изъ клѣтки птица.

— Знаешь, чѣмъ я извожу маму? Ха-ха... Самое простое средство. Возьму и замолчу. Нарочно верчусь у ней на глазахъ и молчу. Она можетъ вынести эту пытку только одинъ день, а на другой начинаетъ волноваться и на третій сдается на капитуляцію. Такъ было и съ ложей... Представь себѣ, какую физіономію сдѣлаетъ мама, когда ей придется еще платить Ефиму.

— А какая сегодня опера?

— Кажется „Жизнь за Царя"... Нѣтъ, виновата: „Фаустъ". Ты любишь „Фауста"? А какъ будетъ пѣть Раабъ, Палечекъ, Крутикова... Вотъ увидишь.

Честюнина давно мечтала попасть въ оперу и была рада, что увидитъ именно „Фауста". Уже на подъѣздѣ ее охватило лихорадочное настроеніе. Такая масса экипажей, яркое освѣщеніе, масса публики. Катя была здѣсь, повидимому, своимъ человѣкомъ. Ее встрѣтилъ знакомый капельдинеръ, принимавшій платье, и другой капельдинеръ торопливо бросился отпирать ложу бэль-этажа. Катя съ небрежно-строгимъ видомъ заняла мѣсто у барьера и еще болѣе небрежно принялась разсматривать публику въ лорнетъ. Честюнина вся замерла въ ожиданіи чего-то волшебнаго.

— Неужели мы будемъ сидѣть въ ложѣ однѣ?—спросила она.

— Нѣтъ, это неприлично... Съ нами будетъ сидѣть Эженъ. Эта каналья уже взялъ съ меня взятку...

Эженъ, дѣйствительно, явился, надушонный, завитой, вылощенный. Онъ только-что былъ въ ложѣ напротивъ, гдѣ сидѣли двѣ балетныхъ звѣздочки.

— Что за коммиссія, создатель, быть братомъ двухъ взрослыхъ сестеръ,—острилъ онъ.

— Коммиссія эта тебѣ стоитъ ровно десять рублей, которые ты уже получилъ,—рѣзко оборвала его Катя.

— Судьба ко мнѣ несправедлива: она дала мнѣ сестру Екатерину и постоянно лишаетъ кредитнаго билета съ портретомъ Екатерины. Поневолѣ приходится довольствоваться несчастными десятью рублями...

Оркестръ заигралъ увертюру, и Честюнина больше ничего

не слышала. Первое дѣйствіе просто ее ошеломило. Вѣдь это просто несправедливо давать столько поэзіи... Какая музыка, какое пѣніе, сколько чего-то захватывавшаго и уносившаго въ счастливую радужную даль. Для такихъ минутъ стоило жить... Да, хорошо жить и стоитъ жить. Ей было и хорошо, и жутко, и она боялась расплакаться глупыми бабьими слезами.

Послѣ одного дѣйствія, когда публика съ какимъ-то ожесточеніемъ вызывала Раабъ десятки разъ, Катя обернулась къ Честюниной, посмотрѣла на нее какими-то сумасшедшими глазами и проговорила сдавленнымъ голосомъ:

— Вотъ меня будутъ такъ же вызывать, Маня...

— Тебя? Но у тебя нѣтъ голоса.

— Я буду великой драматической артисткой... да. Иначе не стоитъ жить... Только, ради Бога, это между нами. Я уже готовлюсь...

Честюнина теперь понимала взбалмошную сестру, крѣпко сжала ея руку и отвѣтила:

— Я тебѣ предсказываю впередъ успѣхъ... У тебя есть главное: темпераментъ...

Онѣ возвращались изъ театра черезъ Васильевскій Островъ. Честюнина сидѣла молча, подавленная массой новыхъ впечатлѣній, а Катя опять болтала.

— Я тебѣ съ удовольствіемъ уступаю науку, Маня.. Да, бери всю науку, а мнѣ оставь искусство. О, святое искусство, полное такихъ счастливыхъ грезъ, поэтическихъ предчувствій и тайнъ сердца. Наука еще когда доползетъ до того, что всѣмъ нужно и дорого, а искусство уже даетъ то, чего не выразить никакими словами и формулами. Вѣдь каждая линія живетъ, каждая краска, жестъ, поза, малѣйшая модуляція голоса, и на все это сейчасъ же получается живой отвѣтъ... Боже, помоги мнѣ!.. Я буду великой артисткой?..

Домой Честюнина возвращалась въ томъ же чаду, съ какимъ выходила изъ театра. Дѣйствительность точно переставала существовать, а въ ушахъ еще раздавались безумныя слова Кати, счастливой своей молодой дерзостью.

Опомнилась она только у себя въ комнатѣ, гдѣ на столѣ ее ждало письмо Андрея. Увы! сегодня въ теченіи всего вечера

она ни разу не вспомнила о немъ, и это письмо точно служило отвѣтомъ на ея новую измѣну.

„Милая Маруся, сижу одинъ и жду новаго года... Гдѣ-то ты теперь?.. У меня въ душѣ шевелятся нехорошія мысли... Знаешь, я внимательно перечиталъ сегодня всѣ твои письма и пришелъ къ нѣкоторымъ заключеніямъ: твой хохочущій студентъ Крюковъ просто идіотъ, а пророкъ Бурмистровъ противенъ. Меня удивляетъ, какъ это ты такъ легкомысленно заводишь новыя знакомства“...

Честюнина не дочитала письма, оставивъ эту прозу до завтра.

Д. Маминъ-Сибирякъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Вліяніе жилищъ на здоровье, нравственность и матеріальное благосостояніе людей.

Обыкновенно, подъ гигіеной подразумѣваютъ такую науку, которая занимается исключительно однимъ физическимъ здоровьемъ. Но это представленіе о гигіенѣ невѣрно. Она захватываетъ всю жизнь человѣческую. Наша духовная и тѣлесная жизнь до того неразрывно связаны между собою, что, заботясь о сохраненіи одной изъ нихъ, мы не можемъ въ то же время совершенно пренебрегать другой. Гигіена стремится не только избавить насъ отъ болѣзней и доставить намъ болѣе продолжительное существованіе, но и увеличить наше благо.

Основываясь на такомъ воззрѣніи на гигіену, я попытаюсь здѣсь разъяснить вліяніе жилищъ не только на физическое здоровье людей, но и на ихъ нравственность и матеріальное благосостояніе.

Въ настоящее время накопилось множество статистическихъ данныхъ, которыя доказываютъ, что дурныя жилища увеличиваютъ болѣзненность и смертность населенія.

Villermé по статистическимъ даннымъ за 1822—1826 гг. составилъ для Парижа таблицу, въ которой количество смертныхъ случаевъ сопоставлено съ величиной квартирной платы. Эта таблица доказываетъ, что смертность находится въ обратномъ отношеніи къ квартирной платѣ. Чѣмъ дороже квартира, слѣдовательно, чѣмъ она лучше, тѣмъ смертность меньше, а чѣмъ дешевле, тѣмъ смертность больше.

Изъ этой таблицы видно, что въ той части города, гдѣ квартирная плата въ среднемъ выводѣ была:

605 фр.....	одинъ	смертн.	случ.	прих.	на 71	чел.
498 ».....	»	»	»	»	» 66	»
172 ».....	»	»	»	»	» 50	»
148 ».....	»	»	»	»	» 44	»

Въ Берлинѣ, по даннымъ Ducpetiaux, въ рабочихъ кварталахъ умираетъ 1 изъ 29 челов., а въ лучшихъ—1 изъ 53 чел.

Въ Пештѣ о каждомъ умершемъ, между прочимъ, собираются слѣдующія свѣдѣнія: сколько комнатъ въ квартирѣ, гдѣ онъ умеръ

и сколько человѣкъ въ ней живетъ. По этимъ двумъ признакамъ, выражающимъ скученность населенія, смертность за 1874—1875 гг. распредѣлялась слѣдующимъ образомъ:

Квартиры.	Средній возрастъ умершаго старѣе пяти лѣтъ.
1 — 2 жильца въ одной комнатѣ.....	47,16 л.
2 — 5 » » » »	39,16 »
5 —10 » » » »	37,10 »
болѣе 10 » » » »	32,03 »

Въ Лейпцигѣ въ 1875—1876 гг. смертность была распредѣлена по улицамъ, въ которыхъ приходилось на одну отопляемую комнату жителей:

0 — 1 чел.	изъ 100 чел. ежегодно умираетъ	1,13 чел.
1 — 1,5 »	» » » » »	1,82 »
1,5— 2 »	» » » » »	1,98 »
2 — 2,5 »	» » » » »	2,56 »
2,5— 3 »	» » » » »	2,73 »
и болѣе 3 »	» » » » »	2,36 »

Слѣдовательно, въ тѣхъ улицахъ, гдѣ на одну отопляемую комнату приходится болѣе трехъ человѣкъ, умираетъ втрое больше, нежели въ тѣхъ, гдѣ на одну отопляемую комнату приходится менѣе одного человѣка.

Для дѣтей эта разница оказывается еще значительнѣе.

Въ возрастѣ 0—1 года это отношеніе сост.	418 : 111
» » 1—5 » » » »	48 : 13

Въ самыхъ плохихъ квартирахъ (болѣе 3 челов. на одну комнату) смертность дѣтей до одного года превосходитъ въ 4 раза смертность дѣтей того же возраста, живущихъ въ квартирахъ, въ которыхъ приходится на одну комнату менѣе одного человѣка; въ возрастѣ отъ одного до пяти лѣтъ—въ 3½ раза, послѣ пяти лѣтъ—въ два раза.

Насколько пагубно дѣйствуютъ дурныя жилища на дѣтей, доказываетъ примѣръ Лилля, одного изъ самыхъ худшихъ по своимъ жилищамъ городовъ Франціи. Тамъ изъ 21.000 дѣтей, жившихъ въ подвалахъ, умерло 20.700, не достигнувъ пятилѣтняго возраста.

Въ слѣдующей таблицѣ приведены нѣкоторые европейскіе города съ обозначеніемъ процента переполненныхъ и подвальныхъ квартиръ и процента смертности въ нихъ:

Города.	% переп. кварт.	Подв. кварт.	Смертн. на 1.000 жит.
Франкфуртъ-на-Майнѣ....	5,3%	4 кварт.	21,0 чел.
Лейпцигъ.............	6,1%	1,95%	26,0 »
Гамбургъ..............	7,5%	5,9 %	29,0 »
Берлинъ...............	12,6%	10,8 %	37,0 »

Изъ этой таблицы видно, что чѣмъ больше въ городѣ переполненныхъ и подвальныхъ квартиръ, тѣмъ больше смертность.

Для Петербурга д-ръ Гюбнеръ составилъ таблицу, въ которой приведена смертность и процентъ переполненныхъ квартиръ. Имъ были взяты два холерныхъ года—1871—1872. За признакъ переполненія онъ принималъ 6 и болѣе человѣкъ на одну комнату.

Если изъ этой таблицы мы возьмемъ двѣ первыхъ части съ наибольшимъ процентомъ переполненныхъ квартиръ и двѣ послѣднихъ съ наименьшимъ, то получимъ слѣдующую таблицу:

Части города.	% переп. кварт.	Смертн. на 1.000.
Выборгская..........	19,4%	40,3 челов.
Алекс.-Невская......	17,9%	46,1 »
Казанская...........	3,9%	27,2 »
Адмиралтейская......	2,7%	24,0 »

Мы находимъ здѣсь огромную разницу въ смертности.

Въ тюрьмахъ не одинъ разъ наблюдалось вредное дѣйствіе скученности на арестантовъ. Парксъ разсказываетъ слѣдующій случай относительно двухъ вѣнскихъ тюремъ.

Въ одной общей, дурно устроенной и очень тѣсной тюрьмѣ, съ 1834 г. по 1847 годъ умирало ежегодно 86 чел. на 1.000 жит., а въ другой—съ 1850 г. по 1854 г. умирало лишь 14 на 1.000 жит. Всѣ условія жизни въ обѣихъ тюрьмахъ были совершенно одинаковы, только скученность въ первой была значительно больше, нежели во второй.

Насколько благотворно можетъ подѣйствовать улучшеніе жилищъ на здоровье населенія, намъ доказываетъ Бирмингамъ. Тамъ съ 1865 года было устроено до 9.000 домовъ съ дешевыми квартирами. Съ тѣхъ поръ значительно уменьшилась заболѣваемость, а смертность населенія понизилась съ 24 до 15 чел. на 1.000 жителей.

Дурныя жилища способствуютъ распространенію заразныхъ болѣзней. Д-ръ Bell, одинъ изъ брадфордскихъ врачей для бѣдныхъ, объясняетъ большую смертность горячечныхъ больныхъ своего округа условіями ихъ жилищъ. Онъ говоритъ, что это центры, изъ которыхъ распространяется болѣзнь и смерть, поражающія также и живущихъ при лучшихъ условіяхъ людей, позволяющихъ гноиться въ Англіи подобнымъ язвамъ. Д-ръ Embalt, врачъ ньюкестльскаго госпиталя, говоритъ: «Безъ сомнѣнія, причина продолжительности и распространенія тифа заключается въ чрезмѣрномъ скопленіи человѣческихъ существъ и въ нечистотѣ ихъ жилищъ. Дома, въ которыхъ, обыкновенно, живутъ рабочіе, находятся въ глухихъ переулкахъ и закрытыхъ дворахъ. По отноше-

нію къ свѣту, воздуху, пространству и чистотѣ они представляютъ настоящій образецъ недостаточности и нездоровья, позоръ для каждой цивилизованной страны».

Всѣмъ извѣстно, что въ послѣднюю холерную эпидемію заболѣвали и умирали преимущественно люди, принадлежащіе къ низшему классу петербургскаго населенія. Если взять статистическія данныя относительно эпидеміи, то мы находимъ слѣдующее.

Въ 1892 году изъ 4.269 человѣкъ, заболѣвшихъ холерою, 2.246 человѣкъ помѣщались въ углахъ и артеляхъ, а въ 1893 году изъ 2.572 человѣкъ, заболѣвшихъ холерою, въ такихъ же квартирахъ помѣщалось 1.495 чел. Слѣдовательно, большая половина заболѣвшихъ помѣщалась въ углахъ и артеляхъ, гдѣ существуютъ наихудшія квартирныя условія.

Д-ръ Герцигъ доказалъ вредное вліяніе дурныхъ санитарныхъ условій жилищъ на населеніе цѣлаго города. Майнбарнгеймъ, въ Баваріи, окруженъ очень высокой городской стѣной; улицы въ немъ узки, въ дома, особенно находящіеся около стѣнъ, мало попадаетъ дневнаго свѣта и чистаго воздуха. Населеніе этого города не бѣдно, но рекрутскій наборъ доказываетъ, что число негодныхъ къ воинской повинности тамъ почти ежегодно возрастаетъ. Большинство неспособныхъ страдаетъ болѣзнями, зависящими отъ общей слабости организма. Въ другихъ, хотя и болѣе бѣдныхъ, мѣстностяхъ этого округа санитарныя условія и здоровье населенія находятся въ гораздо лучшемъ состояніи.

Ежедневное наблюденіе намъ показываетъ, что тѣ люди, и особенно дѣти, которые рѣдко бываютъ на свѣжемъ воздухѣ, отличаются блѣдностью, малокровіемъ и часто страдаютъ различными болѣзнями, которыя развиваются преимущественно въ организмѣ съ пониженнымъ физіологическимъ обмѣномъ веществъ, напр., хроническими страданіями дыхательныхъ органовъ. Это явленіе чаще всего наблюдается среди бѣднаго населенія, въ квартирахъ котораго постоянно господствуетъ большая скученность и недостатокъ воздуха и свѣта. Но мы видимъ, что и достаточные люди, которые рѣдко выходятъ на открытый воздухъ, отличаются блѣдностью, малокровіемъ и легко заболѣваютъ. Кто не наблюдалъ на дѣтяхъ того благотворнаго вліянія, которое на нихъ оказываетъ пребываніе лѣтомъ на дачѣ, гдѣ, обыкновенно, они проводятъ большую часть времени на открытомъ воздухѣ? Такъ какъ всѣ прочія условія жизни, напр., питаніе, остаются прежними, то благотворное вліяніе дачъ мы должны приписать исключительно свѣжему воздуху и обилію солнечнаго свѣта. Очень часто маленькія дѣти, послѣ переселенія на дачу, быстро крѣпнутъ и скоро начинаютъ ходить.

Дурное вліяніе испорченнаго воздуха жилищъ особенно наглядно намъ доказываютъ тѣ случаи, когда чувствительный человѣкъ, привыкшій жить въ чистой атмосферѣ, войдетъ въ комнату, наполненную сильно испорченнымъ воздухомъ. У него сразу появляется тошнота, головокруженіе и даже обморокъ.

Въ литературѣ извѣстны случаи, которые намъ доказываютъ, что жилище можетъ убійственно дѣйствовать на людей. Разсказываютъ, что послѣ сраженія при Аустерлицѣ французы засадили 300 плѣнныхъ австрійцевъ въ очень тѣсную тюрьму. Въ короткое время изъ 300 умерло 260 человѣкъ. Въ 1756 году, послѣ взятія форта Вильямъ, бенгальскій набабъ велѣлъ запереть 146 англичанъ въ небольшую, каменную, съ двумя рѣшетчатыми окнами, тюрьму, которая называлась «черной ямой». Кубическое содержаніе воздуха въ этой тюрьмѣ было такъ мало, что плѣнные испытывали ужасныя мученія и за ночь изъ нихъ умерло 123 человѣка. На судахъ съ невольниками, которыхъ запирали въ трюмы во время бури, такъ же бывали случаи, что невольники вслѣдствіе недостатка воздуха умирали въ большомъ количествѣ.

Такимъ образомъ, многочисленныя статистическія данныя и ежедневное наблюденіе намъ доказываютъ, что дурныя квартиры вредно вліяютъ на наше физическое здоровье и сокращаютъ нашу жизнь. Въ настоящее время наука разъясняетъ, отъ какихъ условій зависитъ пагубное вліяніе дурныхъ жилищъ, и что въ нихъ разрушаетъ здоровье.

Нѣкоторые газы, которые скопляются при извѣстныхъ условіяхъ въ жилыхъ помѣщеніяхъ, дѣйствуютъ ядовито на человѣческій организмъ. Окись углерода, которая образуется вслѣдствіе неполнаго сгоранія различныхъ веществъ, служитъ причиной отравленія, въ общежитіи называемаго угаромъ. Этотъ газъ очень часто встрѣчается въ жилищахъ бѣдняковъ, которые всѣми способами стараются сохранить тепло и рано закрываютъ печныя трубы. 0,04% содержанія окиси углерода въ комнатномъ воздухѣ дѣйствуетъ уже отравляющимъ образомъ на человѣка. Постоянное вдыханіе минимальныхъ количествъ этого газа можетъ вызвать признаки хроническаго отравленія: продолжительную головную боль, головокруженіе и разстройство питанія. Опыты Хардина надъ собаками доказываютъ, что если отравленія окисью углерода повторяются періодически въ теченіе цѣлаго мѣсяца, то у собакъ появляется пораженіе нервныхъ центровъ, въ видѣ разрушительныхъ измѣненій тканей головнаго мозга.

Д-ръ Motet разсказываетъ, какъ быстро и сильно иногда дѣйствуетъ окись углерода. Онъ ѣхалъ въ каретѣ, гдѣ находилась

грѣлка съ горячими углями. Уже черезъ три минуты онъ почувствовалъ признаки отравленія: сильную слабость, головокруженіе, тошноту, рвоту. Открывъ окно и приказавъ вынуть грѣлку, онъ едва могъ доѣхать до дому. Сильная слабость у него оставалась впродолженіи четырнадцати дней, и только черезъ шесть недѣль онъ началъ чувствовать себя сравнительно хорошо.

Изъ другихъ вредныхъ газовъ, находящихся въ дурныхъ квартирахъ, мы можемъ указать на аммiакъ, который при вдыханіи раздражаетъ дыхательные органы и производитъ судорожное сжатіе гортани, и на сѣроводородъ, уже въ малыхъ количествахъ дѣйствующій убійственно на человѣка.

Въ переполненныхъ квартирахъ, гдѣ въ одной комнатѣ помѣщается по нѣскольку человѣкъ, въ воздухѣ накопляются продукты жизнедѣятельности человѣческаго организма. Изъ этихъ продуктовъ мы назовемъ дурно-пахучіе углеводороды, которые образуются вслѣдствіе разложенія органическихъ веществъ, накопляющихся въ значительномъ количествѣ на платьѣ и на тѣлѣ нечистоплотныхъ людей. Присутствію газообразныхъ продуктовъ жизнедѣятельности человѣческаго организма приписываютъ особенно вредное дѣйствіе переполненныхъ жилищъ. Грязная мебель. грязный полъ, стирка и сушка бѣлья въ комнатахъ, сушка мокраго платья и обуви также способствуютъ образованію различныхъ веществъ, портящихъ комнатный воздухъ.

При искусственномъ освѣщеніи комнатъ воздухъ портится различными продуктами горѣнія. При горѣніи сальныхъ свѣчей выдѣляется много неполныхъ продуктовъ горѣнія: сажа, окись углерода, жирныя кислоты, акролеинъ, очень дурнопахучій газъ, который мы особенно ясно чувствуемъ при тушеніи сальной или стеариновой свѣчи. При освѣщеніи керосиномъ, если лампа плоха или керосинъ недостаточно чистъ, въ комнатный воздухъ попадаютъ легкіе углеводороды и сѣрная кислота.

Вредное дѣйствіе свѣтильнаго газа состоитъ въ томъ, что иногда въ немъ содержится аммiакъ, который при горѣніи соединяется съ ціанистой кислотой и образуетъ ядовитую соль—ціанистый аммоній. Въ свѣтильномъ газѣ содержится также сѣрнистая кислота, которая при горѣніи превращается въ сѣрную, и сѣрнокислый аммiакъ, вредно дѣйствующій на растенія. При освѣщеніи газомъ можетъ образоваться также окись углерода, которая производитъ хроническое отравленіе нашего организма. Этотъ ядовитый продуктъ неполнаго горѣнія образуется преимущественно въ томъ случаѣ, если газовая горѣлка не снабжена стекломъ. Свѣтильный газъ можетъ служить причиной взрыва и пожара.

Взрывъ происходитъ въ томъ случаѣ, если свѣтильный газъ накопляется въ комнатномъ воздухѣ въ такомъ количествѣ, что образуется смѣсь, состоящая изъ одной части газа и 4—10 частей воздуха. Войдя въ комнату, наполненную такой смѣсью, съ зажженной свѣчей, мы производимъ взрывъ.

Дурная земляная насыпка въ накатахъ нашихъ половъ служитъ причиной образованія продуктовъ разложенія органическихъ веществъ. Эммерихъ производилъ химическое изслѣдованіе этой насыпки въ нѣкоторыхъ общественныхъ и частныхъ домахъ г. Лейпцига. Его изслѣдованія показали, что насыпка въ накатахъ половъ нѣкоторыхъ частныхъ домовъ состоитъ преимущественно изъ золы и грязнаго песку, въ которыхъ, кромѣ того, находятся гніющія тряпки, гнилая солома, бумага, дерево и проч. Всѣ эти вещества, находясь въ состояніи разложенія, даютъ массу летучихъ продуктовъ, которые заражаютъ комнатный воздухъ и вредно дѣйствуютъ на здоровье обитателей.

Пыль, носящаяся въ комнатномъ воздухѣ, состоитъ изъ органическихъ и неорганическихъ веществъ, которыя попадаютъ въ комнату отчасти вмѣстѣ съ наружнымъ воздухомъ, но, главнымъ образомъ, заносятся нами съ улицы на платьѣ и обуви. Эта пыль состоитъ изъ песку, глины, угля, солей и изъ мертвыхъ органическихъ веществъ, остатковъ животныхъ и растеній, обломковъ, насѣкомыхъ, перьевъ, шерсти, эпидермиса, который безпрерывно слущивается съ поверхности нашего тѣла.

Количество всей пыли вообще зависитъ отъ количества людей, отъ ихъ чистоплотности, ихъ занятій и вентиляціи. Чѣмъ больше людей, въ комнатѣ, чѣмъ они неряшливѣе и чѣмъ хуже вентиляція, тѣмъ больше пыль носится въ комнатномъ воздухѣ. Если обитатели занимаются какимъ-нибудь ремесломъ, при которомъ образуется масса мельчайшихъ и легкихъ частичекъ, напримѣръ, трепаньемъ льна, то количество пыли въ воздухѣ также увеличивается.

Значительное количество неорганической и органической пыли въ воздухѣ оказываетъ вредное вліяніе на наше здоровье. Тиндаль доказалъ, что вдыхаемая нами пыль остается въ легкихъ. Вскрытіе людей, работавшихъ въ пыльной атмосферѣ, показываетъ, что у нихъ въ легкихъ отлагаются частички угля, желѣза, песку, табачная пыль. Частички пыли попадаютъ не только въ дыхательные пути, но проникаютъ до легочныхъ пузырьковъ, въ легочную ткань и даже въ лимфатическія железы, находящіяся у корня легкихъ. Само собою понятно, что присутствіе въ легкихъ этихъ постороннихъ веществъ должно нарушать ихъ нормальное состояніе и способствовать различнаго рода заболѣваніямъ.

Насколько пагубно дѣйствуетъ пыль на наши легкія, доказываютъ наблюденія надъ людьми, работающими въ пыльной атмосферѣ. Гиршъ нашелъ, что изъ 100 больныхъ рабочихъ, занимающихся въ пыльной атмосферѣ, легочной чахоткой страдало 13,3—28,0%, тогда какъ среди работавшихъ въ болѣе чистой атмосферѣ чахоточныхъ было только 11,1%. Статистическія свѣдѣнія доказываютъ, что въ Лондонѣ изъ 33 умершихъ женщинъ, занимающихся чисткой платья, 28 умираетъ отъ легочной чахотки.

Кромѣ пыли, въ комнатномъ воздухѣ находится множество зародышей живыхъ существъ: плѣсневые и дрожжевые грибки, зародыши микроорганизмовъ, производящихъ порчу и гніеніе органическихъ веществъ: мяса, хлѣба, пива, дерева и проч., и болѣзнетворные зародыши, служащіе причиной различныхъ болѣзней.

Различныя изслѣдованія показываютъ, что число микроорганизмовъ въ комнатахъ всегда превосходитъ ихъ число на открытомъ воздухѣ. Фрейденрейхъ изслѣдовалъ воздухъ на Тунскомъ озерѣ надъ водой, въ окрестностяхъ гостинницы и въ комнатахъ этой же гостинницы. Онъ нашелъ въ 10 кубич. метрахъ воздуха: надъ водой 8 зародышей, въ окрестностяхъ гостинницы 25, въ комнатѣ гостинницы 600. Такимъ образомъ, оказывается, что количество микроорганизмовъ въ комнатахъ превосходитъ ихъ количество надъ водой въ 75 разъ, а въ окрестностяхъ въ 24 раза. То же показываютъ и другія изслѣдованія.

Количество микроорганизмовъ въ комнатахъ можетъ достигать очень значительныхъ цифръ. Микель опредѣлялъ количество микроорганизмовъ въ своей спальнѣ, которая находилась въ старомъ, густо населенномъ домѣ. Въ среднемъ выводѣ онъ тамъ нашелъ 36.000 зародышей въ 1 куб. мет. воздуха. А въ новомъ домѣ въ той же мѣстности въ среднемъ выводѣ оказалось только 4.560 зародышей въ 1 куб. метрѣ.

Въ школьныхъ помѣщеніяхъ Гессе нашелъ 2.000 — 35.000 микроорганизмовъ въ 1 куб. мет. воздуха, въ среднемъ 14.990, изъ которыхъ 8.952 бактеріи и 6.038 грибковъ.

Для насъ особенную важность имѣютъ болѣзнетворные зародыши. Что въ комнатномъ воздухѣ могутъ находиться такіе зародыши, доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что для зараженія многими заразными болѣзнями, напримѣръ, корью, скарлатиной, оспой, достаточно побывать въ комнатѣ больного, не касаясь его. Кромѣ того, различные опыты доказываютъ, что болѣзнетворные зародыши, носящіеся въ воздухѣ, могутъ заражать животныхъ. Бухнеръ дѣлалъ опыты надъ сибирской язвой и доказалъ, что если животныя вдыхаютъ воздухъ, содержащій зародыши этой

болѣзни, то они заболѣваютъ ею. Опыты Таппенейра и Швенингера доказываютъ возможность зараженія животныхъ туберкулезными бациллами, если они дышутъ воздухомъ, въ которомъ носятся эти зародыши. Въ больничныхъ палатахъ, гдѣ лежали чахоточные больные, въ воздухѣ были найдены туберкулезныя бациллы. Опыты нѣкоторыхъ ученыхъ доказываютъ, что въ воздухѣ могутъ находиться и другіе болѣзнетворные зародыши. Микель нашелъ, что нѣкоторыя бактеріи, носящіяся въ воздухѣ, могутъ вызвать у кроликовъ весьма тяжелое заболѣваніе, кончающееся быстрой смертью. Кромѣ того, въ хирургическихъ палатахъ онъ нашелъ бациллъ, которыя вызывали у морскихъ свинокъ мѣстные воспалительные процессы, и микрококковъ, впрыскиваніе которыхъ подъ кожу вызывало у молодыхъ животныхъ нарывы, а у старыхъ—пiэмію. Павловскій въ воздухѣ больничныхъ палатъ нашелъ диплококковъ, производящихъ у крысъ крупозное воспаленіе легкихъ, а въ хирургическихъ—бѣлый стафилококкъ, который животнымъ также причинялъ болѣзнь.

Изъ другихъ постоянныхъ составныхъ частей комнатнаго воздуха мы должны указать на важное значеніе влажности для нашего здоровья. Водяные пары постоянно находятся въ большемъ или меньшемъ количествѣ въ комнатномъ воздухѣ. При нормальныхъ условіяхъ относительная влажность должна колебаться между 60 и 75%. Но благодаря своей способности приспособляться, человѣкъ можетъ выдерживать значительныя отклоненія отъ этой нормы. Въ Восточной Сибири, напримѣръ, относительная влажность иногда падаетъ до 20—10%. Въ сырую погоду воздухъ можетъ быть совершенно насыщенъ водяными парами и человѣкъ выноситъ такое количество влаги. Но это приспособленіе къ очень сухому и очень влажному воздуху продолжается только извѣстное время. Если слишкомъ сухой или слишкомъ влажный воздухъ дѣйствуетъ на насъ продолжительное время, въ нашемъ организмѣ появляются различныя разстройства нормальныхъ отправленій.

Въ комнатахъ относительная влажность воздуха колеблется въ зависимости отъ различныхъ причинъ. Зимой при центральномъ отопленіи горячимъ воздухомъ относительная влажность комнатнаго воздуха бываетъ сравнительно мала=35—40%. Впрочемъ, это бываетъ только въ тѣхъ помѣщеніяхъ, гдѣ мало народу, гдѣ не готовятъ кушанья, не стираютъ и не сушатъ бѣлья. Если же въ жилыхъ комнатахъ стираютъ, стряпаютъ, сушатъ мокрое бѣлье и платье, если въ нихъ скопляется много людей, то комнатный воздухъ можетъ быть почти совершенно насыщенъ водяными парами. Особенно часто количество влажности превышаетъ норму въ подваль-

ныхъ помѣщеніяхъ, которыя обыкновенно бываютъ переполнены людьми. Профессоръ Эрисманъ, при изслѣдованіи петербургскихъ подваловъ, постоянно находилъ тамъ болѣе 80% относительной влажности.

То значеніе, которое имѣетъ для нашего здоровья слишкомъ большое количество влаги въ комнатномъ воздухѣ, очевидно изъ нижеприведенныхъ соображеній.

Какъ извѣстно, съ поверхности нашего тѣла и черезъ легкія безпрерывно выдѣляются водяные пары, которые отнимаютъ у насъ извѣстное количество тепла. Само собою понятно, что въ сухомъ воздухѣ количество водяныхъ паровъ, выдѣляемыхъ нашимъ тѣломъ, должно быть больше, нежели въ насыщенномъ водяными парами. Это доказывается и различными опытами.

Профессоръ Эрисманъ производилъ опыты надъ рукой и нашелъ, что при относительной влажности воздуха въ 77% она теряла 2.728 грм. воды, а при 15%—58.085 грм. Температура, вентиляція и продолжительность опыта были одинаковы въ обоихъ случаяхъ.

Такъ какъ безпрерывное выдѣленіе водяныхъ паровъ съ поверхности нашей кожи способствуетъ удаленію различныхъ продуктовъ жизнедѣятельности нашего тѣла, то задерживаніе ихъ должно вредно дѣйствовать на нашъ организмъ. Кромѣ того, большая влажность воздуха препятствуетъ потерѣ тепла, идущаго на испареніе водяныхъ паровъ съ поверхности нашего тѣла и черезъ легкія. По Гельмгольцу, 12—15% всего тепла мы теряемъ при испареніи воды черезъ кожу и 8—10%, вслѣдствіе выдыхаемаго нами воздуха и водяныхъ паровъ. Слѣдовательно, если задерживается выдѣленіе водяныхъ паровъ, то задерживается выдѣленіе около 25% образуемаго нами тепла.

По всей вѣроятности, каждый наблюдалъ на самомъ себѣ, что въ сырую и теплую погоду у насъ появляется особенно сильное чувство духоты и тяжести. Намъ кажется, что не хватаетъ воздуха и прохлады. Это особенное чувство духоты и тяжести объясняется тѣмъ, что черезъ кожу и черезъ легкія не выдѣляется того количества водяныхъ паровъ и тепла, которое необходимо для нашего благосостоянія.

При одинаковой температурѣ во влажномъ воздухѣ, наше тѣло теряетъ больше тепла, нежели въ сухомъ. Водяные пары представляютъ лучшій проводникъ тепла, нежели воздухъ. Поэтому, съ увеличеніемъ ихъ количества увеличивается теплопроводность воздуха и потеря тепла нашимъ тѣломъ. Это обстоятельство имѣетъ большое значеніе въ холодную погоду.

Всякій знаетъ, что въ туманный морозный день, когда содержаніе водяныхъ паровъ въ воздухѣ бываетъ очень велико, намъ при одномъ и томъ же градусѣ кажется холоднѣе, нежели въ ясный день съ меньшимъ содержаніемъ водяныхъ паровъ. Въ туманный холодный день сырость пронизываетъ насъ насквозь, забирается въ наше платье и добирается до тѣла.

Тѣ ткани, которыя мы употребляемъ для одежды, обладаютъ способностью поглощать водяные пары изъ воздуха. Напримѣръ, шерсть поглощаетъ водяныхъ паровъ болѣе $^1/_5$ своего вѣса, бумага, полотно $^1/_7$—$^1/_8$ своего вѣса. При опытахъ замѣчено, что въ сухомъ воздухѣ наша одежда поглощаетъ меньше водяныхъ паровъ, а во влажномъ больше. Линротъ производилъ изслѣдованіе различныхъ тканей при большей или меньшей относительной влажности воздуха. Оказалось, что фланель при 27% относительной влажности поглощала 36 частей воды на 1.000 частей ткани, а при 98%—235 частей, въ туманѣ—273 части.

Хотя опыты доказываютъ, что количество воды, поглощаемой нашей одеждой, уменьшается, если она на насъ одѣта, но всетаки эта зависимость отъ влажности воздуха остается. Этимъ поглощеніемъ нашей одеждой влажности изъ воздуха объясняется то пронизывающее чувство сырости, которое мы испытываемъ въ холодную и сырую погоду. Пропитываясь влажностью, наше платье становится лучшимъ проводникомъ тепла, и мы скорѣе зябнемъ. Кто не знаетъ, какъ бываетъ холодно въ сыромъ или мокромъ платьѣ.

Этими двумя условіями: задерживаніемъ испаренія воды изъ нашего тѣла и лучшей теплопроводностью воздуха, насыщеннаго водяными парами, объясняется вредное вліяніе сырыхъ жилищъ на наше здоровье. Если сырое жилище тепло, оно только задерживаетъ испареніе водяныхъ паровъ и выдѣленіе тепла изъ нашего тѣла. Намъ въ комнатахъ душно и тяжело. Если сырое жилище холодно, оно отнимаетъ у насъ много тепла вслѣдствіе лучшей теплопроводности влажнаго воздуха. Это обстоятельство должно особенно способствовать развитію различныхъ болѣзней, которыя, до извѣстной степени, зависятъ отъ простуды. Послѣднее слово здѣсь понимается въ томъ смыслѣ, что охлажденіе тѣла въ извѣстныхъ случаяхъ способствуетъ появленію болѣзни. Къ такимъ болѣзнямъ принадлежатъ: воспаленіе зѣва, гортани, бронхъ, насморкъ, ревматизмъ. По всей вѣроятности, сырыя жилища, отнимая много тепла отъ нашего тѣла и тѣмъ уменьшая его способность противостоять заразѣ, могутъ служить причиной и другихъ заболѣваній.

Сырость въ квартирахъ можетъ причинять вредъ нашему здоровью и другими способами. На сырыхъ стѣнахъ, обыкновенно, появляется плѣсень, продукты жизнедѣятельности которой портятъ комнатный воздухъ и, такимъ образомъ, вредно дѣйствуютъ на наше здоровье. Кромѣ того, въ деревянныхъ стѣнахъ или въ деревянныхъ частяхъ каменнаго дома, если онъ сыръ, появляется трутникъ, портящій дерево и выдѣляющій особенный ядовитый продуктъ, который, по мнѣнію многихъ авторовъ (Унгефугъ, Окснеръ, Палекъ), вызываетъ у человѣка отравленіе съ характеромъ наркоза.

Хорошее освѣщеніе комнатъ дневнымъ свѣтомъ также необходимо для сохраненія нашего здоровья. Солнечный свѣтъ дѣйствуетъ благотворно на все живое: на животныхъ и на растенія. Безъ него все хирѣетъ и чахнетъ. Растеніе, посаженное въ темнотѣ, растетъ блѣднымъ, хилымъ и не накопляетъ въ себѣ питательныхъ веществъ. Дѣти въ темныхъ подвалахъ также, подобно растеніямъ, растутъ хилыми, блѣдными и рахитичными. Это явленіе объясняется тѣмъ, что солнечный свѣтъ возбуждаетъ жизнедѣятельность всѣхъ организмовъ. Подъ вліяніемъ солнечнаго свѣта протоплазма сокращается болѣе энергично, обмѣнъ веществъ въ человѣческомъ тѣлѣ усиливается, поглощается больше кислорода и выдѣляется больше углекислоты. Поэтому, днемъ люди вообще бываютъ дѣятельнѣе и энергичнѣе, нежели ночью. Замѣчено также, что ростъ молодыхъ организмовъ совершается быстрѣе при дневномъ свѣтѣ, нежели въ темнотѣ, различныя острыя болѣзни имѣютъ болѣе благопріятное теченіе въ хорошо освѣщенныхъ дневнымъ свѣтомъ жилищахъ, что различныя хроническія болѣзни, напр., сочленовный ревматизмъ быстро проходитъ, если заболѣвшую часть подвергнуть непосредственному дѣйствію солнечныхъ лучей. Доказано, что заразныя болѣзни особенно часто посѣщаютъ тѣ жилища, куда доступъ дневного свѣта затрудненъ.

Послѣднее обстоятельство объясняется научными опытами, которые намъ показываютъ, что солнечный свѣтъ дѣйствуетъ пагубно на болѣзнетворныхъ зародышей. Его пагубное дѣйствіе распространяется не только на живыхъ зародышей, но и на ихъ споры. Отъ этого зависитъ оздоровляющее вліяніе солнечныхъ лучей на наши жилища. Заразныя болѣзни особенно часто посѣщаютъ темные подвалы и чердаки не только потому, что тамъ существуетъ недостатокъ свѣжаго воздуха, но и вслѣдствіе недостатка солнечнаго свѣта.

Нѣкоторые писатели также обращали вниманіе на то вліяніе, которое оказываетъ жилище на своихъ обитателей, и изображали это въ художественныхъ образахъ. Г-нъ Вл. Короленко нарисо-

валъ намъ очень трогательную картину того вліянія, которое оказываетъ жилище на здоровье дѣтей. Кто не узнаетъ въ его маленькой Манѣ («Въ дурн. обществѣ») несчастнаго рахитичнаго ребенка, который такъ часто встрѣчается въ дурныхъ квартирахъ?

Статистика намъ доказываетъ, что дурная квартира способствуетъ разрушенію нравственнаго здоровья ея жильцовъ. Въ 1849 году въ Парижѣ было предпринято изслѣдованіе меблированныхъ комнатъ, въ которыхъ жило большинство бѣднѣйшихъ парижскихъ работниковъ. При изслѣдованіи обращалось вниманіе на качество квартиры и на поведеніе проживавшихъ тамъ лицъ. Жильцы были раздѣлены на четыре группы. 1) Хорошія помѣщенія. Подъ этимъ понятіемъ подразумѣвались опрятныя, чистыя и здоровыя комнаты, съ хорошимъ воздухомъ и съ достаточнымъ количествомъ мебели и посуды, находящихся въ хорошемъ состояніи. 2) Сносныя. Это помѣщенія, которыя заставляютъ желать многаго относительно санитарныхъ условій, опрятности и меблировки, но, тѣмъ не менѣе, могутъ считаться удовлетворительными съ точки зрѣнія самихъ жителей, если принять во вниманіе низкое соціальное положеніе и привычки послѣднихъ. 3) Дурныя. Это неопрятныя комнаты, съ недостаточнымъ количествомъ воздуха и свѣта, съ мебелью, поточенною червями или покрытою лохмотьями. 4) Весьма дурныя помѣщенія, настоящія конуры, иногда совсѣмъ лишенныя свѣта, грязныя, наполненныя вонючимъ и заразительнымъ воздухомъ, выносить который возможно только вслѣдствіе долговременной и постоянной привычки, Въ нихъ единственную движимость составляютъ лохмотья. Всѣхъ помѣщеній было изслѣдовано 2.360; изъ нихъ было: 922 хорошихъ, 958 сносныхъ, 230 дурныхъ и 250 весьма дурныхъ. Жило въ нихъ 21.567 мужчинъ и 6.262 женщины.

Обитатели этихъ жилищъ относительно своего поведенія были раздѣлены также на четыре группы. Въ первую вошли трудолюбивые, бережливые, трезвые, рѣдко оставляющіе работу и вообще ведущіе правильный образъ жизни. Во вторую тѣ, которые не имѣютъ большихъ пороковъ и дурныхъ привычекъ, напр., работники, оставляющіе по временамъ работу, чтобы погулять; женщины, нравственность которыхъ хотя не безукоризненна, но которыя не предаются излишествамъ и занимаются работой. Въ третью группу вошли мужчины, предающіяся лѣности и пьянству, и женщины подозрительнаго поведенія. Въ четвертую—люди, принадлежащіе къ самому испорченному или опасному классу общества, никогда не работающіе, пріобрѣтающіе средства существованія постыднымъ или неизвѣстнымъ способомъ, и проводящіе большую часть времени въ пьянствѣ и ссорахъ.

Парижъ въ то время былъ раздѣленъ на 12 округовъ, по которымъ и была составлена таблица. Lespeyres принялъ 100 за среднее качество жилищъ и нравственности Парижа. Въ сравненіи съ этой цифрой и были составлены три таблицы по округамъ. 12 округовъ были раздѣлены на двѣ группы, по 6 округовъ въ каждой. Въ первой таблицѣ находятся группы округовъ съ наименьшимъ и съ наибольшимъ числомъ хорошихъ помѣщеній; во второй—съ наибольшимъ и съ наименьшимъ весьма дурныхъ. Въ третьей—хорошія и сносныя помѣщенія соединены вмѣстѣ, а также и поведеніе соединено по двѣ группы.

Таблица I.

	% хорошаго помѣщенія.	Мужчинъ. % хорошаго поведенія.	Мужчинъ. % весьма дурного.	Женщинъ. % хорошаго поведенія.	Женщинъ. % весьма дурного.
6 округовъ съ наименьш. числомъ хорош. помѣщеній.	89	96	156	97	114
6 округовъ съ наибольш. числомъ хорош. помѣщеній.	114	104	39	103	86

Таблица II.

	% весьма дурного помѣщен.	Мужчинъ. % весьма дурного повед.	Мужчинъ. % хорошаго.	Женщинъ. % весьма дурного.	Женщинъ. % хорошаго.
6 округовъ съ наибольш. числомъ весьма дурн. помѣщеній.	124	141	94	122	101
6 округовъ съ наименьш. числомъ весьма дурн. помѣщеній.	55	34	108	70	100

Таблица III.

	% помѣщенія.	Мужчинъ. % хорошаго и сносн. повед.	Мужчинъ. % дурного и весьма дурнаго поведенія.	Женщинъ. % хорошаго и сносн. повед.	Женщинъ. % дурного и весьма дурного поведенія.
6 округовъ съ наименьш. числомъ хорошихъ и сносныхъ помѣщеній. .	94	94	118	96	106
6 округовъ съ наибольш. числомъ хорошихъ и сносныхъ помѣщеній. .	107	109	71	109	91

Изъ этихъ таблицъ видно, что чѣмъ больше число дурныхъ квартиръ, тѣмъ больше людей дурного поведенія, а чѣмъ меньше такихъ квартиръ, тѣмъ больше людей хорошаго поведенія. Это особенно ясно видно изъ таблицы, въ которой приведено наибольшее и наименьшее число весьма дурныхъ помѣщеній. Въ этой таблицѣ (II) отношеніе весьма дурныхъ квартиръ къ хорошимъ равняется 124 : 55, а отношеніе жильцовъ весьма дурного поведенія къ хорошему, равняется 141 : 34 для мужчинъ и 122 : 70 для женщинъ.

Д-ръ Симонъ, производившій изслѣдованіе жилищъ беднѣйшихъ жителей городовъ, говоритъ: «Хотя моя оффиціальная задача состоитъ исключительно въ разсмотрѣніи этого зла съ физической точки зрѣнія, но простая гуманность не позволяетъ мнѣ игнорировать и другія его стороны. Достигнувъ высокой степени, оно влечетъ за собою, почти неизбѣжно, такое отрицаніе всякихъ приличій, такую нечистоплотность и такой безпорядокъ тѣлесныхъ отправленій, такую наготу, что ихъ можно принять скорѣе за скотскія, нежели за человѣческія. Дѣйствіе этихъ вліяній равносильно уничтоженію всѣхъ нравственныхъ началъ, притомъ тѣмъ большему, чѣмъ дольше оно продолжается. Для дѣтей, родившихся подъ этимъ проклятіемъ, это—крещеніе въ безчестіи, и совершенно безнадежно желаніе, чтобы личность, поставленная въ такія условія, въ другихъ отношеніяхъ стремилась въ ту сферу цивилизаціи, сущность которой состоитъ въ физической и нравственной чистотѣ».

Другой врачъ, Hunter, говоритъ слѣдующее о дѣтяхъ въ рабочихъ кварталахъ Лондона: «Мы не знаемъ, какъ воспитывались дѣти до этого вѣка тѣснаго скучиванія бѣдныхъ, но не нужно быть смѣлымъ пророкомъ, чтобы предсказать, чего можно ожидать отъ дѣтей, которыя воспитываются теперь при обстоятельствахъ, не имѣющихъ себѣ равныхъ въ этой странѣ и вполнѣ приспособленныхъ къ тому, чтобы ихъ будущая практическая жизнь была жизнью опасныхъ классовъ, потому что часть ночи они проводятъ съ лицами разныхъ возрастовъ, пьянствуя, бранясь и совершая всякія непристойности».

Какъ живутъ въ петербургскихъ угловыхъ квартирахъ, которыя отличаются наихудшими качествами, намъ разсказываетъ Нелли («Униженные и оскорбленные»). Она жила въ углу въ подвалѣ съ больной матерью.

«Тамъ было очень темно и сыро,—говоритъ она,—и матушка очень заболѣла, но еще тогда ходила. Я ей бѣлье мыла, а она плакала. Тамъ также жила одна старушка и жилъ отставной чи-

новникъ и все приходилъ пьяный и всякую ночь кричалъ и шумѣлъ. Я очень боялась его. Матушка брала меня къ себѣ на постель и обнимала меня, а сама вся, бывало, дрожитъ, а чиновникъ кричитъ и бранится. Онъ хотѣлъ одинъ разъ побить капитаншу, а та была старая старушка и ходила съ палочкой. Мамашѣ стало жаль ее и она за нее заступилась; чиновникъ и ударилъ мамашу, а я чиновника».

Только въ этихъ сырыхъ и мрачныхъ подвалахъ могутъ создаваться такіе мрачные, ожесточенные и непримиримые характеры, какимъ была Нелли. Отъ природы у нея было нѣжное и привязчивое сердце, но жизнь ожесточила ее, закрыла ея сердце толстой корой, которую добрымъ людямъ удалось только съ трудомъ разбить. И пьянство, и ложь, и развратъ, которыя она встрѣчала въ своей дурной квартирѣ,—все это способствовало ея ожесточенію, ея ненависти къ людямъ. Въ этомъ мрачномъ подвалѣ она научилась видѣть въ людяхъ только враговъ, которые злы, ожесточены и не прощаютъ другъ другу. На ея мрачныхъ воззрѣніяхъ отразилось мрачное жилище. Да и гдѣ было ей набраться свѣтлыхъ впечатлѣній? Въ этомъ мрачномъ подвалѣ, гдѣ на каждомъ шагу ей встрѣчаются мрачныя картины? Вотъ отецъ, который никакъ не хочетъ простить свою умирающую дочь! Вотъ бѣдная старушка, которую бьетъ пьяный чиновникъ! Вотъ Бубнова, которая употребляетъ всѣ усилія, чтобы сгубить беззащитнаго ребенка! Вотъ какія картины приходится видѣть дѣтямъ въ этихъ мрачныхъ жилищахъ! Могутъ ли они при такихъ условіяхъ оставаться дѣтьми?

Насколько въ Петербургѣ распространены дурныя жилища, указываютъ намъ слѣдующія слова проф. Эрисмана.

«По сообщеніямъ г. Якоби,—говоритъ онъ въ своей статьѣ о подвальныхъ жилищахъ Петербурга,—въ Аренсбергѣ между рабочимъ населеніемъ его округа рѣдко встрѣчается тотъ «подрывающій благосостояніе души и тѣла» случай, чтобы цѣлое семейство помѣщалось въ одной только комнатѣ и тамъ удовлетворяло бы всѣмъ своимъ потребностямъ, т.-е. въ комнатѣ, которая служила бы и кухней, и прачечной, и спальней для большого числа людей, гдѣ на небольшомъ пространствѣ, въ тѣхъ же самыхъ четырехъ стѣнахъ лежали бы вмѣстѣ съ другими членами семейства родильница, больной со здоровыми, умершій съ живыми. Но то, что г. Якоби рѣдко видѣлъ въ округѣ Аренсберга, составляетъ самое обыкновенное явленіе въ петербургскихъ подвалахъ, и Якоби совершенно справедливо называетъ вліяніе такой вопіющей житейской обстановки подрывающимъ благосостояніе души и тѣла».

Безъ всякаго сомнѣнія, на молодыхъ, еще неустановившихся людей окружающая обстановка должна оказывать особенно сильное вліяніе и они ей подчиняются тѣмъ въ большей степени, чѣмъ постояннѣе она на нихъ дѣйствуетъ и чѣмъ они неопытнѣе. Напр., для юныхъ деревенскихъ жителей, попавшихъ въ столицу для заработка, мы можемъ нарисовать слѣдующую картину, въ которой, несомнѣнно, отразится вліяніе жилищъ.

Представимъ себѣ восемнадцати — двадцатилѣтняго деревенскаго юношу, который пріѣхалъ въ Петербургъ для заработка и попалъ въ артель извозчиковъ, ѣздящихъ отъ хозяина.

Помѣщенія низшаго класса петербургскаго населенія отличаются чрезмѣрной скученностью. Есть не мало помѣщеній, гдѣ въ одной комнатѣ живетъ двадцать и болѣе человѣкъ. Представимъ себѣ, что въ одну изъ такихъ комнатъ попалъ и нашъ деревенскій юноша. Въ этой комнатѣ ему постоянно приходится жить съ самыми разнообразными людьми. Здѣсь есть и дурные, и порядочные, но общій нравственный уровень невысокъ. Здѣсь даже господствуетъ особенная нравственность. Здѣсь не считается постыднымъ обмануть хозяина, пропить одежду или лошадиный кормъ. Объ этомъ деревенскій юноша постоянно слышитъ разсказы отъ своихъ товарищей. Кромѣ того, онъ постоянно слышитъ разсказы и о тѣхъ удовольствіяхъ, которыя можно получить въ трактирѣ. Тамъ и свѣтло, и тепло, и чисто сравнительно съ ихъ канурой, и половой услуживаетъ, какъ барину. Сидя въ темномъ, сыромъ, душномъ и грязномъ подвалѣ, гдѣ нерѣдко бываетъ холодно и слишкомъ шумно, гдѣ онъ постоянно бываетъ свидѣтелемъ дракъ и ссоръ своихъ товарищей, и чувствуя потребность въ лучшемъ, юный извозчикъ всѣми своими мыслями стремится въ этотъ трактирный рай, такъ какъ о чемъ-либо иномъ лучшемъ онъ не имѣетъ никакого представленія. Вотъ, наконецъ, удачный заработокъ даетъ ему возможность испытать всю прелесть трактирныхъ развлеченій. Онъ сидитъ въ большой и свѣтлой комнатѣ, гдѣ гораздо чище и теплѣе, нежели въ ихъ подвалѣ. Ему услуживаетъ половой, предупредительно подавая требуемое. Онъ приказываетъ завести органъ, и это тотчасъ же исполняется. Здѣсь онъ чувствуетъ себя не тѣмъ приниженнымъ, зависимымъ существомъ, какимъ онъ чувствовалъ себя въ этомъ мрачномъ подвалѣ, гдѣ хозяинъ можетъ разнести его въ пухъ и прахъ, а иногда даже и поколотить. Здѣсь онъ чувствуетъ себя болѣе полноправнымъ существомъ, нежели въ своемъ мрачномъ подземельѣ. Здѣсь онъ чувствуетъ себя какъ будто настоящимъ человѣкомъ. Неудивительно, что, возвратившись въ свой мрачный

подвалъ, въ среду своихъ дикихъ и нерѣдко пьяныхъ и буйныхъ товарищей, онъ начинаетъ чувствовать тоску и недовольство жизнью. Его мысли все чаще и чаще устремляются въ трактиръ, гдѣ онъ испыталъ такъ много пріятныхъ ощущеній. Все чаще и чаще онъ начинаетъ тамъ тратить свои сбереженія, свой заработокъ. Домой онъ уже не посылаетъ денегъ. Ему самому мало.

Представимъ себѣ теперь противоположный случай. Жилище, въ которое попалъ юный деревенскій извозчикъ, просторно, свѣтло, сухо и тепло. Въ нѣсколькихъ, довольно большихъ, комнатахъ помѣщается по четыре—пять человѣкъ. Новичекъ попалъ въ такую комнату, гдѣ помѣщались порядочные люди, не пьяницы и не развращенные. Въ этой комнатѣ въ свободное время читаютъ газеты или книги, есть гармоника, находятся и пѣвцы. Здѣсь говорятъ больше о своихъ домашнихъ, о разныхъ деревенскихъ нуждахъ, мечтаютъ о томъ, чтобы хорошенько устроить свой деревенскій домъ, или купить здѣсь лошадь, сдѣлаться самому хозяиномъ и перевезти сюда семью, такъ какъ въ деревнѣ жить не при чемъ. Здѣсь не мечтаютъ о трактирномъ разгулѣ, а о домашнемъ довольствѣ и о самостоятельности. Само собою понятно, что новичекъ, попавшій въ такую комнату, будетъ наталкиваться только на хорошіе примѣры и вслѣдствіе этого будетъ болѣе застрахованъ отъ дурныхъ увлеченій.

Несомнѣнно, улучшеніе жилищъ оказало бы вліяніе на увеличеніе производительности страны. Возьмемъ хотя бы Петербургъ. По отчетамъ думскихъ врачей, къ которымъ обращается преимущественно бѣдное населеніе столицы, оказывается, что въ 1893 году къ нимъ обращалось съ ревматизмомъ 1.593 взрослыхъ мужчинъ и 3.419 взрослыхъ женщинъ. Причиной ревматизма служатъ, главнымъ образомъ, сырыя квартиры, которыми такъ изобилуетъ Петербургъ. Предположимъ, что каждый заболѣвшій былъ неспособенъ къ работѣ впродолженіи недѣли. Считая дневной заработокъ мужчинъ, приблизительно, въ одинъ рубль, а заработокъ женщинъ въ 60 коп., мы получимъ 25.150 р. 80 к. ихъ недѣльнаго заработка. Слѣдовательно, Петербургъ, благодаря только одному ревматизму среди рабочаго населенія, теряетъ на 25 тысячъ производительнаго труда. Мало того: ревматизмъ часто оставляетъ послѣ себя такіе неизгладимые слѣды, что человѣкъ остается калѣкой на всю жизнь и оказывается неспособнымъ къ производительному труду. Кромѣ того, ревматизмъ служитъ главной причиной пороковъ сердца. Люди съ порокомъ сердца плохіе работники и часто нуждаются въ медицинской помощи. Сердечныхъ больныхъ къ думскимъ врачамъ въ 1893 году обращалось

2.228 взрослыхъ мужчинъ и женщинъ. Слѣдовательно, болѣе двухъ тысячъ человѣкъ мало или вовсе неспособныхъ къ производительному труду. Такіе люди постоянно прихварываютъ и постоянно теряютъ рабочіе дни или живутъ на счетъ чужого труда.

Но этимъ не оканчиваются всѣ потери, которыя несетъ Петербургъ, благодаря только одному ревматизму. Онъ затрачиваетъ массу денегъ на больницы и амбулаторіи, куда обращается бѣдное населеніе. Кромѣ того, работникъ, вслѣдствіе временной потери способности къ труду, принужденъ жить на счетъ другихъ или раззорять свое собственное хозяйство, можетъ быть, навсегда, продавая или закладывая то одну, то другую необходимую въ домашнемъ обиходѣ вещь.

Такія потери несетъ Петербургъ благодаря только одному ревматизму. Но вѣдь распространеніе другихъ болѣзней зависитъ также въ значительной степени отъ жилища. Въ 1893 году въ Петербургѣ среди взрослаго бѣднаго населенія было 23.777 случаевъ заразныхъ заболѣваній.

Громадные матеріальные потери несетъ петербургское населеніе также вслѣдствіе дѣтской смертности. Въ Петербургѣ болѣе ²/₅ умершихъ составляютъ дѣти до пяти лѣтъ.

Смерть маленькихъ дѣтей, обыкновенно, принято считать за ничто. Но это мнѣніе несправедливо. Смертность маленькихъ дѣтей влечетъ за собой извѣстныя матеріальныя потери для страны.

«Ранняя смерть дѣтей причиняетъ странѣ неисправимый экономическій ущербъ,—говоритъ профессоръ Эрисманъ,—и должна считаться однимъ изъ величайшихъ бѣдствій населенія, такъ какъ черезъ быстрое вымираніе дѣтей и черезъ быструю смѣну поколѣній безвозвратно теряется весь запасъ труда, заботъ и матеріальныхъ средствъ, которые общество приложило къ своимъ слишкомъ рано погибшимъ членамъ. Всѣ умирающія дѣти являются между нами, такъ сказать, гостями и, пока живы, только потребляютъ, пользуются плодами труда остальнаго общества, никогда не возвращая ему своимъ трудомъ тѣхъ громадныхъ суммъ, которыя на нихъ были затрачены».

Такимъ образомъ, благодаря смертности дѣтей, общество несетъ безвозвратныя матеріальныя потери. А какъ жилище увеличиваетъ дѣтскую смертность, доказываетъ вышеприведенный примѣръ города Лилля, гдѣ въ подвальныхъ помѣщеніяхъ изъ 21.000 дѣтей умерло 20.700, не достигнувъ пятилѣтняго возраста.

Дурныя жилища причиняютъ намъ и другія матеріальныя потери. Какъ уже было выше сказано, наше платье способно по-

глощать водяные пары. Это поглощеніе совершается тѣмъ больше, чѣмъ больше въ воздухѣ водяныхъ паровъ. Слѣдовательно, чѣмъ сырѣе квартира, тѣмъ больше влаги содержитъ наше платье. Какъ извѣстно, при довольно высокой температурѣ влажность способствуетъ гніенію и тлѣнію органическихъ веществъ. Температура нашихъ комнатъ, обыкновенно, бываетъ настолько высока, что процессъ гніенія можетъ совершаться. Этимъ объясняется то обстоятельство, что въ сырыхъ квартирахъ платье сравнительно быстро портится. Влага и теплота способствуетъ въ немъ развитію тѣхъ микроорганизмовъ, которые производятъ гніеніе и тлѣніе органическихъ веществъ, которые разрушаютъ или, лучше сказать, съѣдаютъ наше платье. Всѣмъ извѣстно, что платье и мягкая мебель въ сырыхъ квартирахъ быстро портятся. Вслѣдствіе этого намъ приходится скорѣе дѣлать себѣ новое платье и больше затрачивать на одежду въ сырыхъ квартирахъ, нежели въ сухихъ.

Кромѣ того, сырыя квартиры требуютъ отъ насъ больше дровъ, нежели сухія. Въ сухой комнатѣ мы при 14—15° R чувствуемъ, что намъ тепло, а въ сырой и при 16—17° R намъ кажется холодно, такъ какъ сырой воздухъ и сырыя стѣны отнимаютъ у насъ много тепла. Поэтому, въ сырой квартирѣ намъ надо топить больше, чтобы чувствовать тепло. Въ сырой квартирѣ приходится тратить больше дровъ также потому, что ея стѣны пропитаны водой и вслѣдствіе этого быстрѣе проводятъ тепло наружу, нежели сухія. Вотъ почему въ сырыхъ квартирахъ, сколько ихъ не топятъ, все кажется холодно. Благодаря большей топкѣ и скорой порчѣ платья и мебели, сырыя квартиры приносятъ немаловажный ущербъ нашему карману.

Въ тѣхъ жилищахъ, куда слишкомъ мало или вовсе не попадаетъ солнечнаго свѣта, также приходится тратить больше дровъ. Всякій знаетъ, что если окна обращены на югъ и въ жилище попадаетъ много солнечнаго свѣта, то такая квартира всегда оказывается теплѣе, нежели обращенная окнами на сѣверъ, такъ какъ солнечные лучи нагрѣваютъ стѣны и предметы, находящіеся въ комнатахъ. Поэтому въ такихъ квартирахъ приходится затрачивать меньше на отопленіе.

Въ тѣхъ квартирахъ, куда мало проникаетъ солнечнаго свѣта, приходится затрачивать больше на освѣщеніе, потому что въ такихъ жилищахъ всегда поздно свѣтаетъ и раньше смеркается, а иногда по цѣлымъ днямъ господствуетъ полумракъ.

На основаніи всего выше сказаннаго мы приходимъ къ заключенію, что жилище не только разрушаетъ физическое и нрав-

ственное здоровье общества, но приноситъ вредъ и его матеріальному благосостоянію. Этотъ матеріальный вредъ выражается въ томъ, что, живя въ дурной квартирѣ, работникъ, который кормилъ цѣлую семью, заболѣваетъ, теряетъ способность къ труду и ему съ семьей приходится жить на счетъ другихъ. Этотъ матеріальный вредъ выражается въ томъ, что временная потеря трудоспособности человѣка, служащаго поддержкой цѣлой семьи, можетъ повлечь за собой ея раззореніе, которое будетъ или совсѣмъ непоправимо, или поправимо только съ большимъ трудомъ. Эта матеріальная потеря выражается въ томъ, что человѣкъ, глядя на свое раззоренное хозяйство можетъ запьянствовать и такимъ образомъ почти совсѣмъ утратить свою способность къ производительному труду. Эти матеріальныя потери выражаются въ громадной смертности дѣтей, уносящихъ съ собой въ могилу всѣ заботы и всѣ расходы, которые были на нихъ затрачены. Эти матеріальныя потери выражаются въ томъ, что въ дурныхъ жилищахъ тратится больше дровъ, керосину, скоро портится платье. Дурная квартира требуетъ массу непроизводительныхъ тратъ. На тѣ же средства въ хорошей квартирѣ можно прожить гораздо лучше, такъ какъ мы дѣлаемъ сбереженія на освѣщеніи, на отопленіи, на платьи, не говоря уже о сохраненіи здоровья, этого необходимаго элемента для производительнаго труда. Все это даетъ намъ право сказать, что улучшеніе жилищъ должно поднять экономическій уровень каждой страны.

Вотъ почему за границей начинаютъ обращать особенное вниманіе на улучшеніе жилищъ рабочаго класса. Тамъ пробудилось сознаніе, что жилище оказываетъ вліяніе не только на физическое здоровье, но и на нравственность, на счастье и матеріальное благосостояніе общества. И нельзя не согласиться, что люди, которые стремятся измѣнить гигіеническія условія жилищъ неимущихъ классовъ, руководятся истиннымъ человѣколюбіемъ, такъ какъ они стремятся не только сохранить физическое здоровье населенія, но и увеличить его благо и его счастье.

Женщ.-врачъ **М. И. Покровская.**

НАРОДНОЙ УЧИТЕЛЬНИЦѢ.

Шумнаго города блескъ обаятельный,
Звуки веселыхъ рѣчей
Не уживаются съ Музой моей,
Скромной, немного мечтательной.

—

Вотъ и теперь моя мысль далеко:—
Тамъ, гдѣ стоитъ твоя школа убогая.
Что-жъ ты задумалась такъ глубоко,
Правды великой поборница строгая?
Что-жъ твою душу печально томитъ?
Вьюга поетъ надъ полями безбрежными...
Развѣ, чтó жадная память хранитъ,
Не примирилось съ мятелями снѣжными?
Завтра вбѣгутъ они шумной гурьбой...
Какъ хороши ихъ привѣты несмѣлые!
И замелькаютъ опять предъ тобой
Головы темныя, русыя, бѣлыя!
О! научи же ихъ въ жизни хранить
Дѣтскую правду съ ихъ думами ясными,
Чтобъ и они могли такъ же любить,
Чтобы—какъ ты—они были прекрасными!

Вл. Ладыженскій.

ШКОЛЬНЫЕ БУДНИ.

(Изъ записокъ сельскаго учителя).

I.

Бѣлесоватый разсвѣтъ робко брезжитъ въ окна моей школьной квартиры. Шесть часовъ. Надо подниматься—начинать свой обычный будничный день. Сторожъ Димитрій успѣлъ уже, кажется, управиться съ печкой, кончить свою незамысловатую стряпню и теперь возится съ самоваромъ. По обыкновенію, вставать не хочется, теплая постель соблазняетъ полежать еще, но разсудокъ беретъ свое, и я встаю. Подниматься въ шесть часовъ вошло уже въ привычку, и отступленія позволяются только въ праздникъ.

Въ моей комнатѣ—она и спальня, и кабинетъ, и зала, и гостиная — температура низковата, а по окнамъ, сплошь разрисованнымъ узорами мороза, пробравшагося даже до вторыхъ рамъ, я заключаю, что на дворѣ температура еще ниже. Это обстоятельство, я знаю, неминуемо отразится на числѣ пришедшихъ учениковъ. Село большое, по населенію равное любому уѣздному городу, разбросано и раздѣлено широкими и глубокими буераками и оврагами, и концы приходится дѣлать нѣкоторымъ ученикамъ изъ дома въ школу довольно-таки порядочные—версты 2—3.

Отворяю дверь въ прихожую. Оттуда повѣяло тепломъ отъ истопившейся печки, пахнуло запахомъ сварившихся щей и каши. Вотъ онъ и Димитрій, школьный сторожъ, онъ же и поваръ. Это — не старикъ, николаевскій служака, по обыкновенію большой ворчунъ и резонеръ, какъ принято представлять себѣ школьныхъ сторожей. Онъ — молодой малый, лѣтъ 22— 23, уже женатый; кончилъ школу, въ которой состоитъ теперь сторожемъ, и всецѣло принадлежитъ къ

людямъ новаго поколѣнія. Большой охотникъ до чтенія, онъ особенно увлекается поэзіей и самъ пописываетъ стихи въ свободныя минуты. Я зналъ его еще съ прошлаго года, когда онъ приходилъ ко мнѣ за книгами. Пріѣхавъ нынѣшній годъ къ занятіямъ, я нашелъ его въ школѣ уже сторожемъ.

Димитрій—безусый, безбородый, здоровый дѣтина, съ широкимъ лицомъ и завивающимися по концамъ длинными волосами. Его немножко конфузитъ его должность, надъ нимъ подсмѣиваются кое-кто изъ односельцевъ стараго закала: „вотъ, дескать, какой здоровый лодырь стариковскую должность правитъ, на легкой работѣ состоитъ. Тебѣ бы, поди, въ работники къ мужику идти, на линію*), аль бы молотить“. Влекла къ школѣ, главнымъ образомъ, по его словамъ, возможность быть постоянно около книгъ, пользоваться чтеніемъ вдосталь и упражняться часто въ письмѣ. Самое школьное дѣло онъ любитъ и стремится современемъ сдѣлаться учителемъ въ школѣ грамотности. Это его завѣтная мечта. Онъ не пьетъ, не куритъ и не нюхаетъ.

Семейное положеніе Димитрія мнѣ извѣстно. Отецъ у него мужикъ вполнѣ стараго закала, упрямъ и деспотиченъ. На грамотность смотритъ съ презрѣніемъ, допекаетъ ею и сына, который ни въ чемъ ему не подходитъ. Отсюда частыя семейныя ссоры. Отецъ говоритъ: „Дѣлай такъ, по моему“. Сынъ видитъ, что это невыгодно и безполезно, что лучше бы сдѣлать иначе, и возражаетъ. Старикъ стоитъ на своемъ и напускается на сына. Вообще, онъ сильно его недолюбливаетъ и постоянно попрекаетъ грамотностью. Мать любитъ его и заступается передъ отцомъ, за что иногда терпитъ отъ того побои. Жена Димитрія, насколько я знаю, бабенка смирная, безгласная; относится онъ къ ней не то чтобы вполнѣ тепло, но и не безучастно, кажется, болѣе въ силу привычки. Главная причина, женили его на ней не спросясь, нужна была въ домъ рабочая сила, а ему жениться не хотѣлось, тянуло совсѣмъ въ другую сторону—къ ученію. Когда онъ еще учился, у него былъ живъ старшій братъ, по словамъ Димитрія, усердный работникъ. Это-то и помогло Димитрію кончить курсъ. Когда насталъ голодный годъ, Димитрій вмѣстѣ съ старшимъ братомъ, гонимые нуждой, отправились на линію на заработки. Тамъ, на Кавказѣ, застала ихъ холерная година, и братъ умеръ.

*) На заработки въ Донскую и Кубанскую области, вообще же на Кавказъ.

Димитрій остался одинъ въ семьѣ сынъ-работникъ.

Димитрія ученики мало слушали и не боялись; нѣкоторые даже попросту звали его „Митькой", чѣмъ онъ сильно огорчался, готовясь современемъ стать учителемъ.

— И что такое это значитъ, Викторъ Іововичъ, ничуть-то они меня не слушаютъ, — вотъ оказія-то! — сокрушался онъ.

II.

На дворѣ мятель, вѣтеръ рѣзкій, какъ говорятъ „сиверко".

— Пыль,—говоритъ Димитрій, входя съ лопатой, которой отгребалъ снѣгъ отъ крыльца.

Самоваръ водружается на столѣ. Съ нимъ дѣлается уютнѣе въ комнатѣ и свѣтлѣе на душѣ. Удивительное дѣло! Ничтожная вещица—и такъ мѣняетъ настроеніе. Встаешь, бывало, въ самомъ пессимистическомъ настроеніи. Все-то представляется тебѣ въ мрачномъ свѣтѣ — и обстановка, и твоя работа, а разгуляешься, появится самоваръ на столѣ—и ничего себѣ, встряхнешься и на душѣ посвѣтлѣетъ. И завтракъ обычный на столѣ: жареная на свиномъ салѣ картофель, пересыпанная мукой; запахъ ея пріятно щекочетъ обоняніе. Приступаю съ газетой въ рукахъ—почитать ужъ теперь вплоть до окончанія уроковъ не придется—къ подкрѣпленію себя на всѣ уроки. Занятія обыкновенно начинаются у насъ часовъ въ 9-ть, въ началѣ и срединѣ учебнаго года: послѣ двухъ уроковъ полагается большая перемѣна, длящаяся съ четверть часа, иногда и болѣе, до получаса. На обѣдъ не отпускаемъ. Ребята носятъ съ собою хлѣбъ и другую снѣдь на цѣлый день. На обѣдъ неудобно отпускать, опять-таки за дальностью разстоянія.

Изъ окна, съ правой стороны, видна часть крыльца и пространство передъ нимъ. Вотъ мелькнула сѣренькая шапка и маленькая фигурка въ засаленномъ старенькомъ полушубкѣ, забѣлѣлись онучи. Это я знаю кто: первый мой ученикъ, гордость училища и примѣръ для учениковъ—Тихонъ Колесниковъ. Курсъ онъ, собственно, кончилъ уже три года назадъ. Учился отлично. Такъ какъ ему еще не было 11-ти лѣтъ, то учитель, мой предшественникъ, и предсѣдатель экзаменаціонной коммиссіи обязали его ходить еще годъ въ школу для закрѣпленія вынесенныхъ знаній. И онъ проходилъ не только одинъ этотъ годъ, но ходитъ вотъ уже и третій. Посѣщенія его отли-

чаются замѣчательною аккуратностью: не было дня, чтобы онъ пропустилъ урокъ безъ уважительной причины, не смотря ни на какую погоду и на то, что весь курсъ старшей группы онъ зналъ отлично, слѣдовательно, могъ иногда и пропускать уроки. Приходитъ онъ, обыкновенно, раньше всѣхъ и позже всѣхъ уходитъ. Вотъ и сейчасъ: дверь отворилъ тихохонько, также и затворилъ; прошелъ незамѣтно въ классъ и сѣлъ на свое мѣсто. Его рѣдко-рѣдко можно слышать въ классѣ. Говоритъ онъ, когда отвѣчаетъ въ классѣ, или разсказываетъ, не громко, но слова произноситъ отчетливо; только когда приходится обращаться къ нему съ внѣшкольными разговорами, то уже еле разслышишь. Закраснѣется весь, улыбается, чтобы скрыть смущеніе. Содержаніе же прочитанныхъ статей передаетъ связно и точно. Это замѣчательный чтецъ, онъ поглощаетъ книги такъ, что на него не напасешься. Школьную библіотеку перечитываетъ уже вторично. Я достаю ему книги на сторонѣ. Затѣмъ, онъ грамматически правильно пишетъ и хорошо излагаетъ свои мысли на бумагѣ. Онъ не только мастерски пишетъ пересказъ, но и статьи на самостоятельныя темы. Къ *учености* его Димитрій относится съ большимъ уваженіемъ и иногда прибѣгаетъ за совѣтами и справками въ затруднительныхъ случаяхъ: какъ написать вѣрнѣе, понять прочитанное или рѣшить задачку. Ученики тоже его уважаютъ и никогда не задѣваютъ.

Мы съ о. Александромъ, законоучителемъ нашей школы, всегда обращаемся къ нему, какъ къ кладезю всяческихъ знаній. Переспросишь всѣхъ учениковъ старшаго отдѣленія о чемъ-нибудь уже извѣстномъ, что они должны знать, и всѣ молчатъ, къ великому твоему огорченію.

— Ну-ка, Тихонъ Колесниковъ, — обращаешься къ нему,—скажи-ка ты.

И не было случая, чтобы онъ забылъ спрашиваемое правило или другое что и затруднился въ отвѣтѣ.

Одно нехорошо въ немъ — излишняя его застѣнчивость, доходящая до смѣшного. Бывало, утромъ, выйдя изъ училища, видишь его идущимъ съ книгами въ классъ. Тогда онъ непремѣнно постарается скрыться изъ глазъ, или завернетъ за уголъ дома, или спрячется за находящійся напротивъ хлѣбный магазинъ, и ужъ выждетъ тамъ, пока не уйдешь. Онъ—большакъ у родителей. Кромѣ него, есть еще маленькій братъ. Ни лошади, ни коровы у нихъ нѣтъ.

Тихона мы думаемъ пристроить въ какое-нибудь подхо-

дящее учебное заведеніе: въ фельдшерскую школу или учительскую семинарію. Это ужъ, такъ сказать, нравственный долгъ. Дѣло только въ томъ, что ни въ одно изъ этихъ учебныхъ заведеній по лѣтамъ онъ еще не подходитъ. Смущаетъ меня и его здоровье, на что нѣкоторые обращали вниманіе. Иногда во время уроковъ я замѣчаю на лицѣ его необыкновенный румянецъ, причемъ глаза его сверкаютъ подозрительнымъ блескомъ, и потомъ, сложеніе вообще у него не важное.

— Не болитъ у тебя ничего, Тихонъ?—спросишь его.

— Нѣтъ, ничего,—отвѣтитъ.

За Тихономъ начинаютъ сходиться ученики всѣхъ трехъ группъ. Приходятъ они по одиночкѣ и ватажками, человѣка въ три-пять и больше. Дверь безпрестанно хлопаетъ, пропуская струю холоднаго воздуха, который проникаетъ черезъ дверныя щели ко мнѣ. По крыльцу, а потомъ въ прихожей раздается рѣзкій стукъ ребячьихъ колодокъ, подвязываемыхъ ими къ лаптямъ и промерзшихъ отъ дальней ходьбы. Надо сказать, что ученики нашей школы всѣ и въ морозъ, и въ ростепель ходятъ въ лаптяхъ. Для предохраненія ногъ отъ сырости и забивающагося въ лапти снѣга, къ лаптямъ прикрѣпляются веревками деревянныя колодки. Эти колодки имѣютъ не болѣе вершка вышины и не пропускаютъ сырости лишь тогда, когда снѣгъ растворяется на такую же глубину, но въ ростепель, когда нога иной разъ по колѣно погружается въ снѣжную воду, колодки совсѣмъ не достигаютъ своего назначенія. Въ эту пору года только приходится дивиться приспособляемости ребячьихъ организмовъ, которая позволяетъ имъ безнаказанно цѣлый день ходить съ мокрыми ногами. При этомъ надо еще замѣтить, что и онучи ихъ, изъ обыкновеннаго домотканнаго бѣлаго сукна, служатъ отличными проводниками сырости. Въ сапогахъ у насъ въ школѣ найдется человѣкъ пять, не болѣе.

Сначала въ школѣ тихо. Ребята жмутся къ печкѣ, грѣются. Иные приходятъ степенно, неизмѣнно здороваясь со сторожемъ или просто со стѣнами, когда никого нѣтъ, не торопясь раздѣваются и садятся по своимъ мѣстамъ; другіе врываются шумно, внося сразу безпорядокъ и суету. Черезъ затворенную дверь комнаты я узнаю многихъ учениковъ не только своихъ группъ, но и младшей. И тутъ есть такіе, въ приходѣ и неприходѣ которыхъ бываешь заинтересованъ, хотя по настоящему всѣ бы должны быть для насъ одинаковы. Но

ужъ таково свойство человѣческой натуры. Старшіе ученики не смѣшиваются съ учениками другихъ группъ и примыкаютъ къ нимъ только любители побаловать. Они до начала уроковъ разбиваются парами и тройками и дѣлаютъ что-нибудь касающееся уроковъ: повѣряютъ задачки, прослушиваютъ другъ друга по закону, а то такъ окружаютъ Тихона, который, ко всему, гораздъ еще на всякія замысловатыя штучки. Къ старшимъ постоянно лѣзутъ средніе и младшіе, глазѣя на ихъ какіе-нибудь рисунки или доморощенныя задачки. У всѣхъ ребятъ, въ особенности старшаго отдѣленія, я давно подмѣтилъ страсть къ рисованію, и очень сожалѣю, что по неимѣнію времени не могу поощрить ее, удѣляя на рисованіе часть учебнаго времени. Выражается это у нихъ въ копированіи картинокъ въ книгѣ для чтенія и въ самостоятельныхъ попыткахъ изобразить какой-либо предметъ.

Классъ начинаетъ мало-по-малу наполняться шумомъ и гуломъ голосовъ, шмыганьемъ и топотомъ ногъ. Въ прихожей около печки настоящая давка. Одни разсказываютъ о своихъ вчерашнихъ похожденіяхъ, другіе спорятъ—у кого лучше книга и кто лучше читаетъ, третьи твердятъ разученное наизусть стихотвореніе, хвастаясь, кто лучше выучилъ. Вотъ двое учениковъ младшаго отдѣленія, родственники, которые пріѣзжаютъ въ школу верхомъ на лошади и потомъ пускаютъ ее одну домой. Старшій, бѣловолосый, съ вѣчно полураскрытымъ ртомъ, серьезенъ и дѣловитъ не по лѣтамъ. Онъ разсказываетъ о путешествіи изъ дома въ школу многочисленнымъ собравшимся вокругъ него ученикамъ дѣловито, спокойно, тѣ хохочутъ и переспрашиваютъ его. Ихъ особенно занимаетъ обстоятельство, какъ это лошадь одна возвращается домой и какъ это они вдвоемъ усаживаются на нее.

Время приближается къ девяти—началу занятій. Подъѣзжаютъ и подходятъ ученики изъ привилегированныхъ. Впрочемъ, у насъ ихъ немного: одинъ ученикъ и двѣ ученицы, изъ которыхъ одна учится въ старшей группѣ и чаще пріѣзжаетъ въ школу; другая учится въ младшей и ее обыкновенно сопровождаетъ работникъ или кто-нибудь изъ домашнихъ. Это—дочери здѣшнихъ коммерсантовъ. Держатся онѣ, большею частью, особнякомъ, такъ какъ товарокъ имъ еще нѣтъ: въ нашей школѣ, кромѣ нихъ, вовсе нѣтъ дѣвочекъ. Поступила, было, въ началѣ учебнаго года одна, да и та съ физическимъ недостаткомъ: хромая, ходившая при помощи костыля; она походила дня два и потомъ выбыла со-

всѣмъ. Мать, приводившая ее, сначала завѣряла, что они будутъ ее привозить въ школу, такъ какъ ей было неудобно по дальности разстоянія.

— Вѣдь, ей у насъ все одно въ чернички идти, и къ ученію она у насъ дюже охотится,—говорила она.

— Почему же въ чернички-то ей идти?

— Да потому, что убогенькая она, къ нашей крестьянской работѣ не пригодна...

III.

Является моя сотрудница. Пора начинать занятія. Ребята собираются на молитву не сразу. Нѣкоторыхъ не оторвешь отъ кадки съ водой. Они словно боятся, что послѣ напиться не успѣютъ, словно раньше нельзя было этого сдѣлать. Молитвы у насъ читаются наизусть, по заведенному разъ порядку, всѣ утреннія, какъ онѣ слѣдуютъ другъ за другомъ въ молитвенникѣ. Читаетъ обыкновенно очередной по списку, онъ же и дежурный. Младшіе назначаются для чтенія уже тогда, когда научаются читать и выучиваютъ по книгѣ молитвы наизусть. Не смотря на это ежедневное чтеніе молитвъ, на ежедневную поправку чтецовъ, не всѣ ученики правильно читаютъ: либо пропустятъ что, либо переиначатъ слова. Тщетно наказываешь имъ и заучивать какъ слѣдуетъ, и читать передъ сномъ и утромъ,—все полнаго знанія не достигается. Напримѣръ, я до сихъ поръ не добьюсь, чтобы они произносили въ символѣ—„судите живымъ и мертвымъ", а не „живыхъ и мертвыхъ". Объясняю я это слишкомъ мудренымъ для крестьянскихъ дѣтишекъ языкомъ церковно-славянскимъ и неудобопонятностью смысла. Это замѣтно и изъ того, что стихотворенія они, напр., заучиваютъ буквально, безъ искаженія словъ.

По стѣснившейся въ младшемъ классѣ, гдѣ читается молитва, толпѣ учениковъ, по рѣдинамъ въ ней, я замѣчаю, что нынѣшній холодъ, по обыкновенію, лишилъ насъ нѣсколько учениковъ. Молитва кончена. Ребята разсаживаются по мѣстамъ, нѣкоторые неисправимые опять-таки протискиваются къ кадкѣ съ водой или же подъ шумокъ выбѣгаютъ на дворъ.

Перекличка открываетъ, кого не достаетъ сегодня.

— Отчего Василій Ѳоминъ не пришелъ?

— Студено, говоритъ, дюже... Ему далеко...

— Ну, а Петра Тинякова почему нѣтъ? Вѣдь ему близко...

— У него лапти разбились, не въ чемъ идти...

Досаднѣе всего бываетъ, когда не приходятъ хорошіе ученики: надо начинать новое, а ихъ нѣтъ; приходится либо откладывать новое и пробавляться старымъ, или идти дальше, что тоже неудобно. Два названные ученика средняго отдѣленія принадлежатъ къ числу способныхъ,—первый, вдобавокъ, беретъ еще своей смирнотой и скромностью, второму вредитъ его шаловливость. А вотъ еще цѣлая парта въ среднемъ отдѣленіи пустуетъ. Тутъ ужъ заранѣе знаю, въ чемъ дѣло. На этой партѣ сидятъ, какъ я ихъ называю, „отпѣтые". Это временно пересаженные въ среднее отдѣленіе изъ младшаго, да такъ въ немъ и оставшіеся. Дѣло въ томъ, что въ началѣ учебнаго года младшее отдѣленіе было переполнено, а „отпѣтыхъ", какъ слабѣйшихъ по знаніямъ, рѣшено было еще на годъ оставить въ младшемъ. Читали они еще сносно. Главная же слабость ихъ была ариѳметика. Поэтому, когда въ младшей группѣ проходились звуки, не было смысла оставлять ихъ тамъ: они бы тамъ только шалили, а потомъ какъ-то само собой вышло, что они остались въ средней группѣ. Насчетъ шалостей это были мастера первой руки. Пробовалъ я разсаживать ихъ между хорошими учениками и посредственными, но это не помогало: балуясь сами, они втягивали въ баловство и тѣхъ. Кромѣ того, къ сидѣнью вмѣстѣ съ ними и эти другіе ученики относились несочувственно и старались всячески выжить ихъ отъ себя.

Первый урокъ у меня ариѳметика, чередующаяся между старшимъ и среднимъ отдѣленіями: день начинаю этотъ урокъ въ одномъ, другой въ другомъ. Ариѳметика берется для перваго урока какъ наиболѣе серьезный предметъ, дающійся вообще ребятамъ труднѣе, въ особенности рѣшенія задачъ. А тутъ на свѣжія-то головы думаешь достигнуть лучшихъ результатовъ. Начинаю съ старшихъ. Эти, за исключеніемъ одного, всѣ на лицо. Въ среднемъ нѣтъ десяти; итого отсутствуетъ на сегодня 11. Я прочитываю изъ задачника очередную задачку, вызываю ученика, который и записываетъ ее на классной доскѣ; другіе записываютъ въ грифельныя доски. Задача повторяется однимъ—двумя учениками съ такимъ разсчетомъ, чтобы ни одного не пропускать при повтореніи. Такимъ образомъ, задачка задана. Остается рѣшить ее. Тихонъ рѣшаетъ первый. Я обхожу учениковъ и смотрю, какъ кто рѣшаетъ; при уклоненіяхъ стараюсь подвести ученика къ рѣшенію посредствомъ наводящихъ вопро-

совъ. Тутъ представляется ученикамъ большой соблазнъ по части списыванья задачки у сосѣдей, отличающихся способностью болѣе или менѣе быстро усваивать суть задачъ. Вопросъ: какъ избѣгнуть этихъ нежелательныхъ уклоненій? Стараюсь достигать этого разсаживаніемъ учениковъ, благо позволяетъ мѣсто, отдѣленіемъ хорошо рѣшающихъ отъ слабыхъ, а главное—силою убѣжденія во вредѣ этого. Не всѣ ученики относятся къ этимъ мѣрамъ какъ должно; нѣкоторые и обходятъ ихъ, и ухитряются списывать задачки у товарищей. Такіе ученики очень скоро попадаются. Спросишь, какъ рѣшалъ; онъ, конечно, послѣ нѣсколькихъ безсвязныхъ словъ, умолкаетъ. Вотъ, напримѣръ, одинъ изъ такихъ списывателей — Яковъ Сидоровъ, или по уличному Бобровъ. Маленькій, бѣленькій, круглолицый, съ быстро бѣгающими глазами, онъ не отличается способностями, особенно къ ариѳметикѣ, но онъ и не безнадежный тупица. Въ среднемъ отдѣленіи онъ отличался баловствомъ и лѣнью; съ переводомъ въ старшее нѣсколько посмирнѣлъ и остепенился, если и балуетъ, то больше втихомолку. Иногда прямо-таки поражаешься, какъ это онъ ухитряется списывать задачку и у кого. Сейчасъ смотришь—у него совсѣмъ получается не то, или вовсе ничего нѣтъ на доскѣ, и онъ думаетъ надъ рѣшеніемъ. Только отвернешься немного и потомъ подойдешь къ нему—у него ужъ не то, и онъ съ самой серьезной рожицей, дѣловито, выписываетъ задачку въ строчки. Смотришь у сосѣдей—тѣ еще рѣшаютъ, начинаешь спрашивать объясненія — непремѣнно собьется на нѣтъ. Послѣ дѣло-то объяснилось очень просто. Старшимъ я задаю на домъ задачки, слѣдующія по порядку въ задачникѣ. Рѣшенныя задачи они приносятъ на просмотръ мнѣ, причемъ выписываютъ ихъ на бумажкахъ по строчкамъ. Рѣшаютъ неравно: иные больше, иные меньше. Нѣкоторые по приходѣ оставляютъ свои книги и всѣ работы въ столѣ, а сами уходятъ играть до начала занятій. Вотъ Яковъ-то здѣсь и пользуется случаемъ и преспокойно списываетъ рѣшенныя задачки, задаваемыя и очередныя.

Вотъ еще ученица изъ привилегированныхъ—Ольга Куркина. Она замѣчательно благонравна и не смѣла до робости, такъ что когда отвѣчаетъ что-нибудь мнѣ или о. Александру постоянно опускаетъ глаза долу и сначала порозовѣетъ, потомъ поблѣднѣетъ. Я слышалъ, что запугалъ ее отецъ излишнею строгостью. Этимъ онъ думаетъ успѣшнѣе привить ей

просвѣщеніе, а вмѣсто этого, какъ водится, привилъ ей чрезмѣрную робость, доходящую до запуганности. Ольга у меня въ классѣ единственное ситцевое пятнышко на фонѣ холстинныхъ рубахъ, сермяжины и лаптей, щеголяющая нѣкоторою изысканностью костюма. Всегда она является въ классъ скромненько, но чисто одѣтою и причесанной, что дѣлаетъ, конечно, честь ей и ея родителямъ. Вообще же наши школяры, за исключеніемъ Тихона Колесникова, всегда отличающагося бѣлизной своей рубашки, не отличаюгся опрятностью одѣянія, за это было уже мнѣ замѣчаніе отъ начальства съ включеніемъ его въ ревизіонную книгу. Нѣкоторые ученики носятъ рубахи и штаны прямо-таки по мѣсяцамъ. Конечно, ведешь съ ними изъ-за неряшества систематическую борьбу и все-таки результатовъ настоящихъ не достигаешь. На иныхъ, дѣйствительно, бываетъ не хорошо смотрѣть: передъ тобой сидитъ какой-то комокъ грязи. Видя постоянно такихъ учениковъ передъ глазами, какъ-то ужъ присматриваешься къ нимъ, привыкаешь, но на свѣжаго человѣка, я понимаю, они должны производить удручающее впечатлѣніе.

— Когда же ты перемѣнишь рубаху?—обращаешься къ одному изъ такихъ неисправимыхъ чумичекъ.

— Да у меня только одна рубаха и есть, — говоритъ тотъ въ свое оправданіе.

— У него матери нѣтъ,—поясняютъ другіе ребята, его сосѣди. Тотъ куксится и подноситъ грязнѣйшій рукавъ къ глазамъ.

Предъ такимъ аргументомъ приходится пасовать. Такихъ сиротъ найдется у меня человѣка четыре. За то досадно бываетъ, когда знаешь, что имущественное положеніе родителей сносно, иногда даже и хорошо, родители живы, и онъ все-таки щеголяетъ въ грязнѣйшемъ бѣльѣ. Тутъ опять являются мнѣ на помощь сами же ребята, изобличая такого замарашку.

— У нихъ пять скирдовъ хлѣба стоитъ, да лошадей однѣхъ десять инда,—наперерывъ объявляютъ они.

Съ такими обыкновенно не церемонишься, строго-настрого наказывая имъ перемѣнить на другой день бѣлье. Моя сотрудница, ранѣе меня поступившая въ эту школу, разсказывала, что нѣкоторые родители поступавшихъ учениковъ отнеслись крайне непріязненно къ этимъ требованіямъ чистоты и побрали своихъ дѣтей изъ школы, подбивая и

другихъ къ тому же. Тоже недовольство проскальзываетъ и сейчасъ. Вотъ и лавируй тутъ между Сциллой и Харибдой, между требованіями начальства и взглядами населенія.

Извиненіемъ ребячьей неряшливости служатъ отчасти самыя условія ихъ жизни и обстановки, отъ земляныхъ половъ ихъ жилищъ, па которыхъ они въ большинствѣ спятъ въ той же одеждѣ, до неудобства, сопряженнаго съ частымъ мытьемъ бѣлья зимою, тѣмъ болѣе, что въ селѣ нѣтъ даже рѣчки для полосканья и водой для этого приходится пользоваться изъ колодцевъ. О баняхъ у насъ и въ поминѣ нѣтъ; моются первобытнымъ образомъ, на морозѣ и рѣдко.

Ольга Куркина по ариѳметикѣ довольно слаба. Она иногда, какъ замѣтно, прибѣгаетъ къ позаимствованію готоваго у сосѣдей, тѣмъ болѣе, что за нею какъ разъ вся парта настоящихъ математиковъ съ Тихономъ во главѣ. Однако, она добросовѣстнѣе въ этомъ случаѣ Якова и прибѣгаетъ къ позаимствованіямъ только тогда, когда ужъ не можетъ совсѣмъ рѣшить. Она и трудолюбива, хотя иногда, бываетъ, и полѣнивается-таки, что отражается на приготовленіи уроковъ. Хотя она у насъ одна только ученица, но имѣетъ замѣтное вліяніе на облагороженіе ребячьихъ нравовъ, особенно въ старшей группѣ. Они держатъ себя солиднѣе при ней, одѣваются опрятнѣе и особыхъ шалостей себѣ не позволяютъ.

Задача подходитъ къ концу. Вдругъ, среди сравнительной тишины класса, раздается хлопанье сѣнныхъ дверей и стукъ промерзшихъ колодокъ, наша классная дверь съ шумомъ распахивается и въ нее вваливается ватага „отпѣтыхъ" съ рыжимъ Батищевымъ во главѣ. Лица у нихъ, не смотря на холодъ, разгоряченныя, волосы слегка прихвачены пдтомъ ко лбу. Они нѣсколько смущены. Степанъ Батищевъ, рыжій, по обыкновенію, какъ угорь, или, лучше, теленокъ, кружитъ головой, словно стараясь спрятаться на глазахъ всѣхъ. Повторяется неизмѣнная сцена.

— Отчего такъ поздно пришелъ и они тоже?

— Да намъ *далеко*, — таращa изподлобья глаза, говоритъ за всѣхъ Батищевъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—предупреждаютъ ребята,—они это нарочно: играли въ шары все время, они всегда такъ-то!..

Опоздавшіе оставляются мною безъ мѣста, т.-е. остаются стоять до конца урока. Теперь ужъ я окончательно убѣждаюсь, что они дорогой преспокойно занимаются игрой, на ходу, такъ сказать, и это продѣлывается ими уже не разъ.

Этотъ Батищевъ феноменъ въ своемъ родѣ, но только феноменъ особенный, такъ сказать, отрицательнаго свойства. Во всемъ классѣ нѣтъ баловнѣе и тупѣе его. Какъ ни взглянешь на него, постоянно на лицѣ его смѣхъ, кривитъ губы безсмысленная улыбка; скоситъ онъ при этомъ глаза и растянетъ ротъ до ушей, да еще фыркаетъ вдобавокъ. И самъ смѣется, и своихъ сосѣдей, такихъ же „отпѣтыхъ", смѣшитъ. Я съ нимъ не мало уже бился, пока онъ хоть нѣсколько отполировался, т.-е. сталъ вести себя получше. Правда, и физіономія его вызывала невольно улыбку: рыжій, почти красный, съ блѣдно-голубыми глазами и веснушчатымъ краснымъ лицомъ, онъ вдобавокъ былъ еще косноязыченъ. Оказалось послѣ, что онъ ходитъ въ школу уже третью зиму. Мой предшественникъ, выведенный изъ терпѣнія его шалостями и тупостью, исключилъ, было, его изъ училища; то же совѣтовалъ мнѣ сдѣлать и о. Александръ, но мнѣ жаль было поступить съ нимъ такъ, тѣмъ болѣе, что мѣста свободныя были; все, думалось, выйдетъ изъ него какой-нибудь толкъ. Не говоря о счисленіи, которое положительно ему не давалось, онъ и читать доселѣ не могъ иначе, какъ страшно искажая слова и повсюду приставляя къ нимъ союзъ *и*. Онъ былъ изъ зажиточнаго семейства, и вотъ за неряшество часто приходилось его пробирать, потому что онъ по мѣсяцамъ не мѣнялъ бѣлья.

По рѣшеніи задачи, рѣшившій ее на классной доскѣ объяснялъ рѣшеніе, другіе свѣрялись въ своихъ доскахъ съ рѣшеніемъ и слушали объясненіе. Я задалъ другую задачу, вызвалъ другого ученика къ доскѣ. Тихонъ опять не заставилъ себя ждать и рѣшилъ ее первымъ. Такимъ образомъ рѣшили мы за урокъ три задачи, а урокъ положенъ у насъ часовой. Этого, конечно, недостаточно, но бываетъ, что попадется трудная задача—и двѣ, даже одну рѣшишь; вообще это уже хорошо, когда удастся за урокъ рѣшить задачъ пять. Урокъ кончается. Ребята расправляютъ уставшіе члены и дружно выходятъ изъ-за партъ. Дверь съ трескомъ растворяется Батищевымъ, устремившимся къ ней однимъ изъ первыхъ. Классы оглашаются шарканьемъ ногъ, возгласами. Младшіе тоже повскакали съ своихъ мѣстъ и смѣшались съ моими. Атмосфера въ младшемъ классѣ, не смотря на открытую форточку, какая-то пыльнопромозглая, не знаю, какъ у меня, гдѣ, впрочемъ, пыли не занимать стать. Пыль эта, мельчайшая и несноснѣйшая, носится въ воздухѣ повсюду;

она образуется отъ ребячьихъ одеждъ и обуви и поднимается ими съ пола ногами.

Моя сотрудница говоритъ, что Димитрій сегодня переусердствовалъ, загоняя побольше тепла въ классы, и подпустилъ немного угарцу. Пострадали отъ него сидящіе около печки и отдушниковъ. Вьюшки, поэтому, у трубъ открываются. Димитрій недоволенъ: говоритъ, что простынетъ обѣдъ. Я тоже съ нѣкоторымъ сокрушеніемъ объ этомъ помышляю, но что дѣлать: общіе интересы важнѣе частныхъ, и я приношу себя въ жертву. Надо сказать, что русской печки у насъ въ школѣ нѣтъ, и обѣ такъ-называемыя здѣсь „грубы".

Мы съ сотрудницей пробираемся ко мнѣ въ комнату. Здѣсь довольно прохладно. Окна отходятъ еще плохо. Мы садимся по бокамъ стола и начинаемъ говорить. Говоримъ о злобахъ дня: сколько у кого не пришло учениковъ (у нея, оказывается, двѣнадцати не явилось сегодня), о холодѣ и разныхъ училищныхъ нуждахъ: того-то не хватаетъ, то-то слѣдуетъ завести. Ребята шумно воюютъ. Въ классахъ дымъ коромысломъ. То я, то собесѣдница выходимъ для усмиренія расходившихся. Ребята безпрестанно отворяютъ дверь и глазѣютъ на внутренность моей комнаты. Вотъ одинъ явился съ жалобой.

— Что ты?

Молчитъ и всхлипываетъ, не отнимая рукъ, ладонями кверху, отъ глазъ.

Снова вопросъ и снова всхлипыванія.

— У меня Ни-ко-ла-ай Халѣевъ хлѣбъ по-ѣ-ѣлъ...

Нечего дѣлать, надо идти дѣлать разслѣдованія.

— Ты поѣлъ у него хлѣбъ?

— Нѣтъ, не ѣлъ... Я свой ѣлъ... Спросите вонъ у Клязьмина.

И обвиняемый съ видомъ полнѣйшей невинности таращитъ глаза на насъ.

— Онъ, онъ, мы видѣли, — кричатъ окружающіе насъ ребята.

— Нѣтъ, нѣтъ, — кричатъ другіе, но робко и нерѣшительно.

Въ этихъ случаяхъ всегда раздѣляются на партіи, и у нашалившаго всегда находятся сторонники, его товарищи.

Хлѣбъ изслѣдуется у заподозрѣннаго; оказывается, дѣйствительно, хлѣба у него много, какъ будто и не трогалъ вовсе.

— Сколько было хлѣба у Рыбникова?

Ребята услужливо показываютъ.

— Вотъ эдакій шматокъ былъ,—говорятъ они, показывая на хлѣбъ руками, сколько его было.

Взываемъ къ доброй волѣ похитителя, чтобы возвратилъ похищенное, а такъ какъ онъ противится, то у него приходится отчуждать долю потерпѣвшаго, уже съѣденную. Потерпѣвшій успокоительно всхлипываетъ, а провинившійся надувается какъ клещъ.

Съ этимъ разбирательствомъ перемѣна нѣсколько затянулась. Зовемъ на мѣста. Такъ какъ приходится сзывать голосомъ, потому что колокольчика у насъ не имѣется, то собираются не сразу. Но вотъ пришелъ послѣдній запоздалый. Двери затворяются, все замолкаетъ. Начинаются занятія. Теперь у меня ариѳметика съ средними, у которыхъ первый урокъ былъ самостоятельныя письменныя упражненія по русскому. Старшіе разучиваютъ наизусть стихотвореніе. Начинаемъ съ письменныхъ упражненій съ показаніемъ новаго случая умноженія и дѣленія. На этотъ разъ ребята оказываются въ ударѣ и усвоиваютъ новое довольно быстро. Убѣдившись, что они усвоили это, даю задачу. Порядокъ рѣшенія тотъ же, что у старшихъ. Одну рѣшили, даю другую. То же самое. На слабыхъ, которыхъ въ среднихъ-таки наберется, я махнулъ уже рукой. Сначала хотѣлъ ихъ подровнять и занимался съ ними даже отдѣльно по воскресеньямъ, но они оказались неисправимы; такъ я ихъ и бросилъ на произволъ судьбы. Теперь они пробавляются больше списываньемъ и такъ изощрились въ этомъ, что иногда вводятъ въ заблужденіе: думаешь, рѣшаютъ самостоятельно. Сидитъ, напримѣръ, такой субъектъ отъ хорошаго ученика на почтительномъ разстояніи, заглянуть къ нему въ доску ему нельзя, а между тѣмъ задачка, смотришь, у него рѣшена вѣрно. Ужъ какъ они ухитряются — не понимаю. Вотъ еще одинъ изъ такихъ учениковъ, Гаврила Батищевъ. Онъ уже второй годъ въ среднихъ, старичекъ. Ему тринадцать уже лѣтъ, четырнадцатый, а между тѣмъ, ростомъ онъ съ восьмилѣтняго, буквы *ш* до сихъ поръ не выговариваетъ. Типиченъ онъ чрезвычайно: голова большая и косматая, носъ смѣшно вздернутъ и ротъ полуоткрытъ; говоритъ какимъ-то гортаннымъ неровнымъ голосомъ. Онъ самый неисправимый изъ замарашекъ въ училищѣ; вѣчно рубаха его и одежда до онучъ включительно бываетъ чернѣе грязи и вдобавокъ рубаха на

рукавѣ или еще гдѣ разорвана, виситъ клочками. И съ его такою неряшливостью поневолѣ приходится мириться, потому что матери у него нѣтъ, а отецъ на линію ушелъ и онъ самъ проживаетъ у дяди; значитъ, полусирота, что называется. Вотъ по поводу его знаній я и недоумѣваю. Иногда посмотришь у него задачу—вѣрно.

— Ты списалъ?

— Нѣтъ, самъ рѣсилъ, не списывалъ.

И даже обиженный видъ сдѣлаетъ.

Вызываю его къ доскѣ, даю задачку. Рѣшаетъ. Видно, что человѣкъ соображаетъ, шепотомъ вычисляетъ и закатываетъ даже глаза подъ лобъ. Рѣшилъ — и сталъ этакимъ фертомъ.

— Ну, какъ же ты рѣшилъ, говори.

Объясняетъ, хотя и спутанно, съ поправками.

— Ну, а раздѣли мнѣ 288 на 8.

Начинаетъ соображать, шевелитъ губами и поднимаетъ глаза кверху.

— Сто,—выпаливаетъ онъ, наконецъ.

Ребята фыркаютъ. Гаврила, думая поправиться, говоритъ число за числомъ, и все невпопадъ.

— Тысся, — наконецъ, окончательно выговариваетъ онъ и такъ и останавливается на этомъ.

Между тѣмъ, на доскѣ сейчасъ раздѣлилъ вѣрно сходныя съ заданнымъ числа. Его наводишь на рѣшеніе, заставляешь дѣлимое расчленять на части и потомъ дѣлить по частямъ—ничего не помогаетъ.

— Садись уже,—говорю ему, и спрашиваю о томъ же у другого слабаго ученика. Тотъ отвѣчаетъ вѣрно, да ужъ и нельзя не отвѣтить, потому что ребята по своей скверной привычкѣ уже успѣли выскочить съ отвѣтомъ. Это подсказыванье тоже не малое зло, съ которымъ приходится вести безпрестанную борьбу и все-таки искоренить его вполнѣ не удается. Дѣйствую въ этомъ случаѣ убѣжденіемъ во вредѣ подсказываемаго для нихъ же, разными взысканіями и думаю, что систематическимъ, твердымъ преслѣдованіемъ зла достигну цѣли.

Вторая перемѣна. Ребята въ безпорядкѣ тѣснятся въ проходѣ.

— Батюшка пришелъ,—объявляетъ кто-то изъ старшихъ, торопливо вбѣгая въ классъ.

— Батюска присолъ, — подтверждаетъ и Гаврила, уже успѣвшій побывать на дворѣ и съ шапкою въ рукахъ.

Вѣсть эта проносится между старшими и средними. Старшіе вынимають св. исторію изъ сумокъ и, положивъ передъ собой и позаткнувъ уши, начинають подчитывать заданный урокъ по закону.

О. Александръ стоитъ въ моей комнатѣ и бесѣдуетъ съ учительницей. Опять тѣ же разговоры: о холодахъ, ученикахъ, дешевизнѣ хлѣба до политики—армянскаго вопроса и японско-китайской войны включительно.

— А на селѣ опять, слышно, горячка бродитъ: у Ѳоминыхъ малый заболѣлъ, не пришелъ нынче,—говоритъ учительница.

— Да когда она у насъ, спросите, переводилась, горячка-то эта самая! только лѣтомъ и весной и отпустило-то маленько... Вотъ нынче ночью только вздремнулъ было—стучатъ...

— Кто тамъ, говорю, узнайте... — Отъ Прониныхъ, говорятъ, пріѣхали...—Вотъ-те разъ, думаю,—кто у нихъ боленъ-то?—спрашиваю.—Да Семенъ, говорятъ, самъ.—Я себѣ опять: вотъ такъ штука! Намедни еще, да когда, бишь? Во вторникъ видѣлъ его. Дѣлать нечего, встаю, ѣду... Холодъ былъ на дворѣ... Пріѣзжаемъ — ребятишки кричатъ, жена его съ ногъ сбилась, а онъ безъ памяти и языка лежитъ... — Отчего раньше, говорю, не послали? Досадно, знаете... А жена мнѣ: Въ одночасье это съ нимъ... Напутствовалъ я его съ трудомъ, а теперь, слышу, померъ ужъ, хоронить завтра... А мужикъ-то, мужикъ-то какой былъ!.. Вы его видѣли? Дубъ мужикъ, одно слово, да умница, смирный, вѣжливый...

Мы пожалѣли покойника, потужили о его семьѣ — ребята малъ-мала меньше—и умолкли. Жутко сдѣлалось вдругъ, полнѣйшею безпомощностью повѣяло изъ глубины этихъ занесенныхъ снѣгомъ уличекъ и переулковъ сельскихъ, что виднѣются изо всѣхъ оконъ школы.

„Вотъ оно человѣческое существованіе-то въ деревнѣ", думалось въ это время: „такъ-то и съ тобой можетъ случиться: занеможешь въ „одночасье", а помочь некому".

А на дворѣ бушуетъ непогода. Вѣтеръ жалобно завываетъ въ трубѣ...

IV.

Конецъ и второй перемѣнѣ. Третій урокъ. О. Александръ занимается со старшими, у меня съ среднимъ идетъ урокъ объяснительнаго чтенія. Мы другъ другу не мѣшаемъ, хотя

нѣкоторые изъ ребятъ той и другой группы отвлекаются отъ своего предмета чужимъ: изъ старшихъ прислушиваются къ чтенію, уроку среднихъ, средніе развѣшиваютъ уши въ сторону старшихъ. Очередная статейка читается по частямъ каждымъ ученикомъ по порядку, чтеніе каждаго поправляется мною и объясняется значеніе словъ, а разъ этого недостаточно—надо еще пополнить объясненіе какимъ-нибудь разсказомъ, касающимся объясняемаго слова или понятія. Самъ разсказываешь, а между тѣмъ, смотришь на часы: а то, бываетъ, увлечешься—и не кончишь статейки, не переслушаешь чтенія всѣхъ. Поневолѣ приходится втискивать урокъ въ рамки. Затѣмъ, прочитанное разказывается учениками. Нѣкоторые читаютъ почти безъ поправки, твердо, отчетливо, духъ радуется, ихъ слушая; и ударенія, и интонаціи,—словомъ, по всѣмъ правиламъ искусства. Вотъ одинъ изъ такихъ учениковъ, Борисъ Прасоловъ, замѣчательно симпатичный мальчуганъ, серьезный не по лѣтамъ какъ-то: ему всего тринадцать лѣтъ. Онъ по всѣмъ предметамъ идетъ у меня молодцомъ, только немножко вредитъ ему правописаніе, которое у него хуже другихъ. Онъ, кажется, не отличается хорошимъ здоровьемъ: блѣденъ, грудь впалая и узкія плечи. Подкупаетъ онъ своею наружностью; въ сѣрыхъ глазахъ его видна мысль. Разсказываетъ онъ немножко медлительно, но плавно и отчетливо, причемъ глаза смотрятъ какъ-то сквозь тебя. Онъ не говоритъ по книжному; иногда ввернетъ и чисто мѣстное выраженіе вродѣ: „пыль“, „дюже“ и др., но оно у него выходитъ къ дѣлу, а не такъ, какъ у другихъ, зря...

Вдругъ отворяется съ трескомъ дверь—она всегда у насъ такъ-то—изъ-за нея просовывается бабья голова, закутанная до самыхъ глазъ въ платокъ.

— Что тебѣ, тетка?

Она выступаетъ совсѣмъ изъ дверей.

— Гдѣ тутъ мой-то? не вижу, дюже ихъ у васъ много,— говоритъ она, приглядываясь къ ребятамъ.

Ребята таращутъ глаза на бабу и улыбаются. Эта сцена, хотя онѣ часто у насъ наблюдаются, всегда занимаетъ ихъ.

— Да кто онъ *твой-то*?

— Да Ванька...

— Какой Ванька? Ихъ вѣдь у насъ много...

— Да Исаковъ Ванька...

Дѣло выясняется.

Самъ виновникъ несвоевременнаго визита конфузливо улы-

бается, опустивъ глаза въ землю, а между тѣмъ молчитъ, когда идутъ разспросы.

— Тебѣ его зачѣмъ надо-то?

— Да вотъ лепешекъ ему принесла, даве-то онъ не дождался, все боялся—опоздаетъ.

И баба передаетъ свертокъ съ лепешками по назначенію, а сынишка ея еще болѣе конфузится во время этой процедуры и поспѣшно прячетъ узелокъ въ сумку.

Заботливая мать уходитъ. Занятія, прерванныя этой сценой, продолжаются. У о. Александра обычная исторія: Яковъ Сидоровъ не знаетъ урока. Сказалъ нѣсколько словъ сначала—и замолкъ безнадежно, не смотря на вспомогательные вопросы. О. Александръ сокрушенно смотритъ на него, тотъ уставился въ полъ. Зловѣщее молчаніе.

— Ну, садись ступай, — со вздохомъ говоритъ о. Александръ и вкатываетъ въ журналѣ Якову единицу, вызывая отвѣчать урокъ другого.

Стрѣлка на школьныхъ часахъ быстро подвигается къ часу. Послѣдняя статейка прочитана всѣми и потомъ вся цѣликомъ еще мною. Урокъ конченъ. Въ ногахъ и во всемъ тѣлѣ начинаетъ чувствоваться утомленіе; тянетъ присѣсть. Опять классъ наполняется шумомъ и гуломъ, опять дверь поминутно хлопаетъ, отворяясь и затворяясь. Рѣзкій сквознякъ прохватываетъ до костей, когда проходишь прихожей въ свою комнату: дверь отворена и форточка напротивъ нея также; весьма неудобная вентиляція.

О. Александръ недоволенъ: не особенно хорошо, по его словамъ, отвѣчали урокъ. Онъ также утомился, съ средними не думаетъ заниматься. Выкуривъ папиросу, онъ прощается съ нами и уходитъ изъ училища. А у насъ еще два урока. Говорить ужъ не хочется: голосъ усталъ, горло.

— По мѣстамъ, по мѣстамъ! — зовемъ ребятъ. Они собираются. Среднимъ я даю самостоятельную работу: численныя упражненія, и съ старшими начинаю урокъ объяснительнаго чтенія. Начинаю съ Тихона. Читаетъ онъ, какъ я уже сказалъ, замѣчательно даже для своего исключительнаго положенія, просто заслушаешься; передаетъ прочитанное почти буквально. Книга ему, конечно, знакомая, но не настолько, чтобы онъ могъ такъ ее знать, чтобы передавать содержаніе прочитанныхъ статей точь-въ-точь не по словамъ, а по смыслу, отступая отъ этого лишь тогда, когда попадется слишкомъ мудреное или витіеватое предложеніе. Слѣдующій читаетъ

Андрей Плутохинъ, мальчуганъ тоже славный, только немного упрямый и застѣнчивый. Рожица у него такая привлекательная и вмѣстѣ съ тѣмъ плутоватая; взглядъ веселый и ясный. Густые темные волосы падаютъ ему на лобъ, какъ онъ ихъ ни приглаживаетъ, и онъ такъ смѣшно ими встряхиваетъ, когда они налѣзаютъ ему на глаза. Читаетъ онъ порядочно, но какъ-то скрадываетъ окончанія словъ, съ особенною мягкостью произнося. У него есть двоюродный братъ, Кузьма, съ которымъ они вмѣстѣ живутъ. Онъ тоже учился въ нашей школѣ и лишь недавно выбылъ изъ старшаго отдѣленія, куда онъ поступилъ вмѣстѣ съ Андреемъ. Онъ однихъ лѣтъ съ Андреемъ, но второй кажется старше его. По внѣшности онъ тоже выдѣляется изъ общаго уровня. Въ средней группѣ онъ учился лучше, чѣмъ когда поступилъ въ старшую. Здѣсь онъ сталъ манкировать, небрежничать и, наконецъ, въ одинъ день не явился въ училище. Спрашиваю — оказывается, не хочетъ идти, залѣнился. Я нѣсколько разъ посылалъ за нимъ и все безуспѣшно.

— Убѣгъ въ огородъ, говорятъ, и затаился...

Наконецъ, онъ прислалъ и книги, и такимъ образомъ, ликвидировалъ свои дѣла со школой. Мнѣ было его жаль, какъ способнаго ученика. Тѣмъ болѣе это было досадно, что я передъ началомъ учебнаго года бралъ его въ числѣ трехъ учениковъ на сельско-образовательную выставку, съ отдѣломъ и по народному образованію, въ нашемъ губернскомъ городѣ В*. Ѣздилъ тогда и Тихонъ.

Какъ урокъ объяснительнаго чтенія, такъ сейчасъ дѣлается ощутительнымъ пробѣлъ въ нашей школѣ по части учебныхъ пособій: у насъ очень ограниченное количество наглядныхъ пособій; только и есть, что глобусъ, магнитъ и картины по св. исторіи, этнографіи и географическія карты, да и то не всѣ. Читаешь, напримѣръ, статью въ средней группѣ по Баранову, ч. II—о „Строеніи человѣческаго тѣла", а наглядно показать этого не на чемъ, кромѣ маленькихъ рисунковъ въ имѣющихся въ нашей библіотечкѣ книжкахъ. Точно также и въ старшей группѣ. Читаемъ статью по III книгѣ Баранова же—„Горная страна", а у ребятъ очень смутное понятіе о горахъ вообще и о горныхъ породахъ, хотя на словахъ стараешься дать имъ понятіе объ этомъ. Я не говорю уже о такихъ недосягаемыхъ предметахъ, какъ электричество, явленіе грозы; это уже прямо объясняешь на вѣру. Кстати о горахъ. Одинъ у меня ученикъ старшей группы

побывалъ съ отцомъ на линіи и видѣлъ издали Кавказскія горы, о чемъ и заявилъ при моемъ объясненіи. Я попросилъ его объяснить, какія онѣ ему показались, передать свое впечатлѣніе. Онъ оживился и разсказалъ:

— Бѣлыя онѣ такія, глядѣть инна больно... Похоже какъ на шапку какую... А бѣлыя, говорятъ, онѣ оттого, что снѣгъ на нихъ лежитъ... Еще говорятъ, верстъ триста до нихъ будетъ, а видать—совсѣмъ близко...

Этого ученика, Прокофія Ѳомина, я тоже отличаю отъ рядовыхъ учениковъ. Онъ уже порядочный по возрасту: ему идетъ 15-й годъ. Скроменъ и старателенъ, любитъ читать и передаетъ прочитанное умѣло, не упуская изъ виду главной мысли. У него интеллигентное лицо: нѣсколько мечтательные сѣрые глаза, тонкій продолговатый носъ и свѣтлые, слегка вьющіеся волосы. Въ прошломъ году, чуть не въ срединѣ учебнаго года, отецъ взялъ его изъ средней группы, почему, посаженный мною въ началѣ нынѣшняго года въ старшую, онъ не совсѣмъ перевариваетъ матеріалъ по ариѳметикѣ и русскому безъ достаточнаго усвоенія проходимаго въ средней. Отецъ взялъ его потому, что былъ онъ нуженъ дома: ходили на линію на заработки. Живетъ онъ на дальнемъ концѣ села, версты за 2 отъ школы, такъ что концы ему приходится дѣлать порядочные. Ничего, когда погода хорошая, но когда сильные холода, какъ теперь, или ростепель, вьюга, тогда плохо. Придется въ весеннюю распутицу оставлять такихъ при училищѣ, хотя у насъ общежитія не полагается, и это нѣсколько стѣсняетъ, конечно.

У среднихъ не совсѣмъ спокойно: хихиканье и возня. Слышится это съ задней парты, гдѣ сидятъ „отпѣтые". Надоѣло имъ списывать задачки у другихъ; всѣ шеи, поди, повывернули, вытягивая ихъ по направленію сосѣднихъ партъ. Я сначала дѣлаю видъ, что не замѣчаю, а самъ высматриваю, въ чемъ дѣло. Вотъ и средняя парта, на которой сидитъ Василій Тиняковъ, всегда готовый поддержать всякую шалость, тоже заволновалась.

Что же дѣлается на задней партѣ и кто зачинщикъ? Оказывается, рыжій Батищевъ налѣпилъ на лобъ кружокъ изъ бумаги, скорчилъ страшную рожу, которая и безъ того у него рожа, и то прячется, то выныриваетъ такъ изъ-за парты. Отсюда и этотъ заглушенный смѣхъ, и возня за партами. Онъ до того увлекся своею ролью, что и не замѣчаетъ, что я смотрю на него. Василій Тиняковъ—хитрый, шельма,

малый! — за минуту готовый поддерживать рыжаго и еще подбавить чего-нибудь своего, теперь предательски, даже какъ-то сокрушенно, киваетъ мнѣ на него головой: вотъ, дескать, что выдѣлываетъ, что съ нимъ будешь дѣлать! Я подхожу тихонько къ рыжему, и въ самый интересный моментъ, когда онъ, нырнувъ подъ парту, готовъ вынырнуть оттуда во всей красѣ,—хватаю его за руку и вывожу изъ-за парты. Тотъ сейчасъ же измѣняетъ физіономію, прикидываясь вполнѣ невиннымъ, куксится, дѣлая видъ, что хочетъ плакать, и даже выжимаетъ изъ себя нѣсколько слезинокъ; старается свалить все на сосѣдей, Демьяна Колесникова и Леонтія Попова, дескать, они во всемъ виноваты, чуть-ли не приклеили ему бумажку и насильно впихивали и выпирали его изъ-за парты; ну, однимъ словомъ, онъ—полнѣйшая жертва. Обвиняемые, пораженные такимъ неожиданнымъ исходомъ дѣла, сначала даже не знаютъ, что сказать въ свое оправданіе. Глаза ихъ вытаращены и рты раскрыты отъ изумленія.

— Ахъ, ты, Господи!.. Да что же это онъ брешетъ... Да какъ же это?.. Да я... да мы,—оправдывается Демьянъ.

И, наконецъ, они оба, понявъ всю несообразность взводимаго на нихъ обвиненія, усматриваютъ въ немъ только одну смѣшную сторону и смѣются вмѣстѣ со всѣми.

Забавникъ изолируется, т. е. ставится въ уединенный уголъ, носомъ къ стѣнѣ. „Инцидентъ“ исчерпывается. Заканчивается скоро и урокъ.

V.

Утомились и мы, учащіе, утомились замѣтно и ребята. Классная пыль просто дѣлается невозможной для всякаго свѣжаго человѣка, но для нашего брата она уже привычна, хотя надо сказать правду—плохая это привычка. Пыль лѣзетъ въ ротъ, въ носъ, въ глаза и въ уши, забирается во всѣ поры тѣла и прямо-таки затрудняетъ дыханіе. Это не простая земляная пыль, землей и пахнущая. Нѣтъ, это пыль какая-то особенная, мельчайшая, одежная и тѣльная, съ особеннымъ специфическимъ запахомъ. Попробуешь на глазу—грязно, поднесешь платокъ къ носу—тоже, плюнешь—опять слѣды ея. На губахъ у ребятъ и даже у учительницы черныя полосы отъ пыли. Она и свѣтъ въ классѣ превращаетъ въ какой-то сѣрый. Дѣло, между тѣмъ, близится къ вечеру.

Холодъ на дворѣ крѣпнетъ. Холодомъ вѣетъ и у насъ въ классѣ, а въ моей комнатѣ отъ сосѣдства двери уже совсѣмъ холодно. Рѣзкій наружный воздухъ врывается въ двери. Ребята возвращаются со двора посинѣлые, съежившіеся.

— Шапки, шапки надѣвайте! — наказываешь имъ, но изъ нихъ непремѣнно кто-нибудь проберется безъ шапки, иной прямо отъ теплой печки, около которой сидѣлъ. Не въ привычкѣ, вообще, у сельскихъ ребятъ беречься, хоть ты что хочешь! Пятый урокъ начинаю опять съ старшими Это третій мой съ ними урокъ, а съ урокомъ о. Александра— четвертый съ учителемъ. Этотъ третій урокъ я чередую непремѣнно съ старшими и средними. Вчера, напримѣръ, онъ приходился на среднюю группу, а иногда, смотря по обстоятельствамъ, и два дня сряду даешь его въ одной группѣ. Теперь урокъ по русскому языку. Урокъ, сравнительно, легкій, такъ что, принимая во вниманіе порядочное утомленіе ребятъ, онъ не настолько еще труденъ, чтобы плохо усвоялся. Среднимъ я задаю разучивать наизусть стихотвореніе, окончательно выучиваемое уже на дому. Я говорю примѣры и вызываю Степана Нечаева къ доскѣ писать ихъ. Написавши достаточное количество ихъ, Андрей Плутохинъ читаетъ первое предложеніе и производитъ разборъ его, причемъ выясняется сущность новаго слова, затѣмъ читаетъ Куркина и т. д. по порядку. Послѣ этого я обращаю вниманіе учениковъ на разницу въ произношеніи и правописаніи слова и затѣмъ посредствомъ наводящихъ вопросовъ наталкиваю учениковъ на самое правило правописанія этого слова и затѣмъ слѣдуетъ и точное опредѣленіе его. Убѣдившись изъ этихъ отвѣтовъ, что всѣ его поняли, я даю заранѣе приготовленный диктантъ на это правило. Чтеніе-ли, письмо-ли обнаруживаютъ индивидуальныя особенности каждаго. Вотъ, сейчасъ при письмѣ смотрю я на нихъ — и онѣ, эти особенности, какъ на ладони передо мною. Возьму Степана Нечаева. Онъ способный, идетъ недурно по всѣмъ предметамъ и работяга малый, не лѣнтяй. Одно вредитъ ему: излишняя торопливость. Онъ, какъ его называетъ о. Александръ, „торопыга“: начнетъ этакъ бойко, разгонитъ, что называется, а сведетъ хоть и не на нѣтъ, а все же и не на то, что обѣщалъ по началу. Ростомъ онъ здоровый, не по лѣтамъ даже: говоритъ, что ему только тринадцатый годъ. И внѣшность его курьезна, совсѣмъ ужъ не интеллигентна: большіе выпуклые глаза, крошечный широкій носъ и выпятившіяся скулы придаютъ его

лицу что-то инородческое. Еще ихъ общій съ Андреемъ Плутохинымъ недостатокъ: говорятъ тихо, иногда ничего не разберешь. Такихъ тихоголосыхъ у меня не мало; одинъ есть въ средней группѣ — такъ тотъ, мало того, что тихо говоритъ, но еще и ротъ закрываетъ при этомъ. Диктантъ конченъ. Работы просматриваются мною тутъ же на мѣстѣ, что не всегда удается сдѣлать. Понимаешь, конечно, что такой порядокъ удобенъ и для дѣла, и въ смыслѣ экономіи времени вечеромъ: меньше работы за ученическими тетрадями и упражненіями и больше можно посвятить времени на чтеніе и вообще на свои дѣла.

Уже и солнце садится: окна окрашиваются багрянцемъ зимней вечерней зари, глянувшей изъ-за разорвавшихся свинцовыхъ тучъ. Въ классѣ замѣтно темнѣетъ. Дежурный по классу собираетъ тетради и письменныя принадлежности и ставитъ на площадку книжнаго шкафа. Средніе закрываютъ книжки и собираютъ ихъ въ сумки.

— Книжки не будете перемѣнять?—спрашиваютъ ребята.

— Нѣтъ, ребята, подержите у себя до завтра; кстати, завтра будете и разсказывать.

У насъ, если время позволяетъ, а также и силы, положенъ еще сверхкомплектный урокъ, шестой. Онъ состоитъ собственно въ томъ, что ребята передаютъ содержаніе взятыхъ ими для чтенія книжекъ. Иногда этотъ урокъ бываетъ и пятымъ. Это у насъ нововведеніе нынѣшняго учебнаго года. Иниціатива его принадлежитъ училищному совѣту. Школьная библіотека непремѣнно должна исчерпываться учениками и на это будетъ обращаться вниманіе при ревизіяхъ. За то сдѣланы нѣкоторыя исключенія по счисленію и правописанію. Къ концу занятій обыкновенно приходятъ для обмѣна книгъ любители почитать изъ окончившихъ и вообще сельскихъ грамотеевъ. Я уже знаю, что человѣка два пришло и дожидаются въ сторожевской, бесѣдуя съ Димитріемъ. Усталость до того доходитъ, что эта процедура обмѣна становится уже въ тягость. Скорѣе бы кончить и отдохнуть. Читается молитва. Ребята торопливо крестятся, поталкивая другъ друга. Классъ опять оглашается шумомъ и гамомъ, шорохомъ ребячьихъ просаленныхъ полушубковъ.

— Завтра приходить? — спрашиваетъ на ходу Гаврила Батищевъ, постоянно отыскивая какіе-то *свои* праздники.

— А то какже... Какой еще нашелъ завтра праздникъ?..

— Какза: помнисся, бабы говорили...

Ребята хохочутъ.

— Приходить, приходить, никакого праздника нѣтъ...

— А я завтра не приду,—объявляетъ еще одинъ ученикъ.

— Отчего такъ?

— Дома некому... Отецъ съ гречихой ѣдетъ и мать съ нимъ.

Вотъ крѣпкій, какъ сбитень, и розовый Димитрій Должиковъ, не смотря на мое заявленіе насчетъ раздачи книгъ, протискивается впередъ, смѣшно подергиваетъ плечами и своимъ тягучимъ голосомъ проситъ почитать книжечки.

— Дядя проситъ,—говоритъ онъ въ оправданіе своей просьбы.—Дайте „Ночь передъ Рождествомъ".

— Хорошо, обожди...

Выходящая волна моихъ ребятъ встрѣчается съ отпущенными тоже младшими. Въ дверяхъ происходитъ заминка.

— Проходите, проходите, ребята!—взываетъ Димитрій, возвышаясь среди ребячьей толпы.

— Прощайте, прощайте!—громко выкрикиваютъ ребята, тѣснясь въ дверяхъ.

Нѣкоторыхъ совсѣмъ не узнаешь: укутаны по дѣвичьи платками. Глянешь на нихъ—отворачиваются, стыдно имъ своего убора.

Школа мало-по-малу пустѣетъ и вотъ совсѣмъ опустѣла. Толпа свалила, за исключеніемъ Тихона Колесникова и пришедшихъ за книгами. Книги надо еще выписать и потомъ записать и дать новыхъ. Я удовлетворяю одного, другого и третьяго и остаюсь одинъ. Приходитъ Димитрій и готовитъ къ обѣду. Темнѣетъ болѣе и болѣе. Въ классахъ тишина и безмолвіе. Одинокіе шаги гулко раздаются въ пространствѣ. Какъ странно отзывается эта тишина послѣ царившаго здѣсь недавно шума. Кажется, дрожатъ еще въ пыльномъ воздухѣ звонкіе ребячьи голосишки. Димитрій открываетъ фортки, и рѣзкій вѣтеръ проносится время отъ времени по классамъ, понижая еше болѣе и безъ того низкую температуру.

Сажусь обѣдать. Аппетитъ уже притупился, да и стряпня Димитрія попростыла, чуть тепленькія щи и каша—обычное меню моего обѣда. Скоро простываетъ все въ нашихъ печкахъ, а тутъ еще открывали трубы. Да ужъ и по времени не рано: наши училищные часы перевалили за четыре. Димитрій охаетъ, что съ обѣдомъ онъ нынче сплоховалъ, что онъ у него холодный.

— А въ волость становой пріѣзжалъ, цѣнитъ, говорятъ,

будутъ... Опять недоимщиковъ собирали, въ пожарный сарай позаперли и ключъ мнѣ староста отдалъ. „Блюди", говоритъ, „Митюха, а то самаго запру, ежели что..." Не хотѣлъ я брать, давалъ Устинычу — правленскій сторожъ — тоже не беретъ... Еще я слышалъ, въ волость бумага будто пришла насчетъ милостиваго манихвеста, будто скостка большая недоимщикамъ будетъ,—разсказывалъ мнѣ Димитрій сельскія новости.

Волость напротивъ училища; пожарный сарай, гдѣ вмѣстѣ съ волостными хранятся дрова училищныя, сбоку училища, саженяхъ въ пяти. Въ этотъ-то сарай частенько сгоняются недоимщики. Посидятъ они тамъ съ часъ—ихъ выпустятъ. Оригинальное наказаніе за неплатежъ податей: словно, отсидѣвши и назябшись въ сараѣ, высидитъ недоимку неплательщикъ.

Пообѣдавъ, залегаю на постель и растягиваюсь пластомъ. Тяжелое оцѣпѣненіе сковываетъ члены; въ тягость шевельнуть пальцемъ, повернуться. Въ головѣ—ни одной мысли, абсолютный покой, но какой-то особенный, словно все существо твое пришиблено, оглушено... И сонъ смежаетъ вѣки, тяжелый, безъ сновидѣній. Сквозь дремоту слышно хлопанье сѣнной двери, шорохъ овчинныхъ полушубковъ, покашливанье и, наконецъ, громкое „здравствуйте", обращенное къ Димитрію.

Меня непріятно коробитъ несвоевременный приходъ: только задремлешь, забудешься—вдругъ кто-нибудь придетъ,—послѣ уже и не заснешь.

— Дома учитель?

— Дома. А вамъ что?

— За книжками мы...

Въ комнатѣ совсѣмъ уже темно и холодно. Димитрій приходитъ открывать трубу: хочетъ затапливать мою печь. По спинѣ пробѣгаетъ морозъ. Надо вставать—удовлетворять читателей. Печка растапливается. Разгорающійся огонекъ своимъ блескомъ весело освѣщаетъ прихожую съ замызганнымъ поломъ, дѣлается уютнѣе и теплѣе. Теплѣе становится и на душѣ. Непріязненное чувство противъ пришедшихъ за книгами и нарушившихъ мой кейфъ проходитъ.

— Ну, что же, за книгами пришли?

— Да, было, за книгами... Дайте ужъ еще...

— Что же, прочли всѣ? Понравились?

Изъ трехъ пришедшихъ, которыхъ я знаю: Ѳедора Ѳомина, Василія Халѣева и Ивана Бочарова,—все кончившихъ

школу, выдѣлился одинъ—Ѳедоръ Ѳоминъ, черноволосый, съ простоватымъ лицомъ, парень.

— Вотъ у меня одна дюже аппетитная книжечка „О Сибири и переселенцахъ“, за эту вамъ спасибо великое, а эти такъ-себѣ—басенныя... Дайте вы мнѣ теперь о какихъ-нибудь народахъ и земляхъ иныхъ... нѣтъ ли о китайцахъ, что это за народъ такой, желательно знать... слышалъ я о нихъ много, а читать вотъ не приходилось...

Оказывается, политика проникла и къ намъ въ медвѣжій уголъ: и здѣсь уже знаютъ о японско - китайской войнѣ, толкуютъ о томъ, что Китай проситъ „заступы“ у *насъ*.

Я говорю, что о китайцахъ книжки у насъ нѣтъ, и предлагаю ему разныя примѣнительно къ его вкусу, а любитъ онъ, какъ самъ выражается, о „разныхъ народахъ и государствахъ“, а также и военнаго и духовно-нравственнаго содержанія.

— Ну, дайте мнѣ „Севастопольскіе разсказы“.

— Нѣту, взято.

— Ахъ, грѣхъ какой!.. Вотъ не добьюсь я этой книжки... Вы ужъ, пожалуйста, придержите её, если принесутъ...—Я обѣщаю.

— Ну, изъ „Сельскихъ Бесѣдъ“ какую дайте...

Говоритъ онъ нараспѣвъ, медлительно. Это читатель уже съ опредѣлившимися вкусами, любитъ потолковать о политикѣ и особенностяхъ того или другого народа. Мы иногда разводимъ съ нимъ насчетъ этого антифоніи.

Наконецъ, онъ удовлетворенъ: получилъ „Сельскую Бесѣду“ и о „Японіи и японцахъ“ изъ „Читальни народной школы“.

Остальные два любители беллетристики и „божественнаго“ по постамъ; не прочь проглотить и сказочку, которую,—они дѣлаютъ видъ,—будто берутъ не для себя. Вообще, они чтеніе любятъ всякое, и „басенное“; иныя книги изъ школьной библіотечки перечитываютъ уже по другому разу.

Проводивъ ихъ, велю Димитрію ставить самоваръ, а самъ отправляюсь побродить, подышать свѣжимъ воздухомъ.

— Охъ, студено, не ходите! — совѣтуетъ Димитрій.—Я ходилъ даве въ лавку — такъ за носъ и цапаетъ, терпѣнья просто нѣтъ...

Я, однако, пошелъ. „Цапаетъ“, дѣйствительно. Село погружено въ безмолвіе. Огоньки тускло мигаютъ въ мужиц-

кихъ избахъ, освѣщая свѣжіе сугробы на улицѣ. Тропка отъ школы до дороги ужъ заметена твердымъ, скрипучимъ подъ ногами снѣгомъ; дорога вдоль села—тоже. Я зашагалъ по ней по прямому направленію, куда всегда привыкъ ходить. Рѣзкая заметь неслась на встрѣчу, обдавая лицо жгучимъ мельчайшимъ снѣгомъ. Все было дѣвственно бѣло и... мертвенно. Я миновалъ церковь, прошелъ еще немного и повернулъ назадъ: носъ, уши и все лицо нестерпимо щипало отъ рѣзкаго холода. Жутко было на улицѣ, леденящимъ отчаяніемъ вѣяло отъ этихъ, насквозь промерзшихъ, миніатюрныхъ оконцевъ.

„А что теперь дѣлается въ полѣ и каково-то горюнамъ проѣзжимъ приходится?"—и отъ одной этой мысли холодъ проходилъ по спинѣ. У Тихона тоже мерцаетъ огонекъ. Навѣрное, читаетъ вслухъ. Вокругъ него, вѣроятно, собрались отецъ и мать; можетъ, пришелъ еще кто изъ сосѣдей „послухать" Тихоново чтеніе.

На меня пахнуло пріятнымъ тепломъ, когда я вошелъ въ прихожую школы, озаренную веселымъ свѣтомъ ярко пылающихъ дровъ. Димитрій сидѣлъ противъ печки и помѣшивалъ кочергою прогоравшія дрова. Я вошелъ въ комнату. На столѣ стояла зажженная лампа и кипѣлъ самоваръ. Теперь тутъ было уютно, не то, что утромъ. Осзѣщенная свѣтомъ лампы и согрѣтая тепломъ топящейся печки, съ поющимъ самоваромъ на столѣ, комната выглядѣла теперь совсѣмъ иначе. Заваривъ чай, съ газетой въ рукахъ, я подсѣлъ поближе къ самовару и подъ его звенящія переливчатыя пѣсенки сталъ читать любимую газету. Да, многими пріятными вечерами обязанъ я ей, этой газетѣ, которой, увы, нѣтъ уже теперь. Съ ней я короталъ свое одиночество, и она скрашивала его. Въ мракъ нашихъ заброшенныхъ потемокъ, въ холодъ одиночества несла она, бывало, свѣтъ и тепло...

Живительная теплота разлилась по тѣлу отъ выпитаго стакана чая. Послѣ чаю у насъ съ Димитріемъ литературный вечеръ. Я читаю вслухъ „Мертвыя души", и онъ съ увлеченіемъ слушаетъ и восторгается, а то заразительно хохочетъ. Почитавъ до опредѣленнаго времени, принимаюсь за просмотръ ученическихъ работъ, а Димитрій, помѣшивая уже прогорѣвшія дрова въ печкѣ, долго еще восклицаетъ: „ну, Гоголь, ай да Гоголь!" или повторяетъ слова автора, въ которыхъ онъ описываетъ наружность Собакевича, гдѣ

говорится, что природа немного трудилась надъ ней, какъ надъ обрубкомъ дерева плотникъ, — и снова закатывается смѣхомъ такъ заразительно, что невольно улыбаюсь и я. Наконецъ, закрывъ печную трубу, онъ успокаивается и садится у себя въ сторожевской или сочинять новое стихотвореніе, или читать. Бьетъ десять часовъ. Изъ сторожевской слышится мѣрное похрапыванье Димитрія. Онъ встаетъ рано, часа въ 4, и ему нельзя засиживаться долго.

Надо еще записать уроки въ классный журналъ, приготовиться къ завтрашнимъ урокамъ. Окончивъ и это, занимаюсь своимъ дѣломъ. Одиннадцать. Начинаетъ клонить ко сну. Бужу Димитрія. Онъ вынимаетъ изъ печки разогрѣтый ужинъ, который оказывается горячѣе обѣда. Мы немного еще бесѣдуемъ съ нимъ по поводу прочитаннаго, сельской жизни, житейскихъ дѣлъ и, наконецъ, замолкаемъ. Затворившись въ своихъ комнатахъ, каждый готовится закончить обычный будничный школьный день. Почитавъ еще немного на сонъ грядущій, тушу огонь; глаза смыкаются, книга выпадаетъ изъ рукъ, и сонъ быстро приходитъ. Въ классахъ жуткая тишина; гдѣ-то скребется мышь да вѣтеръ хлопаетъ наружной накладкой.

В. Димитріевъ.

ИЗЪ ФИНСКАГО БЫТА.

I.

Женитьба.

Разсказъ I. Ахо *).

Іохани Ахо (псевдонимъ; настоящая фамилія его Бруфельтъ), небольшую вещь котораго мы предлагаемъ здѣсь вниманію читателей, род. въ 1861 г. въ Лаюплахти (Куопіосск. губ.), гдѣ отецъ его былъ пасторомъ. 11-ти лѣтъ онъ поступилъ въ Куопіосскій лицей, окончивъ который перешелъ въ Гельсингфорсскій университетъ. Но въ университетѣ Бруфельтъ не сдалъ экзамена, слѣдовательно, считается не кончившимъ курса. Онъ былъ занятъ въ то время мыслью посвятить себя всецѣло журналистикѣ. И вотъ въ 1882 г мы встрѣчаемъ Бруфельта въ качествѣ репортера одной извѣстной финской газеты. Черезъ 4 года онъ уже становится во главѣ отдѣльной газеты, а въ 1887 г. приглашается редакторомъ газеты, издаваемой въ его родномъ городѣ Куопіо. Вскорѣ послѣ этого Бруфельтъ получилъ отъ Финляндіи литературную стипендію, которая дала ему возможность познакомиться съ жизнью Западной Европы. Періодъ 1889—1890 г. онъ провелъ въ Парижѣ. Вернувшись изъ заграничнаго путешествія онъ былъ приглашенъ главнымъ редакторомъ въ журналѣ «Päiwälehti», издаваемомъ въ Гельсингфорсѣ, и до настоящаго времени состоитъ въ этой должности. Кромѣ мелкихъ статей, помѣщенныхъ имъ въ газетахъ и журналахъ, Бруфельтъ написалъ нѣсколько большихъ романовъ и повѣстей. Изъ нихъ наиболѣе выдающимися являются: «Жена пастора», «Одинокій» и два сборника литературныхъ эскизовъ, извѣстныхъ въ Финляндіи всѣмъ и каждому и носящихъ заглавіе «Щепки».

Вотъ что разсказалъ однажды старый тальманъ **):

Много свадебъ устроилъ я на своемъ вѣку и много сорочекъ получилъ я въ подарокъ за свои труды. Но никогда мнѣ не доводилось устроить болѣе счастливаго союза, чѣмъ тотъ, какимъ

*) Для болѣе близкаго знакомства съ этимъ талантливѣйшимъ представителемъ финской литературы, редакція имѣетъ въ виду помѣстить въ ближайшемъ нумерѣ его большой разсказъ «Отверженный».

**) Членъ общиннаго совѣта сельской общины.

оказался бракъ кузнеца съ Анной-Лизой Тенгутаръ! Да и то надо сказать, что въ прочихъ случаяхъ, пожалуй, съумѣли бы обойтись безъ меня, но эти двое въ жизнь свою не сошлись бы, если бы я не взялся ихъ поженить!

Онъ всегда былъ очень тихій человѣкъ и довольно неповоротливъ, какъ это часто бываетъ съ кузнецами. Конечно, и ему случалось задумываться, пока нагрѣвалось въ горнѣ желѣзо или когда онъ лѣвой рукой поворачивалъ раскаленную полосу на наковальнѣ, а правая точно сама собою выковывала нѣсколькими ударами молотка вершковые гвозди. Подумывалъ, конечно, и онъ о женитьбѣ, въ особенности, когда жены другихъ кузнецовъ приносили имъ завтракъ, а онъ оставался на одномъ хлѣбѣ, потому что некому было готовить для него. Но ни съ кѣмъ онъ не дѣлился такими размышленіями, а потому изъ этого ничего и не выходило. Между тѣмъ, всякая дѣвушка пошла бы за него съ радостью: человѣкъ онъ былъ хорошій и непьющій; водились у него и кое-какія сбереженія, а главное, работникъ онъ былъ, какихъ мало.

— Почему ты не женишься?—спросилъ я его однажды.

— Оно, конечно,—замялся онъ.—На мысли оно приходить-то приходило... Только все это были одни пустыя размышленія...

— Отчего же ты не взялся за дѣло въ серьезъ?

— Да такъ... Ничего не вышло...

— Ну, на этотъ разъ надо, чтобы вышло что-нибудь путное!—сказалъ я рѣшительно.

— Оно, конечно... Только врядъ-ли какая захочетъ идти за меня!

— Предоставь дѣло мнѣ, такъ скоро самъ увидишь, найдется ли такая, которая за тебя пойдетъ.

— По мнѣ, пожалуй...

— Значитъ, по рукамъ? Смотри же!.. Сейчасъ у меня нѣтъ никого на примѣтѣ; но если ты подождешь недѣльку, до слѣдующаго воскресенья, я что-нибудь придумаю. Согласенъ?

— Дѣлай, какъ знаешь...

Когда въ слѣдующее воскресенье я снова пришелъ къ кузнецу, дѣвушка была у меня уже намѣчена.

— Вотъ что!—удивился онъ, когда я назвалъ дѣвушку, но ничего къ этому не прибавилъ и разспрашивать меня не сталъ.

— А развѣ неладно? Это та самая Анна-Лиза, которая въ прошломъ году служила у управляющаго,—пояснилъ я ему.— Развѣ ты ея не знаешь?

— Какъ не знать! Приходилось иногда видѣть ее, когда она роходила мимо кузницы къ рѣкѣ.

— Что же ты на это скажешь?

— Да пойдетъ ли она?

— Сказано вѣдь было: предоставь это дѣло мнѣ. Развѣ ты раздумалъ?

— Нѣтъ, отчего же... Приходится и впрямь предоставить тебѣ...

Этимъ все было вырѣшено и лишней болтовни у насъ съ нимъ не было.

Случилось это во время покоса. Передъ осенью мнѣ довелось быть на дальнихъ хуторахъ, гдѣ тогда проживала и Анна-Лиза. Была она въ то время безъ мѣста и помѣщалась у своихъ родственниковъ, помогая имъ въ работѣ за столъ и квартиру.

Когда я пріѣхалъ къ нимъ на хуторъ, они, должно быть, угадали, что мнѣ было нужно, потому что позвали они меня сразу въ горницу и тотчасъ же приставили кофейникъ къ огню.

Напились мы кофею, какъ слѣдуетъ. Потомъ всѣ посторонніе ушли, и я остался съ глазу на глазъ съ Анной-Лизой. Само собою разумѣется, я тутъ же и объяснилъ, для чего заѣхалъ.

— Ты только шутишь! — проговорила на это Анна-Лиза и не захотѣла мнѣ вѣрить.

— Нѣтъ, я сказалъ правду—все до единаго слова!—увѣрялъ я ее.—Говори лучше прямо, нравится ли тебѣ мое предложеніе?

— Хорошо ли смѣяться надъ бѣдной сиротой?—уперлась она въ своемъ недовѣріи.

— Говорю тебѣ, это не шутки и не насмѣшки, Анна-Лиза. Ужъ если я взялся за дѣло, стало быть, это не вздоръ! Не будемъ лучше болтать по-пусту и говори, не сходя съ мѣста, сколько ты желаешь получить на сговорѣ? Сама должна понимать, что шутить мнѣ не приходится...

— Да статочное ли это дѣло?..

— Говори, сколько тебѣ? А то еще проще, бери сколько тебѣ нужно... бери сама, смѣло.

И я разложилъ передъ нею на столѣ пятьсотъ марокъ бумажками.

Она поломалась еще немножко, потомъ махнула рукой и взяла со стола пятьдесятъ марокъ.

— Бери всю сотню, иначе не хватитъ!—ободрялъ я ее.

— Нѣтъ... хватитъ.

— Если хватитъ, тѣмъ лучше!

И опять дѣло было вполнѣ вырѣшено.

— Теперь приготовь свое приданое и въ январѣ пріѣзжай въ городъ на ярмарку. Кузнецъ тоже всегда бываетъ на ярмаркѣ.

Тамъ мы выправимъ ваши бумаги да купимъ кстати кольца. А пока прощай!

Съ этимъ я и уѣхалъ съ хутора.

Въ январѣ Анна-Лиза пріѣхала въ городъ на ярмарку, но кузнеца тамъ не оказалось. Тѣмъ не менѣе, мы выправили бумаги, привели все въ порядокъ, и я составилъ заявленіе о брачномъ оглашеніи, подъ которымъ Анна-Лиза поставила свое тавро. При этомъ мы условились, что если кузнецъ не пойдетъ на попятный, оглашеніе состоится на пасху, а свадьбу мы отпразднуемъ около Троицы.

— Зачѣмъ ты не пріѣхалъ въ городъ взглянуть на свою невѣсту?—спросилъ я кузнеца, когда вернулся домой.

— Не пришлось какъ-то...

— Ужъ не хочешь ли ты отступиться отъ сватовства?

— Ну вотъ! Зачѣмъ отступаться?

— Въ такомъ случаѣ, ставь свое тавро на этомъ заявленіи. Она уже свое поставила.

Я вынулъ изъ бумажника бумагу и развернулъ ее передъ нимъ.

— Не лучше ли тебѣ подписаться за меня?—предложилъ онъ.

— Нѣтъ, этого не водится.

Тогда онъ поставилъ свой крестъ рядомъ съ тавромъ Анны-Лизы, а я взялся устроить остальное и своевременно доставилъ бумаги въ пасторатъ.

Кузнецъ, можетъ быть, и раздумывалъ о предстоящемъ ему бракѣ, но остался вѣренъ себѣ и не пріѣхалъ даже въ церковь къ первому оглашенію. Невѣсты онъ все еще не видѣлъ, какъ слѣдовало.

— Отчего ты не пріѣхалъ?—снова напустился я на него.

— Не довелось... Къ тому же, ты самъ сказалъ, что я могу положиться на тебя во всемъ...

Однако, вѣнчаться пришлось-таки ему самому, ужъ отъ этого-то онъ не отвертѣлся! Но раскаяваться ему не пришлось, потому что живутъ они теперь на зависть всѣмъ сосѣдямъ. Свадьбу отпраздновали передъ Троицынымъ днемъ, а уже къ Рождеству мы распивали у него пиво по случаю рожденія первенца, и съ тѣхъ поръ у нихъ рождаются будущіе кузнецы ежегодно.

Но безъ меня ничего бы у нихъ не устроилось, и всѣхъ этихъ ребятъ не было бы на свѣтѣ!

II.

Отецъ въ Америкѣ.

Разсказъ Алкіо.

Авторъ помѣщаемыхъ двухъ разсказовъ Алкіо интересенъ, какъ представитель крестьянской литературы въ Финляндіи. Оставаясь настоящимъ крестьяниномъ-землепашцемъ, онъ занимается литературой въ свободное время и видитъ въ ней одно изъ средствъ для распространенія гуманности и просвѣщенія въ народѣ. Въ рядѣ очерковъ онъ касается самыхъ разнообразныхъ сторонъ народной жизни, стараясь всегда отмѣтить извѣстный недостатокъ этой жизни и необходимость гуманности для его устраненія. Въ нашемъ журналѣ мы постараемся познакомить читателей ближе съ интереснымъ и важнымъ явленіемъ въ финской литературѣ, въ которой создалась цѣлая школа писателей-народниковъ, но не въ русскомъ специфическомъ значеніи слова. Они сами принадлежатъ къ народу, въ рядахъ котораго остаются и для котораго пишутъ. Цѣль ихъ не въ прославленіи народнаго быта, въ назиданіе интеллигенціи, а — въ просвѣщенія этого народа, которому они не противопоставляютъ интеллигенціи, какъ чего-то ему чуждаго, почти враждебнаго, что должно каяться передъ нимъ, смиряться и платить какіе-то «долги». Совершенно напротивъ—они идутъ на встрѣчу финской интеллигенціи, стремясь слить въ одно могучее теченіе — порывы народа къ свѣту и безкорыстныя усилія финской интеллигенціи помочь ему въ этомъ.

Какъ и тысячи другихъ бѣдныхъ хуторянъ, которымъ надоѣло голодать, Микко Вареслахти, въ свою очередь, заразился мечтой перебраться въ Америку. Эта мечта такъ цѣпко засѣла у него въ головѣ, что не давала ему ни минуты покоя, и онъ не переставалъ раздумывать объ Америкѣ въ продолженіе всего января и всего февраля. Онъ уже не могъ раздумывать объ этомъ, какъ обо всемъ другомъ, а размышлялъ съ какимъ-то страданіемъ и точно тосковалъ по Америкѣ. Дѣло въ томъ, что при мысли объ Америкѣ у него являлись надежды на всевозможное счастіе, въ которое на родинѣ онъ изверился.

Сначала эти мечты были его тайной. Но какъ-то, когда его жена горько жаловалась на тяжелыя времена и проговорила въ тоскѣ: «Никогда намъ не вырваться изъ этой нищеты!»—онъ не выдержалъ.

— Небось, вырвемся, если мнѣ удастся весною уѣхать въ Америку!—пробормоталъ онъ.

— Ты, въ Америку?—вскричала она, и въ глазахъ ея вспыхнули огоньки, а все лицо ея освѣтилось радостью. И для нея далекая Америка являлась обѣтованной страной, при мысли о которой пробуждались всякія надежды.

Въ этотъ день она уже больше не жаловалась. Ея уваженіе къ мужу значительно возрасло, и она стала относиться къ нему съ большимъ вниманіемъ, чѣмъ когда-либо.

Весною путешествіе дѣйствительно состоялось. Онъ заложилъ свой хуторъ и полученныхъ денегъ было достаточно на его переселеніе. Жену и дѣтей онъ оставлялъ пока на родинѣ. Впослѣдствіи онъ предполагалъ ихъ выписать къ себѣ въ Америку, если бы не предпочелъ вернуться домой обогатившимся человѣкомъ.

Однако, по мѣрѣ того, какъ день отъѣзда Микко приближался, жена становилась все задумчивѣе и печальнѣе. На вопросы мужа, что съ нею, она ничего опредѣленнаго не отвѣчала, но оставалась видимо чѣмъ-то озабочена.

Наступилъ день отъѣзда. Жена плакала съ утра, не переставая.

— Да не плачь же! — уговаривалъ ее Микко. — Богъ дастъ, разстаемся не надолго.

— Конечно, но...

— Но что?

Она не договорила, а ему показалось, что въ ея опасеніяхъ было какое-то оскорбительное для него подозрѣніе, и потому онъ больше не разспрашивалъ.

Въ самую послѣднюю минуту она бросилась ему на шею и, громко рыдая, проговорила:

— Не забудь меня тамъ... Помни, — на мнѣ остаются дѣти...

— Забыть? Въ умѣ ли ты? Ты напрасно обижаешь меня такими подозрѣніями.

— Нѣтъ, милый Микко, я не хочу тебя обидѣть. Но въ жизни бываетъ столько зла и уберечься бываетъ иногда трудно... а я остаюсь здѣсь одна съ тремя маленькими дѣтьми на шеѣ... Вѣдь хуторъ заложенъ и въ случаѣ чего будетъ отнятъ... Какъ мнѣ не страшиться? Не сердись на меня, отецъ, мое сердце переполнено тревогой!..

Микко хотѣлъ, было, отвѣтить рѣзкимъ словомъ, но жена продолжала плакать у его груди, а возлѣ стояли всхлипывавшія дѣти, и сердце его смягчилось. Потомъ онъ сталъ цѣловать дѣтей, по очереди благословлялъ ихъ и самъ чуть не зарыдалъ...

Господи, Боже мой! Никогда Микко не думалъ, что минута разлуки будетъ такъ тяжела! Если бы теперь кто-нибудь предложилъ ему хоть какую-нибудь работу на родинѣ, никогда бы онъ не уѣхалъ...

Но работы не было, а доходы съ крошечнаго хутора были недостаточны и... оставалось только уѣзжать на поиски счастья.

Онъ уѣхалъ.

Два дня продолжала жена плакать, и сердце ея сжималось отъ самыхъ горькихъ опасеній. Но постепенно слезы высохли и снова явились розовыя мечты о долларахъ. Даже дѣти имѣли понятіе объ этихъ долларахъ и разсказывали другимъ дѣтямъ:

— Отецъ теперь въ Америкѣ и будетъ намъ посылать много долларовъ, на которые можно купить все, что захочешь.

Сначала отъ Микко получались письма очень часто. Отъ времени до времени онъ присылалъ и денегъ, пока еще лишь не большими суммами, но съ обѣщаніемъ скоро прислать гораздо больше.

Однако, проходили года, а настоящаго «американскаго» счастья Микко не находилъ, и письма отъ него становились все рѣже и рѣже, промежутки же между посылками денегъ все длиннѣе. По его словамъ, времена были плохи даже въ Америкѣ; притомъ онъ никакъ не могъ остановиться на выборѣ постояннаго труда, а вдобавокъ довольно долго хворалъ. Впрочемъ, онъ не унывалъ и уговаривалъ жену не терять надежды на скорую перемѣну судьбы къ лучшему.

Но она не ободрялась. Ея исхудѣвшее лицо осунулось и выражало глубокую тоску. Работала она, сколько могла, но силы ей иногда измѣняли, и хлѣба въ домѣ съ каждымъ днемъ становилось меньше.

Прошло уже пять лѣтъ съ отъѣзда Микко. Цѣлыхъ два года не было отъ него писемъ.

Наступила весна.

Вернулись съ далекаго юга ласточки и дѣятельно занялись устройствомъ новыхъ гнѣздъ подъ крышами избъ на хуторѣ. Не переставая таскать травинки и вить свое гнѣздо, онѣ громко щебетали, точно разсказывали игравшимъ на дворѣ дѣтямъ о чудныхъ странахъ полудня, гдѣ зрѣетъ виноградъ и вѣтви фиговыхъ деревьевъ низко склоняются къ землѣ подъ тяжестью созрѣвшихъ плодовъ. Дѣти не могли понять, о чемъ щебетали ласточки, но чувствовали, что это было о чемъ-то прекрасномъ, и невольно всплескивали своими исхудавшими рученками.

— Можетъ быть, эта ласточка видѣла отца?—предположила однажды дѣвочка, средняя по возрасту изъ дѣтей.

— Да, но почемъ это узнать?—отвѣтилъ старшій братъ, а младшій, который совсѣмъ не помнилъ отца, почему-то спросилъ:

— Отецъ былъ очень сильный?

— Еще бы!—съ увѣренностью отвѣтилъ старшій.

— Ахъ, если бы отецъ поскорѣе вернулся!—вскричала дѣвочка, подумавъ.

Но отецъ не возвращался и не давалъ о себѣ никакихъ вѣстей.

Зазеленѣла трава и зацвѣли ягодные кусты въ огородѣ. Мать съ трудомъ перекапывала гряды и вмѣстѣ съ дѣтьми сажала картофель. И всѣ четверо были оживленнѣе: даже лица дѣтей порозовѣли. Въ самомъ воздухѣ лѣтомъ есть точно пища, а пищи они давно уже не получали сколько надо было.

Стало свѣтлѣе на душѣ матери. Лѣтомъ столько красоты въ природѣ, что не вѣрится въ безысходность горя, и невольно оживаютъ надежды... Она вынесла полушубокъ, овчинную шапку, и рукавицы Микко, и все это развѣсила для просушки на заборъ. Когда вернется, пусть увидитъ, что, какъ плохо ни приходилось семьѣ, а его вещи въ сохранности и не поѣдены молью!

Вотъ показался изъ за угла богатый сосѣдъ, давшій Микко деньги подъ залогъ его хутора.

— Ну, получили вы какія-нибудь вѣсти отъ вашего Микко?— спросилъ онъ, останавливаясь у забора.

Бѣдная женщина смутилась. Отвѣтить отрицательно ей казалось неприличнымъ, а солгать не хотѣлось...

— Въ послѣднее время онъ что-то... гм... не пишетъ...

— Экій мошенникъ! Ну, какъ знаете, а если онъ не поторопится разсчитаться со мною, я принужденъ буду продать вашу землишку. Скоро поля ваши не будутъ стоить и гроша, такъ плохо вы ихъ обработываете!

Ея сердце болѣзненно сжалось и точно остановилось биться, такъ страшно ей стало при этой угрозѣ. Она не въ силахъ была даже отвѣтить. Только когда, глядя на нее, сосѣдъ сжалился и обѣщался подождать еще годъ, она въ силахъ была передохнуть.

Пришла осень.

Чаще прежняго плачетъ мать. Въ своей безысходной тоскѣ она стала раздражительна и по временамъ съ болѣзненной горячностью прикрикиваетъ на дѣтей. Въ такія минуты они робко сбиваются въ темномъ углу за печкой и одинъ изъ нихъ шепчетъ:

— А все отъ того, что отецъ не возвращается!

На это замѣчаетъ другой:

— Еще бы онъ вернулся! Вишь, люди говорятъ: у него другая хозяйка.

Дѣти неясно понимаютъ то, что люди говорятъ объ ихъ отцѣ. Но, такъ какъ они видятъ, что мать не перестаетъ плакать, то догадываются, что отецъ поступаетъ очень нехорошо, и что ихъ

мать выбивается изъ силъ. Ясно они сознаютъ только то, что они всегда, всегда бываютъ голодны...

Но отецъ, попрежнему, далеко, и вѣстей отъ него не получается уже никакихъ...

III.

Изъ-за короба.

Разсказъ Алкіо.

Коробъ, который ставится на дровни и въ которомъ возятъ разныя малоцѣнныя сыпучія вещества, всегда бываетъ почти общимъ имуществомъ. Если кто-нибудь смастеритъ себѣ такой коробъ, всѣ сосѣди имъ пользуются безъ церемоній.

У Эллу Картунена былъ коробъ, который стоялъ возлѣ амбара подъ дождемъ и былъ уже довольно плохъ. Однажды, этотъ коробъ заняли сыновья вдовы Пакарайненъ, которымъ надо было свезти что-то въ городъ. Они были порядочные неряхи и по возвращеніи изъ города забыли доставить занятую вещь обратно на хуторъ Картунена, а бросили коробъ у себя на заднемъ дворѣ. Тамъ его увидѣлъ Ленасъ Туппу, который приготовлялъ золу для стекляннаго завода и которому не въ чемъ было доставить золу на заводъ. Онъ попросилъ позволенія воспользоваться коробомъ и обѣщался затѣмъ доставить вещь обратно Эллу Картунену. При этомъ выяснилось, что коробъ провалялся на заднемъ дворѣ болѣе года, за что старуха задала порядочную головомойку своимъ сыновьямъ. Но парни умѣли оправдываться, какъ нельзя лучше, да и Картуненъ ни разу не напомнилъ о своемъ коробѣ, въ которомъ, очевидно, не нуждался... Наконецъ, такъ какъ старый Туппу брался доставить коробъ по принадлежности, стоило ли такъ много о немъ разговаривать?

Туппу возилъ золу всю зиму, а къ веснѣ заболѣлъ и умеръ. Почемъ могла знать овдовѣвшая старуха Туппу, откуда при жизни онъ добылъ свой старый, полусгнившій коробъ, валявшійся возлѣ коровника? Она только разъ и воспользовалась этой вещью, а именно, когда свезла остатки золы на заводъ, чтобы выручить деньги, необходимыя на погребеніе.

Послѣ Туппу остались долги, и заимодавцы потребовали, чтобы все его движимое и недвижимое имущество было продано съ аукціона. Противъ этого нечего было возражать и аукціонъ состоялся въ понедѣльникъ на Ѳоминой недѣлѣ. Между прочимъ, проданъ

былъ и старый коробъ, доставшійся за двадцать пенни скупщику тряпья Меткунену, который, кстати, скупилъ и все имѣвшееся въ домѣ тряпье.

— Меткуненъ ловкачъ!—подшучивали надъ нимъ мужики.— Чтобы не везти свой коробъ порожнемъ, онъ накупитъ товару и поѣдетъ съ полнымъ возомъ.

— Точь-въ-точь такой же коробъ былъ прежде у Картунена,— замѣтилъ одинъ изъ парней.

— Можетъ быть, Туппу купилъ коробъ у Картунена, когда взялся жечь золу?—предположилъ другой и больше о коробѣ не разсуждали.

Меткуненъ починилъ коробъ, придѣлалъ его къ санямъ и сталъ въ немъ возить свой товаръ. Однажды, путешествуя по хуторамъ для закупки тряпья, онъ заѣхалъ къ Картунену.

— Вотъ такъ штука!—сказалъ Эллу, когда вышелъ на дворъ и увидѣлъ возъ тряпичника.—Вѣдь это мой коробъ, Меткуненъ! Откуда ты его взялъ?

— Что такое? Тво-ой? Оботри губы, милый человѣкъ! Если хочешь знать, я купилъ этотъ коробъ на аукціонѣ послѣ Ленаса Туппу и заплатилъ за вещь двадцать пенни наличными деньгами.

— Во всякомъ случаѣ, коробъ мой, и свою собственность я тутъ же у тебя отберу. Никогда въ жизни я не продавалъ короба Туппу... Ей-Богу отберу!

— Вотъ какъ, ты хочешь отобрать у меня коробъ? — разсмѣялся Меткуненъ.—Посмотрѣлъ бы я, какъ ты бы сдѣлалъ это!

— Свою собственность я всегда могу отобрать, гдѣ бы ни увидѣлъ ее!—уперся Картуненъ.—Года три эта вещь пропадала неизвѣстно гдѣ... Но теперь она не уйдетъ отъ меня! Выбирай-ка свое тряпье и отдавай лучше коробъ добромъ.

— Охо! Я честно купилъ вещь на наличныя деньги, въ чемъ могу присягнуть на Евангеліи... Ни за что я не отдамъ коробъ, хоть бы ты... Можешь требовать деньги съ вдовы Туппу.

— Какое мнѣ дѣло до вдовы Туппу? Если у тебя есть дѣла съ нею, самъ ихъ и вѣдай. А я отберу коробъ, вотъ и все!

И Эллу въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ своротить коробъ съ дровней. Но этого Меткуненъ не допустилъ.

— Нѣтъ, милый другъ!—сказалъ онъ насмѣшливо.—Для этого у тебя руки коротки, и короба ты не получишь. Такъ и запиши!

Съ этими словами онъ оттолкнулъ Картунена, вскочилъ въ коробъ и пустилъ лошадь вскачъ, посвистывая и посмѣиваясь себѣ въ бороду.

Картуненъ остался съ носомъ и сильно разозленный остановился у воротъ, провожая возъ тряпичника долгимъ взглядомъ.

— И такъ-то онъ поступаетъ со мною, хотя знаетъ, что я въ своемъ правѣ!—раздумывалъ онъ.—Выходитъ, что Меткуненъ настоящій мошенникъ, который не стыдится оставлять у себя чужую вещь!

Цѣлый вечеръ Картуненъ былъ не въ духѣ, поминалъ чорта при всякомъ случаѣ и старался сообразить, кому онъ одолжилъ коробъ въ послѣдній разъ. Но этого ни онъ, ни кто-либо другой не могли припомнить... Черезъ нѣсколько дней онъ даже сходилъ къ старухѣ Туппу, но и та ничего не могла объяснить. Она только знала, что коробъ давно уже стоялъ у нихъ во дворѣ, и думала, что онъ ихній. На аукціонѣ же распоряжались кредиторы, и имъ же достались всѣ вырученныя деньги. Ея дѣло было сторона, и отвѣчать за коробъ ей не приходилось.

Вернувшись домой, Картуненъ съ горечью разсказалъ о своей неудачѣ батраку.

— Вамъ слѣдовало крѣпче стоять за свое и силой отобрать коробъ у Меткунена!—сказалъ батракъ.

— Гм... Пожалуй, этого не слѣдовало! Но я имѣю право пожаловаться въ сходъ и привлечь обидчика къ суду. Пусть знаетъ, что со мною...

Онъ не договорилъ своей угрозы, но отъ этого она получила лишь еще больше торжественности.

Сказано — сдѣлано. Картуненъ не могъ успокоиться, пока не направился къ немдеману *) Мьелонену. Дорогой онъ съ наслажденіемъ раздумывалъ о томъ, какъ Меткунена будутъ судить за кражу или за укрывательство краденыхъ вещей. Онъ никакъ не могъ припомнить, чему именно подвергался отвѣтчикъ за такія противозаконныя дѣянія, но надѣялся въ точности узнать это отъ опытнаго Мьелонена, который, небось, понаторѣлъ въ законахъ за многіе годы службы по выборамъ.

Однако, Мьелоненъ, когда узналъ всѣ подробности дѣла, только посмѣялся надъ нимъ. «Начать судебное преслѣдованіе изъ-за такого хлама — слыханное ли это дѣло? Нѣтъ, братъ, одумайся лучше и вспомни, что судебныя издержки бываютъ немалыя, а вещь твоя стоитъ всего двадцать пенни!»

— Все это я знаю,—возразилъ Картуненъ. — Но Меткуненъ поступилъ со мною такъ дьявольски несправедливо, что ему не мѣшаетъ поплатиться, а судебныя издержки падутъ вѣдь на него...

*) Въ каждой сельской общинѣ въ Финляндіи бываетъ по два или по нѣскольку выборныхъ немдемановъ, которые принимаютъ жалобы, производятъ нѣкоторыя дознанія и вообще подготовляютъ дѣла сельскаго суда, на засѣданія котораго пріѣзжаетъ особый судья.

— Нѣтъ, послушай, ты затѣваешь глупости... Во всякомъ случаѣ, пусть меня заберетъ сатана, если я возьмусь помогать тебѣ въ этомъ вздорномъ дѣлѣ.

Эллу обидѣлся и ушелъ огорченный.

«Просто смотрѣть тошно, какимъ высокомѣріемъ дьяволъ надѣлилъ Мьелонена! Дѣло вѣдь нешуточное, потому что совершена кража! Ужъ не знакомъ ли онъ съ Меткуненомъ и не тянетъ ли въ его сторону?»

Къ счастью, онъ вспомнилъ, что на послѣднемъ сходѣ вторымъ немдеманомъ былъ выбранъ Адамъ Нетула. Тотъ былъ славный мужикъ, не чета этому гордецу, и во всякомъ случаѣ не успѣлъ еще испортиться. Къ нему можно было обратиться смѣло. А этотъ Мьелоненъ... Да какъ онъ смѣлъ не принять жалобы? Положительно слѣдовало притянуть его самого къ отвѣтственности... Послетѣло бы съ него спеси, если бы его обвинить въ самоуправствѣ!

На слѣдующій день онъ поѣхалъ къ новому немдеману Нетула.

Они были старые друзья, и Адамъ радушно вышелъ къ нему на встрѣчу, самъ привязалъ его лошадь и повелъ въ горницу. гдѣ тотчасъ же предложилъ трубку. Картуненъ даже повеселѣлъ, видя, что служба по выборамъ еще не успѣла повліять на характеръ его друга.

Сначала они такъ дружески разговорились о всякой всячинѣ, что Картуненъ чуть не забылъ о дѣлѣ, по которому пріѣхалъ. Впрочемъ, тѣмъ приличнѣе вышло, когда онъ заговорилъ объ этомъ напослѣдокъ. Онъ даже усмѣхался, когда сказалъ, вспомнивъ о дѣлѣ:

— Кстати, у меня есть къ тебѣ дѣльце, милый другъ. Я долженъ просить тебя предать суду Меткунена за укрывательство краденаго имущества.

— Ого! Неужели?.. Ну, что же дѣлать... бываетъ... Въ чемъ же дѣло?

Картуненъ разсказалъ все, какъ было.

— Дѣло, разумѣется, не въ цѣнѣ короба,—сказалъ онъ въ заключеніе,—но важно то, что онъ пренебрегаетъ справедливостью, да и я обиженъ... Наконецъ, если позволять растаскивать свое имущество, то начнутъ съ мелочей, а тамъ и цѣнное потащатъ. Останешься безо всего.

— Да, да, пожалуй, такъ!—согласился немдеманъ.—Пусть поплатится.

— А во сколько обойдутся ему судебныя издержки?

— Одна марка десять пенни за разборъ дѣла... Свидѣтелей вызывать?

— Еще бы!

Адамъ обѣщался вызвать всѣхъ свидѣтелей, по шестидесяти пенни за каждаго...

Картуненъ потиралъ руки. Не мало приходилось заплатить злодѣю! То-то вотъ! Лучше бы не кочевряжился и добромъ уступилъ коробъ. Было бы не такъ убыточно... Но ужъ если пошелъ на то, что не побоялся обмошенничать самого Картунена въ глаза!.. Ого!..

Меткуненъ поперхнулся, когда ему была вручена повѣстка о явкѣ въ судъ по обвиненію въ укрывательствѣ краденаго имущества. Затѣмъ онъ сталъ клясться и ругаться, какъ язычникъ, а въ заключеніе божиться, что привлечетъ Картунена къ отвѣтственности за клевету и оскорбленіе чести.

— Если хочешь,—предупредительно предложилъ ему ласковый немдеманъ,—я сегодня же вручу повѣстку и Картунену. За однимъ и обдѣлаемъ, разъ ужъ я выѣхалъ по общественнымъ дѣламъ.

Это вполнѣ соотвѣтствовало желаніямъ Меткунена, и онъ тутъ же изготовилъ встрѣчную жалобу, безпрекословно уплативъ впередъ все, что слѣдовало.

Передъ отъѣздомъ, однако, Адамъ вспомнилъ, что долженъ сдѣлать все, что возможно, для примиренія сторонъ, и сталъ уговаривать Меткунена помириться. Но это только хуже озлобило Меткунена.

— Вотъ какъ! Примириться? Нѣтъ, благодарю покорно. Картуненъ узнаетъ, что значитъ законъ и право, за это я тебѣ ручаюсь. Будь я повѣшенъ, если не узнаетъ!

Прошло нѣсколько недѣль и, наконецъ, наступилъ день разбирательства судомъ этого важнаго дѣла. Ожидавшій начала разбирательства народъ толпился на волостномъ дворѣ и отъ нечего дѣлать сталъ примирять тяжущихся.

— Смѣшно судиться изъ за такой дряни! — говорилъ одинъ старикъ.—Да и судья у насъ этого не любитъ. Какъ бы вамъ не влетѣло...

Картуненъ отвѣчалъ, что проситъ за него не безпокоиться. Ему-то ужъ во всякомъ случаѣ опасаться нечего! Въ сущности, онъ вѣдь добивался только справедливости, а ссоры ни съ кѣмъ не затѣвалъ.

Меткуненъ злобно посмѣивался. По его мнѣнію, примиреніе могло легко состояться, если Картуненъ начиналъ трусить. Пусть заплатитъ судебныя издержки и признается, что наклеветалъ по глупости—вотъ и дѣло съ концомъ!

Съ этого ни того, ни другого нельзя было сдвинуть. Наконецъ, наступила очередь дѣла и ихъ позвали въ присутственную комнату. Противники вошли: впереди Картуненъ, позади него Меткуненъ.

— Ну, держись, милый Картуненъ! Тебѣ попадетъ полностью, что слѣдуетъ!—шепнулъ ему тряпичникъ.

— Ахъ ты мошенникъ, мошенникъ, Меткуненъ! — шепотомъ же отвѣтилъ ему истецъ.—Если бы уступилъ краденое добромъ, тебѣ бы не пришлось теперь дрожать передъ судомъ.

Разборъ дѣла, которое всѣ и безъ того знали во всѣхъ подробностяхъ, не затянулся. Свидѣтелей даже не приводили къ присягѣ. Затѣмъ всѣхъ удалили и судьи заперлись для постановленія приговора.

Истецъ и отвѣтчикъ вмѣстѣ съ публикой дожидались въ сѣняхъ.

— Любопытно, на сколько времени упрячутъ нашего тряпичника?—злорадствовалъ Картуненъ.

— Подожди, подожди, Картуненъ. Сейчасъ узнаешь, кто изъ насъ правъ, а кто простой клеветникъ.

Тяжущихся потребовали въ присутствіе для выслушанія приговора. За ними протискались впередъ свидѣтели и любопытные.

Началось чтеніе постановленія: «...а потому судъ постановилъ»,— звучали слова приговора: — «Ильѣ Картунену получить обратно отъ отвѣтчика коробъ, какъ свою несомнѣнную, законную собственность—».

— Слышишь, дружокъ? То-то вотъ, старый плутяга!

«...Но, принимая во вниманіе, что дѣйствіями обоихъ противниковъ руководило преслѣдуемое закономъ сутяжничество, согласно §§ — — — и въ виду — — — постановляется подвергнуть обоихъ пенѣ по двадцати марокъ съ каждаго за злоупотребленіе исковымъ правомъ. Судебныя же издержки раздѣлить между обоими пополамъ...»

— Если еще разъ сунетесь въ судъ съ подобными вздорными дѣлами, пеня будетъ удвоена! — внушительно прибавилъ судья по окончаніи чтенія.

Немдеманы смѣялись; смѣялись и публика, и свидѣтели; самъ судья прикусывалъ губу, чтобы не улыбнуться.

Меткуненъ и Картуненъ въ величайшемъ смущеніи и торопливо выплачивали деньги. Только въ сѣняхъ, нахлобучивая шапки на всклокоченныя головы, они немного опомнились.

Очутившись рядомъ, они переглянулись.

— Ну, если не вышло по моему, такъ не вышло и по твоему!

Съ финскаго В. Фирсовъ.

ЗА АТЛАНТИЧЕСКИМЪ ОКЕАНОМЪ.

ПУТЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ ЛЮДВИГА КРЖИВИЦКАГО.

Переводъ съ польскаго **В. Чепинскаго.**

*(Продолженіе *).*

15 іюня, Буффало.

Я разглядываю обширную и высокую залу. Какъ много здѣсь солнечнаго свѣта, какое обиліе воздуха! На стѣнахъ висятъ картины, на которыхъ изображены сцены изъ жизни дѣтей; по угламъ разставлены маленькіе стулья, куда ни за что не сядетъ семилѣтній мальчуганъ, считая это ниже своего достоинства. Посрединѣ пола вдѣланы два огромныхъ круга, одинъ въ другомъ—по нимъ дѣти становятся въ хороводы. Это комната, служащая для игръ зимою и въ ненастное время. Съ любопытствомъ разсматриваю детали. Мое удивленіе, какъ вижу, приводитъ сопровождающую меня «миссъ» въ нѣсколько ироническое настроеніе, точно она имѣетъ дѣло съ крестьяниномъ, зазѣвавшимся на столичныя диковины. Наконецъ, проводникъ мой, рѣшивъ, что я уже слишкомъ долго изучаю пустое пространство, дѣлаетъ нѣсколько шаговъ по направленію къ двери и открываетъ... стѣну. Въ случаѣ надобности двѣ и три комнаты могутъ образовать одну огромную залу. Передо мною открывается комната такой же величины, съ такимъ же обиліемъ свѣта и воздуха. Рядами разставлены низкіе столики; каждый изъ нихъ окруженъ вѣнцомъ крошечныхъ стульевъ, среди которыхъ высится одинъ большой—для учительницы. Въ другой, въ третьей комнатѣ — то же самое, только стулья повыше. Я нахожусь въ фребелевскомъ саду. Очутился я въ немъ самымъ неожиданнымъ образомъ и совсѣмъ не въ урочный часъ. Проходя мимо и замѣтивъ надпись, я рѣшилъ зайти

*) См. «Міръ Божій», № 1, 1896 г.

въ надеждѣ, что мнѣ не покажутъ дверей, — и нисколько не ошибся насчетъ заморской предупредительности. О нѣтъ, совсѣмъ напротивъ, я даже начинаю жалѣть, что затѣялъ это дѣло. Измученный цѣлымъ днемъ пребыванія на Ніагарѣ, я долженъ теперь разсматривать рисунки и работы дѣтей, слушать изложеніе системы обученія и всякихъ мелочей. Стараюсь—изъ признательности къ моему проводнику—выказать любопытство; «миссъ» принимаетъ это за чистую монету и посвящаетъ меня все въ болѣе и болѣе мелкія подробности. Она разсказываетъ о томъ, какъ школа знакомитъ дѣтей съ окружающимъ ихъ міромъ. Когда урокъ касается судовъ, учительница вмѣстѣ со школой предпринимаетъ экскурсію по озеру и показываетъ дѣтямъ суда. По возвращеніи, дѣти въ теченіе недѣли вырѣзываютъ изъ бумаги, рисуютъ, дѣлаютъ модели того, что видѣли, затѣваютъ игры, подражая дѣйствіямъ команды, поютъ пѣсни, касающіяся мореплаванія. Я просматриваю цѣлые вороха этихъ рисунковъ и моделей; иной разъ требуется довольно много сообразительности, чтобы угадать, что́ именно желалъ изобразить какой-нибудь четырехлѣтній гражданинъ. Преподаваніе перестаетъ быть безконечно скучнымъ разсказомъ о томъ, что у воробья двѣ ноги, а у коровы четыре, что глаза находятся спереди, а хвостъ сзади; ученіе становится въ высшей степени занимательнымъ. Ребенокъ видитъ собственными глазами, и притомъ не на картинкѣ, а въ дѣйствительности, самый простой предметъ извѣстной группы, дѣлаетъ модель его, срисовываетъ и, такимъ образомъ, учится наблюдать жизнь. Потомъ онъ переходитъ къ болѣе сложнымъ предметамъ—отъ простой повозки къ вагону, отъ вагона къ поѣзду. У насъ фребелевская система впадаетъ въ рутину, въ Америкѣ она полна жизни и способна къ развитію.

Школа, которую я осматриваю, занимаетъ цѣлое зданіе, уже во время закладки фундамента его предназначавшееся для этой цѣли. Припоминаются мнѣ наши дѣтскіе сады, гнѣздящіеся въ тѣсныхъ наемныхъ помѣщеніяхъ, куда не проникаетъ солнечный лучъ, который хотя-бы ради шутки заглянулъ туда. Размѣры школы довольно велики: въ ней обучается болѣе сотни дѣтей. Я невольно проявляю изумленіе. «Миссъ» снова улыбается. Очевидно, это пріятно щекочетъ ея патріотическую гордость, и она говоритъ, что посѣщаемое мною фребелевское заведеніе вовсе не одно изъ лучшихъ. Въ Санъ-Франциско есть зданія со стеклянными крышами, чтобы побольше было свѣта и солнца, съ нарочно устроенными цвѣточными клумбами, за которыми заботливо ухаживаютъ, съ открытыми галлереями вокругъ дома, гдѣ

происходятъ уроки въ хорошую погоду. У дѣтей есть въ саду свои грядки; они копаютъ, сѣютъ, полютъ. Да чего только тамъ нѣтъ! Въ другомъ мѣстѣ имѣется нѣчто въ такомъ же родѣ, хотя и съ нѣкоторыми отличіями. А тамъ... но пора прекратить это перечисленіе.

Сумерки уже спустились на землю, когда я, наконецъ, освободился. Я долженъ былъ обѣщать американкѣ осмотрѣть фребелевскую выставку въ Чикаго.

16 іюня, Буффало.

Я обхожу общественныя учрежденія вмѣстѣ съ редакторомъ одного изъ мѣстныхъ польскихъ органовъ печати. Мы были въ зданіи муниципалитета и въ тюрьмѣ, посѣтили и пожарную команду. Меня поражаетъ предупредительность американскихъ властей. Хотя мы пришли въ тюрьму въ такое время, когда, судя по вывѣшенному объявленію, уже никого не впускали, но нѣсколькихъ словъ объясненія было достаточно, чтобы нарушить запрещеніе. Насъ предоставили самимъ себѣ; безъ единой живой души бродили мы по тюремнымъ корридорамъ, заглядывали черезъ рѣшетки въ камеры, входили въ тѣ изъ нихъ, двери которыхъ были открыты; никто не слѣдилъ за нами и, если бы мы хотѣли, то могли бы пробыть тамъ, сколько угодно. Въ пожарномъ депо дежурный съ полчаса водилъ насъ повсюду, объяснялъ намъ механизмъ организаціи, показывалъ орудія. Онъ проявлялъ такую предупредительность по отношенію къ намъ, какая невозможна и даже непонятна въ Европѣ. Замѣтимъ, что онъ не ожидалъ получить отъ насъ «на чай», о чемъ, повидимому, за Атлантическимъ океаномъ не имѣютъ ни малѣйшаго понятія *).

Жены европейской интеллигенціи, выселившейся ради заработка въ Новый Свѣтъ, очень недовольны здѣшними отношеніями. Здѣсь нѣтъ прислуги, и европейская дама сама подметаетъ комнаты, сама возится на кухнѣ! Въ прислуги идетъ здѣсь только новоприбывшая изъ Стараго Свѣта дѣвушка, да и та бросаетъ это дѣло, какъ только ближе познакомится съ условіями, которыя для «барынь» становятся все хуже, по мѣрѣ того, какъ мы подвигаемся далѣе на западъ. Въ Буффало самая низкая плата прислугѣ три доллара (вдвое больше рублей!) въ недѣлю. При-

*) Съ этимъ совпадаютъ показанія и другихъ путешественниковъ. Такъ, г. Витковскій въ книгѣ своей «За океаномъ» расказываетъ, что, прибывъ въ Нью-Іоркъ, онъ далъ носильщику на вокзалѣ, сверхъ указанной платы «5 центовъ, еще на чай. Носильщикъ вернулъ ему добавку со словами: «Оставьте эту европейскую привычку. Я такой же джентльменъ, какъ и вы».

слуга садится за столъ вмѣстѣ съ господами, и рабочій день ея кончается въ шесть часовъ вечера. Вопросъ о прислугѣ—вопросъ «жгучій» среди болѣе убогихъ слоевъ «высшаго» класса. Сливки плутократіи пользуются услугами негровъ: эти существа «болѣе низкой» расы,—надъ которыми, словно проклятіе, тяготѣетъ воспоминаніе о прежнемъ рабствѣ,—могутъ быть устраняемы отъ той фамильярности, на которую въ силу обычая заявляетъ притязанія бѣлая прислуга. Семьи, которыя у насъ, кромѣ кухарки, держатъ еще горничную, здѣсь обходятся безъ той и безъ другой. Поэтому, семья нерѣдко живетъ въ особаго рода отеляхъ, разумѣется, въ тѣхъ случаяхъ, если имѣетъ для этого достаточныя средства. Если же ихъ нѣтъ, то барынѣ приходится работать на кухнѣ. Результатомъ этого является значительное пониженіе гастрономическихъ вкусовъ. Супъ обыкновенно не варится, такъ какъ требуетъ слишкомъ много времени. Обѣдъ приготовляется изъ консервовъ, мяса и рыбы, которые можно получить въ коробкахъ, изъ печенья, овощей. Все это подается заразъ, даже въ томъ случаѣ, когда имѣется пара горячихъ блюдъ, чтобы хозяйкѣ не вставать во время обѣда.

Интеллигенты-эмигранты обоего пола горько жалуются на Америку. Если пріѣзжій рабочій чувствуетъ себя тамъ, какъ въ раю, то интеллигенція крайне недовольна. Американская культура течетъ по широкому руслу, но она выросла изъ народа, и притоки, которые въ нее вливаются, образуются изъ тѣхъ же народныхъ элементовъ. Потребности, обычаи, эстетическіе вкусы значительно отличаются отъ тѣхъ, къ какимъ привыкъ интеллигентный европеецъ, воспитанный въ атмосферѣ привилегій и праздности.

17 іюня, дорогой между Буффало и Чикаго.

Ѣду на самомъ медленномъ поѣздѣ, какой только есть между этими городами, именно на поѣздѣ «эмиграціонномъ», такъ какъ хочу ближе познакомиться съ эмигрантами и разсчитываю встрѣтить среди нихъ земляковъ. Выше я уже говорилъ, какимъ образомъ плутократическое лицемѣріе, прикрываясь маскою общаго равенства создало въ американскомъ поѣздѣ фактическое неравенство. Оно нашло еще и другіе пути для обхода демократической традиціи: завело поѣзда различной скорости, изъ которыхъ каждый носитъ особое названіе и пробѣгаетъ извѣстное разстояніе съ различною быстротою или въ различную пору дня. Разница во времени громадная. Мой поѣздъ, хотя мы ѣдемъ съ невѣдомою у насъ скоростью, будетъ тащиться почти цѣлыя сутки, между тѣмъ какъ знаменитый «Flyer» (летающій), около двухъ

недѣль курсирующій по Гудзоновской линіи, проѣхалъ бы это разстояніе въ десять часовъ. Цѣна зависитъ отъ скорости, быть можетъ, и отъ того, пересѣкаетъ ли поѣздъ извѣстную мѣстность днемъ или ночью и даетъ или не даетъ глазамъ возможность наслаждаться видами. Данью обложено даже удовольствіе, доставляемое природой изъ оконъ вагона. Ничего даромъ!

Дѣлаю новое открытіе. Въ моемъ поѣздѣ даже номинально два класса. Лицемѣріе сбросило съ себя маску и выступило открыто. Пока дѣло касалось американскихъ согражданъ, надо было сохранить хоть внѣшнее приличіе. Но эмигрантская чернь еще не люди! Ихъ загнали въ задніе вагоны, куда забираюсь и я, несмотря на неудовольствіе кондуктора, совѣтующаго мнѣ отправиться въ первый классъ, на который я имѣю право. Одинъ внѣшній видъ этихъ вагоновъ свидѣтельствуетъ о томъ, что это помѣщенія для паріевъ. Вхожу во внутрь вагоновъ. Вмѣсто мягкихъ креселъ—соломенныя сидѣнія, чистота не такая образцовая, кондукторъ не такъ предупредителенъ. Но вся обстановка можетъ быть названа идеальною по сравненію съ нашимъ третьимъ классомъ. Замѣтимъ, цѣна билетовъ гораздо ниже, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ поѣзда, и такіе билеты даются только настоящему переселенцу.

Я нахожусь среди истиннаго вавилонскаго столпотворенія. Итальянцевъ больше всего; грязь на нихъ самихъ и около нихъ поневолѣ представляется проявленіемъ народнаго духа. Нѣсколько нѣмцевъ и скандинавовъ, горсть поляковъ изъ-подъ Августова. Всѣ ѣдутъ въ Чикаго, гдѣ есть у нихъ знакомые; одинъ, восемнадцатилѣтній подростокъ, исповѣдуется передо мною въ своихъ смѣлыхъ планахъ. Онъ хочетъ непремѣнно завѣдывать хозяйственными счетами и отправился въ Америку въ надеждѣ, что его завѣтная мечта осуществится тамъ скорѣе.

Я не въ силахъ оторвать глазъ отъ мѣстности, по которой мы проѣзжаемъ. Во всей полнотѣ развертывается здѣсь роскошь американской природы. Песковъ не видно, трава по поясъ. Отъ времени до времени холмистая мѣстность пересѣкается глубокими оврагами. Пашня явно носитъ на себѣ слѣды того, что плугъ земледѣльца лишь съ очень недавняго времени началъ взрѣзывать эту почву: изъ-подъ покрова хлѣбовъ часто выглядываютъ пни. Въ двухъ часахъ ѣзды отъ Кливеленда начинаются непрерывныя фруктовыя плантаціи. На горизонтѣ нигдѣ не виднѣется деревни: каждый домикъ стоитъ вдали одинъ отъ другого—варварское прошлое не оставило послѣ себя даже внѣшняго скелета прежней общинной солидарности въ видѣ деревенскаго скопленія.

Съ перваго момента своего появленія здѣсь, человѣкъ селился согласно съ принципами частной собственности и согласно съ этими принципами устраивалъ свои жилища. Домики улыбаются намъ среди густой зелени и прелестью своей скорѣе напоминаютъ мнѣ наши виллы, чѣмъ крестьянскія избы. Многочисленность поселеній и близость ихъ другъ къ другу свидѣтельствуютъ, что я нахожусь въ полосѣ мелкаго землевладѣнія. Пытаюсь открыть слѣды мужицкой рутины въ обработкѣ земли. Но изъ оконъ вагона не замѣчаю той шашечной доски хлѣбовъ, какая разстилается передъ глазами въ Старомъ Свѣтѣ. Это свидѣтельствуетъ о большихъ размѣрахъ фермы и о болѣе раціональномъ способѣ веденія хозяйства. Земледѣлецъ еще не трясется здѣсь надъ каждымъ клочкомъ земли, но хлопочетъ о сбереженіи своего труда. Изгородей онъ не заводитъ. Онъ втыкаетъ въ землю колъ, на нѣкоторомъ разстояніи отъ него—другой, верхушки ихъ соединяетъ третьимъ, и т. д.; такимъ образомъ создаются ограды, которыя бѣгутъ зигзагомъ, захватывая значительный участокъ земли. Иногда на лугу пасется десятокъ-другой коровъ, ничѣмъ не напоминающихъ жалкой скотины нашего крестьянина. Въ теченіе шестичасовой ѣзды я одинъ только разъ замѣтилъ человѣка, работающаго въ полѣ. Онъ, кажется, боронилъ, но не ручаюсь. Орудіе было неизвѣстной для меня формы, наверху оно было снабжено сидѣніемъ, на которомъ сидѣлъ земледѣлецъ.

По временамъ попадаются и болѣе крупныя поселенія. Они производятъ впечатлѣніе чего-то незаконченнаго. Улицы всегда широкія, домики низкіе, деревянные, деревьевъ множество; около желѣзнодорожной линіи ожидаетъ электрическій трамвай, вдоль улицы тянутся фонари, формою своею показывающіе, что они черпаютъ свѣтъ изъ того же источника; посреди улицъ—кучи мусору, мостовыхъ не имѣется.

Передъ въѣздомъ въ Кливелендъ намъ пришлось остановиться минуты на двѣ и ждать, чтобы товарный поѣздъ очистилъ путь. Нѣсколько рабочихъ, работавшихъ на желѣзнодорожной линіи, подошли къ переселенческимъ вагонамъ и бросили выглядывавшимъ оттуда людямъ оскорбительное «scabs» (*струпья*, т. е. въ данномъ случаѣ *жалкія, паршивыя существа*). Въ ихъ глазахъ сверкала ненависть.

«Scabs»!—въ этомъ словѣ заключается вся исторія переселенческаго движенія. Переселенецъ—желанный гость для однихъ только обладателей крупныхъ капиталовъ, но для класса наемниковъ онъ предвѣстникъ нищеты. И не потому, чтобы на американской землѣ не хватало для кого-нибудь хлѣба или труда.

Нѣтъ! Земля эта еще далеко не густо заселена и можетъ пріютить не одинъ еще милліонъ людей, потерпѣвшихъ кораблекрушеніе на житейскомъ морѣ. Но эмигрантъ, — какъ, напр., эти грязные итальянцы, которыхъ я въ первую минуту принялъ за банду цыганъ,—человѣкъ съ низкимъ уровнемъ потребностей, и для него минимальная плата еще очень хороша. Гдѣ бы онъ ни появился, онъ вездѣ понижаетъ заработокъ и лишаетъ работы стараго обывателя.

Начинаю жалѣть, что я не въ своемъ вагонѣ. Тамъ яркое освѣщеніе давало бы возможность читать самую мелкую печать, и на удобномъ сидѣніи пріятнѣе было бы работать. Здѣсь же, въ переселенческомъ вагонѣ, съ трудомъ разбираю отдѣльныя слова, небольшія лампы едва разсѣяваютъ ночной мракъ, хотя горятъ ярче, нежели по ту сторону океана. Просматриваю описаніе знаменитаго «Flyer'a», которое раздается даромъ на станціяхъ. Эта небольшая, изящная брошюра, со множествомъ плановъ и рисунковъ, должна, по моему, носить другое названіе, а именно: «Какъ путешествуетъ американская плутократія». Огромныя разстоянія благопріятны для усовершенствованій: поѣзда—это гостинницы на колесахъ, гдѣ къ вашимъ услугамъ кровать, читальня, обѣдъ, даже ванна. Богатство страны проявляется съ такой роскошью, о какой Европа не имѣетъ понятія. Бархатъ и шелкъ, красное дерево и мраморъ—вотъ матеріалы, изъ которыхъ сдѣлана мебель, стѣны покрыты позолотой и рѣзьбой.

«Flyer» разъ въ сутки ходитъ по Гудзоновой линіи, пробѣгая англійскую милю въ 32 секунды! Время—деньги для американскаго плутократа, онъ нуждается въ скорыхъ, удобныхъ и безопасныхъ поѣздахъ и готовъ дорого платить за нихъ. Поѣздъ состоитъ изъ трехъ-четырехъ вагоновъ; на мѣста необходимо записываться заранѣе: локомотиву не придется тащить пустыхъ сидѣній. Даже биржа отчасти перенесена въ поѣздъ: на каждую станцію телеграфная проволока приноситъ извѣстія о курсахъ, а кондукторъ вывѣшиваетъ ихъ въ вагонѣ. Плутократы сообразно съ этимъ высылаютъ свои распоряженія, и не одинъ, можетъ быть, сидя въ вагонѣ, загребаетъ милліоны!

На горизонтѣ показалось солнце. Изъ медленно разсѣявающейся мглы выступаютъ наружу безконечные лучи. Куда ни повернись, вездѣ безпредѣльная поверхность зеленѣющей травы, мѣстами совершенно сухой, мѣстами увлажненной водою. Порой мелькнетъ слѣдъ человѣческихъ рукъ. Человѣкъ является здѣсь лишь въ опредѣленное время года, коситъ траву, приготовляетъ помощью пресса кирпичи изъ сѣна, складываетъ ихъ въ пирамиды и раз-

сылаетъ по желѣзнымъ дорогамъ въ разные уголки американскаго материка. Стало быть, здѣсь мы видимъ земледѣльческое хозяйство, имѣющее дѣло исключительно съ производствомъ сѣна!

Глазъ устремляется въ зеленое море, забывая то, что видитъ въ вагонѣ. Я начинаю оправдывать американцевъ, понимаю теперь, что, можетъ быть, непріятная необходимость заставила ихъ отдѣлить переселенцевъ и предоставить имъ худшія мѣста. Вагонъ буквально превратился въ хлѣвъ! Отъ умывальника по всѣмъ направленіямъ текутъ ручьи, переселенцы льютъ воду на полъ, хотя рукомойникъ стоитъ подъ краномъ. Вокругъ итальянцевъ—кучи мусору. И если бы только одного мусору!..

22 іюня, Чикаго, «city» (т. е. старый городъ).

Улицы безъ конца, невообразимая грязь, закоптѣлые дома, надъ ними воздухъ, пропитанный туманомъ, сажей, пылью, кровавое солнце проглядываетъ, какъ въ туманѣ, даже въ жару—слѣды грязи на улицахъ, немощенные переулки, достойные какого-нибудь Цѣханова (мѣстечко въ Польшѣ), ряды многоэтажныхъ казармъ въ серединѣ города, далѣе ряды все уменьшающихся деревянныхъ домиковъ до одноэтажныхъ включительно, тяжелый воздухъ, спирающій дыханіе въ груди — вотъ первое впечатлѣніе, какое произвелъ на меня пресловутый городъ. Живу здѣсь уже съ недѣлю и еще не составилъ лучшаго представленія. Прибавьте къ этому еще не прекращающуюся жару. Словомъ, Чикаго,—по крайней мѣрѣ тѣ его кварталы, которые я до сихъ поръ успѣлъ узнать,—въ высшей степени запущенъ. Возвращаясь поздно вечеромъ домой, ступаю осторожно: досчатыя панели изобилуютъ возвышеніями и углубленіями.

Огромныя разстоянія, улицы, тянущіяся на протяженіи двухъ нашихъ миль, маленькіе деревянные домики. Можно подумать, что кто-то сложилъ въ одну кучу нѣсколько сотенъ мѣстечекъ, вродѣ нашихъ уѣздныхъ городишекъ, только улицы сдѣлалъ правильными и широкими, а также снабдилъ имъ сѣтью телеграфныхъ и телефонныхъ проволокъ. Это сравненіе даетъ самое вѣрное понятіе объ американскихъ городахъ, лежащихъ къ западу.

23-го іюня, Чикаго, выставка.

Съ балюстрады, окружающей крышу главнаго корпуса зданія промышленности и искусства, любуюсь выставкой, которая стелется у моихъ ногъ со своими бѣлыми строеніями, коврами зелени, рощами кустарниковъ, прудами и островками, усѣянная ползающимъ, словно черви, пестрымъ человѣчествомъ. Своимъ оживленіемъ и движеніемъ выставка рѣзко отличается отъ без-

конечной поверхности озера, гладкой, чистой, спокойной. Съ другой стороны разстилается городъ. Ближайшія части его—кварталы зажиточныхъ гражданъ, купающіеся въ зелени,—еще видимы глазу, хотя и окутаны слегка прозрачнымъ саваномъ мглы и пыли; а далѣе все совершенно исчезаетъ въ туманѣ сажи. Однѣ лишь фабричныя трубы выдѣляются изъ этого облака и выпускаютъ еще болѣе темныя облака дыму, которыя мало-помалу расплываются въ окружающей атмосферѣ пыли. Еще далѣе торчатъ какія-то башни, можетъ быть, «дома до небесъ», но въ этомъ я не увѣренъ, такъ какъ теряю способность что-либо различать въ непрозрачномъ воздухѣ. Ужасное зрѣлище! На балюстрадѣ я купаюсь въ морѣ чистаго воздуха и въ незапятнанныхъ ничѣмъ лучахъ солнца, а у ногъ моихъ стелется неизмѣримое и чистое пространство воды озера и цѣлыя площади зелени,—здѣсь всѣ чувства мои возмущаются противъ проклятыхъ гигіеническихъ условій, въ которыхъ стонутъ милліоны человѣческихъ существъ. Жилища безъ свѣта, площади безъ растительности, облака пыли, самые разнообразные скверные запахи. Развѣ нельзя считать города настоящими нарывами на общественномъ тѣлѣ? Я понимаю Рескина, который, руководясь эстетической точкой зрѣнія, бросилъ перчатку всемогуществу современной индустріи. И всетаки—всетаки Чикаго еще идеалъ: въ немъ нѣтъ подвальныхъ жилищъ, люди не гнѣздятся, какъ кролики, въ многоэтажныхъ домахъ, улицы широкія.

Мысль съ отвращеніемъ бѣжитъ отъ картинъ, которыя запятнали чистоту природы, и паритъ надъ всѣмъ, что̀ меня непосредственно окружаетъ. Когда я гуляю внизу, по парку Джаксона, то всегда имѣю дѣло лишь съ частицей Бѣлаго Города *). Цѣлое дробится и теряется въ мелочахъ. Тогда я уподобляюсь эстетическому кроту, умѣющему различать «тонкости», но не способному обнять картины во всей ея цѣльности. Здѣсь, на высотѣ,—если не ошибаюсь,—двухсотъ футовъ, «тонкія» порицанія и восторги, т. е. порицанія и восторги крота, должны казаться до наивности смѣшными. Что̀ тамъ внизу представляется хаотическимъ сборищемъ строеній, то̀ отсюда, сверху, складывается въ гармоническую и явственную мозаику. Какъ все мощное и смѣлое, эта картина вызываетъ въ душѣ зрителя крикъ восторга и приводитъ въ мечтательное настроеніе. Мнѣ чудится, будто я стою передъ наружнымъ скелетомъ отдаленнаго будущаго! Я любуюсь огромными куполами, для созданія которыхъ требовались нѣкогда десятки лѣтъ и нужны были виртуозы строительнаго

*) Кварталъ, гдѣ помѣщалась выставка.

искусства, и которые нынче родятся и выростаютъ въ нѣсколько недѣль. Развѣ не шедевръ и это зданіе, стоя на вершинѣ котораго я даю волю своему воображенію? Чтобы обойти балюстраду кругомъ, мнѣ нужно болѣе десяти минутъ; изъ подъ балюстрады поднимается кверху стеклянная крыша главнаго корпуса, у ногъ моихъ закругляется, понижаясь, поверхность нижняго свода, который, опустившись внизъ, опять поднимается и образуетъ остроконечную крышу, распростертую надъ павильонами. Дядюшка Самъ *) хвалится тѣмъ, что впервые земной шаръ несетъ на своемъ хребтѣ подобное чудовище. Передъ нами новый вѣкъ архитектуры, вѣкъ желѣза, стекла и «штафа» **), и онъ шутя сокрушаетъ традиціонныя формы, насмѣхается надъ архитектоническими трудностями, издѣвается надъ семью чудесами древняго міра. Возбужденная мысль уносится въ будущее, и изъ клочковъ Бѣлаго Города создаетъ поэтическую канву. Земля превратилась въ одно громадное поле, покрытое садами, и на лонѣ его копошится новая человѣческая раса, сильная и здоровая. Она отложила въ сторону нѣкоторыя машины, ибо мышцы жаждутъ физическаго упражненія; люди предпочитаютъ собственноручно сгребать сѣно, нежели пользоваться машинными автоматами. Средь зелени полей и рощъ-садовъ высятся зданія такой же архитектуры, какую мы видимъ въ Бѣломъ Городѣ. Эти громадныя зданія ничто иное, какъ шатры, которые можно разобрать въ нѣсколько дней и перенести при помощи желѣзной дороги въ любое мѣсто, куда переселяется орда цивилизованныхъ кочевниковъ. Плески волнъ озера, поѣзда электрической желѣзной дороги, змѣями извивающіеся на линіи каждую минуту, движущіеся потоки человѣческихъ головъ—все это заставляетъ мысль сочетать далекое будущее съ кочевою жизнью. А среди этихъ ордъ будущаго, перекочевывающихъ со своими шатрами съ полей къ морю или въ горы, будутъ тамъ и сямъ торчать нынѣшніе города, совершенно покинутые, съ нѣсколькими смотрителями, являя собою памятники минувшаго, осѣдлаго прошлаго, точно такъ-же, какъ нынче, на неприступныхъ скалахъ, дремлютъ замки средневѣковыхъ коршуновъ, жестокихъ, хищныхъ, но смѣлыхъ и не торговавшихъ честью.

Одинъ вопросъ всплываетъ изъ глубины на поверхность моря сознательной мысли. Если бы Новалиса или кого-нибудь изъ ро-

*) Прозвище Соединенныхъ Штатовъ, составленное изъ начальныхъ буквъ англійскаго ихъ названія: *U*nited *S*tates—*U*ncle *S*am.

**) Штафъ (staff)—особая смѣсь изъ гипса, аллюминія, глицерина и декстрина, которая накладывается въ видѣ тѣста и, высохнувъ, очень прочна и похожа на мраморъ.

мантиковъ посадить на эту балюстраду, по которой я расхаживаю, неужели и тогда воображеніе ихъ уносилось бы къ средневѣковому разнообразію? И развѣ весь романтизмъ не былъ стономъ натуръ, которыхъ давилъ развивающійся шаблонъ мѣщанскаго филистерства съ его эстетикой «тонкостей»—эстетикой крота, съ его почитаніемъ бюрократической гладкости формы, съ его культомъ такта?...

24 іюня, Чикаго, выставка.

Передо мною движется кресло на колесахъ. Въ немъ растянулась дама и запросто болтаетъ съ юношей, двигающимъ его сзади. На лицѣ юноши выражается умъ и смѣлость; свѣтлоголубая куртка изобличаетъ въ немъ одного изъ служителей выставки, которые зарабатываютъ деньги тѣмъ, что развозятъ посѣтителей въ креслахъ.

Это интересная страничка американскихъ обычаевъ, одна изъ тѣхъ, которыя заставятъ меня, вернувшись на родину, долго еще тосковать по Америкѣ. Когда организовалась служба при подвижныхъ креслахъ, студенты мѣстнаго университета выговорили себѣ первенство въ этомъ дѣлѣ и такимъ образомъ добываютъ средства для дальнѣйшихъ занятій. Труда здѣсь никто не стыдится! Этотъ принципъ процвѣтаетъ въ Соединенныхъ Штатахъ; простой дровосѣкъ, если только у него на плечахъ предпріимчивая голова, можетъ смѣло разсчитывать на высокое положеніе. Нашъ студентъ отвѣтилъ бы пощечиной тому, кто предложилъ бы ему прибѣгнуть къ подобному источнику средствъ къ жизни. Онъ предпочитаетъ, чтобы ножки растанцовавшихся дамъ трудились ради него на благотворительныхъ балахъ; милостыни онъ не стыдится, но трудъ считаетъ ниже своего достоинства...

25 іюня, Чикаго, «State Street.»

Общественная жизнь иногда имѣетъ свои непосредственныя проявленія. Тогда со всею силой и выразительностью выступаютъ наружу свойственныя ей тенденціи. State Street (улица штатовъ) въ полуденное время, когда всего сильнѣе кипитъ дѣловая жизнь, становится воплощеніемъ сущности современнаго общества. Насколько хватаетъ глазъ, вездѣ толкутся людишки, образуя сплошную массу, которая вся цѣликомъ движется; иногда кто-нибудь выскочитъ изъ нея, пробѣжитъ нѣсколько шаговъ по улицѣ и, отыскавъ въ толпѣ мѣсто, гдѣ посвободнѣе, снова тонетъ въ ней.

Эта цѣльность движенія исчезаетъ, когда мы очутимся внутри самого потока. Всякій идетъ по своему, иной спѣшитъ, какъ бѣшеный, другой пытается дать отпоръ уносящему его теченію.

Каждый думаетъ только о себѣ, чужія ноги и платья нисколько его не интересуютъ. Если вы идете медленно, да къ тому-же сохранили въ себѣ капельку вѣжливости, т. е. вниманія къ другимъ, васъ будутъ толкать направо и налѣво, топтать, сбивать съ ногъ. Не ждите извиненія, если кто-нибудь наступитъ вамъ на ногу или толкнетъ васъ локтемъ, ибо, во-первыхъ, извиняться некогда, а во-вторыхъ—ваша, а не его вина, что вы не глядѣли въ оба. И не только ваши ноги, но и ваши часы въ опасности. Береги и тѣ, и другіе! Поэтому каждый смотрить на всѣхъ исподлобья, такъ же какъ и всѣ на него. «Homo homini lupus est» (человѣкъ для человѣка—волкъ)—вотъ принципъ, которымъ управляется человѣческій потокъ на «State Street». Здѣсь осуществилась полная равноправность обоихъ половъ: мужчина не уступитъ женщинѣ, женщина же пусть не ждетъ извинительныхъ объясненій, если мужская нога наступитъ на оборку ея платья. А когда пойдетъ дождь и надъ головами раскидываются зонтики—тогда начинается настоящая битва: дѣйствительнымъ оказывается одно только право сильнаго, кулакъ торжествуетъ, этика, гласящая о солидарности, изгоняется съ проклятіемъ. Собраніе враждебныхъ другъ другу атомовъ—и ничего болѣе! Вотъ въ мелкомъ масштабѣ картина «дѣлового» общества.

27 іюня, Чикаго, City.

Дѣтвора неограниченно властвуетъ надъ улицей. Дерзость еще отъ земли не видныхъ обывателей выше всякаго представленія, на какое способна голова пріѣзжаго. Европейскіе родители, оказавшись обладателями такого бѣснующагося утѣшенія, думали бы, что произвели на свѣтъ висѣльниковъ. Мои знакомые, воспитанные въ Старомъ Свѣтѣ и заброшенные судьбою за Атлантическій океанъ, не щадятъ словъ для выраженія своего негодованія. И однако же изъ этихъ сорви-головъ выростаютъ не висѣльники, а граждане, гораздо болѣе самостоятельные и энергичные, чѣмъ прилизанные и остриженные птенцы нашей части свѣта, привыкшіе къ тому, чтобы ихъ долго держали подъ крылышкомъ опеки. Шестилѣтніе сопляки добываютъ себѣ средства къ жизни продажей газетъ, а двѣнадцатилѣтніе молокососы предпринимаютъ далекія путешествія. Въ сегодняшней газетѣ есть телеграмма объ одномъ подобномъ жителѣ Сѣверной Каролины. Ему захотѣлось видѣть выставку, и онъ пѣшкомъ отправился изъ дому. Только что онъ прибылъ въ одинъ городокъ въ штатѣ Тенесси, пройдя пѣшкомъ 130 миль. Никто его не задержитъ и не отправитъ къ родителямъ.

Нѣсколько примѣровъ шалостей. По вечерамъ, посреди улицъ,— прибавимъ, съ деревянными строеніями, — пылаютъ огромные костры. Это молодое поколѣніе разгоняетъ скуку жизни и устраиваетъ «ауто-да-фе», на которомъ нерѣдко можетъ оказаться букварь, а еще чаще доска, выкраденная изъ панели или изъ стѣны какого-нибудь сарая. Всякій разъ, когда я выхожу за порогъ своего жилища, я могу наблюдать какъ съ троттуара—онъ возвышается фута на два надъ улицей—толпы мальчиковъ и дѣвочекъ карабкаются на фонари и съѣзжаютъ по нимъ внизъ. Къ частымъ развлеченіямъ принадлежитъ еще подкладыванье камней подъ трамваи. Вагонъ съ трескомъ разламываетъ или откидываетъ препятствіе въ сторону, зачинщики же держатся, по возможности, подальше—знаютъ отлично, что могутъ получить отъ кондуктора не особенно пріятную награду; одинъ только трехлѣтній пузырь, пассивный участникъ этой затѣи, стоитъ возлѣ самыхъ рельсовъ, ковыряя въ носу, и съ важнымъ видомъ выслушиваетъ проклятія кондуктора. Иногда молодые обыватели начинаютъ перебрасываться камнями, разумѣется, не заботясь о томъ, что могутъ задѣть по головѣ старшаго соотечественника. Черезъ недѣлю большой праздникъ—четвертое іюля. Дѣтвора Дядюшки Сама торжественно готовится къ нему: на улицахъ и въ переулкахъ ужъ стрѣляютъ петарды, изъ-подъ ногъ прохожаго взвиваются ракеты. Малыши кладутъ взрывчатые капсули на рельсы трамваевъ; разумѣется, кромѣ треска, нѣтъ никакихъ послѣдствій.

2 іюля, Чикаго, выставка.

Очарованный, сижу я среди гула и шума двигающихся машинъ въ отдѣлѣ земледѣлія. Я таковъ же, какъ та толпа, которую вижу передъ предлагаемой рекламой. Люди, говорящіе на разнообразныхъ языкахъ, въ разнообразныхъ одеждахъ, таращатъ глаза на чудеса, которые показываетъ имъ въ окошкѣ Дядюшка Самъ— пружина свертывается, и въ проходѣ одно за другимъ появляются земледѣльческія орудія невѣдомой формы. Я полагаю, если бы нашего крестьянина, проведшаго всю свою жизнь надъ матушкой-землей и котораго отцы и праотцы не вѣдали инаго труда, перенести сюда и сказать ему, что онъ видитъ передъ собою земледѣльческія машины, онъ обидѣлся бы на вертопраха за насмѣшку надъ его простотой. Послѣ продолжительнаго осмотра онъ открылъ бы, наконецъ, нѣсколько извѣстныхъ ему формъ: узналъ бы плугъ или, вѣрнѣе, догадался бы, что данное орудіе должно быть плугомъ, по острію, составляющему самую рутинную часть снаряда,

которымъ человѣкъ рѣжетъ лоно земли. Удивило бы его въ плугѣ нехристей только сидѣніе, поднимающееся кверху. Что̀ бы это могло значить? Неужели подростокъ или, пожалуй, и заморскій крестьянинъ имѣетъ даже такія претензіи, неужели онъ сидитъ на плугѣ и увеличиваетъ своимъ тѣломъ тяжесть для бѣдной скотины? Увы! бываютъ у него и такія прихоти, и, сидя на плугѣ, онъ держитъ еще въ губахъ сигару и читаетъ газету...

Я расхаживаю внутри зданія, на стѣнѣ котораго въ одномъ мѣстѣ замѣчаю надпись: «Желѣзная эпоха въ земледѣліи» и присматриваюсь къ открывающимся передо мною загадкамъ. Для чего служитъ, напр., этотъ рядъ вилокъ, расположенныхъ на подобіе спицъ въ колесѣ телѣги, заходящихъ при своемъ оборотѣ на другія такія же спицы, а эти послѣднія еще на третьи? Или что такое это полотно подъ вращающейся лѣстницей, которое, совершивъ оборотъ, возвращается на прежнее мѣсто? Это невѣдомые для меня предметы съ невѣдомымъ назначеніемъ. А между тѣмъ, значительную часть жизни я провелъ въ деревнѣ, и мнѣ знакомы наши хозяйственныя орудія. Одно мнѣ ясно: американецъ не утруждаетъ своихъ ногъ ходьбой. Почти на каждомъ изъ этихъ мудреныхъ орудій устроено сидѣніе, и это нѣсколько помогаетъ мнѣ разобраться въ незнакомыхъ мнѣ формахъ. Я догадываюсь, что сидѣніе приложено всегда къ орудію, движущемуся по полю, и представляетъ видоизмѣненный серпъ, косу, борону, замѣняетъ руку, разбрасывающую зерна; плуги я исключаю, такъ какъ узнаю ихъ сразу по острію. Гдѣ нѣтъ сидѣній, тамъ передо мною находятся видоизмѣненные цѣпы, вилы и другія родственныя имъ орудія. Проведя эту первую классификаціонную линію, мнѣ уже легче догадаться, къ чему служатъ различные «ребусы». Этимъ я занимаюсь ужъ нѣсколько дней. На помощь мнѣ приходятъ щедро раздаваемые при каждомъ орудіи каталоги съ разноцвѣтными рисунками. Къ рисунку приложено описаніе, какъ пользоваться даннымъ орудіемъ, а также прибавлены рисунки и описаніе того, какими орудіями пользовался человѣкъ въ прошломъ для тѣхъ же цѣлей. Это сопоставленіе американской рутины и европейскаго прогресса даетъ мнѣ ключъ къ пониманію тайнъ, нагроможденныхъ въ зданіи агрономической техники.

При выходѣ замѣчаю родную соху и пару другихъ памятниковъ, которые просуществовали у насъ со временъ легендарнаго потопа. Неужели и ихъ еще употребляютъ? Какое тамъ! Надпись гласитъ, что подобными орудіями обрабатывали землю въ Миссури въ 1840 году. Такъ, стало быть, это экземпляръ изъ музея, остатокъ древности, показываемый, какъ рѣдкость.

3 іюля, вечеромъ, Чикаго, «City».

Толпы людей загородили мнѣ дорогу. Вдоль улицы тянутся, словно змѣи, огромныя пожарныя трубы. Миную еще одну преграду. Во мракѣ ночи неясно выдѣляются чудовища, фыркающія клубами дыма изъ трубъ, а внизу пылающія огнемъ. Одно, другое, пятое.,. Это паровые насосы. Передо мною происходитъ американскій пожаръ!

Пламени не видно. То изъ-за одного, то изъ-за другого дома поднимаются столбы дыма. Внимательнѣе вглядѣвшись, вижу, что они исходятъ изъ паровыхъ машинъ. Наконецъ, замѣчаю цѣлые лѣса лѣстницъ. Огонь, повидимому, успѣли уже потушить. Меня удивляетъ, что я не вижу пожарныхъ, что толпа облѣпила снаружи домъ, въ которомъ начался пожаръ. Въ толпѣ шмыгаютъ мальчишки и—вѣдь мы наканунѣ 4-го іюля—пускаютъ ракеты надъ головами публики, а подъ ноги бросаютъ мелкія взрывчатыя капсюли. Большая ракета брыжжетъ, вертится по землѣ и плюетъ дождемъ искръ, а средь нихъ пляшетъ босоногій бѣсенокъ. Пыхтѣніе паровыхъ насосовъ, взрывы ракетъ, гулъ толпы, давка, свистки—да ужъ не находимся ли мы среди бомбардируемаго города? А!—Полисменъ! Съ удивленіемъ смотрю на эту почтенную фигуру, ибо совсѣмъ забылъ объ ея существованіи. Стоитъ онъ, словно гетманъ съ булавой, и съ флегматическимъ спокойствіемъ поглядываетъ на мальчишку, пляшущаго въ искрахъ ракеты.

4 іюля, Чикаго, «City».

Со вчерашняго вечера я нахожусь словно въ осажденномъ городѣ. Непрерывный гулъ ракетъ продолжался до поздней ночи—я уснулъ подъ его отголоски. Выстрѣлы, словно изъ пушки, разбудили меня въ пять часовъ и съ тѣхъ поръ не прекращались ни на минуту. Вѣдь это день св. Джулая (Юлія), какъ выражается о 4-мъ іюлѣ американецъ «польскаго вѣроисповѣданія». Газеты полны каррикатурами. Дядюшка Самъ, словно сумасшедшій, скачетъ на одной ногѣ, стрѣляетъ изъ револьвера, ракеты лопаются на улицѣ, искры разсыпаются въ воздухѣ. Но больше всего удѣлено мѣста не видному еще отъ земли герою сегодняшняго торжества. Вотъ одна изъ каррикатуръ: девять часовъ утра, огромный ящикъ съ ракетами уже пустъ, а мальчишка пристаетъ со слезами, чтобы дали ему еще. А вотъ другая: гражданинъ-полисменъ стоитъ, вытянувшись во весь ростъ, съ поднятой кверху булавой въ рукѣ, и зорко слѣдитъ, какъ вчера ему было приказано, за ракетами въ узкихъ улицахъ, среди рядовъ деревянныхъ домовъ. Вѣдь онѣ могутъ обратить цѣлый переулокъ въ пылаю

щій костеръ. Стражъ общественнаго порядка отъ усердія таращитъ свои буркалы, а въ это время какой-то пузырь подсовываетъ сзади огромную ракету подъ эту почтенную особу, зажигаетъ фитиль и, не дожидаясь дальнѣйшихъ послѣдствій, улепетываетъ со всѣхъ ногъ. Выводъ: предоставимъ все свободному теченію и упразднимъ стражей, излишнихъ въ странѣ Вашингтоновъ.

Моя хозяйка жалуется мнѣ на свою дѣвочку, которая, даже не позавтракавъ, побѣжала пускать ракеты. Молодымъ поколѣніемъ овладѣло неистовство; кромѣ фейерверковъ, ничего болѣе для него не существуетъ. Ребята толкутся на улицахъ; одинъ малышъ остановился посреди троттуара и машетъ небольшой ракетой, которая орошаетъ прохожихъ обильнымъ дождемъ искръ, другой направилъ ракету побольше прямо на улицу и поджигаетъ ее, ничуть не заботясь о томъ, въ какомъ направленіи произойдетъ взрывъ. Приходится идти осторожно, такъ какъ мальчикъ ни на что не обращаетъ вниманія, даже на своего пріятеля-помощника: одинъ изъ нихъ подноситъ фитиль, другой внимательно всматривается, забывъ, что огонь можетъ опалить ему лицо. Другіе, которые уже успѣли извести всѣ свои запасы и не могутъ выпросить у родителей ни гроша на новыя ракеты, носятся, какъ бѣшеные щенки: гдѣ бы ни шли приготовленія, они мчатся туда во весь опоръ, чтобы быть хотя бы только свидѣтелями. Дорогой захожу къ знакомому врачу. Онъ какъ разъ осматриваетъ девятилѣтняго мальчика, которому товарищъ всадилъ въ лицо нѣсколько зеренъ. Виновникъ этого дѣла ждетъ въ сосѣдней комнатѣ результата операціи и платитъ врачу изъ собственнаго кармана. Сегодня это уже вторая операція! Герой первой прибѣжалъ въ большой тревогѣ, опасаясь, что ему, пожалуй, отрѣжутъ палецъ. Страхъ былъ напрасенъ, а потому мальчикъ съ радостью согласился на небольшую операцію. Только мать была въ претензіи— вѣдь онъ нетолько пустилъ по вѣтру долларъ до полудня, но еще вытащилъ изъ кармана ея второй на врача.

Интересныя это картинки. Онѣ выразительно гласятъ о той свободѣ, какою пользуются здѣсь дѣти.

Опять выхожу на улицу. Гулъ не прекращается. Порой выскакиваетъ на троттуаръ взрослый обыватель и стрѣляетъ изъ ружья, или же высовывается изъ окна рука—и вправду, это женская рука!—и стрѣляетъ вверхъ изъ револьвера. Изъ-подъ трамваевъ раздается непрерывный громъ. И не удивительно: капсули торчатъ на рельсахъ и лопаются съ трескомъ. Виновники нетолько не улепетываютъ, но еще прицѣливаются ракетами въ проѣзжаю-

щихъ. А что еще будетъ вечеромъ, когда ночь опуститъ свой покровъ и распространится мракъ, жаждущій огненныхъ эффектовъ!?

7 іюля. Чикаго, «City».

Вотъ образцы рекламъ на вывѣскахъ: «Магазинъ модъ, величайшій на всемъ земномъ шарѣ»; «Величайшая газета въ мірѣ за два цента». Образцы описаній: «Величайшій и тяжелѣйшій на землѣ кусокъ стали, поднятый на такую высоту, на какую до сихъ поръ еще никогда не поднимали тяжестей». «Фейерверки, какихъ еще міръ не видѣлъ и которые можно пустить на невѣдомую досёлѣ высоту». Если ужъ нѣтъ возможности приплести земной шаръ, то вмѣсто него упоминается штатъ, кварталъ, наконецъ, даже улица. «Нашъ магазинъ самый большой на этой улицѣ».

Американецъ неслыханнымъ образомъ упростилъ эстетику. Она основана для него на высокихъ цифрахъ. Описывая великолѣпіе парка, зданія, моста, всегда начинаютъ съ того, сколько пошло на него кирпичей, дерева, стекла. Американецъ менѣе интересуется внѣшнимъ видомъ, т. е. тѣмъ, на что цѣнитель красоты прежде всего обращаетъ вниманіе; болѣе интереснымъ кажется вопросъ, превзошло-ли данное созданіе руки человѣческой по размѣру своихъ собратій на землѣ? Если нѣтъ, то самая красивая вещь теряетъ очень много, даже утрачиваетъ всю свою прелесть. Думается мнѣ, что Аполлонъ Бельведерскій былъ бы во сто разъ больше оцѣненъ американцемъ, если бы равнялся высотою нью-іоркской статуѣ свободы или былъ бы сдѣланъ изъ какого-нибудь необыкновеннаго матеріала, напр., изъ желѣза, добытаго изъ упавшихъ на землю метеоровъ. Путеводители съ возможною щепетильностью стараются удовлетворить такому артистическому вкусу денежныхъ тузовъ! Раскрываемъ одинъ и наталкиваемся какъ разъ на описаніе отвратительнаго балагана, въ которомъ помѣщается театръ, гостинница и множество конторъ. «Изъ великолѣпныхъ зданій нашего города», читаемъ мы, «*Аудиторія* — самое великолѣпное. Это знаменитѣйшее зданіе на всемъ американскомъ материкѣ: это пріютъ большой оперы, прекраснѣйшей гостинницы мамонтовой величины, мѣстонахожденіе множества конторъ—однимъ словомъ, на всемъ земномъ шарѣ нельзя найти зданія, которое могло бы идти съ ней въ сравненіе. Въ ней воплотилась современная идея архитектуры, какъ въ римскомъ Колизеѣ—идея древняго міра. Чикагскій духъ трепещетъ въ ней и отражается въ ея постройкѣ».

И въ самомъ дѣлѣ, зданіе это—квинтэссенція чикагской эстетики: въ главномъ корпусѣ десять этажей, въ дрянной башнѣ—

шестнадцать, вѣситъ оно 110.000 тоннъ, пошло на него 17 милліоновъ кирпичей, его газо- и водопроводныя трубы имѣютъ 25 миль въ длину, въ немъ насчитывается 10 тысячъ электрическихъ лампъ. Вотъ образецъ мѣстной эстетики!

Это влеченіе къ большимъ размѣрамъ я встрѣчалъ въ Америкѣ повсюду, но въ «величайшемъ изъ продовольственныхъ городовъ»— одно изъ прозвищъ Чикаго — влеченіе это хватило черезъ край. Житель этого города очень любитъ прилагательныя превосходной степени. Гдѣ онъ не можетъ ихъ примѣнить, тамъ предметъ теряетъ въ глазахъ его часть своей цѣнности. Въ стѣнахъ Чикаго столько предметовъ, дѣйствительно величайшихъ въ мірѣ, что у коренныхъ обитателей города зашелъ умъ за разумъ. Они стали оцѣнивать художественность аршиномъ и мѣрой. Вообще, душа «завоевателей міра» (прозвище жителей Чикаго) достойна изученія. Къ сожалѣнію, я не знакомъ ни съ однимъ изъ здѣшнихъ психіатровъ, а то я спросилъ бы его о характерѣ здѣшней «маніи величія»—не отличается ли она тѣми же чертами, какія обнаруживаются на вывѣскахъ. Въ старой части свѣта страдающій маніей величія считаетъ себя папой, королемъ, графомъ, а близь Мичигана, по всей вѣроятности, мнитъ себя крупнѣйшимъ на всемъ земномъ шарѣ банкиромъ или лицомъ, выстроившимъ высочайшую башню. Манія эта существуетъ въ болѣе умѣренной формѣ среди мѣстной плутократіи. Зародыши ея можно усмотрѣть и въ жаргонѣ мѣстной прессы, исповѣдующей эстетику денежныхъ тузовъ и загрязнившей своимъ дыханіемъ дѣльныя фигуры мелкаго мѣщанства прошлаго вѣка: посѣщеніе какого-нибудь чудовища изъ камня она считаетъ чуть ли не дѣломъ, достойнымъ Вашингтона или Франклина. Не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести образецъ здѣшняго газетнаго стиля, когда дѣло касается близкихъ сердцу вещей. «Четвертое іюля — вотъ такъ штука! Это подтвердятъ четверть милліона людей, сердца которыхъ слились въ общемъ торжествѣ. Четверть милліона людей стояло тамъ, гдѣ сотня племенъ, народовъ и королевствъ создала самое грандіозное зрѣлище, какое только когда-либо и гдѣ-либо представлялось глазамъ человѣка; всѣ скажутъ въ одинъ голосъ, что ничего подобнаго не видывали ни на землѣ, ни подъ землею, ни въ какомъ бы то ни было другомъ уголкѣ вселенной (такъ!). День этотъ сравнялся своимъ великолѣпіемъ со всѣми войнами, пышностью—со всякими парадами. Воздвигнутъ былъ патріотическій алтарь, достигающій до самыхъ границъ страны и могущій удовлетворить самыя ненасытныя натуры! Толпы были неисчислимы. Исторія записала болѣе мелкія группы и отмѣтила въ числѣ

событій, какъ чудо по своимъ размѣрамъ. У Александра было меньше полчищъ, когда онъ шелъ покорять востокъ, когорты Ганнибала были лишь небольшимъ отрядомъ... (тутъ воскрешены изъ мертвыхъ Цезарь, Аттила, Карлъ Великій, Крестовые походы, Наполеонъ и множество другихъ). Сборище это станетъ достояніемъ исторіи, какъ показатель для нашей эпохи!»

Забавное преувеличеніе, эстетика выскочки-плутократа, но это тряпки на тѣлѣ дѣльнаго ребенка. Не будемъ забывать этого! Такое самомнѣніе можетъ существовать только при сознаніи собственной силы.

10 іюля, выставка. Зданіе для дѣтей.

Частица американской жизни, перенесенная на выставку! Прислуги не существуетъ. Какъ же, въ такомъ случаѣ, матерямъ уйти изъ дому? Неужели имъ отказаться отъ удовольствія осмотрѣть Бѣлый Городъ? Совсѣмъ нѣтъ! Онѣ берутъ съ собою дѣтей и оставляютъ ихъ въ *Убѣжищѣ*; старшіе будутъ упражнять свои мускулы въ «гимназіумѣ», за младшими будутъ присматривать въ фребелевскомъ саду, а за грудными малютками—въ ясляхъ.

Надписи на дверяхъ сердечно приглашаютъ войти. «Какую воткнешь вѣточку, такое будетъ и дерево!» «Малыя сіи со временемъ выростутъ и сдѣлаются большими міра сего». «Дѣти—надежда страны». «Взрослые суть тѣ же дѣти бо̀льшаго роста». Возвышенныя изрѣченія! Но—осторожность: не будемъ довѣрять словамъ. Эпоха всеобщаго торгашества держится того принципа, что языкъ на то и данъ человѣку, чтобы легче было надувать и дѣлать гешефты. Янки всегда преслѣдуетъ рекламою какую-нибудь цѣль: онъ навострился прикрывать отвратительнѣйшую погоню за барышомъ красивыми словечками. Сверху позолота, внутри грязь!

Kitchen Garden (школа повареннаго искусства). Маленькіе красные стулья, среди нихъ небольшіе столики, нѣсколько десятковъ дѣвушекъ въ бѣлыхъ чепчикахъ на головѣ и въ бѣлыхъ верхнихъ одеждахъ—ужъ не знаю, право, подъ какимъ названіемъ слыветъ этотъ нарядъ въ арсеналѣ костюмовъ нашихъ дамъ. Это школа, которая должна привить дѣвушкамъ добродѣтели прабабушекъ, мало-по-малу исчезающія подъ убійственнымъ дыханіемъ современной техники. То, что прежде являлось само собой, какъ необходимое послѣдствіе тогдашнихъ условій жизни, теперь должно искусственно воспитываться при помощи внушенія и гипнотизма. Вотъ, во что обратился культъ Знича! *). Прибитая досчечка гла-

*) У древнихъ литовцевъ такъ назывался огонь, который поддерживался передъ божествами и служилъ символомъ домашняго очага.

ситъ о цѣляхъ учрежденія. «Школа поваренняго искусства» должна уничтожать отвращеніе къ домашнимъ занятіямъ—вотъ какъ далеко зашло уже развитіе по ту сторону Атлантическаго океана!—и возвысить въ глазахъ женщины ея обязанности, представивъ ихъ молодому уму во всей прелести.

Урокъ только-что начался. Дѣвочки хоромъ поютъ о томъ, что должна дѣлать хозяйка, когда приблизится обѣденное время. По окончаніи пѣнія, нѣсколько дѣвочекъ вышло на середину и принялись накрывать столики. Что можно было бы сдѣлать въ двѣ минуты, на то понадобилось около четверти часа. Одна изъ дѣвочекъ кладетъ ножъ, потомъ отходитъ—нѣтъ, ножъ плохо положенъ, а потому она возвращается и перекладываетъ его. И все-таки онъ положенъ нехорошо, черенокъ лежитъ не такъ, какъ слѣдуетъ. Подходитъ наставница и произноситъ отрывокъ изъ американскаго *savoir vivre* (умѣнье жить). Ахъ, это цѣлая наука! Хотя я какъ нельзя лучше представляю себѣ, что двуногое млекопитающее способно обратить самую простую вещь въ самую сложную, но никогда не думалъ, чтобы нужна была такая масса знанія для того, чтобы накрыть столъ... Наконецъ, совершивъ одно таинство, приступили къ другому. Нѣсколько дѣвочекъ усѣлось за столомъ. Наставница зорко слѣдитъ, какъ бы онѣ не согрѣшили, а то вдругъ онѣ возьмутъ не тотъ ножъ для фруктовъ или неумѣло разложатъ салфетку!

Такая же торжественность проявляется во всякой мелочи: дѣвочки съ пѣснями моютъ полъ, готовятъ обѣдъ. Даже метлы, висящія на стѣнахъ, имѣютъ торжественный видъ—онѣ убраны лентами, словно вербы.

Я здѣсь уже не впервый разъ. Школа въ *Убѣжищѣ дѣтей* представляетъ вѣтвь главнаго заведенія въ Нью-Іоркѣ и попытку пересадить эту вѣтвь на чикагскую почву. Американскіе галантерейные магазины помѣщаютъ въ окнахъ живыхъ манекеновъ, косметическія лавки—живыхъ экземпляровъ съ косами до земли, заведеніе г-на X.—дѣло не въ фамиліи—сняло комнату въ зданіи для дѣтей и ежедневно выставляетъ себя на показъ передъ публикой. Педагогическая реклама! Я знаю уже лица нѣкоторыхъ дѣвушекъ и сразу отличаю ихъ въ толпѣ пріѣзжихъ. Вмѣсто торжественнаго выраженія, замѣчаю на ихъ лицахъ скуку, выдрессированныя маріонетки машинально совершаютъ таинства Знича. Можетъ быть, это куклы, купленныя у родителей и предназначенныя для приманки... Реклама, гипнозъ, терзанія юной души!

Фирма какого-то «Sloyd'a». За столиками толпа дѣтей. Небольшіе станки—въ своемъ родѣ шедевры, такъ что хочется

усѣстся за нихъ и приготовлять модели. Но еще лучше свѣтитъ на дворѣ солнце и манитъ къ себѣ! Поэтому я убѣгаю отъ этой дрессировки и, вмѣстѣ съ тѣмъ, покидаю выставку педагогическаго гешефта. Я предпочитаю облокотиться на балюстрадѣ и сверху разсматривать центральный залъ. Посрединѣ висятъ трапеціи, стоятъ кóзлы, изъ угловъ выглядываютъ гири. Это «гимназіумъ». И здѣсь свила себѣ гнѣздо реклама. Но здѣсь она не убиваетъ юнаго духа внушеніемъ, не лишаетъ дѣтей свободы и воздуха, не напечатлѣваетъ на лицѣ ихъ отвращенія и нетерпѣнія. Мальчики и дѣвочки упражняютъ свои мускулы, одинаково скачутъ черезъ кóзлы, поднимаютъ однѣ и тѣ же гири. Дѣвочки нарядились въ соотвѣтственный костюмъ: талію ихъ облекаетъ голубая матроска, юбка доходитъ только до колѣнъ, изъ-подъ нея виднѣются панталоны, покрывающія ноги и напоминающія турецкіе шаровары. Дѣти выходятъ изъ «гимназіума» съ румянцемъ на лицѣ, съ глубоко дышащими легкими. При видѣ такихъ результатовъ, я забываю о гешефтѣ.

Я люблю смотрѣть на ясли въ окно. Въ комнатѣ находятся дѣти двухъ лѣтъ и моложе. Въ открытыя двери виднѣется мраморная ванна, вдоль стѣны стоятъ шкапы съ цѣлыми грудамя чистаго бѣлья. По серединѣ устроены замкнутыя перила, внутри ихъ устланное пространство; нѣсколько маленькихъ американцевъ учатся ползать на четверинкахъ и знакомятся съ прелестями товарищеской жизни. Подальше огромная качающаяся колыбель усыпляетъ въ своихъ объятіяхъ еще пару грудныхъ младенцевъ. Около стѣнъ разставлены кроватки съ колышущейся подстилкой, прикрытыя пологомъ, который умѣряетъ свѣтъ, но не лишаетъ дѣтскую грудь воздуха. Каждую минуту входитъ то одна, то другая мать, возится нѣкоторое время съ своимъ малюткой, и опять исчезаетъ — идетъ на выставку. Подобіе фаланстера!

Другая комната — это салонъ старшаго поколѣнія, уже переставшаго трудиться надъ изученіемъ того, какъ надо ставить ноги. Вмѣсто колыбелекъ—ряды кроватокъ, опрятныхъ до чрезвычайности. Маленькіе столики и стульчики соотвѣтствуютъ росту гостей, постоянно посѣщающихъ этотъ салонъ. На стѣнахъ картинки, понятныя для трехлѣтняго ума; на полу—кегли, мячи.

И въ той, и въ другой комнатѣ возятся няньки. Дѣло въ томъ, что это заведеніе представляетъ еще и школу для этихъ рядовыхъ педагогической арміи. Отношеніе начальницы къ подчиненнымъ иное, нежели нашихъ содержательницъ фребелевскихъ заведеній къ своимъ боннамъ. Не во всемъ, видно, Америка опередила міръ, и американскіе «boss'ы»—мѣстное названіе принципаловъ—не доросли еще до европейской спеси.

Покидаю убѣжище для дѣтей съ непріятнымъ чувствомъ. Педагогическое искусство выступило здѣсь на показъ во всей своей полнотѣ. Но современные педагогическіе пріемы не достались въ руки людямъ, считающимъ воспитаніе священнодѣйствіемъ! Пріемы эти сдѣлались рычагомъ гешефта! Убѣжище для дѣтей— не святилище; этого придется еще долго ждать. Это педагогическая биржа, торгующая, пустословящая, выхваливающая свой товаръ и помышляющая о наживѣ!

13 іюля, Чикаго, на съѣздѣ фольклористовъ*).

Кабинетная моль остолбенѣла бы отъ ужаса, если бы ей пришлось быть свидѣтельницей такой «профанаціи» науки! Ученые позабыли о своемъ олимпійскомъ величіи и смѣшиваются съ сѣрой толпой профановъ. Сосѣдъ мой, полное ничтожество, достоинство котораго не возрасло отъ переѣзда черезъ Атлантическій океанъ—объ именахъ не станемъ упоминать—трогаетъ меня за плечо, и когда я наклоняюсь къ нему, дѣлаетъ ироническія замѣчанія о «ненаучности» американскихъ конгрессовъ. «Не проведутъ они меня въ другой разъ», грозится онъ и, наконецъ, наскучивъ безсмысленнымъ повтореніемъ одного и того же, переходитъ къ темамъ болѣе веселымъ: въ душѣ Вагнера**) оживаетъ европейскій кавалеръ, замѣчанія объ американскомъ дилеттантствѣ умолкаютъ, ихъ смѣняютъ другія—объ американкахъ.

Да, есть чѣмъ возмущаться мандаринамъ! Въ Европѣ обыкновенно собирается кружокъ десяти или болѣе ученыхъ мужей, окружаетъ себя китайскою стѣной, закрывая двери передъ профанами, и разбираетъ тѣ или другіе вопросы. Разборъ этотъ, обыкновенно, сводится къ вѣжливому выслушиванью доклада коллеги, къ позѣвыванью исподтишка, лишь бы только не замѣтилъ этого докладчикъ, и къ нѣсколькимъ критическимъ замѣчаніямъ приличія ради. Здѣсь, на американскомъ континентѣ, дѣло обстоитъ иначе. Огромная зала, переполненная публикой. Ученые рефераты превратились въ чтенія, съѣздъ сдѣлался рядомъ лекцій. Мы сидимъ на эстрадѣ, словно въ витринахъ выставки. Каждый изъ насъ, по очереди, входитъ на каѳедру, высказываетъ свои взгляды и уходитъ, сопровождаемый рукоплесканіями или, если наскучилъ слушателямъ, нескрываемыми зѣвками. Репортеры срисовываютъ физіономіи и записываютъ содержаніе чтенія, то-же дѣлаетъ кое-кто изъ публики. По окончаніи доклада, то одна, то другая дама подходитъ къ докладчику и проситъ его запи-

*) Т. е. лицъ, занимающихся народной поэзіей.

**) Изъ «Фауста» Гете.

сать свою фамилію въ альбомъ или хоть на вѣерѣ, иногда разспрашиваетъ о деталяхъ или оспариваетъ выводы. «Настоящій театръ!» стонетъ мой сосѣдъ...

Пусть театръ, но несомнѣнно одно,—онъ приноситъ много пользы. Наука сливается съ широкимъ потокомъ жизни, какъ одинъ изъ водоворотовъ этого потока, завоеванія ея становятся общедоступными, обладаніе ею демократизуется. Популярность изложенія не находится въ непримѣримомъ антагонизмѣ съ научностью и не должна обязательно сочетаться съ пустословіемъ.

Чѣмъ ближе узнаю американокъ, тѣмъ больше чувствую къ нимъ симпатіи. Въ данную минуту я думаю о своихъ товаркахъ по съѣзду. Одна изъ нихъ состоитъ предсѣдательницей какого-то общества фольклористовъ, другая совершила путешествіе вглубь Африки и съумѣла держать въ повиновеніи банду въ нѣсколько сотъ негровъ, составлявшихъ ея отрядъ. Въ Европѣ каждая такая женщина сдѣлалась бы невыносимо надменной, чѣмъ-то вродѣ павлина, то и дѣло распускающаго хвостъ. Европейская ученая женщина считаетъ первою своею обязанностью подражать по обезьяньи кабинетной моли, а такъ какъ женскій мозгъ обыкновенно до тонкости воспринимаетъ всякаго рода мелочи—одежду, манеру держать себя, изящество—то женщины доводятъ отраженіе натуры крота патентованной учености до невыносимаго совершенства

Въ товаркахъ моихъ не вижу и слѣда павлиньяго чванства: очевидно, участіе въ съѣздахъ и въ публичныхъ собраніяхъ перестало быть для нихъ рѣдкостью. Можетъ быть, и самый характеръ folklore'а (народной поэзіи), постоянно служащаго ареной дилеттантизма, не даетъ проявляться этому качеству.

Между референтками—нѣсколько молодыхъ «миссъ» изъ отдаленныхъ уголковъ Соединенныхъ Штатовъ, изъ мѣстечекъ вродѣ нашихъ глухихъ медвѣжьихъ уголковъ. Ихъ манера держать себя свидѣтельствуетъ о томъ, что онѣ срослись съ общественною жизнью. Всѣ онѣ смѣло и спокойно высказываютъ свои взгляды. Одна изъ нихъ обращается ко мнѣ съ нѣсколькими замѣчаніями. Она поразительно похожа на одну изъ моихъ варшавскихъ знакомыхъ, особу вполнѣ интеллигентную, но которая въ присутствіи публики прежде всего покраснѣла бы, потомъ нервно разсмѣялась и въ концѣ концовъ утратила бы, пожалуй, способность къ членораздѣльной рѣчи. Американка не краснѣетъ, голосъ ея не дрожитъ нервно. Она читаетъ докладъ такъ, какъ будто чувствуетъ себя въ кругу ближайшихъ друзей.

15 іюля, Чикаго.

Я лучше узнаю Чикаго. Огромный городъ раскинулся на гораздо болѣе обширномъ пространствѣ, нежели Парижъ. Иныя улицы больше десяти англійскихъ миль длиною. Въ нѣдрахъ своихъ Чикаго скрываетъ не одну только грязь и закоптѣлые дома, какъ показалось мнѣ въ первый день. Не знаю, есть ли на свѣтѣ другая такая страна, гдѣ плутократія такъ щепетильно умѣла бы выдѣлять себя изъ среды прочихъ смертныхъ. Ноги трудящагося Михеля (т. е. рабочаго) топчутъ еще мостовую улицы Викторіи и другихъ кварталовъ западнаго Берлина; въ Америкѣ же два народа—плутократія и трудящійся людъ—почти не знаютъ о существованіи другъ друга. Есть люди, прожившіе нѣсколько лѣтъ въ Чикаго и полагающіе, что весь городъ, на всемъ своемъ протяженіи, представляетъ одну мусорную кучу.

Близъ парка Линкольна, вдоль берега Мичигана тянется прелестная мѣстность, освѣжаемая въ лѣтнюю пору вѣтеркомъ съ озера, ежедневно орошаемая фонтанами изъ автоматическихъ насосовъ, изобилующая деревьями и привѣтливыми лужайками. Среди роскошной растительности возвышаются зданія, которыя украли свой стиль изъ всевозможныхъ временъ и мѣстъ и воскресили его здѣсь, въ этой зеленой оправѣ изъ травы. Феодальные замки и средневѣковые готики, мавританскіе дворцы и швейцарскіе домики перемѣшиваются другъ съ другомъ и манятъ къ себѣ взоры своимъ разнообразіемъ. Вотъ резиденціи плутократіи! Асфальтовыя мостовыя, гранитные тротуары, ни одного трамвая, ни одной телѣги, грохочущей по улицѣ, деревенская тишина и свѣжій воздухъ. Ни малѣйшаго слѣда пыли и грязи, ни единой крупинки сажи на стѣнахъ или на лужайкахъ. Только тамъ, вдали, на горизонтѣ виднѣется облако, черное, зловѣщее. Ужъ не ураганъ ли то приближается? Нѣтъ, это атмосфера, висящая надъ Чикаго простыхъ смертныхъ.

Я ужъ разъ говорилъ, что Чикаго производитъ на меня впечатлѣніе сотни сложенныхъ въ одну кучу медвѣжьихъ уголковъ. Теперь долженъ прибавить, что каждый изъ подобныхъ уголковъ имѣетъ свою особую физіономію. Одинъ опочилъ въ пеленахъ тумана сажи, другой купается въ запахѣ колбасныхъ лавокъ и гнойныхъ лужъ. Одинъ кварталъ представляетъ еще настоящую деревню, съ немощеными улицами, съ неотгороженными пространствами, съ хлѣбными полями и огородами позади домиковъ, со скромными вербами вдоль тротуаровъ—символомъ безсилія нашего крестьянина. Въ другихъ мѣстахъ—парки, окруженные вѣнцомъ роскошныхъ виллъ, или отдѣльныя мѣстечки, вродѣ колоніи Пулльмана. Настоящій калейдоскопъ разноцвѣтныхъ маленькихъ городковъ.

18 іюля, Чикаго, въ массонскомъ святилищѣ.

Что бы ни принесло будущее, въ зодчествѣ сохранится имя Чикаго, такъ какъ городъ этотъ вызвалъ къ жизни свою собственную архитектуру: огромныя зданія, съ громоздящимися другъ на друга рядами оконъ. Библейскіе миѳы сохранили для насъ легенды о наказаніи человѣческой гордыни, пытавшейся пробить башней небо. Чикагскіе капиталисты вздумали также осуществить это гордое намѣреніе и выстроили свои «дома до небесъ», которыя верхушками своими издѣваются надъ тучами.

Дороговизна участковъ земли въ торговомъ кварталѣ ужасающая, по нѣскольку тысячъ долларовъ за квадратный футъ. Не имѣя возможности разростаться въ ширину, зданія, подобно соснамъ въ густой чащѣ, тонкими и стройными башнями поднимаются кверху. Что начато было подъ вліяніемъ необходимости, то завершила мода. Какъ только одинъ плутократъ пріобрѣлъ извѣстность тѣмъ, что выстроилъ домъ, высочайшій на всемъ земномъ шарѣ, другой изъ зависти сталъ добиваться пальмы первенства, пока, наконецъ, какъ послѣдній плодъ соревнованія, не возникло массонское святилище въ 20 этажей. Въ иныхъ мѣстахъ въ торговомъ кварталѣ одинъ «домъ до небесъ» помѣстился рядомъ съ другимъ такимъ же домомъ. Останавливаясь на углу улицъ Адамса и Дирборна и направляя свои взоры въ глубину послѣдней, я вижу передъ собою почти исключительно такія современныя «вавилонскія башни». Онѣ нетолько заносчиво громоздятся кверху, но и отличаются довольно значительною толщиною; фасадъ таращитъ на улицу сотни глазъ, изъ которыхъ каждый сверкаетъ золотыми и серебряными надписами. Это вывѣски, выписанныя на стеклѣ. Среди великановъ затесался какой-то карликъ—въ немъ всего лишь семь этажей.

Сижу ужъ не знаю въ которомъ этажѣ, должно быть, въ восьмомъ—въ массонскомъ святилищѣ, на удобной скамейкѣ. Въ этомъ зданіи только сидѣнія вмѣстѣ съ плевальницами деревянныя, все остальное сдѣлано изъ огнеупорнаго матеріала. Лѣса—желѣзные, полъ изъ гранитной мозаики покрываетъ терракотовое тѣло, столбы—желѣзные, лѣстницы изъ того же металла или изъ самаго плохого сорта мрамора. За стѣны цѣпляются стеклянные цвѣты, чашки, колокольчики. Это электрическія лампочки. Четверть зданія занимаетъ рядъ образующихъ полукругъ подъемныхъ машинъ—всего ихъ шестнадцать. Такой экипажъ съ людьми каждую минуту или опускается внизъ, или поднимается наверхъ. Въ немъ человѣкъ жмется къ человѣку—все биткомъ набито. Подъемныя машины работаютъ неустанно.

Вообще, намъ, европейцамъ, трудно даже понять, какую необходи-

мую часть торговыхъ зданій въ Чикаго составляютъ эти снаряды. Лѣстницы являются какъ бы рудиментарными органами. Но архитекторъ еще не вполнѣ сбросилъ съ себя пеленки традиціи. Онъ съумѣлъ выстроить двадцатиэтажный домъ, но лишить его лѣстницъ—нѣтъ, на это у него не хватаетъ смѣлости! Отдыхаю уже съ полчаса, набрасываю замѣтки, подъемныя машины мелькаютъ то въ одномъ, то въ другомъ направленіи, около тысячи людей успѣло уже, пожалуй, подняться и спуститься, но никто еще не взобрался даже на ближайшій этажъ по лѣстницѣ—впрочемъ, виноватъ, теперь какъ разъ поднимается почтальонъ. Лѣстницы оказываются здѣсь настолько ненужными, что въ одномъ зданіи, а именно въ зданіи *Chàmber of Commerce* (палатѣ торговли), владѣлецъ сдѣлалъ наемную плату одинаковой для всѣхъ этажей. Однако, существуетъ все-таки одинъ «домъ до небесъ», устранившій этотъ рудиментарный органъ и окончательно уничтожившій лѣстницы. Изумительная смѣлость! Ибо человѣку гораздо легче сокрушить за собою всѣ мосты, нежели нарушить какую-нибудь мелочь, освященную традиціей... Мраморныя лѣстницы доходятъ только до перваго этажа, а затѣмъ исчезаютъ; подъемныя машины поднимаютъ и спускаютъ входящихъ и выходящихъ дѣльцовъ. Каждая изъ этихъ машинъ сопровождается электрическимъ пульсомъ, показывающимъ вверхъ или внизъ движется экипажъ, и на которомъ этажѣ онъ находится. Шестнадцатиэтажное зданіе безъ лѣстницъ—вотъ послѣднее слово архитектуры большихъ городовъ.

Система подъемныхъ машинъ — это пищеводъ «домовъ до небесъ». Онъ занимаетъ довольно много мѣста въ ихъ организмѣ, почти четвертую часть въ массонскомъ святилищѣ. Все прочее состоитъ изъ каморокъ, предназначенныхъ для различныхъ *offices* (конторъ). Массонское святилище есть огромный пріютъ Мамоны. Можно подумать, что это голубятня зашибателей деньги. Передъ отверстіями пищевода въ каждомъ этажѣ находится площадка, отъ которой бѣгутъ корридоры. Вдоль корридоровъ—двери, снабженныя нумерами: здѣсь помѣстилась контора адвоката, тамъ—контора дантиста, врача. Получается то же впечатлѣніе, что̀ отъ монастыря съ его узкими, длинными корридорами, съ его многочисленными кельями; но отсутствуетъ монастырская тишина. Люди безпрестанно входятъ и выходятъ. Въ открытыя двери въ *office'ахъ* видна роскошная меблировка — одно изъ необходимыхъ условій рекламы. Изъ иныхъ келій доносится смѣхъ, кто-то насвистываетъ арію весьма подозрительнаго характера—дѣти современной Мамоны обыкновенно почитаютъ еще и другую богиню, Veneram vagam.

(Продолженіе слѣдуетъ).

АСТРОФОТОГРАФІЯ НА МОСКОВСКОЙ ОБСЕРВАТОРІИ.

посвящается

Александру Александровичу Назарову.

Почти ровно двадцать пять лѣтъ тому назадъ, и тотъ, кому посвящаются эти строки, и пишущій ихъ готовились къ выпускнымъ экзаменамъ, со своими товарищами, математиками четвертаго курса московскаго университета. Недавно же, Александръ Александровичъ заявилъ мнѣ, что, желая дать осязательное выраженіе своей неизмѣнной признательности родному университету, онъ жертвуетъ извѣстную сумму на улучшеніе обсерваторіи, предоставляя мнѣ полнѣйшую свободу въ томъ, что именно пріобрѣсть или сдѣлать. Такимъ образомъ, обсерваторія обогатилась, *между прочимъ*, и фотографическимъ снарядомъ, краткому описанію котораго посвящена эта статья.

Конечно, ничего не можетъ быть утѣшительнѣе для университета, какъ такая память о немъ, какъ благодарность за теоретическую науку, высказанная послѣ столькихъ лѣтъ сложной. вполнѣ практической дѣятельности; ибо университетъ стоитъ на стражѣ интересовъ чистаго знанія, обязанъ разсѣвать его сѣмена и въ своей тяжелой работѣ поддерживается глубочайшимъ убѣжденіемъ, что какъ только въ обществѣ или въ цѣломъ государствѣ, даже весьма могущественномъ и богатомъ, падаетъ стремленіе къ свѣту и духовному совершенствованію, такъ такое общество и государство неминуемо начинаютъ слабнуть и чахнуть, превращаясь мало-по-малу въ древо, неприносящее плода.

§ 1.

Астрофотографическіе снаряды, т. е. инструменты, служащіе для фотографированія звѣзднаго неба, находятся въ настоящее время въ начальномъ періодѣ своего развитія. Только типъ астрографа, принятаго въ международной работѣ по составленію новой

карты неба, можно считать выработаннымъ и установленнымъ, во всѣхъ же другихъ случаяхъ наблюдатель самъ долженъ обдумать свой снарядъ и приладить его къ намѣченнымъ задачамъ и къ средствамъ, которыми онъ располагаетъ.

Поэтому, получивъ возможность построить для обсерваторіи подобный снарядъ, я составилъ схематическій чертежъ и сумму требованій, которымъ онъ долженъ былъ удовлетворить, и обдумалъ, затѣмъ, выборъ механика, который осуществилъ бы этотъ планъ на самомъ дѣлѣ. При постройкѣ новыхъ аппаратовъ послѣднее обстоятельство имѣетъ важное значеніе, ибо механикъ, обладая необходимою опытностью и искусствомъ, долженъ искренно стараться удовлетворить предъявленнымъ ему требованіямъ и проявить свой конструкторскій талантъ въ тѣсной, предписанной ему рамѣ; у мастеровъ, пользующихся большею или меньшею извѣстностью, такого рода предупредительность встрѣчается далеко не всегда, а у нѣкоторыхъ и совсѣмъ отсутствуетъ.

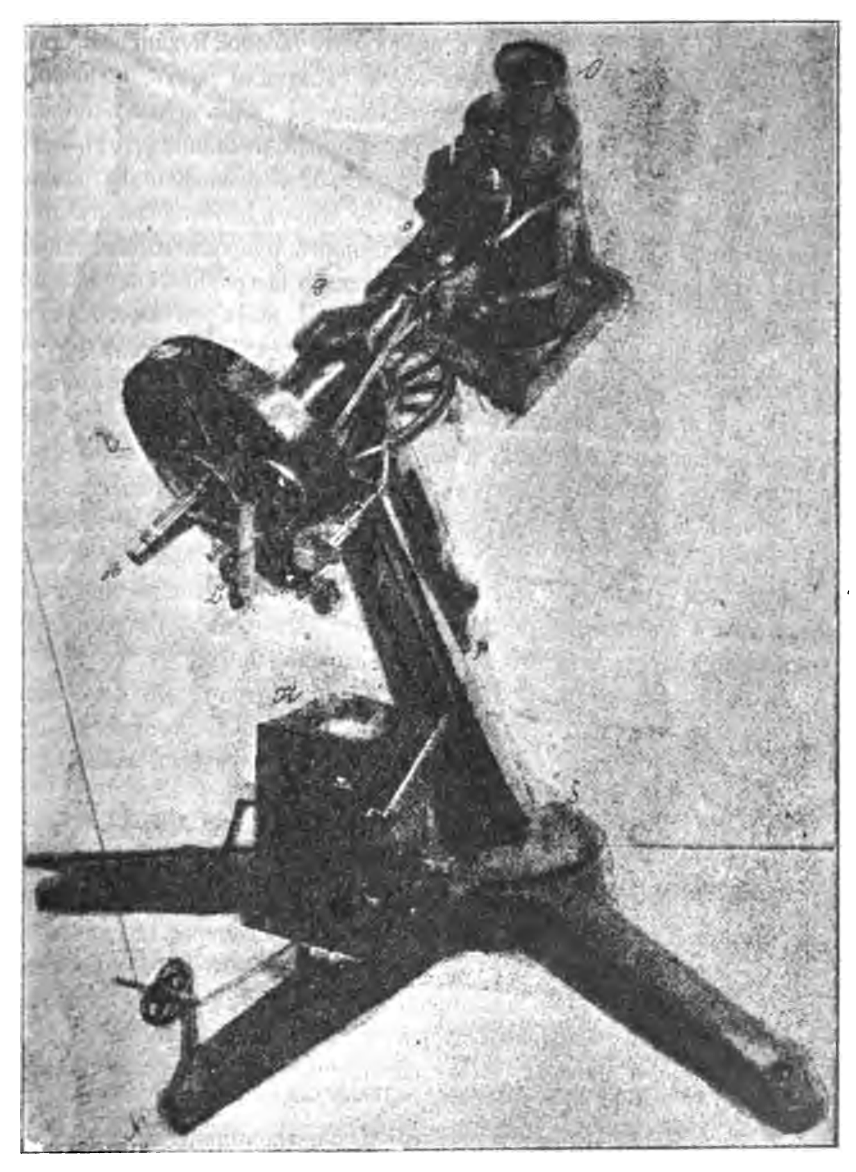
Я обратился къ г. Г. Гейде (G. Heyde) въ Дрезденѣ и, какъ оказалось, выборъ былъ удачный и снарядъ сдѣланъ во всѣхъ отношеніяхъ очень хорошо.

Снарядъ изображенъ на прилагаемомъ рисункѣ. Астрофотографическіе аппараты въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ требуютъ исполненія болѣе тщательнаго, нежели обыкновенные приборы. Прежде всего, они должны быть построены весьма солидно, для устраненія малѣйшихъ гнутій и самыхъ незначительныхъ смѣщеній ихъ частей, при всевозможныхъ положеніяхъ зрительнаго аппарата. И дѣйствительно, какъ видно на чертежѣ, нашъ инструментъ представляетъ нѣчто весьма солидное и основательное.

Тяжелая, наклонная чугунная колонна имѣетъ длину, считая по нижней сторонѣ, равную 115 сантиметрамъ.

Разстояніе *Pp* равно 78 с.м.; линія *Pp* есть первая, такъ называемая, полярная или часовая ось вращенія. Разстояніе *SN* равно 136 с.м. Вторая ось вращенія, ось склоненія, перпендикулярна къ первой. Внутри ея помѣщена зрительная труба съ объективомъ *o* и окуляромъ *A*. Отверстіе объектива равно 75 миллиметрамъ, фокусная длина одному метру, увеличеніе трубы 20 и 100 разъ. Конечно, внутри трубы, сейчасъ за объективомъ, находится довольно большая прямоугольная призма, отражающая лучи, прошедшіе черезъ объективъ по направленію къ окуляру. Это контрольная труба. Въ полѣ зрѣнія ея находится крестъ паутинныхъ нитей, освящаемый ночью масляною лампочкою *L*, подвѣшенною такъ, что при всевозможныхъ положеніяхъ снаряда она остается вертикальною и горѣніе совершается спокойно и правильно.

Фотогрифическій объективъ Штейнгейля *O* имѣетъ свободное отверстіе въ 110 милл. и фокусную длину, равную 639 милл. Желѣзная, конической формы, камера снабжена сзади толстою, скрѣпленною мѣдными наугольниками, рамою краснаго дерева, куда

вдвигаются касетты. Вставленная на свое мѣсто касетта крѣпко прижимается четырьмя довольно толстыми мѣдными винтами; головка одного изъ нихъ видна на чертежѣ. Устройство касетты отличается отъ обыкновеннаго, и стеклянная пластинка внутри ея прижимается

къ своему мѣсту особою досчечкою, распредѣляющею давленіе равномѣрно на всю поверхность стекла. Отсюда понятно, что разъ кассетта вставлена и всѣ винты зажаты, камеру можно ворочать какъ угодно, объективомъ вверхъ или внизъ, фотографическая пластинка ни на волосокъ не сдвинется со своего мѣста.

Въ астрофотографическихъ снарядахъ часовой механизмъ, движущій всю камеру за звѣздами, есть составная часть, имѣющая такую же, если еще не большую важность, какъ и самъ объективъ. На рисункѣ *H* обозначаетъ часовой механизмъ; отъ него идетъ стержень, передающій, посредствомъ безконечнаго винта, движеніе зубчатому часовому кругу *h*. Кругъ этотъ долженъ двигаться очень равномѣрно, совершая одинъ оборотъ въ звѣздныя сутки. Часовые механизмы астрономическихъ снарядовъ снабжаются центробѣжными регуляторами и не могутъ быть съ маятниками, какъ обыкновенные часы, ибо механизмы съ маятниками идутъ скачками. Струна, на которой виситъ гиря часового механизма, идетъ не вверхъ, какъ показано на рисункѣ, снятомъ еще при предварительной установкѣ; а опускается внизъ и гиря находится всегда подъ поломъ башни, въ которой стоитъ инструментъ.

Вблизи окуляра находится тяжелый противовѣсъ *C*, играющій, вмѣстѣ съ тѣмъ, роль опоры для ключей, посредствомъ которыхъ управляется снарядъ. Поворачивая эти ключи, можно привести аппаратъ и въ быстрое, и въ очень медленное, микрометрическое, движеніе, или сдѣлать его совсѣмъ неподвижнымъ.

Особымъ остроуміемъ отличается микрометрическій ключъ по направленію суточнаго движенія, ибо, отнюдь не нарушая хода часовъ, можно подвинуть немного снарядъ впередъ и назадъ, и исправить моментально малѣйшую ошибку часовъ.

Описанный штативъ называется *параллактическимъ*; имъ должны быть снабжены непремѣнно всѣ подобные инструменты. Штативъ строится особо для каждаго мѣста, ибо наклоненіе главной колонны къ горизонту должно равняться географической широтѣ мѣста. Весь снарядъ долженъ быть строго оріентированъ, т. е. поставленъ точно по меридіану. Линія *Pp*, продолженная вверхъ, должна направляться къ полюсу міра, пересѣкая небо близъ Полярной звѣзды; *SN* — совпадать съ полуденною линіей, *S*—къ югу.

Для этого производится особый рядъ астрономическихъ наблюденій, и окончательныя поправки дѣлаются винтами, находящимися на концахъ ножекъ.

Теперь можно представить себѣ совершевно ясно, какъ происходитъ самый процессъ фотографированія.

Камера направляется на часть неба, которую желаютъ снять, часовой механизмъ пускается въ ходъ, выбирается контрольная звѣздочка и ставится на освѣщенный лампочкою крестъ нитей контрольной трубы.

Сколько бы ни продолжалась экспозиція, контрольная звѣздочка должна оставаться все время точно на перекресткѣ паутинныхъ нитей, всякое малѣйшее ея сдвиженіе или, точнѣе, лишь стремленіе сойти съ нитей немедленно исправляется ключемъ. Вотъ для этого постояннаго наблюденія за снарядомъ астрономъ и находится у окуляра трубы все время.

Обычная продолжительность экспозиціи при нашихъ снимкахъ есть *пять часовъ*. Такое значительное время объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что мы впервые получаемъ возможность перенести изысканія въ міръ очень малыхъ звѣздъ, не записанныхъ и не сосчитанныхъ до сихъ поръ, представляющихъ безграничное поле для новыхъ изслѣдованій.

Послѣ пятичасовой экспозиціи звѣздочки десятой величины являютса на нашихъ пластинкахъ рѣзкими и ясными, какъ уколы иглы; снарядъ, значитъ, функціонируетъ безукоризненно и наблюдатель владѣетъ имъ вполнѣ.

Нашъ снарядъ, въ отличіе отъ другихъ, нынѣ употребляемыхъ въ астрономической практикѣ, и для характеристики его формы, я называю *экваторіальною камерою*.

Современный астрономическій инструментъ есть, конечно, механизмъ, не имѣющій себѣ равнаго по точности и тонкости.

Астрономъ никогда не полагается на слово механика, но самъ изслѣдуетъ снарядъ во всѣхъ его частяхъ. Для такого рода изслѣдованій выработанъ теперь цѣлый рядъ остроумнѣйшихъ пріемовъ и способовъ. Въ настоящее время приходится лишь удивляться, какимъ образомъ механики достигаютъ такой поразительной точности. Способы, употребляемые ими, составляютъ, по большей части, если не тайну, то, по крайней мѣрѣ, полутайну, и мы не имѣемъ яснаго представленія о томъ, какъ дѣлятъ свои круги братья Репсольдъ, въ Гамбургѣ, какимъ образомъ въ мастерской Бамберга придаютъ стальнымъ осямъ вращенія необыкновенно точную форму, какъ шлифуетъ свои уровни Рейхель или какіе пріемы употребляютъ мюнхенскіе оптики. Знаемъ только, напр., что поверхности стеколъ фотографическаго объектива Штейнгейля, пока этотъ объективъ находится въ его рукахъ и не вставленъ еще въ оправу, удаляются отъ математически точной шаровой поверхности не болѣе, какъ на одну *стотысячную* долю миллиметра.

Надо прибавить, что въ Германіи правительство сильно содѣйствуетъ разнымъ отраслямъ труда, чему блестящимъ доказательствомъ служитъ, между прочимъ, техническое отдѣленіе великолѣпнаго Физико-Техническаго Государственнаго Института въ Шарлоттенбургѣ, близъ берлинскаго Тиргартена. Въ этомъ учрежденіи трудныя задачи современной физики, требующія сложнѣйшихъ приспособленій, и обыденные вопросы ремесленной, даже кустарной, практики подвергаются точному, систематическому изслѣдованію.

У насъ до сихъ поръ не былъ построенъ ни одинъ точный астрономическій снарядъ, по крайней мѣрѣ механикомъ здѣшнимъ, а не выписаннымъ иностранцемъ. Время ли не пришло еще для этого, или въ суммѣ нашихъ способностей, а можетъ быть, и въ нашемъ характерѣ, чего-то пока недостаетъ—сказать трудно. Одно несомнѣнно: механикъ-художникъ настоящаго времени долженъ соединять въ себѣ серьезное теоретическое знаніе съ огромнымъ терпѣніемъ и упорно преслѣдовать свою задачу много лѣтъ подъ рядъ. Подобная мастерская не достигаетъ даже часто своего полнаго развитія въ первомъ поколѣніи, и одинъ изъ выдающихся нѣмецкихъ механиковъ повторялъ: «главное—имѣть сына».

§ 2.

Пятичасовая экспозиція! Пять часовъ напряженнаго вниманія, часто на сильномъ холодѣ; пять часовъ труда, нерѣдко обращеннаго въ ничто набѣжавшими облаками,—это легче сказать, чѣмъ сдѣлать. Но за то, если все обошлось благополучно, если проявленіе доведено до конца совершенно удачно, и изъ маленькой черной комнатки въ подвалѣ обсерваторіи выходитъ безукоризненный негативъ, то имущество обсерваторіи получило несомнѣнное приращеніе. Это вѣдь не рисуночекъ, не забавная картинка, а портретъ уголка вселенной, портретъ вѣрный, полный интереса и содержанія.

Мы снимаемъ на пластинкахъ 24 × 30 сантиметровъ и ввели этотъ размѣръ потому, что онъ всегда находится въ торговлѣ, хотя астрономическая камера, по своей симметріи, требовала бы квадратной пластинки.

Такъ какъ, при выше данномъ фокусномъ разстояніи фотографическаго объектива, одинъ градусъ на пластинкѣ равенъ 11,16 милл., то нашъ снарядъ даетъ сразу очень большія части неба, хотя на краяхъ пластинки звѣзды выходятъ уже искаженными.

Фотографія даетъ намъ единственное средство видѣть такого рода изображеніе неба. Въ самомъ дѣлѣ, простымъ глазомъ мы

можемъ сразу окинуть значительную часть небосклона, за то видимъ лишь крупныя, главныя звѣзды. Призвавъ на помощь сильную трубу, получаемъ возможность наблюдать весьма слабыя свѣтила, но обозрѣваемъ сразу лишь очень малое пространство, равное одной десятой части диска луны или еще меньшее, такъ что въ этомъ случаѣ изображаешь изъ себя близорукаго зрителя, пристально всматривающагося въ одно мѣсто громадной картины. На фотографическомъ же стеклѣ имѣемъ сразу сотни квадратныхъ градусовъ неба. Тутъ есть блестящія звѣзды первой величины и рядомъ съ ними стоятъ крошечныя, недоступныя даже трубамъ значительной оптической силы. Если случайно въ этомъ мѣстѣ неба находилась одна изъ малыхъ планетъ, то, вслѣдствіе перемѣщенія ея между звѣздами въ продолженіи экспозиціи, изображеніе ея не круглое, а вытянутое въ небольшую черточку; такъ что сама планета подчеркиваетъ свое существованіе и можетъ быть отличена съ перваго взгляда. Самыя лучшія современныя карты неба, въ сравненіи съ фотографіями, суть грубыя, неумѣлыя изображенія, не дающія никакого понятія о дѣйствительномъ видѣ ночного неба. Мы имѣемъ уже и прекрасныя фототипныя воспроизведенія нашихъ негативовъ, но, по своей дороговизнѣ, они еще не могутъ служить иллюстраціями общедоступной статьи.

Оригинальный негативъ служитъ для точныхъ измѣреній и есть документъ, съ которымъ надо справляться во всѣхъ важныхъ или сомнительныхъ случаяхъ. На немъ всегда найдется достаточное число хорошо извѣстныхъ и точно опредѣленныхъ по своему положенію звѣздъ, такъ-называемыхъ фундаментальныхъ, къ которымъ и можно отнести положеніе всякой другой звѣзды.

Затѣмъ, подобный негативъ мы переснимаемъ, увеличивая его почти въ два раза. Такимъ образомъ, получается карта величиною въ 44×54 сантиметровъ, дающая на бѣломъ фонѣ черныя звѣзды; при этомъ взята бумага, на которой можно удобно писать и чертить. Въ этой формѣ фотографія представляетъ рабочую карту, которую наблюдатель беретъ съ собою на башню для сравненія съ небомъ. На ней звѣзды первой величины изображаются большими кружками, діаметромъ въ три миллиметра слишкомъ; кружки эти разъ въ тридцать больше діаметра самыхъ малыхъ звѣздочекъ, такъ что карта даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и достаточно точную относительную яркость. Хотя для того, чтобы превратить фотографическіе діаметры въ обыкновенно употребляемыя величины, нужно сдѣлать особое изслѣдованіе, и, желая достигнуть возможной точности, это изслѣдованіе придется повторить для каждой пластинки особо; но на пластинкѣ такая масса звѣздъ, а фотометри-

чески опредѣлять блескъ такъ трудно, что очень стоитъ этимъ заняться.

Но въ этомъ отношеніи надо быть осторожнымъ, разные инструменты весьма различно рисуютъ изображенія звѣздъ, и нѣкоторые изъ нихъ, очевидно, совсѣмъ не годятся для фотометрическихъ цѣлей.

Скажу болѣе, какъ это ни странно, но мы не можемъ дать себѣ яснаго отчета въ томъ, почему звѣзды изображаются на фотографіяхъ кружками такого большого діаметра. Прежде полагали, что это просто происходитъ отъ распространенія свѣтового дѣйствія по чувствительному слою, кругомъ во всѣ стороны отъ маленькаго изображенія свѣтлой звѣзды на пластинкѣ, отъ нѣкоторой «свѣтопроводимости» фотографическаго слоя. Теперь остроумными опытами доказано, что такая причина дѣйствительно есть, но дѣйствіе ея лишь второстепенное. Затѣмъ, подвергая вычисленію вліяніе диффракціи, хроматической и сферической аберрацій, оказывается, что ни одна изъ этихъ причинъ не объясняетъ вполнѣ происхожденія такихъ большихъ звѣздныхъ дисковъ. Они не могутъ происходить также отъ дѣйствія лучей, дважды отраженныхъ отъ внутреннихъ поверхностей сложнаго объектива. Даже комбинація всѣхъ названныхъ причинъ недостаточна для объясненія интересующаго насъ явленія.

Профессоръ Шейнеръ изъ потсдамской обсерваторіи полагаетъ, что наибольшую роль при этомъ играютъ лучи, неправильно преломленные и разсѣянные краями объектива; и что наилучшій объективъ, имѣющій совершенно точную форму, теряетъ ее отчасти, какъ только будетъ вставленъ въ оправу, вслѣдствіе нажиманія оправы на его края. Въ подтвержденіе своего взгляда, онъ ссылается, между прочимъ, на то, что закрываніе краевъ объектива діафрагмой уменьшаетъ кружки звѣздъ.

Не зная въ точности причины происхожденія звѣздныхъ дисковъ, мы не можемъ приписывать теоретическаго значенія формуламъ, составленнымъ въ послѣднее время для перехода отъ діаметровъ къ фотометрически выраженному блеску звѣздъ. Всѣ эти формулы имѣютъ чисто эмпирическій характеръ, что, впрочемъ, отнюдь не уменьшаетъ ихъ практической пользы. Если для какой-нибудь звѣзды замѣтимъ сильное разногласіе между фотографической и оптической величиною, то это будетъ указывать на особенность спектра звѣзды, заслуживающую старательнаго изслѣдованія.

Я не разъ указывалъ на то, что необыкновенная плодотворность примѣненія фотографіи къ изученію звѣзднаго неба обусловливается, главнымъ образомъ, однимъ свойствомъ фотографической

пластинки, свойствомъ суммировать дѣйствіе свѣтовыхъ лучей и, слѣдовательно, давать все меньшія и меньшія звѣзды, невидимыя даже въ сильныя трубы, по мѣрѣ большей и большей продолжительности экспозиціи. И дѣйствительно, напр., проф. Вольфъ въ Гейдельбергѣ, составившій себѣ въ послѣднее время громкую извѣстность открытіемъ многихъ новыхъ планетъ, изъ числа астероидовъ, обращающихся между Марсомъ и Юпитеромъ, самъ не видалъ никогда въ трубу ни одного изъ открытыхъ имъ фотографически новыхъ свѣтилъ, по причинѣ ихъ чрезвычайной малости.

Вооруженный фотографическимъ аппаратомъ человѣкъ получаетъ какъ бы возможность перемѣщаться въ пространствѣ, подвигаясь непрерывно къ звѣздамъ. По мѣрѣ удлиненія экспозиціи, какъ бы отъ приближенія къ нимъ, стоящія на предѣлахъ зрѣнія звѣздочки становятся свѣтлѣе и ярче, за ними показываются еще меньшія, которыя, въ свою очередь, можно вызвать сильнѣе и за ними увидимъ еще новыя, затѣмъ начнутъ проглядывать слабые контуры туманностей, этихъ загадочныхъ космическихъ массъ, въ лонѣ которыхъ зарождаются новыя солнца,—и такъ далѣе, безъ перерыва, и не предвидится ни конца, ни границы!

Фотографическій снимокъ есть листъ, покрытый письменами, но письмена эти начертала не человѣческая рука и надо выучиться ихъ понимать.

Изображенныя положенія и яркости звѣздъ не соотвѣтствуютъ одному опредѣленному моменту времени. На фотографіи звѣзды изображены, по положенію и блеску, такъ, какъ онѣ видны были съ земли въ моментъ фотографированія. Но фотографирующіе лучи принесли намъ вѣсти, весьма различной давности. Лучъ свѣта, пролетающій мгновенно самыя значительныя земныя разстоянія, въ звѣздномъ пространствѣ превращается въ путника, медленно подвигающагося по своей дорогѣ. Изъ одной звѣзды лучъ вышелъ, можетъ быть, десять или пятнадцать лѣтъ тому назадъ, и мы ее видимъ такъ, какъ она была тогда; но рядомъ стоящая маленькая звѣздочка послала вѣсть, нами теперь полученную, можетъ быть пятьсотъ лѣтъ тому назадъ.

И не надо думать, что всѣ явленія звѣзднаго неба совершаются такъ медленно, что для нихъ столѣтія уподобляются краткимъ моментамъ. Нѣтъ, періоды нѣкоторыхъ перемѣнныхъ звѣздъ измѣряются часами. Такимъ образомъ, прослѣдивъ въ одну ночь всѣ фазы такой звѣзды, мы лично были свидѣтелями и нѣкоторымъ образомъ пережили давно минувшій моментъ космогонической ея исторіи.

Въ Ветхомъ Завѣтѣ повѣствуется о томъ, какъ Господь сказалъ Авраамy: «посмотри на небо и сосчитай звѣзды, если ты можешь счесть ихъ». Въ этихъ простыхъ словахъ, какъ нельзя лучше, выражено врожденное человѣку смутное понятіе безпредѣльности звѣзднаго неба.

Много прошло времени съ тѣхъ поръ, какъ написаны были эти слова; много лѣтъ труженикъ земли упорно стремился познать чудный, окружающій его міръ Божій, и нынѣ, при размышленіи о звѣздахъ, насъ охватываетъ чувство—наилучшій плодъ вѣковыхъ усилій — чувство сознательнаго удивленія предъ величіемъ вселенной!

Проф. В. Церасcкій.

МОЗГЪ И МЫСЛЬ.

(Критика матеріализма).

Прив.-доц. Г. Челпанова.

(*Окончаніе*) *).

Переходя къ разсмотрѣнію матеріализма въ отечественной наукѣ, мы встрѣчаемся съ слѣдующимъ затрудненіемъ: кого слѣдуетъ считать матеріалистомъ, если авторъ не считаетъ себя открыто таковымъ? Мы видѣли признаки матеріалистической философіи; самый главный это — тотъ, что по этой философіи есть только одна субстанція—*матерія*, *вещество*, что же касается духовныхъ явленій, то они суть не что иное, какъ продуктъ дѣятельности вещества или такое же *свойство* вещества, какъ и остальныя его свойства. Если кто-либо заявляетъ, что *мысль есть не что иное, какъ движеніе вещества*, то онъ матеріалистъ. Если кто-либо говоритъ: *«мозгъ есть причина духовныхъ явленій»*, то онъ тоже матеріалистъ; если кто-либо утверждаетъ, что психологіи, какъ отдѣльной науки о душевныхъ явленіяхъ нѣтъ и быть не можетъ, тотъ долженъ быть признанъ матеріалистомъ, потому что онъ, конечно, отождествляетъ мысль съ какимъ-либо движеніемъ вещества.

Для того, чтобы рѣшить вопросъ объ отношеніи души къ тѣлу, мы должны замѣтить, что человѣческое существо состоитъ изъ двухъ частей: изъ души и тѣла; спрашивается, что изъ нихъ главное и что подчиненное? Одни говорятъ, что душа есть особенная сущность, и что тѣло является простымъ орудіемъ души, другіе говорятъ, что сама душа есть только результатъ взаимодѣйствія различныхъ физическихъ элементовъ. Разсмотримъ этотъ вопросъ ближе.

---

*) См. «Міръ Божій» № 1, январь 1896 г. Въ статьѣ «Мозгъ и Мысль», въ январьской книгѣ, на стр. 37, три первыхъ строчки должны быть помѣщены въ концѣ той же страницы, послѣ словъ: «которыя не могутъ и т. д.». *Ред.*

Прежде всего спросимъ себя, что человѣкъ *знаетъ*, что подлежитъ человѣческому вѣдѣнію. Такъ какъ часто одинъ примѣръ говоритъ больше, чѣмъ длинное, отвлеченное разсужденіе, то обратимся и мы на этотъ разъ къ примѣру. Положимъ, я вижу предъ собою апельсинъ. Что я о немъ знаю? Я знаю, что онъ имѣетъ круглую *форму*, что онъ имѣетъ оранжевый *цвѣтъ*; я знаю, что если прикоснусь къ нему, то долженъ буду ощутить *шероховатую* поверхность; я знаю, что если бы я бросилъ его на полъ, то онъ издалъ бы особенный *звукъ*, если бы я толкнулъ его, то онъ пришелъ бы въ *движеніе*. Форму, протяженность, цвѣтъ, вкусъ, запахъ и т. п., я воспринимаю посредствомъ *органовъ чувствъ*. Все то, что обладаетъ только что-перечисленными качествами называется *міромъ внѣшнимъ*. Но есть другой міръ, который не можетъ быть познанъ посредствомъ внѣшнихъ чувствъ—это *міръ внутренній*, *міръ душевный*. Сюда относятся всѣ наши чувствованія, желанія, душевныя волненія, страданія, наслажденія, мышленіе, воспріятіе и т. д. Словомъ, *все* то, чего мы не можемъ знать при помощи внѣшнихъ органовъ чувствъ, а только при помощи такъ-называемаго *внутренняго чувства* *). Уже сразу мы

---

*) Мы не сомнѣваемся въ томъ, что терминъ «внутреннее чувство» у многихъ изъ нашихъ читателей вызоветъ недоумѣніе. Многіе навѣрно скажутъ: «да развѣ какое-нибудь *внутреннее чувство* существуетъ? или если бы даже оно и существовало, то развѣ ему можно довѣрять? Вѣдь нельзя же строить психологическую науку на такомъ шаткомъ основаніи, какъ показанія внутренняго чувства. Въ старой психологіи можно было говорить о какомъ-то внутреннемъ чувствѣ или внутреннемъ опытѣ. Старая психологія такъ тѣсно сливалась съ метафизикой, что нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что она пользовалась такимъ мистическимъ источникомъ, какъ внутренній опытъ; современная же научная психологія, разрабатываемая при помощи естественно-научныхъ методовъ, должна совершенно исключить такой ненадежный источникъ, какъ внутренній опытъ». Вотъ разсужденіе которое чаще всего приходится слышать отъ натуралистовъ, когда заходитъ рѣчь о внутреннемъ опытѣ. Этотъ взглядъ нашелъ себѣ выраженіе и въ нашей литературѣ. Такъ, напр., въ статьѣ нашего знаменитаго физіолога Сѣченова «Кому и какъ разрабатывать психологію?» мы находимъ, что «у человѣка нѣтъ никакихъ спеціальныхъ орудій для познаванія психическихъ фактовъ, въ родѣ *внутренняго чувства*». И это мнѣніе повторяется на разные лады представителями естествознанія. Но справедливо ли это мнѣніе на самомъ дѣлѣ? Нѣтъ. Утверждать, что психическія явленія могутъ быть познаваемы инымъ путемъ, а не изъ внутренняго опыта, это почти тоже—что утверждать, что слѣпой можетъ видѣть, что глухой можетъ слышать. Мы здѣсь не имѣемъ возможности подробно выяснять ту мысль, что психическія явленія могутъ быть познаваемы только лишь изъ внутренняго опыта и изъ самонаблюденія, а желаемъ только указаніемъ на взгляды современныхъ выдающихся психологовъ обратить вниманіе на эту мысль.

можемъ видѣть коренное различіе, существующее между одними и другими явленіями: явленія, относящіяся къ міру *физичеекому*, обладаютъ качествомъ *протяженности*, а явленія психическія этимъ качествомъ не обладаютъ. Это различіе имѣетъ весьма важное значеніе, и кто его не пойметъ, тотъ не будетъ въ состояніи понять критики матеріалистическаго ученія.

Этотъ пунктъ представляетъ особенную важность и потому нуждается въ поясненіи. Мы утверждаемъ, что между явленіями психическими и явленіями физическими есть коренное различіе; явленія физическія обладаютъ протяженностью, къ явленіямъ же психическимъ протяженность не примѣнима, т. е. явленія психическія не протяженны, а если они не протяженны, то они не совершаются въ пространствѣ; не совершаются въ пространствѣ—

Вотъ эти взгляды. *Льюисъ*, авторъ «Физіологіи обыденной жизни», философъ позитивнаго направленія, возражая отрицателямъ самонаблюденія, говоритъ: «безъ помощи самонаблюденія всѣ факты внѣшняго наблюденія будутъ также безсодержательны, какъ слова на печатномъ листѣ для глаза, не умѣющаго истолковать смыслъ ихъ внѣшнихъ знаковъ». *Бэнъ*, англійскій психологъ, по тому же поводу говоритъ: «когда мы желаемъ постигнуть какое-либо психическое явленіе, то для этого существуетъ только методъ внутренняго опыта». Ту же самую мысль высказываетъ *Д. С. Милль* (Система Логики, кн. VI, гл. IV, § 2) и *Спенсеръ* (Основанія Психологіи, т. I, § 56). *Рибо*, профессоръ экспериментальной психологіи въ Сорбоннѣ (въ Парижѣ), находитъ, что «самонаблюденіе есть первый шагъ психологіи». (Современная Германская психологія. 1895 г., стр. 5). Въ недавно вышедшей книгѣ *Бинэ*: «Введеніе въ экспериментальную психологію» на стр. 32 мы читаемъ слѣдующее: «можно сказать, что самонаблюденіе является основой психологіи, оно такъ опредѣленно характеризуетъ ее, что всякое изслѣдованіе, произведенное при помощи самонаблюденія, вполнѣ заслуживаетъ быть названнымъ психологическимъ, а всякое изслѣдованіе, пользующееся другимъ методомъ, указываетъ на другую науку. И мы позволяемъ себѣ особенно подчеркнуть этотъ пунктъ, который очень часто упускается изъ виду въ новѣйшихъ изысканіяхъ по физіологической психологіи». Замѣтьте, это говоритъ Бинэ, натуралистъ. То же самое говоритъ и *Вундтъ*, глава современной физіологической психологіи (см. его «Основанія Физіологической Психологіи». М. 1880 г., 1—5). Но самымъ убѣдительнымъ должно быть мнѣніе *Герцена*, профессора физіологіи въ Лозаннскомъ университетѣ, который въ своей книгѣ «Общая физіологія души», говоритъ: «Физіологи могли бы цѣлыя столѣтія объективно изучать нервы и мозгъ, и все же не съумѣли бы составить себѣ ни малѣйшаго представленія о томъ, что такое ощущеніе, мысль, желаніе, если бы *не испытывали субъективно этихъ состояній*». Исключать изъ данныхъ психологіи ту сторону мозговыхъ процессовъ, которую мы можемъ познать только съ помощью *внутренняго чувства*—субъективно, было бы столь же неразумно, какъ исключать изъ данныхъ физики и химіи какую-либо сторону относящихся сюда фактовъ, раскрываемую однимъ изъ нашихъ внѣшнихъ чувствъ». Можно ли послѣ этого утверждать, что внутреннее чувство, самонаблюденіе есть какой-то мистическій источникъ, какъ это дѣлаютъ очень многіе?

значитъ и не движутся. Явленія психическія не протяженны и не движутся и этимъ они отличаются отъ всего матеріальнаго, которое обладаетъ протяженностью и движется въ пространствѣ. Читатель можетъ, пожалуй, сказать, что для него несомнѣнно, что все матеріальное обладаетъ протяженностью и что оно движется въ пространствѣ, а что психическія явленія не обладаютъ протяженностью и не движутся въ пространствѣ, то это для него вовсе не очевидно, а потому онъ желалъ бы, чтобы было приведено *научное доказательство* этого положенія. На это требованіе нашего читателя мы можемъ отвѣтить слѣдующимъ образомъ: «Докажите намъ *научно*, что матеріальныя тѣла обладаютъ протяженностью». На это читатель, знакомый съ логикой, скажетъ намъ, что не всѣ положенія могутъ быть научно доказаны, что всякая наука опирается на положенія *непосредственно очевидныя* и что къ числу ихъ относится и утвержденіе, что матеріальныя тѣла протяженны: всякій, кто понимаетъ слова «матеріальное тѣло» и «протяженность», тотчасъ произнесетъ предложеніе: «матеріальныя тѣла протяженны»; для него это предложеніе не нуждается ни въ какомъ доказательствѣ. Если бы мы вздумали усомниться въ истинности положеній этого рода, то вся наша наука должна была бы пасть. Мы согласны съ этимъ разсужденіемъ нашего читателя; и онъ долженъ согласиться съ нами въ томъ, что утвержденіе о непротяженности психическихъ явленій относится точно также къ числу непосредственно очевидныхъ, недоказанныхъ положеній, что оно основывается на такой же очевидности, на какой основывается утвержденіе о протяженности матеріальныхъ тѣлъ. Въ самомъ дѣлѣ, какія явленія мы называемъ психическими? Психическими явленіями мы называемъ чувства, мысли, желанія и т. под. Можемъ ли мы сказать, что чувство голода обладаетъ какою-нибудь протяженностью? Конечно, нѣтъ. Нельзя же сказать, голодъ въ два аршина, голодъ круглый или четыреугольный, широкій, длинный и т. под. То же самое нужно сказать объ эстетическомъ *чувствѣ*, о *желаніи* идти въ театръ и т. под. Теперь мы можемъ обобщить и сказать, что все то, что мы называемъ *психическимъ*, пространственной протяженностью не обладаетъ, а если оно пространственной протяженностью не обладаетъ, то къ нему не приложимы никакія другія категоріи пространственной протяженности: о немъ нельзя сказать, что оно движется въ пространствѣ, потому что двигаться въ пространствѣ можетъ только то, что протяженностью обладаетъ, а что протяженностью не обладаетъ, то въ пространствѣ двигаться не можетъ; слѣд. въ этомъ отношеніи между матеріей и мыслью есть абсолютная противоположность.

Согласны ли вы съ тѣмъ, что мы имѣемъ право произнести сужденіе, что чувство голода протяженностью не обладаетъ, не приводя никакого доказательства? Конечно, это положеніе въ доказательствѣ не нуждается, оно непосредственно очевидно. Кто только понимаетъ слово «голодъ» и слово «протяженность», тотъ не станетъ сомнѣваться въ томъ, что голодъ протяженностью не обладаетъ, совершенно такъ, какъ никто не сомнѣвается въ томъ, что все матеріальное протяженностью обладаетъ; кто, въ самомъ дѣлѣ, сталъ бы требовать, чтобы ему доказали, что матерія обладаетъ протяженностью? И такъ, слѣд., то положеніе, что все психическое не протяженно, относится къ числу непосредственно очевидныхъ положеній, изъ которыхъ вообще строится всякая наука.

Теперь пойдемъ дальше. Что дѣлается съ человѣкомъ въ то время, когда онъ переживаетъ чувства *гнѣва*? Для разрѣшенія этого вопроса мы приглашаемъ физіолога и психолога. На нашъ вопросъ, что дѣлается съ человѣкомъ, когда онъ гнѣвается, *физіологъ* отвѣчаетъ: «въ то время у человѣка сердце начинаетъ биться сильнѣе, дыханіе дѣлается учащеннѣе, къ головному мозгу приливаетъ кровь» и т. д. На тотъ же вопросъ *психологъ* отвѣчаетъ: въ состояніи негодованія человѣкъ переживаетъ крайне непріятное чувство, продолженіе котораго для него не желательно *). Отсюда для насъ ясно, что въ человѣкѣ *въ одно и то же время* могутъ происходить два порядка явленій; въ одно и то же время у него совершается рядъ явленій физическихъ и рядъ явленій душевныхъ. Вотъ тутъ-то и возникаетъ для насъ самая трудная задача. Разрѣшить, какъ происходятъ душевныя явленія, *зависятъ*-ли они отъ тѣлесныхъ явленій или нѣтъ? Какая у нихъ существуетъ *связь* съ явленіями тѣлесными, физическими, *можетъ ли, напримѣръ, совершаться какое-нибудь душевное явленіе безъ того, чтобы его не сопровождало какое-нибудь физическое?* или, можетъ быть, ни одно душевное явленіе не можетъ совершаться безъ соотвѣтствующаго физическаго?

Я приведу факты, которые обыкновенно приводятся философами всѣхъ школъ для доказательства *связи* или какого-либо рода *зависимости* между душевными и тѣлесными явленіями, а читателямъ предлагаю обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство: доказываютъ ли приводимые примѣры *причинную* зависимость или простой *параллелизмъ*, доказываютъ ли они на самомъ дѣлѣ, что мозгъ есть *причина* духовныхъ явленій, или же, можетъ быть, они доказываютъ, что *явленія физическія и явленія психическія*

*) Этотъ примѣръ принадлежитъ греческому философу Аристотелю.

совершаются параллельно, одновременно, и что нѣтъ возможности доказать *причинной зависимости* между этими двумя родами явленій. Матеріалисты, какъ мы видѣли, склонны утверждать первое; по ихъ мнѣнію, многочисленные физіологическіе факты доказываютъ *зависимость* явленій психическихъ отъ физическихъ; съ уничтоженіемъ этихъ послѣднихъ духовная дѣятельность уничтожается, съ ослабленіемъ физической дѣятельности ослабляется и зависящая отъ нея дѣятельность психическая.

Вотъ эти факты:

«Пороки образованія головного мозга: микроцефалія и водянка мозга обусловливаютъ уничтоженіе или пониженіе умственныхъ способностей до полнаго идіотизма и самаго глубокаго слабоумія; обширныя воспаленія, перерожденія, давленіе, малокровіе мозговыхъ сосудовъ, наконецъ, одуряющія средства совершенно уничтожаютъ умственныя способности» *).

Степень интеллектуальнаго развитія въ животномъ царствѣ обусловливается *отношеніемъ величины большихъ полушарій къ остальной массѣ* центральной нервной системы. Если же принять во вниманіе одинъ лишь головной мозгъ, то окажется, что, чѣмъ болѣе преобладаютъ полушарія надъ среднимъ мозгомъ, тѣмъ высшую степень интеллектуальнаго развитія представляетъ животное. У карпа большія полушарія уступаютъ въ величинѣ даже зрительнымъ буграмъ, а у лягушки они уже превосходятъ послѣдніе своими размѣрами. У голубя полушарія простираются уже сзади до мозжечка. Параллельно съ этимъ возрастаетъ и степень интеллектуальнаго развитія у названныхъ животныхъ. Въ мозгу собаки полушарія покрываютъ уже совершенно четверохолмія, но мозжечекъ лежитъ еще позади нихъ. И только у человѣка большія полушарія вполнѣ прикрываютъ собою и мозжечекъ.

Степень интеллектуальнаго развитія находится въ зависимости отъ *обилія бороздъ* въ полушаріяхъ. Въ то время, какъ у низшихъ животныхъ (рыба, лягушка, птица) совсѣмъ еще нѣтъ бороздъ, у *кролика* мы видимъ уже двѣ поверхностныхъ бороздки съ каждой стороны; у собаки полушарія представляются уже покрытыми множествомъ извилинъ. Особенно бросается въ глаза изобиліе извилинъ и бороздъ у *слона*, самаго умнаго и благороднаго изъ животныхъ. Даже у безпозвочныхъ, напр., у нѣкоторыхъ насѣкомыхъ съ развитымъ инстинктомъ, находили извилины на полушаріяхъ головного мозга. У людей высоко одаренныхъ часто находили богатый извилинами мозгъ **).

---

*) *Ландуа*. Учебникъ физіологіи человѣка 1886 г., стр. 891.

**) Тамъ же стр. 894—5.

Обширныя статистическія наблюденія показываютъ, что *умственное превосходство всегда сопровождается величиной мозга* болѣе, чѣмъ обыкновенной. Вотъ табличка вѣсовъ мозга нѣкоторыхъ замѣчательныхъ людей:

Кювье.	64,5	унціи.
Аберкромби	63	»
Уэбстеръ	53,5	»
Кэмпбелль	53,5	»
Морганъ	52,75	»
Гауссъ	52,6	»

Среднiй вѣсъ мужскаго мозга европейца 49,5 унціи, женскаго—44 унціи. У идіотовъ находили мозги, вѣсившіе 27 унцій., 25,75; 22,5; 19,75; 18,25; 15,13 и 8,5 унцій. Средній вѣсъ мозга, помѣшаннаго на 2,5% ниже средняго вѣса здороваго человѣка *).

Антропологи доказываютъ, что вмѣстимость череповъ низшихъ расъ значительно меньше, чѣмъ у высшихъ.

Впрочемъ, при опредѣленіи духовнаго значенія мозга у человѣка и животнаго, дѣло идетъ не только о его величинѣ, именно общей величинѣ, которая можетъ быть только очень не совершеннымъ масштабомъ для силы его дѣятельности, но также и о прочихъ отношеніяхъ формъ и сложенія. «Не только *количество*, но и *качество* нервныхъ образованій и обусловливаемая этимъ величина силы дѣйствія и дѣятельность смѣны отдѣльныхъ элементовъ имѣетъ рѣшающее значеніе относительно силы духовной дѣятельности» **).

Можно доказать, что факты сознанія и душевныя явленія сопровождаются дѣятельностью мозга, подобной дѣятельности другихъ органовъ, какъ, напр., мускуловъ во время ихъ дѣятельности. Дѣятельность сознанія сопровождается слѣдующими явленіями: во-1-хъ, *приливомъ крови къ органамъ*, во-2-хъ, *повышеніемъ температуры* и, въ-3-хъ, *увеличеніемъ количества химическихъ продуктовъ, происходящихъ вслѣдствіе окисленія тканей*. Въ дѣйствительности всѣ эти явленія находятся въ зависимости одно отъ другого. Всякая работа, производимая мускуломъ, сопровождается разрушеніемъ вещества этого органа — это разрушеніе порождаетъ извѣстныя *химическія* соединенія; теплота является результатомъ происходящихъ при этомъ химическихъ соединеній. Мозгъ обладаетъ тѣми же свойствами, что и мускулы, и обнару-

*) См. *Бэнъ*. Душа и тѣло. Кіевъ. 1884, стр. 26.

**) См. *Бюхнеръ*. Stoff u. Kraft, 17-е изд., стр. 268.

живаетъ свои свойства тѣмъ въ бо̀льшей степени, чѣмъ значительнѣе умственная работа *).

Чтобы доказать, что мозговая дѣятельность сопровождается *приливомъ* крови къ мозгу, беремъ стеклянный сосудъ, наливаемъ нѣкоторое количество воды, устанавливаемъ вертикальную тонкую стеклянную трубочку такъ, чтобы она погружалась въ воду; эта трубочка должна служить для насъ указателемъ уровня воды въ сосудѣ. Затѣмъ, то лицо, надъ которымъ мы сейчасъ будемъ производить опытъ, погружаетъ руку, сжатую въ кулакъ, въ сосудъ съ водой; смотримъ на уровень воды, какъ онъ обозначается въ трубочкѣ. Будемъ предлагать испытуемому лицу различные вопросы, чтобы дать работу его уму, напр., предлагать какія-нибудь сложныя умственныя вычисленія, говорить на мало извѣстномъ ему языкѣ и т. п., тогда окажется, что вода въ трубочкѣ станетъ опускаться. Чѣмъ объяснить это опусканіе воды въ трубочкѣ при умственномъ напряженіи? Когда человѣкъ начинаетъ напряженно мыслить, то кровь со всего организма начинаетъ усиленно притекать къ головному мозгу, и всѣ другія части тѣла освобождаются отъ крови, между прочимъ, и рука; поэтому кровь отливаетъ отъ руки къ мозгу; объемъ руки уменьшается, жидкость въ трубочкѣ опускается. Если же лицо, надъ которымъ производится опытъ, перестанетъ напряженно мыслить, то кровь опять приливаетъ къ рукѣ отъ мозга, объемъ руки увеличивается, и жидкость въ трубочкѣ поднимается.

Этотъ простой опытъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что кровь необходима для дѣятельности нервной системы **).

Опытъ Броунъ-Секуара также доказываетъ *вліяніе крови на психическіе процессы*. Броунъ-Секуаръ отсѣкъ голову собакѣ, потомъ впустилъ въ отдѣленную отъ туловища голову окисленную кровь и признаки жизни вновь проявились. Броунъ-Секуаръ позвалъ животное и глаза собаки обратились въ ту сторону, откуда ей послышался голосъ ея хозяина ***).

Прекращеніе доступа артеріальной крови къ высшимъ мозговымъ центрамъ производитъ мгновенное прекращеніе сознанія. *Качество и количество крови, циркулирующей въ этихъ центрахъ, производитъ замѣтныя измѣненія въ характерѣ душевныхъ явленій* ****). Шредеръ фонъ-деръ-Колькъ разсказываетъ про одного паціента, что когда его пульсъ доходилъ до 50 или 60 ударовъ

---

*) *Paulhan*. Physiologie de l'esprit, стр. 36 и д.

**) См. «Міръ Божій» 1892 г. № 11.

***) Paulhan, ук. с. 38—9.

****) *Хэкъ Тюкъ*. Духъ и тѣло.

въ минуту вслѣдствіе пріема лѣкарственнаго вещества digitalis, онъ былъ спокоенъ или въ угнетенномъ настроеніи духа; когда пульсъ поднимался до 90 ударовъ, онъ приходилъ въ маніакальное состояніе. Другой врачъ разсказываетъ, что его паціентъ при 40 ударахъ былъ въ полусонномъ состояніи, при 50 — въ меланхолическомъ, при 70—внѣ себя, при 90—приходилъ въ бѣшенство.

Поднятіе температуры нервныхъ центровъ доказывается слѣдующими опытами. *Шиффъ* вводилъ въ мозгъ собаки термоэлектрическія иглы. Когда животное было достаточно наркотизовано, Шиффъ пробуравилъ его черепъ въ равныхъ разстояніяхъ отъ средней линіи и ввелъ въ мозгъ, оба полюса термоэлектрическаго столба. Всякое возбужденіе чувствъ производило отклоненіе зеркала гальванометра, указывая, такимъ образомъ, на повышеніе температуры. Кусокъ сала, поднесенный къ носу животнаго, причинялъ наиболѣе сильное отклоненіе. Шиффъ добивался также отклоненій зеркала, воздѣйствуя на душевную дѣятельность своихъ собакъ, заставляя ихъ слушать лай, кошачье мяуканье и пр. *).

Брока производилъ эксперименты надъ человѣкомъ, пользуясь термометромъ, приложеннымъ одной стороной къ головѣ индивидуума въ то время, какъ другая сторона была защищаема отъ вліянія внѣшней тетпературы покровомъ изъ ваты. Заставляя читать громкимъ голосомъ студентовъ-медиковъ, онъ констатировалъ, что послѣ десяти минутъ чтенія температура мозга поднялась отъ 33,82° до 34,23° **).

Окисленіе мозга производитъ между другими солями также фосфорнокислыя и сѣрнокислыя. *Біассонъ* взвѣсилъ точно фосфаты и сульфаты, входившіе въ его организмъ путемъ питанія, и фосфаты и сульфаты, выходившіе изъ него путемъ изверженія. Онъ узналъ, что количество такихъ солей, вырабатываемыхъ посредствомъ почекъ, было относительно гораздо болѣе значительно тотчасъ вслѣдъ за умственной работой.

Весьма важное значеніе имѣетъ самый *химическій составъ мозга*, относительно котораго мы, впрочемъ, до сихъ поръ знаемъ мало достовѣрнаго. Но извѣстно, что мозгъ дѣтей, стариковъ, животныхъ, по отношенію къ мозгу взрослаго человѣка, очень бѣденъ тѣми своеобразными фосфоръ содержащими веществами, которыя въ химическомъ составѣ центральныхъ частей нервной

---

*) *Герценъ*. Общая физіологія души. Спб. 1890. ч. II, стр. 80 и д.
**) Paulhan. 39.

системы играютъ такую важную роль, и въ среднемъ встрѣчаются тѣмъ въ бо́льшемъ количествѣ, чѣмъ выше животное или человѣкъ по умственному развитію. Изъ новѣйшихъ изслѣдованій *Борсарелли* въ особенности слѣдуетъ, что среднее содержаніе фосфора мозга значительно больше, чѣмъ до сихъ поръ предполагалось, и что между всѣми органами тѣла мозгъ содержитъ самое большее количество фосфора, напр., два раза больше, чѣмъ мускульное вещество. Это подтверждается только что указанными изслѣдованіями *Біассона*, который показалъ, что напряженная духовная дѣятельность производитъ то, что въ выдѣленіяхъ почекъ появляется большое количество фосфорокислыхъ алкалій, а также изслѣдованіями *Геритье*, который констатировалъ, что содержаніе фосфора въ мозгу въ старческомъ возрастѣ или при слабоуміи уменьшается почти до половины и затѣмъ понижается почти до степени дѣтскаго возраста. Сильныя душевныя движенія обнаруживаются въ томъ, что количество фосфора въ выдѣленіяхъ увеличивается, между тѣмъ, наоборотъ, при функціональныхъ нарушеніяхъ мозговой дѣятельности замѣчается уменьшеніе этихъ веществъ. Эти факты дѣлаютъ несомнѣнными то обстоятельство, что *содержанію фосфора въ мозгу принадлежитъ особенное значеніе* и заставляетъ насъ предполагать, что между нимъ и духовной работой существуетъ опредѣленное отношеніе. «Они показываютъ, говоритъ Бюхнеръ, что тотъ литературный шумъ, который въ свое время былъ поднятъ по поводу извѣстнаго Молешоттовскаго выраженія «*безъ фосфора нѣтъ мысли*», доказываетъ только невѣжество обвинителей» *).

Наконецъ, мнѣ остается указать еще на одинъ рядъ фактовъ, чтобы картина связи между дѣятельностью мозга и умственной дѣятельностью была полнѣе.

Въ недавнее время психофизіологи нашли возможность измѣрять *скорость* человѣческой мысли при помощи очень точныхъ инструментовъ, показывающихъ время въ тысячныхъ доляхъ секунды. Напр., для одного изъ простѣйшихъ актовъ мысли нужно,

*) Stoff u. Kraft 274 и д. Исходя изъ этого положенія Молешотта, Агассицъ доказывалъ, что рыбаки должны быть умнѣе, чѣмъ, напр., земледѣльцы, потому что они по преимуществу питаются рыбой, которая содержитъ гораздо больше фосфора, чѣмъ другіе виды пищи. Любопытно замѣтить, что на самомъ дѣлѣ это выраженіе, что безъ фосфора нѣтъ мысли, очевидно въ французской литературѣ было извѣстно раньше, на что указываетъ слѣдующее мѣсто изъ Бальзака: «Знаете ли, что бо́льшая или меньшая доза фосфора дѣлаетъ человѣка геніемъ или злодѣемъ, умнымъ или идіотомъ, добродушнымъ или преступникомъ». (Романъ «Шагреневая кожа». Написанъ въ 1830 году).

приблизительно 0,078 сек. Изъ этихъ чрезвычайно точныхъ измѣреній оказывается, что человѣкъ мыслитъ, напр., скорѣе утромъ, чѣмъ вечеромъ; скорѣе тогда, когда онъ бодръ, чѣмъ когда онъ утомленъ; при помощи этихъ измѣреній доказывается, что люди пожилые мыслятъ медленнѣе, чѣмъ молодые и т. д., пріемы нѣкоторыхъ лѣкарственныхъ веществъ, алкоголя и пр. вліяютъ на скорость или замедленіе умственной дѣятельности. Изъ этихъ опытовъ становится понятнымъ, что *вмѣстѣ съ измѣненіемъ мозгового вещества, съ измѣненіемъ его питанія измѣняется и самое качество (т.-е. скорость) умственной дѣятельности.*

Вотъ вамъ обильное количество фактовъ, которые показываютъ несомнѣнно, что *между явленіями душевными и тѣлесными есть какая-то связь*,—весь вопросъ заключается въ томъ, какова эта связь? Едва ли кто-нибудь въ настоящее время станетъ отвергать эти факты. Мы съ своей стороны считаемъ всѣ эти факты болѣе или менѣе доказанными научно и достовѣрными въ той мѣрѣ, въ какой вообще могутъ быть доказываемы научные факты. Весь вопросъ въ томъ, какъ объяснить эти факты. Какъ мы видѣли, философы матеріалистической школы доказывали, что тѣлесныя явленія суть *причина* явленій психическихъ. Но это утвержденіе, какъ мы увидимъ ниже, неправильно.

Теперь мы разсмотримъ взгляды тѣхъ ученыхъ, главнымъ образомъ, представителей естествознанія, которые, собственно, не могутъ быть названы матеріалистами, въ строгомъ смыслѣ слова, потому что они не занимались спеціально разрѣшеніемъ *философской* проблемы объ отношеніи души къ тѣлу, а иногда даже прямо отказывались отъ принадлежности къ этой школѣ философовъ, но, тѣмъ не менѣе, они должны быть признаны матеріалистами, потому что, будучи поставлены въ необходимость изслѣдовать явленія физіологическія, находящіяся въ тѣсной связи съ явленіями психическими, они исходили изъ того положенія, что *явленія психическія суть по существу явленія матеріальныя*, или что они являются *результатомъ дѣятельности матеріальныхъ частичекъ нашего мозга.* Таковы, въ большинствѣ случаевъ, взгляды физіологовъ на сущность душевныхъ явленій.

Въ статьѣ «*Движеніе, какъ основное начало психическихъ явленій*» *), нѣкій *Б. Л.*, очевидно, натуралистъ, разбираетъ два замѣчательныхъ сочиненія по психологіи, *Горвича*: «Анализъ душевныхъ явленій на психологической почвѣ» и *Вундта:* «Физіологическая психологія». Оба эти писателя одинаково отвергаютъ

*) Журналъ: «Знаніе» (1876). Декабрь.

матеріалистическую точку зрѣнія. Авторъ же указанной статьи находитъ, что это противорѣчитъ духу естествознанія. «Поэтому,— говоритъ онъ,—въ настоящей статьѣ мы намѣрены, отбросивъ у избранныхъ нами писателей *несвойственные ихъ николь принципы*, установить на основаніи выработанныхъ ими главнѣйшихъ элементовъ то краеугольное начало, которое должно лечь въ основу психологіи будущаго». «По нашему мнѣнію.—говоритъ авторъ указанной статьи,—существуютъ факты, которые бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на такъ-называемый *химизмъ* мысли. Какъ извѣстно, давно уже въ умахъ физіологовъ и реальныхъ философовъ бродила смутная идея о томъ, что *психическая жизнь, разсматриваемая съ самой общей точки зрѣнія, есть продуктъ химическихъ реакцій*. Существуютъ признаки, указывающіе на то, что психическіе процессы имѣютъ тѣсное *родство съ силой молекулярнаго движенія*. Это доказывается, во-первыхъ, тѣмъ, что въ мозгъ ничего не могло войти, кромѣ нервнаго возбужденія или живой молекулярной силы, развитой химическими процессами, и, слѣдовательно, все, что происходитъ въ головномъ мозгу, можетъ происходить лишь на счетъ этой молекулярной силы. Во-вторыхъ, сильнымъ доводомъ сродства психическихъ процессовъ съ движеніемъ служитъ то обстоятельство, что въ концѣ всѣхъ этихъ психическихъ процессовъ видимо получается та живая молекулярная сила, которая выражается сокращеніемъ мышцъ. Въ-третьихъ, психическіе процессы совершаются во времени, и съ этой стороны могутъ быть измѣрены. Такимъ образомъ, принимая во вниманіе, что психическая дѣятельность происходитъ лишь на счетъ молекулярнаго движенія, освобождаемаго химическими процессами, и что эта дѣятельность измѣрима во времени, мы приходимъ къ заключенію что психическая или *душевная жизнь человѣка есть особый родъ движенія*, ибо нѣтъ ничего, что, протекая во времени и имѣя своимъ источникомъ движеніе, не было бы само движеніемъ».

Д-ръ Зеленскій въ своемъ сочиненіи: «Основы для ухода за правильнымъ развитіемъ мышленія и чувства» приходитъ къ тому выводу, что *психическіе феномены, въ сущности, тождественны со всѣми механическими процессами*, т. е. представляютъ не что иное, какъ молекулярное движеніе мозговой и нервной массы. Съ его точки зрѣнія, душевныя явленія суть только «мыслевыя тѣла». Это одно изъ самыхъ типичныхъ выраженій матеріалистической догмы *).

Ковалевскій, профессоръ Казанскаго университета, въ своей

*) См. его объ умѣ и методѣ воспитанія. Спб. 1890. Стр. 46 и слѣд.

статьѣ: «Какъ смотритъ физіологія на жизнь вообще и на психическую въ частности» *), высказываетъ воззрѣніе, имѣющее несомнѣнно матеріалистическій характеръ. «Изъ приведеннаго краткаго очерка отношеній нервной машины къ предполагаемой психической силѣ,—по его мнѣнію,—нельзя не замѣтить, что дѣло смотритъ иначе, чѣмъ думаютъ психологи. Вы видите, что изъ основного свойства нервной системы, а именно изъ ея матеріальной памяти физіологія въ состояніи вывести уже довольно сложные психическіе процессы. Большая часть свойствъ, приписываемыхъ психологами психической силѣ, суть свойства матеріи. Физіологія можетъ сказать, что *сознаніе* не есть сила, но лишь *свойство* нервныхъ процессовъ, проявляющееся при извѣстныхъ опредѣленныхъ условіяхъ. Физіологія же потому въ состояніи рѣшать вопросы объ образованіи и ходѣ психическихъ процессовъ, что они, какъ *матеріальные*, совершаются въ пространствѣ и во времени, а для подобныхъ изслѣдованій она владѣетъ методами и средствами, которые растутъ съ каждымъ днемъ».

Профессоръ *Сѣченовъ* **), слѣдующимъ образомъ доказываетъ, какъ онъ выражается, *сродство психическихъ явленій* съ *тѣлесными*. «Физіологія,—говоритъ онъ,—представляетъ цѣлый рядъ данныхъ, которыми устанавливается *родство психическихъ явленій* съ такъ-*называемыми нервными процессами въ тѣлѣ*, *актами чисто соматическими*. Вотъ главнѣйшія изъ этихъ данныхъ: 1) самые простѣйшіе изъ психическихъ [актовъ требуютъ для своего прохожденія опредѣленнаго времени, и тѣмъ бóльшаго, чѣмъ сложнѣе актъ. 2) Психическая дѣятельность требуетъ для своего происхожденія анатомо-физіологической цѣлости головного мозга. 3) Зачатки, или, по крайней мѣрѣ, зачатки психической дѣятельности, съ которыми родится человѣкъ, развиваются, очевидно, *изъ чисто матеріальныхъ субстратовъ яйца и сѣмени*. 4) Чрезъ посредство этихъ же *матеріальныхъ субстратовъ* передаются по родству очень многія изъ индивидуальныхъ психическихъ особенностей и иногда такія, которыя относятся къ разряду очень высокихъ проявленій, напр., *наслѣдственность талантовъ*. 5) Ясной границы между завѣдомо-соматическими, т. е. тѣлесными нервными актами, и явленіями, которыя всѣми уже признаются психическими, не существуетъ ни въ одномъ мыслимомъ отношеніи».

Приведенные выше взгляды оказываются весьма типичными для матеріалистической школы. Забывая, что между явленіями

*) Казань. 1876.

**) Психологическіе этюды («Вѣстникъ Европы», 1873 г., апр., стр. 554).

физическими и психическими есть абсолютное различіе, физіологи стараются всѣми возможными способами доказать, что между ними существуетъ опредѣленное родство, доказываемое будто цѣлымъ рядомъ научныхъ данныхъ и что изъ этого положенія вытекаетъ необходимость при изслѣдованіи душевныхъ явленій изслѣдовать ихъ физіологическія условія и что такимъ способомъ для насъ окажется возможнымъ объяснять психическія явленія. Но какъ возможно объяснить явленія психическія изъ физіологическихъ, если между ними на самомъ дѣлѣ существуетъ то коренное различіе, о которомъ мы говорили выше? Вѣдь это кажется положительной невозможностью. Очевидно, слѣдовательно, что физіологи допускаютъ какую-то ошибку. Даже при поверхностномъ разсмотрѣніи ихъ взглядовъ эту ошибку весьма легко отыскать. Заявляя, что они намѣрены говорить о явленіяхъ психическихъ, они на самомъ дѣлѣ говорятъ о явленіяхъ *физическихъ*; вмѣсто того, чтобы говорить о процессахъ *въ душѣ*, они говорятъ *о процессахъ въ мозгу* и, вслѣдствіе этого неправильнаго отождествленія по отношенію къ душевнымъ процессамъ, они употребляютъ выраженія, которыя отнюдь къ нимъ приложимы быть не могутъ. Психическіе акты, какъ таковые, *непространственны*, а, слѣдовательно, о движеніи ихъ, какъ о движеніи матеріальныхъ вещей, мы говорить не можемъ. Мы можемъ говорить о *движеніи молекулярныхъ частицъ* мозга, но говорить о *психическомъ движеніи* не имѣетъ никакого смысла; между тѣмъ, какъ мы видѣли, указанные писатели утверждаютъ, что психическія явленія суть движенія. Спрашивается, движенія чего? Такъ какъ движеніе немыслимо безъ движущагося, то, очевидно, *движеніе вещества*; слѣдовательно, Сѣченовъ, напр., отождествляетъ психическія явленія съ движеніями вещества, и въ этомъ смыслѣ долженъ быть отнесенъ въ группу матеріалистовъ.

На сколько сильно стремленіе у физіологовъ, у натуралистовъ отождествлять явленія психическія съ физическими явленіями въ мозгу, показываютъ слѣдующія выдержки изъ книги профессора психіатріи Варшавскаго университета *П. Ковалевскаго*: «Основы механизма душевной дѣятельности» *). «Намъ желается,—говоритъ онъ,—указать пути, по которымъ *ощущенія проникаютъ въ область мозговой корки*»... и затѣмъ далѣе: «Изъ предыдущаго мы знаемъ, что *ощущенія изъ субкортикальныхъ узловъ*, *проникая* къ мозговой коркѣ, центру сознанія, превращается тамъ въ представленіе». Проф. Ковалевскій, вмѣсто того, чтобы говорить о движеніи *воз-*

*) Харьковъ. 1887.

бужденія нервовъ, что, конечно, въ виду матеріальнаго характера этого послѣдняго, необходимо должно происходить, говорить о *движеніи ощущенія*; а это, разумѣется, совершенно немыслимо вслѣдствіе нематеріальности этого процесса.

Такого рода выраженія, какъ у проф. П. Ковалевскаго, мы постоянно встрѣчаемъ у тѣхъ физіологовъ, которые не отдаютъ себѣ отчета въ различіи между процессами физическими и психическими и вслѣдствіе этого, разумѣется, впадаютъ въ матеріализмъ. По мнѣнію П. Ковалевскаго, напр., «*біологическіе процессы трансформируются въ субъективныя проявленія*, т.-е. физіологическія процессы даютъ *начало* психическимъ».

Теперь мы считаемъ возможнымъ перейти къ *критикѣ* матеріализма.

Какъ мы видѣли, сущность матеріализма, какъ философской системы, сводится къ утвержденію, что въ *мірѣ есть только матерія*, что мысль есть только продуктъ дѣятельности или движенія матеріи или что мысль просто есть движеніе вещества.

Разсмотримъ первый аргументъ, именно что *въ мірѣ есть только матерія*. На чемъ основываетъ матеріализмъ свое утвержденіе, что въ мірѣ существуютъ только матеріальныя явленія, а что духовныя явленія суть только видимость? Матеріалистъ разсуждаетъ такъ, «что вещество существуетъ—это для меня несомнѣнно, потому что оно обладаетъ постоянствомъ, устойчивостью; вещи матеріальныя обладаютъ продолжительностью существованія, а явленія духовныя? они отличаются удивительнымъ непостоянствомъ, одно духовное состояніе смѣняется другимъ и каждое изъ нихъ обладаетъ лишь кратковремоннымъ существованіемъ, такъ что существованіе матеріи для меня, — говоритъ матеріалистъ,—является несомнѣннымъ, а существованіе духа подвержено сомнѣніямъ».

Но здѣсь матеріалистъ допускаетъ самую очевидную ошибку. Что наши духовныя состоянія измѣнчивы—это доказываетъ только ихъ бо́льшую сложность или бо́льшую трудность для воспріятія, но отнюдь не доказываетъ нереальности этихъ явленій. И даже можно сказать больше: если бы мы, съ философской точки зрѣнія, захотѣли усомниться въ реальности духовныхъ или физическихъ явленій, то, конечно, реальность послѣднихъ подвержена большему сомнѣнію, потому что наши духовныя состоянія мы знаемъ прежде, чѣмъ явленія матеріальныя, *внутренній опытъ предшествуетъ опыту внѣшнему*. Матеріальныя явленія, тѣла не только не *абсолютно дѣйствительны*, какъ это склонны утверждать матеріалисты, но они вообще не имѣютъ никакой абсолютной дѣйствитель-

ности, они имѣютъ только *относительное* существованіе. Какое-либо тѣло черно, мягко, твердо, имѣетъ форму и протяженность, занимаетъ пространство и оказываетъ сопротивленіе; но всѣ эти качества присущи ему благодаря тому, что его воспринимаетъ субъектъ, обладающій мыслительной способностью и опредѣленными чувствами, а слѣд. сознаніе. Безъ языка нѣтъ вкуса, безъ глаза нѣтъ свѣта и цвѣта, безъ чувственности и разсудка нѣтъ пространства и нѣтъ тѣла, *безъ субъекта нѣтъ объекта*. Шопенгауэръ *) заставляетъ вести слѣдующій разговоръ между субъектомъ и объектомъ (т.-е. между духомъ и матеріей). Матерія говоритъ: «я существую и внѣ меня нѣтъ ничего; міръ есть только моя преходящая форма. Ты субъектъ (или сознаніе)—простой *результатъ одной части этихъ формъ* и совершенно случаенъ: еще нѣсколько мгновеній и ты больше не существуешь. Я же остаюсь изъ вѣка въ вѣкъ». На это субъектъ (духъ) отвѣчаетъ: «это безконечное время, которое, какъ ты хвастаешь, ты существуешь, и безконечное пространство, которое ты наполняешь, существуетъ только въ моемъ представленіи, которое тебя воспринимаетъ, и благодаря которому ты только и существуешь». Въ другомъ мѣстѣ **) Шопенгауэръ остроумно осмѣиваетъ тѣхъ, которые предполагая, что въ мірѣ только матерія имѣетъ *абсолютное* существованіе, стараются изъ нея вывести сознаніе: «Матеріалисты,—говоритъ онъ,—полагаютъ матерію какъ несомнѣнно существующее. Затѣмъ они стараются найти первоначальное простѣйшее состояніе матеріи и развить изъ него всѣ послѣдующіе, восходя отъ простого *механизма* къ *химизму*, къ способности *произростанія*, *ощущенія*. Если бы, предположимъ, это удалось, то послѣднимъ звеномъ цѣпи оказалась бы способность *ощущенія*, *познанія*, которая явилась бы простымъ *измѣненіемъ матеріи*. Если бы мы такимъ образомъ слѣдовали за разсужденіями матеріализма, то, достигнувъ его вершины, почувствовали бы неукротимый порывъ олимпическаго смѣха, увидавши вдругъ, какъ бы пробуждаясь отъ сна, что его послѣдній, столь трудно добытый результатъ—*познаніе*, уже предполагалось какъ неизбѣжное условіе при исходной точкѣ—простой матеріи. Такимъ образомъ неожиданно открылось бы громадное petitio principii; ибо вдругъ оказалось бы послѣднее звено исходною точкою, на которой уже держалось первое, цѣпь превратилась бы въ кругъ, а матеріалистъ уподобился бы господину Минхгаузену, плавающему верхомъ на лошади въ водѣ, обнявшему ногами

---

*) *Паульсенъ*. Введеніе въ философію. 1894, стр. 76—7.

**) Міръ какъ представленіе и воля. М. 1888, стр. 33—4.

лошадь, а самого себя вытаскивающему за перекинувшуюся напередъ собственную косу».

Другими словами, *мы не можемъ признать существованіе матеріи безъ того, чтобы не признать въ то же время существованія нашего сознанія, которымъ оно единственно обусловливается*. Наше понятіе о матеріи есть духовный продуктъ: мы не знаемъ, что такое матерія независимо отъ нашего понятія о ней. Духовное, поэтому есть то, что намъ первоначально извѣстно, явленія же внѣшняго міра суть не что иное, какъ наши представленія, всѣ свойства вещества (твердость, цвѣтъ и т. п.) суть только лишь наши представленія, а если мы, кромѣ того, предполагаемъ еще матерію, то это представленіе чисто *гипотетическое*, благодаря которому мы желаемъ сдѣлать понятной вѣчную смѣну внѣшнихъ явленій. Мы замѣчаемъ, что внѣшній міръ находится въ непрерывномъ измѣненіи, что одни качества постоянно уступаютъ мѣсто другимъ; чтобы объяснить, какъ можетъ происходить такая смѣна, мы предполагаемъ еще *матерію*.

И такъ, слѣдовательно, оказывается, что разсужденія матеріалистовъ, будто бы въ мірѣ реально существуетъ только матерія— неосновательно, потому что реальность сознанія оказывается въ философскомъ отношеніи гораздо болѣе обоснованной; что если ужъ сомнѣваться въ реальности чего-либо, то скорѣе это можно было бы сдѣлать по отношенію къ матеріи, а отнюдь не сознанія.

Разсмотримъ теперь то положеніе матеріалистовъ, что *мысль есть движеніе*. Многіе физіологи повторяютъ эту фразу, вовсе не желая глубже вникнуть въ смыслъ ея; если бы они это сдѣлали, то они скоро убѣдились бы, что на самомъ дѣлѣ она совершенно лишена всякаго смысла *). Лучшіе натуралисты высказывались именно

*) Строго говоря, положеніе «*мысль есть движеніе вещества*» нельзя назвать *догмой* матеріализма; это положеніе могло бы быть названо *догмой* только въ томъ случаѣ, если бы оно *доказывалось*, на самомъ же дѣлѣ здѣсь никакого доказательства нѣтъ; здѣсь мы имѣемъ дѣло только съ неправильнымъ употребленіемъ слова «мысль». Кто понимаетъ значеніе слова «мысль», тотъ никогда не скажетъ, что она есть движеніе вещества. Матеріалисты же обыкновенно не понимаютъ значенія словъ «мысль», «психическій»; т. е. они произносятъ это слово, какъ и философы, но не понимаютъ, что оно означаетъ; т. е., другими словами, они произносятъ слово «психическій» и думаютъ, что они говорятъ о *психическомъ*, на самомъ же дѣлѣ они говорятъ о процессахъ *физіологическихъ*, совершающихся въ мозгу. Эта ошибка весьма любопытна и съ точки зрѣнія логики ее даже трудно классифицировать. Если кто-нибудь, напр., хочетъ доказать какое-нибудь положеніе и доказываетъ его неправильно, то мы такое неправильно доказываемое положеніе называемъ *заблужденіемъ, ошибкой*. Назовемъ ли мы заблужденіемъ или ошибкой, если напр., слѣпой не *видитъ* цвѣтовъ, или глухой не *слышитъ* звуковъ? Это

противъ этого положенія. *Гризингеръ*, знаменитый психіатръ, по этому поводу говоритъ: «Всѣ эти колебательныя и волнообразныя движенія, все относящееся къ электричеству и механикѣ все-таки еще не душевное явленіе, не представленіе. Какимъ образомъ первыя могутъ стать вторыми — эта загадка останется неразрѣшимой до конца вѣковъ, и мнѣ кажется, что если бы сію минуту сошелъ ангелъ съ неба и объяснилъ намъ все это, то умъ нашъ былъ бы совершенно не въ состояніи понять, какъ это мысль возникаетъ изъ матеріальныхъ измѣненій мозга?» *) По мнѣнію знаменитаго нѣмецкаго физіолога *Дюбуа-Реймона*, «сознаніе не объяснимо изъ его матеріальныхъ условій». «Астрономическое познаніе мозга, высшее, какое мы можемъ требовать о немъ, не раскрываетъ намъ ничего, кромѣ движущейся матеріи. Но никакимъ мыслимымъ расположеніемъ или движеніемъ матеріальныхъ частичекъ мы не можемъ перекинуть мостъ въ царство сознанія». Никоимъ образомъ нельзя понять, какъ изъ совокупнаго дѣйствія атомовъ можетъ возникнуть сознаніе **).

Изъ *матеріи никоимъ образомъ объяснить сознаніе невозможно* ***); если бы мы имѣли микроскопы, обладающіе увеличительной силой, въ милліонъ разъ бо̀льшей той, которой они теперь обладаютъ, и если бы мы при помощи такихъ микроскоповъ могли разглядѣть движенія мельчайшихъ частицъ матеріи съ полной ясностью, если бы мы могли проникнуть въ процессы химическаго соединенія, то и то никоимъ образомъ не были бы въ состояніи понять, какимъ образомъ изъ движенія матеріальныхъ частицъ рождается сознаніе или мысль, какъ тому учатъ матеріалисты.

Но самый главный аргументъ противъ матеріализма заклю-

просто *недостатокъ* извѣстнаго чувства и ничего больше. Въ отождествленіи *мысли* съ движеніемъ вещества есть извѣстнаго рода недостатокъ чувства и ничего больше. Позвольте привести пояснительный примѣръ. Въ цвѣтовомъ ощущеніи бываетъ недостатокъ, который называется цвѣтовой слѣпотой. Люди, страдающіе этимъ недостаткомъ употребляютъ тѣ же слова, что и нормально видящіе, т. е. они употребляютъ слова: зеленый, красный, на самомъ же дѣлѣ они не различаютъ этихъ цвѣтовъ: вмѣсто зеленаго употребляютъ красный, вмѣсто краснаго зеленый. Точно такимъ же образомъ и матеріалисты употребляютъ слово *психическій*, какъ и другіе философы, но вмѣсто психическихъ процессовъ думаютъ о явленіяхъ физическихъ. Если такой недостатокъ въ цвѣтовой слѣпотѣ мы назовемъ *органическимъ* недостаткомъ, то читатель легко догадается, какъ назвать этотъ недостатокъ у тѣхъ, кто отождествляетъ психическое съ физическимъ!

*) Цитируется у Остроумова ук. с., стр. 73—4.

**) Дюбуа-Реймонъ. О границахъ естествознанія.

***) Этого же мнѣнія держатся знаменитые современные натуралисты *Тиндаль*, *Лудвигъ*, *Фиккъ* и др.

чается въ слѣдующемъ. Мы видѣли, что физіологія приводитъ множество фактовъ, указывающихъ на то, что *между явленіями физическими и между явленіями психическими есть постоянная связь*, можно сказать, что нѣтъ ни одного психическаго акта, который не сопровождался бы какими-либо физіологическими; отсюда матеріалисты дѣлали тотъ выводъ, что психическія явленія *зависятъ* отъ физическихъ. Но такое толкованіе можно было бы давать только въ такомъ случаѣ, если бы психическія явленія были бы *слѣдствіями* физическихъ процессовъ, т. е. если бы между тѣми и другими существовало такое же причинное отношеніе, какъ между двумя явленіями физической природы, изъ которыхъ одно есть слѣдстіе другого. На самомъ же дѣлѣ это вовсе невѣрно. *Между физическими и психическими процессами не существуетъ никакого причиннаго отношенія*. Процессы сознанія не суть *слѣдствія* физическихъ процессовъ.

Чтобы понять это, разберемъ, что нужно понимать подъ словомъ *причина* въ естественно-историческомъ смыслѣ *).

Въ явленіяхъ матеріальныхъ *причинность* тождественна съ *закономъ сохраненія силы*, который называется также закономъ *превращенія физическихъ силъ*. По этому закону физическая сила существуетъ въ различныхъ формахъ, изъ которыхъ каждая въ какомъ-нибудь опредѣленномъ порядкѣ превратима въ другія. Переходъ одной формы въ другую совершается безъ всякой потери силы или ея количества. *Причинность, какъ сохраненіе силы, есть перенесеніе или перевоплощеніе опредѣленнаго количества силы*. Возьмемъ примѣръ. Положимъ пароходъ приводится въ движеніе паромъ. Расширеніе пара есть слѣдствіе работы теплоты. Теплота происходитъ отъ горѣнія или химическаго соединенія сожженнаго угля и кислорода. Каменный уголь произошелъ изъ угля растеній первобытныхъ вѣковъ, произростаніе которыхъ требовало извѣстнаго расхода солнечной теплоты. Такимъ образомъ, хотя и кажется, что между солнечной теплотой первобытныхъ вѣковъ и движеніями парохода нѣтъ никакой связи, однако, вышеприведенными соображеніями можно доказать, что между ними существуетъ *связь причинности*. При потенціальныхъ энергіяхъ кажется, что мы созидаемъ силу безъ предшествующей эквивалентной силы, вызываемъ маленькими причинами великія дѣйствія. Причиною обнаруженія большого количества силы можетъ быть обстоятельство совершенно ничтожное. Руки дитяти достаточно для того, чтобы разрядить баттарею военнаго судна или сжечь городъ. Это

*) Объ этомъ см. *Троицкій*. Учебникъ логики. Книга II, стр. 169—173.

есть дѣйствіе, переводящее потенціальную энергію въ актуальную. Если мы возьмемъ это опредѣленіе причинности, то мы должны будемъ признать, что, съ точки зрѣнія естественныхъ наукъ, мы не можемъ допустить причинной связи между мозговой дѣятельностью и психическими явленіями.

«По закону причинности *), вездѣ принятому въ естественныхъ наукахъ, мы можемъ говорить о причинной связи двухъ явленій только въ томъ случаѣ, когда *дѣйствіе изъ причины можетъ быть выведено по опредѣленнымъ законамъ*. Такое выведеніе въ собственномъ смыслѣ возможно только въ *однородныхъ* процессахъ. Это выведеніе возможно провести во всей области естественныхъ наукъ или, по крайней мѣрѣ, такое выведеніе мыслимо, потому что расчлененіе этихъ явленій постоянно приводитъ къ процессамъ движенія, въ которыхъ дѣйствіе въ томъ смыслѣ эквивалентно своей причинѣ, что при соотвѣтствующихъ условіяхъ причинное отношеніе можно обратить, т.-е. слѣдствіе можно сдѣлать причиной, а причину слѣдствіемъ. Такъ, напримѣръ, паденіе какой-либо тяжести съ опредѣленной вышины производитъ двигательное дѣйствіе, посредствомъ которой тяжесть такой же величины можетъ быть поднята на ту же высоту. Ясно, что *о такой эквивалентности между нашими психическими дѣятельностями и между сопровождающими ихъ физіологическими* процессами не можетъ быть и рѣчи. Дѣйствіями послѣднихъ всегда могутъ быть только процессы *физическаго* характера. Только благодаря этому и возможна въ природѣ та *замкнутая причинная связь*, которая находитъ свое полное выраженіе въ *законѣ сохраненія энергіи*; *этотъ законъ нарушался бы всякій разъ, когда тѣлесная причина производила бы духовное дѣйствіе*».

Физическій процессъ въ мозгу образуетъ замкнутую въ себѣ причинную связь, нигдѣ не наступаетъ членъ, который не былъ бы физической природы. Напримѣръ, какой-либо человѣкъ переходитъ черезъ улицу; вдругъ его называютъ по имени, онъ поворачиваетъ голову къ тому, кто его зоветъ. Физіологъ весь этотъ процессъ могъ бы построить чисто механически; онъ показалъ бы, какимъ образомъ воздѣйствіе звуковыхъ волнъ на слуховой органъ возбуждаетъ въ слуховомъ нервѣ опредѣленный нервный процессъ, какимъ образомъ этотъ процессъ распространяется къ центральному органу, который, наконецъ, приходитъ къ иннерваціи извѣстныхъ группъ двигательныхъ нервовъ, конечнымъ результатомъ которыхъ оказалось движеніе головы въ

*) См. *Вундтъ*. Ст. Gehirn u. Seele въ его Essays.

томъ направленіи, откуда шли звуковыя волны. Всѣ эти процессы приходятъ къ физическому процессу безъ всякаго *перерыва*. Но, кромѣ того, здѣсь происходитъ еще и другой процессъ, котораго физіологъ въ своихъ объясненіяхъ не долженъ принимать въ разсчетъ, но о которомъ онъ какъ мыслящій и объясняющій свои мысли человѣкъ говоритъ: слуховыя *ощущенія* вызвали представленія и чувства, позванный услышалъ свое имя, онъ обернулся, чтобы узнать, кто его позвалъ, и затѣмъ онъ увидѣлъ тамъ своего стараго знакомаго. Эти *процессы совершаются рядомъ съ физическимъ процессомъ, но не вмѣшиваются въ него. Воспріятіе и представленіе не образуютъ членовъ физическаго причиннаго ряда* *). Они не вмѣшиваются въ процессы физическіе. «Животное или человѣческое тѣло, говоритъ физіологъ *Герингъ*, не измѣнится въ глазахъ физика отъ того, что животное способно чувствовать удовольствіе или боль, что съ матеріальными отправленіями тѣсно связаны радости и страданія духа, живое воображеніе и сознаніе. Для него тѣло остается все тою же массой матеріи, которая подлежитъ тѣмъ же несокрушимымъ законамъ, которымъ подлежитъ и вещество камня и вещество растенія. *Ни впечатлѣніе, ни представленіе, ни даже сознательная воля не могутъ составлять звена этой цѣпи матеріальныхъ обстоятельствъ, образующихъ физическую жизнь организма*. Если я отвѣчаю на заданный мнѣ вопросъ, то матеріальный процессъ, совершающійся въ это время между нервными волокнами органа слуха и мозгомъ, долженъ оставаться только матеріальнымъ, чтобы достигнуть двигательныхъ нервовъ голосового аппарата. Процессъ этотъ не можетъ, достигши извѣстной части мозга, внезапно *обращаться въ нѣчто невещественное*, чтобы по прошествіи извѣстнаго времени въ другой части снова принять форму вещественнаго проявленія» **).

Если бы теорія матеріалистовъ была правильна, то нужно было бы ожидать, что физическій процессъ въ извѣстныхъ пунктахъ обнаруживаетъ *перерывъ* и именно тамъ, гдѣ въ качествѣ членовъ причинной связи выступаютъ *психическія событія*. Если бы нервное движеніе было *причиной* ощущенія, то оно, какъ таковое, должно было бы уничтожиться, а взамѣнъ его должно возникнуть *ощущеніе*. Но мы легко можемъ убѣдиться въ томъ, что это невозможно, если примемъ въ соображеніе, что можетъ порождать движеніе вообще. Напримѣръ, движеніе шара А имѣетъ

*) Паульсенъ. Введеніе въ философію. 85—6.

**) Цитир. у Остроумова ук. с. стр. 77—78.

своимъ слѣдствіемъ *движеніе* шара B, т.-е. первое движеніе пропадаетъ: вмѣсто него возникаетъ опредѣленное одинаково большое движеніе второго шара. Извѣстное движеніе вызываетъ теплоту, т.-е. движеніе пропадаетъ, вмѣсто него появляется опредѣленное количество теплоты; то же самое должно было бы быть и въ нашемъ случаѣ: *вмѣсто уничтожившагося движенія должно было бы возникнуть ощущеніе* или представленіе, какъ его эквивалентъ. Но представленіе не есть что-либо матеріальное; поэтому, для физики причинная связь имѣла бы здѣсь пробѣлъ, въ физическомъ процессѣ отсутствовало бы звено. Это противорѣчило бы непрерывности физическихъ процессовъ, наблюдаемыхъ во всей природѣ. *Допущеніе превращенія движенія не въ другую форму движенія, не въ потенціальную физическую энергію, но въ нѣчто, что физически вообще не существуетъ,*— есть предположеніе, котораго физикъ не можетъ допустить.

Превращеніе движенія или физической энергіи въ мысль, въ чистые процессы сознанія — для натуралиста было бы равносильно уничтоженію энергіи. Слѣдовательно, матеріализмъ невозможенъ съ точки зрѣнія естествознанія *).

Поэтому, ради послѣдовательности матеріалисту остается признать ощущеніе первичнымъ свойствомъ всякой матеріи или, по крайней мѣрѣ, свойствомъ матеріи организованной, но, ставъ на эту точку зрѣнія, матеріализмъ отказывается отъ своего основного положенія. Вотъ почему Бюхнеръ, желая отстоять свои прежнія воззрѣнія, сталъ на новую точку зрѣнія, которая не можетъ

---

*) Ср. съ этимъ мнѣніе *Дюбуа-Реймона* Ueber die Grenzen des Naturer-Kentniss 1891, стр. 41.

Теперь читатель легко можетъ видѣть, въ какой связи находится матеріализмъ и естествознаніе. Можно сказать, что данныя естествовѣдѣнія совсѣмъ не подтверждаютъ положеній матеріализма. И даже, наоборотъ, наиболѣе выдающіеся представители естествознанія высказывались противъ возможности матеріалистическаго толкованія душевныхъ явленій. Назовемъ такія имена, какъ *Гельмгольцъ, Дю-Буа-Реймонъ, Фирордтъ, Лудвигъ, Фиккъ.* Изъ нашихъ русскихъ физіологовъ *Бакстъ*, открывая въ 1871 году курсъ физіологіи, во вступительной лекціи доказывалъ, что мнѣніе объ особенной связи физіологіи съ матеріализмомъ основано на невѣжествѣ и что, напротивъ, естествознаніе скорѣе способно указать слабыя стороны матеріализма. (См. Ибервегъ - Гейнце. Ист. Филос. 1890 г., стр. 549). Англійскій физикъ *Тэтъ* въ книгѣ «Новѣйшіе успѣхи физическихъ знаній говоритъ: «Существуетъ многочисленная группа людей, которые утверждаютъ, что воля и сознаніе — чисто физическія явленія. Это заблужденіе обусловлено тѣмъ легковѣріемъ, которое характеризуетъ невѣжество и бездарность». Изъ этого легко видѣть, что *матеріализмъ есть порожденіе естествовѣдовъ, а не естествовѣдѣнія.*

быть названа матеріалистической въ строгомъ смыслѣ этого слова. Въ послѣднемъ изданіи своего «Stoff ünd Kraft» онъ находитъ, что признаніе матеріи безжизненной совершенно ни на чемъ не основано. По его мнѣнію, матеріи, какъ таковой, должны быть приписаны на ряду съ *физическими* свойствами и свойства *психическія*. Здѣсь мы у него находимъ вставки, находящіяся въ прямомъ противорѣчіи съ положеніемъ чистаго матеріализма, что *мысль есть функція матеріи*, что можно было бы признать въ томъ случаѣ, если бы мы допустили одну субстанцію въ мірѣ— матеріальную. У Бюхнера мы находимъ признаніе субстанціи, но не матеріальной. «Мышленіе и протяженность,—говоритъ онъ,— могутъ быть разсматриваемы какъ двѣ стороны или способы явленія *одного и того же единичнаго существа*, каковое существо, однако, по своей природѣ остается неизвѣстнымъ». «*Духъ и природа въ концѣ концовъ одно и то же*». Эта *монистическая* точка зрѣнія, которая никакъ не можетъ быть связана съ матеріализмомъ и къ которой долженъ былъ прибѣгнуть Бюхнеръ, чтобы отстоять частности матеріалистическаго ученія,—по нашему мнѣнію, самымъ неопровержимымъ образомъ доказываетъ полную несостоятельность этого ученія въ его ходячей формѣ.

Многіе могутъ сказать, что критика матеріализма, въ сущности, никакого значенія не имѣетъ, что наука ничего не теряетъ, ничего не выигрываетъ отъ того, будетъ ли признанъ матеріализмъ или нѣтъ. Психологическая наука будетъ идти своимъ путемъ, т. е. она будетъ разрабатываться съ одинаковымъ успѣхомъ, будетъ ли признано, что *мысль есть продуктъ мозговой дѣятельности* или что явленія духовныя будутъ только *параллельны* физическимъ; все равно, психологію нельзя разрабатывать безъ физіологіи или изученія физіологическихъ явленій. Но намъ кажется, что отрѣшеніе отъ матеріалистическаго взгляда на душевныя явленія имѣетъ важное *методологическое* значеніе; тѣ, которые слишкомъ проникнуты воззрѣніемъ, будто душевныя явленія имѣютъ матеріальный характеръ, въ объясненіи ихъ будутъ постоянно стремиться къ теоріямъ, которыя по своей произвольности будутъ хуже всякой метафизики. Возьмемъ примѣры. «Чѣмъ больше въ данномъ мозгу заключается клѣтокъ, чѣмъ больше въ нихъ занято квартиръ различными ощущеніями и представленіями,—говоритъ профессоръ Ковалевскій *),—тѣмъ больше у насъ будетъ матеріала для сужденія и мышленія, тѣмъ богаче будутъ наши познанія и свѣдѣнія, тѣмъ больше шансовъ быть умнымъ и образованнымъ чело-

*) Механизмъ душевной дѣятельности стр. 49—51.

вѣкомъ. По Мейнерту въ мозговой коркѣ находится отъ 600 до 1.200 милліоновъ клѣтокъ». Спрашивается, достанетъ ли въ этихъ клѣткахъ «квартиръ для представленій»? Профессоръ Ковалевскій высчитываетъ, что въ теченіе жизни человѣка у него должно образоваться не менѣе 1.387.584.000 представленій. Но затѣмъ онъ уменьшаетъ это число до 46.252.800 штукъ (у Бэна ихъ 200.000). Съ этимъ едва ли можно согласиться. Измѣрять число представленій возможно было бы, если бы твердо была установлена единица для этого измѣренія. Однако, такой единицы нѣтъ. «Представленіе шахматной доски,—справедливо спрашиваетъ Остроумовъ *),—одно это представленіе или 64? Поле микроскопа, наполненное микробами—одно представленіе или милліонъ ихъ?» Такого рода попытки можно встрѣтить только у физіолога, имѣющаго односторонній взглядъ на душевныя явленія.

Часто отъ физіологовъ можно слышать слѣдующаго рода заявленіе. «Собственно психологія, какъ таковая, обречена на полное безплодіе; если же мы желаемъ раскрыть психическіе законы, то для этого мы должны *изучить строеніе и функцію нашего мозга*». На самомъ дѣлѣ это утвержденіе совсѣмъ не вѣрно: знаніе функцій мозга далеко не можетъ быть въ такой мѣрѣ необходимымъ для психолога, какъ это часто предполагаютъ физіологи.

Конечно, какъ всякое знаніе, это знаніе въ высшей степени интересно и полезно само по себѣ, но *не для раскрытія законовъ психической жизни*, потому что то, что намъ извѣстно изъ психологіи, отличается гораздо большей достовѣрностью, чѣмъ то, что намъ извѣстно изъ анатоміи мозга; въ психологіи мы имѣемъ опредѣленные *факты*, а въ физіологіи однѣ лишь *гипотезы*. Мы не можемъ говорить о томъ, что знаніе функцій отдѣльныхъ частей мозга можетъ раскрыть для насъ какіе-либо психологическіе законы. На самомъ дѣлѣ происходитъ какъ разъ обратное. Знаменитый анатомъ *Мейнертъ*, занимаясь изысканіемъ функцій мозга, руководствовался тѣмъ раздѣленіемъ психическихъ функцій, которое онъ нашелъ въ психологическихъ сочиненіяхъ, шелъ, слѣдовательно, *отъ психологіи къ физіологіи, а не наоборотъ, какъ склонны утверждать многіе*. Нѣкоторые, наприм., думаютъ, что соединеніе нервныхъ клѣтокъ при помощи нервныхъ волоконъ есть какъ бы объясненіе того психическаго явленія, что нѣкоторыя представленія связываются другъ съ другомъ. Напр., представленіе *a* связывается съ представленіемъ *b*; нѣкоторые думаютъ, что это можно объяснить такимъ образомъ, что пред-

*) Ук. соч. 54.

ставленію *a* соотвѣтствуетъ дѣятельность клѣтки *a*, представленію *b* соотвѣтствуетъ дѣятельность клѣтки *b*, а соединеніе этихъ двухъ клѣтокъ соотвѣтствуетъ соединенію этихъ двухъ представленій. Но это невѣрно, и вотъ почему: соединеніе двухъ представленій есть несомнѣнный *фактъ*, а соединеніе двухъ клѣтокъ, якобы соотвѣтствующихъ этимъ двумъ представленіямъ, есть *гипотеза*, пока ничѣмъ неоправданная.

Я хочу иллюстрировать это положеніе однимъ любопытнымъ случаемъ. Недавно между вѣнскимъ анатомомъ *Штриккеромъ* и психологомъ *Штумфомъ* возникъ такого рода споръ: по поводу одной теоріи Штриккеръ упрекнулъ Штумфа въ томъ, что «должно быть, когда онъ писалъ свою теорію, онъ не имѣлъ совершенно яснаго представленія относительно строенія мозговой коры». А Штумфъ для возраженія Штриккеру беретъ ту же самую книгу его, въ которой содержится это возраженіе, и тамъ находитъ слѣдующія выраженія: «Совершенно не наше дѣло доказывать, говорилъ Штриккеръ, извѣстны ли намъ эти нервные пути, или же нѣтъ. *Ассоціація есть несомнѣнный фактъ*». «Это положеніе относительно ассоціаціи представленій совсѣмъ не есть гипотеза». «Выраженіе «ассоціація» перешло также въ физіологію и здѣсь оно опирается только на *гипотезу*». Эти показанія для насъ въ высшей степени цѣнны, потому что они принадлежатъ анатому и ясно характеризуютъ отношеніе физіологіи и психологіи.

Кромѣ того, намъ кажется, что ясное постиженіе того положенія, что мысль не есть функція мозга, имѣетъ громадное значеніе и для выработки правильнаго философскаго міровоззрѣнія, потому что понять, что въ мірѣ существуютъ не одни только матеріальныя явленія или что матерія совсѣмъ не есть то, что подъ нею разумѣютъ физики,—значитъ кореннымъ образомъ измѣнить обычный въ естествознаніи взглядъ на природу вещей.

СЭРЪ ДЖОРЖЪ ТРЕССЕДИ.

Романъ Гемфри Уордъ.

Переводъ съ англійскаго А. Анненской.

*(Продолженіе *).*

III.

Въ тотъ же самый поздній вечеръ, который такъ непріятно окончился для горничной миссъ Сьювель, сэру Джоржу Тресседи пришлось вести довольно странный разговоръ.

Простившись съ Летти, онъ, подъ предлогомъ усталости, отказался отъ приглашенія пройти въ курильную комнату; но онъ не легъ спать. Ему, такъ же какъ и Летти, трудно было удержаться отъ искушенія посидѣть у камина и пораздумать. Онъ еще не начиналъ раздѣваться, когда услышалъ стукъ въ дверь. На его приглашеніе войти, въ дверяхъ появился лордъ Фонтеной.

— Можно мнѣ къ вамъ, Тресседи?

— Сдѣлайте одолженіе!

Тѣмъ не менѣе, Джоржъ посмотрѣлъ на посѣтителя съ нѣкоторымъ изумленіемъ. Онъ не былъ лично друженъ съ Фонтеноемъ.

— Ну, я радъ, что вы еще не легли; я уѣзжаю завтра утромъ, а мнѣ хочется прежде сказать вамъ нѣсколько словъ. Можете вы подарить мнѣ 10 минутъ?

— Конечно. Садитесь пожалуйста. Только—долженъ сознаться, я сильно утомленъ. Если это что-нибудь важное, я не обѣщаю сообразить, какъ слѣдуетъ.

Лордъ Фонтеной не сразу отвѣтилъ. Онъ стоялъ у камина, устремивъ глаза на папиросу, которую продолжалъ держать въ рукахъ, и молчалъ. Джоржъ смотрѣлъ на него, съ трудомъ скрывая неудовольствіе.

---

*) См. «Міръ Божій» № 1, январь 1896 г.

— Это была жаркая борьба,—проговорилъ, наконецъ, Фонтеной медленно,—и вы ее выиграли. Наша партія имѣла повсюду успѣхъ на нынѣшнихъ выборахъ. Но ваша побѣда самая значительная изъ всѣхъ, какія намъ удалось одержать. Ваши рѣчи обратили на себя вниманіе—это видно по тому, какъ ими занимается пресса, хотя вы еще новичокъ въ политикѣ. Въ палатѣ вы будете нашимъ лучшимъ ораторомъ,—конечно, со временемъ, когда пріобрѣтете опытность. Что касается меня, я долженъ подготовляться недѣли двѣ, чтобы сказать что-нибудь порядочное. Безъ этого я ничего не могу. Вы съ самаго начала примете участіе въ преніяхъ. Такъ я именно этого и ожидалъ.

Онъ остановился. Джоржъ безпокойно двигался на стулѣ и ничего не говорилъ.

Фонтеной продолжалъ:

— Вы, надѣюсь, не примете за навязчивость того, что я вамъ скажу,—но, вы помните мои письма къ вамъ въ Индію?

Джоржъ сдѣлалъ утвердительный знакъ.

— Они ставили вопросъ рѣзко,—проговорилъ Фонтеной,—но по моему все-таки недостаточно рѣзко. Нынѣшнее недостойное министерство держится благодаря помощи тираніи, тираній рабочихъ. Они называютъ себя консерваторами, на самомъ дѣлѣ они просто государственные соціалисты, скрытые соціалисты-революціонеры. Мы съ вами вступили въ парламентъ, чтобы, по возможности, сломить эту тиранію. Нынѣшній годъ и будущій имѣютъ громадное значеніе. Если мы на время обуздаемъ Максвеля и его друзей, если мы придадимъ смѣлости либераламъ, если мы сплотимся и объединимъ наши силы, разсѣянныя въ странѣ,—наша цѣль будетъ достигнута. Тогда мы можемъ сказать, что создали противовѣсъ нынѣшнему направленію; на будущихъ выборахъ наша побѣда обезпечена, и тогда свобода, или, лучше сказать, жалкіе остатки ея будутъ спасены для цѣлаго поколѣнія. Но чтобы имѣть успѣхъ, каждый изъ насъ долженъ дѣлать громадныя усилія, приносить громадныя жертвы.

Фонтеной остановился и посмотрѣлъ на своего собесѣдника. Джоржъ полулежалъ въ креслѣ съ закрытыми глазами. Съ какой стати, думалось ему, выбралъ Фонтеной именно этотъ часъ и эту ночь, чтобы повторять всѣ эти избитыя истины; вѣдь онъ уже говорилъ ихъ и въ своихъ безчисленныхъ рѣчахъ, и почти въ каждомъ письмѣ, которое Джоржъ получалъ отъ него.

— Я и не думаю, что намъ предстоитъ дѣтская игра,—отвѣчалъ онъ, подавляя зѣвокъ.—Надѣюсь, что, выспавшись сегодня ночью, я еще лучше пойму всю серьезность положенія.—Онъ съ улыбкой посмотрѣлъ на собесѣдника.

Фонтеной бросилъ папиросу въ каминъ и стоялъ съ минуту молча, заложивъ руки за спину.

— Послушайте, Тресседи,—сказалъ онъ наконецъ;—вы помните, въ какомъ положеніи были мои дѣла при вашемъ отъѣздѣ изъ Англіи? Я васъ мало зналъ, но, думаю, вы, также какъ и многіе другіе юноши, многое знали обо мнѣ?

Джоржъ сдѣлалъ ожидаемый отъ него знакъ согласія.

— Конечно, я зналъ кое-что о васъ,—сказалъ онъ улыбаясь,—это было не трудно.

Фонтеной тоже улыбнулся, но не весело. Веселость сдѣлалась невозможной для этого человѣка, постоянно удрученнаго работой, постоянно чувствовавшаго нѣкоторую горечь.

— Я былъ сумасшедшій,—быстро проговорилъ онъ,—я сумасшествовалъ открыто, у всѣхъ на глазахъ. Но я наслаждался жизнью. Не думаю, чтобы кто-нибудь наслаждался больше меня. Каждый день моей прежней жизни можетъ служить опроверженіемъ того, что говорятъ добрые люди, будто надо быть добродѣтельнымъ, чтобы быть счастливымъ. Я бездѣльничалъ, я кутилъ; я былъ порочень, и въ то же время я былъ однимъ изъ счастливѣйшихъ людей на свѣтѣ. Лошади, скачки—это было мое величайшее наслажденіе. До сихъ поръ, вспоминая эти утра въ манежѣ, выѣздку моихъ жеребятъ, все разнообразіе, всѣ волненія моей тогдашней жизни, я не могу отдѣлаться отъ желанія, чтобы она снова вернулась. А между тѣмъ, въ послѣдніе три года я не купилъ ни одной лошади, не видѣлъ ни одной скачки, не держалъ ни одного пари. Я посѣщаю общество только изъ политическихъ соображеній и почти не пью вина. Я отказался отъ всего, что прежде мнѣ доставляло удовольствіе, отказался вполнѣ. Въ силу этого я, кажется, имѣю право заявить своимъ сторонникамъ мое твердое убѣжденіе, что, пока каждый изъ насъ и всѣ мы не откажемся отъ удобствъ и удовольствій личной жизни, пока мы не согласимся не щадить себя и переносить непріязнь парламента, подобно парнелитамъ, выступая впередъ кстати и не кстати, пока мы не рѣшимъ жертвовать всѣмъ ради дѣла—намъ лучше совсѣмъ не начинать борьбы, такъ какъ безъ этого мы не можемъ одержать побѣды.

Джоржъ обхватилъ руками колѣна и упрямо смотрѣлъ въ огонь. Читать проповѣди дѣло хорошее, но Фонтеной положительно злоупотребляетъ имъ; онъ несомнѣнно сдѣлалъ много, но несомнѣнно только потому, что это было ему пріятно.

— Ну,—сказалъ онъ, наконецъ, съ усмѣшкой взглянувъ на своего собесѣдника,—я, право, не понимаю, что вы хотите сказать.

Можетъ быть, вамъ представляется, что мнѣ не слѣдуетъ думать о женитьбѣ?

Подъ наружною безпечностью его тона скрывалось значительное раздраженіе. Онъ отчасти угадывалъ, что подразумѣвалъ Фонтеной, и хотѣлъ показать, что не намѣренъ подчиняться ему.

Фонтеной тоже засмѣялся и такъ же не весело, какъ и раньше. Затѣмъ, онъ отвѣчалъ спокойнымъ тономъ:

— Я именно это и хотѣлъ сказать. Если вы, сразу послѣ выборовъ, при началѣ такой критической сессіи, отдадите лучшія силы своей души чему-нибудь другому, а не предстоящей намъ борьбѣ, я буду смотрѣть на васъ, какъ на потеряннаго для насъ человѣка, на время, по крайней мѣрѣ, какъ на человѣка, до нѣкоторой степени измѣнившаго намъ.

Кровь прилила къ щекамъ Джоржа.

— Честное слово!—вскричалъ онъ, вскакивая,—вы слишкомъ требовательны!

Фонтеной поспѣшилъ отвѣтить въ примирительномъ тонѣ.

— Я хотѣлъ бы только поддержать машину въ порядкѣ.

Джоржъ нѣсколько минутъ молча ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Затѣмъ онъ остановился:

— Послушайте, Фонтеной! Я не могу смотрѣть на дѣло такими же глазами, какими вы смотрите, и всего лучше будетъ, если мы сразу объяснимся. Для меня мое избраніе дѣло, въ сущности, простое. Я его принимаю и принимаю всѣ его послѣдствія, такъ же какъ сдѣлалъ бы всякій другой человѣкъ. Я присоединился къ вашей партіи и къ вашей программѣ и намѣренъ поддерживать ее. Я вижу, что политическое положеніе затруднительно и не думаю отступать. Но я не стану приносить свою личную жизнь въ жертву политикѣ, какъ не приносилъ и отецъ мой, когда былъ членомъ парламента. Если революція должна разразиться, она разразится, не смотря ни на васъ, ни на меня. И кромѣ того— позвольте мнѣ замѣтить вамъ—вашъ образъ дѣйствій въ концѣ концовъ невыгоденъ и для дѣла. Ни одинъ человѣкъ не можетъ работать, какъ вы, безъ отдыха и безъ всякихъ развлеченій. Вы этого не вынесете, и тогда что будетъ съ нашимъ дѣломъ?

Лордъ Фонтеной посмотрѣлъ на своего собесѣдника какъ-то странно, точно что-то разсчитывая. Онъ какъ будто быстро соображалъ въ умѣ разные pro и contra и въ концѣ концовъ рѣшилъ оставить начатый разговоръ, втайнѣ сожалѣя, что затѣялъ его.

— Ну да, конечно,—сказалъ онъ,—все, что я вамъ говорилъ, представляется вамъ простою назойливостью съ моей стороны.

Надѣюсь, вы со временемъ перемѣните свое мнѣніе и простите мнѣ. Я разсчитываю на силу обстоятельствъ. Вы въ этомъ сами убѣдитесь, когда настоящимъ образомъ вступите въ борьбу. Въ этой тираніи рабочей партіи есть нѣчто, что возбуждаетъ всѣ страсти человѣка и дурныя, и хорошія. Если она не возбудитъ васъ, значитъ я въ васъ сильно ошибался. Что касается меня, обо мнѣ не стоитъ заботиться. Мало на свѣтѣ людей, такихъ сильныхъ, какъ я. Вы, кромѣ того, забываете...

Онъ остановился. Въ послѣдніе годы, послѣ своего перерожденія, лордъ Фонтеной очень рѣдко говорилъ самъ о себѣ. Но въ эту минуту, взглянувъ на него, Джоржъ сразу замѣтилъ, что его собесѣдникъ находится подъ вліяніемъ какого-то мрачнаго личнаго чувства.

— Вы забываете,—продолжалъ онъ,—что я ничему не учился ни въ школѣ, ни въ университетѣ, и что человѣкъ, который хочетъ быть руководителемъ партіи, долженъ такъ или иначе платить за это драгоцѣнное право. Когда вы уѣзжали изъ Англіи, единственный финансовый документъ, который я понималъ, была книга съ записью закладовъ. Я зналъ изъ исторіи только то, что можно узнать, когда живешь среди людей, дѣлающихъ исторію, и былъ слишкомъ лѣнивъ, чтобы пользоваться даже такими знаніями. Я не понималъ самаго простого экономическаго разсужденія, и я ненавидѣлъ всякіе хлопоты. Я долженъ былъ мучиться, какъ каторжникъ, чтобы достичь того, чего я достигнулъ. Вы удивились бы, если бы могли иногда видѣть меня ночью, видѣть, что дѣлаю, что я принужденъ дѣлать, чтобы не казаться невѣждой въ самыхъ элементарныхъ вещахъ.

Джоржъ былъ тронутъ. Тонъ говорившаго принялъ выраженіе спокойнаго достоинства, не смотря на горькое смиреніе, заключавшееся въ словахъ его.

— Вы меня окончательно пристыдили,—сказалъ онъ искренно, хотя нѣсколько смущенно.—Пожалуйста, не лишайте меня вашего довѣрія; я постараюсь сдѣлать все, что могу.

— Покойной ночи,—сказалъ лордъ Фонтеной, протягивая руку. Онъ не добился никакихъ обѣщаній,' Джоржъ почувствовалъ и высказалъ ему неудовольствіе, но, не смотря на это, взаимная дружба ихъ сдѣлала значительный шагъ впередъ.

Джоржъ заперъ за нимъ дверь и вернулся къ камину, чтобы обдумать весь этотъ странный разговоръ. Ничего въ жизни не встрѣчалъ онъ болѣе удивительнаго, чѣмъ это превращеніе игрока и мота въ страстнаго руководителя труднымъ дѣломъ. Онъ видѣлъ одно только свойство, общее и тому человѣку, какимъ онъ

помнитъ Фонтеноя, и политическому дѣятелю, за которымъ онъ обязался слѣдовать,—это свойство была необыкновенная сила воли. Даже Фонтеной во время своихъ безумствъ не былъ ни веселымъ, ни пріятнымъ членомъ общества, но его твердая воля, его сумасбродная, неугомонная энергія давали ему власть надъ людьми болѣе мягкаго темперамента. Эта воля и эта энергія жили въ немъ до сихъ поръ, еще болѣе прежняго закаленныя и сосредоточенныя. Джоржъ Тресседи по временамъ сомнѣвался только, вполнѣ ли самъ онъ готовъ подчиниться имъ.

Онъ сравнительно недавно лично познакомился съ Фонтеноемъ. Года четыре его не было въ Англіи и онъ вернулся на родину всего за три мѣсяца до выборовъ въ Маркетъ-Мальфордѣ. Непосредственной причиной его возвращенія было письмо, полученное имъ отъ Фонтеноя, но раньше между ними не было никакихъ прямыхъ сношеній.

Обстоятельства, вызвавшія продолжительное отсутствіе Тресседи, имѣютъ отношеніе къ его послѣдующей исторіи, и мы потому объяснимъ ихъ здѣсь. Отецъ его, сэръ Вильямъ, владѣлецъ Фёртъ Плэса, въ Западной Мерсіи, умеръ въ тотъ годъ, когда Джоржъ, его единственный сынъ, вышелъ изъ университета. Сынъ рѣшилъ немедленно отправиться путешествовать, такъ какъ послѣ отца остались значительные долги, а его отвращеніе къ юридической дѣятельности, къ которой онъ подготовлялся, сильно возрасло, когда онъ получилъ свободу дѣлать что хочетъ. Онъ считалъ даже, что обязанъ путешествовать, если намѣренъ принимать участіе въ общественной или парламентской жизни, а ни къ какой другой профессіи, по его словамъ, онъ не чувствовалъ ни малѣйшаго призванія. Кромѣ того, было необходимо соблюдать экономію въ расходахъ. Въ его отсутствіе можно сдать въ наймы лондонскій домъ, лэди Тресседи будетъ спокойно жить въ Фёртѣ на пенсіи, а дяди будутъ завѣдывать его каменноугольными копями.

Лэди Тресседи была на все согласна, кромѣ суммы пенсіи, назначенной ей; эта сумма была, по ея словамъ, до нелѣпости мала. Дяди, пожилые, практическіе люди, не могли понять, почему молодое поколѣніе не хочетъ сразу, безъ всякихъ отсрочекъ запрягаться въ дѣло, какъ запрягались они сами. Джоржъ настаивалъ на своемъ и приводилъ не мало доводовъ въ свою пользу. Въ университетѣ онъ не лѣнился, хотя никогда не былъ въ числѣ особенно прилежныхъ студентовъ. Подъ вліяніемъ естественнаго честолюбія и хорошаго наставника, онъ пріобрѣлъ нѣкоторыя знанія и былъ молодымъ человѣкомъ, полнымъ вопросовъ, обрыв-

ковъ идей, зарождающихся интересовъ, пытливости и сильнаго желанія, которое онъ, впрочемъ, не рѣшался высказывать—отличиться на поприщѣ политической дѣятельности. Пока онъ еще былъ въ университетѣ, онъ—вѣроятно, подъ вліяніемъ одного изъ товарищей — увлекался восточными вопросами и будущимъ положеніемъ Англіи въ Азіи; какъ только онъ получилъ свободу самостоятельно располагать собой и своими умѣренными доходами, такъ у него загорѣлась свойственная всѣмъ англичанамъ страсть самому все видѣть, трогать, изслѣдовать, загорѣлось естественное въ молодомъ человѣкѣ желаніе ѣхать туда, куда ѣхать опасно и куда обыкновенно не ѣздятъ. Его пріятель — сынъ извѣстнаго географа—унаслѣдовавшій отъ отца инстинкты изслѣдователя,—собирался въ это время путешествовать по Малой Азіи, Арменіи и Персіи, Джорджъ твердо рѣшилъ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ, и его семейнымъ пришлось покориться.

Молодой человѣкъ говорилъ, что уѣзжаетъ на годъ; но прошелъ годъ, прошло еще два года, наступилъ четвертый годъ со времени его отъѣзда, а онъ не выказывалъ ни малѣйшаго желанія возвратиться. Судя по письмамъ, приходившимъ отъ него на родину, онъ побывалъ въ Персіи, въ Индіи и на Цейлонѣ; всюду находилъ себѣ друзей и пріятно проводилъ время; на Цейлонѣ онъ служилъ даже 8 мѣсяцевъ частнымъ секретаремъ у губернатора, который очень полюбилъ его; передъ самымъ пріѣздомъ его онъ лишился, вслѣдствіе несчастнаго случая на морѣ, молодого человѣка, совершенно необходимаго ему для поддержанія губернаторскаго дома. Оттуда Тресседи проѣхалъ въ Китай и Японію, изъ Пекина сдѣлалъ экскурсію въ Монголію, побывалъ на Формозѣ, познакомился въ Сайгонѣ съ нѣсколькими французскими морскими офицерами и провелъ съ ними двѣ, три веселыя, безпутныя недѣли; поѣздилъ по Сіаму и черезъ Бирму вернулся въ Калькутту со смутнымъ намѣреніемъ въ непродолжительномъ времени сѣсть на корабль и отправиться на родину.

Между тѣмъ, живя на Цейлонѣ, онъ помѣстилъ за своею подписью нѣсколько статей въ одной большой англійской газетѣ; эти статьи и знакомство съ нѣкоторыми значительными лицами, которымъ естественно нравился интеллигентный, не глупый, молодой человѣкъ, хорошей семьи и съ хорошими манерами—обратили на него вниманіе. Тонъ его статей былъ строго англійскій и имперіалистскій. Первая изъ нихъ появилась передъ его посѣщеніемъ Сайгона, и Тресседи благодарилъ свою счастливую звѣзду, что его друзья французы менѣе интересуются иностранной литературой, чѣмъ практической жизнью. Онъ, впрочемъ, гордился

своимъ первымъ литературнымъ успѣхомъ и, благодаря этому успѣху, въ умѣ его скристаллизовались многія идеи и чувства, являвшіяся первоначально не обоснованной политической теоріей, а просто предразсудками путешественника, привыкшаго видѣть своихъ соотечественниковъ всюду побѣдителями и встрѣчать любезный пріемъ у оффиціальныхъ лицъ. Онъ продолжалъ писать, и съ каждой статьей убѣжденія его становились тверже, превратились въ вѣру, наконецъ, въ страсть, и, по возвращеніи домой, онъ считалъ, что выработалъ себѣ извѣстную философскую систему, которой будетъ держаться до конца жизни. Это была обыкновенная система интеллигентнаго наблюдателя съ изысканными вкусами, система, основанная на идеѣ величія Англіи и безконечной важности предстоящей ей задачи, на идеѣ о правѣ господства умственной аристократіи, о неспособности демократіи, о естественныхъ прерогативахъ высшихъ расъ, и на личномъ глубокомъ уваженіи къ добродѣтелямъ администраторовъ и арміи.

Когда подобнаго рода убѣжденія крѣпко засядутъ въ мозгу человѣка, нельзя ожидать, что онъ будетъ относиться сочувственно къ демократическому правленію. Тресседи читалъ англійскія газеты съ возраставшимъ отвращеніемъ. Отъ этой маленькой Англіи зависѣла судьба самыхъ отдаленныхъ странъ свѣта, а Англія—это былъ англійскій рабочій, которому льстили всѣ партіи. Онъ безтолково шумѣлъ и волновался дома, въ то время какъ имперія, ея администрація и защита, все, чѣмъ жила эта прозябающая «уличная толпа», подвергались опасности погибнуть отъ истощенія, встрѣчали препятствія своей дѣятельности вслѣдствіе неразумныхъ фантазій выродившейся расы. Глубокая ненависть къ правленію толпы укоренилась въ душѣ Тресседи, постепенно переходя въ послѣдніе три мѣсяца его пребыванія въ Индіи въ желаніе вернуться на родину, занять свое мѣсто въ борьбѣ политическихъ партій. сказать свое слово. «Власть должна принадлежать наиболѣе способнымъ, а не большинству»—вотъ въ краткихъ словахъ теорія, выведенная имъ на основаніи трехлѣтняго опыта.

Къ этому присоединялось и вліяніе его личныхъ дѣлъ. Онъ былъ землевладѣльцемъ въ Западной Мерсіи, каменноугольномъ округѣ, и ему принадлежало нѣсколька копей. Его дяди, имѣвшіе свою долю въ имѣніи, посылали ему постоянно отчеты о ходѣ дѣлъ. Съ каждымъ отчетомъ Тресседи находилъ, что дѣла идутъ все хуже, доходовъ получается все меньше. Дѣйствительно, письма дядей были наполнены жалобами и тревожными извѣстіями. Послѣ долгаго періода мира въ каменноугольной промышленности, казалось приближалось время горячей борьбы между хозяевами и ра-

бочими. «Намъ приходится черезъ каждыя пятнадцать лѣтъ колотить ихъ»,—писалъ одинъ изъ дядей,—«и скоро придетъ это время».

Неразуміе, грубость и требовательность рабочихъ, тиранія рабочаго союза, возрастающая дерзость лицъ, стоящихъ во главѣ этого союза,—вотъ о чемъ писали Тресседи въ каждомъ письмѣ съ родины. И банкирскій счетъ Тресседи представлялъ непріятный комментарій къ этимъ корреспонденціямъ. Копи работали почти въ убытокъ; но еще ни одна изъ партій не рѣшила пускать въ ходъ насиліе.

Тресседи продолжалъ жить въ Бомбеѣ, хотя считалось, что онъ возвращается домой, когда къ нему пришло письмо лорда Фонтеноя.

Лордъ Фонтеной мелькомъ упоминалъ о томъ, что они встрѣчались раньше и что между нимъ и Тресседи были отдаленныя родственныя связи; говорилъ въ лестныхъ выраженіяхъ объ убѣжденіяхъ и способностяхъ Тресседи, описывая возникновеніе и цѣль новой парламентской партіи, главою и основателемъ которой состоялъ онъ самъ; и, въ концѣ концовъ, убѣждалъ его вернуться домой какъ можно скорѣе и выступить депутатомъ отъ округа Маркетъ Мальфорта, гдѣ семья его пользовалась большимъ вліяніемъ. Послѣ общихъ выборовъ, происходившихъ въ іюнѣ и вернувшихъ власть умѣренно консервативному министерству, депутатъ отъ Маркетъ Мальфорда заболѣлъ неизлѣчимой болѣзнью. Вакансія его можетъ открыться очень скоро. Фонтеной просилъ отвѣтить ему телеграммой и выѣхать съ первымъ же пароходомъ.

Тресседи частью по слухамъ, частью изъ газетъ уже зналъ въ общихъ чертахъ исторію лорда Фонтеноя за послѣдніе годы. Первая политическая рѣчь Фонтеноя, которую онъ прочелъ въ газетахъ, произвела на него впечатлѣніе почти фарса, пусть бы Дикъ лучше занимался своими жеребцами! Вторую рѣчь онъ перечелъ дважды: какъ въ ней, такъ и въ программѣ партіи, писанной тою же рукой и появившейся въ газетахъ, и въ письмѣ только-что полученномъ имъ, высказывалось что-то, чего онъ какъ будто ждалъ. Слогъ былъ необработанъ и грубоватъ, но Тресседи почувствовалъ въ немъ сильную ноту вождя партіи.

Онъ ходилъ цѣлый часъ по улицамъ Бомбея, раздумывая надъ письмомъ, затѣмъ послалъ телеграмму и на возвратномъ пути къ завтраку домой взялъ себѣ билетъ на пароходѣ.

Вотъ какимъ путемъ произошло знакомство этихъ двухъ людей. Послѣ возвращенія Джоржа, они были постоянно вмѣстѣ. Фонтеной внесъ всю колоссальную силу своей дѣятельности въ выборную борьбу Маркетъ Мальфорда и Джоржъ чувствовалъ, что многимъ обязанъ ему.

Оставшись одинъ въ эту ночь, Тресседи долго не могъ успокоиться и заснуть. Несмотря на его возраженія, слова Фонтеноя и вліяніе его личности вернули ему прежнее равновѣсіе души. Интересы честолюбія и умственной дѣятельности овладѣли имъ съ прежнею силою. Миссъ Сьювель несомнѣнно помогла ему очень пріятно провести послѣднія три недѣли; но, въ концѣ концовъ, стоитъ-ли объ этомъ много думать?

Ея маленькая фигура возникала передъ его умственными взорами, пока огонь постепенно угасалъ въ каминѣ; отрывки ея болтовни звучали въ ушахъ его. Онъ начиналъ стыдиться самого себя. Фонтеной былъ правъ. Теперь не время объ этомъ думать. Конечно, онъ когда-нибудь долженъ жениться; онъ ѣхалъ на родину съ смутнымъ намѣреніемъ жениться; но свѣтъ великъ и на немъ много женщинъ. Вѣроятно, благодаря матери, въ его душѣ было мало романическихъ наклонностей. Онъ съ дѣтства хорошо зналъ характеръ матери и ея отношенія къ отцу, и не могъ, подобно многимъ другимъ дѣтямъ, питать убѣжденія, что всѣ взрослые и преимущественно всѣ матери — святые. Въ Индіи онъ имѣлъ нѣсколько увлеченій; но тамошніе романы только подтвердили его съ дѣтства составленныя мнѣнія. Если бы ему пришлось высказать словами свое мнѣніе о женщинахъ, онъ сказалъ бы нѣчто весьма рѣзкое, даже грубое, что не мѣшало ему, однако, считать ихъ общество въ высшей степени пріятнымъ.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ размышленій, онъ проснулся на слѣдующее утро именно въ томъ расположеніи духа, какое Летти предвидѣла по собственнымъ соображеніямъ. Ему непріятно было думать, что онъ и Летти Сьювель проведутъ вмѣстѣ еще два или три дня. Онъ и мать его должны остаться въ Мальфордѣ нѣсколько дней, пока рабочіе кончатъ передѣлки въ ихъ домѣ за 20 миль оттуда, на противоположной сторонѣ округа Маркетъ Мальфордъ. Между тѣмъ, исключительно для его развлеченія предполагалось устроить охоту. Хорошо бы придумать какое-нибудь важное дѣло, требующее его присутствія въ городѣ!

Онъ сошелъ къ завтраку около десяти часовъ. Въ столовой сидѣла только Эвелина Уаттонъ и ея мать, большинство мужчинъ уже уѣхало.

— Ну, садитесь и занимайте насъ, сэръ Джоржъ, — сказала миссисъ Уаттонъ, протягивая ему руку съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ.—Мы въ самомъ уныломъ расположеніи духа, мужчины всѣ разъѣхались, Флори простудилась и лежитъ въ постели, а Летти уѣхала съ поѣздомъ въ 9 часовъ 30 минутъ.

Передавая чашку кофе Джоржу, она замѣтила, что извѣстіе поразило его.

— Миссъ Сьювель уѣхала? Что же это такъ неожиданно? — спросилъ онъ.— Я думалъ, миссъ Летти пробудетъ здѣсь до конца недѣли.

Миссисъ Уаттонъ пожала плечами.

— Она прислала мнѣ въ половинѣ девятаго записочку съ извѣстіемъ, что мать ея не совсѣмъ здорова и ей нужно ѣхать домой. Она прибѣжала попрощаться со мною, поболтала о разныхъ разностяхъ, со всѣми расцѣловалась и—исчезла. Я слышала, что она позавтракала, что ей привели экипажъ, значитъ, мнѣ было не о чемъ хлопотать. Я никогда не мѣшаюсь въ дѣла современныхъ молодыхъ женщинъ.

Она подняла лорнетъ и посмотрѣла пристально и съ любопытствомъ на Тресседи. Лицо его ничего не сказало ей, и такъ какъ она вообще равнодушно относилась къ чужимъ чувствамъ, то скоро забыла свое любопытство.

Эвелина Уаттонъ, прелестная, свѣжая дѣвочка, къ которой очень шелъ ея утренній костюмъ, раза два робко взглянула на него, передавая ему горчицу и уксусъ.

Она въ это время переживала періодъ поэзіи и счастливой мечтательности. Всѣ люди представлялись ей необыкновенно хорошими, особенно, если они были молоды. Летти никогда особенно ей не нравилась и не принадлежала къ числу ея друзей. Но она ни о комъ не могла думать дурно, и ея маленькое сердечко нѣжно билось въ присутствіи всего, что имѣло отношеніе къ любви и браку. Она съ восхищеніемъ слѣдила за Джоржемъ и Летти. И зачѣмъ это Летти бѣжала? Она сочувственно поглядывала на сэра Джоржа, и ей казалось, что у него очень серьезный и огорченный видъ.

Между тѣмъ, Джоржъ не былъ огорченъ; по крайней мѣрѣ, ему самому казалось, что онъ нисколько не огорченъ. Послѣ завтрака онъ пошелъ въ библіотеку, насвистывая и вспоминая очень нравившееся ему стихотвореніе одного изъ современныхъ поэтовъ, гдѣ говорилось о томъ, что «они цѣловали крылья, принесшія его вчера, и благодарили эти крылья за то, что они унесли его сегодня».

Ему, впрочемъ, не долго пришлось заниматься поэзіей: мать его вбѣжала въ комнату и напомнила ему, что онъ обѣщалъ имѣть съ ней разговоръ. Послѣ этого разговора Джоржъ сталъ молчаливъ и раздражителенъ. Расточительность его матери была дѣйствительно невыносимо нелѣпа. За послѣдніе четыре года онъ былъ освобожденъ отъ ежедневныхъ заботъ о денежныхъ дѣлахъ, которыя отравили его молодость и заставили его потерять уваже-

ніе къ матери. И онъ наслаждался этой свободой. Но оказалось, что онъ льстилъ себя иллюзіей и что всѣ заботы только копились къ его возвращенію. Ея теперешнія требованія—и онъ очень хорошо зналъ, что они были не послѣднія—превосходили всю наличность, какою онъ располагалъ у своего банкира.

Лэди Трессели, съ своей стороны, думала съ негодованіемъ и отчаяніемъ, что онъ относился къ ней совсѣмъ не такъ, какъ долженъ относиться единственный сынъ, особенно сынъ, вернувшійся къ матери-вдовѣ послѣ четырехъ-лѣтняго отсутствія. Можно ли было думать, что въ теченіе четырехъ лѣтъ она не надѣлаетъ долговъ, получая такіе нищенскіе доходы? Правда, онъ обѣщалъ дать ей немного денегъ, но далеко не достаточно и никакъ не въ настоящую минуту. Ему надобно еще «осмотрѣться дома». Лэди Трессели страшно сердилась на него и на себя, что не съумѣла лучше доказать ему, насколько ея обязательства были важны и не терпѣли отлагательства.

Онъ непремѣнно долженъ понять, что ей каждую минуту грозитъ скандалъ. Противный извозчикъ, у котораго она нанимала лошадей, и два или три модные магазина не согласны ни накакія сдѣлки; она пускала въ ходъ всевозможныя уловки, и все напрасно. Больше рѣшительно она ничего не можетъ сдѣлать.

Что касается другихъ дѣлъ,—но мысль о нихъ она съ ужасомъ прогоняла отъ себя. Счастье навѣрно повернется къ ней когда-нибудь, должно повернуться! Нечего говорить объ этомъ именно теперь, когда Джоржъ въ такомъ отвратительномъ расположеніи духа.

Какъ это странно и какъ непріятно! Онъ и ребенкомъ никогда не былъ ласковымъ и кроткимъ, какъ другія дѣти. А теперь, Богъ знаетъ что! И почему это именно у *ея* сына такія непріятныя манеры!

Не смотря на всѣ ухищренія, ей не удалось заставить Джоржа вступить съ ней еще разъ въ разговоръ. Она принимала при немъ видъ оскорбленной невинности, а про себя день и ночь ломала голову, придумывая, какъ выйти изъ затруднительнаго положенія.

Между тѣмъ Джоржъ вовсе не чувствовалъ себя счастливымъ всѣ эти дни. Его забрасывали поздравленіями и, судя по газетамъ, «вся Англія,—какъ выражалась лэди Трессели,—говорила о немъ». Ему казалось даже смѣшно, какъ мало удовольствія доставляло ему все это. Мрачное расположеніе духа не покидало его. Онъ перебиралъ въ умѣ всевозможные предлоги, чтобы избѣжать задуманной охоты, и уѣхать. Но его сильно упрашивали остаться, а онъ чувствовалъ себя обязаннымъ Уат-

тонамъ. Поэтому онъ остался, но стрѣлялъ такъ неудачно, что это усилило его недовольство всѣмъ свѣтомъ и заставило прочихъ охотниковъ сомнѣваться, чтобы репутація индѣйскаго охотника имѣла какое-нибудь значеніе, когда приходится имѣть дѣло съ британскими фазанами.

Затѣмъ, онъ обратился къ дѣламъ. Онъ попытался прочесть нѣкоторые парламентскіе отчеты, оставленные ему Фонтеноемъ и испещренные отмѣтками Фонтеноя. Но онъ быстро отбросилъ ихъ: онъ боялся, что при томъ мрачно раздраженномъ настроенія, въ какомъ находился, они заставятъ его изъ духа противорѣчія перемѣнить убѣжденія, прежде чѣмъ онъ вступитъ въ парламентъ.

Наканунѣ дня, назначеннаго для послѣдней охоты, слуга вмѣстѣ съ прочей почтой принесъ ему рано утромъ письмо, которое онъ быстро распечаталъ, отбросивъ въ сторону всѣ остальныя.

Это было письмо миссъ Сьювель, которая просила его очень мило и въ очень короткихъ словахъ, если можно, возвратить ей книгу, которую онъ бралъ у нея.

«Маменька почти совсѣмъ оправилась отъ своей простуды,— писала она.—Надѣюсь, что охота доставила вамъ удовольствіе, и что вы читаете *всѣ* Синія книги лорда Фонтеноя».

Джоржъ написалъ отвѣтъ прежде, чѣмъ сошелъ къ завтраку, самое обыкновенное письмецо, которое казалось ему верхомъ пошлости. Онъ сломалъ два пера прежде, чѣмъ кончилъ его. Послѣ этого онъ отправился одинъ на большую прогулку и все раздумывалъ, что это такое съ нимъ случилось. Неужели маленькая колдунья пустила каплю стараго всѣмъ извѣстнаго яда въ его жилы? Конечно, нѣкоторыя женщины умѣютъ придать жизни радость и оживленіе, а другія, какъ, напр., его мать или миссисъ Уаттонъ, превращаютъ ее въ сплошную скуку и пошлость.

Съ дѣтства на Тресседи находили по временамъ припадки меланхоліи, какого-то внутренняго недовольства, при которомъ весь свѣтъ представлялся ему въ мрачномъ видѣ, воля его парализовалась, онъ ненавидѣлъ себя и презиралъ своихъ сосѣдей. Очень можетъ быть, что полусознательное опасеніе, какъ бы эта болѣзненная черта не развилась въ ущербъ остальнымъ, заставило его, тотчасъ по выходѣ изъ университета, страстно стремиться къ путешествіямъ и къ перемѣнѣ обстановки. Этимъ же объясняются разные неожиданные поступки его и кажущееся непостоянство его вкусовъ. Въ теченіе трехъ недѣль, которыя онъ провелъ въ одномъ домѣ съ Летти Сьювель, онъ ни разу не замѣтилъ въ себѣ этого непріятнаго настроенія. А теперь, черезъ четыре дня послѣ отъѣзда, онъ положительно тосковалъ; ему

хотѣлось снова услышать ея голосъ, шелестъ ея изящнаго платья; снова видѣть ея вызывающіе манеры, въ которыхъ было что-то дразнящее, ея молчаливую улыбку, передъ которой онъ чувствовалъ себя вполнѣ безсильнымъ, хотѣлось прикоснуться къ ея узенькой холодной ручкѣ, которая такъ охотно ложилась въ его руку.

Отчего уѣхала она такъ неожиданно? Онъ не вѣрилъ приведенному ею предлогу, и былъ въ полномъ недоумѣніи. Можетъ быть, она поняла, что дѣло принимаетъ серьезный оборотъ и не желала этого оборота? Если такъ, то почему же? Кто или что мѣшаетъ?..

Что касается Фонтеноя...

Тресседи ускорилъ шагъ, когда ему вспомнился этотъ вѣчно работающій, надоѣдливый человѣкъ. Будетъ онъ или не будетъ заниматься политикой, во всякомъ случаѣ, онъ хочетъ жить! Для него, въ сущности, было бы очень выгодно жениться теперь же. Вѣдь не можетъ же онъ жить вмѣстѣ съ матерью! Онъ готовъ исполнять свой долгъ относительно ея, но она ежеминутно раздражаетъ и конфузитъ его. Онъ будетъ гораздо счастливѣе, когда женится, будетъ гораздо болѣе способенъ заниматься дѣломъ. Онъ не влюбленъ страстно, вовсе нѣтъ. Но, нечего себя обманывать—онъ такъ сильно желаетъ быть въ обществѣ Летти Сьювель, какъ давно не желалъ ничего въ жизни. Ему хочется имѣть право унести къ себѣ этотъ музыкальный ящичекъ со всѣми его мелодіями и заставить его играть въ своемъ домѣ, чтобы наслаждаться его музыкой. Почему же нѣтъ? Онъ устроитъ ему отличную обстановку, онъ хорошо вознаградитъ его.

Что касается прочаго, онъ, не раздумывая, рѣшилъ, что Летти Сьювель изъ хорошей семьи и хорошо воспитана. Она обладала всѣми внѣшними достоинствами, какія самый строгій вкусъ могъ требовать отъ женщины. Она ни въ какомъ обществѣ не пристыдитъ мужа. Напротивъ, она можетъ быть поддужной для него. И у нея, навѣрно, прекрасный характеръ, иначе эта прелестная дѣвочка, Эвелина Уаттонъ, не любила бы ее такъ нѣжно.

Между тѣмъ, «прелестная дѣвочка» очень волновалась тою небольшою ролью, какую взяла на себя. Тресседи, который прежде разговаривалъ съ ней только по обязанности, вдругъ нашелъ, что она очень симпатична и можетъ очень мило говорить съ нимъ о Летти. Онъ совершенно увлекся этимъ разговоромъ, и ночью, послѣ его признаній, Эвелина, съ сильно бьющимся сердцемъ, мечтала о томъ времени, когда какой-нибудь мужчина будетъ глядѣть на нее, ради нея самой, такъ, какъ глядѣлъ Тресседи ради другой. Она забыла, что когда-нибудь осуждала Летти, что нахо-

дила ее тщеславною или эгоистичною. Мало того, она превратила ее въ какую-то героиню; она вспоминала всевозможныя милыя вещи, какія можно было сказать о ней, для того только, чтобы удержать молодого депутата въ своемъ уголкѣ и поговорить съ нимъ, и съ гордостью чувствуя, что она *знаетъ*, что она содѣйствуетъ.

Послѣ большой охоты, когда всѣ другіе джентльмены чувствовали себя утомленными и сонными, Джоржъ весь весь вечеръ болталъ съ Эвелиной или, лучше сказать, заставлялъ ее болтать. Леди Тресседи нѣсколько разъ останавливалась около нихъ. Она слышала, какъ слова «Летти», «миссъ Сьювель» перебрасывались отъ одного собесѣдника къ другому. Они подолгу останавливались на всякомъ разговорѣ, въ которомъ рѣчь шла о миссъ Сьювель; когда же разговоръ начинался о чемъ-нибудь, не имѣвшемъ къ ней отношенія, онъ быстро падалъ, точно дурно брошенный мячъ. Мать отходила отъ нихъ съ кислой улыбкой.

Она всѣ эти дни слѣдила за сыномъ, точно кошка за мышью, стараясь угадать, что именно случилось, каковы его настоящія намѣренія. Она вовсе не желала имѣть невѣстку и въ тайнѣ боялась, что Летти Сьювель займетъ это мѣсто. Но такъ или иначе, она должна была угождать Джоржу, ея собственные интересы требовали этого. Будущее могло устроиться какъ-нибудь, главное, необходимо было заботиться о настоящемъ.

На слѣдующее утро миссисъ Уаттонъ прочла въ одномъ изъ своихъ многочисленныхъ писемъ, что Летти Сьювель должна была надняхъ пріѣхать гостить въ имѣніе миссисъ Корфильдъ, въ Сѣверной Мерсіи, недалеко отъ Фёртъ Плэса, принадлежавшаго Тресседи

— Моя своячeница удивительно быстро поправилась,—проговорила миссисъ Уаттонъ насмѣшливо.—Знаете вы Корфильдовъ, сэръ Джоржъ?

— Совсѣмъ не знаю,—сказалъ Джоржъ.—Приходилось иногда слышать о нихъ отъ сосѣдей. Говорятъ, они очень пріятные люди. Миссъ Сьювель будетъ у нихъ весело.

— Корфильдъ? — сказала лэди Тресседи, склонивъ голову на бокъ и качая чашку въ своихъ, украшенныхъ бриллiантами, рукахъ.—Что такое? Аспазія Корфильдъ! Боже мой, дорогой Джоржъ, вѣдь это одна изъ моихъ старинныхъ пріятельницъ!

Джоржъ засмѣялся короткимъ, раздраженнымъ смѣхомъ, которымъ онъ часто отвѣчалъ на замѣчанія матери.

— Извините, маменька; я могу отвѣчать только за себя. Насколько помню, я никогда не видалъ ее ни въ Фёртѣ, и нигдѣ въ другомъ мѣстѣ.

— Боже мой! Аспазія Корфильдъ и я,—проговорила лэди Трес-

седи въ томномъ раздумьи,—Аспазія Корфильдъ и я, мы обмѣнивались выкройками платьевъ и покупали шляпки въ одномъ и томъ же магазинѣ, когда намъ было восемнадцать лѣтъ. Я цѣлую вѣчность не видала ее! Но Аспазія была очень милая дѣвушка и какъ она меня любила!

Она поставила чашку на столъ со вздохомъ, который долженъ былъ означать упрекъ Джоржу. Но Джоржъ только еще болѣе углубился въ свою утреннюю корреспонденцію. Миссисъ Уаттонъ изъза своей газеты строго посмотрѣла на мать и на сына.

— Я увѣрена, что у этой женщины нѣтъ ни одного стараго друга на свѣтѣ. Какъ-то Джоржъ Тресседи раздѣлается съ нею?

Уаттоны были много лѣтъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ отцомъ Тресседи. Послѣ смерти сэра Уильяма и отъѣзда Джоржа, миссисъ Уаттонъ мало безпокоилась о лэди Тресседи, въ чемъ она, впрочемъ, слѣдовала примѣру всей Западной Мерсіи. Но теперь, когда Джоржъ снова появился на сценѣ, какъ многообѣщающій политическій дѣятель, его мать, пока онъ не былъ женатъ, всюду принимали ради него. Поэтому, миссисъ Уаттонъ сочла своею обязанностью пригласить ее къ себѣ на время выборовъ, чувствуя при этомъ, что приноситъ большую жертву.

— Она мнѣ всегда до слезъ надоѣдала съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ я увидѣла, что серъ Уильямъ ухаживаетъ за ней,—говорила она Летти.—Гдѣ онъ ее подцѣпилъ? Я удивляюсь, какъ это она осталась порядочной женщиной; видъ у нея совсѣмъ не порядочный! Мнѣ всегда хочется спросить ее за завтракомъ, для чего она одѣвается къ обѣду за двѣнадцать часовъ до обѣда!

Вскорѣ послѣ этого маленькаго разговора о Корфильдахъ лэди Тресседи ушла къ себѣ въ комнату, нѣсколько времени сидѣла задумавшись, держа свой письменный несессеръ на колѣняхъ, и затѣмъ написала письмо. Она очень ясно замѣтила, что, послѣ возвращенія Джоржа, ее стали любезно приглашать во многіе дома, гдѣ уже нѣсколько лѣтъ не выказывали особеннаго желанія принимать ее. Она охотно примирилась съ этимъ положеніемъ. Она рѣдко выказывала какую-нибудь горечь. Ей хотѣлось одного—веселиться, по своему наслаждаться жизнью. Тѣхъ, кто осуждалъ ее за это, она считала глупыми; но это не мѣшало ей сходиться съ ними, если это ей было нужно и если они выказывали ей малѣйшее расположеніе.

— Отлично,—проговорила она про себя, заклеивъ письмо и любуясь имъ.—Я удивительно ловко умѣю устраивать такого рода дѣла. Конечно, въ отвѣтъ на мое письмо Аспазія Корфильдъ пригласитъ его, и пригласитъ меня, если она сколько-нибудь понимаетъ

приличія, хотя она не хотѣла меня знать цѣлыхъ 15 лѣтъ. У нея много дочерей. Можетъ быть, я играю въ руку миссъ Сьювель, не знаю! Ну, что жъ, надобно все-таки попробовать!

Въ тотъ же день послѣ обѣда мать и сынъ уѣхали въ Фёртъ Плэсъ.

Джоржъ, который, по возвращеніи изъ Индіи, провелъ всего нѣсколько недѣль въ Фёртѣ, могъ найти не мало дѣла и въ домѣ, и внѣ дома. Домъ поражалъ своею грязью и безпорядкомъ. Необходимо было произвести передѣлки въ саду и въ усадьбѣ. Его дѣла, какъ владѣльца копей, были въ критическомъ положеніи. И въ то же время Фонтеной безпрестанно преслѣдовалъ его политическою корреспонденціей, для поддержанія которой требовалось не мало умственной дѣятельности и энергіи. Но онъ устранялся отъ всего, исключая корреспонденціи съ Фонтеноемъ. Когда ему приходило въ голову, что его вялое настроеніе происходитъ вслѣдствіе неудовлетвореннаго желанія видѣть Летти Сьювель, онъ отгонялъ эту мысль. Нѣтъ, это было просто вліяніе индійскаго климата. Англійская зима скоро забывается и ее приходится опять вспоминать, точно непріятный урокъ.

Черезъ недѣлю послѣ ихъ пріѣзда въ Фёртъ, Джоржъ сидѣлъ одинъ за завтракомъ, когда его мать влетѣла въ комнату въ пестромъ платьѣ, сопровождаемая звономъ колецъ и лаемъ маленькихъ собачекъ.

Она держала въ рукахъ нѣсколько открытыхъ писемъ и, подбѣжавъ къ сыну, положила руки ему на плечи.

— Ну,—съ неудовольствіемъ подумалъ Джоржъ,—теперь она начнетъ хитрить!—

— Ахъ ты, гадкій мальчикъ!—говорила она, обнимая его и склоняя на бокъ голову.—Кто это былъ такой неласковый и сердитый съ бѣдной, старой мамой? Кому надобно немножко развлечься, прежде чѣмъ онъ засядетъ за свою скучную работу? Кто повезетъ свою маму въ гости въ одинъ очень пріятный домъ, если его пригласятъ, а? Скажи-ка, кто?

Она щипнула его за щеку, прежде чѣмъ онъ успѣлъ уклониться.

— Ну, маменька, вы, конечно, можете дѣлать, что вамъ угодно,—сказалъ Джоржъ, вставая съ мѣста, чтобы достать себѣ ветчины.—А я не собираюсь никуда уѣзжать изъ дома.

Лэди Тресседи улыбнулась.

— Во всякомъ случаѣ, ты можешь прочесть письмо Аспазіи Корфильдъ,—сказала она, протягивая его ему.—Ты знаешь, это вѣдь очень недурной домъ. Они переманили главнаго повара Драйбурговъ, и Аспазія умѣетъ занимать гостей.

— Аспазія! Какой тонъ дружескаго покровительства! — Джоржъ покраснѣлъ за мать.

Но онъ все-таки взялъ письмо. Онъ прочелъ его, отложилъ въ сторону, подошелъ къ окну и сталъ смотрѣть на стаю птицъ, слетѣвшихся къ корму, который онъ бросалъ имъ на снѣгъ.

— Ну, что же? поѣдешь ты?—спросила его мать.

— Если вамъ этого очень хочется,—проговорилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія съ видимымъ смущеніемъ.

Лицо лэди Тресседи сіяло улыбкой, когда она усѣлась за столъ и принялась накладывать себѣ кушанье. Но, когда сынъ вернулся къ столу, она сразу замѣтила, что его нельзя дразнить, и поняла, что онъ не намѣренъ откровенничать съ ней, хотя она и угадываетъ его чувства. Она сдержалась и начала болтать о Корфильдахъ и ихъ знакомыхъ. Онъ отвѣчалъ ей, и къ концу завтрака между ними установились такія хорошія отношенія, какихъ не было въ послѣднія недѣли.

Въ то же утро онъ далъ ей чекъ на ея неотложные расходы и это сдѣлало ее счастливой женщиной; она обнимала его, проливала слезы благодарности и онъ старался терпѣливо переносить и то, и другое.

Въ первыхъ числахъ декабря они отправились вмѣстѣ къ Корфильдамъ. Они нашли у нихъ многочисленное общество и Летти Сьювель гостила тамъ на правахъ общей любимицы. При первомъ прикосновеніи ея руки, при первомъ взглядѣ ея глазъ, туча, висѣвшая надъ Джоржемъ, разсѣялась.

— Зачѣмъ вы бѣжали?—спросилъ онъ ее при первомъ удобномъ случаѣ.

Летти разсмѣялась, играла этимъ вопросомъ цѣлыхъ четыре дня, во время которыхъ Джоржъ ни разу не чувствовалъ скуки, и затѣмъ сдалась. Она позволила ему сдѣлать ей предложеніе и милостиво отвѣчала ему согласіемъ.

На слѣдующей недѣлѣ Тресседи поѣхалъ вмѣстѣ съ Летти къ ея родителямъ въ Гельбекъ. Онъ встрѣтилъ тамъ больного отца, замѣчательно легкомысленную и непослѣдовательную мать и младшую сестру, Эльзи, на которой, повидимому, лежали всѣ заботы о поддержаніи хозяйства.

Отецъ, страдавшій хронической, неизлѣчимою болѣзнью, сохранилъ остатки недюжиннаго ума. Онъ былъ очень доволенъ, что Тресседи становится его зятемъ, хотя въ тѣхъ немногихъ разговорахъ и практическихъ вопросахъ, какіе они имѣли, молодой человѣкъ старался выяснить ему, на сколько скромны его денежныя средства. Летти рѣдко входила въ комнату отца, а

когда входила, Сьювель обращался съ ней, какъ съ пріятной гостьей, а не какъ съ дочерью. И онъ, и мать, очевидно, очень гордились ею, и онъ постоянно толковалъ Джоржу, какая она красавица и какіе имѣла успѣхи въ обществѣ.

Съ младшей сестрой Тресседи никакъ не могъ подружиться. Она была некрасива, болѣзненна и очень молчалива. У нея были, повидимому, развиты научные интересы и она много читала. На сколько онъ могъ судить, сестры не были дружны.

— Не сердитесь на меня за то, что я беру ее у васъ,—сказалъ онъ, прощаясь съ Эльзи и смотря черезъ ея плечо на Летти, спускавшуюся съ лѣстницы.

Въ спокойныхъ глазахъ дѣвушки мелькнулъ веселый огонекъ. Она сдержала себя и любезно отвѣчала:

— Мы не надѣялись сохранить ее! Прощайте!

IV.

— О, Тюлли, посмотрите, гдѣ моя мантилья! Вы ее уронили! Подержите, пожалуйста, мой вѣеръ и дайте мнѣ бинокль.—Говорившая эти слова была миссъ Сьювель. Она сидѣла рядомъ съ пожилой лэди въ ложѣ С.-Джемсъ-Голля. Давался концертъ, и такъ какъ на немъ долженъ былъ играть Іоахимъ, то всѣ мѣста въ залѣ быстро занимались.

Потребовавъ бинокль, Летти встала и внимательно оглядывала толпу, входившую въ боковыя двери.

— Нѣтъ! Его нѣтъ! Вѣроятно, его задержали въ палатѣ, — сказала она съ досадой. — Право, Тюлли, вы могли бы хоть достать программу! Я должна обо всемъ сама заботиться!

— Дорогая моя,—возразила ея собесѣдница,—вы мнѣ не сказали, что вамъ нужна программа.

— Не понимаю, почему это вамъ надобно все сказать! Конечно, мнѣ нужна программа. Не онъ ли это? Нѣтъ! Какая скука!

— Сера Джоржа, вѣроятно, задержали, — робко проговорила компаньонка.

— Какое оригинальнос замѣчаніе, не правда ли, Тюлли?—насмѣшливо замѣтила миссъ Сьювель, снова опускаясь на свое кресло.

Лэди, съ которой она говорила, замолчала, инстинктивно ожидая, пока нервы Летти успокоятся. Это была нѣкто миссъ Тюллохъ, служившая прежде гувернанткой у г-дъ Сьювель; теперь Летти, живя въ городѣ, часто брала ее съ собой въ качествѣ компаньонки. Летти, обыкновенно, жила у своей старой тетки на Кавендишъ-скверѣ, и такъ какъ эта лэди не выѣзжала

по вечерамъ, то компаньонка была ей необходима, а Марію Тюллохъ она могла пригласить всегда, когда хотѣла. Она жила гдѣ-то въ Уэстъ-Кенсингтонѣ, получая 70 фунтовъ въ годъ доходу. Летти брала ее съ собой въ театръ, на концерты, въ галлереи и отъ времени до времени дарила ей какое-нибудь свое старое платье. Миссъ Тюллохъ дорожила ея знакомствомъ, какъ единственнымъ развлеченіемъ въ своей однообразной жизни въ меблированныхъ комнатахъ и всегда съ полною готовностью исполняла всѣ ея приказанія. Она не видала того, чего не должна была видѣть, и исчезала при первомъ знакѣ. Кромѣ того, она имѣла вполнѣ порядочный видъ въ своемъ неизмѣнно черномъ платьѣ съ кружевной отдѣлкой, своими тонкими чертами лица и робкими манерами; ея присутствіе рядомъ съ блестящей красавицей казалось вполнѣ приличнымъ.

Когда первая пьеса программы была исполнена, Летти еще разъ встала съ биноклемъ въ рукахъ и начала искать своего жениха среди запоздавшихъ посѣтителей. Она кланялась многимъ знакомымъ, но Джоржа Тресседи не было видно, и она сѣла на мѣсто въ такомъ расположеніи духа, что не могла ни слушать, ни наслаждаться, хотя главный исполнитель уже вышелъ на эстраду.

— Вы почему-нибудь особенному хотите видѣть сэра Джоржа именно сегодня вечеромъ?—робко спросила Тюлли въ слѣдующій перерывъ.

— Конечно! — сердито отвѣчала Летти, — какіе вы предлагаете глупые вопросы, Тюлли! Если я не увижу его сегодня вечеромъ, онъ можетъ выпустить изъ рукъ этотъ домъ на Брунъ-стритѣ. Агенты говорили мнѣ, что на него есть много желающихъ.

— А онъ находитъ его слишкомъ дорогимъ?

— Только изъ-за *нея*. Если она заставитъ его выплачивать себѣ такую огромную пенсію, конечно, для него все будетъ слишкомъ дорого. Но я надѣюсь, — онъ не станетъ этого дѣлать,

— Лэди Тресседи страшно много тратитъ, — проговорила тихимъ голосомъ миссъ Тюллохъ.

— Пусть она тратитъ сколько хочетъ, только не его, не *нашихъ* денегъ,—сказала Летти,—я не допущу, чтобы она тратила и все свое, и все наше состояніе, какъ она дѣлала до сихъ поръ. Пока Джоржъ былъ заграницей, онъ предоставлялъ ей жить въ Фёртѣ и проживать всѣ доходы съ имѣнія, исключая 500 ф. въ годъ, которые пересылались ему. И не смотря на это, она надѣлала столько долговъ, что онъ не знаетъ, чѣмъ и уплатить ихъ. Онъ далъ ей денегъ на Рождествѣ и навѣрно далъ еще на-

дняхъ. О, нѣтъ,—рѣзкимъ тономъ проговорила Летти, выпрямляясь,—этому долженъ быть положенъ конецъ. Я не знаю, много ли мнѣ удастся сдѣлать до свадьбы, но, по крайней мѣрѣ, я заставлю его нанять этотъ домъ.

— А что, лэди Тресседи хорошо къ вамъ относится? Она вѣдь въ городѣ, не правда ли?

— Да, она въ городѣ. Хорошо ли она ко мнѣ относится?—сказала Летти съ легкимъ смѣхомъ.—Она меня терпѣть не можетъ. Но мы съ ней вполнѣ любезны другъ съ другомъ.

— Кажется, она старалась устроить вашу свадьбу?—спросила компаньонка, старавшаяся, главнымъ образомъ, сказать что-нибудь пріятное.

— Да, она привезла его къ Корфильдамъ и дала мнѣ это понять. Я не понимаю, для чего она это сдѣлала. Должно быть, ей хотѣлось выманить у него что-нибудь. Ахъ, вотъ онъ и пришелъ!

И Летти встала, улыбаясь и кланяясь, между тѣмъ какъ высокая, стройная фигура Тресседи пробиралась вдоль средняго прохода.

— Противная палата! Что васъ такъ задержало?—вскричала она, пока онъ садился между нею и миссъ Тюллохъ.

Джорджъ Тресседи смотрѣлъ на нее съ восхищеніемъ. Сердитое выраженіе лица, которое видѣла Тюлли нѣсколько минутъ тому назадъ, совершенно исчезло, и тонкія черты его казались Джорджу верхомъ изящества. При его приближеніи глаза ея заблистали, румянецъ на щекахъ сталъ ярче. Но въ то же время она вовсе не казалась наивной дѣвочкой. Она знала, что ему не нравятся ingénues, и она никогда не была при немъ ни сентиментальной, ни нервной.

— Неужели вы думаете, я бы остался хотя минутку больше того, что было необходимо?—спросилъ онъ, улыбаясь и пожимая ея маленькую ручку подъ предлогомъ передачи программы.

Первыя ноты новаго квартета Брамса, тонкія и нѣжныя, пронеслись въ воздухѣ. Любители музыки, пришедшіе, главнымъ образомъ для этой пьесы, готовились слушать и наслаждаться. Джорджъ и Летти попытались обмѣняться нѣсколькими словами прежде, чѣмъ подчиниться общему молчанію, но какой-то пожилой джентльменъ, сидѣвшій рядомъ съ ними, посмотрѣлъ на нихъ съ такимъ гнѣвомъ и презрѣніемъ, что они засмѣялись и замолчали.

Для Джорджа въ этомъ не было ничего непріятнаго. Онъ былъ утомленъ; а молчать, сидя рядомъ съ Летти, казалось ему не только отдыхомъ, но и удовольствіемъ. Кромѣ того, музыка пріят-

но дѣйствовала на него. Она возбуждала въ немъ разныя поэтическіе и художественные образы, доставлявшіе ему наслажденіе. Онъ слушалъ игру артистовъ, а въ мозгу его возникали прелестныя картины: онъ видѣлъ какіе-то чудные лѣса, неясныя очертанія какихъ-то фантастическихъ существъ, тихія рѣки, высокія деревья, стройно поднимающіяся къ небесамъ, какія-то сцены то мольбы и упрековъ, то страданія, разрѣшающагося въ радостные клики. Ко всему этому примѣшивалась его собственная исторія, его собственныя чувства; гордость при мысли, что нѣжное существо, сидящее рядомъ съ нимъ, принадлежитъ ему; чувство молодости, сознаніе, что онъ вступаетъ въ жизнь, что онъ сдѣлалъ первый шагъ на томъ поприщѣ, на которомъ призванъ дѣйствовать. Онъ жадно слушалъ музыку, предоставляя картинамъ одна за другою мелькать въ его воображеніи и вполнѣ отдаваясь всѣмъ своимъ впечатлѣніямъ, что съ нимъ рѣдко случалось. Онъ далеко не былъ поглощенъ исключительно любовью: музыка вызывала у него сотню другихъ очаровательныхъ и возбуждающихъ образовъ. Но все-таки ему было вдвое пріятнѣе, отъ того, что Летти сидитъ рядомъ съ нимъ. Онъ былъ вполнѣ доволенъ и ею, и самъ собою; вполнѣ увѣренъ, что устроилъ все къ лучшему. Музыка какъ будто подчеркивала, выясняла это сознаніе.

Когда она кончалась и громъ аплодисментовъ стихъ, Летти спросила у него шепотомъ:

— Порѣшили вы съ домомъ?

Онъ улыбнулся ей, не слыша, что она говоритъ, но любуясь ея туалетомъ, запахомъ фіалки, распространявшимся при каждомъ ея движеніи, тоненькими пальчиками, державшими вѣеръ. Всѣ мелочи, украшавшія ее, имѣли для него своеобразную прелесть. Они удивляли и забавляли его, отгоняли отъ него скуку.

Она повторила свой вопросъ.

Онъ сдвинулъ брови и все лице его вдругъ измѣнилось.

— Ахъ, такъ трудно рѣшить, что дѣлать,—сказалъ онъ съ легкимъ вздохомъ скуки.

Летти играла вѣеромъ и молчала.

— Развѣ онъ вамъ нравится гораздо больше другихъ домовъ?—спросилъ онъ.

Летти взглянула на него съ удивленіемъ.

— Еще бы! это домъ,—сказала она,—а другіе...

— Лачуги? Да, это, пожалуй, правда. Маленькій лондонскій домъ отвратителенъ. Можетъ быть, мнѣ удастся уговорить ихъ взять подешевле.—Летти покачала головой.

— Этотъ домъ сдается совсѣмъ не дорого,—сказала она рѣшительно.

Онъ продолжалъ хмуриться, какъ человѣкъ, котораго насильно заставляютъ думать о непріятныхъ вещахъ.

— Хорошо, дорогая, если вамъ этого такъ сильно хочется, я его возьму. Обѣщайте только, что будете ласковы ко мнѣ и тогда, когда насъ объявятъ банкротами.

— Мы будемъ держать жильцовъ, и я буду прислуживать имъ,—сказала Летти, слегка коснувшись своею рукою его руки.— Всякому захочется жить у насъ, вы увидите. А мы будемъ принимать только старшихъ сыновей пэровъ. Кстати, видите вы лорда Фонтеноя?

Былъ антрактъ и всѣ вокругъ нихъ, не исключая и миссъ Тюллохъ, также стояли, разговаривали, разсматривали сосѣдей.

Джоржъ вытянулъ шею и увидѣлъ Фонтеноя, сидѣвшаго рядомъ съ какою-то лэди по другую сторону прохода.

— Кто эта лэди?—спросила Летти.—Я видѣла его съ ней вчера въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ.

Джоржъ улыбнулся.

— Это, если вы хотите знать, романъ Фонтеноя!

— О, разскажите мнѣ сейчасъ же!—потребовала Летти.— Не можетъ быть, чтобы у него былъ романъ, чтобы у него было сердце; онъ весь набитъ Синими книгами.

— Я и самъ такъ думалъ до послѣдняго времени. Но я теперь знаю больше о господинѣ Фонтеноѣ.

— Кто же она такая?

— Ея фамилія миссисъ Аллисонъ. Не правда ли, какіе у нея красивые бѣлые волоса? А ея лице—какое-то полу-святое; она похожа отчасти на игуменью монастыря, отчасти на принцессу. Видали ли вы когда-нибудь такіе бриллiанты?—Джоржъ расправилъ усы и усмѣхнулся, глядя на Фонтеноя.

— Разскажите мнѣ скорѣй!—говорила Летти, хлопая его по рукѣ.—Что она вдова и онъ собирается жениться на ней? Отчего вы мнѣ раньше ничего не разсказывали? Отчего вы мнѣ не разсказали въ Мальфордѣ?

— Оттого, что я и самъ не зналъ,—отвѣчалъ Джоржъ, смѣясь.—О, это очень странная исторія, слишкомъ длинная, чтобы разсказывать ее теперь. Она вдова, но онъ, повидимому, не собирается жениться на ней. У нея есть взрослый сынъ, только-что поступившій въ университетъ, и онъ считаетъ, что ему будетъ обидно, если мать выйдетъ замужъ. Если Фонтеной захочетъ познакомить васъ съ ней, не отказывайтесь. Ей принадлежитъ Кэстль-Льютонъ и у нея собирается прелестное общество. Да, если бы я зналъ въ Мальфордѣ то, что я знаю теперь!

И онъ снова разсмѣялся, вспомнивъ ночное посѣщеніе Фонтеноя въ его комнату и ихъ разговоръ. Кто бы подумалъ, что этотъ проповѣдникъ когда-нибудь серьезно думалъ о женщинѣ и поддавался женскому обаянія, мало того, что онъ былъ созданіемъ и рабомъ женщины?!

Любопытство Летти было возбуждено, и она замучила бы Джоржа вопросами, если бы не увидѣла, что Фонтеной всталъ и направляется въ ихъ сторону.

— Боже мой! —вскричала она,—онъ къ намъ идетъ. Не понимаю, зачѣмъ, вѣдь онъ меня не любитъ.

Пробравшись къ нимъ, Фонтеной поклонился миссъ Сьювель съ тою любезностью, какую онъ высказывалъ всѣмъ вообще. Онъ принялъ извѣстіе о бракѣ Джоржа съ соблюденіемъ всѣхъ приличій и прислалъ невѣстѣ очень хорошенькій свадебный подарокъ. Но Летти, какъ и многія женщины, никогда не чувствовала себя съ нимъ вполнѣ свободно.

Онъ постоялъ около невѣсты одну или двѣ минуты, обмѣниваясь съ Летти обычными замѣчаніями по поводу исполнителей и публики; затѣмъ онъ обратился къ Джоржу, и лицо его приняло другое выраженіе.

— Намъ, я думаю, нѣтъ надобности возвращаться туда сегодня ночью?

— Куда, въ палату? Боже мой, нѣтъ! Груби и Гавершовъ съумѣютъ занять вечеръ безъ всякой непріятности для кого бы то ни было, кромѣ самихъ себя. Министерство сидитъ безмолвно. Вы, должно быть, цѣлый день отдѣлывали свою рѣчь?

Фонтеной пожалъ плечами.

— Я никакъ не могу высказать все, что мнѣ нужно. Вы придете въ палату въ пятницу, миссъ Сьювель?

— Въ пятницу?—Летти видимо недоумѣвала.

Джоржъ засмѣялся.

— Я вамъ объяснялъ. Скажите, что должны готовить приданое, если хотите, чтобы васъ оставили въ покоѣ.

Смѣхъ блисталъ въ глазахъ его, когда онъ переводилъ ихъ съ Летти на Фонтеноя. Онъ уже давно замѣтилъ, что Летти неспособна серьезно интересоваться общественными дѣлами. Это его нисколько не огорчало. Но ему было смѣшно подумать, что Летти все-таки придется говорить о политикѣ, и говорить съ людьми въ родѣ Фонтеноя.

— Ахъ, вы имѣете въ виду вашу резолюцію! — вскричала Летти.—Вѣдь я вѣрно говорю—резолюцію? Да, я, конечно, приду. Это нелѣпо, такъ какъ я ничего объ этомъ не знаю. Но Джоржъ

говоритъ, что я должна придти, и такъ какъ я обѣщаю ему повиноваться ему, то я и повинуюсь!

Шутить съ Фонтеноемъ былъ напрасный трудъ. Онъ стоялъ подлѣ нея, не улыбаясь, не зная, что отвѣчать. Она видѣла, что ей нельзя быть «женственной», и рѣшила снова обратиться къ политикѣ.

— Это вѣдь будетъ серьезное нападеніе на мистера Доусона, не правда ли?—спросила она его.—Вы и Джоржъ, вы сходите съ ума изъ за какой-то вещи, которую онъ сдѣлалъ? Онъ министръ внутреннихъ дѣлъ, не правда ли? Да, конечно! И онъ уничтожаетъ промышленность и притѣсняетъ фабрикантовъ? Мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы объяснили мнѣ все это! Я спрашивала у Джоржа, а онъ запрещаетъ мнѣ говорить объ этомъ.

— О, ради Бога!—вскричалъ Джоржъ,—оставьте эти разговоры. Я пришелъ сюда, чтобы повидаться съ вами и послушать Іоахима. Впрочемъ, я долженъ предупредить васъ, Летти, мнѣ будетъ некогда жениться, разъ начнется походъ Фонтеноя противъ Максвеля, а этотъ походъ будетъ продолжаться до второго пришествія.

— Отчего противъ Максвеля?—спросила Летти съ недоумѣніемъ. — Я думала, что вы хотите нападать на мистера Доусона.

Джоржъ, немного раздраженный тѣмъ, что она продолжала разговоръ, началъ объяснять ей, что Максвель не болѣе, какъ «простой пэръ» и не имѣетъ никакого дѣла съ палатою общинъ, и что Доусонъ является оффиціальнымъ представителемъ группы и политики Максвеля въ нижней палатѣ. Летти поняла, что показала себя не съ выгодной стороны; она покраснѣла, начала нервно играть вѣеромъ и отъ души желала, чтобы Джоржъ скорѣе кончилъ свои объясненія.

Фонтеной и не думалъ помочь Джоржу читать его политическую лекцію. Онъ стоялъ неподвижно на своемъ мѣстѣ, потомъ сталъ кого-то искать глазами и, наконецъ, сказалъ Летти.

— Максвели, какъ я вижу, здѣсь сегодня вечеромъ.

Онъ указалъ на группу, стоявшую налѣво въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ.

— Вы видали ее, миссъ Сьювель, не правда-ли?

— О да, часто!—отвѣчала Летти, которой этотъ вопросъ былъ непріятенъ и которая все-таки поднималась на цыпочки, чтобы увидѣть.

— Я немного знакома съ нею, но она какъ-то никогда не узнаетъ меня. Она была въ субботу въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ въ такомъ *ужасномъ* костюмѣ; онъ положительно безобразилъ ее.

— Ужасномъ!—повторилъ Фонтеной съ недоумѣніемъ.—Одинъ художникъ, я забылъ его имя, подошелъ ко мнѣ и выражалъ свои восторги по поводу этого костюма; онъ говорилъ, что костюмъ въ совершенствѣ представляетъ какую то флорентійскую картину,—я забылъ какую, можетъ быть, я никогда и не слыхалъ о ней.

Летти сдѣлала презрительную гримасу. По выраженію лица ея видно было, что въ этомъ дѣлѣ она, во всякомъ случаѣ, понимаетъ, что говоритъ. Не смотря на это, глаза ея слѣдили за темноволосой головой, на которую указалъ ей Фонтеной.

Лэди Максвель была въ эту минуту центромъ большой группы, преимущественно мужчинъ, изъ которыхъ каждому хотѣлось, повидимому, сказать ей нѣсколько словъ. Она разговаривала съ большимъ оживленіемъ, обращаясь по временамъ къ высокому, широкоплечему господину съ просѣдью, который стоялъ молча и улыбаясь въ концѣ группы. Летти зимѣтила, что многіе бинокли съ балкона обращались на эту маленькую толпу; что всѣ около нихъ, лучше сказать, всѣ женщины наблюдали за лэди Масквель и старались получше разсмотрѣть ее. Молодая дѣвушка почувствовала въ сердцѣ тайную зависть и недоброжелательность.

На лѣстницѣ, которая вела изъ комнаты артистовъ, вдругъ показалась фигура всѣмъ извѣстнаго аккомпаніатора. Антрактъ былъ конченъ, и публика снова приготовилась слушать.

Фонтеной поклонился и распрощался.

— Вы видите, онъ меня не познакомилъ,—сказала Летти не безъ сожалѣнія, усаживаясь на свое мѣсто.—И какой онъ некрасивый! Всякій разъ, какъ я его вижу, мнѣ кажется, онъ становится все безобразнѣе.

Джоржъ сдѣлалъ неопредѣленный знакъ утвержденія, но на самомъ дѣлѣ онъ вовсе не былъ согласенъ съ нею. Утомленіе на лицѣ Фонтеноя было замѣтнѣе, чѣмъ когда-либо; глаза его почти совсѣмъ провалились; цвѣтъ его широкаго лица, съ рѣзкими чертами, покраснѣлъ и погрубѣлъ вслѣдствіе недостатка сна и движенія; темные волоса его быстро сѣдѣли и вылѣзали. Не смотря на все это это, мужчина могъ найти нѣчто привлекательное въ этой некрасивой головѣ и въ этой длинноногой фигурѣ и не могъ считать особенно умною женщину, которая не замѣчала этой привлекательности.

Послѣ концерта, когда Джоржъ и Летти стояли среди толпы въ сѣняхъ, онъ сказалъ ей съ улыбкой:

— Ну, что же, нанять домъ?

— Если вы хотите сдѣлать что-нибудь непріятное, — быстро

отвѣтила она,—не спрашивайте у меня. Дѣлайте, и потомъ ожидайте, когда вернется мое хорошее расположеніе духа.

— Пріятная перспектива! Развѣ вы не понимаете, что, когда вы такъ ставите вопросъ, я готовъ нанять Букингемскій дворецъ для вашего удовольствія? А какъ вы думаете, моя мать не назоветъ насъ слишкомъ расточительными?

— Ахъ, не могутъ же всѣ люди быть бережливыми!—вскричала Летти.

Онъ видѣлъ, какъ она вздернула голову и сжала губы, но это только забавляло его. Хотя онъ никогда не говорилъ съ Летти о матери и ея дѣлахъ, онъ очень хорошо понималъ, что ея желаніе взять именно этотъ домъ до нѣкоторой степени имѣло отношеніе къ его матери и что Летти и лэди Тресседи уже начинали ненавидѣть другъ друга. Для чего же Летти скрывать свои чувства? Онъ особенно любилъ ее именно за ея искренность.

Въ толпѣ вокругъ нихъ произошло движеніе и Летти, взглянувъ вверхъ, увидѣла, что стоитъ подлѣ высокой лэди, темные глаза которой глядятъ на нее.

— Какъ поживаете, миссъ Сьювель?

Летти, нѣсколько смущенная, протянула руку и отвѣчала. Лэди Максвель увидѣла рядомъ съ ней высокго молодого человѣка съ красивымъ, неправильнымъ лицомъ. Джоржъ невольно поклонился, и она отвѣчала ему легкимъ поклономъ. Затѣмъ она исчезла въ толпѣ своихъ знакомыхъ.

— Велѣли вы пріѣхать вашей каретѣ?—спросилъ у нея кто-то.

— Нѣтъ, я ѣду домой на извозчикѣ. Я замучила сегодня обѣихъ лошадей. Альдусъ идетъ въ клубъ узнать, не слышно ли чего-нибудь о Девизѣ.

— Ахъ, о выборахъ?

Она кивнула, затѣмъ увидѣла мужа, стоявшаго у двери и дѣлавшаго ей знаки, и поспѣшила къ нему.

— Какая голова!—вскричалъ Джоржъ, съ восхищеніемъ глядя на нее.

— Да,—неохотно подтвердила Летти.—У нея великолѣпные волосы, такіе черные, длинные, волнистые. Какъ это смѣшно, она говоритъ, что замучила своихъ лошадей! Очень на нее похоже! Точно она не могла бы держать пятьдесятъ лошадей, если бы захотѣла! Ахъ, Джоржъ, вотъ нашъ экипажъ! Скорѣй, Тюлли!

Они направились къ выходу. Въ толпѣ Джоржъ почти обнималъ Летти, чтобы защитить ее. Прикосновеніе къ ея тонкой фигуркѣ, близость ея нѣжнаго личика приводили его въ восторгъ. Когда карета увезла ихъ, и онъ повернулъ домой по Пикадилли,

онъ нѣсколько минутъ шелъ, не замѣчая ничего окружающаго; сознавая только какое-то смутное ощущенiе удовольствiя.

Стояла теплая февральская ночь. Послѣ продолжительныхъ морозовъ и оттепелей подулъ западный вѣтеръ и можно было предвидѣть скорое наступленiе весны. Во время концерта шелъ дождь, но теперь погода разгулялась и быстро бѣгущiя облака оставляли за собой большiе куски синяго неба, на которомъ сiяли звѣзды.

По улицамъ дулъ теплый, сыроватый вѣтеръ. Когда разсѣянность Джоржа понемногу прошла, онъ почувствовалъ физическое удовольствiе отъ этого мягкаго воздуха. Какъ хороша жизнь, какъ хорошо быть молодымъ и способнымъ, какъ хорошъ этотъ шумный, многолюдный Лондонъ и какъ хорошо будущее съ его надеждами! Одною изъ первыхъ радостей этого будущаго представлялась ему его женитьба; какъ онъ умно сдѣлалъ, что посватался! Его будущая жена была не святая и не философъ. Нѣтъ, слава Богу. Онъ не желалъ ни того, ни другого у своего домашняго очага. «Похвала, порицанiе, любовь, поцѣлуи»—всего этого онъ будетъ имѣть вдоволь, живя съ Летти, но ничего въ излишествѣ. У него останется достаточно свободнаго мѣста для другого, для другихъ страстей; напр., для политическаго честолюбiя, для искусства ладить съ людьми и управлять ими. Онъ новичекъ, начинающiй, и уже мечтаетъ управлять! Но онъ чувствуетъ, что нога его стоитъ на первой ступени лѣстницы. Фонтеной совѣтуется съ нимъ, оказываетъ ему все больше и больше довѣрiя. Не смотря на то, что онъ женихъ, онъ быстро прiобрѣтаетъ знанiя по разнымъ вопросамъ, и живая умственная работа доставляетъ ему удовольствiе. Ихъ маленькая группа въ парламентѣ, дружная, неутомимая, смѣлая, прiобрѣтаетъ все больше значенiя, все больше обращаетъ на себя вниманiе общества. Это нападенiе на Доусона, министра внутреннихъ дѣлъ, который хочетъ во все вмѣшиваться и всѣмъ распоряжаться, выдвинетъ ихъ. Фабриканты «модныхъ» и «опасныхъ» предметовъ, преслѣдуемые административной энергiей министерства, присоединились къ партiи Фонтеноя, громко жалуясь на несправедливость. Нѣкоторая часть либераловъ, преимущественно одна дѣятельная группа промышленниковъ-виговъ должна была, по всей вѣроятности, вотировать вмѣстѣ съ ними; что касается соцiалистической рабочей партiи, она дурно относилась къ министерству и на нее нельзя было полагаться. Нападенiе и защита займутъ, вѣроятно, двѣ ночи, такъ какъ министерство, допуская важность нападокъ, рѣшило, въ случаѣ, если пренiя не закончатся въ пятницу, отвести для нихъ и понедѣльникъ. Во всякомъ случаѣ, дѣло вызоветъ шумъ. Джоржъ, вѣроятно, произне-

сеть свою первую рѣчь во вторую ночь; по правдѣ сказать, онъ очень много думалъ о ней, хотя разговаривая съ Летти, постоянно смѣялся надъ нею, дѣлалъ видъ, что не придаетъ ей значенія и не хотѣлъ, чтобы Летти пришла слушать его.

Потомъ, послѣ Святой, будетъ внесенъ билъ Максвеля, и тогда завяжется настоящая война. Бѣдная маленькая Летти! Она мало будетъ пользоваться своими преимуществами новобрачной, когда начнется эта борьба! Но раньше будетъ Святая и ихъ свадьба; послѣ свадьбы онъ увезетъ ее—покорную, счастливую плѣнницу—недѣли на двѣ въ деревню, окружитъ ее и себя «поясомъ теплыхъ вѣтровъ» и будетъ исполнять всѣ ея капризы.

Онъ повернулъ по С.-Джемской улицѣ, миновалъ Мальборогоузъ и направился къ Уарвинъ-скверу, гдѣ жилъ съ матерью.

Вдругъ онъ увидѣлъ толпу прямо передъ собой, въ направленіи Буккингемскаго дворца. Извозчичья карета и лошадь стояли среди улицы; извозчикъ, красный, безъ шляпы, говорилъ что-то съ полицейскимъ, который держалъ въ рукахъ открытую записную книжку, а изъ толпы слышались рыданія.

Онъ подошелъ ближе.

— Кого-нибудь зашибли?—спросилъ онъ полицейскаго, когда тотъ закрылъ свою записную книжку.

— Наѣхали на маленькую дѣвочку, сэръ.

— Не могу ли я помочь? Не надо ли сходить за докторомъ?

— Нѣтъ, сэръ. Въ каретѣ ѣхала лэди. Она сама перевязываетъ ногу дѣвочкѣ и говоритъ, что отвезетъ ее въ больницу.

Джоржъ сталъ на одну изъ скамеекъ подъ деревьями и посмотрѣлъ черезъ головы стоявшихъ въ то пространство среди толпы, которое оберегали полицейскіе. Маленькая дѣвочка лежала на землѣ или, лучше сказать, на кучѣ платья; другая дѣвочка, повидимому, лѣтъ шестнадцати, стояла подлѣ нея и горько плакала, какая-то лэди...

— Боже мой!—вскричалъ Тресседи и, соскочивъ со скамейки, подбѣжалъ къ полицейскому.—Проведите меня, пожалуйста, туда! Я думаю, что могу быть полезенъ. Эта лэди...—онъ произнесъ ея имя на ухо полицейскому.

Полицейскій поклонился.

— Посторонитесь, пожалуйста,—обратился онъ къ толпѣ,—пропустите этого джентльмена.

Толпа разступалась неохотно. Но въ эту минуту ее раздвинули изнутри и сквозь нее прошла маленькая процессія, для которой двое полицейскихъ соединенными усиліями расчищали дорогу. Впереди шелъ полицейскій, неся на рукахъ дѣвочку, вѣроятно, лѣтъ двѣнадцати. Ея правая нога лежала неподвижно на его рукѣ въ

импровизированномъ лубкѣ изъ зонтиковъ и платковъ. За нимъ слѣдовала лэди, которую Джоржъ узналъ и которая вела за руку другую дѣвочку. Лэди была безъ шляпки и въ полу-бальномъ туалетѣ. Изъ-подъ ея ротонды, съ тяжелымъ собольимъ воротникомъ, виднѣлось свѣтлое, шелковое платье, уже пострадавшее отъ уличной грязи, а когда она подошла къ фонарю, около котораго стояла карета, брилліанты на ея рукахъ засіяли. Пока она проходила сквозь толпу, Джоржъ замѣтилъ, что одинъ или два человѣка узнали ее и что пошелъ общій говоръ.

Она сама не слышала этого. Джоржъ сразу увидѣлъ, что распоряжается она, а не полицейскій. Когда они подошли къ каретѣ, она отдавала ему приказанія быстрымъ повелительнымъ тономъ, который не оставлялъ мѣста для колебаній.

— Извозчикъ пьянъ,—сказала она;—кто повезетъ?

— Одинъ изъ насъ, милэди.

— Кто—другой полицейскій? Пусть онъ сейчасъ же возьметъ возжи, прежде чѣмъ я сяду. Лошадь молодая и, пожалуй, дернетъ. Хорошо. Теперь подайте мнѣ ребенка, когда я скажу.

Она сѣла въ карету. Джоржъ видѣлъ, что полицейскому трудно справиться со своей ношей. Онъ подошелъ помочь ему, и они вдвоемъ подняли дѣвочку и бережно уложили ее на колѣни ея покровительницы.

Затѣмъ Джоржъ подошелъ къ открытой дверцѣ кареты и поднялъ шляпу:

— Не могу ли я еще чѣмъ-нибудь быть вамъ полезенъ, лэди Максвелъ? Я сейчасъ видѣлъ васъ въ концертѣ.

Она повернулась, съ нѣкоторымъ изумленіемъ, услышавъ свое имя, и посмотрѣла на говорившаго. Затѣмъ она, повидимому, все поняла.

— Право не знаю,—сказала она, колеблясь.—Да, конечно, вы можете помочь мнѣ. Я везу дѣвочку въ больницу. Но тутъ есть еще другая дѣвочка. Не можете ли вы отвезти ее домой? она очень разстроена. Нѣтъ, постойте, не можете ли вы прежде свезти ее въ Георгіевскую больницу, куда я ѣду? Ей хочется видѣть, куда мы помѣстимъ ея сестру.

— Я позову другой кэбъ и пріѣду въ больницу вмѣстѣ съ вами.

— Благодарю васъ. Позвольте мнѣ только сказать нѣсколько словъ сестрѣ.

Онъ подвелъ плачущую дѣвушку, лэди Максвелъ наклонилась и сказала ей нѣсколько словъ кроткимъ, ласковымъ голосомъ, совсѣмъ не такимъ, какимъ она говорила съ другими. Дѣвушка поняла; ея лицо прояснилось и она позволила Тресседи увезти себя.

Одинъ изъ полицейскихъ сѣлъ на козлы кареты при смѣхѣ толпы, и экипажъ двинулся. Нѣсколько шляпъ поднялось, Джоржъ услышалъ нѣсколько привѣтственныхъ криковъ.

— Говорю вамъ,—раздался голосъ въ толпѣ, — я съ перваго взгляда узналъ ее, я много разъ видалъ ея портретъ въ газетахъ и на окнахъ магазиновъ. Честное слово, она красавица! А видѣли вы ея бриліанты?

— Идемъ скорѣе!—сказалъ Джоржъ, нетерпѣливо подводя порученную его попеченіямъ дѣвушку къ экипажу, который другой полицейскій позвалъ для нихъ.

Черезъ нѣсколько секундъ онъ, дѣвушка и полицейскій догоняли лэди Максвель со всею скоростью, на какую была способна лошадь, равнодушная къ ихъ дѣлу. Джоржъ попытался сказать нѣсколько словъ въ утѣшеніе своей сосѣдкѣ, и дѣвочка, успокоенная его добродушнымъ обращеніемъ, начала слезливымъ тономъ разсказывать, какъ и когда съ ними случилось несчастіе; она говорила, что у нея есть старшая сестра въ Крауфордъ-стритѣ и что онѣ были у нея въ гостяхъ; что онѣ живутъ съ бабушкой въ Уестминстерѣ; что у бѣдной Лиззи было мѣсто въ прачешной, и она должна будетъ лишиться его; что лэди, которая перевязала ногу Лиззи, выпрашивала зонтики и платки у стоявшихъ тутъ людей, и т. д.

Джоржъ слушалъ ее разсѣянно Въ умѣ его все время мелькали драматическіе и комическіе эпизоды сцены, свидѣтелемъ которой онъ былъ. Драматизмъ тутъ былъ несомнѣнно, хотя довольно дешеваго сорта. Могъ ли онъ, могъ ли кто-либо другой познакомиться съ этой необыкновеннной женщиной при болѣе странныхъ обстоятельствахъ? Онъ смѣялся, думая о томъ, какъ будетъ разсказывать эту исторію Фонтеною. Красавица, сверкая бриліантами, стоитъ на колѣняхъ въ своемъ шелковомъ платьѣ среди грязной улицы и перевязываетъ ногу маленькой прачки,— это было такъ несовмѣстимо съ образомъ Марчелы Максвель, что онъ не могъ не смѣяться, точно при стеченіи невѣроятныхъ обстоятельствъ въ какой - нибудь глупой пьесѣ.

Отчего она казалась такой красавицей? Черты лица ея были вовсе не правильны; но цвѣтъ лица, выраженіе, тонкость линій — это было нѣчто несравненное! Съ другой стороны, ея манеры... нѣтъ! онъ пожалъ плечами. Воспоминаніе о ея мужественной или, пожалуй, скорѣй мальчишеской энергіи и самоувѣренности непріятно дѣйствовало на него.

Они почти догнали карету; больничный служитель только-что приготовлялся взять больную дѣвочку отъ лэди Максвель, когда

Тресседи выскочилъ изъ экипажа и подошелъ узнать, не нужна ли его помощь.

Къ сожалѣнію для него, оказалось, что онъ не нуженъ. Лэди Максвель и служитель все сдѣлали безъ него. Когда они входили въ больницу, Джоржъ услышалъ тѣ слова, съ которыми она обратилась къ служителю, поддерживавшему ногу дѣвочки. Она говорила быстро, дѣловымъ тономъ и служитель отвѣчалъ такъ же какъ полицейскій, очевидно, вполнѣ понимая ее и выказывая ей почтительность, которая относилась не исключительно къ ея важному виду и нарядному костюму. Это удивляло Джоржа.

Онъ и старшая дѣвочка послѣдовали за нею въ пріемную комнату. Дежурный врачъ и сидѣлка пришли туда же и сломаная нога была уложена въ лубокъ. Дѣвочка все время стонала и плакала, а Тресседи стоило не малаго труда успокаивать старшую сестру. Послѣ этого докторъ и сидѣлка понесли больную.

— Они хотятъ уложить ее въ постель,—сказала лэди Максвель, обращаясь къ Джоржу.—Я пойду вмѣстѣ съ ними. Не будете ли вы такъ добры подождать меня? Сестра, — она заговорила менѣе дѣловымъ тономъ и съ улыбкой дотронулась до руки старшей дѣвочки,—можетъ придти наверхъ, когда маленькую раздѣнутъ.

Маленькая процессія вышла изъ комнаты и Джоржъ остался одинъ съ дѣвушкой, отданной на его попеченіе. Какъ только младшая сестра исчезла, старшая опять начала болтать, прерывая себя по временамъ слезами. Джоржъ не обращалъ на нее большого вниманія. Онъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, заложивъ руки въ карманы и чувствуя какую-то странную раздражительность. Онъ никакъ не воображалъ, что женщина можетъ принимать такъ холодно услуги совершенно посторонняго человѣка.

Черезъ четверть часа явилась сидѣлка и позвала сестру. Тресседи она сказала, что онъ тоже можетъ придти, если хочетъ, а дѣвочка бросила на него быстрый, робкій взглядъ, какъ бы прося его не покидать ее въ этомъ незнакомомъ, страшномъ мѣстѣ. Они вмѣстѣ пошли за сидѣлкой по бѣлымъ каменнымъ лѣстницамъ и по полутемнымъ корридорамъ, гдѣ все было тихо; только изъ за запертыхъ дверей одной палаты до нихъ донесся бредъ больного, и маленькое блѣдное личико дѣвочки стало еще блѣднѣе.

Наконецъ, сидѣлка, приложивъ палецъ къ губамъ, повернула ручку одной двери, и Джоржъ вдругъ почувствовалъ какое-то странное удовольствіе.

Они стояли на порогѣ дѣтской палаты. Съ каждой стороны ея тянулся рядъ снѣжно-бѣлыхъ кроватокъ, желтыя стѣны были

увѣшаны картинами, полъ поражалъ безукоризненной чистотой. На другомъ концѣ комнаты горѣлъ огонь въ большомъ каминѣ. Въ срединѣ стоялъ простой деревянный столъ, уставленный стклянками и разными лѣкарственными снадобьями; на немъ возвышалась лампа подъ абажуромъ, а подлѣ него стоялъ стулъ для сидѣлки. Въ кроватяхъ спали дѣти различнаго возраста, нѣкоторыя зарывшись въ подушки, точно маленькіе звѣрки, другія на спинѣ, вытянувшись, неподвижно. Воздухъ былъ теплый, но легкій, чувствовался неизбѣжный запахъ антисептическихъ средствъ. Въ этой большой удобной комнатѣ, съ правильными линіями и пріятною окраскою, съ мягкимъ свѣтомъ лампы и смутно очерченными фигурами въ кроватяхъ, было что-то поэтичное, какое то общее выраженіе нѣжной гуманности.

Лэди Максвель и сидѣлка стояли около одной кровати направо отъ двери. Дѣвочку раздѣли, и она лежала тихонько съ осунувшимся, страдальческимъ личикомъ, которое она быстро повернула къ вошедшей сестрѣ. Вся сцена представляла для Тресседи нѣчто новое и трогательное. Но послѣ перваго впечатлѣнія, все его вниманіе невольно обратилось на лэди Максвель, и онъ замѣчалъ остальное только по скольку оно относилось къ ней. Она сбросила свою тяжелую ротонду, можетъ быть, для того, чтобы помочь раздѣвать дѣвочку. Сверху открытаго платья на ней была надѣта какая-то тонкая кружевная шаль или накидка. Самое платье было свѣтло-зеленое; въ полусвѣтѣ больничной палаты пятна грязи и пыли не были замѣтны на немъ и при всякомъ движеніи ея шелковая матерія отливала мягкимъ блескомъ. Поэтическая прелесть ея головы, увѣнчанной черными волосами, ея красивая шея и покатыя плечи выдѣлялись какъ-то особенно изящно въ этой большой комнатѣ съ ея блѣдной окраской и прямыми линіями. Слѣдя за ней глазами, Тресседи снова почувствовалъ, что въ его встрѣчѣ съ нею было нѣчто драматическое и знаменательное, но это чувство не смягчило зарождавшагося въ немъ антагонизма противъ нея.

Когда они вошли, она повернулась и сдѣлала сестрѣ знакъ подойти поближе.

— Подойдите, посмотрите, какъ ей здѣсь хорошо! И потомъ скажите этой лэди, какъ васъ зовутъ и гдѣ вы живете.

Дѣвушка робко приблизилась. Пока она разговаривала съ сестрой и съ сидѣлкой, лэди Максвель вдругъ оглянулась и увидѣла Тресседи, стоявшаго у стола въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея.

По лицу ея скользнуло выраженіе удивленія. Онъ увидѣлъ, что,

занятая несчастнымъ происшествіемъ и дѣвочками, она совершенно забыла его. Но она быстро вспомнила и улыбнулась.

— Такъ вы въ самомъ дѣлѣ отвезете ее домой? Это очень любезно съ вашей стороны. Ея бабушка совсѣмъ иначе отнесется къ этому несчастью, если кто-нибудь пріѣдетъ и все объяснитъ ей. Видите ли, они оставятъ ея ногу въ лубкѣ на ночь, а завтра положатъ въ гипсъ. Вѣроятно, они продержатъ ее въ больницѣ не больше трехъ недѣль, такъ какъ у нихъ всѣ мѣста заняты.

— Вы, повидимому, хорошо знаете больничные порядки.

— Я сама одно время была сидѣлкой не долго,—отвѣчала она нѣсколько сухо, какъ бы желая подчеркнуть, что теперь она уже не рабочая женщина, а важная лэди.

— Ахъ, да, я совсѣмъ забылъ. Я слышалъ объ этомъ отъ Эдварда Уаттона.

Она бросила на него быстрый взглядъ.

Онъ почувствовалъ, что она только теперь обратила вниманіе на него, какъ на личность.

— Вы знаете м. Уаттона? Вы, кажется, сэръ Джоржъ Тресседи, не правда ли? Вы избраны депутатомъ отъ Маркетъ Мальфорда въ ноябрѣ? Я помню. Мнѣ ваши рѣчи не понравились.

Она засмѣялась, онъ также засмѣялся.

— Да, я вступилъ въ парламентъ въ интересное время, когда тамъ готовится борьба.

Улыбка ея исчезла.

— Не хорошая борьба!—серьезнымъ голосомъ произнесла она.

— Этого я не могу сказать. Все зависитъ отъ того, любите-ли вы вообще борьбу и увѣрены ли въ правотѣ своего дѣла.

Она съ минуту колебалась и затѣмъ сказала:

— Неужели лордъ Фонтеной можетъ считать себя правымъ.

Легкій оттѣнокъ презрѣнія въ ея голосѣ разсердилъ его.

— Не то ли же говорятъ всѣ партіи о своихъ противникахъ?

Она снова посмотрѣла на него, на этотъ разъ съ любопытствомъ. Онъ, очевидно, былъ очень молодъ, моложе ея, какъ ей казалось. Но беззаботное спокойствіе и самоувѣренность его манеръ составляли полную противоположность съ его юношескимъ лицомъ, и это заинтересовало ее. Ея губы нехотя раздвинулись въ улыбку.

— Можетъ быть,—проговорила она.—Но вѣдь иногда, понимаете, это должно быть справедливо. Впрочемъ, мы, конечно, не можемъ обсуждать этотъ вопросъ здѣсь, въ часъ ночи, вонъ сидѣлка уже дѣлаетъ мнѣ знаки. Вы въ самомъ дѣлѣ очень добры.

Если будете недалеко отъ насъ въ воскресенье, можетъ быть, вы зайдете и разскажете?

— Конечно, съ величайшимъ удовольствіемъ. Я приду и дамъ вамъ подробный отчетъ о томъ, какъ выполню ваше порученіе.

Она протянула ему тонкую руку. Старшая дѣвочка съ красными отъ слезъ глазами, была снова передана на его попеченіе, и они быстро покатили въ кэбѣ къ Вестминстеру, по адресу, который она дала.

Завидовать ли Максвелю?—разсуждалъ самъ съ собой Тресседи и не рѣшался дать утвердительный отвѣтъ. Такая женщина, не смотря на всю ея красоту, не могла бы увлечь его, такъ ему, по крайней мѣрѣ, казалось.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ИЗЪ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ МЕЛКИХЪ НАРОДНОСТЕЙ.

(*Продолженіе*) *).

II.

Что дѣлается въ Галиціи для народнаго просвѣщенія.

Присоединенная по первому раздѣлу Польши къ Австріи, Галиція продолжительное время влачила самое плачевное существованіе. Австрія никогда не была увѣрена въ томъ, что Галиція останется навсегда за нею, поэтому она желала въ возможно краткій срокъ выжать изъ нея все, что удастся. Вслѣдствіе этого, Галиція стала поприщемъ всякихъ эксплоататорскихъ экспериментовъ. Въ Галиціи былъ введенъ безпощадный германизаторскій режимъ, который наводнилъ ее толпами нѣмецкихъ культуртрегеровъ, быстро сколачивавшихъ себѣ значительныя состоянія цѣною пота и крови мѣстнаго населенія. Всякое проявленіе самостоятельной жизни было убиваемо въ самомъ зародышѣ. Издѣлія вѣнскихъ и другихъ нѣмецкихъ фабрикъ заполонили галиційскіе рынки, а попытки мѣстнаго населенія основать свою собственную промышленность были подавляемы самымъ грубымъ и жестокимъ образомъ.

Почти сто лѣтъ прозябала Галиція въ такомъ положеніи и только послѣ неудачной итальянской и прусской кампаніи, когда Австрія принуждена была обратиться къ содѣйствію «своихъ народовъ», эта несчастная страна вздохнула свободнѣе и мало-помалу стала приходить въ себя.

Въ 1867 году Галиція получила значительную автономію въ области народнаго образованія. Законъ 22 іюня этого года ввелъ въ галиційскихъ школахъ преподаваніе на польскомъ и малорусскомъ языкахъ, а немного спустя, императорскимъ рескриптомъ былъ учрежденъ спеціальный «Краевой школьный совѣтъ», въ вѣдѣніе котораго должны были перейти всѣ низшія и среднія

*) См. «Міръ Божій», № 1, январь 1896.

учебныя заведенія Галиціи. Такимъ образомъ, Галиція получила свое самостоятельное министерство народнаго просвѣщенія, дѣятельность котораго не распространялась только на высшія учебныя заведенія, какъ университеты, политехникумъ, и т. д.

Положеніе народнаго образованія въ то время, когда «школьный совѣтъ» приступилъ къ самостоятельной дѣятельности, было крайне печально. Во всей Галиціи существовало de jure 2.476 народныхъ школъ, de facto же многія изъ нихъ значились только на бумагѣ. Остальныя, дѣйствительно существовавшія, не могли принести населенію большой пользы, такъ какъ не было ни достаточнаго количества педагогически образованныхъ учителей, ни удовлетворительныхъ программъ, ни порядочныхъ помѣщеній. Вслѣдствіе всего этого, «школьному совѣту» предстояла не легкая работа, и прошло нѣсколько лѣтъ, пока были собраны необходимыя статистическія свѣдѣнія и окончены приготовленія къ реорганизаціи и правильной постановкѣ школьнаго дѣла.

Только въ 1873 году въ Галиціи было введено безплатное и обязательное обученіе для всѣхъ дѣтей въ возрастѣ отъ шести до двѣнадцати лѣтъ. Черезъ годъ послѣ изданія этого закона число фактически существующихъ школъ Галиціи было доведено до 2.362.

Само собою разумѣется, страна, эксплоатированная самымъ безпощаднымъ образомъ въ теченіе почти ста лѣтъ, только очень медленно могла придти въ себя. Это отражается и на школьномъ дѣлѣ. До конца 1893 года удалось основать и развить только 3.812 школъ.

Слѣдя за ходомъ развитія школьнаго дѣла, мы видимъ, что количество новыхъ школъ возрастаетъ съ каждымъ годомъ все быстрѣе и быстрѣе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, увеличивается и число дѣтей, посѣщающихъ эти школы. Въ 1874 году ихъ было всего 172.506. Въ 1885 г. число учениковъ галиційскихъ народныхъ школъ поднялось до 372.230, въ 1890 г. до 477.820, а въ 1893 г. уже до 563.509. Такой быстрый, сравнительно, ростъ количества учащихся не могъ не отразиться и на состояніи грамотности въ Галиціи. Любопытны данныя, касающіяся этого послѣдняго факта. Къ сожалѣнію, имѣющіяся на лицо относятся только къ 1890 году. Изъ нихъ слѣдуетъ, что въ нѣкоторыхъ округахъ Галиціи число неграмотныхъ значительно уменьшилось. Такъ, напр.:

		1888 г.		1890 г.			
Въ Жидаговскомъ	окр. . .	85%	негр.	65%	негр.	т.-е.	на 20%
» Хшановскомъ	»	60%	»	41%	»	»	—19%
» Бжескомъ	» . .	77%	»	61%	»	»	—16%
» Величскомъ	» . .	70%	»	55%	»	»	—15%
» Станиславовскомъ	» . .	83%	»	60%	»	»	—14%

и т. д. Такихъ округовъ, гдѣ число неграмотныхъ уменьшилось на 10—12%, довольно много. Вообще, чѣмъ далѣе на западъ къ границамъ Силезіи, тѣмъ менѣе неграмотныхъ. Если въ нѣкоторыхъ округахъ число неграмотныхъ по статистикѣ еще очень велико, то нужно принимать во вниманіе то обстоятельство, что благодѣяніемъ обязательнаго обученія пользовалось только младшее поколѣніе галичанъ, люди, родившіеся послѣ 1866 года, т.-е. тѣ, которые въ 1873 году достигли шести-лѣтняго возраста. Вслѣдствіе этого, статистика, принимающая во вниманіе общую цифру населенія даннаго округа, показываетъ большое число неграмотныхъ даже въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ люди въ возрастѣ 20—30 лѣтъ грамотны почти поголовно, какъ, напр., во многихъ западныхъ округахъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ западной Галиціи число неграмотныхъ крайне ничтожно, не смотря на то, что тамъ школы учреждены только въ самое послѣднее время. Это объясняется тѣмъ, что крестьяне, не будучи въ состояніи дождаться, пока «школьный совѣтъ» учредитъ въ ихъ общинѣ школу, нанимали грамотнаго человѣка, по большей части отставного солдата, который за ничтожное вознагражденіе обучалъ дѣтей.

Съ распространеніемъ грамоты возрастало и желаніе крестьянъ отдавать дѣтей въ школу, но многія бѣдныя общины никакъ не могли собрать сумму, необходимую для постройки зданія школы, оплаты учителя и т. д. Поэтому, «школьный совѣтъ» постоянно заваленъ просьбами жителей тѣхъ селеній, гдѣ еще нѣтъ школъ, объ ихъ открытіи. Не смотря на то, что львовскій ландтагъ съ каждымъ годомъ значительно увеличиваетъ сумму, ассигнуемую на нужды народнаго образованія, ея все-таки не хватаетъ на удовлетвореніе и пятой части требованій. Страна слишкомъ бѣдна для этого, и чтобы дѣло народнаго образованія подвигалось какъ можно скорѣе, потребовалось содѣйствіе школьнымъ властямъ самого общества.

Общество въ Галиціи поняло это и стало дѣятельно помогать «школьному совѣту», приступивъ къ организаціи «Общества народной школы», которое уже теперь, не смотря на то, что существуетъ всего три года, развиваетъ очень энергическую дѣятельность и приноситъ громадную пользу народному образованію въ Галиціи.

«Общество народной школы» основано по инициативѣ университетской молодежи, которая, указывая на дѣятельность «Чешской Матицы» и нѣмецкаго «Шульферейна», побудила демократическую часть общества въ Галиціи къ организаціи подобнаго учреж-

денія и на галиційской почвѣ. Идея «Общества народной школы» пріобрѣла всеобщую симпатію, а когда оно было основано (въ мартѣ 1892 года), къ нему примкнули всѣ демократическіе элементы Галиціи. Предсѣдателемъ «Общества» былъ избранъ самый выдающійся современный польскій поэтъ—Адамъ Асныкъ.

«Общество» поставило себѣ главной цѣлью основывать школы, помогать бѣднымъ общинамъ при постройкѣ и организаціи новыхъ школъ, снабжать бѣдныхъ дѣтей учебными пособіями, одеждой, а въ случаѣ необходимости, и пищей, давать возможность народнымъ учителямъ пополнять свое образованіе и вознаграждать самыхъ дѣятельныхъ и способныхъ изъ нихъ. Считая заботу о школѣ первой своей обязанностью, «Общество народной школы» имѣло въ виду также и посылать въ народъ странствующихъ учителей, и основывать народныя читальни, и объявлять конкурсы на лучшія популярныя сочиненія, и поддерживать народныя періодическія изданія.

«Общество народной школы» распространило свою дѣятельность не только на Галицію, но и на сосѣднія провинціи Австріи съ польскимъ населеніемъ: Силезію и Буковину. Чтобы обнять всю эту территорію своимъ вліяніемъ, «Общество» издало около 25.000 воззваній и уполномочило слишкомъ 350 лицъ къ основанію мѣстныхъ кружковъ «Общества». На призывъ «Общества народной школы» откликнулась вся польская интеллигенція Галиціи, Силезіи и Буковины. Со всѣхъ сторонъ стали стекаться пожертвованія, и вскорѣ почти во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ Галиціи появились мѣстные кружки. Въ настоящее время такихъ кружковъ болѣе *шестидесяти*. Въ болѣе крупныхъ центрахъ, какъ во Львовѣ, Краковѣ, Станиславовѣ, существуетъ по два кружка: мужской и дамскій. Обыкновенно дамскій развиваетъ гораздо болѣе энергичную дѣятельность, нежели мужской. Вообще, женщины играютъ въ «Обществѣ народной школы» очень выдающуюся роль. Онѣ собираютъ пожертвованія, устраиваютъ въ пользу «Общества» вечера, лекціи, лоттереи, гулянья, собираютъ свѣдѣнія о нуждахъ школьнаго дѣла, организуютъ помощь школьнымъ дѣтямъ и т. д.

Если мы подведемъ итогъ дѣятельности «Общества народной школы», то увидимъ, что, не смотря на столь краткое существованіе, ему удалось сдѣлать довольно много. Въ теченіе 2½ лѣтъ оно собрало болѣе *семидесяти тысячъ* гульденовъ. Это дало ему возможность построить три самостоятельныя народныя школы въ восточной Галиціи и содѣйствовать постройкѣ новыхъ школъ въ семнадцати общинахъ. Кромѣ того, «Общество» основало болѣе пятидесяти народныхъ читаленъ по деревнямъ и мѣстечкамъ и

нѣсколько библіотекъ для учителей. Затѣмъ, оно снабжало болѣе трехсотъ народныхъ школъ книжками и другими учебными пособіями, а посѣщающую эти школы дѣтвору — теплой одеждой и обувью. «Общество» выписывало нѣсколько десятковъ экземпляровъ популярнаго изданія для бѣдныхъ крестьянъ и субсидировало народный журналъ «Польскій народъ» (Polski Lud).

Главное вниманіе обратило «Общество народной школы» на тѣ мѣстности, гдѣ славянскому населенію угрожаетъ денаціонализація, т.-е. на Буковину, восточную Галицію, самую западную ея полосу и Силезію. Въ Буковинѣ, гдѣ польское населеніе въ послѣднее время сильно возрастаетъ, господствующимъ языкомъ въ школѣ является румынскій, и поэтому дѣти польскихъ крестьянъ-колонистовъ, попадая въ эти школы, современемъ теряютъ свою національнноть. Поэтому-то «Общество народной школы» стало добиваться у буковинскихъ школьныхъ властей введенія преподаванія польскаго языка. Во многихъ мѣстностяхъ его заботы увѣнчались полнымъ успѣхомъ; тамъ же, гдѣ не удалось пока еще добиться преподаванія польскаго языка, «Обшество» само оплачиваетъ учителей этого предмета.

Однако, самая большая опасность угрожаетъ польскому населенію западной пограничной съ Силезіей полосы. Тамъ существуетъ городъ Бяла съ большимъ количествомъ нѣмецкаго населенія, которое стремится онѣмечить польскихъ рабочихъ и крестьянъ. Нѣмецкій «Шульферейнъ» развилъ тамъ очень энергическую дѣятельность и успѣшно германизируетъ населеніе. Вотъ на этотъ-то пунктъ и обратило «Общество народной школы» свое вниманіе. Чтобы противодѣйствовать германизаторской дѣятельности нѣмцевъ, необходимо пустить въ ходъ то же самое средство, какимъ они владѣютъ. Чтобы вырвать изъ когтей германизаторовъ дѣтей, нужно снабдить этихъ послѣднихъ народной школой, сооруженной на частныя средства, такъ какъ нѣмецкая дума Бялы никогда не согласится ассигновать сумму, необходимую для постройки и организаціи польской школы. А для учрежденія школы въ довольно крупномъ городѣ, такой школы, которая могла бы успѣшно соперничать съ богатыми школами нѣмецкаго «Шульферейна», нужна сумма не малая, приблизительно, около 50.000 гульденовъ.

И вотъ, «Общество народной школы» издаетъ воззваніе, въ которомъ доказываетъ всю необходимость постройки сельской школы въ Бялѣ и призываетъ на помощь все польское общество. Это последнее не замедлило откликнуться. Сборъ пожертвованій пошелъ такъ успѣшно, что въ скоромъ времени можно было уже приступить къ покупкѣ мѣста подъ школу и къ закладкѣ самого зданія.

Но мало дать народу школу и выучить его читать. Слѣдуетъ еще позаботиться о томъ, чтобы онъ не забылъ пріобрѣтенныхъ въ школѣ свѣдѣній, чтобы онъ имѣлъ матеріалъ для чтенія и средства для образованія послѣ выхода изъ школы. Необходимы, слѣдовательно, читальни, книжки и газеты для народа.

И въ этомъ отношеніи галиційское общество дѣлаетъ довольно много. Количество народныхъ читаленъ, обществъ, издающихъ и распространяющихъ народныя изданія, народныхъ періодическихъ изданій весьма значительно, а дѣятельность галиційскаго общества на этомъ поприщѣ постоянно усиливается и приводитъ къ результатамъ, которые отражаются въ политическо-общественной жизни всей страны.

Еще до полученія Галиціей автономіи были попытки издавать популярныя сочиненія и распространять ихъ между народомъ, но первое «Общество народнаго просвѣщенія» возникло во Львовѣ въ 1867 году. Это общество задалось цѣлью покрыть всю Галицію сѣтью своихъ филіальныхъ отдѣленій, но достигнуть этого ему, къ сожалѣнію, не удалось. Оно успѣло организовать всего около двадцати такихъ «окружныхъ отдѣленій», основать нѣсколько десятковъ народныхъ читаленъ и издать нѣсколько книжекъ для народа. Нѣсколько лѣтъ спустя, это первое «Общество народнаго просвѣщенія» принуждено было прекратить свою дѣятельность, такъ какъ оно не встрѣтило поддержки ни въ средѣ интеллигенціи, ни въ народѣ. Первая еще не понимала въ достаточной мѣрѣ своихъ обязанностей по отношенію къ народу; этотъ же послѣдній... не умѣлъ еще и читать.

Только съ 1881 года начинается усиленная дѣятельность галиційской интеллигенціи на этомъ поприщѣ. Школы, перешедшія въ вѣдѣніе «Краевого школьнаго совѣта» уже привели кое къ какимъ результатамъ. Народъ уже былъ подготовленъ. Молодое поколѣніе галиційскихъ крестьянъ уже умѣло и желало читать и съ жадностью набрасывалось на всякую предлагаемую ему книжку.

Въ восьмидесятыхъ годахъ сразу, почти одновременно, возникаютъ различныя общества для распространенія просвѣщенія среди народа. Одни издаютъ книжки и брошюры для народа, другіе основываютъ по деревнямъ и мѣстечкамъ народныя читальни, третьи приступаютъ къ экономической организаціи народныхъ массъ, при помощи популярныхъ изданій. Появляется цѣлый рядъ періодическихъ изданій, предназначенныхъ для народа самаго разнообразнаго содержанія, начиная съ сельскохозяйственныхъ и популярно-научныхъ и кончая политическими.

Первое общество народнаго просвѣщенія снова возникло во

Львовѣ въ 1881 году. Въ слѣдующемъ 1882 году такое же общество появилось въ Краковѣ. Отъ двухъ столицъ края не хотѣла отстать и провинція, поэтому мы видимъ, какъ во второстепенныхъ городахъ (Тарновѣ, Станиславовѣ) и даже мѣстечкахъ (Горлицахъ, Яслѣ) возникаютъ такія же общества.

Самую энергическую дѣятельность развили три изъ нихъ: Львовское, Краковское и Тарновское. Львовское общество основало до 1893 года 18 городскихъ читаленъ, 4 библіотечки въ казармахъ и *236* сельскихъ читаленъ, спеціально для крестьянъ. Во всѣхъ этихъ читальняхъ было свыше 80.000 книжекъ. Тарновское, дѣйствующее только въ своемъ округѣ, открыло 35 читаленъ. Краковское—*578* городскихъ и сельскихъ читаленъ съ 90.000 книжекъ.

Кромѣ этихъ обществъ, народными читальнями занимается и «Общество земледѣльческихъ кружковъ», основанное, пятнадцать лѣтъ тому назадъ, для поднятія уровня экономической, умственной и нравственной жизни галиційскаго крестьянства и имѣющее въ настоящее время около 70.000 членовъ-крестьянъ. При каждомъ «кружкѣ» этого общества непремѣнно находится и читальня. И нѣкоторые «кружки» «Общества народной школы», о которомъ мы говорили выше, основываютъ читальни, преимущественно городскія. Въ различныхъ ремесленныхъ и рабочихъ ферейнахъ, которыхъ въ Галиціи довольно много, тоже имѣются библіотеки и читальни.

Въ настоящее время населеніе западной Галиціи, страны по размѣрамъ меньше средней русской губерніи, обладаютъ слишкомъ 1.000 читаленъ. Кромѣ того, въ восточной Галиціи существуетъ нѣсколько сотенъ малорусскихъ читаленъ для русинскаго населенія, основанныя обществомъ «Просвіта», «Качковскаго» и частными лицами, преимущественно уніатскими священниками.

Въ 1882 г., по иниціативѣ покойнаго І. И. Крашевскаго, основано общество «Польская Матица» (Macierz polska), которое задалось цѣлью издавать и распространять между народомъ книжки. «Польская Матица» старается достигнуть того, чтобы книжка проникла въ самыя отдаленныя захолустья, въ настоящіе медвѣжьи углы. Съ этой цѣлью «Польская Матица» до конца 1893 г. основала около 170 коммиссіонерскихъ книжныхъ складовъ по деревнямъ и мѣстечкамъ. Этими складами завѣдуютъ делегаты «Польской Матицы», почти все народные учителя. Со времени своего основанія «Польская Матица» издала болѣе 60 книжекъ самаго разнообразнаго содержанія: беллетристическихъ, сельскохозяйственныхъ, историческихъ и т. д. До сихъ поръ разошлось около 400.000 экземпляровъ изданій этого общества. Нѣкоторыя изданія распространи-

лись въ громадномъ количествѣ экземпляровъ: такъ, напримѣръ, знаменитой поэмы Адама Мицкевича «Панъ Тадеушъ» пошло въ народъ болѣе 50.000 экз. Кромѣ этого, ежегодно расходится по 3.000 экз. календаря «Польской Матицы». Послѣдняя издаетъ также двѣ народныя газетки—одну политическо-научную «Воскресенье» (Niedziela), другую сельскохозяйственную «Сельскій хозяинъ» (Gospodarz wiejski). Кромѣ дохода отъ продажи этихъ изданій, «Польская Матица» получаетъ субсидію отъ галиційскаго ландтага въ размѣрѣ 5.000 гульд. ежегодно.

Львовскій «Комитетъ для изданія книжекъ для народа» основанъ въ томъ же году, что и «Матица». Это общество имѣетъ болѣе 12 тысячъ членовъ, которые получаютъ двѣнадцать книжечекъ ежегодно, доплачивая за это всего 1 гульденъ, т. е. около 80 копеекъ. «Комитетъ» издаетъ сочиненія на польскомъ и малорусскомъ языкахъ для русинскихъ крестьянъ. До сихъ поръ «Комитетъ» распространилъ около 250.000 экземпляровъ своихъ изданій. «Польская Матица» издаетъ сочиненія большаго объема, отъ десяти до двадцати печатныхъ листовъ, «Комитетъ» же ограничивается изданіемъ маленькихъ книжечекъ, преимущественно беллетристическаго содержанія.

Основанное въ 1888 году «Общество имени Станислава Сташица» издало и распространило между народомъ около 100.000 экземпляровъ популярныхъ сочиненій по исторіи и дешевыхъ перепечатокъ классическихъ произведеній польской литературы.

Въ 1892 г. инспекторъ народныхъ училищъ Северинъ Удзѣля и директоръ народной школы Станиславъ Паслекъ предприняли изданіе «Двухкрейцеровой библіотеки» для народа. Въ теченіе двухъ лѣтъ изданіе этой библіотечки достигло числа 240.000 экземпляровъ. Въ 1894 году «Двухкрейцеровая библіотечка» перешла въ другія руки и получила названіе «Грошовое изданіе им. Ѳаддея Костюшки». Молодые люди, ставшіе во главѣ этого послѣдняго издательскаго учрежденія, развили самую энергическую дѣятельность, а нѣкоторыя брошюрки расходятся въ двадцати и болѣе тысячахъ экземпляровъ.

Кромѣ этихъ главныхъ, существуетъ еще нѣсколько мелкихъ обществъ, занимающихся изданіями и распространеніемъ между народомъ популярныхъ книжекъ. Въ Галиціи распространяются также и изданія варшавскія, познанскія и силезскія. Въ послѣднее время польскіе крестьяне въ Галиціи все чаще и чаще принимаются за книжки, не относящіяся къ т. н. народной литературѣ, за сочиненія, предназначенныя для интеллигенціи, за изданія польскихъ классическихъ писателей, историческую беллетристику и вообще за всѣ тѣ книжки, которыя имъ доступны по цѣнѣ.

Охота къ чтенію въ средѣ крестьянства возрастаетъ очень быстро, по мѣрѣ того, какъ увеличивается число народныхъ школъ и возрастаетъ количество грамотныхъ. Галицiйскихъ читателей изъ крестьянъ можно раздѣлить на три категоріи. Къ первой принадлежатъ тѣ крестьяне, которые окончили нѣсколько классовъ гимназіи *) или какую-нибудь спеціальную школу, которые бывали въ большихъ городахъ или на фабрикахъ. Эти читаютъ свободно «большія» газеты, польскихъ поэтовъ и романистовъ (особенно популярны историческіе романы Крашевскаго и историческая трилогія Сенкевича). Эта категорія смотритъ не безъ презрѣнія на «народныя» изданія и покупаетъ только книги, не имѣющія подписи: «для народа». Ко второй категоріи принадлежатъ жители деревни, въ которой школа существуетъ уже нѣсколько десятковъ лѣтъ или, по крайней мѣрѣ, лѣтъ двадцать. Они уже ознакомились съ исторіей своей родины, интересуются всѣми вопросами общественной и политической жизни и читаютъ съ большимъ интересомъ статьи и сочиненія, посвященныя экономическимъ, сельскохозяйственнымъ и политическимъ темамъ. Эта категорія главнымъ образомъ и потребляетъ «народную» литературу. Наконецъ, къ третьей категоріи читателей, если ихъ только можно назвать читателями, принадлежатъ крестьяне, не умѣющіе читать. Въ такихъ селахъ, гдѣ еще нѣтъ школы или она существуетъ только съ очень недавняго времени, крестьяне просятъ священника, учителя или кого-нибудь изъ грамотныхъ читать имъ книжки и газеты. Крестьянскія газеты имѣютъ много подписчиковъ между неграмотными.

Громадное вліяніе на культурное развитіе крестьянскихъ массъ въ Галиціи имѣютъ спеціально для крестьянъ издаваемыя газеты.

Первыя попытки издавать газеты и журналы для крестьянъ въ Галиціи относятся еще къ сороковымъ годамъ, когда въ Краковѣ былъ основанъ небольшой журнальчикъ, выходившій два раза въ мѣсяцъ. Начиная съ шестидесятыхъ годовъ, одно за другимъ появляются различные изданія этого рода, однако, всѣ они скоро прекращаютъ свое существованіе, такъ какъ не было ни способныхъ писателей для народа, ни, чтò еще важнѣе, достаточнаго числа грамотныхъ крестьянъ, которые бы подписывались на эти изданія.

Въ 1875 году священникъ Станиславъ Стояловскій издавалъ двѣ небольшія народныя газетки «Вѣнокъ» и «Пчелку». Это были первыя, въ полномъ смыслѣ слова, «народныя» газетки. Стояловскій

*) Въ Галиціи, особенно въ западной, такихъ довольно много; есть между крестьянами и окончившіе полный курсъ гимназіи.

(который получилъ громкую извѣстность въ послѣднее время, благодаря преслѣдованіямъ, посыпавшими на него со стороны галиційскаго духовенства за его демократическую дѣятельность между крестьянами) прекрасно зналъ народъ, любилъ его и, что важнѣе всего, умѣлъ писать для него. Обладая недюжиннымъ публицистическимъ талантомъ, Стояловскій умѣлъ заинтересовать читателей крестьянъ своими блестящими статьями и вскорѣ пріобрѣлъ для своихъ органовъ не только массу подписчиковъ, но и сотрудниковъ между крестьянами. Крестьяне стали посылать въ «Вѣнокъ» и «Пчелку» корреспонденціи и статейки, свидѣтельствующія о томъ, что, благодаря школамъ, просвѣщеніе сдѣлало уже большіе успѣхи между крестьянами.

Въ 1883 году «Польская Матица», о дѣятельности которой мы говорили выше, основываетъ органъ «Воскресеніе», получившій довольно широкое распространеніе между крестьянами.

Въ настоящее время въ Галиціи выходитъ около десятка періодическихъ изданій для народа. Между ними есть и сельскохозяйственныя, и популярно-научныя, и политическія. Самое лучшее изъ нихъ—это органъ г. Болеслава Вислоуха «Другъ народа», существующій съ 1889 года и имѣющій около пяти тысячъ подписчиковъ крестьянъ.

Любопытна исторія развитія этого органа. Сначала редактору и его сотрудникамъ изъ интеллигенціи приходилось самимъ заполнять каждый № «Друга народа» отъ начала до конца. По мѣрѣ распространенія изданія между народомъ, крестьяне начинаютъ присылать краткія сообщенія о своихъ дѣлахъ съ просьбой помѣстить ихъ въ журналѣ. Сначала эти сообщенія имѣли форму писемъ и корреспонденцій о различныхъ фактахъ изъ жизни крестьянъ, о злоупотребленіяхъ податныхъ и другихъ властей, объ эксплуатаціи крестьянъ ростовщиками и т. д. Вскорѣ, кромѣ корреспонденцій, стали приходить въ редакцію и самостоятельныя статьи по различнымъ вопросамъ, интересующимъ крестьянское населеніе, затѣмъ появились и стихотворенія, и маленькіе разсказы, и даже повѣсти, написанныя крестьянами.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ основанія, «Другъ народа» превратился въ чисто крестьянскій органъ, такъ какъ всѣ, помѣщавшіяся въ немъ статьи принадлежали самимъ крестьянамъ. Редактору оставалось только отъ времени до времени помѣстить руководящую статью и составить хронику; обо всемъ остальномъ заботились уже сами крестьяне. Въ настоящее время «Другъ народа» имѣетъ, кромѣ нѣсколькихъ сотенъ случайныхъ сотрудниковъ, два-три десятка такихъ крестьянъ, которые пишутъ въ немъ постоянно

изъ номера въ номеръ. Многіе изъ нихъ пользуются вполнѣ заслуженною извѣстностью; къ такимъ принадлежатъ: Яковъ Бойко, Матвѣй Шарый, Шмыдъ, Завада, Радо и многіе другіе. Нѣкоторые изъ нихъ обладаютъ недюжиннымъ публицистическимъ талантомъ, другіе обнаруживаютъ выдающееся поэтическое дарованіе. Изъ крестьянъ-публицистовъ первое мѣсто занимаетъ Яковъ Бойко, войтъ (староста) села Грембошево, избранный во время послѣднихъ выборовъ депутатомъ въ галиційскій ландтагъ. Это молодой, красивый крестьянинъ, который, благодаря усиленному чтенію, пріобрѣлъ серьезное образованіе и выступилъ въ «Другѣ народа» въ качествѣ публициста по различнымъ вопросамъ, касающимся крестьянской жизни въ Галиціи. Статьи Бойки отличаются ясностью, строгостью аргументаціи, живымъ полемическимъ задоромъ и основательнымъ знакомствомъ съ разбираемыми вопросами. Статьи Бойки перепечатываются и органами для интеллигенціи, вслѣдствіе оригинальности и самостоятельности взглядовъ ихъ автора.

Другой талантливый публицистъ-крестьянинъ (тоже избранный, осенью прошлаго года, депутатомъ во львовскій ландтагъ), кромѣ массы статей, написалъ очень любопытную повѣсть, въ которой съ немалымъ сатирическимъ талантомъ обличаетъ всякіе беззаконія, творящіяся въ Галиціи во время выборовъ.

Вообще, статьи, присылаемыя крестьянами въ редакцію «Друга народа» и другихъ крестьянскихъ газетокъ, касаются самыхъ разнообразныхъ вопросовъ. Въ нихъ разсматриваются и всякіе мелкіе недостатки общинныхъ законовъ, въ нихъ разбираются и подвергаются критикѣ всякіе проекты экономическихъ реформъ, въ нихъ затрагиваются и политическія, и литературныя темы. Крестьяне-публицисты обнаруживаютъ большое знакомство со всѣмъ тѣмъ, о чемъ пишутъ; между ними есть даже спеціалисты, которые съ любовью изучаютъ и обработываютъ одну какую-нибудь тему, выказывая рѣдкую оригинальность мысли и предлагая свои собственные проекты.

Въ 1893 году появился въ одномъ изъ западно-галиційскихъ городовъ—Новомъ Сончѣ—органъ, въ которомъ не только пишутъ, но который и издаютъ, и редижируютъ сами крестьяне. Это «Мужицкій Союзъ» (Zviazek Chlopski), издаваемый крестьяниномъ-депутатомъ Поточкомъ.

Въ дѣлѣ просвѣщенія очень важную роль играютъ лекціи и бесѣды, на которыя собираются крестьяне по воскресеньямъ и праздникамъ. Обыкновенно такія лекціи происходятъ въ народныхъ читальняхъ и земледѣльческихъ кружкахъ. Народный учитель, священникъ или вообще кто-нибудь изъ интеллигенціи чи-

таетъ крестьянамъ лекцію на историческую популярно-научную или сельскохозяйственную тему, а послѣ окончанія лекціи крестьяне обращаются къ лектору, требуя у него объясненія различныхъ, относящихся къ этой темѣ, вопросовъ.

Въ городахъ такія лекціи и бесѣды происходятъ въ различныхъ ремесленныхъ и рабочихъ ферейнахъ. Почти во всѣхъ большихъ городахъ и даже мѣстечкахъ Галиціи существуютъ т. н. «Силы»—образовательныя общества, членами которыхъ состоятъ рабочіе безъ различія пола. «Силы» играютъ роль рабочихъ клубовъ. Въ нихъ устраиваются вечеринки съ танцами, различныя собранія, любительскія представленія и лекціи. Въ каждой «Силѣ» существуетъ библіотечка и читальня, въ которой рабочій находитъ достаточное число періодическихъ изданій. Разъ въ недѣлю, а кое-гдѣ и чаще устраиваются въ «Силѣ» бесѣды слѣдующимъ, довольно оригинальнымъ способомъ. Въ читальнѣ «Силы» виситъ на стѣнѣ небольшой ящикъ, въ который рабочіе опускаютъ листки бумаги съ вопросами самаго различнаго характера. Въ тотъ день, когда должны происходить бесѣды, карточки съ вопросами вынимаются, прочитываются по очереди, а кто-нибудь изъ присутствующихъ даетъ на нихъ отвѣтъ. Въ этихъ бесѣдахъ принимаютъ, разумѣется, участье, кромѣ рабочихъ, и интеллигенты, по большей части университетская молодежь.

Въ Галиціи существуетъ и «Общество народнаго театра», но такъ какъ оно основано очень недавно, то о его дѣятельности трудно что-нибудь сказать.

Таковъ краткій перечень того, что дѣлается для народнаго просвѣщенія въ Галиціи, въ той Галиціи, которую справедливо можно назвать «пятномъ невѣжества» въ сравненіи съ какой-нибудь Чехіей, гдѣ количество грамотныхъ доходитъ до 98% общаго числа народонаселенія.

Л. Василевскій.

ГЕРОЙ СОВРЕМЕННОЙ ЛЕГЕНДЫ.

(*Продолженіе* *).

III.

Генералъ Бонапартъ.

Мартъ 1796 года окончилъ для нашего героя «годы странствія», годы лишеній, мелкихъ стычекъ съ судьбой и опереточной корсиканской политики. Началось поприще великаго полководца и еще болѣе великаго уловлятеля человѣческихъ душъ.

Мы только что слышали отъ Жозефины о впечатлѣніи, какое на нее производилъ взоръ Буонапарте. По ея словамъ, этотъ взоръ импонировалъ даже директорамъ. Очевидно, бѣдный и совершенно съ виду не внушительный генералъ чувствовалъ въ себѣ великія силы и онъ это даже высказывалъ невѣстѣ: «Моя шпага при мнѣ, и съ ней я пойду далеко»».

Вандемьеръ это доказалъ.

Но чтобы сдѣлаться «генераломъ вандемьера», требовалось пройти довольно тяжелый и отнюдь не военный путь. Это была стратегія исключительно житейская, тонкая,—часто неуловимая, но сложная сѣть ловкихъ фразъ, маленькихъ услугъ, дипломатической суровости, салонной лести, гражданской реторики. И всего этого въ немалыхъ и артистически разсчитанныхъ дозахъ: такихъ эпикурейцевъ и *rois fainéants*, какъ Баррасъ, трудно расшевелить и заставить работать въ чужихъ интересахъ, еще труднѣе заставить красавицъ директоріи серьезно относиться къ фигурѣ захудалаго артиллериста.

Но всѣ препятствія побѣждены и пріобрѣтена громадная опытность.

Буонапарте съ самаго начала не уважалъ французскихъ республиканцевъ, а познакомившись ближе съ нравами и людьми дирек-

---

*) «Міръ Божій», № 1, 1896 г.

торіи, онъ долженъ былъ махнуть рукой на ихъ конституцію, на ихъ представительство и даже на ихъ генераловъ. Тамъ театральная фальшивая реторика, здѣсь эгоизмъ и малодушіе, а у генераловъ или цезарскіе инстинкты, или ограниченный воинственный азартъ.

Какъ удобно и необыкновенно полезно воспользоваться всей этой «сущностью вещей»!

До сихъ поръ Буонапарте не выходилъ изъ предѣловъ семейныхъ наслѣдственныхъ талантовъ: даже легкомысленный Карло отлично пристраивалъ многочисленныхъ членовъ своей семьи, сумѣлъ провести дочь въ самое святилище дворянскаго французскаго воспитанія, въ пансіонъ г-жи Ментенонъ—Сенъ-Сиръ. Сынъ съ такимъ же искусствомъ будетъ потомъ составлять карьеры братьевъ. Едва ставъ главнокомандующимъ внутренней арміи, недавно еще живя впроголодь, онъ посылаетъ семьѣ громадныя суммы, по шестидесяти тысячъ ливровъ, Іосифу обѣщаетъ четыреста тысячъ...

Но это потому, что обезпечена собственная карьера. Надо идти дальше, чтобы вести за собой всю семью, вплоть до королевскихъ троновъ.

И генералъ Бонапартъ идетъ.

Теперь онъ въ благословеннѣйшей европейской странѣ, среди богатѣйшихъ городовъ, предъ единственными въ мірѣ хранилищами человѣческаго художественнаго генія. Въ самой Франціи нѣтъ ничего подобнаго: директорія рѣшительно бѣдствуетъ, даже военныхъ курьеровъ посылаетъ на счетъ театральныхъ кассъ, не платитъ жалованья ни чиновникамъ, ни солдатамъ, оставляетъ армію безъ хлѣба и одежды. Это обанкрутившееся государство, защищаемое голодными патріотами.

Генералъ Бонапартъ намѣренъ все преобразовать. Директоріи онъ обѣщаетъ горы денегъ, солдатамъ — великолѣпный обѣдъ и новые мундиры, генераламъ—всѣ сокровища Италіи. Въ прокламаціи къ арміи онъ описываетъ лишенія солдатъ, спѣшитъ завѣрить, что «правительство ничего не можетъ дать имъ», и зоветъ ихъ въ «богатыя провинціи», «большіе города»: «тамъ вы найдете почести, славу, богатство».

Такъ могъ говорить проконсулъ, воюющій на свой страхъ и привязывающій армію лично къ своей особѣ, своими благодѣяніями.

Обѣщанія блистательно выполняются. Италія подвергается разграбленію, какого не видала со временъ средневѣковыхъ нашествій. Уже спустя какой-нибудь мѣсяцъ, директорія получаетъ

на два милліона драгоцѣнныхъ металловъ и камней, двадцать четыре картины знаменитѣйшихъ художниковъ. Съ одной провинціи главнокомандующій получаетъ милліонъ контрибуціи. И не проходитъ мѣсяца, чтобы онъ не посылалъ нѣсколькихъ милліоновъ въ Парижъ, въ рейнскую армію. Въ теченіе одного 1796 года Бонапартъ грабитъ Италію на *четыреста милліоновъ*, и пишетъ директоріи: «чѣмъ больше вы мнѣ будете присылать людей, тѣмъ легче мнѣ ихъ прокормить».

Разумѣется... Но, помимо прокормленія, получается и другой результатъ: войска республики превращаются въ гвардію цезаря, и чѣмъ больше правительство будетъ ихъ присылать, тѣмъ яснѣе будетъ обнаруживаться новая сила и тѣмъ вѣрнѣе гибель самого правительства. Директорія этого не понимаетъ, да и не хочетъ понимать, была бы только полна завѣтная касса для дѣлежки.

Естественно, солдаты пользуются всѣми плодами своихъ побѣдъ и начинаютъ обожать своего генерала. Теперь онъ у нихъ *le petit Caporal*,—знаменитое прозвище, которому суждено производить волшебное впечатлѣніе на гренадеровъ; послѣ каждаго сраженія они на собственномъ совѣтѣ награждаютъ его солдатскими чинами [28]). Его сѣрый сюртукъ становится легендарнымъ символомъ. Одинъ видъ полководца охватываетъ ряды лихорадочнымъ восторгомъ. Тяжело раненые впослѣдствіи не будутъ уходить съ поля сраженія, пока на нихъ смотритъ вождь и пока не исполнена назначенная имъ задача [29]). Одно его слово доводитъ героевъ до самозабвенія...

И генералъ отлично знаетъ эту психологію. Онъ по ночамъ изучаетъ кадры арміи и твердитъ наизусть имена старыхъ солдатъ. Трудно и представить, чтó совершается въ душѣ гренадера, когда къ нему приближается «маленькій капралъ» и называетъ его по имени! [30]). И какое неизъяснимое счастье для воина напоминать обожаемому и непобѣдимому вождю, что онъ, солдатъ, тамъ-то былъ трубачемъ, и главное, знать, что вождь также хорошо помнитъ эти вещи. А когда вождю вздумается вдругъ лично пожаловать крестъ заслуженному ветерану, слезы текутъ по черному изсѣченному лицу и губы шепчутъ въ молитвенномъ экстазѣ: «я сегодня умру за него, это—навѣрное»... [31]).

Какая страшная сила для полководца заключена въ этихъ солдатскихъ чувствахъ! Но это не чувства гражданъ и даже не па-

[28]) Шатобріанъ. *O. c.* III, 143; ср. *Mémorial* объ ит. экспедиціи.

[29]) *Souvenirs du duc de Vicence.* Paris. 1837. I, 147.

[30]) M-me Rémusat. *Ib.* in. 669.

[31]) Duc de Vicence. I, 250.

тріотовъ: это—полчища, не знающія иного отечества, кромѣ палатки цезаря, иной славы, кромѣ его похвалъ, иныхъ почестей, кромѣ его наградъ. Ихъ взоры стихійно пріурочены къ его звѣздѣ,—и ряды пойдутъ за нимъ одинаково противъ отечественной свободы и противъ внѣшняго врага. Это—«нервныя машины», какъ называетъ ихъ самъ цезарь,—необыкновенно мужественныя, восторженныя, но все-таки машины и одушевленныя не какой-либо идеей, а чужой эгоистической волей. Такая армія могла быть создана изъ французскаго народа, для котораго сочинялись самыя демократическія конституціи! Одинъ итальянскій походъ Бонапарта обнаружилъ настоящую французскую натуру. Ее выразилъ самъ полководецъ въ нѣсколькихъ мѣткихъ словахъ: французы вовсе не нуждаются въ свободѣ и республикѣ, имъ нужна военная слава, нужно удовлетвореніе національному самолюбію... Можетъ быть, вообще это заключеніе и невѣрно, но для наполеоновской эпохи оно вполнѣ отвѣчаетъ событіямъ и характерамъ.

Не добычей, конечно, и не наградами только достигнутъ такой результатъ. Французы, все-таки не преторьянцы эпохи римскаго упадка, не рабы «хлѣба и зрѣлищъ». Независимо отъ какихъ бы то ни было политическихъ событій, это нація съ развитымъ воображеніемъ, съ наклонностью къ эффектному героизму, и въ особенности къ эффектной реторикѣ. За фразу французъ можетъ простить весьма многое, прежде всего ложь и даже жестокость. Г-жа Сталь очень остроумно слѣдитъ за возникновеніемъ разныхъ *mots* во время революціи. Напримѣръ, правительство сокращаетъ государственный долгъ на двѣ трети: въ Парижѣ говорятъ, долгъ *мобилизированъ*. Послѣ 13-го вандемьера создается новое словечко—«свободоубійцы»—*liberticides*, очевидно въ противовѣсъ *régicides*, и оно прикрываетъ жесточайшія мѣры противъ враговъ директоріи [32]). И всѣ французы наперерывъ повторяютъ драгоцѣнное словцо, избавляющее, говоритъ г-жа Сталь, отъ необходимости самостоятельно оцѣнивать факты.

Бонапартъ, конечно, знаетъ и эту психологію. Какъ человѣкъ дѣла, онъ ее презираетъ до глубины души, но безпрестанно пускаетъ въ ходъ съ искусствомъ настоящаго артиста.

Отсюда знаменитый «механизмъ бюллетеней», пресловутыя обращенія къ арміи. Болѣе разсудительные французы составили поговорку: *Il ment comme un bulletin*, секретари Бонапарта разсказываютъ, сколько имъ стоило нравственныхъ мученій писать завѣдомую ложь. Но генералъ обращался не къ острословамъ, кото-

[32]) *O. compl.* XIII. 105, 107 etc.

рыхъ онъ искренне ненавидѣлъ, хотя и побаивался, а къ солдатамъ, и слишкомъ деликатному секретарю говорилъ прямо: «Вы глупецъ, въ этомъ дѣлѣ вы ничего не понимаете»... [33]).

Но плохо приходилось не однимъ секретарямъ. Генералы читали нерѣдко совершенно фантастическіе отчеты о сраженіяхъ и стычкахъ. «Случалось, иной генералъ узнавалъ изъ бюллетеней о побѣдѣ, которой никогда не одерживалъ, или о рѣчи, которой никогда не говорилъ. Другой—вдругъ видѣлъ себя превознесеннымъ въ газетахъ и старался придумать, по какому случаю онъ заслужилъ такое отличіе» [34]).

Но случалось и другое: на самомъ дѣлѣ отличившійся генералъ не находилъ своего имени въ бюллетеняхъ. Тогда онъ и его солдаты обращались къ Бонапарту съ слезной жалобой и просили славы, «которою онъ располагалъ». Бонапартъ умѣлъ отвѣтить такъ, что энтузіазмъ моментально охватывалъ обиженныхъ: «Вы и ваши солдаты—дѣти», говорилъ полководецъ, «слава существуетъ для всѣхъ... Въ другой разъ будетъ ваша очередь пополнить своимъ именемъ бюллетени» [35]).

Слова, откровенныя до наивности: очередь—не совершить дѣйствительный подвигъ, а попасть подъ перо бонапартовскаго секретаря. А это перо само по себѣ совершаетъ и подвиги, и описываетъ неудачи, и совершенно не смущается никакими противорѣчіями. Сегодня оно оповѣщаетъ французовъ, что у всей австрійской царствующей фамиліи нѣтъ и 100.000 франковъ, и даже генералы уже нѣсколько лѣтъ въ глаза не видятъ золотой монеты, а нѣсколько дней спустя оказывается, въ одномъ только городѣ Мюратъ захватилъ 200.000 флориновъ [36]). Съ особеннымъ блескомъ и могуществомъ Наполеонъ будетъ пользоваться этимъ механизмомъ во время похода въ Россію. Вплоть до послѣдняго бюллетеня армія и Франція будутъ слышать только о побѣдахъ и тріумфахъ. Недостатка въ трофеяхъ Наполеонъ никогда не могъ испытывать. Еще до этого похода, онъ приказывалъ вышивать непріятельскія знамена, прострѣливалъ ихъ пулями, и отправлялъ въ Парижъ, на удивленіе «великой націи» [37]).

Но солдаты этимъ не могли смущаться. Спеціально для нихъ

---

[33]) Bourrienne. II, 281, 342; Богдановичъ. *Исторія отечественной войны.* III, 301.

[34]) *B. E.* in. 181.

[35]) Эпизодъ съ генер. Ланномъ.

[36]) *Correspondance de Nap. I.* XI, 351, 358.

[37]) Дубровинъ. *Наполеонъ I въ соврем. ему русск. обществѣ.* Р. Вѣстн. 1895 г., VII, 91.

у Бонапарта обширный репертуаръ литературы отъ напыщенной реторики: вродѣ — сорокъ вѣковъ смотрятъ съ пирамидъ, до казарменнаго остроумія, каковы, напримѣръ, выходки бюллетеней противъ прусской королевы, невѣроятныя публичныя издѣвательства надъ ея интимной жизнью.

И солдаты, очарованные фразой или, необыкновенно счастливые, что могутъ обращаться съ именемъ королевы своихъ враговъ, какъ съ именемъ лагерной маркитантки, чувствовали безконечную благодарность къ великому фокуснику.

И Бонапартъ, сознавая свою силу, гордился ей и послѣ своихъ ораторскихъ упражненій самодовольно заявлялъ окружающимъ: «вотъ какъ надо обращаться съ арміей!..» [38]).

Оставались генералы. Ихъ нельзя было купить фразой и виномъ или бульономъ, хотя бы главнокомандующій раздавалъ его собственноручно [39]). Здѣсь нужны были средства посущественнѣе, и Бонапартъ съ итальянскаго похода начинаетъ систематическое развращеніе генераловъ, потомъ маршаловъ—золотомъ. Здѣсь онъ дѣйствуетъ, какъ тріумвиръ: старается просто купить своихъ помощниковъ, задушить ихъ совѣсть всевозможными благами земными, отдѣлить ихъ отъ прочихъ гражданъ отличіями, громадными имуществами, блестящимъ положеніемъ.

Искушеніе не особенно трудно. Все это—солдаты, въ громадномъ большинствѣ умственно ограниченные, вышедшіе изъ самыхъ низшихъ слоевъ черни. Что должно происходить съ ихъ головами, когда сегодня дали милліонъ, завтра другой, послѣзавтра—титулъ графа, немного спустя принца, а тамъ и короля? Такова карьера Мюрата, трактирнаго полового, Массены, сына виноторговца, Нея — сына бочара, Ожеро — сына каменьщика, перваго герцога Лефевра—сына мельника, и такъ безъ конца.

Ничего, конечно, нельзя возразить противъ самого происхожденія героевъ: таланты не знаютъ сословій. Но это хорошо въ демократическомъ граждански-развитомъ обществѣ, а не тамъ, гдѣ фигура мѣщанина въ дворянствѣ искони была самой благодарной темой сатиры. Самъ Бонапартъ отрицалъ у французовъ всякія способности къ республиканскимъ порядкамъ, не признавая у нихъ никакихъ свободныхъ гражданскихъ чувствъ, и именно поэтому создавалъ изъ ничего герцоговъ и принцевъ. Какъ и слѣдовало ожидать, съ наибольшей гордостью титулы эти носили бывшіе революціонеры, вродѣ Фуше и Талейрана. Лично необыкновенно

---

[38]) Слова, послѣ прощанія съ гвардіей, во время отреченія.

[39]) *Mém.* II, 704.

Генералъ Бонапартъ

скупой и разсчетливый Бонапартъ не жалѣлъ денегъ для своихъ слугъ. Они скопляли невѣроятныя богатства, помимо дворцовъ и земель. Полмилліона ренты считалось самымъ скромнымъ состояніемъ и такую ренту имѣлъ развѣ какой-нибудь Камбасаресъ, не совершавшій никакихъ военныхъ подвиговъ и способный только къ законнической и канцелярской работѣ.

Но другіе къ чему были способны?

На гражданскомъ поприщѣ, мы выдѣли, у Бонапарта не могло быть серьезныхъ противниковъ. На военномъ мы знаемъ много несомнѣнно храбрыхъ генераловъ вродѣ Ожеро, Бертье, особенно Мюрата, Массены, Сульта... Никто изъ нихъ не боялся пушекъ, но никто также и не носилъ въ душѣ ничего другого, кромѣ боевой отваги, да и то лишь до тѣхъ поръ, пока денегъ казалось маловато. А потомъ исчезла и доблесть, и вѣрность, и честь.

Для доказательства достаточно вспомнить, что именно самые облагодѣтельствованные и храбрые маршалы первые измѣнили Наполеону и, какъ увидимъ, воспользовались первымъ же случаемъ унизить и оскорбить его лицомъ къ лицу.

Иного результата и не могъ ждать тонкій искуситель душъ человѣческихъ. У Бонапарта не было ни идеи, ни цѣли, способной вызвать у его сподвижниковъ благородный энтузіазмъ, взволновать сердце и отдать его во власть великаго человѣка. Вопросъ шелъ о личномъ успѣхѣ, о цезаризмѣ, о побѣдѣ одного эгоиста надъ десяткомъ другихъ. Приходилось дѣйствовать на низшіе инстинкты, на алчность и тщеславіе. Бонапартъ такъ и поступалъ, вполнѣ отдавая себѣ отчетъ въ своемъ тлетворномъ вліяніи на республиканскихъ генераловъ.

Его отзывы о нихъ самые презрительные. Бертье — приближеннѣйшій къ нему маршалъ,—по мнѣнію очевидцевъ, даже его другъ, и Наполеонъ не уставалъ повторять, что въ умственномъ отношеніи онъ—полное ничтожество, Мюратъ—тоже; это знаетъ даже вся армія. То же самое Моро, Ожеро, Ней, даже Бернадоттъ, Ланнъ. Вся разница между ними въ степени ограниченности: послѣдніе два, напримѣръ, кое-какъ справляются съ мыслями, но за то Мюратъ и Бертье совершенно невмѣняемы, какъ самостоятельныя личности.

А между тѣмъ, Мюратъ—мужъ сестры Наполеона и король неаполитанскій, Бертье—незамѣнимый исполнитель его приказаній, по временамъ вызывавшій у него даже нѣкоторое теплое чувство.

Что же сказать о второстепенныхъ генералахъ?

Можетъ быть, они и не глупы, можетъ быть, и самъ Бонапартъ отчасти преувеличилъ недостатки маршаловъ, за исключе-

ніемъ Бертье и Мюрата, — во всякомъ случаѣ всѣ они сначала наемники цезаря, потомъ перебѣжчики и слуги другого господина.

«Я всѣхъ ихъ возвысилъ не по ихъ разуму», откровенно говорилъ Наполеонъ, и самъ указывалъ, какъ у якобинцевъ, вдругъ очутившихся принцами, закружилась голова. Такъ онъ выражался о самомъ умномъ изъ нихъ, Бернадоттѣ, будущемъ шведскомъ королѣ, Карлѣ XIV.

Сначала Бонапартъ гордился своей политикой, давая славу тѣмъ, кто былъ не въ состояніи съ ней справиться. Но логика нравственнаго закона жестоко отомстила за растлѣніе человѣческой природы, за преступные пути къ власти. Мы увидимъ, какія муки пришлось пережить императору въ минуту невзгодъ и паденія... Кругомъ не нашлось ни друзей, ни спутниковъ несчастья, не нашлось именно тамъ, гдѣ мощная рука съ неограниченной щедростью сыпала золото и почести...

Но пока около Наполеона совершенно преданная свита. Здѣсь даже состязаются въ рабскихъ инстинктахъ. Напримѣръ, между Даву и Мюратомъ происходитъ слѣдующая бесѣда.

Даву говоритъ о преданности своего сослуживца Маре Наполеону. Если бы цезарь приказалъ ему разрушить Парижъ и истребить все населеніе, Маре сохранилъ бы тайну, но вывелъ бы изъ города свою семью. Онъ—Даву—поступилъ бы иначе: изъ боязни вызвать подозрѣнія, онъ оставилъ бы въ обреченномъ городѣ жену и дѣтей [40]).

Зато у Даву было милліонъ ренты, хотя Бонапартъ не считалъ его среди лучшихъ генераловъ [41]).

Замѣчательно, Бонапартъ производилъ въ началѣ подавляющее впечатлѣніе именно на тѣхъ, кто впослѣдствіи нанесъ ему жесточайшія оскорбленія. Ожеро, напримѣръ, не могъ опомниться отъ эффекта при первой встрѣчѣ съ Бонапартомъ въ Италіи. То же самое чувствовалъ Вандаммъ. Въ результатѣ Вандаммъ измѣнилъ Наполеону во время битвы при Ватерло; Ожеро, кромѣ того, поносилъ бранью сверженнаго императора въ лицо, говорилъ съ нимъ на ты, на привѣтствія отвѣчалъ презрительными жестами и первый изъ маршаловъ въ прокламаціи къ арміи объявилъ Наполеона тираномъ, «принесшимъ въ жертву своему жестокому честолюбію милліоны жертвъ».

Всѣ эти факты по существу вполнѣ естественны. Ожеро и Ван-

---

40) *Marmont*. I, 194.

41) Наполеонъ затруднялся назвать *лучшихъ* генераловъ, и, вынужденный собесѣдникомъ, назвалъ наименѣе громкія имена, кромѣ, развѣ, генераловъ Ламарка и Фуа, Suchet, Clauzel, Gérard. *Mém*. II, 654 etc.

дамъ слыли суровыми вояками, отчаянными республиканцами, и стушевались и даже оторопѣли, лишь только Бонапартъ заговорилъ съ ними въ тонѣ повелителя. Забавно слышать отъ Ожеро, какъ онъ слова не могъ вымолвить въ отвѣтъ на сухія распоряженія генерала и только по выходѣ изъ главной квартиры пришелъ въ себя и жестоко выругался [42]). Бѣдные граждане фантастической республики!

Тѣмъ болѣе бѣдные, что Бонапартъ отнюдь не былъ демоническимъ непреодолимымъ существомъ; такимъ онъ казался только горе-богатырямъ и ограниченнымъ бреттёрамъ. Намъ раскроется тайна бонапартовской психологіи, когда мы увидимъ великаго баловня счастья въ паденіи. Тогда мы будемъ имѣть основанія рѣшить вопросъ, много ли было дѣйствительнаго личнаго величія и нравственной мощи у геніальнаго полководца? А теперь посмотримъ, какъ смотрѣли болѣе проницательные люди на эту способность приводить въ онѣмѣлое состояніе смѣльчаковъ вродѣ республиканца Ожеро, легкомысленныхъ директоровъ и деликатной Жозефины.

«Бонапартъ обладалъ великимъ талантомъ пугать слабыхъ и пользоваться людьми безнравственными» [43]). Вотъ вся политика противъ тѣхъ, кто поумнѣе, и тѣхъ, у кого весь капиталъ въ безсознательныхъ капральскихъ доблестяхъ. Ближайшій спутникъ Бонапарта и его поклонникъ разсказываетъ нѣсколько сценъ, какъ умѣлъ его господинъ пользоваться своимъ привилегированнымъ положеніемъ, искусно съ благосклоннаго тона переходилъ въ сухой и рѣзкій, никогда на самомъ дѣлѣ не теряя хладнокровія, извнѣ обнаруживая жестокіе припадки гнѣва [44]). Папа быстро оцѣнилъ, эти таланты, обозвавъ цезаря *comediante*, *tragediante*. И дѣйствительно, артистическія способности—одно изъ наслѣдій итальянскаго происхожденія Буонапарте: ими онъ пользовался всюду, отъ лагеря до дворца.

Не всѣхъ только онѣ ослѣпляли. Впослѣдствіи Александръ I—одинъ изъ невольныхъ зрителей наполеоновскихъ сценическихъ представленій—просто посмѣется надъ ухищреніями и драматическимъ краснорѣчіемъ французскаго императора [45]).

---

[42]) Прокламація Ожеро и его поведеніе въ *Nouvelle relation de l'itinéraire de Napoléon de Fontainebleau à l'île d'Elbe*, redigé par le comte de Waldbourg-Truchsess. Paris. 1815, 20, 68. О встрѣчѣ Ожеро съ Бонап. въ Италіи. Taine. *Le régime moderne*. I, 21.

[43]) M-me Staël. XIII, 27.

[44]) Duc de Vicence. I, 303; ср. Ремюза. В. Е. in. 672.

[45]) Дубровинъ. *Р. В.* in. 106.

Но эти упражненія были совершенно на мѣстѣ сначала въ Италіи, потомъ въ Египтѣ и, наконецъ, въ разныхъ имперскихъ собраніяхъ. Лишь изрѣдка кое-кто догадывался сдѣлать страшному человѣку энергическій отпоръ, и тогда обнаруживалось и замѣшательство, и даже кротость. Когда же этотъ отпоръ устроитъ сама судьба, отъ великаго человѣка останется одинъ призракъ... Но до этого еще далеко...

Плѣнивъ армію, Бонапарту необходимо забросить сѣти на Парижъ: вѣдь, все-таки тамъ пребывала «нація» и источникъ всякихъ конституцій. И вотъ здѣсь-то обнаружился весь дипломатическій геній и вся чисто корсиканская отвага въ притворствѣ, во лжи, въ нарушеніяхъ даннаго слова.

Сначала Бонапартъ, повидимому, искренній и очень симпатичный, Бонапартъ, только что разставшійся съ горячо любимой женой. Онъ теперь могъ оцѣнить, чего стóитъ ея «приданое» и вообще бракъ съ дамой большого столичнаго свѣта, хотя бы репутація этой дамы далеко не напоминала простоту республиканскихъ нравовъ. Но по республикѣ и нравственность, а кромѣ того именно «доброта» Жозефины особенно полезна Бонапарту.

Она живетъ въ полное удовольствіе, окружена друзьями и подругами, вѣсти о побѣдахъ ея мужа привлекли къ ней вниманіе всего Парижа, у нея даже оказалось необыкновенно лестное прозвище: республиканцы не могутъ жить безъ каламбуровъ и Жозефина—*Notre Dame des victoires*.

Мужъ все это знаетъ, и засыпаетъ ее письмами. Жозефина ихъ, конечно, читаетъ своему маленькому двору, и вскорѣ вездѣ узнаютъ, какой страстный супругъ — этотъ побѣдоносный генералъ, какой онъ чувствительный любовникъ и начитанный поэтъ. Еще къ невѣстѣ «нашъ маленькій генералъ» писалъ посланія совершенно въ духѣ Сенъ-Прё, вспоминалъ о горячихъ поцѣлуяхъ, полученныхъ наканунѣ отъ «доброй» Жозефины, умолялъ больше не цѣловать его: поцѣлуи жгутъ его кровь, онъ не можетъ успокоиться ночь и день, вспоминая объ «упоительномъ вечерѣ» и глядя на портретъ милой...

Забудемъ пока, что въ нѣсколько мѣсяцевъ мечтательный Ромео какимъ-то чудомъ превратится въ Фальстафа и подъ жгучимъ солнцемъ Египта будетъ разыгрывать чуть не сцены «оленьяго парка».

Пока весь Парижъ не наговорится о романтическихъ наклонностяхъ генерала. Какъ онъ любитъ жену! Какой онъ восторженный поклонникъ Оссіана!.. Удивительно только, откуда взялся у Наполеоне Буонапарте такой стиль, такая сила и такое изяще-

ство языка? Еще предъ отъѣздомъ въ Италію онъ написалъ одному изъ директоровъ письмо, гдѣ находились такія фразы: «La confiance que m'a montre le Directoire... *me fait un devoir* de l'instuire de toutes mes actions... C'est un *gage de* plus *de* ma ferme resolution *de* ne trouver *de* salut que dans la Republique». Таковъ французскій языкъ Бонапарта въ мартѣ, а въ іюнѣ его письма можно помѣстить въ романъ завзятаго парижскаго bel-esprit...

Напримѣръ, такія изліянія.

«Моя жизнь непрестанный кошмаръ. Роковое предчувствіе мѣшаетъ мнѣ свободно дышать. Я не живу больше, я утратилъ болѣе чѣмъ жизнь, болѣе чѣмъ счастье, болѣе чѣмъ покой; у меня почти нѣтъ надежды».

«Я всегда былъ счастливъ, моя судьба никогда не противилась моей волѣ, а теперь меня постигъ ударъ въ единственномъ дорогомъ для меня предметѣ. У меня нѣтъ ни аппетита, ни сна, ни интереса къ дружбѣ, къ славѣ, къ отчизнѣ; ты, ты, и—весь остальной міръ не существуетъ, онъ будто ничто для меня».

Дальше мы узнаемъ, что и побѣды Бонапартъ одерживаетъ только ради удовольствія Жозефины: иначе онъ «все бросилъ бы и упалъ бы къ ногамъ» супруги. Именно такъ говорятъ античные герои въ трагедіяхъ любимаго поэта Бонопарта—Корнеля... *Онъ* умоляетъ *ее* увѣровать въ его безграничную любовь; любовь эту онъ изображаетъ необыкновенно ухищренными выраженіями, будто изъ романа какой-нибудь г-жи Жанлисъ. Поклявшись, что для него не существуютъ другія женщины, герой продолжаетъ: «Моя душа въ твоемъ тѣлѣ; день, когда ты перемѣнишься, или день, когда ты перестанешь жить,—будетъ днемъ моей смерти; природа, земля прекрасна въ моихъ глазахъ только потому, что ты на ней обитаешь. Если ты этому не вѣришь, если твоя душа не убѣждена, не проникнута этимъ, ты меня огорчаешь, ты не любишь меня. Существуетъ магнетическая жидкость (un fluide magnétique) между существами, любящими другъ друга»...

Надо помнить, — Бонапартъ читалъ Вертера и такъ же внимательно, какъ и *Новую Элоизу*. Но онъ хочетъ превзойти «безуміе» своихъ предшественниковъ. Прочитавъ въ письмѣ Жозефины, будто она беременна, бѣдный главнокомандующій заболѣваетъ ея болѣзнью,—Je suis bien malade de ta maladie!—и въ то же время готовится «выйти изъ жизни», если у супруги окажется любовникъ.

«Перестанешь жить», «выйду изъ жизни» напоминаютъ бюллетени, и, несомнѣнно, все это беретъ начало въ одномъ и томъ же источникѣ.

Библіотека изъ краснорѣчивыхъ беллетристовъ и поэтовъ сослу-

жила большую службу великому артисту. Онъ полной рукою бралъ цитаты или въ письма къ Жезефинѣ, или въ тѣ же бюллетени. Вѣдь, это оружіе одного качества и съ одинаковымъ назначеніемъ, различны только цѣли.

Въ бюллетенѣ читаемъ: «Можно сказать, что смерть ужасалась и бѣжала предъ нашими рядами, чтобы броситься на ряды враговъ» [46]).

Въ письмѣ еще любопытнѣе:

«Съ тѣхъ поръ, какъ я тебя знаю, я обожаю тебя съ каждымъ днемъ все больше: это доказываетъ, какъ невѣрно изреченіе Лабрюйэра, что любовь приходитъ внезапно».

Свѣтская дама должна быть довольна литературнымъ образованіемъ своего корреспондента, если онъ даже по такому случаю ссылается на автора.

Наконецъ, послѣдняя поза мелодраматическаго ingénu:

«Ахъ, я прошу тебя, покажи мнѣ какіе бы то ни было твои недостатки, будь не такъ прекрасна, не такъ граціозна, не такъ нѣжна, и въ особенности не такъ добра!»... «Весь міръ слишкомъ счастливъ, если онъ можетъ тебѣ нравиться». Припѣвъ этихъ арій:

«Милліонъ поцѣлуевъ и даже Счастливчику, не смотря на его злость».

Счастливчикъ, собачка Жозефины, прекрасно дополняетъ литературную идиллію, довольно ловко разыгранную подъ громъ пушекъ, оргію грабежей и опустошеній.

Впрочемъ, добрая Жозефина, повидимому, не особенно довѣряла вертерьядамъ своего мужа.

«Чудакъ этотъ Бонапартъ!» (Il est drôle ce Bonaparte), восклицала она, передавая произведенія мужа друзьямъ.

Но мужу именно послѣднее и требовалось. Благодаря Жозефинѣ онъ устроился какъ солдатъ, благодаря ей, онъ прослыветъ интереснымъ джентльмэномъ, большимъ любителемъ литературы, примѣрнымъ супругомъ. Впослѣдствіи, онъ бюллетени будетъ подписывать такъ: «Бонапартъ, главнокомандующій, членъ института», и даже во время имперіи во главѣ liste civile будетъ стоять: 1.500 фр., какъ члену французской академіи...

Это отнюдь не помѣшаетъ академику держать своихъ «товарищей» въ самыхъ ежовыхъ рукавицахъ, объявлять имъ публичные выговоры за неблагонамѣренныя сочиненія, грозить всю академію

---

[46]) *Correspondance.* XI, 459. Первыя письма изъ Испаніи у Lévy. *O. c.* 115.—Съ іюля 1796 г.—*Lettres de Nap. à Josephine.* Bruxelles. 1833, 2 тома

разогнать, какъ «скверный клубъ», за одно лишь намѣреніе допустить рѣчь Шатобріана къ публичному чтенію,—рѣчь, заключавшую нѣсколько реторическихъ фразъ о свободѣ.

И все-таки Бонапартъ достигалъ великихъ результатовъ своей игрой на тему чувствъ, поэзіи и республиканскаго самоотверженія.

Да, ко всѣмъ итальянскимъ лаврамъ героя, въ Парижѣ прибавили вѣнокъ гражданина, рыцаря свободы.

И иначе нельзя было думать.

Первые античные бюсты, какіе онъ присылаетъ изъ Италіи,—бюсты обоихъ Брутовъ. Ихъ теперь поставятъ въ залѣ законодательнаго корпуса,—въ свое время, конечно, удалятъ.

Прокламаціи Бонапарта къ разнымъ городамъ и республикамъ Италіи написаны будто рукой Катона. Эти прокламаціи, разумѣется, гораздо больше предназначаются для Парижа, чѣмъ для Милана или Венеціи, и парижане ихъ передаютъ изъ устъ въ уста: въ одной говорится о побѣдѣ свободы надъ тираннiей, въ другой—о торжествѣ надъ невѣжествомъ, и такъ далѣе, все самыя либеральныя и возвышенныя чувства.

Жаль только, что это тотъ - же «механизмъ бюллетеней» и истина здѣсь также «играла весьма второстепенную роль».

Вотъ, напримѣръ, два документа отъ мая 1796 года.

Одинъ обращенъ къ «итальянскому народу» и гласитъ: «Французскій народъ другъ всѣхъ народовъ, имѣйте довѣріе къ нему».

Одновременно въ письмахъ къ директоріи читаемъ: «Мы изъ этой страны извлечемъ 20 милліоновъ контрибуціи», и то потому лишь, что край «совершенно истощенъ пятилѣтней войной».

Годъ спустя Венеція узнаетъ отъ Бонапарта, что только она «достойна свободы» и французскій генералъ употребитъ всѣ усилія укрѣпить ея свободу и покрыть славой Италію.

Всего недѣли за три директорія получила донесеніе, гдѣ признавалось необходимымъ уничтожить венеціанское правительство, а сами венеціанцы обзывались «народомъ глупымъ, трусливымъ и совершенно несозданнымъ для свободы»...

Ясно, директорія знала секретъ бонапартовскаго механизма, но отнюдь не протестовала, даже пользовалась имъ.

Во время пребыванія Бонапарта въ Италіи, директоры устроили такъ называемое 18-ое фруктидора (4-ое сентября), т.-е. направили гренадеровъ въ представительное собраніе и арестовали всѣхъ «законодателей», кого считали своими врагами.

Генерала для этой операціи правители попросили у Бонапарта и онъ имъ прислалъ знакомаго намъ суроваго республиканца,

Ожеро, и тотъ исполнилъ порученіе съ истинной любовью къ искусству.

Трудно и представить фактъ болѣе краснорѣчивый и внушительный. Если какой-нибудь Ожеро и Баррасъ могли безнаказанно все что угодно дѣлать съ основными учрежденіями государства, что же и говорить о прославленномъ, геніальномъ вождѣ и даровитѣйшемъ обольстителѣ бѣднаго человѣчества! И кромѣ того, самъ же этотъ генералъ въ сущности и былъ виновникомъ успѣшнаго насилія. Посылая Ожеро въ Парижъ, Бонапартъ сочинялъ самыя республиканскія прокламаціи къ арміи, разжигалъ у солдатъ слѣпую ненависть къ врагамъ конституціи, на самомъ дѣлѣ къ тѣмъ, кого онъ самъ считалъ таковыми, и заставлялъ глубокомысленныхъ политиковъ, въ родѣ Бертье, на военномъ праздникѣ провозглашать тосты цитатами изъ бюллетеней [47])...

Трудно и пересчитать, сколько зайцевъ убивалъ Бонапартъ подобнымъ пріемомъ. И, какъ видимъ, для этой охоты отнюдь не требовалось особенныхъ умственныхъ усилій и еще менѣе—мужества. Дичь сама бѣжала въ засаду и съ каждымъ моментомъ все выше поднимала чувство презрѣнія у своего властителя. Впослѣдствіи Наполеонъ даже не будетъ и скрывать этого чувства, а его товарищъ и приближенный объяснитъ все дѣло въ нѣсколькихъ словахъ.

«Можно сказать, что во Франціи рѣшительно всѣ сокращали для Бонапарта путь, приведшій его къ власти» [48]).

Никто, конечно, не станетъ уменьшать силы военнаго генія Наполеона и значенія его побѣдъ. Но вопросъ не въ войнѣ и не въ побѣдахъ надъ внѣшними врагами, а въ торжествѣ надъ внутренней политикой государства. Полководецъ можетъ превратиться въ цезаря лишь при особыхъ обстоятельствахъ. Задолго до Бонапарта исторія знала такое превращеніе—въ эпоху разложенія римской республики, въ эпоху исчезновенія гражданъ, упадка чувства политической свободы и личнаго достоинства. Франція конца XVIII-го вѣка не страдала пороками Лукулловъ и рабовъ, но относительно *республиканскихъ* добродѣтелей стояла на самой низкой ступени. Тамъ, въ Римѣ, были равнодушны къ свободѣ, потому что не вѣрили въ нее и гражданскій долгъ считали бременемъ безполезнымъ и непріятнымъ. Здѣсь—въ провинціальной Франціи столь же равнодушно встрѣчали самыя разнообразныя конституціи, потому что почти тысячелѣтняя монархія пріучила народъ къ со-

[47]) Juirg. III, 183.

[48]) Bourrienne.

вершенно другой власти, и на гражданскій долгъ нація смотрѣла, какъ на нѣчто чуждое, совершенно ненужное и даже опасное. Въ результатѣ краснорѣчивѣйшая картина: послѣ паденія монархіи никто не хочетъ исполнять даже обязанностей избирателя, изъ десяти человѣкъ девять бѣгутъ отъ урнъ, какъ отъ заразы. Въ Парижѣ, конечно, дѣло идетъ иначе. Но и здѣсь внизу непреодолимый ужасъ предъ дальнѣйшимъ ходомъ революціи, вверху—апатія и скептицизмъ...

Врядъ ли во всей исторіи человѣчества представлялись болѣе благопріятныя обстоятельства для возникновенія сильной единоличной власти. Это понимали даже приближенные Бонапарта. Одинъ изъ его генераловъ разсказываетъ, что главнокомандующаго итальянской арміей во всей Франціи привѣтствовали, какъ освободителя отъ террора, всѣ партіи были готовы облечь его диктатурой [49]). И при этомъ еще Бонапартъ съумѣлъ окружить себя ореоломъ поэзіи, просвѣщенной мысли, гражданскихъ чувствъ!..

Впослѣдствіи во всеоружіи цезарской власти Наполеонъ говорилъ: «на моей сторонѣ народъ и армія: надо быть дуракомъ, чтобы не сумѣть царствовать при такихъ условіяхъ» [50]).

Совершенно тѣ же идеи должны были волновать мозгъ Бонапарта въ Италіи, и онъ не скрывалъ ихъ. «Я не могу болѣе повиноваться», говорилъ онъ своей свитѣ, «я вкусилъ власти и не смогу отъ нея отказаться. Моя участь рѣшена; если я не въ состояніи буду стать господиномъ,—я покину Францію».

Но во Франціи именно господина и жаждали.

Генералу правительство и народные представители устроили торжественный пріемъ. Церемонія вышла необыкновенно величественной и многолюдной, совершенно не соотвѣтствующей республиканскимъ нравамъ и идеямъ. Правда, директора были одѣты въ римскіе костюмы, оркестры играли патріотическіе гимны, балдахинъ надъ правителями былъ составленъ изъ непріятельскихъ знаменъ. И среди всего этого блеска и шума, человѣкъ, немного выше пяти футовъ, въ сюртукѣ желѣзнаго цвѣта, окруженный адъютантами. Они сравнительно съ нимъ великаны, но ихъ безгранично покорныя и благоговѣйныя лица даютъ понять публикѣ всю мощь и весь авторитетъ «маленькаго капрала».

Гремятъ клики, апплодисменты и Талейранъ представляетъ директорамъ генерала. Онъ рекомендуетъ героя почти выраженіями бюллетеней и писемъ къ Жозефинѣ. Бонапартъ—освободитель Италіи... Онъ питаетъ отвращеніе къ роскоши и блеску—у него

[49]) Bourrienne.

[50]) Ремюза, ib. 684.

для этого слишкомъ необыкновенная душа! Онъ любитъ поэзію Оссіана именно потому, что она уноситъ человѣка отъ земли. Онъ склоненъ къ мечтательному уединенію, и французамъ не только не слѣдуетъ опасаться его честолюбія,—напротивъ, позаботиться вырвать его изъ труженическаго убѣжища...

Супружеская корреспонденція, очевидно, возымѣла полное дѣйствіе. Талейранъ превратился чуть не въ поэта. Впрочемъ, не стало дѣло и за настоящими поэтами: Шенье сочинилъ гимнъ о «гражданскихъ лаврахъ», о французской республикѣ и о мирѣ—достояніи побѣды. Гимнъ распѣвали по всѣмъ улицамъ Парижа...

Что долженъ былъ чувствовать Бонапартъ?

Его окружали преданные солдаты, на улицахъ его карету встрѣчали оваціями, но въ воздухѣ носились звуки: *свобода*, *республика*, *народъ*. Сухое дерево долго еще стоитъ послѣ того, какъ въ немъ замерла жизнь. Такъ и директорія съ ея римскими декораціями.

Можно, конечно, столкнуть съ мѣста истуканъ, утратившій всякій престижъ. Но Бонапартъ считалъ плодъ не вполнѣ зрѣлымъ, фантазію парижанъ недостаточно распаленной и презрѣніе къ республиканскому правительству еще не дошло до неудержимой ненависти. Требуется дать еще нѣсколько представленій—изъ битвъ, прокламацій и изреченій.

«Человѣкомъ можно управлять только при помощи воображенія: безъ воображенія онъ—животное».

Такъ говорилъ Наполеонъ — цезарь. И это было одновременно выводомъ и правиломъ всей его жизни.

Онъ проситъ у директоріи военной экспедиціи. Ему предлагаютъ завоевать Англію. Но это ужъ очень рискованно; генералъ выбираетъ Египетъ: оттуда онъ завоюетъ Индію. И директорамъ пріятно отдѣлаться отъ подозрительнаго завоевателя. Итакъ, Египетъ,—сказочный востокъ, гдѣ все грандіозно—отъ пустынь и пирамидъ до рабства народовъ и подвиговъ царей! Сколько тамъ поводовъ и случаевъ разыграть сильную роль и сказать эффектное слово! А здѣсь, въ легкомысленномъ, забывчивомъ Вавилонѣ можно потеряться въ толпѣ: парижане не любятъ слишкомъ долго предаваться одному чувству и интересоваться однимъ человѣкомъ, особенно если онъ постоянно предъ глазами. Ввиду этого Бонапартъ даже избѣгалъ бывать въ театрѣ, вообще показываться публично... Египетъ явился истиннымъ спасеніемъ.

Цѣлая эпопея—эта египетская экспедиція!

Всѣмъ было извѣстно, что генералъ взялъ съ собой *Ветхій Завѣтъ*, *Оссіана*, *Вертера* и *Новую Элоизу*, свиту ученыхъ и большой запасъ классическихъ восторговъ предъ античными странами. Но дальше начиналась уже настоящая легенда.

На самого Бонапарта Востокъ произвелъ опьяняющее дѣйствіе. Проснулась натура полудикаго бандита, воспрянули инстинкты дѣтища оригинальнаго европейскаго племени, котораго цивилизованнѣйшая въ мірѣ нація не въ силахъ цивилизовать въ теченіи цѣлаго вѣка. Корсиканецъ очутился въ родной стихіи—даже болѣе: здѣсь не было ни Паоли, ни другихъ конкуррентовъ. И мечты разыгрались на просторѣ.

Сегодня Бонапартъ бесѣдуетъ въ пирамидѣ Хеопса съ муфтіями и муллами. Онъ говоритъ въ восточномъ духѣ, въ стилѣ мусульманскаго пророка.

«Слава Аллаху! Нѣтъ Бога, кромѣ Бога, и Магометъ его пророкъ! Хлѣбъ, похищенный злымъ, превращается въ прахъ въ его устахъ».

И муллы отвѣчали:

— Ты сказалъ, какъ ученѣйшій мулла.

«Всѣ, кѣмъ я начальствую, мои дѣти. Мнѣ дана власть закономъ—защищать ихъ».

— О! какъ это прекрасно! Ты сказалъ, какъ пророкъ!..

Дальше Бонапартъ увѣрялъ шейховъ, что онъ можетъ низвести съ неба огненную колесницу, и шейхи уже съ трудомъ находили отвѣтъ [51]).

Оффиціальная парижская газета печатала всѣ эти чудеса, обозначая событія даже по магометанскому календарю. Парижане могли вообразить себя во времена Шехерезады. Что же касается самого героя, у него совершенно закружилась голова. Онъ принималъ депутацію синайскихъ отшельниковъ и вписалъ въ ихъ книгѣ свое имя рядомъ съ именами Али, Саладина, Ибрагима. Онъ уже помышлялъ о созданіи новой религіи, о шествіи по всей Азіи на слонѣ, съ тюрбаномъ на головѣ, съ новымъ кораномъ въ рукахъ, о преобразованіи всего міра по собственному плану. Европа казалась ему жалкой норой, гдѣ нѣтъ мѣста настоящему дѣлу. Европа, кромѣ того, слишкомъ стара и цивилизованна. На Востокѣ Александръ Македонскій могъ объявить себя сыномъ Юпитера, а если бы онъ, Наполеонъ, объявилъ себя сыномъ Предвѣчнаго Отца—въ Парижѣ послѣдняя торговка освистала бы его [52]).

Это обстоятельство особенно смущало пылкаго вождя. Религіозный вопросъ его рѣшительно не затруднялъ. Даже на островѣ св. Елены Наполеонъ все еще восхищался своими египетскими прокламаціями. Въ одной изъ нихъ онъ выдавалъ себя за послан-

---

[51]) *Mémorial*. I, 120; M-me Staël. XIII, 151; Шатобріанъ. III, 156.

[52]) *Marmont*. II, 242; ср. Bourrienne.

ника Бога. «Это было шарлатанство», объяснялъ развѣнчанный цезарь, «но высшаго полета!». Онъ безъ малѣйшихъ затрудненій принялъ бы исламъ, если бы этого потребовали обстоятельства. Вѣдь сказалъ же когда-то Генрихъ IV: «Парижъ стóитъ обѣдни»,— неужели Азія не стоила бы тюрбана и шароваровъ? А въ сущности этимъ все и кончалось. У арміи только оказался бы лишній поводъ посмѣяться [53]).

Но въ дѣйствительности арміи было совсѣмъ не до смѣха.

Именно во время самыхъ великолѣпныхъ представленій генерала армія терпѣла ужасныя лишенія. Въ Сиріи Бонапартъ во время отлива переходилъ Черное море, а солдаты гибли отъ зноя, жажды и, наконецъ, отъ моровой язвы. Генерала арабы привѣтствовали именемъ *кебира*—отца огня, онъ расписывался рядомъ съ Саладиномъ, позже на островѣ св. Елены эту эпоху своей жизни онъ находилъ «прекраснѣйшей», а между тѣмъ самые отважные генералы, вродѣ Мюрата и Ланна, въ отчаяніи топтали ногами свои генеральскія шляпы на виду у солдатъ, замышляли похитить знамена. Чтò же происходило съ солдатами? Наполеонъ сознавался,—не будь армія въ его рукахъ, трудно и представить, до какихъ крайностей она дошла бы. Солдаты бросались въ Нилъ, застрѣливались въ присутствіи главнокомандующаго [54]).

Къ бѣдствіямъ пустыни присоединились неудачи, сначала на морѣ, при Абукирѣ, потомъ на сушѣ при Акрѣ. Звѣзда пророческой миссіи начинала тускнѣть, и пророкъ падалъ духомъ. Это существенный фактъ въ психологіи и исторіи Наполеона. Мы встрѣтимся съ нимъ неоднократно. Не было столь дерзкаго предпріятія, которое бы остановило Бонапарта при благопріятныхъ обстоятельствахъ, и трудно представить, до какого малодушія доходилъ этотъ несравненный полководецъ въ минуту поворота судьбы. У него не было вѣры въ личную мощь, независимую отъ какихъ бы то ни было случайностей. И не было этой вѣры, потому что натура Бонапарта не знала ни нравственнаго принципа дѣятельности, ни общечеловѣческой цѣли. Отъ начала до конца это азартная игра во имя грубѣйшихъ инстинктовъ самовластія и самолюбія. И, можетъ быть, обезчещенный законъ мірового порядка несравненно сильнѣе отомстилъ себя, обнаруживъ въ тяжелый часъ трусость и отчаяніе въ самомъ властителѣ, чѣмъ продажность и измѣну въ его рабахъ. Это отнюдь не наша мораль и не благонамѣренное резонерство враговъ Наполеона. Это—совершенная правда исторіи

---

[53]) *Mémorial*. I, 467—8; II, 749—50.

[54]) *Mém*. I, 112; Шатобріанъ III, 180; Jung. III, 260.

и чистѣйшая логика дѣйствительныхъ событій. Порукой—свидѣтельства или искреннихъ почитателей Наполеона, или людей, не имѣвшихъ никакого повода и желанія извращать факты.

Египетская армія являла ужасающее зрѣлище. Голодная, полураздѣтая, она бросала по пути раненыхъ и зачумленныхъ. Кругомъ пустыня, выжженныя деревни и поля, солнце едва видное сквозь облака дыма. Все, что можно было взять у населенія, давно отнято. Въ войсковой кассѣ пусто совершенно, сумма неуплаченнаго жалованья арміи простирается до четырехъ милліоновъ. А кругомъ фанатики-мамелюки: съ ними ежедневныя сраженія [55]).

Все это разсказываетъ оффиціальное донесеніе генерала, второго послѣ Бонапарта. И при такихъ условіяхъ главнокомандующій уѣзжаетъ изъ Египта тайно, ночью, сдавъ заочно начальство другому и увозя съ собой послѣднія орудія. Правда, въ письмѣ къ своему преемнику онъ обѣщаетъ быть «душою и сердцемъ» съ покинутой арміей... Это не помѣшало генералу погибнуть и арміи окончательно разстроиться.

Иную судьбу сулилъ Парижъ. Сюда Бонапарта уже давно призывали письма брата Люціана, члена представительнаго собранія. Парижъ снова кишѣлъ заговорами, снова назрѣвали перевороты и судороги мертворожденнаго республиканскаго организма. Энергичнѣйшими заговорщиками снова были роялисты, но подавить какой бы то ни было заговоръ для республики означало прибѣгнуть къ военной силѣ, т. е. конституціонную власть превратить въ безконтрольный произволъ «шпаги», отдѣльныхъ личностей. Это необыкновенно простая логика событій, и ее, конечно, Бонапартъ понималъ не хуже другихъ. «Нужно быть военнымъ», «нужна шпага», его любимыя выраженія о республиканской эпохѣ. «При мнѣ мой мечъ, берегитесь!»—его обычный raison suprême на вершинѣ власти [56]). Но приходилось дѣйствовать въ «старой, слишкомъ цивилизованной Европѣ», и помимо меча требовались еще гражданскіе таланты. Мы уже знаемъ, въ какой степени Бонапартъ обладалъ ими, а теперь, вернувшись въ Парижъ, онъ развернулъ ихъ въ небываломъ блескѣ.

«Это одна изъ эпохъ моей жизни, когда я былъ особенно ловокъ», говорилъ онъ самъ о своей политикѣ наканунѣ рѣшительнаго удара.

---

[55]) Донесеніе генер. Клебера у Jung'a. III, 291.

[56]) Welschinger. *La censure sous le premier empire.* Paris. 1882, 45.

IV.

«Наполеонъ I—императоръ французовъ».

«Я не узурпаторъ. Я поднялъ корону съ земли, народъ возложилъ мнѣ ее на голову: да будетъ ненарушимъ этотъ актъ!»

Говорилъ Наполеонъ въ государственномъ совѣтѣ [57]).

Раньше, въ моментъ самаго коронованія, рѣчь была еще торжественнѣе. Надѣвая корону на голову, цезарь произнесъ:

«Богъ мнѣ даровалъ ее: горе, кто коснется ея!» [58]).

И эти слова до такой степени восхищали его самого, что онъ повторялъ ихъ и послѣ церемоніи, во дворцѣ, дамамъ и кавалерамъ.

Между обоими, совершенно подлинными, заявленіями большая разница, даже противорѣчіе. Быть государемъ по волѣ народа или милостію Божіею—не одно и то же. Наполеонъ это сознавалъ и въ теченіи всего царствованія тосковалъ о «принципѣ легитимизма». Странно, гордый побѣдитель монарховъ и безпощадный хозяинъ ихъ коронъ и державъ, чувствовалъ къ «врожденнымъ государямъ» своего рода благоговѣніе и интересовался ихъ интимной жизнью и личностями, совершенно какъ мѣщанинъ во дворянствѣ благоговѣетъ предъ настоящимъ дворяниномъ и собираетъ сплетни великосвѣтскихъ салоновъ.

Этимъ чувствомъ весьма многое объясняется въ психологіи и въ правленіи Наполеона.

«Воля народа»—была просто реторическая фраза. Врядъ ли даже Людовикъ XIV съ такимъ презрѣніемъ относился къ народу, къ сенаторамъ, къ министрамъ и въ особенности къ «идеологамъ», какъ Бонапартъ, и имѣлъ всѣ основанія.

Когда цезарь перешелъ Рубиконъ, ему предстояла весьма опасная борьба и съ соперниками-тріумвирами, и съ республиканцами. Ему даже послѣ побѣды суждено было пасть подъ ударами Брута—истиннаго гражданина, восторженнаго поклонника свободы до полнаго непониманія рабской дѣйствительности.

Когда же изъ Египта явился Бонапартъ, даже безъ арміи, явился, въ сущности, дезертиромъ, Парижъ его встрѣтилъ съ *неописаннымъ энтузіазмомъ*. Самъ онъ потомъ говорилъ, что именно этотъ энтузіазмъ возбудилъ въ немъ идею спасти Францію [59]).

---

[57]) *Mém.* I, 101.

[58]) Lévy, 520.

[59]) Lévy, 585.

«Если бы онъ даже упалъ съ неба», говоритъ очевидецъ, «его появленіе не вызвало бы большаго изумленія и восторга»...

Это—народъ.

Изъ пяти директоровъ двое раздѣляли чувства толпы и въ числѣ ихъ Сійэсъ, Руссо революціи de facto, на бумагѣ, по крайней мѣрѣ. Онъ только-что вернулся изъ Берлина, гдѣ былъ посломъ и за какія-то услуги получилъ блестящій подарокъ отъ прусскаго короля и почетный конвой до границы.

Мы уже знаемъ пристрастіе законодателя къ презрѣнному металлу. Но на свѣтѣ всегда такъ бываетъ: разъ пріобрѣтенъ капиталъ, нужны почести, и Сійэсъ уже носился съ новой конституціей, которая должна была сразу убить всѣхъ враговъ республики, и вознести автора и преобразователя на необычайную высоту. Но, по давно уже заведенному порядку, преобразователями должны быть генералы и гренадеры.

Бонапартъ все-все это обѣщалъ и принялъ расходы по операціи на свой счетъ. Сійэсъ отлично зналъ, что у генерала положено въ парижскихъ банкахъ болѣе тридцати милліоновъ денегъ итальянскаго происхожденія, и какихъ-нибудь полтора милліона для него не составятъ большого лишенія, особенно въ виду реформы.

А реформа состояла въ слѣдующемъ:

Сійэсъ уничтожалъ народные выборы, народъ могъ составлять только списки кандидатовъ и уже сенатъ по этимъ спискамъ назначалъ членовъ законодательнаго корпуса и трибуната. Вся «народная» свобода значитъ сосредоточивалась въ сенатѣ, а сенаторы, въ свою очередь, получали жалованье отъ исполнительной власти, трибунамъ предоставлялись пенсіи изъ того же источника за пять лѣтъ службы. Именно *службы*, а не представительства: такъ Бонапартъ и понялъ всю эту машину.

Но законодатель не прочь былъ пойти и еще дальше. Онъ предлагалъ создать великаго избирателя: пусть бы онъ, пребывая въ Версали, получалъ шесть милліоновъ жалованья и назначалъ двухъ консуловъ—консула *мира* и консула *войны*. Больше ничего отъ него не требовалось.

Здѣсь уже генералъ не выдержалъ: до такой степени былъ наивенъ планъ и для него именно поэтому невыгоденъ!

«Какъ вы, господинъ Сійэсъ, могли вообразить, чтобы человѣкъ съ кое-какимъ талантомъ и нѣкоторымъ чувствомъ чести рѣшился играть роль свиньи, откармливаемой милліонами?...»

Общій хохотъ встрѣтилъ остроту [60])...

---

[60]) *Mém.* I, 777.

И такіе-то господа законодательствовали и стояли на стражѣ республики!

Оставались самые свирѣпые революціонеры, якобинцы. Но мы уже отчасти знакомы съ ихъ гражданскими доблестями, самъ Наполеонъ такъ судилъ о своемъ положеніи наканунѣ цезаризма: твердое рѣшеніе войти въ союзъ съ умѣренными грозило ему великими опасностями, съ якобинцами онъ былъ совершенно безопасенъ: *они сами предложили провозгласить его диктаторомъ* [61]).

Бонапартъ ухаживалъ за всѣми, даже за бурбонской партіей, прятался отъ народа по той же старой системѣ—не примелькаться толпѣ и держать ея любопытство въ состояніи возбужденія.

Наконецъ, наступаетъ восемнадцатое брюмера (8-е октября). Это, въ сущности, извѣстное намъ восемнадцатое фруктидора: только другой генералъ напускаетъ гренадеровъ на народныхъ представителей... И кто бы могъ ожидать! Бонапартъ, было, спасовалъ тамъ, гдѣ Ожеро вышелъ героемъ. Удивительная сцена разсказана самыми разнообразными очевидцами, начиная съ брата героя Луціана и кончая Бернадотомъ и роялистскимъ агентомъ.

Слѣдовательно, сцена безусловно историческая.

Бонапартъ вошелъ въ представительное собраніе пятисотъ съ обычной смѣлостью, не разсчитывая на сопротивленіе. Вдругъ со всѣхъ сторонъ загремѣли крики: «Внѣ закона! Бей его!..»

Герой задрожалъ, поблѣднѣлъ и, падая въ обморокъ, едва успѣлъ склонить голову на плечо гренадера и прошептать: «тащите меня отсюда». Солдаты вынесли его на свѣжій воздухъ; Бонапартъ немедленно пришелъ въ себя, сѣлъ на лошадь, объѣхалъ фронтъ и направилъ гренадеровъ въ залу.

Каждый изъ нихъ заранѣе получилъ по двѣнадцати франковъ, очень многіе, кромѣ того, новое платье; было не мало и пьяныхъ. Луціанъ, предсѣдательствовавшій въ собраніи, отказался пустить на голоса предложеніе объявить его брата внѣ закона. Впослѣдствіи, совершенно справедливо, онъ считалъ этотъ отказъ громадной услугой Наполеону. Такъ думали всѣ, и самъ Наполеонъ. Минуты шли, Бонапартъ уже кричалъ солдатамъ: «За мной! я—богъ сегодняшняго дня!»; приказывалъ убивать всѣхъ, кто станетъ сопротивляться; членамъ собранія не оставалось ничего другого, какъ прыгать въ окна.

Нѣсколько дней спустя, Сійэсъ объявлялъ своимъ друзьямъ, весь исполненный изумленія: «Господа, у васъ есть теперь повелитель! Этотъ человѣкъ все знаетъ, всего хочетъ и все можетъ!»

---

[61]) *Mém.* I, 773.

А еще позже старый королевскій дворецъ видѣлъ слѣдующую сцену.

Къ воротамъ подъѣхала королевская карета; лакеи стремглавъ бросились принимать гостя и выстроились по лѣстницамъ. Сквозь ряды быстрой походкой поднимался все тотъ же маленькій человѣкъ, одѣтый съ солдатской простотой, но всей фигурой обличавшій силу и власть. Длинные республиканскіе волосы исчезли, лицо, по словамъ очевидцевъ, странно походившее на маску, преобразилось, пріобрѣло солидную округлость, изящную матовую бѣлизну и вмѣсто—безобразныхъ косицъ—на открытый лобъ небрежно падала одна только прядь. Глаза смотрѣли въ пространство, будто не видя раболѣпія толпы. На лицѣ лежалъ ясный отпечатокъ презрительнаго равнодушія къ этому бѣдному, возбужденному человѣчеству.

Пока предъ нами первый консулъ, но онъ настоящій монархъ по власти, болѣе чѣмъ кто-нибудь изъ законнѣйшихъ европейскихъ государей.

Вспоминая свой походъ въ Египетъ, онъ говорилъ поэту Лемерсье: «Вы увидѣли бы страну, гдѣ государь считаетъ за ничто жизнь подданныхъ, и гдѣ подданный считаетъ также за ничто свою жизнь; вы тамъ излечились бы отъ своей философіи».

Въ этомъ поученіи чуется невольное тоскливое чувство... Теперь пришло время насытить его.

И кто можетъ быть препятствіемъ? Кому Наполеонъ обязанъ своимъ головокружительнымъ возвышеніемъ? Спустя четыре года его провозгласятъ императоромъ, и кто будетъ особенно помогать этому? Якобинецъ Фуше, революціонеръ Талейранъ. Но, вѣдь, не считаться же съ мнѣніями подобныхъ господъ: достаточно имъ заплатить. *Я* и только *я*, вездѣ и во всемъ, все ради *я* и все благодаря *я*. Такова мораль Бонапарта. И это не эгоизмъ въ обычномъ смыслѣ слова, это—искреннѣйшій *культъ своей личности*, какъ *единственной* среди окружающаго безличія, это одновременно и природа человѣка, и логика жизни, и принципъ нравственности. Высота монумента зависитъ всегда больше отъ его пьедестала, чѣмъ отъ самой фигуры. Такъ и величіе всякаго дѣятеля, и въ особенности исключительно практическаго, какимъ былъ Наполеонъ.

Его колосссальность, какъ любятъ выражаться современные французы, покоится на громадномъ по количеству матеріалѣ, добровольно легшемъ въ подножіе его. Это—французы самыхъ разнообразныхъ партій и сословій: роялисты, либералы, якобинцы, герцоги и маркизы съ вѣковыми гербами, составители конституцій, ученые и поэты, народные представители и бездомные пролетаріи.

Еще въ тюльерійскихъ залахъ носилось дыханіе бурбонской монархіи, еще будто вчера происходили всякіе *lever* и *coucher*, еще свѣжъ весь этикетъ Людовиковъ, а цѣлыя толпы старой знати тѣснятся уже вокругъ новаго властителя. Зачѣмъ? Какія почести можетъ онъ дать, равныя пергаментамъ крестовыхъ походовъ? Можетъ быть, эти потомки средневѣковыхъ паладиновъ хотятъ служить отечеству, гражданскому порядку, жертвовать кровью и жизнью въ борьбѣ съ внѣшними врагами? Нисколько.

У Монморанси и Рогановъ совершенно другая цѣль. «Я,—говорилъ потомъ Наполеонъ,—предложилъ имъ мѣста въ администраціи и въ арміи,—они предпочли мои переднія».

«Чего же хотите вы?—объясняютъ въ свою очередь Роганы и Монморанси,—надо же у кого-нибудь служить» [62]).

И у императора нѣтъ отбою отъ просьбъ на придворныя должности. И не только у него. У каждаго маршала свита составлена изъ юныхъ отпрысковъ древнѣйшихъ фамилій Франціи. Женское поколѣніе не отстаетъ отъ кавалеровъ. Наполеонъ сразу убѣдился, насколько фрейлины изъ старой знати искуснѣе и, главное, сговорчивѣе, чѣмъ дочери новыхъ, созданныхъ имъ, принцевъ. Услуга, отъ которой уклонится дама изъ третьяго сословія, изъ страха унизить себя, исполняется съ необыкновенной легкостью и граціей руками высокородной герцогини. А герцоги, въ свою очередь, наперерывъ припоминаютъ новому хозяину дворца разныя подробности королевскаго этикета, объясняютъ ему тайну реверансовъ, спеціальные способы подавать его величеству депеши и письма, завѣтныя формулы словеснаго обращенія съ нимъ, вообще всю хитрую науку «придворнаго ласкательства», и Наполеонъ принималъ эти сообщенія съ такой серьезностью какъ будто вопросъ шелъ о спасеніи человѣческаго рода [63]).

Онъ былъ правъ. Спасать человѣческій родъ хотѣли какіе-то «метафизики», давно уже погибшіе на гильотинѣ или задушенные въ тюрьмахъ. Теперь на первомъ планѣ—умѣть повелѣвать, съ одной стороны, и умѣть повиноваться—съ другой. И первое искусство безконечно облегчается необыкновеннымъ прогрессомъ второго.

Да, очевидецъ правъ. Бонапартъ, съ быстротой сказочнаго принца перелетѣвъ изъ мансарды *Отеля свободы* въ Тюльери и, еще консуломъ, видя совершенно восточное раболѣпство самыхъ свѣжихъ республиканцевъ,—съ каждымъ днемъ могъ убѣждаться

---

[62]) M-me Staël. XIII, 222; XV 98. *Mémorial*. I, 366, 716.

[63]) Staël. XIII, 221.

въ одной неотразимой истинѣ: «власть надъ землей—дѣло весьма простое» [64]), точнѣе, власть надъ Франціей начала XIX-го вѣка.

Властитель даже врядъ ли и ожидалъ такого легкаго и въ то же время блестящаго приза. По крайней мѣрѣ, у него явно захватываетъ духъ отъ самодовольства. Онъ не знаетъ, какъ и оцѣнить себя, какое слово произнести публично въ честь своего ума и генія.

Сенатъ, государственный совѣтъ, весь дворъ, приближенные маршалы, даже дамы только и слышатъ слѣдующія рѣчи:

«Вы всѣ не знаете, что̀ такое правительство; вы не имѣете и представленія о немъ; только я, благодаря своему положенію, знаю, что такое правительство» [65]).

О министрахъ:

«Я болѣе старый администраторъ, чѣмъ они; когда надо извлечь изъ собственной головы средство—прокормить, содержать, дисциплинировать, одушевить однимъ и тѣмъ же духомъ и одной и той же волей нѣсколько сотъ тысячъ людей вдали отъ ихъ родины,—тогда скоро познаются всѣ тайны администраціи» [66]).

Это разсужденіе особенно любопытно. Наполеонъ не зналъ иныхъ вопросовъ и цѣлей государственнаго управленія, кромѣ военныхъ и необходимыхъ въ военное время. Эту идею онъ не преминетъ осуществить во всемъ ея объемѣ, попытается всю Францію превратить въ боевой лагерь и, какъ увидимъ, весьма многое успѣетъ сдѣлать на этомъ пути.

Дальше:

«Я люблю власть, да; но люблю ее, какъ артистъ... Люблю ее, какъ музыкантъ любитъ свою скрипку; люблю ее затѣмъ, чтобы извлекать изъ нея звуки, аккорды, мелодіи...» [67]).

Понималъ ли Бонапартъ, что̀ онъ въ сущности говорилъ этимъ артистическимъ сравненіемъ, но на дѣлѣ онъ до конца осуществлялъ идеалъ своего рода чистой художественной власти, т. е. власти ради нея самой, безъ всякаго отношенія къ ея орудіямъ и жертвамъ. Мы это откровеніе должны помнить: оно объяснитъ намъ множество фактовъ, часто въ высшей степени мелкихъ, даже пошлыхъ, но служившихъ необходимыми аккордами въ мелодіи Наполеона.

Еще одно также въ высшей степени краснорѣчивое признаніе:

«Моя любовница—это власть. Я слишкомъ много сдѣлалъ, что-

[64]) Ib. 171.

[65]) Raiderer. O. compl. III, 548, 332.

[66]) Mollren. *Mém.* I, 348.

[67]) Raiderer. O c. III, 541, 313.

бы овладѣть ею, и не могу допустить, чтобы ее похитили у меня; не могу стерпѣть, чтобы даже вожделѣли о ней».

Здѣсь не только любовь, но и ревность,—и ревность неумолимо-жестокая,—и болѣе подозрительная, чѣмъ въ письмахъ итальянскаго главнокомандующаго къ легкомысленной супругѣ.

Вотъ два основныхъ психологическихъ факта, данныхъ намъ самимъ героемъ. Сдѣлайте совершенно логическіе выводы, и дѣйствительность подвердитъ ихъ съ поразительной точностью.

Властитель-художникъ и *властитель-ревнивецъ*: въ этихъ типахъ весь Наполеонъ.

Для художника—драгоцѣнна каждая черта его произведенія, для музыканта исполненъ сладости каждый звукъ любимой мелодіи, для поэта—незабвенна каждая минута вдохновенія. Для нихъ ничего нѣтъ мелкаго, второстепеннаго, ничтожнаго. Все до послѣднихъ ударовъ кисти и едва слышной замирающей ноты—все для нихъ сливается въ чудную гармонію.

То же самое для Наполеона неограниченная власть.

Сначала основная тема: вся Франція должна представлять изъ себя послушный, чуткій, безукоризненно настроенный инструментъ. Стóитъ лишь прикоснуться рукѣ артиста, и инструментъ издастъ непремѣнно одинъ изъ звуковъ заранѣе опредѣленнаго аккорда. Инструментъ—громадный и для этого устроены сотни, тысячи смычковъ, цѣлый оркестръ. Это—префекты.

Послушайте, какъ Наполеонъ уже на островѣ св. Елены изображалъ свое управленіе,—вамъ невольно представится великій артистъ.

«Организація префектуръ, ихъ дѣятельность, результаты были восхитительны и сверхъестественны. Одинъ и тотъ же толчекъ въ одно мгновеніе сообщался болѣе чѣмъ сорока милліонамъ людей, и при посредствѣ этихъ центровъ мѣстной дѣятельности движеніе было такъ же быстро на окраинахъ, какъ и въ центрѣ.

«Префекты, при своей власти и мѣстныхъ средствахъ, какими они были снабжены, являлись сами *императорами малаго колибра*; и такъ какъ они получали силу только отъ перваго толчка и были лишь его органами, и такъ какъ все ихъ вліяніе зависѣло исключительно отъ ихъ временныхъ обязанностей и отнюдь не было личнымъ и они вовсе не были привязаны къ краю, которымъ управляли, то въ результатѣ всего этого префекты являли всѣ достоинства старыхъ самодержавныхъ главныхъ правителей, и были чужды всѣмъ ихъ недостаткамъ...

«Было необходимо, чтобы всѣ нити, исходящія отъ меня, находились въ гармоніи съ первоисточникомъ (т.-е. съ диктатурой,

по объясненію Наполеона), иначе не были бы достигнуты результаты. Правительственная сѣть, которой я покрылъ страну, пріобрѣтала страшное напряженіе, чудовищную эластическую силу, если бы пришлось отразить ужасные, вѣчно угрожавшіе удары»[68]).

Наполеонъ въ картину своего художественнаго созданія вводитъ причину его возникновенія и произноситъ длинную рѣчь о необходимости военной диктатуры во Франціи послѣ революціи.

Противъ этого нельзя возражать: наслѣдствомъ террора и директоріи могла быть только сильная власть. Но, во-первыхъ, такая власть требовалась преимущественно въ очагѣ революціонной бури, въ Парижѣ, и то не на пятнадцать лѣтъ наполеоновскаго правленія. Цезарь нашелъ подавляющее большинство населенія готовымъ воспринять какой угодно порядокъ, лишь бы это былъ дѣйствительно порядокъ. Правда, по странѣ расплодились разбойничьи шайки, но въ первые же годы консульства онѣ были совершенно уничтожены, и крестьяне, по словамъ очевидцевъ, снимали даже шапки передъ жандармами [69]). Зачѣмъ же требовалось съ годами не только усиливать «сѣть», но прямо душить страну и превращать ее въ сплошной многомилліонный боевой строй посредствомъ «военной классификаціи»? Зачѣмъ было вводить въ школы барабанъ и военную дисциплину, учителями ставить старыхъ унтеръ-офицеровъ, ретивыхъ служакъ, но наводившихъ ужасъ на родителей грубостью и совершеннымъ равнодушіемъ къ религіи? Съ какой цѣлью правитель свой *университетъ*, т. е. преподавательскую и начальническую корпорацію народнаго просвѣщенія, стремился организовать по образцу іезуитскаго ордена,—это подлинное выраженіе самого организатора,—ввести цѣликомъ, казарменный режимъ, военную систему взысканій съ этихъ совершенно невѣдомыхъ міру подвижниковъ канцелярскаго аскетизма? Неужели еще въ 1812 году *Лѣтописи* Тацита и похвальное слово Марку Аврелію могли грозить революціей? Съ такимъ ожесточеніемъ эти книги преслѣдовались въ школахъ! И неужели для общественнаго порядка было необходимо, чтобы въ концѣ правленія Наполеона воспитанники Нормальной школы выходили изъ своей учебной тюрьмы не иначе, какъ отрядами, въ формѣ и подъ начальствомъ инспекторовъ? Какую цѣль могли имѣть настоящіе военные походы капитановъ и прочихъ армейскихъ чиновъ для наблюденій надъ казарменной дисциплиной въ школахъ, надъ манежами и смотрами, замѣнявшими рекреаціи и

68) *Mémorial*. II, 400—1.
69) Raiderer. III, 384.

экзамены? Что означало полнѣйшее равнодушіе императора къ начальной, народной грамотности до такой степени, что въ нѣкоторыхъ департаментахъ на двадцать или тридцать общинъ приходился одинъ учитель и умѣнье читать и писать считалось величайшей ученостью?

Въ самомъ началѣ императорства Наполеона въ русскомъ журналѣ сообщалось, что въ отечествѣ Фенелоновъ и Расиновъ, по волѣ цезаря, говорили и писали слѣдующее: «математика сушитъ сердце, медицина есть наука обмана, физика и химія ведутъ къ безбожію, поэзія—припадокъ праздныхъ головъ, краснорѣчіе—рычагъ къ ниспроверженію государствъ и науки вообще совсѣмъ ненужны обществу, одно только военное дѣло и военныя школы необходимы государству» [70]).

Въ этихъ словахъ есть нѣкоторое преувеличеніе. Математика и медицина допускались императоромъ, но въ самыхъ узкихъ спеціальныхъ предѣлахъ. По мнѣнію Наполеона, настоящаго довѣрія заслуживаютъ лишь медики, не знающіе естествено-математическихъ наукъ. То же самое и юристы: имъ не зачѣмъ было знать такихъ предметовъ, какъ политическая экономія, исторія права, иностранныя законодательства. Достаточно выучить кодексъ Наполеона.

Такіе взгляды удивляли не только иностранцевъ, они приводили въ крайнее смущеніе самихъ французовъ. «Бонапартъ хотѣлъ дать французскому юношеству организацію мамелюковъ», говорили современники. На счетъ этихъ мамелюковъ упрекалъ Наполеона и его братъ Луціанъ [71]). Система была всѣмъ ясна и становилась яснѣе съ теченіемъ царствованія. Именно подъ конецъ имперіи окончательно восторжествовалъ барабанъ въ школахъ, ученикамъ только и толковали о войнахъ и побѣдахъ, сочиненія давали на темы наполеоновскихъ подвиговъ, по всѣмъ лицеямъ размѣстили тысячи стипендіатовъ — дѣтей гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ — съ наказомъ водворять вѣрноподданническій и армейскій духъ въ товарищахъ и, наконецъ, все зданіе увѣнчалось оригинальнѣйшимъ проектомъ *военной классификаціи*.

Онъ остался невыполненной, но «прекраснѣйшей мечтой» Наполеона.

И все это будто бы являлось послѣднимъ словомъ государственной мудрости, неизбѣжнымъ развитіемъ спасительной диктатуры!

Окончательно убить народную жизнь и національную мысль,

---

[70]) Дубровинъ. *Р. В.* 1895, VI, 206.

[71]) Lucien y Jung'a. III, 329.

обезличить всѣхъ, отъ десятилѣтняго школьника до старѣйшаго министра, всѣхъ затянуть въ солдатскій мундиръ и на всю жизнь поставить въ строй или запереть въ казарму,—нѣтъ, это не значитъ водворять порядокъ, не значитъ просто—управлять государствомъ.

И въ этомъ смыслѣ понимали власть Наполеона всѣ, кромѣ его рабовъ; въ той же Россіи сомнѣвались, чтобы въ артиллерійской школѣ можно было научиться управлять имперіями и чтобы «рука, привыкшая дѣйствовать прибойникомъ», могла съ достоинствомъ держать скипетръ [72]).

Наполеону это достоинство было совершенно не по натурѣ. Правда, онъ любилъ давать торжественныя аудіенціи, ввелъ самый пышный и самый мелочной этикетъ, какой только былъ извѣстенъ въ Европѣ, садился на тронъ при всякомъ поводѣ, даже залу государственнаго совѣта устроилъ на манеръ тронной, но весь церемоніалъ и блескъ не мѣшали ему поминутно впадать въ рѣзкій и крайне оскорбительный солдатскій тонъ. Исторія Наполеона знаетъ не мало безпримѣрно пышныхъ церемоній, напримѣръ, освященіе конкордата, коронованіе Бонапарта императоромъ и королемъ. Всѣ эти событія сопровождались ослѣпительными балами и банкетами. Но скука и затаенный страхъ сковывали всякое желаніе веселиться. На вечерахъ присутствовала тысячная толпа, а между тѣмъ кругомъ царило самое глубокое молчаніе. Цезарь изумлялся, но Талейранъ, лукавѣйшій изъ царедворцевъ, съ истинной откровенностью камердинера и «своего человѣка», рѣшалъ вопросъ коротко и ясно:

«Веселье нельзя вести съ барабаннымъ боемъ...»

Всюду этотъ барабанный бой: въ казармахъ, на улицахъ, даже въ придворныхъ салонахъ. Въ школахъ, конечно, при такихъ условіяхъ, трудно было учиться, при дворѣ веселиться, а на улицахъ даже дышать [73]).

Но за то необыкновенно просто становилось играть «на инструментѣ власти», какъ выражался самъ цезарь. Музыка упрощена до послѣдней степени. Въ сущности, вся имперія тянетъ или, по крайней мѣрѣ, должна тянуть одну и ту же ноту. Тонъ заданъ разъ навсегда, и необыкновенно энергичный по военному и освященъ авторитетомъ церкви и св. Писанія.

Наполеонъ, мы уже знаемъ, отнюдь не былъ вѣрующимъ католикомъ. Религія для него заключалась въ костюмѣ и обрядахъ,

[72]) Дубровинъ. *Ib.* IV, 217.
[73]) Staël. XIII, 158.

необходимыхъ для управленія чернью. На островѣ св. Елены онъ говорилъ, что у него уже съ тринадцатилѣтняго возраста исчезло всякое опредѣленное религіозное чувство. И трудно было вынести подобное чувство изъ семьи, гдѣ отецъ упражнялся въ «философскихъ» поэмахъ. Въ результатѣ, по мнѣнію цезаря, всѣ религіи и даже различныя философскія системы религіознаго направленія—*идеологія*, какъ и вообще все принципіальное, идейное. общенравственное [74]). Но религія необходима, какъ острастка для невѣжественнаго злодѣя, а духовенство не что иное, какъ gendarmerie sacrée, священная жандармерія, архіепископъ—тотъ же полицейскій префектъ. Наполеонъ даже боялся, какъ бы его подданные не заразились слишкомъ настоящей религіей. Въ школахъ дозволялась лишь казенная молитва, воспитанники не должны быть «ни слишкомъ набожными, ни слишкомъ невѣрующими»; преподавать богословіе повелѣвалось «съ нѣкотораго рода философскимъ и свѣтскимъ» направленіемъ...

И эта странная программа вполнѣ естественна съ точки зрѣнія властителя-артиста. Онъ боится, какъ бы религіозное чувство и искренняя преданность церкви не внесли диссонансъ въ его барабанный оркестръ. И онъ не перестаетъ тосковать о магометанскомъ коранѣ, соединяющемъ въ себѣ и свѣтскіе, и духовные законы. Ему даже недостаточно римскаго папства: онъ хочетъ полнѣйшаго духовнаго и матеріальнаго объединенія власти и ея орудій.

Вводя барабанъ и военную дисциплину, какъ императоръ, Наполеонъ создалъ въ то же время и духовное оружіе, какъ первосвященникъ,—оружіе лично для своего употребленія. Послѣ молитвъ въ умѣренномъ количествѣ, школьники учили слѣдующій *Катехизисъ.* Сначала шло объясненіе, что служить «Наполеону I значитъ служить самому Богу», потомъ:

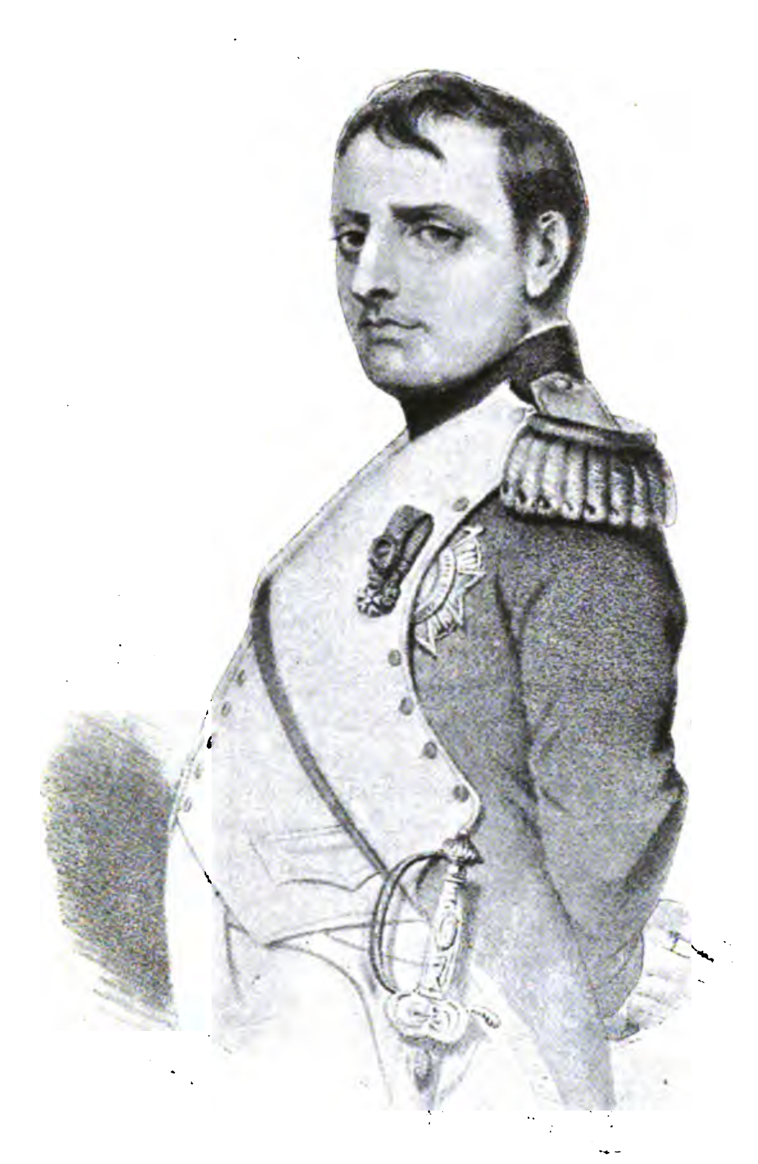
Вопросъ. Не существуетъ ли особенныхъ причинъ, которыя должны сильнѣе привязывать насъ къ Наполеону I, нашему императору?

Отвѣтъ. Да; потому что онъ тотъ, кого призвалъ Господь въ трудныхъ обстоятельствахъ возстановить общественное отправленіе святой религіи нашихъ отцовъ и быть ея покровителемъ. Онъ возстановилъ и сохранилъ общественный порядокъ, благодаря своей глубокой и дѣятельной мудрости; онъ защищаетъ государство своею мощною рукой, онъ сталъ помазанникомъ Господа черезъ благословеніе, полученное имъ отъ первосвященника, главы всемірной церкви.

---

[74]) Thibaudeau. II, 151. (*Le consulat et l'empire*). Mémorial V, 259.

Наполеонъ I-й, императоръ французовъ.

Вопросъ. Какъ должно думать о тѣхъ, которые нарушаютъ свои обязанности къ нашему императору?

Отвѣтъ. По словамъ святого апостола Павла, они сопротивляются велѣніямъ самого Бога и заслуживаютъ вѣчнаго осужденія.

Это называлось *Катехизисомъ Боссюэта.* Знаменитый прелатъ Людовикъ XIV считался главой галликанской церкви, т. е. національной и независимой.

Чтò собственно слѣдовало понимать подъ Катехизисомъ Боссюэта и его галликанствомъ въ эпоху имперіи, неоднократно объяснялъ самъ Наполеонъ.

Вотъ двѣ вполнѣ краснорѣчивыхъ сцены.

Императоръ узналъ, будто одинъ изъ епископовъ получилъ отъ папы письмо. Переписываться французскому духовенству съ римскимъ первосвященникомъ было запрещено безъ вѣдома правительства. Наполеонъ обратился къ епископу:

«Я слышу, толкуютъ о вольностяхъ галликанской церкви. На всякій случай у меня есть мечъ на готовѣ, берегитесь!»

Другой епископъ разсказывалъ, какъ императоръ пускался съ ними въ богословскія пренія и говорилъ имъ:

«Господа епископы, моя религія это религія Боссюэта; я вижу въ немъ отца церкви, онъ защищалъ наши вольности, я желаю сохранить его дѣло и поддерживать ваше собственное достоинство. Слышите ли, господа?»

«И говоря это, блѣдный отъ гнѣва, онъ хватался рукою за рукоятку шпаги и возбуждалъ во мнѣ трепетъ горячностью, съ какой готовился оборонять насъ».

При всемъ ужасѣ положенія, епископа невольно забавляла «странная амальгама имени Боссюэта, слòва «свобода» и этотъ угрожающій жестъ». Но Бонапартъ былъ вообще мастеръ на подобныя амальгамы. Это тоже своего рода «механизмъ фразъ и понятій».

По поводу преподаванія богословія онъ говорилъ о «философіи», по поводу своего законодательства о «либеральныхъ идеяхъ» и, наконецъ, всю свою систему называлъ «возстановленіемъ и освященіемъ разума», эта система, будто бы, давала подданнымъ Наполеона возможность «вполнѣ пользоваться и невозбранно наслаждаться всѣми человѣческими способностями»...

И это было высказано не въ самый разгаръ власти, а въ минуты самоуглубленія и сравнительнаго покоя на островѣ св. Елены...

Тогда Бонапартъ не хватался за шпагу... Но въ теченіи всего правленія это его инстинктивный и неизбѣжный жестъ, его послѣднее и неопровержимое доказательство. И опять «амальгама».

Доказывать шпагой, по мнѣнію Наполеона, значило «пріурочивать законы къ знанію человѣческаго сердца и уроковъ исторіи».

По истинѣ артистическая игра! Въ оркестрѣ одинъ барабанъ и играется вѣчно одна и та же пьеса изъ *Катехизиса Боссюэта*, а между тѣмъ въ либретто представленія все, что угодно—и сердце, и идеи, и исторія, и разумъ. Надъ страной тяготѣетъ единственный знакъ власти—*мечъ*, и онъ въ то же время дирижерскій жезлъ артиста, а между тѣмъ—народамъ предлагается «вполнѣ пользоваться всѣми человѣческими способностями».

Одно изъ двухъ: или ихъ мысль и слово и знаніе не принадлежатъ къ человѣческимъ способностямъ, или предъ нами одинъ изъ самыхъ талантливыхъ наполеоновскихъ бюллетеней.

Нѣтъ. Пусть цезарь остается при своемъ мѣткомъ и правдивомъ опредѣленіи собственной власти, какъ художественнаго наслажденія. Тогда только мы психологически поймемъ не только пятнадцатилѣтнюю муштру нѣсколькихъ десятковъ милліоновъ, но много и другихъ вещей, на первый взглядъ совершенно недостойныхъ мощнаго властителя. Артисты — народъ необыкновенно мелочной и самолюбивый въ вопросахъ о своемъ искусствѣ и талантѣ. Это фактъ неоспоримый. Наполеонъ изъ ихъ семьи. Правда, его роль превосходитъ грандіозностью роли всѣхъ въ мірѣ трагиковъ, но это не мѣшаетъ ей по *психологическому содержанію* быть крайне простой и однообразной.

Любопытнѣйшая черта въ личности Наполеона—фанатическое пристрастіе къ мелочамъ и поразительная память на вещи, повидимому, безусловно лишнія и микроскопическія при управленіи громадной имперіей. Эти свойства приводятъ въ несказанное умиленіе новыхъ историковъ. Они непремѣнно разскажутъ вамъ, какъ онъ вспомнилъ о двухъ пушкахъ, оставленныхъ въ Остенде [75]). Это обстоятельство стало прямо классической чертой наполеоновскаго генія. И дѣйствительно, оно возможно только при особенномъ направленіи и развитіи ума.

При какомъ же?

Наполеонъ съ трудомъ могъ запомнить александрійскій стихъ, и между тѣмъ легко помнилъ *факты* и *мѣстности*. Математикъ и географъ, знакомый намъ еще изъ Бріеннской школы!

Но не въ этомъ дѣло. Какая математика и какая географія входили въ мозгъ цезаря?

Математика, какъ счетоводство, и географія—какъ топографія въ самомъ тѣсномъ смыслѣ слова.

---

[75]) Taine. *O. c.* 32; Lévy. *O. c.* 601.

Наполеонъ родился еще болѣе страстнымъ экономомъ и бухгалтеромъ, чѣмъ солдатомъ, унаслѣдовалъ скопидомческіе таланты матери во всемъ объемѣ. Можно, конечно, быть очень бережливымъ государемъ: такимъ былъ, напримѣръ, Петръ Великій. Можно съ большимъ успѣхомъ копить деньги: этимъ, напримѣръ, отличались многіе прусскіе короли. Но могло ли придти въ голову кому-нибудь изъ названныхъ государей пересчитывать куски сахару, израсходованные на угощеніе двора, провѣрять счета жениной прачки, лично, переодѣвшись, ходить по магазинамъ, справляться о цѣнѣ вещей и продуктовъ [76])? Легко представить эффектъ всѣхъ этихъ артистическихъ выходокъ, въ особенности изумленіе подрядчиковъ и поставщиковъ! По существу, весьма пошлая сцена принимала размѣры настоящаго событія, и въ такомъ именно тонѣ намъ разсказываютъ объ этихъ сценахъ очевидцы и за ними повторяютъ новѣйшіе обожатели закулисныхъ странностей великихъ людей.

Можетъ быть, считать куски сахару, листья салата и гроздья винограда, дѣйствительно, значило сберегать государственную казну?

Отнюдь нѣтъ. Франки, съэкономленные на сахарѣ и салатѣ, составляли буквально милліонную долю въ подаркахъ маршаламъ, въ расходахъ на необыкновенно многочисленныхъ и многообразныхъ шпіоновъ, внутри и внѣ Франціи, на постоянныя раздачи денегъ солдатамъ, уже совершенно по преторіанскому обычаю, и безусловно неизвѣстно, въ какой пропорціи счета прачекъ стояли къ пяти милліардамъ, израсходованнымъ собственно Франціей на наполеоновскія войны съ 1802 года по 1814-й?

Устраивать драматическія сцены изъ-за нѣсколькихъ су и засыпать золотомъ совѣсть и честь «якобинцевъ, потерявшихъ головы», это врядъ ли признакъ государственнаго ума и серьезной, да еще геніальной политики.

Въ жизни часто встрѣчаются психологическіе курьезы въ родѣ отчаянныхъ мотовъ, прожигающихъ милліоны и считающихъ копѣйки. Никому и въ голову не приходитъ называть ихъ мудрецами. И не потому, чтобы предметы ихъ мотовства слишкомъ низки, напримѣръ, картежная игра. Въ данномъ случаѣ, безразлично съ общей нравственной точки зрѣнія, *на какую страсть* тратятся легко доставшіяся деньги. Наполеонъ совершенно былъ равнодушенъ къ наслажденіямъ кухни и лишь изрѣдка игралъ въ карты, обязательно плутуя при проигрышахъ, но зато его мучилъ

[76]) Lévy, 517. *Mémorial* V, 259.

чудовищно развитой аппетитъ въ другомъ направленіи, и цезарь велъ другую, неизмѣримо болѣе азартную и убыточную игру.

Истратить милліарды денегъ, погубить, по крайней мѣрѣ, три милліона однихъ французовъ, и оставить страну униженной и обобранной, стóитъ всякаго эпикурейскаго увлеченія, и копѣечная разсчетливость Наполеона, сама по себѣ, можетъ быть, и очень любопытная, особенно въ смыслѣ анекдота и историческаго курьеза, на самомъ дѣлѣ обыкновенный, отчасти патологическій фактъ—и свидѣтельствуетъ онъ отнюдь не о глубинѣ и силѣ умственныхъ и государственныхъ способностей. Просто, характерная черта азартнаго игрока и страстнаго прожигателя жизни.

Двѣ остендскихъ пушки Наполеонъ прекрасно помнилъ, но зато у него быстро исчезали изъ памяти десятки тысячъ человѣческихъ жизней, загубленныхъ въ томъ или другомъ сраженіи. Онъ рѣшительно ни во что ставилъ цѣлыя арміи. Этотъ фактъ онъ самъ подтвердилъ, разсказывая о своемъ походѣ на Россію.

Походъ этотъ, какъ и всѣ другіе, былъ совершенъ съ быстротой, столь изумительной для почитателей наполеоновскаго геніи, но эта именно быстрота стоила арміи величайшихъ лишеній. Наполеонъ не считалъ нужнымъ запасаться фуражемъ, не устраивалъ складовъ продовольствія, движеніе войскъ могло быть очень быстрымъ, но до послѣдней степени рискованнымъ. Первое же замедленіе или неудача отражались на солдатахъ всевозможными бѣдствіями. Это именно произошло въ Россіи и самъ Наполеонъ, уже въ изгнаніи, признавался, что началъ походъ безъ должныхъ приготовленій. Любопытно объясненіе, почему онъ поторопился.

Оно для насъ, въ сущности, не ново, важно только слышать его изъ устъ самаго Наполеона и по поводу величайшаго историческаго событія.

Наполеонъ игралъ изъ себя интереснаго незнакомца, конечно, и на тронѣ, и окружалъ себя «ореоломъ» таинственности, или какъ онъ выражается, «чѣмъ-то смутнымъ, столь чарующимъ толпу». Для этой цѣли ему требовались внезапные и блестящіе подвиги, необходимо было поражать неожиданностями, не давать мѣста разнымъ догадкамъ и пересудамъ. Отсюда, молніеносное предпріятіе завоевать Россію, и гибель полъ-милліоной арміи [77]).

Несомнѣнно, въ подобномъ подвигѣ даже самые горячіе составители наполеоновской легенды не откроютъ ни капли дѣйствительнаго политическаго генія, а просто разсчетъ отчаяннаго авантюриста и азартнаго игрока. Мы приходимъ, слѣдовательно,

---

[77]) *Mémorial* I, 419; Staël, XIII, 235; Taine. *O. c.* 115, 105.

къ нашему общему положенію относительно пресловутаго домостроительскаго таланта Наполеона. Съ этимъ впечатлѣніемъ именно *азартнаго игрока* мы встрѣтимся еще неоднократно.

Дальше. Сверхъестественная способность Наполеона запоминать мѣстности. Но что̀ именно запоминать? Наполеонъ самъ на это отвѣчаетъ: гдѣ и какъ можно дать сраженіе, т. е. онъ помнитъ всѣ подробности относительно природы даннаго края, вродѣ долинъ, горъ, лѣса, рѣки.

Но, мы знаемъ, Наполеонъ не могъ запомнить стиха и прекрасно помнилъ множество цифръ, даже двѣ пушки; здѣсь тоже самое: запоминается страна, какъ безличная мертвая основа для военныхъ маневровъ, но спросите у Наполеона о культурномъ характерѣ страны, т. е. о населеніи, его нравахъ, его политическихъ задачахъ, его гражданскихъ свойствахъ, и вы получите самыя фантастическія свѣдѣнія.

Наполеонъ перебывалъ во всѣхъ странахъ культурной Европы, не былъ въ Англіи, но зато всю жизнь напряженно интересовался ею, какъ, по его мнѣнію, сильнѣйшей соперницей Франціи и его власти. Что же онъ вынесъ изъ своего опыта и изученія?

Отвѣтъ единодушный всѣхъ свидѣтелей, кого только касается вопросъ, и отвѣтъ, снова вызывающій предъ нами фигуру артиста самовластія.

О народахъ Наполеонъ судитъ такъ же презрительно, какъ и о своихъ министрахъ и маршалахъ. Всѣ французы—дѣти сравнительно съ нимъ, а «народы Италіи должны знать и не забывать, что у него въ мизинцѣ больше ума, чѣмъ во всѣхъ ихъ головахъ вмѣстѣ».

Но о маршалахъ и министрахъ Наполеонъ имѣлъ много основаній говорить въ такомъ тонѣ: такіе мудрецы, какъ Бертье, Ожеро, Мюратъ, были извѣстны всѣмъ, даже иностранцамъ. Но зналъ ли Наполеонъ достаточно цѣлые народы, чтобы французовъ и итальянцевъ обзывать глупцами, англичанъ—алчными эгоистами и купцами, испанцевъ—народомъ наканунѣ смерти, нѣмцевъ—годными лишь для полнаго порабощенія и разоренія. Испанію онъ обѣщаетъ возродить, а бѣдствія Германіи Жеромъ, братъ императора, король Вестфальскій, описываетъ по истинѣ кровавыми чертами [78]).

Что же значитъ на языкѣ Наполеона *возродить* страну?

Отвѣтъ необыкновенно характерный и уже его достаточно, чтобы судить о глубинѣ *государственнаго* ума Бонапарта.

---

[78]) Taine. O. c. 104.

Вся Европа должна стать копіей Франціи, одинаково народы и правительства. У Наполеона нѣтъ ни малѣйшаго представленія о томъ, что называется національностью. Для него всѣ люди—совершенно тождественный по существу матеріалъ для военной классификаціи, разница только, напримѣръ, въ выносливости: «французы могутъ воевать при морозѣ въ семь градусовъ, нѣмцы не переносятъ болѣе пяти» [79]). Можно и еще прибавить кое-какія опредѣленія, «французы—нервныя машины», русскіе—«дикій суевѣрный народъ, изъ котораго ничего нельзя сдѣлать». Но всѣ эти характеристики вызваны военными наблюденіями и пріурочены къ военнымъ событіямъ. Нація, какъ самостоятельная нравственная и культурная единица, для Наполеона не существуетъ.

Онъ можетъ сознавать и цѣнить по достоинству таланты иностранныхъ генераловъ, напримѣръ, Веллингтона, но національныя движенія ему рѣшительно непонятны и глубоко ненавистны. Это совершенно чуждая невѣдомая ему сила и онъ инстинктивно чувствуетъ гнѣвъ и, можетъ быть, тайный ужасъ предъ подъемомъ народнаго духа.

Одна изъ основныхъ чертъ наполеоновской психологіи, инстинктивное отвращеніе ко всему гражданскому въ обширномъ смыслѣ слова. Онъ чувствуетъ себя легко лишь среди людей, одѣтыхъ въ военные мундиры. «Я—солдатъ», «я—военный», постоянныя выраженія Наполеона на тронѣ и въ изгнаніи. Человѣкъ, одѣтый въ гражданское платье, по мнѣнію Наполеона, тѣмъ самымъ лишается извѣстныхъ правъ сравнительно съ военнымъ. Опасности на полѣ битвы для Наполеона не существовали, совершенно другое дѣло въ «добромъ городѣ Парижѣ».

Изъ десяти лѣтъ царствованія Наполеонъ и трехъ лѣтъ не провелъ въ столицѣ, всего 955 дней. Городъ, привыкшій управлять страной, казался ему весьма неблагонадежнымъ. Очевидецъ разсказывалъ, что императоръ блѣднѣлъ при малѣйшемъ намекѣ на народное волненіе. Это было странно со стороны генерала 13-го вандемьера, но тогда Бонапартъ сражался не за свой счетъ, за нимъ стояла республика и представительное собраніе. Иное положеніе было 18-го брюмера и мы знаемъ, какимъ героемъ оказался въ этотъ день будущій цезарь. До конца имперіи, даже въ самую критическую минуту, когда отъ возстанія парижанъ, можетъ быть, зависѣла судьба трона, Наполеонъ не могъ побѣдить инстинктивнаго отвращенія и ненависти къ народу, никогда не могъ видѣть

---

[79]) Богдановичъ. *О. с.* III, 313.

безъ трепета, какъ простые рабочіе бросались къ нему съ прошеніями въ рукахъ.

Тоже самое чувство и относительно цѣлыхъ націй.

Сначала народное движеніе въ Испаніи, потомъ въ Россіи, наконецъ, въ Германіи положили конецъ власти Наполеона. И онъ никакъ не могъ понять *нравственнаго* характера этихъ движеній. Дикость, варварство—одно у него объясненіе. Особенно жестокими, трогически-забавными упреками онъ осыпалъ русскихъ за сожженіе Москвы.

«Пусть проклятіе будущихъ вѣковъ падетъ на виновниковъ этого вандализма! Жечь свои собственные города, ахъ!!.. Эти люди вдохновлены демономъ... Какое страшное преступленіе! Что за народъ! Что за народъ!»

И при этомъ видъ Наполеона, по словамъ очевидца, былъ поистинѣ страдальческій. «Слова вылетали изъ задыхающейся груди отрывисто и рѣзко; мрачный огонь свѣтился въ глазахъ» [80]).

Рѣчь о *демонѣ*, о *дьяволѣ* всякій разъ приходитъ на уста Наполеона, лишь только онъ представитъ себѣ пожаръ Москвы и борьбу русскаго народа съ «великой арміей». Даже на островѣ св. Елены Наполеонъ не можетъ равнодушно вспомнить, не о русскихъ войскахъ и генералахъ, а именно о народѣ, разрушившемъ всѣ его надежды на ослѣпительный эффектъ завоеванія громадной имперій. Кто могъ ожидать, чтобы какой-либо народъ сталъ жечь свою столицу! — такъ оправдывалъ Наполеонъ свою непростительную опрометчивость въ грандіозномъ предпріятіи... Двѣсти человѣкъ было немедленно разстрѣляно, но подобная казнь имѣла въ данномъ случаѣ единственный смыслъ—на комъ-нибудь сорвать безсильный гнѣвъ противъ цѣлой націи [81]).

Страшная сила, производившая на Наполеона впечатлѣніе чего-то «демоническаго», именно и былъ *національный духъ*. Онъ долженъ былъ возстать противъ всепоглощающаго *я* одного человѣка, и отомстить за попраніе нравственныхъ и историческихъ законовъ. Величайшій дѣятель исторіи совершенно не входилъ въ разсчеты головокружительныхъ приключеній Наполеона. Цезарь составилъ себѣ безконечно простую и спокойную философію исторіи: искусный генералъ и милліоны людей, одѣтыхъ въ военные мундиры, достаточное количество пушекъ и возможная быстрота движеній,—вотъ и все, чтобы и завоевать міръ и царствовать надъ нимъ.

---

[80]) Duc de Vicence. Souvenirs. I, 96.

[81]) Mémorial, II, 342, 590.

Эта идея, мы увидимъ, проводилась Наполеономъ съ неуклонной, въ полномъ смыслѣ военной логикой. И это отнюдь не одинъ лишь инстинктъ полуцивилизованнаго парижанина, геніальнаго полководца, это—цѣлая нравственная и политическая система, это—философія личности, государства и исторіи, это, наконецъ, извѣстный типъ ума.

Кругозоръ этого ума не можетъ быть обширенъ: въ его комбинаціи входитъ слишкомъ мало элементовъ, и притомъ наиболѣе простыхъ. Все, что̀ усложняетъ дѣятельность отдѣльнаго человѣка и жизнь народовъ, разъ навсегда исключено Бонапартомъ изъ его политическаго мышленія. И произошло это вовсе не случайно. Наполеонъ, достигши власти, создалъ весь міръ по образу и по подобію своему. Міръ, мы знаемъ, оказалъ его работѣ существенныя услуги, можно сказать, самъ наталкивалъ его на извѣстную философію. Это сотрудничество будетъ развиваться съ еще бо̀льшимъ усердіемъ съ минуты окончательнаго торжества цезаря. Постепенно будетъ совершенствоваться чудный «инструментъ власти», до крайней степени упрощаться его строй и мелодія, весь многомилліонный оркестръ превратится въ батальонъ непрестанно дѣйствующихъ барабанщиковъ, этого мало: съ теченіемъ времени на сценѣ человѣческой исторіи возникнетъ новая школа нравственности и политики, вполнѣ ясное и развитое міросозерцаніе, своего рода религія. Пророкъ ея, Наполеонъ I, падетъ, погибнетъ изгнанникомъ и узникомъ. Но его дѣло останется жить и по временамъ будутъ наступать эпохи, когда сама личность пророка и его дѣятельность снова станутъ вдохновлять и новыхъ апостоловъ, и новыхъ вѣрующихъ.

Ив. Ивановъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ОТЕЛЛО.

Переводъ съ французскаго Т. Криль.

I.

Если обратить вниманіе на то, какимъ образомъ въ «Макбетѣ» источникъ трагедіи человѣческой жизни вытекаетъ изъ соединенія грубости и злобы, точнѣе говоря—грубости, проникнутой злобою, то разстояніе между «Макбетомъ» и «Отелло» не покажется слишкомъ значительнымъ. Но, для освѣщенія человѣческой трагедіи въ ея цѣломъ, т. е. для изображенія зла, какъ общаго двигателя, въ «Макбетѣ» не достаетъ ни увѣренности мысли, ни силы искусства.

Искусство, по истинѣ величавое и увѣренное въ себѣ, поражаетъ насъ въ «Отелло». По распространенному представленію, «Отелло»—простая трагедія ревности, а «Макбетъ»—трагедія честолюбія. Простодушные читатели и критики, въ наивности души своей, воображаютъ, что въ извѣстный моментъ Шекспиръ рѣшилъ изучить нѣкоторыя интересныя и опасныя страсти, съ цѣлью предостеречь людей, и раскрылъ предъ ними драму честолюбія и его опасныхъ слѣдствій, затѣмъ другую—драму ревности и бѣдствій, причиняемыхъ ею. Всѣмъ, однако, хорошо извѣстно, что внутренняя жизнь творческой души идетъ далеко не такъ просто. Драматическій писатель творитъ не по чувству долга.

И въ этомъ произведеніи Шекспиръ пытается раскрыть предъ нами не ревность и не легковѣріе, а всю трагедію человѣческой жизни. Какъ она зарождается, каковы причины ея, какіе законы управляютъ ею?

Его поразило могущественное вліяніе зла. «Отелло» не столько изслѣдованіе ревности, сколько новое и болѣе глубокое изслѣдованіе зла во всемъ его обьемѣ и развитіи. Жизненная нить, связующая это произведеніе съ творцомъ его, приводитъ насъ не къ герою драмы, а къ Яго.

Простодушные мудрецы думали, что Шекспиръ срисовалъ Яго съ исторической личности Ричарда III, что, слѣдовательно, онъ нашелъ его въ книгахъ, разсказахъ, хроникахъ. Повѣрьте мнѣ,— Шекспиръ встрѣчалъ Яго въ жизни. Въ годы зрѣлости, вращаясь среди людей, которые въ большей или меньшей степени могли служить прототипами Яго, повседневно встрѣчая на своемъ пути людей, подобныхъ Яго,—въ одинъ прекрасный день Шекспиръ прочувствовалъ и понялъ, что̀ можетъ совершить существо умное, злое и безчестное; онъ слилъ воедино всѣ отрывочныя впечатлѣнія и создалъ этотъ могучій образъ.

Въ одномъ образѣ Яго больше искусства, въ одномъ этомъ характерѣ больше глубины и высокаго знанія людей, чѣмъ во всемъ «Макбетѣ». Яго—само великое искусство.

Яго—не есть олицетвореніе зла, не глупый чортъ старинныхъ легендъ, не дьяволъ Мильтона, поборникъ независимости, изобрѣтатель огнестрѣльнаго оружія, не Мефистофель Гёте, намѣренно циничный, представляющійся неотвратимымъ и почти всегда правый,—въ то же время, въ немъ нѣтъ грандіозной смѣлости порока, онъ не похожъ на Цезаря Борджіа, который проводитъ жизнь, открыто смѣясь надъ людьми, бросая вызовъ небу, ужасный и неукротимый.

Яго не преслѣдуетъ никакихъ цѣлей, кромѣ личной выгоды. То обстоятельство, что не онъ, а Кассіо получилъ званіе лейтенанта, прежде всего побудило его пустить въ ходъ свое коварство. Онъ хочетъ получить это званіе и пробуетъ добиться его. Но, кромѣ того, онъ беретъ по пути все, изъ чего можетъ извлечь для себя выгоду; не колеблясь ни минуты, онъ завладѣваетъ всѣмъ состояніемъ и всѣми драгоцѣнностями Родриго. Онъ постоянно носитъ маску лжи и лицемѣрія; только маска, имъ избранная, наиболѣе непроницаема: грубая и рѣзкая правдивость, недовольство, просто и прямо высказываемое солдатомъ, которому нѣтъ дѣла до того, что о немъ думаютъ и говорятъ другіе. Никогда не бываетъ онъ слишкомъ любезенъ ни съ Отелло, ни съ Дездемоной, ни даже съ Родриго. Онъ—искренній другъ, имѣющій право говорить свободно.

Но, стремясь къ своей выгодѣ, онъ не забываетъ искоса поглядывать и на другихъ. Все его существо проникается злобной радостью, при видѣ чужого несчастія. Онъ дѣлаетъ зло, чтобы не лишать себя удовольствія приносить вредъ. Онъ чувствуетъ себя въ своей стихіи среди бѣдствій и страданій окружающихъ. Въ немъ живетъ вѣчная зависть, которую возбуждаетъ превосходство и благополучіе другихъ, это не мелкая зависть, которая

жаждетъ отличій и богатствъ другого, которая считаетъ себя болѣе достойной его счастья,—это огромная, злобствующая зависть, которая проявляетъ себя въ жизни человѣческой, какъ сила перваго порядка. Двигателемъ всѣхъ его дѣйствій служитъ непріязнь, которую онъ питаетъ къ совершенству другихъ, его недовѣріе, презрѣніе, отвращеніе къ этому совершенству, врожденная ненависть ко всему чистому, прекрасному, свѣтлому, доброму и великодушному.

Шекспиръ не только зналъ, что это бываетъ,—онъ понялъ это и заклеймилъ. Въ этомъ его вѣчная заслуга, какъ психолога.

Всѣмъ извѣстно мнѣніе, что «Отелло» прекрасная трагедія, такъ какъ герой ея и Дездемона рѣдкіе и художественно вѣрные типы,—но кто знаетъ Яго? Гдѣ искать мотива его дѣйствій? Если бы еще онъ былъ влюбленъ въ Дездемону и вслѣдствіе этого ненавидѣлъ Отелло, или если бы у него была другая подобная причина!

Безъ сомнѣнія, если бы онъ былъ просто негодяй и клеветникъ, влюбленный въ молодую женщину, трагедія сдѣлалась бы менѣе сложной, но, къ несчастью, тогда она превратилась бы въ пошлую, и Шекспиръ не былъ бы тутъ на высотѣ своего генія.

Нѣтъ, о нѣтъ! Именно въ этой кажущейся недостаточности мотивовъ заключается вся глубина драмы. Въ монологахъ Яго постоянно излагаетъ самому себѣ причины своей ненависти. Обыкновенно, читая монологи Шекспира, мы заглядываемъ въ самое сердце его героевъ; оно открывается передъ нами; даже такой негодяй, какъ Ричардъ III, вполнѣ искрененъ въ своихъ монологахъ. Другое дѣло Яго. Этотъ маленькій дьяволъ пытается всегда объяснить самому себѣ свою ненависть,—онъ самъ себя наполовину обманываетъ, представляя себѣ нѣчто вродѣ причинъ, которымъ отчасти, но не вполнѣ, и вѣритъ. Кольриджъ поразительно точно охарактеризовалъ эту наклонность его ума, назвавъ ее «погоней за причинами для безпричинной злобы» (the motive hunting of a motivelles malignity). Много разъ Яго повторяетъ себѣ, что Отелло долженъ былъ имѣть связь съ его женой, и что онъ, Яго, хочетъ отмстить за этотъ позоръ. Для объясненія своей ненависти къ Кассіо, онъ прибавляетъ иногда, что и тотъ также,—какъ онъ подозрѣваетъ,—посмѣялся надъ нимъ съ Эмиліей. Мимоходомъ онъ намекаетъ и на свое собственное увлеченіе Дездемоной, находя и это недурной, хотя и второстепенной причиной для своихъ поступковъ.

Все это попытки понять себя, свой образъ дѣйствій, но попытки недобросовѣстныя, объясненія, сами собой падающія. Желчная, ядовитая зависть всегда находитъ причины, которыя дѣ-

лаютъ ненависть законной и придаютъ видъ заслуженной мести—желанію вредить выше стоящимъ людямъ. Но Яго, самъ называющій душу Отелло «вѣрной, нѣжной и благородной», слишкомъ уменъ, чтобы считать себя обманутымъ имъ; онъ видитъ его насквозь, какъ кристаллъ.

Обладай Яго способностью любить и ненавидѣть по опредѣленной извѣстной причинѣ,—онъ спустился бы съ высшей ступени зла, на которой стоитъ. Ему грозятъ пыткой въ концѣ, когда онъ не хочетъ сказать ни слова въ поясненіе всего происшедшаго. Конечно, губы его будутъ крѣпко сжаты во время пытки,—онъ твердъ и гордъ по своему; но онъ и не могъ бы дать настоящаго объясненія. Медленно, постепенно отравляетъ онъ все существо Отелло. Мы наблюдаемъ за дѣйствіемъ яда на этого довѣрчиваго и легковѣрнаго человѣка и видимъ, какъ успѣшное дѣйствіе отравы все болѣе опьяняетъ Яго и увеличиваетъ его жестокость. Но вопросъ о происхожденіи яда, наполняющаго душу Яго,—праздный вопросъ, на который онъ и самъ не далъ бы отвѣта. Змѣя ядовита по природѣ, она производитъ ядъ, какъ шелковичный червь—коконъ и фіалка—ароматъ.

Въ концѣ трагедіи мы находимъ очень интересный обмѣнъ репликъ, дающій ключъ къ пониманію того, чѣмъ занимался Шекспиръ въ первые года XVII в., къ чему привели его размышленія и изслѣдованія о природѣ зла. При видѣ взрыва ярости Отелло противъ Дездемоны, Эмилія говоритъ ей:

Я дамъ себя повѣсить,
Коль клеветы такой не распустилъ,
Съ желаніемъ добыть себѣ мѣстечко,
Какой-нибудь презрѣнный негодяй,
Какой-нибудь бездѣльникъ, подлипало,
Какой-нибудь подлѣйшій, льстивый рабъ!
Да, это такъ, иль пусть меня повѣсятъ!
Яго. — Фи, да такихъ людей на свѣтѣ нѣтъ!
Не можетъ быть!
Дездемона. — А если есть такіе —
Прости имъ Богъ!
Эмилія. — Нѣтъ, висѣлица пусть
Проститъ! пусть адъ его всѣ кости сгложетъ!

Всѣ три характера вылились въ этихъ краткихъ репликахъ. Но замѣчаніе Яго наиболѣе важно. Эта фраза — «такихъ людей на свѣтѣ нѣтъ, не можетъ быть»—содержитъ въ себѣ мысль, подъ охраной которой онъ прожилъ свою жизнь. Мысль эта—другіе не вѣрятъ, что это существуетъ.

Здѣсь мы встрѣчаемъ у Шекспира снова нѣчто однородное съ изумленіемъ Гамлета передъ зломъ, какъ передъ парадоксомъ

(«можно быть негодяемъ и улыбаться»), такое же косвенное обращеніе къ зрителю, какое въ комедіи «*Мѣра за мѣру*» выражается въ словахъ Изабеллы: «Не говорите, что это невозможно! Это только невѣроятно; но вполнѣ возможно, что худшій изъ негодяевъ, жившихъ на землѣ, кажется такимъ справедливымъ, честнымъ, достойнымъ уваженія и чистымъ человѣкомъ, какимъ представляется Анджело». И третій разъ мы слышимъ тотъ же крикъ: «Не говори, не думай, что это невозможно!» Вѣра въ невозможность существованія негодяевъ есть необходимое условіе существованія такого короля, какъ Клавдій, такого судьи, какъ Анджело, такого офицера, какъ Яго. Поэтому, Шекспиръ заканчиваетъ всегда этимъ припѣвомъ: «Правду говорю вамъ, эта высшая ступень злобы—возможна».

Злоба—одинъ изъ факторовъ человѣческой трагедіи. Второй факторъ—глупость. На этихъ двухъ столпахъ покоится вся масса бѣдствій на землѣ.

II.

Одинъ, изданный Галливеллемъ Филипсомъ, документъ могъ бы служить доказательствомъ того, что «Отелло» былъ поставленъ первый разъ на сценѣ 1-го ноября 1605 года, если бы документъ этотъ можно было считать подлиннымъ; къ сожалѣнію, онъ принадлежитъ къ недостовѣрнымъ источникамъ, поддѣланнымъ Кольеромъ. Тѣмъ не менѣе, время, повидимому, указано болѣе или менѣе точно.

Мы имѣемъ указаніе на представленіе этой пьесы, спустя 4 или 5 лѣтъ, въ дневникѣ принца Фридриха-Людовика Вюртембергскаго, писанномъ его секретаремъ Гансомъ Вурмзеромъ. 30-го апрѣля 1610 г. онъ заноситъ (по французски): «Понедѣльникъ, 30. Его свѣтлость посѣтилъ театръ Глобъ, обычное мѣсто, гдѣ разыгрываютъ комедіи; была представлена исторія Венеціанскаго мавра». Въ виду этого свидѣтельства мы не должны принимать во вниманіе того обстоятельства, что въ «Отелло» есть одна строчка, написанная явно позднѣе 1611 года. Трагедія была напечатана первый разъ въ 1622 году, второй разъ in-folio въ 1623 году, съ добавленіемъ 160 строкъ (слѣдовательно, по другой рукописи) и съ пропускомъ всѣхъ бранныхъ словъ и упоминаній имени Божьяго. Поэтому, строчка, о которой идетъ рѣчь, не только *могла*, но *должна* была быть вставлена позднѣе, и ея мѣсто въ пьесѣ достаточно ясно указываетъ на это. Она совершенно не гармонируетъ съ общимъ тономъ и, безъ сомнѣнія, принадлежитъ

не Шекспиру. Когда Отелло проситъ Дездемону дать ему руку и погружается въ размышленія по поводу этой руки, онъ говоритъ:

Да, щедрая (рука)! Въ былое время сердце
Намъ руку отдавало, а теперь,
По нынѣшней геральдикѣ, дается
Одна рука—не сердце».

Это—намекъ, понятный только современникамъ, на званіе баронета, основанное и продававшееся Іаковомъ I. Получавшіе это званіе имѣли право на гербъ съ изображеніемъ красной руки на серебряномъ полѣ. Естественно, что Дездемона отвѣчаетъ на эти слова: «Не умѣю поддерживать я этотъ разговоръ».

Въ сборникѣ итальянскихъ новеллъ, откуда Шекспиръ заимствовалъ фабулу для «Мѣры за мѣру», онъ нашелъ также сюжетъ и для «Отелло».

Содержаніе этой сказки слѣдующее: молодая итальянка *Диздемона* влюбляется въ одного мавра, капитана, не по «женскому влеченію», но за его высокія качества, и выходитъ за него замужъ, не смотря на противодѣйствіе родителей. Они жили въ Венеціи въ полнѣйшемъ счастіи. «Никогда между ними не было сказано ни одного неласковаго слова». Когда мавра посылаютъ на Кипръ, чтобы управлять этимъ островомъ, онъ думаетъ только о своей женѣ; онъ одинаково боится подвергать ее опасности морского путешествія и оставить одну въ Венеціи. Она рѣшаетъ вопросъ, заявляя, что предпочитаетъ слѣдовать за нимъ, куда угодно. подвергаясь всѣмъ опасностямъ, чѣмъ жить въ полной безопасности вдали отъ него. Въ восторгѣ онъ обнимаетъ ее, восклицая: «Да сохранитъ васъ Богъ всегда такой милой, моя дорогая супруга!»

Изъ этой новеллы почерпнулъ Шекспиръ картину первоначальной полной гармоніи между супругами.

Одинъ молодой офицеръ, скажемъ—прапорщикъ, стремится разрушить счастье молодой четы. Онъ очень красивъ, но «по натурѣ хуже всѣхъ людей, когда-либо жившихъ на свѣтѣ». Его любитъ мавръ, такъ какъ «онъ не имѣлъ никакого представленія о его низости». Низкій трусъ, онъ умѣлъ облекать свою трусость такими звучными фразами, принималъ такой гордый видъ, что казался Гекторомъ или Ахилломъ. Жена этого офицера, которую онъ привезъ съ собой на Кипръ, молодая женщина, привѣтливая и честная; Диздемона горячо любитъ ее и проводитъ съ ней большую часть дня. Домъ мавра охотно посѣщаетъ лейтенантъ (il capo di squadra) и часто обѣдаетъ съ нимъ и его женой.

Злодѣй-прапорщикъ страстно влюбленъ въ Диздемону, но всѣ его старанія добиться ея любви не приводятъ ни къ чему, такъ

какъ она не думаетъ ни о комъ, кромѣ мавра. Прапорщикъ же воображаетъ, будто она отвергаетъ его изъ-за любви къ лейтенанту; онъ рѣшаетъ отдѣлаться отъ своего соперника, и любовь его превращается въ самую жестокую ненависть. Онъ хочетъ не только заставить убить лейтенанта, но и помѣшать мавру наслаждаться счастьемъ съ Диздемоной, которая оттолкнула его. Онъ дѣйствуетъ такъ же, какъ въ драмѣ, хотя въ подробностяхъ драма отступаетъ отъ хода сказки. Такъ, въ сказкѣ прапорщикъ крадетъ платокъ Диздемоны, когда она въ гостяхъ у его жены и играетъ съ ихъ дочкой. Родъ смерти героини въ сказкѣ болѣе безобразенъ, чѣмъ въ трагедіи. По приказанію мавра, прапорщикъ прячется въ комнатѣ, сосѣдней съ спальнею супруговъ. Онъ производитъ шумъ; Диздемона встаетъ посмотрѣть, что случилось, и онъ наноситъ ей страшный ударъ по головѣ чулкомъ, наполненнымъ пескомъ. Она зоветъ мужа, но тотъ отвѣчаетъ ей обвиненіями въ измѣнѣ; напрасно доказываетъ она свою невинность; послѣ третьяго удара она умираетъ. Убійство остается скрытымъ, но мавръ проникается ненавистью къ прапорщику и отпускаетъ его. Этотъ съ отчаянія предаетъ мавра лейтенанту. Совѣтъ подвергаетъ мавра пыткѣ и отправляетъ его въ изгнаніе, такъ какъ онъ не хочетъ сознаться. Одинъ изъ товарищей прапорщика, ложно обвиненный имъ въ убійствѣ, выдаетъ его, и злодѣй умираетъ на плахѣ.

Мы видимъ, что среди дѣйствующихъ лицъ сказки не хватаетъ Брабанціо и Родриго. Одно изъ именъ тутъ уже имѣется— Диздемона. Оно, повидимому, должно было означать «преслѣдуемая демономъ»; Шекспиръ сдѣлалъ изъ него болѣе благозвучное имя Дездемоны. Остальныя имена выдуманы Шекспиромъ; большая часть именъ — итальянскія (даже Отелло — имя одного венеціанскаго дворянина XVI вѣка); другія, какъ Яго, Родриго—испанскія.

Съ своей обычной точностью, Шекспиръ такъ же, какъ Чинтіо, называетъ своего героя мавромъ. Невозможно предполагать, чтобы онъ представлялъ его себѣ чернымъ. Было бы неестественно, чтобы негръ достигъ званія капитана и адмирала на службѣ Венеціанской республики. Названіе страны, куда, по словамъ Яго, хочетъ уѣхать Отелло — Мавританія; это ясно доказываетъ, что герой долженъ считаться принадлежащимъ къ арабской расѣ. Не слѣдуетъ придавать значеніе тому, что люди, которые ненавидятъ его и завидуютъ ему, даютъ ему прозвища, напоминающія негра. Такъ, Родриго называетъ его «губанъ», а Яго — «черный старикъ-баранъ». Но немного далѣе Яго сравниваетъ его съ «варварійскимъ жеребцомъ» (т.-е. изъ Сѣверной Африки). Черный цвѣтъ его кожи

всегда подчеркивается недоброжелательствомъ и ненавистью. Брабанціо, напр., говоритъ о его «закоптѣлой груди». Слово *black*, которое употребляетъ Отелло, говоря о себѣ, означаетъ просто смуглый. Въ самой драмѣ Яго прилагаетъ это слово къ некрасивымъ женщинамъ:

If che be *black*, and thereto have a wit,
She'll finda white that shall her blackness fit.
(Коль умна да некрасива, то красавецъ ужъ найдется,
Для котораго по сердцу дурнота ея придется);

въ сонетахъ и въ «Тщетныхъ усиліяхъ любви» слово черный употребляется именно въ этомъ смыслѣ. Цвѣтъ лица Отелло, какъ араба, достаточно смуглъ, чтобы представлять разительный контрастъ съ бѣлокурой и блѣдной Дездемоной, его семитическій типъ рѣзко отличаетъ его отъ дѣвушки арійской расы. Легко представить себѣ, что крещеный арабъ достигъ высокаго поста въ арміи и флотѣ республики.

Слѣдуетъ отмѣтить еще, что вся легенда о венеціанскомъ маврѣ явилась, быть можетъ, плодомъ недоразумѣнія. Редонъ Броунъ (въ 1875 г.) высказалъ предположеніе, что у Чинтіо поводомъ для созданія его героя послужило непонятое имъ собственное имя. Въ исторіи Венеціи встрѣчается знатный патрицій, по имени Христофоръ *Моръ*, въ 1498 г. онъ былъ градоначальникомъ (podestà) Равенны, позднѣе—правителемъ Кипра, въ 1508 г. онъ командовалъ четырнадцатью кораблями и былъ главнокомандующимъ (proveditore) арміи. Когда этотъ человѣкъ, въ 1508 г., возвращался съ Кипра въ Венецію, жена его (третья), принадлежавшая къ фамиліи Барбариго (сходство съ Брабанціо), по дорогѣ умерла и, повидимому, въ ея смерти было что-то таинственное. Въ 1515 г. онъ женился на молоденькой дѣвушкѣ, по имени *Demonio bianco*, откуда, быть можетъ, было образовано имя *Дездемона*, также какъ изъ имени *Моръ* названіе мавръ.

Черты, прибавленныя Шекспиромъ къ содержанію новеллы—похищеніе Дездемоны, поспѣшное и тайное вѣнчанье, столь естественное для того времени обвиненіе, что, для привлеченія сердца дѣвушки, было пущено въ ходъ колдовство, — все это взято изъ исторіи современныхъ Шекспиру итальянскихъ семействъ.

Во всякомъ случаѣ, развивая эту фабулу, Шекспиръ съумѣлъ расположить ея части такъ, какъ это было нужно для плана дѣйствій Яго, и онъ сдѣлалъ Отелло насколько возможно болѣе доступнымъ дѣйствію того яда, который Яго, подобно королю въ пантомимѣ «Гамлета», капля по каплѣ вливаетъ въ его ухо. Шекспиръ позволяетъ намъ слѣдить за развитіемъ страсти шагъ за

шагомъ, отъ перваго ея зарожденія до того момента, когда, развившись, она разбиваетъ сердце Отелло.

III.

У Отелло простая душа, прямой характеръ солдата. У него нѣтъ житейской опытности, такъ какъ всю свою жизнь онъ провелъ въ походахъ. Какъ честный человѣкъ, онъ вѣритъ честности другихъ, особенно тѣхъ, кто, какъ Яго, выказываетъ особенную прямоту и откровенность, и Отелло не только считаетъ Яго честнымъ,—онъ восхищается его умѣньемъ жить.

Кромѣ того, Отелло принадлежитъ къ тѣмъ благороднымъ характерамъ, которые никогда не думаютъ о своихъ достоинствахъ. У него нѣтъ тщеславія. Ему никогда не приходило въ голову, что геройскіе подвиги, доставившіе ему славу, должны производить гораздо болѣе сильное впечатлѣніе на воображеніе молодой женщины со склонностями Дездемоны, чѣмъ красивое лицо и пріятные манеры какого-нибудь Кассіо. Онъ такъ мало проникнутъ сознаніемъ своего величія, что ему представляется вполнѣ естественнымъ, если Дездемона охладѣваетъ къ нему.

Отелло—человѣкъ, по происхожденію изъ презираемой расы, съ пылкимъ, африканскимъ темпераментомъ. По сравненію съ Дездемоной, онъ старъ, сверстникъ ея отца скорѣе, чѣмъ ея самой. Онъ самъ говоритъ, что не обладаетъ ни молодостью, ни красотой, чтобы сохранить ея любовь; онъ не можетъ даже возлагать надеждъ на сродство расъ.

То обстоятельство, что Дездемона могла почувствовать влеченіе къ нему, окружающимъ кажется припадкомъ безумія или дѣйствіемъ колдовства. Дездемона далеко не увлекающаяся и не кокетливая женщина; она, напротивъ, чрезвычайно сдержана и цѣломудренна. Она воспитана, какъ балованное дитя патриціанскаго семейства въ богатой и счастливой Венеціи. Она видѣла вокругъ себя золотую молодежь республики и ни разу не была увлечена ни кѣмъ. Отелло, съ своей стороны, былъ съ перваго взгляда очарованъ Дездемоной. Его плѣняетъ не только тонкая, нѣжная дѣвушка,—онъ видитъ въ ней исключительное существо. Если бы онъ не любилъ ея пламенно и страстно, онъ никогда не женился бы на ней. Дикій и независимый, онъ питаетъ отвращеніе къ женитьбѣ и нисколько не чувствуетъ себя польщеннымъ, вступивъ въ бракъ съ дѣвушкой аристократической семьи. Онъ самъ изъ царскаго рода и самъ разсказываетъ, какъ онъ содрогался при мысли связать себя. Но не грубое, чисто внѣшнее очарованіе овладѣло имъ, какъ подозрѣвали окружающіе, а то нѣжное,

покоряющее душу очарованіе, которое таинственно приковываетъ другъ къ другу мужчину и женщину.

Всѣ восхищаются защитительной рѣчью Отелло въ залѣ Совѣта, когда онъ объясняетъ дожу, какъ онъ возбудилъ интересъ и пріобрѣлъ любовь Дездемоны. Это—мужественная и трогательная рѣчь. Эта защита доказываетъ, что Дездемона была очарована рѣчами Отелло, а не наружностью его, хотя, надо думать, у него была статная фигура. «Въ его лицѣ мнѣ духъ его явился», говоритъ она и отдается ему за то, что онъ много страдалъ и много совершилъ.

Ихъ связь основывается на взаимномъ влеченіи противоположностей. Все противъ нея: различіе расъ, различіе возрастовъ и отсутствіе самоувѣренности у Отелло, проистекающее изъ сознанія своей необычной внѣшности.

Яго объясняетъ Родриго, почему эта связь не можетъ долго длиться; Дездемона полюбила мавра «за его хвастовство и фантастическія росказни». Кто повѣритъ, что любовь можетъ питаться болтовней? Чтобы зажечь огонь въ крови, нужно сходство возрастовъ, характера, красоты, а всего этого не достаетъ мавру. Послѣднему эти соображенія вначалѣ совсѣмъ не приходятъ въ голову, и почему?—потому что Отелло вовсе не ревнивъ.

Это странно звучитъ, но это истинная правда. Отелло не ревнивъ! Тогда можно сказать, что вода не мокра и огонь не горитъ. Но по природѣ Отелло не ревнивъ; ревнивые люди думаютъ не такъ, какъ онъ, и поступаютъ совсѣмъ иначе. У него нѣтъ подозрѣній, онъ довѣрчивъ, легковѣренъ до глупости,—нѣтъ, онъ не настоящій ревнивецъ. Когда Яго начинаетъ нашептывать ему клеветы на Дездемону, онъ, прежде всего, лицемѣрно предостерегаетъ его отъ ревности. Отелло отвѣчаетъ, что онъ предоставляетъ полную свободу своей молодой женѣ, и безъ всякой ревности, даже съ удовольствіемъ узнаетъ, какой успѣхъ она имѣетъ въ обществѣ, на балахъ; онъ кончаетъ такъ:

«И даже то, что у меня такъ мало
Заманчивыхъ достоинствъ, не способно
Въ меня вселить малѣйшую боязнь,
Малѣйшее сомнѣнье: вѣдь имѣла
Она глаза и выбрала меня».

Поэтому, не смотря на исключительныя обстоятельства, онъ не находитъ при обычномъ положеніи вещей поводовъ для безпокойства. Безполезная увѣренность, — нападеніе готовится съ той стороны, съ которой онъ менѣе всего ожидаетъ. Онъ также довѣрчивъ по отношенію къ тому, кого онъ называетъ «добрый Яго», «честный Яго», какъ подозрителенъ впослѣдствіи къ Дез-

демонѣ. Онъ припоминаетъ предсказаніе стараго Брабанціо: «Она отца родного обманула, такъ и тебя, пожалуй, проведетъ». И это проклятіе вызываетъ въ его памяти всѣ подсказанныя Яго основанія для ревности: его раса, его возрастъ и т. п.

Онъ страдаетъ, чувствуя, какъ трудно проникнуть въ душу другого, какъ немыслимо управлять чувствами и желаніями молодой женщины, даже когда по закону она принадлежитъ ему,— и онъ доходитъ до такой невыносимой муки, что никакое снотворное средство,—какъ злорадно восклицаетъ Яго,—не вернетъ ему съ этой минуты спокойнаго сна. Вслѣдъ затѣмъ Отелло грустно прощается со всей своей прошлой жизнью, но отъ грусти онъ вновь переходитъ къ подозрѣніямъ и упрекаетъ себя за эти подозрѣнія:

«Мнѣ кажется—жена моя невинна
И кажется, что не честна она;
Мнѣ кажется, что правъ ты совершенно
И кажется, что ты несправедливъ».

Наконецъ, все это сливается въ одну мысль о мести, въ жажду крови.

Не ревнивый отъ природы, онъ становится ревнивымъ изъ-за низкой, дьявольски разсчитанной клеветы, понять и разрушить которую онъ, по своей наивности, не можетъ.

Въ этихъ главныхъ сценахъ 3-го акта больше заимствованій изъ другихъ поэтовъ, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ пьесахъ Шекспира: заимствованія эти представляютъ нѣкоторый интересъ, такъ какъ указываютъ, что читалъ Шекспиръ во время работы.

Слова Яго:

«Кто у меня похититъ
Мой кошелекъ—похититъ пустяки...
Но имя доброе мое кто крадетъ,
Тотъ крадетъ вещь, которая не можетъ
Обогатить его, но разоряетъ
Меня въ конецъ»,—

заимствованы изъ «Orlando Innamarato» Берни:

«Chi ruba un corno, un cavallo, un anello
E simil cose, ha qualche discrezione,
E potrebbe chiamarsi ladranello,
Ma quel che ruba la riputazione,
E de l'altrui fatiche si fa bello,
Si pou chiamare assassino e ladrane» (Ch. 51, Strophe, I). *)

*) Кто лошадь похититъ, рожокъ иль кольцо,
Все въ родѣ такомъ же,—сравнительно сдержанъ
И скроменъ,—къ лицу ему имя «воришка».
Кто жъ доброе имя чужое похититъ,
Въ чужія заслуги тайкомъ нарядится,
Тотъ долженъ быть названъ—«убійца и воръ»!

Великолѣпное прощанье Отелло съ жизнью воина заключаетъ въ себѣ также заимствованіе. Когда Шекспиръ влагаетъ въ уста мавра слова: «Прощайте, рыцарскія битвы! прощайте войны самолюбія, дѣлающія честолюбіе добродѣтелью! Прощай, мой добрый конь!» и т. д., онъ, вѣроятно, вспоминалъ подобное же восклицаніе, находящееся въ старинной пьесѣ «Веселая комедія», которую Шекспиръ еще безбородымъ юношей долженъ былъ видѣть въ Стратфордѣ.

Тамъ герой восклицаетъ:

«Прощай, мой добрый конь, готовый на битву,
«И вы также прощайте, забавы съ красивымъ соколомъ и собакою!
«Прощайте, всѣ доблестные! Прощайте, храбрые рыцари!
«Прощайте, прекрасныя леди, восхищавшія меня!»

Но всего замѣчательнѣе, что чтеніе итальянскаго Аріосто также оставило свои слѣды. Говоря о платкѣ, Отелло разсказываетъ, что онъ былъ сотканъ изъ нитокъ священныхъ шелковичныхъ червей двухсотлѣтней пророчицей Сибиллой, въ священномъ неистовствѣ. Въ «Неистовомъ Орландѣ» мы находимъ слѣдующія строки:

«Una donzella della terra d Ilia
Ch'avea il *furor profetico* congiunto,
Con studio di gran tempo e con vigilia
La fece di sua mano di tutto punto.» *)

Здѣсь сходство не можетъ быть случайнымъ, очевидно также что Шекспиръ имѣлъ передъ глазами итальянскій подлинникъ, такъ какъ слова *священное неистовство*, встрѣчающіяся и у него, и у Аріосто, пропущены въ англійскомъ переводѣ Гаррингтона, единственномъ, имѣвшемся въ то время. Онъ, повидимому, интересовался Орландо, когда писалъ свою трагедію о Маврѣ, и на столѣ передъ нимъ должны были лежать произведенія Берни и Аріосто.

Подобно Отелло, проявляющему въ этихъ сценахъ чрезвычайную, истинно трагическую наивность, и Дездемона также наивна въ своей невинности. Сначала она увѣрена, что мавръ, дошедшій до состоянія полной невмѣняемости, не можетъ быть охваченъ ревностью. На вопросъ Эмиліи она отвѣчаетъ, «что солнце его страны страсть эту *выжгло* въ немъ». Поэтому, она дѣйствуетъ съ безумной неосторожностью и продолжаетъ мучить Отелло просьбами о возвращеніи Кассіо, хотя хорошо видитъ, что этотъ разговоръ приводитъ его въ ярость.

---

*) То дѣва изъ дальней Илійской страны,
Страдая *безуміемъ пророчества*, долго
Трудилась надъ дивной работой, отъ нитки
До нитки соткавъ ее собственноручно.

Слѣдуютъ еще болѣе ужасныя выдумки Яго: подслушанный, будто бы, бредъ Кассіо; предположеніе о подаренномъ Кассіо рѣдкомъ платкѣ; наконецъ, утвержденіе, что разсказъ Кассіо, объ его связи съ женщиной легкаго поведенія—Біанкой, касается его предполагаемыхъ отношеній съ Дездемоной. Отелло приходитъ въ ярость, слыша, какъ оскорбляютъ его жену, его возлюбленную.

Это такой искусный обманъ, что во всей исторіи мы найдемъ, быть можетъ, только одинъ подобный примѣръ: исторія съ ожерельемъ, когда кардиналъ Роганъ былъ также нагло обманутъ и доведенъ до преступленія, какъ здѣсь Отелло.

Въ концѣ концовъ Отелло доходитъ до такого состоянія, что можетъ думать и говорить только безсвязными восклицаніями: «Онъ? съ ней?.. О, это отвратительно! Платокъ!.. Признался... Платокъ!» и т. д.

Онъ представляетъ себѣ, что они цѣлуютъ другъ друга. Съ нимъ дѣлается нервный припадокъ, и онъ падаетъ, какъ пораженный громомъ.

Это изображеніе не природной ревности, а ревности искусственно вызванной, т. е. довѣрчивости, отравленной клеветою. Первая причина зла—не ревность Отелло, а его довѣрчивость; благородная прямота Дездемоны, съ своей стороны, также способствуетъ развитію трагедіи; однимъ словомъ, все удается такому человѣку, какъ Яго.

Когда Отелло заливается слезами передъ Дездемоной, не подозрѣвающей о причинѣ этихъ слезъ, онъ произноситъ трогательныя слова; онъ говоритъ, что могъ бы перенести все — горе и стыдъ, бѣдность и рабство, но для него невыносимо, что та, которую оно обожалъ, вызываетъ теперь его презрѣнье. Онъ страдаетъ больше всего не отъ ревности. Онъ полонъ глубокой и чистой грусти, оттого, что его кумиръ оскверненъ, и только потомъ онъ предается грубой и дикой ярости при мысли, что кумиръ его предпочелъ ему другого.

Съ тою тонкою граціею, какая свойственна истинной силѣ, Шекспиръ передъ самой ужасной катастрофой помѣстилъ народную пѣсенку Дездемоны про ивушку,—пѣсенку, въ которой дѣвушка горюетъ о томъ, что ея возлюбленный, любя ея, цѣлуетъ другую. Дездемона трогаетъ насъ, когда она умоляетъ своего жестокаго господина пощадить ея жизнь еще хоть на нѣсколько мгновеній, но она становится великой въ минуту смерти, когда умираетъ съ прекрасной ложью на устахъ, единственной за всю ея жизнь—ложью, которой она хочетъ спасти своего убійцу отъ обвиненія въ убійствѣ.

Офелія, Дездемона, Корделія — какое тріо! Онѣ похожи другъ на друга, какъ сестры, онѣ всѣ выражаютъ собой любимый типъ Шекспира въ ту эпоху. Былъ ли у нихъ одинъ и тотъ же оригиналъ? Встрѣчалъ ли Шекспиръ молодую, изящную женщину, окруженную облакомъ грусти, несправедливости, непониманія, которая была бы сама нѣжность и сердечность, но безъ искры ума? Мы можемъ предполагать это, но ничего положительнаго не знаемъ.

Образъ Дездемоны прелестнѣе всѣхъ образовъ, созданныхъ Шекспиромъ. Она—болѣе женщина, чѣмъ другія женщины, какъ Отелло—болѣе мужчина, чѣмъ всѣ остальные. Влеченіе, которое они чувствуютъ другъ къ другу, поэтому вполнѣ понятно: женщину, наиболѣе женственную, привлекаетъ наиболѣе мужественный мужчина.

Второстепенныя лица изображены почти съ тѣмъ же искусствомъ, какъ и основные характеры трагедіи. Особенно прекрасно очерчена Эмилія. Добрая и честная, она не легкомысленна, но все же она истинная дочь Евы, совершенно чуждая невиннаго до наивности ригоризма Дездемоны.

Эта послѣдняя спрашиваетъ ее въ концѣ четвертаго акта, неужели дѣйствительно есть на свѣтѣ женщины, которыя дѣлаютъ то, въ чемъ обвиняетъ ее Отелло? Эмилія отвѣчаетъ утвердительно. Ея госпожа снова спрашиваетъ:

«А ты такъ поступить рѣшилась бы,
Когда бъ тебѣ давали хоть цѣлый міръ?»

И получаетъ шутливый отвѣтъ, что міръ—большая вещь и слишкомъ дорогая цѣна за маленькій проступокъ. «Конечно, я бы не сдѣлала этого изъ-за пустого перстенька, изъ-за нѣсколькихъ аршинъ матеріи, изъ-за платьевъ, юбокъ, чепчиковъ или подобныхъ пустяковъ; но за цѣлый міръ?!.. вѣдь низость считается низостью только въ мірѣ, а если вы этотъ міръ получите за трудъ свой, такъ эта низость очутится въ вашемъ собственномъ мірѣ, и тогда вамъ сейчасъ же можно будетъ уничтожить ее».

Эта нота веселья слышна въ «Отелло» гораздо слабѣе, чѣмъ въ остальныхъ драмахъ Шекспира. Но все же по привычкѣ и согласно театральнымъ обычаямъ того времени, Шекспиръ ввелъ комическій элементъ въ лицѣ «шута», слуги Оттело, но веселость его заглушена, какъ веселость самого Шекспира въ этотъ періодъ его жизни.

Въ построеніи «Оттело» есть много общаго съ «Макбетомъ». Только въ этихъ двухъ трагедіяхъ нѣтъ вставочныхъ эпизодовъ. Дѣйствіе развивается постоянно, не разбрасываясь. Но «Отелло» превосходитъ «Макбета», дошедшаго до насъ, впрочемъ, въ иска-

женномъ спискѣ, по идеальной пропорціональности всѣхъ частей драмы. Здѣсь ростъ трагедіи проведенъ съ изумительнымъ мастерствомъ; страсть разъигрывается поистинѣ музыкально, дьявольскій планъ Яго выполняется постепенно, съ полнѣйшей правильностью, всѣ частности связаны вмѣстѣ, въ одинъ неразрывный узелъ; невниманіе Шекспира къ необходимымъ промежуткамъ между различными частями дѣйствія, только усиливаетъ впечатлѣніе строгаго единства, сближая событія, происходившія годами и мѣсяцами, на протяженіи нѣсколькихъ дней.

Въ концѣ пьесы есть мѣсто, вставленное, повидимому, для какого-нибудь спеціальнаго представленія. Когда узелъ трагедіи разрубленъ и остается только нѣсколько послѣднихъ фразъ Отелло, Лодовико дѣлаетъ нѣкоторыя разъясненія по поводу происшедшаго, на основаніи писемъ, найденныхъ, по его словамъ, въ карманѣ трупа,—разъясненій, совершенно лишнихъ для зрителя. Эти пять, шесть тусклыхъ фразъ должны бы быть вычеркнуты. Онѣ не принадлежатъ перу Шекспира и представляютъ маленькое пятно на его прекрасномъ произведеніи.

А произведеніе это дѣйствительно прекрасно. Я не только нахожу въ немъ нѣкоторыя величайшія свойства Шекспира, но съ трудомъ могу найти въ немъ хоть одинъ недостатокъ. Это единственная трагедія поэта, которая не затрогиваетъ политическихъ событій; это семейная трагедія; но ея превосходство надъ всѣми произведеніями этого рода чувствуется особенно сильно, при сравненіи ея съ драмой Шиллера «Коварство и любовь», которая въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ представляетъ подражаніе «Отелло».

Мы видимъ и тамъ человѣка сильнаго и въ то же время настоящаго ребенка, честнаго, съ пылкимъ характеромъ, довѣрчиваго и искренняго. Мы видимъ и молодую женщину, великодушную и нѣжную, живущую только для того, кого она избрала, и умирающую съ сердцемъ, исполненнымъ заботливой любовью къ своему убійцѣ. Мы видимъ два прекрасныхъ существа, погибающихъ отъ своей наивности, дѣлающей ихъ жертвою злобы.

Итакъ, «Отелло»—великое произведеніе; но все-таки «Отелло»—монографія. Это вещь, которой не достаетъ широты, отличающей обыкновенно драмы Шекспира, изслѣдованіе одной весьма исключительной страсти—роста подозрѣнія у человѣка влюбленнаго и съ африканской кровью въ жилахъ, — словомъ, довольно узкая тема, которая пріобрѣла значеніе только благодаря исполненію.

Ни одна изъ драмъ Шекспира не носитъ настолько «монографическаго» характера. Онъ, конечно, почувствовалъ это и, съ свойственнымъ великому художнику стремленіемъ восполнять одно

произведеніе слѣдующимъ, создалъ трагедію, которая менѣе всѣхъ походитъ на монографію, трагедію, сдѣлавшуюся по истинѣ міровой, трагедію бѣдствій всего человѣчества, изображенныхъ съ величайшимъ искусствомъ и воплощенныхъ въ одномъ могучемъ образѣ.

Онъ перешелъ отъ Отелло къ Лиру.

Изъ «Cosmopolis», **Георга Брандеса.**

Богатство! Знаете-ль, его я не хочу!
Не то, чтобъ презиралъ я суетныя блага,
Не то, чтобъ нищета пришлась мнѣ по плечу,
Какъ цинику его суровая отвага,—
А просто потому, что все же я богатъ,—
Землевладѣлецъ даже, если вы хотите;
Но только роскоши расписанныхъ палатъ,
Пировъ торжественныхъ—вы отъ меня не ждите.
Есть уголокъ земли, и онъ безспорно мой!
Стоятъ надъ нимъ, какъ стражи, липы вѣковыя,
И шепчутъ въ полуснѣ таинственной листвой,
И отгоняютъ прочь страданія земныя.
Когда же мѣсяца холодный, блѣдный лучъ
Освѣтитъ рядъ могилъ, какъ факелъ погребальный,
Онѣ пробудятся, и ропотъ ихъ могучъ,
И мѣсяцу въ отвѣтъ звучитъ ихъ гимнъ печальный.
Не правда-ль, онъ хорошъ, мой уголокъ земли?!
Онъ мой, и принесетъ мнѣ дань свою—забвенье.
Тамъ сердцу близкіе давно уже легли,
И липы шепчутъ имъ про вѣчность и... прощенье.

Вл. Ладыженскій.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Обиліе изящной словесности въ прозѣ и стихахъ.—Разсказы г. Длусскаго.— Произведенія г. Ельца.—Романъ г. Свѣтлова.—Сборникъ разсказовъ г. Зарина.—Его повѣсть изъ еврейскаго быта «Азріэль Лейзеръ».—«Новые люди» г-жи Гиппіусъ.—«Первая ступень къ новой красотѣ».—Поэты.—«Въ безбрежности», сборникъ стихотвореній г. Бальмонта. — «Стихотворенія» г. Минскаго.

Если судить по обилію произведеній изящной словесности, обогатившихъ литературный рынокъ въ началѣ этого года, по массѣ романовъ, разсказовъ, повѣстей и стихотвореній, послѣднихъ въ особенности,—не оскудѣваетъ талантами земля русская. Остается только радоваться, въ надеждѣ, что изъ этого обилія, быть можетъ, возникнетъ и что-либо крупное, выдающееся, смѣлое, сильное, о чемъ такъ давно уже тоскуетъ сердце читателя. А если бы даже эта надежда и не оправдалась,—ничему эти безчисленныя произведенія не мѣшаютъ. Вѣдь, «не все-жъ намъ слезы горькія лить о бѣдствіяхъ существенныхъ, на минуту позабудемся мы въ сказаніи красныхъ вымысловъ».

Есть, конечно, вымыслы и вымыслы, и извѣстная разборчивость необходима, хотя бы ради сбереженія мѣста и времени. Напримѣръ, «Цвѣтокъ олеандра» г. Длусскаго пусть цвѣтетъ на радость автору, огорчать котораго было бы просто грѣшно. Такъ безобиденъ и простъ г. Длусскій и такъ довѣрчиво выпустилъ свою весьма изящную по внѣшности книгу. Чтобы пускать въ свѣтъ, да еще по рублю, такіе плоды ума своего, надо быть очень... наивнымъ. Совершенно иное, напримѣръ, нѣкій г. Елецъ, у котораго рѣшительно во всемъ замѣтенъ «столичный поведенцъ». Заглавіе—прямо «Изъ жизни», ни больше, ни меньше. На обложкѣ портретъ хорошенькой дамы, знаменующій, что и содержаніе преизобилуетъ ими. На другой сторонѣ списокъ твореній почтеннаго автора, обнаруживающихъ въ немъ, судя по заглавіямъ, душу высокую и умъ обширный: «Болѣзнь вѣка», ро-

манъ въ 3-хъ частяхъ; «Отъ Варшавы до Константинополя», съ предисловіемъ члена французской академіи Пьера Лотти—тонкій намекъ на франко-русскую дружбу, о чемъ свидѣтельствуетъ также «Русская эскадра во Франціи въ октябрѣ 1893 года»; а далѣе совсѣмъ по Щедрину—«Исторія лейбъ-шампанскаго полка» и проч.

Столь обширный репертуаръ г-на Ельца внушаетъ намъ вполнѣ понятное опасеніе запутаться въ немъ. Нѣтъ, не намъ, не намъ, а имени своему пусть онъ будетъ обязанъ славою среди читателей.

Минуя г. Свѣтлова, который задумчиво остановился надъ глубокомысленнымъ вопросомъ—«Семья или сцена», посвятивъ ему цѣлый романъ, но такъ и не рѣшивъ его,—перейдемъ къ двумъ авторамъ, заслуживающимъ, безспорно, вниманія. Не помнимъ, чтобы раньше встрѣчались намъ разсказы г. Зарина, и тѣмъ пріятнѣе было познакомиться съ ними теперь, когда въ отдѣльномъ изданіи, собранные вмѣстѣ, они даютъ возможность составить болѣе или менѣе ясное представленіе о литературной физіономіи ихъ автора. А физіономія эта несомнѣнно симпатична. Вдумчивый тонъ разсказовъ, простой и образный языкъ, въ нѣкоторыхъ, какъ увидимъ ниже, глубокое общественнаго значенія содержаніе—все это выдвигаетъ г-на Зарина изъ ряда обычныхъ поставщиковъ матеріала для легкаго чтенія. Авторъ не просто пишетъ, чтобы получить слѣдуемое, а живетъ горестями и радостями своихъ невидныхъ героевъ, раскрывая предъ читателями душевный міръ обиженныхъ и обойденныхъ людей, какъ, напримѣръ, въ разсказѣ «Подворотная идиллія» или «Нашъ грѣхъ». Въ первомъ разсказѣ простая исторія изъ жизни прислуги, той меньшей братіи, которая изъ всѣхъ нашихъ братьевъ едва-ли не больше обездолена жизнью. Подобныя исторіи обычны и такъ примелькались намъ въ жизни, что нужно много дарованія, чтобы заинтересовать ими читателя,—и автору вполнѣ удалось это. Когда на послѣднихъ страницахъ герой разсказа, деньщикъ, отбывшій службу, бѣжитъ изъ города, гдѣ его одолѣлъ развратъ столичной подворотной жизни, а городъ, какъ бы въ догонку, посылаетъ ему послѣдній привѣтъ бывшаго «предмета» героя,—жутко становится читателю. Невольно мысль сама собой вызываетъ тысячи такихъ погибшихъ существованій, у которыхъ «тоже вѣдь *мать* была», какъ выражается одинъ изъ суровыхъ персонажей у Достоевскаго. А если авторъ вызвалъ у читателя это чувство жгучаго стыда и жалости,—цѣль его достигнута и куплено право на существованіе его творенія.

Но авторъ затрогиваетъ и не столь обычныя темы. Разсказъ,

которымъ начинается книжка, «Азріэль Лейзеръ», вводитъ насъ въ сферу, совсѣмъ необычную для русскаго читателя. Эта сфера—бытъ еврейской массы, той націи, о которой нашъ читатель только и слышитъ отъ разныхъ «патріотовъ своего отечества» одни клеветы да глумленія.

Не знаемъ, быть можетъ, мы ошибаемся, но намъ такъ кажется,—ничто не вызоветъ въ русскомъ человѣкѣ будущаго болѣе жгучей краски стыда, какъ воспоминаніе о той дикой травлѣ инородцевъ, которою запятнана исторія русскаго общества послѣдняго десятилѣтія. Эта травля обошла почти всѣ органы печати, широкой волной разлилась по всѣмъ слоямъ общества и дошла до народныхъ глубинъ, до сихъ поръ остававшихся нетронутыми ею.

У Гл. Успенскаго есть прелестный типъ стараго солдата Кудиныча, который изъ своихъ многочисленныхъ скитаній по лицу земли родной вынесъ только самыя лестныя воспоминанія о населяющихъ эту землю «націяхъ».

«— А поляки? Какъ?..

«— Поляки тоже народъ ничего, народъ чистый...

«— Добрый?

«— Поляки народъ, надо сказать, народъ добрый, хорошій... Она, полька, ни-за-что тебя, напр., не допуститъ въ сапогахъ... напримѣръ, заснуть ежели...

«— Не допуститъ?

«— Ни Боже мой!.. ходи чисто! благородно!

«— А черкесы? Ты дрался съ черкесами?

«— Эва! Мы черкеса перебили смѣты нѣту! Довольно намъ черкесъ извѣстенъ, лучше этого народа, надо такъ сказать прямо, не сыщешь» («Больная совѣсть»).

И такъ всѣ «народы»,—одинъ, «надо такъ-сказать прямо», лучше другого, что не мѣшало Кудинычу перебить ихъ «смѣты нѣтъ», но изъ этого столкновенія злобы онъ не вынесъ.

Но если бы тотъ же великій художникъ заглянулъ въ душу Кудиныча теперь,—врядъ ли нашелъ бы онъ тамъ то же незлобіе и ту же кротость. Систематическая травля, неустанное наускиваніе, клеветническіе извѣты и лганье—лганье безъ конца, длящееся не годъ и не два, отражающееся и въ жизни, въ формахъ болѣе или менѣе реальныхъ,—не можетъ пройти безслѣдно. Капля долбитъ камень не силой, а частотою паденія, а душа народа—не камень. Вѣдь читаетъ же кто-нибудь всѣ эти ламентаціи объ утѣсненіи Кудиныча то «полякомъ», то «черкесомъ», то финномъ, то евреемъ. Спросъ вызывается предложеніемъ, но и самъ вызываетъ его, а если

изъ года въ годъ, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, изъ недѣли въ недѣлю преподносятъ Кудинычу и оптомъ, и въ розницу доносы на всѣ національности, его окружающія, травятъ его ими и натравливаютъ его на нихъ,—не можетъ онъ при всемъ незлобіи не почувствовать извѣстной горечи за свои мнимыя и дѣйствительныя обиды. И горекъ будетъ плодъ, который выростетъ изъ этого сѣмени.

Какъ это ни печально, но лучшая часть литературы мало, почти совсѣмъ не давала отпора дикому шовинизму. Въ беллетристикѣ, именно той литературной формѣ, которая сильнѣе всего способна воздѣйствовать на душу читателя, мы почти не встрѣчаемъ такого отпора. Если припомнить беллетристическія произведенія послѣдняго времени, то кромѣ чуднаго разсказа г. Вл. Короленко «Іомъ-кипуръ» да разсказа Наумова (уже умершаго) «Въ глухомъ городкѣ», кажется, ничего и не найдется больше, посвященнаго изображенію гонимыхъ, или, по терминологіи патріотовъ — торжествующихъ насчетъ русскаго народа національностей.

Разсказъ г. Зарина принадлежитъ къ тому же роду, что и упомянутые разсказы гг. Короленко и Наумова. Конечно, онъ не блещетъ яркостью красокъ и богатствомъ образовъ, отличающихъ произведенія перваго изъ этихъ художниковъ. Тѣмъ не менѣе, задуманъ онъ хорошо и въ общемъ выполненъ такъ же Это исторія еврейскаго юноши, стремящагося выбиться изъ тьмы, въ которую погружена еврейская масса, жаждущаго «учиться, чтобы знать, какъ живутъ другіе люди, какъ надо жить самому». Въ бѣдномъ глухомъ городишкѣ польскаго края, съ населеніемъ почти сплошь еврейскимъ, «знающимъ только еврейскій языкъ, вѣрящимъ въ непогрѣшимость Талмуда, слушающимъ только своего раввина и управляемымъ кагаломъ», въ семьѣ бѣднаго ремесленника растетъ сынишка Азріэль, надежда и гордость отца, мечтающаго видѣть своего сына великимъ ученымъ, раввиномъ, можетъ быть, даже цадикомъ (такъ называются мѣстные святые мужи у евреевъ). О, эти мечты весьма реальнаго содержанія! Потому что,—какъ это ни странно для русскаго читателя, — въ душѣ практическаго племени, націи гешефтмахеровъ, обиралъ и эксплуататоровъ, таится почти священное уваженіе къ людямъ науки, рыцарямъ духа, тѣмъ избранникамъ божіимъ, которые, «треволненія мірскаго далекіе», погружены въ изученіе мудрости и откровеній. Каждый въ этомъ народѣ «свято чтитъ высокоумныя наставленія своихъ раввиновъ, добродѣтельныхъ хуседовъ (праведниковъ) и въ тайникѣ души своей желаетъ только сдѣлать одного изъ

сыновей своихъ ученымъ талмудистомъ. Тогда ихъ счастье обезпечено. Ученый талмудистъ всегда найдетъ богатаго тестя, современемъ сдѣлается раввиномъ; съ ученымъ талмудистомъ неразлучны довольство и почести». Типъ такого ученаго знакомъ нашей читающей публикѣ въ чудномъ изображеніи «Самсона Сильнаго» г-жи Ожешковой.

Маленькій Азріэль—будущій Самсонъ Сильный. Это необыкновенный ребенокъ, весь погруженный въ изученіе хитрыхъ и высокомудрыхъ толкованій Талмуда. И учителя, и отецъ не налюбуются имъ, когда на любой, внезапно заданный вопросъ у него готовъ немедленный отвѣтъ. «Почему надо обрѣзать ногти въ пятницу?» Азріэль весь вспыхиваетъ и такъ и чешетъ: «Реби Шимонъ-бенъ-Локишъ говоритъ: ногти надо обрѣзывать въ пятницу, потому что они обыкновенно отростаютъ на третій день, и если бы обрѣзать ногти въ четвергъ, то они начали бы рости въ субботу, значитъ, не имѣли бы отдыха». Много премудрости поглотилъ уже Азріэль, и близка къ осуществленію мечта его отца—видѣть сына великимъ раввиномъ. Но недремлющій бѣсъ суемудрія и познанія, «сей прелестникъ рода человѣческаго», заглядываетъ въ дѣвственную душу будущаго свѣтила Талмуда и вноситъ туда разладъ и сомнѣніе. Подъ вліяніемъ товарища, знающаго русскій языкъ, читавшаго не только священныя толкованія и видѣвшаго не только глухую нору, гдѣ учится Азріэль, послѣдній проникается желаніемъ и самому заглянуть въ этотъ міръ, столь чуждый ему и далекій, и вырывается изъ семьи, изъ школы, изъ Талмуда. «И въ этомъ заключается катастрофа», жертвой которой падаетъ бѣдный жиденокъ, не выдержавъ бремени, требовавшаго болѣе крѣпкихъ плечъ и болѣе стойкаго сердца.

Какъ могутъ судить читатели, разсказъ написанъ подъ сильнымъ вліяніемъ г-жи Ожешковой. Въ сущности, это исторія Мейера Іозефовича, хотя съ инымъ концомъ. Мейеръ уходитъ разбитый, но не побѣжденный, нашъ герой кончаетъ самоубійствомъ, подавленный роковой неудачей (потерей паспорта, безъ котораго его не принимаютъ въ гимназію). Но это не лишаетъ разсказа ни достоинствъ, ни значенія. Авторъ вездѣ съумѣлъ выдержать естественный, простой тонъ, который только отчасти нарушается мелодраматическимъ концомъ. А значеніе разсказа заключается въ человѣчномъ отношеніи автора къ своей темѣ, въ умѣньи показать читателю уголокъ темной, безотрадной жизни, уголокъ, какихъ много за такъ называемой «чертой осѣдлости», гдѣ гонимое племя, скученное на небольшомъ пространствѣ, ведетъ жестокую борьбу за существованіе, полное лишеній, нужды и горя,

но не лишенное порывовъ туда, «надъ звѣзды, въ области вѣчнаго безмолвія», гдѣ, какъ мы вѣримъ, «царство вѣчной юности и вѣчной красоты».

Не той, конечно, красоты, первою ступенью къ которой г-жа Гиппіусъ считаетъ сборникъ своихъ разсказовъ «Новые люди». Да, такъ, именно этими словами и выражается она, посвящая свою книжку г-ну Волынскому. «Разными путями,—пишетъ она въ посвященіи,—можно идти къ цѣли. Ваша дорога отлична отъ моей, оружіе которымъ вы боретесь—иное, но мы идемъ въ одну сторону, ведемъ одну войну. И вы, и я окружены врагами: тѣмъ отраднѣе встрѣтиться друзьямъ. Духъ того, что вы пишете, близокъ мнѣ, и я дарю вамъ эту книгу—*первую ступень къ новой красотѣ*, которая дорога намъ обоимъ».

Сильно выражается г-жа Гиппіусъ, но будемъ снисходительны и, не взирая на внѣшность, заглянемъ «въ корень», по совѣту «стараго человѣка» Кузьмы Пруткова. Не все же врутъ старые люди. На первой страницѣ читаемъ первыя строчки: «Зачѣмъ она такъ сдѣлала, что я не умѣю жить безъ нея? Это она сдѣлала, я не виноватъ...» Доходимъ до послѣдней страницы и читаемъ послѣднія строчки: «Онъ наклонилъ голову и поцѣловалъ ее. Она съ радостью отвѣтила ему—и Андрей опять невольно подумалъ, какія у нея мягкія, пріятныя губы и какая она вся милая».

Однако, готовъ подумать «старый человѣкъ», у «новыхъ людей» совсѣмъ какъ и у насъ грѣшныхъ. Вѣдь, и намъ «она» порядочно-таки надѣлала всякихъ бѣдъ, такъ что и безъ нея жить не можешь, и съ нею — тоже, какъ выражается «старый» поэтъ,

Nec sine te, nec tecum vivere possum. *)

Точно также и «старые люди», подобно «новому» Андрею, цѣловали «ее», находя ее «*всю* милой»,—«und das war die eigentliche Katastrophe», какъ говоритъ другой, тоже «старый» поэтъ. И если бы совѣты старыхъ людей могли имѣть значеніе, они, умудренные опытомъ, посовѣтовали бы новымъ людямъ — не увлекаться въ подобныхъ случаяхъ. Ибо и въ любви немножко критики никогда не мѣшаетъ. Къ сожалѣнію, они заранѣе знаютъ, что всѣ совѣты безсильны, когда приходитъ «она» и кладетъ свою властную руку на склоненную голову «его». И новымъ людямъ придется много пережить, и много выстрадать, прежде чѣмъ поймутъ они, что «тѣ слова и слезы были ложь», какъ говоритъ третій, не такъ чтобы ужъ очень молодой поэтъ.

---

*) Ни безъ тебя, ни съ тобою я жить не могу.

Но если не въ любви, то въ своей литературной дѣятельности немножко критики—насущная необходимость. Г-жа Гиппіусъ совсѣмъ «новый человѣкъ», судя по ея ооткровенной самовлюбленности, но при чемъ же тутъ «новая красота», и гдѣ она въ этихъ разсказахъ.—«Подъ яблонею», «Богиня», «Миссъ Май», въ которыхъ все та же вѣчная канитель любовныхъ терзаній?

Пусть судятъ читатели.

Въ «Богинѣ» повѣствуется о нѣкоемъ студентѣ Пустоплюнди (фамилія, должно, быть, ради вящей красоты такая), какъ онъ увлекается нѣкоей барышней Попочкой. Все пока въ порядкѣ вещей, и тотъ не студентъ, кто не увлекается, по крайней мѣрѣ, одной барышней. Дальше описывается пикникъ, все идетъ, какъ слѣдуетъ,—барышня кокетничаетъ, студентъ млѣетъ, читатель зѣваетъ. И вдругъ все это благополучіе нарушается слѣдующей неожиданной катастрофой. На обратномъ пути пришлось переходить рѣчку по жердочкамъ. Пустоплюнди, какъ галантный кавалеръ, хотя и новый человѣкъ, предлагаетъ барышнѣ руку, ведетъ ее по жердочкамъ, какъ вдругъ:

«Ея каблучекъ скользнулъ по тонкой корѣ круглаго ствола, она хотѣла удержаться и не могла, Пустоплюнди выпустилъ ея руку—и тѣло ея грузно упало въ воду, а кверху полетѣлъ цѣлый столбъ брызгъ.

Одно мгновеніе прошло съ тѣхъ поръ, какъ Попочка скрылась подъ водой. Пустоплюнди это мгновеніе простоялъ на мосту, потомъ также стремительно бросился внизъ (*браво, молодой человѣкъ!*) и, погрузившись на секунду, поплылъ, причемъ отфыркивался, билъ ногами, обутыми въ сапоги (*что за художественная точность!*), плашмя по водѣ и держалъ руки «граблями» (*кавычки автора*), съ раздвинутыми пальцами, какъ всѣ люди, скверно плавающіе (*почему—скверно? Не вѣрнѣе ли, не умѣющіе плавать?*). Въ зубахъ онъ тянулъ платье Попочки, но это было совершенно безполезно, потому что Попочка не плыла, а шла по дну рядомъ, и вода едва доходила ей до пояса. Наконецъ, и Пустоплюнди сообразилъ, что онъ плыветъ напрасно, сталъ на ноги и пошелъ пѣшкомъ (*подробность весьма необходимая, чтобы иной читатель изъ «новыхъ людей» не подумалъ, что герой въ этотъ моментъ ѣхалъ въ каретѣ*). Вода на самой серединѣ не была глубже полутора аршина: Попочка скрылась подъ водой, вѣроятно, потому, что не успѣла стать на ноги (*не только вѣроятно, но даже несомнѣнно*),

Все это случилось скорѣе и стремительнѣе, чѣмъ кто-либо успѣлъ произнести слово. Когда Попочка вышла на берегъ—всѣ бросились къ ней. Но Попочки больше не было. Мокрый Пустоплюнди широкими отъ ужаса глазами глядѣлъ на нее, на себя и припоминалъ все случившееся. Онъ ясно помнилъ, какъ она тяжело упала, какъ онъ бросился и какъ глупо плылъ, ударая сапогами воду плашмя. И эти сапоги были ему смѣшны и противны, и противно илистое дно, гдѣ онъ сразу схватилъ Попочку за лицо, а потомъ за платье, противна эта мокрая рыдающая барышня, всхлипывающая, какъ въ истерикѣ. Бѣлаго платья, похожаго на паръ, больше не было: въ грязи, въ тинѣ, въ илѣ, намокшее, повисшее, облипшее—оно было страшно. Волосы Попочки упали; тонкая коса, выше пояса, почернѣла и заострилась на кончикѣ, и съ кончика тихо капала вода».

Получивъ холодную ванну, герой очувствовался—и дѣлу конецъ.

Гдѣ здѣсь красота, да еще новая? Къ чему разсказана вся эта смѣхотворная исторія, годная развѣ въ газетный фельетонъ?

Среди разсказовъ г-жи Гиппіусъ не все однѣ потуги на оригинальность, а есть кое-что дѣйствительно интересное и не безъ таланта написанное. Таковы ея разсказы—«Простая жизнь», напечатанный въ свое время въ «Вѣстн. Европы», «Ближе къ природѣ, «Смиреніе». Въ нихъ нѣтъ ничего новаго въ томъ смыслѣ, какъ употребляетъ это слово г-жа Гиппіусъ. Это простые разсказы о простыхъ людяхъ, написанные безъ претензій, тепло и живо, обнаруживающіе въ авторѣ несомнѣнную наблюдательность и умѣнье проникать въ душу людей. Каждый вызываетъ въ читателѣ извѣстное настроеніе, не нарушаемое съ начала и до конца никакимъ неудачнымъ кувырканьемъ героевъ и героинь, во вкусѣ новѣйшей декадентской техники.

То же самое можно сказать и о стихотвореніяхъ г-жи Гиппіусъ, между которыми есть два-три недурныхъ, выдержанныхъ по формѣ и содержанію. Такова баллада въ романтическомъ стилѣ «Гризельда», которую позволимъ собѣ привести цѣликомъ, чтобы дать понятіе читателямъ о талантѣ г-жи Гиппіусъ, никогда не измѣняющемъ ей,когда она остается вѣрной завѣтамъ «старой красоты»: быть правдивой, не манерничать и не жеманиться.

Гризельда

Надъ озеромъ, высоко,
Гдѣ узкое окно,
Гризельды свѣтлоокой
Стучитъ веретено.

Въ покоѣ отдаленномъ
И въ замкѣ—тишина.
Лишь въ озерѣ зеленомъ
Колышется волна.

Гризельда не устанетъ,
Свивая блѣдный ленъ,
Не выдастъ, не обманетъ
Вѣрнѣйшая изъ женъ.

Неслыханныя бѣды
Она перенесла:
Искалъ надъ ней побѣды
Самъ Повелитель Зла.

Любовною отравой
И дерзостной игрой,
Манилъ ее онъ славой,
Весельемъ, красотой...

Ей были искушенья
Таинственныхъ утѣхъ,
Всѣ радости забвенья,
И все, чѣмъ сладокъ грѣхъ.

Но сатана смирился,
Гризельдой побѣжденъ,
И врагъ людской склонился
Предъ лучшею изъ женъ.

Чье нынѣ злое око
Нарушитъ тишину,
Хоть рыцарь и далеко
Уѣхалъ на войну?

Рядъ мирныхъ утѣшеній
Гризельдѣ предстоитъ:
Обнявъ ея колѣни
Кудрявый мальчикъ спитъ.

И въ сводчатомъ покоѣ
Святая тишина:
Ихъ двое, только двое—
Ребенокъ и она.

У ней льняныя косы
И бархатный уборъ.
За озеромъ утесы
И цѣпи вольныхъ горъ.

Гризельда смотритъ въ воду,
Нежданно смущена,
И мнится, про свободу
Лепечетъ ей волна.

Про волю, дерзновенье,
И поцѣлуй, и смѣхъ...
Лепечетъ, что смиренье
Есть величайшій грѣхъ.

Прошли былыя бѣды,
О вѣрная жена!
Но радостью-ль побѣды
Душа твоя полна?

Все тише ропотъ прялки,
Не вьется блѣдный ленъ...
О міръ обмана жалкій,
О добродѣтель женъ!

Гризельда побѣдила.
Душа ея свѣтла...
А все-жъ какая сила
У духа лжи и зла!

Увы! Твой мужъ далеко
И помнитъ ли жену?
Окно твое высоко,
Душа твоя въ плѣну.

И снова сердце жаждетъ
Таинственныхъ утѣхъ...
Зачѣмъ оно такъ страждетъ,
Зачѣмъ такъ силенъ грѣхъ?

О, мудрый соблазнитель,
Злой духъ, ужели ты—
Непонятый учитель
Великой красоты?

Досадно за г-жу Гиппіусъ и жалко становится, когда на ряду съ такими граціозными вещицами начинается декадентское оригинальничаніе, безсильные порывы къ какой-то «новой красотѣ», въ которой и самъ авторъ, видимо, не даетъ себѣ отчета. Можно сказать, не опасаясь впасть въ грубую ошибку, что въ маленькой книжечкѣ г-жи Гиппіусъ съ большими претензіями все, что ново,—плоско, даже пошло и неостроумно, а все дѣйствительно достойное вниманія—не ново. Талантомъ г-жа Гиппіусъ обладаетъ, но талантъ этотъ маленькій, почти крошечный, и тѣмъ болѣе осторожнаго обращенія требуетъ, выдавая автора головой, лишь только г-жа Гиппіусъ начинаетъ заводить на всѣ лады, весьма негармоничные, «мнѣ нужно то, чего нѣтъ на свѣтѣ, чего нѣтъ на свѣтѣ!» («Пѣсня»).

Тогда г-жа Гиппіусъ теряетъ всякую оригинальность, уподобляясь декодентской вереницѣ «поэтовъ», опять осчастливившихъ міръ твореніями, въ которыхъ каждый не знаетъ, какъ блеснуть очаровательнѣе, чѣмъ превзойти другого, а всѣ вмѣстѣ наводятъ убійственную скуку. На Парнасѣ можно говорить, что угодно и какъ угодно, лишь бы было интересно, живо, увлекательно. Но разъ изъ этихъ разговоровъ ничего, кромѣ скуки, не получается, этимъ подписанъ смертный приговоръ для говоруновъ, кто бы они ни были, декаденты ли, жрецы ли чистаго искусства или проповѣдники гражданскихъ чувствъ. Фебъ—веселый, вѣчно юный богъ, и, проводя все время въ обществѣ плѣнительныхъ музъ, не терпитъ уродства, а скука есть проявленіе душевнаго уродства. Человѣкъ, здоровый и нормальный, никогда не скучаетъ. Ему не-

когда, жизнь такъ богата, такъ искрится и сверкаетъ, непрестанно мѣняя цвѣта, гдѣ же тутъ скучать? Можно страдать, мучиться, тосковать то отъ любви, то отъ ненависти, но скучаютъ только живые мертвецы и... декаденты.

Изъ ихъ унылой толпы выдѣляется одинъ только г. Бальмонтъ, который выпустилъ новый томикъ своихъ стихотвореній, насколько помнится, уже второй, и первый, вышедшій года три тому назадъ, намъ больше нравится. Онъ меньше по объему, но содержательнѣе, пьесы подоброны въ немъ тщательнѣе, каждая вещь выдается то оригинальностью формы, то содержаніемъ. Нельзя сказать того же про новый сборникъ, озаглавленный «Въ безбрежности». Вычурность заглавія, къ сожалѣнію, отвѣчаетъ вычурности большинства стихотвореній, которыя, за немногими исключеніями, неудовлетворительны. Нѣтъ прежней, свойственной стиху г. Бальмонта звучности, образности и настроенія. Въ большинствѣ звучитъ какая-то болѣзненная нотка, слышится надорванность, чувствуется ослабленіе художественной чуткости. Напрасно также г. Бальмонтъ помѣстилъ стихотворенія въ прозѣ, которыя мало удаются ему. Вотъ, напр., начало одного «Прощальный взглядъ».

«Когда юность уходитъ отъ насъ, она рѣдко оглядывается, и если оглядывается, мы видимъ, что все лицо у нея заплакано.

Кто скажетъ, почему? Вы думаете, быть можетъ, что ей жалко покидать насъ, жалко видѣть, что у вчерашняго юноши, еще недавно смѣявшагося такъ безаботно, засеребрилась сѣдина?

Быть можетъ... Но я думаю другое... Мнѣ кажется, что ей жалко не насъ, а себя: она могла бы уйти отъ насъ богатой, а уходитъ всегда нищей. И какъ горько тому, кто встрѣтитъ ея прощальный взглядъ,—какая въ этомъ взорѣ мука, какой безмолвный упрекъ!

Никто не избѣгнетъ ея прощальнаго взгляда. Для каждаго наступаетъ своя очередь. И сегодня была очередь за мной. О, я никогда не забуду этого дня!»

Гдѣ здѣсь поэзія? Гдѣ образы, настроеніе, чувство? Это — глубокомысленныя разсужденія на тему о суетѣ мірской. или что угодно, только не стихотвореніе въ прозѣ.

Но не всѣ вещи новаго сборника такъ неудачны, и было бы болѣе, чѣмъ невѣрно, отмѣтить только ихъ. Вотъ, напр., безупречное по выдержанности стихотвореніе, со всѣми особенностями г. Бальмонта, какъ поэта.

Первая любовь.

Въ царствѣ свѣта, въ царствѣ тѣни, бурныхъ сновъ и тихой лѣни,
Въ царствѣ счастія земного и небесной красоты,
Я всѣмъ сердцемъ отдавался чарамъ тайныхъ откровеній,
Я рвался душой въ предѣлы недоступной высоты,

Для меня блистало солнце въ дни весеннихъ упоеній,
Пѣли птицы, навѣвая лучезарныя мечты,
И акаціи густыя и душистыя сирени
Надо мною наклоняли бѣлоснѣжные цвѣты.

Точно сказочныя змѣи, безконечныя аллеи
Извивались и сплетались въ этой ласковой странѣ,
Эльфы свѣтлые скликались и толпой скользили феи,
И водили хороводы при сверкающей лунѣ,
И съ улыбкою богини, съ нѣжнымъ профилемъ камеи,
Чья-то тѣнь ко мнѣ безшумно наклонялась въ полуснѣ,
И зардѣвшіяся розы и стыдливыя лилеи
Нашу страсть благословляли въ полуночной тишинѣ.

Г. Бальмонту лучше всего удаются неопредѣленные затуманенные образы, полные чарующей тоски и сладостной печали.

То, что принято называть общественными мотивами, не свойственно душѣ г. Бальмонта, но когда настроеніе, хотя бы возникшее на почвѣ нѣсколько иной, чѣмъ жизнь общественная, сближаетъ его съ чувствомъ любви къ родинѣ, тогда и у него можетъ вылиться прекрасная строфа, какъ показываетъ слѣдующее стихотвореніе, красивое и прочувствованное:

Изъ-подъ сѣвернаго неба я ушелъ на свѣтлый Югъ,
Гдѣ звучнѣе поцѣлуи, гдѣ пышнѣй цвѣтущій лугъ.
Я хотѣлъ забыть о смерти, я хотѣлъ убить печаль,
И умчался беззаботно въ неизвѣданную даль.
Отчего же здѣсь на Югѣ мнѣ мерещится мятель,
Снятся снѣжные сугробы, тусклый мѣсяцъ, сосны, ель?
Отчего же здѣсь на Югѣ, гдѣ широкъ мечты полетъ,
Мнѣ такъ хочется увидѣть воды, убранныя въ ледъ?
Ахъ, не понялъ я, не понялъ, что съ тоскливою душой
Не должны мы въ даль стремиться, въ край волшебный и чужой!
Ахъ, не понялъ я, не понялъ, что родимая печаль
Лучше, выше и волшебнѣй, чѣмъ чужбины ширь и даль!
Полнымъ слезъ, туманнымъ взоромъ я вокругъ себя гляжу,
Съ обольстительнаго Юга вновь на Сѣверъ ухожу.
И какъ узникъ, полюбившій долголѣтній мракъ тюрьмы,
Я отъ солнца удаляюсь, возвращаясь въ царство тьмы.

Какъ поэтъ, г. Бальмонтъ—истинное дитя нашихъ дней, туманныхъ и сырыхъ, гдѣ безъ расцвѣта отцвѣтаютъ мечты, ничего не оставляя послѣ себя, кромѣ душевной усталости. До болѣзненности натянутые нервы не выносятъ ничего рѣзкаго, сильнаго, за то способны воспринимать едва уловимые нюансы «несуществующихъ чувствъ». Отсюда этотъ минорный тонъ его поэзіи, проникнутой тихой скорбью, никогда не переходящей въ крикъ отчаянія, вопль страсти и гнѣва. «Я жилъ еще немного, но слишкомъ долго жилъ», жалуется его больной.

Ужасно правды ждать и видѣть заблужденье,
И пылъ своей души безцѣльно расточать,
Жить въ неизвѣстности мучительной и странной,
И вѣчно раздражать себя мечтой обманной,
Чтобъ тотчасъ же ее съ насмѣшкой развѣнчать.

«Уснуть, на вѣкъ уснуть!»—вотъ все, къ чему приходитъ его «Больной» — и невольно напрашивается сравненіе съ другимъ «Больнымъ» другого поэта.

Это одно изъ лучшихъ стихотвореній г-на Минскаго, вдохновленное трагической судьбой императора Фридриха, процарствовавшаго три мѣсяца, не успѣвъ осуществить ни одной благородной мечты, выношенной имъ въ душѣ въ долгіе часы молчаливыхъ страданій. Предъ нами больной, наканунѣ смерти, но онъ не жалуется на безплодную жизнь, на преждевременную усталость, на недостатокъ интереса къ жизни. Въ одинокихъ думахъ, вдали отъ блеска и суеты жизни, многое представляется ему теперь въ иномъ видѣ, вызывая горькое сожалѣніе, что слабѣющія силы не даютъ надежды исправить ошибку прежней дѣятельности. Онъ страстно жаждетъ продлить жизнь хотя на мигъ —

и предъ лицомъ природы
Онъ повторяетъ вслухъ души свой обѣтъ:
Ничѣмъ не жертвовать для славы безразсудной,
Съ любовью направлять державныя бразды,
И никогда въ нашъ міръ, и такъ отрадой скудный,
Не призывать страданій и вражды.

Это—смерть борца, надъ головой котораго и въ часъ смерти витаютъ образы жизни, а въ сердцѣ звучитъ угасающій призывъ къ борьбѣ.

И эта нота громче другихъ звучитъ въ стихотвореніяхъ г. Минскаго, третьимъ изданіемъ вышедшихъ въ этомъ году *). Непонятно, поэтому, зачѣмъ авторъ снабдилъ ихъ туманнымъ и неяснымъ «посвященіемъ», вовсе не отвѣчающимъ содержанію, которое, въ огромномъ большинствѣ его стихотвореній, по крайней мѣрѣ, во всѣхъ лучшихъ изъ нихъ, вполнѣ ясно, не можетъ вызвать никакихъ двусмысленныхъ толкованій. Тогда какъ «Посвященіе» весьма странно, какъ могутъ судить читатели:

Я цѣпи старыя свергаю,
Молитвы новыя пою.
Тебѣ, далекой, гимнъ слагаю,
Тебя, свободную, пою,

*) Н. М. Минскій. Стихотворенія. Изданіе третье. Спб. 1896 г. Ц. 2 р.

Ты страсть отъ сердца отрѣшила,
Твой блѣдный взоръ надежду сжегъ.
Ты жизнь мою опустошила,
Чтобъ я постичь свободу могъ.

Но впавшей въ океанъ бездонный
Возврата нѣтъ волнѣ ручья.
Въ твоихъ цѣпяхъ освобожденный.
Я—вѣчно твой, а ты—ничья.

Но, повторяемъ, не надо судить по этому «Посвященію» о содержаніи всей книги. «Посвященіе» — просто маленькое антраша въ декадентскомъ вкусѣ, что въ возрастѣ г. Минскаго немножко рискованно, и во всякомъ случаѣ «и не къ лицу, и не пристало».

«Съ отрадой, многимъ незнакомой», но вполнѣ понятной для любителей невымученной поэзіи, далекой «неуловимыхъ нюансовъ неощутимыхъ ощущеній», читаете вы стихотворенія г. Минскаго,— и его «гражданскіе мотивы», и «элегіи», и «сонеты». Когда отъ декадентской поэзіи переходишь къ такимъ стихамъ, испытываешь ощущеніе свѣжей, холодной, рѣжущей струи чистаго воздуха, ворвавшагося въ душную атмосферу больничной палаты.

Не тревожься, недремлющій другъ,
Если стало темнѣе вокругъ,
Если гаснетъ звѣзда за звѣздою,
Если скрылась луна въ облакахъ,
И клубятся туманы въ лугахъ:
Это стало темнѣй—предъ зарею...

Не пугайся, неопытный братъ,
Что изъ норъ своихъ гады спѣшатъ
Завладѣть беззащитной землею,
Что бѣгутъ пауки, что, шипя,
На болотѣ проснулась змѣя:
Это гады бѣгутъ—предъ зарею.

Не грусти, что во мракѣ ночномъ
Люди мертвымъ покоятся сномъ,
Что въ безмолвіи слышны порою
Только глупый напѣвъ пѣтуховъ
Или злое ворчаніе псовъ:
Это сонъ, это лай—предъ зарею...

Вотъ настоящій голосъ г. Минскаго, его стихъ, его манера, и всегда, когда онъ остается вѣренъ себѣ, онъ производитъ впечатлѣніе. Его стихъ нѣсколько холоденъ, иногда отдаетъ реторикой, но это холодъ шпаги, блестя и сверкая разсѣкающей воздухъ. Его образы всегда ясны, безъ того дымчатаго покрывала, которымъ старательно закутываютъ ихъ новѣйшіе творцы, словно боясь нарушить очарованіе слишкомъ рѣзкой наготой своихъ

созданій. Напрасно, красота не боится наготы, лишь безобразіе кутается въ покрывало. А впрочемъ, быть можетъ, и не безцѣльно они такъ поступаютъ, ибо это—«новая красота», которая при ближайшемъ разсмотрѣніи можетъ оказаться совсѣмъ особенной. Намековъ на это разсѣяно въ произведеніяхъ ея поклонниковъ достаточно...

Не такъ поступаетъ пѣвецъ «старой» красоты.

Къ ласкамъ свиданія
Друга зовешь ли, страстнѣе зови!
Пой! Не стыдися признанія.
Нѣтъ ничего благодатнѣй любви.
Сила любви всѣмъ, что движется, правитъ.
Счастливъ, кто въ пѣснѣ любовь свою славитъ.

Если же счастія
Грезу мгновенную жребій унесъ,—
Плачь! Не стыдися участія.
Нѣтъ ничего благотворнѣе слезъ.
Черная скорбь все живущее гложетъ.
Счастливъ, кто скорбь свою выплакать можетъ.

Міра безбрежнаго,
Вѣчности темной не бойся, пѣвецъ.
Міръ безъ восторга мятежнаго,
Міръ безъ страданій—огромный мертвецъ.
Вѣчность мертва безъ живого мгновенья,
Жизнь холодна безъ огня вдохновенья.

Видишь: печальнѣе
Мѣсяцъ склонился челомъ золотымъ,
Небо разверзлося дальнее.
Полночь прислушалась къ стонамъ твоимъ.
Слушаетъ ночь,—и, эфиръ обжигая,
Грустныя звѣзды катятся, сверкая.

Въ истинной поэзіи есть чарующая свѣжесть, какъ въ воздухѣ ясной морозной ночи, будетъ ли мотивомъ ея гражданская скорбь, или порывы личнаго чувства, или созерцаніе чистой красоты. И г. Минскій всегда является истиннымъ поэтомъ, когда отдается во власть искренняго чувства. Также хороши и его элегіи, которыя могутъ служить образцами чистой лирики. Въ особенности хороша первая, на мотивъ изъ Мюссэ:

Adieu! Ta blanche main sur le clavier d'ivoire,
Durant les nuits d'été, ne voltigera plus *).

Позволимъ себѣ привести начало ея, въ надеждѣ, что читатели не посѣтуютъ за длинную выдержку.

*) Прости! Твоя бѣлая рука, въ теченіе лѣтнихъ ночей, не будетъ больше пробѣгать слегка по клавишамъ изъ слоновой кости.

Напѣвъ любви, ея напѣвъ любимый,
Въ моей душѣ проснулся и звучитъ.
Прогнать его нѣтъ силъ. То замолчитъ,
То, какъ нагорный ключъ неудержимый,
Опять польетъ бессонную струю
И шепчетъ средь безмолвія ночного,—
Нагорный ключъ, ниспавшій въ грудь мою
Съ вершинъ замерзшихъ счастія былого.

Какъ много мнѣ напомнили они—
Созвучія любви и сладкой муки:
Нашъ мирный уголокъ, рояль въ тѣни,
По клавишамъ порхающія руки,
Вечерній часъ, досугъ, любовь, покой...
И всякій разъ, когда напѣвъ любимый
Изъ-подъ любимыхъ рукъ лился волной,
Мнѣ грудь сжималъ восторгъ невыразимый.

И звуки претворялися въ мечты,
Неясныя, какъ шопотъ въ часъ полночный.
Мнѣ снились волны, горы и цвѣты.
Я снился самъ себѣ, но безпорочный,
Рожденный жить и умереть, любя.
Такъ ива, наклонясь къ рѣкѣ зеркальной,
Въ ней видитъ небо, звѣзды и себя,
Но болѣе прекрасной и печальной.

И часто, чуть въ струнахъ стихала дрожь,
Она ко мнѣ садилась и шептала
Слова любви и отъ любви рыдала,—
И тѣ слова и слезы были ложь...

. . . .

Трудно было бы перечислить лучшія пьесы въ сборникѣ г. Минскаго; большая часть ихъ давно пользуются вполнѣ заслуженной извѣстностью, какъ, напр., его «Бѣлыя ночи», «Прокаженный», сонеты и проч. Мѣстами, однако, попадаются и у него какъ бы робкія попытки къ декадентскому стилю. Можетъ быть, мы и ошибаемся, и въ этомъ опять сказывается невольное вліяніе отголосковъ декадентской поэзіи, отъ которыхъ нелегко отдѣлаться. Такое, по крайней мѣрѣ, впечатлѣніе производитъ странная, чтобы не сказать болѣе, поэма «Городъ смерти». Такъ это или нѣтъ, но произведеніе это болѣе, чѣмъ неудачное, и если отвѣчаетъ чему, такъ развѣ только «Посвященію», которому оно составляетъ превосходнѣйшій pendant. Драматическая поэма «Смерть Кая Гракха», заканчивающая книгу, тоже не принадлежитъ къ числу лучшихъ вещей г. Минскаго. Въ ней реторика подавила поэзію, и, не смотря на величавый сюжетъ, читатель остается къ нему совершенно холоднымъ.

А. Б.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Второй всероссійскій съѣздъ дѣятелей по техническому образованію. Второй съѣздъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію, происходившій въ Москвѣ съ 27 декабря по 7 января, привлекъ къ участію въ своихъ трудахъ большое количество членовъ, работавшихъ чрезвычайно энергично. Характерной чертой этого съѣзда было господствующее въ средѣ его сознаніе тѣсной связи профессіональнаго образованія съ общимъ. Съѣхавшіеся съ разныхъ концовъ нашего обширнаго отечества дѣятели по профессіональному образованію съ рѣдкимъ единодушіемъ отстаивали общеобразовательный характеръ начальной школы, и вполнѣ присоединились къ взгляду, высказанному товарищемъ предсѣдателемъ съѣзда, А. Г. Неболсинымъ, въ его рѣчи на открытіи съѣзда, а именно—что «общее начальное образованіе составляетъ основу всякаго техническаго и профессіональнаго». Даже въ такихъ спеціальныхъ секціяхъ съѣзда, какъ, напр., секція ручного труда, сельско-хозяйственнаго образованія, секція женскаго профессіональнаго образованія—вездѣ высказывались пожеланія, чтобы сообщеніе спеціальныхъ свѣдѣній имѣло общеобразовательный, а не профессіональный характеръ, и чтобы оно не шло въ ущербъ преподаванію общихъ предметовъ.

Изъ 14-ти секцій съѣзда наибольшій интересъ представляла IX-я секція общихъ вопросовъ, которая поставила себѣ двѣ основныя задачи: во-первыхъ, выяснить, подготовлено ли населеніе Россіи къ усвоенію техническихъ знаній. Съ этой цѣлью директорамъ и инспекторамъ народныхъ училищъ были разосланы вопросные листы, въ которыхъ спрашивалось о количествѣ начальныхъ училищъ по губерніямъ, о числѣ учениковъ, учителей, о средствахъ, затрачиваемыхъ на народное образованіе, и пр. Считая всеобщее обученіе существенно важнымъ условіемъ распространенія въ народѣ техническихъ и профессіональныхъ знаній, секція разослала также листы съ вопросами по этому предмету. Во-вторыхъ, секція поставила себѣ задачей выяснить вліяніе общаго и профессіональнаго образованія на производительность труда и прогрессъ техники въ кустарной и фабричной промышленности и въ земледѣліи. Въ своей рѣчи въ общемъ собраніи при открытіи съѣзда, предсѣдатель секціи общихъ вопросовъ, профессоръ московскаго университета Духовскій, въ общихъ чертахъ сформулировалъ заключенія, какія могутъ быть сдѣланы на основаніи доставленнаго секціи матеріала по вопросу о подготовленности населенія къ воспріятію техническихъ и профессіональныхъ знаній. По его словамъ, изъ этихъ свѣдѣній вы-

ясняется, какъ ничтожно въ Россіи количество школъ по отношенію къ населенію. «Народная школа въ земскихъ губерніяхъ Россіи приходится на 3.052 сельскихъ жителей, а въ неземскихъ — на 5.223 жителя. По числу селеній въ земскихъ губ. одна школа въ среднемъ приходится на 11 селеній, а въ неземскихъ— на 51». Въ виду такой отсталости Россіи въ дѣлѣ начальнаго образованія, являющейся крупной помѣхой и для техническаго и профессіональнаго образованія, вопросъ о введеніи всеобщаго обученія имѣетъ огромное значеніе, и естественно привлекаетъ къ себѣ общій интересъ. Въ секціи общихъ вопросовъ ему было посвящено нѣсколько рефератовъ. Первымъ референтомъ по вопросу о всеобщемъ обученіи выступилъ В. П. Вахтеровъ, развившій въ своемъ докладѣ слѣдующіе тезисы: «Осуществленіе всеобщаго обученія не потребуетъ отъ страны чрезмѣрнаго напряженія платежныхъ способностей, будетъ встрѣчено большинствомъ населенія не враждебно и найдетъ достаточное число людей, готовыхъ работать для проведенія этого начала въ жизнь. Всеобщее обученіе можетъ быть достигнуто слѣдующими мѣрами: мѣстныя компетентныя учрежденія разрабатываютъ поуѣздныя сѣти, планы и смѣты всеобщаго обученія; на основаніи этихъ работъ закономъ опредѣляются minimum'ы школъ и расходовъ съ точнымъ распредѣленіемъ послѣднихъ между казною, земствомъ, городскими и сельскими обществами и т. д. Въ случаѣ неисполненія кѣмъ-либо закономъ опредѣленныхъ постановленій по осуществленію плана всеобщаго обученія, каждому родителю дѣтей школьнаго возраста должно быть предоставлено право привлекать виновныхъ къ отвѣтственности. Это же право принадлежитъ и учрежденіямъ, на кои возложено попеченіе о начальномъ народномъ образованіи. Когда число училищъ будетъ достаточнымъ для всеобщаго обученія, настанетъ время провозгласить обязательнымъ посѣщеніе школъ дѣтьми школьнаго возраста».

Дополненіемъ этого доклада явился рефератъ А. Ѳ. Гартвига: «Сводъ отзывовъ мѣстныхъ дѣятелей по вопросу объ обязательномъ обученіи», въ которомъ доказывались слѣдующія положенія: «1) Вопросъ о всеобщемъ обученіи является настолько назрѣвшимъ какъ въ сознаніи населенія, такъ и среди лицъ, завѣдующихъ дѣломъ народнаго образованія, что разрѣшеніе этого вопроса представляется дѣломъ неотложнымъ. 2) Въ виду спорности вопроса о личной обязательности обученія, при которой всякое лицо обязывается посылать своихъ дѣтей въ школу подъ угрозою штрафа, а также въ виду крайняго недостатка школъ и ихъ отдаленности, первымъ по времени долженъ быть поставленъ лишь вопросъ о всеобщемъ обученіи, при которомъ число школъ въ данной мѣстности должно соотвѣтствовать числу дѣтей, посылаемыхъ въ школу. 3) Послѣ необходимаго удовлетворенія права населенія на обученіе дѣтей, необходимо поставить вопросъ и о лично обязательномъ обученіи хотя бы въ виду громаднаго значенія самаго принципа обязательности, выдвигаемаго западноевропейскими государствами; для своего разрѣшенія этотъ вопросъ потребуетъ тщательнаго изученія условій, при которыхъ такая обязательность явится цѣлесообразной».

Оба доклада возбудили самыя оживленныя пренія и возраженія со стороны гг. Ольденбурга, Чехова, Н. А. Скворцова и др. Большинство высказалось противъ личной и общественной обязательности обученія и противъ нормировки дѣятельности земствъ въ области его заботъ о народномъ образованіи, въ которой если и случаются порой колебанія, то съ послѣдними легче ми-

риться, чѣмъ съ тѣми колебаніями, которыя были и, безъ сомнѣнія, будутъ и у командующихъ учрежденій, на обязанности которыхъ будетъ возложена нормировка дѣятельности земствъ въ отношеніи устройства достаточнаго количества школъ для осуществленія всеобщаго обязательнаго обученія. При этомъ большинство указало на матеріальныя условія, какъ на условія невозможности и нецѣлесообразности придачи обязательнаго характера всеобщему обученію. Члены съѣзда дружнымъ рукоплесканіемъ выразили свое единомысліе съ вышеуказанными оппонентами. Затѣмъ Н. А. Скворцовъ замѣтилъ, что, кромѣ только-что указанныхъ, матеріальныхъ препятствій по введенію обязательности обученія, существуютъ еще препятствія нравственнаго характера. Препятствіе это заключается въ слѣдующемъ: извѣстный типъ народныхъ школъ припиливаетъ къ основной задачѣ народной начальной школы еще миссіонерскія обязанности, что крайне тормозитъ успѣшность распространенія начальнаго образованія въ виду существованія въ Россіи массы различныхъ вѣроисповѣданій, вѣроученій и сектъ. Считаться съ религіозно-нравственнымъ факторомъ должно и неизбѣжно приходится. Вторымъ препятствіемъ является то свойство образованія, которое, оказывая извѣстное вліяніе на поднятіе общаго уровня развитія, одновременно съ этимъ, увеличиваетъ у человѣка чувство личнаго достоинства. Насаждая грамотность среди русскаго крестьянства, не изъятаго отъ позорнѣйшаго тѣлеснаго наказанія, мы увеличимъ нравственный гнетъ, производимый этой формой наказанія. Въ виду всего этого, оппонентъ предложилъ съѣзду, присоединившись къ многочисленнымъ ходатайствамъ, высказать пожеланіе, чтобы введеніе всеобщаго обученія было соединено съ отмѣной тѣлеснаго наказанія. Собраніе рукоплесканіемъ приняло эти пожеланія. Послѣ оживленныхъ и продолжительныхъ преній приняты были слѣдующія резолюціи: 1) выразить пожеланіе о скорѣйшемъ введеніи всеобщаго обученія народа; 2) осуществленіе этого дѣла должны взять на себя органы общественнаго самоуправленія, при матеріальной помощи со стороны государства; 3) государство должно законодательнымъ порядкомъ опредѣлить извѣстный обязательный minimum школьныхъ расходовъ для земствъ, городовъ и сельскихъ обществъ; 4) ходатайствовать предъ правительствомъ о разрѣшеніи созвать 1-й всероссійскій съѣздъ дѣятелей по народному образованію; мѣстомъ этого съѣзда избрана Москва. Кромѣ того, признана необходимость подобныхъ же областныхъ съѣздовъ; 5) необходимо образовать особое учрежденіе для подготовительныхъ работъ къ 1-му всероссійскому съѣзду дѣятелей по народному образованію.

Для разрѣшенія второй задачи, которую поставила себѣ секція общихъ вопросовъ, т.-е. для разрѣшенія вопроса о вліяніи школы на производительность труда, секція разослала рядъ вопросныхъ пунктовъ сельскимъ хозяевамъ, фабрикантамъ, дѣятелямъ по кустарнымъ промысламъ. Всѣ полученные отвѣты сводятся къ признанію, что грамотность дѣлаетъ трудъ рабочаго безусловно продуктивнѣе, что рабочій, прошедшій народную школу, болѣе смѣтливъ, лучше понимаетъ характеръ даннаго ему дѣла, лучше умѣетъ охранять и экономить матеріалъ. Такой рабочій скорѣе усваиваетъ управленіе механическими приспособленіями, и притомъ не только фабричными, но и земледѣльческими. Многіе фабриканты и сельскіе хозяева писали въ своихъ отвѣтахъ, что они предпочитаютъ брать грамотныхъ рабочихъ, но часто это оказывается невозможнымъ, потому что ихъ неоткуда взять. Затѣмъ слѣдуютъ указанія на то, что трудъ грамотнаго ра-

бочаго оплачивается лучше, чѣмъ трудъ неграмотнаго.

Секція общихъ вопросовъ удѣлила много вниманія обсужденію тѣхъ мѣръ, которыми можно было-бы поднять образовательный уровень взрослаго рабочаго населенія. Первымъ референтомъ по этому вопросу выступилъ А. Ѳ. Гартвигъ. Сущность его доклада—«О типахъ школъ для распространенія профессіональныхъ знаній среди взрослаго населенія»—можетъ быть выражена въ слѣдующихъ пяти положеніяхъ: 1) воскресно-вечернія школы могутъ служить наиболѣе цѣлесообразными учрежденіями для распространенія знаній среди населенія внѣшкольнаго возраста; 2) для поднятія производительныхъ силъ населенія необходимо прежде всего повсемѣстное распространеніе безплатныхъ общеобразовательныхъ начальныхъ воскресно-вечернихъ школъ; 3) второю ступенью для распространенія знаній должны быть вечерне-воскресные курсы, профессіональныя школы и спеціальные курсы; 4) профессіональныя школы должны давать общія начала съ указаніемъ на ихъ практическія примѣненія, которыя позволили бы человѣку сознательно относиться къ тому дѣлу, которому онъ себя посвятилъ; 5) широкое распространеніе знаній среди взрослаго населенія не можетъ быть выполнено безъ дружнаго содѣйствія всего образованнаго общества; поэтому должны быть приняты всѣ мѣры къ облегченію частнымъ лицамъ открытія и веденія школъ.

Слѣдующіе за тѣмъ рефераты г-на Абрамова, г-жъ Кислинской и Кайдановой касались положенія у насъ воскресныхъ школъ. Референты обратили вниманіе съѣзда на тѣ затрудненія, съ которыми приходится считаться у насъ устроителямъ и преподавателямъ въ воскресныхъ школахъ. Воскресныя школы поставлены у насъ въ совершенно ненормальныя условія, благодаря отсутствію опредѣленнаго закона относительно этого типа школъ и необходимости руководствоваться исключительно временными правилами, издаваемыми въ видѣ циркуляровъ. Насколько мы еще бѣдны воскресными школами, объ этомъ свидѣтельствуютъ слѣдующія цифровыя данныя о количествѣ ихъ: частныя городскія воскресныя школы имѣются въ 39 губернскихъ городахъ, въ 43 уѣздныхъ и въ 5 пунктахъ иныхъ наименованій. Такимъ образомъ, даже изъ губернскихъ и областныхъ городовъ ровно половина не имѣютъ и по одной воскресной школѣ и только двадцатая часть низшихъ уѣздныхъ городовъ обзавелась такими школами. Изъ общаго числа школъ—мужскихъ 56, женскихъ 70, смѣшанныхъ 8. Всѣхъ воскресныхъ школъ въ Россіи въ настоящее время имѣется только 138. Такое незначительное количество школъ объясняется отчасти тѣми затрудненіями, о которыхъ только-что упоминалось. Въ виду этого референты предложили секціи возбудить передъ правительствомъ слѣдующія ходатайства: во-первыхъ, возбудить ходатайство о томъ, чтобы какъ по вѣдомству народнаго просвѣщенія, такъ и по духовному вѣдомству было сдѣлано распоряженіе объ обязательномъ отводѣ всѣми учебными заведеніями, какъ низшими, такъ и средними, классныхъ комнатъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ для занятій въ нихъ учениковъ и ученицъ воскресныхъ школъ всюду, гдѣ таковыя открываются, и независимо отъ того, какимъ вѣдомствомъ, учрежденіемъ или лицомъ они устраиваются; во-вторыхъ, о томъ, чтобы программа воскресныхъ школъ была расширена законодательнымъ порядкомъ до програмъ уѣздныхъ и городскихъ четырехклассныхъ школъ; въ-третьихъ, о томъ, чтобы относительно своего состава библіотеки воскресныхъ школъ были приравнены къ

народнымъ читальнямъ, т.-е. чтобы въ нихъ допускались книги, разрѣшенныя для средне-учебныхъ заведеній.

Во время дебатовъ, возбужденныхъ докладами, было указано на необходимость ходатайствовать еще и о томъ, чтобы всякое лицо, права котораго не ограничивались, могло свободно преподавать въ воскресной школѣ и чтобы этого права преподаватели лишались только послѣ произведеннаго надъ ними суда и слѣдствія.

Затѣмъ IX-я секція обсуждала также вопросъ о положеніи народныхъ учителей. В. А. Латышевъ сдѣлалъ сообщеніе о мѣрахъ къ улучшенію быта учащихъ въ народныхъ школахъ. По мнѣнію докладчика, мѣры эти могли бы выразиться въ слѣдующемъ: 1) въ помощи учащимъ въ изданіи ихъ литературныхъ работъ; 2) въ устройствѣ лекцій, по примѣру дирекціи народныхъ училищъ Петербургской губерніи; 3) въ учрежденіи въ городахъ пріютовъ для дѣтей сельскихъ учителей, съ цѣлью облегчить послѣднимъ возможность дать образованіе ихъ дѣтямъ; 4) образовать общій вспомогательный фондъ для помощи учителямъ. П. М. Шестаковъ, говоря объ Обществахъ взаимопомощи учащихъ, какъ средствѣ къ улучшенію быта учителей, указывалъ на необходимость, чтобъ эти Общества возможно шире развивали свою дѣятельность по удовлетворенію духовныхъ нуждъ своихъ членовъ. Нормальный уставъ этихъ Обществъ, утвержденный 5-го іюня 1894 г., не предусматриваетъ этой стороны дѣла, вслѣдствіе чего на практикѣ имѣли мѣсто такіе случаи, какъ, напримѣръ, воспрещеніе Казанскому Обществу учителей открыть библіотеку для своихъ членовъ. Въ виду этого г. Шестаковъ предложилъ секціи возбудить въ подлежащихъ сферахъ ходатайство о пополненіи нормальнаго устава пунктами, разрѣшающими Обществамъ устройство для своихъ членовъ библіотекъ, лекцій, музеевъ и т. п.

Вопросъ о сельскохозяйственномъ образованіи вызвалъ чрезвычайно оживленныя и рѣзкія пренія. Какъ уже сказано, большинство членовъ съѣзда были безусловными противниками проведенія сельскохозяйственныхъ знаній въ народъ черезъ народную школу. А. Г. Небол‌синъ и проф. Стебутъ представили съѣзду «системы послѣдовательной преемственности школъ при условіи связи общаго образованія съ профессіональнымъ». По мнѣнію г. Небол‌сина, раздѣляемому и съѣздомъ, сельскохозяйственная, техническая, вообще всякая профессіональная школа должна служить продолженіемъ начальной школы, и поступать въ нее должны только ученики, окончившіе курсъ послѣдней. По его мнѣнію, въ настоящее время необходимо создать типъ такой народной школы, въ которой дѣти 10—11 лѣтъ, окончившія курсъ въ начальныхъ училищахъ, могли бы продолжать свое образованіе до 15—16-лѣтняго возраста, т. е. до того возраста, ранѣе котораго едва ли слѣдовало бы приступать къ серьезному профессіональному обученію, потому что дѣти моложе 14 лѣтъ недостаточно физически окрѣпли и способности ихъ къ тому или другому занятію еще не выяснились. Въ такихъ «высшихъ» народныхъ школахъ, по мнѣнію г. Небол‌сина, наряду съ общеобразовательными предметами было бы полезно ввести преподаваніе рисованія, черченія, счетоводства и обученіе ручному труду, способствующему развитію ловкости рукъ и вѣрности глаза и, слѣдовательно, облегчающему въ будущемъ изученіе всякаго ремесла. Дѣти, окончившія курсъ въ такихъ школахъ, могутъ затѣмъ поступать въ спеціальныя профессіональныя училища. Но среди членовъ съѣзда находились и лица (правда, немногочисленныя), которыя придерживались другихъ взглядовъ на народную школу. Къ числу ихъ принадлежалъ земскій

начальникъ г. Жеденевъ, прочитавшій рефератъ «о сельскохозяйственныхъ пріютахъ», и В. А. Сладковъ, читавшій «о возможности и желательности распространенія раціональныхъ сельскохозяйственныхъ знаній среди крестьянъ чрезъ народныхъ учителей». Н. Н. Жеденевъ развивалъ мысль о возможности и цѣлесообразности замѣнить для народа школы существующаго типа сельскохозяйственными пріютами; В. А. Сладковъ—о необходимости и возможности возложить на народныхъ учителей обязанности распространять внѣшкольной дѣятельностью раціональныя сельскохозяйственныя знанія, для чего предлагалъ ходатайствовать о повсемѣстномъ устройствѣ для народныхъ учителей спеціальныхъ систематическихъ сельско-хозяйственныхъ курсовъ, о введеніи въ курсъ учительскихъ и духовныхъ семинарій предметовъ сельскохозяйственнаго образованія.

Рефераты эти вызвали рядъ возраженій: говорили, что нельзя возлагать непосильную работу на плечи одного и того же народнаго учителя, говорили объ его полной матеріальной необезпеченности и т. п. Н. А. Малиновскій и В. В. Кирьяковъ отъ имени народныхъ учителей заявили, что время у начальной школы не хватаетъ даже и для выполненія ея основной задачи. Н. А. Скворцовъ сказалъ, что всякое знаніе онъ признаетъ полезнымъ, въ томъ числѣ и профессіональное: всякое знаніе увеличиваетъ и матеріальное, и духовное богатство человѣка, но только при одномъ условіи—чтобы это было дѣйствительное, прочное, систематически построенное знаніе. Урывки по 2 часа въ недѣлю не дадутъ такихъ знаній, а потому и само занятіе сельскимъ хозяйствомъ обратится въ безрезультатныя «подмазки и затычки». Для народа необходимы знанія сельскохозяйственныя, а чтобы они были прочными и систематическими, нужно очень многое. Пусть школа дастъ народу и знанія физики и химіи, всей естественной исторіи, геометріи, юридическихъ наукъ, политической экономіи, ветеринаріи и пр.; но вѣдь народъ безграмотенъ и одна начальная школа не въ состояніи дать всего—слѣдовательно, надо учить его грамотѣ, а потомъ создавать рядъ школъ—до университета включительно,—гдѣ бы онъ могъ получить не урывки и клочки, а прочныя знанія, какія необходимы для сельскаго хозяина, желающаго поставить свое хозяйство на раціональную точку.

Затѣмъ слѣдуетъ отмѣтить докладъ А. Н. Страннолюбскаго (за отсутствіемъ автора прочитанный г-номъ Острогорскимъ). «О женскомъ профессіональномъ образованіи лицъ, пріобрѣвшихъ законченное общее образованіе». Докладъ развиваетъ слѣдующія основныя положенія: 1) въ жизненныхъ интересахъ народнаго здоровья, особенно въ бѣдной врачебной помощью деревенской средѣ и въ отдаленныхъ мѣстностяхъ Россіи, а также въ интересахъ семьи и въ видахъ удовлетворенія законнаго желанія русскихъ женщинъ получать высшее медицинское образованіе, не покидая родины, въ высшей степени *желательно: скорѣйшее открытіе въ Россіи женскаго медицинскаго института*, согласно Высочайше утвержденному о немъ положенію. 2) Въ тѣхъ же интересахъ народнаго здоровья, въ виду крайней недостаточности у насъ вспомогательнаго медицинскаго персонала и доказанной повсюду особенной способности женщинъ къ врачебной дѣятельности, въ высшей степени желательно: наибольшее, по возможности, развитіе женскихъ учебныхъ заведеній для приготовленія получившихъ достаточное общее образованіе женщинъ въ вспомогательной врачебной дѣятельности. Типы этихъ заведеній должны быть выработаны спеціальными медицинскими съѣздами, при непремѣнномъ участіи земствъ.

3) Въ интересахъ правильной постановки женскаго образованія вообще и необходимаго поднятія уровня и достоинства преподаванія въ женскихъ гимназіяхъ и другихъ, подобныхъ имъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ высшей степени желательно: а) учрежденіе въ Россіи особыхъ, женскихъ педагогическихъ институтовъ съ широко поставленнымъ курсомъ педагогики и наукъ историко-филологическихъ, физико-математическихъ и естественныхъ, для приготовленія учительницъ и воспитательницъ для вышеупомянутыхъ женскихъ учебныхъ заведеній; b) соотвѣтствующее осуществленію этой мѣры измѣненіе, въ порядкѣ пріобрѣтенія женщинами учительскихъ правъ. 4) Настоятельно необходимо приступить безъ замедленія *къ учрежденію повсемѣстно женскихъ учительскихъ семинарій* съ достаточно продолжительнымъ курсомъ ученія, для приготовленія учительницъ указанныхъ выше школъ. 5) Настоятельно необходимо, въ видахъ расширенія сферы женскаго профессіональнаго труда и установленія справедливаго равенства въ образованіи обоихъ половъ, *расширить программу женскихъ гимназій, особенно въ научной ея части*, и для сего въ высшей степени желательно нынѣ же приступить путемъ частныхъ совѣщаній компетентныхъ лицъ и путемъ литературнымъ къ разработкѣ вопросовъ, касающихся постановки курса женскихъ гимназій. 6) Въ справедливомъ вниманіи къ интересамъ семьи и праву женщинъ на профессіональный трудъ желательно открытіе для женщинъ доступа къ дѣятельностямъ: формацевтической, ветеринарной, сельскохозяйственной, строительной, инженерной, геодезической, химико-технической, художественно-технической и пр. и пр. 7) Для общаго научнаго подготовленія къ спеціальностямъ, указаннымъ въ предыдущемъ пунктѣ, независимо отъ усовершенствованія курса гимназій, указаннаго въ пунктѣ 5-мъ, необходимо учрежденіе высшаго женскаго учебнаго заведенія для изученія основъ физико-математическихъ наукѣ, химіи и естественныхъ наукъ. Лицамъ, окончившимъ курсъ этого учебнаго заведенія, для дальнѣйшаго пріобрѣтенія спеціальныхъ знаній, долженъ быть открытъ доступъ въ существующія высшія спеціальныя учебныя заведенія. Докладъ былъ встрѣченъ полнымъ сочувствіемъ многолюднаго собранія.

Въ заключительномъ засѣданіи секціи по ремесленному ученичеству приняты были слѣдующія постановленія для всесторонняго упорядоченія ученичества въ мастерскихъ: 1) Учрежденіе особаго института ремесленной инспекціи съ цѣлью: а) надзора за ремесленными мастерскими, по исполненію ими какъ правилъ дѣйствующаго устава по отношенію къ ремесленному ученичеству, такъ и правилъ, имѣющихъ быть по этому предмету изданными, и б) участія въ разборѣ возникающихъ между мастерами и учениками споровъ и взаимныхъ жалобъ. Ремесленная инспекція должна быть организована въ составѣ лицъ, назначаемыхъ правительствомъ, представителей ремесленнаго сословія, въ лицѣ мастеровъ, избираемыхъ ремесленными управами, а гдѣ нѣтъ ремесленныхъ управленій, — мастеровъ, назначаемыхъ губернской администраціей. 2) Образованіе при ремесленныхъ обществахъ особой ученической коммиссіи для производства экзаменовъ ученикамъ и разбора споровъ и жалобъ между мастерами и учениками, причемъ предсѣдательствовать въ коммиссіи долженъ одинъ изъ членовъ ремесленной инспекціи. 3) Возложеніе на инспекцію ближайшаго наблюденія за точнымъ исполненіемъ правилъ, чтобы работа учениковъ въ мастерскихъ не продолжалась болѣе 10 часовъ въ сутки, чтобы на зав-

тракъ и обѣдъ дано было времени не менѣе 2-хъ часовъ и чтобы съ 10 ч. веч. до 6 ч. утра ученики вовсе не были заняты работой. 4) Сохраненіе въ проектѣ новаго уголовнаго Уложенія статей изъ дѣйствующаго Уложенія о наказаніяхъ относительно перехода учениковъ отъ одного мастера къ другому, дурного обращенія и содержанія учениковъ. По вопросу объ ученическихъ общежитіяхъ секція признала желательнымъ устройство общежитій для учениковъ-ремесленниковъ, съ цѣлью выдѣленія ихъ изъ среды взрослыхъ рабочихъ подмастерьевъ, причемъ, такія общежитія предпочтительно должны быть устраиваемы при самыхъ мастерскихъ; въ случаяхъ же невозможности такого устройства—общежитія могутъ быть создаваемы на средства самого ремесленнаго сословія, попечительствъ, но при этомъ однимъ изъ главнѣйшихъ условій является возможность постояннаго и правильнаго надзора за учениками. Вмѣстѣ съ тѣмъ, секція признала желательнымъ устройство патронатовъ для несовершеннолѣтнихъ, обучающихся въ мастерскихъ, и организацію защиты дѣтей отъ жестокаго съ ними обращенія. По вопросу о праздничномъ отдыхѣ секція признала желательнымъ для обучающихся въ ремесленныхъ мастерскихъ въ воскресные и праздничные дни устройство раціональныхъ развлеченій подъ руководствомъ лицъ или Обществъ, заинтересованныхъ въ дѣлѣ воспитанія и развитія молодого поколѣнія, причемъ, наиболѣе цѣлесообразной была бы въ этомъ отношеніи иниціатива и участіе самого ремесленнаго сословія.

Все вышеизложенное далеко не обнимаетъ собою всѣхъ работъ профессіональнаго съѣзда, а касается лишь тѣхъ вопросовъ, которые представляютъ до извѣстной степени общій интересъ. Кромѣ этого, на съѣздѣ поднималось еще множество чисто спеціальныхъ вопросовъ, которыхъ мы здѣсь затрогивать не будемъ. Но и помимо практическаго значенія работъ съѣзда, онъ имѣлъ огромное значеніе въ смыслѣ объединенія дѣятелей по образованію, закинутыхъ по разнымъ угламъ и закоулкамъ провинціи.

Всероссійскій сельскохозяйственный съѣздъ въ Москвѣ. Шестой всероссійскій съѣздъ сельскихъ хозяевъ, состоявшійся въ Москвѣ въ концѣ декабря минувшаго года, послѣ 17-ти-лѣтняго промежутка, собралъ болѣе тысячи сельскихъ хозяевъ. Среди множества спеціальныхъ вопросовъ, обсуждавшихся сельскими хозяевами (напр., объ организаціи сельскохозяйственныхъ опытныхъ станцій, о скотоводствѣ, объ искусственныхъ удобреніяхъ, о нуждахъ сельскохозяйственнаго машиностроенія, и пр.) были и вопросы общаго характера, представляющіе интересъ не для однихъ спеціалистовъ. Таковы, напр., были вопросы, обсуждавшіеся въ XVII-й секціи съѣзда, въ которой разсматривалась сельскохозяйственная дѣятельность земствъ.

По словамъ «Хозяина», въ этой секціи были затронуты три вопроса, имѣющіе чрезвычайно важное общественное значеніе: «Первый изъ нихъ былъ поставленъ на очередь докладомъ В. М. Хижнякова о всесословной волости. Докладчикъ исходилъ изъ совершенно правильной мысли, уже принятой съѣздомъ ранѣе, что земскія мѣропріятія по улучшенію сельскаго хозяйства, только тогда могутъ быть успѣшно проведены въ жизнь, когда земство будетъ располагать особыми мелкими сельскохозяйственно - экономическими органами. Г. Хижняковъ находилъ излишнимъ учреждать для этого какія-либо новыя единицы, когда возможно воспользоваться уже существующими

органами сельскаго и волостного управленія. Въ послѣреформенное время общественныя и экономическія отношенія въ нашихъ селеніяхъ измѣнились на столько радикально, что удовлетвореніе новыхъ назрѣвшихъ потребностей не можетъ исходить отъ сельскихъ и волостныхъ управленій въ ихъ настоящемъ видѣ, такъ какъ они учреждались при совершенно другихъ условіяхъ и имѣли въ виду другія цѣли. По мысли г. Хижнякова, какъ сельское, такъ и волостное управленіе должны быть преобразованы въ органы всесословнаго самоуправленія. Сельскіе сходы должны, однако, оставаться въ прежнемъ видѣ и дѣйствовать самостоятельно по вопросамъ о передѣлѣ земель, распредѣленіи участковъ, устройствѣ выгоновъ, пастьбѣ скота и т. п. Въ составъ сельскаго всесословнаго схода могутъ входить и женщины, или какъ домохозяйки, или какъ замѣняющія домохозяевъ. Къ предметамъ вѣдѣнія сельскаго схода должны относиться исчисленіе и расходованіе мірскихъ сборовъ, выборы и удаленіе старостъ, заботы объ общественномъ призрѣніи, школахъ и т. п. Исполнителемъ рѣшеній схода является староста. Волостной всесословный сходъ избираетъ земскихъ гласныхъ и имѣетъ общее наблюденіе за всѣми учрежденіями волости: библіотеками, больницами, сельскохозяйственными складами и т. д. Исполнительнымъ органомъ его является волостная управа, которая находится въ такихъ же отношеніяхъ къ волостному сходу, какъ земская управа къ земскому собранію. Всѣ должностныя лица сельскаго и волостного управленія и всѣ члены сельскихъ и волостныхъ сходовъ должны быть изъяты отъ всякихъ административныхъ взысканій, и безусловно освобождены отъ тѣлесныхъ наказаній. Настоящая организація волостного суда должна быть радикально преобразована. Какъ въ сельскомъ, такъ и въ волостномъ управленіи всѣ сословія должны быть включены въ число плательщиковъ на общественныя нужды. Преобразованныя въ такомъ направленіи сельское общество и волость обратятся въ мелкія земскія безсословныя учрежденія и должны находиться съ земствомъ въ непосредственной, тѣсной связи».

Послѣ продолжительныхъ преній по этому вопросу секція пришла къ слѣдующему рѣшенію: завѣдываніе дѣлами сельскохозяйственнаго управленія въ территоріи, меньшей чѣмъ уѣздъ, должно быть возложено на органы мѣстнаго управленія, которые необходимо организовать по типу земскихъ учрежденій.

Другимъ важнымъ вопросомъ, обсуждавшимся въ XVII-й секціи, былъ вопросъ о «необходимости объединенія дѣятельности отдѣльныхъ земствъ, направленной къ поднятію экономическаго благосостоянія населенія. Вопросъ этотъ былъ поднятъ при обсужденіи земскаго страхованія, причемъ было высказано положеніе о желательностя земскаго страхового съѣзда; затѣмъ перешли и къ вопросу объ общихъ земскихъ съѣздахъ. Гг. Костромитиновъ, Гулевичъ, Хижняковъ и др. настаивали на безусловной необходимости разрѣшенія обще губернскихъ и областныхъ съѣздовъ земскихъ представителей по всѣмъ отраслямъ земской дѣятельности. Секція постановила ходатайствовать, чтобы были организованы областные съѣзды представителей земскихъ учрежденій для обсужденія вопросовъ о земскихъ сельскохозяйственныхъ мѣропріятіяхъ. Само собой разумѣется, что, кромѣ этихъ съѣздовъ, не менѣе необходимы земскіе общегубернскіе съѣзды и не только по сельскохозяйственнымъ вопросамъ, но и по всѣмъ другимъ отраслямъ земскаго хозяйства.

Наконецъ, 3-мъ важнымъ вопросомъ, возбудившимъ самыя оживлен-

ныя преніи, было предложеніе г-на Шатилова ходатайствовать о томъ, чтобы земскія сельскохозяйственныя организаціи были признаны органами министерства земледѣлія. Это предложеніе вызвало цѣлый рядъ возраженій. Такъ, кн. Шаховской вѣрно замѣтилъ, что между органами земства и министерствомъ не можетъ быть единенія и простой связи, а будетъ подчиненіе земства министерству. Гг. Петрово-Соловово и Скобельцынъ находили, что земскіе сельскохозяйственные органы, ставъ органами министерства, сдѣлаются вполнѣ бюрократическими учрежденіями, а та живая ихъ связь съ министерствомъ, о которой хлопочетъ г. Шатиловъ, въ концѣ-концовъ, обратится въ связь чисто бумажную, поддерживаемую безчисленными циркулярами. Ту же мысль проводилъ г. Племянниковъ, доказывавшій, что сельскохозяйственныя нужды могутъ изучаться только на мѣстахъ и отъ мѣстныхъ же дѣятелей должны исходить указанія способовъ ихъ удовлетворенія. Г. Хижняковъ признавалъ безусловно необходимымъ, чтобы земскіе сельскохозяйственныя органы находились въ полномъ и исключительномъ распоряженіи земства. Всѣ ораторы проводили ту общую идею, что объединеніе должно идти снизу вверхъ, а если оно является сверху, то становится насильственной централизаціей. Они настаивали на томъ, что дѣйствительное объединеніе земской дѣятельности, разумѣется, очень важно, но отнюдь не въ формѣ поглощенія земства центральной канцеляріей. Для обезпеченія же живой, непосредственной связи между земствами и министерствомъ земледѣлія, необходимо организовать при послѣднемъ сельскохозяйственный совѣтъ изъ земскихъ представителей.

Въ виду всѣхъ этихъ возраженій, г. Каблуковъ предлагалъ секціи принять слѣдующую формулировку: 1) сельскохозяйственныя нужды на мѣстахъ вѣдаетъ земство; 2) особыхъ мѣстныхъ органовъ отъ министерства земледѣлія не должно быть; 3) должна быть установлена живая, непосредственная связь между земствомъ и министерствомъ.

Но защитники земской самостоятельности остались въ меньшинствѣ, а большинство секціи приняло предложеніе г на Шатилова.

Засѣданія секціи, обсуждавшей отношеніе между сельскими хозяевами и рабочими, также отличались большимъ оживленіемъ и многолюдствомъ.

Свѣдѣнія о ходѣ преній заимствуемъ изъ «Рус. Вѣд.». Въ качествѣ мѣры для непосредственнаго установленія правильныхъ отношеній между хозяевами и рабочими кн. А. Г. Щербатовъ рекомендовалъ ходатайствовать объ изданіи спеціальнаго закона о рабочихъ, который вводилъ бы, между прочимъ, порядокъ разрѣшенія недоразумѣній на мѣстѣ административнымъ путемъ, съ правомъ обжалованія суду. В. В. Марковниковъ, также высказываясь въ пользу спеціальнаго кодекса, полагалъ, кромѣ того, необходимымъ учрежденіе для сельскохозяйственной промышленности инспектората, на подобіе того, какой существуетъ уже въ промышленности фабричной. Нѣкоторые сельскіе хозяева предлагали ходатайствовать о введеніи для рабочихъ особой разсчетной книжки, которая служила бы имъ паспортомъ и въ которой хозяиномъ могли бы дѣлаться соотвѣтствующія отмѣтки объ ея владѣльцѣ. Г. Энгельмейеръ, въ особомъ, прочитанномъ имъ, докладѣ, полагалъ, что отношенія между хозяевами и рабочими значительно измѣнились бы, если бы первые задались задачею поднять, при посредствѣ образовательныхъ и иныхъ мѣропріятій, культурный и матеріальный уровень окружающаго ихъ крестьянства. Д. Ѳ. Бурлюкъ полагалъ, что вина въ ненормальности этихъ отношеній

лежитъ на сторонѣ хозяевъ, разсчитывающихся обыкновенно съ рабочимъ не деньгами, а ярлыками, а если и деньгами, то не въ срокъ, а когда имѣютъ ихъ, нерѣдко дурно кормящихъ рабочихъ и вообще подающихъ часто поводы къ неудовольствію рабочихъ. Въ такомъ же, приблизительно, смыслѣ высказались и нѣкоторые другіе члены съѣзда (И. І. Шатиловъ, Н. Е. Кушенскій и др.). В. И. Стемповскій предлагалъ ходатайствовать о введеніи договорныхъ книжекъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, высказался противъ заключенія договоровъ съ земледѣльческими рабочими въ періодъ взысканія податей, когда крестьянинъ за безцѣнокъ продаетъ свой трудъ и заключаетъ договоръ отнюдь не добровольно.

Большинство съѣзда высказалось, однако, противъ введенія обязательныхъ книжекъ. Они указывали, что введеніе книжекъ было бы нежелательно, такъ какъ оно, съ одной стороны, повело бы къ закрѣпощенію труда, а съ другой—не принесло бы никакихъ практическихъ результатовъ: рабочіе все-таки продолжали бы уходить отъ тѣхъ хозяевъ, жить у которыхъ находили бы невыгоднымъ. В. П. Муромцевъ полагалъ, что лишь подъемъ экономическаго уровня крестьянства и его умственнаго и нравственнаго развитія можетъ кореннымъ образомъ разрѣшить этотъ вопросъ. Законодательное урегулированіе взаимныхъ отношеній земледѣльцевъ и рабочихъ, по его мнѣнію, желательно, но вопросъ этотъ требуетъ тщательнаго обсужденія въ сельскохозяйственныхъ Обществахъ и земскихъ собраніяхъ. П. А. Скобельцынъ находилъ: 1) что для степныхъ мѣстностей Россіи вопросъ о рабочихъ есть, въ сущности, вопросъ о народонаселеніи,—въ смыслѣ переселенія крестьянъ на югъ съ тѣмъ, чтобы имъ сдавалось тамъ въ аренду достаточное количество земли; 2) что вопросъ о наймѣ рабочихъ, какъ онъ поставленъ нашимъ законодательствомъ, не требуетъ измѣненій въ смыслѣ репрессіи; 3) что введеніе договорныхъ книжекъ нежелательно; 4) что отвѣтственность за неисполненіе рабочими договоровъ должна быть только гражданская; 5) что разборъ недоразумѣній между хозяевами и рабочими долженъ производиться судебнымъ порядкомъ; 6) что, въ виду конкурренціи на міровомъ рынкѣ, желательно имѣть рабочихъ, пригодныхъ для пользованія усовершенствованными орудіями, каковыхъ можетъ доставить только школа, почему и ходатайствовать объ обязательномъ обученіи всѣхъ дѣтей школьнаго возраста. Н. Е. Кушенскій полагалъ, что никакіе репрессивные законы не помогутъ дѣлу, и предлагалъ, въ видахъ поднятія нравственнаго уровня рабочаго населенія, ходатайствовать: 1) о введеніи всеобщаго первоначальнаго обученія, 2) объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія и 3) объ образованіи мелкой земской единицы, на почвѣ которой крестьяне и землевладѣльцы были бы членами одной и той же организаціи. О первостепенномъ значеніи въ настоящемъ вопросѣ народнаго образованія говорили многіе члены съѣзда. М. Н. Соболевъ, прочитавшій небольшой докладъ по обсуждаемой темѣ, указывалъ, что центральный пунктъ заключается въ неравномѣрности распредѣленія рабочихъ силъ по разнымъ районамъ Россіи, почему мѣры относительно рабочихъ должны, по его мнѣнію, быть направлены въ сторону урегулированія спроса и предложенія труда, а не стѣсненія и ограниченія его. Одною изъ главныхъ мѣръ этого рода докладчикъ признавалъ учрежденіе спеціальныхъ посредническихъ конторъ въ мѣстахъ найма и скопленія земледѣльческихъ рабочихъ; но, кромѣ этого, онъ находилъ желательнымъ возможно скорѣйшее изданіе общаго гражданскаго кодекса въ соотвѣтствіи съ потребностями времени, введеніе стра-

хованія сельскохозяйственныхъ рабочихъ въ несчастныхъ случаяхъ и на случай инвалидности и учрежденіе особаго инспектората.

Послѣ долгихъ и бурныхъ преній, секція приняла слѣдующія постановленія:

1) Высказать пожеланія объ организаціи какъ земскихъ, такъ и правительственныхъ бюро труда.

2) Выразить пожеланія о выработкѣ способа вознагражденія рабочихъ за долговременную службу, а также обезпеченія ихъ на старость и въ несчастныхъ случаяхъ.

3) Выразить желательность развитія сельскохозяйственныхъ артелей, на которыя должна возлагаться отвѣтственность за исполненіе договора.

Искъ земскаго начальника противъ своего кучера. Въ «Рус. Вѣд.» помѣщена слѣдующая любопытная корреспонденція изъ Лохвицкаго уѣзда, Полтавской губ. Мѣстный земскій начальникъ г. Дорошенко фигурировалъ недавно въ качествѣ тяжущагося въ одномъ изъ подвластныхъ ему волостныхъ судовъ. Приводимъ дословно (съ сохраненіемъ орѳографіи и оборотовъ рѣчи) выдержку изъ копіи рѣшенія чернухскаго волостнаго суда. «Объясненіе истца». «Землевладѣлецъ кандидатъ правъ Акимъ Александровичъ Дорошенко прошеніемъ 15 октября 1895 года поданнымъ и уполномоченный отъ него козакъ Мокіенко лично на судѣ объяснилъ, что къ вѣрителю его Мокіенки договорился въ годичное услуженіе съ іюня мѣсяца сего 1895 года кучеромъ козакъ Акимъ Бѣликъ и впослѣднее время предался пьянству, оставилъ безъ всякаго попеченія свою многочисленную малолѣтнюю семью, состоящую изъ жены и дѣтей и возимѣлъ намѣреніе оставить службу, о чемъ неоднократно заявлялъ дворовымъ людямъ и въ этихъ видахъ дѣлалъ всевозможныя пакости, чтобы быть удаленнымъ со службы, и наконецъ 9-го числа октября, заѣзжая изъ м. Городище въ м. Чернухи въ квартиру доктора перекормить лошади, гдѣ Бѣликъ, напившись до безсознанія водки, перепугалъ лошади, которыя убѣжали въ поле и владѣлецъ г. Дорошенко вынужденъ былъ возвратиться домой почтовыми лошадьми и послать нѣсколькихъ человѣкъ для розыска, предполагая, что лошади украдены и лишь на другой день лошади найдены и вороной конь оказался больнымъ, по поводу чего Бѣликъ со службы удаленъ, просилъ разобрать дѣло и приговорить Бѣлика къ наказанію по 17 и 38 ст. правилъ о волостномъ судѣ въ высшей мѣрѣ за неисполненіе договора о наймѣ, за пьянство и буйство въ ночное время и присудить *за убытки 50 рублей по договору* въ доказательство сослался на свидѣтелей». Приговоръ суда по этому дѣлу состоялся слѣдующій: «казака Акима Бѣлика за пьянство и небрежное исполненіе служебныхъ обязанностей подвергнуть тѣлесному наказанію десяти ударамъ розогъ и взыскать съ него Бѣлика въ пользу обвинителя Дорошенка за убытки на розыскъ лошадей 6 рублей и повреждение лошади 10 р.; въ остальной части искъ отклонить по недоказанности». Дѣло само за себя говоритъ. *Кандидатъ правъ* Дорошенко жалуется въ волостной судъ на своего кучера «за неисполненіе договора о наймѣ» и проситъ присудить убытки въ его пользу, въ суммѣ 50 рублей. *Земскій начальникъ* Дорошенко предлагаетъ волостному суду разсмотрѣть дѣло по обвиненію казака Бѣлика въ буйствѣ, пьянствѣ, разстройствѣ хозяйства и раззореніи своей семьи (на осн. 38 ст. правилъ о вол. судѣ), присоединяетъ къ этому обвиненіе въ какомъ то «намѣреніи» и ходатайствуетъ о примѣненіи къ нему высшей мѣры наказанія. Волостной судъ сохранилъ нѣкоторую долю само-

стоятельности и призналъ убытки въ суммѣ 16 р. вмѣсто требуемыхъ 50 рублей, а также опредѣлилъ тѣлесное наказаніе 10 ударами вмѣсто предложенной высшей мѣры (20 ударовъ).

По справедливому замѣчанію газеты, дѣло это наводитъ на грустныя размышленія: «Несомнѣнно, не мало грустныхъ вопросовъ возбуждаетъ это дѣло, но мы остановимся лишь на нѣкоторыхъ. Какимъ образомъ и личное дѣло Дорошенко, и проступки обвиняемаго по отношенію къ семьѣ, и буйство его въ ночное время—какимъ образомъ все это спутано въ одно дѣло? Какъ могъ не только допустить это, но по собственному почину произвести эту путаницу земскій начальникъ? Какимъ образомъ «служебныя обязанности» (какъ выражается судъ) кучера могли имѣть для него столь печальныя послѣдствія? Какимъ образомъ предполагаетъ г. земскій начальникъ воспользоваться своимъ правомъ, изложеннымъ въ ст. 29 врем. прав. о вол. судѣ? Въ концѣ этой статьи говорится: «рѣшеніе, которымъ обвиняемый присужденъ къ тѣлесному наказанію, исполняется не иначе, какъ съ разрѣшенія земскаго начальника, который въ правѣ замѣнить тѣлесное наказаніе» и т. д. Кто же будетъ утверждать рѣшеніе въ томъ случаѣ, если Бѣликъ не обжалуетъ его,—не тотъ ли раздраженный на своего кучера баринъ, который и поднялъ все это дѣло? Единственное ли это дѣло или же слухъ о дѣлахъ подобнаго рода не расходится далѣе тѣхъ 3-хъ волостей, гдѣ царитъ начальническая воля образованнаго судьи-администратора и ретиваго хозяина?»

Обѣдъ въ честь Вл. Гал. Короленко. 4-го января нижегородская интеллигенція устроила обѣдъ въ честь Вл. Гал. Короленко. На обѣдѣ собралось до 150 человѣкъ. По сообщенію «Нижегородскаго Листка», здѣсь были представители дворянства, земства, города, мировые судьи, присяжные повѣренные, врачи, преподаватели среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, коммерсанты, студенты, представители печати и др. лица. Было также около 30 дамъ.

За обѣдомъ были произнесены многочисленныя рѣчи, въ которыхъ В. Г. Короленко привѣтствовался не только какъ писатель-художникъ, но и какъ общественный дѣятель, служащій своимъ перомъ защитѣ народныхъ интересовъ; указывалось между, прочимъ, на его дѣятельность въ голодный годъ и на недавнюю, завершившуюся столь блестящимъ успѣхомъ, защиту Мултанскихъ вотяковъ. На эти привѣтствія В. Г. отвѣчалъ слѣдующею рѣчью, въ которой онъ высказалъ свои впечатлѣнія отъ 10-ти-лѣтняго пребыванія въ провинціи.

«Говорятъ, столицы отнимаютъ силы у провинціи. Еще не такъ давно, однако, было время, когда столицы, наоборотъ, очень много силъ отъ себя отбрасывали, разсѣвая ихъ по разнымъ угламъ разныхъ провинцій. «Лѣсъ рубятъ щепки летятъ»—говоритъ пословица. Одной изъ такихъ щепокъ носился и я по обширному житейскому морю, пока, наконецъ, меня не принесло къ нижегородскимъ берегамъ. Это было ровно 11 лѣтъ назадъ; въ январѣ 1885 г., вечеромъ, я подъѣзжалъ по Волгѣ къ Нижнему. Долго мимо меня мелькали огоньки налѣво и направо, въ Подновьи, на Бору, потомъ на городскомъ берегу. Все казалось мнѣ холодно, угрюмо и незнакомо. Наконецъ, наши сани стали подыматься по Магистратскому съѣзду, на набережную. Одинокій фонарь освѣщалъ крупную надпись на каменной стѣнѣ: «чаль за кольца, рѣшетку береги, стѣны не касайся». Эти слова,—если не ошибаюсь, и теперь еще сохранившіяся на стѣнѣ, — произвели на меня тогда очень сильное и своеобразное впечатлѣніе. Это были первыя

слова, которыми меня встрѣтилъ Нижній.

Я послушался и причалилъ за кольцо. Не могу сказать точно, вполнѣ ли исполнено мною предостереженіе: очень можетъ быть, что порой я и не поберегъ ту или другую рѣшетку, коснулся той или другой стѣны, пользовавшейся неприкосновенностью, но причалилъ все-таки такъ плотно, что вотъ уже 11 лѣтъ я съ вами и теперь считаю себя почти нижегородцемъ. Провинцію сравнили какъ-то съ водоемомъ. Идеи, зарождающіяся въ столицахъ, проникаютъ въ провинцію, откладываются здѣсь, накопляются, растутъ и часто затѣмъ питаютъ самые центры этой живой, сохранившейся силы тогда, когда въ столицахъ источники порой уже изсякли. Есть извѣстная глубина, до которой не достигаютъ колебанія, происходящія на поверхности. Правда, первое ощущеніе человѣка, попадающаго въ водоемъ болѣе или менѣе внезапно — есть ощущеніе холода и нѣкоторой жуткости. Но слѣдующія же минуты несутъ лишь ободряющую свѣжесть. Чувствуешь, что это жизнь и что источники этой жизни никогда не изсякнутъ, какія-бы порой изсушающія вѣянія ни шли «изъ центровъ».

Говорятъ, провинція затягиваетъ, говорятъ, здѣсь люди спиваются и не знаютъ другихъ интересовъ кромѣ картъ и вина. Правда и теперь я стою со стаканомъ вина, но все же думаю, что не подвергался съ этой стороны особенной опасности. Тѣмъ не менѣе, скажу и я: да, провинція затягиваетъ! Не картами и виномъ, а проснувшимися въ ней живыми мѣстными интересами. Жизнь — всюду! Есть жизнь и въ столицахъ, кипучая и интересная! Но тутъ есть одна черта существеннаго отличія: то, что въ столицѣ является по большей части идеей, формулой, отвлеченностью,—здѣсь мы видимъ въ лицахъ, осязаемъ, чувствуемъ, воспринимаемъ на себѣ. Поэтому поневолѣ то самое, что въ столицѣ является борьбой идей, — здѣсь принимаетъ форму реальной борьбы живыхъ лицъ и явленій... Да, это затягиваетъ, и именно потому, что это такъ живо, и въ особенности потому, что оно особенно живо именно въ послѣдніе годы. Это затягиваетъ въ такой степени, что еще совсѣмъ недавно я стоялъ на распутьи, выбирая свою дальнѣйшую дорогу. Въ Нижнемъ я — корреспондентъ и горжусь этимъ званіемъ. Если-бы удалась попытка моя и моихъ друзей относительно газеты,— я сталъ бы окончательно работникомъ провинціальнаго печатнаго слова. Она не удалась, — къ лучшему ли, къ худшему ли, сказать очень трудно. Теперь новая волна несетъ меня обратно изъ провинціи въ столицу. Но она несетъ туда уже не того человѣка, который много лѣтъ назадъ выѣхалъ изъ столицы.

Еще одно, послѣднее сравненіе, и я закончу эту нѣсколько затянувшуюся рѣчь. Каждый годъ мы видимъ одно и то же явленіе: послѣ суровой зимы приходитъ весна, вскрываются рѣки, бѣгутъ по нимъ пароходы, закипаетъ новая жизнь. Гдѣ и когда она начинается? Начинается она съ маленькихъ, почти незамѣтныхъ ручейковъ. Первые лучи, первыя капли, первыя струйки рождаютъ ручьи и потоки. Въ дальнихъ поляхъ, на холмахъ и въ оврагахъ уже идетъ движеніе и шумъ. Все это, сливаясь, стремится впередъ, къ одной цѣли и наполняетъ еще неподвижныя, еще холодныя, скажемъ — еще консервативныя большія рѣки. Но это множество слабыхъ сами по себѣ, но живыхъ, говорливыхъ, звенящихъ струекъ — даетъ ту силу, которая разламываетъ ледъ. И вотъ, ледъ уносится и таетъ, а по рѣкѣ, гудя и шумя, несется первый пароходъ, оглашая берега радостнымъ извѣстіемъ, что это онъ открылъ навигацію.

Но открылъ навигацію не онъ. Это сдѣлали тѣ безчисленныя струи, которыя прибѣжали сюда съ дальнихъ полей... Это не мѣшаетъ помнить,— и теперь, возвращаясь въ столицу, я возвращаюсь съ глубокимъ сознаніемъ значенія и силы этихъ провинціальныхъ струекъ въ нашей русской жизни. И чтобы ни пришлось мнѣ дѣлать дальше, хорошо или плохо, сильно или слабо, — я непремѣнно внесу въ эту работу это свое сознаніе, постараюсь напомнить тѣмъ, кто плаваетъ на большихъ корабляхъ, что имъ нельзя было бы совершать свое большое плаваніе, если бы разныя маленькія рѣчки, носящія маленькія лодки, не сдѣлали своего дѣла.

Надѣюсь, я могу сказать, какъ очевидецъ, что маленькія рѣки уже дѣлаютъ свое тихое дѣло. Во всякомъ случаѣ, — что бы ни было со мной дальше, — нижегородской полосы я уже никогда не вычеркну изъ своей жизни и, повѣрьте искренности моихъ словъ, всегда буду дорожить живой связью съ провинціей вообще,— съ нижегородскимъ Поволжьемъ въ частности. Ваше здоровье, господа, и—за весну въ провинціяхъ»!

Одинъ изъ присутствовавшихъ предложилъ ознаменовать 11-ти-лѣтнее пребываніе Вл. Г. въ Нижнемъ добрымъ дѣломъ и придти на помощь городской народной читальнѣ. Объ учрежденіи послѣдней внесено предложеніе въ думу, но «тамъ говорятъ, что у нихъ нѣтъ денегъ». Поэтому «соберемте здѣсь денегъ—съ міру по ниткѣ, голому рубаха, — и пошлемъ эти деньги въ городскую управу».

Предложеніе это было горячо поддержано. Тутъ же было собрано около 300 р. новой читальнѣ, съ тѣмъ, чтобы ей было присвоено имя нижегородца Николая Александровича Добролюбова. Это предложеніе было принято съ самымъ живымъ сочувствіемъ.

Великіе поэты предъ судомъ каторги. Въ декабрьской книгѣ «Рус. Бог.», въ статьѣ г. Мельшина «Изъ міра отверженныхъ» сообщаются интересныя свѣдѣнія о томъ, какое впечатлѣніе производили произведенія нашихъ классическихъ поэтовъ на каторжанъ. Авторъ статьи, интеллигентный человѣкъ, задумалъ ознакомить своихъ товарищей по каторгѣ съ Пушкинымъ, Лермонтовымъ и другими писателями, которыхъ онъ читалъ имъ вслухъ. Для перваго опыта онъ выбралъ «Братья разбойники» Пушкина. Результатъ получился довольно неожиданный. Съ первыхъ же строчекъ нѣсколько голосовъ закричало: «это про насъ». Всѣ слушали съ восторгомъ и выражали явное сочувствіе братьямъ-разбойникамъ. Вообще, по словамъ г. Мельшина, «Пушкинъ понравился и былъ понятъ почти весь, безъ исключенія. Наибольшимъ, однако, тріумфомъ увѣнчались «Борисъ Годуновъ», «Капитанская дочка» и «Дубровскій». Между прочимъ, извѣстная сцена въ корчмѣ вызвала такое неудержимое веселье и хохотъ, что многіе въ судорогахъ катались по нарамъ... Личность Годунова настолько была понята всѣми, что именемъ его прозвали впослѣдствіи одного арестанта, и оно вообще сдѣлалось въ Шелайской тюрьмѣ синонимомъ всякаго лицемѣрія и политиканства. Но на ряду съ хорошими впечатлѣніями отъ чтенія этихъ произведеній Пушкина, у меня остались и мрачныя, тяжелыя воспоминанія. Сцена убійства Өеодора и Ксеніи въ «Годуновѣ», отъ которой мнѣ стало жутко и страшно, въ нѣкоторыхъ изъ слушателей вызвала сочувствіе.

«— А, гады, закричали,—сказалъ Чирокъ, и былъ поддержанъ Тарбаганомъ, который сталъ хохотать неизвѣстно надъ чѣмъ.

«Такихъ случаевъ я помню множество, когда какое-нибудь трагическое, захватывающее духъ мѣсто вызывало въ арестантахъ внезапный

взрывъ веселости и цинизма... По прочтеніи «Капитанской дочки», «Дубровскаго» и даже «Годунова» нѣкоторые говорили съ искреннимъ сожалѣніемъ:

«— Вотъ времячко-то было! Вотъ, кабы при насъ такая каша заварилась! Мы бы тоже себѣ руки погрѣли!»

Впрочемъ, г. Мельшинъ замѣчаетъ, что дѣлать на основаніи такихъ случаевъ какіе-нибудь общіе выводы, было бы крайне несправедливо. Въ общемъ, Пушкинъ производилъ на всѣхъ слушателей глубокое впечатлѣніе, и неумѣстныя шутки и выходки отдѣльныхъ лицъ показывали только одно—неразвитость художественнаго вкуса. «Не мало помню я и такихъ случаевъ,—говоритъ г. Мельшинъ,—когда самые безнадежные циники и негодяи заражались, въ свою очередь, гуманнымъ настроеніемъ большинства и разсуждали здраво и человѣчно. Не могу позабыть того сердечнаго трепета, съ какимъ приступилъ я къ чтенію «Короля Лира» и «Отелло», единственныхъ произведеній Шекспира, которыя у меня были. Мнѣ думалось, что великанъ-поэтъ долженъ потерпѣть въ этой средѣ полное пораженіе... Но каково же было мое удивленіе, когда обѣ трагедіи произвели небывалый, невиданный мною фуроръ, и поняты были приблизительно такъ, какъ ихъ и слѣдуетъ понимать! При чтеніи первыхъ 2-хъ дѣйствій «Отелло» настроеніе публики было сдержанное, даже холодное: одинъ только изъ арестантовъ поразилъ меня удивительно тонкимъ замѣчаніемъ относительно Яго, котораго онъ раскусилъ послѣ первой же сцены:

«— Ну, этотъ ихъ всѣхъ окрутитъ!»

Но съ начала 3-го дѣйствія настроеніе внезапно перемѣнилось. Многіе повскакали съ наръ и съ горящими глазами обступили меня кругомъ. Впечатлѣніе отъ драмы вышло потрясающее.

По окончаніи чтенія всѣ сразу зашумѣли и заговорили. Жалѣли Дездемону, жалѣли и Отелло; «Ягу» ругали единогласно и строили догадки, какую пытку выдумаетъ для него Кассіо. «Король Лиръ» произвелъ почти одинаково сильное впечатлѣніе, и съ тѣхъ поръ эти двѣ драмы чаще всего остальнаго имѣли спросъ на чтеніе».

Лермонтовъ въ Шелайской тюрьмѣ пользовался большей популярностью, чѣмъ Пушкинъ. Даже его мелкія лирическія стихотворенія нравились арестантамъ больше пушкинскихъ. «Демона» въ первый разъ прослушали довольно холодно, но потомъ всѣ вдругъ почему-то увлеклись имъ и готовы были слушать его хоть каждый вечеръ. «Пѣснь о купцѣ Калашниковѣ» смѣло могла соперничать съ «Демономъ». Большимъ успѣхомъ пользовалась также юношеская драма Лермонтова «Испанцы».

Но главнымъ кумиромъ Шелайскихъ каторжанъ былъ Гоголь. «Герои Гоголя стали въ нашей тюрьмѣ нарицательными именами — лучшій признакъ громадныхъ размѣровъ успѣха», говоритъ г. Мельшинъ. Наибольшій фуроръ произвели, конечно, «Мертвыя души» и «Шинель». Одинъ изъ арестантовъ до того восхитился личностью Ноздрева при первомъ же его появленіи на сцену, что не удержался и воскликнулъ:

«— Да это я! Ей-Богу, я, братцы!..»

Съ тѣхъ поръ прозвище Ноздрева такъ и установилось за нимъ.

«Замѣчательно, что даже юмористическія отступленія Гоголя не оставались безъ вниманія. То мѣсто, гдѣ Гоголь говоритъ о чиновникѣ, который передъ начальникомъ отдѣленія является куропаткой, а передъ подчиненными — Прометеемъ, чрезвычайно понравилось. Запомнилось почему-то даже непонятное слово Прометей и долгое время послѣ того называли этимъ именемъ самого начальника тюрьмы—Лучезарова».

Курьезно также, что Собакевичъ былъ принятъ не за отрицательный, а положительный типъ, который очень понравился арестантамъ.

Изъ народныхъ изданій, бывшихъ у г. Мельшина, большимъ успѣхомъ пользовались книжечки о Сократѣ, Колумбѣ и Александрѣ Великомъ.

За границей.

Эритрея. Когда Европа, послѣ цѣлаго столѣтія, посвященнаго открытіямъ и завоеваніямъ, рѣшилась, наконецъ, цивилизовать внутренность Африки. то, въ видахъ предупрежденія возможныхъ конфликтовъ въ будущемъ прежде всего приступлено было къ разграниченію сферъ вліянія и европейскія державы раздѣлили между собою поле дѣятельности на черномъ континентѣ. Италія, однако, не участвовала въ этомъ раздѣлѣ, но, тѣмъ не менѣе, и она пожелала имѣть свою долю. Такъ какъ она не могла изгнать Францію, водворившуюся въ Алжирѣ, турокъ—изъ Триполи, англичанъ—изъ Египта, и т. д., не могла отнять у португальцевъ Мозамбикъ или у нѣмцевъ—Восточную Африку, то ей оставалось только поискать гдѣ-нибудь на берегу моря такого прохода, который далъ бы ей возможность пробраться къ свободной территоріи внутри, миновавъ разныя «сферы вліянія», установленныя договорами. Поиски увѣнчались успѣхомъ. Непривѣтливый берегъ Краснаго моря не привлекалъ европейцевъ, устраивавшихся въ другихъ, лучшихъ мѣстахъ, и поэтому Италія безъ особеннаго труда могла утвердиться въ одномъ изъ пустынныхъ заливовъ этого берега. Въ 1869 году одинъ итальянскій кораблестроитель, Рубаттино, купилъ у одного изъ «расовъ» или начальниковъ племени Афаръ, гавань Ассабъ и всѣ прибрежные островки и коралловые утесы за 47.000 фр. Въ этомъ мѣстѣ итальянскіе предприниматели думали устроить центръ, куда должны были стекаться караваны изъ Шоа и гдѣ можно было бы устроить складъ товаровъ.

Племя Афаровъ или Данакилей, у которыхъ итальянцы купили берегъ, обитаетъ на всемъ пространствѣ между горами Эфіопіи, долиною Ауша и Краснымъ моремъ. Это очень воинственное племя, и горе европейцу, который рѣшится проникнуть въ ихъ пустыню, не запасшись заранѣе разрѣшеніемъ, или же не явившись къ нимъ въ качествѣ гостя, такъ какъ гостепріимство составляетъ священный обычай въ странѣ. Въ послѣднемъ случаѣ гость долженъ подвергнуться церемоніямъ, устанавливающимъ братство крови, и тогда онъ уже можетъ считать себя въ полной безопасности среди данакилей. Насколько воинственны и храбры эти послѣдніе, доказываетъ, напримѣръ, слѣдующій случай: въ 1875 году, Мунцингеръ-паша со своими 350-ю египетскими солдатами, хорошо вооруженными, и со своею артиллеріей, не могъ противостоять данакилямъ, вооруженнымъ только копьями. Несмотря на такое вооруженіе, данакили перебили почти всѣхъ. Не даромъ у нихъ существуетъ поговорка, что «ружья пугаютъ только трусовъ!»

Маленькая итальянская колонія, только-что народившаяся, возбудила, однако, тревогу и неудовольствіе Англіи. Пошли обычные дипломатическіе запросы и заявленія о лояльности. Италіи, впрочемъ, удалось успокоить Англію и увѣрить ее, что, устраивая эту колонію на берегу Краснаго моря, Италія имѣла въ виду лишь обезпечить своимъ путешественникамъ без-

опасное убѣжище и поддержать другія державы въ ихъ борьбѣ съ негроторговлей. Послѣ этихъ объясненій, въ 1879 г. въ Ассабѣ оффиціально водворился итальянскій коммиссаръ.

Таковы были скромныя начинанія колонизаторской дѣятельности итальянцевъ въ Африкѣ. Свою колонію на Красномъ морѣ итальянцы окрестили античнымъ именемъ Эритреи и это имя, очевидно, возбуждало у нихъ самыя радужныя мечты, такъ какъ итальянскіе патріоты съ этого момента только и помышляли о томъ, какъ бы стать твердою ногою въ Африкѣ и расширить свои владѣнія. Съ этою цѣлью были отправлены: миссія Біанки, погибшая въ пути, и миссія Антонелли, явившаяся къ властителю Шоа Менелику съ подарками и предложеніями вступить въ соглашеніе съ Италіей. Это было какъ разъ въ самый разгаръ махдистскаго возмущенія, взятія Хартума и убійства англійскаго генерала Гордона. Англійская армія что-то ужъ очень медлила идти на помощь пострадавшимъ; Италія же не преминула выказать тревогу по поводу успѣховъ мусульманскаго фанатизма въ Африкѣ и тотчасъ же отправила въ Красное море вооруженную экспедицію. Въ 1885 году, итальянскіе моряки высадились на островѣ Массова и подняли свой національный флагъ рядомъ съ египетскимъ флагомъ. Италія объявила, что она дѣлаетъ это лишь въ видахъ защиты своихъ морскихъ владѣній, которымъ угрожаютъ махдисты. Хедивъ протестовалъ и даже въ своемъ протестѣ назвалъ незаконное занятіе Массовы итальянцами «поступкомъ пиратовъ». Турецкій султанъ, сюзеренъ Египта, съ своей стороны, также пожаловался Европѣ на такой поступокъ итальянцевъ и сдѣлалъ даже спеціальныя представленія римскому правительству по этому поводу, на которыя римское правительство возразило, что оно и не думаетъ посягать «на священныя права султана»; оккупація же острова является лишь простою мѣрою охраненія общественнаго порядка, которую должны одобрить всѣ европейскія державы, сторонницы порядка и мира. Какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ дипломатическихъ запросовъ и отвѣтовъ, Европа объявила себя удовлетворенной разъясненіями Италіи и признала ея образъ дѣйствій безкорыстнымъ и лойяльнымъ. Не прошло и нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ разъясненій Италіи, какъ уже вмѣсто египетскаго флага въ Массовѣ сталъ развѣваться одинъ только итальянскій флагъ, египетстій гарнизонъ былъ изгнанъ и, вмѣсто него, водворился итальянскій военный комендантъ во главѣ военнаго отряда. Въ виду такого явнаго нарушенія своихъ правъ, Порта снова возобновила протесты, но на этотъ разъ никто не обратилъ на нихъ никакого вниманія. Сила даетъ право и Италія осталась въ Массовѣ, а оттуда уже начала двигаться далѣе. Казалось, мечты итальянскихъ патріотовъ близились къ выполненію.

Разумѣется, итальянскія владѣнія по берегу Краснаго моря были только первою ступенью къ колоніальному владычеству; ни Массова, ни Ассабъ сами по себѣ не могли удовлетворить итальянцевъ и дѣйствительно въ нихъ мало привлекательнаго. Массова представляетъ коралловый островъ длиною въ тысячу метровъ и шириною въ триста, безъ всякихъ признаковъ растительности и безъ воды. Лѣтомъ это настоящій адъ. Воздухъ тамъ насыщенъ парами, вслѣдствіе страшно сильнаго испаренія, и дышать въ этой огненной атмосферѣ, не освѣжаемой ни малѣйшимъ дуновеніемъ вѣтра, составляетъ истинное мученіе для европейца. Средняя температура въ январѣ, самомъ холодномъ мѣсяцѣ въ году, $+25^{\circ}$, а въ Іюнѣ термометръ почти не спускается ниже 48° даже ночью. Въ этомъ пеклѣ теперь оби-

таютъ около 5.000 чел. самаго смѣшаннаго населенія. Кого - кого тутъ не встрѣтишь! Арабы, эѳіопы, данакили, галласы, индусы, греки, масса авантюристовъ, національность которыхъ весьма трудно опредѣлить, бывшіе торговцы невольниками и т. п. люди, не стѣсняющіеся въ средствахъ наживы — все это переполняетъ городъ, дѣлая жизнь въ немъ, вмѣстѣ съ ужасающимъ климатомъ, болѣзнями, лихорадкой, дизентеріей и солнечными ударами, довольно невыносимой для европейца. Впрочемъ, европейская колонія и гарнизонъ обитаютъ за городомъ и въ фортѣ. Растительности на островѣ, какъ мы уже говорили, нѣтъ никакой; даже нѣтъ травы, которая могла бы служить кормомъ для скота; Массова служитъ только рынкомъ и складомъ товаровъ. Плотина въ 1.500 метровъ длины соединяетъ Массову съ островкомъ Таулудъ, откуда идетъ другая плотина къ континенту. Плотины эти были выстроены однимъ изъ египетскихъ губернаторовъ для проведенія водопровода, доставляющаго воды потока въ цистерны города Массовы.

Но въ стратегическомъ отношеніи положеніе Массовы очень важно, и это именно и заставило итальянцевъ овладѣть городомъ. Массова—это сѣверныя ворота въ Абиссинію, наиболѣе доступныя и ближайшія къ морю. Южныя ворота, Обокъ, находятся въ рукахъ французовъ. Укрѣпившись въ Массовѣ, итальянцы обратили свои взоры на Абиссинію; они мечтали объ утвержденіи своего протектората въ этой прекрасной странѣ и старались проникнуть къ ней какъ можно ближе. Но не одна природа воздвигала имъ препятствія. Абиссинскій народъ, состоящій изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ, а также начальники отдѣльныхъ племенъ — «расы» и самъ негусъ, не очень благосклонно смотрѣли на итальянцевъ въ своихъ владѣніяхъ и недовѣрчиво относились къ ихъ выгоднымъ торговымъ предложеніямъ, какъ бы чувствуя западню. Но, вотъ, негусъ Іоаннъ, боровшійся и съ нашествіемъ итальянцевъ, и съ неповиновеніемъ подвластныхъ ему расовъ, погибъ отъ руки махдистовъ, въ 1889 г., къ великому удовольствію итальянцевъ, для которыхъ теперь явилась возможность осуществить свои планы,— и Менелика, раса въ Шоа, давно уже питавшаго виды на абиссинскій престолъ. Менеликъ заранѣе постарался заручиться союзничествомъ итальянцевъ и оказывалъ всяческое покровительство итальянскимъ миссіонерамъ и купцамъ, пріѣзжавшимъ въ Шоа. Итальянцы, дѣйствительно, помогли ему вступить на абиссинскій престолъ, и Менеликъ нашелъ ихъ дружбу очень выгодной для себя, тѣмъ болѣе, что итальянцы предложили ему покорить его власти бунтующихъ расовъ провинціи Тигре, Мангашу и Аллула. Съ этою именно цѣлью, генералы Бальдиссера и Отеро заняли Керенъ, плоскогоріе Асмару и Богосъ и, наконецъ, прошли безпрепятственно въ Адуа, столицу Тигре.

Сначала все шло хорошо. Главный совѣтникъ и довѣренное лицо Менелика, расъ Маконненъ, былъ приглашенъ въ Римъ, гдѣ его чествовали, какъ представителя негуса. Онъ присутствовалъ на смотрахъ и маневрахъ итальянскихъ войскъ, на разныхъ празднествахъ, устраиваемыхъ въ его честь, и уѣхалъ, увозя съ собою пріятныя воспоминанія объ итальянскомъ гостепріимствѣ и подарки для негуса, въ числѣ которыхъ находилась даже цѣлая баттарея.

Но Криспи, итальянскій министръ-президентъ, не даромъ такъ ухаживалъ за Менеликомъ; онъ надѣялся, такъ или иначе, заставить его согласиться на протекторатъ Италіи. Однако, понимая, что врядъ ли прямыми средствами ему удается достигнуть своей цѣли, Криспи прибѣгнулъ къ

хитрой уловкѣ. Его уполномоченный, графъ Антонелли, пустивъ въ ходъ все свое дипломатическое искусство, уговорилъ Менелика подписать союзный договоръ съ Италіей. Это былъ пресловутый Уччіальскій договоръ, въ который была включена статья, утверждавшая протекторатъ Италіи, хотя самаго этого слова и не было произнесено въ договорѣ. Но въ этой статьѣ говорилось, что «всѣ сношенія Абиссиніи съ европейскими державами должны происходить черезъ посредство итальянскихъ министровъ», а это было равносильно учрежденію протектората, о чемъ Криспи и не замедлилъ довести до свѣдѣнія всѣхъ европейскихъ державъ. Итальянскіе патріоты ликовали, итальянская печать прославляла подвиги итальянской дипломатіи и Криспи потиралъ себѣ руки отъ удовольствія при мысли объ успѣхахъ своей политики. Но «не хвали день раньше вечера», и въ этомъ Криспи пришлось убѣдиться самымъ прискорбнымъ для себя и Италіи образомъ. Менеликъ, конечно, и не подозрѣвалъ, что онъ подставляетъ свою шею подъ ярмо протектората, подписывая договоръ. Цѣня услуги Италіи, онъ согласился на предложеніе Антонелли включить въ договоръ статью о томъ, что Италія *можетъ* быть посредницею въ сношеніяхъ Менелика съ иностранными державами. Но хитрый дипломатъ, пользуясь тѣмъ, что Менеликъ былъ несвѣдущъ въ дипломатическихъ тонкостяхъ, замѣнилъ слово *можетъ* словомъ *долженъ*, и весь договоръ сразу получилъ другой смыслъ. Протекторатъ былъ установленъ, и кромѣ того Италія снабдила деньгами ничего не подозрѣвающаго Менелика, но, разумѣется, взявъ съ него долговыя обязательства, невыполненіе которыхъ давало Италіи извѣстныя права. Недолго, однако, ликовали итальянцы. «Кто - то» отправилъ Менелику копію съ парламентской Зеленой Книги (собраніе документовъ, относящихся къ итало-абиссинскому договору) и среди приближенныхъ Менелика нашелся услужливый и ловкій человѣкъ, который разъяснилъ ему значеніе пресловутой статьи Уччіальскаго договора, посягающей на независимость Абиссиніи.

Менеликъ пришелъ въ страшную ярость. Разсказываютъ, что онъ изорвалъ въ клочки и присланную копію и хранившійся у него протоколъ его договора съ итальянцами. Затѣмъ онъ тотчасъ же написалъ королю Гумберту протестъ. «Я соглашался лишь на то, что Абиссинія можетъ прибѣгать къ посредничеству Италіи въ случаѣ нужды и Италія, изъ дружбы, можетъ помогать въ устройствѣ абиссинскихъ дѣлъ,—писалъ негусъ,—но я вовсе не имѣлъ въ виду брать на себя какихъ бы то ни было обязательствъ въ этомъ отношеніи. Никакое независимое государство никогда не подписало бы подобнаго договора!» Менеликъ требовалъ, чтобы былъ исправленъ текстъ договора и разъяснена европейскимъ державамъ «дурно понятая» статья.

Криспи старался замять этотъ непріятный инциндентъ. Антонелли былъ снова посланъ въ Абиссинію, но Менеликъ даже не принялъ его. Италіи пришлось поневолѣ примириться со своимъ пораженіемъ и она имѣла благоразуміе не настаивать на выполненіи Уччіальскаго договоря, тѣмъ болѣе, что негусъ, чтобы окончательно освободиться отъ итальянской опеки, выплатилъ деньги, взятыя у Италіи.

Но Италія, повидимому, и не думала отказываться отъ своихъ колоніальныхъ замысловъ, хотя и согласилась на фиктивный протекторатъ вмѣсто дѣйствительнаго. Мало - по - малу она распространяла свои владѣнія, блокируя крѣпость, отказавшуюся капитулировать. Генералъ Баратіери завладѣлъ Кассалой, выгнавъ оттуда махдистовъ, и затѣмъ два раза предпри-

нималъ походъ въ Тигре, противъ Мангаши. Онъ захватилъ Адуа и Адижатъ и, изгнавъ раса Мангашу, на мѣсто его посадилъ другого раса, Агоса Тафари. Казалось, нечего было сомнѣваться въ успѣхахъ итальянской кампаніи въ Африкѣ. Однако Менеликъ вооружался, въ разныхъ мѣстахъ сосредоточивались абиссинскіе отряды, хотя въ то же время велись разговоры о мирѣ и итальянскій полководецъ, плохо освѣдомленный о положеніи дѣлъ, не разглядѣлъ опасности. Нужна была кровавая битва въ Амба-Аладжи и гибель цѣлаго итальянскаго отряда, чтобы раскрыть глаза итальянцамъ, не считавшимъ Абиссинію сильнымъ врагомъ. Теперь передъ Италіей встаетъ роковой вопросъ: какъ быть дальше? Отступить не позволяетъ національное достоинство; продолжать африканскую кампанію — это значитъ окончательно истощить страну, и безъ того изнемогающую подъ тяжестью вооруженій и налоговъ. Врагъ неожиданно оказался гораздо сильнѣе, чѣмъ предполагали итальянцы, и положеніе итальянцевъ сдѣлалось довольно критическимъ. Предсказать исходъ африканской кампаніи теперь еще трудно, но, во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что послѣдствія колоніальныхъ замысловъ итальянскаго правительства, каковы бы они ни были, очень вредно отзовутся на странѣ, хотя, быть можетъ, все-таки будутъ имѣть ту хорошую сторону, что убѣдятъ Италію во вредѣ колоніальной завоевательной политики.

Юбилей Песталоцци. Въ первыхъ числахъ января этого года исполнилось 150 лѣтъ со дня рожденія Песталоцци, великаго дѣятеля по народному образованію и основателя народной школы. Песталоцци былъ швейцарецъ и поэтому Швейцарія отпраздновала его юбилей съ должною пышностью. Имена такихъ дѣятелей, какъ Песталоцци, должны вѣчно жить въ народѣ и о нихъ не мѣшаетъ почаще напоминать послѣдующимъ поколѣніямъ. Характеръ Песталоцци и его личность лучше всего обрисовываются слѣдующими словами, выраженными на его памятникѣ въ Ивердонѣ: «Все для другихъ—ничего для себя». Дѣйствительно, вся жизнь Песталоцци была безкорыстнымъ служеніемъ великой идеѣ просвѣщенія народа. Онъ служилъ этому дѣлу съ самоотверженіемъ мученика идеи, отдалъ ему всю свою жизнь, терпѣлъ гоненія и притѣсненія, но ни разу не отступилъ отъ своихъ убѣжденій и заставилъ, наконецъ, весь міръ признать справедливость своихъ взглядовъ. Душа Песталоцци, чистая и безкорыстная, высказалась во всей своей красотѣ въ слѣдующемъ посвященіи, которое онъ сдѣлалъ къ одному изъ своихъ сочиненій: «Низшему классу Гельвеціи (Швейцаріи). Я долго смотрѣлъ на твое жалкое, тяжелое положеніе, и сердце мое наполнялось скорбью. Дорогой мой народъ, сказалъ я себѣ, я приду къ тебѣ на помощь. Я не искусенъ, не вооруженъ наукой, въ этомъ свѣтѣ я ничто, совсѣмъ ничто, но я хорошо знаю тебя и отдаю тебѣ все, что успѣлъ пріобрѣсти въ теченіе всей своей трудовой жизни. Я отдаю тебѣ всего себя. Читай, что я предлагаю, безъ предвзятой мысли, и если кто-нибудь дастъ тебѣ лучшее, то брось меня; пусть въ твоихъ глазахъ я превращусь въ прежнее «ничто», какимъ я былъ всю свою жизнь. Но если никто не скажетъ тебѣ того, что говорю я, никто не скажетъ такъ доступно и пригодно, какъ говорилъ я, то подари мою память, мою жизнь, мою, угасшую для тебя, дѣятельность, слезою—одною только слезою».

Жизнь Песталоцци дѣйствительно можетъ служить примѣромъ самаго идеальнаго самоотверженія. Ему приходилось бороться съ самыми трудными и неблагопріятными условіями. Въ его время въ Швейцаріи господ-

ствовала величайшая грубость нравовъ и сельское населеніе отличалось невѣжествомъ и даже рабскою приниженностью, такъ какъ города оказывали величайшій гнетъ на крестьянъ и всячески притѣсняли ихъ. Вездѣ господствовалъ величайшій произволъ, но приниженное невѣжественное населеніе и не пробовало протестовать противъ этого. Крестьяне, имѣли право заниматься только земледѣліемъ, торговля же и ремесла составляли монополію городскихъ жителей. Произвольное ограниченіе правъ крестьянъ шло еще дальше: имъ не позволялось продавать другъ другу свои произведенія и крестьянинъ все долженъ былъ покупать въ городѣ и платить втрое дороже; онъ не смѣлъ даже ткать полотно для себя или самъ выкрасить свой домъ, а долженъ былъ ѣхать за этимъ въ городъ и тамъ покупать полотно и нанимать маляра. Даже деньги взаймы крестьяне не могли давать другъ другу не иначе, какъ подъ городскіе проценты. Такое порабощеніе крестьянъ возмущало лучшихъ людей того времени, и Песталоцци, съ дѣтства обнаруживавшій сильно развитое чувство состраданія, проникся сочувствіемъ къ угнетеннымъ крестьянамъ и только и думалъ о томъ, какъ бы помочь имъ выбраться изъ своего безправнаго положенія. Поэтому-то онъ такъ и старался о подъемѣ населенія въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, понимая, что, лишь сознавъ свое приниженное положеніе, люди въ состояніи стремиться къ его измѣненію.

Изъ своего пребыванія въ городской школѣ Песталоцци вынесъ полное убѣжденіе въ ея неприглядности. «Школы,—писалъ онъ впослѣдствіи,—ничто иное, какъ искусственныя машины, заглушающія всѣ слѣды силы и опыта, влагаемыя въ душу дѣтей природою. Представьте себѣ на минуту весь ужасъ такого убійства!» Песталоцци возмущался, что дѣтей отрываютъ отъ природы, останавливаютъ непринужденное свободное развитіе, скучиваютъ ихъ толпами какъ овецъ, засаживаютъ въ душную комнату и заставляютъ цѣлые дни, недѣли, мѣсяцы и годы зубрить неинтересныя и непривлекательныя вещи и жить жизнью, совершенно противоположной той, которой они жили до сихъ поръ. Поэтому-то Песталоцци и совѣтовалъ замѣнить школьное обученіе обученіемъ въ семьѣ.

Съ самой ранней юности Песталоцци мечталъ о служеніи народу и думалъ о томъ, на какомъ поприщѣ онъ болѣе всего можетъ принести пользы народу. Сначала онъ рѣшилъ быть юристомъ, но эта профессія рѣшительно не соотвѣтствовала его характеру и онъ отказался отъ нея. Тогда онъ задумалъ быть пасторомъ; но и тутъ его постигла неудача. Послѣ этого Песталоцци пришелъ къ убѣжденію, что вліять на крестьянъ онъ можетъ лишь сдѣлавшись самъ поселяниномъ-земледѣльцемъ и въ концѣ концовъ рѣшилъ сдѣлаться сельскимъ хозяиномъ. Отчасти на это рѣшеніе Песталоцци повліяли идеи Руссо, которыми Песталоцци не могъ не увлечься по самому существу своей природы. Однако, опытъ занятія сельскимъ хозяйствомъ оказался неудачнымъ для Песталоцци; непрактичность его и довѣрчивость повредили ему. Онъ и его семья очутились безъ всякихъ средствъ послѣ этого опыта.

Пришлось отложить мечты объ улучшеніи крестьянскаго хозяйства и надо было позаботиться о томъ, какъ бы прокормить семью. Своимъ трудомъ Песталоцци могъ бы обезпечить себѣ болѣе или менѣе безбѣдное существованіе, но онъ увлекся новымъ дѣломъ, которое опять привело его къ нищетѣ. Бѣдственное положеніе крестьянскаго населенія Швейцаріи заставляло Песталоцци болѣть душой и особенно огорчало его то, что множество дѣтей оставалось безъ приста-

ница и погибало. Песталоцци задумалъ спасти хотя нѣкоторыхъ изъ нихъ и рѣшилъ пріютить ихъ въ своемъ маленькомъ помѣстьи, сколько будетъ можно и постараться воспитать ихъ. Въ своемъ домѣ, въ Нейгофѣ (такъ называлось его помѣстье), онъ устроилъ пріютъ для бездомныхъ дѣтей. Не имѣя средствъ нанять себѣ помощника, Песталоцци. вмѣстѣ со своею женою, несъ на себѣ всѣ заботы по учрежденію и училъ дѣтей, которыя очень быстро привязались къ нему и старались учиться и хорошо вести себя, чтобы не огорчать своего «отца» — такъ они называли Песталоцци. Такъ какъ у пріюта не было никакихъ средствъ, то Песталоцци рѣшилъ, что средства къ жизни будетъ доставлять посильный трудъ дѣтей и пріютъ будетъ самъ содержать себя; дѣти же пріобрѣтутъ практическія познанія въ области домашняго и сельскаго хозяйства, которыя впослѣдствіи имъ могутъ пригодиться.

Къ сожалѣнію, и эта, прекрасная въ теоріи, идея оказалась на практикѣ невыполнимой. Песталоцци набралъ слишкомъ много дѣтей и стоимость ихъ содержанія превышала всѣ рессурсы пріюта. Буржуазное же общество не отозвалось на воззваніе Песталоцци и не пришло къ нему на помощь. Напротивъ, его упорство и самотверженіе многими считалось признаками безумія. Бѣдному Песталоцци пришлось вынести не мало насмѣшекъ на этотъ счетъ, и онъ даже боялся гдѣ-нибудь показываться, чтобы не возбуждать этихъ насмѣшекъ и не слышать порою даже прямыхъ отзывовъ о своемъ безумии.

Когда Песталоцци пришлось поневолѣ отказаться отъ практическаго примѣненія своихъ идей, онъ обратился къ литературѣ и въ ней началъ разработывать и распространять начала своей педагогической системы. Цѣлыхъ двадцать лѣтъ ушло на эту пропаганду, но, наконецъ, идеи Песталоцци взяли верхъ и онъ получилъ возможность снова приложить ихъ къ практикѣ.

На литературномъ поприщѣ Песталоцци имѣлъ очень большой успѣхъ Его разсказъ «Лингардтъ и Гертруда» сразу сдѣлалъ его знаменитымъ. Хотя онъ написалъ это беллетристическое произведеніе, какъ и многія другія, главнымъ образомъ, съ цѣлью раздобыть кусокъ хлѣба для своей голодающей семьи, но все же онъ старался во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ пропагандировать свои идеи, облекая ихъ въ форму, болѣе доступную для читателей. Благодаря этому обстоятельству, идеи его быстро распространились; о немъ заговорили газеты и журналы, но прошло еще много времени, пока Песталоцци представился случай примѣнить къ дѣлу неоцѣненныя сокровища своей души и осуществить свою мечту. И тутъ Песталоцци пришлось натерпѣться въ началѣ много мукъ и невзгодъ, но идеи его все-таки уже начали приносить плоды.

Явился интересъ къ дѣлу народнаго образованія и книги его, въ которыхъ онъ говорилъ о важности и необходимости просвѣщенія народа. сдѣлались настольными книгами у тогдашнихъ швейцарскихъ дѣятелей. Песталоцци сдѣлался предметомъ общаго вниманія и, конечно, при такихъ условіяхъ его мечты объ устройствѣ образцоваго учебно - воспитательнаго заведенія встрѣтили общее сочувствіе. Такое заведеніе было устроено въ Бургсдорфскомъ замкѣ. Но и тутъ судьба не дала успокоиться бѣдному мученику идеи. Песталоцци не понравился Наполеону и швейцарское правительство, состоявшее изъ ставленниковъ французскаго императора, закрыло Бургсдорфскій институтъ. приказавъ Песталоцци убираться, со своими питомцами куда ему угодно. Но тутъ возмутилась уже вся страна и множество городовъ прислали къ

Песталоцци депутаціи, предлагая ему общественныя зданія для устройства института. Песталацци выбралъ Ивердонъ на берегу Невшательскаго озера. Это заведеніе пріобрѣло со временемъ всемірную извѣстность и существовало съ 1805 по 1825 г. Институтъ посѣщали разныя лица, желавшія ознакомиться съ методою Песталоцци и между ними попадались даже коронованныя особы, короли голландскій и прусскій и императоръ Александръ I, интересовавшійся идеями Песталоцци. Но не смотря на свою громкую славу заведеніе все-таки въ концѣ концовъ пришло въ упадокъ и должно было закрыться, за неимѣніемъ средствъ. Такова была роковая судьба всѣхъ практическихъ начинаній Песталоцци, такъ какъ онъ былъ прежде всего мыслитель и въ практической жизни всегда терпѣлъ неудачу, закрытіе Ивердонскаго института было послѣднимъ ударомъ, который пришелся на долю Песталоцци. Ему было тогда 79 лѣтъ. Черезъ три года онъ умеръ. За гробомъ его шли сельскіе учителя и школьники, питавшіе къ нему самую горячую привязанность. Но если на практикѣ Песталоцци и терпѣлъ неудачу, то все же идеи его и до сихъ поръ не потеряли своего значенія. Онъ основалъ дѣло народнаго образованія своею пропагандой и создалъ педагогическую систему, въ основу которой положена любовь къ дѣтямъ и уваженіе къ ихъ умственной и нравственной личности.

Зейтунскіе армяне. Армянскія дѣла, въ послѣднее время, уже не такъ поглощаютъ вниманіе Европы, отвлеченное въ другую сторону новыми событіями: войною итальянцевъ съ Абиссиніей, столкновеніемъ Англіи съ Соединенными Штатами изъ за Венецуэллы и съ трансваальской республикой и т. п. Общественное мнѣніе Европы какъ-то перестало уже волноваться сообщеніями о звѣрствахъ въ Арменіи и если въ англійскихъ газетахъ и попадаются еще разсказы объ этихъ звѣрствахъ, то во всякомъ случаѣ они не заполняютъ собою столбцовъ газетъ и проходятъ почти незамѣченными въ массѣ другихъ политическихъ новостей. Чувствительность европейской публики, повидимому, уже притупилось и бѣдствія армянъ Малой Азіи, впрочемъ, страдающихъ теперь болѣе отъ холода и голода и неимѣнія пристанища, нежели отъ кровожадности и фанатизма курдовъ, не такъ сильно дѣйствуютъ на воображеніе европейцевъ, какъ дѣйствовали описанія Сассунскихъ убійствъ и т. п. Султанъ обѣщалъ реформы; надо ждать—таковъ лозунгъ европейской политики по отношенію къ Арменіи въ настоящее время.

Между тѣмъ, нѣкоторыя событія, совершающіяся въ Арменіи въ данную минуту, представляютъ не малый историческій интересъ. Горсть армянскихъ горцевъ въ Зейтунскомъ округѣ, овладѣвъ турецкою крѣпостью и гарнизономъ, вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ выдерживаютъ правильную осаду турецкаго регулярнаго войска, и турки, потерявъ надежду покорить этихъ удальцевъ, обратились опять къ посредничеству европейскихъ державъ, любезно предложившихъ помогать Турціи въ ея затрудненіяхъ. Пусть европейскіе консулы вступятъ въ переговоры съ непокорными бунтовщиками и выработаютъ условія сдачи крѣпости, отъ которыхъ не слишкомъ бы пострадало достоинство Турціи и она все-таки сохранила бы видъ побѣдителя! Въ данную минуту, когда пишутся эти строки, переговоры еще не начаты; вслѣдствіе неблагопріятнаго времени года, путешествіе по Арменіи сопряжено съ величайшими затрудненіями, особенно для европейца, и поэтому консулы еще не добрались до мѣста назначенія. Что же касается условій, на которыхъ Тур-

ція *согласна принять покорность Зейтуна*, то въ этомъ отношеніи консулы, конечно, облечены широкими полномочіями, но, тѣмъ не менѣе, извѣстно, что султанъ особенно настаиваетъ на полномъ разоруженіи зейтунскихъ жителей и на выдачѣ зачинщиковъ—оба условія, одинаково трудно выполнимыя, такъ какъ горцы не привыкли разставаться со своимъ оружіемъ, да и ихъ собственная безопасность требуетъ, чтобы они не разставались съ нимъ; что же касается выдачи зачинщиковъ, то врядъ ли, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, есть зачинщики среди горцевъ, тамъ есть, безъ сомнѣнія, вожди или вождь, организовавшій защиту, стремленіе же сохранить свою независимость живетъ въ душѣ каждаго зейтунца. Эти прямые наслѣдники древней Арменіи до настоящаго времени жили совершенно изолированными отъ всего остальнаго міра, сохраняя вѣрность своимъ національнымъ обычаямъ и вѣрѣ своихъ предковъ. О нихъ ничего не было слышно и никто не интересовался ихъ исторіей и не старался опредѣлить точнымъ образомъ ихъ историческое происхожденіе и перечислить ихъ подвиги въ вѣковой борьбѣ съ исламомъ. До событій послѣдняго времени, обратившихъ всѣ взоры на Арменію, врядъ ли кто-нибудь въ Европѣ интересовался Зейтуномъ, а обыкновенная читающая публика не могла, по всей вѣроятности, въ точности опредѣлить, гдѣ это находится Зейтунъ или «Zeitounlis», что означаетъ страна оливокъ. Надо, впрочемъ, сказать правду, что округъ этотъ лежитъ въ сторонѣ отъ большого движенія и жители его пріобрѣли такую репутацію разбойничества, что немногіе изъ путешественниковъ рѣшались пускаться въ ихъ неприступныя владѣнія.

Округъ Зейтунскій, гористый, покрытый утесами, перерѣзанный глубокими ущельями, имѣетъ не болѣе 34 миль въ окружности. Только въ южной его части находятся три плоскогорья. Округъ состоитъ изъ трехъ селъ и двадцати армянскихъ деревушекъ и трехъ мусульманскихъ поселеній. Опредѣлить, болѣе или менѣе точнымъ образомъ, число жителей этого округа невозможно: однако, приблизительно считаютъ, что онъ населенъ 15.350 жителями, изъ которыхъ 14.650 христіане, а 1.270 мусульмане.

Въ центрѣ округа, въ глубинѣ очень узкой долины, на южномъ склонѣ горы Кадеръ находится деревня Зейтунъ, какъ бы назначенная самою природою служить убѣжищемъ всего христіанскаго населенія округа въ случаѣ опасности. Деревня эта, точно средневѣковой замокъ, ютится на верхушкѣ горы, между двумя горными потоками, свергающимися въ ущельяхъ и окружающими съ трехъ сторонъ возвышенность, у подошвы которой оба потока сливаются вмѣстѣ. Позади Зейтуна возвышается скалистая цѣпь горъ, представляющихъ непреодолимую преграду. Гора, на которой расположена деревня, такъ крута, что дома, выстроены уступами и крыша одного служитъ дворомъ для другого, и добраться до деревни можно лишь по очень узкой тропинкѣ, извивающейся между утесами, по которой едва могутъ пройти маленькія мѣстныя лошадки. Это настоящее орлиное гнѣздо, обитатели котораго, благодаря такому выгодному положенію, не опасались никакого нашествія и не заботились объ укрѣпленіи своего убѣжища, представлявшаго и такъ неприступную крѣпость.

Деревня Зейтунъ раздѣляется на четыре квартала, носящихъ названіе четырехъ главныхъ династій или семействъ, управлявшихъ округомъ, такъ какъ до 1864 года Зейтунъ представлялъ чистѣйшую форму республиканской олигархіи, во главѣ которой находились четыре почетныхъ

лица «шиканы», представители четырехъ вышеназванныхъ династій: Суренъ-Оглу, Іени-Дуніо-Оглу, Якубъ-Оглу и Шеръ-Оглу. Каждый изъ этихъ представителей или «шикановъ», должность которыхъ была наслѣдственною, управлялъ своимъ кварталомъ Зейтуна и всѣми семьями, живущими въ его кварталѣ и находящимися въ родствѣ съ его семьей. Онъ назначалъ «каба-дам» (стариковъ), членовъ совѣта, собиравшагося въ торжественныхъ случаяхъ, всякій разъ, когда представлялась необходимость оказать сопротивленіе оттоманскимъ властямъ. Народъ также участвовалъ въ этихъ совѣщаніяхъ и рѣшенія совѣта всегда руководствовались мнѣніемъ большинства. Правосудіе, находившееся въ рукахъ почетныхъ лицъ Зейтуна, также въ своихъ приговорахъ руководствовалось только здравымъ смысломъ да личными качествами виновнаго, не принимая при этомъ въ соображеніе никакихъ законовъ и не подчиняясь никакой спеціальной кодификаціи. Но что всего любопытнѣе, судьи не обладали никакими средствами заставить присужденныхъ подчиниться приговору и, объявляя имъ свой приговоръ, предоставляли имъ самимъ, признавъ его справедливость, выполнить его. Если же осужденные отказывались отъ исполненія приговора, то единственнымъ для нихъ наказаніемъ было: объявленіе презрѣнія, и они лишались права сами прибѣгать къ правосудію, если имъ это понадобится, и приносить свои жалобы судьямъ.

Высшее духовное лицо въ Зейтунѣ, епископъ, не пользовался никакою политическою властью, поэтому онъ проводилъ большую часть времени въ двухъ большихъ зейтунскихъ монастыряхъ: «Avtiazatsin» (Св. Дѣвы) и «Surb-Gerguitch» (Спасителя).

Разумѣется, не всегда все шло гладко въ этой оригинальной республикѣ. Среди «шикановъ» попадались дурные люди, совершавшіе много несправедливостей; но лишь только дѣло заходило о томъ, чтобы противодѣйствовать туркамъ, обнаруживавшимъ стремленіе завладѣть орлинымъ гнѣздомъ, — немедленно всѣ личные интересы отходили на второй планъ и каждый изъ зейтунцевъ, не колеблясь, жертвовалъ всѣмъ, даже жизнью, только бы сохранить независимость своего орлинаго гнѣзда, такъ какъ зейтунцы скорѣе дали бы изрубить себя въ куски, нежели согласились бы превратиться въ такихъ рабовъ, въ какихъ обратились ихъ единовѣрцы и соплеменники въ сосѣдней области Мараша. Совершенную противоположность зейтунцамъ составляютъ мусульмане, населяющіе этотъ округъ, такъ какъ они отличаются всѣми свойствами и недостатками рабовъ, всегда повергающихся въ прахъ передъ власть имущими и сильными.

Средства къ жизни зейтунцы добываютъ изъ земли; они разводятъ виноградники и сѣютъ хлѣбъ и овесъ, гдѣ это допускаетъ почва. Но больше всего доходовъ доставляютъ имъ лѣса и желѣзные рудники. Торговый обмѣнъ въ Зейтунѣ очень незначителенъ и во всемъ округѣ врядъ ли найдется хоть одна лавка. Зейтунецъ всѣмъ, что ему необходимо, запасается самъ; онъ разводитъ хлопокъ, табакъ и виноградъ, изъ котораго дѣлаетъ вино, для себя и самъ изготовляетъ нужныя ему орудія. Желѣзная руда и дровяной матеріалъ, доставляемый ему лѣсомъ, онъ продаетъ въ сосѣднія провинціи и, такимъ образомъ, раздобываетъ то, чего ему не достаетъ въ его хозяйствѣ. Разумѣется, при такихъ условіяхъ богатство представляетъ рѣдкое явленіе въ Зейтунѣ.

Когда губернаторъ Мараша (вали) ввелъ свою систему налоговъ, потребовавъ отъ Зейтуна правильной уплаты ихъ, то зейтунцы наотрѣзъ отказались исполнить это требованіе, и съ той поры началась скрытая борьба

между турками и зейтунцами, не разъ вызывавшая настоящіе походы на Зейтунъ. Въ теченіе многихъ лѣтъ турки всячески старались смирить зейтунцевъ и съ этою цѣлью организовано было нѣсколько военныхъ экспедицій. Но всѣ эти экспедиціи потерпѣли неудачу. Зейтунцы перенесли осаду, голодъ, но когда захватили ихъ паломниковъ, въ качествѣ заложниковъ, то они набросились на Марашъ и разграбили его.

Но турецкіе вали не хотѣли признать свое безсиліе; они продолжали предъявлять свои требованія Зейтуну. Въ 1856 году Мунибъ-паша явился во главѣ вооруженнаго войска и потребовалъ уплаты 100.000 піастровъ. Зейтунцы отвѣтили: «приди и возьми!» затѣмъ прогнали и его, и его войско. Въ слѣдующемъ году Куршидъ-паша устроилъ блокаду Зейтуна, и зейтунцы какъ будто покорились, объявивъ, что примутъ оттоманскаго мудира (чиновника), который и былъ посланъ къ нимъ. Это былъ первый оттоманскій чиновникъ, проникшій въ Зейтунъ, но ему пришлось ограничиться лишь опредѣленіемъ на бумагѣ суммы налога, который надлежало уплатить зейтунцамъ, и тѣмъ дѣло и ограничилось. Понадобилась новая военная экспедиція, также не имѣвшая успѣха, какъ и всѣ предыдущія. Упорство Порты въ данномъ случаѣ замѣчательно, и въ теченіе нынѣшняго столѣтія 40 разъ турки пробовали усмирять зейтунцевъ, но тѣ геройски защищали свое орлиное гнѣздо, куда еще не проникала нога врага. Въ 1862 году вали Мараша, Азизъ-паша, не дожидаясь приказаній изъ Константинополя, организовалъ новый походъ въ Зейтунъ, во главѣ 13.000 войска, преимущественно состоящаго изъ черкесовъ. Благодаря искусной агитаціи, въ Марашѣ произошелъ взрывъ мусульманскаго фанатизма, и христіане, живущіе въ городѣ, спасены были только благодаря вмѣшательству консуловъ въ Алеппо, но за-то весь гнѣвъ обратился на зейтунцевъ. Зажиточные жители Мараша пожертвовали крупныя суммы для покрытія расходовъ на экспедицію, на тотъ случай, если бы правительство отказалось поддержать ее. Армія Азиза двинулась въ походъ, предшествуемая 200 знаменами и драгоцѣннымъ ковчегомъ, въ которомъ хранился клокъ изъ бороды Магомета—эту священнѣйшую реликвію Азизъ нарочно выписалъ изъ Мекки для этой цѣли. Болѣе 300 имамовъ, хаджей, дервишей и софтъ шли вмѣстѣ съ турецкими колоннами, проповѣдуя «газаватъ»—священную войну и произнося громко молитвы.

Во всѣхъ окрестностяхъ Зейтуна, въ Алабахѣ и въ монастырѣ Спасителя произведены были всевозможныя звѣрства и головы убитыхъ армянъ отправлены были въ Марашъ для выставки на площади. Но когда дѣло дошло до атаки самого Зейтуна,— туркамъ пришлось плохо. Зейтунцы вышли къ нимъ на встрѣчу толпой, предшествуемые епископомъ, который несъ крестъ и евангеліе, и съ нимъ четыре священника въ полномъ облаченіи, распѣвавшіе священные псалмы. Иррегулярное войско Азиза было разбито на голову и обратилось въ дикое бѣгство, оставивъ на полѣ сраженія 350 убитыхъ, 50 раненыхъ и клокъ бороды Магомета. Самъ Азизъ такъ струсилъ, что его едва усадили на лошадь. Въ паническомъ ужасѣ войско бѣжало въ Марашъ, пройдя двѣнадцать миль, отдѣляюшія отъ Мараша, менѣе чѣмъ въ шесть часовъ.

Зейтунъ, однако, дорого заплатилъ за эту побѣду. Его стали тревожить со всѣхъ сторонъ, до тѣхъ поръ, пока онъ не сдался, вынужденный къ тому голодомъ. Но даже покорившіеся зейтунцы отказались выдать пять требуемыхъ заложниковъ, и тогда турки заманили шикановъ въ западню и уморили ихъ въ тюрьмѣ.

*

Таковъ былъ конецъ олигархической республикѣ въ Зейтунѣ. Мало-по-малу, тамъ водворилась оттоманская администрація. Въ Зейтунъ посадили турецкаго каймакама, выстроили казарму для турецкихъ солдатъ, и Зейтунъ былъ названъ крѣпостью. Но зейтунцы, тѣмъ не менѣе, сохранили свой независимый нравъ и очень нетерпѣливо переносили иго турецкой администраціи. Въ 1878 году вспыхнуло новое возстаніе въ Зейтунѣ, и потомокъ одной изъ династій, правившихъ Зейтуномъ, Бабикъ, принялъ титулъ шикана и сталъ во главѣ бунтовщиковъ. Портѣ удалось тогда усмирить Зейтунъ посредствомъ обѣщаній, которыя, однако, она и не думала исполнить. Теперь этотъ самый Бабикъ снова вышелъ на сцену и руководитъ нынѣшнимъ возстаніемъ, и событія указываютъ, что оттоманское правительство не такъ-то легко можетъ овладѣть этимъ горнымъ гнѣздомъ.

Наука въ Китаѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ очень древнія времена китайцы обладали довольно высокою степенью культуры и познанія ихъ въ нѣкоторыхъ наукахъ были достаточно глубоки для той отдаленной эпохи. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что императоръ Яо, царствовавшій за 2357 лѣтъ до Р. Х., самъ научилъ своихъ астрономовъ узнавать по нѣкоторымъ свѣтиламъ начало временъ года. Онъ предписывалъ имъ вычислять и наблюдать движенія солнца, луны и планетъ, сообщилъ имъ, что годъ заключаетъ въ себѣ немного менѣе 366 дней, и такъ какъ онъ раздѣлилъ годъ на лунные мѣсяцы, то указалъ астрономамъ, какіе года должны быть высокосными. Китайцы, впрочемъ, знали уже тогда разницу между экваторомъ и эклиптикой и первый назывался у нихъ равноденственною линіей—«Tche-Tao», а вторая—желтою дорогой «Hoang-Tao». Имъ были уже извѣстны пять планетъ: Сатурнъ, Юпитеръ, Марсъ, Венера и Меркурій, они вычисляли затмѣнія и имѣли годовой календарь. Вообще, свѣдѣнія ихъ по астрономіи были довольно велики и разнообразны; замѣчательно, что китайцы не прибѣгали ни къ какимъ теоретическимъ построеніямъ или доказательствамъ, а пользовались самыми простыми способами наблюденій и дѣлали изъ нихъ совершенно правильные выводы, соотвѣтствующіе нашимъ современнымъ теоріямъ. Такимъ образомъ, астрономія стояла въ Китаѣ на большой высотѣ въ эти отдаленныя эпохи и всегда была тѣсно связана съ астрологіей; она служила, между прочимъ, для устанавливанія разныхъ публичныхъ церемоній и назначенія административныхъ работъ. Но теперь уже давно наука эта сошла со своей высоты и находится въ полномъ пренебреженіи; календарь же служитъ лишь для того, чтобы поддерживать и распространять въ народѣ знаніе различныхъ таинственныхъ формулъ и оракуловъ, составленныхъ на основаніи разнообразныхъ положеній планетъ. Въ собраніи китайскихъ законовъ говорится, напримѣръ, о томъ, какія надо устраивать церемоніи для освобожденія свѣтила во время затмѣнія: барабаны должны бить тревогу и, затѣмъ, являются вооруженные мандарины, творятъ заклинанія и освобождаютъ свѣтило.

Когда іезуитскіе миссіонеры явились въ Китай въ XVII вѣкѣ, то нашли тамъ обсерваторію, снабженную инструментами. Все это пришло уже въ сильный упадокъ, но, тѣмъ не менѣе, свидѣтельствовало, что нѣкогда наука о небесныхъ свѣтилахъ стояла на большой высотѣ, только, вмѣсто того, чтобы совершенствоваться и идти впередъ съ годами, она постепенно спускалась все ниже и ниже, пока, наконецъ, о ней осталось только одно славное воспоминаніе.

Что касается другихъ наукъ, то, очевидно, геометрія и тригонометрія не были извѣстны китайцамъ, такъ какъ императоръ Конгъ-Хи научился этимъ наукамъ у миссіонера-іезуита въ XVII вѣкѣ. До какой степени китайцы всегда высокомѣрно относились къ иностранцамъ и иностранной наукѣ доказываетъ, напримѣръ, слѣдующій случай: когда императоръ Конгъ-Хи задумалъ возстановить и исправить старинный китайскій календарь, то онъ поручилъ это дѣло миссіонеру, научившему его тригонометріи, и приказалъ астрономическому бюро работать по указаніямъ этого миссіонера. Тогда къ императору явился президентъ бюро и сказалъ: «зачѣмъ намъ помощь иностраннаго ученаго? Развѣ у насъ нѣтъ науки, которой насъ обучилъ императоръ Яо? Развѣ же это не будетъ профанаціей памяти этого знаменитаго монарха, если мы порвемъ со священною традиціей, завѣщанной намъ нашими предками? Какъ можетъ этотъ человѣкъ, явившійся сюда изъ дальнихъ странъ, освѣщаемыхъ совершенно не такимъ небомъ, какъ наше, производить такія наблюденія и вычисленія, которыя могутъ быть для насъ полезны? Не выйдетъ ли тутъ какой-нибудь большой путаницы?»

Конгъ-Хи, выслушавъ президента, сказалъ ему: «Ну, такъ сдѣлай самъ эту работу!» Президентъ подумалъ и, сообразивъ, что его знаній недостаточно для совершенія этой работы, преклонился передъ волею монарха, и, такимъ образомъ, составленіе календаря было поручено миссіонеру.

Химія у китайцевъ не вышла изъ предѣловъ алхиміи, поисковъ философскаго камня и элексира безсмертія. Она такъ и осталась на этой точкѣ и дальше не пошла, хотя китайцы и не занимаются уже больше алхиміей, но колдовство и магія, бывшія ея неизмѣнными спутницами, до сихъ поръ практикуются въ Китаѣ, не смотря на то, что законъ караетъ это занятіе.

Извѣстно, что гончарное искусство стояло на очень большой высотѣ въ Китаѣ, но способы производства были и остаются чисто эмпирическими. Китайцамъ также приписывается изобрѣтеніе пороха, однако, согласно нѣкоторымъ документамъ, въ IX вѣкѣ одинъ персидскій полкъ, находившійся на службѣ китайскаго монарха, научилъ китайцевъ приготовлять особенное вещество, которое, затѣмъ, употреблялось китайцами для приготовленія фейерверка. Китайцы эксплуатировали свои ископаемыя богатства, но самымъ примитивнымъ образомъ, безъ помощи какихъ бы то ни было машинъ. Они добывали каменный уголь уже во второмъ вѣкѣ до Р. Х. и знали о существованіи рудничнаго газа, но такъ какъ они не копали ни глубокихъ колодцевъ, ни галлерей, то газъ этотъ былъ для нихъ не опасенъ. Того количества угля, который они добывали своими первобытными способами, хватало имъ для ихъ потребленія, но съ теченіемъ времени китайцамъ пришлось-таки прибѣгнуть къ помощи иностранцевъ для лучшей эксплуатаціи своихъ минеральныхъ богатствъ.

Познанія китайцевъ въ естественныхъ наукахъ были всегда довольно слабы. Понятія китайцевъ о строеніи организмовъ были очень смутны и, вѣроятно, на томъ основаніи, что имъ были извѣстны пять планетъ, они признавали существованіе пяти органовъ у человѣка и животныхъ, пяти металловъ, пяти цвѣтовъ и т. д. Ихъ зоологическія классификаціи совершенно фантастичны и не имѣютъ ровно никакого научнаго значенія. То же самое надо сказать о ботаникѣ и медицинѣ. Послѣдняя не могла достигнуть высокой степени развитія, такъ какъ китайцы не имѣютъ ровно никакихъ познаній, ни въ анатоміи, ни въ физіологіи, да и пріобрѣсти

ихъ не могли, потому что ихъ религія воспрещаетъ вскрытіе труповъ. Въ храмѣ Конфуція находилась бронзовая статуя и на ней были указаны разныя мѣста, на которыя долженъ былъ дѣйствовать врачъ, при лѣченіи различныхъ болѣзней. Отсюда китайскій врачъ черпалъ всѣ свои теоретическія познанія по медицинѣ, остальное же онъ получалъ эмпирическимъ путемъ, и нельзя все-таки не признать, что китайскіе врачи обладали часто большою клиническою проницательностью въ распознаваніи и даже лѣченіи болѣзней. Они пришли эмпирическимъ путемъ ко многимъ выводамъ и способамъ, до сихъ поръ не потерявшимъ значеніе въ медицинѣ, и путемъ наблюденія установили признаки многихъ болѣзней, также какъ и отношенія, существующія между отправленіями различныхъ органовъ. Но дальше этого китайцы не пошли.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«Cosmopolis». — «Monde Moderne».

Не разъ уже указывалось на замѣчательное противорѣчіе, которое наблюдается въ наше время во взаимныхъ отношеніяхъ европейскихъ народовъ. Съ точки зрѣнія политической и соціальной недовѣріе между ними доведено до настоящей враждебности, выражающейся въ вооруженіяхъ, протекціонизмѣ, шпіономаніи и т. п. Однимъ словомъ: иностранецъ — синонимъ врага, это съ одной стороны, съ другой же, въ интеллектуальной области замѣчается совершенно противоположное стремленіе, стремленіе къ объединенію. Для искусства, науки, литературы, границы какъ будто перестали существовать, и Пастеръ, напримѣръ, французскій патріотъ, все таки чувствовалъ себя ближе къ Вирхову и Спенсеру, не смотря на политическія разногласія, нежели къ кому-нибудь изъ своихъ соотечественниковъ, французскихъ буржуа. Въ этомъ явленіи, однако, не заключается ничего неестественнаго, и оно является непосредственнымъ результатомъ столкновенія одного изъ основныхъ принциповъ современной цивилизаціи съ новымъ, возникающимъ принципомъ, прямо ему противоположнымъ. Принципъ военнаго могущества и царства силы и капитала сталкивается съ принципомъ мира, братства народовъ, и вслѣдствіе этого всѣ противорѣчія современнаго общественнаго строя выступаютъ очень ярко и отражаются въ явленіяхъ общественной жизни, изумляющихъ подчасъ своею кажущеюся непослѣдовательностью.

Между тѣмъ, если вникнуть поглубже въ современныя общественныя теченія, то эта непослѣдовательность уже не поражаетъ болѣе. Всѣ эти теченія, равно какъ и всѣ явленія европейской общественной жизни Европы имѣютъ въ настоящее время по преимуществу международный характеръ. Въ умственной жизни и особенно въ литературѣ современной, «ощетинившейся штыками» Европы, этотъ характеръ выражается особенно рѣзко. Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ появилась масса международныхъ изданій, спеціально имѣющихъ цѣлью познакомить читающую публику съ литературою различныхъ странъ, также какъ и съ идеями, господствующими въ нихъ. Нѣкоторые журналы сдѣлали попытку привести авторовъ различныхъ странъ въ непосредственное соприкосновеніе съ публикою различныхъ націй. Такъ поступаютъ, напримѣръ, «Revue des Revues» и «Ма-

gazin international», отводящие очень много мѣста переводнымъ статьямъ иностранныхъ авторовъ и знакомящіе, такимъ образомъ, публику съ ихъ произведеніями. Въ журналѣ «Etranger» статьи иностранныхъ авторовъ воспроизводятся на своемъ отечественномъ языкѣ, но рядомъ помѣщается французскій переводъ статей. Редакція-же новаго журнала «Cosmopolis», ознаменовавшаго своимъ появленіемъ начало литературнаго 1896 года, и представляющаго дальнѣйшій шагъ на почвѣ международнаго литературнаго сближенія, устранила переводы оригинальныхъ статей, соединивъ въ одной книгѣ три отдѣльныхъ журнала: англійскій, французскій и нѣмецкій. Но хотя это соединеніе чисто искусственное, заключающееся въ общей обложкѣ, все-таки всѣ три журнала указываютъ на общую идею этого оригинальнаго литературнаго органа,—вызвать сближеніе умовъ, такое широкое міровоззрѣніе, для котораго политическія границы уже теряютъ свое значеніе.

Въ составленіи первой книжки редакція «Cosmopolis» обнаружила довольно большое искусство, постаравшись сгруппировать столько блестящихъ литературныхъ именъ. Въ англійскомъ отдѣлѣ журнала помѣщены: начало романа извѣстнаго англійскаго романиста Стивенсона, не оконченнаго за смертью автора; статья сэра Чарльза Дилька о происхожденіи войны 1870 года, критическая статья Эдмонда Госса и начало повѣсти Генри Джемса. Во французскомъ отдѣлѣ находятся: граціозная вещица Поля Бурже, художественный разсказъ изъ античной жизни Анатоля Франса, начало очень интересной статьи о движеніяхъ идей во Франціи Эдуарда Рода, статья объ «Отелло» Георга Брандеса, написанная знаменитымъ датскимъ критикомъ по-французски, и статья Франциска Сарсэ о Дюма-сынѣ.

Нѣмецкая часть журнала также блещетъ литературными именами: Эрнстъ фонъ-Вильденбрухъ, Моммзенъ, Эрихъ Шмидтъ, Шпильгагенъ и Германъ Гельферихъ. Затѣмъ хроника: литературная, драматическая и иностранная для каждой страны, подъ которыми подписаны такія извѣстныя имена, какъ Эндрью Лангъ, Эмиль Фаге, Жюль Леметръ, Беттельгеймъ, Норманнъ и др. Такимъ образомъ, читатели получаютъ возможность ознакомиться со взглядами литературныхъ и политическихъ представителей различныхъ государствъ. Разумѣется, во взглядахъ писателей различныхъ странъ, особенно по политическимъ вопросамъ, могутъ обнаружиться разногласія, но это не мѣшаетъ имъ соединять свои труды общаго идеала правды и добра, и политическое несходство взглядовъ не можетъ препятствовать честному и добросовѣстному, а также всестороннему обсужденію вопросовъ, волнующихъ общественное мнѣніе Европы. Во всякомъ случаѣ, появленіе этого международнаго сборника на европейскомъ литературномъ горизонтѣ нельзя не привѣтствовать, какъ новый симптомъ европейскаго единенія въ области идей, обмѣна и сближенія взглядовъ различныхъ націй, протягивающихъ другъ другу руки въ лицѣ своихъ лучшихъ литературныхъ представителей.

Вѣроятно, названіе «Cosmopolis» было принято редакціей журнала оттого, что это слово одинаково пишется и произносится на разныхъ языкахъ, такъ какъ, въ сущности, идея журнала не заключаетъ въ себѣ ничего космополитическаго. Литература каждаго народа сохраняетъ свою отдѣльную физіономію и происходитъ лишь международное сближеніе, а не сліяніе и обезличеніе.

Журналъ издается одновременно въ Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, Амстердамѣ и Нью-Іоркѣ и общедоступная цѣна этого изданія, конечно,

должна способствовать его распространенію.

Г. Поль Гуло предпринялъ въ журналѣ «Monde Moderne», не лишенное историческаго интереса, изслѣдованіе памфлетовъ во Франціи въ прошломъ вѣкѣ. Дурная привычка оскорблять и клеветать въ печати на людей, несогласныхъ въ мнѣніяхъ съ авторомъ памфлета, существуетъ уже давно, но въ прежнія времена, когда ежедневная періодическая печать была еще въ младенческомъ состояніи, памфлетъ представлялъ въ нѣкоторомъ родѣ политическое оружіе. Авторы ихъ не разъ платились головою за смѣлость и дерзость своихъ нападокъ, особенно въ періодъ 1789—91 г. Въ этотъ періодъ времени впервые появились иллюстрированные памфлеты и большинство событій этой эпохи невоспроизведены въ довольно плохихъ литографіяхъ, но дающихъ, однако, понятіе о главныхъ перипетіяхъ великой исторической драмы. Памфлетовъ появлялось такое множество въ періодъ французской революціи, что даже названія ихъ невозможно перечислить. Большинство этихъ памфлетовъ, конечно, отличается грубостью выраженій, но, во всякомъ случаѣ, въ стилѣ ихъ и въ формѣ существуетъ много различій. Нѣкоторыя поражаютъ своею дѣтскою наивностью, какъ, напримѣръ, «Litanies du Tiers Etat», гдѣ авторъ воспользовался формою католической молитвы, для обращенія къ королю, королевѣ, принцамъ и принцессамъ съ жалобами на несправедливости и просьбою объ освобожденіи французовъ отъ продажности, отъ деспотизма сутаны, отъ дороговизны, отъ инквизиціи, которой подвергается печать, отъ темницъ Бастиліи и т. п. И все это оканчивалось воззваніемъ къ Неккеру: «Necker! Necker! qui faites l'espoir de la France, secondez nous!» (Неккеръ! Неккеръ! надежда Франціи, поддержите насъ!) и т. п. Наибольшею яркостью стиля отличались, конечно, знаменитые памфлеты, посвященные «Фонарю» (Lanterne).

Знаменитый авторъ «Свадьбы Фигаро», Бомарше, не избѣжалъ общей участи и памфлеты не пощадили его; онъ также фигурируетъ въ спискѣ «отвратительныхъ и свирѣпыхъ животныхъ, на которыхъ учреждена охота». Въ памфлетѣ «la Chasse aux bêtes puantes et féroies» Бомарше изображенъ въ видѣ совы, за уничтоженіе которой обѣщается награда въ 20 фр. Странно, что писатель, изощрявшій свое остроуміе надъ сильными міра и осмѣивавшій духовенство, аристократію и магистратуру, самъ попалъ въ списки враговъ народа, но, между тѣмъ, это такъ. Интриги, въ которыхъ участвовалъ Бомарше, несомнѣнно, были причиною того, что его имя попало въ этотъ странный списокъ.

Сравнивая сатирическіе памфлеты современной эпохи съ памфлетами періода французской революціи, мы ясно можемъ видѣть, какой большой путь прошла этого рода печать съ тѣхъ поръ, и какого развитія она достигла въ современную эпоху. Политическія оскорбленія процвѣтаютъ во Франціи уже давно, но самая форма ихъ измѣнилась; личность въ нихъ играетъ теперь гораздо болѣе замѣтную роль, чѣмъ прежде, и нынѣшніе памфлеты чаще служатъ орудіемъ личной мести или средствомъ интриги, нежели общимъ политическимъ орудіемъ. Во всякомъ случаѣ, памфлеты теперь не такъ изобилуютъ и полемика переносится на столбцы газетъ. Желательно было бы, конечно, чтобъ эта полемика проникла стариннымъ правиломъ: «Tolerance pour les idées. indulgence pour les personnes» (терпимость въ отношеніи идеи и снисходительность къ личностямъ).

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

Годъ V-й. № 3-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

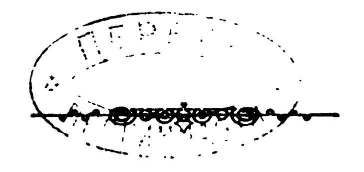
ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

И

САМООБРАЗОВАНІЯ.

МАРТЪ

1896 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1896.

Дозволено цензурою 26-го февраля 1896 года. С.-Петербургъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

„УТОПІЯ“.

Томаса Мора *).

Проф. истор. Новорос. унив. **Р. Випперъ.**

Я хочу остановить ваше вниманіе на небольшомъ произведеніи Томаса Мора, англійскаго гуманиста, начала XVI в., озаглавленномъ «Утопія». Всѣмъ извѣстно, что въ «Утопіи», какъ намекаетъ уже самое заглавіе—утопія значитъ «нигдѣ»—изображается фантастическое государство, строится воздушный замокъ наилучшихъ порядковъ, населенный наилучшими людьми. За книгой Мора слѣдуетъ цѣлая утопическвя литература, литература политическихъ романовъ, какъ называетъ наука эти созданія политической фантазіи, литература, идущая до послѣднихъ дней. Со времени Мора «утопія» становится словомъ нарицательнымъ: мы привыкли такъ обозначать всякую политическую или общественную иллюзію, несбыточную мечту, всякій широковѣщательный проектъ, не сообразованный со средствами и потребностями дѣйствительности. Въ виду всего этого можно бы выразить удивленіе, что историкъ, обязанный держаться именно фактовъ дѣйствительности при изученіи роста общественной жизни, обращается къ предмету, который имѣетъ такъ мало общаго съ точными данными, со статистическими цифрами, съ учрежденіями и грамотами, съ политическими программами и борьбой партій. Вѣдь «Утопію», казалось бы, слѣдуетъ разсматривать, какъ литературный курьезъ. Обстоятельнымъ отвѣтомъ, какъ я надѣюсь, будетъ служить вся дальнѣйшая бесѣда, а пока я отвѣчу коротко: «Утопія» Мора, какъ и другія утопіи, другіе политическіе романы—факты, факты общественной жизни и общественнаго сознанія.

---

*) Публичная лекція, читанная въ Одессѣ въ январѣ 1896 г.

Есть историческіе моменты, когда политическій романъ пріобрѣтаетъ большую силу, когда онъ является однимъ изъ могучихъ средствъ распространенія идей, однимъ изъ любимыхъ предметовъ чтенія. Возникаетъ цѣлый рядъ изображеній близкаго или отдаленнаго будущаго, они жадно усваиваются, вызываютъ множество толковъ, вліяютъ на общественное настроеніе. Таково было время политическаго упадка Греціи, когда кругомъ Платоновской «Политіи», прототипа всѣхъ позднѣйшихъ политическихъ романовъ, сложилась цѣлая литература сочиненій «о наилучшемъ государствѣ». Такова была эпоха возрожденія, къ которой относится книга Мора. Таковъ конецъ XIX в., отмѣченный на Западѣ удивительнымъ подъемомъ утопической литературы. Чѣмъ объяснить обиліе такихъ идеальныхъ изображеній, успѣхъ ихъ вліянія именно въ извѣстные только историческіе моменты? Мнѣ кажется, что есть нѣкоторое сходство въ настроеніи общества въ такія эпохи: это—времена тяжелыхъ общественныхъ кризисовъ, глубокаго разлада общественныхъ элементовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ,—сильной работы мысли, пытающейся примирить противорѣчія общественной жизни, вывести общество къ лучшему жизненному строю; это—времена, когда чувствительность общества доведена до крайняго напряженія, когда накопилось сильное раздраженіе противъ данныхъ условій и, какъ реакція, развиваются необычайныя упованія на возможность близкаго выхода. Политическая и общественная фантазія въ такіе моменты часто окрылялась еще подъ вліяніемъ крупныхъ открытій, расширенія внѣшняго горизонта, техническихъ чудесъ, научныхъ успѣховъ. Какъ въ «Утопіи» Мора мы найдемъ непосредственное отраженіе мечтаній, вызванныхъ открытіемъ Новаго Свѣта, такъ въ современномъ намъ политическомъ романѣ сказывается увлеченіе различными средствами быстраго передвиженія, широкой утилизаціи электричества, солнечной теплоты и т. п.

Общество встрѣчаетъ въ этихъ картинахъ будущаго то, чего ищетъ. Прежде всего онѣ удовлетворяютъ элементарнѣйшей потребности найти извѣстный отдыхъ, утѣшеніе отъ окружающаго зла въ мысли о своего рода загробной жизни. При своей наглядности, при широкой постановкѣ общественныхъ вопросовъ политическій романъ заставляетъ какъ автора, такъ и послѣдняго читателя, глубже взглянуть на существующія отношенія, дать себѣ болѣе искренній отчетъ въ томъ, что имъ дорого въ современныхъ условіяхъ, какія основы хотятъ они удержать и въ какомъ направленіи желательны измѣненія. Но какое значеніе политическая утопія можетъ имѣть для потомства? Земной рай, обѣщаю-

ный въ политическомъ романѣ, то, что составляло душу, смыслъ картины въ глазахъ автора и его послѣдователей,—оказывается мечтой, разлетается какъ дымъ, какъ сновидѣніе при дневномъ свѣтѣ. Слѣдующія поколѣнія опять садятся за тяжелую ежедневную работу, и опять свѣтлая цѣль рисуется далеко впереди. Для нихъ «Утопія» представляетъ отраженія желаній, чаяній того общества, среди котораго они возникли, выраженіе общихъ принциповъ, которыми руководились въ своихъ стремленіяхъ лучшіе люди прошлаго. Но этого мало. Политическій романъ неизбѣжно облекаетъ идеальныя требованія свои въ современныя ему формы; онъ рисуетъ красками окружающей дѣйствительности; онъ пытается рѣшить загадку будущаго наличными данными. Именно эта сторона и важна для спокойнаго сторонняго наблюденія. Языкъ, которымъ говорилъ авторъ, образы, которые помогли читателю проникнуть въ загадочный міръ, пріобрѣтаютъ для насъ, потомковъ, значеніе важнѣйшихъ документовъ настроенія нашихъ предшественниковъ, ихъ соціальныхъ привычекъ, ихъ нравственныхъ и философскихъ понятій и предразсудковъ. Въ томъ, что, по ихъ мнѣнію, разумѣлось само собою, что составляло въ ихъ глазахъ необходимую основу жизненнаго строя, мы открываемъ часто преходящую особенность эпохи; въ случайно брошенномъ замѣчаніи передъ нами встаетъ характерная черта времени.

Но не одинъ чисто историческій интересъ можетъ насъ привлечь къ старымъ политическимъ романамъ. Они больше, чѣмъ документы прошлаго. Они представляютъ горячія обращенія къ потомству, завѣщанія, оставленныя ему. Въ старыхъ утопіяхъ послѣдующія поколѣнія, обратно, часто встрѣчаютъ первое выраженіе лучшихъ своихъ желаній, благодаря имъ они чувствуютъ живо свою связь съ далекими поколѣніями. Они узнаютъ, что многія идеи общественнаго переустройства необыкновенно стары, такъ стары, какъ сама политическая мысль. Какъ ни различны были жизненныя условія, черезъ романы всѣхъ вѣковъ тянется рядъ однородныхъ желаній и идей, и даже предлагаются сходныя средства для излеченія общественнаго зла. Наглядно обнаруживается передъ нами живучесть, однородность крупныхъ человѣческихъ стремленій и заблужденій.

Вотъ съ этихъ точекъ зрѣнія мнѣ хотѣлось бы разсмотрѣть «Утопію» Мора. Но я не желалъ бы брать «Утопіи», какъ безличнаго отраженія идей извѣстной эпохи. Именно въ такомъ произведеніи намъ дорога личность, дорогъ субъективный элементъ. Дѣло идетъ, вѣдь, о живучихъ въ человѣчествѣ мечтахъ, и онѣ тѣмъ болѣе захватываютъ потомство, тѣмъ сильнѣе ему передаются,

чѣмъ привлекательнѣе, глубже была возсоздавшая ихъ личность; а Томаса Мора вообще хочется отнести къ числу самыхъ свѣтлыхъ образовъ прошлаго.

Моръ принадлежалъ къ поколѣнію, представители котораго вступали въ XVI вѣкъ двадцатилѣтними юношами среди жизни, необыкновенно богатой и содержательной. Внѣшняя природа и внутренній міръ человѣка раскрывались широко передъ пытливыми умами. Все глубже проникали люди Возрожденія въ волшебный древній міръ, все больше находили они въ немъ родного съ собственными порывами; одновременно съ этимъ развертывался передъ европейцемъ міръ новый, на Западѣ и на Востокѣ, необычайно разростался его умственный горизонтъ, переворачивались матеріальныя условія. Культурныя цѣли эпохи были поставлены широко и свободно: говоря коротко, онѣ сводились къ тому, чтобы взглянуть на міръ Божій, какъ онъ есть, и полюбить его такимъ, чтобы цѣнить человѣка, какъ онъ одаренъ отъ природы; чтобы воспроизводить въ искусствѣ то, что насъ радуетъ въ жизни; чтобы въ наукѣ изучать живыя отношенія; чтобы въ воспитаніи развивать всего человѣка, во всей полнотѣ его способностей и стремленій. У сѣверныхъ націй, у англичанъ и нѣмцевъ, склонныхъ къ мистицизму, къ углубленію въ религіозныя тайны, Возрожденіе получаетъ особый оттѣнокъ—жажды нравственнаго перерожденія, проникновенія евангельскимъ идеаломъ, и это направленіе, исканіе истиннаго христіанства «безъ примѣси»—встрѣчалось съ сильной религіозной волной въ простомъ народѣ. Но еще другіе факты, крупные и серьезные, открываетъ намъ эпоха, современная Мору. Подъ вліяніемъ возрастающаго широкаго матеріальнаго обмѣна сметаются старыя патріархальныя отношенія, люди сдвигаются съ дѣдовскихъ мѣстъ, рынокъ завладѣваетъ трудомъ человѣка, какъ товаромъ. На службѣ безымянной силы, силы всемірнаго производства и торговли, начинается закрѣпощеніе массъ капиталу, который постепенно отрываетъ милліоны людей отъ земли, дома, семьи и бросаетъ ихъ въ смрадные тѣсные города-машины. Все больше растетъ рознь, взаимное непониманіе имущаго и трудового класса, все больше новыя экономическія условія выбрасываютъ людей ненужныхъ и неприладившихся на большую дорогу, опрокидываютъ положеніе цѣлыхъ группъ населенія, которое держалось на традиціонномъ быту, и Англія, родина Мора, идетъ въ этотъ процессѣ впереди. Можно сказать, что знакомыя намъ общественныя бѣдствія народились именно въ эту эпоху, но, какъ отвѣтъ на нихъ, возникла и новая общественная мысль. Она питалась яркими впечатлѣніями отъ

поднимающагося зла; она получала смѣлый полетъ, увѣренность и широту подъ вліяніемъ общей умственной подвижности, общаго нервнаго напряженія. Люди XVI в. кажутся намъ иногда какими-то титанами, виртуозами: это—богатство, интензивность внутренней жизни—результатъ контрастовъ, которые они переживали; дѣйствительность предъявляла имъ слишкомъ много запросовъ, требовала отъ нихъ слишкомъ много энергіи. Моръ, одна изъ этихъ натуръ, сильныхъ, многосторонних, вдохновенныхъ, былъ поставленъ въ самый центръ разнородныхъ теченій эпохи, въ самый ихъ водоворотъ.

Въ концѣ XV в., въ оксфордскомъ университетѣ образовался тѣсный дружескій кружокъ молодыхъ ученыхъ, для которыхъ общественныя задачи, моральныя стремленья неразрывно сплетались съ научными цѣлями: подъ общей формулой новаго просвѣщенья они пытались ввести въ жизнь практическое дѣятельное христіанство и пробудить свободное направленіе мысли. Въ этомъ кружкѣ развивался молодой Томасъ Моръ вмѣстѣ съ будущимъ царемъ ученаго міра, Эразмомъ. Но они пошли по разнымъ дорогамъ. Эразмъ замкнулся въ кабинетѣ, на всю жизнь остался одинокимъ анахоретомъ, отдался чистой наукѣ, анализу, ученому толкованью. Моръ, не бросая литературныхъ интересовъ, сдѣлался адвокатомъ-политикомъ, сталъ подниматься въ государственной службѣ и подъ конецъ занялъ высшій постъ канцлера; онъ рано женился и много времени отдавалъ семьѣ. Практическая дѣятельность Мора, въ началѣ вынужденная, помогла ему выработать и сохранить въ себѣ чутье дѣйствительности. Эразмъ разсматривалъ жизнь, какъ театральное представленіе, анализировалъ отдѣльныя ея данныя, какъ научные матеріалы на своемъ столѣ, какъ химическіе элементы въ лабораторіи; толпы, шума онъ боялся, какъ ребенокъ. Моръ зналъ свою Англію, его живо интересовали порядки свои и чужіе, онъ любилъ и умѣлъ вникать въ мелочи жизни, его занималъ жизненный процессъ самъ по себѣ въ своихъ интимныхъ сторонахъ. Нигдѣ такъ не сказалось гуманное его просвѣщеніе, какъ въ его семейной жизни. Домъ Мора, полный дѣтей, всегда радушно открытый для друзей и чужихъ посѣтителей, во всемъ носилъ живой отпечатокъ ума и заботы хозяина, вѣчно бодраго, всегда съ шуткой на устахъ. Въ домѣ былъ цѣлый звѣринецъ, и животныя, между ними диковинная въ то время обезьяна, пользовались прекраснымъ уходомъ; Моръ самъ обучалъ дѣтей, и его старшая дочь, Маргарита, подъ его вліяніемъ, усвоила себѣ все богатое содержанье гуманистической науки. Лучшимъ развлеченіемъ въ домѣ Мора была музыка. Моръ считалъ своею обя-

занностью входить въ интересы всѣхъ, жены, дѣтей, прислуги, со всѣми поговорить, всѣхъ поддержать совѣтомъ, развеселить, если нужно: это то, что долженъ, по его мнѣнію, вносить интеллигентный человѣкъ въ окружающую его среду, платя за привилегію своего знанія, опыта и ума. Прибавимъ къ этому слова Эразма о дѣятельности Мора въ качествѣ крупнаго сановника: «Никто не уходилъ отъ него огорченнымъ. Можно сказать, что Моръ — главный покровитель всѣхъ бѣдняковъ въ государствѣ. Онъ радуется, какъ будто сдѣлалъ нивѣсть какое выгодное дѣло, когда ему удается помочь угнетенному или стѣсненному человѣку». Эразмъ считаетъ натуру Мора по преимуществу счастливой. Дѣйствительно, мы находимъ въ немъ удивительно рѣдко встрѣчаемое сочетанье силы и остроты ума — и душевной мягкости, снисхожденія къ человѣческимъ слабостямъ, находимъ широкое и терпимое міровоззрѣніе. Моръ по склонности и по принципу искалъ всюду и во всѣхъ людяхъ, съ которыми сталкивался, прежде всего добраго элемента, интересной стороны. Въ немъ гармонически примирялись традиціонные обычаи патріархальнаго быта съ горячимъ увлеченіемъ новыми идеями. Надо было видѣть, съ какимъ благоговѣніемъ 50-лѣтній Моръ, уже будучи канцлеромъ, ежедневно проходя по двору королевскаго замка, становился на колѣни передъ своимъ престарѣлымъ отцомъ и принималъ отъ него благословеніе. Но терпимость, широта взгляда Мора никогда не переходила въ слабость. Въ мягкомъ, привѣтливомъ юмористѣ коренилась глубокая сила убѣжденія. Никто, кромѣ его любимой старшей дочери, не зналъ, что онъ носитъ подъ одеждой власяницу, что онъ предается тайному аскезу. Его религіозность къ концу жизни, ко времени тяжелыхъ испытаній, принимала все болѣе восторженный характеръ. Но для него здѣсь заключалось не одно личное утѣшеніе. Общее религіозное возрожденіе въ духѣ чистаго просвѣтленнаго наукой христіанства—вотъ его глубокая, интимная цѣль, и вотъ причина, почему онъ отвернулся отъ суроваго, догматическаго сектантства сторонниковъ Лютера, почему онъ остался въ рядахъ защитниковъ старой, болѣе гуманной и широкой, въ его глазахъ, церкви. Не это одно привело Мора къ трагическому концу, когда его король пошелъ на расколъ съ Римомъ. Моръ былъ монархистъ и въ «Утопіи» онъ представилъ устроителемъ идеальнаго общежитья геніальнаго монарха Утопа, но именно потому, что просвѣщенная монархія, какъ олицетвореніе справедливости и закона, была лучшей его мечтой,— онъ не могъ пойти за капризами своего бывшаго покровителя, Генриха VIII, не могъ пожертвовать своимъ убѣжденіемъ, нарушить своей присяги. Никто изъ новой свиты короля не могъ по

нять, почему Моръ отказался отъ своего сана канцлера, не могъ понять того упорства, съ которымъ Моръ вмѣстѣ со своимъ другомъ, 80-лѣтнимъ старикомъ, епископомъ Фишеромъ и нѣсколькими бѣдными монахами, въ виду неминуемаго эшафота, отказался подписать свое имя подъ новой присягой: Моръ не соглашался признать незаконнымъ первый бракъ короля, продолжавшійся болѣе 20 лѣтъ, признать незаконнымъ только потому, что королю нужно было развестись, и онъ не могъ признать короля главою церкви. Это были для него вопросы совѣсти.

Но во всемъ этомъ не было ни малѣйшаго стремленія къ эффекту, никакого внѣшняго героизма, не было ни суровой настойчивости, рѣзкости фанатика, ни мечтательнаго самозабвенія фантазера: чисто англійскія черты, спокойная твердость, душевное равновѣсіе, юморъ сказывались во всѣхъ рѣшающихъ шагахъ Мора, во всей его предсмертной борьбѣ. Когда онъ уже просидѣлъ годъ въ тюрьмѣ, надзоръ за нимъ былъ усиленъ; явился чиновникъ и отобралъ единственное его утѣшеніе, книги. Моръ спокойно всталъ, закрылъ ставни своей комнаты и сказалъ: «когда товара больше нѣтъ, лавку запираютъ». Послѣ небольшого болѣзненнаго припадка, случившагося съ нимъ въ тюрьмѣ, онъ шутилъ: «паціентъ не опасенъ и долго можетъ жить, если королю будетъ угодно». Всходя на роковыя подмостки эшафота, зашатавшіяся подъ нимъ, онъ острилъ, обращаясь къ исполнителю приговора: «помогите мнѣ взойти наверхъ, а о томъ, какъ спуститься, я самъ позабочусь».

Жизнь Мора представляетъ собою глубокую трагедію. Вмѣстѣ съ другими провозвѣстниками новаго просвѣщенія, онъ вѣрилъ въ близкое наступленіе новой эры царства возвышенной науки и чистой религіи, призванныхъ примирить интересы, создать всеобщее счастье на землѣ. Въ своемъ королѣ, дружившемъ сначала съ реформаторами, онъ надѣялся найти благодѣтельнаго и могучаго Утопа. Самъ онъ рвался къ политической дѣятельности, чтобы направить предстоящую общую реформу, и ради этого въ трудную минуту принялъ отвѣтственную роль канцлера. Какъ интенсивно было это чувство, видно изъ восторженныхъ обращеній къ королю всего кружка англійскихъ гуманистовъ послѣ заключенья мира съ Франціей въ началѣ царствованья Генриха VIII. Этотъ миръ казался вѣчнымъ миромъ, вступленіемъ къ новому порядку. Въ эту-то пору, въ 1516 г., и была написана «Утопія», какъ великій манифестъ людей реформы. Вы увидите сейчасъ, какъ многосторонни были ихъ желанія, какъ широки ихъ идеи. Моръ былъ человѣкомъ, по преимуществу способнымъ передать это богатое содержаніе.

«Утопія»—небольшая книга, написанная съ тонкимъ тактомъ, въ занятной, привлекательной формѣ. Для читателя эпохи Возрожденія, съ его легко возбуждаемой фантазіей, готоваго слѣдовать за авторомъ въ самыхъ смѣлыхъ построеніяхъ, заманчива была уже внѣшняя фабула, относившая «Утопію» на волшебный Западъ, который съ каждымъ днемъ, казалось, открывалъ новыя чудеса. Моръ разсказываетъ, что подружился во время своей поѣздки на материкъ съ однимъ изъ спутниковъ знаменитаго изслѣдователя Новаго міра, Америго Веспуччи, и вотъ этотъ *Рафаэль Гитлодеусъ*, новый Одиссей, многоизвѣдавшій человѣкъ, независимый, богатый знаніями и практическою мудростью, политикъ, морякъ и философъ, живой и остроумный собесѣдникъ, выступаетъ критикомъ и разсказчикомъ въ романѣ и служитъ прозрачной маской для выраженія интимныхъ мыслей самого Мора.

Рафаэль, передаетъ Моръ, побывалъ въ Англіи и знаетъ хорошо удручающія ее бѣдствія. Однажды за столомъ у просвѣщеннаго англійскаго прелата Рафаэль услыхалъ разговоръ на обычную въ то время тему: какія мѣры принять противъ неимовѣрнаго развитія въ странѣ бродяжничества, нищенства и воровства? Важный и ученый юристъ началъ доказывать, что злой сбродъ можно искоренить только кровавыми уголовными мѣрами, и тутъ же выражалъ удивленіе, что, сколько ни вѣшаютъ воровъ, Англія постоянно ставитъ множество новыхъ и новыхъ преступниковъ. Рафаэль легко опрокидываетъ это разсужденіе и ставитъ вопросъ на широкую общественную почву. Развѣ можно изолировать преступниковъ, бездомныхъ бродягъ и безработныхъ отъ породившаго ихъ *общественнаго и экономическаго строя?* И онъ перебираетъ категоріи людей, выброшенныхъ изъ оборота, лишенныхъ средствъ существованія, благодаря новымъ условіямъ жизни: куда дѣваться солдату-наемнику, или бывшему дворовому человѣку сеньёра, когда кончились феодальныя войны, рушились замки и ихъ привольно - широкое разбойничье хозяйство? Куда дѣваться крестьянину, у котораго новый господинъ «рыцарь-писецъ», т. е. разбогатѣвшій купецъ или чиновникъ, отнялъ общинную землю, для веденія крупнаго хозяйства на новыхъ коммерческихъ началахъ? Люди XVI в. еще не придумали софистической ссылки на неотвратимые «естественные» законы спроса и предложенія, на желѣзный законъ заработной платы, и противникъ Рафаэля ссылается на то, что государству нуженъ именно этотъ классъ безработныхъ, сильныхъ и отчаянныхъ молодцовъ на случай войны. Но для нашего общественнаго реформатора этотъ

аргументъ—истинная находка. Въ его глазахъ дѣло именно въ томъ, что *государство* эксплуатируетъ ненормальный общественный порядокъ вмѣсто того, чтобы стремиться измѣнить его къ лучшему. Люди гонятся за благосостояніемъ, государства воюютъ за богатства, но, такъ какъ всѣ дѣйствуютъ врозь и во вредъ другъ другу, то большинство страдаетъ и бѣдствуетъ. Обездоленные грозятъ и мѣшаютъ имущимъ, а эти, въ свою очередь, сражаются съ симптомами болѣзни, т. е. разоренія обширныхъ слоевъ народа, или берутъ дань съ существующаго зла, между тѣмъ какъ сама болѣзнь растетъ безпрепятственно и кормится взаимной враждой. Нельзя ли, думаетъ Рафаэль, начать съ другого конца? Нельзя ли примирить интересы, обязать всѣхъ къ труду и дать всѣмъ обезпеченіе? Онъ думаетъ, что *общественный порядокъ* — основа государственныхъ отношеній, что онъ опредѣляетъ политику, культуру, мораль, и, болѣе того, онъ вѣритъ въ возможность общественнаго переустройства силою просвѣтительной идеи.

Но одно дѣло додуматься до общей формулы, другое — выработать *планъ* общественной реформы, выяснить себѣ *способы ея осуществленія*. Критикъ, публицистъ-обличитель, выступившій на первыхъ страницахъ «Утопіи», не выдерживаетъ своей роли; онъ спѣшитъ сразу высказать всю свою мысль, облечь скелетъ плотью и кровью; его нетерпѣливое перо начинаетъ, какъ бы помимо воли, вычерчивать готовую яркую картину лучшаго будущаго. Иронія, рѣжущій анализъ замолкаютъ и все громче звучитъ голосъ проповѣдника, пророка. Рафаэль, по просьбѣ собесѣдниковъ, начинаетъ разсказывать счастливую и разумную жизнь на островѣ Утопіи, какъ контрастъ европейскимъ противорѣчіямъ и страданіямъ.

Что-же въ проповѣди Мора оригинальнаго? Что считаетъ онъ общимъ благомъ? Какъ думаетъ онъ повести реформу общежитія? Взяться ли за перевоспитаніе отдѣльной человѣческой личности? попытаться ли выростить разумныя и нравственно-здоровыя поколѣнія, въ увѣренности, что взаимныя отношенія въ ихъ средѣ сами собою улягутся въ образцовыя формы? Или построить наилучшіе порядки, которые помѣшаютъ людямъ дѣлать зло другъ другу и вызовутъ къ жизни добрыя стороны человѣческой природы? Вотъ старая и вѣчно возобновляющаяся основа спора между моралистами и политиками. Моръ примыкаетъ ко второму рѣшенію, но, рисуя устами заатлантическаго путешественника идеальный бытъ сказочной Утопіи, онъ предполагаетъ въ ней людей, уже примѣнившихся къ этимъ порядкамъ, уже воспитанныхъ въ

ихъ духѣ. Это — обычная въ политическихъ романахъ ошибка, неизбѣжный въ политической проповѣди скачекъ. *Первая проблема уже напередъ рѣшена.* Личный интересъ и общее благо, процвѣтаніе большой общественной группы, личная свобода и осуществленіе крупныхъ общихъ цѣлей предполагаются безусловно согласимыми. Мы сразу попадаемъ въ міръ, гдѣ намъ, съ нашими крупными и мелкими пороками, въ родѣ самолюбія, зависти, непрямоты, лѣни, съ нашими предразсудками и капризами настроенія, становится какъ-то неловко, совѣстно. Граждане Утопіи—философы въ истинномъ смыслѣ слова: они никогда, даже по ошибкѣ, не дѣлаютъ того, что вредно, неумно; они не одержимы страстями или, по крайней мѣрѣ, ихъ страсти текутъ по ровному руслу, образуя лишь плодотворные мотивы, нормальные рычаги. Это — уравновѣшенные умницы, всегда бодрые и пріятные, у которыхъ разумъ и воля, слово и дѣло никогда не враждуютъ между собою.

Моръ требуетъ отъ насъ еще другой уступки. Его Утопія—большой правильный островъ, благословенный чудеснымъ климатомъ, прекраснымъ положеніемъ при морѣ, всѣми дарами природы, безъ излишка или недостатка въ населеніи, и вдобавокъ безопасный отъ нападеній. Условія — чрезвычайныя: человѣкъ освобожденъ здѣсь отъ борьбы съ неблагопріятными физическими данными. Допустимъ и это. Вѣдь мы хорошо знаемъ, что наиболѣе сложныя препятствія встрѣчаются человѣку въ борьбѣ не съ окружающимъ міромъ, а со своею внутренней природой, а слѣд. и организатору общества въ попыткѣ согласовать противорѣчивые интересы и понятія.

Въ чемъ же видитъ выходъ Моръ? Прежде всего въ его Утопіи *полное равенство*, съ однимъ, впрочемъ, исключеніемъ, какъ мы увидимъ. Нѣтъ ни сословій, ни привилегій, ни отличій. Этого мало: нѣтъ матеріальнаго различія. Всѣ въ одинаковой мѣрѣ пользуются всѣми благами природы и общежитія, всѣми средствами, труда, всѣми удовольствіями, всѣми чудесами техники... Насъ не можетъ не заинтересовать вопросъ, гдѣ же Моръ могъ взять живой прототипъ или намекъ на свое идеальное устройство? Чѣмъ онъ вдохновился, какими жизненными впечатлѣніями онъ связанъ? Вы встрѣтите въ литературѣ о Морѣ отвѣтъ на это, и даже довольно ученый. Моръ, вмѣстѣ съ Эразмомъ и другими гуманистами, увлекался *Платономъ*. Конечно, скажутъ вамъ, Моръ взялъ идею общности имуществъ изъ этого источника. Но ссылка на простое заимствованіе у Платона можетъ вызвать только улыбку. Развѣ мы имѣемъ дѣло съ литератур-

нымъ плагіатомъ? развѣ «Утопія»—шутка, а не выраженіе лучшихъ мыслей вѣка? Почему одному поколѣнію Платонъ говоритъ такъ много, а на другое, не смотря на усиленное изученіе, не производитъ дѣйствія? Притомъ, въ картинахъ Мора больше отличія отъ Платона, чѣмъ сходства. А тамъ, гдѣ встрѣтится сходство, будемъ предполагать однородность живыхъ впечатлѣній, однородность желаній. Только на такой почвѣ родятся крупные умы.

Вы увидите сейчасъ, въ чемъ дѣло. У Платона господа, то меньшинство, для котораго существуетъ государство, не работаютъ, а работники, въ свою очередь, не принадлежатъ къ общежитію. Никто не имѣетъ своего хозяйства, своего очага, своей семьи. Брака нѣтъ; никто, даже матери никогда не видаютъ и не знаютъ своихъ дѣтей. У Мора во всѣхъ этихъ отношеніяхъ полная противоположность. Работа обязательна для всѣхъ, и она — не позоръ, а почетъ. Семейная основа не только удержана, но и доведена до высокой степени развитія. Очевидно, у Мора были другіе еще учителя, другая школа. Присмотримся къ придуманной имъ организаціи въ деталяхъ.

Моръ выросъ въ городской средѣ, въ городской культурѣ и цѣнитъ городъ; но въ немъ уже пробудился обратный позывъ къ сельской природѣ, сентиментальное возвеличеніе физической работы, работы на землѣ, какъ реакція тѣснотѣ, искусственности городской жизни. Онъ хочетъ *скомбинировать городъ и деревню*, но при этомъ сдѣлать для всѣхъ обязательнымъ земледѣльческій трудъ. Это достигается слѣдующимъ образомъ. *Земля* составляетъ общее достояніе и находится во временномъ, какъ бы арендномъ пользованіи отдѣльныхъ лицъ, причемъ продукты поступаютъ въ общественные склады. Работники, т.-е. все населеніе, раздѣляются на двѣ группы и періодически, каждые два года, переходятъ изъ города въ деревню и обратно. Общность владѣнія проведена еще дальше: ни у кого нѣтъ собственнаго дома или помѣщенія, и жилища также смѣняются каждыя 10 лѣтъ. Вы видите, что стремленіе уничтожить частную собственность и самое влеченіе къ ней—проведено очень послѣдовательно: въ Утопіи предупреждаютъ образованіе соотвѣтствующихъ привычекъ; ради этого вводится непрерывное передвиженіе, устраивается жизнь, какъ въ гостинницѣ, но рядомъ съ этой организаціей, разсчитанной скорѣе, повидимому, на нервныхъ, бездомныхъ, блуждающихъ жителей нынѣшнихъ большихъ столицъ, стоитъ чрезвычайно *архаическая*, *патріархальная черта*: оторванный отъ мѣста, гражданинъ Утопіи прикрѣпленъ, однако, тѣснѣйшимъ образомъ къ семьѣ, къ родствен-

ному союзу. Земледѣльцы составляютъ группы въ 40 человѣкъ каждая; это — «фамилія», въ которую входятъ мужчины и женщины и которою заправляютъ отецъ и мать семейства, «люди серьезные и разсудительные», какъ сказано въ Утопіи. Семейное начало, и притомъ въ его старинной формѣ, поставлено очень высоко. Все населеніе въ городахъ расписано по семьямъ и предполагается не иначе, какъ въ кругу ихъ вліянія. Высоко стоитъ авторитетъ старшаго; женщина обязана мужчинѣ полнымъ повиновеніемъ; жена исповѣдуется не священнику, а мужу. Моръ говоритъ прямо, что въ менѣе важныхъ случаяхъ, гдѣ не стоитъ вмѣшиваться властямъ, мужъ наказываетъ жену такъ же, какъ родители дѣтей. Контрастъ между общностью имуществъ и сохраненіемъ патріархальнаго авторитета особенно ярко бросается въ глаза въ устройствѣ *общественныхъ обѣдовъ*, которые Моръ считаетъ важнымъ воспитательнымъ средствомъ въ общинѣ равныхъ. Въ большихъ залахъ у выборныхъ стариковъ, руководителей большихъ группъ—собираются всѣ члены подчиненныхъ имъ фамилій. Обѣдъ начинается съ чтенія назидательной книги, продолжается среди музыки и оживленной шутливой бесѣды. Всѣ взрослые поставлены здѣсь на равную ногу. Но молодежь не сидитъ за столомъ, а разноситъ ѣду. Старшіе берутъ куски получше, а дѣтямъ, которыя должны скромно стоять вдоль стѣнъ, достаются остатки.

Сопоставляя всѣ эти черты, мы легче догадаемся, изъ какого источника Моръ черпнулъ основную идею своего общежитія. Прежде всего это—средневѣковой *католицизмъ* съ его грандіозной и единственной въ то время организаціей призрѣнія, съ его ученіемъ, что церковь призвана примирять неравенство, что ея огромныя владѣнія, составившіяся изъ даровъ богатыхъ, — достояніе бѣдныхъ. Далѣе мысль Мора о полномъ равенствѣ трудящихся, объ отсутствіи прирожденныхъ преимуществъ внушена ему всею жизнью средневѣкового *города*, а въ гуманистической средѣ пріобрѣла оттѣнокъ глубокаго уваженія къ человѣческому достоинству. Мысль объ общей основѣ хозяйства, о подчиненіи всѣхъ одной дисциплинѣ навѣяна жизнью многочисленныхъ ремесленныхъ, купеческихъ, [религіозныхъ, университетскихъ корпорацій съ ихъ кассами, взаимной поддержкой, строгимъ подчиненіемъ отдѣльнаго лица интересамъ кружка. Въ той же самой средѣ, гдѣ такъ строго береглось патріархальное начало, гдѣ на дружной работѣ членовъ родственнаго союза и на ихъ подчиненіи руководителю дома держалось благосостояніе, Моръ нашелъ и образецъ семьи, хозяйство фамиліями Утопіи.

При общемъ трудѣ, въ этомъ увѣренъ Моръ, не только должно получиться всеобщее благосостояніе, но и самый трудъ можно будетъ значительно *сократить*, а именно, довести до *6 часовъ въ день*. Разсчеты Мора, какъ видите, очень смѣлы и оптимистичны. Въ настоящее время на Западѣ рѣшаются выступить съ болѣе скромнымъ требованіемъ 8 часовъ рабочаго дня; примите при этомъ во вниманіе, что XVI вѣкъ былъ далекъ отъ современныхъ чудесъ техники, умножающихъ силу рукъ человѣческихъ въ 100, въ 1.000 разъ. Огромное сбереженіе силъ въ Утопіи, говоритъ Моръ, возможно потому, что ничего не идетъ въ частный сундукъ, ничего не лежитъ даромъ, ни одна личность не эксплуатируется другою. Огромные общественные магазины, наполняемые продуктами общей работы, снабжаютъ всякаго необходимыми припасами и предметами.

Моръ предвидитъ возраженіе, что человѣкъ можетъ стремиться, тѣмъ не менѣе, къ *излишку*, къ преимуществамъ предъ другими изъ жадности, тщеславія и т. п. Какъ помѣшать этому? Никогда жажда богатства въ такой мѣрѣ не выражалась въ исканіи золота, въ накапливаніи монеты, какъ въ эпоху Мора. Въ Европѣ своего золота было мало, а растущая торговля требовала все больше средствъ обмѣна. Массы людей, особенно разорившіеся дворяне, отчаянные воины съ преизбыткомъ силъ, бросаются на сказочный Западъ въ рѣшимости отыскать, не смотря на всѣ опасности, земной рай, гдѣ родится золото, и завоевать его. Милліонеры XVI вѣка, богатыя красавицы, подъ вліяніемъ той же страсти къ чистому золоту, увѣшиваютъ себя массивными золотыми украшеніями, какъ индійскіе боги. Моръ слишкомъ хорошо помнитъ эти факты и придумалъ для Утопіи сложную *систему общественнаго воспитанія*, цѣлый рядъ предохранительныхъ мѣръ, чтобы убить въ корнѣ несчастную страсть къ золоту, къ деньгамъ. На нашъ взглядъ, здѣсь много наивнаго: въ Утопіи изъ золота дѣлаются игрушки для дѣтей, предметы для грубаго употребленія, цѣпи для рабовъ и преступниковъ. Такимъ путемъ жители Утопіи съ малолѣтства привыкаютъ смотрѣть на золото, какъ на предметъ достойный презрѣнія. Въ видѣ иллюстраціи разсказанъ фактъ встрѣчи въ главномъ городѣ Утопіи посольства отъ сильнаго сосѣдняго государства, которое хотѣло импонировать утопійцамъ. Съ этою цѣлью послы разодѣлись въ богатѣйшія одежды, увѣшали себя золотомъ и въ сопровожденіи большой свиты вступили въ городъ. Результатъ получился обратный. Послы были приняты населеніемъ за рабовъ, а ихъ слуги за пословъ; мальчишки бѣжали по улицамъ и смѣялись надъ ними, а взрослые отворачи-

вались съ презрѣніемъ. Въ Морѣ здѣсь начинаетъ уже говорить не заглохшая идея аскетизма, которая у него, какъ почитателя античнаго міра, сливается съ преклоненіемъ передъ спартанской простотой и передъ идеаломъ стоиковъ. Всякая роскошь, всякое увлеченіе модой, щегольство Мору глубоко противно. Всѣ должны ходить въ одинаковой простой одеждѣ, предписанной правительствомъ. Всѣ утонченныя наслажденія изгнаны.

Казалось бы, въ обществѣ равныхъ, гдѣ устранена роскошь и нѣга, не будетъ раздѣленія работъ низкихъ и возвышенныхъ или, по крайней мѣрѣ, оба разряда будутъ совершенно равномѣрно распредѣлены между всѣми. Но мы наталкиваемся здѣсь на крайне несимпатичное для нашего уха установленіе *рабовъ* или крѣпостныхъ людей, которымъ передаются наиболѣе тяжелыя и непріятныя занятія: сюда Моръ относитъ ремесло мясника, кухонную работу и т. п. Правда, рабовъ немного сравнительно со свободными, рабство не наслѣдственно: ему подлежатъ взятые въ плѣнъ на войнѣ и преступники. Однако, удѣлъ рабовъ—безконечная работа, они ходятъ въ цѣпяхъ. Въ случаѣ возмущенія имъ грозитъ смерть, ихъ истребляютъ тогда, «какъ дикихъ звѣрей». Моръ признаетъ, что наказаніе лишеніемъ свободы хуже смерти. и только пытается сдѣлать изъ факта соціальной необходимости полезное для государства учрежденіе. Въ этомъ пунктѣ панегиристы Мора употребляютъ большія усилія, чтобы примирить современнаго читателя съ гуманистомъ XVI в., чтобы ослабить впечатлѣніе, получаемое отъ его изображенія рабства, какъ бы краснѣютъ за Мора. Если мы, однако, отбросимъ смущающій насъ терминъ рабство или крѣпостничество, то окажется, что на практикѣ самые цивилизованные народы современности совсѣмъ не ушли отъ порядковъ Утопіи: развѣ Моръ не описалъ существующей всюду системы уголовныхъ наказаній, какъ принудительной работы въ самыхъ тяжелыхъ условіяхъ, развѣ наше время не раздѣляетъ съ Моромъ идеи давать вынужденному труду полезное для государства примѣненіе? Слѣдовательно, упреки или даже извиненія Мору въ этомъ пунктѣ были бы съ нашей стороны лицемѣріемъ. Въ одномъ отношеніи Моръ и его современники болѣе расходились съ нашими взглядами: они нисколько не сомнѣвались въ правѣ одной расы порабощать себѣ другую, они считали совершенно естественнымъ, чтобы побѣжденные становились собственностью побѣдителей. Въ Европѣ тяжелая служба на галерахъ отбывалась преступниками и турками, врагами христіанъ, т. е. прирожденныхъ господъ міра, по тогдашнимъ понятіямъ; съ другой стороны, испанцы и португальцы и другіе бѣлые, забирая

себѣ земли въ Америкѣ и въ Индіи, считали живущихъ на нихъ цвѣтныхъ людей своимъ неотъемлемымъ живымъ инвентаремъ, своей купленной живой машиной.

Не буду останавливаться на характеристикѣ *политическаго* строя Утопіи. Къ чему сведется управленіе въ обществѣ, гдѣ всѣ обезпечены, всѣ поставлены въ разумныя условія существованія? И въ самомъ дѣлѣ, очеркъ государственнаго устройства у Мора блѣденъ и мало интересенъ.

До сихъ поръ я излагалъ вамъ организацію внѣшняго быта Утопіи. Это, такъ-сказать, фундаментъ общежитія. Намъ интересно посмотрѣть, какъ живутъ люди въ описанныхъ рамкахъ, что они думаютъ и чувствуютъ, словомъ, какъ устроена ихъ духовная жизнь?

Обратимся къ *результатамъ* описанной общественной организаціи, къ цѣлямъ, которыя достигаются столь значительными жертвами, ограниченіемъ свободы для всѣхъ и лишеніемъ ея для нѣкоторыхъ. Вѣдь, Моръ—гуманистъ и не можетъ забыть объ идеальныхъ интересахъ. Дѣйствительно, онъ становится здѣсь по преимуществу краснорѣчивымъ, возвышается до паѳоса «Цѣль общественныхъ учрежденій,—говоритъ онъ,—въ томъ, чтобы сначала удовлетворить общественныя и личныя потребности въ самомъ необходимомъ, а потомъ дать возможность каждому *подняться духомъ, развиться въ наукахъ и искусствахъ*». Моръ глубоко убѣжденъ, что при разумномъ распредѣленіи труда всякій будетъ имѣть возможность не только доставлять себѣ умственное развлеченіе, но и расширять свои знанія, свой кругозоръ соотвѣтственно своимъ наклонностямъ. Каждое утро, съ восходомъ солнца, открываются большія залы, предоставляемыя мужчинамъ и женщинамъ для этихъ занятій. Люди, посвящающіе себя наукѣ, обязаны ихъ посѣщать; но вообще никому нѣтъ помѣхи; кто желаетъ совершенствоваться въ своемъ ремеслѣ, въ свободные отъ обязательныхъ занятій часы, предоставляется своему влеченію. Вечеромъ всѣ идутъ для отдыха въ сады или зимою въ обѣденные залы. Здѣсь происходитъ бесѣда и звучитъ музыка. Азартныя игры изгнаны. Вообще, прибавляетъ Моръ, жители Утопіи не нуждаются въ удовольствіяхъ, состоящихъ въ щекотаніи или опьяненіи чувствъ. Лишь то, что сообразно съ природой, что возстановляетъ равновѣсіе души и тѣла, признаютъ они. На основѣ крѣпкаго здоровья, которое въ ихъ глазахъ—первое наслажденіе, предаются они тѣмъ чистымъ радостямъ, которыя сопровождаютъ созерцаніе истины.

Но наука въ Утопіи не есть только тонкое личное наслажденіе. За нею признано великое *общественное* значеніе. Люди, одаренные научными способностями, поставлены въ исключительное положеніе. Они свободны отъ физическаго труда. По указанію священниковъ—мы далѣе увидимъ ихъ положеніе—и послѣ тайнаго голосованія выборныхъ властей, народъ опредѣляетъ къ занятію науками и искусствами наиболѣе способныхъ молодыхъ людей, мужчинъ и женщинъ одинаково. Этихъ лицъ немного. Того изъ избранниковъ, кто не оправдываетъ общественныхъ ожиданій, переводятъ обратно въ классъ работниковъ. Но часто иной работникъ, въ часы досуга отдавшійся умственнымъ занятіямъ, достигаетъ значительнаго образованія, выказываетъ дарованія--и его поднимаютъ въ классъ ученыхъ.

Вы замѣтили, что въ Утопіи *женщины* могутъ одинаково съ мужчинами выдаваться въ наукахъ и занимать почетное положеніе ученыхъ. Это — не случайно брошенный намекъ, а дорогая для Мора, какъ и вообще для лучшихъ гуманистовъ, идея. Моръ гордился своей любимицей Маргаритой, какъ живымъ и яркимъ примѣромъ глубокаго знанія, возвышеннаго интереса и настроенія въ женщинѣ, которая, притомъ, съ очень молодого возраста была захвачена тяжелыми заботами семейной жизни. Люди Возрожденія не останавливались на доказательствахъ въ пользу того, что женщина въ одинаковой мѣрѣ съ мужчиной способна стать на высотѣ культуры. Для нихъ требованіе высшаго женскаго образованія, требованіе равенства призванія женщины и мужчины вытекало изъ возвышеннаго представленія о человѣческомъ достоинствѣ. Отсюда слѣдуетъ право; въ успѣшности результатовъ они не сомнѣвались.

Ученые въ Утопіи представляютъ кадры для труднѣйшихъ общественныхъ должностей: правители, государи, священники, посланники избираются изъ ихъ среды. Моръ пытается дать намъ представленіе о томъ, какъ ему рисуется истинная наука. Живо чувствуемъ мы, какъ гуманистъ хочетъ пробиться чрезъ стѣну словесныхъ фокусовъ и логическихъ вычурностей, въ которыхъ погребалось зерно живой истины при тогдашнемъ оффиціальномъ преподаваніи. Въ двухъ направленіяхъ лежитъ интересъ Мора, и съ удивленіемъ находимъ мы, что у одного изъ самыхъ горячихъ поклонниковъ классицизма въ программѣ образованія нѣтъ изученія древнихъ: во-1-хъ, *естественныя* науки привлекаютъ Мора, концентрируясь, главнымъ образомъ, въ астрономіи, вступавшей въ то время въ свой великій фазисъ: недаромъ Моръ говоритъ съ увлеченіемъ объ усовершенствованныхъ

инструментахъ наблюденія; во-2-хъ, изученіе *моральной природы человѣка*, по нашему, соединеніе психологіи и этики. Научныя изслѣдованія въ глазахъ Мора пріобрѣтаютъ какой-то вдохновенный характеръ. Жители Утопіи, говоритъ онъ, считаютъ изученіе вселенной дѣломъ, угоднымъ Богу.

Затрогивая область нравственныхъ идей, Моръ чувствуетъ, что подошелъ къ *религіи*, больше того, къ чертѣ, гдѣ начинается авторитетъ церкви. Припомните, что «Утопія» написана до реформаціи, что католическая церковь была не однимъ изъ разныхъ вѣроисповѣданій, а единственно авторитетной духовной силой. Католическому біографу Мора крайне трудно сохранить за своимъ героемъ ореолъ правовѣрности. Замѣтьте, что жители Утопіи даже *не христіане*. Они оказываются лишь воспріимчивыми къ христіанству, съ которымъ знакомятся въ моментъ полнаго развитія своей культуры. Но они представлены уже въ обладаніи тѣхъ понятій о божествѣ, о благѣ, о загробной жизни, которыя католическое духовенство собиралось водворять въ Новомъ Свѣтѣ огнемъ и мечемъ. То, что говоритъ здѣсь Моръ, звучитъ какъ проповѣдь просвѣтителей XVIII-го вѣка, Вольтера или Лессинга. Въ Утопіи *нѣтъ единой религіи*; какъ догматы, такъ еще болѣе культы, крайне разнообразны. Но это никого не поражаетъ и ни въ комъ не вызываетъ раздраженія. Полная свобода вѣрованій даетъ лишь возможность всѣмъ вѣрующимъ чувствовать общую основу религіи и соединяетъ всѣхъ въ однихъ храмахъ. Мудрый законодатель Утопіи нашелъ сначала въ ней непрерывныя религіозныя войны ослаблявшія страну, такъ какъ секты взаимно истребляли другъ друга, не останавливаясь даже въ виду внѣшняго врага. Въ интересахъ самой религіи Утопъ устранилъ всякое принужденіе. При полной свободѣ, увѣренъ Моръ, истина сама возсіяетъ; среди ожесточеннаго спора и преслѣдованій выигрываетъ худшая религія, такъ какъ худшіе люди наиболѣе упрямы, а лучшая, болѣе святая вѣра глохнетъ подъ грудой суевѣрій, какъ добрая жатва подъ терніемъ и бурьяномъ. Свобода состоитъ не только въ личной неприкосновенности всякаго, какую бы кто вѣру ни исповѣдывалъ, но и въ правѣ распространять свои вѣрованія.

Моръ ставитъ, однако, *два ограниченія*, и очень любопытно сравнить, какъ представлялось реформатору дѣло въ теоріи до взрыва религіозной борьбы въ Европѣ, и какое неожиданно широкое, но вполнѣ послѣдовательное примѣненіе этой теоріи ограниченія открылось потомъ и отчасти легло пятномъ на память самого Мора. Моръ выключаетъ изъ числа терпимыхъ ученій *матеріализмъ*, отрицаніе безсмертія души, взглядъ, что міръ упра-

вляется случаемъ. Тѣ, кто такъ думаютъ, — не люди и не граждане, потому что ихъ только страхъ заставляетъ держаться нравственности и законовъ; это—«существа низшаго рода». Имъ запрещено выражать открыто свои воззрѣнія, и они удалены отъ должностей. Однако, они вполнѣ свободно могутъ излагать свои взгляды предъ священниками и образованными людьми, мало того, ихъ даже приглашаютъ къ такимъ бесѣдамъ, чтобы получить возможность переубѣдить ихъ.

Другое ограниченіе важнѣе. Свобода проповѣди не должна переходить въ нападки на другія религіи, а главное, проповѣдь не должна вызывать движенія среди народа. Въ этомъ случаѣ нарушителя постигаетъ наказаніе, какъ *мятежника*. Такимъ образомъ, Моръ увѣренъ, что еретика, сектанта всегда можно отдѣлить отъ агитатора, бунтовщика. Трагизмъ его положенія заключался въ томъ, что, когда онъ сталъ во главѣ дѣлъ въ Англіи, ему пришлось встрѣтиться съ сильнымъ сектантскимъ движеніемъ, рѣзко нападавшимъ на церковь и готовымъ защищаться всѣми средствами. Примѣняя свое правило о наказаніи агитаторской проповѣди, какъ мятежа, Мору пришлось опрокинуть свое ученіе о вѣротерпимости. Хотя канцлеръ-гуманистъ и не жегъ протестантовъ, но онъ сажалъ ихъ въ тюрьму, а епископамъ не мѣшалъ присуждать ихъ къ смерти. Еретиковъ, готовыхъ къ увѣщанію, не оказывалось. Исключеніе дѣлалось правиломъ, а общее явленіе, предположенное въ теоріи — мирные споры, ведущіе къ выясненію истины—вовсе не наступало.

Какъ и просвѣтители XVIII в., Моръ видѣлъ въ религіи, главнымъ образомъ, установленіе великаго *нравственнаго идеала*. Представители всѣхъ ученій и сектъ въ Утопіи сходятся въ одномъ убѣжденіи, которое получается, какъ естественный результатъ ихъ уровновѣшеннаго, здороваго устройства: а именно, что добродѣтель, это—жизнь, согласная съ природой, т. е. съ разумомъ. Моръ увѣренъ, что природа повелѣваетъ стремиться къ счастью, но запрещаетъ увеличивать личное счастье насчетъ другихъ. Свѣтлый взглядъ на жизнь проникаетъ жителей Утопіи: они не боятся смерти; они пользуются всѣми дарами природы. Но въ гуманистѣ Морѣ крѣпка еще привязанность къ *подвижничеству*: и въ Утопіи есть люди, отрекающіеся отъ довольства, семьи, наслажденій и, что еще тяжелѣе, по мнѣнію Мора, отъ науки и ея радостей, и посвящающіе себя дѣятельной любви. Эти аскеты исполняютъ самыя тяжелыя и непріятныя работы какъ общественныя, такъ и на службѣ у частныхъ лицъ. Они ходятъ за больными, производятъ землекопныя работы, очищаютъ дороги и т. д. Чѣмъ больше

труда, приниженія, чѣмъ ближе приравниваются они къ рабамъ, тѣмъ выше для нихъ нравственное удовлетвореніе. Въ этомъ образѣ самоотверженныхъ дѣятелей, охваченныхъ горячимъ чувствомъ, но погрѣшающихъ противъ разума, сказалось противорѣчіе у Мора, но противорѣчіе, обличающее глубоко терпимый умъ, чуждый принципіальнаго фанатизма. Пусть отдается каждый своимъ чистымъ влеченіямъ, пусть здоровая мораль нормальныхъ людей не дѣлается сухимъ закономъ; живой человѣкъ съ его жаждой правды, хотя бы и на невѣрномъ пути, все же дороже, чѣмъ правильная жизнь безъ одушевленія.

Съ особымъ паѳосомъ изображена у Мора роль и положеніе *священниковъ* въ Утопіи. Ихъ очень мало и всѣ они равны по достоинству. Ихъ выбираетъ народъ тайной подачей голосовъ. Это—призваніе исключительно высокое, и лишь люди необычайной силы характера и ума, полные безкорыстія и чистыхъ помысловъ, восторженной вѣры, способны выполнять это призваніе. Въ Утопіи они обрисованы, почти какъ существа высшаго порядка. Имъ безусловно довѣряютъ воспитаніе дѣтей. Ихъ слова, ихъ выговора достаточно, чтобы человѣкъ, совершившій проступокъ, почувствовалъ свою вину и смирился. Въ битвахъ они являются какими-то ангелами-примирителями и заступниками: гдѣ покажется ихъ бѣлая одежда, сражающіеся опускаютъ оружіе, даютъ пощаду опрокинутому врагу и благоговѣйно преклоняются предъ божьими людьми. Священникъ стоитъ выше человѣческаго суда, потому что не внѣшнее принужденіе закона, а лишь глубокое внутреннее сознаніе можетъ поднять его на высоту идеальнаго служенія: въ случаѣ проступка съ его стороны, его не трогаютъ, предоставляя какъ божьяго избранника Богу и совѣсти. Несомнѣнно, идея Мора—возвышенная идея, но не бросается ли въ глаза, при всемъ различіи во внѣшней организаціи церкви, что именно эта идея навѣяна *католичествомъ*, его вѣковой традиціей, въ силу которой служители Божіи, эти люди не отъ міра сего, облеченные чудесными дарами, являются руководителями всей жизни человѣческой?

Остается сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ Моръ представляетъ себѣ *войну* въ идеальномъ царствѣ. Это вернетъ насъ изъ Америки въ Европу, изъ области фантазіи, въ міръ дѣйствительности. Но прежде всего, зачѣмъ же война тамъ, гдѣ устроено разумно и сознательно общее благополучіе? Дѣло въ томъ, что Утопія не предполагаетъ всеобщаго перерожденія въ человѣческомъ мірѣ; напротивъ, это счастливый уголокъ, живущій особнякомъ и даже до извѣстной степени насчетъ невѣжества и отсталости окружающихъ. Въ Морѣ заговорилъ *англичанинъ*, житель

безопаснаго острова, привыкшій выдѣлять себя изъ другихъ націй, спокойно смотрѣть на ихъ взаимное истребленіе. Сказалась и другая черта, общій взглядъ вѣка, не умѣвшаго переносить моральныхъ понятій на международныя отношенія. Правда, жители Утопіи не любятъ войны, но это—нерасположеніе къ ремеслу, а не къ принципу войны. Они не грабятъ городовъ и полей у народа, съ которымъ воюютъ, не трогаютъ безоружныхъ, не захватываютъ въ свою пользу добычи. Но это лишь извѣстный способъ веденія войны. Право войны остается жестокимъ и страшнымъ. Жители Утопіи выступаютъ сами лишь въ крайнихъ случаяхъ; обыкновенно они нанимаютъ солдатъ изъ разбойничьихъ племенъ и мало безпокоятся о ихъ гибели, разъ только обезпечена побѣда. Напротивъ, прибавляетъ Моръ, имѣя въ виду, безъ сомнѣнія, страшныхъ швейцарскихъ наемниковъ своего времени, жители идеальнаго государства радуются, что вредное и злое племя подвергается истребленію. Они разсчитываютъ на измѣну у враговъ и, чтобы избѣжать лишняго кровопролитія, назначаютъ большія суммы за убійство враждебнаго государя и его министровъ. Есть даже такая черта: завоеванная Утопіей страна отдаетъ въ пользу побѣдителей часть земли; туда отправляютъ намѣстниковъ, богато живущихъ со своей свитой насчетъ побѣжденныхъ, какъ римскіе проконсулы. Такимъ образомъ, спартанская простота и здоровое довольство жизнью утопійцевъ прекращаются за предѣлами острова. Это— частный идеалъ, идеалъ избраннаго кружка людей. Въ этомъ очеркѣ у Мора всего яснѣе обнаруживается Ахиллесова пята всякой Утопіи, всякаго политическаго романа: моральный уровень общества, недостатки его, мѣшающіе ему подняться до идеальной высоты, оттѣняются, вырисовываются темнымъ пятномъ и на томъ идеалѣ, который способны выставить лучшіе люди эпохи.

Утопія, какъ мечта, какъ политическая программа, имѣла тяжелую развязку. Уже поколѣніе Мора видѣло крушеніе свѣтлыхъ надеждъ Возрожденія. Моръ, Эразмъ и ихъ друзья и послѣдователи, готовились встрѣтить эру разума, просвѣтленной вѣротерпимости, всеобщаго матеріальнаго обезпеченія; но они не просто ошибались на столѣтія, переоцѣнивая силы и добрую волю человѣка, они не подозрѣвали ближайшаго: они не видѣли, что стоятъ наканунѣ сильнѣйшаго возбужденія религіознаго фанатизма и взрыва истребительныхъ религіозныхъ войнъ, не чувствовали, что многіе изъ нихъ самихъ погибнутъ жертвами новаго одичанія; они не подозрѣвали того, что имущественное неравенство будетъ рости еще дальше, что наступитъ новое крѣпостное право.

Ихъ желанія и порывы остались, лишь какъ завѣтъ дальнѣйшимъ поколѣніямъ.

«Утопіи» Мора не превзошелъ ни одинъ изъ послѣдующихъ романовъ по яркости образовъ, по цѣльности картины, по силѣ проникновеннаго убѣжденія. И это понятно: «Утопія» — результатъ счастливѣйшей комбинаціи; одинъ изъ самыхъ крупныхъ, самыхъ лучшихъ людей эпохи взялся выразить настроеніе своего времени, а никогда еще настроеніе не отличалось такимъ юношески-свѣтлымъ характеромъ, никогда оно не было болѣе благопріятно для вѣры въ чудесно-цѣлительную, стремительно-быструю силу просвѣщенія.

ИЗЪ РОБЕРТА ГАМЕРЛИНГА.

Не отчаявайся въ счастьѣ:
    Для тебя изъ темныхъ тучъ,
Послѣ долгаго ненастья,
    Засіяетъ свѣтлый лучъ.
Не растрогано слезами,
    Тщетно жданное давно,
Вдругъ неслышными шагами
    Подойдетъ къ тебѣ оно.

* * *

Часто жертвою обмана
    Ты бываешь, но въ пути
Счастье поздно, или рано,
    Суждено тебѣ найти:
Вдругъ оно изъ мглы туманной
    Засіяетъ съ высоты,
Повстрѣчается нежданно
    На базарѣ суеты.

* * *

Въ часъ тоски невыразимой
    Предъ тобою встанетъ въ мигъ
Это счастье, какъ любимый,
    Безконечно милый ликъ.
Въ часъ тоски и униженья,
    За рѣшеткою, въ тюрьмѣ,
Всюду счастья дуновенье
    Ты почувствуешь во тьмѣ.

* * *

Если въ юности тревожной
    Не блеснетъ его звѣзда—
Для тебя оно возможно
    И въ позднѣйшіе года.
Въ часъ послѣдняго прощанья
    Счастья чудная мечта
Подаритъ тебѣ лобзанье
    Въ поблѣднѣвшія уста.

Пер. **О. Н. Чюминой.**

КОНОКРАДЪ.

(Изъ деревенскихъ воспоминаній).

Шестого декабря, въ день св. Николая, село Степановка праздновало свой храмовой праздникъ. Денекъ выдался морозный, но тихій и ясный. Бѣлый снѣгъ горѣлъ на солнцѣ точно толченое стекло, и больно было смотрѣть на алмазные переливы его блеска.

Подлѣ церкви, будто на ярмаркѣ, стояло множество крестьянскихъ саней, запряженныхъ мужицкими лошаденками, до такой степени низкорослыми, что ихъ какъ-то и за лошадей принимать не хотѣлось — совершенные котята! Не даромъ же разсказываютъ, что одинъ ученый французъ, проѣзжавшій когда-то по нашей мѣстности, сдѣлалъ въ академіи наукъ докладъ, въ которомъ обстоятельно изложилъ, что видѣлъ-де въ Россіи особенную породу лошади, близко подходящей къ обыкновенной, и что на языкѣ туземцевъ лошадь эта именуется „coniaca"...

Подлѣ саней и на саняхъ стояли и сидѣли мужики въ тулупахъ, въ высокихъ бараньихъ шапкахъ, бабы и дѣвки въ такихъ же тулупахъ и въ добротныхъ мужицкихъ сапогахъ. Казалось, надѣнь онѣ вмѣсто платковъ высокія шапки и всякое внѣшнее отличіе ихъ само собой исчезнетъ.

Ждали начала обѣдни. Давно пора было начаться ей, но „батюшка" все медлилъ—онъ поджидалъ старушку-графиню, самую богатую свою прихожанку, и не начиналъ служенія изъ страха, что графиня обидится, если ея не подождутъ.

Нѣсколько разъ выходилъ „батюшка" на крыльцо своего домика, стоявшаго совсѣмъ близко отъ церкви, и, приложивъ козырькомъ руку, всматривался вдаль дороги. Но по дорогѣ сновали взадъ и впередъ только мужицкія сани. „Батюшка" пожималъ плечами и не безъ нѣкотораго сожалѣнія поглядывалъ на прихожанъ.

— Много малолѣтнихъ, — размышлялъ онъ,—зябнутъ, а впустить въ церковь тоже не приходится: выстудятъ... Просто Божеское наказаніе... Соблазнъ одинъ, а что прикажете дѣлать?

Мужикамъ и дѣйствительно было холодно, они, переминаясь и постукивая нога объ ногу, жались у саней и тоже время отъ времени поглядывали на дорогу, не виднѣется-ли карета графини.

— А что, скоро уже въ церковь пустятъ? — спросилъ одинъ мужиченко у стоявшаго на паперти причетника, но спросилъ вѣжливо, тономъ зрителя, посторонняго человѣка, обращающагося съ празднымъ вопросомъ къ лицу дѣйствующему.

Причетникъ вскинулъ на него свои подслѣповатые, красноватые глаза, дернулъ носомъ и отвѣтилъ.

— Скоро, скоро, вотъ пріѣдетъ графиня, и сейчасъ служба начнется.

— А холодно сегодня...

— Теперь солнышко,—успокоительно замѣтилъ причетникъ и сталъ пристально всматриваться вдаль. Онъ былъ здѣсь какъ бы на часахъ и долженъ былъ дать знать „батюшкѣ“ о приближеніи графини.

— Запоздала-таки сегодня, — глубоко вздохнувши, промолвилъ онъ.

— А запоздала, — согласился мужикъ. Обоимъ имъ, да и никому изъ всѣхъ пріѣхавшихъ и въ голову не приходило, что возможенъ другой порядокъ вещей, и что зябнуть на морозѣ вовсе не обязательно.

— Запоздала, запозда-ала,—съ прежнимъ вздохомъ повторилъ причетникъ.—Ноги у меня стынутъ... Пойтить за ладономъ, — прибавилъ онъ и, еще разъ дернувъ носомъ, сталъ медленно спускаться со ступенекъ паперти, но вдругъ остановился, и, крикнувъ „ѣдетъ!“, опрометью бросился къ дому „батюшки“. Возгласъ этотъ и среди мужиковъ тоже поднялъ оживленіе. — Не плачьте, не плачьте, — говорили озябшимъ ребятамъ бабы,—уже ѣдетъ, вонъ по дорогѣ ѣдетъ!—указывали онѣ на дорогу, гдѣ и на самомъ дѣлѣ показалась шестерка вороныхъ.

Минуту спустя тяжелая дверь церкви растворилась, народъ, толкаясь и крестясь, повалилъ туда и вслѣдъ затѣмъ ударилъ колоколъ. Протяжно и гулко зазвенѣлъ онъ, и волны мелодичнаго и полнаго звука разлились и, дрожа, потонули въ морозной свѣжести яснаго дня.

Когда раскатился второй ударъ, „батюшка“ стоялъ уже на паперти и, наскоро, съ дѣловымъ видомъ, разсчесывалъ металлическимъ гребнемъ свою окладистую, черную бороду. Тутъ же въ сторонкѣ стояли два сѣденькихъ помѣщика изъ „захудалыхъ“, очень желавшіе „посмотрѣть“.

Карета все приближалась и приближалась. Вотъ и совсѣмъ ужъ близко. Батюшка поспѣшно спряталъ гребень въ карманъ и на лицѣ его, точно при посѣщеніи архіерея, изобразилась готовность услужить „не токмо за страхъ, но и за совѣсть“. Каретка графини ужъ подкатывала, и шестерка вороныхъ, едва сдерживаемая сѣдымъ, толстымъ чудовищемъ на козлахъ, наконецъ, какъ вкопанная остановилась у паперти. Съ козелъ соскочилъ лакей съ бритыми усами, очень похожій на нѣмецкаго ученаго и распахнулъ дверцы щегольской, вѣнской каретки съ гербами. „Батюшка“ вѣжливо отстранилъ его и лично помогъ графинѣ выйти, а затѣмъ, графиня, маленькая, высохшая старушонка, укутанная въ дорогіе мѣха, медленно стала всходить по ступенямъ. Съ одной стороны ее поддерживалъ „батюшка“, съ другой — полная дама-компаньонка, съ красивымъ лицомъ и вздернутымъ, игривымъ носикомъ.

— Видѣли?—испуганнымъ шопотомъ спросилъ одинъ изъ сѣденькихъ помѣщиковъ такимъ тономъ, какъ будто сейчасъ передъ его глазами разорвалась завѣса, скрывавшая тайну бытія.

— Пріѣхала...—тѣмъ же шопотомъ отвѣчалъ другой помѣщикъ, и оба они, стараясь не стучать ногами, вошли въ церковь.

Вслѣдъ за щегольской кареткой графини, къ паперти подъѣхалъ мужикъ на саняхъ, запряженныхъ парой рябыхъ „конякъ“. Мужикъ тоже пріѣхалъ въ церковь; онъ остановился въ сторонкѣ, слѣзъ съ саней, не спѣша постучалъ кнутовищемъ о полы своего тулупа, чтобы стряхнуть сѣно, и потомъ, съ тою же спокойной неторопливостью отстегнулъ по одной постромкѣ у каждой изъ лошадей и, бросивъ охапку сѣна передъ ихъ мордами, еще разъ посмотрѣлъ на все, укуталъ подальше въ сѣно купленную бутылку съ керосиномъ и медленно, грузно направился къ паперти.

На дворѣ не оставалось почти никого, даже нищіе, калѣки и „лирныки“, отовсюду собравшіеся „на храмъ“, толпились въ притворѣ, шепотомъ переругиваясь изъ-за лучшихъ мѣстъ.

Въ оградѣ было тихо, только вороныя графини нетерпѣливо перебирали ногами, да перепархивали по карнизамъ церкви, голуби.

Та же тишина и въ самомъ селѣ. Низенькія, незатѣйливыя хатенки съ бѣлыми крышами опустѣли, маленькія подслѣповатыя окна ихъ покрылись морозными узорами и блестятъ точно самоцвѣтные камни, переливаясь на солнцѣ. На улицѣ нѣтъ никого, развѣ пройдутъ степенно тяжелые, шаровидные гуси съ покраснѣвшими, рѣзко замѣтными на снѣгу лапками, пройдутъ не торопясь, медленно, важно, точно городскія власти на крестномъ ходѣ; да тявкнетъ ни съ того, ни съ сего глупая, озябшая собаченка и, безцѣльно, лѣнивой рысцой пустится вдоль широкой улицы, высоко подымая перебитую ногу. Людей почти нѣтъ, рѣдко лишь пробѣжитъ въ длинномъ „халатѣ“ жидъ-кабатчикъ, да проковыляетъ сгорбившаяся, еле живая старушонка, чуть не съ вечера идущая въ церковь изъ ближняго села, версты за четыре, и все-таки опоздавшая. Изо всей мочи спѣшитъ старушонка, сѣменитъ ножками мелко-мелко, точно спутанная—не легки, видно, вериги старости, а помолиться хочется... Пройдетъ старушка, и опять замретъ улица. Только у кабака и замѣтно кое-какое оживленіе. Тамъ, у саней, стоитъ полупьяный мужикъ и вдумчиво смотритъ на другого, совсѣмъ ужъ пьянаго. Пьяный, уткнувшись въ лицо собесѣдника, ругаетъ его сочно, аппетитно, съ наслажденіемъ. Долго стоятъ мужики, потомъ, обнявшись, тяжело взбираются на ступеньки кабака и сталкиваются съ третьимъ.

— Идемъ!— говоритъ одинъ изъ нихъ, хватая подъ руку выходящаго.

— Пусти, пьянуга!—увертывается тотъ и, грубо оттолкнувъ отъ себя пьянаго, спускается съ крыльца. Вслѣдъ ему раздалось зазвонистое ругательство, но онъ, не обративъ вниманія, продолжалъ свою дорогу.

Это былъ высокій, рыжій дѣтина, лѣтъ 25-ти. Его сѣрая, барашковая шапка, лихо заломленная на бекрень, щегольской, расшитый узорами полушубокъ, высокіе скрипучіе сапоги со сборами, наконецъ, чисто выбритое, смазливое лицо съ длинными рыжеватыми усами—все говорило, что парень этотъ франтъ и повѣса.

Небрежно раскачивая широкоплечимъ туловищемъ, не спѣша шелъ онъ вдоль улицы по направленію къ церкви. Онъ точно гулялъ, такъ разсѣянно посматривалъ онъ на хаты,

на дворовую собаку, глодавшую посреди улицы кость, на воробьевъ, порхавшихъ на навозной кучѣ. Но всмотрѣвшись въ него ближе, можно было сразу сказать, что въ небрежности этой, въ этой развалистой походкѣ и въ равнодушно скучающемъ выраженіи лица было что-то ненатуральное, что-то дѣланное. Дѣйствительно, подойдя къ церкви, скучающій парень остановился за колонкой и осмотрѣлся кругомъ. Съ лица его сразу слетѣло напускное выраженіе, теперь въ немъ замѣтны были безпокойство, волненіе. Въ маленькихъ голубыхъ глазахъ свѣтилась тревога. Съ безпокойствомъ посматривалъ онъ на стоявшихъ отдѣльно рябыхъ конякъ и переводилъ взоръ на церковную паперть. Тамъ по прежнему никого не было, изъ церкви неслось визгливое, нестройное пѣніе доморощеннаго хора, да на карнизахъ продолжали ворковать голуби.

Парень отошелъ отъ колонки, взошелъ на паперть, потомъ въ притворъ. Густая толпа молящихся не позволяла пройти дальше, онъ остановился и сталъ учащенно креститься, кланяясь и быстро выпрямляясь. А съ лица его все не сходило выраженіе тревожнаго испуга. Онъ посмотрѣлъ вокругъ себя на молящихся. Какая-то баба, стоя на колѣняхъ, закрывъ глаза и вытянувъ вверхъ шею, громко шептала слова молитвы; нѣсколько дальше отъ нея, у иконы Богоматери, стоялъ мужикъ, котораго все время стучали по плечу тоненькими восковыми свѣчками. Мужикъ оборачивался, бралъ свѣчи, зажигалъ ихъ и, перекрестившись, молча становился на прежнее мѣсто. Всѣ молились горячо и усердно, какъ только молятся деревенскіе люди, и въ церкви было тихо, только иногда слышался кашель въ руку, да плачь грудного ребенка.

Парень не долго стоялъ и, перекрестившись, вышелъ. Проворно сошелъ онъ съ паперти и все съ тѣмъ же тревожно-испуганнымъ выраженіемъ лица подошелъ къ рябымъ конякамъ. „Надо ѣхать домой",—вслухъ произнесъ онъ, стараясь придать голосу возможно больше спокойствія, но у него не вышло, въ голосѣ послышалась фальшивая нотка, такъ и видно было, что онъ хотѣлъ не то себя ободрить, не то убѣдить кого-то въ совершенной законности и правотѣ своихъ дѣйствій.—„Пора домой",—все тѣмъ же фальшивымъ голосомъ проговорилъ онъ и, пугливо, не поворачивая шеи, какъ-то по-волчьи, одними только глазами посмотрѣлъ по сторонамъ. Кругомъ не было никого, изъ церкви доносился ревъ діакона, да протяжно фыркнула графская пристяжная.

— Тпр... стой, стой рябой!—опять намѣренно громко крикнулъ парень и сталъ надѣвать снятыя постромки. Руки его слегка дрожали, блѣдное лицо было взволновано, голубенькіе глазки тревожно бѣгали по сторонамъ. Наконецъ, постромки были надѣты, парень отмоталъ возжи, сѣлъ и тронулъ лошадей.

— Но, но, но!..—какъ-то тихо, точно просилъ онъ ихъ. Лошаденки повернули и неторопливой рысцой затрусили по улицѣ по направленію къ большой дорогѣ. Парень сидѣлъ, какъ на иголкахъ, лицо его было блѣднѣе прежняго, рука съ кнутомъ все порывалась подняться, чтобы гнать этихъ маленькихъ лошаденокъ, что есть мочи, во весь духъ, но надо было выдержать роль, и „коняки“ подвигались впередъ своей обыкновенной, меланхолической побѣжкой.

Прозвонили къ „достойно“ и скоро затѣмъ прихожане стали выходить изъ церкви. Народъ, разступаясь, пропустилъ старушку-графиню, которую на сей разъ, за отсутствіемъ „батюшки“, вела подъ руку лишь компаньонка. Безусый лакей, выступая впереди, прочищалъ дорогу, властно расталкивая локтями мужиковъ и бабъ; тѣ покорно пятились и давили другъ друга до послѣдней степени, до головокруженія. Наконецъ, побѣдное шествіе лакея закончилось. Бережно усадивъ барынь въ карету, онъ хлопнулъ дверцей и молодцомъ вскочилъ на козла. Каретка укатила.

Вслѣдъ за барынями повалили и мужики. Не торопясь выходили они на паперть, долго крестились и, надѣвъ шапку ужъ на послѣдней ступени, подходили къ своимъ конякамъ, „гнуздали“ ихъ и разъѣзжались по селу „побазаровать“. Все это дѣлалось меланхолично и съ такою медленностью, на которую способенъ только одинъ хохолъ въ мірѣ.

Но вотъ среди крестьянъ поднялось движеніе, раздались крики. „Кони пропали! Коней украли! Рябые кони!..“

Скоро изъ мужиковъ образовалась тѣсная толпа, посреди которой, заливаясь слезами и всхлипывая, какъ ребенокъ, владѣлецъ пропавшихъ лошадей выкрикивалъ о своемъ горѣ.

— Ой, Господи, ой, Боже-жъ мой!.. Зарѣзали меня, зарѣ-ѣ-зали, ой-ей-ей-ей! Что-жъ я теперь буду дѣлать? Послѣднюю пару взяло, послѣднюю па-ару!—причиталъ мужикъ и плакалъ, какъ трехлѣтній ребенокъ. На мокромъ отъ слезъ лицѣ его, съ блуждающими растерянными глазами, было написано столько горя, что невольно какъ-то брала оторопь

и думалось, что вотъ именно такое лицо должно быть у человѣка, который прибѣжалъ къ проруби топиться. — Ратуйте *) меня, люди добрые, ратуйте, не дайте пропасть, ой, Боже-жъ мо-ой!—вопилъ мужикъ и со стономъ повалился въ ноги окружавшихъ его крестьянъ.

— Ратуйте, ратуйте меня, кто въ Бога вѣруетъ!—молилъ онъ и то билъ поклоны, то молитвенно простиралъ руки въ мужикамъ. Тѣ стояли молча, лица ихъ какъ бы отражали горе мужика только въ меньшей степени.

— Что такое, что случилось? — послышался громкій окликъ, и, пробиваясь сквозь густую толпу, предъ потерпѣвшимъ предсталъ приставъ, широкоплечій, усатый человѣкъ браваго вида.

— Ваше благородіе!.. Ой, ваше благородіе, голубчику, ваше благородіе!—хватаясь за сапоги пристава, въ отчаяніи восклицалъ мужикъ.

— Въ чемъ дѣло? Встань, что такое случилось?

— Кони, кони у него украли,—отвѣтили изъ толпы.

— Кони, кони, ваше благородіе, ой, ко-о-ни!..— и вдругъ въ какомъ-то порывѣ, въ экстазѣ горя и отчаянія, мужикъ снова повалился въ ноги приставу и, схвативъ его за сапогъ, поцѣловалъ въ голенище.

Приставъ не ожидалъ этого и сконфузился.

— Встань, встань, не надо, что ты? Разсказывай, что и какъ, говори толкомъ!—Онъ помогъ мужику подняться.—Ну, говори же, какъ дѣло было!

— Ой, ваше благородіе, ваше благородіе, послѣдніе, послѣ-ѣдніе...

— Не реви же, наконецъ! Что ты, словно маленькій! Говори дѣло!

— Я, ваше... бла... благородіе, пріѣхалъ у церкву, коней поставилъ вотъ тамъ, далъ сѣна, и... ду...маю, пойду, думаю... у церкву, пошелъ, а оно взяло, послѣднюю пару, лучше-бъ крышу съ хаты сняло... ой, Боже-жъ мой, Го-о-споди!—И мужикъ снова залился слезами.

— Вотъ несчастье!—послышалось въ толпѣ.

— Средь бѣлаго дня, видали вы такое лихо?

— Не напирай! Осади назадъ! — крикнулъ приставъ. Дѣйствительно, толпа сомкнулась такимъ тѣснымъ кольцомъ, что дышать было трудно.

*) Спасите.

— Надо въ погоню послать, „злődій“ должно быть еще недалеко. Вы вотъ стоите тутъ да горланите безъ толку, а чтобъ верхомъ сѣсть да поѣхать?

— И-и, куда-жъ теперь, ваше благородіе, ѣхать? „Ему“ одна дорога, а намъ сто.

— Ищи вѣтра въ полѣ!—отозвались изъ толпы. Но были и такіе, которые находили вполнѣ возможнымъ изловить вора.

— А его словить не трудно,—говорилъ сотскій Сидоръ, мужикъ лѣтъ 30, съ замѣчательно красивымъ лицомъ.— „Онъ“ не иначе, какъ на Трафовецкое подался, прямо большой дорогой и поѣхалъ, куда-жъ ему больше и ѣхать?

— Такъ и садился бы верхомъ, пока не поздно,—предлагалъ ему приставъ.

— Ой, садитесь, садитесь, голубчику, ратуйте меня!—опять взмолился потерпѣвшій.

— Что-жъ, я сяду, помочь надо... Только что-жъ я одинъ... Кабы еще кто?..—и Сидоръ вопросительно посмотрѣлъ на толпу.

— Да и я сяду,—отозвался кто-то.

— И я!

— И я!

— И я!—послышались голоса.

— Ну, такъ поѣдемъ! Прямо разсыпаться по всѣмъ дорожкамъ и мы его словимъ!

— А словимъ!

Мужики стали выпрягать лошадей, а Сидоръ обратился къ потерпѣвшему.—Такъ, говоришь, что твои кони рябые, чоловіче?

— Рябые, рябые, сердце...

— И не кобылы, а кони, рябые кони?

— Кони, кони, голубчику...

— И именно рябые кони?..

— Именно, именно...

Сомнѣній никакихъ больше не существовало. Мужики стали садиться верхомъ. Потерпѣвшій ободрился, онъ больше не плакалъ, слезы замерзли на его бороденкѣ и усахъ, но новыхъ не было.

— Дайте и мнѣ, люде добрые, какую-нибудь коначку и я поѣду!—сказалъ онъ, и въ голосѣ его послышалась энергія, готовность бороться. Ему дали, и скоро человѣкъ двѣнадцать верховыхъ разсыпались въ разныя стороны.

Послѣднимъ выѣзжалъ сотскій Сидоръ. „Мы его словимъ,

не иначе, какъ на Трафовецкое подался!“ говорилъ онъ и прыгнулъ на свою лошаденку, потомъ ужъ на ходу, лежа животомъ на хребтѣ лошади, медленно, съ усиліемъ занесъ правую ногу и сѣлъ.

Толпа порѣдѣла, приставъ ушелъ въ волостное правленіе, поручивъ уряднику „въ случаѣ чего, дать знать“. Стали разъѣзжаться по базару и мужики. Между ними долго еще шли оживленные споры на тему, кто укралъ и по какой дорогѣ поѣхалъ. Предположенія высказывались самыя разнообразныя, однако, большинство мужиковъ стояло за то, что воръ поѣхалъ по дорогѣ къ селу Трафовецкому.

— Тотъ Сидоръ его словитъ, увидите! — говорили мужики.—Вонъ какъ почесалъ!—указывали они на гору, куда въ это время въѣзжалъ Сидоръ, на котораго возлагались такія надежды.

Онъ ѣхалъ крупной рысью. Сытая, лохматая „конячка“ его бѣжала легко и охотно. Выѣхавъ въ поле, Сидоръ то и дѣло разспрашивалъ у встрѣчныхъ о рябыхъ лошадяхъ, но оказывалось, что никто не видалъ такихъ. Сомнѣніе стало заползать ему въ душу, но онъ все ѣхалъ и ѣхалъ.

Степановка уже давнымъ-давно исчезла изъ вида и кругомъ было безлюдье. Солнце все также ярко свѣтило и горѣлъ подъ его лучами снѣгъ. Направо отъ дороги возвышался старый дубовый лѣсъ и внизу на уродливо изогнутыхъ суковатыхъ вѣтвяхъ кое-гдѣ еще сохранились прошлогодніе поблекшіе листья, желтые, какъ спѣлый табакъ, вверху вѣтки обмерзли и прошлогодніе побѣги, покрытые, какъ стеклянной корой, тонкимъ слоемъ льда, свѣтились на солнцѣ. Глухо и пусто въ лѣсу, снѣгъ выпалъ глубокій, и повалившійся отъ старости дубъ почти совсѣмъ закрытъ бѣлой пеленой, какъ саваномъ, а рядомъ выскочилъ молодой кудрявый дубокъ; листья его не только высохли и пожелтѣли, но сохранились почти всѣ, и темной бронзой рѣзко выдѣляются на бѣломъ снѣжномъ фонѣ. Тихо въ лѣсу, какъ на кладбищѣ, кажется, нѣтъ здѣсь ни птицы, ни звѣря. Но это только кажется — вонъ громадный сѣрый заяцъ, прижавъ къ спинѣ свои длинныя уши, какъ ошалѣлый, прыгнулъ вверхъ и пустился черезъ дорогу.

— А чтобъ тебя!.. Перебѣжалъ-таки дорогу, проклятый! — выругался Сидоръ и даже остановилъ коня. — Черта два теперь поймаешь вора, а побей тебя сила Божья! И вынесло-жъ его изъ лѣсу каторжнаго! Теперь прямо хотъ вер-

нись, не стоитъ и ѣхать дальше... А жалко человѣка, послѣднихъ лошадей украли, да что же подѣлаешь?.. И понесло его, какъ на зло, черезъ дорогу, а чтобъ тебѣ въ собачьи зубы попасть!..

Сидору было холодно и хотѣлось ѣхать домой. Постоявъ минуту въ раздумьи, онъ лѣниво и нехотя тронулъ коня и поѣхалъ дальше, но только для спокойствія совѣсти; увѣренность въ успѣхѣ, ослабѣвшая еще и раньше, послѣ „зайца" совсѣмъ поколебалась.

— Поймаешь вора, какже!..

Лѣнивой рысцой затрусилъ Сидоръ дальше, изрѣдка съ напряженіемъ всматриваясь вдаль, но вдали было безлюдно и пусто. Кончился лѣсъ, налѣво и направо открылись широкія бѣлыя поля, ровныя, точно замерзшее озеро, и пустыя и скучныя, какъ сама смерть. Тоской и апатіей вѣетъ отъ этихъ необозримыхъ бѣлыхъ пустынь и когда проѣзжаешь по нимъ, кажется, будто погружаешься въ нирвану, отлетаютъ желанья, потухаетъ энергія и въ душѣ чувствуется такая же тоска, такая же пустыня, какъ и кругомъ.

— Лысаго чорта, теперь поймаешь вора!—воскликнулъ Сидоръ, сдерживая своего конька. — Еслибъ не проклятый заяцъ, а теперь, просто хоть вернись! — Онъ потянулъ поводья, и лошадь остановилась.—Дѣло извѣстное, проку ждать нечего!.. И понесло-жъ его прямо черезъ дорогу!

Отъ Степановки Сидоръ отъѣхалъ далеко, немного оставалось ужъ и до Трафовецкаго. Лошаденка истомилась, стала сопѣть и изъ раздувшихся ноздрей ея, двумя широкими струями вылеталъ паръ. На заиндѣвѣвшей мордѣ сосульками висѣлъ ледъ.

— Надо ѣхать домой, ничего не подѣлаешь,—размышлялъ Сидоръ, пристально вглядываясь вдаль дороги. Тихо, какъ бы въ задумчивости натянулъ онъ поводъ, лошадь охотно повернула назадъ, но какъ разъ въ это время на дорогѣ что-то показалось. Снова повернулъ Сидоръ и лѣниво поѣхалъ дальше.—Спрошу еще у этихъ,—думалъ онъ, глядя на приближавшіяся сани,—если не видѣли, поѣду домой! Онъ неуклюже ударилъ свою покорную „коняку" въ бока сапогами и потрусилъ на встрѣчу. Ноги его необыкновенно низко свѣшивались къ землѣ и казалось, что взрослый человѣкъ сѣлъ на жеребенка. Скоро можно было различить, что на саняхъ ѣхалъ мужикъ съ бабой.

— Тпр...—поровнявшись съ ними, осадилъ Сидоръ своего коня.

Осадили и тѣ.

— Здравствуйте, съ Миколаю будьте здоровы!

— Здравствуйте!

— А не видали-ль вы, чоловіче, по дорогѣ, не ѣхалъ ли тутъ кто на рябыхъ коняхъ?

— Видалъ.

Сидоръ встрепенулся.

— Давно ужъ вы его видѣли?

— Нѣтъ.

— И именно рябые кони?

— Рябые.

— Куда-жъ поѣхали?

— На Трафовецкое.

— Я такъ и говорилъ, но!—тронулъ Сидоръ коня.

— А что такое?—спросили у него.

— Да у человѣка тѣ лошади украдены, — обернувшись, наскоро отвѣчалъ онъ и, поднявъ лошадь въ галопъ, пустился дальше.

Версты четыре, однако, не было видно ничего, но, наконецъ, показались-таки сани, запряженныя рябыми лошадьми. Изъ всѣхъ силъ сталъ погонять свою клячонку Сидоръ, но видно его замѣтили — рябые тоже прибавили ходу. Сидоръ сразу смекнулъ, что это воръ. „Не утечешь!" злобно крикнулъ онъ и такъ сталъ колотить свою лошаденку, что она, вытянувшись, мчалась во всю прыть. Рябые стали идти тише, ихъ, видимо, сдерживали, лошаденка Сидора скоро поровнялась. На саняхъ сидѣлъ усатый парень.

— А чьи это кони?—спросилъ Сидоръ.

— Мои.

— А гдѣ-жъ ты ихъ укралъ?

— Что?

— Говорю: гдѣ ты ихъ укралъ?

— У тебя можетъ краденая, а у меня свои.

— Твои, злодію ты проклятый, твои? — Сидоръ становился все храбрѣе и храбрѣе—по дорогѣ кто-то ѣхалъ, можно было разсчитывать на помощь.—А ну, ѣдемъ до пристава, если это твои.

— Нечего мнѣ до пристава.

— Нѣтъ, голубчику, я тебя не выпущу, не выпущу, каторжный! И Сидоръ со всего плеча вытянулъ парня кнутомъ. Тотъ слѣзъ съ саней.

— Чего бьешь, право имѣешь?—спросилъ онъ, но какъ-то

неувѣренно, и вдругъ, что есть мочи пустился бѣжать въ сторону, по направленію къ молодому грабовому лѣсу, чернѣвшему вблизи.

— Го-го-го-о-о!.. Дайте помощи!—прокричалъ Сидоръ на встрѣчу ѣхавшимъ мужикамъ и поскакалъ за убѣгавшимъ. Онъ скоро нагналъ его и сталъ колотить кнутомъ. Тѣмъ временемъ подбѣжали ѣхавшіе.

Дѣло выяснилось, и хотя парень упорно утверждалъ, что лошади его, но ему не повѣрили и, слегка поколотивъ—для порядку, усадили въ сани и повезли обратно въ Степановку.

Точно на необычайное, невиданное зрѣлище сбѣгались мужики, когда торжествующій Сидоръ, съ видомъ первосвященника, собирающагося принести жертву, тріумфально въѣзжалъ въ село. Еще на околицѣ встрѣтилъ его урядникъ.

— Молодчина, Сидоръ! Словилъ-таки каторжнаго! Ну, теперь его къ приставу, приставъ еще здѣсь въ волости дожидается... Молодчина, что поймалъ! Покажутъ тебѣ кузькину мать!—къ конокраду ужъ обратился урядникъ,—будешь помнить! А что ты его везешь, Сидоръ, точно барина? Пускай идетъ пѣши проклятый! Слазь съ саней! — приказалъ урядникъ конокраду. Тотъ блѣдный, какъ стѣна, сошелъ покорно на землю. Урядникъ взялъ его за рукавъ и пошелъ впередъ. Густая толпа окружила ихъ и подвигалась вмѣстѣ. Вору засматривали въ лицо, злорадно смѣялись надъ нимъ, бранили, но онъ молча, пугливо косясь по сторонамъ, подвигался вслѣдъ за урядникомъ.

— А, каторжный, попался-таки!—восклицали въ толпѣ.

— Люди Богу пошли молиться, а онъ тѣмъ часомъ кони красть!

— Послѣднихъ коней у человѣка взялъ, Иродъ!

— А чтобъ тебя за сердце взяло!..

— Сапоги со скрипами носишь, разжился съ чужихъ коней, проклятый!

— Ихъ бы въ землю закапывать, живыхъ въ землю!

— Лупить ихъ чѣмъ попало, а не къ приставу водить, они кровь нашу выпили!..

Народное негодованіе росло, въ глазахъ толпы свѣтилась злоба, накопившаяся годами, возгласы становились грознѣе, чесались руки и хотѣлось расправиться самимъ.

Урядникъ былъ словно плотиной, сдерживавшей напоръ мужицкой злости.

— Не напирать, осади назадъ! Морды буду бить!..—кричалъ онъ и сильнѣе придерживалъ за рукавъ испуганнаго конокрада. Но толпа не боялась угрозы и все тѣснѣе и тѣснѣе смыкалась вокругъ обезумѣвшаго отъ страха вора.

— Да что ему въ зубы смотрѣть?—вдругъ прокричалъ какой-то полупьяный мужикъ и, широко замахнувъ рукой, со всего могучаго плеча ударилъ вора кулакомъ въ зубы. Дернулъ головой воръ высоко, какъ слѣпая лошадь, наткнувшаяся мордой на заборъ, изъ разбитаго лица такъ и брызнула кровь и широкіе рыжіе усы его сразу сдѣлались алыми.

— Не смѣешь!—крикнулъ, было. урядникъ, но толпа вдругъ заревѣла и ужъ ничего нельзя было разобрать. Первый ударъ былъ точно сигналомъ, точно искрой, упавшей въ бочку съ порохомъ, и сдерживаемое остервенѣніе хлынуло наружу. Лица перекосились, хриплые голоса обрывались, въ глазахъ засверкалъ совершенно звѣриный огонь, и удары посыпались градомъ. Били чѣмъ попало—кулакомъ, палкой, кнутами, даже бутылкой билъ какой-то пожилой мужикъ.

Конокрадъ вскрикнулъ. Урядникъ кинулся, было, защищать, но почувствовавъ сильный ударъ въ лицо, бросился къ волостному правленію. А толпа продолжала свое ужасное дѣло. Конокрадъ уже лежалъ на землѣ, а надъ нимъ, сопя и хрипя, копошилась куча человѣческихъ тѣлъ, взлетали кверху руки, палки и спускались на что-то звонко, точно били въ доску, то глухо, будто колотили въ толстую стѣну. Надъ мѣстомъ свалки столбомъ подымался горячій паръ и стынулъ въ морозномъ воздухѣ.

— Мерррзавцы!!!...—вдругъ послышался на улицѣ удивительно громкій крикъ пристава. Безъ шапки съ толстой казацкой нагайкой въ рукѣ мчался онъ какъ ураганъ, и, добѣжавъ до толпы, врѣзался въ нее, какъ будто бы имъ изъ пушки выстрѣлили. Загудѣла, разсѣкая воздухъ, толстая нагайка и стала впиваться въ щеки, разбивать носы, разрѣзывать губы...

Это подѣйствовало—толпа разступилась, ее точно вырвало что изъ звѣринаго опьяненія. Возбужденныя, красныя лица еще хранили слѣды остервенѣнья, груди дышали прерывисто, тяжело, но въ глазахъ ужъ виднѣлась растерянность, какъ будто мужики были чѣмъ-то несказанно удивлены и оторопѣли.

Приставъ утихомирился наконецъ и посмотрѣлъ на избитаго. Онъ лежалъ уткнувшись лицомъ въ окровавленный

снѣгъ. Лѣвая рука его судорожно растопыренными пальцами впилась въ этотъ алый снѣгъ. На головѣ не было шапки и смоченные кровью русые волосы слиплись, точно приклеенные къ разбитому черепу. На спинѣ виднѣлись лоскутья кожуха, и сквозь разорванную ситцевую рубаху видно было голое тѣло, посинѣлое, испещренное кровавыми полосами, пересѣкавшими другъ друга. Обутыя въ щегольскіе сапоги, ноги подогнулись и скорчились, какъ у мертвеца.

— Воды!—властно крикнулъ запыхавшійся, вспотѣвшій приставъ, и тотчасъ же, словно изъ-подъ земли, появилось два ведра съ водой.

— Отливай его!

Два-три мужика и урядникъ подошли къ конокраду и съ испуганнымъ видомъ осторожно стали лить воду на голову.

— Переверни его навзничъ!—командовалъ приставъ.

Бережно перевернули мужики парня и положили лицомъ вверхъ, но это ужъ было не лицо, а окровавленный кусокъ мяса. Грудь и животъ тоже были обнажены и посинѣли, изъ-подъ растерзанной рубахи видно было, что нижнее ребро съ правой стороны какъ-то неестественно вдавилось во внутрь.

— Лей, лей, чего думаешь!—приказывалъ приставъ оторопѣвшимъ мужикамъ.

Подъ холодной, ледяной водой тихо, едва слышно застоналъ конокрадъ.

— Живъ еще?

— Немножко живъ, ваше благородіе...

— Несите его въ волость! Ну, поднимай его, вы, каторжные, чего розиня ротъ стоите!—къ мужикамъ обратился приставъ.

Тѣ осторожно и робко подошли и подняли избитаго. Голова и руки его свѣсились, какъ у мертваго.

— Полегче, полегче неси, архаровцы! А вы всѣ,—къ остальнымъ обратился приставъ,—ступайте за мной, всѣ до одного, я перепишу васъ! И, поднявъ шапку конокрада съ земли, приставъ, а за нимъ и мужики пошли вслѣдъ за воромъ, котораго несли впереди.

— Осторожно, осторожно! Не поскользнитесь на лѣстницѣ, тихонько, тихонько!—командовалъ приставъ, когда конокрада вносили ужъ на крыльцо „волости".

— Клади на койку сторожа! Что, живъ?

— Должно померъ, ваше благородіе, духу не слыхать...

Приставъ сталъ внимательно прислушиваться, наклонившись надъ избитымъ. На лицахъ принесшихъ его мужиковъ застыло напряженное вниманіе, они точно приговоръ свой собирались слушать.

— Ну, да, померъ!.. Уходили-таки, подлецы...—тихо промолвилъ приставъ. Съ лицъ мужиковъ сбѣжало выраженіе вниманія, и страхъ, и недоумѣніе, и тоска засвѣтились въ ихъ глазахъ.

Бывалый былъ человѣкъ приставъ, а и на него эта смерть произвела сильное впечатлѣніе: почти безъ брани составилъ онъ протоколъ и, отпустивъ мужиковъ, велѣлъ уряднику везти этотъ протоколъ къ начальству.

Тихо расходилась толпа по селу, ни шуму, ни разговоровъ не было слышно. Мужики шли съ опущенными головами, они какъ будто не могли понять, не могли осмыслить всего случившагося.

У кабака кучка ихъ поймала ѣхавшаго съ протоколомъ урядника.

— Что же теперь, Поликарпъ Семенычъ?—растерянно, словно пришибленные, спрашивали они.

— А что? Извѣстно что! упекутъ васъ, подлецовъ!—строго сказалъ урядникъ и внимательно потрогалъ пальцами свой синякъ подъ лѣвымъ глазомъ.

— Да мы, Поликарпъ Семенычъ, и сами не знаемъ... Господь его Святой знаетъ, какъ оно такъ... а мы не хотѣли... не виноваты мы, Поликарпъ Семенычъ...

— Да-а!—иронически протянулъ уродникъ.—Не виноваты, подлецы вы, подлые!.. Былъ живъ человѣкъ, а теперича упокойникъ... По какой причинѣ? Черезъ вашу, черезъ подлость, черти вы, проклятые!—И еще разъ все также внимательно потрогавъ свой синякъ, урядникъ хлопнулъ возжей по крупу своего коня и потрусилъ вдоль улицы, гдѣ на мѣстѣ побоища какой-то старикъ затрушивалъ свѣжимъ снѣгомъ кровавыя мѣста.

А. Яблоновскій.

ЗА АТЛАНТИЧЕСКИМЪ ОКЕАНОМЪ.

ПУТЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ ЛЮДВИГА КРЖИВИЦКАГО.

Переводъ съ польскаго В. Чепинскаго.

(*Продолженіе* *).

18 іюля, Чикаго, выставка транспорта.

Сапогъ, замѣченный мною въ окно трамвая, преслѣдуетъ мое воображеніе съ тѣхъ поръ, какъ я переступилъ порогъ павильона общества *White Star* (Бѣлой звѣзды). Складъ обуви, а надъ дверями, вмѣсто вывѣски, сапогъ колоссальныхъ размѣровъ, да еще вызолоченный. Какой величины достигла эта часть нашей одежды и въ какое золотое платье нарядилась! Укажите-ка мнѣ другую историческую эпоху, помимо нашей, когда взоры восхищались бы подобными сапогами, шляпами, очками. Реклама, словно волшебныя дрожжи, раздула ничтожество до чудовищныхъ размѣровъ и заставила блестѣть ординарную деревянную поддѣлку. Какое же дѣйствіе оказываетъ она не только въ мірѣ сапоговъ и шляпъ, но и тогда, когда дѣло касается современныхъ героевъ?.. Развѣ эти вывѣски не девизъ нашего времени, подобно тому, какъ Зничъ былъ символомъ варварской земледѣльческой общины?

Сапогъ надъ вывѣской, снаружи сіяющій позолотой, а внутри быть можетъ, источенный червями—вотъ альфа и омега всякой рекламы, всякаго хвастовства, наконецъ, всякой выставки. Сегодня я побывалъ въ Бѣломъ Городѣ въ отдѣлахъ желѣзнодорожномъ и пароходномъ. Модели самыхъ скорыхъ пароходовъ, пароходныя каюты, на одну особу каждая, съ огромною койкою на пружинахъ, столовыя, гдѣ каждый стулъ—кресло, салоны для куренія, въ которыхъ кушетки манятъ къ дремотѣ. Но такова ли дѣйствительность? Модели подъ стекломъ—образцы настоящихъ парохо-

*) См. «Міръ Божій», № 2, февраль 1896 г.

довъ; но при нихъ забыли только упомянуть о томъ, что кромѣ этой аристократіи существуетъ еще «нѣчто». Взяты два-три лучшіе образца, изъ нихъ опять-таки выбраны самые изысканные экземпляры, а «замарашки» обойдены молчаніемъ. И это называется выставкой, цѣль которой—знакомить насъ съ современною жизнью

Въ головѣ все время вертятся однѣ и тѣ же картины. Золотой сапогъ — реклама — выставка. Выставка—золотой сапогъ—хвастовство. Хвастовство въ небольшомъ масштабѣ—выставка магазиновъ—большой *humbug* (вздоръ)—международное хвастовство...

Что же такое, наконецъ, выставка?

Выставка? Это собраніе произведеній руки человѣческой, пріобрѣтеній человѣческаго ума, плодовъ человѣческой изобрѣтательности. Далѣе—это отчетъ совѣсти нашей культуры, исповѣдь въ томъ, что́ достигнуто прогрессомъ.

Что такое выставка? Еще разъ ставимъ этотъ вопросъ. Она происходитъ не въ пустомъ пространствѣ, а въ рамкахъ извѣстнаго общественнаго строя, девизомъ же этого строя служитъ взаимная конкурренція, и величайшая заповѣдь его—*money making* (дѣлать деньги) — во всякое время, во всякомъ мѣстѣ, всякими средствами. Итакъ, что́ же такое выставка? Подведеніе ли итоговъ тому, что достигнуто прогрессомъ, или сосредоточеніе произведеній человѣческой предусмотрительности, отмѣченное соревнованіемъ? Я люблю Америку; есть у нея недостатки, но еще больше достоинствъ. Она незнакома съ европейскимъ лицемѣріемъ и всякую вещь называетъ настоящимъ именемъ. Выставку она просто-на-просто окрестила названіемъ *World's fair* (міровая ярмарка), т. е. какъ бы международной ярмаркой, всемірнымъ базаромъ—такимъ же базаромъ, какой имѣется въ меньшихъ размѣрахъ на *State Stree* и который торгуетъ рѣшительно всѣмъ, чѣмъ только можно открыто торговать. Соберите со всего свѣта въ одно мѣсто витрины большихъ магазиновъ съ ихъ пестрыми товарами, помѣстите тутъ же рекламы колоссальныхъ предпріятій въ видѣ моделей, образцовъ и объявленій, соберите, повторяю, все это въ одно мѣсто, но раздѣливъ по областямъ, внесите въ это торгашеское хвастовство разнообразіе, присоединивъ сюда же нѣсколько плановъ общественныхъ работъ и учрежденій — и вы получите то, что янки назвалъ всемірнымъ базаромъ. Бѣлый Городъ—это выставка торгашей, это хвастовство конкуррентовъ другъ передъ другомъ, и какъ слѣдствіе этого — арена бѣшеныхъ скачекъ и, наконецъ, балъ, гдѣ всякій, обнажая свои прелести, готовъ даже отбросить фиговый листъ. Тайныя прелести—это вовсе не прелести, ибо ихъ

нельзя обратить въ деньги. Развѣ балъ есть отчетъ совѣсти? Самое большее — это самохвальство, выставленіе на показъ обманчивой роскоши. Въ вихрѣ танца проносятся передъ вами элегантныя платья, но остерегайтесь судить о будничной жизни по праздничному виду. Подъ роскошнымъ платьемъ скрывается, можетъ быть, изодранная рубашка.

Великій вздоръ!—такъ выразился одинъ шведъ о Бѣломъ Городѣ. Нѣтъ, дѣло не такъ ужъ плохо, хотя пріѣзжему изъ старой части свѣта, впервые очутившемуся въ круговоротѣ американской жизни, можетъ сначала такъ показаться. Выставка вовсе не вздорное дѣло, и изученіе ея можетъ замѣнить сухое штудированье книжекъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Остерегайтесь только одного: принимать ее за отчетъ по совѣсти.

19 іюля, Чикаго, «City».

Неизбѣжныя послѣдствія конкурренціи создали соотвѣтствующую этику. Недавно нѣкто исповѣдывался передо мною въ своихъ впечатлѣніяхъ, полученныхъ въ средѣ настоящей американской интеллигенціи — въ обществѣ врачей. Тамъ онъ узналъ одно ругательство, незнакомое намъ, дѣтямъ Стараго Свѣта. Въ Америкѣ сказать о комъ-нибудь, что онъ непрактиченъ — *unpractical*, значитъ оскорбить и обидѣть человѣка самымъ ужаснымъ образомъ. Только «практическій человѣкъ» въ глазахъ американца заслуживаетъ уваженія. При этомъ принимается въ разсчетъ не одно количество богатства. «Дѣльный человѣкъ» не тотъ, у кого столько-то и столько-то долларовъ—развѣ что онъ сколотилъ ихъ благодаря своей предусмотрительности,—а тотъ, чей характеръ можетъ служить ручательствомъ за то, что онъ сколотитъ значительный капиталъ. Соединенные Штаты все еще продолжаютъ быть такой страной, гдѣ каждый обладающій практическимъ смысломъ можетъ составить себѣ состояніе. Это этика не той плутократіи, которая уже опочила на лаврахъ и въ своемъ инертномъ состояніи паразита лишилась своихъ антропологическихъ способностей, а этика проворныхъ и предпріимчивыхъ торгашей.

Въ чемъ же выражается практичность? Приведу одинъ примѣръ изъ многихъ, быть можетъ, недостаточно еще яркій. Когда я познакомился съ госпожею Френчъ-Шельдонъ, то и не воображалъ, что меня представили такой знаменитости. Саженный хвостъ юбки указывалъ, что я имѣю дѣло скорѣе съ салонной знаменитостью, чѣмъ съ одной изъ самыхъ смѣлыхъ путешественницъ. Эта женщина имѣла смѣлость углубиться въ невѣдомые доселѣ уголки Восточной Африки во главѣ болѣе сотни негровъ и съумѣла

удержать свой отрядъ въ повиновенія тамъ, гдѣ не одному путешественнику пришлось встрѣчать непрерывный мятежъ. Теперь г-жа Френчъ-Шельдонъ превращаетъ свои впечатлѣнія въ деньги— нѣтъ! я плохо выражаюсь: она пускаетъ въ ходъ свою практичность, можетъ быть, и не думая о финансовой сторонѣ, точно такъ же, какъ лѣсной пѣвецъ извлекаетъ изъ своего горла звуки, совсѣмъ не думая о самкѣ, хотя родъ его только для этой цѣли и надѣленъ способностью пѣть. Г-жа Френчъ-Шельдонъ разложила на выставкѣ безчисленное множество рекламъ о самой себѣ. Вотъ одна изъ нихъ: «г-жа Френчъ-Шельдонъ лично организовала караванъ, управляла и руководила имъ безъ помощи бѣлаго мужчины или бѣлой женщины, посѣтила больше двадцати султановъ и племенъ, изъ которыхъ до многихъ не доходила еще нога бѣлаго человѣка. Она рѣшилась изучить женщинъ и дѣтей, домашнюю жизнь, обычаи и формы быта африканскихъ племенъ... Тактика, какой держалась г-жа Френчъ-Шельдонъ, дала ей возможность составить единственныя въ своемъ родѣ и превосходнѣйшія коллекціи». Кромѣ того, наша путешественница дѣйствуетъ еще посредствомъ чтеній. Я слышалъ одно изъ нихъ. Стереоптическій аппаратъ отбрасывалъ на полотно картины, а героиня разсказывала о своихъ похожденіяхъ. Она показала на картѣ путь, которымъ шла, потомъ достала ружье, которое было при ней, знамя, которое она несла, представила самое себя на полотнѣ и подробно разсказала, изъ какого матеріала было сшито ея платье, чѣмъ была выложена оправа ея сабли—забыла она только прибавить, какой длины хвостъ тащился за ея юбкой. Въ Европѣ мы не имѣемъ понятія, до какихъ размѣровъ доходитъ подобная реклама — мы встрѣчаемся съ нею развѣ только въ дѣлѣ торговли.

Когда, нѣсколько дней спустя, я выразилъ одному американцу удивленіе по этому поводу, то онъ взглянулъ на меня, какъ на чудака. Во всемъ образѣ дѣйствій туристки онъ видѣлъ еще одно достоинство: она оказалась особой практической, способной при случаѣ составить себѣ состояніе.

20 іюля, Чикаго, «City».

Конгрессъ общественныхъ поселеній! Подъ вліяніемъ крайнихъ теченій воскресла изъ мертвыхъ карлейлевская идея «общественныхъ монастырей». Крайнія теченія стараются противопоставить одни классы другимъ, между тѣмъ какъ апостолы поселеній пытаются воздвигнуть мостъ примиренія и смягчить сознаніе обиды Богатыя личности, обыкновенно люди съ добрыми намѣреніями, селятся въ бѣдныхъ кварталахъ, основываютъ тамъ клубы про-

свѣщенія и развлеченій, стараются развить такимъ образомъ артистическій вкусъ, насадить идею коопераціи. Въ настоящую минуту передо мною происходитъ какъ разъ совѣщаніе съѣзда такого рода дѣятелей.

Но не содержаніе совѣщаній приковываетъ къ себѣ мое вниманіе. Я замѣчаю нѣкоторыя явленія, совершенно новыя для меня. На всѣхъ съѣздахъ, какіе пришлось мнѣ видѣть здѣсь, прекрасный полъ почти исключительно наполнялъ залы. Въ Америкѣ, какъ и среди нашего провинціальнаго населенія, женщины обладаютъ гораздо болѣе значительнымъ гуманитарнымъ образованіемъ, нежели ихъ отцы и мужья. Раздѣленіе труда сдѣлало свое дѣло. Мужчина занятъ гешефтомъ, въ сутолокѣ котораго онъ нравственно вырождается; женщина же избрала для себя благую часть — науку и искусство, общественную филантропію и гуманитарныя мечтанія.

И на сегодняшнемъ съѣздѣ мужчины, не составляющіе и десятой части собранія, сидятъ и слушаютъ выводы прекраснаго пола, который одинъ только и говоритъ съ трибуны. Этотъ съѣздъ отличается отъ другихъ тѣмъ, что лица женщинъ болѣе симпатичны, платье весьма просто и вмѣсто вѣтренности мотыльковъ господствуетъ серьезность. Когда въ Европѣ я въ первый разъ встрѣчаю женщину, слишкомъ живо интересующуюся подобными дѣлами, то въ большинствѣ случаевъ объясняю себѣ это ея исторіей. Пытаюсь отыскать ту-же подкладку и у американокъ, обсуждающихъ на моихъ глазахъ занимающее ихъ дѣло, и присматриваюсь къ лицамъ во всей залѣ. Полусѣдая старушка, лѣтъ шестидесяти слишкомъ, дышащая здоровьевъ и умомъ, съ спокойнымъ выраженіемъ лица, пожираетъ, можно сказать, каждое слово, исходящее съ трибуны. Нѣтъ, не исторія написана на ея физіономіи, а энергичная, альтруистическая натура, закаленная многолѣтнимъ потокомъ жизненнаго опыта. Рядомъ со мною сидитъ мать лѣтъ сорока съ маленькой дочуркой. Ни та, ни другая ничѣмъ не обнаруживаютъ ни малѣйшаго желанія выдѣлиться изъ среды другихъ. Ребенокъ одѣтъ чрезвычайно просто, и мать привела его сюда не для того, чтобы похвастаться этою живою куклой, а потому, что хотѣла присутствовать на дебатахъ и негдѣ было оставить ребенка. Лицо матери выражаетъ вниманіе, рука отъ поры до времени гладитъ по головкѣ дѣвочку, чтобы хоть чѣмъ-нибудь вознаградить ее за скуку, глаза устремлены на докладчицу. Небольшая группа—я хотѣлъ было сказать: радикальныхъ барышенъ, вполнѣ уже созрѣвшихъ для выхода замужъ, но чувствую всю неумѣстность и даже несправедливость подобнаго отзыва примѣнительно къ собравшейся публикѣ—небольшая группа

дѣвушекъ усѣлась рядомъ. Чистое, но скромное до небрежности платье, интеллигентныя личики. Уста усмѣхаются—вотъ они покрылись насмѣшливыми складками, но скоро снова возвращается на нихъ серьезное выраженіе. Онѣ пришли сюда не съ тѣмъ, чтобы на людей посмотрѣть и себя показать, не для того, чтобы какъ-нибудь убить время, котораго имъ некуда дѣвать, радуясь ничтожнѣйшему дѣлу, дающему имъ поводъ перебирать ногами по мостовой. То, о чемъ идетъ рѣчь на съѣздѣ, интересуетъ ихъ дѣйствительно, этотъ интересъ составляетъ часть ихъ жизни.

При обсужденіи, женщины главнымъ образомъ возвышаютъ голосъ. Слова простыя, безъ фейерверковъ фразеологіи, безъ театральныхъ эффектовъ, смѣлыя, прочувствованныя. Иногда заговариваютъ и мужчины, но мнѣ приходится нѣсколько стыдиться за своего брата. Обыкновенно они придираются къ какой-нибудь ничтожной мелочи въ рѣчахъ женщинъ и по этому поводу насмѣхаются надъ порывами сердца, высказанными въ докладѣ. Они не стараются направить женщинъ на истинный путь, а повидимому, стремятся уничтожить въ душѣ женщины гуманитарныя чувства. Мнѣ кажется, что американка, какъ гражданка своей страны, стóитъ больше, нежели ея товарищъ.

28 іюля, выставка, зданіе фруктовъ.

Передо мною своеобразное зрѣлище. Самыя рѣзкія краски сочетались другъ съ другомъ, но нѣтъ диссонанса въ этомъ хаосѣ краснаго цвѣта, ярко-желтаго, пурпура, лазури. Можетъ быть, это потому, что передо мною произведенія природы, а не рукъ человѣческихъ. Въ глубинѣ виднѣется памятникъ, выстроенный изъ лимоновъ и апельсиновъ Калифорніи, а съ другого конца тянутся столы, заставленные подобными же сооруженіями. Стѣны выставки, можно сказать, облѣплены грудами яблокъ, грушъ и другихъ плодовъ. Безпорядокъ и игра яркихъ цвѣтовъ. Къ впечатлѣніямъ глаза присоединяется дѣятельность и прочихъ органовъ чувствъ. При каждомъ малѣйшемъ дуновеніи вѣтра во фруктовомъ залѣ, мимо меня проносится цѣлая гамма запаховъ, дѣйствующихъ словно наркотики.

Можетъ быть, подъ вліяніемъ этихъ впечатлѣній висящая на стѣнѣ картина уже не кажется мнѣ просто сборищемъ разноцвѣтныхъ пятенъ, разбросанныхъ на полотнѣ, а превращается въ часть живой природы. Поверхность почвы принимаетъ видъ моря, застывшаго во время волненія. Повсюду высятся горные хребты. Рощи, расположенныя правильными четырехугольниками и прорѣзанныя правильными дорожками, тщательно содержимыми, шумятъ

правильными рядами деревьевъ, прижимая къ своему зеленому лону маленькіе, изящные домики лѣсничихъ. Но это не обыкновенные лѣса—это плантаціи фруктовыхъ деревьевъ. На картинѣ изображенъ одинъ изъ современныхъ хуторовъ садовъ, *Olden fruit farm*, занимающій около 3.000 акровъ земли въ штатѣ Миссури. Хижины, выглядывающія изъ глубины—это домики садовниковъ, которымъ владѣлецъ поручилъ надзоръ за отдѣльными участками этого своеобразнаго хутора. Между фруктовыми лѣсами пробѣгаетъ желѣзная дорога; станція расположилась напротивъ зданія, въ которомъ ловкія человѣческія руки придаютъ фруктамъ видъ, дѣлающій ихъ пригодными для торговли. Возбужденное воображеніе уносится все дальше и дальше, за горизонты, охваченные картиной. Вѣдь весь штатъ Миссури испещренъ такого рода рощами! У меня подъ рукою перечень фруктовыхъ хуторовъ въ графствѣ *Hawell*, нѣкоторые изъ нихъ покрываютъ пространство около 300 десятинъ, другіе — еще того болѣе. Въ штатѣ находится около 30.000 фермъ, исключительно занимающихся разведеніемъ фруктовъ. Земледѣлецъ пересталъ быть обыкновеннымъ крестьяниномъ, повѣряющимъ матери-землѣ только зерно различныхъ хлѣбовъ; онъ сдѣлался садовникомъ. Къ фруктовымъ рощамъ онъ приложилъ законъ плодосмѣна; у передовыхъ хозяевъ имѣется даже спеціальный инвентарь, который долженъ доставлять соотвѣтствующее удобреніе. Неужели дядюшка Самъ собирается зло насмѣяться надъ тѣми мудрыми, трезвыми головами, которыя издѣвались надъ бреднями Фурье, когда онъ предсказывалъ, что земля когда-то покроется фруктовыми лѣсами, а отдѣльныя мѣстности будутъ соперничать въ разведеніи одной какой-нибудь разновидности грушъ или яблонь? Огромная роща яблонь вида Ben-Dawis на Ольденской фермѣ довольно ясно указываетъ на то, что не слѣдуетъ отожествлять трезвости крота съ мудростью. О томъ же гласятъ еще другіе виды, находящіеся передо мною во фруктовомъ залѣ: фотографіи полей земляники, дающіе сборъ въ тысячи мѣръ, изображенія огромныхъ сушиленъ сливъ! Въ этихъ копіяхъ живой, но сознательно эксплуатируемой природы, проглядываетъ новая эпоха исторіи человѣчества.

Не спорю, что воображеніе мое сильно разыгралось при видѣ Ольденскихъ рощъ, но оно унеслось еще дальше, когда передо мною во-очію предстали планы калифорнійца! Эти горы апельсиновъ, персиковъ и лимоновъ, эти банки съ виноградомъ, винными ягодами, финиками—развѣ все это не свидѣтельствуетъ выразительно о томъ, что капиталистъ съ жадностью шакала, чующаго поживу, трудится тамъ надъ созданіемъ новаго Эдема? Плоды,

которые рутинная рука собирала въ теченіе десятковъ тысячъ лѣтъ въ захолустьяхъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга громадными пространствами, теперь собраны въ одно мѣсто и подвергнуты дрессировкѣ. Калифорнія — это постоянное отечество золотой горячки: нѣкогда золото добывалось тамъ изъ земныхъ нѣдръ, а нынче сгребается съ древесныхъ вѣтвей. Эта страна даетъ изумительные урожаи. Съ трехлѣтнихъ плантацій получаются уже обильные сборы, вишневыя деревья выростаютъ до 60 футовъ. Нѣкоторыя сливы даютъ по 300 фунтовъ плодовъ, а есть и такіе экземпляры, съ которыхъ въ одинъ годъ сняли 1.102 фунта. Хуторъ въ долинѣ св. Іоахима, занимающій 300 десятинъ и образцово устроенный, далъ въ одинъ годъ около 3.000.000 фунтовъ этихъ плодовъ.

Страна мало-по-малу превращается въ огромный садъ. До сихъ поръ человѣкъ игралъ относительно природы роль хищника, срывавшаго съ поверхности земли лѣсной покровъ. Калифорніецъ старается возвратить землѣ этотъ покровъ, но вмѣсто дикаго фасона придаетъ ему фасонъ культурный, фруктовый. Гдѣ десять лѣтъ тому назадъ не было ни единаго деревца, тамъ тянутся теперь тысячи акровъ рощъ. Возникли цѣлыя графства, одѣтыя сливовыми рощами, другія—персиковыми, грушевыми, лимонными. Калифорнія щедро снабжаетъ посѣтителей выставки разными брошюрами, которыя имѣютъ цѣлью привлечь туда переселенцевъ. Вездѣ она обращаетъ особенное вниманіе исключительно на садоводство, словно хочетъ обратить все свое пространство въ одинъ огромный фруктовый рай. Головы ея гражданъ носятся съ честолюбивой идеей о томъ, чтобы при международномъ распредѣленіи производства Калифорніи присуждена была роль сада, подобно тому, какъ горамъ Швейцаріи и равнинамъ Голландіи выпало на долю производство сыра.

Развитіе садоводства влечетъ за собою дальнѣйшія послѣдствія. «Возникла въ высокой степени передовая организація въ области производства, — читаемъ мы въ одной статьѣ о Калифорніи, — и вызваны къ жизни въ большомъ и постоянно возрастающемъ масштабѣ машины, дающія возможность достигнуть значительнаго сбереженія человѣческаго труда. Мы можемъ доказать, что стоимость производства одного фунта плодовъ падаетъ съ каждымъ годомъ. Трудно даже опредѣлить, какіе малые размѣры способна принять при благопріятныхъ обстоятельствахъ эта стоимость въ рукахъ интеллигентнаго американца, понимающаго свои интересы. Фермеры наживаются, не смотря на столь низкія цѣны, которыя лѣтъ десять тому назадъ, по всей вѣроятности, привели бы ихъ къ

полному банкротству. Есть граница, за которую не можетъ переступить дешевизна плодовъ, но до нея еще далеко». Все, что имѣетъ хоть какое-нибудь отношеніе къ садоводству, было вовлечено въ круговоротъ технической революціи. Способъ посадки и надзора за плантаціями, наблюденіе за плодами на деревѣ, сборъ, упаковка и транспортъ, приготовленіе консервовъ, сохраненіе фруктовъ, во всемъ черезъ болото рутины пробѣгаетъ стремительный потокъ прогресса и очищаетъ его отъ шаблоновъ прошлаго. Вдоль плантацій размѣщены насосы, которые освѣжаютъ фруктовые лѣса искусственнымъ дождемъ изъ спеціально для того приготовленной жидкости, съ цѣлью уничтоженія микробовъ; или же виднѣются чехлы, которыми покрываютъ подозрительное деревцо и на нѣкоторое время погружаютъ его въ атмосферу надлежащаго газа. Бываютъ дни, когда на протяженіи нѣсколькихъ миль ѣстъ глаза запахъ химическихъ препаратовъ, имѣющихъ въ виду уничтоженіе паразитовъ.

То, что у насъ относится еще къ сферѣ дѣятельности хозяйки дома, тамъ сдѣлалось уже фабричнымъ производствомъ. Среди рощъ тамъ и сямъ виднѣются закоптѣлыя трубы, высоко поднимающіяся надъ плантаціями и перерабатывающія плоды въ консервы и варенья. Въ небольшомъ павильонѣ одной фирмы висятъ фотографіи; на одной изъ нихъ изображены детали транспорта. Поѣздъ, состоящій изъ 25-ти товарныхъ вагоновъ, вывозитъ консервы и другіе продукты, а подъ фотографіей—приписка, сдѣланная фирмой: «Зрѣлище, еще невиданное въ исторіи».

Но если одному хочется смѣяться, другому приходится подчасъ плакать. Что станетъ дѣлать сицилійскій крестьянинъ, когда Калифорнія будетъ выбрасывать на всемірной рынокъ массы своихъ плодовъ? Не пробьетъ ли тогда на часахъ исторіи послѣдній часъ, часъ нищеты и тьмы, для юга, и безъ того уже бѣднаго и темнаго? И вотъ залъ плодовъ является намъ въ совершенно иномъ свѣтѣ. Америка воздвигаетъ баттареи противъ старушки Европы и, заранѣе увѣренная въ побѣдѣ, пригласила къ себѣ свои жертвы лишь для того, чтобы онѣ присмотрѣлись къ предстоящимъ смертельнымъ ударамъ... (*Позднѣйшая приписка.* Пророчество наше оказалось невѣрнымъ, ибо моментъ этотъ уже наступилъ, а не наступитъ въ отдаленномъ будущемъ. Сицилійское возстаніе, вспыхнувшее къ концу 1893 года, было результатомъ нищеты, въ какую впалъ прекрасный островъ въ послѣдніе годы вслѣдствіе пониженія цѣнъ на фрукты. А это пониженіе цѣнъ вызвано было тѣмъ, что фрукты Сициліи вытѣснены были съ американскихъ рынковъ).

Не только Калифорнія, но Колорадо и Орегонъ также меч-

таютъ о превращеніи своихъ пространствъ въ фруктовые лѣса. Мы стоимъ среди орегонскихъ сборовъ. Рядами тянутся громкія надписи, напыщенныя рекламы, весьма характерныя. «Въ Орегонѣ можно разбогатѣть при помощи садоводства». Какъ видите, тутъ ударяютъ по самымъ чувствительнымъ струнамъ современной человѣческой души, играютъ на слабости къ зашибанію деньги... «Орегонъ—это фруктовый рай!» «Родина красной яблони». «Излюбленное мѣстопребываніе сливы», «Орегонскія груши вѣсятъ по три фунта». «Персики имѣютъ по 17-ти, а вишня по 3³/₄ дюйма въ окружности». Въ этихъ надписяхъ проглядываетъ чудовище рекламы. Но когда дѣло идетъ о постоянныхъ и вѣрныхъ барышахъ, американецъ всегда помнитъ, что всякія шутки имѣютъ границы, и что нѣтъ ничего хуже, чѣмъ перейти мѣру. Въ его хвастовствѣ всегда скрыто зерно истины! Внизу подъ надписями замѣчаю плоды чудовищныхъ размѣровъ. Возможно, что это исключенія, но что нынче является въ помологической индустріи «бѣлымъ ворономъ», то завтра можетъ сдѣлаться обычнымъ явленіемъ. Въ этой сферѣ съ большимъ успѣхомъ разводится «аристократія», а органическая «чернь» падаетъ въ пропасть ничтожества.

Развѣ эти рекламы Орегона и Калифорніи не предвѣщаютъ намъ новой фазы въ исторіи человѣческихъ поселеній? Человѣкъ населялъ земной шаръ, руководясь самыми разнообразными принципами. Повсюду вносилъ онъ пожары и рѣзню въ среду двуногихъ млекопитающихъ; велъ бродячую жизнь, гоняя передъ собою стада и разыскивая пастбища; корчевалъ лѣсныя дебри и повѣрялъ зерно нови, въ надеждѣ, что труды его увѣнчаются обильной жатвой. Но лишь въ современную эпоху началъ онъ колонизовать землю съ цѣлью фруктоваго фермерства. Вмѣсто мѣшковъ съ пшеницей—цѣлыя горы плодовъ, вмѣсто усовершенствованныхъ косъ—ножи садовниковъ, вмѣсто пшеничныхъ полей—рощи, вотъ какой видъ имѣетъ современная колонизація на берегахъ Тихаго океана!

Въ садоводство врывается революція, и революціонерами являются американцы. Европейскій садовникъ развелъ у себя нѣсколько видовъ «благородныхъ фруктовъ», но дальше не пошелъ. Рынки расплодились по сосѣдству съ садами и, благодаря этому, всякій техническій прогрессъ въ дѣлѣ перевоза сдѣлался излишнимъ. Изъ самой жизни не вытекало потребности въ магазинахъ для храненія плодовъ. Не хватало предпріимчивости. Между тѣмъ, по ту сторону Атлантическаго океана магазины для храненія плодовъ сдѣлались самымъ заурядным явленіемъ, фермеры-садоводы поговариваютъ о томъ, какъ бы устроить нѣчто вродѣ элеваторовъ—разумѣется, не для зерна, а для фруктовъ! Въ залѣ яблоки

снабжены надписью: «свѣжіе». Вотъ до чего ужъ дошло дѣло! Ибо тутъ же, рядомъ, разложены горы плодовъ, сохраненныхъ съ 1891 и даже съ 1890 годовъ и имѣющихъ совершенно такой же видъ.

Нашъ садовникъ — рутинеръ до мозга костей. Голова его набита различными предразсудками. Онъ вообразилъ себѣ, что благородно лишь то, что принято считать благороднымъ съ незапамятныхъ временъ. Онъ забылъ, что самыя чудесныя груши произошли отъ обыкновенной груши въ дикомъ состояніи. Иными глазами глядитъ на природу американскій выскочка, свидѣтель того, какъ сенаторскаго достоинства домогается какой-нибудь силезскій мужикъ, не смотря на то, что онъ переселенецъ. Для американца «голь» есть растворъ, изъ котораго могутъ осѣсть превосходнѣйшіе кристаллы. А потому на экспериментальныхъ станціяхъ онъ заботливо разводитъ клюкву, ежевику, лещинные орѣхи. Даже жалкая черника очутилась на выставкѣ, во фруктовомъ залѣ. Сильно сомнѣваюсь, чтобы эта мужицкая ягода удостоилась подобнаго вниманія въ кастовой Европѣ. Брр! Плантаціи черныхъ ягодъ!—обидѣлся бы каждый уважающій себя садовникъ аристократической Европы. Онъ разводитъ только господскіе фрукты, мужицкіе же пусть растутъ дико!

Доведенный до одуренія пребываніемъ въ залѣ фруктовъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, выхожу съ шумомъ въ головѣ. Просматриваю свои замѣтки надъ озеромъ. Можетъ быть, воображеніе мое, возбужденное запахомъ плодовъ, занесло меня слишкомъ далеко? Нѣтъ, и теперь, отрезвившись, не могу указать ни на одно свое заблужденіе; напротивъ, я чувствую, что если бы я былъ столь же трезвъ, какъ приличный и разсудительный филистеръ, то, пожалуй, не могъ бы такъ явственно схватить тенденцію. Разумѣется, это доводъ не въ пользу наркотическихъ средствъ, а лишь противъ... устричной осторожности.

5 августа, залъ земледѣлія на выставкѣ.

Дѣлаю попытку разгадать человѣческую логику!

Передо мною возвышается нѣчто вродѣ башенки, снаружи къ ней прилажена лѣсенка. Это деревянный покровъ, скрывающій подъ собою наготу пресловутаго Джумбо (Jumbo), о которомъ я слышалъ еще во время переѣзда черезъ океанъ. Джумбо — это круглый сыръ, имѣющій шесть футовъ въ вышину и 28 футовъ въ окружности. Канадское правительство прислало его на отдѣльномъ поѣздѣ и выставило въ залѣ земледѣлія. Множество объявленій превозносятъ этого великана: одна надпись гласитъ, что на

этотъ сыръ израсходованъ дневной удой болѣе десяти тысячъ коровъ, другая—что Джумбо вѣситъ 22 тысячи фунтовъ, третья... но лучше ужъ прекратимъ этотъ перечень необыкновенныхъ его качествъ.

Вотъ поистинѣ удивительный вкусъ, вкусъ настоящихъ денежныхъ тузовъ!—думаю я. Но скоро убѣждаюсь, что канадскія власти лучше моего понимаютъ человѣческую натуру. Одинъ фермеръ изъ Индіаны самъ вступаетъ въ разговоръ со мною. Душа его полна экстаза, и онъ жаждетъ излить передъ кѣмъ-нибудь свой восторгъ. Какой прекрасный, какой великолѣпный сыръ! — вотъ около чего вертится, главнымъ образомъ, нашъ разговоръ, который фермеръ заканчиваетъ совершенно неожиданнымъ выводомъ: лучше продать ферму въ Индіанѣ и переселиться въ Канаду!

— Развѣ фермерамъ ужъ такъ хорошо живется въ Канадѣ?—спрашиваю я.

— Разумѣется!

И мой собесѣдникъ указываетъ мнѣ на сыръ.

Доводъ поистинѣ неопровержимый!

Очевидно, есть на свѣтѣ различныя логики, и, между прочимъ, и такая, на которую оказываетъ свое дѣйствіе Джумбо... Канадское правительство хорошо знаетъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и изучило эту логику. Оно со всѣхъ сторонъ увѣшало сыръ отзывами колоній и щедро снабжаетъ этими отзывами посѣтителей. Сыровъ ежегодно вывозится на гораздо бóльшую сумму, чѣмъ въ Соединенныхъ Штатахъ; въ предѣлахъ Канады находится до полутора тысячъ заводовъ для изготовленія сыра и масла; правительство, насколько возможно, поддерживаетъ ихъ, устраивая экспериментальныя станціи, заводя кочующія школы молочнаго производства, свободной же земли для колонистовъ вполнѣ достаточно... А если вы изволите сомнѣваться въ томъ, что все это правда, то потрудитесь взглянуть на этотъ выразительный доводъ, на сыръ величиною съ мамонта! Мы уже видѣли, какъ онъ повліялъ на логику одного человѣка... И не однѣ канадскія власти пользуются этою человѣческою слабостью. Одна лондонская фирма, торгующая въ большихъ размѣрахъ съѣстными припасами, давно уже пріобрѣла этого великана. Послѣ закрытія выставки она будетъ возить его по Англіи, какъ доказательство обширности своего дѣла.

И развѣ подобные доводы кажутся убѣдительными однимъ только простодушнымъ людямъ? Вы можете въ короткихъ статейкахъ обнаружить много знанія и проницательности, но лишь тогда добьетесь признанія въ мірѣ кабинетной моли и кротовъ науки, когда произведете на свѣтъ мамонта, хотя бы и лишеннаго сколько-

нибудь дѣльнаго смысла и содержанія. Въ прошломъ году я познакомился заграницей съ однимъ юношей, преисполненнымъ гражданскихъ добродѣтелей, ибо голова его отличается изумительной трезвостью, сердце — практичностью, уста источаютъ ангельскую сладость. Онъ стремится пріобрѣсти лавры доктора—вѣдь передъ моимъ отъѣздомъ заграницу кто-то предоставилъ лишь патентованной докторской учености право разсуждать въ Варшавѣ объ общественныхъ дѣлахъ, потомъ мечтаетъ объ университетской каѳедрѣ, а въ настоящее время силится произвести на свѣтъ... большой сыръ. Первый томъ уже вышелъ изъ печати: въ немъ 40 листовъ цитатъ съ незначительной прибавкой текста. Теперь авторъ потѣетъ надъ вторымъ томомъ. Всю премудрость, которую онъ размазалъ на столькихъ листахъ, можно было бы уложить въ одинъ. Но что же дѣлать! Произведя на свѣтъ брошюру, онъ остался бы ничѣмъ, а написавъ большую книгу, онъ самъ отъ этого выростетъ...

Практическій результатъ моихъ размышленій надъ канадскимъ сыромъ: кто желаетъ снискать славу, пусть держится такого правила—печатаетъ одни только Джумбо! Дѣло нетрудное: чтобы книжка вышла, по возможности, толще, слѣдуетъ собрать воедино всѣ свои произведенія, хотя бы одно изъ нихъ шло въ лѣсъ, другое—по дрова; затѣмъ книгу слѣдуетъ отпечатать на возможно лучшей бумагѣ—отъ этого толщина ея выиграетъ. Можно еще посовѣтовать придать содержанію видъ глубокой учености: предпослать краткій очеркъ въ качествѣ введенія, изложить основныя положенія, потомъ обосновать ихъ на фактахъ, наконецъ, указать на методъ—и тотъ, думается намъ, у кого хорошая голова на плечахъ, съумѣетъ найти надлежащее заглавіе. За успѣхъ ручаемся.

6 августа, Чикаго, «Stock yards» (бойни и мясные склады).

Мы словно среди сущаго ада. Заборы и ограды перекрещиваются, образуя настоящій лабиринтъ улицъ, переулковъ и дворовъ, въ нихъ оглушительно рычитъ скотъ, порой онъ яростно бьется о хрупкую съ виду, но на самомъ дѣлѣ весьма прочную рѣшетку своихъ клѣтокъ, «cowboy'и» (погонщики) носятся верхами, но безъ сѣделъ, въ различныхъ направленіяхъ по переулкамъ и переговариваются между собою помощью свистковъ, другіе съ ругательствами на устахъ возятся среди стада и укрощаютъ дикіе выходки скота. Берлинскій *Viehhof* (скотопригонный дворъ)—салонъ по сравненію съ тѣмъ зрѣлищемъ, какое теперь передъ нами. Здѣсь не хватаетъ не одной только берлинской тишины и чистоты. Биржа скота состоитъ изъ разбросанныхъ въ полномъ

безпорядкѣ зданій, среди которыхъ трудно найтись человѣку непривычному, изъ зданій, лишенныхъ всякой симметріи, всякихъ украшеній. И здѣсь американскій капиталистъ, какъ всегда, обходится безъ блеска. Онъ держится того мнѣнія, что большіе проценты—это альфа и омега всего на свѣтѣ, и что лучше получать большіе барыши въ простой конторѣ, чѣмъ выручать мало въ великолѣпномъ зданіи. Поэтому заборы и постройки еле держатся, дерево во многихъ мѣстахъ подгнило; когда же оно явно начинаетъ отказываться служить и грозитъ рухнуть, то является на выручку починка, которая на нѣкоторое время скрѣпляетъ разваливающіяся части.

Пыль невѣроятная. Хотя дождя ужъ давно не было, но подъ ногами грязь. А что же творится тогда, когда ненастье повиснетъ надъ торжищемъ?!

Я брожу по длинному помосту, который трещитъ и колеблется при всякомъ порывѣ вѣтра. Внизу, подо мною, расположено огромное количество клѣтокъ, разнообразно соединенныхъ между собою воротами; между клѣтками—слѣпые переулки, чтобы черезъ нихъ вгонять скотъ. Бываютъ дни, когда утромъ на торжищѣ накопляется до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ рогатаго скота. Телефонныя и телеграфныя проволоки въ иныхъ мѣстахъ образуютъ настоящую сѣтку. Наверху торжище пересѣкается во всѣхъ направленіяхъ огромными галлереями. Онѣ служатъ для того, чтобы безпрепятственно загонять скотъ на бойню, такъ какъ внизу царитъ вѣчное движеніе. Вездѣ высятся будки, извѣстныя подъ названіемъ *fair banks*; это громадные вѣсы, которые сразу отвѣшиваютъ до ста тысячъ фунтовъ живого мяса. Въ эту минуту приводится въ дѣйствіе одна изъ такихъ будокъ. *Cowboy* загоняетъ въ нее стадо рогатаго скота и, когда пространство ея заполнилось, ворота съ трескомъ захлопываются и вѣсы показываютъ величину стада въ фунтахъ. Мясники-милліонеры покупаютъ скотъ цѣлыми стадами, а не поштучно.

Съ помоста мнѣ видна лишь незначительная часть торжища, не болѣе десятой его части! *Stock-yards*, вмѣстѣ съ сосѣдними поселеніями мясниковъ, представляетъ изъ себя какъ бы огромный желудокъ, который выдвинулъ множество глотокъ къ западу и къ юго-западу. Холмистыя и лѣсистыя окрестности Монтаны и Невады, плоскогорія Аризоны и Техаса, роскошная долина Миссиссипи,—всѣ эти мѣстности, лежащія на разстояніи полуторы и двухъ тысячъ верстъ, ежедневно десятками тысячъ головъ высылаютъ въ Чикаго самыя разнообразныя стада. Рынокъ вмѣ-

щаетъ 300 тысячъ крупнаго рогатаго и мелкаго скота одновременно—это уже можетъ дать понятіе о размѣрахъ торжища и о его прожорливости. Это желудокъ громаднаго торговаго организма. Загнанный скотъ превращается въ ветчину, въ консервы, въ цѣлыя горы свѣжаго мяса, и въ такомъ видѣ отсылается на востокъ, въ города на Атлантическомъ океанѣ, даже переправляется черезъ океанъ и регулярнымъ потокомъ выливается на рынки Англіи. Свѣжее мясо, прибывающее изъ Чикаго, изъ-за тысячи верстъ, уничтожило мѣстную дѣятельность мясниковъ и создало новую заботу: если въ одинъ прекрасный день, вслѣдствіе какихъ-нибудь случайныхъ препятствій, прекратится привозъ мяса, то голодъ можетъ постигнуть цѣлую мѣстность. О возможности этой ясно и выразительно свидѣтельствуетъ описаніе заведенія Армура, которое намъ дали на память въ конторѣ. Эта фирма старается отвратить подобную опасность тѣмъ, что учреждаетъ склады мяса въ различныхъ городахъ!

Каждый Божій день, рано утромъ, сотни вагоновъ съ западной стороны подъѣзжаютъ къ рынку, привозя живое мясо и обозначая путь свой складами корма для скота; а вечеромъ сотни другихъ вагоновъ отъѣзжаютъ по направленію къ востоку, увозя цѣлыя горы свѣжаго мяса и встрѣчая на пути своемъ, вмѣсто складовъ корма, цѣлыя фабрики льду. Чикаго составляетъ центръ обоихъ этихъ движеній и гордится тѣмъ, что онъ величайшій въ мірѣ городъ съѣстныхъ припасовъ. Такъ было до сихъ поръ, но на далекомъ западѣ начинаютъ показываться конкурренты. Скотъ прибываетъ издалека. Но съ какой стати ему совершать этотъ путь? Не удобнѣе ли ему путешествовать уже въ видѣ готоваго продукта? И вотъ въ городѣ Канзасѣ, въ Омагѣ, начинаютъ возникать и разростаться такіе же желудки. Пока они еще не имѣютъ такого значенія, какъ Чикаго, но со временемъ, когда степи окончательно превратятся въ хлѣвъ улучшенной породы рогатаго скота, гдѣ будутъ содержаться десятки милліоновъ головъ скота, эти второстепенные очаги пріобрѣтутъ гораздо больше значенія, разумѣется, въ томъ лишь случаѣ, если среди самыхъ степей не выростутъ еще болѣе сильные конкурренты. Сосредоточить разведеніе пасущагося скота въ степяхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, тамъ же сконцентрировать мясную промышленность и отправлять въ отдаленные уголки вмѣсто скота мясо—вотъ къ чему клонится теченіе современнаго экономическаго потока.

Съ юга дуетъ легкій вѣтеръ. Его слабаго напора уже достаточно для того, чтобы весь помостъ пришелъ въ колебаніе. А на крыльяхъ вѣтра долетаетъ и еще кое-что. Тамъ, къ югу отъ рынка, лежитъ

городъ мясниковъ, *packing town*, исключительно состоящій изъ ското боенъ и фабрикъ, перерабатывающихъ мясные отбросы. О размѣрахъ населенія, живущаго мясною промышленностью прямо или косвенно, самое лучшее понятіе можетъ дать слѣдующій фактъ. Три года тому назадъ, двѣ наиболѣе крупныя фирмы взбунтовались противъ акціонерной компаніи, владѣющей рынкомъ, и задумали перенести свои заведенія за городъ. По тогдашнимъ разсчетамъ выходило, что новое поселеніе будетъ заключать въ себѣ 150 тысячъ населенія. Съ помоста видимъ ряды строеній. Надъ казармами мясной промышленности поднимаются цѣлыя облака дыма. Мы только-что вышли оттуда, осмотрѣвъ знаменитыя заведенія Армура и К°, которыя доставляютъ работу восьми тысячамъ людей и ввели въ мясную промышленность всевозможныя усовершенствованія въ видѣ машинъ-автоматовъ. Заведенія эти до такой степени привыкли къ гостямъ, что у нихъ есть спеціальная пріемная для посѣтителей, и когда въ ней наберется нѣсколько десятковъ человѣкъ, то проводникъ, только-что водившій кругомъ одну партію, тотчасъ же отправляется въ путь съ другою. Особыя возвышенія и галлереи даютъ зрителямъ возможность приглядѣться ко всей работѣ. Теперь, подъ дуновеніемъ южнаго вѣтра, возстаютъ въ умѣ моемъ картины, видѣнныя мною во время этого обхода. Вѣтеръ этотъ приноситъ съ собою всевозможные запахи, какими дышетъ *packing town*, и сочетаетъ ихъ между собою; запахъ коптиленъ и свѣжей крови, чадъ отъ пригорѣлой кожи и волосъ, вонь отъ всякой гнили и отъ навозныхъ кучъ—все это перемѣшивается соединяясь еще, сверхъ того, съ уличной пылью и съ сажей изъ трубъ. Среди этого потока самыхъ разнообразныхъ запаховъ среди свиста и ругательствъ *cowboy*'евъ, рычаніе скота, чующаго смерть или отчаянно мечущагося, скаканіе людей на коняхъ, дикіе возгласы: гопъ! гопъ!—все это получаетъ какой-то своеобразный характеръ. Съ меня довольно этого ада; но какъ не опротивѣетъ онъ *cowboy*'ямъ, которые такъ укрощаютъ скотъ, словно хотятъ привести разсвирѣпѣвшихъ животныхъ въ еще большую ярость! Даже проклятія въ устахъ ихъ дышатъ дикою радостью, раздувшіяся ноздри словно упиваются этими запахами... Рынокъ теряетъ въ глазахъ моихъ яркость своихъ красокъ, впечатлѣніе, производимое имъ, слабѣетъ, ибо выдвигается на первый планъ другой вопросъ—вопросъ о человѣческихъ существахъ, проводящихъ жизнь въ предѣлахъ этого рынка.

Что за люди живутъ въ этомъ мірѣ убійствъ и крови? Таковы же ли они, какъ и прочіе смертные? Отвѣтъ на эти вопросы даютъ намъ только-что видѣнныя нами картины. При входѣ на

бойню, мы видѣли человѣка, убивающаго кинжаломъ свиней. Рука его черезъ правильные промежутки времени падала на жертвы и поднималась съ окровавленнымъ кинжаломъ, а, вѣдь, въ теченіе дня онъ совершаетъ это, по крайней мѣрѣ, двѣ тысячи разъ. Что представляетъ изъ себя этотъ человѣкъ? Въ другомъ отдѣленіи, черезъ промежутки времени въ нѣсколько минутъ, десятки воловъ загоняются въ клѣтки, гдѣ ждетъ ихъ смерть. Палачи ждутъ на помостѣ и, ударяя воловъ молотами по головѣ, оглушаютъ ихъ; одна изъ стѣнъ раздвигается, животныхъ выбрасываютъ въ другое отдѣленіе, и тамъ они получаютъ отъ другихъ палачей новые, уже послѣдніе, удары. Я обратился въ бѣгство. Можно ли считать равнодушіе этихъ людей исключительно результатомъ привычки? Не стекаются-ли на это торжище, на эти бойни люди, отъ природы надѣленные кровожадностью? «Намъ все равно, кого бы ни рѣзать, пановъ или скотовъ»,—такъ поетъ у Красинскаго хоръ мясниковъ. Не кажется ли работа мясника особенно привлекательной этимъ палачамъ, съ утра до вечера наблюдающимъ конвульсіи животныхъ, постоянно вдыхающимъ запахъ крови, не обнаруживается ли въ этомъ дѣлѣ ихъ ужасная природная склонность? Достаточно осмотрѣться кругомъ, чтобы замѣтить лица, на которыхъ написано, что обладатели ихъ чувствуютъ себя здѣсь, какъ въ раю. Нашъ *cicerone* (проводникъ) подтверждаетъ это, раскрывая передъ нами тайны торжища. Онъ разсказываетъ о томъ, что атмосфера крови чрезвычайно полезна для нѣкоторыхъ обитателей города мясниковъ, что они страшно толстѣютъ и впадаютъ въ тоску, когда приходится разстаться на долгое время съ этимъ міромъ убійствъ! Мнѣ думается, что здѣсь слѣдовало бы поселиться наблюдательному антропологу-психологу—онъ съ успѣхомъ могъ бы, на основаніи подмѣченныхъ проявленій, составить цѣнный трудъ. Эти *cowboy*'и, со свистомъ носящіеся среди воловъ, эти ожирѣвшіе палачи, убивающіе тысячи живыхъ существъ, или ежедневно оглушающіе молотами сотни воловъ—какое богатое собраніе профессіональныхъ типовъ! И не только люди, но и животныя несутъ на себѣ Каинову печать извращенія чувствъ. Примѣръ этого несомнѣнно являетъ собою «Старый Билли» (прозвище быка). О животныхъ вообще разсказываютъ, что они инстинктивно угадываютъ то мѣсто, гдѣ былъ умерщвленъ ихъ товарищъ. Обязанность же быка Билли состоитъ въ томъ, чтобы заглушать этотъ инстинктъ въ своихъ четвероногихъ собратьяхъ и провести ихъ къ мѣсту смерти. Когда въ предсмертную клѣтку требуется вогнать новое стадо жертвъ, то Билли выступаетъ впереди, успокаиваетъ товарищей своимъ рычаніемъ, а у воротъ ловко отхо-

дитъ въ сторону, чтобы затѣмъ снова продолжать свое дѣло измѣны и обмана. *Business* пользуется всѣми извращенными инстинктами, и люди, занимающіеся имъ, даже сами усваиваютъ многія черты окружающей среды.

Запахъ свѣжей крови, чудовища-люди и чудовища-животныя, тысячи головъ рычащаго скота, пыль, чадъ, вонь—вотъ послѣднія впечатлѣнія, какія я выношу съ рынка. Въ теченіе получаса, трамвай везетъ меня по пыли, а мѣстами и по грязи, и всякое дуновеніе вѣтра съ торжища приноситъ съ собою самые разнообразные запахи, по цѣлымъ недѣлямъ висятъ они иногда надъ кварталомъ, заселеннымъ поляками и литовцами, изъ которыхъ и набираются, главнымъ образомъ, мясники. Американецъ презираетъ это ремесло и предоставляетъ его переселенцамъ, которые идутъ на все ради заработка.

8 августа, Чикаго, выставка.

Я начинаю понемногу знакомиться съ американской педагогикой. Поскольку она касается низшаго элементарнаго образованія, заморскіе обычаи приводятъ меня въ восхищеніе.

Чтеніе о Норвегіи въ *Убѣжищѣ для дѣтей.* Лекція сводится къ искусному подбору картинъ, отражаемыхъ на полотнѣ стереоптическимъ приборомъ. Лекторъ началъ съ Гольфстрема и объяснилъ, какое значеніе имѣетъ это теченіе для сѣверо-западной Европы. Онъ показалъ пейзажи съ норвежскими виллами, указалъ на обиліе тамошней растительности и цвѣтовъ. И всѣ эти чудеса совершилъ климатъ, смягченный близостью морского теченія! Потомъ лекторъ описалъ поверхность Норвегіи, остановился на фіордахъ, разсказалъ о значеніи рыболовства и мореходства для населенія. На полотнѣ появились виды фіордовъ, горные ландшафты, виды водопадовъ, мостовъ, дорогъ и деревень. Далѣе мы увидѣли лѣтнюю флору и зимній пейзажъ на дальнемъ сѣверѣ, увидѣли острова, водовороты и подводныя скалы, опасности мореплаванія, нѣкоторыя особенности освѣщенія и свѣтовые эффекты въ разныя времена года. Человѣкъ принужденъ былъ отыскивать себѣ пропитаніе въ морѣ, и вѣроломная стихія закаляла его отвагу. Намъ показали устройство челновъ древнихъ викинговъ, причемъ мы выслушали разсказъ объ ихъ морскихъ набѣгахъ; затѣмъ полотно отразило виды современныхъ утлыхъ корабликовъ, выѣзжающихъ на рыбную ловлю.

Такая лекція можетъ быть одинаково поучительна какъ для восьмилѣтняго ребенка, такъ и для старика. Я съ удовольствіемъ прослушалъ цѣлый часъ. Такой методъ начинаетъ практиковаться

во всѣхъ городахъ, и имѣются цѣлыя фирмы, спеціально занятыя изготовленіемъ альбомовъ съ рисунками для педагогическихъ цѣлей.

9 августа, Чикаго, выставка.

Ужъ три часа сижу въ педагогическомъ отдѣлѣ выставки, въ павильонѣ города Канзаса, и не могу его покинуть. Перелистываю толстыя тетради со школьными упражненіями восьмилѣтнихъ и девятилѣтнихъ дѣтей. Говорятъ—и говорятъ вполнѣ справедливо, что высшее образованіе въ Соединенныхъ Штатахъ находится на весьма низкомъ уровнѣ. Противъ этого не спорю. Но зато эта обширная республика можетъ гордиться тѣмъ, что обладаетъ коечѣмъ гораздо болѣе важнымъ для каждой страны, а именно: пышнымъ расцвѣтомъ элементарнаго школьнаго дѣла. Нѣтъ тамъ высокихъ вершинъ, величественно вздымающихся вверхъ и приковывающихъ къ себѣ взоры, но нѣтъ также и скрытыхъ внизу ужасныхъ ямъ, зіяющихъ угрюмымъ мракомъ, котораго не разсѣевали и не ослабляли лучи солнца, облекающаго въ такія роскошныя краски вершины, торчащія подъ небесами. Методы элементарнаго школьнаго обученія поистинѣ могутъ считаться образцовыми. Наша старушка Европа могла бы многому поучиться въ этомъ отношеніи у своей дочери, находящейся за моремъ. Тамъ въ преподаваніи полновластно царитъ наглядность. Въ этомъ мы убѣждаемся изъ каждой страницы школьныхъ тетрадей. Мальчикъ, напр., долженъ разрѣшить математическую задачу: прибавить къ тремъ яблокамъ два. Отвѣтъ распадается на двѣ части: одна на рисункѣ наглядно изображаетъ результатъ сложенія, другая перелагаетъ первую на языкъ цыфръ и математическихъ выраженій. Тетради ариѳметическихъ упражненій похожи на тетради рисованія. Или возьмемъ упражненія въ изложеніи. Учитель предлагаетъ тему: онъ изображаетъ на доскѣ шаръ, объясняетъ, каковъ внѣшній видъ его, а затѣмъ предлагаетъ подобрать и описать предметы, сходные съ этимъ геометрическимъ тѣломъ. Каждый мальчикъ и каждая дѣвочка (мы имѣемъ дѣло съ дѣтьми отъ семи до десятилѣтняго возраста) рисуетъ у себя въ тетради шаръ и словами даетъ ему опредѣленіе; тетради показываютъ что при этомъ ребенокъ повторяетъ выраженія учителя; потомъ подыскиваетъ предметы, напоминающіе по формѣ шаръ, напр., яблоки, вишни, горохъ и опять-таки рисуетъ ихъ. Иной разъ ученикъ говоритъ еще о воробушкахъ, алчно зарящихся на спѣлыя вишни—и тогда на рисункѣ появляются воробьи; другой ученикъ останавливается на яблокахъ, разсказываетъ о нихъ, что̀ ему

извѣстно, и нѣсколькими рисунками придаетъ разсказу наглядность. Учитель бросилъ лишь руководящую мысль, остальное довершается дѣтскимъ воображеніемъ. Или обратимся къ преподаванію географіи. Изученіе начинается съ описанія гостинницы, потомъ дѣлается переходъ къ ближайшимъ улицамъ, оттуда къ окрестностямъ, которыя даютъ возможность познакомиться съ нѣкоторыми географическими терминами и дать опредѣленія рѣки, озера, острова. На ряду съ описаніями приводятся и рисунки, дѣти же вставляютъ сюда описаніе своей прогулки съ родителями по озеру, своей поѣздки по рѣкѣ. Географія переплетается съ ботаникой разводимыхъ растеній, съ зоологіей домашнихъ животныхъ. Ребенокъ изображаетъ пшеницу, приклеиваетъ къ страницѣ своей тетради листья, описываетъ способы обработки того или другого растенія. При упражненіяхъ въ стилистикѣ учитель пользуется геометріей, при ариѳметическихъ выкладкахъ обучаетъ бухгалтеріи. То, что̀ могло бы быть непонятнымъ, разъясняется рисунками. А грамматическій разборъ! Цѣлый часъ я копировалъ карандашомъ тѣ геометрическія схемы, помощью которыхъ американская школа дѣлаетъ построеніе предложенія нагляднымъ для дѣтей. Мнѣ думается, что заимствованіе этого метода и у насъ дало бы въ высшей степени желательные плоды.

На меня производитъ глубокое впечатлѣніе тотъ духъ, которымъ вѣетъ отъ этихъ пожелтѣвшихъ страницъ школьныхъ тетрадей. Здѣсь нѣтъ и слѣда того формализма, который укоренился въ европейской школѣ и который весьма неосновательно отожествляютъ съ точностью. Ребенокъ полновластный господинъ своей тетради и дѣлаетъ съ ней все, что ему угодно, лишь бы только онъ держался руководящей нити, указанной учителемъ. Заданную тему ученику разрѣшается разнообразить самыми разнородными рисунками—изображать людей, лошадей, наконецъ, даже мячи, если ему захочется. Ему позволяется нарисовать и каррикатуру, изобразить, напр., въ смѣшномъ видѣ самого учителя, къ рисунку прибавить острое словечко, но, конечно, ужъ не слишкомъ ядовитое.

10 августа, Чикаго, выставка.

Прислуга появляется въ американскомъ домѣ только въ томъ случаѣ, когда доходы достигаютъ значительныхъ размѣровъ и соотвѣтствуютъ, примѣрно, нашимъ 3—4-мъ тысячамъ рублей въ годъ. Благодаря дешевизнѣ нашей прислуги, мы мало интересуемся успѣхами техники въ кухонномъ дѣлѣ. Вѣдь, всѣ труды и заботы сваливаются не на наши плечи. Поневолѣ иначе устраи-

вается въ этомъ отношеніи американка, которая должна обходиться въ своемъ домашнемъ хозяйствѣ безъ прислуги. Поэтому, кухня въ Америкѣ совсѣмъ не похожа на нашу. Отопленіе дровами, какъ дѣло слишкомъ мѣшкотное, почти совершенно исчезло: вмѣсто этого, въ употребленіе вошли газъ или нефть. Печь имѣетъ видъ мебели, она вся металлическая и блеститъ какъ игрушка. Принадлежитъ она жильцу, который, при всякой перемѣнѣ квартиры, разбираетъ ее на части. Что касается различныхъ приспособленій, то жилища имѣютъ совершенно другой видъ, чѣмъ у насъ. Чикаго еще до сихъ поръ «дикій» городъ, а потому я и не буду выставлять его, какъ примѣръ условій американской домашней жизни. Далеко ушли въ этомъ отношеніи Бостонъ, Нью-Іоркъ и вообще весь американскій востокъ. По всей вѣроятности, мы еще вернемся къ этому предмету, когда снова очутимся въ тѣхъ мѣстахъ. Теперь же ограничимся указаніемъ на одно усовершенствованіе, чрезвычайно распространенное на Востокѣ.

Мы стоимъ на верхней галлереѣ зала электричества, рядомъ съ ресторономъ. Вотъ большая жестяная печь, освѣщенная внутри электрическими лампочками; черезъ стеклянное окошко, вдѣланное въ нее, мы можемъ ясно видѣть, въ какомъ положеніи находится въ каждый данный моментъ положенное въ печь печенье или жаркое. Въ другомъ мѣстѣ на столикъ только-что поставили на металлическій кружокъ стаканъ холодной воды: теперь вода уже закипаетъ, такъ какъ пузырьки въ изобиліи выступаютъ на поверхность. А вотъ въ никкелевомъ сосудѣ кипитъ какао. На кухнѣ возится негръ въ бѣлой одеждѣ и относитъ приготовленныя блюда въ ресторанъ. Во всемъ хозяйствѣ не видать ни единой искорки, ни малѣйшаго слѣда огня, нѣтъ и жара, кромѣ развѣ того, который распространяется отъ разогрѣтой посуды, не чувствуется ни чада, ни дыма. Не видно ни одного полѣна, нѣтъ даже спичекъ: электрическій токъ не нуждается въ подобныхъ вспомогательныхъ средствахъ. Достаточно повернуть винтикъ въ ту или другую сторону—и кипѣніе воды останавливается. Такая кухня имѣетъ и другія преимущества. Электричество — постоянный источникъ тепла, неизмѣнно дѣйствующій сегодня такъ же, какъ и вчера. Въ нѣсколько дней хозяйка пріобрѣтаетъ опытность и узнаетъ, сколько времени требуется для изготовленія извѣстнаго блюда въ извѣстной посудинѣ. Она можетъ преспокойно сидѣть за двѣ или за три комнаты и тамъ управлять винтикомъ, регулирующимъ токъ: не дѣлая ни одного шага, она можетъ и «погасить», и «развести» огонь. Она можетъ даже на извѣстное время отлучиться изъ дому: «огонь» не потухнетъ, пожара не произойдетъ, кушанья не пригорятъ.

11 августа, Чикаго, залъ промышленности.

Чудовищныхъ размѣровъ залъ искусства и промышленности въ своихъ верхнихъ галлереяхъ собралъ все, что сдѣлано въ Америкѣ для просвѣщенія. Зато внизу, среди лабиринта улицъ и переулковъ, павильончиковъ и маленькихъ дворцовъ, покрытыхъ общею крышей, преобладаютъ другіе элементы. Это арена, гдѣ расположилась выставка предметовъ роскоши, искушая своимъ великолѣпіемъ, даже своимъ запахомъ человѣческія чувства. Все, что только создано искусствомъ и изобрѣтательностью для того, чтобы скрасить праздность обезпеченной жизни, что техника сдѣлала для комфорта, возбуждающаго нервы, удовлетворяющаго всякимъ прихотямъ,—все это собрано въ этомъ чудовищѣ строительнаго искусства. Обыкновенный бѣднякъ найдетъ здѣсь не много предметовъ, которые годились бы для него; онъ узнаетъ только, какъ живетъ плутократія. Не могу похвалиться, чтобы вещи, выставленныя въ этомъ залѣ на показъ, были мнѣ хорошо знакомы; мнѣ чужды эти разноцвѣтныя тряпки, ковры, покрывающіе стѣны, эти груды стеклянныхъ и фарфоровыхъ издѣлій, но мнѣ кажется, что лишь очень небольшая горсть плутократовъ можетъ располагаться въ креслахъ, обтянутыхъ собольимъ мѣхомъ, ворочаться на вызолоченныхъ кроватяхъ, топтать выставленные ковры. Прогулка по залу искусства и промышленности въ высшей степени интересна. То, что въ будничномъ потокѣ жизни стыдливо скрывается во мракѣ частнаго жилища, о чемъ сѣрая толпа знаетъ лишь по наслышкѣ, все это здѣсь вышло изъ подъ покрова, расположилось на виду у всѣхъ, улыбается проходящимъ и волнуетъ ихъ страсти.

Широкимъ русломъ течетъ по залу человѣческій потокъ. Вдоль главной артеріи, отъ которой отходятъ меньшія вѣтви, порою бываетъ черно отъ человѣческихъ головъ — нѣтъ! поправимся и скажемъ—женскихъ. Онѣ облѣпили всѣ скамейки и стулья, прильнули лицами къ стекламъ выставки и горячатся, обсуждая качества той или другой вещи. Здѣсь беллетристъ могъ бы изучать психологію женской души, могъ бы видѣть, что волнуетъ ея страсти, какъ она восхищается, каково отношеніе идейной и нравственной стороны къ внутреннему кипѣнію страстей.

Я люблю отдыхать среди царящаго въ залѣ гула и приглядываться къ женскимъ лицамъ. Такъ и теперь сижу на скамейкѣ, окружающей колонну. Каждую минуту около меня садятся представительницы прекраснаго пола различныхъ возрастовъ. Подойдетъ группа пріятельницъ, усядется, горько жалуясь другъ другу на усталость. Но не проходитъ и двухъ минутъ, какъ усталость

исчезаетъ при видѣ выставки тряпокъ какой - то французской фирмы, передъ которой какъ разъ стоитъ скамейка,—и онѣ, разумѣется, мчатся осматривать эти чудеса. Усаживается другая группа, но минуту спустя и она убѣгаетъ по направленію къ той же витринѣ. И въ самомъ дѣлѣ, грѣшно было бы отдыхать...

У молодыхъ и у старыхъ, у всѣхъ душа одинаковая. Мефистофель прекрасно зналъ, что дѣлаетъ, совѣтуя Фаусту соблазнять Гретхенъ драгоцѣнными украшеніями. Замужнія женщины обыкновенно имѣютъ при себѣ раба—господина мужа. Порой садится на скамейку такого рода особа, жалуется на утомленіе и отправляетъ мужа за кресломъ. Хоть тѣло ужъ отказывается повиноваться, но душа еще жива, рвется и жаждетъ чего-то! Является мужъ съ подвижнымъ кресломъ и возитъ свою подругу отъ одной витрины къ другой. Его повелительница приказываетъ ему останавливаться то въ одномъ мѣстѣ, то въ другомъ, и хоть одними взорами упивается разложенными въ окнахъ шедеврами. А что творится тамъ, передъ выставкой французской фирмы, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня! Лица словно приросли къ стекламъ, глаза блестятъ и смотрятъ на сокровища тряпокъ, не въ силахъ будучи оторваться. У иныхъ даже румянецъ выступилъ на щекахъ; вотъ одна о чемъ-то разспрашиваетъ экспонента, должно быть, о цѣнѣ, и оживленно болтаетъ съ другой. Сопровождающій ее мужчина зѣваетъ отъ скуки, но волей - неволей терпѣливо несетъ бремя возложенныхъ на него обязанностей. Вонъ тому другому слушателю, по крайней мѣрѣ, платятъ за это! Онъ стоитъ въ голубой формѣ за кресломъ, а дама, сидящая на немъ, разсматриваетъ чудеса туалета и изливаетъ свои чувства передъ этимъ наемникомъ. А! вотъ онъ на время освободился! Подкатилось другое кресло съ дамой, и обѣ дамы вступили въ разговоръ другъ съ другомъ. Можетъ быть, онѣ совсѣмъ незнакомы и не узнаютъ другъ друга, встрѣтясь на улицѣ. Но наряды дѣлаютъ чрезвычайно общественною мало общественную природу Евы.

Всѣ эти картины наталкиваютъ мысль на вопросъ о роли «дамы», этого своеобразнаго вида женщины въ экономическомъ обиходѣ современной жизни. Оптимисты могутъ радостно воскликнуть, что все идетъ къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ. Мужчина нервами своими добываетъ состояніе, а женщина расточаетъ плоды business'a! Въ самомъ дѣлѣ, если моралисты жалуются на вѣтреность жалкаго праха, какимъ считаютъ женщину, то мѣщанскіе экономисты, которые такъ усердно носятся съ большими и малыми пластырями на тяжкую долю человѣка,

живущаго физическимъ трудомъ, должны слагать въ честь женщины благодарственные гимны болѣе даже, нежели въ честь Румфорда и его супа, или нежели въ честь ссудо-сберегательныхъ учрежденій. Расточительная дщерь Евы спасаетъ своимъ мотовствомъ капиталистическій міръ, усиливая промышленность и давая массамъ большій заработокъ, чѣмъ какой пришелся бы на долю ихъ въ томъ случаѣ, если бы она поставила себѣ цѣлью сбереженіе... Мужчина безъ женщины не зналъ бы, что̀ ему дѣлать съ доходомъ. Мужчинѣ извѣстенъ только одинъ способъ расточать деньги — игра, но при игрѣ деньги только переходятъ изъ однѣхъ рукъ въ другія и не оплодотворяютъ промышленности. Лишь съ того момента, когда въ это дѣло вмѣшивается женщина со своею способностью тратить, всѐ принимаетъ совершенно иной видъ: зубки ея способны изгрызть милліоны, ручки съумѣютъ расшатать цѣлыя состоянія. Посмотримъ серьезно на ея не серьезныя дѣла, со всею серьезностью, подобающею господину Вихеркевичу *), когда онъ ломаетъ себѣ голову надъ составленіемъ удачнаго и дешеваго меню для несостоятельнаго кармана. Если бы дама не танцовала на благотворительныхъ вечерахъ и не нуждалась бы въ нарядахъ, кто далъ бы кусокъ хлѣба швеямъ? А кто сталъ бы покупать эти бездѣлушки, блестящія тамъ за окномъ? Мужчина — это грубое, неотесанное и скупое животное, никогда не сталъ бы онъ покупать всего этого. Капиталы нагромождались бы безъ всякой пользы Женщина же—это ферментъ, оживляющій ту силу, какою являются деньги, и которая безъ вмѣшательства женщины покорно прозябала бы въ бездѣятельности. Право, чудно какъ-то все устраивается на землѣ! Своенравная балерина, расточающая состоянія чадъ вырожденія и биржевыхъ игроковъ, прихотливая плутократка, мечущаяся подъ вліяніемъ непреодолимаго желанія все покупать и покупать, дама, предающаяся флирту,—все это спасительницы...

Зависть—это крупная общественная сила. Я какъ не надо лучше убѣдился въ этомъ, бродя по огромному зданію и прислушиваясь къ разговорамъ толкающихся тамъ десятковъ тысячъ людей. Сколько желчи и яду въ бросаемыхъ вскользь замѣчаніяхъ, сколько въ нихъ зависти! Простые фермеры, сидѣвшіе по своимъ угламъ и не имѣвшіе понятія о роскоши плутократіи, теперь, увидѣвъ передъ собою эти произведенія человѣческой изобрѣтательности, начинаютъ судить и рядить о разныхъ вещахъ. Теперь въ памяти ихъ возстаетъ эксплуатація со стороны желѣзныхъ дорогъ и бан-

*) Содержатель столовой въ Варшавѣ.

ковъ, а когда они вернутся на свои фермы, то каждое столкновеніе воскреситъ въ воображеніи ихъ видѣнные ими предметы роскоши и придастъ бо́льшую мощь и страстность ихъ ожесточенію. Выставка предметовъ роскоши хороша только для тѣхъ, кто живетъ роскошью и среди роскоши.

Для тѣхъ же, кто устраненъ съ этого пиршества,—это жгучій ядъ, это сѣятель, роняющій въ душу зерно общественной зависти.

11 августа, Чикаго, выставка.

Много есть непризванныхъ педагоговъ, нетерпѣливо толкающихъ передъ собою тачку, къ которой случай приковалъ ихъ руки. «Заведеніе» надоѣло имъ, имъ крайне непріятно, если кто-нибудь заговоритъ съ ними о вопросахъ воспитанія послѣ того, какъ они провели нѣсколько часовъ, запряженные въ своего рода утаптывающую машину. Вмѣсто отвѣта, они пробормочутъ что-то себѣ подъ носъ и, по возможности, стараются поскорѣе прекратить разговоръ.

Не знаю, слѣдуетъ ли приписать это случайности, но въ Старомъ Свѣтѣ я обыкновенно встрѣчаю только такихъ разочарованныхъ педагоговъ, между тѣмъ какъ въ Новомъ Свѣтѣ я наталкиваюсь на людей, которые рады говорить безъ конца, если только завести съ ними рѣчь о школьномъ дѣлѣ. Мелочи и подробности, въ какія они вдаются, теплое чувство, съ какимъ они все объясняютъ — все это звучитъ иначе, какъ-то милѣе, сердечнѣе. На галлереяхъ зала промышленности расположилась педагогическая выставка. Тамъ, въ качествѣ распорядителей, суетятся педагоги. Иной разъ это люди, занимающіе видное положеніе, но оно ничуть не заставило ихъ зазнаться, и всякому даютъ они объясненія равно сердечнымъ образомъ, даже тѣмъ молокососамъ, которымъ понравился какой-то рисунокъ въ выставленной тетрадкѣ и которые теперь надоѣдаютъ своими мелочными разспросами. Если кто-нибудь торопится и желаетъ получить лишь небольшое разъясненіе, то пусть будетъ остороженъ: разгорячившійся педагогъ радъ продержать его цѣлый часъ!

Въ Америкѣ рѣдко кто берется за педагогику ради *business*'а. Людишки тамъ въ высшей степени практичны и прекрасно знаютъ, что можно нажиться на салѣ, на перцѣ, на «медицинѣ», но никоимъ образомъ на педагогикѣ. За нее принимаются только тѣ, кто дѣйствительно отъ души полюбили это дѣло. Къ тому же, тамъ совершенно незнакомы съ тѣмъ, что̀ у насъ называется переутомленіемъ. Я лично знакомъ въ Варшавѣ съ учительницами, которыя оказываются совершенно обезсилѣвшими къ концу рабочаго дня.

Развѣ при такомъ избыткѣ труда не могутъ исчезнуть самыя лучшія стремленія, а самая профессія сдѣлаться постылой? Но странное дѣло: именно у такихъ не въ мѣру заработавшихся женщинъ-педагоговъ приходилось мнѣ до сихъ поръ встрѣчать всего больше теплоты къ дѣтямъ и даже къ тому заведенію, гдѣ онѣ тратятъ свои молодыя силы; менѣе же всего встрѣчалъ я ея у господъ педагоговъ съ громкимъ именемъ, которымъ далеко не такъ приходится сгибаться подъ тяжестью учительской тачки.

12 августа, Чикаго, «City».

Мало-по-малу даже самыя характерныя черты американской жизни перестаютъ производить на меня впечатлѣніе. Я привыкъ къ нимъ, и на то, что̀ прежде могло бы показаться мнѣ страннымъ, смотрю теперь, какъ на самую нормальную вещь въ мірѣ. Это имѣетъ свои отрицательныя стороны. Множество явленій приковало къ себѣ мое вниманіе тотчасъ же послѣ пріѣзда моего въ Америку, но тогда я не рѣшался высказываться о нихъ, боясь поспѣшныхъ сужденій. Теперь же напрасно пытаюсь охарактеризовать ихъ; я сжился съ ними, они утратили для меня свою рѣзкость и выразительность.

Дыры и заплàты на троттуарахъ перестали удивлять меня, а шаловливыя выходки малыхъ обывателей стали для меня обычнымъ ежедневнымъ зрѣлищемъ. Рекламы меня не поражаютъ, даже если мнѣ попадаются на глаза вывѣски съ объявленіями о томъ, что какая-нибудь ясновидящая-медіумъ занимается врачеваніемъ, или воззванія огромными буквами, обращенныя къ лицамъ мужского пола и ихъ однихъ приглашающія къ вечернимъ посѣщеніямъ подозрительныхъ учрежденій, которыя скрываются подъ маской музеевъ рѣдкостей.

Въ вагонахъ городской желѣзной дороги страшная давка. Десятки людей стоятъ въ проходахъ между сидѣніями, держась за ремни, свѣшивающіеся сверху. Возлѣ меня преважно расположился восьмилѣтній мальчуганъ; сначала я, было, принялъ его за сына рядомъ съ нимъ сидящей дамы, такъ какъ онъ держитъ себя съ нею на весьма короткой ногѣ. Онъ свиститъ, наклоняется къ ея уху, играетъ ея перчатками. Меня удивляетъ снисходительность дамы, а также бѣдность, чуть ли не нищета, явствующая изъ одежды мальчугана и составляющая рѣзкій контрастъ съ платьемъ дамы; удивляетъ, наконецъ, и то, что мать не велитъ мальчику встать и уступить мѣсто стоящимъ въ вагонѣ женщинамъ. Черезъ четверть часа, мальчугану понравилась молодая дама на другомъ концѣ вагона; онъ пригласилъ ее на свое мѣсто, а черезъ одну

или двѣ станціи вышелъ изъ вагона, продолжая еще шутить съ площадки со своею мнимой матерью. Это былъ просто-на-просто проѣзжавшій уличный мальчишка, повидимому, дитя очень бѣдныхъ родителей. Развѣ мыслима была бы въ нашей части свѣта такая простота отношеній между дамой и убогимъ мальчишкой? Мальчуганъ походилъ бы на забитаго маленькаго дикаря и тревожно жался бы въ своемъ углу. А развѣ кто-нибудь сталъ бы уважать его право на мѣсто? Каждая получше одѣтая дама позвала бы кондуктора и приказала бы ему согнать оборванца, а каждый господинъ, извѣстный въ обществѣ своею вѣжливостью, а также и своею демократическою терпимостью, за уши стащилъ бы его съ сидѣнья. Въ Америкѣ иначе уважаютъ чужія права, хотя бы права бѣдно одѣтаго и еще не выросшаго отъ земли человѣка. Замѣчу мимоходомъ, что здѣсь смотрятъ на демократическія убѣжденія европейской интеллигенціи, какъ на чистѣйшій вздоръ. Здѣсь распространено мнѣніе, что любой нашъ молодой звѣрокъ, «забавляющійся» такимъ образомъ, станетъ самъ издѣваться надъ своими убѣжденіями, если только другіе не примутся низко кланяться ему въ ноги и не сочтутъ его выходокъ проявленіями генія, а просто взглянутъ на нихъ, какъ на послѣдствія плохого настроенія, болѣзненно раздутой амбиціи или же какъ на голосъ низменныхъ наклонностей.

Тотъ, кто ѣдетъ на выставку по верхней желѣзной дорогѣ. можетъ видѣть изъ оконъ вагона настоящіе пустыри. Вотъ запущенная площадь земли, поросшая сорною травою. На ней виднѣется нѣсколько домиковъ, разбросанныхъ въ безпорядкѣ; къ нимъ ведутъ деревянные мостки. Когда-нибудь вдоль этихъ мостковъ пройдутъ улицы, до сихъ поръ еще совершенно излишнія. По обѣ стороны мостковъ пышно разрослась сорная трава. Среди поля мостки вдругъ обрываются. Вѣрно владѣлецъ ближайшихъ пространствъ разбилъ землю на участки и устроилъ мостки, съ которыхъ, какъ съ балюстрадъ, желающіе могли бы обозрѣвать площади земли. Земля отдыхаетъ. Нѣтъ! — она несетъ на себѣ множество придатковъ, отъ которыхъ духи вольныхъ степей, пожалуй, готовы будутъ заплакать. Пространства, поросшія бурьяномъ, служатъ для вывоза нечистотъ и отбросовъ! А изъ кучъ засохшихъ отбросовъ и всякихъ мерзостей поднимаются жерди съ рекламами.

Вотъ какой видъ имѣютъ еще пока нѣкоторые кварталы Чикаго! Теперь, когда все на половину почти выгорѣло отъ засухи, угрюмо глядитъ эта равнина, надъ которою повисъ густой туманъ городской пыли. Далѣе тянутся рощи вязовъ. Это пародія на лѣсъ,

но все-жъ-таки на лѣсъ. Одако же человѣкъ все-таки тоскуетъ по природѣ, не смотря на то, что нынѣшнее столѣтіе усердно старается отъучить его отъ потребностей праотцовъ—отъ чистаго воздуха, отъ необходимаго количества солнечнаго свѣта, отъ обилія зелени—и обратить его въ городское животное, для котораго глотаніе пыли въ скверахъ уже должно было бы составлять наслажденіе. Достаточно было небольшой рощицы, чтобы человѣкъ раскинулъ свои шатры. Вотъ одинъ таборъ, вонъ другой, третій!.. Люблю я эти американскіе таборы! Они говорятъ о человѣкѣ совсѣмъ не то, что наши quasi-деревенскія жилища. Входимъ въ одинъ изъ таборовъ. Значительная часть рощи отдѣлена оградой, шатеръ ютится тамъ близь шатра. Полотняное жилище на открытомъ воздухѣ должно представлять собою настоящій кладъ въ виду страшной жары, какая обыкновенно бываетъ лѣтомъ въ Чикаго. Въ такомъ таборѣ живутъ небогатые люди, прикованные къ городу условіями заработка и лишенные возможности пользоваться природой въ болѣе чистомъ видѣ въ загородной мѣстности

На американской землѣ лѣтомъ образуется множество такихъ таборовъ. Есть таборы-клубы, таборы религіознаго экстаза или такъ называемые *revivals*, даже таборы-университеты. Американецъ любитъ природу и умѣетъ наслаждаться ея красотами.

Вернувшись домой, беру каталоги лѣтнихъ жилищъ и лѣтнихъ экскурсій. Для каждой мѣстности указаны адреса гостинницъ, а также частныхъ домиковъ, принимающихъ жильцовъ на лѣто съ обозначеніемъ цѣны. Гостинницы разсчитаны на нѣсколько сотъ посѣтителей, частные домики на одинъ или нѣсколько десятковъ лицъ. Цѣны баснословно низкія, если принять въ разсчетъ условія американской жизни. За десять, даже за пять долларовъ въ недѣлю вы можете имѣть комнату съ постелью, освѣщеніемъ и столомъ. Въ какой трущобѣ можетъ у нас одно лицо найти себѣ изящно меблированную комнату съ тремя обѣдами въ день — ибо такъ живетъ американецъ—за 20 рублей въ мѣсяцъ? (Долларъ фактически соотвѣтствуетъ нашему рублю). Разсматриваю рисунки домиковъ: это настоящіе маленькіе дворцы, по сравненію съ которыми Отвокъ кажется собраніемъ мазанокъ. Домики расположены на берегу моря, иные окнами обращены къ водопадамъ, бѣлѣющимъ на зеленой канвѣ лѣсовъ, другіе покрываютъ какую-нибудь группу небольшихъ островковъ. Американецъ отъ души расхохотался бы, если бы ему предложили поселиться среди наноснаго песку, поросшаго низенькими соснами. Крупный капиталъ—предпочитаю его мелкимъ зашибателямъ деньги, кишащимъ на подобіе червей,—взялъ въ свои руки дѣло лѣтнихъ жилищъ и высы-

лаетъ агентовъ искать новыхъ мѣстъ; когда же найдется что-нибудь подходящее, то въ дикой, пустынной мѣстности выростаютъ гостинницы и даже спеціально проводятся электрическія желѣзныя дороги. Плата, взимаемая капиталистомъ за пользованіе красотами природы, низка и разсчитана на массы. Иногда, вмѣсто отелей и домиковъ, наталкиваюсь на поселеніе таборами: яхтъ-клубъ на лѣто перебрался на морской берегъ, разбилъ полотняные шатры и кочуетъ изъ одной мѣстности въ другую. При колоніи возникаетъ разнаго рода спортъ: пѣшеходовъ, гребцовъ, велосипедистовъ—женщина принимаетъ въ нихъ дѣятельное участіе—устраиваются огромные крокеты и *laun-tennis*'ы, составляются клубы, въ которыхъ происходятъ пренія и даже лекціи—нѣчто вродѣ академіи греческихъ мудрецовъ. Во время лѣтнихъ каникулъ американецъ живетъ въ полѣ человѣческою жизнью—и тѣломъ, и духомъ. Онъ дѣлецъ, гешефтмахеръ, но есть въ немъ матеріалъ и для кое-чего получше. Къ тѣлеснымъ упражненіямъ онъ не питаетъ того презрѣнія, какое мы встрѣчаемъ у философствующихъ выродковъ, а когда дѣло коснется общихъ забавъ, то забываетъ о кодексѣ *savoir-vivre'a*, созданномъ подорожниками и попугаями.

Беру другой каталогъ Гудзонской желѣзной дороги, обнимающій страницъ пятьсотъ. Я уже не обращаю вниманія на лѣтнія жилища, ибо что могу я еще прибавить къ сказанному? Зато интересъ мой приковываютъ къ себѣ желѣзнодорожныя удобства. Лѣтніе билеты можно получать почти даромъ, такъ какъ они удешевляются въ пять разъ противъ обычной цѣны; есть еще и другого рода билеты — семейные, не мѣняющіеся въ цѣнѣ, сколько бы лицъ ни ѣхало по такому билету, и цѣна такого билета въ лѣтнее время уменьшается въ половину; поѣзда, подобно трамваямъ, останавливаются въ полѣ, если кто-нибудь, дожидаясь поѣзда, подастъ знакъ платкомъ. Я охотно отправилъ бы въ Америку нашихъ крупныхъ тузовъ, распоряжающихся желѣзными дорогами, и не для того, чтобы они научились тамъ вѣжливости — хотя и въ этомъ отношеніи они выиграли бы очень много, — а просто для того, чтобы они стали умнѣе. Американскій дѣлецъ руководится только разсудкомъ. Онъ пересталъ придерживаться правилъ мелко-мѣщанскаго скряги, предпочитающаго сегодня получить грошъ, нежели черезъ годъ выручить сотню.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ.

Проф. П. Н. Милюкова.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Вмѣсто предисловія.

Вопросъ объ отношеніи «матеріальной» культуры къ «духовной».—Метафизическая точка зрѣнія и ея переживанія.—Научная точка зрѣнія.—«Экономическій матеріализмъ» и «субъективная школа» въ соціологіи.—Достоинства и недостатки экономическаго матеріализма. — Предѣлы экономическаго объясненія исторіи въ «Очеркахъ».—Народный характеръ—причина или содѣйствіе исторіи культуры?—Содержаніе второй части «Очерковъ».

Въ первой части «Очерковъ» мы познакомились съ тѣмъ историческимъ зданіемъ, въ которомъ провелъ свою жизнь русскій народъ. Мы произвели тамъ экспертизу этого зданія: смѣрили его размѣры, опредѣлили составъ и качество матеріала, употребленнаго на постройку; наконецъ, прослѣдили въ общихъ чертахъ самый процессъ, какимъ созидалась эта постройка, и старались отмѣтить особенности ея архитектурнаго стиля. Теперь намъ предстоитъ ознакомиться съ другой стороной дѣла: съ тѣмъ, какъ жилось въ этой исторической постройкѣ ея обитателямъ. Во что они вѣровали, чего желали, къ чему стремились? Словомъ,—какъ сложилась духовная жизнь русскаго народа, — вотъ вопросъ, къ рѣшенію котораго мы теперь переходимъ.

Но прежде всего насъ останавливаетъ здѣсь старинный и все еще не рѣшенный споръ о томъ, какъ относятся другъ къ другу эти двѣ стороны нашего предмета: одна, о которой говорилось въ первой части «Очерковъ», и другая, о которой мы поведемъ рѣчь теперь. Споръ этотъ съ новой силой возобновился въ русской печати именно въ послѣдніе годы, и высказать свое отношеніе къ нему, хотя бы вкратцѣ, намъ кажется совершенно необходимымъ, чтобы сразу оріентировать читателя и предупредить возможныя недоразумѣнія.

Относится ли, дѣйствительно, — какъ только-что сказано въ нашемъ сравненіи,—«матеріальная» культура къ «духовной», какъ стѣны зданія къ внутренней жизни его обитателей? Какъ сейчасъ

увидимъ, уподобленіе это совершенно неточно; но оно можетъ оказать намъ ту услугу, что наглядно представитъ ту точку зрѣнія, съ которой обсуждался когда-то вопросъ о взаимномъ отношеніи матеріальной и духовной культуры. Внѣшняя, матеріальная обстановка—и внутренняя, духовная жизнь: чѣмъ связаны между собою эти два, совершенно разнородные, предмета? И какъ ничтожна внѣшняя обстановка сравнительно съ развивающейся въ ней, болѣе или менѣе случайно, внутренней жизнью? Эта духовная жизнь не должна ли составить исключительный предметъ вниманія историка? И не есть ли внѣшняя обстановка—лишь жалкая шелуха, копаться въ которой можетъ одно только праздное любопытство?

Такъ должно было разсуждать міровоззрѣніе, рѣзко отдѣлявшее духовное отъ матеріальнаго и ставившее первое неизмѣримо выше второго. Полемизировать съ этими разсужденіями было бы въ наше время анахронизмомъ. Не только откровенно-теологическое, но и откровенно-метафизическое доказательство преимущества «духовной» культуры передъ «матеріальной»—давно потеряло всякій кредитъ въ глазахъ людей, стремящихся къ достиженію научнаго знанія. Но старые предразсудки—живучи и обладаютъ свойствомъ возрождаться подъ новыми формами. На смѣну теологическихъ и метафизическихъ аргументовъ являются этическіе и «философско-историческіе»; аргументація мѣняется, но цѣль ея остается все та же, что и прежде: по прежнему, цѣлью доказательства ставится—провести грань между пассивной, мертвой матеріей и живымъ, активнымъ духомъ. Правда, современное міровоззрѣніе уже не можетъ болѣе противопоставлять духовную культуру матеріальной: на ту и другую приходится одинаково смотрѣть, какъ на продуктъ человѣческой общественности, какъ она отразилась въ сферѣ человѣческой психики. Но это объединеніе, происшедшее въ понятіи о культурѣ, нисколько не мѣшаетъ возродиться старой антитезѣ матеріи и духа. Пассивная матерія является передъ нами вновь—въ видѣ кристаллизовавшихся продуктовъ культуры, окаменѣлыхъ формъ, созданныхъ процессомъ культурной эволюціи. Активный же духъ обнаруживается въ свободной иниціативѣ отдѣльной человѣческой личности, разрушающей окаменѣлыя формы и создающей новыя. Надо признаться, что *эта* разница—между завершившимися и вновь возникающими историческими процессами—далеко не такъ глубока, какъ та качественная разница между матеріей и духомъ, которую проводило старое міровоззрѣніе. И тщетно было бы ожидать, что то, чего не удалось сдѣлать теологической и метафизической аргументаціи, въ со-

стояніи совершить этическая фикція свободной воли, непрерывно вспыхивающей и погасающей, подобно электрической искрѣ, въ той точкѣ, гдѣ мысль превращается въ дѣло, гдѣ текущій моментъ становится прошлымъ.

Мы вполнѣ присоединяемся къ мнѣнію, высказанному недавно, что за этическими и соціологическими аргументами «субъективной» школы въ соціологіи скрывается старая метафизика, и что, такимъ образомъ, все это направленіе носитъ на себѣ несомнѣнную печать философскаго дуализма. Во имя требованій монизма мы готовы присоединиться и къ протесту противъ метафизической автономіи «личности». Въ этомъ протестѣ противъ скрытаго дуализма ученія «субъективной школы» заключается, какъ намъ кажется, важная заслуга направленія, получившаго въ послѣднее время названіе «экономическаго матеріализма». Но вмѣстѣ съ принципіальной защитой монизма, съ которой мы не можемъ не согласиться, экономическій матеріализмъ сдѣлалъ попытку собственнаго монистическаго истолкованія исторіи, противъ которой приходится возражать. Монизмъ требуетъ строгаго проведенія идеи закономѣрности въ соціологіи, но онъ нисколько не требуетъ, чтобы закономѣрное объясненіе соціологическихъ явленій сводилось къ одному «экономическому фактору». Можетъ показаться, на первый взглядъ, что представленіе о явленіяхъ «духовной» культуры, какъ о «надстройкѣ» надъ «матеріальной», удовлетворяетъ тому спеціальному виду монизма, который называется философскимъ матеріализмомъ. Но намъ кажется, что для самаго «экономическаго матеріализма» связывать свою судьбу съ философскимъ матеріализмомъ и неудобно, и безполезно. Неудобно — потому что философскій матеріализмъ есть одинъ изъ самыхъ плохихъ видовъ монизма; между тѣмъ, экономическій матеріализмъ вполнѣ совмѣстимъ и съ иными монистическими міровоззрѣніями. Безполезно же потому, что «матеріальный» характеръ экономическаго фактора есть только кажущійся: на самомъ дѣлѣ явленія человѣческой экономики происходятъ въ той же психической средѣ, какъ и всѣ другія явленія общественности. Какъ бы мы ни объясняли явленія этой среды, мы не можемъ, оставаясь въ рамкахъ соціологическаго объясненія, выйти за ея предѣлы; а между тѣмъ, только за этими предѣлами открывается возможность того или другого философскаго объясненія. Желая объяснить *все* въ предѣлахъ собственной области и сводя объясненіе къ простѣйшему элементу, защитники экономическаго матеріализма, какъ намъ кажется, руководятся тѣмъ же побужденіемъ и совершаютъ ту же основную ошибку, какую совершали когда-то противники врожден-

ныхъ идей. Изъ страха передъ теологическимъ или метафизическимъ объясненіемъ они отрицаютъ самую проблему, подлежащую объясненію, выбрасывая, такимъ образомъ, по нѣмецкой пословицѣ Das Kind mit dem Bade *). Противники врожденныхъ идей игнорировали сложность психо-физіологической организаціи человѣка и искусственно упрощали объясненіе душевной механики, принимая за исходную точку—свою tabula rasa **). Точно также противники свободной личности игнорируютъ сложность соціально-психологической организаціи человѣческаго общества и превращаютъ всю область соціальныхъ явленій въ бѣлую доску, на которой экономическій опытъ безпрепятственно проводитъ первые штрихи. Ничто не мѣшаетъ намъ соглашаться съ противниками врожденныхъ идей и автономіи личности и, въ то же время, не вѣрить въ ихъ черезчуръ наглядныя доказательства при помощи tabula rasa. Доказательства эти льстятъ всегдашней потребности человѣческаго ума—въ схематизмѣ и въ объединеніи опыта; но, въ ожиданіи строгаго научнаго объясненія, онѣ удовлетворяютъ этой потребности цѣною искусственнаго упрощенія подлежащаго объясненія факта. Въ этомъ смыслѣ, и экономическому матеріализму суждено съиграть важную, но временную роль. Его роль важна, какъ средство устранить изъ соціологіи послѣдніе слѣды метафизическихъ объясненій; но она временна, какъ и всѣ попытки этого рода, какъ, напр., попытка вывести законы общественности изъ сравненія общества съ организмомъ.

Всѣ эти предварительныя замѣчанія имѣютъ цѣлью показать читателю, что̀ онъ можетъ найти и чего не долженъ искать въ продолженіи нашихъ «Очерковъ». Въ первой части «Очерковъ» мы отвели видное мѣсто экономическому фактору; даже самое значеніе политическаго фактора въ исторіи Россіи мы объяснили, какъ результатъ даннаго состоянія русской экономики при данныхъ условіяхъ внѣшней среды. Сторонники экономическаго объясненія исторіи могли бы ожидать, что и явленія духовной жизни русскаго народа мы будемъ объяснять при помощи матеріальныхъ условій быта,—особенно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ такое объясненіе стало уже, болѣе или менѣе, обычнымъ, какъ, напр., въ исторіи раскола. Отрицать вліяніе матеріальныхъ условій на явленія духовной жизни—значило бы отвергать ту солидарность, которая, несомнѣнно, существуетъ между различными сторонами со-

*) т.-е. выбрасываютъ «ребенка вмѣстѣ съ водой изъ ванны».

Прим. ред.

**) т.-е. принимали душу, какъ «гладкую, чистую доску», на которой впослѣдствіи отпечатлѣвались явленія жизни. *Прим. ред.*

ціальнаго процесса. Но, признавая эти стороны не производными другъ отъ друга, а самостоятельно развивающимися въ процессѣ, мы, очевидно, должны прослѣдить внутреннюю закономѣрность въ ходѣ развитія каждой изъ нихъ, прежде чѣмъ будемъ дѣлать наблюденія надъ взаимнымъ вліяніемъ другъ на друга. Низкій уровень духовной жизни и слабое развитіе общественнаго самосознанія, несомнѣнно, въ значительной степени объясняются незначительностью экономическаго развитія; но эволюція этой жизни и этого самосознанія, столь же очевидно, не можетъ быть объяснена простой ссылкой на условія быта. Стоитъ только вспомнить, что, въ основѣ своей, эта эволюція одинакова въ Россіи, какъ и на Западѣ, въ Старомъ, какъ и въ Новомъ Свѣтѣ, въ христіанствѣ, какъ и въ исламѣ. Вотъ почему познакомиться съ этой эволюціей совѣсти, мысли и воли въ самой себѣ—кажется намъ несравненно болѣе поучительнымъ, чѣмъ искать для нея объясненій въ явленіяхъ изъ совсѣмъ другой области жизни.

Отстранивъ, такимъ образомъ, то, что мы считаемъ предразсудкомъ экономическаго объясненія исторіи, мы не будемъ останавливаться на предразсудкахъ «субъективнаго» толкованія соціальныхъ явленій. Изъ предъидущихъ замѣчаній читатель могъ видѣть, что, при всемъ нашемъ разногласіи съ выводами «экономическаго матеріализма», мы стоимъ несравненно ближе къ его принципіальнымъ основамъ, чѣмъ къ антропоцентрическому міровоззрѣнію его противниковъ. Обвиненіе въ фатализмѣ, которое выдвигалось въ качествѣ самаго сильнаго аргумента противъ экономическаго матеріализма, можетъ быть, и имѣетъ силу по отношенію къ нѣкоторымъ, черезчуръ увлекшимся, адептамъ этого направленія. Но, какъ обвиненіе противъ цѣлаго направленія,—оно не годится. Если согласиться, что самая сильная критика—та, которая направлена противъ наиболѣе сильныхъ сторонъ критикуемаго направленія, то нельзя сказать, чтобы экономическій матеріализмъ встрѣтилъ въ русской печати самую сильную критику, какую онъ могъ встрѣтить, и какой, по справедливости, заслуживалъ. Сознательная и цѣлесообразная дѣятельность личности, конечно, не вычеркивается изъ ряда существующихъ фактовъ тѣмъ, что ее считаютъ необходимымъ сдѣлать предметомъ закономѣрнаго объясненія. Необъяснимой же могутъ считать ее (принципіально) только сознательные или безсознательные сторонники метафизическаго объясненія.

Недоразумѣнія и предразсудки только-что разсмотрѣнныхъ двухъ направленій теоретически важны, но едва ли они могутъ быть практически опасны. Достаточно напомнить, что самая го-

рячая борьба за эти взгляды происходила между лицами и группами, очень близкими по общественному настроенію. Совсѣмъ другое приходится сказать о недоразумѣніяхъ и предразсудкахъ, теоретическое обоснованіе которыхъ давнымъ-давно сдано въ архивъ, но которые, тѣмъ не менѣе, продолжаютъ господствовать надъ популярными представленіями о русской духовной культурѣ въ значительной части нашего общества. Сюда относится, прежде всего, привычка объяснять особенности духовной жизни Россіи изъ особеннаго склада народнаго духа, изъ русскаго національнаго характера. Съ нашей точки зрѣнія, это значитъ объяснять одно неизвѣстное посредствомъ другого, еще болѣе неизвѣстнаго. Національный характеръ самъ есть послѣдствіе исторической жизни, и только уже въ сложившемся видѣ можетъ служить для объясненія ея особенностей. Такимъ образомъ, прежде чѣмъ объяснять исторію русской культуры народнымъ характеромъ, нужно объяснить самый народный характеръ исторіей культуры. Притомъ же, самое опредѣленіе того, что надо считать русскимъ народнымъ характеромъ, до сихъ поръ остается спорнымъ. Если исключить изъ этого опредѣленія, во-первыхъ, общечеловѣческія черты, монополизированныя національнымъ самолюбіемъ, во-вторыхъ, тѣ черты, которыя принадлежатъ не націи вообще, а только извѣстной ступени ея развитія, въ-третьихъ, наконецъ, всѣ тѣ, которыя придала народному характеру любовь, или ненависть, или вообще фантазія писателей, трактовавшихъ объ этомъ предметѣ, то специфическихъ и общепризнанныхъ чертъ останется очень немного въ обычномъ изображеніи русскаго характера. Припомнимъ, что такіе наблюдатели и судьи, какъ Бѣлинскій и Достоевскій, признали, въ концѣ концовъ, самой коренной чертой русскаго національнаго характера—способность усваивать всевозможныя черты любого національнаго типа. Другими словами наиболѣе выдающейся чертой русскаго народнаго склада является полная неопредѣленность и отсутствіе рѣзко выраженнаго собственнаго національнаго обличья. За-границей нерѣдко можно натолкнуться на косвенное подтвержденіе этого вывода. Въ нашихъ соотечественникахъ часто узнаютъ русскихъ только по тому, что не могутъ замѣтить въ нихъ никакихъ рѣзкихъ національныхъ особенностей, которыя бы обличали француза, англичанина, нѣмца и вообще представителя какой-либо культурной націи Европы. Если угодно, въ этомъ наблюденіи заключается не только отрицательная, но и нѣкоторая положительная характеристика. Народъ, на который культура не наложила еще рѣзкаго отпечатка, народъ со всевозможными задатками, но въ элементарномъ, заро-

дышномъ видѣ, и съ преобладаніемъ, притомъ, первобытныхъ добродѣтелей и пороковъ, — это, очевидно, тотъ самый народъ, въ общественномъ строѣ котораго мы находили въ первой части «Очерковъ» столько незаконченнаго и элементарнаго.

Церковь и школа—таковы два главные фактора русской, какъ и всякой другой, духовной культуры. Характеристика ихъ исторической роли и составляетъ содержаніе второй части нашихъ «Очерковъ». Можетъ быть, было бы ближе къ дѣлу оставить въ сторонѣ «факторы» и говорить прямо о «явленіяхъ» духовной культуры, расклассифицировавъ эти явленія по общепринятымъ рубрикамъ психологіи. Но мы опасаемся, что при настоящемъ состояніи разработки историческаго матеріала и при невыработанности методическихъ пріемовъ для научнаго изученія «духовной культуры», подобный способъ не могъ бы обезпечить намъ ни наглядности, ни содержательности изложенія. Мы предпочитаемъ, поэтому, удержать традиціонныя рубрики, несмотря на ихъ несоотвѣтствіе содержанію, заключающемуся въ понятіи «духовной культуры». Практическая цѣль «Очерковъ» также лучше будетъ достигнута, если мы будемъ разсматривать явленія духовной культуры въ той непосредственной связи съ орудіями просвѣщенія, въ какой стоятъ они въ жизни.

Критику теоретическихъ воззрѣній русской «субъективной школы» въ соціологіи читатель найдетъ въ остроумной, хотя, къ сожалѣнію, черезчуръ бранчивой книгѣ *Н. Бельтова*: »Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію». Спб. 1895. Выведеніе «идеологіи высшаго порядка» изъ экономической основы представляетъ въ этой книгѣ отчасти пробѣлъ, отчасти самое слабое мѣсто. Нашъ собственный взглядъ на теорію субъективной школы мы имѣли случай высказать въ разборѣ извѣстнаго сочиненіе *Н. И. Карѣева*: «Основные вопросы философіи исторіи». См. «Русскую Мысль», 1887 г., ноябрь, «Исторіософія г. Карѣева». Отвѣтъ автора на этотъ разборъ (въ «Русскомъ Богатствѣ» старой редакціи) не разубѣдилъ насъ въ правильности нашей точки зрѣнія, и у защитниковъ «экономическаго матеріализма» намъ пріятно было встрѣтить выраженіе тѣхъ же мнѣній объ основныхъ положеніяхъ «субъективной» школы.

Очеркъ пятый.—Церковь и вѣра.

I.

Два противоположныхъ мнѣнія о значеніи религіи для русской культуры и общая ихъ ошибка. — Характеристика религіозности русскаго общества въ первое время по принятіи христіанства по Патерику. — Характеръ древнѣйшаго русскаго подвижничества.—Физическій трудъ, какъ духовный подвигъ.—Бдѣніе и постъ.—Борьба съ плотью и съ ночными страхами.—Незнакомство съ высшими формами подвижничества.—Подозрительное отношеніе къ книгѣ и учености со стороны братіи.—Греческій уставъ и его выполненіе въ Печерской обители. — Состояніе религіозности въ окружавшемъ обществѣ. — Отношеніе монастыря къ міру и міра къ монастырю.

Культурное вліяніе церкви и религіи было безусловно преобладающимъ въ исторической жизни русскаго народа. Таково оно всегда бываетъ у всѣхъ народовъ, находящихся на одинаковой съ нами ступени развитія. Однако же, было мнѣніе—и очень распространенное,—по которому преобладающее вліяніе церкви считалось спеціальной національной особенностью именно русскаго народа. Изъ этой особенности одни выводятъ, затѣмъ, всѣ достоинства русской жизни, тогда какъ другіе склонны были этимъ объяснять ея недостатки. Въ глазахъ первыхъ — качества истиннаго христіанина суть вмѣстѣ съ тѣмъ и національныя черты русскаго характера. Русскому свойственна въ высшей степени та преданность волѣ Божіей, та любовь и смиреніе, та общительность съ ближними и устремленіе всѣхъ помысловъ къ небу, которыя составляютъ самую сущность христіанской этики. Это полное совпаденіе христіанскихъ качествъ съ народными ручается и за великую будущность русскаго народа. Таково мнѣніе славянофиловъ.

Между тѣмъ, уже сами славянофилы, въ лицѣ одного изъ самыхъ умныхъ своихъ представителей,—и наиболѣе компетентнаго въ богословскихъ вопросахъ,—Хомякова, признали, что представлять себѣ древнюю Русь истинно-христіанской — значитъ сильно идеализировать русское прошлое. Древняя Русь восприняла, по справедливому мнѣнію Хомякова, только внѣшнюю форму, обрядъ, а не духъ и сущность христіанской религіи. Уже по одному этому вѣра не могла оказать ни такого благодѣтельнаго, ни такого

задерживающаго вліянія на развитіе русской народности. Въ наше время взглядъ Хомякова сдѣлался общепринятымъ: его можно встрѣтить въ любомъ учебникѣ русской церковной исторіи.

Итакъ, считать русскую народность, безъ дальнихъ справокъ, истинно-христіанской, значило бы сильно преувеличивать степень усвоенія русскими истиннаго христіанства. Точно такимъ же преувеличеніемъ вліянія религіи было бы и обвиненіе ея въ русской отсталости. Для этой отсталости были другія, органическія причины, дѣйствіе которыхъ распространялось и на самую религію. Религія не только не могла создать или удержать элементарности русскаго психическаго склада, но, напротивъ, она сама отъ этой элементарности пострадала. При самыхъ разнообразныхъ взглядахъ на византійскую форму религіозности, воспринятую Россіей, нельзя не согласиться въ одномъ: въ своемъ источникѣ эта религіозность стояла неизмѣримо выше того, что могло быть изъ нея воспринято на первыхъ порахъ Русью.

Объ этомъ содержаніи только-что воспринятаго изъ Византіи православія мы, къ счастью, можемъ судить по очень поучительному древнему памятнику. Религія, введенная святымъ Владиміромъ, съ самаго начала встрѣтила не мало горячихъ душъ, которыя со всей страстью бросились на встрѣчу новому «духовному брашну» и рѣшились сразу отвѣдать самыхъ изысканныхъ яствъ византійской духовной трапезы. Въ языческой еще Россіи завелись самые утонченные типы восточнаго монашества: пустынножительство, затворничество, столпничество и всѣ виды плотскихъ самоистязаній. По слѣдамъ первыхъ піонеровъ новой религіозности пошли послѣдователи, можетъ быть, не всегда столь ревностные и преданные духовному подвижничеству, но за то все болѣе и болѣе многочисленные. Какъ всегда бываетъ, горячее одушевленіе, господствовавшее въ рядахъ «Христова воинства», породило усиленное духовное творчество. Не успѣли умереть послѣдніе представители поколѣнія, помнившаго крещеніе Руси, какъ вокругъ ихъ личностей и дѣятельности создалась благочестивая легенда. Сперва она передавалась изъ устъ въ уста, а потомъ была и записана, на поученіе потомству. Эти-то записи о житіи и подвигахъ лучшихъ людей тогдашней русской земли, собравшихся для совмѣстнаго духовнаго дѣланія вокругъ нѣсколькихъ начинателей русскаго подвижничества — подъ самымъ Кіевомъ, въ Печерскомъ монастырѣ — и сохранили до нашихъ временъ живую память о первомъ духовномъ подъемѣ, охватившемъ древнюю Русь. Нѣсколько позже, эти записи соединены были въ одно цѣлое и составили, такъ называемый, «Печерскій Патерикъ», надолго

оставшійся одною изъ самыхъ любимыхъ книгъ для народнаго чтенія. По преданіямъ Патерика мы можемъ лучше всего измѣрить наибольшую высоту того духовнаго подъема, на который способна была Русь, только-что покинувшая свое язычество.

Не надо забывать, прежде всего, что сегодняшній подвижникъ былъ вчерашнимъ членомъ того же самаго общества, хотя, можетъ быть, и лучшимъ его представителемъ. Совлекши съ себя ветхаго Адама, онъ не могъ сразу уничтожить въ себѣ стараго язычника и варвара. Въ большинствѣ случаевъ, это была, какъ самъ игуменъ Ѳеодосій, сильная и крѣпкая физически натура, привыкшая переносить всѣ неудобства тогдашняго малокультурнаго быта. Физическія подвиги были для такой натуры наиболѣе привычными. Рубить дрова, таскать ихъ въ монастырь, носить воду, плотничать, молоть муку или работать на поварнѣ — для братіи значило продолжать въ стѣнахъ монастыря тѣ же занятія, къ которымъ она привыкла въ мірѣ. Настоящіе подвиги начинались тогда, когда заходила рѣчь о лишеніи пищи и сна. Борьба съ этими потребностями натуры—постъ и бдѣніе—считались, поэтому, особенно высокими подвигами духа. Въ своей полнотѣ эти подвиги были доступны только избраннымъ и доставляли имъ вообще уваженіе. Для большинства же братій самъ строгій игуменъ долженъ былъ ввести вмѣсто ночного отдыха — дневной. Въ полдень ворота монастыря запирались, и вся братія погружалась въ сонъ. Несмотря на это, все-таки далеко не всѣ выдерживали «крѣпкое стояніе» въ церкви ночью. По сказанію Патерика, одинъ изъ братіи, Матвѣй, славившійся своей прозорливостью, взглянулъ разъ на братію во время такого стоянія и увидалъ: по церкви ходитъ бѣсъ въ образѣ Ляха и бросаетъ въ братію цвѣтки. Къ кому цвѣтокъ прилипнетъ, тотъ немного постоитъ, разслабнетъ умомъ и, придумавъ какой-нибудь предлогъ, идетъ изъ церкви въ келью спать. Самъ братъ Матвѣй стоялъ въ церкви крѣпко до конца утрени, но и ему это, какъ видно, не легко давалось. Разъ послѣ утрени онъ вышелъ изъ церкви, но не могъ дойти даже до кельи: сѣлъ по дорогѣ подъ доской, въ которую звонили, и тутъ же заснулъ.

Понятно, какую борьбу съ своей плотью долженъ былъ выдержать подвижникъ, рѣшившійся, во что бы то ни стало, преодолѣть дьявольское искушеніе. Потребности плоти, дѣйствительно, представлялись ему кознями нечистой силы. Вчерашній язычникъ, онъ не могъ отдѣлаться сразу отъ старыхъ воззрѣній и, чаще всего, вполнѣ раздѣлялъ наивныя представленія окружавшей его мірской среды. Бѣсы—это были для него старые языческіе боги, осердившіеся на молодое поколѣніе за его измѣну старой вѣрѣ и

рѣшившіеся отмстить за себя. «Бѣсы», говоритъ намъ одинъ изъ составителей Патерика, «не терпя укоризны,—что когда-то язычники поклонялись имъ и чтили, какъ боговъ, а теперь угодники Христовы пренебрегаютъ ими и уничижаютъ ихъ, — видя, какъ укоряютъ ихъ люди,—вопіяли: о злые и лютые наши враги; мы не успокоимся, не перестанемъ бороться съ вами до смерти».

И вотъ, начиналась съ обѣихъ сторонъ, въ буквальномъ смыслѣ, борьба не на животъ, а на смерть. Ночь, когда подвижникъ изнемогаетъ отъ усталости и, еле перемогая сонъ, ни за что не хочетъ лечь «на ребра», а самое большее, позволяетъ себѣ вздремнуть сидя, — ночь оказывается самымъ удобнымъ временемъ для бѣсовскихъ навожденій. Монахъ въ это время особенно слабъ, а врагъ—въ союзѣ съ помощью плоти и ночными страхами старой религіи—особенно силенъ. Бѣсы являются подвижнику въ образѣ лютаго змѣя народныхъ сказокъ, дышащаго пламенемъ и осыпающаго его искрами; они грозятъ обрушить надъ монахомъ стѣны его кельи или наполняютъ его уединеніе крикомъ, громомъ, какъ бы отъ ѣдущихъ колесницъ и звуками бѣсовской музыки. Даже самому игумену, безстрашному и трезвому Θеодосію, явился разъ, въ началѣ его духовныхъ подвиговъ, бѣсъ въ образѣ черной собаки, которая упорно стояла передъ нимъ и мѣшала класть земные поклоны, пока преподобный не рѣшился, наконецъ, ее ударить: тогда видѣніе исчезло. По личному опыту игуменъ убѣдился что лучшее средство бороться противъ ночныхъ видѣній—не поддаваться страху; такіе же совѣты онъ давалъ и братіи. Одинъ братъ, Ларіонъ, преслѣдуемый по ночамъ бѣсами, пришелъ къ Θеодосію съ просьбой—перевести его въ другую келью. Но, послѣ строгаго внушенія игумена, въ слѣдующую ночь этотъ братъ «легъ въ келіи своей—и спалъ сладко». Не всегда, однако, борьба кончалась такъ быстро и удачно.

Такъ много силы нужно было, чтобы преодолѣть навожденія дьявола и немощи плоти. На эту борьбу уходила вся энергія самыхъ горячихъ подвижниковъ. Подобно брату Іоанну, тридцать лѣтъ безуспѣшно боровшемуся съ плотскими похотями,—лучшимъ изъ печерскихъ подвижниковъ не удавалось подняться надъ этой первой, низшей ступенью духовнаго дѣянія, которая, собственно, въ ряду подвиговъ христіанскаго аскета имѣетъ лишь подготовительное значеніе. О высшихъ ступеняхъ дѣятельнаго или созерцательнаго подвижничества, кіевскіе подвижники едва-ли имѣли ясное представленіе. То, что должно было быть только *средствомъ*,—освобожденіе души отъ земныхъ стремленій и помысловъ,—для братіи Печерскаго монастыря поневолѣ становилось

единственной *цѣлью:* не дисциплинированная натура плохо поддавалась самымъ упорнымъ, самымъ добросовѣстнымъ усиліямъ. Людямъ съ такой силой воли и съ такимъ практическимъ складомъ ума, какъ у печерскаго игумена, удавалось, правда, достигать прочнаго душевнаго равновѣсія; но въ установленіи этого равновѣсія слишкомъ большая роль принадлежала внѣшней дисциплинѣ ума и воли. Съ такой дисциплиной наши подвижники скорѣе становились выдающимися администраторами, въ какихъ нуждалась тогдашняя жизнь, чѣмъ великими свѣтильниками христіанскаго чувства и мысли.

Мыслямъ вообще отводилось въ Печерскомъ монастырѣ очень скромное мѣсто. Когда братъ Ларіонъ, или братъ Никонъ занимались переписываніемъ книгъ, игуменъ, по монастырскимъ воспоминаніямъ, садился возлѣ нихъ и занимался рукодѣліемъ: онъ «прялъ волну» или готовилъ нити для будущихъ переплетовъ. На усердное занятіе книгами братія смотрѣла косо; книжная хитрость легко могла повести къ духовной гордости. Въ одной изъ печерскихъ легендъ любовь къ книжному чтенію, характернымъ образомъ, представляется, какъ средство дьявольскаго искушенія. Одному изъ братій, Никитѣ Затворнику, являлся бѣсъ въ образѣ ангела и сказалъ: ты не молись, а читай книги: черезъ нихъ ты будешь бесѣдовать съ Богомъ, чтобы потомъ подавать отъ нихъ слово полезное приходящимъ къ тебѣ; а я непрестанно буду молиться о твоемъ спасеніи. И прельстился монахъ, пересталъ молиться, надѣясь на молитвы мнимаго ангела, а прилежалъ чтенію и ученію; съ приходящими бесѣдовалъ о пользѣ души и пророчествовалъ. По одному признаку всѣ узнали, однако, что Никита прельщенъ бѣсомъ. Дѣло въ томъ, что ученый братъ зналъ наизусть книги Ветхаго завѣта, а Евангеліе и Апостола не хотѣлъ ни видѣть, ни слышать. Тогда собрались подвижники и съ общаго совѣта отогнали изъ Никиты бѣса. Вмѣстѣ съ этимъ Никита потерялъ и всѣ свои знанія.

При этихъ условіяхъ, естественно, трудно говорить объ учености или хотя бы начитанности въ Писаніи печерской братіи. Во всемъ Патерикѣ только одинъ человѣкъ говоритъ по-еврейски, по-латыни и по-гречески, т.-е. на языкахъ, необходимыхъ для сколько-нибудь серьезныхъ занятій богословіемъ. Но и этотъ человѣкъ—бѣсноватый; и онъ теряетъ свое знаніе языковъ вмѣстѣ съ изгнаніемъ изъ него бѣса.

Мы видимъ теперь, выше чего не поднималось благочестіе въ Печерской обители. Но, въ большинствѣ случаевъ, оно падало гораздо ниже подвижническаго уровня. Привычки и пороки окру-

жающей жизни врывались со всѣхъ сторонъ за монастырскую ограду. Строгій студійскій уставъ, долженствовавшій служить *нормой* монашеской жизни, казался трудно досягаемымъ *идеаломъ* и выполнялся только какъ исключеніе. Простое соблюденіе устава кажется уже составителямъ Патерика высшей ступенью благочестія и подвижничества. Ношеніе дровъ и воды, печеніе хлѣба и т. п. подвиги, вызывающіе особое одобреніе Патерика,—все это входило въ прямыя обязанности братіи и игумена по студійскому уставу. Одинъ изъ братіи, знавшій наизусть Псалтирь, вызывалъ этимъ всеобщее удивленіе; а между тѣмъ уставъ требовалъ подобнаго знанія отъ всякаго монаха. Что было еще важнѣе, уставъ не соблюдался въ главной своей части: въ его требованіи, чтобы монахъ не имѣлъ ничего своего, а все общее съ братіей. Уже Ѳеодосію приходилось, заглядывая неожиданно въ братскія кельи, сожигать на огнѣ лишнюю одежду, лишнюю пищу, лишнее имущество противъ положеннаго въ уставѣ. Послѣ смерти строгаго игумена отдѣльная собственность монаховъ признавалась уже совершенно открыто. Были монахи бѣдные и богатые, щедрые и скупые; братія имѣла заработки на сторонѣ. Попасть бѣдному въ число братіи стало довольно трудно: безъ вклада въ монастырь не принимали. Изъ одного разсказа Патерика видно, что даже похоронить бѣднаго, отъ котораго ничего нельзя было получить по завѣщанію, никто не хотѣлъ изъ братіи. Не говоримъ уже о случаяхъ присвоенія чужого имущества монахами.

Такимъ образомъ, греческій уставъ оказался ярмомъ, неудобоносимымъ для лучшаго изъ русскихъ монастырей въ цвѣтущую пору его существованія. Не вынося строгаго чина монашеской жизни, монахи бѣгали по ночамъ изъ монастырей, а иные пропадали на долгое время и, нагулявшись вволю, по нѣскольку разъ возвращались въ монастырь. Насколько было трудно бороться противъ такихъ отлучекъ, видно изъ того, что самъ Ѳеодосій принужденъ былъ смотрѣть на нихъ сквозь пальцы и принималъ своихъ блудныхъ дѣтей обратно.

Что же дѣлалось въ міру, за монастырской оградой? Только немногіе и смутные отголоски дошли до насъ изъ этого міра; но и на основаніи того, что дошло, нельзя не заключить, что сознательное отношеніе къ вопросамъ нравственности и религіи было рѣдкимъ исключеніемъ среди мірянъ. Люди вродѣ Владиміра Мономаха, приведшіе въ извѣстную своеобразную гармонію требованія житейской морали и христіанской нравственности, встрѣчались только на самыхъ верхахъ русскаго общества. Относительно же всей остальной огромной массы народной нельзя даже сказать,

чтобы она усвоила одинъ обрядъ, внѣшность христіанской жизни, какъ склоненъ былъ признать Хомяковъ. Нужно согласиться съ мнѣніемъ профессора московской духовной академіи и историка русской церкви, Е. Е. Голубинскаго, что народная масса древней Руси *еще ничего* не успѣла усвоить въ домонгольскій періодъ,— ни видимости, ни внутренняго смысла, ни обряда, ни сущности христіанской религіи. Масса оставалась, по прежнему, языческой. Усвоеніе и правильное выполненіе внѣшняго обряда христіанскаго,—хожденіе въ церковь, исполненіе требъ и участіе въ святыхъ таинствахъ—было еще дѣломъ будущаго: для достиженія этой ступени понадобилось не мало времени. Насколько претило русской натурѣ вначалѣ соблюденіе обрядности, видно изъ того, что за попытку удержать нѣсколько лишнихъ постныхъ дней въ году два архіерея подрядъ поплатились своей каѳедрой. Они были просто-на-просто изгнаны паствой за то, что не хотѣли принять мнѣнія русской партіи объ отмѣнѣ, въ случаѣ великихъ праздниковъ, поста въ среду и пятницу.

Понятно, что при такихъ условіяхъ непосредственное дѣйствіе свѣтильниковъ русскаго благочестія, просіявшихъ въ Печерской обители, на окружавшій ихъ міръ было несравненно слабѣе, чѣмъ дѣйствіе благочестивой легенды объ ихъ подвигахъ на отдаленное потомство. Только на высшій слой современнаго имъ общества монастырскіе подвижники могли оказывать нѣкоторое вліяніе. Но и въ этомъ случаѣ монахи помнили заповѣдь: воздадите Кесарево Кесареви. Князя они встрѣчали у себя въ монастырѣ, «какъ подобаетъ князю»; боярина -- «какъ подобаетъ боярину». Когда игуменъ Ѳеодосій захотѣлъ вмѣшаться въ княжескую распрю и убѣдить князя Святослава вернуть старшему брату незаконно похищенный у него престолъ, вся братія была напугана княжескими угрозами—сослать игумена—и упросила своего начальника прекратить свои пастырскія увѣщанія. Князь пріѣзжалъ иногда въ монастырь послушать назидательную бесѣду, но въ какой степени онъ руководился монашескими совѣтами въ своей личной жизни,—это уже было вопросомъ его совѣсти. Что касается низшихъ классовъ, они и за назиданіемъ не обращались въ монастыри. Самое большее, если они просили у православнаго попа или монаха того, что дѣлали для нихъ прежде ихъ языческіе волхвы. Патерикъ разсказываетъ намъ, какъ однажды изъ деревни, принадлежавшей монастырю, пришли просить игумена— выгнать домового изъ хлѣва, гдѣ онъ портилъ скотъ. Мы уже говорили о взглядѣ новой религіи на старую. Языческіе боги для христіанина не перестали существовать: они только стали бѣсами

и борьба съ ними сдѣлалась его прямою обязанностью. И печерскій игуменъ откликнулся на деревенскій призывъ. Онъ пошелъ въ деревню, затворился въ хлѣвѣ и, памятуя слово Господне: «сей родъ не изгонится ничѣмъ же, — токмо постомъ и молитвою», провелъ тамъ въ молитвѣ всю ночь до утра. Съ тѣхъ поръ прекратились и проказы домового.

Таково было состояніе религіозности русскаго общества вскорѣ послѣ принятія христіанства. Познакомившись со скромными зачатками русскаго благочестія, мы должны теперь перейти къ ихъ дальнѣйшему развитію.

Важнѣйшіе фактическія данныя по исторіи русской церкви можно найти въ «Руководствахъ» *П. Знаменскаго* и *А. Доброклонскаго.* Древнѣйшій текстъ Патерика Печерскаго изданъ *В. Яковлевымъ* подъ заглавіемъ «Памятники русской литературы XII и XIII вѣковъ». Спб. 1872. См. его же изслѣдованіе о Патерикѣ: «Древне-кіевскія религіозныя сказанія». Варшава, 1875. Болѣе доступенъ для чтенія текстъ Патерика въ многочисленныхъ позднѣйшихъ изданіяхъ. Существуетъ и русскій переводъ этого интереснаго памятника: «Кіевопечерскій патерикъ по древнимъ рукописямъ. Въ переложеніи на современный языкъ *М. Викторовой.* Кіевъ. 1870». Попытка воспользоваться Патерикомъ для характеристики древней русской религіозности сдѣлана была *Костомаровымъ* въ его статьѣ «Черты народной южнорусской исторіи», см. «Историческія монографіи и изслѣдованія», т. I. О студійскомъ уставѣ см. *Е. Голубинскаго* «Исторія русской церкви, т. I, періодъ первый, кіевскій или домонгольскій», вторую половину тома (гл. VI). Москва. 1881.

II.

Первоначальная обособленность міра и клира. — Ихъ взаимное сближеніе, какъ слѣдствіе упадка уровня пастырей и подъема уровня массы.—Національзація вѣры, какъ продуктъ этого взаимнаго сближенія. — Національныя особенности русской вѣры по наблюденіямъ пріѣзжихъ съ запада и съ востока. — Національзація церкви. — Постепенное освобожденіе отъ власти константинопольскаго патріархата. — Впечатлѣнія Флорентійской уніи и взятія Константинополя. — Происхожденіе теоріи о «Москвѣ — третьемъ Римѣ».— Легенда о началѣ русской церкви отъ апостола Андрея.—Роль государственной власти при національзаціи церкви. — Власть византійскаго императора надъ церковью и переходъ ея къ московскому князю.—Роль Іосифа, Даніила и Макарія при осуществленіи идеи національной и государственной церкви.— Характеръ литературной и практической дѣятельности «осифлянъ». — Собираніе русской святыни и завершеніе его на соборахъ 1547 и 1549 гг. — Возвеличеніе національной церкви. — Противники «осифлянъ»: Нилъ, Вассіанъ и Артемій.—Ихъ взгляды, ихъ оппозиція «осифлянамъ» и причины неудачи этой оппозиціи.—Ихъ судьба.

Въ первое время послѣ принятія христіанства русское общество дѣлилось, какъ мы видѣли, на двѣ, очень неравныя половины. Ничтожная по численности кучка людей, наиболѣе увлеченныхъ новыми вѣрованіями, усердно, хотя и не вполнѣ удачно старалась воспроизвести на Руси утонченнѣйшіе подвиги восточнаго благочестія. Остальная огромная масса, несмотря на названіе христіанъ, оставалась языческой. Два обстоятельства долго и рѣшительно мѣшали обѣимъ этимъ сторонамъ сблизиться и понять другъ друга. Во-первыхъ, этому препятствовало самое свойство воспринятаго идеала. Новая вѣра съ самаго начала перешла на Русь съ чертами аскетизма: христіанскій идеалъ выдвинутъ былъ спеціально иноческій, монашескій. Для міра, для жизни, для дѣйствительности этотъ аскетическій идеалъ былъ слишкомъ высокъ и чуждъ. Для аскетическаго идеала міръ, въ свою очередь, былъ слишкомъ грѣховенъ и опасенъ. Бѣгство изъ міра представлялось единственнымъ средствомъ сохранить въ душѣ чистоту идеала. Естественно, что монашество стало казаться необходимымъ условіемъ христіанскаго совершенства: совершенный христіанинъ стремился уединиться отъ міра, а міръ плохо понималъ идеалъ совершеннаго христіанина. Другой причиной разъединенія

міра и клира было то, что даже при самомъ искреннемъ обоюдномъ желаніи — однихъ просвѣщать, а другихъ просвѣщаться— это было не такъ легко. До самаго татарскаго ига почти всѣ наши митрополиты и значительная часть епископовъ были греки, присылавшіеся прямо изъ Константинополя и незнакомые съ русскимъ языкомъ. Мало-по-малу, конечно, это затрудненіе устранилось. Ученыхъ греческихъ іерарховъ смѣнили русскіе архіереи, имѣвшіе возможность говорить съ паствой безъ переводчиковъ и обличать ея недостатки не по правиламъ византійской реторики, а стилемъ, доступнымъ всякому. Но тутъ явилось новое затрудненіе. Свои, русскіе пастыри были несравненно менѣе подготовлены къ дѣлу учительства.

Вѣка проходили за вѣками при этихъ условіяхъ, а духовное воспитаніе массы подвигалось впередъ очень медленными шагами. Гораздо быстрѣе, чѣмъ поднимался уровень массы, падалъ ему навстрѣчу уровень пастырей. Упадокъ уровня образованости и измельчаніе религіозности высшаго духовенства—есть фактъ, столь же общепризнанный нашими историками церкви, какъ и легко объяснимый. Отдаляясь постепенно отъ Византіи и лишившись постояннаго притока греческихъ духовныхъ силъ, Россія не имѣла еще достаточно образовательныхъ средствъ, чтобъ замѣнить греческихъ пастырей своими, такъ же хорошо подготовленными. До нѣкоторой степени недостатокъ подготовки могъ быть замѣненъ усердіемъ туземныхъ іерарховъ къ дѣлу религіознаго просвѣщенія массы. Но и усердныхъ пастырей становилось тѣмъ труднѣе подыскивать, чѣмъ больше ихъ требовалось. Если недостатокъ людей сильно чувствовался уже при замѣщеніи высшихъ духовныхъ мѣстъ, то о низшихъ нечего и говорить. Всѣмъ извѣстны классическія жалобы новгородскаго архіепископа XV вѣка, Геннадія, и никакой комментарій не можетъ измѣнить грустнаго смысла его показаній. «Приведутъ ко мнѣ мужика (ставиться въ попы или діаконы)», говоритъ новгородскій архіерей: «я велю ему Апостолъ дать читать, а онъ и ступить не умѣетъ; велю Псалтирь дать,—и по тому еле бредетъ... Я велю хоть ектеніямъ его научить, а онъ и къ слову не можетъ пристать: ты говоришь ему одно, а онъ—совсѣмъ другое. Велишь начинать съ азбуки, а онъ, поучившись немного, просится прочь, не хочетъ учиться... А если отказаться посвящать, мнѣ же жалуются: такова земля, господине: не можемъ найти, кто бы гораздъ былъ грамотѣ». То же самое подтверждаетъ черезъ полвѣка и Стоглавый соборъ. Если не посвящать безграмотныхъ, говоритъ Стоглавъ, церкви будутъ безъ пѣнія и христіане будутъ умирать безъ покаянія.

Пониженіе уровня пастырей было, конечно, гораздо болѣе яркимъ и замѣтнымъ явленіемъ, чѣмъ постепенный и медленный подъемъ религіознаго уровня массы. Однако, и этотъ подъемъ надо признать за фактъ, столь же несомнѣнный, какъ только-что упомянутый. Игнорировать его—значило бы не только совершить несправедливость, но и впасть въ серьезную ошибку. Идя другъ другу на встрѣчу, пастыри и паства древней Руси остановились, наконецъ, на довольно сходномъ пониманіи религіи, одинаково далекомъ отъ обѣихъ исходныхъ точекъ: отъ аскетическихъ увлеченій подвижниковъ и отъ языческаго міровоззрѣнія массы. Пастыри все болѣе привыкали отожествлять сущность вѣры съ ея внѣшними формами; съ другой стороны, масса, не усвоившая первоначально даже и формъ вѣры, теперь научилась цѣнить ихъ и, по самому складу своего ума, стала приписывать имъ то таинственное, символическое значеніе, какое имѣли въ ея глазахъ и обряды стариннаго народнаго культа. Такимъ образомъ, *обрядъ* послужилъ той серединой, на которой сошлись верхи и низы русской религіозности: верхи, постепенно утрачивая истинное понятіе о содержаніи,—низы, постепенно пріобрѣтая приблизительное понятіе о формѣ.

Итакъ, несправедливо было бы, подобно нѣкоторымъ историкамъ церкви, видѣть во всемъ промежуткѣ отъ XI до XVI столѣтія одинъ только непрерывный упадокъ. Промежутокъ этотъ не былъ въ нашей церкви ни постепеннымъ паденіемъ, ни даже стояніемъ на одномъ мѣстѣ. Напротивъ, нельзя не видѣть въ немъ постояннаго прогресса. За эти шесть вѣковъ языческая Россія превратилась мало-по-малу въ «святую Русь»,— въ ту страну многочисленныхъ церквей и неумолкаемаго колокольнаго звона, страну длинныхъ церковныхъ стояній, строгихъ постовъ и усердныхъ земныхъ поклоновъ, какою рисуютъ ее намъ иностранцы XVI и XVII вѣка.

Иноземный продуктъ акклиматизовался въ Россіи за это время: вѣра пріобрѣла національный характеръ. Въ чемъ же состояли эти національныя отличія, пріобрѣтенныя на Руси христіанствомъ?

Было бы напрасно спрашивать объ этомъ самихъ русскихъ наблюдателей того времени. Особенности вѣры еще не были сознаны такъ, какъ ихъ сознали позднѣе, по контрасту съ другими христіанскими исповѣданіями.

Въ обращеніи другъ къ другу русскіе называли себя «христіанами» и «православными», а церковь ихъ называлась «восточной». Но все это не казалось тогдашнимъ постороннимъ наблюдателямъ достаточной характеристикой русскаго благочестія. Иностранцы

отмѣчали въ русской религіозности спеціально ей свойственныя своеобразныя черты: конечно, наблюденія ихъ разнообразились, смотря по вѣроисповѣданію самихъ наблюдателей. Пріѣзжіе съ запада, особенно протестанты, искали подъ формами русскаго благочестія соотвѣтственнаго содержанія, и къ полному своему недоумѣнію не всегда находили. Привыкшіе считать значеніе Евангелія необходимымъ условіемъ вѣры, живую проповѣдь — главнѣйшей обязанностью пастырей, они приходили въ ужасъ, замѣчая, что проповѣдничество на Руси совершенно отсутствуетъ, что изъ десяти человѣкъ жителей едва ли одинъ знаетъ молитву Господню, не говоря уже о Символѣ вѣры и десяти заповѣдяхъ. Спросивъ разъ у какого-то русскаго, отчего въ Россіи крестьяне не знаютъ ни «Отче нашъ», ни «Богородице», одинъ иностранецъ услыхалъ въ отвѣтъ, что «это—очень высокая наука, годная только для царей, да патріарха, и вообще для господъ и для духовенства, у которыхъ нѣтъ работы, а не для простыхъ мужиковъ». Въ 1620 году одинъ ученый шведъ, Іоаннъ Ботвидъ, защищалъ въ упсальской академіи диссертацію на тему: «христіане ли московиты?» Положимъ, онъ, послѣ цѣлаго ряда ученыхъ справокъ и сличеній, рѣшилъ этотъ вопросъ положительно; но самая возможность такой темы чрезвычайно характерна.

Иныя, на первый взглядъ, впечатлѣнія выносили отъ русской религіозности пришельцы съ востока, изъ предѣловъ древняго благочестія. Во времена патріарха Никона пріѣхалъ въ Москву антіохійскій патріархъ Макарій, съ своимъ архидіакономъ Павломъ, оставившимъ намъ дневникъ этого путешествія. Несмотря на весь свой оптимизмъ, на готовность всему удивляться и по всякому поводу приходить въ умиленіе, несчастные сирійцы, наконецъ, не выносятъ полноты русскаго благочестія. Стояніе по восьми часовъ въ церкви и продолжительное сухояденіе приводятъ ихъ въ отчаяніе. «Мы совершенно ослабѣли», пишетъ діаконъ Павелъ, «въ теченіе великаго поста. Мы испытывали такое мученіе, какъ будто бы насъ держали на пыткѣ». «Да почіетъ миръ Божій», восклицаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, «на русскомъ народѣ, надъ его мужами, женами и дѣтьми—за ихъ терпѣніе и постоянство! Надобно удивляться храбрости тѣлесныхъ силъ этого народа. Нужны желѣзныя ноги, чтобы не чувствовать (отъ долгихъ стояній въ церкви) ни усталости, ни утомленія». «Всѣ русскіе», полушутливо замѣчаетъ тотъ же Павелъ, «непремѣнно попадутъ во святые: они превосходятъ своею набожностью самихъ пустынножителей».

При всей противоположности этихъ впечатлѣній восточнаго патріарха, прочащаго русскихъ въ святые, и шведскаго богослова,

пускающаго въ ходъ всѣ рессурсы своей науки, чтобы отстоять хотя бы то положеніе, что они—не язычники, нельзя не видѣть, что въ основѣ обоихъ этихъ отзывовъ лежатъ довольно сходныя наблюденія. Русское благочестіе, дѣйствительно, пріобрѣло особый отпечатокъ, отличавшій его не только отъ запада, но и отъ востока. Содержаніе русской вѣры стало своеобразно и національно.

За тотъ же промежутокъ времени, когда совершилась національзація русской вѣры, и русская церковь стала по формѣ національною. Посмотримъ теперь, какъ совершилась эта національзація русской церкви.

Какъ извѣстно, со времени принятія христіанства русская церковь находилась въ зависимости отъ константинопольскаго патріарха, составляя просто одну изъ подвѣдомственныхъ ему епархій. До татарскаго нашествія высшее духовное лицо въ Россіи, кіевскій митрополитъ прямо назначался изъ Константинополя. Только два раза русскіе попытались посвятить себѣ митрополита сами, соборомъ русскихъ епископовъ. Но и то одинъ изъ этихъ разовъ они принуждены были, въ концѣ концовъ, признать власть патріарха. Со времени нашествія татаръ это отношеніе русской церкви къ патріарху начало измѣняться. Прежде всего, въ связи съ тѣмъ же наплывомъ тюрковъ изъ Азіи, Византія попала въ руки крестоносцевъ четвертаго крестового похода. Среди этой двойной неурядицы—въ Россіи и на Балканскомъ полуостровѣ—русскіе митрополиты все чаще стали посвящаться дома, а въ Константинополь ѣздили только за утвержденіемъ. Такъ продолжалось два вѣка—до середины XV столѣтія. Въ это время изъ Константинополя стали приходить на Русь страшныя вѣсти. Началось съ того, что одинъ изъ митрополитовъ, присланныхъ въ Москву патріархомъ, объявилъ великому князю московскому, что долженъ ѣхать въ Италію, къ латинамъ, на духовный соборъ во Флоренцію. Византія сама воспитала насъ въ ненависти къ западной церкви. По внушеніямъ восточной церкви, нельзя было даже ѣсть и пить изъ однихъ сосудовъ съ латинами. Естественно, что сборы митрополита (Исидора) въ Италію показались москвичамъ «новы, и чужды, и непріятны». Не смотря на отговариванья великаго князя, Исидоръ поѣхалъ. Изъ Флоренціи онъ привезъ съ собой еще болѣе неожиданную новость: унію восточной и западной церкви. Это было уже слишкомъ. Митрополитъ былъ низложенъ и осужденъ соборомъ русскаго духовенства; вмѣсто него выбранъ соборомъ же свой митрополитъ—изъ русскихъ (Іона)—и заготовлена объяснительная грамота въ Византію. Въ грамотѣ этой ве-

ликій князь требовалъ разрѣшенія впредь поставлять митрополита въ Россіи. Требованіе это мотивировалось дальностью пути, непроходимостью дорогъ въ Византію, нашествіемъ татаръ. Но между строкъ легко было прочесть, что главныя причины просьбы—«новоявльшіяся разгласія» въ самой восточной церкви. Русское правительство до такой степени было смущено принятіемъ уніи въ Константинополѣ, что даже не рѣшалось обратиться къ патріарху: грамота была направлена къ императору Константину Палеологу, подъ тѣмъ двусмысленнымъ предлогомъ, будто бы въ Россіи неизвѣстно, существуетъ ли даже святѣйшій патріархъ въ царствующемъ градѣ.

Но и такую грамоту не пришлось отправить. Не прошло полутора десятка лѣтъ со времени великаго преступленія греческой церкви,—принятія уніи,—какъ пришла въ Москву вѣсть страшнѣе первой. «Се, чада мои,—писалъ митрополитъ Іона въ своемъ окружномъ посланіи, годъ спустя послѣ завоеванія Константинополя турками,—человѣкъ, христіанинъ православный, по имени Дмитрій гречинъ, пришелъ до насъ отъ великаго православія, отъ великаго того царствующаго Константина града, и повѣдалъ намъ, что, попущеніемъ Божіимъ, грѣхъ ради нашихъ, тотъ отъ толикихъ лѣтъ никѣмъ не взятый и Богомъ хранимый Константиноградъ—враги безбожные турки, святыя Божіи церкви и монастыри разорили и святыя мощи сожгли, старцевъ и старицъ, иноковъ и инокинь и весь греческій родъ—старыхъ мечу и огню предали, а юныхъ и младыхъ—въ плѣнъ отвели». Ясно: это было Божіе наказаніе, не замедлившее покарать грековъ за ихъ отступленіе въ латинство. «Сами вы знаете, дѣти мои,—развиваетъ свою мысль тотъ же Іона въ другомъ окружномъ посланіи, писанномъ пять лѣтъ спустя послѣ паденіи Константинополя,—сколько бѣдъ перенесъ царствующій градъ отъ болгаръ и отъ персовъ, державшихъ его семь лѣтъ, какъ въ сѣтяхъ; однако же онъ нисколько не пострадалъ, пока греки соблюдали благочестіе. А когда они отступили отъ благочестія, знаете, какъ пострадали, каково было плѣненіе и убійство; а ужъ о душахъ ихъ—одинъ Богъ вѣсть».

Выводъ былъ, опять-таки, ясенъ. Теперь надо было самимъ позаботиться о собственныхъ душахъ. «Съ того времени» (какъ пріѣхалъ Исидоръ съ собора),—писалъ великій князь императору еще до рокового событія,—«начали мы попеченіе имѣть о своемъ православіи, о безсмертныхъ нашихъ душахъ и о смертномъ часѣ и о предстаніи нашемъ на страшный судъ передъ судьей всѣхъ тайныхъ помышленій».

Страшная отвѣтственность свалилась, такимъ образомъ, на представителей русской церкви. Они отвѣчали теперь не только за свои души: они отвѣчали за судьбу православія во всемъ мірѣ, послѣ того какъ въ центрѣ православія, въ царствующемъ градѣ, «померкло солнце благочестія». Подъ этимъ впечатлѣніемъ сложилась знаменитая теорія о всемірно-исторической роли Московскаго государства,—о «Москвѣ—третьемъ Римѣ». Уже въ концѣ XV вѣка мы встрѣчаемъ полное развитіе этой теоріи въ посланіяхъ игумена одного псковскаго монастыря, Филоѳея. «Церковь стараго Рима пала невѣріемъ аполлинаріевой ереси, — пишетъ Филоѳей Ивану III,—втораго же Рима—константинопольскую церковь изсѣкли сѣкирами агаряне. Сія же нынѣ третьяго | новаго Рима — державнаго твоего царствія—святая соборная апостольская церковь—во всей поднебесной паче солнца свѣтится. И да вѣдаетъ твоя держава, благочестивый царь, что всѣ царства православной христіанской вѣры сошлись въ твое единое царство: одинъ ты во всей поднебесной христіанамъ царь... Блюди же и внемли, благочестивый царь, что всѣ христіанскія царства сошлись въ твое единое, что два Рима пали, а третій стоитъ, а четвертому не быть; твое христіанское царство уже инымъ не достанется». Такимъ образомъ, русскій царь долженъ былъ соблюсти единственный, сохранившійся въ мірѣ, остатокъ истиннаго православія — нерушимымъ до второго пришествія Христова.

Съ этой теоріей должно было явиться впервые и сознаніе духовной самостоятельности русской церкви. Когда, лѣтъ сто спустя, русская церковь добилась, наконецъ, формальной независимости отъ Византіи, получивъ собственнаго патріарха (1589), московская всемірно-историческая теорія давно уже была оффиціально усвоена; въ самой грамотѣ, которою утверждалось новое московское патріаршество, теорія о «Москвѣ—третьемъ Римѣ» была еще разъ торжественно провозглашена. Фактически, однако, и раньше учрежденія патріаршества, русская церковь уже не зависѣла отъ константинопольской, и даже была придумана еще одна теорія, чтобы доказать эти притязанія русской церкви на полную независимость. Прежде, въ домонгольское и даже въ удѣльное время, русская церковь довольствовалась и даже гордилась своимъ происхожденіемъ отъ греческой церкви при святомъ Владимірѣ. Теперь, для *національной* русской церкви такое происхожденіе казалось уже недостаточно почетно. Надо было вывести начало русскаго христіанства прямо отъ апостоловъ, минуя греческое посредничество. Какъ русскій великій князь началъ вести свою власть непосредственно отъ Пруса, «брата императора Августа», такъ и русская

вѣра должна была идти непосредственно отъ Андрея, «брата апостола Петра». «Что вы намъ указываете на грековъ», отвѣчалъ царь Иванъ Грозный папскому послу Поссевину на его убѣжденія — послѣдовать примѣру Византіи и принять флорентійскую унію. «Греки для насъ не Евангеліе; мы вѣримъ не въ грековъ, а въ Христа: мы получили христіанскую вѣру при началѣ христіанской церкви, когда Андрей, братъ апостола Петра, пришелъ въ эти страны, чтобы пройти въ Римъ. Такимъ образомъ, мы на Москвѣ приняли христіанскую вѣру въ то же самое время, какъ вы въ Италіи; и съ тѣхъ поръ и доселѣ мы соблюдали ее ненарушимою».

И такъ, въ теченіе столѣтія передъ учрежденіемъ патріаршества, русская церковь нравственно и духовно эмансипировалась отъ Византіи. Эта эмансипація была совершена при прямомъ содѣйствіи государственной власти, въ прямыхъ интересахъ великаго князя московскаго. Національное возвеличеніе русской церкви было дѣломъ столько же духовнымъ, сколько и политическимъ; можетъ быть, даже болѣе политическимъ, чѣмъ духовнымъ. Не даромъ, московская теорія выдвигала «единаго во всемъ мірѣ царя православнаго» надъ всѣми другими. Такимъ путемъ московскій государь получалъ религіозное освященіе, явившееся весьма кстати для его только-что усилившейся власти. Естественно, что московскіе князья поспѣшили воспользоваться этимъ новымъ средствомъ для борьбы съ своими противниками и для окончательнаго установленія самодержавія.

Покровительствуемая государствомъ, національная русская церковь воздала ему равносильными услугами за это покровительство. Дѣлаясь національной, она въ то же время становилась государственной: она признавала надъ собой верховенство государственной власти и входила въ рамки московскихъ правительственныхъ учрежденій. На этой новой чертѣ, съигравшей весьма важную роль въ исторіи русской церкви, намъ опять надобно нѣсколько остановиться.

Собственно говоря, сама Византія подготовила ту тѣсную связь государства и церкви, которая составляетъ одну изъ самыхъ характерныхъ чертъ русской церковности. Извѣстно, какую большую власть надъ церковью имѣлъ византійскій императоръ. Правда, и по восточной теоріи, какъ по западной, «*святительство*» было «выше *царства*», т. е. духовная власть выше свѣтской; но это нисколько не мѣшало византійскому императору постоянно вмѣшиваться фактически въ церковныя дѣла и считаться формально представителемъ и защитникомъ церковныхъ интересовъ. Власть

императора надъ восточной церковью должна была распространиться и на русскую епархію этой церкви. Императоръ участвовалъ въ поставленіи русскихъ митрополитовъ, въ распредѣленіи епархій, въ судѣ надъ іерархами русской церкви и т. д. Вмѣшиваясь, такимъ образомъ, въ духовныя дѣла русской церкви, императоры претендовали на нѣкотораго рода верховность и въ дѣлахъ свѣтскихъ. Русскіе князья считались какъ бы вассалами императора; еще въ XIV вѣкѣ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, русскій великій князь носилъ вассальное званіе «стольника» византійскаго императора. Въ концѣ того же вѣка, начинавшій сознавать свою власть великій князь московскій попробовалъ, было, протестовать противъ этого, заявивъ, что «мы имѣемъ церковь, а царя не имѣемъ и имѣть не хотимъ«; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ запретилъ поминать императора въ святцахъ. Но ему пришлось за это выслушать строгій выговоръ отъ патріарха константинопольскаго. «Невозможно христіанамъ,—писалъ патріархъ въ 1393 году Василію I,—имѣть церковь, но не имѣть царя; ибо царство и церковь находятся въ тѣсномъ союзѣ и общеніи между собою, и невозможно отдѣлить ихъ другъ отъ друга... Святой царь занимаетъ высокое мѣсто въ церкви; онъ (т. е. византійскій императоръ) не то, что иные помѣстные князья и государи. Цари съ самаго начала упрочили и утвердили благочестіе во всей вселенной; цари собирали вселенскіе соборы, они же своими законами повелѣли соблюдать святые догматы и правила жизни христіанской, боролись съ ересями... За все это они имѣютъ великую честь и занимаютъ высокое мѣсто въ церкви... Послушай апостола Петра, сказавшаго: «Бога бойтесь, царя чтите». Апостолъ не сказалъ: «царей», чтобы кто не сталъ подразумѣвать подъ этимъ именующихся царями у разныхъ народовъ, но «царя», указывая тѣмъ, что одинъ царь во вселенной... Всѣ другіе присвоили себѣ имя царей насиліемъ».

Урокъ византійскаго патріарха не пропалъ даромъ. Этимъ урокомъ хорошо воспользовались внукъ и правнукъ князя Василія Дмитріевича. Да, дѣйствительно, необходимо признать власть «одного царя во вселенной» надъ христіанской церковью. Но этимъ царемъ сталъ, послѣ паденія Константинополя, государь московскій,—тотъ самый государь, которому венеціанскій сенатъ совѣтовалъ жениться на наслѣдницѣ византійскихъ императоровъ, чтобы, въ случаѣ прекращенія мужской линіи, получить право на наслѣдіе византійскаго престола. Женившись по этому совѣту на Софьѣ Палеологъ, Иванъ III положилъ начало претензіямъ московскихъ князей на титулъ и власть византійскихъ императо-

ровъ. Сынъ Ивана III, Василій III, уже носилъ фактически царскій титулъ, а внукъ, Иванъ Грозный, принялъ этотъ титулъ офиціально, вмѣстѣ съ легендой, по которой знаки царскаго достоинства переданы византійскими императорами еще Владиміру Мономаху. Такимъ образомъ, въ одно и то же время русская церковь заявила свои права на независимость отъ константинопольскаго патріарха, и русскій царь замѣнилъ, по отношенію къ ней, мѣсто византійскаго императора, сдѣлавшись ея представителемъ и главою.

Недостаточно было, однако же, воли царя и болѣе или менѣе отвлеченной теоріи, на которую она опиралась, чтобы провести въ жизнь новое понятіе національной русской церкви. Для этого нужно было живое содѣйствіе самой церкви, и такое содѣйствіе оказали московскому правительству три знаменитыхъ іерарха русской церкви XVI столѣтія, всѣ трое проникнутые однимъ національно-религіознымъ духомъ. Мы говоримъ объ игуменѣ Волоколамскаго монастыря, Іосифѣ Санинѣ, и о двухъ митрополитахъ, Даніилѣ и Макаріи. Представители трехъ поколѣній, смѣнившихъ другъ друга на промежуткѣ отъ конца XV столѣтія до средины XVI, эти три общественные дѣятеля поочередно передавали другъ другу защиту идеи, возникшей въ началѣ этого промежутка и осуществленной въ концѣ его,—идеи національной и государственной церкви.

Іосифъ, Даніилъ и Макарій—типичные представители русской образованности и русскаго благочестія XVI вѣка. Сохраненіе старины и усердная преданность формѣ, буквѣ, обряду—таковы характерныя черты ихъ направленія. Нѣтъ большаго врага для этого направленія, какъ критическое отношеніе къ установившейся традиціи. «Всѣмъ страстямъ мати—*мнѣніе*; мнѣніе—второе паденіе»,—такъ формулировалъ этотъ основной взглядъ Іосифа одинъ изъ его учениковъ. Этимъ страхомъ передъ «проклятымъ» мнѣніемъ, боязнью сказать что-нибудь отъ себя, проникнута вся литературная дѣятельность Іосифа, Даніила и Макарія, бывшихъ самыми видными писателями XVI вѣка. Все, что писатель говоритъ, онъ долженъ говорить «отъ книгъ». Такимъ образомъ, литературное произведеніе превращается въ сборникъ выписокъ изъ «Божественнаго писанія». Въ произведеніяхъ Іосифа эти выписки еще нанизываются на одну общую мысль и не безъ нѣкотораго діалектическаго искусства связываются промежуточными разсужденіями. Въ поученіяхъ и посланіяхъ Даніила собственныя разсужденія сводятся уже къ нѣсколькимъ вступительнымъ строкамъ, сливающимся съ простымъ оглавленіемъ, и къ заключи-

тельной морали, часто вовсе не связанной съ главной темой. Вся же, болѣе или менѣе объемистая, середина произведеній состоитъ изъ безпорядочной груды выписокъ, при которыхъ собственная работа автора часто сводится, по замѣчанію новѣйшаго изслѣдователя сочиненій Даніила,—къ работѣ простого кописта. Наконецъ, Макарій задумываетъ и выполняетъ предпріятіе вполнѣ компилятивнаго характера: своя знаменитыя Минеи, долженствовавшія, по мысли составителя, представить собою полную энциклопедію всей древнерусской письменности· «вся святыя книги, которыя обрѣтаются въ русской землѣ».

За отсутствіемъ мысли, тѣмъ больше приходится въ этихъ литературныхъ произведеніяхъ на долю памяти. Чтобы всегда имѣть наготовѣ, «на краю языка»,—какъ выражается одинъ изъ біографовъ Іосифа,—какъ можно большее количество текстовъ писанія на всякую тему, нужно было, дѣйствительно, обладать колоссальной памятью и огромной начитанностью. При полномъ отсутствіи школы и критики, эта начитанность превращалась у насъ въ начетчичество. Типичными начетчиками были и Іосифъ, и Даніилъ. Для нихъ нѣтъ различій между читаемыми ими книгами: подъ одну рубрику идетъ Евангеліе и житія святыхъ, Библія и запрещенныя церковью христіанскія легенды, поученія отцовъ церкви и законы византійскихъ императоровъ. Все это, для начетчиковъ того времени, одинаково есть «Божественное писаніе».

Совсѣмъ не въ этомъ, впрочемъ, — не въ наукѣ, ни въ знаніи—видятъ наши іерархи XVI вѣка центръ тяжести христіанства. «Писаніе» нужно только для того, чтобы по нему устраивать жизнь. Къ устройству жизни, къ цѣлямъ прикладнымъ, практическимъ направлены всѣ ихъ помыслы и заботы. Плохіе литераторы, они являются искусными практиками и великими знатоками житейской премудрости.

Для этихъ практическихъ цѣлей основатель всего направленія, Іосифъ, создаетъ свой знаменитый Волоколамскій монастырь, сдѣлавшійся разсадникомъ русскихъ архіереевъ на цѣлое столѣтіе. Въ Волоколамскомъ монастырѣ проходилась строгая школа внѣшней дисциплины и внѣшняго благочестія. Монахи, обязанные не имѣть ничего своего, находились подъ самымъ мелочнымъ контролемъ устава, игумена и другъ друга. Монастырская дисциплина смиряла энергію характера, сглаживала личныя особенности, пріучала къ гибкости и податливости и вырабатывала людей, готовыхъ поддерживать и распространять идеи основателя монастыря. Куда бы ни забросила ихъ судьба, питомцы Волоколамскаго монастыря не прерывали связи съ своей alma

mater, поддерживали другъ друга и выводили людей своего направленія на всѣ видные посты духовной іерархіи. Такимъ образомъ, направленіе сохраняло свою силу изъ поколѣнія въ поколѣніе. Преемникъ Іосифа по игуменству, Даніилъ, достигъ митрополичьей каѳедры и выдвинулъ своего единомышленника, Макарія, сдѣлавшагося потомъ его замѣстителемъ. Больше полувѣка по смерти Іосифа терминъ «іосифлянинъ» сохранялъ очень опредѣленный смыслъ, вызывавшій почтеніе друзей и ненависть противниковъ.

Тѣсный союзъ церкви съ государствомъ—такова была главная цѣль, поставленная Іосифомъ и его послѣдователями. Поддерживать государственную власть и за это самимъ пользоваться ея поддержкой—такова была задача «осифлянъ». Іосифъ готовъ былъ считать торжество московскихъ государственныхъ порядковъ—торжествомъ самой церкви, и содѣйствовалъ ему всѣми возможными средствами. Ту же осифлянскую политику проводилъ и митрополитъ Даніилъ, какъ видно изъ его роли при арестѣ въ Москвѣ одного изъ послѣднихъ удѣльныхъ князей и при рѣшеніи вопроса о разводѣ Василія III съ бездѣтной Соломоніей Сабуровой. Покрывая своимъ авторитетомъ нарушеніе клятвы въ первомъ случаѣ и нарушеніе церковныхъ правилъ во второмъ, Даніилъ, очевидно, практиковалъ то «богопремудростное и богонаученное коварство», которое завѣщалъ своимъ послѣдователямъ Іосифъ, какъ правило высшей житейской мудрости.

Въ свою очередь, и церковь ожидала за это отъ правительственной власти равныхъ услугъ. Ничего не имѣя противъ вмѣшательства князя въ дѣла церкви, открывая даже этому вмѣшательству широкій просторъ, Іосифъ выхлопоталъ себѣ взамѣнъ покровительство власти въ самомъ насущномъ для него и для всей церкви его времени вопросѣ: въ вопросѣ о монастырскихъ имуществахъ. На монастырь Іосифъ смотрѣлъ, какъ на своего рода государственное учрежденіе, имѣющее цѣлью — подготовлять іерарховъ для государственной церкви. Сообразно этому взгляду, въ свой монастырь онъ принималъ съ разборомъ и не всякаго. Онъ предпочиталъ постригать у себя людей богатыхъ и знатныхъ, имѣвшихъ возможность давать за себя въ монастырь значительные вклады деньгами и имѣніями. Монастырь долженъ быть богатъ, чтобы въ него шли выдающіеся люди; и необходимо привлекать въ монастырь выдающихся людей, чтобы имѣть достойныхъ замѣстителей на высшихъ ступеняхъ церковнаго управленія. Таковы были практическія соображенія Іосифа. Между тѣмъ, былъ моментъ, когда монастырскимъ имѣніямъ угрожала большая

опасность: опасность быть отобранными въ казну. Въ этотъ-то моментъ и оказали свое дѣйствіе тѣ уступки, которыя готова была сдѣлать правительству партія Іосифа въ вопросѣ о независимости церкви. Правительство пошло на компромиссъ, и конфискація монастырскихъ имуществъ была, если не предотвращена совсѣмъ, то, по крайней мѣрѣ, отсрочена на нѣсколько столѣтій. Съ своей стороны, осифляне употребили всѣ усилія, чтобы сдѣлать русскую церковь государственной и національной. Іосифъ теоретически поставилъ русскаго князя на то мѣсто, которое занималъ въ восточной церкви императоръ византійскій. Даніилъ практически подчинилъ церковь и ея представителей волѣ свѣтской власти. Наконецъ, Макарій примѣнилъ теорію и практику свѣтскаго вмѣшательства къ пересмотру духовнаго содержанія національной церкви и въ этомъ смыслѣ закончилъ дѣло, начатое волоколамскимъ игуменомъ. Вѣнцомъ осифлянской политики были духовные соборы первыхъ годовъ самостоятельнаго правленія Грознаго. Къ этому моменту національнаго самоопредѣленія и возвеличенія русской церкви мы и должны теперь обратиться.

Иностранцы сохранили намъ любопытное извѣстіе, что наши благочестивые предки XVI—XVII вв. любили въ церкви молиться каждый передъ своей собственной иконой. Въ случаѣ, если кто-либо изъ паствы отлучался на время отъ церковнаго общенія, выносилась на это время изъ церкви и принадлежавшая ему икона. Тотъ же обычай съ лицъ распространился и на цѣлыя области. Жители каждой мѣстности любили имѣть у себя свою особенную, спеціально имъ принадлежащую святыню: свои иконы и своихъ мѣстныхъ угодниковъ, подъ особымъ покровительствомъ которыхъ находился тотъ или другой край. Когда въ Ростовѣ открыты были мощи св. Леонтія, перваго святаго въ этой области, Андрей Боголюбскій не могъ скрыть своего удовольствія и радости. «Теперь», говорилъ онъ, «я уже ничѣмъ не охужденъ» передъ прочими землями. Естественно, что такіе мѣстные угодники и чтились лишь въ предѣлахъ своего края, а другія области ихъ игнорировали или даже относились къ нимъ враждебно.

Со времени объединенія Руси этотъ партикуляристическій взглядъ на мѣстныя святыни долженъ былъ измѣниться. Собирая удѣлы, московскіе князья безъ церемоніи перевозили важнѣйшія изъ этихъ святынь въ новую столицу. Такимъ образомъ появилась въ московскомъ Успенскомъ соборѣ икона Спаса—изъ Новгорода, икона Благовѣщенія—изъ Устюга, икона Божіей Матери Одигитріи — изъ Смоленска, икона Псково-Печерская—изъ Пскова. Сдѣлавшись главой національной церкви, московскій го-

сударь уже систематически началъ собирать національную святыню. Самая цѣль этого собиранія была уже теперь другая. Вопросъ былъ не въ томъ, чтобы лишить покровительства мѣстныхъ святынь покоренныя области и привлечь къ себѣ это богатство; очередной задачей національзовавшейся церкви становилось, такимъ образомъ,—привести это богатство во всеобщую извѣстность и присовокупить его къ сокровищницѣ національнаго благочестія. Надо было, какъ выражается составитель одного изъ житій, доказать, что русская церковь, хотя и явилась въ одиннадцатый часъ, но сдѣлала не меньше тѣхъ дѣлателей въ вертоградѣ Господнемъ, которые работали съ перваго часа; что сѣмена пали здѣсь не въ терніи и не на камень, а на доброй, тучной землѣ принесли жатву сторицею.

Таковы были побужденія, заставившія митроп. Макарія заняться составленіемъ обширнаго сборника всѣхъ существовавшихъ до его времени житій русскихъ угодниковъ. Но это составленіе Четіихъ-Миней было только прологомъ къ болѣе значительному предпріятію, «подобнаго которому», по выраженію одного новѣйшаго изслѣдователя русской игіографіи, «мы не находимъ ни ранѣе, ни послѣ, и не только въ русской церкви, но и въ церквахъ востока и запада». Дѣло шло о приведеніи въ извѣстность всѣхъ мѣстно-чествовавшихся русскихъ угодниковъ и о признаніи ихъ всероссійскими святыми.

Въ первый же годъ самостоятельнаго правленія Грознаго 1547) созванъ былъ для этой цѣли въ Москвѣ духовный соборъ, канонизовавшій всѣхъ тѣхъ мѣстныхъ угодниковъ, о которыхъ Макарій успѣлъ собрать необходимыя свѣдѣнія. Таковыхъ оказалось 22. Не ограничиваясь этимъ, Макарій разослалъ ко всѣмъ архіереямъ приглашеніе—произвести дальнѣйшіе опросы мѣстнаго духовенства и богобоязненныхъ людей, гдѣ какіе чудотворцы прославились знаменіями и чудесами. Результаты этихъ разспросовъ и справокъ были записаны и—въ видѣ вновь составленныхъ житій «новыхъ чудотворцевъ»—были представлены на второй духовный соборъ, съѣхавшійся годъ спустя послѣ перваго (1549). Къ лику святыхъ было на немъ причтено еще 17 угодниковъ. Такимъ образомъ, «въ два - три года», по справедливому замѣчанію только что упоминавшагося изслѣдователя (В. Васильева), «у насъ въ русской церкви канонизуется столько святыхъ, сколько не было канонизовано во всѣ предыдущіе пять вѣковъ, протекшихъ со времени основанія нашей церкви до этихъ соборовъ».

Національная гордость была теперь вполнѣ удовлетворена. Одинъ изъ «списателей» новыхъ житій могъ съ полнымъ правомъ

сказать, что со времени московскихъ соборовъ о новыхъ чудотворцахъ «церкви Божіи въ русской землѣ не вдовствуютъ памятями святыхъ» и Русь, дѣйствительно, сіяетъ благочестіемъ, «яко же второй Римъ и царствующій градъ (т. е. Константинополь)». Слова эти показываютъ, какое близкое отношеніе имѣла канонизація святыхъ къ обоснованію уже извѣстной намъ національной теоріи о «Москвѣ—третьемъ Римѣ». «Тамо бо», заключаетъ нашъ списатель, соединяя старый аргументъ съ новымъ, «вѣра православная испроказилась махметовой ересью отъ безбожныхъ турокъ,—здѣсь же, въ русской землѣ, паче просіяла святыхъ отецъ *нашихъ* ученіемъ». Заимствовавъ матеріалъ для первой половины этой антитезы изъ паденія Константинополя, а для второй—изъ рѣшеній московскихъ соборовъ о чудотворящихъ, авторъ приведенной цитаты, какъ будто нарочно связалъ въ одно цѣлое начало и конецъ разобраннаго нами процесса. Совѣсть московскихъ книжниковъ, встревоженная выпавшей на ихъ долю всеміpно-исторической задачей, могла теперь быть спокойна. Послѣ московскихъ соборовъ задача эта перестала казаться непосильной; померкшее въ Царьградѣ «солнце православія» съ новой силой «просіяло» въ новой русской столицѣ и за судьбу истинной вѣры не было основаній страшиться. Дѣло осифлянъ было во всѣхъ своихъ существенныхъ чертахъ сдѣлано. Стоглавый соборъ, закончившій рядъ духовныхъ съѣздовъ для пересмотра и возвеличенія духовнаго содержанія національной церкви, былъ ихъ послѣдней и окончательной побѣдой.

Нельзя сказать, чтобы побѣда эта была достигнута безъ всякаго сопротивленія. Напротивъ, въ Заволжьѣ, по близости отъ Кириллова-Бѣлозерскаго монастыря, создался сильный центръ оппозиціи противъ направленія волоколамскихъ иноковъ. Противъ трехъ главныхъ представителей осифлянства эта партія выставила трехъ достойныхъ противниковъ.

Преподобный Нилъ, почти ровесникъ Іосифа Волоколамскаго, устроилъ въ Заволжьѣ свою Сорскую пустынь, изъ которой и вышли его ученики, продолжавшіе его дѣло: Вассіанъ Косой, противникъ Даніила, и Артемій, съ которымъ пришлось бороться Макарію. Голосъ заволжскихъ старцевъ и ихъ послѣдователей неумолчно раздавался противъ осифлянъ всю первую половину вѣка, пока оставалась еще какая-нибудь надежда преодолѣть господствующее теченіе. Голосъ этотъ смолкъ—или, точнѣе говоря, былъ подавленъ—только послѣ окончательнаго торжества національно-религіозной партіи, въ срединѣ XVI вѣка.

Воззрѣнія Нила Сорскаго и его послѣдователей были во всемъ

противоположны взглядамъ волоколамскаго игумена. Въ Заволжьѣ утверждали, въ противоположность начетничеству осифлянъ, что не всякій клочекъ писанной бумаги есть священное писаніе,—что «писанія многа, но не вся божественна суть»: «кая заповѣдь Божія, кое отеческое преданіе, а кое—человѣческій обычай». Писаніе, по ихъ взгляду, надо «испытывать», относиться къ нему критически, и только Евангеліе и Апостолъ слѣдуетъ принимать безусловно. Въ противоположность сліянію церкви и государства, заволжскіе старцы требовали строгаго раздѣленія ихъ и взаимной независимости. Нечего князю совѣтоваться съ иноками, съ «мертвецами», умершими для міра; но, въ свою очередь, и церковь не должна подчиняться міру, пастыри не должны «страшиться власти» и обязаны спокойно стоять за правду, такъ какъ «больше есть священство царства», и свѣтскій государь—не судья въ дѣлахъ духовныхъ. Дѣло духовное есть дѣло личной совѣсти каждаго, и потому нельзя за религіозныя мнѣнія наказывать свѣтской властью. Въ противоположность друзьямъ Іосифа, взывавшимъ къ святой инквизиціи и настаивавшимъ на казни еретиковъ, Нилъ утверждалъ, что судить правыхъ и виноватыхъ и ссылать въ заключеніе—не дѣло церкви. Ей подобаетъ дѣйствовать лишь убѣжденіемъ и молитвой. Тѣмъ же духомъ внутренняго христіанства проникнуто и нравственное ученіе заволжскихъ старцевъ. Не церковное благолѣпіе, не драгоцѣнныя ризы и иконы, не стройное церковное пѣніе составляютъ сущность благочестія, а внутреннее устроеніе души, духовное дѣланіе. Не жить на чужой счетъ должны Христовы подвижники, а питаться трудами рукъ своихъ. Монастыри, поэтому, не должны обладать имуществами, а монахи должны быть «нестяжателями»; имущество же, по евангельской заповѣди, слѣдуетъ раздавать нищимъ. Наконецъ, въ «новыхъ чудотворцевъ» заволжскіе старцы не вѣрили.

Для Россіи XVI вѣка всѣ эти воззрѣнія, даже въ самой умѣренной ихъ формулировкѣ, явились слишкомъ преждевременно. Ни идея критики, ни идея терпимости, ни идея внутренняго, свободнаго христіанства не были по плечу тогдашнему русскому обществу; для огромнаго большинства эти идеи просто даже были непонятны. Уже одно это обстоятельство обрекало дѣло «нестяжателей» на неудачу. А, между тѣмъ, они еще болѣе ослабили свою позицію тѣмъ, что скомпрометировали себя сношеніями съ явными еретиками-раціоналистами и находились въ тѣсной связи съ политическими противниками власти. Эти связи и рѣшили окончательно ихъ участь. Самъ Нилъ Сорскій не дожилъ до развязки борьбы и могъ умереть спокойно. Но Вассіанъ, несмотря на свое

знатное происхожденіе изъ рода князей Патрикѣевыхъ, несмотря даже на родственную связь съ великокняжескимъ домомъ, въ концѣ концовъ былъ осужденъ, какъ еретикъ, духовнымъ соборомъ подъ предсѣдательствомъ Даніила. Осужденный, онъ отданъ былъ въ руки злѣйшихъ своихъ враговъ, «осифлянъ»,—въ ихъ монастырь, на заточеніе. Наконецъ, Артемій вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими осужденъ былъ, какъ еретикъ, вскорѣ послѣ Стоглаваго собора и сосланъ въ Соловки. Впрочемъ, ему удалось бѣжать оттуда въ Литву, гдѣ его лучше оцѣнили и гдѣ онъ долго и успѣшно защищалъ православіе отъ протестантизма и католичества.

Соборы противъ еретиковъ (1553—1554) закончили дѣло, начатое Стоглавымъ соборомъ и соборами о новыхъ чудотворцахъ. Эти послѣдніе соборы опредѣлили, во что должна вѣрить русская національная церковь; соборы противъ еретиковъ рѣшили, во что она *не* должна вѣрить. И положительно, и отрицательно—содержаніе національной русской церкви было теперь окончательно опредѣлено и оффиціально санкціонировано.

«Религіозный бытъ русскихъ по свѣдѣніяхъ иностранныхъ писателей XVI и XVII вѣковъ» см. въ сочиненіи *А. П. Рущинскаго* подъ этимъ заглавіемъ, въ Чтеніяхъ Общества исторіи и древностей россійскихъ» 1871, III. Объ измѣненіи отношеній къ грекамъ и національизаціи русской церкви, см. *Н. Ѳ. Каптерева*, Характеръ отношеній Россіи къ православному Востоку, Москва, 1885. Разборъ легенды объ апостолѣ Андреѣ см. въ Исторіи русской церкви *Е. Голубинскаго*. Грамота патріарха Антонія в. к. Василію I (1393) напечатана въ Памятникахъ древне-русскаго каноническаго права, I. (Русская истор. библіотека, т. VI), Спб. 1880. Посланія Геронтія, Іоны и в. князя въ Актахъ историческихъ, I. О дѣятельности Іосифа см. *И. Хрущова*, Изслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Санина, Спб. 1868. Исторія вопроса о монастырскихъ имуществахъ въ связи съ партійной борьбой изложена въ «Историческомъ очеркѣ секуляризаціи церковныхъ земель» *А. С. Павлова*. Литературная и общественная дѣятельность митр. Даніила, роль волоколамскаго монастыря и взгляды «осифлянъ» и ихъ противниковъ охарактеризованы въ обширномъ сочиненіи *В. Жмакина*, Митр. Даніилъ и его сочиненія, въ «Чтеніяхъ О. И. и др.» 1881, I—II. О собираніи русской святыни см. Исторію канонизація русскихъ святыхъ *В. Васильева* («Чтенія», 1893, III). О Нилѣ см. *А. С. Архангельскаго*, Препод. Нилъ Сорскій, въ Памятникахъ древней письменности, XXV, Спб. 1881. Данныя объ Артеміи см. въ сочиненіи свящ. *С. Садковскаго*: Артемій игуменъ троицкій («Чтенія», 1891, IV).

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПО НОВОМУ ПУТИ.

Р о м а н ъ.

*(Продолженіе *).*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

IX.

„Милый Андрей, я даже не прошу у тебя прощенія за свое молчаніе, а еще больше за свои глупыя письма къ тебѣ, которыя, говоря откровенно, хуже даже молчанія, потому что не выражаютъ и тысячной доли того, о чемъ хотѣлось бы написать. Послѣднее меня просто мучитъ... Нужно такъ много написать, высказать, просто выговориться, какъ любитъ выражаться милая Параскевея Пятница. Я начинала писать десять писемъ и рвала ихъ, потому что все выходило какъ-то ужасно глупо. Наконецъ, я нашла объясненіе, Андрей: да, я слишкомъ счастлива, а всѣ счастливые люди невольно дѣлаются эгоистами. Въ самомъ дѣлѣ, что такое счастье? Это простая случайность. И вотъ тебѣ примѣръ. Я поступила въ академію безъ экзамена, потому что эта льгота была сдѣлана для кончившихъ гимназію съ золотой медалью и, какъ говорятъ, на другой годъ эта льгота уже не повторится. Вотъ тебѣ и счастье... Въ одномъ кружкѣ я встрѣчаю двухъ дѣвушекъ, которыя пріѣхали изъ Восточной Сибири и провалились на пріемномъ экзаменѣ. Вѣдь это обидно до слезъ, ѣхать такую даль, чтобы провалиться. Такъ и во всемъ, Андрей. Однимъ счастье, а другимъ неудачи, и этихъ другихъ милліоны. Мнѣ просто совѣстно дѣлается за свое соб-

*) См. «Міръ Божій», № 2, февраль, 1896 г.

ственное счастье. Именно такое чувство я испытывала недавно, когда попала на балъ, ежегодно устраиваемый въ пользу недостаточныхъ студентовъ-медиковъ. Кстати, эти господа студенты называютъ насъ „бабами". „У бабъ читаютъ гистологію", „бабъ экзаменуютъ по анатоміи", „бабы занимаются химіей!.." Конечно, это пустяки, глупое слово, но меня сначала немножко коробило. Я до сихъ поръ не считала себя бабой, и настоящая баба мнѣ представлялась почти низшимъ существомъ. Ты, конечно, догадываешься, что бабами насъ повеличиваетъ ненавистный тебѣ Крюковъ. На этотъ разъ ты правъ. Я съ нимъ даже поссорилась изъ-за этого слова. Да, тонъ былъ бабъ... Представь себѣ двѣ тысячи студентовъ и курсистокъ — это въ своемъ родѣ единственное зрѣлище. Точно какая-то морская волна движется изъ одной залы въ другую, и все молодыя, такія хорошія лица. Кого-кого тутъ не было... Буквально со всѣхъ концовъ Россіи и подавляющее большинство провинціалы, которыхъ сразу можно отличить: кавказцы, сибиряки, хохлы, поляки, русскіе, нѣмцы, и такъ безъ конца. Вѣдь это трогательно, когда представишь себѣ, это тяготѣніе къ знанію, къ труду, къ будущей дѣятельности на пользу своей далекой родины, которое привело сюда эти тысячи молодежи. Когда и насъ не будетъ, явятся новыя поколѣнія на нашу смѣну и такъ безъ конца, точно движется несмѣтное войско. Когда я слушала студенческій хоръ и думала объ этомъ, меня душили слезы — ты знаешь, я немного плакса. Право, эти мысли страшно волнуютъ и поднимаютъ куда-то вверхъ. Да, я на этомъ пиру только гостья, и мое мѣсто сейчасъ же будетъ занято другой дѣвушкой, которая, въ свою очередь, тоже будетъ гостьей. Я ужасно люблю свою академію, люблю, какъ любятъ отца или мать, и я испытываю это любовное настроеніе каждое утро, когда иду на лекціи. Да, это мой домъ, моя вторая духовная родина, моя alma mater... Кто знаетъ, что будетъ впереди, но это чувство останется навсегда и мнѣ жаль тѣхъ, которые его не испытали никогда. Безъ него жизнь не полна".

„Вотъ видишь, какъ я сбиваюсь все на отвлеченныя тэмы и общія разсужденія, а тебя интересуетъ настоящее, то новое, что окружаетъ меня. Но этого новаго такъ много, что

нужно написать цѣлую книгу, чтобы изобразить всего одинъ день. Моихъ новыхъ знакомыхъ ты отчасти знаешь... Кстати, мнѣ совсѣмъ не нравится то раздраженіе, съ которымъ ты пишешь о Крюковѣ и „бабьихъ пророкахъ". Говоря откровенно, я просто тебя не узнаю. А еще сколько мы съ тобой недавно говорили о терпимости, объ уваженіи къ чужимъ убѣжденіямъ, о широкомъ взглядѣ на жизнь и людей. И вдругъ въ твоихъ письмахъ какое-то злопыхательство, какъ говоритъ Щедринъ. Прежде всего, и студенты, и курсистки люди, а всѣ люди имѣютъ свои достоинства и свои недостатки. Молодые люди имѣютъ, можетъ быть, меньше недостатковъ, но это не мѣшаетъ имъ пріобрѣсти ихъ впослѣдствіи. Зачѣмъ же сейчасъ отравлять себѣ настоящее этими мрачными мыслями. Пока хорошо, и будемъ этимъ довольны. Но это такъ, между прочимъ. Я не могу сердиться на тебя и думаю, что въ тебѣ говоритъ зависть... Прости меня, но это такъ. Не достаетъ только личнаго свиданія, чтобы вышла настоящая семейная сцена, какія устраиваетъ ежедневно моя милая тетушка доброму дядюшкѣ. Право, хорошо, что мы еще не мужъ и жена и обходимся безъ тѣхъ правъ другъ на друга, которыя проявляются часто совсѣмъ некрасиво. Я повторяю это слово: „некрасиво", потому что есть великая душевная красота, гораздо большая, чѣмъ красота физическая. Изъ всѣхъ предметовъ, которые намъ сейчасъ читаютъ, меня больше всего поражаетъ анатомія и, представь себѣ, поражаетъ именно своей красотой... Говоря откровенно, я относилась раньше къ этой наукѣ нѣсколько брезгливо: кости, мясо, внутренности — однимъ словомъ, разная гадость. Мнѣ это и купецъ на желѣзной дорогѣ говорилъ, когда поѣздъ подходилъ къ самому Петербургу. Обстановка анатомическаго музея и особенно препаровочная тоже говорятъ не въ пользу красоты, но это только чисто внѣшнее впечатлѣніе. Анатомія открываетъ такой неизмѣримый міръ красоты, что невольно становишься втупикъ. Понимаешь, каждый человѣкъ — это, дѣйствительно, вѣнецъ творенія, послѣднее слово возможной на землѣ красоты. Нѣтъ такой ничтожной мелочи, которая не представлялась бы верхомъ совершенства. Каждая косточка, каждый мускулъ, каждый хрящикъ, сухожиліе, сосудъ, связка—все устроено идеально хорошо. Мнѣ кажется, что при-

рода, создавшая человѣческое тѣло, именно женщина, потому что только заботливая и любящая женская рука могла такъ заботливо и любовно распредѣлить весь матеріалъ. Ты не можешь себѣ представить, какое чудо представляетъ собой каждая кость—всѣ чудеса нашей техники, которыми мы такъ гордимся, дѣтская игрушка передъ внутренней структурой такой кости, въ которой разрѣшется вопросъ—съ наименьшей затратой матеріала получить наибольшую устойчивость. А какъ *мило* привязаны эти кости между собой, какъ чудно прикрѣплены къ нимъ мускулы, какъ устроена система питанія и какъ все въ общемъ гармонично, просто и красиво безъ конца, какъ всякое идеальное произведеніе. У меня нѣтъ такихъ словъ, чтобы вполнѣ выразить то, что я чувствую. Мнѣ кажется,—нужно музыку, чтобы договорить то, на что не хватаетъ словъ, или, по меньшей мѣрѣ, стихи. Ты не смѣйся—это не увлеченіе неофитки, а святая истина. Я подхожу прямо къ вопросу о томъ, что, будто бы, естествознаніе убиваетъ женщину, чувство красоты—нѣтъ, не правда и тысячу разъ неправда. А ботаника? Милый Андрей, если бы мы могли заниматься вмѣстѣ этой чудной наукой... Я часто думаю объ этомъ, и мнѣ дѣлается обидно, что моихъ восторговъ некому раздѣлить, а я привыкла думать вмѣстѣ съ тобой, больше—ты для меня являешься мѣрой всѣхъ вещей, и я мысленно каждый разъ прикидываю тобой, какъ купецъ аршиномъ. Вѣдь безъ тебя для меня ничего не существуетъ. Впрочемъ, довольно. О себѣ опять ничего не сказала. Ну, до другого раза. Твоя Маруся".

Это посланіе было написано поздно ночью и, благодаря этому обстоятельству, Честюнина проспала дольше обыкновеннаго. Утромъ она едва успѣла напиться чаю и улетѣла на лекцію, забывъ о письмѣ. Парасковея Пятница сама убирала по утрамъ комнаты жильцовъ. Возьметъ щетку, крыло, тряпку, закуритъ папиросу и начинаетъ водворять порядокъ. Такъ было и сейчасъ. Вытирая пыль на столѣ у Честюниной, Парасковея Пятница невольно прочла первыя два слова письма: „Милый Андрей..."

— Ага, вотъ оно въ чемъ дѣло...—подумала она вслухъ, улыбаясь и дымя папиросой.—Такъ... А еще какой тихоней прикидывается. То-то каждый вторникъ письма получаются

отъ какого-то брата... Вотъ тебѣ и братъ. Ахъ, молодость, молодость...

Парасковея Пятница умиленно вздохнула, закрыла глаза и присѣла на стулъ. Должно быть, всѣ дѣвушки на свѣтѣ одинаковы. Сколько писемъ она написала Ивану Михайлычу... И всѣ письма начинались вотъ такъ же: „Милый Иванъ".

Въ слѣдующій моментъ у Парасковеи Пятницы явилось неудержимое женское любопытство прочесть, что она пишетъ ему. Господи, какъ интересно... Цѣлыхъ восемь страницъ исписано, и навѣрно всю душу излила. Ахъ, какъ интересно!.. Вѣдь этотъ первый лепетъ любви все равно, что ароматъ распускающагося перваго весенняго цвѣтка... Конечно, читать чужія письма подлость, тѣмъ болѣе любовныя письма, а съ другой—ничего съ другой стороны нѣтъ, кромѣ той же подлости. Парасковея Пятница взяла исписанные листы почтовой бумаги, взвѣсила ихъ на рукѣ, улыбнулась и положила обратно на столъ, счастливая этимъ актомъ самопожертвованія. Но у ней вдругъ явилась новая мысль. Она вспомнила, что Иванъ Михайлычъ читалъ ея письма всѣмъ товарищамъ, и когда она узнала объ этомъ и, конечно, страшно разсердилась, отвѣтилъ ей словами великаго сердцевѣдца Шекспира:

— Если ты не помнишь и малѣйшей глупости, до которой когда-либо доводила тебя любовь твоя—не любилъ ты... Если ты не говорилъ, утомляя слушателя восхваленіями своей возлюбленной—не любилъ ты...

Развѣ это не правда? О, Иванъ Михайлычъ умѣлъ любить и не скрывалъ этого изъ принципа позитивизма, формула котораго у него была написана на стѣнѣ надъ письменнымъ столомъ. Парасковея Пятница присѣла къ столу и въ концѣ письма сдѣлала post scriptum: „Во имя человѣчества—любовь нашъ принципъ, порядокъ—основаніе, а прогресъ—цѣль нашей дѣятельности. Жить для другихъ. Парасковея Пятница".

Оправдавъ себя впередъ этими неопровержимыми истинами, Парасковея Пятница присѣла къ столу, заложила нога на ногу, закурила новую папиросу и принялась за письмо. По мѣрѣ чтенія, лицо у нея все больше и больше распус-

калось въ самую блаженную улыбку. Господи, какъ это мило... Тотъ тамъ горячку поретъ, а она ему анатомію преподноситъ. Вотъ это называется любовное письмо... Потомъ Парасковея Пятница принялась хохотать до слезъ и даже пала на кровать. Что же это такое?

— Тотъ-то, тотъ-то, милый-то Андрей какую физіономію сдѣлаетъ, когда получитъ эту анатомію? О, ха-ха-ха... Вѣдь это называется у добрыхъ людей: крышка. Ну, и дѣвица...

Она перечитала письмо разъ пять, выкурила цѣлый десятокъ папиросъ и продолжала хохотать, какъ сумасшедшая.

— Ахъ, милая! Какая она милая, эта дѣвица Маруся...— шептала она, цѣлуя письмо.

Именно въ этотъ моментъ въ комнату вошла Честюнина. Одна лекція оказалась пустой, и она вернулась домой за забытымъ письмомъ. Увидавъ его въ рукахъ Парасковеи Пятницы, дѣвушка покраснѣла и проговорила рѣшительно:

— Парасковея Игнатьевна, я не думала, что вы способны на что-нибудь подобное... и я считаю излишнимъ объяснять вамъ, какъ *это* называется. Да...

— Милая, да вы не сердитесь, а прочитайте, что я добавила къ вашему письму отъ себя...

— Послушайте, это... это уже верхъ... да, верхъ нах...

Парасковея Пятница не дала выговорить рокового слова и поцѣлуемъ закрыла сердитый ротъ. Честюнина прочла приписку и хотѣла разорвать письмо, но Парасковея Пятница не позволила.

— Милочка, ради Бога, не дѣлайте этого... Вѣдь другого такого чуднаго письма не напишете ни за какія деньги. Вы лучше разсердитесь на меня, презирайте... Какая вы милая, чудная дѣвушка!.. И отчего вы раньше мнѣ ничего не сказали о своемъ романѣ? Какъ вамъ не стыдно? А вотъ я ужъ люблю этого милаго Андрея... Право, люблю! Онъ тоже хорошій, милый, чудный... Боже, какъ я люблю васъ обоихъ, если бы вы знали, моя хорошая. А онъ сердится? Съ мужчинами это бываетъ, крошка, потому что они все-таки эгоисты и даже Иванъ Михайлычъ иногда бывалъ эгоистомъ. Самъ потомъ признавался мнѣ... да... А тутъ у меня до васъ жила одна курсистка и у ней тоже былъ романъ. Она сначала

все скрывалась, вотъ какъ вы, ну, а потомъ, конечно, все и раскрылось. Онъ — офицеръ, кончилъ свою академію и ужасно пылкій южанинъ... Они постоянно ссорились, и мнѣ приходилось постоянно ихъ мирить. Ахъ, сколько мнѣ хлопотъ и непріятностей было съ ними, а потомъ... Представьте себѣ, что вышло-то: она не кончила курса и вышла замужъ, только не за офицера, а за какого-то несчастнаго филолога. Боже мой, что только было! Офицеръ хотѣлъ меня шашкой изрубить...

Развѣ можно было сердиться на Парасковею Пятницу? Честюнина вложила письмо въ конвертъ и наклеила марку.

— Я его сама сейчасъ же снесу,—предлагала Парасковея Пятница, отнимая конвертъ.—Вы еще потеряете...

X.

То было раннею весной... Парасковея Пятница ужасно волновалась. Положимъ, она всю жизнь волновалась, но сейчасъ волновалась спеціально. Когда раздавался звонокъ въ передней и въ корридорѣ слышались шмыгающіе тяжелые шаги, точно кто тащилъ собственныя ноги, она даже отплевывалась съ благочестивымъ негодованіемъ.

— Литва проклятая!—ругалась Парасковея Пятница.— Тоже найдутъ кушанье... Развѣ это мужчина? Развѣ такіе мужчины бываютъ? Если бы мнѣ было двадцать лѣтъ, да я и не взглянула бы на такого мозгляка... Тьфу! Собственно и человѣка нѣтъ, а одни волосы.

Предметомъ этого негодованія являлся Жиличко, который въ теченіе этой зимы имѣлъ какой-то странный и необъяснимый успѣхъ среди курсистокъ. Онъ былъ медикомъ послѣдняго курса и зналъ только свою академію. Изрѣдка Крюковъ затаскивалъ его куда-нибудь, а то Жиличко вѣчно торчалъ у себя дома. Или читаетъ, или шагаетъ изъ угла въ уголъ, какъ маятникъ. И некрасивъ, и нерѣчистъ, и, вообще, ничего привлекательнаго, а между тѣмъ его сейчасъ брали нарасхватъ. Къ нему приходили по вечерамъ и Морозова, и Лукина и даже Борзенко, о чемъ-то спорили и ревновали другъ друга. Ну, эти бойкія дѣвицы и вездѣ бываютъ, а вотъ зачѣмъ Честюнина за нимъ же увя-

залась. Послѣднее возмущало Парасковею Пятницу до глубины души. Такая скромная и серьезная дѣвушка и вдругъ туда же. То онъ у нея въ комнатѣ чаи распиваетъ, то она у него. Сначала немного стѣснялись, а потомъ ни въ одномъ глазу. Заберется къ нему въ комнату и сидитъ. Положимъ, дурного въ этомъ ничего нѣтъ и никто не смѣетъ этого подумать, а все-таки не хорошо. Разъ Парасковея Пятница не выдержала и, подавая въ одинъ изъ вторниковъ письмо отъ Андрея, спросила довольно сурово:

— Марья Гавриловна, а какъ адресъ Андрея Ильича?

— А вамъ для чего это знать?—довольно рѣзко отвѣтила Честюнина.

— Да такъ... Дѣльце есть маленькое.

И пока Честюнина набросала карандашемъ адресъ, она спокойно замѣтила:

— Это уже мое дѣло...

— Вы противорѣчите себѣ... А позитивный принципъ?..

Парасковея Пятница демонстративно повернулась и вышла. Она отъ души жалѣла Честюнину, у которой даже характеръ измѣнился. Раньше была тише воды, ниже травы, а теперь просто не подступайся. Какъ коза, такъ и бодается... Ахъ, молодость, молодость! Видно всѣ женщины одинаковы. А дѣвушки такъ неопытны,—долго-ли ошибиться. Во всякомъ случаѣ, Парасковея Пятница сочла своимъ прямымъ долгомъ принять самыя рѣшительныя мѣры, чтобы во-время предупредить грозившую опасность. Она затворилась въ своей комнатѣ на крючекъ, сѣла къ столу, вооружилась перомъ и размашистымъ, не женскимъ почеркомъ начала: „Милостивый государь, Андрей Ильичъ. Васъ, вѣроятно, удивитъ мое письмо, какъ человѣка совершенно посторонняго, но могу сказать въ свое оправданіе одно—мной руководятъ самыя чистыя побужденія“... Чѣмъ дальше она писала, тѣмъ быстрѣе двигалось перо. Конечно, дѣло не обошлось безъ цитатъ изъ разныхъ геніальныхъ произведеній и закончилось ссылкой на примѣръ Ивана Михайловича, находившагося разъ точно въ такомъ же положеніи. „Я не скрываю этого обстоятельства“, закончила свое письмо Парасковея Пятница, „дѣло прошлое и я въ свое время тоже увлекалась, какъ всѣ дѣвушки. Но Иванъ Михайлычъ былъ рѣшитель-

ный человѣкъ, и поступилъ со мной довольно круто. Я сначала негодовала, возмущалась и только потомъ поняла, что онъ былъ совершенно правъ".

Отправить сейчасъ же это роковое письмо Парасковея Пятница не рѣшалась. Она смутно чего-то ждала, какой-то внѣшней помощи, которая и явилась въ лицѣ Кати Анохиной. Дѣвушка пріѣхала навѣстить сестру, и не застала ее дома; Честюнина ушла на практическія занятія гистологіей. Этимъ Парасковея Пятница и воспользовалась. Она пригласила гостью къ себѣ и предупредила какимъ-то зловѣщимъ голосомъ.

— У меня къ вамъ есть серьезное дѣло, сударыня. Я даже хотѣла сама ѣхать къ вамъ, только не знала адреса. Да, очень серьезное,

Предварительно, она, конечно, прочитала маленькую лекцію о соціальномъ положеніи женщины, о будущемъ женскаго вопроса, и только потомъ перешла къ сути дѣла. Послѣднее было изложено съ точностью и подробностями, какъ протоколъ слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ. Катя слушала ее съ широко-раскрытыми глазами и нѣсколько разъ прерывала восклицаніемъ:

— Ахъ, какъ это интересно!.. Маня влюблена?..

— Позвольте, сударыня,—строго оборвала ее Парасковея Пятница.—Вы выслушайте до конца... Вамъ извѣстно, что у Марьи Гавриловны есть женихъ?

— Да, что-то такое вообще .. Но, вѣдь, это неизбѣжно, какъ дѣтскія болѣзни, и пройдетъ само собой. У нихъ тамъ, въ провинціи, все это устраивается какъ-то необыкновенно легко... Вообще, я не придавала этому никакого серьезнаго значенія. Совершенно дѣтское увлеченіе.

— Не говорите, сударыня... Главное, нельзя обманывать хорошаго человѣка. И вы поговорите съ ней серьезно...

— Да, вы... Это ваша прямая обязанность, какъ сестры. И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше...

Катя повела дѣло съ присущимъ ей тактомъ. Она не дождалась Честюниной, а заѣхала къ ней въ другой разъ.

— Ѣдемъ кататься на острова, — рѣшительно заявила она. — Это буржуазно, но я такъ люблю острова именно ранней весной. Ты мнѣ можешь прочитать дорогой цѣлую

лекцію о преступной роскоши, о легкомысленномъ образѣ жизни.

Честюнина, противъ ожиданія, согласилась молча. Она надѣла свою темную шляпу, которая приводила Катю въ отчаяніе, осеннее пальто и отправилась съ такимъ видомъ, какъ будто ѣхала куда-нибудь на поминки. Оглядѣвъ ее съ ногъ до головы, Катя осталась довольна. Право, все очень мило, по крайней мѣрѣ — оригинально. Молодое дѣвичье лицо въ этомъ монашескомъ костюмѣ положительно выигрывало, и Катѣ ученая сестра показалась красавицей, красавицей новаго типа. Она не могла удержаться и проговорила, когда онѣ садились въ щегольскую лихачью пролетку неизмѣннаго Ефима.

— Если бы я была мужчиной, Маня, я влюбилась бы въ тебя... Ахъ, какъ мнѣ хочется жить! Ефимъ, поѣзжай хорошенько, чтобы духъ замиралъ...

Ефимъ любилъ возить бойкую барышню и поддержалъ репутацію лихача. Они понеслись вихремъ, когда выбрались на Каменноостровскій проспектъ, гдѣ сплошной лентой двигалась масса экипажей. Ранней весной этотъ проспектъ является главной петербургской артеріей, и Честюнина невольно заразилась общимъ настроеніемъ. Конечно, лихачи преступная роскошь, но какъ хорошо мчаться вихремъ... Въ воздухѣ чувствовалась какая-то поджигающая весенняя бодрость, хотя деревья только еще начинали распускаться. Съ моря дулъ легкій вѣтерокъ. Нева, какъ всегда, была такая полная, точно налитая.

— Ахъ, какъ хорошо! — шептала Катя. — Ефимъ, на Елагинъ...

Дачи уже были готовы къ лѣту, шоссе исправлено, дорожки посыпаны свѣжимъ пескомъ — однимъ словомъ, все было готово въ ожиданіи быстро наступавшей весны. По дорогѣ обогнало нѣсколько кавалькадъ. Катя провожала ихъ глазами съ тайной завистью.

— Маня, ты любишь ѣздить верхомъ?

— Не умѣю сказать, потому что никогда не испытала этого удовольствія.

Потомъ Катя толкнула локтемъ и шепнула:

— Смотри, насъ сейчасъ обгонитъ бѣлокурый офицеръ...

Офицеръ, дѣйствительно, обогналъ и раскланялся съ Катей самымъ галантнымъ образомъ.

— Онъ за мной немножко ухаживалъ зимой,—откровенничала Катя.—Онъ изъ остзейскихъ бароновъ, которые ищутъ богатыхъ невѣстъ. Надъ бѣдняжкой кто-то очень зло подшутилъ, выдавъ меня за богатую невѣсту. Ну, потомъ горькая истина открылась и баронъ крайне деликатно отъѣхалъ... Мнѣ онъ очень нравится. Вѣдь не дурно быть баронессой...

— Какія ты нелѣпости говоришь, Катя...

— У всякаго своя логика. Милому барону не достаетъ только денегъ, чтобы быть вполнѣ порядочнымъ. А я могла бы быть съ нимъ счастлива... Даже смѣшно, что отъ такихъ пустяковъ иногда зависитъ счастье всей жизни!.. Ну, для чего деньги вонъ тому толстому купцу, котораго доктора посылаютъ на острова подышать воздухомъ? Это соціальная несправедливость, Маня...

— Помолчи, неудавшаяся баронесса... Скучно.

На Елагиномъ онѣ вышли и пошли пѣшкомъ. Катя сейчасъ любовалась красивыми яхточками, бороздившими рѣку, спортсмэнскими гичками и, по обыкновенію, завидовала богатымъ людямъ, которымъ доступны всевозможныя удовольствія.

— Ахъ, какъ мнѣ хочется жить, Маня... — повторяла она.—Я, кажется, готова украсть весь міръ.

Онѣ обошли point, гдѣ было много публики и экипажи двигались непрерывной лентой, а потомъ Катя отдала Ефиму приказаніе подождать и повела Честюнину въ боковую аллею.

— Мнѣ съ тобой нужно поговорить серьезно, Маня,— предупреждала она.

— Ты будешь говорить серьезно?

— Да, и даже очень серьезно. Знаешь, со мной вышла пренепріятная исторія, и я хотѣла посовѣтоваться съ тобой... У меня было одно увлеченіе. Онъ молодой и хорошій человѣкъ, но бѣденъ и долженъ былъ взять мѣсто секретаря въ одномъ изъ уѣздныхъ земствъ. Ты понимаешь? Мы вели переписку... у насъ все было уговорено... да. Я, вѣдь, только кажусь легкомысленной. И представь себѣ... Нынѣшней зимой встрѣчаю одного доктора. Онъ некрасивый, но такой симпатичный. Сначала я на него не обращала вниманія, а потомъ... Однимъ словомъ, я измѣнила первому, а онъ про-

должаетъ меня любить, и я не знаю, что мнѣ дѣлать. Какъ ты думаешь, хорошо я дѣлаю?

— Объясниться откровенно, конечно...

— А если у меня рука не поднимается разбить жизнь первому? Много разъ собиралась объясниться и не могу. Ты скажи, хорошо я поступаю или нѣтъ?

Честюнина не знала, что отвѣтить.

— А я тебѣ скажу прямо: не хорошо и гадко. Да... Есть извѣстныя границы для всего и нельзя играть чужимъ счастьемъ.

Онѣ присѣли на первую скамейку, и Честюнина только теперь догадалась, въ чемъ дѣло. Она страшно поблѣднѣла, но, собравъ всѣ силы, спросила спокойно:

— Это я обязана Параскoвеѣ Пятницѣ твоей мистификаціей?

— При чемъ тутъ Параскoвея Пятница? Всякій отвѣчаетъ за себя. Если ты догадываешься, въ чемъ дѣло, значитъ—правда.

Честюнина тихо засмѣялась.

— Какая ты смѣшная, Катя... И, главное, откуда такой строгій тонъ взялся. Ну, что же: влюблена въ другого, и только. Теперь довольна? И своей Параскoвеѣ тоже скажи... Развѣ это зависитъ отъ человѣка? Наконецъ, я просто сама еще не знаю пока, что со мной дѣлается...

— Вотъ вы всѣ такія, тихони. Что же, было у васъ объясненіе?

— Никакого...

— Послушай, ты не лги. Я, все равно, узнаю...

Катя совершенно вошла въ свою роль и допытывала сестру тономъ великаго инквизитора. Это было бы даже забавно, если бы Честюнина могла перемѣнить настроеніе.

— Вотъ я иногда болтаю Богъ знаетъ что,—продолжала Катя:—но у меня все словомъ и кончается. До сихъ поръ я еще никого не обманула... Самый страшный грѣхъ, это—обманъ.

— Люди больше всего обманываютъ, Катя, только самихъ себя, и я, право, еще сама ничего не знаю...

— Вотъ это мило!.. За то другіе прекрасно все видятъ и все знаютъ... Наконецъ, это возмутительно... Ты только

подумай, что ты дѣлаешь? Наконецъ, какимъ тономъ ты разговариваешь со мной... Положительно я не узнаю тебя, Маня... Ты съ ума сходишь.

— Вотъ это правда... Опять-таки *это* зависитъ не отъ насъ и открывается только тогда, когда человѣкъ уже сошелъ съ ума. Вообще, я ничего не знаю и даже не желаю знать. Такъ и своей Парасковеѣ скажи...

— Несчастная!.. Мнѣ было бы жаль тебя, если бы я еще не уважала тебя. Да, да, да... Это гадко, Маня! Я поѣду и сегодня же объяснюсь съ нимъ...

— Онъ и безъ тебя все знаетъ.

— Тѣмъ хуже для него. И для чего ты только ѣхала сюда—удивляюсь. Выходила бы у себя тамъ замужъ, жила бы себѣ тихо, мирно, счастливо и все было бы хорошо. Вѣдь ты *тому* еще не написала ничего?

— Нѣтъ...

— Такъ я ему напишу сама...

— Не смѣешь. Да онъ и не повѣритъ никому, даже мнѣ... Вообще, Катя, меня удивляетъ твое вмѣшательство въ это несчастное дѣло. Если Парасковеѣ угодно дѣлать глупости, такъ не брать же примѣръ съ нея... Я тебя тоже не узнаю.

Катя была неумолима, и дѣвушки простились довольно сухо.

— Я къ тебѣ заѣду еще на-дняхъ и тогда договоримъ,— говорила Катя на прощаньи.

— Можешь не утруждать себя...

XI.

Это вмѣшательство Парасковеи Патницы и Кати сдѣлало то, что для Честюниной сдѣлалось яснымъ ея собственное положеніе. Да, онѣ обѣ были правы...

Вернувшись домой, дѣвушка произвела самый строгій экзаменъ самой себѣ и, признавая фактъ, не могла опредѣлить, какъ и когда все это могло случиться. Если что было возмутительно, такъ это то, что со времени отъѣзда изъ Сузумья не прошло еще и года. Въ буквальномъ смыслѣ она „башмаковъ еще не износила", тѣхъ башмаковъ, въ которыхъ ходила на свиданья съ Андреемъ. Сейчасъ онъ ей ка-

зался такимъ далекимъ-далекимъ, такимъ маленькимъ-маленькимъ и совершенно чужимъ, и ей дѣлалось досадно, что она должна отвѣчать на его письма, что-то такое объяснять и чуть не оправдываться. А онъ точно предчувствовалъ стрясшуюся бѣду и настойчиво повторялъ въ каждомъ письмѣ, что если лѣтомъ она не пріѣдетъ сама въ Сузумье, то пріѣдетъ онъ въ Петербургъ. Послѣднее пугало Честюнину до того, что у нея начинали трястись руки.

Сближеніе съ Жиличко произошло съ поразительной быстротой. Сначала онъ казался Честюниной просто жалкимъ. У него все выходило такъ неловко, робко, почти глупо. Именно такіе мужчины никогда не могутъ нравиться женщинамъ. Но, къ ея удивленію, у себя дома Жиличко былъ совсѣмъ другимъ. Онъ былъ и находчивъ, и остроуменъ, и какъ-то особенно простъ. Въ первый разъ, когда Честюнина зашла къ нему въ комнату, ее охватила давно уже неиспытанная, какая-то домашняя теплота. А онъ ничего не дѣлалъ, чтобы казаться тѣмъ или другимъ, а былъ только самимъ собой. Честюнину поразило больше всего то, что онъ думалъ совершенно то же, что и она. Онъ даже говорилъ ея словами.

— Мнѣ кажется, что мы съ вами давно-давно знакомы,— говорила Честюнина.—Точно встрѣтились послѣ долгой разлуки...

— Представьте, и мнѣ то же самое кажется...

— Не правда ли, какъ это странно?

— Даже нисколько... Въ природѣ есть масса необъяснимыхъ явленій, которыя намъ кажутся странными именно только поэтому. А затѣмъ, много-ли вы видѣли людей вообще, Марья Гавриловна? Нѣсколько человѣкъ родныхъ, учителей, десятокъ знакомыхъ... Тутъ даже и выбора свободнаго не могло быть. Впрочемъ, эта исторія повторяется со всѣми дѣвушками, и онѣ впослѣдствіи платятъ за нее слишкомъ дорогой цѣной. Вы, конечно, понимаете, что я хочу сказать...

— О, даже слишкомъ хорошо понимаю, къ сожалѣнію...

Большею частью они говорили на общія темы. Честюнина только могла завидовать Жиличко, для котораго такъ все было ясно и просто, т.-е. то, къ чему онъ шелъ.

— Людей можно раздѣлить на героевъ и простыхъ смерт-

ныхъ,—говорилъ онъ.—Героевъ немного и геройство не обязательно, да и смѣшно немного, если кто-нибудь считаетъ себя таковымъ. Значитъ, прежде всего нужно быть самымъ простымъ смертнымъ и добросовѣстно дѣлать свое дѣло. У насъ вездѣ порывъ, увлеченіе, скачки, а кто же будетъ дѣлать чорную работу? Я такъ и смотрю на жизнь... Мы будемъ дѣлать свое маленькое дѣло, а герои въ свое время найдутся. Имъ и книги въ руки... Это немножко скучно и прозаично, но такъ уже складывается наша жизнь.

Съ этими прозаическими размышленіями были не согласны и Лукина, и Морозова, и Борзенко, которыя называли Жиличко „постепеновцемъ“ и спорили съ нимъ до хрипоты. Соглашалась съ нимъ только одна Честюнина и даже не соглашалась, а для нея его разговоры имѣли свой спеціальный смыслъ. Однажды она сказала Борзенко:

— Помните, есть недоконченный романъ Помяловскаго, „Братъ и сестра“. Тамъ одинъ герой говоритъ, что нужно украсть, а другой отрицаетъ такой способъ пріобрѣтенія, и дѣло кончается тѣмъ, что первый остается честнымъ человѣкомъ, второй же крадетъ. Такъ и тутъ... Жиличко, просто, бравируетъ своимъ практическимъ реализмомъ.

Борзенко только посмотрѣла на Честюнину своими наклеенными глазами и ничего не отвѣтила.

Да, эти другія лишены были способности читать между строкъ и только одна она, Честюнина, понимала Жиличко. Напримѣръ, онъ просиживалъ дни и ночи надъ своей медициной и въ то же время не признавалъ ее даже наукой.

— Для чего же тогда вы такъ убиваете себя надъ работой?—спрашивала она.

— Да такъ, дѣло, во всякомъ случаѣ, хорошее и полезное. Кое-что извѣстно и можно этимъ извѣстнымъ пользоваться, а остальное — чистѣйшее знахарство. Возьмите вы всѣхъ нашихъ знаменитостей медицины—будь медицина, дѣйствительно, наукой, тогда всякій могъ бы быть знаменитостью, или, вѣрнѣе, тогда совсѣмъ не было бы знаменитостей. Просто, морочатъ довѣрчивую публику, которая требуетъ, чтобы ее обманывали. Мы только еще идемъ къ наукѣ, когда для этого будетъ доставленъ достаточный матеріалъ естествознаніемъ. А сейчасъ еще періодъ знахарей-знаменитостей, которые

разыгрываютъ геніальныхъ людей за два съ полтиной. Вѣдь это тоже, въ своемъ родѣ, герои...

О, онъ былъ уменъ, и оригинально уменъ. Потомъ, онъ постоянно читалъ и зналъ, кажется, все на свѣтѣ. О чемъ только они ни переговорили въ теченіе какого-нибудь одного мѣсяца. Онъ поражалъ ее своей эрудиціей и особенно общимъ образованіемъ, а потомъ необыкновеннымъ умѣньемъ передавать свои знанія. По каждому вопросу онъ наизусть перечислялъ цѣлую литературу всевозможныхъ источниковъ. Въ его присутствіи Честюнина чувствовала себя такой маленькой-маленькой, какъ ребенокъ, заглядывающій на дно глубокаго колодца.

Увлеченіе налетѣло съ необыкновенной быстротой, и она замѣтила его только тогда, когда стала скучать безъ Жиличко. Да, она ждала его, какъ комнатная собачка ждетъ хозяина, и вся розовѣла, когда онъ, шаркая ногами, входилъ къ ней въ комнату. Съ нимъ вмѣстѣ входило столько хорошаго, умнаго, оригинальнаго, что она готова была просидѣть цѣлую жизнь, слушая его нескладную, угловатую рѣчь. Когда онъ уходилъ, ей хотѣлось его удержать, что-то такое спросить, о чемъ-то посовѣтоваться, просто, еще хотя немного чувствовать его присутствіе.

Объясненій между ними не было, но все было ясно безъ словъ, да и слова только мѣшали бы тому хорошему, что наростало и захватывало обоихъ.

Разъ Борзенко довольно ядовито спросила на лекціи Честюнину:

— А Крюковъ у васъ часто бываетъ?

— У меня онъ совсѣмъ не бываетъ...

— Да? А между тѣмъ, это самый близкій другъ Жиличко...

— И этого я не знаю. Они просто учились въ одной гимназіи.

— Все-таки: скажи мнѣ, кто твои друзья и т. д.

Эта Борзенко всегда умѣла сказать что-нибудь непріятное, а тутъ самое простое дѣло: левъ полюбилъ маленькую собачку и забавляется ею. У большихъ людей бываютъ маленькія слабости.

Честюнина теперь, кромѣ лекцій, нигдѣ не бывала. Ее больше не интересовали общія бесѣды, молодые споры и сту-

денческія сходки. Она чувствовала тамъ себя чужой. Разъ Борзенко устроила цѣлый спектакль, стравивъ двухъ бабьихъ пророковъ, но и это ее не интересовало. Дѣвушка совершенно была счастлива въ своей маленькой каморкѣ и больше этого счастья ничего не желала. Жизнь и безъ того была полна. А тутъ еще подошли экзамены и приходилось заниматься по ночамъ. И какъ разъ именно въ это время она получила предлинное письмо отъ Андрея. Вотъ человѣкъ, который не хотѣлъ понять такой простой вещи, что она занята по горло и что ей не до длинныхъ писемъ. Она не могла прочитать его въ день полученія, а только черезъ два дня. Между прочимъ, Андрей писалъ слѣдующее:

„Мнѣ очень понравилось твое длинное письмо, Маруся, гдѣ ты такъ хорошо говоришь о наукѣ. Да, наука—святое дѣло, но я думаю, что она хороша только тогда, когда освѣщена дѣятельной любовью къ людямъ. Лично я, напримѣръ, никогда не удовлетворился бы одной чистой наукой. Мнѣ нужно живыхъ людей, живое дѣло въ смыслѣ его реализаціи, и я думаю, что нужно имѣть совершенно особенный душевный складъ, чтобы навсегда уйти отъ настоящаго. Меня даже огорчаетъ эта двойственность. Представь себѣ такую комбинацію. У меня на глазахъ мретъ съ голоду осиротѣвшая семья, и въ то же время у меня есть свободныхъ сто рублей, которые я могу отдать этой семьѣ. Конечно, это палліативная помощь, и я только временно могу покормить голодающую семью, а потомъ она опять будетъ голодать. А если я положу эти же сто рублей въ банкъ, то черезъ тринадцать лѣтъ они удвоятся, еще черезъ тринадцать лѣтъ учетверятся и такъ далѣе, такъ что черезъ сто лѣтъ въ результатѣ получится уже цѣлый капиталъ, который можетъ обезпечить нѣсколько бѣдныхъ семей. Какъ тутъ поступить? Я отдалъ бы свои сто рублей сейчасъ же, потому что есть вещи, которыя не ждутъ. Такъ и съ чистой наукой, Маруся... Ты понимаешь, что я хочу сказать. Все зависитъ отъ склада характера. Я, напримѣръ, свое маленькое земское дѣло не промѣняю ни на что, потому что оно удовлетворяетъ мою потребность живой реальной дѣятельности. Въ частности, медицина, конечно, прекрасная наука, заслуживающая всевозможнаго поощренія, почтенія и уваженія, но есть и другая

сторона: послѣднія слова отъ этого дорогого хлѣба науки достаются только богатымъ, а бѣдные живутъ безъ всякой медицины. Есть жестокая практика жизни, которая говоритъ о сегодня и больше ничего не хочетъ знать. Я хочу жить вотъ этимъ сегодня и хочу дѣлать то дѣло, которое довлѣетъ этому сегодня. Видишь, какой я практическій человѣкъ... Говорю это потому, что провинція отдаетъ столько молодежи въ столицы и лучшая часть этой молодежи только и мечтаетъ о томъ, чтобы остаться въ столицѣ навсегда. По моему, это несправедливо. Не въ столицахъ, а въ провинціи нужны больше всего интеллигентные честные дѣятели. И въ этомъ заключается вся суть. А молодежь не желаетъ знать именно этого, т. е. извѣстная часть молодежи, которая слишкомъ увлекается благами спеціально столичной цивилизаціи. Наши столицы слишкомъ далеко стоятъ отъ провинціи и отгораживаютъ себя все больше и больше. Это письмо я могъ назвать: гласъ вопіющаго маленькаго земца. Видишь, и я тоже увлекаюсь отвлеченными темами, что, впрочемъ, и понятно, такъ какъ лично интереснаго въ моей жизни слишкомъ мало. Все время уходитъ на земскую работу и домой приходишь только отдохнуть".

— Какой онъ хорошій, этотъ Андрей... — невольно подумала Честюнина, прочитавъ письмо до конца.—И можетъ быть, онъ правъ.

Дѣвушкѣ вдругъ сдѣлалось совѣстно, точно она прочла собственвый обвинительный приговоръ. Да и письмо какъ разъ совпало съ моментомъ ея собственнаго увлеченія. Она проплакала всю ночь, перечитывая это письмо, которое такъ серьезно и просто звало ее назадъ, а она на всѣхъ парахъ летѣла впередъ, въ невѣдомую даль. Даже выбора не могло быть... А сердце уже говорило другое.

— Боже мой, что я за несчастная уродилась? — жаловалась дѣвушка, ломая руки.—Чѣмъ я виновата, что Андрей такой хорошій и что я больше его не люблю...

Она рѣшила написать ему вполнѣ откровенное письмо, но изъ этого рѣшенія ничего не вышло. Что было писать? Я нехорошая, легкомысленная, дрянная... Онъ не повѣритъ и прилетитъ въ Петербургъ, а изъ этого уже Богъ знаетъ, что можетъ выйти. Лучше оставить пока вопросъ открытымъ. Пусть само все устраивается.

На другой день Честюнина, однако, не утерпѣла и показала письмо Андрея прямо Жиличко. Тотъ прочелъ его съ большимъ вниманіемъ, поднялъ брови и спокойно замѣтилъ:

— Это вѣчная исторія курицы, которая высидѣла утенка... Какъ мнѣ кажется, этотъ Андрей, человѣкъ серьезный, но, къ сожалѣнію, слишкомъ односторонній. Сейчасъ видно, что человѣкъ засидѣлся въ провинціи и все на свѣтѣ мѣряетъ своимъ провинціальнымъ аршиномъ. Онъ въ какомъ университетѣ кончилъ курсъ?

— Онъ изъ шестого класса гимназіи...—отвѣтила Честюнина и сейчасъ же покраснѣла.

— Ага... да...—промычалъ Жиличко, возвращая письмо.— Да, это вполнѣ понятно...

Письмо Андрея, какъ это иногда случается, достигло какъ разъ противоположной цѣли. Именно, благодаря ему, произошло между ней и Жиличко окончательное сближеніе, то, о чемъ раньше даже не говорилось. Все случилось какъ-то само собой, и дѣвушка поддалась теченію, уносившему ее куда-то далеко, далеко отъ всего, что еще такъ недавно было и близко, и дорого.

XII.

Сейчасъ послѣ окончанія экзаменовъ Честюнина получила письмо отъ дяди, который приглашалъ ее къ себѣ самымъ настойчивымъ образомъ: „Я пріѣхалъ бы къ тебѣ самъ,—писалъ старикъ,—но арестованъ докторомъ на нѣсколько дней“. Въ особой припискѣ было сказано, что тетка съ Эженомъ уѣхали за-границу. Честюнина отправилась на Васильевскій Островъ и, дѣйствительно, нашла дядю больнымъ. Старикъ встрѣтилъ ее довольно сухо.

— Что же это, Маша, ты совсѣмъ забыла насъ?

— Были экзамены, дядя...

Онъ какъ-то сбоку посмотрѣлъ на нее и нахмурился.

— Отчего ты не спросишь, Маша, чѣмъ я боленъ? Тебя это не интересуетъ... Да, боленъ... Что-то такое неопредѣленное, вообще—первая повѣстка старости. Что же, въ порядкѣ вещей. А вотъ докторъ взялъ и арестовалъ меня... Какъ ты думаешь, имѣлъ онъ право лишать меня свободы?

— Странный вопросъ, дядя... Если это нужно, то, конечно, имѣлъ право, даже былъ обязанъ это сдѣлать.

— Вотъ и отлично. Представь себѣ, что я докторъ, а ты больная и я тоже арестую тебя, потому что обязанъ это сдѣлать.

— Я рѣшительно ничего не понимаю, дядя...

— Очень просто: я тебя не выпущу изъ своей квартиры. Катя уже уѣхала за твоими вещами...

Честюнина отвернулась къ окну, закрыла лицо руками и заплакала.

— Плачь, Маша—это помогаетъ... А что касается того господина, то я могу къ нему самъ съѣздить и объясниться или ты сама ему напишешь, что твой дядя самодуръ, извергъ и палачъ вообще. Если есть женская равноправность, то должна быть и равноправность стараго дяди. Понимаешь: я этого хочу! Да, да и еще разъ да... А впрочемъ, мы съ тобой поговоримъ подробно потомъ, когда успокоишься.

Дѣвушка продолжала стоять у окна.

— Маша, ты обидилась на меня?

— Да...

— А развѣ можетъ обидѣть человѣкъ, который любитъ? А я тебя люблю, какъ родную дочь... Потомъ, у тебя нѣтъ отца, мать далеко—некому о тебѣ позаботиться. Немножко и я виноватъ, что какъ-то упустилъ тебя изъ виду... А теперь я въ тебя вцѣплюсь, какъ коршунъ. У меня, братъ, все вотъ какъ обдумано... Комаръ носу не подточитъ.

— И я все-таки не останусь, дядя...

— А развѣ я тебя спрашиваю объ этомъ?

— Я выхожу замужъ...

— Замужъ? Что-то какъ будто я такой науки не слыхалъ... Да и не стоило за этимъ ѣздить въ Петербургъ. Однимъ словомъ, объ этомъ еще поговоримъ, когда перестанешь плакать и сердиться. Вѣдь ты сердишься на меня? Да и какъ же не сердиться, когда старикъ дядя окончательно взбѣсился...

Катя, дѣйствительно, привезла вещи Честюниной и сейчасъ же устроила ее въ комнатѣ Эжена.

— Это я тебя продала,—коротко объяснила она арестованной гостьѣ.—Парасковея Пятница кланяется... Я ей что-то такое врала, но она догадалась, въ чемъ дѣло.

— Я васъ всѣхъ ненавижу,—отвѣтила Честюнина.—А съ тобой и разговаривать не желаю...

— А все-таки я ловко придумала!.. Тогда я на островахъ уговаривала тебя добромъ, а ты нуль вниманія... Вотъ я и устроила штуку. Маму съ Эженомъ мы проводили на все лѣто, а сами будемъ жить въ Павловскѣ. И ты съ нами... Къ осени, надѣюсь, ты выздоровѣешь. Не правда-ли? Въ Павловскъ мы переѣзжаемъ на-дняхъ... Какая тамъ музыка, сколько публики!.. Я ужасно люблю Павловскъ...

Честюнина забилась въ свою комнату и пролежала на постели весь день. Она больше не плакала, а перемучивалась молча. Ее до глубины души возмущала продѣланная съ ней комедія. Конечно, она могла вернуться къ себѣ, но ей не хотѣлось обидѣть дядю. Отчего онъ не поговорилъ съ ней просто, какъ говорятъ съ взрослымъ разумнымъ человѣкомъ? Она начинала себя чувствовать нашалившей дѣвочкой, которую поставили въ уголъ.

Вечеромъ, когда Катя куда-то уѣхала, она отправилась въ кабинетъ къ дядѣ и высказала откровенно ему все. Старикъ выслушалъ ее до конца терпѣливо, не моргнувъ глазомъ, и только спросилъ:

— Ты все сказала, Маша? Отлично... Я согласенъ, что можно было все устроить иначе, но вѣдь здѣсь только вопросъ формы. Есть такія вещи, гдѣ приходится дѣйствовать рѣшительно. Да... У тебя свои взгляды, значитъ и у меня могутъ быть свои. Представь себѣ, что я не согласенъ съ твоимъ поведеніемъ, и очень можетъ быть, что черезъ нѣкоторое время ты же сама будешь меня благодарить. Въ послѣднемъ я глубоко убѣжденъ, а передъ тобой цѣлое лѣто для того, чтобы одуматься. Я мечталъ лѣтомъ ѣхать съ тобой въ Сузумье, но пришлось отложить эту поѣздку, и мы недурно проведемъ лѣто въ Павловскѣ. Тамъ и погулять есть гдѣ, заниматься можешь, сколько душѣ угодно... Осенью я тебя отпущу съ миромъ и дѣлай сама, какъ знаешь. Ты согласна?

— Дядя, одна только просьба: можно мнѣ съѣздить *туда*... проститься?

— Вотъ этого-то и нельзя, милая. Конечно, ты можешь это сдѣлать безъ моего согласія, но этого ты и не сдѣлаешь.

Выдержи характеръ... Потомъ, что за прощанія—вѣдь это предразсудокъ старинныхъ людей? Впрочемъ, какъ знаешь.

Черезъ три дня Анохины переѣхали въ Павловскъ. Честюнина такъ и не видала Жиличко, а написала ему письмо, въ которомъ говорила о непредвидѣнныхъ обстоятельствахъ, о болѣзни дяди, о томъ, что это даже хорошо, чтобы имѣть время одуматься и провѣрить себя. Письмо вышло неестественное и какое-то глупое, но другого она не могла написать.

Въ Павловскѣ первое, что поразило Честюнину, это чудный Павловскій паркъ. Ничего подобнаго она не видала и не могла даже приблизительно представить себѣ такой безумной роскоши. Катя въ первый же день выводила ее по всѣмъ главнымъ аллеямъ, показала всѣ красивые уголки, но Честюниной понравилась больше дальная часть парка, гдѣ разбѣгались почти деревенскія дорожки. Это напоминало уже далекую родину, родной лѣсъ... Вотъ куда можно будетъ уходить на цѣлые дни, пока кончится назначенный дядей періодъ испытанія. Ни въ себѣ, ни въ Жиличко она, конечно, не сомнѣвалась, и ее теперь даже забавляла выдумка старика, взявшаго на себя неблагодарную роль няньки. Пройдя по парку, Честюнина опять чувствовала себя дѣвочкой, а деревья казались ей старыми хорошими знакомыми. А тутъ и зеленая трава-мурава, и лѣсные дикіе цвѣточки, и синее небо надъ головой... Дышется такъ легко и хочется жить.

Старикъ дядя былъ какъ-то особенно ласковъ съ племянницей, какъ бываютъ ласковы съ больными дѣтьми. Онъ любилъ гулять съ ней по парку и каждый вечеръ тащилъ на музыку. Сначала дѣвушка чувствовала себя неловко въ этой разодѣтой и шумливой толпѣ, а потомъ быстро привыкла. Дядя ужасно любилъ музыку и высиживалъ терпѣливо всѣ отдѣленія.

— Это у меня что-то вродѣ службы искусству,—шутилъ онъ надъ самимъ собой.

Однажды, это было недѣли черезъ двѣ, когда Честюнина возвращалась вечеромъ съ вокзала домой вдвоемъ съ дядей, она тихо проговорила:

— Дядя, знаешь... кажется, я начинаю просыпаться...

Онъ молча поцѣловалъ ее въ лобъ и ничего не сказалъ.

Д. Маминъ-Сибирякъ.

(*Продолженіе будетъ*).

Свѣтопечатаніе посредствомъ видимыхъ и невидимыхъ „лучей".

I.

Лучи Рентгена.

Въ то время, когда, казалось, фотографія приближается къ тому, чтобы сказать свое послѣднее слово, всю Европу облетѣло извѣстіе о новомъ открытіи, сдѣланномъ вюрцбургскимъ профессоромъ Рентгеномъ. Первыя свѣдѣнія, принесенныя объ этомъ открытіи нѣмецкими газетами, заключали въ себѣ не мало сомнительнаго, и потому ученый міръ нѣсколько скептически отнесся къ газетнымъ сообщеніямъ; но вскорѣ появились извѣстія вюрцбургскаго общества естество-испытателей, въ которыхъ помѣщено небольшое сообщеніе отъ имени самого Рентгена. Сообщеніе, заключаетъ въ себѣ только результаты Рентгеновскихъ наблюденій. Все изложено чрезвычайно кратко, и сущность дѣла заключается въ слѣдующемъ:

Если взять трубку, извѣстную подъ названіемъ Круксовой, и пропускать черезъ нее искру отъ спирали Румкорфа, то такая трубка начинаетъ свѣтиться особымъ фосфорическимъ зеленымъ свѣтомъ. Если трубку покрыть какими-либо непрозрачными покрышками и въ нѣкоторомъ отъ нея разстояніи поставить бумагу, пропитанную растворомъ особаго вещества, называемаго платиново-ціанистымъ баріемъ, то эта бумага будетъ свѣтиться.

Такъ какъ Рентгену было извѣстно, что свѣченіе подобной бумаги можетъ происходить лишь въ томъ случаѣ, когда на нее падаютъ лучи, а въ данномъ случаѣ эта бумага была защищена отъ дѣйствія лучей непрозрачнымъ экраномъ, покрывавшимъ Круксову трубку, то пришлось придти къ заключенію, что изъ Круксовой трубки выходятъ какіе-то лучи, обладающіе способностью проходить черезъ перегородки, которыя совершенно непроходимы для обыкновенныхъ лучей свѣта. Эти лучи Рентгенъ назвалъ X-лучами («иксъ»-лучами) и приступилъ къ ихъ изученію.

Для того, чтобы понять путь, по которому требовалось пойти для изученія этихъ своеобразныхъ лучей, надо предварительно ознакомиться съ тѣми явленіями свѣченія, которыя возникаютъ въ трубкахъ при пропусканіи сквозь нихъ электрической искры.

Если поднести другъ къ другу два тѣла, заряженныя противоположными электричествами, то, при извѣстной напряженности этихъ электричествъ, между тѣлами проскакиваетъ искра. Если опытъ производить въ обыкновенномъ воздухѣ, то для полученія большой искры требуется, чтобы электрическій зарядъ подносимыхъ другъ къ другу тѣлъ былъ довольно значителенъ; но если эти тѣла помѣстить въ разрѣженномъ воздухѣ, то и при маломъ зарядѣ между ними можетъ проскочить довольно длинная искра. Эта искра, будучи длинною, будетъ менѣе яркою. Такія искры всего удобнѣе наблюдать на такъ-называемыхъ Гейслеровыхъ трубкахъ, т. е. трубкахъ, изъ которыхъ выкачана значительная часть воздуха (остается лишь одна или двѣ сотыхъ того количества, какое въ нихъ содержалось, когда онѣ были открыты). Когда изъ трубки выкачанъ воздухъ, ее запаиваютъ и вплавляютъ въ нее въ различныхъ мѣстахъ (чаще всего на противоположныхъ концахъ) платиновыя проволоки. Если теперь эти платиновыя проволоки соединить съ электрическою машиною, такъ, чтобы одна изъ проволокъ получала положительное, другая — отрицательное электричество, то между проволоками, внутри трубки, проскакиваетъ искра, длина которой равна разстоянію между внутренними концами этихъ проволокъ.

Для наблюденія надъ такого рода искрою лучше всего пользоваться такъ-называемой спиралью Румкорфа.

Получаемая въ Гейслеровой трубкѣ искра представляетъ слѣдующія особенности: та платиновая проволока трубки, которая соединена съ положительнымъ полюсомъ спирали Румкорфа, является какъ бы источникомъ искры. Внутренній конецъ ея представляется въ видѣ свѣтящейся точки, отъ которой искра направляется къ противоположной проволокѣ, соединенной съ отрицательнымъ полюсомъ спирали Румкорфа. Получаемая искра, еще не дошедши до отрицательнаго полюса, какъ бы теряется, рѣзко уменьшаясь въ своей яркости, такъ что остается около отрицательной проволоки пространство, почти темное, что же касается самой отрицательной проволоки, то она представляется окруженною едва замѣтнымъ сіяніемъ.

Если, продолжая пропускать черезъ Гейслерову трубку искру, выкачивать изъ этой трубки все больше и больше воздухъ, то проскакивающая въ ней искра мало-по-малу измѣняетъ свой видъ,

а именно: искра, шедшая отъ положительнаго полюса, начинаетъ уменьшаться, а сіяніе, окружавшее отрицательный полюсъ увеличивается, т. е. занимаетъ все большее и большее пространство, и когда, наконецъ, разрѣженіе достигнетъ того, что въ трубкѣ упругость воздуха будетъ въ милліонъ разъ меньше атмосферной упругости, тогда сіяніе, идущее отъ отрицательнаго полюса, займетъ почти всю трубку, а искра, шедшая отъ положительнаго, сократится такъ, что сдѣлается почти совершенно незамѣтною. При этихъ условіяхъ въ трубкѣ обнаружится новое явленіе, раньше въ ней отсутствовавшее: стѣнки самой трубки, т. е. стекло ея, начнетъ свѣтиться особымъ весьма красивымъ фосфорическимъ свѣтомъ. Это свѣченіе стекла будетъ болѣе всего рѣзкимъ въ томъ мѣстѣ трубки, которое лежитъ прямо противъ конца отрицательной проволоки (катода). Очевидно, стало быть, что теперь мы уже имѣемъ дѣло съ особенными лучами, исходящими отъ катода и вызывающими своеобразное свѣченіе стекла *). Лучи эти, открытые Гитторфомъ и подробно изученные Круксомъ, Гольдштейномъ, Ленардомъ, Перреномъ и другими, носятъ названіе *катодныхъ* лучей.

Такъ какъ катодные лучи наблюдаются только при необыкновенно сильномъ разрѣженіи въ трубкѣ, то Круксъ, особенно внимательно изучившій свойства столь сильно разрѣженныхъ газовъ въ трубкахъ (вслѣдствіе чего самыя трубки получили названіе Круксовыхъ), предположилъ, что всѣ эти своеобразныя явленія обусловливаются тѣмъ, что при значительномъ разрѣженіи, газы переходятъ въ особенное состояніе, которое онъ назвалъ «лучистымъ» или ультра-газовымъ состояніемъ матеріи.

Явленія, наблюдаемыя въ трубкѣ при тѣхъ условіяхъ, когда она способна давать катодные лучи, дѣйствительно крайне интересны и оригинальны.

Если на пути катодныхъ лучей поставить (внутри трубки) платиновую пластинку, имѣющую форму блюдечка, обращеннаго вогнутою стороною къ катоду, то они ударяютъ въ это блюдечко отражаются отъ него, какъ и всякіе лучи, и собираются въ фокусъ; если въ этомъ мѣстѣ, къ которому катодные лучи собираются, поставить кусочекъ платины, то она раскаляется до ярко краснаго

*) Не мѣшаетъ однако замѣтить, что не только эти лучи вызываютъ свѣченіе стекла; такое же свѣченіе вызываютъ и лучи, идущіе отъ положительнаго полюса, какъ это показалъ еще въ 1880 году Гольдштейнъ. Онъ же обратилъ вниманіе и на то, что свѣченіе стекла нельзя назвать флуоресценціей, какъ это многіе дѣлаютъ, а слѣдуетъ считать фосфоресценціей, такъ какъ и послѣ прекращенія тока стекло нѣкоторое время свѣтится.

каленія. Далѣе, если на пути, по которому направляются катодные лучи, поставить (внутри трубки) нѣчто въ родѣ маленькой мельницы съ слюдяными крыльями, то эти крылья моментально приходятъ въ быстрое вращательное движеніе; затѣмъ, если на пути катодныхъ лучей будетъ помѣщенъ кусочекъ рубина, изумруда, алмаза или другихъ нѣкоторыхъ минераловъ, то каждый изъ нихъ начнетъ издавать чрезвычайно яркій и красивый фосфорическій блескъ. Такъ, рубинъ будетъ свѣтиться кроваво-краснымъ свѣтомъ.

Изученіе катодныхъ лучей показало, между прочимъ, что они способны проходить черезъ такія вещества, черезъ которыя обыкновенный свѣтъ совсѣмъ не проходитъ. Такъ, всѣмъ извѣстный металлъ алюминій обыкновенныхъ, напримѣръ, солнечныхъ лучей не пропускаетъ сквозь себя, даже будучи взятъ въ видѣ очень тоненькаго листочка, между тѣмъ какъ катодные лучи почти совершенно свободно проходятъ даже сквозь довольно толстую пластинку алюминія. Это видно изъ того, что если, напримѣръ, въ Круксову трубку, на пути катодныхъ лучей поставить алюминіевый дискъ, то онъ ихъ не задерживаетъ, а пропускаетъ и они, ударяя въ стекло производятъ свѣченіе его въ томъ мѣстѣ, сзади алюминіеваго диска, гдѣ свѣченіе было бы совершенно невозможно, если бы алюминіевый дискъ эти лучи задерживалъ.

Какъ на одно изъ свойствъ катодныхъ лучей указываетъ еще на ихъ способность измѣнять свое направленіе внутри Круксовой трубки, если около нея держать магнитъ. Эти лучи либо отталкиваются отъ магнита, либо притягиваются къ нему въ зависимости отъ того, какой конецъ магнита станемъ подносить къ трубкѣ— сѣверный или южный.

Но не мѣшаетъ замѣтить, что это свойство наблюдается и на обыкновенной искрѣ въ Гейслеровой трубкѣ, и можно сказать, что магнитъ дѣйствуетъ также и на *анодные* лучи (т. е. лучи, идущіе отъ положительнаго полюса Гейслеровой трубки къ ея отрицательному полюсу), стало быть, указанное выше отношеніе катодныхъ лучей къ магниту не представляетъ чего-либо для нихъ характернаго. Кромѣ того, интересно, что при поднесеніи *руки* къ Круксовой или Гейслеровой трубкѣ направленіе лучей какъ катодныхъ, такъ и анодныхъ измѣняется.

Что же такое представляютъ собою эти своеобразные катодные лучи?

Опредѣленнаго отвѣта на этотъ вопросъ мы не имѣемъ; но существуютъ различныя предположенія. Изъ нихъ слѣдуетъ отмѣтить два: одно объясняетъ происхожденіе катодныхъ лучей особаго рода колебаніями космическаго эфира, того самаго эфира,

колебанія котораго вызываютъ вообще свѣтовыя явленія. Разница между обыкновенными свѣтовыми лучами и катодными заключается согласно этому предположенію, въ слѣдующемъ:

Если представить себѣ обыкновенный свѣтовой лучъ въ видѣ, напримѣръ, горизонтальной линіи, то въ немъ, согласно господствующей теоріи свѣта, частицы эфира колеблются въ вертикальной, т. е. перпендикулярной къ нему, плоскости. Такія колебанія называются поперечными. Въ катодномъ же лучѣ предполагаютъ, что эти колебанія эфира происходятъ не въ плоскости, перпендикулярной къ направленію луча, а въ плоскости, совпадающей съ направленіемъ луча. Такія колебанія называются продольными.

Насколько эта гипотеза справедлива, сказать трудно; но имѣющіяся въ настоящее время данныя, во всякомъ случаѣ, скорѣе говорятъ противъ нея, нежели за.

Вторая гипотеза, къ которой уже давно склоняется большинство физиковъ, принимаетъ, что катодные лучи суть ничто иное, какъ матеріальныя наэлектризованныя частицы, выбрасываемыя катодомъ подъ вліяніемъ электрическихъ разрядовъ, происходящихъ въ Круксовой трубкѣ. Такъ думалъ самъ Круксъ, такъ думалъ и знаменитый Вильямъ Томсонъ.

Эта гипотеза потому представляется весьма правдоподобной, что она объясняетъ всѣ свойства катодныхъ лучей. Въ самомъ дѣлѣ, разъ катодные лучи представляютъ собою движущіяся матеріальныя частицы, то становится понятнымъ, почему они встрѣчая на пути маленькую мельницу, заставляютъ ее вращаться: матеріальныя частички, двигаясь съ огромной скоростью, такъ сказать, *бьютъ* по крыльямъ мельницы и этими своими ударами приводятъ крылья въ движеніе; точно также объясняется и накаливаніе тѣлъ, стоящихъ на пути катодныхъ лучей; подобно тому, какъ пуля, ударяющаяся о препятствіе, нагрѣваетъ его такъ точно и частички матеріи, несущіяся въ катодныхъ лучахъ, ударившись о препятствіе, необходимымъ образомъ должны вызвать его нагрѣваніе.

Наконецъ, интересное обстоятельство, замѣченное венгерскимъ физикомъ Ленардомъ, тоже можетъ быть объяснено на почвѣ только-что приведенной гипотезы. Ленардъ, изучая катодные, лучи замѣтилъ, что они проходятъ черезъ тѣла въ зависимости не отъ того, прозрачны ли тѣла или нѣтъ, а въ зависимости отъ плотности тѣлъ. Если принять, что катодные лучи представляются происходящими отъ матеріальныхъ частицъ, то весьма возможно, что эти частицы, ударяясь съ большою силою въ то или другое тѣло, на подобіе пули, пробиваютъ его насквозь, но такъ какъ величина

ихъ можно сказать безконечно мала, то онѣ пролетаютъ въ промежутки между частицами того тѣла въ которое ударяютъ. Чѣмъ тѣло плотнѣе, тѣмъ, надо полагать эти промежутки меньше и тѣмъ труднѣе несущимся въ катодныхъ лучахъ матеріальнымъ частицамъ пройти черезъ нихъ —значитъ, онѣ гдѣ-нибудь на пути застрѣваютъ.

Въ весьма недавнее время (съ мѣсяцъ тому назадъ) французскій физикъ Перрэнъ опубликовалъ работу, въ которой показываетъ, что катодные лучи, ударяясь въ то или другое тѣло, заряжаютъ его отрицательнымъ электричествомъ; а такъ какъ до сихъ поръ ни разу не было обнаружено, чтобы переносъ «свободнаго» электричества совершался безъ участія матеріальныхъ частицъ, то, значитъ, катодные лучи представляютъ собою матеріальное нѣчто.

Изъ всего вышесказаннаго видно, что «катодные лучи», представляя для физиковъ одну изъ интереснѣйшихъ загадокъ, должны были привлекать къ себѣ вниманіе и нужно признаться, что уясненіе природы этихъ лучей можетъ привести къ послѣдствіямъ первостепенной важности. Въ самомъ дѣлѣ, если бы, напримѣръ, оказалось, что катодные лучи проникаютъ черезъ тѣла подобно тому, какъ проникаетъ песокъ черезъ сито, то человѣчество получило бы въ первый разъ прямое доказательство тому, что наше атомическое представленіе о строеніи матеріи не есть только удобная гипотеза, а есть истинное выраженіе несомнѣннаго факта и, стало быть, споръ между атомистами и динамистами, длящійся болѣе 20 вѣковъ, получилъ бы окончательное экспериментальное рѣшеніе.

Нѣтъ, поэтому, ничего удивительнаго въ томъ, что физики время отъ времени предпринимаютъ изслѣдованіе катодныхъ лучей.

Вѣроятно, желаніе изучить нѣкоторыя свойства этихъ лучей и привело Рентгена къ его открытію. Дѣлая опыты надъ катодными лучами, Рентгенъ покрылъ Круксову трубку, служившую для этихъ опытовъ, кускомъ черной ткани; противъ трубки стоялъ листъ бумаги, покрытый платиново-ціанистымъ баріемъ; такой листъ бумаги обладаетъ способностью, при паденіи на него катодныхъ лучей, свѣтиться характернымъ зеленымъ свѣтомъ. Когда Круксова трубка не была ничѣмъ покрыта, листъ бумаги, поставленный противъ нея, конечно, свѣтился; но Рентгенъ замѣтилъ, что даже въ томъ случаѣ, когда Круксова трубка была покрыта непрозрачнымъ экраномъ, листъ бумаги продолжалъ свѣтиться. Зная, что взятая бумага свѣтится лишь въ томъ случаѣ, когда на нее падаютъ лучи, и замѣтивъ, что она свѣтится при только

что указанныхъ условіяхъ, Рентгенъ долженъ былъ придти къ заключенію, что и при данныхъ условіяхъ, т. е. когда Круксова трубка покрыта непрозрачнымъ экраномъ, отъ нея исходятъ какіе-то невидимые лучи, падающіе на бумагу и вызывающіе ея свѣченіе. Эти странные лучи Рентгенъ и назвалъ X-лучами.

Такъ какъ X-лучи оказались способными проходить сквозь непрозрачныя тѣла, то Рентгенъ рѣшилъ испытать отношеніе этихъ лучей къ толстому слою бумаги (Рентгенъ помѣщалъ между своей трубкою и свѣтящимся экраномъ нѣсколько книгъ) къ дереву, металламъ и проч., причемъ пришелъ къ заключенію, что найденные имъ X-лучи свободно проходятъ черезъ бумагу, дерево, различныя ткани, черезъ человѣческое тѣло; черезъ металлы же эти лучи оказались трудно проходящими; въ особенности они трудно проходили черезъ платину и свинецъ. Изъ всѣхъ металловъ одинъ алюминій оказался легко пропускающимъ X-лучи. Между тѣмъ, нашлось не мало веществъ, которыя будучи прозрачными для обыкновенныхъ лучей свѣта, оказались мало проницаемыми для X-лучей. Такъ, напримѣръ, слюда, черезъ которую обыкновенные солнечные лучи или лучи лампы весьма легко проходятъ, оказалась трудно проницаемою для лучей Рентгена.

Для того, чтобы изучить въ этомъ отношеніи различныя тѣла, Рентгенъ поступалъ слѣдующимъ образомъ: онъ устанавливалъ трубку Крукса, затѣмъ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нея ставилъ листъ бумаги, покрытый платиново-ціанистымъ баріемъ, а между трубкою и этимъ листомъ помѣщалъ испытуемыя тѣла. Если тѣло пропускало сквозь себя X-лучи, то листъ бумаги продолжалъ свѣтиться такъ, какъ будто между нимъ и Круксовою трубкою ничего не было; если же испытуемое тѣло не пропускало X-лучей, то листъ бумаги свѣтился вездѣ, за исключеніемъ того мѣста, противъ котораго помѣщено было это не пропускающее рентгеновскіе лучи тѣло. Слѣдовательно, картина получалась такая: весь листъ свѣтится, а въ томъ мѣстѣ, противъ котораго стоитъ испытуемое тѣло, получается тѣнь, которая, по своей формѣ, совершенно подобна контурамъ самого тѣла.

Когда Рентгенъ изучилъ въ этомъ отношеніи нѣкоторыя тѣла, то онъ рѣшилъ измѣнить характеръ своихъ опытовъ.

Зная, что вообще всякіе лучи, способные вызывать свѣченіе въ другихъ веществахъ, весьма сильно дѣйствуютъ и на фотографическія «свѣточувствительныя» пластинки, Рентгенъ взялъ (вмѣсто первоначально имъ употреблявшагося листа бумаги, покрытой платино-ціанистымъ баріемъ) обыкновенную фотографическую пластинку, помѣщенную въ ящичкѣ, который называется «кассетой»,

и поставилъ ее противъ свѣтящейся Круксовой трубки. Между этой трубкою и фотографической пластинкою (помѣщенною въ закрытой кассетѣ), онъ поставилъ ящичекъ съ разновѣсомъ.

Дѣлая этотъ опытъ, Рентгенъ разсуждалъ такъ: если Х-лучи способны проходить черезъ дерево, и, кромѣ того, способны дѣйствовать на фотографическую пластинку, то при вышеуказанной обстановкѣ опыта должно получиться слѣдующее:

Х-лучи, идущіе отъ трубки Крукса, упадутъ на деревянный ящикъ съ разновѣсомъ; тутъ они встрѣтятъ, во-первыхъ, дерево (ящикъ) и, во-вторыхъ, металлъ (разновѣски); черезъ дерево они пройдутъ, черезъ металлъ—нѣтъ; такимъ образомъ, изъ ящичка съ разновѣсомъ выйдутъ только тѣ лучи, которые не натолкнулись на разновѣсъ; эти лучи доберутся до кассетки (тоже деревянной) пройдутъ черезъ нее, упадутъ на помѣщающуюся тамъ фотографическую пластинку и произведутъ въ этой пластинкѣ тѣ измѣненія, какія вообще свѣтъ производитъ въ такихъ пластинкахъ.

Что же должно получиться на пластинкѣ? Она почернѣетъ въ тѣхъ мѣстахъ, куда Х-лучи упали и *не измѣнится* въ тѣхъ, гдѣ на нее не попало никакихъ лучей. А такъ какъ на нее никакихъ лучей не упало именно въ мѣстахъ, соотвѣтствующихъ разновѣскамъ, которые задержали Х-лучи, то, стало быть, пластинка должна почернѣть въ большей или меньшей степени вся за исключеніемъ мѣстъ, соотвѣтствовавшихъ разновѣскамъ, т. е. въ этихъ мѣстахъ пластинки должны получиться контуры разновѣсокъ

Дѣйствительно, опытъ вполнѣ подтвердилъ такое разсужденіе, и Рентгенъ получилъ отчетливый отпечатокъ *силуэта* разновѣсокъ.

Изъ описанія этого опыта не трудно видѣть, что мы здѣсь имѣемъ дѣло не съ фотографіей въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово обыкновенно употребляется. Фотографія даетъ намъ полное изображеніе фотографируемаго предмета; между тѣмъ, какъ здѣсь мы имѣемъ только фотографированіе или, точнѣе, отпечатываніе силуэтовъ, а не самихъ предметовъ. То, что получилъ Рентгенъ, можетъ быть уподоблено слѣдующему случаю: представимъ себѣ, что мы на фотографическую пластинку помѣстили бы монету и затѣмъ пластинку подвергли дѣйствію солнечныхъ лучей; тогда пластинка почернѣла бы во всѣхъ мѣстахъ, кромѣ того мѣста, гдѣ лежитъ монета, стало быть мы, получили бы на темномъ фонѣ бѣлый кружокъ. Здѣсь, слѣдовательно, не было бы изображенія, фотографіи монеты, а было бы только изображеніе ея силуэта.

Подобные-то силуэты и получилъ Рентгенъ взявши ящичекъ съ разновѣсками. Но въ виду того, что предметы, непрозрачные для обыкновенныхъ лучей свѣта, оказываются въ различной степени

прозрачными для Х-лучей, явилась возможность получать тѣневыя изображенія предметовъ, скрытыхъ въ непрозрачныхъ ящикахъ.

Такъ, если взять алюминіевый ящичекъ и, положивъ въ него различные металлическіе предметы, помѣстить этотъ ящичекъ по пути Х - лучей, а сзади поставить фотографическую пластинку, то на ней получится отпечатокъ тѣхъ предметовъ, которые были положены въ ящичкѣ, самый же ящичекъ дастъ едва замѣтное изображеніе. Это потому, что Х - лучи свободно проходятъ черезъ алюминіевый ящикъ и задерживаются лишь тѣми предметами, которые лежали въ немъ.

Итакъ, различныя непрозрачныя вещества оказываются прозрачными для Рентгеновскихъ лучей. Имѣя это въ виду, Рентгенъ помѣстилъ между Круксовой трубкою и фотографической пластинкою свою руку; онъ могъ разсчитывать, что Х - лучи хорошо пройдутъ черезъ кожу и мягкія части руки и задержатся костями, слѣдовательно, на фотографической пластинкѣ получится слабая тѣнь отъ всей руки и рѣзкая отъ костей, иначе говоря, можно было ждать, что на пластинкѣ получится ясное изображеніе костей руки. Опытъ блистательно подтвердилъ такое предположеніе, и мы имѣемъ возможность въ настоящее время получать съ живой руки или ноги скелетъ ея, такъ отчетливо, какъ будто онъ не покрытъ ни кожей, ни мышцами, ни связками, ни сухожиліями.

Подобнаго рода отпечатки скелета человѣческой руки, ноги; скелета лягушки, рыбы и т. д. приготовлены уже теперь въ изобиліи.

Опыты съ лучами Рентгена производятся крайне легко. Принимая во вниманіе, что, быть можетъ, нѣкоторые изъ нашихъ читателей пожелаютъ повторить эти опыты, мы считаемъ не безполезнымъ указать, какимъ образомъ слѣдуетъ производить ихъ.

Приборы, которые необходимо имѣть для повторенія опытовъ Рентгена:

1. Трубка Крукса, шарообразная или грушевидная съ алюминіевымъ катодомъ. . . . . отъ 6 до 12 руб.
2. Спираль Румкорфа съ коммутаторомъ, длина искры до 3 сантиметровъ . . . . 40 »
3. Четыре большихъ элемента Бунзена . . . . . 20 »

Затѣмъ слѣдуетъ пріобрѣсти въ магазинѣ фотографическихъ принадлежностей чувствительныя бромо-желатиновыя пластинки, но не въ коробкахъ, а въ двойныхъ конвертахъ изъ черной и желтой бумаги.

Кромѣ того, нужно имѣть проявитель (гидрохинонъ или амидолъ), фиксажъ и кюветку для проявленія. Всѣ указанія по по-

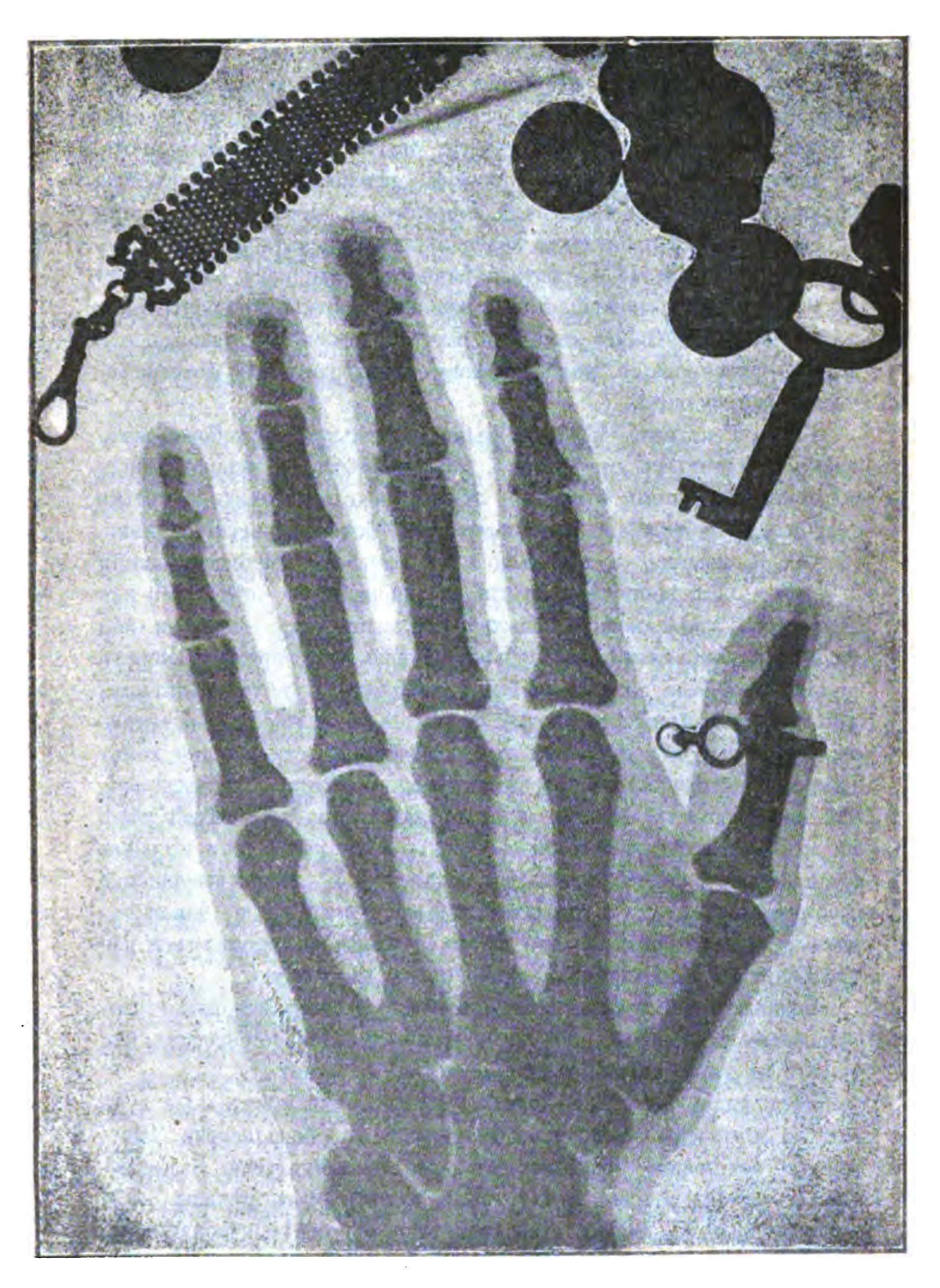
воду проявленія и фиксаціи получаемыхъ отпечатковъ интересующіеся найдутъ въ любой книжкѣ по фотографіи, которую можно достать и въ магазинахъ фотографическихъ принадлежностей, и въ книжныхъ магазинахъ.

Имѣя все, только что указанное, можно приступить къ опытамъ.

Зарядивъ элементы Бунзена (въ глиняный цилиндръ наливаютъ азотную кислоту удѣльнаго вѣса 1,35—1,4, а въ стеклянный обыкновенную сѣрную кислоту, взявъ на 10 объемовъ воды одинъ объемъ сѣрной кислоты) и соединивъ ихъ послѣдовательно между собою, проводятъ проволоки къ спирали Румкорфа. Отъ нея, т. е. отъ наружной обмотки, ведутъ проволоки къ трубкѣ Крукса. Когда спираль начнетъ дѣйствовать и Круксова трубка свѣтиться, то тотъ конецъ ея, который свѣтится всего болѣе яркимъ зеленымъ свѣтомъ, слѣдуетъ повернуть внизъ и закрѣпить въ какомъ-нибудь штативѣ на разстояніи 40—50 сантиметровъ надъ столомъ. Разумѣется, всѣ эти закрѣпленія Круксовой трубки слѣдуетъ дѣлать, прекративши сообщеніе ея съ спиралью Румкорфа. Затѣмъ, на столъ нужно положить вышеописанный черный конвертъ съ фотографическою пластинкою такъ, чтобы онъ приходился какъ разъ подъ Круксовой трубкою, т. е. чтобы перпендикуляръ, возставленный изъ средины лежащаго на столѣ конверта уперся въ наиболѣе ярко свѣтящуюся часть Круксовой трубки. Когда это сдѣлано, то на черный конвертъ кладутъ тотъ предметъ, отпечатокъ котораго желаютъ получить, хотя бы, напримѣръ, руку. Затѣмъ соединяютъ Круксову трубку со спиралью Румкорфа. Трубка свѣтится; исходящіе отъ нея X-лучи падаютъ на конвертъ и на лежащую на немъ руку, проникаютъ къ фотографической пластинкѣ и оставляютъ на ней отпечатокъ.

Для полученія хорошихъ отпечатковъ, слѣдуетъ держать (экспонировать) въ зависимости отъ различныхъ условій отъ десяти и до 50 минутъ. Впрочемъ, въ точности указать необходимое для экспозиціи время трудно; продолжительность экспозиціи зависитъ отъ различныхъ условій, и каждый путемъ опыта найдетъ, какъ долго нужно ему экспонировать для того, чтобы при его Круксовой трубкѣ отпечатки получались наиболѣе удачные.

Продержавши чувствительную пластинку подъ дѣйствіемъ X-лучей при вышеприведенныхъ условіяхъ, можно быть почти увѣреннымъ въ удачѣ опыта. Закончивъ опытъ, прекращаютъ токъ (снимать отпечатываемые предметы—въ нашемъ примѣрѣ—руку—до прекращенія тока не слѣдуетъ), и конвертъ съ заключенною въ немъ пластинкою уносятъ въ *совершенно темное* помѣ

Отпечатокъ руки, монетъ, цѣпочки и ключа, полученный по способу Рентгена въ физическомъ кабинетѣ И. Военно-Медицинской Академіи, проф. Н. Г. Егоровымъ.

щеніе, гдѣ уже его вскрываютъ и погружаютъ въ растворъ проявителя. Проявлять нужно возможно медленно и осторожно.

Совѣтуемъ всѣмъ, желающимъ повторить опыты Рентгена и незнакомымъ съ физикою, обращаться за помощью къ лицамъ, умѣющимъ производить физическіе опыты вообще, такъ какъ не зная устройства спирали Румкорфа, можно при работѣ съ нею получить сильный и вредный для организма электрическій ударъ,

Относительно проявленія полученныхъ отпечатковъ совѣтуемъ лицамъ, незнакомымъ съ фотографической техникой, обращаться къ фотографамъ спеціалистамъ или къ опытнымъ любителямъ; только познакомившись съ тѣмъ, какъ производится проявленіе и затѣмъ фиксированіе, можно самому производить эти фотографическія манипуляціи.

Когда Рентгенъ получилъ вышеописаннымъ способомъ отпечатки различныхъ предметовъ, помѣщенныхъ въ непрозрачныя оболочки, то у него, вѣроятно, явилась мысль получить не только силуэтныя изображенія, но и *настоящіе* фотографическіе снимки. Для этого, конечно, нужно было найти способы концентрированія X - лучей. Для концентрированія обыкновенныхъ свѣтовыхъ или тепловыхъ лучей можно пользоваться выпуклыми стеклами или вогнутыми зеркалами, ибо обыкновенные лучи, проходя черезъ выпуклыя стекла, преломляются и собираются въ такъ называемой фокусной плоскости; точно также, отражаясь отъ вогнутаго зеркала, эти лучи собираются въ фокусной плоскости. Однако, когда Рентгенъ попробовалъ сконцентрировать X - лучи, то оказалось, что они и не отражаются, и не преломляются, по крайней мѣрѣ ни замѣтнаго отраженія, ни замѣтнаго преломленія они не обнаруживаютъ. Это обстоятельство ставитъ X - лучи совершенно особнякомъ, такъ какъ до настоящаго времени мы не знали такихъ лучей, которые бы не имѣли способности отражаться или преломляться, переходя изъ одной среды въ другую.

Познакомившись съ лучами Рентгена, а въ особенности, познакомившись съ ними на опытѣ, каждый естественно спроситъ: что же это за такіе странные, необыкновенные лучи?

Какъ видно было изъ предыдущаго, даже и катодные лучи еще до сихъ поръ не изучены и природа ихъ не выяснена. Разумѣется, еще менѣе понятны для насъ лучи Рентгена. Быть можетъ, если бы вопросъ о катодныхъ лучахъ былъ рѣшенъ, то и новооткрытые X-лучи представлялись бы менѣе непонятными. А потому объ этихъ лучахъ можно высказывать только предположенія.

Самъ Рентгенъ думаетъ, что X-лучи происходятъ вслѣдствіе продольныхъ колебаній свѣтового эфира.

Профессоръ С.-Петербургскаго университета, И. И. Боргманъ высказалъ весьма вѣроятное предположеніе, состоящее въ томъ что Рентгеновскіе лучи суть электрическія колебанія, возникающія въ данной средѣ подъ вліяніемъ разрядовъ, происходящихъ въ Круксовой трубкѣ и что прохожденіе ихъ черезъ непрозрачныя тѣла объясняется тѣмъ, что въ этихъ непрозрачныхъ тѣлахъ возникаютъ, какъ бы по созвучію, тѣ же колебанія, какія имѣются и въ окружающей средѣ.

Исходя изъ того, что катодные лучи представляютъ нѣчто матеріальное, можно, конечно, считать, что они ничто иное, какъ частицы газа, заряженныя электричествомъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, склоненъ былъ смотрѣть на нихъ Круксъ. То же думаетъ, напр., О. Леманъ и др.

Можно, напримѣръ, предположить, что эти молекулы, въ силу своей ничтожной величины (пузырекъ кислорода, имѣющій въ діаметрѣ 0,1 миллиметра, содержитъ около 25.000 милліоновъ молекулъ), подъ вліяніемъ огромной скорости, которую онѣ получаютъ благодаря электрическому заряду, проходятъ черезъ стекло Круксовой трубки и устремляются на подобіе выпущенной изъ ружья дроби на всѣ предметы, находящіеся внѣ Круксовой трубки и благодаря наносимымъ по этимъ предметамъ ударамъ, производятъ тѣ или другія послѣдствія. Если бы такое предположеніе оказалось справедливымъ, то тогда было бы понятно, почему эти лучи не отражаются и проходятъ сквозь непрозрачные предметы: молекулы, такъ сказать, пролетаютъ черезъ промежутки имѣющіеся между отдѣльными частицами различныхъ твердыхъ тѣлъ. Такая гипотеза дѣлаетъ, между прочимъ, понятнымъ и то обстоятельство, въ силу котораго катодные лучи тѣмъ легче проходятъ черезъ непрозрачные предметы, чѣмъ эти предметы менѣе плотны— фактъ замѣченный Ленардомъ.

Впрочемъ, въ настоящее время мы еще не имѣемъ основаній для высказыванія какихъ-либо гипотезъ, которыя могли бы претендовать на сколько-нибудь значительную вѣроятность.

И потому, оставивъ всякія на этотъ счетъ предположеиія, обратимся къ тѣмъ слѣдствіямъ, какія имѣло уже въ данную минуту открытіе Рентгена.

Принимая во вниманіе, что такъ называемыя непрозрачныя тѣла (для обыкновенныхъ свѣтовыхъ лучей) въ различной степени прозрачны для лучей Рентгена, можно было ожидать, что если эти лучи будутъ пущены на такой предметъ, какъ кисть руки, состоящую изъ тканей различной плотности, то черезъ нѣкоторыя части ея они пройдутъ свободно, черезъ другія—съ трудомъ, а

черезъ нѣкоторыя—и совсѣмъ не пройдутъ. Если, значитъ, руку помѣстить на фотографическую пластинку и «освѣтить» ее (руку) сверху Рентгеновскими лучами, то на пластинкѣ долженъ получиться отпечатокъ, который сразу покажетъ, черезъ какія части руки лучи прошли легче, черезъ какія—труднѣе.

Когда Рентгенъ сдѣлалъ подобный опытъ, то получился весьма интересный результатъ: лучи прошли черезъ ткани совершенно легко, между тѣмъ какъ костями руки были почти вполнѣ задержаны—вслѣдствіе этого, на фотографической пластинкѣ получился отпечатокъ не всей руки, а только скелета ручной кисти. Въ зависимости отъ того, какъ веденъ опытъ, какіе взяты для него приборы—снимки получались болѣе или менѣе рѣзкіе и, напримѣръ, отпечатокъ руки, полученный профессоромъ с.-петербургскаго университета И. И. Боргманомъ настолько хорошъ, что на немъ можно видѣть болѣе или менѣе плотныя части костей руки въ отличіе отъ частей болѣе, такъ сказать, рыхлыхъ. Не менѣе удачны снимки, полученные проф. военно-медицинской академіи, Н. Г. Егоровымъ; послѣдній получилъ кромѣ того отпечатокъ полнаго скелета лягушки, рыбы и руки.

Особенность Рентгеновскихъ лучей, проходящихъ черезъ мягкія части тѣла и задерживающихся, какъ костями, такъ и многими металлами (за исключеніемъ алюминія) и нѣкоторыми другими тѣлами, повлекла за собою то, что Рентгеновскіе лучи получили примѣненіе въ медицинѣ или, точнѣе, въ хирургіи. Если, напримѣръ, въ томъ или другомъ мѣстѣ руки или ноги застряла пуля, иголка и проч., то Рентгеновскій способъ даетъ возможность опредѣлить мѣсто, гдѣ эти инородныя тѣла застряли. «Освѣщая» раненное мѣсто лучами Рентгена и дѣлая отпечатокъ, мы получимъ ясное изображеніе того инороднаго тѣла, которое застряло гдѣ-либо въ организмѣ.

Какая будущность принадлежитъ практическому примѣненію Рентгеновскихъ лучей — теперь еще сказать трудно. Можно, во всякомъ случаѣ, предполагать, что правильныя испытанія, которыя, конечно, теперь будутъ продѣлываться значительнымъ числомъ изслѣдователей, приведутъ къ возможности получать не только отпечатки, подобные тѣмъ, какіе дѣлаются въ настоящее время, но и болѣе совершенные отпечатки, при которыхъ будетъ получаться изображеніе любой ткани организма по желанію изслѣдователя. Быть можетъ, удастся даже получать *настоящія фотографіи* «непрозрачныхъ» предметовъ. Для этого, прежде всего, нужно будетъ найти такія среды, которыя способны преломлять лучи Рентгена и собирать ихъ въ фокусъ, или же такія вещества,

Отпечатокъ скелета лягушки, полученный тамъ же. На рис видна переломанная нога (лѣвая), видна также булавка, введенная въ желудокъ лягушки.

которыя способны будутъ отражать отъ себя бо́льшую часть падающихъ Рентгеновскихъ лучей и точно также собирать ихъ въ фокусъ *).

Не мѣшаетъ, въ заключеніе, прибавить, что открытіе Ренгтена, представляя большой интересъ и теоретическій, и практическій, все же не представляетъ чего-либо такого, въ чемъ можно было бы усмотрѣть переворотъ въ наукѣ. Нѣсколько преувеличенную репутацію открытіе Рентгена получило благодаря своей, такъ сказать, научной демократичности. Въ самомъ дѣлѣ, результаты этого открытія ясны для всякаго не только образованнаго, но даже и мало образованнаго человѣка. Называть открытіе Ренгтена—великимъ, какъ это дѣлаютъ многіе—неправильно. Оно, если угодно, интересно, можетъ получить очень важныя практическія примѣненія, но съ научной стороны—ничего необычайнаго или совершенно новаго не представляетъ. Темные, невидимые лучи были извѣстны давно: тепловые и ультра фіолетовые лучи хорошо извѣстны физикамъ и химикамъ. Способность темныхъ лучей не проходить черезъ нѣкоторые прозрачные предметы—точно также была извѣстна; было, напримѣръ, извѣстно, что тепловые лучи, лежащіе въ отдаленнѣйшемъ концѣ ультра-красной части спектра, совершенно не проходятъ черезъ прозрачное стекло и прекрасно проходятъ черезъ пластинку каменной соли; съ другой стороны, Тиндаль доказалъ, что совершенно непрозрачный растворъ іода въ сѣрнистомъ углеродѣ совершенно свободно пропускаетъ сквозь себя темные тепловые лучи. Очевидно, стало быть, что фактъ прохожденія лучей черезъ «непрозрачные» предметы не представляетъ ничего новаго. Ленардъ, какъ мы выше говорили, указалъ, что катодные лучи отлично проводятъ черезъ алюминіевую пластинку и очень трудно—черезъ совершенно прозрачную слюдяную.

Такимъ образомъ, Рентгеновскіе лучи представляютъ въ томъ отношеніи новость, что, обладая съ одной стороны свойствами какъ бы тепловыхъ лучей (ультра-красныхъ), они, съ другой стороны, обладаютъ свойствами лучей ультра-фіолетовыхъ, т. е. дѣйствуютъ на обыкновенную фотографическую пластинку; этими свойствами обладаютъ, однако, и катодные лучи; но катодные лучи видимы и затѣмъ на нихъ дѣйствуетъ магнитъ; между тѣмъ какъ лучи Рентгена невидимы и, повидимому, на нихъ магнитъ не дѣйствуетъ. Быть можетъ, Рентгеновскіе лучи только тѣмъ и отличаются отъ катодныхъ, что не имѣютъ того электрическаго заряда, какой несутъ съ собою катодные лучи.

*) Въ настоящее время уже появились указанія на то, что «иксъ» лучи способны отражаться отъ стальныхъ пластинокъ.

Впрочемъ, въ послѣднее время появились указанія, будто обыкновенная электрическая лампочка накаливанія, которая, какъ принято говорить, перегорѣла (т. е. въ которой угольная нить въ какомъ-нибудь мѣстѣ прервана), при пропусканіи тока тоже содержитъ Рентгеновскіе лучи. Но объ этомъ еще надо ждать дальнѣйшихъ изслѣдованій. Но даже если этотъ послѣдній фактъ подтвердится, равно какъ если подтвердится фактъ существованія въ солнечномъ свѣтѣ такъ называемыхъ «темныхъ» лучей, которые, какъ недавно сообщалось въ засѣданіи парижской академіи наукъ, обладаютъ многими изъ свойствъ Рентгеновскихъ лучей, то все же связь всѣхъ этихъ лучей съ катодными лучами не будетъ опровергнута, хотя матеріальность катодныхъ лучей должна будетъ считаться исключенною изъ числа гипотезъ, высказанныхъ по поводу этихъ лучей.

II.

Цвѣтная фотографія.

Вопросъ о цвѣтной фотографіи давно интересуетъ какъ спеціалистовъ фотографовъ, такъ и фотографовъ любителей; да это и естественно: въ самомъ дѣлѣ, у кого не является желаніе фотографически запечатлѣть тотъ или другой красивый видъ природы, то или другое лицо съ передачей естественныхъ цвѣтовъ, присущихъ этимъ предметамъ?

Долгое время полагали, что цѣль эта, едва ли достижима.

Однако, въ 1891 году появились первыя изслѣдованія проф. Lippmann'a, которыя оживили надежды на возможность полученія цвѣтной фотографіи. Какъ и всегда бываетъ—когда о Lippmann'ѣ прокричала вся Европа, нашлись лица, показавшіе, что идея цвѣтной фотографіи принадлежитъ ученымъ, жившимъ гораздо раньше его, а именно знаменитому французскому физику Беккерелю, голландскому ученому Зеебеку и французу Poitevin'у.

Недавно нѣмецкій физикъ, Otto Wiener, задался цѣлью изучить вопросъ о томъ, въ чемъ заключается причина тѣхъ цвѣтовъ, которые получались у Беккереля, Зеебека, Пуатевена и, наконецъ, у Липпманна. Педвергши изслѣдованію цвѣтныя фотографіи, полученныя по способамъ всѣхъ только-что названныхъ ученыхъ, Otto Wiener пришелъ къ весьма интереснымъ выводамъ; во-первыхъ, онъ доказалъ, что цвѣтныя фотографіи, приготовляемыя по способу Беккереля и по способу Липпманна, существенно отличаются отъ подобныхъ же фотографій, приготовленныхъ по способу Пуа-

тевена. Разница заключается въ слѣдующемъ: если фотографію Беккереля или Липпманна разсматривать въ *проходящемъ* свѣтѣ, то-есть, такъ, чтобы ее освѣтить сзади и смотрѣть «сквозь» нее, то цвѣта видны совсѣмъ не тѣ, какъ въ томъ случаѣ, когда разсматривать ее въ *отраженномъ* свѣтѣ, т.-е. освѣтить ее спереди. Явленіе это происходитъ отъ того, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ цвѣтами тонкихъ пластинокъ, которыя образуются въ различныхъ слояхъ свѣточувствительной пленки, покрывающей фотографическую пластинку. Эти цвѣта обусловливаются такъ - называемою *«интерференціей»* свѣтовыхъ лучей.

Совсѣмъ другое мы имѣемъ въ цвѣтной фотографіи Пуатевена. Отто Винеръ путемъ опытовъ показалъ, что въ этомъ послѣднемъ случаѣ на фотографической пластинкѣ получаются настоящіе пигменты, т.-е. краски; если снять цвѣтной слой съ пластинокъ Липпманна и нарушить его цѣлость, то и цвѣта исчезнутъ; если же такой же слой снять съ пластинокъ Пуатевена, то онъ окажется сохранившимъ свои цвѣта, мало того: если на пластинки Пуатевена смотрѣть въ проходящемъ или въ отраженномъ свѣтѣ, то цвѣтъ, окрашенныхъ частей нисколько или [почти нисколько не измѣняется.

Все это доказываетъ, что въ свѣточувствительномъ слоѣ пластинокъ Пуатевена образуются какія-то красящія вещества, цвѣтъ которыхъ прямо вызывается цвѣтомъ падающихъ на пластинку лучей. При такомъ выводѣ естественно рождаются два вопроса, безъ разрѣшенія которыхъ и происхожденіе цвѣтной фотографіи становится непонятнымъ:

Вопросъ I-й: какое вещество въ свѣточувствительной пластинкѣ является «хромогеномъ», т.-е. веществомъ, изъ котораго происходятъ пигменты?

Вопросъ II-й: вслѣдствіе чего образующіеся изъ хромогена пигменты получаютъ тотъ же цвѣтъ, какой имѣютъ падающіе на хромогенъ извнѣ лучи?

На первый вопросъ съ точностью отвѣтить нельзя; несомнѣнно только то, что серебро или, правильнѣе, соединенія серебра съ хлоромъ или бромомъ являются въ роли хромогеновъ. Уже четыре года тому назадъ американскій ученый, Carey Lee, показалъ, что соединенія серебра съ хлоромъ могутъ принимать, подъ вліяніемъ различныхъ условій и, между прочимъ, подъ вліяніемъ свѣта, различную окраску, т.-е. образовать вещества различныхъ цвѣтовъ. Такъ какъ въ свѣточувствительномъ слоѣ фотографическихъ пластинокъ имѣется либо хлористое, либо бромистое серебро, то весьма возможно, что при освѣщеніи такой пластинки лучами свѣта содер-

жащееся въ ней хлористое или бромистое серебро претерпѣваетъ именно тѣ измѣненія, на которыя обратилъ вниманіе Carey Lee.

Второй вопросъ представляется затрогивающимъ загадочное явленіе даже въ томъ случаѣ, если бы первый былъ съ несомнѣнностью разрѣшенъ. Въ самомъ дѣлѣ, если даже хлористое и бромистое серебро могутъ принимать различные цвѣта, то что же заставляетъ ихъ принимать именно тотъ цвѣтъ, который имѣютъ падающіе извнѣ лучи; почему, если на хлористое и бромистое серебро падаютъ лучи, напримѣръ, отъ голубого платья, то и хлористое серебро дѣлается голубымъ; а если падаютъ лучи отъ розоваго лица, то хлористое серебро принимаетъ розовый цвѣтъ?

Отто Виннеръ прекрасно разъяснилъ эту кажущуюся загадку. Для того чтобы понять сущность этого разъясненія, надо вспомнить, что такое цвѣтная среда. Всякое цвѣтное тѣло характеризуется тѣмъ, что оно—изъ падающихъ на него лучей всевозможныхъ цвѣтовъ—поглощаетъ одни, отражаетъ другіе и пропускаетъ сквозь себя третьи. Красное прозрачное стекло, напримѣръ, когда на него падаетъ бѣлый свѣтъ (представляющій, какъ извѣстно, смѣсь самыхъ разнообразныхъ цвѣтныхъ лучей), пропускаетъ насквозь почти только одни лучи краснаго цвѣта, всѣ же остальные поглощаются. Такимъ образомъ, каждое цвѣтное стекло представляется какъ бы фильтромъ, черезъ который процѣживается бѣлый лучъ; оно пропускаетъ сквозь себя лучи одного цвѣта, задерживая лучи всѣхъ другихъ цвѣтовъ. Разумѣется, въ дѣйствительности, почти каждое цвѣтное стекло пропускаетъ сквозь себя лучи не одного только, а нѣсколькихъ цвѣтовъ, и потому почти всѣ цвѣта, которые мы получаемъ черезъ посредство цвѣтныхъ стеколъ, суть цвѣта не простые, а смѣшанные; но взятый нами примѣръ съ краснымъ стекломъ имѣетъ въ виду случай идеальный гдѣ черезъ стекло проходятъ дѣйствительно лучи только одного краснаго цвѣта.

Непрозрачные окрашенные предметы только тѣмъ и отличаются отъ цвѣтныхъ прозрачныхъ стеколъ, что въ то время, какъ эти послѣднія поглощаютъ всѣ лучи, пропуская сквозь себя какіе-либо одни, непрозрачные цвѣтные предметы поглощаютъ тоже всѣ лучи, но вмѣсто того, чтобы пропускать насквозь *отражаютъ* отъ себя лучи даннаго цвѣта. Такимъ образомъ, красная бумага, напримѣръ, поглощаетъ изъ бѣлаго луча всѣ цвѣтные его лучи и отражаетъ только одни красные.

Предметъ, не отражающій отъ себя никакихъ лучей, а поглощающій всѣ, будетъ намъ казаться *чернымъ матовымъ*.

И такъ, представимъ себѣ, что у насъ имѣется пластинка,

покрытая чернымъ матовымъ слоемъ (значитъ. способнымъ поглощать лучи всѣхъ цвѣтовъ) и представимъ, что этотъ матовый слой полученъ наложеніемъ на пластинку такого вещества, которое, поглощая свѣтовые лучи, можетъ претерпѣвать подъ вліяніемъ ихъ тѣ или другія химическія измѣненія. Пусть эти измѣненія выражаются, напримѣръ, въ томъ, что данное вещество можетъ благодаря испытываемымъ химическимъ превращеніямъ, переходить черезъ всѣ цвѣта и, наконецъ, становиться бѣлыми или безцвѣтнымъ. Предположимъ, что на разныя части этого чернаго вещества упадутъ лучи различныхъ цвѣтовъ; пусть, напримѣръ, на верхнюю часть падаютъ красные лучи, на среднюю — зеленые, а на нижнюю — синіе. Спрашивается, что изъ этого выйдетъ? Черный слой, покрывающій пластинку, будетъ поглощать и тѣ, и другія, и третьи лучи и станетъ мѣнять свой цвѣтъ. До которыхъ поръ онъ будетъ мѣнять цвѣтъ? Очевидно, до тѣхъ поръ, пока будетъ поглощать лучи. До которыхъ же поръ будетъ онъ ихъ поглощать? Конечно, до тѣхъ поръ, пока самъ не пріобрѣтетъ цвѣта, свойственнаго падающимъ на пластинку лучамъ; ибо съ этого момента, т.-е. когда верхняя часть этого чернаго вещества станетъ красною, средняя — зеленою, а нижняя — синею, съ этого момента каждая изъ нихъ будетъ отражаать падающіе на нее лучи названныхъ цвѣтовъ, а, стало быть, не будетъ ничего поглощать и не будетъ, слѣдовательно, измѣняться дальше.

И такъ, когда черный свѣточувствительный слой приметъ въ разныхъ своихъ частяхъ цвѣта, соотвѣтствующіе цвѣту падающихъ на него лучей, то дальше онъ будетъ оставаться неизмѣннымъ, и мы въ нѣкоторомъ, покрайней мѣрѣ смыслѣ получимъ цвѣтную фотографію.

Руководствуясь подобными соображеніями и частью гипотезами, высказанными Davann'омъ въ его «Traité général de Photographie», французскій изслѣдователь, E. Vallot, совершенно независимо отъ Otto Wiener'a, произвелъ рядъ опытовъ для полученія цвѣтныхъ фотографій,—опытовъ, которые каждый можетъ повторить. Онъ взялъ смѣсь трехъ красокъ, въ такихъ пропорціяхъ:

1-я)	Анилиноваго пурпура...	0,002	грамма.
	Спирту..............	50	куб. центим.
2-я)	Голубой Викторіи......	0,002	грм.
	Спирту..............	50	куб. центим.
3-я)	Куркумы	10	грм.
	Спирту..............	50	куб. центим.

Затѣмъ, была взята бумага и положена поочередно на по-

верхность каждаго изъ этихъ растворовъ такъ, чтобы она на этой поверхности плавала.

Бумага сначала дѣлается красною; затѣмъ, когда ее опускаютъ на голубой растворъ, то она становится лиловатою. Наконецъ, положенная на поверхность желтаго раствора куркумы, она дѣлается буровато-фіолетовою и очень напоминаетъ цвѣтъ чувствительныхъ пластинокъ Пуатевена.

Такимъ образомъ, въ результатѣ получается бумажка, пропитанная тремя красками. Эти всѣ краски мало прочны, и когда на нихъ падаетъ солнечный свѣтъ, онѣ поглощаютъ лучи его и начинаютъ измѣняться. Подъ вліяніемъ солнечнаго бѣлаго цвѣта эти краски обезцвѣчиваются и, такимъ образомъ, черезъ нѣкоторое время бумага, если ее подвергнуть дѣйствію *бѣлыхъ* солнечныхъ лучей, становится бѣлою.

Если же эту самую окрашенную бумагу подвергнуть дѣйствію цвѣтныхъ лучей, напримѣръ, пропустивъ падающій на нее солнечный свѣтъ предварительно чрезъ цвѣтныя стекла, то произойдетъ слѣдующее: въ тѣхъ мѣстахъ такой бумаги, на которыя упадутъ красные лучи, эти красные лучи будутъ *поглощаться* голубою и желтою краскою и *отражаться* красною. Вслѣдствіе дѣйствія поглощенныхъ лучей, голубая и желтая краски станутъ обезцвѣчиваться, между тѣмъ какъ красная, такъ какъ она отражаетъ отъ себя красные лучи, останется неизмѣнною, и та часть бумаги, которая находится подъ краснымъ стекломъ, покраснѣетъ; на томъ же основаніи часть бумаги, лежащая подъ голубымъ стекломъ, сдѣлается голубою, подъ желтымъ—желтою и т. д.

Конечно, бумага, приготовленная по способу Vallot, не можетъ считаться свѣточувствительною въ томъ смыслѣ, въ какомъ это принято понимать въ фотографической техникѣ; эта бумага требуетъ для того, чтобы въ ней произошли вышеописанныя перемѣны, продолжительнаго дѣйствія цвѣтныхъ лучей, между тѣмъ какъ свѣточувствительныя пластинки, употребляемыя въ фотографіи, требуютъ лишь долей секунды, чтобы воспроизвести изображеніе того или другого предмета. Но, разумѣется, не во времени дѣло. Кто помнитъ прежній, такъ-называемый, коллодіонный, способъ фотографированія, тотъ знаетъ, какая разница между нынѣшними свѣточувствительными пластинками и тѣми, которыя употреблялись лѣтъ 20 тому назадъ. Ничего нѣтъ невѣроятнаго, что дальнѣйшія изслѣдованія въ этой области дадутъ возможность найти такія вещества, которыя, подъ вліяніемъ падающихъ на нихъ цвѣтныхъ лучей, будутъ въ самое короткое время принимать соотвѣтствующіе этимъ лучамъ цвѣта.

Еще одно затрудненіе встрѣчается теперь въ дѣлѣ цвѣтной фотографіи. Тѣ краски, которыя появляются на цвѣтныхъ фотографіяхъ, приготовляемыхъ по способу Пуатевена, Отто Винера или Валло, весьма не прочны и скоро послѣ своего появленія «выцвѣтаютъ». Надо стараться ихъ «фиксировать», т. е. сдѣлать неизмѣняющимися отъ дальнѣйшаго дѣйствія на нихъ свѣтовыхъ лучей. До сихъ поръ этого не удалось получить; но, безспорно— это послѣднее не представляетъ чего-либо невозможнаго: вѣдь, знаетъ же современная техника цѣлый рядъ красокъ, которыя будучи крайне непрочными въ моментъ, когда ими окрашиваются ткани, затѣмъ, при помощи пропариванія, протравливанія и тому подобныхъ процессовъ, становятся весьма прочными и не измѣняющимися. Фиксированіе красокъ, получаемыхъ на цвѣтныхъ фотографіяхъ, представляется дѣломъ, которое будетъ несомнѣнно сдѣлано въ ближайшемъ будущемъ.

И такъ, въ настоящее время цвѣтной фотографіи остается преодолѣть только два затрудненія: 1) получить такія свѣточувствительныя пластинки, которыя принимали бы всевозможные цвѣта и измѣнялись бы подъ дѣйствіемъ цвѣтныхъ лучей возможно быстро, и 2) найти средства, при помощи которыхъ эти цвѣтные снимки можно было бы «закрѣплять», т. е. дѣлать нечувствительными къ дальнѣйшему дѣйствію свѣтовыхъ лучей.

Остроумную попытку къ полученію цвѣтной фотографіи сдѣлали почти одновременно два англичанина, независимо другъ отъ друга; одну сдѣлалъ Joly, другую—James W. Mac-Doneugh.

Сущность способа, придуманнаго двумя названными англичанами (и, конечно, привилегированнаго ими) такова, что за ними нельзя признать ничего общаго съ цвѣтною фотографіей въ томъ смыслѣ, въ какомъ это можно признать за способами Липпманна или Пуатевена. Здѣсь мы имѣемъ скорѣе нѣчто похожее на раскрашиваніе фотографіи или, еще точнѣе, на полученіе обыкновеннаго фотографическаго снимка на цвѣтномъ фонѣ.

Joly, напримѣръ, для полученія своихъ «цвѣтныхъ» снимковъ поступаетъ слѣдующимъ образомъ: онъ беретъ тонкую стеклянную пластинку и всю ее исчерчиваетъ чрезвычайно тонкими и очень близко другъ около друга лежащими цвѣтными линіями (такихъ линій приходится 120 на одинъ центиметръ). Каждая линія окрашивается однимъ изъ трехъ цвѣтовъ — краснымъ, зеленымъ или голубымъ. Окрашиваніе ведется такъ: первая линія красная, вторая—зеленая, третья—голубая, четвертая снова красная, пятая—зеленая, шестая—голубая и т. д. Краски, которыми линіи окрашены, берутся вполнѣ прозрачныя. Если черезъ такую пластинку посмотрѣть на свѣтъ, то пластинка представляется

почти безцвѣтною или слегка сѣроватаго цвѣта, такъ какъ цвѣтныя линіи лежатъ на столько близко другъ къ другу, что глазъ не различаетъ каждаго цвѣта въ отдѣльности, а видитъ эти цвѣта смѣшанными; смѣсь же ихъ даетъ цвѣтъ, близкій къ бѣлому.

Такую раскрашенную пластинку Joly помѣщаетъ на обыкновенную свѣточувствительную пластинку, приготовленную, впрочемъ, такъ, что она чувствительна ко *всѣмъ* цвѣтнымъ лучамъ (какъ извѣстно, обыкновенныя фотографическія пластинки очень мало чувствительны къ лучамъ краснымъ, оранжевымъ и желтымъ) и помѣщаетъ ее въ фотографическую камеру. Если передъ камерою стоитъ предметъ, испускающій отъ себя различные цвѣтные лучи, напр., красные, зеленые и голубые, то эти лучи, падая на пластинку Joly, будутъ проходить сквозь нее на свѣточувствительный слой такъ, что красные лучи пройдутъ только сквозь красныя линіи пластинки, а зеленые—сквозь зеленыя линіи, голубые—сквозь голубыя линіи; но красные лучи не пройдутъ сквозь зеленыя линіи, ибо въ нихъ эти лучи будутъ поглощаться. Въ результатѣ получится негативъ, на которомъ какъ краснымъ, такъ зеленымъ и синимъ лучамъ будутъ соотвѣтствовать темныя линіи большей или меньшей густоты; этотъ негативъ переносится на обыкновенную стеклянную свѣточувствительную пластинку и съ него получается позитивъ. Всѣмъ темнымъ мѣстамъ негатива будутъ на позитивѣ соотвѣтствовать свѣтлыя мѣста, и наоборотъ.

Когда позитивъ приготовленъ, тогда его фиксируютъ, т. е. закрѣпляютъ, а затѣмъ накладываютъ на него цвѣтную пластинку Joly и обѣ пластинки соединяютъ. Если теперь смотрѣть черезъ такую фотографію на свѣтъ, то она представляется имѣющею всѣ натуральные цвѣта фотографированнаго предмета.

Мы говоримъ «всѣ» натуральные цвѣта, потому что, если бы предметъ имѣлъ не только названные три цвѣта, а кромѣ нихъ еще и другіе, напримѣръ, желтый или розовый, то такъ какъ всѣ эти цвѣта, въ большинствѣ случаевъ, сложные, они могутъ быть воспроизведены сочетаніемъ тѣхъ трехъ цвѣтовъ, которые имѣются на пластинкѣ Joly.

Разумѣется, нѣтъ надобности говорить, что способы Joly и Doneugh'а могутъ имѣть какое-либо значеніе только до тѣхъ поръ, пока фиксированіе истинныхъ цвѣтныхъ фотографій не достигнуто; какъ только это будетъ сдѣлано, названные способы будутъ брошены, какъ способы, прежде всего, весьма дорогіе.

Вотъ въ какомъ положеніи стоитъ къ наступающему 1896-му году вопросъ о цвѣтной фотографіи.

Прив.-доц. С.-Петерб. унив. **М. Ю. Гольдштейнъ.**

СЭРЪ ДЖОРЖЪ ТРЕССЕДИ.

Романъ Гемпфри Уордъ.

Переводъ съ англійскаго А. Анненской.

(Продолженіе) *).

V.

Недѣля, которая началась для Тресседи такимъ неожиданнымъ знакомствомъ, обѣщала быть въ высшей степени любопытною для всѣхъ, кто интересовался парламентомъ и его дѣятельностью. Всѣ давно ожидали рѣчи Фонтеноя противъ министерства внутреннихъ дѣлъ, всѣ знали, что, обличая министра, онъ имѣетъ въ виду Максвеля и его группу и что его рѣчь тщательно подготовлена. Многіе горячо спорили о возможныхъ послѣдствіяхъ ея. Во всякомъ случаѣ, нельзя было ожидать, что она окажетъ непосредственное вліяніе на взаимныя отношенія партій и поколеблетъ министерство. Но послѣ Святой Максвель внесетъ свой билль фабричнаго закона, имѣющій въ виду спеціально Западный Лондонъ; это будетъ первый законъ, касающійся взрослыхъ рабочихъ и абсолютно запрещающій раздачу работы по домамъ для нѣкоторыхъ отраслей промышленности, — онъ долженъ дать противникамъ Максвеля не мало предлоговъ для жаркихъ и достославныхъ схватокъ. Онъ весь, съ начала до конца, подлежитъ критикѣ; благодаря ему, уже пало одно министерство; у него есть горячіе сторонники и столь же горячіе противники; отъ рѣшенія коммиссіи по каждой отдѣльной статьѣ его зависитъ жизнь или смерть министерства; дѣло не въ томъ, чтобы онъ самъ по себѣ имѣлъ громадное значеніе, но въ томъ, что Максвель былъ необходимъ для кабинета, а всѣ знали, что ни Максвель, ни его ближайшій другъ и сторонникъ Доусонъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, не отступятъ ни отъ одного изъ существенныхъ пунктовъ билля.

*) См. «Міръ Божій», № 2, февраль 1896 г.

Общее положеніе было въ высшей степени интересно. Года два тому назадъ, пало сильное и долго державшееся торійское министерство. Послѣ того политическія дѣла Англіи совершенно разстроились. Слабое либеральное министерство, расшатанное соціалистами, не долго держалось, за нимъ послѣдовало столь же недолговѣчное торійское министерство; лордъ Максвель послѣ четырехлѣтняго отсутствія съ политической арены вернулся къ своей партіи и погубилъ его. Ему удалось заставить кабинетъ принять билль, отвѣчавшій его искреннимъ убѣжденіямъ и чувствамъ и встрѣтившій поддержку наиболѣе значительныхъ рабочихъ союзовъ. Вслѣдствіе этого билля кабинетъ палъ; но въ короткій періодъ существованія его Максвель пріобрѣлъ такое значительное число сторонниковъ, что когда тори вернулись къ власти, располагая значительнымъ большинствомъ, билль Максвеля занялъ одно изъ первенствующихъ мѣстъ въ программѣ министерства и около него сосредоточивались, можно сказать, всѣ силы борющихся партій.

Эти партіи въ глазахъ всякаго опытнаго наблюдателя представлялись сильно разстроенными. Старая либеральная партія была почти уничтожена; въ ней осталось нѣсколько заблудшихъ скитальцевъ, представителей программы, въ которой никто не нуждался, и жалобъ, которыя никого не трогали. Большая партія соціалистовъ и сторонниковъ независимаго труда наполняла пустыя скамьи либераловъ,—партія революціонеровъ, энтузіастовъ, которыхъ страна нѣсколько побаивалась и которые, сказать по правдѣ, немного боялись самихъ себя. У нихъ была выработанная программа и они оказывали страшное давленіе на жизнь англійскаго общества. А эта жизнь во всемъ, что касалось прогресса и реформы труда, находилась въ самомъ неустойчивомъ, неспокойномъ положеніи.

Послѣ длиннаго періода застоя и сравнительнаго покоя въ промышленныхъ сферахъ, въ Англіи начались бури, подобныя бурямъ, бушевавшимъ на материкѣ, и какъ реакція, такъ и революція выдвигали свои силы подъ новыми формами, подъ руководствомъ новыхъ людей.

Во главѣ реакціонной партіи стоялъ Фонтеной. Года четыре тому назадъ, обстоятельства, сопровождавшія большую стачку въ Мидлэндѣ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими вліяніями, впервые толкнули его на поприще политической жизни, отвратили его отъ скачекъ и всѣхъ прочихъ обычныхъ ему развлеченій. Стачка причинила большіе убытки его отцу, владѣльцу обширныхъ помѣстій въ Сѣверной Мерсіи; она отличалась необыкновенными проявле-

ніями насилія со стороны рабочихъ и ихъ предводителей; Фонтеной, принужденный поневолѣ принимать участіе въ борьбѣ только потому, что отецъ его—суровый и опытный администраторъ громаднаго состоянія,—лежалъ больной въ это время, черезъ нѣсколько недѣль страстно увлекся ею и вышелъ изъ нея совершенно другимъ человѣкомъ. Собственность слѣдуетъ поддерживать; безпорядки и недовольства низшихъ классовъ слѣдуетъ подавлять, рѣшилъ онъ. И вотъ онъ продалъ своихъ скаковыхъ лошадей, и занялся созданіемъ новой партіи съ тѣмъ упорствомъ, тою хитростью и смѣлостью, которыя до сихъ поръ примѣнялъ къ интригамъ и борьбѣ на скачкахъ.

Въ настоящее время, въ новомъ парламентѣ начинали сказываться плоды его громадныхъ трудовъ. Число его сторонниковъ возрасло, подборъ ихъ улучшился. Они одинаково возставали и противъ уступчиваго консерватизма, и противъ заносчивой демократіи. Они открыто высказывались за аристократію и капиталъ, за церковь и за избраніе въ члены палаты людей опыта и знанія. Они составляли оппозицію министерства и относились отрицательно къ его дѣятельности, они рѣшили нетолько бороться противъ всякаго новаго вмѣшательства правительства въ дѣла промышленности, въ свободу отношеній хозяевъ и рабочихъ, но, по возможности, уничтожить тѣ законы, которые допускали это вмѣшательство и были проведены раньше. Среди нихъ преобладали люди съ университетскимъ образованіемъ, вслѣдствіе чего они зорко подмѣчали всякое неловкое выраженіе людей, не бывшихъ въ Оксфордѣ и Кембриджѣ. Нѣкоторые ихъ нихъ, подобно Тресседи, вернулись изъ дальнихъ путешествій и отличались имперьялистскимъ направленіемъ. Группа обладала необыкновеннымъ количествомъ искусныхъ ораторовъ и обращала на себя всеобщее вниманіе, особенно теперь, когда избрала своей мишенью билль Максвеля.

Для посвященныхъ положеніе отличалось нѣкоторыми особенно интересныя частностями. Лэди Максвель пользовалась никакъ не меньшимъ политическимъ значеніемъ, чѣмъ ея мужъ. Являлось ли ея положеніе доказательствомъ новой силы, пріобрѣтенной женщиной, или это былъ примѣръ чего-то знакомаго какъ фараонамъ, такъ и XIX вѣку — возможности для женщины, обладавшей извѣстными физическими свойствами, пробиться въ жизни? Эта женщина случайно шла одинаковымъ путемъ съ своимъ мужемъ, и это обстоятельство дѣлало настоящее положеніе менѣе интереснымъ для нѣкоторыхъ наблюдателей. Съ другой стороны, ея очевидная преданность мужу привлекала простыя души, для кото-

рыхъ вмѣшательство женщины въ политику показалось бы иначе предосудительнымъ, но которыя теперь одобряли его, такъ какъ Марчелла Максвель отличалась не только простотой, но и добротой, любила мужа, была превосходной матерью хорошенькаго сына.

Никто не сомнѣвался, что она стояла за билль Максвеля. Было извѣстно, что она всячески помогала мужу при окончательной разработкѣ его законопроекта; она сама наблюдала рабочихъ во всѣхъ тѣхъ отрасляхъ промышленности, о которыхъ онъ говорилъ; у нея было много друзей среди нихъ, и она отдавала имъ значительную часть своего времени; какъ среди нихъ, такъ и въ гостиныхъ богачей она постоянно боролась за идеи своего мужа, боролась съ помощью своей красоты, своего остроумія и чего-то еще, какой-то смѣлой силы, какого-то очарованія, которое враги могли порицать или презирать, но съ которымъ имъ приходилось считаться.

Что касается лорда Максвеля, онъ былъ не блестящій ораторъ и слылъ въ обществѣ за человѣка сдержаннаго и скрытнаго. Друзья горячо стояли за него, а его товарищи министры разсчитывали на него, какъ на каменную стѣну. Но люди улицы, какъ аристократы, такъ и плебеи, знали его сравнительно мало. Вслѣдствіе этого, все общественное вниманіе сосредоточивалось на убѣжденіяхъ, характерѣ и красотѣ его жены.

Среди всѣхъ этихъ столкновеній личныхъ и общественныхъ интересовъ настала пятница, съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаемая Фонтеноемъ и его партіей. Онъ всталъ тотчасъ послѣ окончанія запросовъ и заговорилъ сначала нѣсколько несвязно и холодно, но затѣмъ оживился и бросилъ парламенту рѣчь шероховатую, неизящную по формѣ, но замѣчательную по своей ѣдкости, тонкой критикѣ, искреннему паѳосу и какой-то дикой силѣ. Всѣ партіи слушали съ напряженнымъ вниманіемъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ выступилъ съ защитой своей политики, и свѣдущіе люди его партіи нашли, что онъ говорилъ вполнѣ убѣдительно. Не смотря на то, героемъ вечера остался Фонтеной.

Какъ только обѣ эти рѣчи были произнесены, Джоржъ побѣжалъ наверхъ къ Летти, которая вмѣстѣ съ миссъ Тюллохъ сидѣла въ галлереѣ спикера. Сердце его сильно билось.

— Великолѣпно!—говорилъ онъ самъ себѣ,—великолѣпно! Мы нашли настоящаго человѣка!

Летти ждала его съ нетерпѣніемъ, и они пошли вмѣстѣ ходить по корридору.

— Ну?—спросилъ онъ, засунувъ руки въ карманы и глядя на нее съ улыбкой сверху внизъ.—Ну?

Летти видѣла, что отъ нея ждутъ похвалъ, и она стала усердно хвалить, а онъ продолжалъ съ улыбкой смотрѣть на нее.

Онъ все время вполнѣ сознавалъ, что она говоритъ пошлости. Съ тѣхъ поръ, какъ она стала невѣстой, она выучила нѣсколько политическихъ фразъ, и ему смѣшно было слушать, какъ она старалась кстати и не кстати употреблять ихъ. Не смотря на то, ея болтовня, ея улыбки и жесты доставляли ему удовольствіе. Она позировала передъ нимъ и играла своими сѣрыми глазами исключительно для него. Онъ смотрѣлъ на нее, какъ на интересную игрушку, хотя ему иногда представлялось, что послѣ свадьбы надо постараться немного развить ее.

— А, хорошо, вамъ понравилось, это очень хорошо!—сказалъ онъ, наконецъ, прерывая ее.—Мы, во всякомъ случаѣ, хорошо начали. Но мнѣ трудно будетъ послѣ него говорить въ понедѣльникъ.

— Неужели вы боитесь? Навѣрно нѣтъ! Вы это говорите изъ ложной скромности. Знаете, лэди Максвель сидѣла черезъ человѣка отъ меня?

— Нѣтъ, я не зналъ. Какъ же ей понравился Фонтеной?

— Она ни разу не шевельнулась послѣ того, какъ онъ всталъ. Она приложила лицо къ этой отвратительной рѣшеткѣ и все время пристально глядѣла на него. Мнѣ показалось, что она сильно покраснѣла, но это было, можетъ быть, отъ жары, и что она недовольна,—лукаво прибавила Летти.—Я съ ней немножко поговорила о вашемъ приключеніи.

— Она вспомнила о моемъ существованіи?

— Еще бы! Конечно! Она сказала, что ждетъ васъ къ себѣ въ воскресенье. *Меня* она къ себѣ не пригласила. — Летти сдѣлала плутовскую гримасу.—Впрочемъ, никто и не ждетъ отъ нея хорошихъ манеръ. Говорятъ, будто она застѣнчива. Но наши друзья подъ этимъ подразумѣваютъ, что она невѣжлива.

— Она была невѣжлива съ вами?—спросилъ Джоржъ, повидимому, интересуясь отвѣтомъ, но въ душѣ не довѣряя ему.— Можетъ быть, мнѣ не ходить къ ней въ воскресенье?

— Нѣтъ, отчего же. Намъ придется вести съ ними знакомство. Она просто изъ тѣхъ женщинъ, которыя не нравятся женщинамъ. Однако, не пойдемъ ли мы обѣдать? Мы съ Тюлли сильно проголодались.

— Пойдемъ скорѣе, я сейчасъ соберу нашу компанію.

Джоржъ пригласилъ отобѣдать съ своей невѣстой нѣсколькихъ знакомыхъ членовъ парламента и своего дальняго родственника, стараго генерала Тресседи съ женой. Вся компанія должна была

собраться въ комнатѣ одного изъ секретарей, очень гостепріимнаго хозяина, и Джоржъ повелъ туда своихъ дамъ.

Когда они вошли въ комнату, въ ней уже было много народа и стоялъ гулъ отъ разговоровъ.

— Другая компанія! — сказалъ Джоржъ, окинувъ взглядомъ комнату.—Бенсонъ любитъ устраивать такія вещи!

— Видите вы леди Максвель?—шепнула ему Летти.

Джоржъ посмотрѣлъ направо и увидѣлъ эту лэди. Она тоже сразу узнала его и поклонилась ему, не вставая съ мѣста. Она составляла центръ группы мужчинъ, толпившихся около нея и около маленькаго столика, на который она опиралась: всѣ они были такъ заняты своимъ разговоромъ, что едва замѣтили появленіе Тресседи и его спутницъ.

— Видите ли, это гости Ливена,—сказалъ секретарь.—Блайзвайтъ долженъ былъ провести ихъ въ свою комнату, а въ послѣднюю минуту оказалось, что ему нельзя. Вотъ почему они пришли сюда. Это *ваша* часть комнаты. Но никто изъ вашихъ гостей еще не пришелъ. Обѣды въ палатѣ зимой, непріятная вещь, миссъ Сьювель. Къ сожалѣнію, мы не можемъ пользоваться террасой въ этихъ случаяхъ.

Онъ подвелъ молодую дѣвушку къ софѣ въ дальнемъ углу комнаты и постарался быть какъ можно любезнѣе, что для него не представляло никакихъ трудностей. Это былъ изящный молодой человѣкъ въ безукоризненномъ фракѣ; Летти скоро почувствовала себя съ нимъ вполнѣ легко и болтала съ своимъ обычнымъ кокетствомъ и граціозными ужимками.

— Вы знаете лэди Максвель?—спросилъ онъ у нея, легкимъ движеніемъ головы указывая на другую группу.

Летти отвѣтила и пока она и ея собесѣдникъ весело болтали, Джоржъ, стоявшій сзади нея, наблюдалъ за другой компаніей. Тамъ, очевидно, шелъ споръ; лэди Максвель, положивъ руки на столъ, нагнулась впередъ и глядѣла, какъ человѣкъ, только что сдѣлавшій выстрѣлъ и ожидающій, въ кого онъ попадетъ.

Онъ попалъ, видимо, въ ея визави, сэра Франка Ливена, такъ какъ тотъ нагнулся къ ней и быстро возразилъ ей съ какимъ-то полумальчишескимъ задоромъ. Онъ уже три года засѣдалъ въ парламентѣ и все еще имѣлъ видъ Итонскаго школьника послѣдняго семестра. Лэди Максвель слушала, что онъ говорилъ, съ выраженіемъ безмолвнаго негодованія на лицѣ, благороднаго, сдержаннаго негодованія. Когда онъ кончилъ, Джоржъ услышалъ ея отвѣтъ:

— Онъ *не понимаетъ*; это все, что можно сказать. Онъ не ви-

далъ и не чувствовалъ, каждое его слово доказываетъ это. Какъ же можно соглашаться съ его мнѣніями?

Губы Джоржа дрогнули. Онъ, улыбаясь, опустился на стулъ рядомъ съ Летти.

— Слышали вы?—спросилъ онъ.

— Она, должно быть, говоритъ о рѣчи Фонтеноя, — сказалъ секретарь, взглянувъ въ ту сторону,—она старается распропагандировать Ливена; онъ, какъ всегда, колеблется и не рѣшается, куда пристать; очень возможно, что онъ скоро будетъ вашимъ.

Онъ добродушно кивнулъ Тресседи и пошелъ поговорить съ однимъ господиномъ, сидѣвшимъ на концѣ другого стола.

— Какъ это смѣшно! — проговорилъ Джоржъ, продолжая насмѣшливо глядѣть на лэди Максвель.—Очень много поштучниковъ, отравленныхъ свинцовыми бѣлилами, видала вся эта компанія!

— Кто они такіе?

Летти самымъ добросовѣстнымъ образомъ разсматривала ихъ и, въ особенности, черное платье и черную шляпку лэди Максвель.

— О, это все ближайшіе друзья Максвеля въ парламентѣ—очень многіе изъ нихъ люди богатые и хорошаго происхожденія; компанія филантроповъ, идеалистовъ, которые печалятся о народныхъ бѣдствіяхъ и, въ случаѣ побѣды народа, будутъ прежде всѣхъ побиты имъ.

— Франкъ Ливенъ считается однимъ изъ ихъ сторонниковъ, но Бенсонъ правду говоритъ, что онъ колеблется, и не будь жена его близкая пріятельница лэди Максвель, онъ бы перешелъ къ намъ, ему этого очень хочется. А, и Беннетъ съ ними, видите? маленькій, смуглый человѣкъ въ очкахъ? Онъ былъ однимъ изъ первыхъ рабочихъ, избранныхъ въ члены парламента, онъ уже давно въ палатѣ, и теперь принадлежитъ къ независимымъ, но отчасти поневолѣ. Онъ одинъ изъ самыхъ преданныхъ союзниковъ лэди Максвель. Она, кажется, намѣрена пользоваться его услугами въ критическіе моменты. Господи, Боже мой! послушайте-ка!

Дѣйствительно, въ соперничествующей партіи споры превратились въ настоящую бурю. Звучный, но не громкій голосъ лэди Максвель, повидимому, господствовалъ надъ всѣми, и ея глаза, все лицо ея, обращенное то къ одному, то къ другому собесѣднику попеременно, или возбуждало новую энергію, или успокаивало страсти.

Тресседи сдѣлалъ гримасу.

— Слушайте, Летти, обѣщайте мнѣ одну вещь!—Рука его изподтишка пожала ея руку. Тюлли скромно отвернулась въ сто-

рону.—Обѣщайте мнѣ не быть политической женщиной, прошу васъ, милая!

Летти быстро отдернула руку: она очень не любила такихъ нѣжностей при публикѣ.

— Но я должна быть политической женщиной, мнѣ безъ этого не обойтись! У меня много знакомыхъ барышень и замужнихъ дамъ, которыя постоянно читаютъ газеты, вовсе не потому, что это имъ интересно, а потому, что у нихъ есть пріятели въ парламентѣ; когда они пріѣзжаютъ въ гости, надобно же знать, о чемъ съ ними говорить.

— Надобно?—переспросилъ Джоржъ.—Какъ странно! Неужели кто-нибудь пріѣдетъ на чай къ женщинѣ, чтобы говорить о томъ, какъ онъ занимался цѣлый день и что уже до смерти надоѣло ему?

— Что дѣлать! — проговорила Летти съ легкимъ оттѣнкомъ сарказма.—Я знаю, что всѣ такъ дѣлаютъ, и я буду дѣлать то же. Я привыкну.

— Привыкнете? Ну, конечно! Только если мнѣ придется проводить трудный билль, позвольте мнѣ это дѣлать самому, окажите мнѣ нѣкоторое довѣріе.

Летти лукаво засмѣялась.

— Я не понимаю, отчего она вамъ такъ противна, — сказала она, не безъ тайнаго удовольствія, снова оглядывая лэди Максвель.—Развѣ она держитъ мужа подъ башмакомъ?

Тресседи сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

— Ахъ, нѣтъ, конечно! Она играетъ свою роль въ общей комедіи, это преданность жены и т. п. Зачѣмъ она такъ выставляется? Женщины не должны мѣшаться въ наши дѣла.

— Благодарю васъ, господинъ тиранъ!—сказала Летти, съ легкимъ поклономъ.

— Долго ли мнѣ придется тиранствовать, прежде чѣмъ вы согласитесь съ моими идеями?—спросилъ онъ, заглядывая съ нѣжной улыбкой въ ея глаза. Оба почувствовали на секунду пріятную дрожь; затѣмъ Джоржъ быстро вскочилъ.

— А, вотъ они, наконецъ! генералъ и вся компанія. Теперь, надѣюсь, намъ дадутъ пообѣдать.

Тресседи пришлось знакомить своихъ родственниковъ и трехъ или четырехъ политическихъ друзей со своей будущей женой; во время суеты представленія и взаимныхъ привѣтствій, никто не замѣтилъ, какъ соперничествующая партія встала и вышла изъ комнаты. Когда гости Тресседи вошли въ столовую, выходившую окнами на террасу, и подошли къ приготовленному для нихъ столу, гости Ливена, помѣстившіеся ближе къ дверямъ, на половину кончили свой обѣдъ.

Обѣдъ Джоржа прошолъ довольно весело. Сѣдой генералъ и его жена старались показать себя пріятными, хорошо воспитанными людьми и, чтобы отблагодарить Джоржа за гостепріимство, безпрестанно говорили ему разныя, лестныя для Летти, вещи. Джоржъ принималъ эти комплименты довольно равнодушно. Онъ былъ увѣренъ, что когда люди хвалятъ или порицаютъ другихъ, они всегда говорятъ вдвое больше того, что дѣйствительно думаютъ; онъ чувствовалъ, что его мнѣніе о Летти нисколько не измѣняется вслѣдствіе мнѣнія другихъ людей.

Такъ, по крайней мѣрѣ, онъ говорилъ самъ себѣ. На самомъ дѣлѣ ему было пріятно, что невѣста его имѣетъ успѣхъ. Летти чувствовала себя превосходно. Этотъ міръ политическихъ дѣятелей болѣе, чѣмъ всѣ извѣстныя ей сферы, удовлетворялъ ея инстинктивное стремленіе играть въ обществѣ видную роль. Она твердо рѣшила занять въ немъ одно изъ первыхъ мѣстъ и, повидимому, это было дѣло не трудное. Друзья Джоржа считали ее хорошенькой, веселой женщиной, и, какъ всѣ мужчины при подобныхъ условіяхъ, охотно пользовались ея обществомъ. Ей очень хотѣлось узнать все, что касалось парламента и его обычаевъ. Это было такъ ново для нея, говорила она. Но ея незнаніе не было глупостью; ея вопросы были не лишены остроумія. Вокругъ нея много болтали и смѣялись. Летти чувствовала себя въ роли хозяйки за столомъ, и ея честолюбіе свѣтской женщины было удовлетворено.

Но вотъ вниманіе Джоржа снова обратилось на столъ Максвелей, такъ какъ общество, сидѣвшее вокругъ него, поднялось и собиралось уйти. Онъ увидѣлъ, что лэди Максвель встала и осматривается, какъ бы отыскивая кого-то. Глаза ея упали на него и онъ невольно поднялся и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ на встрѣчу ей.

— Я еще разъ должна поблагодарить васъ, — она протянула ему руку. — Эта дѣвушка и ея бабушка очень вамъ благодарны!

— А, да! Я вѣдь долженъ придти и дать вамъ отчетъ. Вы, кажется, сказали въ воскресенье?

Она утвердительно кивнула. Выраженіе лица ея измѣнилось:

— Когда вы будете говорить?

Вопросъ былъ такъ неожиданъ, что Джоржъ не сразу отвѣтилъ.

— Я? Должно быть, въ понедѣльникъ, если до меня дойдетъ очередь. Но, я боюсь, Британская имперія ничего не потеряетъ, если я и не буду говорить.

Она бросила пытливый взглядъ на его тонкое, нѣсколько насмѣшливое лицо съ красивыми усами и смуглымъ цвѣтомъ кожи.

— Я слышала, что вы хорошій ораторъ, — сказала она просто. — Вы во всемъ согласны съ лордомъ Фонтеноемъ?

Онъ слегка поклонился вмѣсто отвѣта.

— Вы не станете отрицать, что наше заявленіе подкрѣплено вѣскими данными? Хуже всего...

Онъ остановился. Онъ увидѣлъ, что лэди Максвель перестала слушать его. Она повернула голову къ двери и, даже не простившись съ нимъ, поспѣшила въ противоположный конецъ комнаты.

— Максвель! Вотъ оно что!—сказалъ про себя Тресседи, возвращаясь на свое мѣсто.—Не лестно для меня, но все-таки очень мило!

Онъ думалъ о быстрой перемѣнѣ лица ея, пока онъ говорилъ съ ней, о томъ безсознательномъ выраженіи нѣжности, которое вдругъ освѣтило его.

Лордъ Максвель вошелъ въ столовую, отыскивая жену, и они вышли вмѣстѣ, пока остальные гости Ливена расходились понемногу. Летти тоже объявила, что ей пора домой.

— Позвольте мнѣ на минуту зайти въ палату и посмотрѣть, что тамъ дѣлается,—сказалъ Джоржъ.—По всей вѣроятности, я тамъ не нуженъ, въ такомъ случаѣ я могу проводить васъ.

Онъ быстро вышелъ и, вернувшись черезъ нѣсколько минутъ, объявилъ, что пренія идутъ по второстепеннымъ вопросамъ и что онъ свободенъ, по крайней мѣрѣ, на часъ. Вслѣдствіе этого онъ вмѣстѣ съ Летти и миссъ Тюллохъ вышелъ на площадь. Яркая луна свѣтила имъ прямо въ глаза, погода была теплая весенняя, какъ и съ начала недѣли.

— Послушайте, отправьте миссъ Тюллохъ въ кэбѣ домой,—попросилъ Джоржъ шопотомъ у Летти,—и пройдемся немного. Посмотримъ на рѣку, освѣщенную луной. Я васъ провожу до моста и посажу въ кэбъ.

Летти удивилась, но осталась спокойной.

— Тетя Шарлотта будетъ этимъ шокирована, — сказала она.

Джоржъ разсердился, его нетерпѣніе было пріятно Летти, и она въ концѣ концовъ уступила. Тюлли, самую снисходительную въ свѣтѣ дуэнью, посадили на извозчика и отправили домой.

Когда наши влюбленные дошли до конца Дворцовой площади, ихъ догнала карета, которая на минуту пріостановилась, давая дорогу другимъ экипажамъ.

— Посмотрите!—сказалъ Джоржъ, прижимая руку Летти.

Она быстро оглянулась, свѣтъ уличнаго фонаря освѣтилъ внутренность кареты и она могла ясно разглядѣть сидѣвшихъ тамъ. Лица ихъ были обращены другъ къ другу, какъ будто они вели дружескій разговоръ — вотъ и все. Руки лэди были сложены на колѣняхъ; мужчина держалъ въ рукахъ телеграмму. Одна минута—

и они уѣхали; но Летти и Джоржъ почувствали одно и то же, какъ будто они подглядѣли что-то интимное. Джоржъ уже испыталъ это ощущеніе нѣсколько минутъ тому назадъ при видѣ перемѣны въ лицѣ той же женщины. Летти засмѣялась нѣсколько насмѣшливо.

Джоржъ посмотрѣлъ на нее пристально, ведя ее подъ руку въ ворота.

— Нѣкоторымъ людямъ, кажется, пріятно быть вмѣстѣ! — сказалъ онъ, и голосъ его слегка дрожалъ.—Но зачѣмъ мы смотрѣли?—прибавилъ онъ съ неудовольствіемъ.

— Да какъ же мы могли не видѣть, глупый вы человѣкъ?

Они пошли по направленію къ мосту, ночной вѣтерокъ освѣжалъ ихъ; они чувствовали, что счастливы взаимною близостью. Надъ рѣкой свѣтилъ полный мѣсяцъ и подъ его лучами все— серебристыя струйки воды, яркіе огни желѣзнодорожной станціи. фонари Вестминстерскаго моста и проѣзжавшихъ пароходовъ, рядъ барокъ, даже темный берегъ Сюррея,—все пріобрѣтало мягкій поэтическій оттѣнокъ. Огромный городъ какъ бы опустилъ покровъ на великія и трагическія стороны своей жизни; онъ явился добродушнымъ покровителемъ влюбленной парочки, ея счастья, ея молодости.

Джоржъ подвелъ свою спутницу къ периламъ и, пока она любовалась рѣкой, онъ съ какою-то жадностью вдыхалъ въ себя воздухъ.

— Подумать только,—сказалъ онъ,—сколько часовъ мы проводимъ въ этомъ климатѣ, запертые въ отвратительныхъ помѣщеніяхъ въ родѣ Палаты Общинъ!

Отвращеніе путешественника къ однообразію жизни въ городѣ безъ свѣжаго воздуха сказалось въ его восклицаніи.

Летти подняла брови.

— Я, я такъ очень рада, что надѣла теплое платье. Вы, кажется, забываете, что у насъ еще февраль.

— Не все ли равно, если съ понедѣльника воздухъ апрѣльскій. Видѣли вы сегодня мою мать?

— Да, она пріѣзжала ко мнѣ послѣ завтрака и мы разговаривали цѣлый часъ.

— Бѣдняжка моя! Мнѣ слѣдовало явиться вамъ на помощь. Но она увѣряла, что непремѣнно должна поговорить съ вами объ этомъ домѣ.

Онъ посмотрѣлъ на нее, силясь разсмотрѣть выраженіе ея лица при неясномъ свѣтѣ луны. За завтракомъ онъ выдержалъ непріятную сцену съ матерью. Она убѣждала его, что онъ поступитъ

неблагоразумно, если найметъ домъ въ Брукъ-стритѣ, а онъ все время понималъ скрытый смыслъ ея словъ: если онъ найметъ домъ, у него останется меньше денегъ для прибавки къ ея пенсіи.

— О, все шло отлично,—спокойно отвѣчала Летти.—Она увѣряла, что мы запутаемъ свои дѣла, что я не имѣю понятія о стоимости денегъ, что вы всегда были расточительны, что всѣ удивятся этой покупкѣ и проч. и проч. Мнѣ кажется,—вы не разсердитесь?—мнѣ кажется, она немножко поплакала. Но она не казалась на самомъ дѣлѣ огорченной.

— Что же вы ей сказали?

— Я предложила, чтобы послѣ нашей свадьбы и она, и мы завели бы приходо-расходныя книги; я обѣщала, что буду показывать ей нашу, съ тѣмъ, чтобы она показывала намъ свою.

Джоржъ расхохотался.

— Ну, и что же?

— Она выразила опасеніе,—спокойно продолжала Летти,—что я не довольно серьезно отношусь къ дѣлу. Тогда я предложила ей пойти посмотрѣть мои платья.

— Ну, и это, надѣюсь, успокоило ее?

— Нисколько. Чтобы наказать меня, она все критиковала. На ней надѣто было платье отъ Ворта. Это уже третье послѣ рождества. Мое бѣдное маленькое приданое не могло понравиться ей.

— Гмъ!—задумчиво проговорилъ Джоржъ.—Не знаю, какъ будетъ жить мать послѣ нашей свадьбы?—прибавилъ онъ помолчавъ съ минуту.

Летти ничего не отвѣчала. Она шла твердымъ, быстрымъ шагомъ; глаза ея, блиставшіе рѣшимостью, глядѣли прямо передъ собой; губки ея были крѣпко сжаты. Между тѣмъ, въ умѣ Джоржа мелькало множество отрывочныхъ отвѣтовъ на его собственный вопросъ. Его отношенія къ матери были совершенно ненормальны; онъ не находилъ ничего неприличнаго въ тѣхъ разговорахъ о ней, которые такъ часто велъ съ Летти въ послѣднее время, и онъ собирался на будущее время строго ограничивать ея расходы. Въ то же время онъ сознавалъ, что связанъ съ ней привычкой и непріятною обязанностью заботиться о ней, которая перешла къ нему послѣ смерти отца. Онъ по чести не могъ считать себя любящимъ сыномъ; но сыновнія отношенія, даже самыя несовершенныя, налагаютъ извѣстныя обязательства.

— Ну, ничего, какъ-нибудь устроимся!—сказалъ онъ съ глубокимъ вздохомъ, отгоняя отъ себя давно знакомую заботу.— Однако, какъ мы далеко зашли! — прибавилъ онъ, оглядываясь назадъ на желѣзнодорожную станцію и на башни Вестмин-

стера.—И какъ удивительно тепло! Мы не можемъ сейчасъ же повернуть назадъ, вы страшно устанете, если я васъ заставлю столько пройти. Посмотрите, Летти, вотъ скамейка. Неужели вы побоитесь... минутокъ на пять?

Летти колебалась.

— Такъ страшно поздно! Джоржъ, вы невозможны! Представьте себѣ, вдругъ пройдетъ кто-нибудь изъ нашихъ знакомыхъ?

Онъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее.

— Ну такъ что же? А, впрочемъ, посмотрите, не видно ни одного экипажа, ни одного человѣка. Посидимъ одну минутку.

Летти согласилась очень неохотно. Это казалось ей глупымъ и неосторожнымъ, а ей не было никакой надобности поступать глупо или неосторожно. Съ тѣхъ поръ, какъ она стала невѣстой, она удерживалась отъ многихъ мелкихъ нарушеній общественныхъ приличій, которыя прежде свободно позволяла себѣ. Какъ будто бы теперь, когда эти нарушенія привели ее къ цѣли, въ ней появились новыя, быть можетъ, наслѣдственныя свойства натуры, возстававшія противъ нихъ. Джоржъ былъ нѣсколько удивленъ этой ссылкой на строгія правила приличія; ничего подобнаго онъ не слыхалъ въ Мальфордѣ при началѣ ихъ сближенія.

Какъ только они сѣли, мимо нихъ прошла по улицѣ какая-то фигура, сѣрая, робкая фигура старой женщины въ изношенной шали.

Джоржъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее.

— Откуда она явилась?

Ни одинъ изъ нихъ не замѣтилъ ее раньше. Она, вѣроятно, скрывалась въ тѣни какой-нибудь боковой дорожки. Теперь она прошла мимо нихъ до первой ближайшей скамейки, сѣла на нее, завернулась въ свои лохмотья и опустила голову на грудь.

— Бѣдная женщина!—сказалъ Джоржъ, съ любопытствомъ оглядывая ее.—Она навѣрно просидитъ здѣсь всю ночь. Говорятъ, всякую ночь, когда погода не особенно дурна, многіе ночуютъ на этихъ скамейкахъ.

— Уйдемъ!—рѣзкимъ голосомъ проговорила Летти, приподнимаясь;—мнѣ это непріятно.

Она съ отвращеніемъ посмотрѣла на женщину.

Но Джоржъ остановилъ ее.

— Нѣтъ, посидите минутку. Тетя Шарлотта ничего не скажетъ, она думаетъ, что вы все еще въ палатѣ. А эта несчастная не сдѣлаетъ намъ никакого вреда. Она навѣрно изъ тѣхъ рабочихъ, которыхъ описывалъ Доусонъ. Онъ сообщилъ намъ нѣкоторые ужасающіе факты.

При свѣтѣ луны Летти видѣла, что онъ скользнулъ по ея лицу

мрачнымъ, разсѣяннымъ взглядомъ. Онъ продолжалъ держать ея руку въ своей, но она видѣла, что онъ не думаетъ о ней. Обыкновенно она принимала выраженія его любви довольно холодно. Но въ эту ночь она почувствовала себя обиженной. Зачѣмъ заставилъ онъ ее сдѣлать эту глупую прогулку? Конечно, только затѣмъ, чтобы говорить ей о своей любви. А теперь онъ опять только и думаетъ, что о палатѣ и о политикѣ!

— Джоржъ, я, право, должна уйти,—начала она, краснѣя и стараясь освободить свою руку. Но онъ перебилъ ее:

— Какъ было бы хорошо, если бы возвращеніе на родину не перепутывало всѣхъ мыслей человѣка! Все было такъ просто и правильно въ Индіи. Но разсказы Доусона объ этихъ проклятыхъ промыслахъ,—я, впрочемъ, и раньше зналъ ихъ,—безпрестанно приходятъ мнѣ на умъ и удручаютъ меня. Можетъ быть, и эта женщина одна изъ многихъ жертвъ, какъ знать? Она кажется приличной старушкой.

Онъ указалъ глазами на сосѣднюю скамью.

— Ну, я не понимаю, я рѣшительно ничего не понимаю,— рѣзкимъ тономъ проговорила Летти.—Я думала вы стоите вовсемъ противъ министерства!

Онъ засмѣялся.

— Вся разница между ними и нами, дорогая, въ томъ, что они воображаютъ, будто міръ можетъ быть измѣненъ парламентскимъ актомъ, а мы этого не думаемъ. Дѣлайте, что хотите, говоримъ мы, а міръ есть и долженъ быть проклятой трущобой для большинства живущихъ въ немъ, и все это шарлатанское вмѣшательство, всѣ эти самовластныя распоряженія только еще больше портятъ дѣло.

Летти сидѣла молча. Она почти задыхалась. Для чего держалъ онъ ее здѣсь, чтобы говорить о подобныхъ вещахъ? Онъ смотрѣлъ прямо передъ собою, охваченный своими мыслями, и ее поразило строгое, грустное выраженіе его лица.

Вдругъ онъ повернулся къ ней, взглядъ его смягчился и просвѣтлѣлъ.

— Но міръ не будетъ проклятой трущобой для насъ, дорогая, не правда ли? Мы совьемъ себѣ въ немъ свое гнѣздышко; мы постараемся забыть то, чего не можемъ измѣнить; мы будемъ счастливы, насколько возможно, не правда ли, Летти?

Его рука обвилась вокругъ ея таліи. Онъ сжималъ ея руки. Летти съ неудовольствіемъ сознавала, что все это въ высшей степени нелѣпо, это сидѣнье на улицѣ поздно ночью, эти сцены влюбленныхъ голубковъ. Въ то же время она чувствовала какую-то тревогу и безпокойство, прикосновеніе его руки возбуждало ее.

— Да, конечно, мы будемъ счастливы,—сказала она;—только я не всегда понимаю васъ, Джоржъ. Мнѣ бы хотѣлось знать ваши настоящія мысли обо всемъ.

— Вамъ!—вскричалъ онъ, смѣясь и привлекая ее къ себѣ.— Скажите мнѣ, Летти, счастливо вы жили въ дѣтствѣ? Я жилъ очень несчастливо, я до сихъ поръ не могу вполнѣ освободиться отъ тяжелыхъ впечатлѣній прошлаго. Разскажите мнѣ о своей жизни.

Она улыбнулась и сжала губки.

— Я всегда жила хорошо. Кажется, я сама брала отъ жизни все хорошее, если другіе не хотѣли давать мнѣ. Я, знаете, не была доброй дѣвочкой, нисколько. Мнѣ всегда казалось, что это совершенно безполезно. Я мучила свою гувернантку и командовала надъ матерью. Я съ девяти лѣтъ заставляла ее одѣвать меня по моему вкусу. Я, кажется, презирала Эльзи за то, что у нея были платья хуже моихъ.

Джоржъ съ восхищеніемъ смотрѣлъ на злорадный огонекъ въ ея глазахъ и очень хотѣлъ бы разцѣловать ее. Но къ нимъ медленными шагами подходилъ полицейскій, дѣлавшій свой обходъ, и Летти, наконецъ, уговорила его подняться и пойти назадъ.

— Эльзи!—проговорилъ онъ, пока они шли.—Бѣдняжка Эльзи! Отчего мы никогда не говоримъ о ней? Когда мы окончательно устроимся, моя дорогая, мы должны пригласить ее погостить у насъ въ городѣ, какъ вы думаете? Она кажется такимъ хрупкимъ маленькимъ созданіемъ, надобно о ней позаботиться.

Онъ говорилъ искренно, съ добрымъ чувствомъ. Съ перваго до сихъ поръ единственнаго своего посѣщенія родителей Летти, онъ вынесъ чувство состраданія къ блѣдной, молчаливой сестрѣ Летти. Очевидно, она была слабаго здоровья, и его поразило, что, не смотря на ея слабость, всѣ хозяйственныя заботы лежали на ней.

Его предложеніе было, однако, встрѣчено холодно. Летти нахмурилась.

— Право, не знаю, — проговорила она неувѣреннымъ голосомъ.—Для Эльзи лучше жить дома. Ей очень трудно сходиться съ чужими. Вы ее не знаете. Она мало на кого производитъ пріятное впечатлѣніе. Для меня жить съ ней было бы большой обузой.

Джоржъ почувствовалъ минутное разочарованіе, но онъ скоро утѣшился съ своимъ обычнымъ благоразуміемъ. Нелѣпо было съ его стороны воображать, что невѣста уступитъ кому-нибудь часть своихъ правъ на удовольствія!

Но благополучно усадивъ ее въ кэбъ на углу моста и улыбнувшись ей на прощанье, онъ повернулъ къ палатѣ въ очень унылом расположеніи духа. Была ли рѣчь Фонтеноя дѣйствительно такъ хороша, какъ ему показалось? Вообще, стоило ли заботиться о политикѣ, или о чемъ бы то ни было? Всѣ чувства казались ему ничтожными, всѣ увлеченія вели къ разочарованію.

VI.

Въ воскресенье, въ пятомъ часу дня, Джорджъ позвонилъ у дома Максвелей въ С.-Джемсъ-скверѣ. Это былъ очень красивый домъ, и, въ ожиданіи, пока ему отворятъ, Джоржъ внимательно и полунасмѣшливо оглядывалъ фасадъ его.

То же выраженіе раза два появилось на лицѣ его въ прихожей, гдѣ молчаливая и величественная особа сняла съ него пальто, а другая, столь же молчаливая и столь же величественная, провела его вверхъ по лѣстницѣ, между тѣмъ какъ два лакея въ красныхъ ливреяхъ пронесли мимо него подносы съ чаемъ.

— Интересно бы знать, — говорилъ онъ самъ себѣ, поднимаясь по лѣстницѣ,—почему это друзья народа сокращаютъ число своихъ лошадей, а не сокращаютъ числа лакеевъ? Это дѣло темное.

Его ввели сначала въ большую гостиную, наполненную французскою мебелью и хорошими картинами; лакей поднялъ бархатную портьеру, произнесъ имя посѣтителя такимъ голосомъ и съ такимъ выраженіемъ, которые вполнѣ соотвѣтствовали всей его выдрессированной фигурѣ, и отступилъ въ сторону, предоставляя Джоржу войти.

Онъ очутился въ прелестной комнатѣ, выходившей на западъ и освѣщенной послѣдними лучами февральскаго солнца. Свѣтлозеленыя стѣны были увѣшаны картинами и гравюрами. Большой письменный столъ, заваленный бумагами, занималъ видное мѣсто на голубомъ коврѣ, покрывавшемъ полъ и въ бóльшей части комнаты, не заставленной мебелью. Тамъ и сямъ стояли плоскія глиняныя вазы съ гіацинтами и нарцисами, наполнявшими воздухъ весенними запахами. Книги были разставлены на полкахъ по стѣнамъ или лежали грудами всюду, гдѣ было свободное мѣсто; вокругъ камина, на противоположномъ концѣ комнаты, разставлены были обитыя ситцемъ кресла разной формы и величины, на которыхъ было удобно сидѣть и бесѣдовать. Эта хорошенькая комната, безпорядочно убранная сравнительно съ сосѣдней чинной гостиной, производила впечатлѣніе чего-то интимнаго

и свободнаго; она сразу вызывала дружелюбное настроеніе во всякомъ входившемъ.

Когда доложили о Тресседи, тамъ сидѣла лэди Максвель съ полудюжиной гостей. Она привѣтливо встала на встрѣчу ему, представила его маленькой лэди Ливенъ, воздушному созданію съ массой прелестныхъ волосъ, и, любезно замѣтивъ: «Съ остальными вы знакомы», предложила ему стулъ рядомъ съ собой за чайнымъ столомъ.

«Остальные» были: Франкъ Ливенъ, Эдвардъ Уаттонъ, Байль, частный секретарь министерства иностранныхъ дѣлъ, гостившій въ Мальфордѣ во время выборовъ Тресседи, и Беннетъ, «маленькій смуглый человѣчекъ», котораго Джорджъ указывалъ Летти въ палатѣ, какъ члена отъ рабочихъ, одинъ изъ лучшихъ друзей Максвеля.

— Ну,—сказала лэди Максвель, передавая чай новому посѣтителю,—плѣнились ли вы бабушкой настолько, насколько она плѣнилась вами? Она говорила мнѣ, что никогда не видывала болѣе любезнаго джентльмена и что очень хотѣла бы оказать вамъ какую-нибудь услугу.

Джорджъ засмѣялся.

— Я вижу,—сказалъ онъ,—что меня предупредили, и мой отчетъ оказывается излишнимъ.

— Да, я была тамъ. Увы! я и у нихъ нашла «прискорбное явленіе». Бабушка—она, кажется, не очень почтенная старуха—и старшая дѣвочка, обѣ работаютъ на еврея, который живетъ въ первомъ этажѣ, работаютъ поштучно на самыхъ ужасныхъ условіяхъ. Если такъ будетъ продолжаться, дѣвочка не проживетъ и года.

Джорджъ одновременно испытывалъ два противорѣчивыхъ чувства: одно—удовольствія, другое—скуки; удовольствія при видѣ ея стройной, высокой фигуры, ея бѣлой руки и всей ея несомнѣнно простой внѣшности; раздраженія отъ того, что она съ перваго слова заговорила съ нимъ о дѣлахъ. Неужели никакъ нельзя было избавиться отъ этой альтруистической болтовни?

Но оказалось, что это надоѣдаетъ не ему одному. Лэди Ливенъ быстро подняла голову.

— М. Уаттонъ, будьте добры, отнимите чай у лэди Максвель, если она еще разъ заговоритъ о «прискорбныхъ явленіяхъ». Мы даемъ ей первое предостереженіе.

Лэди Максвель схватила чашку обѣими руками.

— Бетти, но вѣдь мы, по крайней мѣрѣ, двадцать минутъ разговаривали объ оперѣ.

— Да, съ опасностью жизни!—сказала лэди Ливенъ.—Я никогда прежде не говорила такъ быстро. Такъ и чувствовалось, что надобно какъ можно скорѣе высказать все, что думаешь о Мельбѣ и о Де-Резскезѣ, иначе эту тему у насъ отнимутъ и уже больше не будетъ случая вставить свое словечко.

Лэди Максвель разсмѣялась, но покраснѣла.

— Неужели я такая несносная?—сказала она съ легкимъ вздохомъ, опуская руки на колѣни. Затѣмъ она обратилась къ Тресседи.

— Право, лэди Ливенъ представляетъ дѣло хуже, чѣмъ оно есть. Мы цѣлый день даже близко не касались фабричныхъ законовъ.

Лэди Ливенъ подскочила на стулѣ.

— Это отъ того, отъ того, моя милая, что мы просто не давали вамъ воли. Мы составили заговоръ—не правда ли м. Беннетъ? Даже вы присоединились къ намъ.

Беннетъ улыбнулся.

— Лэди Максвель переутомляется, мы всѣ знаемъ это,—сказалъ онъ, и его взглядъ, добродушный, честный и нѣсколько смущенный, переходилъ отъ лэди Ливенъ къ хозяйкѣ.

— Ахъ, пожалуйста, не сострадайте!—вскричала Бетти.—Съ ней надо вести борьбу, это наша единственная надежда.

— Развѣ вамъ не представляется,—съ улыбкою обратился Тресседи къ лэди Максвель,—что хоть въ воскресенье можно быть легкомысленнымъ?

— Что касается меня лично, мнѣ пріятно говорить о томъ, что меня интересуетъ какъ въ воскресенье, такъ и въ другіе дни,—отвѣчала она просто, — но я знаю, меня надобно сдерживать, чтобы я не надоѣдала другимъ.

Франкъ Ливенъ поднялся съ дивана, на которомъ онъ лѣниво полулежалъ.

— Надоѣдать?—съ негодованіемъ проговорилъ онъ,—мы всѣ надоѣдаемъ. Мы стали надоѣдливы съ тѣхъ поръ, какъ вошло въ моду думать о такъ называемыхъ соціальныхъ задачахъ. Съ какой стати долженъ я любить своего сосѣда? Мнѣ гораздо пріятнѣе ненавидѣть его. Я обыкновенно такъ и дѣлаю.

— Можетъ быть, это зависитъ отъ того, въ состояніи ли онъ заплатить вамъ тѣмъ же?

— Вотъ именно,—вмѣшалась Бетти.—Я согласна съ Франкомъ, это ужасно глупо—всѣхъ любить. Это ставитъ въ самое непріятное положеніе. Мы съ Франкомъ ходимъ въ церковь, гдѣ проповѣдникъ каждое воскресенье ни о чемъ не говоритъ, кромѣ любви,

о томъ, что наша политика должна быть любовь и наша торговля—любовь; въ концѣ концовъ является страстное желаніе кого-нибудь поколотить. Я чувствую потребность въ небольшой, хорошенькой жестокости, въ чемъ-нибудь зломъ и интересномъ. Мнѣ часто хочется воткнуть булавку въ мою горничную, бѣда только въ томъ, какъ она не разъ доказывала мнѣ, что ей гораздо удобнѣе втыкать булавки въ меня, чѣмъ мнѣ въ нее.

— Вамъ хочется, чтобы вернулось время романовъ миссъ Аустинъ,—сказалъ молодой Байль, подходя къ ней съ своей сдержанной и пріятной улыбкой,—время, когда еще священники не говорили проповѣдей.

— Ахъ, и все-таки ничего нельзя было бы сдѣлать,—со вздохомъ проговорила лэди Ливенъ,—еслибы *она* жила тогда!

Она указала своею маленькою ручкой на хозяйку, и всѣ разсмѣялись.

Пока не раздался общій смѣхъ, лэди Максвель полулежала въ креслѣ, прислушиваясь къ разговору съ разсѣянной улыбкой; выразительные глаза ея говорили, какъ казалось Тресседи, совсѣмъ о другомъ, о чемъ-то, что происходило въ мозгу ея, независимо отъ внѣшняго міра. Она часто имѣла такой видъ, видъ, будто какой-то пророчицы. Не смотря на то, первое впечатлѣніе, полученное имъ отъ ея образа въ больницѣ, какъ будто отчасти стерлось и потускнѣло. Она присоединилась къ общему смѣху надъ собой; затѣмъ, указывая на свою противницу, она сказала Эдварду Уаттону, сидѣвшему направо отъ нея.

— Вы не раздѣляете этихъ мыслей, я знаю.

— О, если вы думаете, что я не интересуюсь «прискорбными явленіями» и «причинами»—вскричала лэди Ливенъ—вы ошибаетесь. Я не могу отстать отъ всѣхъ. Я плыву по теченію.

— А это значитъ,—вмѣшался ея мужъ,—что на запрошлой недѣлѣ она ходила два дня наливать бутылки содовой водой, а на прошлой недѣлѣ ходила одинъ день шить рубашки. На первой работѣ она чуть не выбила себѣ глазъ, такъ какъ бралась за нее неумѣло и торопливо. На второй, если судить по описанію той трущобы, гдѣ она сидѣла, и по той головной боли, какою она страдала на слѣдующій день, она навѣрно схватила тифъ. Инкубаціонный періодъ кончится въ среду.

Раздался смѣхъ и разспросы.

— Какъ же вы туда попали, кого вы подкупили?—спросилъ Байль у лэди Ливенъ.

— Никого я не подкупала,—отвѣчала она съ негодованіемъ. Вы ничего не понимаете. Меня рекомендовали знакомые.

И на его вопросы она стала оживленно разсказывать все, что видѣла и испытала въ мастерскихъ, при чемъ ее безпрестанно перебивали то мужъ своими саркастическими объясненіями, то молодые люди, подсѣвшіе поближе къ ней, своими веселыми шутками. Бетти Ливенъ считалась въ своемъ кругу одною изъ самыхъ милыхъ болтушекъ.

Лэди Максвель не засмѣялась послѣ словъ Франка Ливена. Напротивъ, когда онъ говорилъ о томъ, что испытала жена его, на лицѣ ея легла тѣнь, какъ будто передъ ея умственнымъ взоромъ возникало какое-то слишкомъ хорошо знакомое видѣніе.

Беннетъ тоже не смѣялся. Онъ нѣсколько минутъ снисходительно смотрѣлъ на Ливеновъ, затѣмъ какъ-то незамѣтно онъ, лэди Максвель, Эдвардъ Уаттонъ и Тресседи сдвинулись ближе и образовали свой собственный кружокъ.

— Что, какъ вы думаете, пятничная рѣчь лорда Фонтеноя произвела сильное впечатлѣніе въ странѣ?—спросилъ Беннетъ, наклоняясь впередъ и обращаясь къ лэди Максвель. Тресседи, наблюдавшій за нимъ, замѣтилъ, что онъ одѣтъ въ «воскресную пару» зажиточнаго рабочаго, а глядя на его лобъ и глаза, вспомнилъ, что Беннетъ былъ извѣстнымъ «мѣстнымъ проповѣдникомъ» въ сѣверной Мерсіи.

Лэди Максвель улыбнулась и указала на Тресседи.

— Вотъ,—сказала она,—главный помощникъ лорда Фонтеноя.

Беннетъ взглянулъ на Джоржа.

— Мнѣ было бы пріятно знать,—сказалъ онъ,—что̀ объ этомъ думаетъ сэръ Джоржъ.

— Мы думаемъ,—отвѣчалъ Джоржъ,—что она была принята въ странѣ очень сочувственно; это видно изъ газетныхъ статей, изъ множества полученныхъ писемъ и изъ подготовляемыхъ петицій.

Глаза лэди Максвель засверкали. Она съ минуту молча глядѣла на Беннета и затѣмъ сказала:

— Не кажется ли вамъ страннымъ, что самому безнадежному дѣлу можно придать такой видъ основательности?

— Это неизбѣжно, — отвѣчалъ Беннетъ, слегка пожимая плечами,—совершенно неизбѣжно. Наши опыты соціальныхъ реформъ еще слишкомъ молоды, противъ каждаго изъ нихъ можно привести сильные доводы, и такъ будетъ продолжаться еще много лѣтъ.

— Очень хорошо,—сказалъ Джоржъ,—но въ такомъ случаѣ мы противники, тоже неизбѣжны. Вы должны не нападать на насъ, а напротивъ — хвалить; по вашему собственному признанію, мы исполняемъ столь же необходимую роль, какъ и вы.

Беннетъ слегка улыбнулся, но, повидимому, не вполнѣ понялъ. Лэди Максвель нагнулась впередъ.

— Да, конечно, критики должны быть,—сказала она,—оппозиція должна быть. Но очень трудно съ легкимъ сердцемъ брать на себя извѣстную роль, какъ вы говорите, если знаешь, что отъ этого зависитъ жизнь многихъ. Скажите, пожалуйста, лордъ Фонтеной лично ознакомился съ тѣми производствами, о которыхъ говоритъ? Мнѣ бы очень хотѣлось знать это.

Тресседи раздражилъ и вопросъ, и тотъ тонъ, какимъ онъ былъ сдѣланъ.

— Я считаю Фонтеноя вполнѣ компетентнымъ человѣкомъ,—сказалъ онъ сухо.—Я увѣренъ, что онъ собралъ всѣ возможныя данныя. Впрочемъ, ему не пришлось для этого особенно трудиться; сами заинтересованныя лица, которыхъ вы берете подъ свое покровительство, спѣшатъ сообщать намъ всѣ свѣдѣнія.

Лэди Максвель покраснѣла.

— И вы придаете рѣшающее значеніе этой готовности людей, не дорожащихъ жизнью—калѣчить и убивать себя? Нѣтъ, англійскіе законы всегда и постоянно противодѣйствовали этому, и всѣ, всегда принимали это противодѣйствіе съ благодарностью.

— Въ сущности, вопросъ въ томъ, что лучше, — отвѣчалъ Джоржъ, — допустить ли, чтобы нѣсколько неразумныхъ людей убивали себя, или чтобы тысячи лишились свободы?

Его голубые глаза были устремлены на ея красивое, взволнованное лицо, съ какою-то жесткою холодностью. Въ душѣ онъ все больше и больше возмущался противъ этого «безобразнаго правленія женщинъ», противъ вліянія на рѣшеніе сложныхъ экономическихъ задачъ отдѣльныхъ личностей, въ родѣ той, которая сидѣла противъ него.

Слово «свобода» кольнуло ее.

Чувство, горѣвшее въ глазахъ ея, потухло; она посмотрѣла на него такимъ же сухимъ и ѣдкимъ взглядомъ, какимъ онъ глядѣлъ на нее.

— Свобода! Позвольте мнѣ привести вамъ слова Кромвеля: «Каждый сектантъ говоритъ: «О, дайте мнѣ свободу!», но дайте ему эту свободу, и онъ будетъ всѣми силами стараться отнять ее у другихъ». То же можно сказать о вашихъ безпечныхъ или грубыхъ хозяевахъ; дайте имъ свободу, и они отнимутъ свободу у всѣхъ другихъ.

— Только метафорически, не на законномъ основаніи,—упрямо возражалъ Джоржъ.—Пока люди не рабы по закону, они всегда могутъ освободиться. Во всякомъ случаѣ, мы стоимъ за свободу,

какъ за цѣль, а не за средство. Государство вовсе не обязано дѣлать всѣхъ счастливыми. По крайней мѣрѣ, мы такъ думаемъ; но оно обязано охранять свободу всѣхъ.

— Ахъ,—сказалъ Беннетъ съ глубокимъ вздохомъ,—вы дошли до сути дѣла, въ этомъ и есть вся разница между вами и нами.

Джоржъ кивнулъ въ знакъ согласія. Лэди Максвель не сразу заговорила. Но Джоржъ замѣтилъ, что она пристально смотритъ на него, наблюдаетъ за нимъ. Ихъ взгляды на минуту встрѣтились съ выраженіемъ непріязни, если не вражды.

— Давно ли вы вернулись изъ Индіи на родину? — вдругъ спросила она его.

— Съ полгода.

— И вы, кажется, долго были за границей?

— Около четырехъ лѣтъ. Вы, можетъ быть, думаете, что, благодаря этому, я не успѣлъ изучить тѣ вопросы, за которые подаю голосъ?—сказалъ молодой человѣкъ, смѣясь.

— Не знаю. Политическіе вопросы можно выяснить себѣ въ Азіи такъ же хорошо, какъ и въ Европѣ, даже лучше, пожалуй.

— Вопросы о могуществѣ имперіи и о мѣстѣ Англіи среди другихъ странъ? Эту сторону дѣла я, дѣйствительно, часто забываю. Вамъ кажется, что наша жизнь зависитъ отъ того класса, который стоитъ у власти, и что какъ *мы*, такъ и демократія, мы слишкомъ ослабляемъ этотъ классъ.

— Именно! Что касается демократіи, это вполнѣ справедливо. Но вы, вы измѣнники.

Его нападеніе не вызвало въ ней соотвѣтствующаго задора. Она весело улыбнулась и начала разспрашивать у него объ его путешествіяхъ. Она дѣлала это такъ ловко, что послѣ одного или двухъ отвѣтовъ, его расположеніе духа и обращеніе незамѣтно смягчились и онъ сталъ разговаривать легко и интересно. При этомъ ясно выразились разнообразныя свойства его личности, его способность къ нѣкоторому скрытому энтузіазму, его уваженіе къ власти, къ знанію, его пессимистическая вѣра въ предопредѣленность человѣческой судьбы.

Беннетъ, который любилъ слушать, охотно помогалъ ей вызывать гостя на разговоръ. Франкъ Ливенъ отошелъ отъ группы у дивана и тоже подошелъ послушать. Тресседи, подстрекаемый общимъ вниманіемъ, высказывался все болѣе и болѣе откровенно. Красивые глаза и важная осанка лэди Максвель смягчались ея отзывчивостью къ мнѣніямъ собесѣдника; поэтому большинство людей, даже относившихся къ ней критически, находило, что разговаривать съ нею очень легко.

По уму она стояла значительно выше обыкновенныхъ женщинъ и могла съ полнымъ знаніемъ дѣла относиться какъ къ тѣмъ вопросамъ, которые затрогивалъ Тресседи, такъ и ко многимъ другимъ. Она не даромъ прожила цѣлыхъ пять лѣтъ въ кругу политическихъ дѣятелей; незамѣтно для себя, совершенно невольно Тресседи черезъ нѣсколько минутъ началъ говорить съ ней, какъ съ мужчиной и равнымъ себѣ, въ то же время стараясь отдѣлывать свою рѣчь такъ, какъ онъ бы не сталъ стараться ради мужчины.

— Да, вы многое видѣли!—сказалъ подъ конецъ Франкъ Ливенъ не безъ зависти.

Скромное лицо Беннета вдругъ покрылось краской.

— Пусть бы только сэръ Джоржъ на родинѣ такъ же хорошо пользовался своими глазами...—произнесъ онъ какъ-то невольно, и замолчалъ.

Джоржъ разсмѣялся.

— Всякій лучше всего видитъ то, что старается обратить на себя его вниманіе, — сказалъ онъ, и въ ту же секунду замѣтилъ, что было глупо высказывать подобное положеніе передъ врагами.

Губы лэди Максвель дрогнули. Онъ догадался, что какая-то быстролетная мысль промелькнула въ головѣ ея. Но она ничего не сказала.

Только когда онъ всталъ, чтобы раскланяться, она попросила его помнить, что по воскресеньямъ всегда бываетъ дома. Онъ проговорилъ холодный и неопредѣленный отвѣтъ. Самъ про себя онъ думалъ: почему она ничего не говоритъ о Летти, съ которой знакома, и о нашей свадьбѣ, если она хочетъ завести дружескія отношенія?

Не смотря на это, онъ вышелъ на улицу, чувствуя, что провелъ время не совсѣмъ обыкновеннымъ образомъ. Онъ обратилъ на себя вниманіе, показалъ себя въ выгодномъ свѣтѣ. Что касается ея, не смотря на его минутныя вспышки непріязни, она произвела на него впечатлѣніе чего-то страстнаго и жизненнаго. Неужели все это было исключительно внѣшность и заученность, эта удивительная игра лица, эта классическая величавость манеръ, которую она унаслѣдовала, какъ говорили, отъ какихъ-то отдаленныхъ итальянскихъ предковъ? Очень возможно! Во всякомъ случаѣ у нея было меньше обычнаго женскаго кокетства, чѣмъ онъ воображалъ. Какъ ей было бы легко поручить ему передать привѣтъ Летти, а она этого не сдѣлала! Для умной женщины она была недостаточно ловка.

Только-что дверь закрылась за Тресседи, какъ Бетти Ливенъ,

бросивъ быстрый взглядъ вслѣдъ ему, нагнулась къ хозяйкѣ и спросила громкимъ шопотомъ:

— Кто это? Объясните мнѣ, пожалуйста.

— Это одинъ изъ клики Фонтеноя,—сказалъ ея мужъ, прежде чѣмъ лэди Максвель успѣла отвѣтить.—Новый членъ палаты, колется, какъ иголка. Онъ былъ во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, куда мнѣ хочется ѣхать, Бетти, и куда ты меня не пускаешь.

Онъ съ нѣкоторою ядовитостью посмотрѣлъ на жену. Вмѣсто отвѣта, Бетти протянула ему свой бѣленькій дѣтскій кулачекъ,

— Пожалуйста, застегни мнѣ перчатку и не говори ничего. Мнѣ надобно много разспросить у Марчеллы.

Ливенъ, слегка надувшись, принялся за работу, а Бетти продолжала свои допросы.

— Онъ вѣдь, кажется, собирается жениться на Летти Сьювель?

— Да, — сказала лэди Максвель, широко раскрывая глаза. — Вы ее знаете?

— Ахъ, моя дорогая, да вѣдь она кузина м. Уаттона; не правда ли?—обратилась Бетти къ молодому человѣку.—Я ее видѣла одинъ разъ у вашей матери.

— Да, она моя кузина,—съ улыбкой отвѣтилъ молодой человѣкъ,—и на святой назначена ея свадьба съ Тресседи. Это я могу утверждать, хотя я не знакомъ съ нею такъ близко, какъ мои семейные.

— О!—вскричала Бетти,—освобождая мужа отъ его работы и складывая свои маленькія ручки на колѣняхъ.—Это значитъ, что миссъ Сьювель не принадлежитъ къ числу любимыхъ кузинъ м. Уаттона. Вамъ развѣ непріятно, когда говорятъ о вашихъ кузинахъ? Моихъ я вамъ позволяю чернить, сколько угодно. Хорошенькая она?

— Кто? Летти? Да, конечно, она хорошенькая,—смѣясь отвѣчалъ Уаттонъ,—всѣ молодыя лэди хорошенькія.

— О, Господи! — сказала Бетти, потряхивая волнами своихъ золотыхъ волосъ.—Кто можетъ дать отзывъ хуже, чѣмъ кузенъ!

— Совсѣмъ нѣтъ, лэди Бетти!—сказалъ Уаттонъ, собираясь уходить.—Спросите лучше Байля! Онъ все знаетъ. Позвольте мнѣ передать васъ ему. Онъ прославитъ передъ вами всѣ прелести своей кузины.

— Очень былъ бы радъ,—отозвался Байль, тоже вставая,—но, къ сожалѣнію, мнѣ надобно поспѣшить въ Вимбледонъ.

У него былъ типичный видъ чиновника, хорошо одѣтаго, надушеннаго, сдержаннаго; онъ съ умоляющимъ видомъ протянулъ руку лэди Ливенъ.

— Ну, ужъ вы, частные секретари!—сказала Бетти, надувшись и отворачиваясь отъ него.

— Не уничтожайте насъ,—просилъ онъ,—намъ тоже надобно жить,

— Je ne vois pas la necessité (не вижу въ этомъ надобности),—сказала Бетти черезъ плечо.

— Бетти, какой ты ребенокъ!—вскричалъ ея мужъ, когда Байль, Уаттонъ и Беннетъ вышли всѣ вмѣстѣ изъ комнаты.

— Нисколько! — отвѣчала Бетти, — мнѣ хотѣлось отъ кого-нибудь добиться правды. Потому что на самомъ дѣлѣ эта миссъ Сьювель...

— Ну, что она?—спросилъ Ливенъ, который, какъ замѣтила лэди Максвель, все время восхищался шаловливой граціей и розовыми щечками своей жены.

— Она—кокетка,—отвѣчала Бетти,—дрянная, хотя, правда, хорошенькая, жестокая, вѣтреная, маленькая кокетка!

— Но, Бетти!—вскричала лэди Максвель,—гдѣ же вы ее видѣли?

— О, я въ прошломъ году часто видала ее у Уаттоновъ и въ другихъ мѣстахъ,—спокойно отвѣчала Бетти.—Да и вы изволили ее видѣть, милэди. Я очень хорошо помню, что одинъ разъ миссисъ Уаттонъ привезла ее къ Уинтербурнамъ, когда мы съ вами были тамъ, и она безъ умолку болтала весь вечеръ.

— Ахъ, да, я и забыла.

— Ну, моя милая, вамъ скоро придется вспомнить о ней, такъ что вы напрасно говорите такимъ презрительнымъ тономъ; ихъ свадьба будетъ на святой, и если вы хотите подружиться съ молодымъ человѣкомъ, вы должны имѣть въ виду его жену.

— На святой будетъ свадьба? Почему вы знаете?

— Во-первыхъ, м. Уаттонъ сейчасъ сказалъ; во-вторыхъ, на свѣтѣ существуютъ газеты; но, вы, конечно, не обратили вниманіе на такіе пустяки, вы вѣдь никогда не обращаете.

— Бетти, вы сегодня слишкомъ строги ко мнѣ!—Лэди Максвель посмотрѣла на свою подругу съ виноватой улыбкой.

— О, это для вашей же пользы. Я знаю, вы только о томъ и думаете, какъ бы заставить этого господина смотрѣть правильнымъ образомъ на билль Максвеля. А я хочу, чтобы вы поняли, что онъ въ настоящее время думаетъ о своей свадьбѣ гораздо больше, чѣмъ о всякихъ фабричныхъ законахъ. Ваша свадьба была, конечно, неожиданною случайностью. Но другіе люди на васъ не похожи. А вы, дорогая моя, не хотите ихъ знать, не хотите знать никого, кто живетъ ниже 4-го этажа! Вотъ вамъ! И не думайте оправдываться, вамъ нечего сказать!

И Бетти поцѣлуями помѣшала подругѣ что-либо возразить.

— Ну, пойдемъ, Франкъ, тебѣ надобно написать свою рѣчь, а мнѣ надобно переписать ее. Пожалуйста, не бранись! Ты знаешь, что на будущей недѣлѣ у тебя будетъ цѣлыхъ два свободныхъ дня для игры въ мячъ. Прощайте, Марчелла! Мой поклонъ Альдусу, и скажите, чтобы онъ въ другой разъ приходилъ пораньше, когда я буду пить у васъ чай. Прощайте!

И она выпорхнула изъ комнаты, но черезъ секунду снова пріотворила дверь и просунула въ нее свое оживленное личико.

— О, я забыла, у молодого человѣка есть еще мать, Франкъ сейчасъ напомнилъ мнѣ. Женщины, повидимому, составляютъ его слабую сторону; но такъ какъ она не зарабатываетъ даже четырехъ шил. шести пенсовъ въ недѣлю, а совершенно наоборотъ, то я вамъ ничего о ней не скажу, вы, все равно, забудете! До свиданья!

Когда Марчелла Максвель осталась, наконецъ, одна, она начала ходить медленными шагами взадъ и впередъ по большой пустой комнатѣ, какъ дѣлала очень часто.

Она думала о Джоржѣ Тресседи и о томъ, какимъ онъ показалъ себя въ разговорѣ.

— Сердце его лежитъ къ *власти*, къ тому, что онъ считаетъ величіемъ,—говорила она сама себѣ.—Онъ говоритъ такъ, какъ будто въ немъ нѣтъ никакихъ гуманныхъ чувствъ, какъ будто ему ни до кого нѣтъ дѣла; но это не искренно. Я *думаю*, что это не искренно. Онъ интересенъ; онъ разовьется. Пріятно было бы открыть ему глаза.

Сдѣлавъ еще два-три тура по комнатѣ, она остановилась передъ фотографическимъ портретомъ, стоявшимъ на ея письменномъ столѣ. Это былъ портретъ ея мужа, стройнаго джентльмена съ свободной осанкой англичанина, выросшаго въ деревнѣ, съ добродушнымъ, не особенно выразительнымъ лицомъ и мягкими глазами. По мѣрѣ того, какъ она глядѣла на него, лицо ея незамѣтно, само собой принимала болѣе спокойное выраженіе и освѣщалось какимъ-то внутреннимъ лучемъ радости.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ МЕЛКИХЪ НАРОДНОСТЕЙ.

(*Продолженіе*) *).

III.

«Общество земледѣльческихъ кружковъ» въ Галиціи.

«Земледѣльческіе кружки» появились въ Галиціи, сравнительно, недавно, всего четырнадцать лѣтъ тому назадъ. Въ 1882 г. во Львовѣ съѣхалась небольшая группа лицъ, которыя близко къ сердцу принимали интересы крестьянскаго класса и всѣми силами стремились къ тому, чтобы поднять экономическій уровень крестьянскаго хозяйства и, такимъ образомъ, способствовать развитію благосостоянія всего края. На этомъ съѣздѣ рѣшено было основать общество, которое занялось бы экономической организаціей галиційскаго крестьянства. Такъ какъ на галиційской почвѣ до того времени не существовало почти никакихъ попытокъ въ этомъ направленіи, а то немногое, что дѣлалось прежде отдѣльными личностями, не могло развиваться успѣшно въ силу общихъ политическихъ условій, тормозящихъ всякое проявленіе частной иниціативы, то лица, участвующія въ съѣздѣ, подвергли обсужденію цѣлый рядъ уставовъ нѣмецкихъ и французскихъ учрежденій, имѣющихъ цѣлью помогать крестьянскому хозяйству. Однако, большая часть разсматриваемыхъ съѣздомъ уставовъ совершенно не подходила къ галиційскимъ условіямъ, которыя довольно-таки сильно отличаются отъ западно-европейскихъ.

Только въ прусской части Польши, гдѣ крестьянскія отношенія очень походятъ на галиційскія, а общество гораздо раньше, нежели въ Галиціи, получило возможность самостоятельной дѣятельности и иниціативы по вопросамъ соціальнаго значенія, существовала прекрасно развивающаяся экономическая организація, кото-

*) См. «Міръ Божій», № 2, Февраль 1896 г.

рая въ теченіе тринадцатилѣтняго своего существованія принесла тамошнимъ польскимъ крестьянамъ большую пользу.

Съѣздъ, ознакомившись съ результатами этой организаціи, рѣшилъ перенести ее на галицiйскую почву, и, такимъ образомъ, основано было «Общество земледѣльческихъ кружковъ».

Задача, которую взялось разрѣшить новое общество, была далеко нелегкой. На первыхъ порахъ «Обществу земледѣльческихъ кружковъ» приходилось, съ одной стороны, бороться съ равнодушіемъ интеллигенціи, съ другой же—съ недовѣріемъ крестьянскихъ массъ. Галицiйская интеллигенція, а особенно та ея часть, которой, главнымъ образомъ, приходилось сталкиваться съ крестьянами, т.-е. помѣщики, священники, учителя и т. д., очень медленно приходила къ сознанію тѣхъ интересовъ, которые непосредственно связываютъ ее съ народомъ; крестьянство же, помнящее «доброе, старое время» и отношеніе господъ къ мужикамъ, никакъ не хотѣло понять, что изъ дѣла, затѣяннаго «барами», можетъ выйти какой-нибудь прокъ для крестьянина. Не малыхъ усилій стоили основателямъ «Общества» первые его шаги. Приходилось неустанно работать, чтобы преодолѣть главныя препятствія. Однако, только первые шаги были трудны, только первый годъ не ознаменовался большими успѣхами, такъ какъ удалось пріобрѣсти всего тысячу съ небольшимъ членовъ да основать 36 земледѣльческихъ кружковъ. Къ концу второго года земледѣльческихъ кружковъ было уже 116 съ 3.000 членовъ, а въ настоящее время «Общество» считаетъ около 60.000 членовъ въ 1.081 кружкѣ. Организація земледѣльческихъ кружковъ охватила всю Галицію, какъ западную-польскую, такъ и восточную-русинскую, и дѣятельность этой организаціи развивается все больше и больше.

Задача «Общества земледѣльческихъ кружковъ» состоитъ въ томъ, чтобы, какъ гласитъ уставъ, поднять уровень благосостоянія, просвѣщенія и нравственности народныхъ массъ. Хотя дѣятельность «Общества» имѣетъ преимущественно экономическій характеръ, однако и просвѣтительная роль земледѣльческихъ кружковъ заслуживаетъ вниманія. Почти при каждомъ земледѣльческомъ кружкѣ существуетъ читальня и библіотека; въ очень многихъ кружкахъ читаются лекціи не только по вопросамъ земледѣлія и сельскаго хозяйства, но также и по гигіенѣ, исторіи, литературѣ и т. д. Въ громадномъ числѣ селъ земледѣльческіе кружки стали культурными центрами крестьянской жизни, а кабаки вслѣдствіе этого потеряли свое прежнее значеніе. Каждый земледѣльческій кружокъ получаетъ, по меньшей мѣрѣ, одно періодическое изданіе, а есть и такіе, въ которые выписывается болѣе десятка газетъ и журналовъ.

Дѣятельность «Общества» выражается въ слѣдующемъ. Оно прежде всего основываетъ въ Галиціи земледѣльческіе кружки, всячески заботится объ ихъ развитіи и поддерживаетъ ихъ. Затѣмъ, оно старается распространять между народомъ письменно (т.-е. путемъ спеціальныхъ изданій) и устно свѣдѣнія, касающіяся земледѣлія, сельскаго хозяйства и кустарной промышленности. Облегчаетъ крестьянамъ возможность пріобрѣтенія хорошихъ сѣмянъ, машинъ и земледѣльческихъ орудій. Устраиваетъ земледѣльческія и промышленныя выставки, въ которыхъ принимаютъ участіе крестьяне. Основываетъ читальни, библіотеки, сберегательныя кассы, кассы ссудъ, промышленно-торговыя общества и лавки, въ которыхъ крестьянинъ можетъ получить все для него необходимое, причемъ продажа спиртныхъ напитковъ совершенно устранена.

Первоначально центральному управленію «Общества земледѣльческихъ кружкомъ» приходилось самому заботиться о распространеніи этой организаціи между крестьянами. Оно высылало въ различныя мѣстности Галиціи своихъ делегатовъ, которые при содѣйствіи мѣстной интеллигенціи растолковывали крестьянамъ той или другой деревни, какую пользу можетъ имъ принести земледѣльческій кружокъ, и убѣждали ихъ основать его. Нужно замѣтить, что у польскихъ, точно также какъ и у русинскихъ (малорусскихъ) крестьянъ господствующая форма экономической жизни— индивидуализмъ. У нихъ нѣтъ ни общинъ, ни артелей, и поэтому всякое кооперативное начинаніе является для нихъ, въ противоположность русскимъ крестьянамъ, чѣмъ-то совершенно новымъ. Однако, съ теченіемъ времени, когда крестьяне привыкли къ земледѣльческимъ кружкамъ и увидѣли, что это не праздная барская затѣя, а дѣло, приносящее дѣйствительную пользу, они все чаще и чаще стали сами обращаться въ центральное управленіе «Общества» и просили основать земледѣльческій кружокъ. По мѣрѣ увеличенія количества ихъ, по мѣрѣ того, какъ, какъ крестьяне все больше и больше убѣждались въ ихъ полезности, возрастала и симпатія крестьянства къ этому учрежденію, и, быть можетъ, недалеко то время, когда въ каждой галиційской деревнѣ будетъ свой земледѣльческій кружокъ.

«Общество земледѣльческихъ кружковъ» пользуется поддержкой всѣхъ вліятельныхъ факторовъ автономной жизни Галиціи. Начиная съ 1884 г. не проходитъ ни одна сессія львовскаго сейма (ландтага), чтобы на ней не былъ затронутъ вопросъ о помощи земледѣльческимъ кружкамъ, объ условіяхъ, способствующихъ ихъ развитію, о принятіи мѣръ для устраненія препятствій дѣятельности «Общества» и т. д. Кромѣ сейма, и главное автономное упра-

вленіе (Wydział krajovy) заботится объ успѣхахъ «Оществa» и ежегодно увеличиваетъ получаемую имъ субсидію. Помогаютъ «Обществу» и всѣ сельскохозяйственныя учрежденія Галиціи. Все галиційское общество принимаетъ живое участіе въ дѣлахъ земледѣльческихъ кружковъ, контролируетъ ихъ дѣятельность и всячески стараются оказать имъ помощь.

«Общество» издаетъ спеціальный органъ «Przevodnik kółek rolniczych» («Руководитель земледѣльческихъ кружковъ»), въ которомъ находится подробнѣйшій отчетъ о дѣятельности кружковъ, что облегчаетъ людямъ, интересующимся дѣлами «Общества», контролировать всякій его шагъ и подвергать критикѣ его дѣятельность въ печати, весьма отзывчивой на все, что касается земледѣльческихъ кружковъ. Ежегодно «Общество» устраиваетъ торжественный съѣздъ делегатовъ и членовъ земледѣльческихъ кружковъ; на этомъ съѣздѣ рѣшаются главныя дѣла «Общества», проводятся реформы во внутреннемъ его устройствѣ, избираются должностныя лица и вырабатывается планъ дѣйствій «Общества» на слѣдующій годъ. Чтобы дать возможность какъ можно большему числу членовъ принять участіе въ съѣздахъ, эти послѣдніе устраиваются ежегодно въ какой-нибудь другой мѣстности: въ Краковѣ, Львовѣ, Станиславовѣ, Тарновѣ, Перемышлѣ, Тарнополѣ и т. д.

Земледѣльческій кружокъ въ деревнѣ основывается слѣдующимъ образомъ. Кто-нибудь изъ сельской интеллигенціи (священникъ, учитель и т. д.) или одинъ изъ болѣе развитыхъ крестьянъ заявляетъ письменно Главному Управленію, что въ данномъ селѣ нашлось столько-то крестьянъ, которые желаютъ основать земледѣльческій кружокъ. Главное Управленіе высылаетъ уставъ «Общества», печатныя инструкціи, а иногда спеціальнаго делегата, который руководитъ первыми шагами членовъ новаго кружка. Для основанія необходимо, по крайней мѣрѣ, десять членовъ, но обыкновенно въ каждомъ селѣ на первыхъ же порахъ находится гораздо большее число, которое почти всегда очень быстро возрастаетъ. Каждый членъ платитъ ежемѣсячный взносъ. Первоначально, когда число членовъ еще очень не велико, кто-нибудь изъ болѣе зажиточныхъ крестьянъ, священникъ или учитель уступаетъ помѣщеніе для собраній кружка. Каждый кружокъ выбираетъ правленіе, состоящее изъ предсѣдателя, его замѣстителя, секретаря и нѣсколькихъ членовъ правленія. Въ 1893 году крестьяне были предсѣдателями 318 кружковъ, замѣстителями предсѣдателя—592, секретарями—313. Священники предсѣдателями—302, замѣстителями—91, секретарями—23. Помѣщики предсѣдателями — 127, замѣстителями — 32, секретарями 11. Учителя предсѣдателями—58, замѣстителями—48, секре-

тарями—403. Какъ видимъ, въ большинствѣ случаевъ предсѣдателями являются или сами крестьяне, или священники. Любопытно, что въ первые годы существованія «Общества» почти во всѣхъ кружкахъ мѣсто предсѣдателя занимали или священники, или помѣщики. Мало-по-малу предсѣдателями становились сами крестьяне, а въ настоящее время въ громадномъ большинствѣ новыхъ земледѣльческихъ кружковъ предсѣдатели—сами крестьяне. Даже секретарей, которыми прежде бывали, по большей части, учителя, теперь все больше и больше поставляютъ крестьяне.

Каждый земледѣльческій кружокъ обязанъ устраивать по воскресеньямъ и праздникамъ, а если условія позволяютъ, и чаще собранія, которыя могутъ производиться или въ помѣщеніи кружка, или, если онъ имъ еще не обзавелся, въ домѣ священника, учителя, помѣщика, одного изъ крестьянъ, но никакъ не въ корчмѣ. Обыкновенно, послѣ обѣдни или вечерни, въ кружкѣ собираются его члены, чтобы посовѣтоваться на счетъ своихъ хозяйственныхъ дѣлъ и прочесть сообща присланные Главнымъ Управленіемъ брошюры и журналы, относящіеся къ земледѣлію, скотоводству, ремесламъ, торговлѣ и т. д. Многіе члены приводятъ на такія собранія своихъ взрослыхъ сыновей, а въ послѣднее время въ собраніяхъ начали принимать участіе нерѣдко и женщины. На собраніи присутствуетъ обыкновенно какой-нибудь интеллигентный человѣкъ, который отвѣчаетъ крестьянамъ на интересующіе ихъ вопросы, подаетъ имъ совѣтъ и объясняетъ непонятное въ книжкахъ и газетахъ.

Первымъ дѣломъ кружокъ старается обзавестись маленькой библіотечкой, а если у него уже есть собственное помѣщеніе, то и читальней. Главное Управленіе обязательно высылаетъ въ каждый новый кружокъ извѣстное количество книжекъ, преимущественно по сельскому хозяйству. Въ теченіе первыхъ двѣнадцати лѣтъ существованія «Общества» Главное Управленіе разослало 29.164 книжки въ различные кружки, а сами кружки пріобрѣли 23.950. Выборомъ книжекъ для кружковъ руководитъ вышеупомянутый органъ «Общества», помѣщая отзывы о всякомъ новомъ изданіи, могущемъ пригодиться членамъ кружка. Благодаря этому, среди членовъ возрастаетъ охота къ чтенію. Очень многіе крестьяне, не довольствуясь тѣмъ, что книжку можно получить въ библіотекѣ кружка, покупаютъ ее сами. Читальни существующихъ болѣе продолжительное время кружковъ привлекаютъ въ зимніе вечера массу посѣтителей и, такимъ образомъ, отвлекаютъ крестьянъ отъ корчмы. Отчеты «Общества» констатируютъ довольно часто повторяющіеся факты исчезновенія кабаковъ въ тѣхъ селахъ, гдѣ земледѣльче-

скій кружокъ существуетъ нѣсколько лѣтъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, земледѣльческіе кружки замѣтно вліяютъ на смягченіе нравовъ крестьянъ. Довольно часты случаи мирнаго разрѣшенія въ кружкѣ такого дѣла, которое при иныхъ условіяхъ привело бы къ дракѣ въ кабакѣ, заканчивавшейся обыкновенно судебнымъ разбирательствомъ.

Таково культурно-нравственное вліяніе земледѣльческихъ кружковъ. Однако, не этимъ они приносятъ главную пользу галиційскимъ крестьянамъ, а своей экономической дѣятельностью.

Чтобы поднять уровень крестьянскаго хозяйства, Главное Управленіе «Общества» устраиваетъ такъ-называемыя ревизіи, высылая въ тѣ волости, въ которыхъ существуютъ земледѣльческіе кружки, спеціальныхъ учителей, которые въ сопровожденіи членовъ кружка осматриваютъ поля и огороды крестьянъ, изслѣдуютъ почву и даютъ крестьянамъ совѣты на счетъ того, какъ имъ вести полевое хозяйство, какія употреблять удобренія, что гдѣ сѣять и т. д. Въ 1883 г. такія ревизіи были произведены только въ трехъ волостяхъ (гминахъ), въ 1889 уже въ 160, а въ 1893 въ 407.

Результаты этихъ ревизій, какъ сообщаютъ ревизоры въ ежегодныхъ отчетахъ, весьма благопріятны. Крестьяне въ настоящее время уже съ полнымъ довѣріемъ относятся ко всѣмъ ихъ совѣтамъ и стараются слѣдовать имъ. Благодаря такимъ ревизіямъ, крестьяне заботятся о пріобрѣтеніи лучшихъ сѣмянъ, выписываютъ усовершенствованныя земледѣльческія орудія и машины, покупаютъ искусственное удобреніе, осушаютъ и даже дренируютъ почву. Ревизіи побудили крестьянъ, принадлежащихъ къ кружкамъ, заняться побочными отраслями сельскаго хозяйства—разводить огородныя овощи, сѣять ленъ, обратить вниманіе на садоводство, пчеловодство и разведеніе домашней птицы. Подъ вліяніемъ совѣтовъ ревизоровъ члены земледѣльческихъ кружковъ достигаютъ большихъ успѣховъ въ скотоводствѣ, улучшая породу домашняго скота, заботливо относясь къ его корму и т. д. Этому содѣйствуетъ Главное Управленіе «Общества», которое постаралось, чтобы члены кружковъ могли пользоваться услугами субвенціонированныхъ земледѣльческихъ станцій, содержащихъ породистыхъ быковъ.

Уже въ 1883 г. крестьяне стали обращаться въ Главное Управленіе съ просьбой снабжать ихъ необходимыми сѣменами, земледѣльческими орудіями и машинами. Въ этомъ году сѣмянъ было выслано «Обществомъ» на 1.057 гульденовъ, а земледѣльческихъ орудій на 284 гульдена. Съ каждымъ годомъ все больше и

больше членовъ кружковъ обращались въ Главное Управленіе за этимъ, такъ что въ 1893 г. оно уже выслало сѣмянъ на 10.230 г., а орудій на 2.667 г. Независимо отъ этого, сами члены кружковъ пріобрѣли, по совѣту Главнаго Управленія, искусственныхъ удобреній на 70.000 гульденовъ, а сѣмянъ, орудій и машинъ, по крайней мѣрѣ, на 250.000 гульд.

Покупая земледѣльческую машину или орудіе подороже, кружокъ позволяетъ пользоваться ими и не членамъ за извѣстную плату, обращая вырученныя деньги на починку машинъ или на другія нужды кружка.

Чтобы вызвать у крестьянъ охоту къ садоводству, Главное Управленіе разсылаетъ по земледѣльческимъ кружкамъ прививныя деревца, и, благодаря этому, во многихъ мѣстностяхъ, гдѣ прежде не было и помину о крестьянскихъ фруктовыхъ садахъ, въ настоящее время рѣдкій изъ членовъ кружка не разводитъ плодовыхъ деревьевъ. Главное Управленіе снеслось съ «Галиційскимъ Обществомъ Садоводства» и повліяло на то, чтобы въ села, гдѣ есть земледѣльческіе кружки, посылались учителя садоводства, которые поучали бы крестьянъ, какъ обходиться съ плодовыми деревьями. Многіе кружки устроили у себя питомники фруктовыхъ деревьевъ и продаютъ своимъ членамъ и не членамъ прививныя деревца.

Кромѣ практическихъ поученій по садоводству, Главное Управленіе старалось организовать такія же поученія и въ области другихъ отраслей сельскаго хозяйства. Такъ, благодаря заботамъ Главнаго Управленія, «Галиційское Земледѣльческое Общество» высылаетъ спеціальныхъ инструкторовъ, которые обучаютъ крестьянъ воздѣлывать ленъ. Какъ заявляетъ отчетъ этихъ инструкторовъ, только тамъ, гдѣ существуютъ земледѣльческіе кружки удалось ввести прогрессивную культуру льна.

Для членовъ земледѣльческихъ кружковъ организованы спеціальные курсы ветеринаріи во Львовѣ. Ежегодно, въ теченіе двухъ недѣль, крестьяне, пріѣзжающіе для этого въ столицу края изъ самыхъ отдаленныхъ округовъ Галиціи, знакомятся съ главными основами ветеринаріи подъ руководствомъ профессоровъ ветеринарнаго института.

Главное Управленіе «Общества» ввело въ употребленіе ревизію крестьянскихъ хозяйствъ самими крестьянами-членами кружковъ. Эти ревизіи бываютъ двоякаго рода. Крестьяне посѣщаютъ или образцовое хозяйство, чтобы научиться, какъ слѣдуетъ удобрять землю, обходиться съ усовершенствованными земледѣльческими орудіями, ходить за скотомъ, разводить огородъ,

ухаживать за фруктовыми деревьями и т. д., или же такое хозяйство, владѣльцы котораго сами нуждаются въ совѣтахъ болѣе опытныхъ членовъ кружка.

Чтобы открыть крестьянамъ новые источники заработка и побудить сельское населенiе къ самодѣятельности, Главное Управленiе сильно заботится о распространенiи по селамъ крестьянскихъ лавочекъ, торгующихъ товарами, необходимыми въ сельской жизни, а также и продуктами крестьянскаго хозяйства. Въ послѣднiе годы Главное Управленiе выдвинуло на первый планъ дѣло организацiи мелкой торговли по селамъ и достигло въ этомъ направленiи значительныхъ результатовъ (потребительныя лавки и общества).

Такъ какъ мелкая сельская торговля въ Галицiи до очень недавняго времени находилась исключительно въ рукахъ евреевъ, то Главному Управленiю предстояла довольно трудная задача. Галицiйскiй крестьянинъ казался очень многимъ совершенно неспособнымъ къ веденiю торговаго предпрiятiя, и поэтому въ галицiйской печати раздавались довольно многочисленные голоса доказывающiе, что затѣя Главнаго Управленiя непремѣнно потерпитъ фiаско. Указывалось и на то, что невозможно бороться съ конкурренцiей евреевъ, сильныхъ своей сплоченностью и организацiей.

Однако, всѣ эти опасенiя не оправдались. Трудны были только, какъ всегда, первые шаги, но, когда появилось нѣсколько десятковъ сельскихъ лавочекъ, содержимыхъ земледѣльческими кружками, когда оказалось, что крестьянинъ вовсе не лишенъ способности къ торговлѣ, и когда, наконецъ, во многихъ селахъ ростовщики и кабатчики, занимавшiеся торговлей, были принуждены прекратить свою дѣятельность, галицiйское общество увидѣло, что идея Главнаго Управленiя была не дурна.

Самое сильное впечатлѣнiе произвели первыя сельскiя лавочки земледѣльческихъ кружковъ на самихъ крестьянъ. Они увидѣли, что деньги, употребленныя на основанiе лавочки, приносятъ довольно значительную прибыль. Кромѣ того, они уже не были принуждены ѣздить за всякой мелочью въ городъ или переплачивать лишнiя деньги торговцамъ, получая у себя въ селѣ тѣ же продукты, но лучшаго достоинства.

Первоначально лавочки земледѣльческихъ кружковъ продавали только муку, крупу, соль, керосинъ, солонину, табакъ, полотно, ситецъ, ремни, желѣзо, иголки, нитки. Затѣмъ, они стали продавать и мѣстныя крестьянскiя издѣлiя, которыя имъ поставляли сельскiе ремесленники: сапожники, горшечники, кузнецы, бондари и т. д. Такъ какъ здѣсь посредникъ-перекупщикъ былъ устраненъ,

то и ремесленникъ получалъ больше, нежели прежде, и крестьянинъ получалъ все ему необходимое дешевле.

Въ настоящее время сельскихъ лавочекъ при земледѣльческихъ кружкахъ болѣе 600, а число ихъ постоянно увеличивается. Любопытно, что во многихъ мѣстностяхъ, гдѣ кружокъ существовалъ уже довольно долго, только со времени открытія лавочки стало сильно увеличиваться число членовъ кружка, которые привлечены участіемъ въ долѣ прибыли.

Главное Управленіе постаралось, чтобы лавки земледѣльческихъ кружковъ получили разрѣшеніе продавать соль и табакъ, которые въ Австріи являются правительственной монополіей.

Главное Управленіе издало «Краткое руководство для основывающихъ лавки земледѣльческихъ кружковъ», въ которомъ крестьянинъ можетъ найти всѣ необходимыя для него указанія. Постоянно возникающія все новыя и новыя лавочки кружковъ, заботящіяся объ удовлетвореніи нуждъ крестьянъ и облегчающія сбытъ продуктовъ домашняго хозяйства (яицъ, масла, сыру), пробудило и въ крестьянинѣ духъ предпріимчивости. Мы видимъ, какъ по мѣрѣ увеличенія количества лавочекъ, среди крестьянъ основываются мелкія товарищества для закупки и продажи кружкомъ крестьянскихъ продуктовъ.

Успѣшному развитію торговой дѣятельноссти земледѣльческихъ кружковъ сильно мѣшало первоначально то обстоятельство, что крестьяне не знали, откуда имъ получать хорошій товаръ безъ содѣйствія перекупщиковъ. Это особенно сильно отзывалось на успѣхѣ тѣхъ кружковъ, которые находились въ большомъ отдаленіи отъ городовъ. Вслѣдствіе этого, Главное Управленіе позаботилось, чтобы окружныя управленія основывали торговые союзы земледѣльческихъ кружковъ. Первый такой союзъ былъ основанъ въ 1886 г. въ Яслѣ подъ названіемъ «Складъ продуктовъ земледѣльческихъ кружковъ въ Яслѣ». Этотъ складъ началъ дѣйствовать всего только съ тысячью гульденовъ основного капитала, и въ теченіе одного года продалъ товаровъ на 50.000 гульд. По примѣру этого перваго склада были основаны склады и во многихъ другихъ городахъ и мѣстечкахъ Галиціи: въ Тарнобжегѣ, въ Подгайцахъ, въ Чертковѣ, Бучачѣ, Черниховѣ и т. д.

Въ 1891 г. въ Краковѣ основанъ «Торговый союзъ земледѣльческихъ кружковъ», который задался цѣлью покупать оптомъ всякіе товары, могущіе разсчитывать на сбытъ въ лавочкахъ земледѣльческихъ кружковъ, и продавать послѣднимъ эти товары съ очень небольшой прибылью. Уже въ теченіе перваго года кассовый оборотъ краковскаго «Торговаго союза» достигъ 113.400

гульденовъ и принесъ членамъ этого товарищества около двухъ тысячъ чистой прибыли. По примѣру краковскаго «Торговаго союза», подобное же товарищество было основано въ 1894 г. и во Львовѣ, и теперь всѣ лавочки крестьянскихъ кружковъ получаютъ всѣ тѣ товары, которыхъ они не могутъ пріобрѣсти у себя на мѣстѣ въ этихъ складахъ.

Въ прошломъ году въ львовскій сеймъ была внесена петиція, требующая ассигнованія спеціальныхъ суммъ на учрежденіе практическихъ курсовъ для крестьянъ-торговцевъ. Кромѣ того, Главное Управленіе собирается устраивать ревизіи съ поученіями (какія существуютъ для сельскаго хозяйства членовъ земледѣльческихъ кружковъ) и въ лавкахъ кружковъ.

Благодаря стараніямъ Главнаго Управленія «Общества», дѣло мелкой крестьянской торговли вступило на путь широкаго развитія, и всякій, кто до недавняго времени сомнѣвался въ торговыхъ способностяхъ галиційскихъ крестьянъ, теперь смотритъ на это дѣло совершенно иначе.

Начиная съ 1893 г., Главное Управленіе въ издаваемыхъ ежегодно циркулярахъ внушаетъ крестьянамъ мысль страховаться отъ огня, пріобрѣтать пожарные инструменты и устраивать вольныя пожарныя общества. Вопросъ обо всемъ этомъ былъ неоднократно поднимаемъ на окружныхъ и общихъ съѣздахъ земледѣльческихъ кружковъ. Агитація не осталась безъ результатовъ. До появленія въ Галиціи земледѣльческихъ кружковъ, страхованіе отъ огня между крестьянами было совершенно неизвѣстно, въ 1893 же г. 5.823 члена земледѣльческихъ кружковъ застраховали свое имущество на сумму 3.599.003 гульд.

Главное Управленіе «Общества» позаботилось о томъ, чтобы крестьяне могли страховать свое имущество на льготныхъ условіяхъ, и теперь всякій членъ земледѣльческаго кружка платитъ страховому обществу на 6% меньше, нежели всѣ прочіе страхующіеся. Субъ-агентами страховыхъ обществъ состоятъ сами крестьяне.

Земледѣльческій кружокъ, пріобрѣтающій всѣ пожарныя принадлежности и инструменты, можетъ покупать ихъ въ разрочку и выплачивать за нихъ деньги въ теченіе пяти лѣтъ. Благодаря заботливости Главнаго Управленія, возникаетъ все больше и больше крестьянскихъ пожарныхъ командъ, состоящихъ изъ членовъ земледѣльческихъ кружковъ, обучающихся у спеціальнаго пожарнаго инструктора. Крестьяне первоначально относились къ такимъ сельскимъ пожарнымъ командамъ съ большимъ недовѣріемъ, но, когда они испробовали ихъ на опытѣ, недовѣріе совершенно исчезло.

Главное Управленіе заботилось объ облегченіи крестьянамъ доступа къ кредиту, но это дѣло до сихъ поръ еще не вышло изъ стадіи подготовительныхъ работъ.

Благодаря воздѣйствію Главнаго Управленія, земледѣльческіе кружки стали основывать сберегательныя кассы, выдающія ссуды членамъ этихъ кружковъ. Первая такая касса была основана въ 1890 г. въ Черниховѣ, недалеко отъ Кракова. По примѣру черниховскаго кружка, были основаны подобныя же кассы и въ сосѣднихъ селахъ. Выплачивая $4^1/_2$% вкладчикамъ и ссужая на срокъ отъ одного года до пяти лѣтъ изъ 6%, эти кассы помогли многимъ членамъ освободиться отъ ростовщиковъ, привести въ порядокъ хозяйство, прикупить скотъ и т. д. Кромѣ того, черниховская касса ссудила крестьянъ, которые взяли въ аренду печь для приготовленія извести и стали торговать углемъ. Нѣкоторые члены кружка, благодаря помощи кассы, завели кружковую мясную и колбасную лавку. Касса въ деревнѣ Веселая доставила средства на постройку школы, сняла право на аренду разныхъ доходныхъ статей и тѣмъ принудила шестерыхъ кабатчиковъ закрыть существовавшія долгое время въ деревнѣ корчмы. Та же касса побудила нѣсколькихъ крестьянъ заняться торговлей яйцами, масломъ и т. д., снабдивъ ихъ необходимыми для этого средствами на самыхъ льготныхъ условіяхъ.

Такова, въ краткихъ чертахъ, дѣятельность «Общества земледѣльческихъ кружковъ», которая съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе содѣйствуетъ развитію среди галиційскаго крестьянства духа предпріимчивости и благотворно отражается на всѣхъ проявленіяхъ народной жизни. И до сихъ поръ «Общество земледѣльческихъ кружковъ» достигло довольно многаго, однако, въ будущемъ оно станетъ развиваться еще быстрѣе, такъ какъ, благодаря послѣднимъ выборамъ, въ галиційскій сеймъ вошло около полутора десятка крестьянскихъ депутатовъ, которые не преминутъ позаботиться о томъ, чтобы помощь, оказываемая земледѣльческимъ кружкамъ страной, была усилена, а тѣ препятствія, которыя мѣшаютъ «Обществу» развиваться, были устранены.

Л. Василевскій.

ПОДВИЖНИЦА.

Разсказъ Стеф. Жеромскаго.

(Перев. съ польскаго).

Докторъ Павелъ Обарецкій въ наилучшемъ настроеніи духа вернулся домой съ именинъ ксендза, которые были отпразднованы игрою въ карты; они вмѣстѣ съ аптекаремъ и хозяиномъ дома просидѣли за винтомъ подрядъ 18 часовъ. Вернувшись, онъ накрѣпко заперъ двери кабинета, чтобы никто, не исключая и его 24-хъ-лѣтней экономки, не могъ къ нему проникнуть, усѣлся къ столу и началъ прежде всего упорно смотрѣть въ окно, безо всякаго опредѣленнаго повода, а потомъ сталъ барабанить пальцами по столу. Онъ чувствовалъ, что имъ начинаетъ овладѣвать «метафизика».

Извѣстное дѣло,—когда культурный человѣкъ уносится теченіемъ изъ центровъ умственной жизни въ какой-нибудь Кливовъ, Куржовекъ, или, какъ д-ръ Обарецкій, въ Обшидлувскъ, то по прошествіи нѣкотораго времени, вслѣдствіе отсутствія общенія съ интеллигентными людьми и полной невозможности передвиженія въ теченіе цѣлыхъ сезоновъ, онъ постепенно превращается въ травоядно-плотоядное существо, поглощающее неимовѣрное количество бутылокъ пива и подверженное приступамъ тоски, доводящей его до осатанѣлаго состоянія. Удручающая тоска захолустныхъ мѣстечекъ проникаетъ въ душу человѣка незамѣтнымъ образомъ. Съ той минуты, какъ въ душу начинаетъ закрадываться мысль—мнѣ совершенно все равно,—начинается процессъ нравственнаго умиранія. Докторъ Павелъ въ тотъ періодъ его жизни, о которомъ идетъ рѣчь, уже былъ съѣденъ Обшидлувскомъ, со всѣмъ своимъ сердцемъ, умомъ и энергіей — какъ потенціальной, такъ и кинетической. Онъ испытывалъ непреодолимое отвращеніе къ чтенію, писанію и вообще всякой работѣ мысли,

могъ цѣлыми часами расхаживать взадъ и впередъ по кабинету или лежать на диванѣ съ потухшей папироской въ зубахъ и предаваться тоскливому, докучному и подчасъ болѣзненному ожиданію чего-то, что должно случиться, кого-то, кто долженъ пріѣхать, сказать что-нибуть, хотя бы даже просто перекувырнуться,— тоскливо вслушиваться въ каждый шелестъ, въ каждый звукъ, нарушающій тишину, которая давила и пригибала къ землѣ. Особенное уныніе наводила на него осень. Въ тишинѣ осеннихъ сумерекъ, облегавшихъ Обшидлувскъ отъ предмѣстья до предмѣстья, было что-то такое печальное и унылое, что хотѣлось кричать о помощи. Въ мозгу, опутанномъ тоскою, какъ паутиной, рождались только самыя обыденныя мысли, а временами онъ дѣлался совершенно неспособнымъ къ мышленію.

Споры и разсужденія съ ключницей (напр., о необыкновенныхъ преимуществахъ поросенка, нафаршированнаго гречневой кашей, разумѣется безъ майорану, сравнительно съ поросенкомъ, начиненнымъ какимъ-нибудь другимъ фаршемъ), казавшіеся ему сперва совершенно неприличными, постепенно сдѣлались единственнымъ его развлеченіемъ. Случалось, чудовищныя тучи собирались надъ Обшидлувскомъ и сѣрые клубы ихъ неподвижно и тяжело висѣли, грозя обрушиться на городъ и далекія, пустынныя поля. Отъ этой тучи слетали, носимыя вѣтромъ, мглистыя капельки, которыя осѣдали на шубахъ въ формѣ кристаликовъ и придавали шуму вѣтра печальный, жалобный оттѣнокъ, какъ будто гдѣ-то рядомъ плачетъ ребенокъ.

Далеко на межахъ стояли обнаженныя полевыя грушевыя деревья, вѣтви ихъ колебались на вѣтру, дождь мочилъ ихъ... Всѣ эти картины наводили уныніе и порождали въ душѣ какую-то неопредѣленную тревогу. Это меланхолическое осеннее настроеніе дѣлалось господствующимъ и распространялось также на весенніе и лѣтніе мѣсяцы. Уныніе свило себѣ гнѣздо въ душѣ доктора, лишенной всякой опоры, надежды и утѣшенія. Вслѣдъ за уныніемъ явилась неописуемая, убійственная лѣнь, не дающая своей жертвѣ читать даже новеллы Алексиса.

Д-ръ Обарецкій пріѣхалъ въ Обшидлувскъ шесть лѣтъ тому назадъ, тотчасъ по окончаніи курса, съ намѣреніемъ распространять тамъ свѣтъ просвѣщенія, съ самыми благородными мыслями и нѣсколькими рублями въ карманѣ. Въ то время много говорили о необходимости селиться въ разныхъ Обшидлувскахъ. Онъ внялъ призыву апостоловъ. Онъ былъ смѣлъ, молодъ, благороденъ и энергиченъ. При первомъ же своемъ появленіи въ мѣстечкѣ, онъ вступилъ въ ожесточенную борьбу съ мѣстнымъ

аптекаремъ и фельдшеромъ, врачевавшимъ съ помощью средствъ, относящихся къ области таинственнаго. Обшидлувскій аптекарь, пользуясь преимуществами своего положенія (до ближайшей аптеки въ болѣе цивилизованной мѣстности было 5 верстъ), облагалъ данью всякаго, жаждавшаго вернуть себѣ здоровье съ помощью его мазей; цирульникъ, дѣйствующій за одно съ аптекаремъ, успѣлъ выстроить себѣ великолѣпный домъ.

Такъ какъ деликатныя и осторожныя средства по отношенію къ аптекарю не производили никакого дѣйствія и патетическія разсужденія о «различныхъ точкахъ зрѣнія» трактовались, какъ увлеченія молодости, д-ръ Обарецкій на свои послѣднія деньги купилъ дорожную аптечку и забиралъ ее съ собой, когда ѣздилъ къ больнымъ въ деревни. Онъ самъ на мѣстѣ приготовлялъ лѣкарства, и отдавалъ ихъ за безцѣнокъ, если не совсѣмъ задаромъ, училъ гигіенѣ, изслѣдовалъ больныхъ, работалъ съ фанатизмомъ и упорствомъ, не вѣдая ни сна, ни покоя. Очевидно, что какъ только распространилась вѣсть о переносной аптечкѣ, даровой помощи и тому подобныхъ точкахъ зрѣнія, у доктора тотчасъ же были выбиты окна въ его скромномъ помѣщеніи. Случилось это какъ разъ въ то время, когда Борухъ Покойнъ, единственный стекольщикъ въ Обшидлувскѣ, справлялъ праздникъ «святыхъ кучекъ» и не могъ выйти изъ своего дома. Поэтому, доктору пришлось заклеить окна бумагой и спать ночь съ револьверомъ подъ подушкой. Вставленныя рамы были снова выбиты, и подобныя выбиванія повторялись періодически, до тѣхъ поръ, пока докторъ не заказалъ себѣ деревянныхъ ставень. Между населеніемъ мѣстечка распускались слухи, будто молодой докторъ имѣетъ сношенія съ нечистой силой; во мнѣніи мѣстной интеллигенціи его чернили, какъ неслыханнаго неуча, отговаривали больныхъ, идущихъ къ нему, въ майскіе вечера устраивали у него подъ окнами кошачьи концерты, и т. д.

Молодой докторъ не обращалъ на все это никакого вниманія и надѣялся на торжество истины. Торжество истины, однако, не наступало. Почему это такъ случилось—неизвѣстно... Съ теченіемъ времени докторъ началъ чувствовать, что энергія его мало-по-малу подтачивается. Близкія сношенія съ народной массой породили въ его душѣ разочарованіе: всѣ его просьбы, наставленія, внушенія, лекціи о гигіеническихъ мѣрахъ, падали, какъ зерна на камень. Онъ дѣлалъ, что только могъ, но все было напрасно. Да и то сказать, трудно добиться чего-нибудь отъ людей, не имѣющихъ сапоговъ на зиму, выгребающихъ въ мартѣ съ чужихъ полей гнилыя прошлогоднія картофелины, чтобы сдѣ-

лать себѣ изъ нихъ хлѣбъ, употребляющихъ въ первые дни жатвы муку изъ ольховой коры, чтобы сохранить для продажи весь свой небольшой запасъ ржаной муки, готовящихъ себѣ кашу изъ недозрѣлаго зерна, добытаго воровскимъ способомъ. Трудно было заставить ихъ заботиться о своемъ здоровьѣ съ помощью хотя бы самыхъ разумныхъ гигіеническихъ совѣтовъ. Незамѣтно доктору становилось «все равно». Ѣдятъ гнилой картофель, что жъ дѣлать! Пусть ѣдятъ, если имъ нравится...

Въ одно прекрасное утро докторъ долженъ былъ констатировать фактъ, что огонекъ, горѣвшій надъ его головой, огонекъ, съ которымъ онъ явился сюда, и который долженъ былъ освѣщать его путь,—угасъ. Угасъ самъ собою, весь выгорѣлъ.

Онъ заперъ на ключъ свою дорожную аптечку и смирился. Война съ аптекаремъ и цирульникомъ закончилась.

Онъ началъ искать сближенія съ ксендзомъ и судьей. Ксендзъ часто ходилъ въ гости ко всѣмъ, и съ нимъ не трудно было познакомиться. Судья же былъ человѣкомъ, произносившимъ рѣчи, которыя совсѣмъ нельзя было понять—вслѣдствіе этого онъ предпочиталъ уединеніе.

Чтобы избѣжать дурныхъ послѣдствій постояннаго пребыванія съ самимъ собою, докторъ старался сблизиться съ природою, и часто уходилъ за городъ, въ поле. Плоская песчаная равнина окаймлялась синѣющей лентой лѣса. Казалось, солнце освѣщало этотъ пустырь только для того, чтобы обнаружить всю его безплодность, наготу и угрюмость.

По этой песчаной дорогѣ, покрытой глубокими колеями, ежедневно путешествовалъ бѣдный докторъ съ зонтикомъ въ рукахъ. Когда его начинала душить злоба и нетерпѣніе, онъ уходилъ въ пустырь, и тамъ его душу охватывалъ покой.

Шли годы. По инициативѣ ксендза состоялось примиреніе между докторомъ и аптекаремъ. Бывшіе враги начали мирно сражаться за винтомъ, хотя докторъ все-таки относился къ аптекарю съ нѣкоторымъ отвращеніемъ. Со временемъ и это отвращеніе прошло. Онъ сталъ ходить въ гости къ аптекарю и даже любезничалъ съ его женой.

Наконецъ, у него исчезла не только энергія, но и способность къ болѣе или менѣе серьезному мышленію. Принципъ, къ которому, какъ къ общему знаменателю, сводились теперь всѣ мысли и дѣйствія доктора Обарецкаго, гласилъ: «давайте денегъ и убирайтесь».

А все-таки, въ то время, когда онъ сидѣлъ у себя въ комнатѣ, вернувшись съ именинъ кседза, и барабанилъ пальцами по

столу, «метафизика» обуяла его съ прежней силой. Уже за шестнадцатой партіей винта докторъ почувствовалъ себя нехорошо. Причиною этого былъ опять-таки аптекарь, который началъ, ни съ того, ни съ сего, изучать исторію Цезаря Борджіа, и выработалъ себѣ чрезвычайно радикальные взгляды.

Д-ръ Обарецкій прекрасно понималъ, что аптекарь такими свободомысленными разсужденіями желаетъ разбѣсить ксендза; онъ чувствовалъ, что это является какъ бы прелюдіей къ болѣе тѣсному сближенію съ нимъ на почвѣ общности взглядовъ. Онъ предчувствовалъ, что въ скоромъ времени ему угрожаетъ визитъ аптекаря, который начнетъ жаловаться на недостатокъ капиталовъ, являющійся причиной застоя, а потомъ, вернувшись къ обшидлувскимъ дѣламъ, выскажетъ пожеланіе, чтобы они двое, идя рука объ руку, заключили товарищескій союзъ: одинъ будетъ писать рецепты, другой—пользоваться обстоятельствами. Докторъ предчувствовалъ также, что у него не хватитъ рѣшимости, въ отвѣтъ на предложеніе аптекаря, расквасить ему физіономію. Можетъ быть, онъ предполагалъ даже, что сдѣлка эта состоится—кто знаетъ. Горько стало ему на сердцѣ. Какъ это случилось, какимъ образомъ онъ дошелъ до этого, почему онъ не вырвался изъ болота, почему онъ такой лѣнтяй, мечтатель, рефлексіонистъ, искажающій собственныя мысли, дѣлающійся каррикатурой самого себя? Въ немъ проснулось мучительное сознаніе собственнаго безсилія. Онъ посмотрѣлъ въ окно; снѣгъ падалъ крупными хлопьями, застилая печальный видъ природы мглою и сумрачнымъ туманомъ.

Безсвязное и безплодное теченіе мыслей доктора было прервано вдругъ громкимъ голосомъ ключницы, пытавшейся увѣрить кого-то, что доктора нѣтъ дома. Докторъ, однако, самъ вышелъ въ кухню, желая какъ-нибудь стряхнуть съ себя овладѣвшее имъ уныніе.

Огромный парень въ желтомъ полушубкѣ скинулъ шапку, отвѣсилъ доктору низкій поклонъ, откинулъ волосы со лба и, видимо, затруднялся начать рѣчь.

— Чего вамъ?—спросилъ докторъ.

— Меня, господинъ докторъ, староста прислалъ...

— Зачѣмъ?

— А за вами, господинъ докторъ.

— Боленъ кто-нибудь, что-ли?

— Учительница въ нашей деревнѣ захворала, слабость на нее напала съ чего-то... Пришелъ староста... Съѣзди, говоритъ, Игнатъ, въ Обшидлувскъ, говоритъ, къ господину доктору, можетъ, онъ и пріѣдетъ...

— Поѣдемъ... Лошади-то у тебя хорошія?

— А лошади какъ лошади...

Мысль о поѣздкѣ понравилась доктору, хотя она и была сопряжена съ нѣкоторымъ безпокойствомъ. Онъ немного оживился, надѣлъ толстые сапоги, шубу съ мѣховымъ воротникомъ, съ помощью котораго можно было защищаться отъ вѣтра, опоясался кушакомъ и вышелъ изъ дому. Лошади парня были не велики, но довольно толстыя, откормленныя. Докторъ закрылъ ноги соломой, парень усѣлся бокомъ на передокъ, отмоталъ вожжи и тронулъ коней. Поѣхали.

— Далеко до васъ-то?—спросилъ докторъ.

— А можетъ побольше трехъ верстъ, можетъ и меньше.

— Ты не заблудишься?

Парень обернулся съ иронической усмѣшкой.

— Это я-то?

Въ полѣ дулъ пронизывающій вѣтеръ; некованныя, грубо обтесанныя полозья врѣзывались въ глубокій, недавно выпавшій снѣгъ, отбрасывая по бокамъ бѣлые пласты его. Дорогу замело.

Парень сдвинулъ на бокъ шапку и хлестнулъ лошадей.

Докторъ чувствовалъ себя хорошо. Миновавъ лѣсокъ, который, казалось, утопалъ въ снѣгу, они выѣхали въ обширный, безлюдный пустырь, обрамленный лѣсомъ, едва виднѣвшимся на краю горизонта.

Наступавшія сумерки озаряли обнаженный и суровый пустырь голубоватымъ свѣтомъ, который дѣлался темнѣе надъ лѣсомъ. Хлопья сбитаго снѣга, поднимаемаго копытами лошадей, долетали до ушей доктора. Неизвѣстно почему, ему захотѣлось встать въ саняхъ и крикнуть по-мужицки, изо всѣхъ силъ, въ эту глухую, безмолвную, безконечную даль, разверзающуюся передъ нимъ, какъ пропасть. Быстро поднималась темная, зловѣщая ночь, ночь необитаемыхъ полей.

Вѣтеръ усиливался, дулъ съ однообразными завываніями. Началъ падать снѣгъ.

— Посматривай на дорогу, братецъ, а то еще заблудимся,—замѣтилъ докторъ, закрывая носъ воротникомъ.

— Эй вы, молодчики!—вмѣсто отвѣта, крикнулъ парень на лошадей.

Голосъ его едва можно было разслышать среди завываній вѣтра. Кони пустились вскачь.

Вьюга разыгрывалась. Вѣтеръ вздымалъ хлопья снѣга, ударялъ ими въ сани, завывая между полозьями, и затруднялъ ды-

ханіе. Слышно было фырканье лошадей, но ни ихъ, ни возницы докторъ уже не могъ разглядѣть. Снѣжные хлопья, поднимаемые вѣтромъ съ земли, летѣли какъ табунъ лошадей.

Докторъ чувствовалъ, что они уже не ѣдутъ по дорогѣ; сани медленно двигались, ударяясь концами полозьевъ о загородки полей.

— Слушай-ка, ты,—закричалъ онъ тревожно.—Гдѣ это мы?

— Ѣдемъ полемъ къ лѣсу,—отвѣчалъ парень.—Въ лѣсу будетъ тише... до самой деревни доѣдемъ лѣсомъ.

Дѣйствительно, вѣтеръ вскорѣ стихъ и слышался только глухой гулъ въ вершинахъ и трескъ ломавшихся вѣтокъ. На черномъ фонѣ ночи мелькали осыпанныя снѣгомъ деревья. Быстро ѣхать было нельзя, потому что лѣсная дорога была завалена сугробами и извивалась среди пней и упавшихъ вѣтокъ. Наконецъ, спустя нѣсколько часовъ, въ теченіе которыхъ сердце доктора пережило не мало тревогъ, послышались какіе-то глухіе отзвуки: лаяли собаки.

— Вотъ и наша деревня, баринъ.

Въ отдаленіи замигали огоньки. подобныя свѣтящимся точкамъ, разбросаннымъ во всѣ стороны; запахло дымомъ.

— Эй вы, молодчики!—весело окликнулъ возница своихъ лошадей, ударяя себя въ бока кулаками, чтобы согрѣться.

Черезъ нѣкоторое время показался рядъ избъ, до крышъ засыпанныхъ снѣгомъ. На фонѣ освѣщенныхъ оконъ, отъ которыхъ на дорогу падали свѣтлые круги, рисовались тѣни головъ.

— Ужинаютъ люди,—замѣтилъ парень, напоминая доктору, что и его дома ждетъ ужинъ, который ему уже не удастся сегодня съѣсть.

Лошади остановились передъ однимъ изъ домиковъ. Парень ввелъ доктора въ сѣни и самъ исчезъ. Докторъ вошелъ въ маленькую и низкую избу, освѣщенную маленькой нефтяной плошкой.

Сгорбленная и сморщенная старуха поднялась, при видѣ его, съ лежанки, поправила платокъ на головѣ и вытаращила на него красные, подслѣповатые глаза.

— Гдѣ больная?—спросилъ онъ.—Самоваръ у васъ есть?

Старуха съ испугу не могла сразу найти словъ для отвѣта.

— Есть у васъ самоваръ? Можете дать мнѣ чаю?

— Самоваръ-то есть... сахару нѣту...

— Чтобъ тебя!.. Неужто нѣтъ сахару?

— А нѣту же... Можетъ, у Валковой есть, потому что барышня...

— Да гдѣ же она, ваша барышня?

— Вонъ тамъ, въ комнатѣ лежитъ, бѣдняжечка.

— Давно она больна?

— Слегла-то она уже двѣ недѣли, а теперь — ни рукъ, ни ногъ...

Она открыла дверь въ сосѣднюю избу.

— Сейчасъ! Нужно же мнѣ обогрѣться,—закричалъ докторъ, снимая съ себя шубу.

Обогрѣться въ этой норѣ было не трудно: отъ печи пышало такимъ жаромъ, что докторъ какъ можно скорѣе отправился въ помѣщеніе больной. Это была маленькая и чрезвычайно убогая комната, слабо освѣщенная небольшой лампой, стоявшей на столикѣ у изголовья больной. Чертъ лица учительницы нельзя было разглядѣть, потому что на него падала тѣнь отъ большой книги. Докторъ осторожно приблизился къ больной, пустилъ побольше огня въ лампѣ, отодвинулъ книгу и началъ разглядывать свою паціентку. Это была молодая дѣвушка, лежащая въ горячечномъ бреду. Ея лицо, шея, руки—горѣли лихорадочнымъ огнемъ и были покрыты какой-то сыпью. Пепельно-бѣлокурые, густые волосы безпорядочными космами лежали на подушкѣ и падали на лицо. Руки безсознательно и нетерпѣливо мяли одѣяло.

Д-ръ Павелъ нагнулся къ самому лицу больной и вдругъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ произнесъ:

— Панна Станислава! Панна Станислава!..

Больная съ усиліемъ пріоткрыла глаза и тотчасъ же опять закрыла ихъ. Она вытянулась, заметалась головой съ одного конца подушки на другой и тихо застонала. По временамъ она открывала губы и хватала ими воздухъ, какъ рыбка, всплывшая на поверхность воды.

Докторъ окинулъ глазами голыя, выбѣленныя известью стѣны избы, замѣтилъ плохо притворенное окно, старыя, стоптанныя туфли больной и массу книжекъ, лежащихъ всюду — на полу, на столѣ, на шкапу...

— Ахъ ты, безумная, глупая,—шепталъ онъ, ломая руки.

Онъ началъ изслѣдовать ее, дрожащими руками измѣрялъ температуру...

— Тифъ...—прошепталъ онъ, блѣднѣя. Въ бѣшенствѣ онъ схватилъ себя за горло; его душили слезы, которыхъ онъ не могъ выплакать.

Онъ видѣлъ, что ей нельзя помочь, ничѣмъ нельзя помочь, и вдругъ вспомнилъ, что даже за хиной или антипириномъ нужно послать въ Обшидлувскъ—за три версты. Панна Станислава отъ времени до времени открывала глаза, стеклянные, безсмысленные

глаза, и смотрѣла, ничего не видя, изъ-подъ длинныхъ густыхъ рѣсницъ. Онъ говорилъ ей нѣжныя слова, приподымалъ ея головку, слабо державшуюся на шеѣ—все напрасно.

Наконецъ, въ отчаяніи онъ сѣлъ къ столу и вперилъ взоръ въ пламя лампы.

— Что дѣлать?—шепталъ онъ, содрогаясь.

Сквозь щели окна въ комнату врывался холодъ зимней бури, завывавшей на дворѣ. Доктору начало казаться, что его кто-то трогаетъ, что въ комнатѣ, кромѣ него и больной, есть еще кто-то. Онъ вышелъ въ кухню и велѣлъ служанкѣ позвать старосту.

Старуха надѣла огромные сапоги, повязала голову платкомъ и вышла. Вскорѣ явился староста.

— Слушайте, не знаете ли вы кого-нибудь, кто согласился бы сейчасъ ѣхать въ Обшидлувскъ?

— Теперь, господинъ докторъ, никто не поѣдетъ, навѣрное. Кому охота ѣхать на смерть?.. Въ такую погоду и собаку не выгонишь...

— Я заплачу, дамъ хорошее вознагражденіе.

— Ужъ не знаю... Пойду, поспрошу людей...

Онъ ушелъ. Докторъ стиснулъ себѣ виски, которые, казалось, готовы были порваться отъ наплыва крови. Онъ сѣлъ на скамью и думалъ о чемъ-то давно прошедшемъ, далекомъ...

Вскорѣ въ сѣняхъ послышались шаги. Староста привелъ мальчика въ потертомъ полушубкѣ, не достигающемъ ему до колѣнъ, въ дерюжныхъ штанахъ, плохихъ сапогахъ и красномъ платочкѣ на шеѣ.

— Этотъ?—спросилъ докторъ.

— Говоритъ, что поѣдетъ. Смѣлый малецъ. Я могу дать лошадей, а то гдѣ теперь достанешь въ такой часъ...

— Слушай, если вернешься черезъ 6 часовъ, получишь отъ меня двадцать пять, тридцать рублей, получишь... что хочешь... Слышишь?

Мальчикъ посмотрѣлъ на доктора и какъ будто хотѣлъ сказать что-то, но удержался. Онъ утеръ себѣ пальцами носъ, повернулся бокомъ и ждалъ. Докторъ подошелъ къ столику учительницы и началъ писать. Руки у него тряслись. Онъ думалъ, писалъ, зачеркивалъ, рвалъ бумагу. Онъ писалъ записку аптекарю, просилъ его тотчасъ же выслать лошадей въ уѣздный городъ за докторомъ, просилъ прислать ему хинину. Потомъ онъ подошелъ къ больной и еще разъ началъ изслѣдовать ее. Наконецъ, онъ вышелъ въ кухню и вручилъ записку мальчику.

— Слушай, братъ,—сказалъ онъ ему страннымъ, точно не

своимъ голосомъ, положивъ ему руки на плечи и встряхивая его:— пусти свою лошадь во весь махъ. Слышишь, братецъ?

Мальчикъ поклонился ему въ ноги и вышелъ со старостою.

— Давно у васъ эта учительница въ деревнѣ живетъ?—спросилъ Павелъ у старухи, которая стояла, прислонившись къ плитѣ.

— Три зимы!..

— Три зимы... И никто съ нею тутъ не жилъ?

— А кто жъ будетъ жить. Я одна и жила. Пригрѣла она меня, старую. Говорила: тебѣ, бабушка, мѣста уже не найти, а у меня работа пустая... Обѣщала она мнѣ гробъ справить, когда умру, а теперь вотъ мнѣ ее хоронить придется... Господи, помилуй насъ, грѣшныхъ...

— А добрая она была?

Старуха начала шептать молитву и, вмѣсто отвѣта, замахала на доктора руками, какъ бы желая отогнать его отъ себя. Онъ вернулся къ больной и началъ, по своему обыкновенію, расхаживать по комнатѣ взадъ и впередъ, осторожно ступая на цыпочкахъ, чтобы не разбудить молодую дѣвушку.

Какъ пламя охватываетъ сухое дерево, такъ и его охватили забытыя, давно пережитыя ощущенія. Онъ увѣрялъ себя, что никогда не забывалъ о ней и всегда любилъ ее больше всего на свѣтѣ. Онъ всматривался въ ея знакомыя черты и мучительная боль въѣдалась въ его сердце. Три года она жила тутъ, около него... а онъ узналъ объ этомъ, когда она умирала...

Онъ вышелъ изъ комнаты больной въ классную комнату, заставленную скамейками и партами. Тамъ онъ сѣлъ и старался сосредоточить свои мысли на томъ, чтобы изыскать какое-нибудь средство для спасенія ея. Но, вмѣсто этого, онъ весь отдался воспоминаніямъ...

Онъ студентъ четвертаго курса. Идетъ онъ раннимъ утромъ въ анатомическій театръ, стараясь такъ ставить ноги, чтобы не всѣ прохожіе видѣли, что дыры въ подошвахъ искусно заложены бумагой. Пальто у него было тѣсное, какъ горячешная рубашка, и такое потертое, что жидъ въ лѣтнюю пору не соглашался дать за него и восьми злотыхъ (15 коп.). Онъ находился въ пессимистическомъ настроеніи, которое ему, впрочемъ, довольно легко было бы стряхнуть съ себя: для этого было бы достаточно выпить нѣсколько стакановъ чаю и съѣсть бифштексъ. Но чаю онъ не пилъ и думалъ о томъ, что, по всей вѣроятности, не придется и обѣдать. Съ такими мыслями онъ шелъ по улицѣ, когда вдругъ встрѣтился съ дѣвушкой, которая прошла мимо него, съ развѣвающимися тяжелыми, длинными, свѣтло-бѣлокурыми воло-

сами. Она не подняла глазъ и только сдвинула брови, схожія съ узкими крылышками какой-то птички.

Онъ ежедневно сталъ встрѣчать ее въ томъ же самомъ мѣстѣ. Она быстро шла по Краковскому предмѣстью, садилась въ конку и ѣхала на Прагу. Ей было не болѣе семнадцати лѣтъ, но она выглядѣла старушкой, въ башлыкѣ, небрежно повязанномъ сверхъ мѣховой шапочки, въ калошахъ, слишкомъ большихъ для ея маленькихъ ногъ, и въ некрасивомъ, немодномъ пальтишкѣ. Она постоянно несла подъ мышкою какія-нибудь тетради, исписанные листы бумаги, книги, карты. Однажды, имѣя въ своемъ распоряженіи немного денегъ, предназначенныхъ на обѣдъ, онъ рѣшилъ узнать, куда она постоянно ѣздитъ. Онъ отправился вслѣдъ за нею, сѣлъ въ тотъ же самый десятикопѣечный вагонъ, но какъ только онъ занялъ тамъ свое мѣсто, вся его храбрость покинула его. Незнакомка смѣрила его такимъ негодующимъ взглядомъ, что несчастный выскочилъ изъ вагона, ничего не достигши.

Но онъ не чувствовалъ злобы противъ нея: напротивъ, чѣмъ она была недоступнѣе, тѣмъ больше онъ о ней думалъ. Въ это время одинъ изъ его товарищей, по прозвищу «дыра въ пространствѣ», который вѣчно начиналъ писать какія-то статьи и не доканчивалъ ихъ по недостатку нужныхъ для его темы книжекъ, вздумалъ жениться на эманципированной дѣвицѣ, бѣдной какъ церковная крыса. Жена принесла ему въ приданое старый диванъ, двѣ кострюльки, гипсовый бюстъ Мицкевича, и нѣсколько гимназическихъ наградъ. Новобрачные поселились на четвертомъ этажѣ и тотчасъ же послѣ свадьбы начали заботиться о томъ, какъ-бы не умереть съ голоду. Они принялись за работу съ такимъ жаромъ, что расходились рано утромъ и возвращались домой вечеромъ. Домъ ихъ, тѣмъ не менѣе, вскорѣ сдѣлался пунктомъ, куда по вечерамъ стекались многочисленные «товарищи» въ загрязненныхъ сандаліяхъ, чтобы посидѣть на диванѣ, покурить чужихъ папиросъ, поспорить до хрипоты и выдать нѣсколько грошей въ складчину, на которыя любезная хозяйка покупала булокъ и селедокъ, раскладывала ихъ артистически на тарелку и угощала гостей. Тамъ всегда можно было встрѣтить множество народу, познакомиться съ неизвѣстными до той поры великими людьми, съ подругами хозяйки, а иногда можно было даже получить взаймы цѣлый двугривенный. Можно представить себѣ радость Обарецкаго, когда, придя однажды вечеромъ въ этотъ салонъ, онъ увидѣлъ въ группѣ дѣвицъ свою прекрасную незнакомку! Онъ заговорилъ съ нею и совершенно потерялъ голову. Возвращаясь въ тотъ вечеръ домой, онъ былъ самъ не свой и

мечталъ только объ одномъ—постоянно видѣть ее, слышать звукъ ея голоса, думать такъ, какъ она. Онъ вспоминалъ ея чудные глаза, грустные, ласковые, вдумчивые и лучезарные, поражавшіе своей глубиной. Онъ испытывалъ чувство радости и покоя, точно послѣ долгаго и труднаго пути пришелъ къ чистому источнику, укрытому въ тѣни сосенъ на горной вершинѣ.

Къ ней всѣ относились съ уваженіемъ и придавали особенное значеніе ея словамъ. Хозяинъ представилъ ей Обарецкаго, произнося съ важностью:

— Обарецкій, рефлексіонистъ, мечтатель, великій лѣнтяй, ожидающій прихода славы; панна Станислава Божовская, наша дарвинистка.

«Великій лѣнтяй» получилъ о «дарвинисткѣ» слѣдующія свѣдѣнія: она окончила гимназію, давала уроки, имѣла намѣреніе ѣхать въ Парижъ или въ Цюрихъ учиться медицинѣ, не имѣя гроша за душой...

Съ той поры они часто встрѣчались въ «салонѣ». Панна Станислава приносила съ собою фунтъ сахару, иногда холодныя котлеты, завернутыя въ бумагу, или нѣсколько булокъ. Обарецкій ничего не приносилъ, потому что у него ничего не было, но за то пожиралъ булки и пожиралъ глазами дарвинистку. Однажды, провожая предметъ своей любви до дому, онъ рѣшился просить ея руки. Она искренно засмѣялась и простилась съ нимъ дружескимъ пожатіемъ руки. Вскорѣ затѣмъ она уѣхала въ Подольскую губ., взявъ мѣсто учительницы у какого-то помѣщика.

И вотъ теперь онъ встрѣтился съ нею въ этомъ медвѣжьемъ углу, въ этой деревнѣ, затерявшейся въ лѣсахъ, среди мужиковъ... Одна жила она въ этой пустынѣ, одна теперь умираетъ... забытая...

Давно забытыя мечты, несбыточные сны и желанія снова поднялись въ немъ и вихремъ закружились въ его душѣ. Сердце болѣзненно сжималось и страсть незамѣтно проникала въ его возбужденную кровь. Онъ подошелъ на цыпочкахъ къ кровати больной и не могъ отвести глазъ отъ лица. Молодая дѣвушка спала. На вискахъ ея напрягались жилы, на искривленныхъ губахъ засохла пѣна, дыханіе вырывалось изъ груди съ хрипами, она вся горѣла. Павелъ сѣлъ возлѣ нея на кровати, взялъ въ руки мягкіе концы ея разметавшихся волосъ, прижалъ ихъ къ своему лицу и, рыдая, цѣловалъ ихъ.

— Стася, Стася, дорогая,—шепталъ онъ тихо, чтобы не разбудить ее.—Теперь ужъ ты не откажешь мнѣ... правда? Будешь моей, навсегда, слышишь, на вѣки... Потомъ онъ сѣлъ къ изго-

ловью больной, на стулѣ и опять погрузился въ мечты. Молодость пробуждалась въ немъ отъ летаргическаго сна. Теперь все пойдетъ по другому. Какъ онъ теперь заживетъ по новому! Онъ чувствовалъ въ себѣ исполинскія силы для выполненія намѣреній, которыми было полно его сердце. Отчаяніе и надежда сплетались, давили его мозгъ, не давали ему покоя.

Ночь проходила. Часы текли лѣниво, со времени отъѣзда посланца ихъ прошло уже болѣе шести. Было четыре часа утра. Докторъ началъ прислушиваться, вскакивалъ при каждомъ шелестѣ. Иногда ему казалось, что кто-то идетъ, отворяетъ дверь, стучитъ въ окно... Онъ всѣмъ существомъ своимъ вслушивался въ окружающую тишину. Вѣтеръ шумѣлъ, дрова въ печкѣ трещали— потомъ снова все стихало. И проходили минуты, казавшіяся доктору цѣлой вѣчностью; ожиданіе и нетерпѣніе надорвали ему нервы, онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ.

Когда онъ въ шестой разъ измѣрялъ больной температуру, она открыла глаза, которые изъ-за темныхъ рѣсницъ казались почти черными, пристально посмотрѣла на него и спросила надтреснутымъ голосомъ:

— Кто это?

Затѣмъ она опять впала въ безпамятство. Онъ, какъ сокровищу, обрадовался этой минутѣ сознанія. Ахъ, если бы у него была хина, если бы онъ могъ облегчить ея головную боль, привести ее въ чувство! Посланный не ѣхалъ, и не ѣхалъ.

Передъ разсвѣтомъ д-ръ Обарецкій шелъ по деревнѣ, обольщая себя послѣднимъ призракомъ надежды, несмотря на тяжелое предчувствіе, которое, какъ кончикъ иглы, врѣзывалось ему въ сердце. Въ голыхъ вѣтвяхъ придорожныхъ тополей глухо шумѣлъ вѣтеръ, но буря уже утихала. Изъ хатъ выходили женщины съ ведрами на плечахъ за водою и парни выгоняли скотъ, изъ трубъ поднимались струйки дыма. Кое-гдѣ изъ открываемыхъ дверей вырывались клубы пара.

Докторъ разыскалъ избу старшины и велѣлъ ему тотчасъ же запрягать лошадей. Ихъ запрягли двѣ пары и какой-то мальчикъ подъѣхалъ съ ними къ школѣ. Докторъ взглянулъ еще разъ на больную, сѣлъ въ сани и поѣхалъ въ Обшидлувскъ.

Къ полудню онъ вернулся, привезя съ собою свою аптечку, вино, съѣстные припасы. По временамъ онъ вставалъ въ саняхъ, какъ бы желая выскочить и обогнать лошадей пѣшкомъ. Наконецъ, онъ подъѣхалъ къ школѣ. Сдавленный, короткій крикъ вырвался изъ его устъ, когда онъ увидѣлъ открытыя окна въ домикѣ и толпу дѣтей, тѣснившихся въ сѣняхъ. Онъ подошелъ къ окну блѣд-

ный, какъ полотно, вскрикнулъ и застылъ на мѣстѣ, оперпшись руками о подоконникъ.

Въ просторной школьной избѣ лежалъ на лавкѣ раздѣтый до нага трупъ молодой учительницы. Какія-то двѣ старыя бабы мыли его. Мелкія снѣжинки влетали въ окно и садились на плечи, на распущенные волосы, на полуоткрытые глаза покойницы.

Докторъ вошелъ въ сосѣднюю комнату, сгорбленный, какъ будто на плечахъ его лежали горы. Онъ опустился въ кресло и, рыдая, повторялъ одно слово, въ которомъ вылилась вся его мука:

— Зачѣмъ?.. Зачѣмъ?..

Ему было холодно, будто вся кровь заледенѣла. Онъ не зналъ, что съ нимъ; ему казалось, что въ головѣ у него скрипятъ пронзительно немазанныя колеса...

Постель Стаси была въ безпорядкѣ. Одѣяло лежало на землѣ, простыня свѣшивалась на полъ, смятая подушка лежала посреди кровати. Крючки на открытыхъ окнахъ монотонно ударялись объ оконныя рамы. Листья какихъ-то комнатныхъ растеній въ цвѣточныхъ горшкахъ свертывались и увядали отъ мороза.

Въ полураскрытыя двери виднѣлись мужики, окружившіе убранный уже трупъ учительницы, дѣти, молящіяся на колѣняхъ, столяръ, снимающій мѣрку для гроба.

Онъ вошелъ туда и хриплымъ голосомъ приказалъ столяру сдѣлать гробъ изъ четырехъ простыхъ досокъ и подложить подъ голову стружекъ.

— Не больше... слышишь, — сказалъ онъ съ затаенной злобой,—четыре доски... не больше...

Потомъ онъ вспомнилъ, что нужно кого-нибудь увѣдомить... родныхъ... Но гдѣ они, ея родные?

Онъ съ тупымъ, идіотскимъ видомъ началъ перебирать ея книжки, школьные журналы, тетради, рукописи. Среди бумагъ онъ нашелъ листокъ съ начатымъ письмомъ, въ которомъ было написано слѣдующее:

«Дорогая Лена! Вотъ уже нѣсколько дней, какъ я чувствую себя такъ плохо, что, вѣроятно, придется скоро предстать передъ лицо Миноса и Брадаманта, Эака и Триптолема, или кого-нибудь другого изъ полубоговъ, которые и пр. На случай переселенія моего въ дальнія страны, будь добра, напиши старостѣ моей деревни, чтобы онъ выслалъ тебѣ оставшіяся послѣ меня книжки. Я передѣлала книгу «Физика для народа», надъ которой столько дѣтей ломало себѣ головы; передѣлала только вчернѣ—увы и ахъ! Если ты ее получишь въ такомъ видѣ—опять-таки, въ случаѣ переселенія моего въ дальнія страны, отдай въ печать и заставь

Антона переписать, онъ сдѣлаетъ это для меня. Ахъ, какая тоска... Вотъ еще что: нашему книгопродавцу я должна 11 руб. 65 коп.; заплати ему. Отдай ему моего Спенсера, потому что въ шкатулкѣ у меня пусто... Возьми себѣ на память...»

Остальное было написано такъ неразборчиво, что нельзя было прочесть. Адреса не было, и письма этого нельзя было послать. Въ ящикѣ письменнаго столика докторъ нашелъ рукопись той «Физики», о которой говорилось въ письмѣ, связку тетрадей и листковъ бумагъ, въ шкафу—немного бѣлья, подбитую ватой кофточку, какое-то старое, черное платье...

Слоняясь по комнатѣ, онъ наткнулся въ классѣ на того мальчика, который ѣздилъ за лѣкарствомъ. Тотъ стоялъ, прислонившись къ печкѣ, и переминался съ ноги на ногу.

Животная ненависть вспыхнула въ душѣ доктора.

— Отчего такъ долго не возвращался?—крикнулъ онъ, обращаясь къ мальчику.

— Заблудился въ полѣ... лошадь устала... я пѣшкомъ пришелъ рано... а барышня уже...

— Лжешь!

Мальчикъ ничего не отвѣтилъ. Докторъ посмотрѣлъ ему въ глаза и былъ пораженъ ихъ выраженіемъ: глаза эти были страшны, въ нихъ виднѣлось глухое, безнадежное отчаянье.

— Я принесъ тебѣ, баринъ, книжки, которыя мнѣ учительница дала,—сказалъ онъ, вынимая изъ-за пазухи нѣсколько истрепанныхъ, потертыхъ томиковъ.

— Оставь меня въ покоѣ! Пошелъ вонъ!—закричалъ докторъ, отворачиваясь отъ него и уходя въ другую комнату.

Тамъ онъ остановился среди разбросанныхъ книгъ и бумагъ и сказалъ самъ себѣ:

— Я-то тутъ что дѣлаю? Здѣсь нѣтъ ничего моего, я ни на что не имѣю права...

Онъ почувствовалъ вдругъ глубокое почтеніе къ умершей, смѣшанное съ полнымъ смиреніемъ. Горе его достигло той степени, которая граничитъ съ безуміемъ. И въ тоже время его охватилъ тайный страхъ за самого себя. Изъ сокровенныхъ глубинъ его души поднимался эгоизмъ—онъ не хотѣлъ отдаться въ руки тому призраку, который унесъ въ могилу эту глупую дѣвушку. Нужно поскорѣе удирать... Онъ рѣшилъ тотчасъ же уѣхать, прикрывая разными фразами то, что было просто результатомъ его полнаго изнеможенія.

Отдавъ приказаніе запрягать лошадей, д-ръ Обарецкій еще разъ поклонился трупу Стаси и шепталъ надъ ней всѣ слова, какія

только съумѣли придумать пустыя сердца людскія для восхваленія величія. На одну минуту у него мелькнула мысль, что лучше всего было бы тотчасъ же умереть; потомъ онъ протискался сквозь толпу ребятъ у дверей, вскочилъ въ сани и уѣхалъ.

Смерть панны Станиславы произвела нѣкоторый переворотъ въ настроеніи Павла. Въ свободные часы онъ по временамъ принимался читать «Божественную комедію» Данте, бросилъ играть въ винтъ, разсчиталъ свою двадцатичетырехлѣтнюю ключницу. На этомъ онъ и успокоился. Въ настоящее время ему живется отлично: онъ растолстѣлъ и честнымъ образомъ нажилъ себѣ кучу денегъ. Чего же еще?..

Л. Давыдова.

ГЕРОЙ СОВРЕМЕННОЙ ЛЕГЕНДЫ.

(*Продолженіе* *).

V.

Бонапартизмъ.

Одинъ изъ дѣятелей наполеоновскаго времени, превосходно знавшій императора, очевидецъ важнѣйшихъ событій его царствованія, выразился кратко и мѣтко объ основной нравственной и умственной чертѣ Цезаря: «Императоръ — весь система, весь иллюзія» [1]).

Это значитъ, у Наполеона на всѣ предметы были составлены вполнѣ опредѣленные и ничѣмъ непоколебимые взгляды. Въ началѣ неограниченной власти, въ первый годъ консульства онъ еще снисходилъ до чужихъ совѣтовъ, заимствовалъ свѣдѣнія у болѣе опытныхъ и знающихъ юристовъ и администраторовъ, но вскорѣ такой порядокъ вещей совершенно измѣнился. Наполеонъ проникается убѣжденіемъ, что онъ рѣшительно все знаетъ и понимаетъ лучше другихъ, что у него «голова желѣзная» [2]), «рука счастливая», и на кого онъ ее возлагаетъ, тотъ мгновенно становится и умнымъ, и талантливымъ, «способнымъ на все» [3]).

Наполеону доставляло особенное удовольствіе—своими милостями и назначеніями на самые важные посты идти наперекоръ общему мнѣнію о разныхъ политическихъ дѣятеляхъ. Его чудодѣйственное слово должно было всѣми признанное ничтожество превращать

---

*) «Міръ Божій», № 2, февраль 1896 г.

[1]) De Pradt. *Histoire de l'ambassade dans le grand duché de Varsovie. en 1812.* Paris 1812, p. 94.

[2]) Duc de Vicence I, 109.

[3]) «J'ai la main heureuse, Monsieur; ceux sur qui je la pose sont propres à tout». Таковъ былъ отвѣтъ Наполеона, когда онъ назначилъ одного изъ своихъ камергеровъ на очень отвѣтственный постъ и ему стали возражать на счетъ неподготовленности его избранника. *Mémorial*, I, 402.

въ государственный умъ и популярное имя осуждать на мракъ и забвеніе. Онъ хотѣлъ быть не только господиномъ, но и творцомъ людей, и совершенно естественно окружалъ себя помощниками, во всѣхъ отношеніяхъ безцвѣтными, безличными и, главное, безхарактерными и безпринципными. Въ такой средѣ его власть и его величіе должны были производить подавляющее впечатлѣніе, и ему ничего не стбило играть роль исключительнаго существа среди Бертье, Маре, Беньо и даже Камбасересовъ и Редереровъ, превосходившихъ умомъ своихъ товарищей, но столь же нравственно низкихъ и граждански ничтожныхъ [4]).

«C'est un diable»,—говорили восторженные рабы, и не смѣли перевести духа, когда императору угодно было пуститься въ разсужденія, все равно, по поводу какого бы то ни было вопроса. Эти сцены поистинѣ умилительны.

Мы знаемъ, какую школу прошелъ Наполеонъ Буонапарте и генералъ Бонапартъ. Свѣдѣнія его—на счетъ политики, юриспруденціи, исторіи и быта французскаго народа—стояли на самомъ скромномъ уровнѣ. Руссо для всѣхъ этихъ предметовъ самый неосновательный учитель, какого только можно представить, а онъ былъ единственнымъ политическимъ писателемъ и философомъ, какого зналъ Бонапартъ. И вотъ, шпага, на которую самъ же генералъ и впослѣдствіи императоръ любилъ ссылаться, какъ на своего генія карьеры и на raison suprême власти, привела его на высоту трона и открыла передъ нимъ необозримое поприще всевозможныхъ вопросовъ администраціи и высшей политики—законодательной и нравственной. И при томъ—гдѣ и при какихъ условіяхъ!

Въ государствѣ, совершенно не похожемъ на Корсику, а именно только Корсикой и интересовался будущій цезарь въ теченіе всей своей молодости, вплоть до своего молніеноснаго возвышенія... Послѣ революціи, поколебавшей и отчасти уничтожившей вѣковыя основы политической жизни великаго народа, старое не успѣло окончательно очистить сцену, а новое все еще встрѣчало вражду и даже чувство ужаса... Предстояло разобраться въ этой безпримѣрной смутѣ идей, фактовъ и страстей. А у властителя наготовѣ лишь одинъ идеалъ государства, какой можно было вынести изъ полудикаго отечества и военнаго лагеря. «Государство—соединеніе людей не дисциплинированныхъ и не поддающихся дисциплинѣ, если только

---

[4]) Любопытно, что именно Редереръ характеризуетъ эту политику Наполеона и безпрестанно самъ приходитъ въ восторгъ отъ его величія и государственныхъ способностей. Ср. Bondois. *Napoléon et la société de son temps.* Paris 1895. Chaptal. У Тэна. *O. c.* p. 79.

ихъ не сжимаетъ желѣзная рука» [5]). Такъ передаетъ политическое ученіе Наполеона одинъ изъ его искреннѣйшихъ поклонниковъ. Новый писатель, крайняго демократическаго направленія, но далеко не безусловный отрицатель даже нравственныхъ достоинствъ Наполеона, очень вѣрно и сильно выразилъ ту же мысль: «Наполеонъ создалъ изъ Франціи солдата и превратилъ этого солдата въ божество» [6]).

Отсюда необыкновенная простота отношеній къ людямъ и къ самымъ сложнымъ задачамъ государственнаго управленія. Всѣ французы—солдаты, если не фактически, то по долгу и гражданскому положенію. Фактическое превращеніе всего населенія—съ десятилѣтняго возраста по шестидесятилѣтній—Наполеону не удалось осуществить, но это не могло препятствовать ему распространить военные обычаи и пріемы на всѣ учрежденія.

Военный начальникъ не стѣсняется въ глаза подчиненнымъ объяснять—рѣзко и повелительно—уставъ дисциплины: это—законная необходимость извѣстныхъ обязанностей. Совершенно также Наполеонъ поступаетъ со своими министрами. Они безпрестанно должны выслушивать отъ него слѣдующія поученія: кого онъ сдѣлалъ важными сановниками и министрами, тѣ перестаютъ быть свободными въ своихъ мысляхъ и выраженіяхъ; они могутъ быть только органами *его* мыслей; для нихъ актъ измѣны начинается уже въ ту минуту, когда они позволяютъ себѣ сомнѣваться, и измѣна вполнѣ осуществляется, когда отъ сомнѣнія они переходятъ къ разногласію съ своимъ повелителемъ [7]).

Онъ, слѣдовательно, *единственный* законодатель и правитель государства,—практически это въ буквальномъ смыслѣ слова.

Но, вѣдь, чтобы писать законы и притомъ для культурной націи XIX-го вѣка, требуется въ высшей степени много условій: *гражданскій* государственный геній, познаніе *гражданскихъ* порядковъ и уваженіе къ *гражданскому* строю жизни. Ни однимъ

---

[5]) Duc de Vicence I, 102.

[6]) Louis Blanc. *Histoire de dix ans.* Paris 1844, I, *Introduction* p. 5. До какой степени французскому радикальному политику близко сочувствіе личности цезаря, показываетъ удивительное впечатлѣніе, какое Луи Бланъ получаетъ отъ разсказа о попыткѣ Наполеона отравиться передъ первымъ отреченіемъ отъ престола. Мы ниже встрѣтимся съ этимъ любопытнѣйшимъ фактомъ въ исторіи Наполеона и увидимъ, что безпристрастному историку менѣе всего можно было написать слѣдующія строки: «...on a raconté qu'il avait essayé de s'empoisonner. Ilest possible qu'il ait voulu s'ensevolir dans son orgueil: en cette âme sablonne et profonde, l'exaltation se confondait avec la rase et le calcul n'excluait pas la poésie». *Ib.* p. 35.

[7]) Mollien. II, 9.

изъ этихъ качествъ Наполеонъ не обладалъ, не могъ и не хотѣлъ обладать. Всѣ его идеалы сосредоточивались на «военной классификаціи» и упрощенномъ способѣ—царствовать и управлять. Ему необходимо было, чтобы Франція ежегодно доставляла ему извѣстное количество солдатъ. «Я могу ежегодно издерживать (depenser) столько-то рекрутъ» [8]), — вотъ его государственный девизъ, не имѣющій, конечно, ничего общаго съ заботами о культурномъ развитіи страны. И мы увидимъ,—эти заботы ни на одну минуту не занимали Наполеона; напротивъ, культура, развитіе, образованіе, идеи преслѣдовали его во снѣ и на яву, подобно кошмару. Онъ самъ откровенно объяснилъ, что значитъ пройти его карьеру и обладать его натурой.

Когда Меттернихъ, послѣ разгрома «великой арміи» въ Россіи, велъ переговоры съ Наполеономъ и указалъ на его новое войско изъ подростковъ, императоръ воскликнулъ:

«Вы не солдатъ, и вы не знаете, что̀ происходитъ въ душѣ солдата. Я выросъ на поляхъ сраженій и человѣкъ подобный мнѣ плюетъ на жизнь милліона людей» [9]).

Въ этихъ словахъ, конечно, менѣе всего можно узнать государя и вообще государственнаго человѣка.

Но революція завѣщала Наполеону сложную законодательную работу. Новый порядокъ требовалъ неотложно новыхъ законовъ, новое общество постоянно нуждалось въ новыхъ юридическихъ формахъ и принципахъ. Это сознавали всѣ революціонныя собранія, и самое бурное изъ нихъ—конвентъ—среди страшныхъ смутъ якобинства и террора, продолжало работу своихъ предшественниковъ. Въ самомъ началѣ революціи былъ рѣшенъ утвердительно вопросъ о гражданскомъ кодексѣ, единомъ для всей Франціи, въ августѣ 1793 года Камбасересъ представилъ конвенту подробнѣйшій проектъ новаго уложенія и въ теченіе того же мѣсяца были обсуждены статьи касательно семейныхъ отношеній. Революція не успѣла довести своего начинанія до конца и не могла успѣть при непрестанныхъ потрясеніяхъ государства внутри и извнѣ. Но она болѣе спокойной эпохѣ оставила въ наслѣдство главнѣйшія основы гражданской свободы личности. Наполеону предстояло только воспользоваться наслѣдствомъ, и вся его заслуга заключается въ продолженіи давно начатаго дѣла, а личное вмѣшательство—въ

[8]) Staël, XIII, 257.

[9]) Подлинное выраженіе Наполеона не приводимо въ печати, и Меттернихъ отказывается повторить его. *Mémoires*. Paris. 1881, I, 151—2. У Тэна они цитируются въ самой откровенной формѣ по тексту, намъ неизвѣстному. *O. c.* I, 115.

ограниченіяхъ слишкомъ либеральныхъ, по его мнѣнію, идей первыхъ законодателей. Впослѣдствіи Наполеонъ гордился гражданскимъ кодексомъ, какъ величайшимъ подвигомъ своей власти [10]). И, несомнѣнно, кодексъ былъ благодѣяніемъ для страны, не знавшей до тѣхъ поръ единообразнаго, точнаго и яснаго законодательства. Но только претензіи Наполеона на творческое созданіе кодекса столь же основательны, какъ и его же изумительное выраженіе о собственной личности: *l'homme des abnégations et du désinteressement* или о собственномъ историческомъ значеніи: будто онъ мессія принциповъ просвѣщенія и свободы, «полярная звѣзда ародныхъ правъ» [11])...

Трудно вѣрить глазамъ, читая подобныя рѣчи, но мы услышимъ дальше еще не такія стихотворенія въ прозѣ отъ изгнанника Св. Елены, самаго страннаго изъ героевъ «самоотверженія и безкорыстія».

Въ дѣйствительности Наполеонъ вмѣшивался въ законодательную работу коммиссіи и государственнаго совѣта крайне оригинально. Его отвращеніе къ *метафизикамъ*, *идеологамъ* и къ краснорѣчивымъ ораторамъ не мѣшало ему выступать на поприще всѣхъ этихъ «гадовъ», заслуживающихъ «быть брошенными въ воду» [12]). Въ изгнаніи Наполеонъ утверждалъ, будто онъ укрѣпилъ на всегда «великіе принципы *нашей* революціи», ея «великія и прекрасныя истины», будто эти истины, «возникшія на французской трибунѣ, упроченныя кровью битвъ, украшенныя лаврами побѣды, привѣтствуемыя кликами народовъ, освященныя трактатами, союзами монарховъ, ставшія доступными слуху и устамъ королей,—не отступятъ болѣе вспять» [13]).

Такъ ораторствовалъ развѣнчанный цезарь, чаруя слушателей нѣкіимъ «жаромъ вдохновенія». На престолѣ онъ иначе смотрѣлъ на «французскую трибуну» и одному изъ ея представителей, совершенно укрощенному и преданному, заявилъ буквально слѣдующее:

«Я хочу, чтобы можно было отрѣзать языкъ адвокату, который бы сталъ имъ пользоваться противъ правительства» [14]).

А сколько же въ идеяхъ революціи заключалось противнаго наполеоновскому правительству!

Это съ неизмѣнной энергіей доказывалъ самъ Наполеонъ, со

---

[10]) *Mémorial* I, 210.
[11]) *Ib.* I, 387, 436.
[12]) Thibaudeau. *O. c.* 204. Тэнъ 29.
[13]) *Mémorial* I, 436.
[14]) Письмо къ Камбасересу. Bondois. *O. c.* p. 155.

вершая свой важнѣйшій, по его словамъ подвигъ—составляя кодексъ.

Прежде всего, онъ не могъ допустить правильнаго отправленія правосудія на основаніи существующихъ законовъ. Онъ безпрестанно вмѣшивался въ судебные приговоры, въ права гражданскихъ судовъ, и, конечно, по одной и той же системѣ—въ интересахъ военной дисциплины. Рядомъ съ обыкновенными судами постоянно дѣйствовали военныя коммиссіи, экстренныя присутствія, назначаемыя лично Наполеономъ, и военный судъ простирался на всѣхъ, сколько-нибудь причастныхъ къ распространеннѣйшему преступленію во времена имперіи — къ дезертирству. Достаточно было шпіонамъ заподозрить кого-либо въ томъ, что онъ совѣтовалъ новобранцу бѣжать, и «преступника» подвергали суду военной коммиссіи. Сохранилось множество приказовъ императора—задерживать въ тюрьмахъ лицъ, оправданныхъ судами, и отъ судей требовалось представить объясненія на счетъ ихъ приговоровъ. Наполеоновское правительство не отступало даже и передъ пытками [15]).

И это совершенно естественно: развѣ могъ подобный властитель чувствовать уваженіе къ какимъ бы то ни было гражданскимъ учрежденіямъ и исполнителямъ закона, а не его воли!

Забавнѣе всего—сильнѣйшая наклонность Наполеона къ идеологіи и краснорѣчію, столь ему ненавистныхъ у другихъ. Императоръ до страсти любилъ говорить рѣчи въ государственномъ совѣтѣ, водворять восторженное молчаніе среди членовъ и залетать въ самыя выспреннія сферы метафизики. Въ Сенжерменскомъ предмѣстьѣ и въ салонѣ г-жи Сталь много забавлялись этими дѣйствительно удивительными сценами [16]). Оказывалось, генералъ Бонапартъ, превратившись въ консула, а потомъ императора, во мгновеніе ока сдѣлался первостепеннымъ ученымъ и философомъ. По крайней мѣрѣ, не оказывалось вопроса, который бы не рѣшался имъ просто и необыкновенно быстро, и при всеобщемъ упоеніи слушателей. Они даже усвоили особый способъ апплодировать подъ сурдинку упражненіямъ властителя въ политической философіи.

---

[15]) Staël. XIII, 245—246; Bondois. *Ib.* p. 155. Любопытна юридическая мѣра Наполеона, которой онъ восхищался въ изгнаніи. Онъ хотѣлъ до послѣдней степени сузить роль адвокатовъ и установить законъ, чтобы вознагражденіе за веденіе дѣлъ получали только адвокаты, выигравшіе процессъ. Наполеонъ ожидалъ самыхъ плодотворныхъ результатовъ для національныхъ добродѣтелей отъ подобнаго закона. *Mém.* II, 442.

[16]) Staël. XIII, 164.

Любопытно познакомиться съ образчиками этихъ упражненій. Мы приведемъ самое интересное—именно потому, что восторгъ подданныхъ Наполеона въ новѣйшее время раздѣлилъ ученый французскій историкъ.

Дѣло шло объ усыновленіи. Юристы посмотрѣли на актъ съ реальной, чисто-гражданской точки зрѣнія,—Наполеонъ возсталъ и произнесъ слѣдующую рѣчь:

«Усыновленіе не гражданскій договоръ и не судебный актъ. Анализъ юриста приводитъ здѣсь къ самымъ дурнымъ результатамъ. Человѣкомъ можно управлять только при помощи воображенія, безъ воображенія онъ—скотъ... Не нотаріусъ за двѣнадцать франковъ можетъ совершить подобный актъ. Здѣсь требуется другая процедура, законодательная. Усыновленіе, что это такое? Актъ, которымъ общество хочетъ подражать природѣ. Это нѣчто въ родѣ новаго таинства... Сынъ отъ плоти и крови одного отца, по волѣ общества, переходитъ въ плоть и кровь другого. Это величайшій актъ, какой только можно вообразить. Онъ сообщаетъ чувства сына тому, у кого ихъ не было, и то же самое совершаетъ съ чувствами отца. Откуда долженъ снисходить этотъ актъ? Свыше, подобно молніи» [17]).

Тэнъ склоняетъ голову предъ этимъ краснорѣчіемъ... Но на самомъ дѣлѣ трудно представить рѣчь, болѣе наивную, реторически-безсодержательную и въ государственномъ смыслѣ болѣе фальшивую и безплодную, чѣмъ подобная поэзія среди юридическихъ преній законодателей. Неужели Наполеонъ могъ серьезно вѣрить, что современные ему французы и ихъ потомки окажутся способными—все равно, путемъ какихъ угодно формальностей проникаться *священной таинственностью* акта усыновленія и чувствовать *благоговѣйный трепетъ* предъ неизбѣжно прозаической гражданской процедурой, какими бы эпитетами и внѣшними осложненіями ея ни украшать? Другой французскій историкъ, превосходящій Тэна практическимъ смысломъ, совершенно основательно изліянія Наполеона признаетъ «дѣтскими и смѣшными», въ особенности «при рѣшеніи важнаго юридическаго вопроса» [18]).

Весьма часто эти изліянія напоминаютъ знакомаго намъ автора разныхъ разсужденій о любви, о человѣческомъ счастьѣ и прочихъ метафизическихъ матеріяхъ. И этого слѣдовало ожидать. Умственное развитіе Наполеона на счетъ идей отнюдь не увеличилось ко времени возвышенія, а въ періодъ власти фатально не

[17]) Тэнъ. *O. c.* p. 37—38.
[18]) Bondois. *O. c.* p. 153.

могло увеличиться. Если современный историкъ восторгается банальной и безцѣльной реторикой цезаря, что же происходило съ очевидцами и слушателями подобныхъ рѣчей? Въ особенности, если члены государственнаго совѣта, помимо всѣхъ законныхъ благъ, еще при консульствѣ стали получать отъ господина денежныя подачки. Предъ нами одно изъ распоряженій перваго консула: здѣсь наиболѣе извѣстныя имена стоятъ рядомъ съ той или другой суммой франковъ: секретарь государственнаго совѣта Локюе, распредѣлитель подарковъ, оцѣненъ въ 10.000, Редереръ— въ 15, Порталисъ—въ такую же сумму. Деньги приказывается передать «изъ рукъ въ руки», такъ чтобы каждый думалъ, будто только онъ одинъ удостоился консульской милости [19]).

И вотъ эти-то законодатели вели пренія въ присутствіи Наполеона и доставляли ему презабавное зрѣлище, ожесточенно нападая другъ на друга. Консулъ и императоръ любилъ устраивать такія травли, онѣ не вели ни къ какимъ послѣдствіямъ: въ любую минуту можно было крикнуть: *Quos ego!* и все смолкало. Въ результатѣ государственный совѣтъ только «формулировалъ его личные декреты» [20]).

Естественно, кодексъ Наполеона долженъ былъ принять въ себя не мало собственныхъ усмотрѣній цезаря. Всѣ они, конечно, менѣе всего согласовались съ «великими принципами» революціонныхъ «метафизиковъ», напримѣръ, въ вопросѣ о разводѣ.

Наполеонъ и здѣсь не пропустилъ случая «метнуть огненную стрѣлу», по выраженію Тэна. Стрѣла на этотъ разъ нѣсколько интереснѣе, чѣмъ болтовня по поводу усыновленія. Наполеону хотѣлось узаконить разводъ по требованію одного изъ супруговъ и даже при *недоказанныхъ фактахъ* измѣны.

Это требованіе вытекало изъ общаго понятія Наполеона о женской натурѣ и женской нравственности. Онъ терпѣть не могъ разсуждающихъ и даже просто разговаривающихъ женщинъ. Ниже мы увидимъ, какую шумную и жестокую войну онъ поднялъ противъ не только писательницы, г-жи Сталь, но и вообще хозяекъ салоновъ. Наполеонъ не скрывалъ своихъ взглядовъ и въ лучшихъ случаяхъ его рѣчи на этотъ счетъ напоминали знаменитый монологъ мольеровскаго героя въ *Школѣ женщинъ*. «Пусть лучше женщины работаютъ иголкой, а не языкомъ!..» говорилъ Наполеонъ и сознавался, что желаніе жены для него было бы совершенно достаточнымъ мотивомъ поступить какъ разъ наоборотъ.

---

[19]) Документъ приведенъ у Bondois, p. 154.

[20]) «Le conseil d'Etat ne servit plus qu'à donner la forme à des decrets émanés de lui». Chaptal у Тэна, p. 79.

Очевидно, французскій императоръ усвоилъ пристрастіе къ Востоку до буквальнаго повиновенія турецкой національной мудрости.

Одинъ изъ самыхъ вѣрныхъ слугъ Наполеона превосходно изобразилъ своего господина, какъ героя многочисленныхъ романическихъ приключеній. Современные авторы легенды и здѣсь пытаются опоэтизировать Бонапарта, но всѣ ихъ усилія должны разбиться о рѣшительное заявленіе Коленкура, наполеоновскаго дипломата и искренняго его обожателя.

«Отношенія императора къ женщинамъ—совершенно матеріальныя — исключали всякую возможность признавать у женщинъ остроуміе, умъ и талантъ чѣмъ-то обаятельнымъ. Онъ не любилъ образованныхъ и извѣстныхъ женщинъ, не желалъ, чтобы онѣ выходили изъ своего вульгарнаго положенія. Онъ въ обществѣ отводилъ для нихъ самое скромное мѣсто, лишалъ ихъ дѣятельности и вліянія на мужчину. Женщина въ его глазахъ была лишь изящнымъ созданіемъ, красивой игрушкой, предметомъ для пріятнаго времяпрепровожденія, и ничего больше. Пытались придать романическій характеръ его мимолетнымъ увлеченіямъ,—въ дѣйствительности у него никогда не было связей, гдѣ сильнѣйшій является слабѣйшимъ, гдѣ порабощенное, упоенное сердце даетъ больше, чѣмъ отъ него требуютъ. «Любовь», сказалъ онъ мнѣ однажды, «глупое предубѣжденіе, больше ничего, будьте въ этомъ увѣрены»[21]).

Мы привели сообщеніе Коленкура потому, что оно важно для насъ не только касательно романическаго вопроса въ жизни Наполеона: оно необходимо для вѣрной оцѣнки изумительныхъ гоненій, поднятыхъ Наполеономъ на г-жу Сталь, и весьма цѣнно вообще для полнаго представленія о нравственной философіи Бонапарта. Мы не стали бы заниматься кавалерскими чувствами политическаго дѣятеля, если бы они оскорбляли только «прекрасный полъ»: исторіи нѣтъ дѣла до подобныхъ галантныхъ интересовъ. Сущность факта въ томъ, что Наполеонъ—законодатель и правитель—всюду носился съ своими мелкими закулисными дрязгами и позволялъ себѣ личный опытъ съ актрисами, придворными дамами и женами мелкихъ офицеровъ примѣнять къ своему «величайшему подвигу»—кодексу.

Въ результатѣ, положеніе о разводѣ должно сыграть роль грознаго призрака для женщинъ наполеоновской монархіи. По мнѣнію императора, всѣ французы-мужья подвергались неотвратимой опасности попасть въ разрядъ рогоносцевъ, если бы законъ не пришелъ къ нимъ на помощь.

---

[21]) Duc de Vicence I, 157—158.

«Вдумайтесь въ нравы націи: измѣна въ супружествѣ вовсе не исключительное явленіе, она очень обыкновенна... Нужна узда на женщинъ, которыя измѣняютъ за побрякушки, стишки, за бога Аполлона, за музъ и т. п.».

Наполеонъ могъ бы прибавить и еще кое-какія причины женскихъ измѣнъ, напримѣръ, поучительно было бы для членовъ государственнаго совѣта услышать эпизоды изъ египетскаго похода, когда генералъ разыгрывалъ роль Людовика XIV, удалялъ изъ арміи мужей красивыхъ женъ и появлялся публично, передъ всѣми войсками, въ сопровожденіи своихъ избранницъ... Законъ о разводѣ прошелъ, какъ желалъ Наполеонъ, и впослѣдствіи на основаніи этого закона, т. е. по единоличному желанію супруга, императоръ могъ развестись съ Жозефиной и жениться на австрійской принцессѣ. Не помышлялъ ли тонкій государственный мужъ о своемъ будущемъ, метая стрѣлы въ повальную безнравственность французской націи?

Но законодатели, бравшіе взятки изъ рукъ перваго консула, никакими вопросами, конечно, не задавались, личныхъ вопросовъ впрочемъ и не допустилъ бы господинъ: за одобреніе и молчаніе онъ платилъ чистыми деньгами и имѣлъ право требовать выполненія условій.

Бывали наивные люди, серьезно принимавшіе свою обязанность вести пренія и возражать Бонапарту. Но у него было самое вѣрное средство привести ораторовъ къ порядку.

«Съ Наполеономъ случались страшныя вспышки. Когда у него не хватало доводовъ противъ собесѣдниковъ, ему противорѣчившихъ, онъ давалъ понять самъ свое неудовольствіе сухими отвѣтами, и если осмѣливались ему возражать, онъ выходилъ изъ себя и впадалъ въ дерзости».

Такъ разсказываетъ Коленкуръ [22]). Этому образцовому слугѣ своего господина приходилось весьма часто уходить отъ императора. Такое поведеніе дѣйствовало на властителя: онъ смягчался, и, несомнѣнно, будь у Наполеона побольше людей, не утратившихъ сознанія своего достоинства и смѣлости защищать его, нравъ цезаря не развился бы до такого чудовищнаго самообожанія и самовластія. Но несчастіе Франціи и самого ея владыки заключалось въ удручающемъ «безлюдьи» бонапартовской эпохи,—безлюдьи въ смыслѣ личнаго и гражданскаго мужества. Коленкуръ съ своей манерой бѣжать отъ разгнѣваннаго господина покажется намъ героемъ рядомъ съ невѣроятнымъ раболѣпствомъ военныхъ,

---

[22]) Duc de Vicence I, 317—318.

гражданскихъ и духовныхъ сановниковъ, и въ особенности «идеологовъ» и «метафизиковъ», т. е. писателей. Наполеонъ, мы увидимъ, и самъ не ожидалъ такого дѣйствія своей власти и на первое время не могъ скрыть изумленія—предъ усердіемъ своихъ подданныхъ—становиться въ положеніе безсловесныхъ животныхъ.

Въ томъ же самомъ государственномъ совѣтѣ ему подчасъ надоѣдало одному ораторствовать вкривь и вкось при неизмѣнномъ безмолвномъ восторгѣ законодателей. «Согласитесь, что очень легко быть умнымъ на этомъ креслѣ», воскликнулъ онъ разъ, указывая на свое предсѣдательское мѣсто.

Это восклицаніе дѣйствительно было «огненной стрѣлой» не только противъ покорныхъ рабовъ, но и противъ самого господина, и если бы Наполеону почаще приходили на умъ такія свѣтлыя мысли, онъ, вѣроятно, дешевле оцѣнилъ бы свою «желѣзную голову», «счастливую руку» и такъ-называемый «практическій смыслъ» — *l'esprit de la chose*, какъ онъ самъ выражался. Онъ увидѣлъ бы, на какомъ пьедесталѣ построено величіе и почему это величіе выросло съ такой головокружительной быстротой. Наполеонъ вопросъ рѣшалъ неправильно, односторонне, всѣ успѣхи приписывалъ своему исключительному генію и своей звѣздѣ. Полное рѣшеніе вопроса только изрѣдка мелькало предъ глазами упоеннаго счастливца и онъ никакъ не могъ додуматься до самой простой, единственно вѣрной и для него благодѣтельной идеи: я великъ не только потому, что у меня есть звѣзда, но и потому еще, что кругомъ царствуетъ темная ночь духовнаго ничтожества, безличія, малодушія, политической бездарности и даже настоящаго подлиннаго слабоумія и мелкой, чисто торгашеской продажности.

Но естественно ли было такъ разсуждать солдату на высотѣ величайшей государственной власти? Онъ зналъ, чего стóятъ купленные имъ слуги, и это знаніе доставляло ему только лишнее удовольствіе — презирать ихъ и бросать имъ въ лицо презрѣніе. Въ изгнаніи онъ такъ выражался о своихъ законодателяхъ и правителяхъ: «государственный совѣтъ былъ его мыслью въ процессѣ обсужденія; министры, въ свою очередь, были его мыслью въ исполненіи» [23]). Въ этихъ словахъ вся система Наполеона: онъ не только управлялъ Франціей, снабжалъ ее законами,—онъ стремился быть самолично на каждомъ административномъ посту. Для Наполеона Франція представляла нѣчто въ родѣ его домашняго хозяйства въ самомъ узкомъ мѣщанскомъ смыслѣ. Мы ви-

[23]) «L'Empereur employait individuellement les conseillers d'Etat à tout, disait-il, et avec avantage. En masse, c'était son veritable conseil, sa pensée en delibération, comme les ministres sa pensée en exécution». *Mem.* I, 153.

дѣли,—онъ придавалъ большое значеніе вопросу, сколько кусковъ сахару израсходовано на придворный чай, сколько императрица Жозефина тратитъ на прачку; цезарю случалось даже отправлять въ тюрьму портнихъ своей супруги за ея расточительность на туалеты [24]). Заботливость о семейномъ благочиніи шла еще дальше.

Наполеонъ не довѣрялъ умѣнью своей первой жены держаться соотвѣтственно высокому сану: Жозефинѣ, напримѣръ, надо отправиться на воды. По пути ей предстоятъ торжественныя встрѣчи, представится необходимость сказать кое-гдѣ нѣсколько словъ. Она можетъ допустить неловкость, безтактность, и вотъ императоръ диктуетъ 21 страницу большого формата подробнѣйшихъ инструкцій, гдѣ указаны даже вопросы и отвѣты Жозефины во время всего ея путешествія.

Подобные факты изумляли слугъ Наполеона и ихъ изумленіе находитъ сочувствіе у того же навѣйшаго французскаго историка: на его языкѣ это называется обладать «необъятнымъ количествомъ положительныхъ свѣдѣній» [25]).

Но, вѣдь, наполеоновскія наставленія ни болѣе, ни менѣе, какъ все тотъ же катехизисъ нравственности и благопристойности, какой у Мольера ревнивый комическій женихъ внушаетъ своей будущей женѣ. Въ комедіи это смѣшно, и отчасти каррикатурно, но можно ли серьезно говорить о размѣрахъ ума и свѣдѣній государственнаго человѣка по поводу хотя и не столь забавныхъ и глупыхъ уроковъ мужа своей легкомысленной супругѣ?

Такъ ежедневно поступаютъ самые обыкновенные буржуа-педанты и никто не думаетъ возводить ихъ въ геніевъ,—совершенно напротивъ.

Дальше, Наполеонъ даетъ уже совершенно курьезную программу брату Іосифу, сначала неаполитанскому, а потомъ испанскому королю. Бѣднякъ не умѣлъ царствовать такъ же, какъ Жозефина—играть роль императрицы, и вотъ, всюду поспѣвающій цезарь посылаетъ ему своего рода зерцало королевской власти. Вы можете подумать,—мысли насчетъ управленія подданными. Отнюдь нѣтъ. Императоръ настаиваетъ на болѣе положительныхъ вопросахъ: въ какой обстановкѣ Іосифъ долженъ ложиться спать, кто и какъ долженъ его стеречь, какъ обязаны стучаться въ дверь его спальни... [26]).

---

[24]) M-lle Despreaux, модистка Жозефины, была посажена въ Бисетръ. Ср. Lévy. *Ib.* p. 174.

[25]) Тэнъ. *Ib.* p. 40, rem. 1: «on parvient à concevoir l'immencité de ses informations positives».

[26]) *Corrèspondance de Napoléon*, XII, 423.

Но должны же быть, при такой внимательности къ положенію брата, и государственные совѣты? Они есть, и мы заранѣе можемъ догадаться какого рода.

Добродушный Іосифъ хочетъ облагодѣтельствовать своихъ подданныхъ, пріобрѣсти ихъ расположеніе и съ этой цѣлью уничтожить пока ненавистнѣйшій изъ налоговъ — на соль. Наполеонъ крайне недоволенъ этими проектами. Онъ считаетъ немыслимымъ искать любви у народа, которымъ владѣешь по праву войны съ 40 или 50 тысячами иностраннаго войска. А касательно налога на соль—Наполеонъ установилъ его во Франціи, какъ же братъ смѣетъ его отмѣнить въ Неаполѣ? Да и чѣмъ онъ будетъ содержать войско? Въ результатѣ — волшебный кругъ: во что бы то ни стало требуется армія, но чтобы содержать ее — нуженъ налогъ на соль, а при такомъ налогѣ и при арміи—немыслимы добрыя чувства со стороны итальянцевъ. И Наполеонъ не замѣчаетъ противорѣчія: вѣдь, если отмѣнить налогъ, пожалуй, исчезнетъ и необходимость арміи.

Цезарь идетъ дальше.

«Я желалъ бы, чтобы неаполитанская чернь возмутилась; пока вы не покажете примѣръ, вы не будете господиномъ. Я отнесся бы къ бунту въ Неаполѣ, какъ отецъ семьи относится къ оспѣ у своихъ дѣтей: лишь бы она не очень истощила больного,—въ сущности это спасительный кризисъ» [27]).

Подобная государственная мудрость говоритъ сама за себя и не требуетъ никакихъ разъясненій и критики. Повсюду—*le droit canon* противъ *звучныхъ фразъ* (phrases sonores).

Это право у Наполеона было тѣмъ оргинально, что съ одинаковой настойчивостью примѣнялось въ важнѣйшихъ политическихъ вопросахъ и въ будничныхъ мелочахъ, часто пошлыхъ и презрѣнныхъ. «Необъятность положительныхъ свѣдѣній» Наполеона простиралась на такія обстоятельства и предметы, какими врядъ ли когда интересовался уважающій себя правитель великаго государства.

Трудно перечислить всѣ области совершенно не политическаго характера, приковывавшія вниманіе цезаря. Онъ будто никакъ не не могъ отличить дѣйствительно государственнаго вопроса отъ фантазіи какого-нибудь захолустнаго феодала-крѣпостника или патріарха-самодура. Онъ, напримѣръ, распорядился вести статистику богатымъ невѣстамъ по округамъ Франціи. Въ таблицѣ противъ имени дѣвушки, помимо свѣдѣній объ ея движимомъ и

---

[27]) Письмо у Bondois. *O. c.* p. 196.

[28]) Duc de Vicence II, 179.

недвижимомъ имуществѣ, префектамъ рекомендовалось обозначать внѣшность, таланты, нравственность, религіозныя чувства. Съ такими списками въ рукахъ префектамъ рекомендовалось устраивать брачные союзы и цѣлесообразно распредѣлять богатства. Однажды Наполеону даже пришла мысль—повыдать замужъ по собственному усмотрѣнію всѣхъ дѣвицъ съ доходомъ выше 50.000 ливровъ. Планъ не осуществился въ такихъ размѣрахъ, но нѣсколько обрученій Наполеону удалось расторгнуть и по-своему выдать несчастныхъ дѣвицъ замужъ [29]).

Тэнъ признаетъ у Наполеона «универсальную компетенцію», и доказываетъ ее извѣстіемъ, что императоръ лично назначалъ даже низшихъ чиновниковъ и лично повышалъ ихъ [30]). Существуютъ именные приказы Наполеона даже на счетъ служителей разныхъ присутственныхъ мѣстъ. Современники императора судили нѣсколько иначе объ этой «универсальной компетенціи».

«Онъ хотѣлъ присутствовать всюду, поспѣвать во всемъ, быть единственнымъ правителемъ въ мірѣ. Но человѣкъ можетъ до такой степени разрывать собственную личность развѣ только шарлатанскимъ способомъ, потому что практика власти всегда попадаетъ въ руки второстепенныхъ исполнителей и они примѣняютъ деспотизмъ къ дѣлу по мелочамъ»» [31]).

Такъ пишетъ современница и свидѣтельница наполеоновской игры во всевѣдѣніе и вездѣсущіе. И факты съ роковымъ краснорѣчіемъ доказали справедливость ея сужденія. Лишь только стала меркнуть звѣзда цезаря, всѣ назначенные и, такъ сказать, созданные имъ префекты и другія власти предоставили его злосчастной судьбѣ, а сами бросились къ новому трону. Наполеонъ сколько угодно могъ совершать разнообразнѣйшія операціи съ чиновничьими списками, повергать въ изумленіе своихъ министровъ, а впослѣдствіи и ученыхъ историковъ — свѣдѣніями на счетъ карьеры офицеровъ и канцелярскихъ писцовъ, въ результатѣ отъ него ускользала самая сущность государственнаго правленія: его система не создала себѣ прочныхъ опоръ и вѣрныхъ защитниковъ, все ограничилось мертвымъ механизмомъ и бумажнымъ фокусничествомъ. Бонапартъ

---

[29]) Наполеонъ на о-вѣ св. Елены отвергалъ фактъ составленія статистическихъ таблицъ богатыхъ невѣстъ, когда объ этомъ заявилъ англійскій министръ въ палатѣ общинъ. «Quels plats mensonges!»—восклицалъ Бонапартъ, но оффиціальные документы подтверждаютъ вполнѣ дѣйствительность его забавнѣйшаго распоряженія въ эпоху неограниченной власти. *Mémorial* II, 668; Тэнъ, Ib. p. 330, rem. 1.

[30]) Тэнъ. *Ib.* p. 327.

[31]) *Staël.* XIII, 246.

часто доводилъ свои фокусы до смѣшного. Изъ сожженной Москвы, среди разлагающейся арміи, предъ лицомъ самого зловѣщаго исхода — императоръ даетъ инструкціи французскому театру въ Парижѣ...

Но это еще не все. Наполеонъ чувствовалъ въ теченіе всей жизни чисто мѣщанскую провинціальную наклонность къ сплетнямъ и темнымъ происшествіямъ. Его высшимъ удовольствіемъ было въ глаза дамамъ разсказывать ихъ интрижки, сплетничать на нихъ мужьямъ и, наоборотъ, поражать своихъ придворныхъ свѣдѣніями на счетъ ихъ закулисныхъ продѣлокъ [32]), изумлять самого Фуше подробностями, невѣдомыми даже этому прирожденному министру наполеоновской полиціи, и имѣть ежедневно отчетъ о поведеніи не какихъ-либо подозрительныхъ либераловъ и революціонеровъ, а просто—веселыхъ актрисъ [33]).

И подобная «компетенція» отнюдь не оставалась только интимнымъ удовольствіемъ императора. Мы уже знаемъ, какъ легко у него личный опытъ въ любовныхъ дѣлахъ превращался въ принципіальную основу законодательства. Такъ и здѣсь. Наполеонъ своими свѣдѣніями о домашнихъ дрязгахъ чиновниковъ пользуется въ правительственныхъ распоряженіяхъ вполнѣ серьезно и съ обычной настойчивостью.

Онъ, напримѣръ, разузналъ, что такой-то довольно важный чиновникъ у семейнаго очага отличается уступчивостью и безхарактерностью, во всемъ подчиняется женѣ. Въ результатѣ императоръ наотрѣзъ отказывается дать ему повышеніе, хотя о выдающихся служебныхъ способностяхъ и усердіи покорнаго мужа свидѣтельствуетъ самъ Коленкуръ и онъ же ходатайствуетъ за него предъ Наполеономъ. Коленкуръ добивается своего, но лишь потому, что онъ вообще находится въ исключительномъ положеніи.

Любопытенъ его разговоръ съ императоромъ. Цезарь въ восторгѣ отъ своей компетенціи въ кухонныхъ дѣлахъ своихъ подданныхъ. Онъ сравниваетъ себя съ волшебникомъ Калліостро и считаетъ его мелкимъ сравнительно съ собственными чудесами. Коленкуръ резонно замѣчаетъ ему, что онъ—министръ—хочетъ слѣдить только за администраціей, а не домашними обстоятельствами подчиненныхъ. Наполенъ другого мнѣнія: «Я хочу знать все, что̀ дѣлается»... [34])

И онъ дѣйствительно зналъ, но только не дальше частныхъ.

[32]) Duc de Vicence I, 232.

[33]) Welchinger. *La censure sous le premier empire.* Paris 1882, p. 172, p. 244.

[34]) Duc de Vicence I, 159, 160.

«аппартаментовъ», какъ выражается Коленкуръ. Нельзя одновременно вести дневникъ похожденіямъ актрисъ и стоять на уровнѣ политическихъ нуждъ и интересовъ шестидесятимилліонной монархіи. Въ результатѣ «универсальная компетенція» сводится къ слѣдующему.

Фуше, прямо геніальный шпіонъ и интриганъ, никакъ не можетъ удовлетворить своего владыку. Императоръ, оказывается, всегда знаетъ больше, чѣмъ его министръ, и нерѣдко Фуше приходится выносить жестокія головомойки за недостатокъ бдительности.

И бывшему якобинцу трудно было соперничать съ цезаремъ. Въ распоряженіи послѣдняго находились полицейскіе таланты представителей самыхъ разнообразныхъ профессій, начиная съ лакеевъ и кончая писателями, въ родѣ г-жи Жанлисъ [35]). Наполеонъ имѣлъ всѣ основанія не довѣрять Фуше, откровенно цѣнившему свои услуги на вѣсъ золота. Приходилось имѣть собственную полицію, т. е. полицію надъ полиціей. И она была организована едва ли не лучше общегосударственной. Въ особенности одинъ сортъ агентовъ держалъ въ непрестанномъ ужасѣ высшее общество столицы и самый дворъ,—наполеоновскіе адъютанты и генералы его гвардіи. Кромѣ того, для всякаго общественнаго круга существовалъ особый надзоръ: для ученыхъ, коммерсантовъ, военныхъ. И ежедневно императоръ получалъ громадную корреспонденію исключительно полицейскаго содержанія, и съ одинаковой аккуратностью — въ Тюльери и Московскомъ кремлѣ [36]). И для Наполеона, конечно, этого сорта «компетенція» была самая необходимая, имѣла первостепенное значеніе. Передъ ней блѣднѣли и отступали на задній планъ всѣ другія государственныя дѣла.

И въ этой области императоръ дѣйствительно достигъ энциклопедическихъ познаній. Но каковы же были свѣдѣнія Наполеона за предѣлами полицейскихъ бюро и «черныхъ кабинетовъ»?

---

[35]) Кромѣ записокъ Фуше и другого наполеоновскаго министра полиціи Савари, воспоминаній Chaptal'я, министра внутреннихъ дѣлъ, существуетъ обширная спеціальная литература объ организаціи полиціи при первой имперіи, едва ли не самая поучительная для оцѣнки наполеоновскаго государственнаго генія. Объ услугахъ императору со стороны г-жи Жанлисъ обстоятельно сообщаетъ Савари; она особенно много способствовала гоненію на г-жу Сталь, поджигаемая чувствомъ ревности къ славѣ знаменитой писательницы. Ср. Welchinger. *O. e.* p. 167, rem. 1.

[36]) Этими свѣдѣніями мы обязаны Шапталю. Много интересныхъ данныхъ также въ запискахъ г-жи Rémusat и въ *Mémoires d'un bourgeois de Paris*, par le docteur L. Véron, Paris 1853, chap. II. Въ этихъ мемуарахъ представлена въ сжатой формѣ очень дѣльная характеристика вообще столичной атмосферы въ эпоху имперіи.

Здѣсь мы попадаемъ въ самую странную область, какую только можно представить. Наполеонъ имѣетъ дѣло съ *положительными фактами* только въ мелкихъ, второстепенныхъ отрасляхъ администраціи. Всѣ его общія идеи, представленія о высшихъ вопросахъ внутренней и внѣшней политики — сплошное недоразумѣніе. Онъ, дѣйствительно, «весь иллюзія», какъ выражается архіепископъ мехельнскій, одинъ изъ приближенныхъ сотрудниковъ императора [37]).

Дѣло въ томъ, что Наполеонъ столь же деспотически составлялъ свои понятія о предметахъ, какъ и управлялъ Франціей. И иного пути не было: знанія безусловно отсутствовали, быстро развившаяся самоувѣренность и чудовищное самолюбіе мѣшали властителю сознаться въ невѣдѣніи или ошибкѣ—все равно, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ [38]). Приходилось ограничиться собственной фантазіей и плоды ея навязывать дѣйствительности, въ противорѣчіе съ самыми вопіющими фактами и истинами.

И посмотрите, какъ Наполеонъ судитъ о Франціи и другихъ европейскихъ государствахъ, въ особенности объ Англіи, самой ненавистной и грозной для него націи. Это — какая-то сказка, поэма, бредъ разстроеннаго мозга, а не ясныя опредѣленныя мысли государственнаго дѣятеля.

Наполеонъ пересоздалъ въ своемъ воображеніи всю Европу. Онъ прежде всего совершенно не знаетъ Франціи и французскаго народа. Онъ не понимаетъ, какъ эта страна, столь единодушно возставшая противъ иноземцевъ въ 93 году, теперь, подъ властью Наполеона, въ минуту затменія его звѣзды, или равнодушно взираетъ на его участь и на появленіе иностранныхъ армій во Франціи или даже измѣняетъ имперіи [39]). Въ жилахъ націи течетъ, по прежнему, «французская кровь», говорилъ Наполеонъ, а поведеніе ея застало его совершенно врасплохъ. Онъ вполнѣ безотчетно управлялъ страной въ теченіи пятнадцати лѣтъ и ни разу не задумался, къ чему приведетъ его система, какъ она отразится на духѣ народа.

---

[37]) Наполеонъ въ изгнаніи съ величайшимъ презрѣніемъ отзывался о Прадтѣ, какъ о человѣкѣ, измѣнившемъ ему. *Mémorial* I, 470—71. Но это не мѣшаетъ выраженію аббата оставаться вполнѣ точнымъ и согласнымъ со всѣми болѣе или менѣе безпристрастными источниками.

[38]) У Boudois приведенъ любопытный отвѣтъ Наполеона одному члену государственнаго совѣта, поставившему-было въ тупикъ отважнаго ритора: «Vous m'avez forcé à me gratter la tempe: que cela ne vous arrive plus, et ne me poussez pas a bout». *Ib.* p. 152.

[39]) Duc de Vicence II, 208.

«Молчаніе и порядокъ», l'ordre et le silence [40])—пароль и лозунгъ наполеоновской имперіи, а что таится за этимъ молчаніемъ и какими жертвами водворяется порядокъ,—эти вопросы не существуютъ для великаго человѣка, то же самое и относительно другихъ государствъ и націй.

Меттернихъ пишетъ: «Я былъ изумленъ, встрѣтивъ у этого, столь удивительно одареннаго человѣка, совершенно ложныя идеи на счетъ Англіи, ея жизненныхъ силъ и ея умственнаго прогресса. Онъ не допускалъ мнѣній, противныхъ его собственнымъ, и пытался объяснять ихъ предразсудками, которые онъ осуждалъ» [41]).

И такъ вездѣ. Наполеонъ совершенно не знаетъ Испаніи и ея національное движеніе до конца остается для него загадкой. Онъ не отдаетъ себѣ яснаго отчета въ значеніи католичества и вліяніи католическаго духовенства и папской власти среди народовъ романскихъ странъ. Онъ преувеличиваетъ до крайнихъ предѣловъ свой престижъ во Франціи и всемогущество своего государственнаго авторитета надъ всей націей. Его уму недоступна сущность общественныхъ и нравственныхъ потрясеній революціи, онъ даже въ изгнаніи будетъ считать важнымъ дѣломъ самую неудачную и во многихъ отношеніяхъ комическую мѣру—созданіе новой аристократіи изъ якобинцевъ [42]). И прочтите его разсужденія о ходѣ французской революціи; вы будете не менѣе Меттерниха поражены узкимъ и поверхностнымъ взглядомъ на великій переворотъ, совершившійся притомъ на глазахъ у Бонапарта.

«Карлъ I погибъ изъ-за того, что сопротивлялся, Людовикъ XVI потому, что не сопротивлялся».

«У Людовика XVI была регулярная армія, помощь иностранцевъ, двѣ конституціонныхъ партіи—дворянство и духовенство» [43]).

Неужели, философствуя такимъ образомъ, Наполеонъ не зналъ капитальнѣйшаго явленія революціи: именно попытки двора прибѣгнуть къ военной силѣ разожгли революціонныя страсти, вызвали возстанія парижанъ, а вмѣшательство иностранцевъ—прямо повлекло паденіе монархіи, гибель несчастнаго монарха.

И здѣсь же Наполеонъ указываетъ другой исходъ для Людовика XVI: перестать быть главой *феодаловъ* и стать вождемъ *націи*. Но вѣдь оба средства не имѣютъ между собой ничего общаго, и какъ можно было рекомендовать на выборъ одно изъ двухъ? Если необходимо было отречься отъ первыхъ двухъ со-

---

[40]) Welchinger. *Ib.* p. 85.
[41]) Metternich. *Mémoires* I, 107.
[42]) *Mém.* I, 363.
[43]) Mém. I, 540.

словій, тогда немыслимъ разговоръ объ арміи и иностранцахъ. А потомъ, что это значитъ *deux portions constitutionelles de la nation—la noblesse et le clergé?* Большинство духовенства шло рядомъ съ третьимъ сословіемъ, и, слѣдовательно, было *противъ* феодальной монархіи. *За нее* оставалась высшая аристократія духовная и свѣтская, сравнительно совершенно ничтожная *часть націи*, но за то и безусловно *не конституціонная*. Очевидно, у Наполеона царилъ полный хаосъ мыслей на счетъ величайшихъ событій современной ему исторіи, и только этимъ хаосомъ можно объяснить созданіе герцоговъ-якобинцевъ и принцевъ-авантюристовъ предъ лицомъ буржуазіи, гордой своимъ участіемъ въ нисproверженіи аристократическихъ привилегій и менѣе всего, конечно, склонной признать ихъ ради Фуше, Мюратовъ, Бертье, Савари... Если въ Сенжерменскомъ предмѣстьѣ смѣялись надъ дикими манерами новыхъ аристократовъ и весьма зло называли ихъ «дворянствомъ крови герцога Ангіенскаго», среди третьяго сословія обогащенные и раззолоченные рабы цезаря должны были возбуждать глубокую ненависть. Дальше мы познакомимся съ еще болѣе удивительными иллюзіями развѣнчаннаго цезаря, и предъ нами невольно предстанетъ вопросъ, какъ могла держаться власть, построенная на невѣроятныхъ недоразумѣніяхъ? Что она пала такъ же быстро, какъ и возникла, — это совершенно естественно. Но по истинѣ исключительное явленіе—ея существованіе, хотя бы, сравнительно, и кратковременное. Очевидно, подобную власть поддерживали другія силы, чѣмъ государственный геній властителя и его мнимая «необъятность положительныхъ свѣдѣній». Эти силы мы знаемъ,—точнѣе не силы, а повальное общественное безсиліе, крайняя запуганность непосредственно послѣ террора, а потомъ рабскіе инстинкты однихъ и laissez faire—другихъ,—лишь бы только не якобинцы и не терористы.

Наполеонъ зналъ силу инстинктовъ еще по корсиканскимъ опытамъ, но ошибался въ одномъ,—вѣрилъ устойчивости инстинктовъ, думалъ, разъ человѣкъ купленъ—его преданность обезпечена. Отсюда его пристрастіе къ презрѣннымъ личностямъ, безнадежно погибшимъ въ общественномъ мнѣніи. Онъ даже нарочно старался предварительно скомпрометировать человѣка, чтобы сдѣлать изъ него болѣе рѣшительнаго слугу [44]). Это, конечно, при

---

[44]) На этотъ счетъ удивительно единодушныя свѣдѣнія у m-me Staël и m-me Rémusat. Вонапартъ, пишетъ первая, стремился dépopulariser выдающихся личностей какимъ бы то ни было средствомъ, delier les hommes de l'honneur XIII, 258—59. M-me Rémusat: «Онъ думалъ, что настоящая манера привязать къ себѣ людей заключается въ томъ, чтобы скомпрометировать и даже погубить ихъ въ общемъ мнѣніи». *В. Евр.* 1880, VI, 646.

извѣстныхъ обстоятельствахъ довольно выгодный разсчетъ. Но вѣдь слуга, пріобрѣтенныйтакими средствами, всегда можетъ быть перекупленъ другимъ господиномъ. Такъ именно и произошло съ главнѣйшими помощниками Наполеона, Фуше и Талейраномъ.

Еще важнѣе было недоразумѣніе на счетъ психологіи тѣхъ, кто сначала искренне призналъ власть Наполеона. Бонапартъ не понималъ настроенія людей, запуганныхъ и застигнутыхъ грозой, готовыхъ укрыться подъ какую угодно кровлю, лишь бы спастись отъ опасности. Но гроза пронесется, страхъ уляжется, и спасшіеся непремѣнно станутъ искать лучшаго пристанища, начнутъ помышлять объ удобныхъ и просторныхъ жилищахъ. Диктатура была хороша на слѣдующій день послѣ террора, ее даже могли не замѣчать, отождествлять съ миромъ и порядкомъ. Но диктатура длящаяся, безпрестанно усиливающая свой гнетъ, являлась внѣ самыхъ естественныхъ и разумныхъ потребностей времени и общества.

Въ результатѣ, съ каждымъ годомъ между Наполеономъ и Франціей образовывалась все болѣе глубокая пропасть. Онъ съ закрытыми глазами шелъ по разъ принятому пути, и въ недугѣ самообожанія и самоочарованія не замѣчалъ, что каждый шагъ приближалъ его къ полному нравственному и политическому одиночеству и роковому разладу съ націей. Достаточно подобнаго ослѣпленія, чтобы усомниться въ государственномъ геніи корсиканца и отвергнуть у него даже право приписывать себѣ *l'esprit des choses* или *le tact des circonstances*. Ни того, ни другого не могло быть у человѣка, застигнутаго врасплохъ *обстоятельствами* и *событіями* въ минуту неудачъ. Наполеонъ не могъ опомниться, лишь только его постигъ первый ударъ: онъ въ одно мгновеніе оказался выбитымъ изъ сѣдла, — и мы увидимъ, какую жалкую роль пришлось разыграть этому «проницательному государственному человѣку», врагу утопій и теорій, «привыкшему пользоваться собственными глазами» [45]).

Мы знаемъ,—эти глаза были обращены исключительно на одну сторону человѣческой природы и политическихъ условій Франціи. Современный историкъ восхищается отвращеніемъ Наполеона къ «книжнымъ формуламъ, клубнымъ фразамъ», къ гуманному оптимизму. Наполеонъ видѣлъ только «реальнаго человѣка, цѣльнаго и живого, съ глубокими инстинктами и неистребимыми потребностями» [46]).

---

[45]) Выраженія Тэна. *Ib.* p. 170.
[46]) *Ib.* p. 171—72.

Восторгъ историка преисполненъ легкомыслія. Именно представленіе Наполеона о «реальномъ человѣкѣ» и погубило его счастье и власть. Этотъ реальный человѣкъ оказывался ни болѣе, ни менѣе, какъ натуральнымъ «человѣкомъ звѣремъ». Кромѣ инстинктовъ, Наполеонъ рѣшительно ничего не хотѣлъ признавать и понимать.

Общія идеи, принципы, личная самостоятельность, личныя жертвы во имя общаго блага—все это языкъ боговъ для Наполеона. Даже въ трагедіи онъ не могъ допустить благородныхъ чувствъ, не вѣрилъ, напримѣръ, будто Августъ, въ пьесѣ Корнеля, могъ простить заговорщика Цинну, а людей, толкующихъ объ убѣжденіяхъ и нравственности, считалъ просто смѣтливыми людьми: они только хотѣли подороже продать себя [47]). Коленкуръ сообщаетъ любопытный фактъ. Когда палата депутатовъ во время ста дней рѣшила серьезно воспользоваться конституціонными правами, Наполенъ — авторъ конституціи по необходимости — никакъ не могъ помириться съ такимъ поведеніемъ парламента. Онъ все допытывался, какіе *личные* мотивы руководятъ народными представителями, что̀ одинъ изъ самыхъ отважныхъ ораторовъ имѣетъ *лично* противъ него—императора? [48]). Принципіальныхъ побужденій Наполеонъ не могъ допустить у кого бы то ни было — по натурѣ и, казалось ему, по опыту.

Очевидно, въ теченіе всего правленія Бонапартъ имѣлъ дѣло не только съ воображаемой Франціей и фантастической Европой, но и вообще съ *нереальными* людьми. Какъ печально ни было положеніе французскаго народа, какъ ни обезкровила революція верхи націи, опирать неограниченную власть только на инстинкты, значило строить зданіе развѣ только съ двумя углами на прочномъ основаніи, другіе два висѣли въ воздухѣ и зданіе должно было неминуемо рухнуть, не въ силу фатальностей и непонятныхъ стеченій обстоятельствъ, какъ думалъ Наполеонъ, а въ силу самой его системы, въ силу сущности его личнаго нравственнаго міра и личныхъ общихъ воззрѣній.

Эта система получила послѣдній штрихъ кисти художника въ учрежденіи, стяжавшемъ крайне печальную славу въ наше время, въ орденѣ почетнаго легіона [49]). И съ самаго начала, даже по

---

[47]) Staël XIII, 257, 259. M-me Rémusat. В. Евр. *Ib*. стр. 656. Staël XV, 15 (*Dix années d'exil*). Chaptal.

[48]) Duc de Vicence II, 180—183.

[49]) Извѣстно, что орденъ давно сталъ предметомъ торговли, и минувшимъ лѣтомъ палата депутатовъ принуждена была заставить выйти въ отставку весь совѣтъ почетнаго легіона, развившій невѣроятно скандальную дѣятельность. Вотумъ палаты оказался почти единогласнымъ.

мысли учредителя, орденъ носилъ тлетворные задатки. Развить ихъ постарался самъ цезарь.

Мы знаемъ, съ какой страстью древняя вѣковая знать принялась выполнять обязанность придворныхъ у новаго властителя. Мы видѣли быстрое превращеніе Брутовъ и Катоновъ революціи въ лакеевъ и шпіоновъ. Почетный легіонъ долженъ былъ завершить процессъ. Наполеонъ отлично понималъ сущность своего новаго замысла. Для него орденъ былъ одной изъ «побрякушекъ, съ помощью которыхъ управляютъ людьми» [50]). И онъ былъ правъ. Если до послѣдняго времени французъ готовъ принести всевозможныя жертвы ради красной ленточки, сто лѣтъ назадъ его гипнотизировалъ видъ ордена. Никакая конституціонная идея и никакое республиканское чувство не въ силахъ были противостоять «лентамъ» и «игрушкамъ», какъ выражался тотъ же Наполеонъ Не даромъ еще коммиссары конвента такъ заботились о своихъ мундирахъ и о пышной обстановкѣ своихъ путешествій [51]). Надо было удовлетворить эту національную страсть, и любопытно, что Наполеонъ и здѣсь могъ, при желаніи, сослаться, на любимаго писателя своей юности — Руссо. Философъ въ проектѣ польской конституціи отводитъ очень видное мѣсто медалямъ и внѣшнимъ знакамъ отличія [52])...

Современники подробно разсказываютъ торжество раздачи первыхъ крестовъ. Сначала 14-го іюля 1804 года въ годовщину взятія Бастиліи, а потомъ 16 августа 1804 г. по поводу годовщины дня рожденія императора, въ первый разъ — во дворцѣ Инвалидовъ, во второй—въ Булонскомъ лагерѣ, на берегу океана, въ виду флота, предназначеннаго для завоеванія Англіи, состоялась присяга легіонеровъ и раздача ордена. Около двухъ тысячъ барабановъ, несмѣтная толпа зрителей, торжественность акта совершенно вскружили головы и героямъ, и публикѣ. Красивыя дамы просили позволенія броситься въ объятія воинамъ, украшеннымъ крестами, хозяева ресторановъ предлагали тѣмъ же счастливцамъ даровое угощеніе... Наполеонъ и здѣсь достигъ на первое время громаднаго успѣха, и орденъ въ его рукахъ получилъ значеніе магическаго жезла, наравнѣ съ деньгами и титулами превосходно усыплявшаго совѣсть и разумъ якобинцевъ, роялистовъ и просто французовъ.

Много лѣтъ спустя Наполеонъ съ гордостью вспоминалъ о

---

[50]) Thibaudeau. Mémoires, p. 83.

[51]) Напримѣръ, разсказъ о прибытіи коммиссаровъ къ Тулону во время осады въ *Mémorial* I, 78.

[52]) Rousseau. *Consid. Sur. Gouv. de Pol.*

своемъ искусномъ ходѣ. Желаніе получить орденъ становилось настоящей яростью, и она все возрастала, чѣмъ больше крестовъ раздавалось [53]). Оказалось, французы это отличіе цѣнили выше всего на свѣтѣ. Они могли допустить какой угодно деспотизмъ, примириться съ самыми вопіющими оскорбленіями гражданскому чувству и человѣческому достоинству, но возстали бы противъ неумѣстной, по ихъ мнѣнію, награды орденомъ. Императоръ такъ и не могъ украсить актера Тальма—очень любимаго и даже уважаемаго имъ—цезаремъ [54]).

Но для подданныхъ иного выхода—и не было. Наполеонъ все стремился пріурочить къ своей личности, уничтожить источники самостоятельной жизни во всей Франціи, и въ результатѣ развился страшный, всепоглощающій карьеризмъ. Въ войскахъ, безпрестанно истребляемыхъ и возобновляемыхъ, жажда повышенія превратилась въ настоящее безуміе, пятнадцатилѣтніе школьники умоляли родителей отпустить ихъ къ Наполеону, низшіе офицеры радовались смерти высшихъ, не смотря ни на какія личныя отношенія. Эгоизмъ и честолюбіе развивались до чудовищныхъ предѣловъ, когда предъ глазами была сказочная карьера самого цезаря и превращеніе какого-нибудь Мюрата въ короля, Бертье въ принца и такъ безъ конца. У самаго добродушнаго смертнаго невольно поднимались чувства зависти и злобы.

На гражданскомъ поприщѣ выходило еще хуже. На войнѣ требовалась, по крайней мѣрѣ, храбрость и физическая выносливость, въ канцеляріяхъ карьеры совершались иными путями. Какими именно, съ изумительнымъ единодушіемъ объяснили самъ Наполеонъ и г-жа Сталь. Уже подобное единодушіе вполнѣ краснорѣчиво и убѣдительно.

Наполеонъ въ изгнаніи отлично изображалъ своихъ чиновниковъ. Они проявляли неудержимую стремительность къ власти, собственно къ властвованію, старались затмить другъ друга распорядительностью и всезнайствомъ, и въ то же время отличались полной готовностью «подвергнуться рабству», по выраженію императора. Однимъ словомъ,—знакомые намъ деспоты и рабы въ одной и той же кожѣ. Конечно, поиски мѣстъ обуревали этихъ гражданъ и Наполеонъ умѣлъ превосходно угадать нравственный смыслъ явленія, чтó съ нимъ случалось очень рѣдко. «Когда въ извѣстномъ классѣ стремятся къ должностямъ изъ-за денегъ, значитъ у націи исчезла истинная независимость, благородство и до-

53) *Mémorial* I, 364.
54) *Ib.* II, 294.

стоинство характера» [55]). Г-жа Сталь свидѣтельствуетъ, что Бонапартъ получалъ тысячи просьбъ на каждую должность и эти просьбы могли только укрѣпить его въ глубокомъ презрѣніи къ своимъ подданнымъ [56]).

Но такой результатъ являлся необходимой логической основой всей бонапартовской системы. Чтобы раскинуть по странѣ такую «сѣть», о которой восторженно говорилъ Наполеонъ, даже въ изгнаніи, надо было приспособить особыхъ исполнителей. Въ результатѣ систематическое растлѣніе націи, искушеніе слабыхъ и приниженіе сильныхъ. Процессъ начался съ маршаловъ и министровъ и долженъ былъ закончиться всѣми классами и сословіями имперіи. Наполеонъ, говоритъ очевидецъ, старательно «развивалъ у людей всевозможныя постыдныя страсти» [57]). Другой современникъ находитъ, что Наполеонъ «развратилъ людей въ короткій промежутокъ десяти лѣтъ больше, чѣмъ всѣ римскіе тираны съ Нерона до послѣдняго гонителя христіанъ» [58]).

Послѣднее выраженіе принадлежитъ писателю, мало надежному въ своихъ сужденіяхъ, но на этотъ разъ приговоръ подтверждается важнѣйшей отраслью внутренней бонапартовской политики,—важнѣйшей по его собственному признанію.

Императору, сравнительно, дешево обошлась купля маршаловъ и всякихъ сановниковъ, не потребовали большихъ усилій и солдаты, быстро превратившіеся изъ гражданъ республики въ преторіанцевъ, оказалось безконечно благодарнымъ и духовенство за возстановленіе католическаго культа, за правильное казенное содержаніе и прочія блага. Оно не знало, какимъ восторгомъ и увѣнчать цезаря. Онъ «видимое провидѣніе для націи», «Новый Августъ», земля приглашалась «замолчать и внимать въ молчаніи и благоговѣніи гласу Наполеона», а принцъ Роганъ, главный придворный капелланъ, письменно заявляетъ самому императору: *Le grand Napoléon est mon Dieu tutélaire*. Это было совершенно подъ стать сравненію Наполеона съ Богомъ, какое позволилъ себѣ одинъ изъ министровъ. Оно вызвало было протестъ цезаря, но въ другой разъ онъ съ удовольствіемъ читалъ надпись надъ своимъ трономъ: *Ego sum qui sum* [59]).

---

[55]) *Ib.* II, 403.

[56]) Staël XV, 39.

[57]) M-me Rémusat: «Il cultive soigneusement chez les gens toutes les passions honteuses». Ср. *В. Евр.* 1880, VII, 180.

[58]) Chateaubriand. *O. compl.* Bruxelles 1828, XXIV, p. 28. *De Buonaparte et des Bourbons.*

[59]) M-me Rémusat. *Ib.* стр. 172. Много любопытныхъ образчиковъ оффиціальной лести собрано у Lévy, *o. c.* livre VI, chap. II. Сравненіе цезаря съ

Все это казалось очень хорошо, но зданіе могло считаться увѣнчаннымъ лишь при одномъ условіи, если «система» не встрѣчала критики, а ея креатуры—насмѣшекъ и презрѣнія. Эти *rieurs* и *l'opinion publique*—исконная язва Франціи и въ особенности съ XVIII-го вѣка. Цезарь не могъ чувствовать себя спокойно, пока его величіе, и въ особенности артистическая «игра на инструментѣ власти» не были обезпечены отъ явныхъ или тайныхъ покушеній «метафизиковъ» и «идеологовъ». Правда, у него была полная фактическая возможность отнестись съ презрительнымъ равнодушіемъ къ подобнымъ гадамъ (vérmine), но цезарь, мы видѣли, носилъ въ своей натурѣ роковыя типичныя черты мѣщанина во дворянствѣ. Объ общественномъ мнѣніи онъ выражался непечатной бранью [60]) и все-таки изнывалъ по этикету, вмѣшивался въ дамскіе туалеты, вообще старался быть государемъ comme it faut и приходилъ въ крайнее раздраженіе, если у него не признавали этого таланта [61]). Отсюда необычайно лихорадочный интересъ Наполеона къ нравамъ и разговорамъ парижскихъ аристократическихъ салоновъ, не исчезнувшій у него даже въ изгнаніи [62]), отсюда театральные эффекты безчисленныхъ придворныхъ церемоній рядомъ съ чисто корсиканскими манерами и солдатскимъ остроуміемъ властителя, отсюда, наконецъ, очень мѣткая характеристика Наполеона у русскаго современника его власти.

«Бонапарте умѣетъ торжествовать на полѣ сраженія, но не можетъ съ благородною твердостью отклонить тріумфъ въ Парижской оперѣ, умѣетъ предписывать законы побѣжденнымъ, но не знаетъ, какимъ языкомъ говорятъ законодатели, возвышаетъ достоинство короны своей побѣдами и унижаетъ ее площадными выраженіями. Будучи *мѣщаниномъ на тронѣ*, онъ знаетъ, что легче *взнестись* выше монарховъ, нежели съ ними *сравняться*» [63]).

богомъ принадлежитъ вице-адмиралу Депре, выговоръ Наполеона въ *Correspondance* XVII, 183, 22 moi 1808. Леви, конечно, забываетъ о надписи надъ трономъ и о благосклонномъ отношеніи къ ней императора.

[60]) Duc de Vicence I, 185.

[61]) Графъ Делаказъ, напримѣръ, разсказываетъ, въ какое негодованіе пришелъ Наполеонъ, когда прочиталъ въ англійскомъ журналѣ сообщеніе о своемъ туалетѣ: журналистъ находилъ, что Наполеонъ «дѣлалъ свой туалетъ en homme comme il faut». Развѣнчанный цезарь вышелъ изъ себя; неужели англичане считаютъ его за дикаря? *Mém.* I, 377.—О надзорѣ за дамскими костюмами. Duc de Vicence I, 50—51; Staël XIII, 223.

[62]) *Mém.* I, 478.

[63]) *Вѣстникъ Европы* 1806, у Добровина. *P. Bleue*, 1895, IV, 218. Восторженнѣйшій почитатель Наполеона, Леви, настаиваетъ на *le bon garçonisme bourgeois*—цезаря, забывая, что это качество въ положеніи Наполеона могло быть источникомъ самыхъ комическихъ и отнюдь не царственныхъ явленій.—

Мѣщанскія наклонности цезаря и его постоянныя муки выскочки вызвали небывалый въ исторіи Франціи гнетъ надъ общественной мыслью и литературой. Это—краснорѣчивѣйшее наслѣдіе, завѣщанное исторіи бонапартизмомъ и въ то же время жесточайшій изъ недуговъ, погубившихъ всю систему.

VI.

Начало конца.

О личномъ характерѣ Наполеона, его внутренней и внѣшней политикѣ, даже его военныхъ талантахъ могутъ быть разныя мнѣнія и для каждаго изъ нихъ не трудно подыскать опору и доказательство у современниковъ и сподвижниковъ императора.

Это не значитъ, конечно, будто и самые предметы такъ же двойственны или многообразны, какъ взгляды историковъ. Истина вездѣ и всегда одна, и всякая историческая задача рано или поздно должна рѣшиться въ одномъ опредѣленномъ направленіи, по крайней мѣрѣ, для большинства изслѣдователей. Только пути къ этому рѣшенію крайне затруднительны, сбивчивы и до безконечности извилисты. Такъ и въ наполеоновской жизни и личности.

Но касательно нашего героя существуетъ одинъ вопросъ, съ самаго начала не допускающій двухъ отвѣтовъ,—вопросъ, совершенно одинаково разрѣшаемый самимъ Наполеономъ, его министрами и писателями его эпохи.

Императоръ былъ непримиримымъ и необыкновенно озлобленнымъ врагомъ мысли и слова. Казалось, эти человѣческія способности просто своимъ существованіемъ повергали его въ отчаяніе и онъ терялъ голову въ неустанныхъ порывахъ искоренить ихъ, или, по крайней мѣрѣ, подорвать всѣ возможности и средства развитія.

«Императоръ, столь могущественный, столь побѣдоносный, безпокоится только объ одномъ, на счетъ людей, которые говорятъ, и, за отсутствіемъ ихъ, на счетъ тѣхъ, которые думаютъ» [1]).

Lévy, *o. c.*, livre IV. chap. X.—Что Наполеонъ дѣйствительно крайне внимательно слѣдилъ за настроеніями театральной публики, показываетъ слѣдующій эпизодъ. Однажды Наполеона встрѣтили въ оперѣ менѣе шумными аплодисментами, чѣмъ обыкновенно, онъ обратился къ одному изъ адъютантовъ и сказалъ: «Messieurs, il nous faudra bientôt entrer en campagne».—Такъ, по крайней мѣрѣ, разсказывали въ Парижѣ. Merlet. *Tableau de la littér. française*. Paris 1878, 12.

[1]) *Villemain. Souvenirs contemporains d'histoire et de litterature*. Paris 1862, I, 145.

Такъ выражается одинъ современникъ.

У другого читаемъ тождественную мысль:

«Бонапартъ съ ужасомъ относился къ самому невинному слову— *идеологія*, потому что оно означаетъ умозрительныя теоріи. Во всякомъ случаѣ, странно было съ его стороны бояться только тѣхъ, кого онъ называлъ *идеологами*, въ то время, когда вся Европа была вооружена противъ него» [2]).

Самъ Наполеонъ высказывался гораздо энергичнѣе о людяхъ пишущихъ и умѣющихъ говорить. По его мнѣнію, они неизбѣжно «лишены всякой солидности въ сужденіяхъ, у нихъ нѣтъ логики и они разсуждаютъ крайне плохо» [3]).

Особенное негодованіе вызывали у Наполеона общія идеи политическаго характера. Онъ не находилъ словъ заклеймить «темную метафизику», «идеальные вымыслы экономистовъ», и одинъ намекъ на философскую или экономическую теорію приводилъ его въ страшный гнѣвъ» [4]).

Это будто инстинктивная ненависть сына полудикаго племени къ культурѣ и просвѣщенію. Послѣ похода въ Египетъ Наполеонъ не переставалъ грезить о восточныхъ сказочныхъ завоеваніяхъ, о монгольскихъ герояхъ, Чингисханѣ, Тимурѣ, и о пророкѣ—Магометѣ, даже въ изгнаніи съ восторгомъ отзывался о восточныхъ порядкахъ и обычаяхъ, въ родѣ рабства и затворничества женщинъ [5]). Совершенно естественно и логически онъ заявлялъ глубокое отвращеніе къ «узамъ стѣснительной цивилизаціи», а это могло означать лишь одно: безпощадное гоненіе на свободное слово и просвѣтительную мысль [6]).

Слѣдовательно, извѣстная политика относительно литературы коренилась въ самой сущности наполеоновской натуры: здѣсь онъ былъ въ полномъ смыслѣ самимъ собой, неустанно энергичнымъ и идеально послѣдовательнымъ.

Особенно опасной и сложной борьбы Наполеону не предстояло въ области литературы такъ же, какъ не было подобной борьбы и на другихъ поприщахъ. Мы знаемъ простѣйшія средства, какими Бонапартъ привлекалъ на свою сторону сильныхъ и подчинялъ слабыхъ: подкупъ деньгами или почестями и запугиваніе опа-

---

[2]) Staël. XIII, 270.

[3]) Тэнъ. *O. c.* I, 326.

[4]) *Mémorial.* I, 721. Welchinger. p. 45: «cette ténébreuse métaphisique»; «les idéalités des économistes»...

[5]) *Mémorial.* I, 638.

[6]) «Les freins de la civilasation gênante». M-me Remusat. Русск. излож. *В. Е. Пб.* 1880, VI, 654.

лой или дѣйствительной карой. Противъ этого оружія одинаково не устояли ни Роганы, ни Фуше, ни потомки крестоносцевъ, ни члены революціонныхъ собраній и якобинскихъ клубовъ. Роялисты могли сколько угодно острить, что Наполеонъ изъ якобинскихъ шапокъ надѣлалъ ленточекъ для почетнаго легіона. Наполеонъ, съ своей стороны, могъ указать на свои переднія, на свиты и штабы свѣжеиспеченныхъ принцевъ, герцоговъ, переполненныя знатнѣйшей молодежью Франціи.

Та же исторія и съ литераторами.

Терроръ душилъ въ тюрьмахъ или губилъ на гильотинахъ вѣрнѣйшихъ защитниковъ гражданской свободы, въ родѣ Кондорсе и Андре Шенье. Лучшая благороднѣйшая кровь была расточена еще до появленія Бонапарта на тронъ. Ему предстояло имѣть дѣло съ такимъ же жалкимъ, нравственно-немощнымъ наслѣдствомъ въ области литературы, какое онъ нашелъ въ политикѣ.

Собственно два человѣка могли возбудить у властителя серьезное сомнѣніе на счетъ «стѣснительной цивилизаціи»: Шатобріанъ и г-жа Сталь.

Шатобріанъ быстро пріобрѣлъ громадную популярность—особенно въ аристократическомъ Сенжерменскомъ предмѣстьѣ. Изъ глубины Бретани онъ явился настоящимъ паладиномъ давно вымершаго рыцарства, религіознымъ, мечтательнымъ, героическимъ. Ничего общаго не имѣлъ онъ съ революціоннымъ движеніемъ, чувство отвращенія охватывало его при видѣ парижской демократіи: въ день смерти Мирабо, т. е. въ началѣ самой горячей смуты, онъ отплылъ изъ Франціи въ Америку—наслаждаться природой и «естественнымъ состояніемъ» среди подлинныхъ ирокезовъ. Потомъ вернулся, принималъ участіе въ трагикомедіи эмигрантской борьбы съ революціонными войсками, спасся въ Лондонъ, жилъ въ бѣдности и развлекался романическими приключеніями, ожидая ясной погоды въ отечествѣ.

Ждать пришлось не долго. Первый консулъ водворилъ порядокъ и, какъ основу его, задумалъ возстановить связи Франціи съ римскимъ престоломъ. Тогда настало время рыцарственнаго мечтателя. Онъ вернулся во Францію, и одновременно въ соборѣ Парижской Богоматери раздалось *Te Deum* по случаю заключенія конкордата и вышла въ свѣтъ книга—*Геній христіанства*, т. е. римскаго католичества. Она стремилась къ той же цѣли, какую имѣлъ въ виду и первый консулъ, только другими путями: возстановлять авторитетъ церкви при помощи поэзіи. Бонапартъ хотѣлъ показать, что католичество *необходимо*, а Шатобріанъ, что оно необыкновенно *прекрасно* и недосягаемо *поэтично*.

Еестественно, оба возстановителя должны были встрѣтиться. Въ предисловіи къ книгѣ первый консулъ именовался Киромъ, освободителемъ израиля, и авторъ—«безвѣстный израильтянинъ» льстилъ себя надеждой принести свою «крупицу песка» для вновь созидаемаго зданія. Первый консулъ узнавалъ, что триддать милліоновъ христіанъ у алтарей молятся за него, народы взираютъ на него, Францiя возлагаетъ на него надежду...

Подобныя рѣчи нѣкоторымъ образомъ предвѣщали грядущее превращеніе консула въ императора.

Очевидно, талантливѣйшій поэтъ эпохи былъ пока завоеванъ, и Шатобріанъ, не знавшій себѣ равнаго, по какимъ угодно литературнымъ и политическимъ талантамъ, считалъ себя въ правѣ ожидать великихъ милостей. Но Бонапартъ держался другихъ взглядовъ на государственныя способности писателей вообще, и на геніальность Шатобріана въ частности. «Пишущій человѣкъ» не способенъ ни на какое дѣло и не пригоденъ ни на какой административный постъ,—таково было глубокое убѣжденіе Наполеона, и онъ могъ наградить Шатобріана развѣ только второстепенной дипломатической должностью. Надменный Ренэ не могъ простить подобной дерзости и томился духомъ. Подоспѣла казнь герцога Ангіенскаго—безусловно дѣло преступное и вовсе не оправдываемое опасностью роялистскихъ заговоровъ,—дѣло разсчитаннаго террора и открытаго вызова. Такъ объяснялъ самъ Бонапартъ, желавшій внушить ужасъ бурбонской партіи наканунѣ провозглашенія имперіи [7]).

Шатобріану надлежало стать во главѣ возмущеннаго общественнаго мнѣнія стараго дворянства, и поэтъ дѣйствительно отказался отъ своего поста и отправился въ Палестину, чтобы на возвратномъ пути—въ Альгамбрѣ, имѣть свиданіе съ нѣкоей романической особой: она именно возложила на рыцаря столь тягостный подвигъ.

Ясно, императору нечего было безпокоиться на счетъ шатобріановскаго настроенія духа. О поэтѣ даже забыли во время его пилигримства, но онъ явился, издалъ новую поэму—*Мученики* и поднялъ новый шумъ. Наполеонъ былъ радъ шуму: все-таки чѣмъ-нибудь занимались праздные языки, и дѣлалъ свое дѣло,—между прочимъ, по случаю роялистскаго заговора въ Бретани приказалъ разстрѣлять родственника Шатобріана. Поэту совѣтовали обратиться къ императору съ письменной просьбой о помилованіи, но Шатобріанъ предпочелъ переслать Наполеону *Мучениковъ*, вѣруя въ неотразимость своего таланта.

---

[7]) *M-me Rémusat. Ib.* стр. 673 etc.

Родственникъ, конечно, былъ казненъ, и Наполеонъ имѣлъ случай сдѣлать очень мѣткое замѣчаніе о Шатобріанѣ и объяснить, какъ надлежало относиться къ первостепенной силѣ современной литературы.

«Мнѣ надобно показать примѣръ въ Бретани, чтобы избѣжать множества мелочныхъ политическихъ преслѣдованій. Это подастъ поводъ Шатобріану написать нѣсколько поэтическихъ страницъ, которыя онъ будетъ читать въ Сенжерменскомъ предмѣстьѣ. Прекрасныя дамы станутъ плакать, и вы увидите, — это его утѣшитъ» [8]).

Наполеонъ былъ совершенно правъ. У эффектнаго и необыкновенно краснорѣчиваго Ренэ былъ неисчерпаемый источникъ пламенныхъ, демоническихъ стихотвореній въ прозѣ, бездна разочарованія, даже отчаянія, и ни единаго прочнаго политическаго убѣжденія, а безъ этого, конечно, немыслимо истинное гражданское мужество. Разумѣется, у Наполеона—неумолимаго гонителя въ другихъ случаяхъ, для Шатобріана всегда была въ запасѣ добродушная насмѣшка, а подчасъ любезность и награда. Иного обращенія театральные демоны и не заслуживаютъ ни при какихъ условіяхъ.

Совершенно иная судьба выпала на долю современницы Шатобріана,—г-жи Сталь. Здѣсь Наполеонъ развернулъ всѣ тайны своей восточной души и всѣ пріемы мстительной корсиканской политики.

Г-жа Сталь, можно сказать, уже своимъ существованіемъ неминуемо вызывала ненависть Бонапарта. Прежде всего, она была женщиной—говорящей и даже пишущей, а мы знаемъ, по мнѣнію Наполеона, женщины должны «вязать чулки». Потомъ, г-жа Сталь принадлежала къ ядовитѣйшей, на взглядъ Наполеона, породѣ француженокъ: держала салонъ, принимала у себя парижскихъ остросдовов, писателей, политиковъ. Наконецъ, г-жа Сталь была дочерью Неккера, бывшаго министра, несомнѣннаго либерала и послѣ революціи не прекращавшаго выпускать брошюры политическаго содержанія.

На счетъ опасныхъ идей г-жи Сталь Наполеонъ, впрочемъ, имѣлъ уже предшественниковъ, въ лицѣ директоровъ. Еще въ 1796 году она была на замѣчаніи, какъ сторонница *свободной* республики и имя ея стояло въ полицейскихъ спискахъ рядомъ съ именами другихъ, не менѣе подозрительныхъ лицъ: воровъ, дезертировъ, фальшивыхъ монетчиковъ. Г-жа Сталь обвинялась тогда въ «противореволюціонныхъ козняхъ» и нѣкоторымъ уже приходила мысль объ изгнаніи [9]).

---

[8]) *Ib.* VII, стр. 186.

[9]) Welchinger. p. 162—163.

Переворотъ 18-го брюмера вызвалъ г-жу Сталь на крайне опасный шагъ: она стала принимать у себя противниковъ наступающаго деспотизма Бонапарта, одинъ изъ нихъ, Бенжамэнъ Констанъ, членъ трибуната, отравлялъ перваго консула либеральными рѣчами. Ни для кого не было тайной, насколько близко отважный трибунъ стоялъ къ г-жѣ Сталь.

Но и безъ Констана достаточно было одного *салона*. Трудно представить, какое чувство внушало Бонапарту одно представленіе о просвѣщенной свѣтской гостиной: здѣсь ничтó не напоминало ни казармъ, ни лагеря, ни полицейскаго бюро, ни даже залъ императорскаго тюльерійскаго дворца.

Мы знаемъ, до какой степени Наполеону былъ ненавистенъ вообще Парижъ, но самое ужасное въ этомъ городѣ были салоны. Они, пишетъ современникъ, «приводили въ отчаяніе» Наполеона. «Этотъ человѣкъ, получившій воспитаніе въ военной кофейнѣ, сохранившій ея манеры, языкъ, не могъ не быть врагомъ всего, чтò составляетъ признакъ культурной городской жизни, и чтó сохраняетъ тѣнь свободы; безъ этой свободы немыслимо хорошее общество, и невозможно вообще человѣческое общежитіе. Наполеонъ чувствуетъ, что въ салонахъ надъ нимъ произносятъ судъ тѣ, кто ему подчиненъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ... Самыя низкія, самыя оскорбительныя выраженія безпрестанно сыплются у него противъ этого города, и я не сомнѣваюсь, что онъ тысячу разъ питалъ то самое желаніе на счетъ языковъ Парижа, какое извѣстный императоръ выражалъ по поводу головъ Рима» [10]).

«Жалкая игра словъ» салонныхъ остряковъ казалась Наполеону серьезной опасностью для его власти [11]), и за остроту очень легко было попасть въ тюрьму, даже въ домъ сумасшедшихъ. Такъ, напримѣръ, случилось съ однимъ поэтомъ. Онъ въ кафе отказался отъ лимоннаго мороженаго, заявивъ: «Je n'aime pas *l'écorse*», т. е. я не люблю *кожицы*, а для усердныхъ слушателей звучало: «je n'aime pas *les corses*».

Но въ салонахъ очень важную роль играли не столько поэты, сколько дамы. Отсюда изумительная война могущественнаго императора съ женщинами,—единственная въ своемъ родѣ историческая картина. Оффиціально извѣстно множество жертвъ *личнаго* гнѣва Бонапарта. Каждая отдѣльно мало интересна, но въ общемъ онѣ даютъ краснорѣчивѣйшую характеристику *государственнаго*

---

[10]) De Pradt. *O. c.* pp. 45—46.

[11]) «...Le miserable jeu de mots qu'emploient vos salons»,—слова генералу Нарбонну. Welchinger, p. 47.

генія французскаго цезаря. По времени и по достоинству во главѣ этихъ жертвъ стоитъ г-жа Сталь [12]).

Наполеоновская полиція тщательно слѣдила за салонами, и стоило гостямъ пошутить или избрать для своего разговора непріятную тему, Фуше немедленно предупреждалъ хозяевъ—получше «наблюдать за своимъ обществомъ»—*mieux surveiller leur societé*. Можно представить, въ какомъ положеніи оказывались хозяева, получившіе подобный, всегда вполнѣ серьезный, приказъ! Бывали случаи, совершенно почтенные люди доносили на *друзей* по самымъ страннымъ поводамъ изъ страха лично подвергнуться доносу [13]).

Салонъ г-жи Сталь при такихъ условіяхъ долженъ былъ попасть въ исключительное положеніе. Относительно хозяйки Наполеонъ выражался очень опредѣленно:

«Эта женщина учитъ мыслить тѣхъ, кому бы это и въ голову не пришло, и тѣхъ, которые этому разучились» [14]). А что касается салона, онъ, дѣйствительно, являлся очагомъ оппозиціи первому консулу: достаточно было Констана, чтобы набросить тѣнь на все общество г-жи Сталь.

Въ результатѣ—многолѣтняя исторія гоненій, мелкихъ придирокъ и еще болѣе—мелкихъ преслѣдованій и оскорбленій. Г-жа Сталь должна была расплачиваться за себя лично, за оппозицію Констана и за либерализмъ отца: Въ 1802 году Неккеръ выпустилъ книгу *Dernières vues de politique et de finances*, выражалъ сомнѣніе, чтобы генералъ Бонапартъ могъ основать во Франціи «наслѣдственную умѣренную монархію». Дочь жила въ это время съ отцомъ, въ его имѣніи Коппе. Консулъ поклялся, что г-жа Сталь болѣе не вернется въ Парижъ: «дочь человѣка, предлагающаго Франціи три формы правленія, въ то время, какъ я во главѣ государства!»...

Немедленно былъ учрежденъ неотступный полицейскій надзоръ за г-жей Сталь. Изъ его отчетовъ мы узнаемъ, когда г-жа Сталь пріѣзжала въ Парижъ, кого видѣла, когда ее посѣтилъ Констанъ. Газеты открыли, съ своей стороны, жестокую травлю по поводу романа *Дельфина*, переводя на свой языкъ отзывъ властителя о романѣ:

---

[12]) Staël. XIII, 202. Нѣкоторыя изгнанницы, далеко не всѣ, перечислены у Тэна. O. c. I, 205 rem. 1.

[13]) Напримѣръ, одинъ докторъ донесъ на своего друга, когда тотъ отозвался критически въ «городскомъ обществѣ» о состояніи медицины при имперіи. Тэнъ. *O. c.* II, 230, rem. 1, фактъ изъ *Notice sur l'interieur de la France*, Faber'a.

[14]) M-me Rémusat. *Ib.* VII, 189.

«Все это метафизика чувства, смута ума. Я не могу выносить этой женщины» [15]). Такъ какъ г-жа Сталь находилась въ разводѣ съ мужемъ,—не были пощажены и ея личная жизнь и нравственность. Особенно раздражали консула многочисленные визиты иностранцевъ и писательницъ. Наконецъ, въ февралѣ 1803 года, состоялось окончательное распоряженіе удалить г-жу Сталь не только изъ Парижа, а вообще изъ Франціи.

На самомъ дѣлѣ, гораздо хуже, чѣмъ изъ Франціи. Къ г-жѣ Сталь, вообще къ жертвамъ наполеоновскаго гнѣва вполнѣ примѣнима рѣчь Цицерона къ изгнаннику римскаго правительства: «Гдѣ бы ты ни находился, помни, что ты вездѣ одинаково находишься во власти побѣдителя» [16]). Всѣ правительства Западной Европы ни въ какомъ случаѣ не рѣшились бы навлечь на себя гнѣвъ консула, а потомъ императора,—изъ-за дочери Неккера. Изгнанія поражали всѣхъ, кто приближался къ отверженной: и мужчинъ, и женщинъ. Сама г-жа Рекамье, «красивѣйшая женщина Франціи» [17]), поплатилась ссылкой за визитъ въ Коппе.

Подобныя мѣры, конечно, не могутъ быть оправданы никакими государственными соображеніями, вообще политическимъ геніемъ. Трудно было настоящему политику, при наполеоновскомъ могуществѣ, унизиться до такой дѣятельности. Г-жа Рекамье остроумно и изящно отозвалась о ней: «Великому человѣку можно извинить слабость любить женщинъ, но бояться ихъ...» [18]).

Да, именно страхъ и другое, еще менѣе свойственное *великому* человѣку чувство — зависть, побуждали Наполеона съ *личной* яростью преслѣдовать г-жу Сталь, ея знакомыхъ и даже полицейскихъ префектовъ, не расположенныхъ слишкомъ тѣснить и оскорблять ее. Онъ не могъ удовлетвориться надзоромъ оффиціальной полиціи, устроилъ свою собственную *личную*, упрекалъ самого Фуше, что онъ далеко не все знаетъ о поведеніи г-жи Сталь, и хвалился что онъ—императоръ—можетъ привести даже прирожденнаго шпіона въ изумленіе обиліемъ своихъ частныхъ свѣдѣній [19]).

Это борьба не государя, не хранителя общественнаго порядка съ нарушителемъ, а *личный* разсчетъ сильнаго съ слабымъ. Неотъемлемый признакъ истиннаго душевнаго величія и нравственнаго достоинства—отсутствіе зависти и мелочнаго самообожанія. Наполеонъ страдалъ этими недугами отнюдь не больше, чѣмъ

[15]) Welchinger. № 165.
[16]) *Ad Familiares*, IV, 7.
[17]) Staël. XIII, 204.
[18]) Welchinger. 199.
[19]) *Correspondance de Napoléon*. XV, 1807.

необъятнымъ честолюбіемъ—разыграть роль основателя новой міровой религіи и гражданской власти.

Бонапартъ не могъ терпѣть рядомъ съ собой вообще какую бы то ни было самостоятельную силу, избралъ самый легкій путь къ величію и престижу — дѣйствовать среди посредственностей, ничтожествъ и рабовъ. И онъ даже не скрывалъ этого, давая самые отчаянные отзывы объ умственныхъ способностяхъ своихъ ближайшихъ сотрудниковъ. Пріемъ обоюдоострый и, несомнѣнно, наивный: если маршалы и министры являлись столь жалкими по уму и талантамъ, какая же заслуга быть среди нихъ первымъ?

Но зависть и эгоизмъ способны были до конца ослѣпить корсиканца, попавшаго на тронъ. Маршалы постоянно жаловались на «эгоизмъ, коварство, даже ненависть и зависть» императора, и мы видѣли его произволъ въ распредѣленіи славы генераламъ, совершенно независимо отъ дѣйствительныхъ фактовъ.

То же самое и въ литературѣ. Одинъ академикъ съ неподражаемой наивностью выразилъ сущность литературной политики Наполеона. Онъ въ оффиціальномъ отзывѣ выражалъ неудовольствіе на Шатобріана: тотъ не продолжалъ льстить монарху, который «позволилъ ему извѣстность»—«qui lui avait permis la celebrité»... Очевидно, «механизмъ бюллетеней» былъ признанъ вполнѣ законнымъ явленіемъ во всѣхъ областяхъ французской жизни при Наполеонѣ.

И вотъ г-жа Сталь хотѣла быть и становилась извѣстной *безъ позволенія!* Современники изъ самыхъ разнообразныхъ лагерей единогласно указываютъ на *зависть* властителя, какъ главнѣйшую причину несчастій писательницы. «Почести, окружавшія г-жу Рекамье и г-жу Сталь, затмевали его, какъ оппозиція его правительству». Такъ выражается одинъ изъ членовъ государственнаго совѣта [22]). Оппозиція, потому только что извѣстный человѣкъ талантливъ и интересенъ для другихъ! То же самое повторяетъ и придворная дама [23]).

Легко представить, какая участь предстояла *сочиненіямъ* г-жи Сталь. Настоящая драма загорѣлась по поводу книги *О Германіи.*

---

[20]) M-me Rémusat. *Ib.* VII, 183.

[21]) Welchinger. 140, rem. 2. Академикъ графъ Реньо.

[22]) Pelet de la Lozère, ср. Welchinger. 168, rem.

[23]) M-me Rémusat. «Мнѣ случалось слышать иногда отзывы Бонапарта о г-жѣ Сталь. Ненависть его къ ней питалась отчасти завистью, какую внушало ему всякое превосходство, съ которымъ онъ не могъ справиться, и его рѣчи были пропитаны такой горечью, что возвеличивали ее противъ его воли, а его унижали въ глазахъ тѣхъ, кто его слушалъ, владѣя всѣми своими умственными способностями». *Ib.* VII, 189.

Ничего политическаго въ ней не было, г-жа Сталь желала только заинтересовать французовъ нѣмецкой литературой и философской мыслью, — но Наполеонъ былъ убѣжденъ, что «политику дѣлають, говоря о литературѣ, морали, объ искусствахъ, обо всемъ на свѣтѣ» [24]), и книга въ количествѣ десяти тысячъ отпечатанныхъ экземпляровъ была уничтожена, отъ автора потребовали рукопись, и министръ полиціи заявилъ, что воздухъ Франціи нездоровъ для г-жи Сталь [25]). Намекъ тонкій и въ то же время краснорѣчивый; но онъ отнюдь не означалъ, что г-жа Сталь можетъ отправляться на всѣ четыре стороны. Напротивъ, она должна была съ этого времени состоять подъ домашнимъ арестомъ, въ особенности отказаться отъ мысли уѣхать въ Англію. Г-жа Сталь принялась изучать карту Европы, ища убѣжища, и остановилась на Россіи. Безъ всякаго багажа, въ открытой каретѣ, съ однимъ вѣеромъ въ рукахъ, въ неописуемомъ нервномъ состояніи, плѣнница бѣжала черезъ Австрію, Польшу въ Россію и прибыла въ Москву всего за нѣсколько недѣль до появленія въ стѣнахъ Кремля наполеоновскихъ войскъ...

По истинѣ безпримѣрная борьба могущественнаго монарха съ женщиной изъ-за того, что она не захотѣла «вязать чулковъ», а писала книги и говорила, какъ «идеологъ». И борьба тѣмъ болѣе замѣчательная, что на одной сторонѣ были рѣшительно всѣ средства: полиція, страхъ власти и литература. Да, она сослужила Наполеону большую службу. «Журналы получили приказаніе бранить ее; всѣ напустились на нее безъ всякаго великодушія», — пишетъ современница, далеко не другъ г-жи Сталь [26]), — и во главѣ застрѣльщиковъ шли лучшіе критики и популярнѣйшіе писатели эпохи, въ родѣ Фонтана, Мишо, Шатобріана. Автора *Духа христіанства,* помимо правовѣрной католической аффектаціи, обуревала еще и зависть къ громкому имени и драматической судьбѣ писательницы, а первые два принадлежали къ очень распространенному типу литературныхъ пресмыкающихся. Общій ихъ характеръ разъ на всегда прекрасно изобразила та же г-жа Сталь.

«Среди всѣхъ страданій, которыя заставляетъ испытывать рабство печати, самое горькое--видѣть, какъ въ листкахъ оскорбляютъ то, что̀ дороже всего, что̀ заслуживаетъ наивысшаго уваженія, и при этомъ невозможно отвѣчать также въ газетахъ, которыя по необходимости распространеннѣе книгъ. Сколько подло-

---

[24]) Bourrienne, по пов. *Allem.*

[25]) *Dix années d'exil. Oeuvres* XV, 117—118.

[26]) M-me Rémusat. *Ib.* VII, 189.

сти у тѣхъ, кто оскорбляетъ могилы, когда друзья мертвыхъ не могутъ взять на себя защиту! Сколько подлости у тѣхъ писакъ, которые нападали и на живыхъ, имѣя за собою власть,—и являлись застрѣльщиками, во всѣхъ карахъ, на какія такъ щедръ деспотизмъ, если ему внушаютъ малѣйшее подозрѣніе! Что за стиль, носящій на себѣ полицейскій отпечатокъ! Рядомъ съ этимъ нахальствомъ, рядомъ съ этой низостью, когда читались нѣкоторыя рѣчи американцевъ или англичанъ, вообще общественныхъ дѣятелей, стремящихся въ своихъ обращеніяхъ къ другимъ сообщить имъ только свое задушевное убѣжденіе, въ такія минуты чувствовалось волненіе, — будто внезапно слышался голосъ друга— тому, кто былъ покинутъ и не зналъ больше, гдѣ найти близкое для себя существо» [27]).

Эта характеристика до послѣдней черты вѣрна дѣйствительности. Наполеонъ успѣшно расправился съ г-жей Сталь, остальные писатели не могли причинить ему никакихъ существенныхъ хлопотъ. Императору оставалось примѣнить къ нимъ ту же политику, какою онъ покорилъ якобинцевъ и аристократовъ.

Жозефъ Шенье, братъ Андре, когда-то знаменитый драматургъ и сатирикъ, во время революціи пѣвецъ республиканской свободы, при Наполеонѣ чиновникъ и одописецъ, говорилъ очень откровенно насчетъ писательской психологіи своей эпохи. «Никому не нужна честь, и всѣ нуждаются въ деньгахъ» [28]). Самъ Шенье на себѣ блистательно оправдывалъ эту истину, посылая Наполеону слезныя письма насчетъ денежныхъ вспоможеній и какой-нибудь должности, гдѣ бы можно было служить съ «заурядным умомъ»—«l'intelligence ordinaire». Министръ полиціи черезъ секретаря жаловалъ ему—«ободренія и утѣшенія», «des encouragements et des consolations»... И все это происходило отнюдь не потому, чтобы Шенье находился въ крайней нуждѣ; поэтъ, просто страдалъ мотовствомъ, страстью къ роскоши и реализировалъ свои гражданскія чувства въ наполеондорахъ.

Шенье—одинъ изъ сильнѣйшихъ, талантливѣйшій послѣ Шатобріана. Что же происходило съ другими?

Во французской литературѣ искони жила идея о меценатствѣ правительственной власти. Людовикъ XIV придалъ много блеску своему царствованію, заявивъ себя, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ, покровителемъ талантовъ. Нѣсколько пенсій быстро пре-

---

[27]) Staël. XIII, 252.

[28]) «Nul n'a besoin d'honneur, tous ont besoin d'argent». Cp. Merlet. *Tableau de la littérature française 1800—1815*. Paris. 1878, p. 237.

вратили Корнелей и Расиновъ въ придворныхъ піитъ и подчасъ необыкновенно откровенныхъ льстецовъ. У Наполеона, слѣдовательно, былъ и здѣсь предшественникъ, все равно, какъ терроръ служилъ ему руководствомъ въ вопросахъ цензуры и проскрипцій.

Императоръ былъ искренно убѣжденъ, что онъ путемъ полицейскихъ распоряженій можетъ создать какую угодно литературу. «Жалуются, что нѣтъ литературы», писалъ онъ, «это вина министра внутреннихъ дѣлъ». «Литература нуждается въ поощреніяхъ», наставлялъ онъ Шампаньи. «Вы—министръ, предложите мнѣ какія-либо средства — дать толчокъ всѣмъ разнообразнымъ отраслямъ художественной литературы, которыя всегда составляли славу націи» [29]).

Мы видѣли, для Наполеона ничего не стоило создать спеціалиста въ какой угодно области государственнаго управленія: у него была «счастливая рука». Того же метода онъ держится и въ искусствѣ, стоитъ ему или даже его министру обратить на кого-либо вниманіе и тотъ непремѣнно превратится въ національную литературную славу.

Едва вѣроятно, а между тѣмъ Наполеонъ именно такую мысль проводитъ въ своихъ инструкціяхъ министру внутреннихъ дѣлъ. И полиція проникается этими взглядами и совершенно серьезно усиливается создавать знаменитостей, избраннымъ поэтамъ заказываетъ разныя произведенія на торжественные случаи и принимаетъ энергическія мѣры на счетъ благопріятныхъ отзывовъ въ газетахъ [30]).

Поощренія, конечно, выражались и въ болѣе осязательныхъ формахъ—деньги и мѣста играли первостепенную роль въ меценатствѣ Наполеона и приводили къ самымъ желаннымъ результатамъ. Мы знаемъ, среди якобинцевъ императоръ нашелъ усерднѣйшихъ слугъ своей власти, среди писателей онъ набралъ большинство цензоровъ.

Это фактъ въ высшей степени важный и богатый послѣдствіями. Въ распоряженіи Фуше оказались академики и, въ свою очередь, полиція раздавала академическія кресла. Литераторы, поступившіе на полицейскую службу, доставляли начальству подробные отчеты, о личностяхъ, талантливости и политическомъ направленіи товарищей. Даже Наполеона поражало подобное соединеніе профессій и онъ открыто издѣвался надъ однимъ изъ этихъ агентовъ, Эменаромъ, академикомъ, по милости министра

---

[29]) *Corréspondance de Napoléon* XV, 68.

[30]) Welchinger. 146—147, 250.

полиціи Савари. Эменаръ исполнялъ цензорскія обязанности съ фанатизмомъ и въ короткое время стяжалъ жесточайшую ненависть писателей и журналистовъ.

Цензура, попадавшая въ руки литераторовъ, должна была двойнымъ гнетомъ тяготѣть надъ печатью. Цензоры являлись одновременно и представителями литературныхъ партій, и художественными критиками. Оффиціальныя обязанности сливались съ личными интересами и вкусами. Въ результатѣ цензоры уничтожаютъ сочиненія *изъ-за слога*, *изъ-за бездарности* автора—по ихъ, конечно, мнѣнію.

Это тоже отчасти французская традиція. Въ старое время, при Ришелье, напримѣръ, академія играла роль и высшей художественной инстанціи и судебной коммиссіи, по распоряженію правительства вопросъ о классическихъ правилахъ поэзіи превращала въ вопросъ высшей политики и сразила, между прочимъ, по своему кодексу эстетической политики или политической эстетики корнелевскаго *Сида*. При Наполеонѣ дѣло упростилось, сосредоточилось въ рукахъ министра полиціи и самой академіи пришлось *состоять* при полиціи и цензурѣ.

Наполеонъ позаботился упрочить такое положеніе и преобразовалъ академію, по обыкновенію, энергично и просто, уничтожилъ самое безпокойное отдѣленіе нравственныхъ и политическихъ наукъ, занятія академиковъ ограничилъ вопросами о грамматикѣ, языкѣ, стилѣ. Чтобы подогрѣть усердіе ученыхъ въ этой не особенно веселой области, Наполеонъ прибѣгъ къ обычному средству, щедрой рукой раздавалъ академикамъ почетный легіонъ, мѣста въ сенатѣ, титулы бароновъ и даже герцоговъ.

Усердіе превзошло ожиданія властителя. Наполеону приходилось попадать въ оригинальнѣйшее положеніе—вести борьбу съ своими же не по разуму ретивыми цензорами. Нѣкоторые случаи, дѣйствительно, поразительны и подтверждаютъ давно уже извѣстный намъ фактъ, какъ легко Наполеону было управлять французами и, главное, найти среди нихъ усерднѣйшихъ агентовъ и исполнителей.

Одинъ цензоръ, напримѣръ, очевидно, истомившійся въ поискахъ за неблагонадежными произведеніями, предложилъ запретить трагедію Вольтера *Танкредъ* и мольеровскаго *Тартюфа*.—Почему,—слѣдовали такіе пункты:

«Первая изъ этихъ пьесъ должна быть уничтожена, потому что герой - изгнанникъ возвращается въ отечество, не получивъ предварительно разрѣшенія начальства, вторая, потому - что можетъ не понравиться духовенству, и конкордатъ, только-что уста-

новленный во Франціи, имѣетъ главною цѣлью—устранить всѣ причины разногласія между духовной и свѣтской властями».

Записка была представлена министру внутреннихъ дѣлъ, тотъ передалъ ее Наполеону. «Что за галиматья», воскликнулъ онъ, прочитавши документъ. «Должно быть, этотъ господинъ очень глупъ... Его дѣло быть рыночнымъ смотрителемъ. Немедленно замѣнить его».

И этотъ цензоръ былъ тоже писатель.

Его участь нисколько не расхолодила усердія другихъ. Съ особеннымъ блескомъ оно обнаруживалось въ выискиваніи отдѣльныхъ намековъ и сомнительныхъ отрывочныхъ мыслей и фразъ. Здѣсь главная вина падала на самого властителя. Свойственная Наполеону мелочность доходила до чудовищныхъ предѣловъ, когда предъ нимъ была книга, газета или полицейское сообщеніе о салонномъ разговорѣ.

У Наполеона не было дѣтей въ бракѣ съ Жозефиной, и на сценѣ не смѣли играть пьесъ, гдѣ говорилось о бездѣтномъ супружествѣ. Наполеонъ намѣревался развестись съ Жозефиной, и со сцены приходилось устранять пьесы съ подобными мотивами. Наполеонъ въ самомъ началѣ власти встрѣтилъ всюду низменные рабскіе инстинкты, измѣнниковъ идеямъ революціи и преданіямъ монархіи, якобинцевъ превратилъ въ шпіоновъ и палачей. Очевидно, произведенія, гдѣ говорилось о малодушіи и низости передовыхъ людей націи, не могли существовать. Классическія пьесы подвергались тщательному просмотру, вычеркивались сцены и монологи, одни стихи замѣнялись другими, и съ Корнелемъ и Расиномъ соперничали полицейскіе цензоры-литераторы [31]).

Изъ стиховъ и фразъ, которыя цензура выбрасывала въ пьесахъ и книгахъ, можно составить необыкновенно краснорѣчивую характеристику личности Наполеона и его правительства. Цензоры будто нарочно заботились запечатлѣть въ потомствѣ образъ своего властителя—оффиціальными документами.

Рѣчи на счетъ счастливаго побѣдителя, тираннической власти, превращенія «вчерашняго героя въ тирана», происхожденія того или другого честолюбиваго героя изъ народа—все это или вычеркивалось, или уничтожалось изъ-за нѣсколькихъ фразъ все произведеніе.

---

[31]) Такому исправленію подверглась, между прочимъ, *Athalie*—Расина. Замѣчательно, эта же трагедія выдержала не мало мытарствъ и до революціи при Людовикѣ XVI, однажды даже вызвала сенсаціонный спектакль незадолго до собранія генеральныхъ штатовъ. Многіе ея стихи были примѣнены тогда къ Маріи-Антуанеттѣ, утратившей популярность среди парижанъ незадолго до революціи.

Естественно, усердіе въ этомъ направленіи могло ставить наполеоновскихъ слугъ въ очень трагикомическія положенія. Напримѣръ, одинъ агентъ донесъ на нѣкоего писателя, будто онъ обозвалъ Наполеона печатно «бичомъ божіимъ». Оказалось, это выраженіе находилось въ *Мысляхъ Бальзака*—писателя эпохи Ришелье и относилось къ кардиналу. Обвиненный литераторъ только издалъ старое сочиненіе. Наполеонъ, разслѣдовавши дѣло, впалъ въ негодованіе: «Глупцы! Развѣ это можно примѣнять ко мнѣ? Рѣшительно, цензура добровольная или оффиціальная ни на что не годится!» [32]).

Но, случалось, самъ Наполеонъ, въ порывѣ мракобѣсія, готовъ былъ сдѣлать ложный шагъ и ему приходилось выслушивать совѣты Фуше, не преслѣдовать слишкомъ поэтовъ за ихъ вольности, «не дѣлать своихъ враговъ интересными».

Впрочемъ, и вся дѣятельность цензуры могла имѣть въ виду не писателей и даже не цѣлыя произведенія, а только мелочи и частности. Литераторы быстро усвоили потребную дрессировку и, какъ всѣ прочія орудія и жертвы наполеоновской политики, оставили далеко позади самыя смѣлыя ожиданія властителя. Только придирчивость полиціи и мелкая подозрительность Наполеона могли создавать разные цензурные инциденты. Въ дѣйствительности идеалъ бонапартизма—молчаніе и порядокъ были осуществлены.

Бонапартъ въ особенности опасался періодической печати. Она быстрѣе всѣхъ другихъ произведеній мысли распространялась по странѣ и со времени революціи привыкла заниматься почти исключительно политикой. Для корсиканца газета являлась чѣмъ-то необычайно ужаснымъ, какъ истое дѣтище и органъ культурнаго гражданскаго общества. Наполеонъ даже преувеличивалъ силу чудовища и на своемъ риторическомъ языкѣ выражался: «Если я дамъ волю печати, я не останусь и трехъ дней у власти».

Это, конечно, слишкомъ сильно, но политика императора относительно печати управлялась именно чувствомъ ужаса. Ея основной принципъ: во Франціи, съ эпохи имперіи, одна партія,—слѣдовательно, вполнѣ достаточно и одной газеты, и Наполеонъ грозилъ дѣйствительно для всей Франціи оставить одну газету [33]). До этого не дошло *ариѳметически*, но *фактически* существовалъ одинъ политическій органъ—оффиціальный *Moniteur*. Изъ него другія газеты должны были почерпать факты и идеи.

---

[32]) Welchinger, 47.
[33]) *Ib.* 81, 90.

То же самое и относительно остальныхъ газетныхъ отдѣловъ. Судебные отчеты могли быть помѣщаемы лишь съ разрѣшенія судебной власти, *Gazette de France* пріобрѣла привилегію печатать эти отчеты раньше другихъ и всѣ газеты обязаны были перепечатывать ея сообщенія. Даже отдѣлъ *Faits divers* наполнялся полицейскими свѣдѣніями и свѣдѣнія эти давались лишь избраннымъ, не запятнанымъ газетамъ.

Литераторы и здѣсь шли во главѣ системы. Знакомый намъ Эменаръ предлагалъ лишить провинціальныя газеты права печатать какія бы то ни было статьи, превратить ихъ въ листки объявленій.

Реформа имѣла двѣ цѣли. Газеты были обложены налогомъ, пропорціональнымъ подписной суммѣ. Подписка на столичныя газеты, несомнѣнно, увеличилась бы съ преобразованіемъ провинціальныхъ и, слѣдовательно, налогъ возросъ бы. А потомъ министръ избавился бы отъ лишнихъ хлопотъ дѣлать выговоры департаментскимъ префектамъ за направленіе мѣстной печати.

Но, въ сущности, реформа являлась излишней, газеты и безъ того превратились въ кладбище, крайне однообразное и гнетущее. Всѣ онѣ до тождества походили другъ на друга, и руководящій *Moniteur* занимался исключительно придворной хроникой и описаніемъ разныхъ торжествъ и путешествій высокихъ лицъ.

Воцарилась смертная скука. Можетъ быть, ничто такъ тяжело не отзывалось на умахъ французовъ, какъ полное отсутствіе газетнаго шума и журнальной политики. Даже наполеоновскія власти это поняли и старались всѣми силами занять и разсѣять вѣрноподданныхъ цезаря.

Цензоры и полиція изощряются изобрѣсти какой-либо увеселительный мотивъ для легкомысленной публики. Дается приказъ поднять вопросъ о преимуществахъ французской и итальянской музыки, наемными рецензентами завязывается горячая полемика по поводу плагіата драматической пьесы... Но ничего, конечно, не выходитъ изъ этихъ смѣхотворныхъ предпріятій, тѣмъ болѣе, что въ воздухѣ ясно начинаетъ чувствоваться *начало конца*.

Это чувство проникаетъ современниковъ среди, повидимому, самыхъ розовыхъ перспективъ. Съ теченіемъ времени бонапартизмъ получаетъ окончательную и прочную окраску. Онъ прежде всего вводитъ во всеобщее обращеніе *ложь* и *лесть*. Это единственные пути для слугъ Наполеона выражать свои мысли.

Газеты не смѣютъ сообщать фактовъ, непріятныхъ властителю, даже самыхъ мелкихъ: иначе—штрафъ, конфискація, назначеніе спеціальнаго цензора на средства газеты. «Они говорятъ

только то, что я хочу», заявлялъ Наполеонъ о «своихъ» газетахъ, именно, *mes journaux*, это выраженіе столь же законно, какъ *mes soldats*. Естественно Бонапартъ именно за это качество глубоко презиралъ «своихъ» журналистовъ, обращалъ вниманіе только на нѣмецкую и англійскую печать, и съ пренебреженіемъ отказывался отъ французскихъ газетъ, когда секретарь намѣревался познакомить его съ ихъ содержаніемъ.

Въ результатѣ, печать превратилась въ сплошной бюллетень, столь же мало общаго имѣвшій съ дѣйствительностью, какъ и военные бюллетени Наполеона. Свѣдѣнія по управленію, статистическія данныя составляли личную тайну императора. Можно было заниматься только иностранными землями и притомъ въ опредѣленномъ направленіи: Англію слѣдовало изображать наканунѣ гибели, поносить Германію и Россію, и вообще создавать для французовъ такія же призрачныя государства, воображаемые народы, какими тѣшилось воображеніе самого Наполеона. Этотъ порядокъ будетъ продолжаться до послѣдней минуты: во время разгрома «великой арміи» въ Россіи французская печать будетъ сохранять неприкосновенно гордый побѣдоносный видъ, и пѣть безъ конца оды въ стихахъ и прозѣ императору и его домочадцамъ.

Врядъ ли когда и гдѣ-либо, не исключая даже Востока, литература лести развивалась до такихъ невѣроятныхъ предѣловъ, какъ это было во Франціи при Наполеонѣ. Правда, поэты Людовика XIV могли дать не мало уроковъ своимъ наслѣдникамъ въ эпоху имперіи, но льстивый азартъ наполеоновскихъ піитъ на столько же превосходитъ рабское вдохновеніе старыхъ классиковъ, насколько Эменары, Рейнуары, Лемерсье, уступаютъ талантами Корнелю и Расину.

Какого качества могли быть оды, поэмы, драмы бонапартовскихъ лавреатовъ, можно судить по общему характеру поэзіи при цезаризмѣ.

Цензура до послѣдней степени съузила кругъ предметовъ, подлежавшихъ литературной разработкѣ. Наполеонъ изъ всей исторіи поэтамъ оставлялъ лишь античныя времена и глубь среднихъ вѣковъ, т.-е. появленіе капетинговъ на французскомъ престолѣ, эпоху Карла Великаго: перемѣна династіи во Франціи напоминала, по мнѣнію императора, происхожденіе его собственной власти, а Карлъ Великій, конечно, былъ его непосредственнымъ предшественникомъ.

Съ этихъ точекъ зрѣнія должна составляться и исторія. Наполеонъ придавалъ этому вопросу очень большое значеніе. Историческіе труды обязаны играть роль нравственную и политиче-

скую, т.-е. роль тѣхъ же бюллетеней и газетныхъ статей и, именно, по фактической правдѣ и внутреннему смыслу быть на высотѣ спеціальныхъ продуктовъ бонапартизма.

Естественно, Наполеонъ имѣлъ свою точно установленную программу историческихъ изслѣдованій. Прежде всего, ихъ слѣдуетъ поручать людямъ «преданнымъ»—*à des hommes attachés*. Только эти люди способны «представлять факты въ ихъ истинномъ свѣтѣ и подготовлять здравое просвѣщеніе націи». Это значило: вся исторія Франціи до появленія Наполеона будетъ состоять изъ сплошныхъ бѣдствій, неустройствъ, всевозможныхъ безпорядковъ, такъ что читатель долженъ «почувствовать облегченіе, дойдя до эпохи» имперіи. Нѣкоторые французскіе короли должны подвергнуться особеннымъ воздѣйствіямъ со стороны «преданности» историковъ. Генрихъ IV не могъ появляться на сценѣ, какъ популярнѣйшій государь старой монархіи: очевидно, и въ исторіи его роль предстояло освѣтить съ подходящей точки зрѣнія. По поводу Людовика XIV историку необходимо остановиться на его «смѣшномъ бракѣ» съ г-жей Мэнтенонъ. Все это Наполеонъ считалъ настоящей исторіей. Мало того. Наивность или слѣпая отвага цезаря шли еще дальше: «Объ общественныхъ дѣлахъ, которыя *мои* дѣла, говорилъ онъ,—въ области политики, соціальныхъ и нравственныхъ вопросовъ,—объ исторіи, именно объ исторіи современной, новѣйшей или новой, никто изъ нынѣшняго поколѣнія не будетъ думать, кромѣ меня, а въ ближайшемъ поколѣніи всѣ будутъ думать, какъ я захочу» [34]).

Когда Жозефъ Шенье, бывшій революціонеръ и республиканецъ, превратился въ придворнаго исторіографа, Наполеонъ дѣйствительно могъ быть покоенъ за «нынѣшнее поколѣніе». Но ручательство за будущее, несомнѣнно, одна изъ нарочито-бонапартовскихъ иллюзій.

Сійэсъ, внесшій не малую лепту, съ своей стороны, въ капиталъ наполеоновскаго деспотизма, совершенно захудалъ при имперіи, и на вопросъ, что онъ думаетъ о бонапартовскомъ управленіи, отвѣчалъ: «я совсѣмъ не думаю» [35]). Это отличная характеристика для всего «нынѣшняго поколѣнія», и она вполнѣ подтверждается поэтическимъ творчествомъ при Наполеонѣ.

Можетъ быть, среди поэтовъ бонапартизма были задатки талантливости и серьезныхъ литературныхъ стремленій, но желѣзное удушающее кольцо охватило всѣхъ безразлично и быстро превра-

[34]) Tain. *O. c.* I, 229—230.
[35]) Merlet. *O. c.* p. 13.

тило литературную сцену въ мерзость запустѣнія. Устраненные отъ всякихъ историческихъ и жизненныхъ мотивовъ и темъ, поэты набросились на форму и стали изощряться въ стихотворческомъ фокусничествѣ. «Содержаніе», по остроумному замѣчанію историка, «стало предлогомъ къ разработкѣ подробностей» [36]).

Да и что иное можно было дѣлать, когда приходилось заниматься такими, напримѣръ, задачами: описать искусственные цвѣты, изобразить громоотводъ, представить въ стихахъ «анализъ азбуки», т.-е. воспѣть достоинства особенно интересныхъ буквъ и звуковъ. Высшей школой оказалось искусство подражать формой стихотворенія жужжанію насѣкомаго, передать повтореніемъ одного и того же звука впечатлѣніе смѣха, вообще «искусство нарисовать картину для уха столь же быстро, какъ и для глазъ» [37]).

Очевидно, наши символисты смѣло могли бы пойти въ науку къ наполеоновскимъ эстетикамъ!

И подобными безсмыслицами занимались, несомнѣнно, умные люди и притомъ безпощадные критики г-жи Сталь, въ родѣ Фонтана!

И замѣчательно, поэтовъ при Наполеонѣ дѣйствовало рѣшительно безчисленное множество, и—самаго нѣжнаго идиллическаго направленія. Любовныя пѣсни въ рыцарскомъ духѣ процвѣтали наравнѣ съ шарадами, пасторали, идилліи сыпались дождемъ, альбомные пустяки переполняли солиднѣйшіе журналы. Будто наполеоновскіе цензоры обладали дѣйствительной способностью создавать и вдохновлять таланты символическаго, фокусническаго и просто промышленнаго направленія. Отсутствіе идей не только не мѣшало стихотворству, а, напротивъ, будто сырой испорченный воздухъ, плодящій насѣкомыхъ и плѣсень, вызывало на литературное поприще все новыхъ подвижниковъ. Они, конечно, не доставляли ни малѣйшаго безпокойства цензурѣ, и при случаѣ полиція свободно заказывала имъ стихи и пьесы на разные торжественные случаи.

Нѣкоторые не удовлетворялись мелкой промышленностью и пускались въ оптовую торговлю риѳмами. Возникали громадныя героическія поэмы, въ родѣ *Каролеиды* изъ двадцати четырехъ пѣсенъ; авторъ ея—виконтъ д'Арлэнкуръ. Тема, конечно, была внушена *преемникомъ* Карла Великаго. Еще любопытнѣе поэма *Атлантіада*, академика Лемерсье. Здѣсь, вмѣсто греческой миѳо-

---

[36]) *Ib.* p. 177.

[37]) Выраженіе современнаго поэта: L'art de peindre à l'oreille aussi vite qu'aux yeux.

логіи царила физика и дѣйствующія лица воплощали *равновѣсіе*, *тяготѣніе*, *центробѣжную силу*, разные металлы и минералы и даже математическія науки... Къ такимъ результатамъ привела наполеоновская система поощренія литературы при посредствѣ полиціи! И могла ли процвѣтать поэзія тамъ, гдѣ военная сила лежала въ основѣ государственныхъ идеаловъ, гдѣ, по выраженію поэта, «цифра и сабля составляли все» [38]).

Утративъ всякое идейное содержаніе, литература утратила одновременно и всякое нравственное чувство и сознаніе достоинства. Достаточно вспомнить, что произошло во французской поэзіи при появленіи на свѣтъ «римскаго короля». Можно смѣло сказать, никогда ни одинъ «сынъ неба», или «сынъ восходящаго солнца», или «царь царей» не слышалъ такого оглушительнаго залпа восторговъ, какъ «сынъ человѣка»—*le fils de l'Homme*: такъ принято было называть дѣтище Бонапарта, «сына Карла Великаго», «сына Юпитера».

Сначала поэты изощрялись на тему *счастливой беременности*, потомъ *августѣйшаго разрѣшенія отъ бремени*, приготовили поэмы съ разсчётомъ—въ извѣстный моментъ приспособить ихъ одинаково быстро къ рожденію сына или дочери [39]). Появился неисчислимый рой водевилей, комедій, одъ, балетовъ, гимновъ, гороскоповъ, стансовъ. Одинъ заслуженный профессоръ открылъ, что еще Виргилій воспѣвалъ Наполеона и его потомство, и ученый издалъ даже брошюру для доказательства этой мысли.

Такая стремительность объясняется весьма просто, какъ и все вообще въ политикѣ Наполеона. Передъ рожденіемъ «римскаго короля» было назначено пятьдесятъ премій за привѣтствія и конкуррентовъ явилось *12.730*! Одинъ сборникъ содержитъ стихотворенія *1.300* соратниковъ, и между ними встрѣчаются имена Беранже, Казимира Делавиня и... знакомаго намъ Эменара. Когаре, гонитель *Танкреда* и *Тартюфа*, также внесъ свою лепту, и совершенно правильно: вдохновеніе покупалось такъ же, какъ и всѣ прочія услуги бонапартизму. Нельзя сказать, чтобы казнѣ особенно дорого обошелся этотъ рѣдкостный потопъ рабской литературы: всего въ 88.400 франковъ. Наполеонъ зналъ цѣну вещамъ и людямъ!

Но далеко не всегда поэтическій товаръ оплачивался полиціей. Если бы давать деньги всѣмъ поэтамъ, Наполеону пришлось бы

---

[38]) Ламартинъ въ предисловіи къ *Méditations*.

[39]) Поэма *L'Heureuse grossesse*—французскій переводъ латинскаго произведенія Лемэра, профессора Сорбонны.

раззорить, по крайней мѣрѣ, еще одну Италію. Ежегодно 15-ое августа, оффиціально утвержденный день рожденія императора, вызывалъ наплывъ привѣтственныхъ стихотвореній: очевидно, льстецовъ-добровольцевъ существовало во всѣхъ углахъ Франціи неисчерпаемое море.

И они не только шли на встрѣчу самымъ дикимъ вожделѣніямъ цезаря, а нерѣдко даже раздражали его непомѣрно рабскимъ духомъ. Мы видѣли, Наполеонъ ссорился съ своей цензурой изъ-за неразумной ретивости, цензура, въ свою очередь, враждовала съ полиціей, оспаривая у нея право на ту или другую кару надъ писателемъ или произведеніемъ. То же самое и въ литературѣ. Иной литераторъ впадалъ въ такой азартъ лести, что становилось неловко самому Бонапарту. Такъ, напримѣръ, Фуше вдохновилъ Эменара на оперу *Тріумфъ Траяна*. Эменаръ взялъ въ сотрудники еще двухъ поэтовъ и они соорудили выспреннюю хвалу чувствительному сердцу Наполеона. Цезарю не понравилась такая политика, тѣмъ болѣе, что авторы всевозможныхъ льстивыхъ глупостей всегда старались прикрыться его авторитетомъ: распространялся слухъ, что произведеніе внушено императоромъ, и критика, конечно, осуждена была въ лучшемъ случаѣ на безмолвіе.

Подчасъ раздраженный наивной угодливостью журналистовъ, Наполеонъ заявлялъ: «я не нуждаюсь въ ихъ похвалахъ», и требовалъ отъ нихъ мужества (la touche mâle) и французскаго сердца. А цензоры запрещали даже восторженно-хвалебныя поэмы, находя авторовъ и ихъ произведенія слишкомъ недостойными его величества: «восхвалять его нуженъ Гомеръ» [40])!.. Вообразите положеніе писателей!

И надо при этомъ помнить, что бонапартизмъ свой мертвящій духъ усиливался распространить и за предѣлы Франціи. Въ странахъ съ вассальными королями-родственниками само самой, конечно, водворялись французскіе порядки и совершенно естественно, «римскаго короля» съ одинаковой ревностью привѣтствовали на всѣхъ языкахъ западно-европейскаго материка. Но Бонапарту легко было настичь жертву всюду, кромѣ Англіи и Россіи. Исторія съ нюренбергскимъ книгопродавцемъ Пальмомъ въ своемъ родѣ стóитъ трагедіи съ герцогомъ Ангіенскимъ.

Пальмъ распространялъ патріотическую брошюру *Германія въ глубокомъ своемъ униженіи* и отказался назвать ея автора—Гесселя, когда наполеоновское правительство заявило себя оскорбленнымъ.

---

[40]) По такому мотиву была осуждена поэма аббата Aillaud *L'Egyptiade*, воспѣвавшая походъ Бонапарта въ Египетъ.

Наполеонъ приказалъ разстрѣлять книгопродавца. Это событіе вызвало всеобщее негодованіе, и въ Россіи воздали должное, въ прозѣ и въ стихахъ, новому злодѣйству деспота [41]). Любопытнѣе всего,— Наполеонъ будто самъ стремился закрѣпить извѣстное о себѣ представленіе въ исторіи. Всѣ отдѣльные запрещенные намеки и фразы, изъ которыхъ, мы видѣли, можно составить весьма опредѣленную и вѣрную характеристику Бонапарта, получаютъ послѣдній ударъ кисти въ его открытой и необычайно упорной ненависти къ *Тациту*.

Лѣтописи были запрещены въ школахъ, и Бонапартъ не пропускалъ случая защитить Нерона отъ навѣтовъ историка и придраться къ сочиненію, лишь только оно упоминало о Сеянѣ, прославленномъ наперстникѣ тираніи. Именно въ подобныхъ случаяхъ Фуше долженъ былъ сдерживать гнѣвъ своего господина и совѣтовать ему изъ-за пустяковъ не дѣлать враговъ интересными.

Дѣйствительно, у Тацита не мало краснорѣчивыхъ замѣчаній, предвосхищающихъ самое подлинное изображеніе наполеоновской эпохи. Въ Римѣ разучивались говорить и великой добродѣтелью считалось умѣнье молчать; льстецы составляли пышныя рѣчи для оправданія безумствъ и преступленій господина; рабы распоряжались судьбами государства; люди, казалось, утрачивали различіе между великими дѣлами и великими злодѣйствами; цезарямъ при жизни воздвигали храмы и украшали громкими титулами [42]). Развѣ во всѣхъ этихъ фактахъ Наполеонъ не могъ почувствовать своихъ собственныхъ подвиговъ на поприщѣ слова и мысли? И развѣ онъ, принявшій титулъ *великаго*, жаждавшій объявить себя пророкомъ, видѣвшій на яву въ лицѣ своемъ владыку міра и приписывавшій своему величію священнѣйшее библейское изреченіе: развѣ это не цезарь—божество, на языкѣ рабовъ «благое», въ лѣтописяхъ историка—олицетворяющее извращенную человѣческую природу?.. Онъ имѣлъ всѣ основанія преслѣдовать Тацита, какъ современнаго историка и личнаго своего врага.

Во Франціи, по крайней мѣрѣ, кругомъ Наполеона, водворилось болѣе чѣмъ молчаніе. Цезарь совершенно искренно и безповоротно убѣдился въ своемъ всемогуществѣ и всевѣдѣніи. Ни въ чьихъ совѣтахъ и сообщеніяхъ онъ больше не нуждался. Онъ по цѣлымъ часамъ ораторствовалъ, восхваляя свой геній, ничего не хотѣлъ ни читать, ни слушать. Если онъ бралъ въ руки книгу, процессъ ознакомленія съ ней кончался въ нѣсколько минутъ. Бонапарту достаточно было перевернуть съ головокружи-

---

[41]) Staël. XIII, 251. Дубровинъ. *Р. В.* IV, 220.

[42]) *Hist.* III, 36. IV, 43. *Annales* III, 66 etc.

тельной быстротой нѣсколько страницъ, и книга летѣла прочь: «однѣ глупости въ этой книгѣ», кричалъ всепонявшій геній, «это идеологъ, конституціоналистъ, янсенистъ». Сыпалась брань, и цезарь снова уходилъ въ облака, едва обозрѣвая землю орлинымъ взоромъ. Что касается совѣтовъ, одна идея о нихъ приводила Наполеона въ ярость. «Совѣты! мнѣ!..» кричалъ онъ, или: «Онъ, несчастный, онъ даетъ мнѣ совѣты!..», или: «этотъ человѣкъ считаетъ себя необходимымъ? Онъ думаетъ меня учить?..» [43]) И власть иллюзій и самыхъ невѣроятныхъ ослѣпленій съ годами все болѣе туманила мозгъ человѣка, въ сущности никогда основательно не думавшаго ни надъ какимъ государственнымъ вопросомъ и умѣвшаго рѣшать всѣ дѣла въ мірѣ лишь двумя средствами—деньгами и саблями.

При такихъ условіяхъ Наполеону смѣютъ говорить лишь о томъ, что уже заранѣе имъ признано и рѣшено и что можетъ доставить ему удовольствіе. Дѣйствительность совершенно исчезаетъ изъ кругозора властителя. Онъ живетъ среди призраковъ и сказокъ. Въ высшей внѣшней и внутренней политикѣ у него работаетъ одна фантазія, ежеминутно пришпориваемая безумнымъ честолюбіемъ и безнадежно-слѣпой самоувѣренностью. Лесть, потоками изливающаяся изъ устъ всѣхъ придворныхъ, поэтовъ, журналистовъ, ученыхъ, уничтожаетъ послѣдніе остатки реальной почвы подъ ногами цезаря. И когда знаменитый астрономъ Лапласъ въ научномъ сочиненіи, въ *Изложеніи системы міра*, выражалъ надежду на близкое объединеніе Европы въ одну семью по религіи, законамъ и подъ властью императора, онъ высказывалъ задушевную мечту самого властителя. И когда другой писатель заявлялъ, что Наполеонъ «внѣ предѣловъ человѣческой исторіи, принадлежитъ временамъ героическимъ и превосходитъ всякое восхищеніе», онъ перелагалъ на изящный литературный стиль собственныя прорицанія Бонапарта. И когда, наконецъ, поэтъ сравнивалъ цезаря съ Юпитеромъ и примѣнялъ къ нему разсказъ Гомера о борьбѣ отца боговъ съ другими божествами, онъ открывалъ публикѣ сущность воззрѣній Наполеона на свое положеніе среди государей всего міра.

Въ результатѣ, поучительнѣйшая картина, какую только знаетъ человѣческая исторія и психологія. Съ одной стороны, нація, осужденная на нравственное оцѣпенѣніе, и умственный маразмъ, рядомъ съ ней—существо «не отъ міра сего», безнадежно боль-

---

[43]) De Pradt. *O. c.* Préface III; p. 3, 4, 8—9 rem. Bondois. *O. c.* 304—305. Chaptal у Тэна. *O. c.* I, 79.

ное маніей величія, лишенное всякаго точнаго представленія о своихъ политическихъ силахъ и о внѣшнихъ условіяхъ своей дѣятельности, одушевленное единственнымъ чувствомъ и владѣющее однимъ лишь оружіемъ для борьбы—самообожаніемъ.

Когда въ государственномъ совѣтѣ дерзали возражать Наполеону противъ его самыхъ безсмысленныхъ проектовъ, вродѣ военной классификаціи, т. е. фактическаго превращенія культурнаго государства XIX-го вѣка въ казарму и лагерь, онъ, вмѣсто всякихъ доказательствъ, возражалъ въ такомъ духѣ:

«Знайте, моя популярность безгранична, неизмѣрима; что бы ни говорили на этотъ счетъ, народъ повсюду любитъ и чтитъ меня. Его грубый здравый смыслъ выше всевозможныхъ злыхъ умысловъ салоновъ и выше метафизики глупцовъ. Онъ пойдетъ за мной противъ васъ всѣхъ. Это васъ удивляетъ, а между тѣмъ это такъ. Народъ знаетъ только меня; только благодаря мнѣ, онъ пользуется всѣмъ, что у него есть; благодаря мнѣ, его братья, сыновья преуспѣваютъ на службѣ, получаютъ ордена, обогащаются... Въ особенности васъ не должна смущать оппозиція, о которой вы говорите. Она существуетъ только въ парижскихъ салонахъ, и отнюдь не въ націи». И дальше раскрывалась перспектива бонапартовскаго золотого вѣка, когда самъ престарѣлый законникъ Камбасересъ могъ по волѣ цезаря взять ружье и совершать воинскіе подвиги [44]).

Что оставалось дѣлать даже тѣмъ подданнымъ Наполеона, кто ясно видѣлъ въ недалекомъ будущемъ неминуемую пропасть?

Бонапартъ толковалъ о своей необъятной популярности, но зачѣмъ же тогда полиція прибѣгала къ смѣхотворнѣйшимъ проектамъ оживить общественное настроеніе? Въ то самое время, когда властитель утопалъ въ волнахъ самыхъ розовыхъ иллюзій, цензоры и министръ полиціи находились въ крайнемъ безпокойствѣ на счетъ удручающей скуки и мертвеннаго душевнаго состоянія парижанъ и провинціаловъ. Этотъ фактъ признавали усерднѣйшіе слуги Бонапарта и призывали на помощь всю свою рабскую изобрѣтательность, чтобы помочь горю.

Одинъ цензоръ-писатель представилъ министру такой проектъ. Въ Парижѣ съ нѣкотораго времени существовало общество *Caveau moderne*, выпускавшее ежемѣсячно сборники хорошихъ *chansons*. На эти сборники было до 600 подписчиковъ, chansons расходились

[44]) *Mémorial* I, 724—725. «Sachez que ma popularité est immense, incalculable; car quoi qu'on en veuille dire, partout le peuple m'aime et m'estime. Son gros bon sens l'emporte sur toute la malveillance des salons et la métaphysique des niais. Il me suivrait en opposition de vous tous»...

по всей Франціи и пользовались большимъ сочувствіемъ публики, потому что «французскій народъ отъ природы пѣвунъ»—«le peuple français est naturellement chanteur». Правительство закрыло общество, и авторъ проекта находилъ это распоряженіе ошибочнымъ. Правительству скорѣе слѣдовало воспользоваться обществомъ въ своихъ цѣляхъ, т. е. «изъять изъ обращенія сатирическія пѣсни и замѣнить ихъ гимнами на торжественные случаи и военныя празднества». Цензоръ и предлагалъ полиціи возобновить общество, и былъ увѣренъ, что не пройдетъ и недѣли — въ Парижѣ и по всей странѣ разлетится множество chansons и они «распространятъ немного веселости, въ которой такъ нуждаются французы» [45]).

Министръ полиціи принялъ проектъ, но осуществленію его помѣшало новое военное предпріятіе Бонапарта—походъ въ Россію, заставившій вскорѣ французовъ запѣть совсѣмъ другимъ голосомъ.

Блюстители порядка и цезарской популярности, независимо отъ пѣсенъ, заказывали спеціально-веселыя драматическія и музыкальныя пьесы, чтобы разсѣять грустныя мысли «націи». Особое «бюро общественнаго настроенія», *le bureau de l'esprit public*, состоящее при полиціи, обязано было *distraire l'opinion*, т. е. всевозможными средствами настраивать на требуемый ладъ умы и сердца подданныхъ.

Все это, конечно, было извѣстно Наполеону, но онъ пребывалъ въ неизлѣчимомъ гипнозѣ, парилъ среди волшебныхъ сновидѣній и съ закрытыми глазами шелъ къ катастрофѣ.

Наполеонъ заявлялъ государственному совѣту, что весь народъ пойдетъ за нимъ въ какой угодно военный походъ, и не переставалъ грезить все новыми завоеваніями. А въ это самое время издавались поистинѣ варварскіе законы противъ дезертировъ. Безпрестанные наборы, не щадившіе никакихъ семейныхъ положеній, вызвали во всей странѣ неописанный ужасъ. Молодые люди калѣчили себя, рекруты бѣжали толпами, крестьяне скрывались отъ набора; въ 1811 году такихъ бѣглецовъ числилось 80.000 и былъ изданъ декретъ, безпримѣрный въ исторіи: отвѣтственность за дезертировъ переносилась на ихъ *отцовъ*, *братьевъ*, *сестеръ*, *опекуновъ*, даже на *трактирщиковъ* и цѣлыя *общины*. Наполеонъ приказалъ, чтобы военныя команды размѣщались на постой по деревнямъ, гдѣ жили родственники бѣглецовъ. Эти «адскіе отряды», какъ ихъ называли крестьяне, вели себя завоевателями непріятельской страны. Не было преступленія про-

[45]) Welchinger, 204—205.

тивъ собственности и нравственности, которое не разрѣшалось бы гарнизону [46]).

По дорогамъ Франціи безпрестанно встрѣчались толпы новобранцевъ,— избитыхъ, истомленныхъ, будто преступники—гонимыхъ эскадронами жандармовъ. Скоро запасъ совершеннолѣтней молодежи истощился, и пришлось набирать пятнадцатилѣтнихъ мальчугановъ, вести ихъ прямо на бойню, потому что они не успѣвали выучиться даже стрѣлять и отбивали себѣ пальцы. Объ этомъ фактѣ разсказывалъ самъ Наполеонъ на островѣ св. Елены. Но и тогда у него ни на минуту не промелькнула догадка о настоящемъ смыслѣ подобныхъ явленій. Онъ было обезпокоился извѣстіемъ, что солдаты даже въ сраженіи добровольно калѣчили себя, назначилъ военную коммиссію съ цѣлью жесточайшимъ образомъ наказать виновныхъ, но хирургъ доказалъ ему неопытность солдатъ, и Наполеонъ заявилъ себя «счастливымъ», подарилъ хирургу свой портретъ съ брилліантами, 6.000 франковъ и пенсію 3.000 [47]), какъ будто открытіе хирурга до такой степени могло быть утѣшительнымъ для полководца, не видѣвшаго конца-края своимъ военнымъ предпріятіямъ!

Такія сцены происходили въ лагерѣ. А внутри страны населеніе стонало отъ другого бѣдствія, тождественнаго по существу съ полицейскими гоненіями на печать, но еще болѣе чувствительнаго: оно всею тяжестью падало именно на ту націю, которая, по мнѣнію Наполеона, была въ восторгѣ отъ его правленія и его личности.

Мы уже знаемъ, какъ математически просто понималъ Наполеонъ внутреннюю политику,—столь же рѣшительно онъ покончилъ со всѣми вопросами внѣшней. Внутри—солдатъ и шпіонъ, извнѣ—тоже самое, только предметы воздѣйствія иные: тамъ человѣческое достоинство, гражданская свобода, слово и мысль подданныхъ, здѣсь—международныя права иностранцевъ.

«Континентальная система», столь же спеціально бонапартовское изобрѣтеніе, какъ и его «сѣть» изъ префектовъ-императо-

---

[46]) Современники разсказываютъ едва вѣроятныя мѣры, къ какимъ прибѣгали въ народѣ, лишь бы избѣгнуть военной службы. Такъ, напримѣръ, отцы многочисленныхъ семействъ освобождались отъ набора лишь въ томъ случаѣ, если въ семьѣ былъ новорожденный. Этотъ законъ повлекъ къ искусственнымъ преждевременнымъ родамъ: мать рѣшалась рисковать и своей жизнью и здоровьемъ дѣтей, лишь бы спасти отца семьи отъ солдатчины. Bondois. *O. c.* 296.

[47]) *Mémorial* I, 335—336. Хирургъ, баронъ Larrey, едва ли не единственный человѣкъ, удостоившійся вполнѣ положительнаго отзыва со стороны Наполеона. Ср. *Ib.* p. 691.

ровъ. Опять принципы, до послѣдней степени элементарные. Нужно во что бы то ни стало извести Англію, вѣрнѣйшее средство—оцѣпить ее кордономъ, въ особенности протянуть цѣпи и выставить штыки противъ всего англійскаго во Франціи. А что изъ этого произойдетъ для самой Франціи—это вопросъ праздный, даже не существующій.

Въ концѣ 1806 года былъ изданъ приказъ—закрыть французскіе порты для англійскихъ колоніальныхъ и мануфактурныхъ товаровъ. Легко представить, что воспослѣдовало въ результатѣ такой энергической политики! Французамъ предстояло во мгновеніе ока замѣнить англійскіе товары, и, конечно, множество продуктовъ даже первой необходимости не могло быть создано немедленно. Съ одной стороны начались банкротства коммерсантовъ, съ другой—страшный подъемъ цѣнъ, всецѣло падавшій на потребителя, все государство пришло въ невыносимое напряженіе, вѣковыя экономическія отношенія падали и увлекали за собой тысячи жертвъ. Контрабанда, разумѣется, попыталась придти на помощь, но наполеоновская полиція не дремала: на городскихъ площадяхъ запылали костры изъ незаконно-провезеннаго товара, населеніе сопровождало эти зрѣлища воплями и слезами, доносчики еще болѣе расплодились, а такъ какъ система была распространена на всю Европу, примкнула и Россія—французскій императоръ превратился въ универсальнаго жандарма, металъ угрозы во всѣ государства, передвигалъ войска по всѣмъ направленіямъ, пребывалъ въ какомъ-то длящемся пароксизмѣ гнѣва и злобы, и все это ради униженія Англіи!

И между тѣмъ, именно Англія менѣе всѣхъ страдала отъ чудовищной затѣи, а во Франціи и въ вассальныхъ государствахъ бѣдствія достигли высшаго предѣла. Въ 1811 году въ Европѣ исчезъ сахаръ, кофе, чай и даже хининъ. Нѣмцы перестали курить, голландцы—солить сельди: и то и другое являлось жесточайшимъ насиліемъ надъ исконными привычками націй, а въ Голландіи—подрывалась существенная отрасль промышленности. Наполеоновскія газеты восхваляли кофе изъ спаржи, чай изъ осиновыхъ листьевъ, сахаръ изъ виноградного сиропа...

Страшное раздраженіе охватило почти всю націю, въ особенности населеніе приморскихъ городовъ. Морская торговля упала окончательно и вѣковыя фирмы исчезли съ лица французской земли... А безумецъ продолжалъ грезить о своей необъятной популярности и даже въ изгнаніи говорить безъ конца о неисчислимыхъ благодѣяніяхъ, оказанныхъ Франціи его пятнадцатилѣтнимъ правленіемъ.

Любопытно, что Наполеонъ лично оказался не въ силахъ выполнить въ точности своей системы, во-первыхъ, просто потому, что она была вопіюще-безсмысленна, потомъ у Бонапарта нигдѣ и никогда не лежало въ основѣ дѣятельности *принципа*, а лишь себялюбивый практическій разсчетъ, и, наконецъ, сынъ Летиціи Буонапарте не могъ не воспользоваться своимъ изобрѣтеніемъ, какъ выгодной аферой. Онъ сталъ продавать монополіи на ввозъ колоніальныхъ товаровъ, разрѣшилъ ввозить изъ Голландіи во Францію товары подозрительнаго происхожденія—только за громадную пошлину—въ размѣрѣ половины всей цѣны продукта. Эта мѣра быстро доставила казнѣ громадныя суммы,—тогда Наполеонъ распространилъ ее на всю Европу...

Помимо экономическихъ бѣдствій, сколько было здѣсь тлетворныхъ нравственныхъ язвъ! Шпіонство, контрабанда, всякаго рода обманы и насилія распускались пышнымъ цвѣтомъ подъ руководствомъ и по примѣрамъ самого властителя! Въ то время, когда потоками лилась кровь молодыхъ поколѣній и нація истощалась и хирѣла физически, въ духовный организмъ народа проникали разлагающіе внутренніе недуги и грозили въ дѣйствительности осуществить восточный идеалъ правителя.

Но ни идеалъ, ни самъ идеалистъ, ни пути къ цѣли совершенно не подходили къ европейской сценѣ. Не даромъ, съ такимъ презрѣніемъ Наполеонъ обзывалъ Европу «норой». Противоестественность вещей, создаваемыхъ конкуррентомъ Магомета и Чингисъ-хана, чувствовалась всюду — въ народѣ, въ ненавистныхъ салонахъ, даже среди генераловъ и придворныхъ. Мы увидимъ, какъ народъ отвѣтилъ на развѣнчаніе цезаря иноземцами; пока онъ молчалъ, уклоняясь только отъ бонапартовскихъ тріумфовъ, побѣдъ и военной славы. Въ высшемъ обществѣ громко говорили о *началѣ конца—le commencement de la fin*: объ этомъ сообщилъ самъ Наполеонъ своимъ приближеннымъ [48]). Но ему стоило только поглубже заглянуть въ думы тѣхъ же приближенныхъ, и онъ прочелъ бы ясный и окончательный свой приговоръ:

«Императоръ—безумецъ, въ полномъ смыслѣ слова—безумецъ. Онъ всѣхъ насъ, какъ мы есть, ниспровергнетъ въ пропасть, и все это кончится ужасной катастрофой» [49]).

Ив. Ивановъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

---

[48]) Слова, обращенныя Наполеономъ къ адъютанту, генералу Нарбонну. Welchinger, 47.

[49]) Marmont. *Mémoires* III, 337. Слова того самаго министра, который сравнивалъ Наполеона съ Богомъ.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

«Сочиненія Н. А. Добролюбова», т. I. —Необыкновенная чистота его нравственной личности. — Добролюбовъ, какъ публицистъ.- Н. В. Шелгуновъ въ своихъ «Очеркахъ русской жизни».—«Современныя теченія» въ характеристикѣ г. Южакова.—Несправедливое отношеніе къ экономическому матеріализму.— О взаимныхъ отношеніяхъ, обязательныхъ въ публицистикѣ.

На зарѣ возрожденія русскаго общества, когда впервые оно приступило къ сознательной планомѣрной работѣ и отъ узко-личной перешло къ жизни общественной, встаетъ одинъ образъ, выдѣляющійся своей трагической красотой и нравственнымъ величіемъ среди окружающихъ его и не менѣе блестящихъ, и не менѣе талантливыхъ дѣятелей того времени. Юношески чистый, не запятнанный жизнью, чуждый низменныхъ стремленій обыденности, съ ея пошлостью и мелкими страстями, онъ возвышается надъ всѣми не силою ума, не громаднымъ талантомъ или знаніями. Его сила заключалась въ нравственной красотѣ, которую или надо признать и подчиниться ей, или отвергнуть и возненавидѣть, потому что она не допускаетъ никакихъ сдѣлокъ, колебаній, сомнѣній, на которыя такъ легко поддается толпа. Въ такой красотѣ есть всегда элементъ трагическаго, т.-е. того рокового, что неизбѣжно приводитъ въ столкновеніе съ жизнью, къ борьбѣ и смерти.

Когда Добролюбовъ, еще двадцатилѣтнимъ юношей, вступилъ въ литературу, онъ сразу занялъ то мѣсто, которое какъ бы для него было уготовано и ждало его. И онъ занималъ это мѣсто не только до смерти, но и послѣ оно осталось за нимъ, и опустѣвшее напоминало окружающимъ, что только другой, не уступающій Добролюбову въ нравственной высотѣ, можетъ замѣнить его. Но другого такого не было тогда, какъ не было послѣ, нѣтъ и теперь.

Вступивъ въ редакцію «Современника», Добролюбовъ засталъ въ ней не пустоту, а рядъ силъ и талантовъ, какими ни одна редакція ни въ то время, ни потомъ не могла блеснуть. Довольно назвать двоихъ—Некрасова и Чернышевскаго: одинъ уже при-

знанный всѣми поэтъ народной печали, другой—ученый и первый публицистъ. Около нихъ сгруппировались менѣе видные, изъ которыхъ каждый потомъ занялъ мѣсто въ литературѣ и запечатлѣлъ въ ней свое имя навсегда. Но и Некрасовъ, и Чернышевскій, безспорно превосходившіе Добролюбова талантомъ, опытомъ и знаніемъ, безпрекословно подчинились и отдали руководство журналомъ ему. Они почувствовали, что съ нимъ вошла въ журналъ новая сила, увѣнчавшая зданіе, сила, безъ которой ни талантъ, ни опытъ, ни знаніе не имѣютъ всей полноты совершенства, цѣльности и рѣшающаго значенія. Трогательно было видѣть, говорить г-жа Головачева, какъ относились къ нему его старшіе товарищи по журналу. Каждый день по утрамъ, разсказываетъ она, «къ чаю являлся Чернышевскій, чтобы пользуясь этимъ свободнымъ временемъ, поговорить съ Добролюбовымъ. Ихъ отношенія удивляли меня тѣмъ, что не были ни въ чемъ рѣшительно схожи съ взаимными отношеніями другихъ, окружавшихъ меня лицъ. Чернышевскій былъ гораздо старѣе Добролюбова, но держалъ себя съ нимъ какъ товарищъ». Некрасовъ въ своихъ отношеніяхъ шелъ еще дальше, и голосъ Добролюбова былъ для него рѣшающимъ, какъ, напр., въ исторіи разрыва съ Тургеневымъ, котораго Некрасовъ любилъ и какъ товарища, и какъ самаго талантливаго беллетриста въ журналѣ, занимавшаго тогда первое мѣсто въ литературѣ.

Въ чемъ же заключалась сила этого вліянія, почему вчера еще никому неизвѣстный юноша явился вдругъ рѣшителемъ судебъ одного изъ виднѣйшихъ журналовъ и повелъ за собой другихъ, превосходившихъ его во многихъ отношеніяхъ?

Сила эта заключалась въ обаяніи нравственной красоты, олицетворенной въ Добролюбовѣ съ такой полнотой, до которой послѣ него никто не возвысился, а до него могъ равняться съ нимъ въ этомъ отношеніи только Бѣлинскій, «неистовый Виссаріонъ», тоже не знавшій никакихъ сдѣлокъ съ совѣстью, прямодушный, чистый, служившій только тому, что признавалъ истиною. «Идеальное прямодушіе во всѣхъ литературныхъ отношеніяхъ, отсутствіе поклоненія какимъ бы то ни было авторитетамъ и заискиваній передъ громкими именами и знаменитостями, наконецъ, полное отрицаніе какихъ бы то ни было компромиссовъ, подлаживаній и уступокъ ради практическихъ соображеній»,—такими словами опредѣляетъ г. Скабичевскій характеръ литературной дѣятельности Добролюбова. Въ выдержкахъ изъ писемъ его и изъ воспоминаній Головачевой, г. Скабичевскій въ біографіи, составленной имъ для новаго (5-го) изданія О. Н. Поповой сочиненій Добролюбова, приводитъ

массу крайне характерныхъ для послѣдняго признаній и отзывовъ. «Редакція,—говорилъ Добролюбовъ,—обязана дорожить мнѣніемъ читателя, а не литературными сплетнями. Если бояться всѣхъ сплетень и подлаживаться ко всѣмъ требованіямъ литераторовъ, то лучше вовсе не издавать журнала; достаточно и того, что редакціи нужно сообразоваться съ цензурой. Пусть господа литераторы сплетничаютъ, что хотятъ; неужели можно обращать на это вниманіе и жертвовать своими убѣжденіями? Рано или поздно, правда разоблачится, а клевета, распущенная изъ мелочнаго самолюбія, заклеймитъ презрѣніемъ самихъ же клеветниковъ». Добролюбовъ, говоритъ Головачева, никогда не позволялъ себѣ примѣшивать къ своимъ отзывамъ о чьихъ-либо литературныхъ произведеніяхъ своихъ личныхъ симпатій и антипатій.

Мы привели эти отзывы, чтобы показать, въ чемъ и какъ проявлялась въ личныхъ отношеніяхъ та нравственная высота, на которой стоялъ Добролюбовъ. Сущность же ея заключалась въ идеѣ *долга,* которая проникаетъ дѣятельность Добролюбова, съ перваго выхода его на публицистическую арену и до могилы. Съ трогательной простотой, задушевностью и сжатостью, столь характерной для Добролюбова, онъ самъ лучше всего выразилъ этотъ основной мотивъ своей жизни въ извѣстномъ стихотвореніи:

Милый другъ, я умираю,
Потому что былъ я честенъ,
Но за то родному краю
Вѣрно буду я извѣстенъ.
Милый другъ, я умираю,
Но спокоенъ я душою...
И тебя благословляю:
Шествуй тою же стезею.

Онъ былъ олицетвореніемъ этой идеи и въ жизни, и въ литературѣ, и это придаетъ его облику что-то антично-суровое и скорбное. Въ немъ нѣтъ ни одной черты веселья или радости. Такимъ представляется судья, спокойный и неподкупный, безстрастный и неумолимый. Это чувствовалъ каждый, подходя къ нему, и отсюда та ненависть, которую онъ возбуждалъ въ однихъ, и то безграничное уваженіе, которое питали къ нему окружающіе, и то вліяніе, которое онъ имѣлъ въ литературѣ. Можно было не соглашаться съ его приговоромъ, но нельзя было его заподозрить. Жизнь не выноситъ такихъ людей, и въ этомъ трагизмъ ихъ судьбы. Онъ долженъ былъ умереть на зарѣ своихъ дней, такъ какъ поднялъ тяжесть не по силамъ для смертнаго.

Роковой недугъ, уложившій его въ могилу двадцати пяти лѣтъ, когда люди только-только вступаютъ въ жизнь, явился результа-

томъ не одной слабости организма, но и громаднаго, непосильнаго труда, который несъ Добролюбовъ, не уклоняясь ни на минуту отъ выполненія долга. «Надо было удивляться,—говоритъ Головачева,—когда Добролюбовъ успѣвалъ перечитывать всѣ русскіе и иностранные журналы, газеты, всѣ выходящія новыя книги, массы рукописей, которыя приносились и присылались въ редакцію. Авторамъ не нужно было по нѣскольку разъ являться въ редакцію, чтобы узнать объ участи своей рукописи. Добролюбовъ всегда прочитывалъ рукопись къ тому дню, который назначенъ автору. Много времени терялось у Добролюбова на бесѣды съ новичками-писателями, желавшими узнать его мнѣніе о недостаткахъ своихъ первыхъ опытовъ. Если Добролюбовъ видѣлъ какія-нибудь литературныя способности въ молодомъ авторѣ, то охотно давалъ совѣты и поощрялъ къ дальнѣйшимъ работамъ. Не мало времени и труда нужно было употребить также на исправленіе нѣкоторыхъ рукописей. Наконецъ, приходилось безпрестанно отрываться отъ дѣла для объясненій съ разными лицами и вѣдомствами. Оставалась затѣмъ своя работа—писаніе статей, за которой онъ часто засиживался до 4 часовъ ночи». Почти пять лѣтъ такой гигантской работы изо дня въ день—и то очень много.

Къ этому необходимо присоединить недовѣріе къ себѣ, то мучительное «святое недовольство», которое заставляетъ человѣка напрягать свои силы черезъ мѣру, чтобы хотя на мигъ приблизиться къ выношенному въ душѣ идеалу. По вѣрному замѣчанію г. Скабичевскаго, Добролюбову было свойственно истинное величіе души, заключающееся «въ отсутствіи кичливости умомъ, знаніемъ, положеніемъ, въ отсутствіи всякаго самодовольства и рисовки». Уже стоя во главѣ литературы, направляя ее и давая ей тонъ, этотъ человѣкъ пишетъ къ своей пріятельницѣ: «Мнѣ горько признаться вамъ, что я чувствую постоянное недовольство самимъ собой и стыдъ своего безсилія и малодушія. Во мнѣ есть убѣжденіе (очень вѣроятно, что и несправедливое) въ томъ, что я по натурѣ своей не долженъ принадлежать къ числу людей дюжинныхъ и не могу пройти въ своей жизни незамѣченнымъ, не оставивъ никакого слѣда по себѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, я чувствую совершенное отсутствіе въ себѣ тѣхъ нравственныхъ силъ, которыя необходимы для поддержки нравственнаго превосходства. Тоска и негодованіе охватываетъ меня, когда я вспоминаю о своемъ воспитаніи и прохожу въ умѣ то, надъ чѣмъ я до сихъ поръ бился... Пора ученья прошла. А работа моя, къ несчастью, такая, что учить другихъ надобно... Иногда мнѣ приходится встрѣчать людей тупыхъ и безполезныхъ, но громадными средствами обла-

дающихъ для образованія и развитія себя. Тогда я думаю, если бы я такъ былъ воспитанъ если бы я столько зналъ и имѣлъ средства—какой бы замѣчательный человѣкъ изъ меня вышелъ!.. Но за неимѣніемъ этого, я работаю—пишу кое-какъ;—и какъ же вы хотите, чтобы мое писаніе составляло для меня утѣшеніе и гордость? Я вижу самъ, что все, что я пишу, слабо, плохо, старо, безполезно, что тутъ виденъ только безплодный умъ, безъ знаній, безъ данныхъ, безъ опредѣленныхъ практическихъ взглядовъ. Поэтому, я и не дорожу своими трудами, не подписываю ихъ и очень радъ, что ихъ никто не читаетъ...» Не правда ли, эта критика несравненно суровѣе всего, что было написано съ тѣхъ поръ разными врагами Добролюбова?

И въ этомъ не было никакой дѣланности или рисовки. Головачева приводитъ тяжелую сцену наканунѣ смерти Добролюбова. «Добролюбовъ схватился за голову и съ отчаяніемъ произнесъ: «Умирать съ сознаніемъ, что не успѣлъ ничего сдѣлать... Ничего! Какъ зло насмѣялась надо мной судьба!.. Пусть бы раньше послала мнѣ смерть! Хоть бы еще года два продлилась моя жизнь, я успѣлъ бы сдѣлать хоть что-нибудь полезное... теперь ничего, ничего!» Онъ упалъ со стономъ на подушки, стиснулъ зубы, закрылъ глаза, и слезы потекли по его впалымъ щекамъ...»

Литературные гады, тщетно силящіеся доказать ничтожество Добролюбова, должны быть довольны этой сценой: ихъ мнѣніе сходится съ отзывомъ его самого о своей работѣ. Чего же лучше?..

Не такъ думали его окружающіе, и вся тогдашняя литература, прямо или косвено, признала вліяніе этой удивительной личности. Судьба многихъ дѣятелей бываетъ довольно печальна. Одни изъ нихъ кажутся при жизни очень большими единицами, но чѣмъ дальше мы уходимъ отъ нихъ, тѣмъ болѣе мельчаетъ ихъ образъ, пока совершенно не сольется съ общимъ фономъ. Другіе переживаютъ себя еще при жизни, и стоятъ, какъ развалины, свидѣтельствуя о быломъ величьи. И только немногіе становятся лишь яснѣе, выше, глубже и величавѣе, по мѣрѣ того, какъ время очищаетъ ихъ память, сглаживаетъ шероховатости и устраняетъ будничный налетъ, не чуждый самымъ великимъ и сильнымъ душамъ. Добролюбовъ принадлежитъ, безспорно, къ послѣднему типу. Никто не подвергался такой ожесточенной критикѣ и при жизни, и долго спустя, вплоть до нашихъ дней, какъ онъ, и образъ его сталъ еще чище и обаятельнѣе, значеніе его еще болѣе всеобъемлющимъ, вліяніе возвышеннѣе. Теперь онъ представляется намъ величественной горой, вершина которой, озаренная солнцемъ возрожденія, распространяетъ ослѣпительный блескъ, проникающій

въ самые темные закоулки дореформенной жизни. Отраженіе этого свѣта доходитъ и до насъ, такъ какъ и мы, въ большей или меньшей степени, пользовались и пользуемся его лучами, руководясь въ своихъ исканіяхъ истины тѣмъ направленіемъ, которое они освѣщаютъ.

Это направленіе можетъ быть опредѣлено двумя словами: демократическій принципъ. Добролюбовъ первый ясно и опредѣленно формулировалъ его, положилъ въ основу всей своей дѣятельности и далъ тонъ, котораго неизмѣнно держалась литература съ тѣхъ поръ. Долгъ передъ народомъ—вотъ идея того долга, которому Добролюбовъ посвятилъ себя и отъ котораго не допускалъ отступленій, выступая безпощаднымъ критикомъ всего, что противорѣчило этому долгу или противилось ему. Отсюда вытекаетъ та служебная роль, которую онъ отводилъ и литературѣ, и интеллигенціи. «По существу своему, литература не имѣетъ дѣятельнаго значенія; она только или предлагаетъ то, что нужно сдѣлать, или изображаетъ то, что дѣлается и сдѣлано. Въ первомъ случаѣ она беретъ свои матеріалы и основанія изъ чистой науки, во второмъ—изъ самихъ фактовъ жизни. Такимъ образомъ, вообще говоря, литература представляетъ собою *силу служебную*, которой значеніе состоитъ въ пропагандѣ, а достоинство опредѣляется тѣмъ, что и какъ она пропагандируетъ». Дальше онъ указываетъ и содержаніе этой проповѣди литературы, которая устами дѣятелей «должна проводить въ сознаніе массъ то, что скрыто передовыми дѣятелями человѣчества, раскрываетъ и поясняетъ людямъ то, что въ нихъ живетъ еще смутно и неопредѣленно». Таково же значеніе и интеллигенціи, къ которой Добролюбовъ относился скептически и отрицательно, сравнивая ее съ Обломовымъ, у котораго всегда къ услугамъ «300 Захаровъ».

Добролюбовъ ввелъ въ литературу народъ, въ которомъ онъ видѣлъ «воплощеніе всѣхъ своихъ высшихъ нравственныхъ идеаловъ» и «единственную надежду на возрожденіе общества» (г. Скабичевскій въ упомянутой біографіи). Но Добролюбовъ не былъ «народникомъ» въ современномъ смыслѣ. Ему была совершенно чужда мысль о бюрократической опекѣ, которая лежитъ въ основѣ современнаго народничества. Для него народъ былъ могучей силой, которая нуждается только въ свободныхъ условіяхъ для полнаго развитія и расцвѣта. Роль интеллигенціи и заключается, по его мнѣнію, въ выясненіи этихъ условій, а отнюдь не въ руководительствѣ, тѣмъ болѣе опекѣ надъ народомъ, какъ надъ какимъ-то несовершеннолѣтнимъ, котораго только предоставь самому себѣ, и онъ, Богъ знаетъ, что натворитъ.

Что касается различныхъ факторовъ, вліяющихъ на развитіе силъ народа, то Добролюбовъ стоялъ на той точкѣ зрѣнія, которая очень близка къ тому, что принято теперь называть доктриной экономическаго матеріализма. Въ замѣткѣ «Жизнь Магомета», «Первые годы царствованія Петра Великаго» и другихъ онъ проводитъ то положеніе, что личность всецѣло зависитъ отъ внѣшнихъ условій и обстоятельствъ, что историческіе дѣятели безсильны предъ общимъ ходомъ исторіи, если имъ не благопріятствуютъ обстоятельства и условія культуры. «Человѣкъ не творитъ ничего новаго, а только перерабатываетъ существующее». «Историческая личность, даже и великая, составляетъ не болѣе, какъ искру, которая можетъ взорвать порохъ, но не воспламенитъ камней и сама тотчасъ потухнетъ, если не встрѣтитъ матеріала, скоро загорающагося», а «этотъ матеріалъ всегда подготовляется обстоятельствами историческаго развитія народа, и, вслѣдствіе историческихъ-то обстоятельствъ, и являются личности, выражающія въ себѣ потребности общества и времени». Тоже повторяется имъ въ статьѣ «О степени участія народности въ развитіи русской литературы», въ замѣткѣ о Полежаевѣ, стихотвореніяхъ Плещеева и т. п. Чисто экономической стороны доктрины онъ не касался, предоставивъ ее вѣдѣнію болѣе свѣдущаго своего товарища, который и далъ ей въ общемъ обоснованіе, весьма близкое къ современному.

Въ теченіе сорока лѣтъ, прошедшихъ со времени выступленія Добролюбова въ литературѣ, идеи, имъ внесенныя, не могли оставаться безъ движенія. Произошла естественная эволюція во взглядахъ и на литературу, и на интеллигенцію и ея отношеніе къ народу. Но проникающій Добролюбова демократическій принципъ остался въ литературѣ неизмѣннымъ. Скептицизмъ и отрицательное отношеніе къ интеллигенціи исчезли, интеллигенція сознала себя, какъ неразрывную часть народа, составляющую въ немъ все то, что стремится къ сознательной жизни, желаетъ жить, чтобы,— по слову Пушкина,—«мыслить и страдать». Исчезло и подчиненное отношеніе ея къ народу, вмѣстѣ съ понятіемъ «долга», которое теперь замѣняется понятіемъ общности, тожественности интересовъ народа и интеллигенціи. Словомъ, принципъ, впервые съ опредѣленностью, не допускающей сомнѣній и колебаній, уступокъ и сдѣлокъ, высказанный Добролюбовымъ, эволюціонировалъ въ направленіи глубоко демократическомъ—отъ подчиненія народу къ равенству съ народомъ.

Свои взгляды Добролюбовъ проводилъ съ художественной ясностью и сосредоточенной силой выраженія. Слогъ его чистъ,

силенъ, проникнутъ сдержанной страстью, что придаетъ ему почти классическую пластичность, какую мы встрѣчаемъ у Тацита. Его иронія убійственна, сарказмъ ядовитъ, а глубокая скорбь, которая постоянно чувствуется въ лучшихъ его статьяхъ, какъ отраженіе его скорбной натуры,—сжимаетъ сердце. Читая его, никогда не засмѣешься, много-много, если невеселая улыбка мелькнетъ на лицѣ и исчезнетъ, потому что изъ-за самыхъ остроумныхъ фразъ вамъ чудятся строгіе и грустные глаза. Вы постоянно чувствуете, что, «раздѣлывая» какого-нибудь Ведрова съ неподражаемымъ остроуміемъ, авторъ имѣетъ въ виду не злополучнаго Ведрова, который для него ничто, а васъ, читателя, котораго онъ учитъ критически мыслить и критически относиться къ себѣ. Добролюбовъ никогда не разбрасывается, не отвлекается въ сторону,—увлекая читателя, онъ самъ никогда не увлекается, что дѣлаетъ его логику неотразимой. Еще одна отличительная черта произведеній Добролюбова—ихъ удивительная свѣжесть. Не смотря на сорокалѣтній (почти) возрастъ, они производятъ такое впечатлѣніе, какъ будто написаны вчера. Въ вышедшемъ первомъ томѣ, напримѣръ, есть небольшая замѣтка о «библіотекѣ римскихъ писателей въ русскомъ переводѣ» Клеванова,—замѣтка, какихъ тысячи появляются въ текущей печати, чтобы мелькнуть передъ читателемъ и исчезнуть безслѣдно. Между тѣмъ, замѣтка Добролюбова и теперь производитъ сильное впечатлѣніе и врядъ ли забудется прочитавшимъ. Гдѣ же причина этой свѣжести и силы впечатлѣнія? Намъ кажется, что, кромѣ таланта, съ которымъ написаны всѣ эти замѣтки, яркости мысли и художественности выраженія, причина заключается въ общемъ ихъ направленіи, въ идейной связи съ тѣмъ демократическимъ принципомъ, который объединяетъ всѣ произведенія Добролюбова и связываетъ его съ современнымъ читателемъ. И пока не измѣнится кореннымъ образомъ общественная психологія, до тѣхъ поръ сочиненія Добролюбова не утратятъ своего значенія и вліянія, сколько бы ни старались ихъ пошатнуть разные литературные микробы.

Прямую противоположность Добролюбову по темпераменту мы видимъ въ Н. В. Шелгуновѣ, какимъ онъ вырисовывается въ своихъ «Очеркахъ русской жизни». Изъ-за каждой строчки выглядываетъ умное, добродушное лицо, съ чуть-чуть лукавой усмѣшкой посматривающее на своихъ противниковъ, когда, напр., г. Абрамовъ или какой-либо «толстовецъ» наскакиваетъ на него съ непремѣннымъ желаніемъ «разнести» этого «шестидесятника» во славу «восьми-

десятниковъ». Шелгуновъ парируетъ ударъ мягко, какъ-то стыдясь за тѣ удары, которые самъ наноситъ, желая усовѣстить, убѣдить своихъ оппонентовъ, пристыдить ихъ, доказавъ, что ихъ поведеніе недостойно. Въ немъ не чувствуется ни малѣйшей горечи и злости, самое большее, если у него прорвется иногда рѣзкое слово негодованія, и онъ снова впадаетъ въ обычный ему спокойно-убѣдительный тонъ.

Его «Очерки», собранные заботливой и умѣлой рукой, даютъ превосходный матеріалъ для исторіи внутренней жизни нашего общества въ восьмидесятые годы. Въ нихъ можно прослѣдить тѣ незамѣтныя измѣненія въ общественномъ настроеніи, которыя повели въ общемъ къ существенной перегруппировкѣ силъ. Слѣдя изъ мѣсяца въ мѣсяцъ за фактами текущей жизни и ихъ отраженіемъ въ литературѣ, Шелгуновъ собралъ массу данныхъ, разсѣянныхъ въ многочисленныхъ статьяхъ, корреспонденціяхъ, бѣглыхъ замѣткахъ, и объединилъ ихъ рядомъ общихъ положеній и выводовъ, къ которымъ онъ самъ приходитъ или которые отмѣчаетъ у своихъ противниковъ.

Первое, что бросается въ глаза при бѣгломъ просмотрѣ «Очерковъ», это большое мѣсто, отводимое въ нихъ вопросу о личности, ея идеалахъ, самоопредѣленіи, цѣляхъ жизни и ея безсиліи найти себѣ широкую и свободную дорогу къ прогрессу. Очень характеренъ въ этомъ отношеніи споръ Шелгунова съ г. Д. Ж., проводившимъ въ «Недѣлѣ» ту мысль, что для интеллигенціи нѣтъ иного пути, какъ отказаться отъ умственной работы, которая всегда не свободна, и взяться за любой «свободный трудъ». Въ видѣ примѣра, авторъ приводитъ трудъ лавочника въ деревнѣ. Шелгуновъ, съ тонкимъ юморомъ изложивъ аргументацію г. Д. Ж., заканчиваетъ свои возраженія общей характеристикой мысли этого «кающагося» интеллигента:

«Это именно атавизмъ мысли, атавизмъ, понемногу и незамѣтно отравляющій насъ все болѣе и болѣе, до того, наконецъ, что люди перестаютъ различать черное отъ бѣлаго и съ самыми искренними намѣреніями тащутъ щипцы, чтобы погасить и послѣдній мерцающій огарокъ мысли. И это вовсе не знаменіе времени. Это обычный фактъ во времена, подобныя нынѣшнему, когда первыя скрипки въ оркестрѣ молчатъ, потому что для нихъ наступила пауза, и играть начинаютъ третьи скрипки да барабанщики. И г. Д. Ж. съ самыми благожелательными цѣлями открываетъ шествіе назадъ, не подозрѣвая, что по этому скользкому пути можно идти только подъ гору. Теперь, на первый разъ, г. Д. Ж. разулъ интеллигента и сдѣлалъ его лавочникомъ, но потомъ онъ уже заставитъ его идти и «въ кусочки». И все это ради того, чтобы создать «свободнаго человѣка», не продающаго никому своего труда и своей совѣсти. Еще не такъ давно никому бы не пришло въ голову выставлять для интеллигента деревенскаго лавочника цѣлью стре-

мленій и идеаломъ гражданственности; тогда у насъ были въ оборотѣ все-таки кое-какія идеи общественнаго блага, имѣлся и нѣкоторый политическій смыслъ, и нѣкоторый политическій тактъ. Теперь все это закрылось какимъ-то пластомъ, очутилось подъ спудомъ и мы едва подаемъ признаки своего интеллектуальнаго существованія» (стр. 322—23).

Исканіе личнаго успокоенія, на почвѣ смутныхъ общихъ идеаловъ личной свободы и совѣсти, опять повторилось въ проповѣди «малыхъ дѣлъ», съ которою шумно выступила часть печати, и Шелгуновъ снова отмѣчаетъ шагъ назадъ, въ сторону отъ развитія общественности и истинно-народныхъ интересовъ. Проповѣдники мелкой культурной работы рѣзко заявили, что не имѣютъ ничего общаго съ предшествовавшимъ поколѣніемъ, признавая его задачи неосуществимыми и несущественными. Тогда (т. е. въ шестидесятые годы) общество увлекалось общими схемами, упуская изъ виду мелочи, изъ которыхъ и слагается жизнь. Теперь нѣтъ крупныхъ вопросовъ, нѣтъ того оживленія, какое замѣчалось вездѣ тогда, но за то дѣлается масса маленькихъ дѣлъ, вопросы разбились на отдѣльныя составныя части, и задача современности въ проведеніи ихъ въ жизнь. Отсюда, при видимомъ пониженіи тона, фактическое расширеніе жизни, что и замѣчается въ ростѣ печати, въ усиленіи земской дѣятельности и проч. Шелгунова изумляетъ прежде всего озлобленность проповѣдниковъ практичности противъ движенія мысли, какъ-будто «она и есть тотъ самый врагъ, который всему мѣшаетъ и котораго, поэтому, нужно унизить, смѣшать съ грязью, уничтожить». Что же такое случилось, спрашиваетъ онъ, чтобы естественный законъ преемственности мысли былъ объявленъ не существующимъ, — и даетъ прекрасный отвѣтъ о значеніи индиферентизма къ общественному движенію мысли. «Считая главною, первою своею задачею практическую дѣятельность на помощь народу, «фракція» эта соприкасается своею программою съ программой любого изданія, ибо «народъ», «помощь народу», «изученіе положенія народа» есть общая программа всей русской печати, слѣдовательно, писатели этой фракціи могутъ считать себя сотрудниками всей русской печати. Понятное движеніе этой фракціи объясняется весьма просто—ея практичностью и желаніемъ оказать народу существенную ближайшую помощь; но существенная помощь не должна бы, казалось, вести къ той страстности, съ какой фракція относится къ недавнему движенію мысли, изъ котораго она сама вышла и въ которомъ она какъ бы видитъ себѣ помѣху». Такая непослѣдовательность кажется Шелгунову проявленіемъ невѣрнаго пониманія роли и значенія интеллигенціи у насъ. Здѣсь онъ даетъ опредѣленіе интеллигенціи, близкое къ

тому, которое мы привели выше, какъ эволюцію этого понятія со времени Добролюбова.

«Не все, что интеллигентно, дает прогрессивно-историческое направленіе и движеніе жизни Россіи, и только то, что дѣйствительно идейно, прогрессивно. Собственно интеллигенція есть та неуловимая лабораторія, не имѣющая ни мѣста, ни числа, которая вырабатывает извѣстную идейную руководящую властную силу, подчиняющую себѣ всѣ остальныя силы. Это умственная атмосфера, образующаяся изъ очень разнообразныхъ, но однородныхъ умственныхъ теченій, составляющихъ одно гармоническое направляющее цѣлое. Да, именно атмосфера, которой дышетъ всякій живой человѣкъ, подобно тому, какъ онъ дышетъ обыкновеннымъ воздухомъ. Онъ черпаетъ изъ этой атмосферы свою умственную силу, крѣпость и здоровье, также какъ изъ обыкновеннаго воздуха черпаетъ свое физическое здоровье и свою физическую силу. Интеллигенція не образуетъ собою никакой юридической единицы. Она не корпорація, не сословіе, ея права и обязанности не установлены и не опредѣлены закономъ и не регламентированы никакими правилами, инструкціями или формами. Это совершенно свободная сила, подчиняющаяся въ своемъ идейномъ творчествѣ только одному закону мысли и велѣніямъ той дѣйствительности, которой онъ служитъ. Это кормчій, стоящій у компаса, а не у руля, и указывающій, куда плыть, это лоцманъ, слѣдящій за фарватеромъ, выкрикивающій, гдѣ какая глубина и гдѣ лежатъ камни и мели. И эту роль интеллигенціи можно прослѣдить во всѣхъ нашихъ большихъ и малыхъ внутреннихъ дѣлахъ. Интеллигенція всегда стояла на стражѣ ихъ, всегда зорко слѣдила за всѣми движеніями общественной жизни и всегда являлась высшимъ разумомъ и источникомъ уравновѣшеннаго сужденія, стоящаго выше всего частнаго, случайнаго, временнаго и искавшаго справедливаго разрѣшенія только въ общемъ» (стр. 853).

Съ этой точки зрѣнія относится Шелгуновъ и къ тому противо - культурному теченію, которое выразилось въ стремленіи части интеллигентовъ къ «опрощенію». Корни его онъ видѣлъ въ томъ же пониженіи общественной мысли, что и для проповѣди малыхъ дѣлъ. Явись такое ученіе въ шестидесятые годы, оно прошло бы въ лучшемъ случаѣ незамѣченнымъ, или же вызвало бы общее негодованіе. Широкое, захватывающее всѣхъ движеніе общественной мысли не давало мѣста вопросамъ узкой личной морали, ставящей личность центромъ жизни. Но разница между обоими теченіями, противъ которыхъ боролся Шелгуновъ, очень велика. Первое, сводящее все къ практичности, держалось «исключительно гражданской почвы» и не только старалось опредѣлить, «что можно и чего нельзя, но и пыталось установить новую общественно-гражданскую истину и такой новый теоретическій принципъ, который былъ бы осуществимъ на практикѣ. А такъ какъ подобнаго принципа въ предъидущихъ опытахъ послѣдователи его не усмотрѣли, а одни стремленія къ идеалу ихъ не удовлетворяли, то они и рѣшили, что слѣдуетъ предоставить жизни идти сама собой, въ тѣхъ рамкахъ и при тѣхъ дѣятельныхъ силахъ, которыя даютъ

ей движеніе, цвѣтъ, характеръ и направленіе теперь, и пока ограничиться лишь наблюденіемъ того, что свершается въ жизни, не относясь къ этому ни съ какой предвзятой теоріей». Толстовцы тоже не удовлетворялись предшествующими попытками рѣшенія общественныхъ вопросовъ, но пришли къ отрицанію всего, всей цивилизаціи, вычеркнувъ общественную и гражданскую жизнь цѣликомъ. Но какой же результатъ они предвидѣли и чего собственно могли ожидать?

«Предположите,—отвѣчаетъ Шелгуновъ,—что обскурантное ученіе проповѣдниковъ морали становится настолько сильнымъ, что увлекаетъ за собой хоть 100.000 интеллигентныхъ людей и преимущественно молодежи, и всѣ эти люди «садятся на землю». Да, вѣдь, это же такое общественное бѣдствіе и такой общественный минусъ, передъ которымъ должно поблекнуть нашествіе десяти Тамерлановъ и Аттилъ. Сто тысячъ, вынутые изъ нашего скуднаго запаса образованныхъ и интеллигентныхъ людей и омужиченные ради того лишь, что «интеллигентъ долженъ отдать свой долгъ народу и своими руками добывать себѣ насущный хлѣбъ»,—это не только общественный абсурдъ, но и тягчайшее общественное преступленіе, которое должно бы вызвать проклятіе на главу проповѣдниковъ этого безбожнаго и бездушнаго избіенія людей, можетъ быть, даже лучшихъ нашихъ людей, ибо идутъ за нашими проповѣдниками только энтузіасты и люди, способные жертвовать собою ради нравственныхъ общественныхъ цѣлей» (стр. 1072).

Такимъ образомъ, изъ этихъ выписокъ мы видимъ, какимъ тонкимъ наблюдателемъ современныхъ ему теченій мысли является Шелгуновъ въ своихъ «Очеркахъ». Оставаясь вполнѣ человѣкомъ шестидесятыхъ годовъ, онъ прекрасно оріентируется среди нихъ, отводя каждому подобающее мѣсто, не смотря на ихъ противорѣчивость. Онъ не забываетъ также указать, гдѣ слѣдуетъ искать ихъ корни, и въ той же толстовской личной морали видитъ окончательную фазу идеи долга народу, явившагося какъ проявленіе потребности уплатить народу цѣну созданнаго народомъ прогресса, дворянской интеллигенціи и ея наслѣдственныхъ состояній. Но, добавляетъ онъ, «освобожденіе крестьянъ выдвинуло еще и другую группу, ничего общаго съ этой группой не имѣющую, группу иного, новаго происхожденія, вышедшую изъ того же народа и вмѣстѣ съ нимъ послужившую на созданіе нашей дворянской интеллигенціи,—эту новую общественную группу составилъ разночинецъ», которому «не въ чемъ каяться и отдавать долгъ некому».

Къ нашимъ днямъ эти теченія, только намѣчавшіяся въ восьмидесятые годы, болѣе или менѣе оформились, и очень жаль, что Шелгунову не пришлось дожить до этого момента. Его мягкій темпераментъ и спокойный, объективный анализъ не мало содѣйствовалъ бы выясненію взаимныхъ отношеній, а вѣское, авторитетное слово послужило бы къ мирному дебатированію спорныхъ

вопросовъ, которые, какъ сейчасъ увидимъ, трактуются теперь не всегда въ духѣ «любви къ истинѣ».

Разбираясь въ различныхъ направленіяхъ, Шелгуновъ, между прочимъ, высказываетъ и свою точку зрѣнія, не имѣющую ничего общаго ни съ практическимъ духомъ проповѣдниковъ малыхъ дѣлъ, ни съ отрицаніемъ цивилизаціи опростителей, ни съ отдачей долга народу. Чтобы выяснить свое направленіе, онъ приводитъ слѣдующую выписку изъ Фюстель де-Куланжа.

«Всегда и вездѣ,—говоритъ послѣдній,—форма владѣнія землею является однимъ изъ главныхъ элементовъ, опредѣляющихъ характеръ общественнаго и политическаго строя. По отношенію къ нашему времени, эта истина не имѣетъ того значенія, какое слѣдуетъ признать за нею для болѣе древнихъ періодовъ исторіи. Въ послѣднія четыре столѣтія наши общества сдѣлались болѣе сложными организмами. Будущему историку, который черезъ нѣсколько вѣковъ пожелаетъ узнать наши теперешнія учрежденія, придется изучить многое другое помимо поземельнаго строя. Ему придется отдать себѣ отчетъ въ томъ, чѣмъ являлась у насъ фабрика и что представляло собою населеніе работающее на ней. Онъ будетъ стараться понять нашу биржу, наши финансовыя предпріятія, нашу журналистику и все, что съ нею связано. Онъ вынужденъ будетъ прослѣдить одинаково, какъ исторію денегъ, такъ и поземельную исторію, какъ исторію машинъ, такъ и исторію людей. Исторія науки и всѣхъ профессій, съ нею соприкасающихся, будетъ имѣть для него огромное значеніе. Наши взгляды, истинные и ожные, и всѣ разнообразныя проявленія нашей духовной жизни будутъ имѣть для него большую цѣну Чтобы понять наши политическія движенія, онъ долженъ будетъ заняться не только тѣмъ классомъ, въ рукахъ котораго сосредоточивается земельная собственность, ему придется обратить вниманіе и на тѣ два класса, которые не владѣютъ землей: съ одной стороны, на тотъ, который обнимаетъ собою такъ-называемыя либеральныя профессіи, съ другой — рабочій классъ. Онъ долженъ будетъ измѣрить то вліяніе, какое каждый изъ нихъ оказываетъ на общественныя дѣла... И все это историки должны изучить не изъ простого любопытства. Исторія не есть собраніе всякаго рода событій, совершившихся въ прошломъ; исторія—наука человѣческихъ обществъ. Ея задача—узнать, какъ образовались эти общества. Она должна изучить, подъ дѣйствіемъ какихъ силъ они управлялись, т.-е. какія силы поддерживали связь и единство каждаго изъ нихъ. Она изслѣдуетъ тѣ органы, которыми общества жили, т. е. ихъ право, ихъ общественную экономію, ихъ привычки, духовныя и матеріальныя. Каждое изъ этихъ обществъ было живымъ существомъ...» (стр. 900).

Такую программу, говоритъ онъ, выработали себѣ не одни только историки. «Европейскій умъ пользуется ею и для сужденія о настоящемъ». Русскій умъ познакомился съ нею въ шестидесятые годы, но съ тѣхъ поръ произошло дальнѣйшее расчлененіе этой программы, отъ которой «откололись» два современныхъ теченія, какъ отмѣчаетъ г. Южаковъ въ только-что изданной имъ книгѣ «Соціологическіе этюды».

Во второй главѣ введенія—«Современныя теченія», онъ указываетъ, что, «съ одной стороны, откололись «народники», съ другой,—шумно заявляютъ о своемъ существованіи и обособленіи экономическіе матеріалисты новѣйшей формаціи». И тѣхъ, и другихъ авторъ не одобряетъ, видя въ обоихъ «теченіяхъ» признакъ «безнадежности, недальновидности и малодушія» извѣстной части общества. Въ особенности достается экономическому матеріализму, который «является однимъ изъ порожденій умственнаго шатанія и сомнѣнія». Въ обоихъ теченіяхъ онъ находитъ много общаго, прежде всего то первенствующее значеніе, которое придается экономическимъ условіямъ.

«Современное народничество въ значительной степени соотвѣтственно современному экономическому матеріализму, хотя, повидимому, и состоитъ съ нимъ въ самомъ крайнемъ противорѣчіи. Начать съ того, что и народники, и матеріалисты придаютъ исключительное значеніе экономикѣ національной жизни. Далѣе, и тѣ, и другіе впадаютъ въ исключительность, одни рекомендуя исключительно самобытность, другіе—заимствованіе. Для однихъ традиціонные устои такъ же палладіумъ, какъ для другихъ капитализмъ. Тѣ и другіе страдаютъ своего рода историческимъ дальтонизмомъ, не видя или не желая видѣть цѣлыхъ сторонъ исторической дѣйствительности. Одни, укрываясь за малыми дѣлами и маленькими вопросами отъ крупныхъ явленій и широкихъ проблеммъ, не допускаютъ возможности капиталистическаго процесса у насъ. Другіе, ослѣпленные яркимъ маревомъ (?) западноевропейскаго быта, упорно закрываютъ глаза передъ невозможностью такого же процвѣтанія капитализма у насъ. Тѣ и другіе ищутъ выхода въ одностороннемъ исключительномъ рѣшеніи: *погибай все, лишь бы спасти экономическіе устои самостоятельнаго народнаго хозяйства* (курсивъ автора, какъ и далѣе), восклицаютъ одни, не понимая, что со *всѣмъ другимъ* непремѣнно погибнутъ и эти Устои; *пусть раззоряется народъ, но да торжествуетъ вмѣстѣ съ капитализмомъ высшая культура*, возглашаютъ другіе, не понимая, что раззорить народъ капитализмомъ возможно и у насъ, а насадить высшую культуру такой цѣной, пожалуй и не удастся» (стр. 36).

У г. Южакова есть одна faculté maitresse—выражаясь языкомъ Тэна—господствующая особенность, именно склонность къ схемѣ. Такая особенность дѣлаетъ его несправедливымъ, какъ къ народникамъ, такъ и къ экономическимъ матеріалистамъ. Мы не помнимъ ни одного представителя народниковъ, который такъ странно формулировалъ бы свои желанія. Но еще болѣе несправедливымъ оказывается г. Южаковъ, приписывая экономическимъ матеріалистамъ приводимую имъ формулу. Откуда онъ ее позаимствовалъ, извѣстно ему самому, но врядъ ли можно повѣрить г. Южакову, при всемъ нашемъ уваженіи къ нему, что экономическіе матеріалисты, съ одной стороны, такъ жестокосердечны, съ другой—такъ непроходимо глупы. Въ самомъ дѣлѣ, подумать только, что это за «статуй безчувственный», кто бы помыслилъ, не то что

сказалъ, такую вещь! Иродъ избилъ младенцевъ, и за то проклятъ изъ рода въ родъ. А эти—весь народъ хотятъ раззорить во имя какой-то высшей культуры. Какъ будто они не знаютъ, что «не человѣкъ для субботы, а суббота для человѣка», слѣдовательно, и культура для народа, а не обратно. Но если ужъ они, эти «исчадья тьмы», рекомые экономическіе матеріалисты, такъ безсердечны, то какъ же они мечтаютъ обосновать высшую культуру на раззореніи народа? Раззореніе—это отрицаніе всякой культуры, не то что еще «высшей». Очевидно, здѣсь что-то не такъ. Защищая свою точку зрѣнія, не слѣдуетъ приписывать противникамъ того, что имъ не принадлежитъ, какъ не слѣдуетъ возлагать на ихъ отвѣтственность чужіе грѣхи. Г. Южаковъ, въ числѣ доводовъ противъ, указываетъ, что воззрѣнія экономическихъ матеріалистовъ эксплуатируются разными господами, которые «желаютъ сознательно служить» сильнымъ противъ слабыхъ. Доводъ немножко странный, и на него можно бы отвѣтить, что первые, воспользовавшіеся методомъ Сократа, были софисты. Но развѣ отъ этого Сократъ пересталъ быть «праведнѣйшимъ изъ людей», а его методъ потерялъ свое значеніе? Это старая исторія, хорошо знакомая и г. Южакову, которому, вѣроятно, и самому приходилось быть въ такомъ же положеніи и видѣть, какъ вѣрную и справедливую мысль его пускаютъ въ оборотъ нечистыя руки для нечистыхъ цѣлей.

Намъ кажется, что г. Южаковъ превратно толкуетъ воззрѣнія экономическихъ матеріалистовъ, отрицающихъ только возможность какихъ бы то ни было благожелательныхъ и неблагожелательныхъ экскурсій въ область хозяйственныхъ отношеній, признающихъ, что эти отношенія слагаются внѣ власти человѣка, который самъ является ихъ производной величиной. Они заявляютъ, что есть законы, управляющіе этими отношеніями, столь же незыблемые, какъ и прочіе естественные законы, но что они подлежатъ изученію,—и на ихъ «изслѣдуемъ» г. Южаковъ отвѣчаетъ ссылкой на современныхъ софистовъ. Далѣе, они осмѣливаются думать, что если эти законы дѣйствительно существуютъ, то ихъ вліянію подчинена и наша страна, какъ и всѣ прочія, и предлагаютъ изученіе текущей дѣйствительности, не съ предвзятой точки зрѣнія, хотя бы самой возвышенной, а съ чисто-фактической. И когда анализъ существующихъ отношеній приводитъ ихъ къ выводу, что Россія идетъ по пути капитализма, г. Южаковъ возглашаетъ: «они хотятъ раззорить народъ, ради торжества капитализма и высшей культуры».

Такимъ образомъ, экономическій матеріализмъ, какъ мы его понимаемъ, не отступаетъ, вообще, отъ той програмы, которой

«пользуется европейскій умъ для сужденія о настоящемъ». Послѣдователи этой доктрины являются прямыми продолжателями тѣхъ, которые, какъ справедливо отмѣчаетъ и г. Южаковъ, въ шестидесятые годы «исходили изъ доктрины преобладанія экономическаго матеріализма». Этимъ снимается съ нихъ обвиненіе въ отсутствіи «преемственности идей», хотя, конечно, современные экономическіе матеріалисты значительно дальше пошли въ развитіи этой доктрины, такъ какъ было бы странно и непонятно, если бы масса накопившихся за эти 40 лѣтъ фактовъ и изслѣдованій, всѣ измѣненія въ строѣ жизни не оказали на нихъ вліянія. Но они сохранили прямую связь съ старымъ міросозерцаніемъ, и прежде всего съ демократическимъ принципомъ, лежащимъ въ его основѣ.

Въ несправедливомъ упрекѣ по адресу экономическихъ матеріалистовъ намъ слышатся отголоски нападокъ, сыпавшихся въ свое время на критику Добролюбова и его товарищей. Такъ, г-жа Головачева приводитъ слѣдующій любопытный, съ исторической точки зрѣнія, отзывъ Тургенева о Добролюбовѣ: «Когда Тургеневъ убѣдился, что Добролюбовъ не поддается на его любезныя приглашенія, то оскорбился и началъ говорить, что въ статьяхъ Добролюбова видитъ инквизиторскій пріемъ осмѣять, загрязнить всякое увлеченіе, всѣ благородные порывы души писателя, что онъ возводитъ на пьедесталъ матеріализмъ, сердечную сухость и съ нахальствомъ глумится надъ поэзіей, что никогда русская литература, до вторженія въ нее семинаристовъ, не потворствовала мальчишкамъ изъ желанія пріобрѣсти этимъ популярность. Кто любитъ русскую литературу и дорожитъ ея достоинствомъ, тотъ долженъ употребить всѣ усилія, чтобы избавить ее отъ этихъ кутейниковъ-вандаловъ».

Какъ можно судить, это опять таки старая исторія, повтореніе которой никого не должно смущать. Но не лучше-ли, вмѣсто нея, вспомнить публицистическое credo, которое мы позволяемъ себѣ позаимствовать у г. Лесевича, почтеннаго товарища и сотрудника г. Южакова по журналу, изъ его статьи «Лессингъ и его «Натанъ Мудрый» («Этюды и очерки», Спб. 1886 г.). Г. Лесевичъ, возражая противъ идиллическихъ взглядовъ на борьбу убѣжденій, говоритъ: «Изъ той истины, что не слѣдуетъ дѣлать своихъ убѣжденій послушниками страстей, вытекаетъ не фантастическое слѣдствіе—прекращеніе борьбы мнѣній или устраненіе изъ нея страстности, но весьма практическое и важное заключеніе—*справедливость и самообладаніе въ борьбѣ, умѣніе различать средства борьбы, устранять изъ нея все недостойное человѣка, все безсмысленное, нечестное*... Въ справедливости и выборѣ средствъ и

заключается вся суть нравственной стороны борьбы за убѣжденіе.» (стр. 107).

Къ этому остается добавить еще мудрыя слова самого Лессинга, что «не та истина, которою обладаетъ или думаетъ обладать человѣкъ, опредѣляетъ его достоинство; достоинство это заключается въ непрестанномъ усиліи для овладѣнія ею, ибо не обладаніе истиною, но исканіе ея расширяетъ силы человѣка и служитъ принципомъ его совершенствованія».

Итакъ, будемъ стремиться къ истинѣ...

А. Б.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Отголоски земскихъ собраній. Читая отчеты о минувшихъ земскихъ собраніяхъ этого года, нельзя не замѣтить, что въ нѣкоторыхъ земствахъ начинаютъ преобладать сторонники не-земскихъ интересовъ.

Такъ, «новыя вѣянія» особенно рѣзко проявились въ саратовскомъ земствѣ. По словамъ «Сарат. Листка», сессія прошла вяло, «земское собраніе хоронитъ все доброе. Вмѣсто живой, воспріимчивой, чуткой къ общественнымъ интересамъ дѣятельности, мы видимъ одну печальную погребальную церемонію, печальную процессію къ кладбищу, въ которомъ такъ легко на время спрятать всѣ истинныя нужды. Меньшинство, не принадлежащее къ «правой», устаетъ въ неравной борьбѣ; оно не въ силахъ противостоять оппозиціи, идущей подъ сильнымъ подкрѣпленіемъ большинства, и слагаетъ оружіе. Конечно, съ точки зрѣнія отвлеченной, это меньшинство—неправо; оно должно бороться, бороться до конца, не уступая ни одного волоска земскихъ интересовъ. Но, какъ мы неоднократно указывали, школа общественности на Руси до сихъ поръ только элементарная, начальная школа, гдѣ проходятъ лишь первыя ступени... Мыслимо ли при такихъ условіяхъ воспитаться и сложиться въ опредѣленную форму тактикѣ, твердымъ пріемамъ борьбы и умѣнью крѣпко стоять на позиціи, независимо отъ числа окружающихъ противниковъ? Неудивительно, что саратовское меньшинство удаляется отъ зла, чтобы сотворить благо. И тонъ земству задаетъ теперь гр. Уваровъ. Этотъ почтенный дѣятель пріобрѣлъ себѣ поистинѣ всероссійскую извѣстность. Онъ блестяще служитъ идеямъ «правой» и является прекраснымъ примѣромъ того, какимъ земцемъ не слѣдуетъ быть. Это—обскурантъ по преимуществу. Образованіе онъ признаетъ нужнымъ настолько, насколько требуется его для чтенія и подписыванія различныхъ документовъ и бумагъ. О народѣ при графѣ Уваровѣ надо говорить очень осторожно. Онъ прекрасно умѣетъ указать, гдѣ раки зимуютъ, и всею силою своего благороднаго краснорѣчія обрушивается на всякое предложеніе, имѣющее въ виду просвѣщеніе темной массы. Губернская управа предложила собранію ассигновать небольшую сумму для учрежденія при управѣ особаго отдѣленія по народному образованію. Конечно, гр. Уваровъ немедленно выступилъ противъ, и земское большинство «провалило» это начинаніе».

Иной характеръ имѣли постановленія по народному образованію въ Смоленскомъ губернскомъ земскомъ собраніи, составъ котораго въ этомъ году былъ чрезвычайно удачнымъ. Смоленское губернское земство при-

знало неотложность введенія всеобщаго обученія въ Смоленской губерніи и постановило обратить дорожный капиталъ (160.000 р.) земства всецѣло на нужды народнаго образованія. Смоленское земское собраніе отвело также много времени обсужденію медицинскихъ вопросовъ: «*Относительно новаго лѣчебнаго устава прошлое собраніе ходатайствовало объ отсрочкѣ введенія его на нѣсколько лѣтъ*, но въ этомъ году нѣкоторыя уѣздныя собранія высказались за совершенную неприложимость новаго устава въ силу вызываемыхъ имъ большихъ расходовъ и непреодолимыхъ препятствій для правильнаго развитія участковой земской медицины. Поэтому, настоящее губернское собраніе нашло необходимымъ возбудить ходатайство вообще о невведеніи новаго устава въ губерніи. Въ виду окончанія санитарнаго изслѣдованія и описанія фабрикъ и заводовъ губерніи, *управой былъ представленъ проектъ обязательныхъ санитарныхъ постановленій для нихъ, но собраніе* передало его на предварительное разсмотрѣніе уѣздныхъ земствъ. Въ 1894 г. указомъ сената разъяснено, что жалованье городовымъ врачамъ должно платить земство въ тѣхъ городахъ, въ которыхъ содержаніе городовыхъ врачей не было отнесено на городскія средства особымъ распоряженіемъ министерства. Въ Смоленской губерніи такихъ уѣздныхъ городовъ шесть. Собраніе приняло содержаніе этихъ шести врачей на губернскія средства и въ то же время возбудило ходатайство объ упраздненіи должности городового врача въ этихъ городахъ, такъ какъ въ настоящее время для земско-медицинской организаціи городовые врачи совершенно излишни, и расходъ на нихъ для земства является непроизводительнымъ. Наконецъ, губернское собраніе поддержало ходатайство бѣльскаго земства о разрѣшеніи М. Б. Фейнбергъ (имѣющей докторскій дипломъ бернскаго университета) держать экзаменъ на врача въ Россіи».

Наибольшій интересъ въ минувшую сессію возбудилъ въ тверскомъ собраніи вопросъ о Бурашевской колоніи для душевно-больныхъ, о которой было такъ много толковъ въ прошломъ году, о чемъ сообщалось своевременно и въ «Мірѣ Божьемъ». Корреспондентъ «Новаго Времени» слѣдующимъ образомъ описываетъ новые порядки, воцарившіеся въ Бурашевѣ: «Извѣстно, что въ теченіе 3—4 послѣднихъ лѣтъ въ самомъ земствѣ, не щадившемъ ранѣе средствъ на созданіе Бурашевской колоніи, стали раздаваться голоса не только о преобразованіи этого учрежденія, но даже и о полной передачѣ его правительству, съ приплатой извѣстной суммы отъ земства: въ такомъ положеніи очутилась «преобразованная» за уходомъ д-ра М. П. Литвинова колонія. Въ настоящее время во главѣ колоніи стоитъ д-ръ Совѣтовъ, служившій ранѣе въ Владимірской земской психіатрической больницѣ, изъ отчета которой видно, что изъ 600 больныхъ въ теченіе года отправилось ad patres около 100 человѣкъ! М. П. Литвинова ранѣе упрекали въ чрезмѣрной гуманности къ больнымъ; врачъ Совѣтовъ придерживается системы строгости, онъ считаетъ вреднымъ, съ медицинской точки зрѣнія, скрасить чѣмъ-нибудь жизнь несчастныхъ, въ родѣ лишняго блюда, прогулки, папиросы, стакана пива и т. п. дешевыхъ удовольствій. Теперь введенъ самый суровый режимъ и практикуются даже наказанія; прежде старались индивидуализировать лѣченіе и обращали главное вниманіе на уходъ и вообще на обстановку, окружающую больныхъ; теперь стремятся подчинить возможно бо́льшее число лицъ однообразному, шаблонному порядку, требующему несомнѣнно и меньше заботъ, и меньше труда. При новомъ порядкѣ введены, какъ сказано, даже

наказанія, или, какъ выразился гласный Способинъ, «педагогическія мѣропріятія» — для сумасшедшихъ: заключеніе въ карцеръ на нѣсколько дней, лишеніе свободы, прогулокъ, а иногда даже и пищи и проч. И въ колоніи бываютъ такіе печальные факты, какъ случай 7 января, когда тихій больной Преображенскій, лишенный права прогулокъ за то, что жаловался всѣмъ на современные порядки въ колоніи, набросился съ ножомъ на врача Рѣзвова, поранилъ его и защищавшихъ его служителей Другой больной Вончаковъ «за непочтеніе къ доктору» былъ посаженъ въ холодный карцеръ и выдержанъ тамъ безъ постели 4 сутокъ. Озлобленный больной порвалъ на себѣ все платье и, отказываясь все время отъ пищи, стоически несъ наказаніе и мерзъ отъ холода въ карцерѣ съ асфальтовымъ поломъ. Когда служитель сжалился надъ несчастнымъ и протопилъ карцеръ, онъ былъ подвергнутъ за то взысканію со стороны доктора.

Неудивительно, что изъ Бурашева уже не будутъ выходить такіе психіатры, какъ гг. Кащенко, Яковенко, Бартелингъ, организовавшіе и ставшіе во главѣ психіатрическихъ колоній въ Нижнемъ - Новгородѣ, Смоленскѣ и Москвѣ. Теперь у бурашевскихъ врачей можно учиться не психіатріи, а экономіи, которой отъ нихъ требуетъ нынѣшняя земская управа».

Губернское земское собраніе въ засѣданіи 26 января почти единогласно постановило «выразить бывшему директору Бурашевской колоніи, М. П. Литвинову, свое глубокое сожалѣніе по поводу его выхода въ отставку и свою глубокую благодарность за его 13-лѣтнюю, въ высшей степени полезную и просвѣщенную дѣятельность на пользу земства и всего населенія Тверской губерніи». Кромѣ того, постановлено пріобрѣсти для колоніи художественный портретъ М. П. Литвинова.

По поводу вопросовъ экономическаго характера слѣдуетъ отмѣтить, между прочимъ, любопытное прошеніе крестьянъ Гдовскаго уѣзда, доложенное въ засѣданіи экономическаго совѣта петербургскаго земства, и затѣмъ предложенное на обсужденіе земскаго собранія. Прошеніе было подано отъ имени нѣкоторыхъ крестьянъ трехъ волостей Гдовскаго уѣзда «объ ихъ земельномъ стѣсненіи и нуждѣ, побуждающей ихъ къ переселенію въ Томскую губернію. Крестьяне просили довести до свѣдѣнія губернскаго собранія объ ихъ бѣдственномъ положеніи и рѣшеніи переселиться и, если собраніе найдетъ возможнымъ, помочь имъ. Одною изъ причинъ обѣдненій крестьянъ былъ полный неурожй озимыхъ хлѣбовъ въ 1895 г.

Экономическій совѣтъ, обсудивъ прошеніе крестьянъ, призналъ, что крестьяне Петербургской губерніи могли придти къ мысли о переселеніи въ Томскую губернію только вслѣдствіе какихъ-либо исключительныхъ, особенно неблагопріятныхъ условій и, потому, придавая весьма большое значеніе поступившему прошенію, какъ симптому переживаемаго крестьянскимъ хозяйствомъ кризиса, постановило, просить губернскую управу объѣхать лично мѣстности, гдѣ возникла мысль о переселеніи, и затѣмъ, согласно состоявшемуся ранѣе рѣшенію совѣта, произвести сплошное статистическое изслѣдованіе нѣкоторыхъ южныхъ волостей Гдовскаго уѣзда».

Несмотря на крайнюю важность этого заявленія, указывающаго на существованіе въ Петербургской губерніи, у самаго порога столицы, такой сильной нужды, побуждающей къ переселенію на далекую окраину, земское собраніе оставило это заявленіе безъ вниманія и не согласилось на предложенное экономическимъ со-

вѣтомъ статистическое изслѣдованіе Гдовскаго уѣзда.

Русская Ирландія. Подъ такимъ заглавіемъ помѣщено въ «Недѣлѣ» интересное письмо изъ Новороссіи, въ которомъ описывается печальное положеніе южно-русскихъ мѣщанъ-десятинщиковъ, изгоняемыхъ мѣстными землевладѣльцами со своихъ хуторовъ. Авторъ письма справедливо полагаетъ, что судьба этихъ сотенъ и тысячъ мѣщанъ-десятинщиковъ чрезвычайно напоминаетъ судьбу безземельныхъ ирландскихъ фермеровъ. Причина столь часто повторяющихся за послѣднее время выселеній десятинщиковъ, по мнѣнію корреспондента, заключается въ слѣдующемъ: съ каждымъ годомъ все большее и большее количество южнорусскихъ земель переходитъ въ руки всевозможныхъ эксплоататоровъ, а возникшая у насъ испольная система хозяйства заставляетъ хозяевъ принимать на свои хутора только такихъ поселянъ, которые обладаютъ достаточнымъ количествомъ рабочаго скота и хорошими земледѣльческими орудіями. При такихъ условіяхъ бѣднымъ десятинщикамъ, число которыхъ въ настоящее время достигаетъ огромныхъ размѣровъ, положительно нѣтъ мѣста въ имѣніяхъ нашихъ частныхъ владѣльцевъ.

Самый процессъ изгнанія десятинщиковъ изъ ихъ жилищъ совершается крайне просто. Зная невозможность для мѣщанъ-десятинщиковъ жаловаться на самоуправство землевладѣльцевъ или арендаторовъ, эти послѣдніе, во избѣжаніе излишнихъ судебныхъ издержекъ, раздѣлываются со своими хуторянами домашнимъ образомъ. У нихъ существуетъ даже разъ навсегда выработанная программа дѣйствій. Начинается обыкновенно съ того, что помѣщикъ отказываетъ десятинщикамъ въ наймѣ полей подъ пахоту и выпасы скота; когда же эта мѣра оказывается недѣйствительной, такъ какъ мѣщане могутъ найти себѣ землю гдѣ-нибудь на сторонѣ, тогда противъ нихъ начинается уже настоящая блокада. Прежде всего хуторъ окапывается глубокимъ рвомъ, дабы прекратить жителямъ выходъ и выѣздъ изъ него, затѣмъ запираются ближайшіе колодцы, засариваются источники и т. д.; если же и послѣ этого осажденные продолжаютъ упорствовать, тогда вынимаются окна и двери изъ мѣщанскихъ жилищъ, часть которыхъ превращается затѣмъ въ хлѣвы, куда загоняются на ночлегъ свиньи или какой-нибудь иной скотъ. Послѣднее и самое вѣрное средство для выживанія десятинщиковъ заключается въ томъ, что владѣлецъ, выбравъ удобный моментъ, когда обитатели хутора уйдуть со своими семьями на работу, разрушаетъ мѣщанскія жилища. Весьма естественно, что послѣ такого разгрома десятинщикамъ приходится поневолѣ оставлять хуторъ и отправляться на всѣ четыре стороны. Иногда, впрочемъ, бываетъ и такъ, что они еще продолжаютъ нѣкоторое время жить на томъ же мѣстѣ. выстроивъ себѣ кое-какіе шалаши изъ остатковъ разрушенныхъ избъ; однако, это возможно только весною и лѣтомъ; въ холодное-же время года не долго, разумѣется, насидишь въ шалашѣ.

Десятинщики иногда пробуютъ протестовать противъ такого самоуправства, но протесты ихъ, обыкновенно, не приводятъ ни къ какимъ результатамъ. Корреспондентъ «Недѣли» разсказываетъ, что одинъ изъ выселенныхъ десятинщиковъ обращался въ судъ, дважды ѣздилъ въ Петербургъ, и въ концѣ концовъ хата его все-таки была снесена судебными властями и ему пришлось искать новаго мѣста для поселенія.

Куда же дѣваться всѣмъ этимъ выселеннымъ десятинщикамъ? Въ помѣщичьихъ хозяйствахъ, какъ мы видѣли, имъ нѣтъ мѣста. Остаются ка-

зенныя земли, но и ихъ также оказывается недостаточно. По словамъ корреспондента «Недѣли», если даже будетъ сдѣлано все возможное для привлеченія на казенные участки безземельныхъ крестьянъ и мѣщанъ-десятинщиковъ, то все-таки казенной земли въ Новороссіи окажется далеко недостаточно для удовлетворенія всѣхъ нуждающихся въ ней. Вѣдь облегченія по части аренды казенныхъ участковъ крестьянами обнадованы уже около года тому назадъ, а между тѣмъ, большинство здѣшнихъ мѣщанъ десятинщиковъ и понынѣ сидятъ на старыхъ мѣстахъ. Въ 1895 г. пахатная площадь въ одной только Херсонской губерніи равнялась 3.124.000 дес., а въ этомъ числѣ казенной земли было всего на всего около 90.000 дес., всего же въ арендѣ числилось казенныхъ участковъ не болѣе 300.000 дес. Такимъ образомъ, значительная часть здѣшнихъ десятинщиковъ должна все-таки перекочевывать въ болѣе отдаленныя мѣстности, на что потребуются средства, которыхъ у нихъ не имѣется.

Рабочіе на рыбныхъ промыслахъ. Въ «Астрах. Листкѣ» помѣщено любопытное сообщеніе о бѣгствѣ цѣлой артели калмыковъ-рабочихъ съ рыбныхъ промысловъ г-жи Сапожниковой. Обстоятельства дѣла заключаются въ слѣдующемъ: изъ объясненій, данныхъ калмыками, оказывается, что, по ихъ мнѣнію, «они не бѣжали, а просто ушли, и вотъ почему: Подрядчикъ, нанимавшій ихъ на зимнюю путину — съ Николина дня до 1-го марта, увѣрилъ ихъ, что они будутъ подряжены фирмой и на вешнюю путину. Тогда калмыки нанялись. Подрядчикъ выдалъ имъ задатки по 9 р. на каждаго, десятый же рубль удержалъ въ свою пользу за посредничество. По прибытіи калмыковъ къ 6-му декабря на мѣсто, они узнали, что нанявшій ихъ взялъ изъ конторы задатку 260 р., *но деньги эти потерялъ*. Контора, нуждаясь въ рабочихъ, выдала тому же подрядчику второй задатокъ, въ прежнемъ размѣрѣ, и эти-то деньги, съ удержаніемъ въ свою пользу за посредничество, подрядчикъ выдалъ упомянутымъ калмыкамъ. За всю зимнюю путину рабочіе должны были получить по 21 р., а получили по 9 руб. Проработавъ до 27-го декабря, калмыки узнаютъ, что они на вешнюю путину наняты не будутъ, а если и наймутъ ихъ, то, какъ распространились по промыслу слухи, съ цѣлью изъ причитающихся имъ за вешнюю путину денегъ удержать сумму, потерянную подрядчикомъ. Слухи, затѣмъ, получились еще худшіе: будто бы завѣдывающій промыслами г. З. напрямки заявилъ, что деньги, потерянныя подрядчикомъ, промысловая администрація удержитъ изъ остальныхъ, причитающихся имъ за зимнюю путину. Выходило такъ, что два мѣсяца, за вину подрядчика, калмыкамъ пришлось бы работать даромъ, при крайне тяжелыхъ вообще условіяхъ зимней тяги—нынѣ въ особенности суровой. И они ушли...»

Несмотря на всѣ увѣщанія калмыцкаго начальства, рабочіе не соглашались вновь вернуться на работу къ г-жѣ Сапожниковой, говоря, что тамъ не работа, а каторга. Показанія «бѣжавшихъ» рисуютъ неприглядную картину положенія рабочихъ на этихъ промыслахъ. «По словамъ калмыковъ, обращеніе съ ними со стороны мелкой администраціи самое грубое, почти жестокое, что на нихъ, калмыковъ, смотрятъ хуже, чѣмъ на собакъ, что администрація промысловая издѣвается надъ ними, а главное — они боятся, что деньги, утерянныя подрядчикомъ, будутъ у нихъ удержаны. Свой уходъ съ промысла калмыки не считаютъ внезапнымъ бѣгствомъ, а говорятъ именно, что 27-го декабря они явились къ приказчику промысла и предложили ему принять находившееся

у нихъ промысловое имущество: котлы, чашки, ложки и проч. Приказчикъ отказался принимать; тогда рабочіе все сдали своему подрядчику, а затѣмъ, на слѣдующій день, отправились къ старостѣ с. Харбая и заявили ему какъ о томъ, что они намѣрены уйти, такъ и о мотивахъ, побудившихъ ихъ къ такому рѣшенію. Староста посовѣтовалъ имъ вторично спросить надзирателя промысла поточнѣе: дѣйствительно ли у нихъ удержатъ потерянныя подрядчикомъ деньги и кромѣ того—не возьмутъ въ работу на вешнюю путину? «Можетъ быть,— сказалъ староста,—онъ (надзиратель) былъ нынче сердитъ на что-нибудь, а завтра окажется помягче». Калмыки, будто бы, послушались совѣта, спросили и получили прежній отвѣтъ. Больше ничего не придумали они тогда, какъ только уйти».

Кромѣ калмыковъ Александровскаго улуса, съ тѣхъ же промысловъ г-жи Сапожниковой чуть-было не ушли еще 4 артели яндыковскихъ калмыковъ. Послѣдніе сдѣлали такъ. Они всѣ явились къ мѣстному улусному попечителю и заявили ему, что намѣрены уйти, что работать при тѣхъ условіяхъ, какія существуютъ на промыслахъ, они не могутъ: ихъ донимаютъ штрафами за малѣйшія упущенія, заставляютъ вытягивать по пяти тоней въ сутки при морозахъ, и что они кругомъ обмануты нанявшимъ ихъ подрядчикомъ. Мѣстный попечитель, однако, съумѣлъ уговорить калмыковъ, чтобы они возвратились на работы, и тѣ послушались увѣщаній. Между прочимъ, къ характеристикѣ того, насколько тяжело было работать калмыкамъ, они приводятъ слѣдующее: промысловая администрація, жалѣя лошадей, потому что снѣгъ очень глубокъ, заставляла калмыковъ на себѣ возить рыбу съ тоней на промыселъ или куда тамъ было нужно. Если свѣдѣніе это вѣрно, то выходитъ, что признаваемое непосильнымъ для лошадей, взваливалось на людей (не потому ли, что они — калмыки, «нехристи»?..). Это за семь рублей въ мѣсяцъ.

Рабочіе-трепачи. Трепачами называются рабочіе, занимающіеся трепаніемъ пеньки. Промыселъ этотъ чрезвычайно распространенъ въ Орловской губ. Въ «Орл. Вѣстн.» сообщаются интересныя свѣдѣнія объ экономическомъ положеніи этихъ трепачей и объ ихъ бытѣ.

«Всѣхъ рабочихъ трепачей въ м. Почепѣ бываетъ до 400 человѣкъ, а иногда и болѣе. Трепачи эти—пришлые крестьяне изъ Калужской губ., Масальскаго (преимущественно) уѣзда. Хотя на родинѣ они и владѣютъ земельнымъ надѣломъ, но существовать на доходъ отъ него не могутъ; и вотъ среди тамошнихъ крестьянъ развились отхожіе промыслы: одни—идутъ въ трепачи, другіе — въ плотники, третьи — на фабрики (больше изъ другихъ уѣздовъ Калужской губ.). Дома остаются женщины, дѣти, старики и больные, всѣ же остальные члены семейства уходятъ изъ дому на заработки. Начиная лѣтъ съ 16—17, молодой парень уже отправляется путешествовать по «матушкѣ Россіи». Идутъ или въ старыя, уже извѣданныя отцами, мѣста, или въ новыя для поисковъ лучшихъ заработковъ. Въ м. Почепъ трепачи приходятъ весною (приблизительно, около Пасхи), т. е. къ тому времени, когда наши мѣстные крестьяне уже начинаютъ мять и продавать пеньку. Поработавъ до Петрова дня, часть трепачей уходитъ домой на домашнія полевыя работы, часть остается на мѣстѣ продолжать работу. Остаются, конечно, только лишнія, ненужныя въ данномъ семействѣ руки; одиночки же уходятъ всѣ. Покончивъ съ лѣтними сельскохозяйственными работами, трепачи снова уходятъ куда-нибудь на осенніе и зимніе заработки. И такимъ образомъ они бродятъ цѣлую жизнь,

живя дома самое короткое время въ году, пока смерть или болѣзнь не пригвоздятъ къ одному, опредѣленному мѣсту.

Но такая кочевая жизнь не тяготитъ (?) трепачей, и они предпочитаютъ заниматься отхожими промыслами, чѣмъ переселяться въ Сибирь».

Отношенія между трепачами к ихъ нанимателями-купцами установились довольно своеобразныя. Вотъ что разсказываетъ про нихъ «Орл. Вѣстн.»:

«Придя на мѣсто работы, трепачи начинаютъ предлагать купцамъ—«пеночникамъ» свои «услуги». Размѣстившись по хозяевамъ и поработавъ нѣкоторое время, трепачи принимаются «дѣлать цѣну», на каковой періодъ они прекращаютъ свои работы. Эта добровольная «безработица» продолжается до тѣхъ поръ, пока всѣ рабочіе-трепачи даннаго города или селенія не придутъ къ соглашенію между собою, съ одной стороны, и съ купцами—съ другой, относительно цѣны, по какой они согласны взяться за обработку пеньки. Нужно замѣтить, что заработная плата трепачей носитъ форму «задѣльной-поштучной» и выражается въ томъ, что за каждый пудъ обработанной («чистой») пеньки рабочій получаетъ извѣстную сумму денегъ. Упомянутое «дѣланіе цѣны» именно и сводится къ тому, чтобы опредѣлить величину этой суммы, и притомъ не на все время работы, а только до «Петрова дня», когда, послѣ ухода части рабочихъ домой, на свои лѣтнія работы, оставшіеся снова принимаются за то же «дѣланіе цѣны». Процедура эта продолжается нѣсколько дней. Въ это время по улицамъ, возлѣ домовъ, трактировъ и т. п. можно видѣть кучки рабочихъ, громко и горячо толкующихъ и обсуждающихъ дѣйствительно жгучій для нихъ вопросъ — вопросъ о величинѣ заработной платы, или, выражаясь обыкновеннымъ языкомъ, вопросъ о количествѣ насущнаго хлѣба.

Покончивъ съ цѣной между собою, трепачи объявляютъ купцамъ «свои условія», послѣдніе—«свои». Начинается торгъ, наступаетъ «критическая» минута: если купцы соглашаются на цѣну, требуемую рабочими - трепачами, послѣдніе спокойно принимаются за работу, чѣмъ и заканчивается періодъ «дѣланія цѣны» и связанная съ нимъ добровольная безработица. Но если купцы не даютъ своего согласія, а трепачи тоже почему-либо уступить не желаютъ или не могутъ, тогда періодъ «дѣланія цѣны» продолжается, принимая при этомъ характеръ стачки, которая въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ можетъ принимать свой индивидуальный характеръ, — можетъ имѣть свои особенности.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ одномъ большомъ торговомъ городѣ Орловской губ., въ которомъ собирается въ лѣтніе мѣсяцы до 2 — 3 тысячъ трепачей, стачка приняла довольно серьезные размѣры: трепачи всей толпой отправились къ городскому головѣ, требовать, чтобы онъ установилъ справедливую цѣну. Въ прошломъ году въ Смоленской губ. произошли стачки трепачей съ цѣлью повышенія заработной платы. Причиною такого требованія со стороны рабочихъ было вздорожаніе хлѣба. Стачка имѣла успѣхъ и заработная плата была увеличена на 3 коп. Въ м. Почепѣ общей стачки трепачей въ 1894 году не было, если не считать нѣкоторыхъ, кой у кого имѣвшихъ мѣсто, недоразумѣній, такъ или иначе мирно проходившихъ. Но въ предшествовавшіе годы и въ Почепѣ были общія стачки трепачей, т. е. такія стачки, когда всѣ почепскіе трепачи in corpore забастовывали.

Чтобы добиться своего, т. е. заставить купцовъ согласиться на требуемую ими заработную плату, трепачи въ подобныхъ случаяхъ поступали иногда слѣд. образомъ: на общей сходкѣ

они постановляли такое рѣшеніе: часть трепачей должна уйти изъ Почепа, оставшіеся же не должны браться за работу ниже объявленной цѣны. При этомъ бросался жребій, какимъ «дворнямъ» (трепачи, работающіе у одного купца, называются дворней) уходить и какимъ оставаться. Остающіеся даютъ уходящимъ извѣстную сумму денегъ «на дорогу». Тѣ трепачи, на чью долю выпадалъ жребій «уходить», обязывались исполнять это рѣшеніе подъ угрозой товарищескаго суда. Возвращеніе для уходящихъ было допустимо только въ томъ случаѣ, если хозяинъ, гдѣ данная «дворня» работала, соглашался дать имъ установленную на общей сходкѣ цѣну.

Такой способъ борьбы съ хозяевами-купцами обыкновенно доставлялъ побѣду рабочимъ-трепачамъ, такъ какъ по разнымъ причинамъ (у однихъ купцовъ пенька бывала запродана, другіе—нуждались въ деньгахъ, для чего приходилось торопиться съ продажею пеньки и т. п.); многимъ купцамъ нельзя бывало отсрочить обработку пеньки, и потому приходилось соглашаться на требованіе трепачей.

Но очень часто разногласія между купцами и трепачами заканчиваются не къ выгодѣ рабочихъ и купцы остаются побѣдителями. Обстановка, въ которой работаютъ трепачи, чрезвычайно негигіенична. По словамъ «Орл. Вѣстн.», «фабричной инспекціи слѣдовало бы обратить вниманіе на трепальныя помѣщенія — эти очаги грудныхъ и др. легочныхъ болѣзней, и обязать владѣльцевъ этихъ помѣщеній устраивать извѣстныя приспособленія для удаленія той пыли, среди которой работаютъ трепачи. Этою пылью постоянно пропитана до пресыщенія вся атмосфера трепальныхъ помѣщеній, такъ что сквозь дымку этой пенечной пыли едва видѣнъ человѣкъ. Особенно ужасна работа въ лѣтніе жары: для предохраненія отъ солнечныхъ лучей, трепачи закрываютъ окна и двери рабочихъ помѣщеній, отчего пыль еще болѣе скопляется въ зданіи, и воздухъ дѣлается удушливымъ. Въ это время трепачи работаютъ нагишомъ, если не считать передняго фартука, единственнаго платья въ эту пору. Такимъ образомъ пыльная атмосфера непосредственно окутываетъ тѣло трепача съ ногъ до головы, проникая въ организмъ черезъ дыхательные органы и затрудняя обмѣнъ тѣла съ окружающей средой... Въ томъ же помѣщеніи трепачи совершаютъ свой дневной и ночной отдыхъ. Проводя такимъ образомъ, можно сказать, почти всю жизнь въ пыльной атмосферѣ, трепачи страдаютъ болѣзнями дыхательныхъ органовъ и другими. Между прочимъ, въ этомъ году однимъ мѣстнымъ врачемъ были констатированы у двоихъ трепачей случаи кровохарканья. Въ концѣ концовъ эти рабочіе наживаютъ себѣ чахотку и въ общемъ—средняя продолжительность ихъ жизни равняется 45 — 50 годамъ».

Какую же заработную плату получаютъ трепачи за свой трудъ? Рабочій день ихъ, въ среднемъ, равняется 14 часамъ. За это время средній трепачъ можетъ изготовить отъ 3—4 пудовъ пеньки. Считая среднюю плату за пудъ 30—35 к., получимъ, что въ день средній трепачъ вырабатываетъ отъ 90 к. до 1 р. 40 к. Если мы вспомнимъ, при какихъ убійственныхъ, антигигіеническихъ условіяхъ работаетъ трепачъ, то должны будемъ признать всю незначительность этихъ 90 к.—1 р. 40 к. за 14—15-часовой дневной трудъ,—тотъ трудъ, продавая который, трепачъ вмѣстѣ съ тѣмъ продаетъ свои силы, свое здоровье, а «взамѣнъ», этого пріобрѣтаетъ слабость, болѣзни и преждевременную смерть...

«Ор. В.» заканчиваетъ свою статью указаніемъ на то, что слѣдовало бы обратить вниманіе на антигигіеническія

условія работы трепачей и на продолжительность ихъ рабочаго дня.

Наставленіе народнымъ учителямъ. Въ «Рус. Вѣд.» помѣщенъ разборъ любопытной брошюры тульскаго директора народныхъ училищъ, г. Яблочкина, подъ заглавіемъ «Русская школа». Въ этой книгѣ г. Яблочкинъ даетъ рядъ наставленій, которыя предназначаются авторомъ «для законоучителей и учащихъ во ввѣренной ему губерніи, каковыя лица, особенно въ низшихъ училищахъ, по большей части остаются въ невѣдѣніи своихъ правъ и обязанностей». Въ чемъ же заключаются, по мнѣнію г. Яблочкина, обязанности учителя? Прежде всего учителя должны быть людьми строгой нравственности, «соблюдать себя въ чистотѣ и не поддаваться никакимъ искушеніямъ и соблазнамъ»; должны питать почтительность къ родителямъ; женатые учителя «должны любить своихъ женъ и дѣтей, быть имъ (?) вѣрными». Водка, вино, пиво, даже въ самомъ маломъ количествѣ,—запретный плодъ для сельскаго наставника (стр. 68, 69). Вотъ курить ему запрещается только въ классѣ, но вообще, по мнѣнію г. Яблочкина, лучше, если учитель броситъ куреніе. Говоря, что курить не слѣдуетъ, г. Яблочкинъ прибавляетъ: «это видно изъ того, что животныя не знаютъ куренія и обходятся безъ него; и люди отъ сотворенія міра очень и очень долгое время не знали его».

О томъ, какъ должны относиться къ своимъ мужьямъ народныя учительницы, г-нъ Яблочкинъ не упоминаетъ потому, что во «ввѣренной ему губерніи» учительницамъ вообще не полагается имѣть мужей: какъ только учительница выходитъ замужъ, ее увольняютъ со службы.

Затѣмъ г-нъ Яблочкинъ съ большою подробностью останавливается на костюмѣ учителей и учительницъ. Сельскій учитель, по требованію г. директора, долженъ носить «сюртукъ или поддевку черного или сѣраго цвѣта; пестрые же пиджаки и галстуки яркихъ цвѣтовъ не должны носиться учителями» (стр. 71). Учительницы должны носить: «лифа и юбки гладкіе, безъ модныхъ отдѣлокъ; шляпки безъ птицъ» (стр. 71). Не забыты и куафюры. «Учитель не долженъ носить длинныхъ волосъ по плечи, какъ многіе дѣлаютъ, ошибочно полагая, что это очень красиво. Длинные волосы мужчинѣ не приличествуютъ и безобразятъ его. Въ ношеніи длинныхъ волосъ мужчиною выражаются и неряшливость, и претензія на мнимое щегольство, и какое-то самодовольство. Непріятно (не завидно ли иногда?) и смотрѣть на мужчину съ волосами по плечи, съ косою (?) сзади головы. Совсѣмъ другой видъ получитъ лицо человѣка съ обстриженною, гладко причесанною головою».

По вопросу объ отношеніяхъ учителей къ законоучителямъ, г. Яблочкинъ даетъ слѣдующія наставленія: учитель долженъ вѣжливо говорить со священникомъ (и, вѣроятно, не повторять ему филиппикъ г. Яблочкина противъ длинныхъ волосъ?); отзываться о немъ съ почтеніемъ, цѣловать ему руку; стараться проводить у него время, пользуясь его бесѣдами и наставленіями, но не докучая ему; оказывать ему услуги (стр. 66). Попечителю, изъ какого бы сословія онъ ни былъ, учитель долженъ всегда оказывать уваженіе и стараться пріобрѣсти его расположеніе. Попечителя изъ высшихъ сословій онъ можетъ посѣщать только по приглашенію и при встрѣчахъ долженъ всегда вѣжливо ему поклониться (стр. 66). Вообще, «учитель долженъ быть со всѣми въ мирѣ и согласіи и избѣгать непріятностей и столкновеній» (стр. 67).

Г. Яблочкинъ требуетъ отъ зако-

ноучителей и учащихъ лицъ, чтобы они «относились къ директору и инспекторамъ съ особымъ уваженіемъ и не дозволяли себѣ обсуждать ихъ указанія и дѣйствія, а также осуждать ихъ дѣятельность» (стр. 65). Онъ находитъ, что «осужденіе начальника въ устахъ подчиненнаго *неприлично* и выражаетъ узкость ума, незнаніе жизни и вольнодумство».

Всѣ эти наставленія настолько характерны, что всякіе комментаріи къ нимъ излишни.

Школьное дѣло въ Юго-западномъ краѣ. Г-нъ Миропольскій помѣстилъ въ «Новомъ Времени» статью, въ которой онъ въ самыхъ радужныхъ краскахъ рисуетъ положеніе школъ въ Юго-западномъ краѣ. Въ отвѣтъ на это, въ томъ же «Нов. Врем.» былъ помѣщенъ рядъ статей, опровергающихъ взгляды г. Миропольскаго, и рисующихъ школьное дѣло въ Юго-западномъ краѣ въ нѣсколько иномъ видѣ. Такъ, напр., г. Рачковскій пишетъ слѣдующее: «Очевидно, почтенный авторъ замѣтки смѣшалъ представляемыя по начальству отчетныя цифры съ фактами, а это, къ несчастію, далеко не одно и то же. Съ оффиціальными данными въ рукахъ г. Миропольскій можетъ безспорно доказать, что въ Кіевской губерніи въ 1894—95 году значилось церковно-приходскихъ и школъ граноты 1.620 и что въ нихъ числилось 79.293 ученика. Еще противъ числа школъ спорить не буду—хаты подъ школы въ такомъ числѣ несомнѣнно найдутся,—но чтобы въ нихъ такое число дѣйствительно обучалось—едва ли кто-либо будетъ самоувѣренно доказывать, по той простой причинѣ, что любой сельскій староста или сотскій умѣрятъ эту самоувѣренность простымъ сообщеніемъ, что ихъ иногда посылаютъ сгонять въ школу записанныхъ тамъ учениковъ, но родители отказываются пускать дѣтей».

Въ церковно-приходской школѣ Юго-западнаго края дѣтей учится мало,—по словамъ г. Рачковскаго, родители стараются не пускать туда дѣтей. Это объясняется установившимися въ церковно-приходской школѣ порядками.

«А какіе это порядки,—продолжаетъ авторъ,—я, прожившій въ Кіевской губерніи около 10 лѣтъ, бывшій тутъ нѣсколько лѣтъ мировымъ судьею и, какъ поповичъ, пользовавшійся благосклонностью мѣстныхъ священниковъ, могъ присмотрѣться къ нимъ—къ этимъ порядкамъ, и, къ сожалѣнію, вынесъ далеко не такое отрадное впечатлѣніе, какое получилось у г. Миропольскаго отъ чтенія оффиціальныхъ отчетовъ».

Прежде всего «завѣдующій школой батюшка смотритъ на школу, какъ на лишнюю, неоплачиваемую обузу, и если не у каждаго изъ нихъ хватитъ смѣлости прямо это высказать, то этотъ его взглядъ чувствуется въ каждомъ его дѣйствіи».

Хорошіе, подготовленные учителя не уживаются въ церковной школѣ при данныхъ ея порядкахъ, и вотъ «вслѣдствіе безучастнаго отношенія батюшки, нанимается за 80 руб. полуграмотный гречкосѣй, имѣющій свой хуторокъ и выпрашивающій мѣсто учителя за самое ничтожное жалованье, лишь бы протянуть до 26-тилѣтняго возрасса и тѣмъ избавиться отъ воинской повинности, согласно 63 ст. уст. о воинск. пов. Эта же статья и до того же возраста привлекаетъ къ учительству и окончившихъ курсъ въ духовныхъ семинаріяхъ, но не чувствующихъ призванія къ духовному сану. Вообще приходится наблюдать, что молодежь изъ духовнаго званія не любитъ воинской повинности. Вотъ и судите, насколько добросовѣстно можетъ относиться къ своимъ занятіямъ учитель, смотрящій на это занатіе, какъ на средство избавиться отъ воинской повинности.

Оно такъ и ведется: изъ числящихся въ школѣ 40—45 учениковъ выбираются 2 и самое большее 3 (знаю примѣры, что былъ 1 въ два года), для приготовленія ихъ къ экзамену на льготу по 3 п. 56 ст. уст. о воинск. пов.; на нихъ сосредоточивается все вниманіе учителя, и съ ноября до Пасхи ими только онъ и занимается, чтобы было видно на бумагѣ, что онъ занимается, а слѣдовательно, чтобы кое-какъ дотянуть до 26-ти лѣтъ; остальные же затѣмъ ученики по окончаніи курса школы навѣрно неспособны прочитать письмо отъ брата изъ полка и послать ему отъ себя вѣсточку».

Г-нъ Рачковскій рисуетъ слѣдующую картину экзамена на льготу по воинской повинности въ церковно-приходской школѣ. Дѣло происходитъ въ 1894 г.

«Изъ 7 школъ собираются завѣдующіе, учителя и 14 экзаменующихся въ центральное село; ученики отправляются въ школу, а остальные—къ мѣстному батюшкѣ, куда еще съ вечера вынужденъ былъ заѣхать депутатъ министерской школы, къ которому всѣ относятся съ полнѣйшимъ радушіемъ. Экзаменъ. Депутатъ диктуетъ: «Сегодня...» Одинъ изъ завѣдующихъ, искоса заглядывая въ тетрадку своего ученика, скороговоркой и полушепотомъ произноситъ: «слово—есть, слово—есть, слово — есть; да зачеркни же ты ять».—«Ну, дѣти, мы теперь займемся ариѳметикой»,— говоритъ депутатъ, — на что получаетъ замѣчаніе одного изъ учителей, что «арихметика у насъ не проходится, а проходится счисленіе». Уладивъ этотъ споръ, депутатъ предлагаетъ устную задачу. Получаются невѣроятные отвѣты. «Видно, дѣти, вы къ устнымъ задачамъ не привыкли; выйди ты, мальчикъ, къ доскѣ, раздѣли 17.000 на 200». Ученикъ пишетъ эти числа и тотчасъ стираетъ всѣ нули, объясняя, что для упрощенія слѣдуетъ нули стирать. «Почему же?» — спрашиваетъ депутатъ. «Для упрощенія». Тутъ вмѣшивается учитель и объясняетъ депутату, что у нихъ всегда, для упрощенія, принято стирать нули. «Почему же?» «Для упрощенія»...

Г. Рачковскій продолжаетъ:

«Конечно, я не могу говорить о всей губерніи, а говорю лишь объ извѣстномъ мнѣ уѣздѣ; тутъ же безъ преувеличенія могу сказать, что большинство завѣдующихъ школами, обязанныхъ, сверхъ общаго наблюденія, преподавать еще и Законъ Божій, въ школѣ не бываетъ, и преподаваніе Закона Божія сваливается на того же учителя за какую-либо благостыню, чаще всего за столъ. Мой знакомый, мальчикъ 16-ти лѣтъ, вынужденный, по неимѣнію средствъ, выйти изъ 3-го класса гимназіи, былъ учителемъ церковно-приходской школы и за получаемый отъ батюшки столъ преподавалъ Законъ Божій, самъ же батюшка не былъ въ школѣ въ теченіе учебнаго года буквально ни разу, а былъ лишь въ Крещенье со крестомъ. И это молодой, выписывающій журналы батюшка, а не какой-либо удрученный недугами старецъ».

Ничего подобнаго,—замѣчаетъ авторъ,—не можетъ быть въ министерской школѣ.

«Тутъ учителя не бѣгуны отъ воинской повинности, а люди, самымъ поступленіемъ въ учительскую семинарію опредѣлившіе охотно избранную ими дѣятельность; батюшка самъ преподаетъ Законъ Божій, такъ какъ получаетъ за это вознагражденіе и можетъ быть подтянутъ (знаю случай, гдѣ пригрозили приглашеніемъ законоучителя изъ сосѣдняго села), да и наблюденіе инспекторовъ дѣйствительнѣе, такъ сказать—въ натурѣ, а не на бумагѣ только, по отчетамъ».

Далѣе авторъ, на основаніи своего личнаго опыта, какъ мирового судьи,

имѣющаго дѣло ежегодно съ нѣсколькими тысячами обывателей, останавливается на томъ, что громадное большинство ихъ оказывается безграмотнымъ.

Что читаетъ народъ въ Восточной Сибири. Помѣщенная подъ такимъ заглавіемъ статья г. Личкова («Русская Мысль», январь), составлена на основаніи матеріаловъ, собранныхъ во время статистическаго изслѣдованія Иркутской и Енисейской губ. въ 1890—1894 г. Г-нъ Личковъ указываетъ прежде всего на то, что чтеніе народа и выборъ книгъ находится въ непосредственной связи съ уровнемъ грамотности въ данной мѣстности. Одновременно съ увеличеніемъ числа грамотныхъ развивается и любовь къ чтенію.

Наиболѣе рельефнымъ выраженіемъ потребности деревни въ чтеніи можетъ служить случай покупки крестьянами книгъ на собственныя деньги. Оказывается, что въ селеніяхъ, гдѣ школы существуютъ давно (до 1870 г.), покупаютъ книги 78% жителей, а въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ школы основаны послѣ 1870 г.—только 64%.

Среди русскаго сельскаго населенія названныхъ двухъ губерній Восточной Сибири наибольшимъ развитіемъ грамотности отличается элементъ поселенческій; второе мѣсто занимаютъ крестьяне - новоселы и послѣднее— крестьяне - старожилы. Большинство ссыльно-поселенцевъ не имѣютъ хозяйства, а живутъ наемнымъ трудомъ; поэтому для нихъ грамотность болѣе необходима для пріисканія себѣ выгодныхъ занятій, чѣмъ для крестьянъ - старожиловъ, занятыхъ по преимуществу въ собственномъ хозяйствѣ и для которыхъ грамота не составляетъ существенной практической необходимости.

На увеличеніе числа грамотныхъ вліяетъ также близость къ промышленнымъ центрамъ и уровень экономическаго благосостоянія населенія. Въ зажиточныхъ семьяхъ процентъ учащихся и грамотныхъ достигаетъ наибольшей величины. Далѣе замѣчается, что занятіе земледѣліемъ само по себѣ не вліяетъ на грамотность положительно; не-земледѣльческіе промыслы и въ особенности занятіе извозомъ, напротивъ того, способствуютъ распространенію грамотности: условія, способствующія развитію скотоводства и охоты, на грамотность вліяютъ отрицательно.

Въ изслѣдованномъ районѣ существуютъ три типа школъ: министерскія, школы духовнаго вѣдомства и, наконецъ, частныя или домашнія школы. Изъ этихъ 3-хъ выше всѣхъ стоятъ, конечно, министерскія школы, которыя лучше обставлены въ матеріальномъ отношеніи и въ которыхъ преподаваніе ведется спеціалистами этого дѣла, чего нельзя сказать про два другіе типа школъ. Въ Иркутской губ. въ періодъ статистическаго изслѣдованія (т.-е. 1888—1890 годахъ) во всѣхъ министерскихъ школахъ, кромѣ трехъ, были школьныя библіотеки. Въ среднемъ на одну библіотеку приходится около 370 книгъ. Въ Енисейской губ. библіотеки для внѣкласснаго чтенія находятся во всѣхъ министерскихъ школахъ, въ среднемъ приходится на школу по 329 книгъ. Въ школахъ духовнаго вѣдомства дѣло обстоитъ иначе: такъ, въ Верхоянскомъ округѣ изъ 8 церковно-приходскихъ школъ только двѣ обладаютъ библіотечками, да и то очень небольшими. Въ Енисейской губ. изъ 41 церковно - приходскихъ школъ библіотеки имѣются только въ 12, и въ среднемъ на каждую библіотеку приходится по 66 книгъ. Изъ періодическихъ изданій школами выписываются только два: «Русскій Начальный Учитель» и «Родникъ». Кромѣ того, нѣкоторые учителя отъ себя выписываютъ разныя періодическія изданія, да и то въ очень небольшомъ количествѣ.

Нечего и говорить, замѣчаетъ г. Личковъ, что простой, сѣрый мужикъ, газеты не выписываетъ, но она выписывается болѣе зажиточными крестьянами, преимущественно торговцами, богатыми инородцами, священниками, волостными правленіями и пр. Но часть выписываемыхъ изданій по прочтеніи идетъ «на деревню», гдѣ читается и сѣрой публикой. Изъ періодическихъ изданій въ деревнѣ читаются: «Сельскій Вѣстникъ», «Русскій Паломникъ», «Вѣстникъ Краснаго Креста», «Родина», «Лучъ», «Нива». Вообще же можно сказать, что періодическими изданіями пользуется только такъ-называемая «сельская интеллигенція».

Изъ собранныхъ свѣдѣній оказывается, что селенія, имѣющія школы, выписываютъ до 120 періодическихъ изданій; на долю иллюстрированныхъ изданій приходится около 44%, юмористическіе журналы—9%, мѣстныя сибирскія газеты—18%; другія газеты—6%; толстые журналы («Русская Мысль», «Русскій Вѣстникъ», «Русская Старина», «Сѣверный Вѣстникъ») — 3½%, духовные журналы и газеты — болѣе 8%. Толстые журналы выписываются только болѣе интеллигентными изъ богатыхъ бурятъ и богатыми крестьянами, преимущественно изъ торговаго села Тутурскаго (Верхоян. окр.).

За границей.

Англія и Трансвааль. Въ числѣ политическихъ событій, ознаменовавшихъ истекшій 1895 годъ и выдвинувшихъ на сцену вопросы, разрѣшеніе которыхъ произойдетъ, вѣроятно, лишь въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, принадлежитъ любопытное во многихъ отношеніяхъ столкновеніе въ Южной Африкѣ между свободною республикою боеровъ Трансваалемъ и англичанами.

Боеры, потомки голландскихъ колонистовъ въ Капской землѣ, не разъ уже вступали въ борьбу съ англичанами, отстаивая свою независимость. Когда англичане завоевали Капскую землю, то боеры выселились изъ нея къ сѣверу и заняли Наталь, но англичане заявили притязаніе и на эту колонію, подъ тѣмъ предлогомъ, что она основана подданными британскаго государства, переселенцами изъ капской колоніи, и боеры, притѣсняемые англичанами, уступили имъ Наталь и основали двѣ новыя самостоятельныя общины, по ту сторону Оранжевой рѣки, Оранжевую республику и Трансвааль. Однако, англичане и тутъ ихъ не оставили въ покоѣ. Быстро расширяя свои владѣнія въ Южной Африкѣ, Англія въ 1877 году присоединила Трансвааль къ своимъ колоніямъ. Спустя три года произошло очень кровопролитное возстаніе боеровъ, вынудившее англичанъ ограничиться лишь номинальнымъ протекторатомъ надъ боерскою республикою, а въ 1884 году, послѣ новаго возстанія боеровъ, и этотъ протекторатъ былъ отмѣненъ по настоянію Гладстона, и Англія лишь сохранила за собою право не допускать самостоятельнаго заключенія какихъ-нибудь договоровъ между Трансваалемъ и другими государствами. Такимъ образомъ, Трансвааль достигъ самостоятельности и боеры могли разсчитывать, что ихъ оставятъ въ покоѣ ихъ могущественные сосѣди, еслибъ не то, что ихъ владѣнія врѣзались клиномъ въ англійскія, и англичане, захватившіе въ свои руки почти всю Южную Африку, не могли, конечно, спокойно относиться къ тому факту, что одна изъ богатѣйшихъ мѣстностей

этой области, посредствомъ которой могущественная британская южно-африканская компанія могла бы сильно поправить свои дѣла и поднять свои акціи, находится не въ рукахъ англичанъ, а въ рукахъ голландскихъ колонистовъ, земледѣльцевъ, не умѣющихъ даже должнымъ образомъ эксплоатировать богатѣйшія минеральныя богатства страны. Разсказы о баснословныхъ трансваальскихъ богатствахъ, объ алмазныхъ розсыпяхъ, золотѣ и др. металлахъ, не давали спать спокойно заправиламъ британской южно-африканской компаніи, акціи которой находились далеко не въ блестящемъ положеніи, такъ какъ въ новыхъ, захваченныхъ ею владѣніяхъ, Матабеле и Машоналандѣ, не нашлось, вопреки ожиданіямъ, ни золота, ни брилліантовъ. Предшествующая борьба съ боерами, однако, показала англичанамъ, что боеры умѣютъ отстаивать свою независимость, да и кромѣ того открытое посягательство на ихъ территорію было бы слишкомъ явнымъ нарушеніемъ международнаго права. На это не могла рѣшиться даже могущественная южно-африканская компанія, имѣющая даже въ своемъ распоряженіи собственное войско, вооруженное усовершенствованнымъ оружіемъ. Надо было найти предлогъ для оккупаціи сосѣдней территоріи, и предлогъ этотъ не только былъ найденъ, но даже облеченъ былъ нѣкоторымъ образомъ въ рыцарское одѣяніе. Англичане выступили защитниками гражданской равноправности и своему вмѣшательству въ дѣла трансваальской республики придали характеръ заступничества за «угнетаемое» промышленное населеніе Трансвааля. Но именно въ этомъ-то обстоятельствѣ, что англичане *дѣйствительно* могли придать такой характеръ своему нашествію въ чужія владѣнія, и заключается главный интересъ трансваальскаго столкновенія.

Любопытная сторона государственнаго устройства трансваальской республики состоитъ, главнымъ образомъ, въ томъ, что въ ней политическими правами пользуются только земледѣльцы, крестьяне, составляющіе меньшинство, сравнительно съ гораздо болѣе зажиточнымъ и быстро развивающимся промышленнымъ населеніемъ страны. Это меньшинство, господствующее въ политическомъ отношеніи, образуетъ коренное населеніе страны, боеровъ, избирающихъ народный совѣтъ изъ 24 представителей, облеченный законодательною властью, и президента, который выбирается на пять лѣтъ. Скромные земледѣльцы, сохранившіе свои патріархальные обычаи и нравы, свои голландскія традиціи свободы и самоуправленія, — боеры сидѣли на своихъ фермахъ и не мѣшали предпріимчивымъ пришельцамъ, нахлынувшимъ со всѣхъ сторонъ, какъ только разнеслись слухи о минеральныхъ богатствахъ Трансвааля, захватывать въ свои руки огромные земельные участки и эксплоатировать эти богатства въ свою пользу. Такая пассивность боеровъ, ревниво оберегавшихъ отъ посягательства иностранцевъ лишь свои законныя преимущества и политическія права и предоставлявшихъ иностраннымъ промышленникамъ устраивать акціонерныя компаніи и, увеличивая доходы Трансвааля, въ то же время богатѣть самимъ,—создала, въ концѣ концовъ, совершенно аномальное положеніе вещей въ Трансваалѣ. Пришельцы, преобладающіе въ численномъ отношеніи надъ боерами и составляющіе самую богатую и предпріимчивую часть населенія, остаются на положеніи иностранцевъ — «уитлендеровъ» (Uitlanders) и гражданскою полноправностью пользуются только боеры, земледѣльцы, которыхъ втрое меньше, нежели иностранцевъ. Не говоря уже о томъ, что въ глазахъ англичанъ, составляющихъ большинство пришлаго промышленнаго населенія въ Трансваалѣ, такое по-

ложеніе вещей явно противорѣчитъ принципу гражданской справедливости, оно является для нихъ тѣмъ болѣе невыносимымъ, что они считаютъ унизительнымъ для себя не быть полноправными гражданами и не участвовать въ обсужденіи общественныхъ дѣлъ, а лишь платить подати и нести на себѣ различныя повинности, точно рабы. Особенно раздражало ихъ то обстоятельство, что избытокъ государственныхъ доходовъ Трансвааля, образовавшійся вслѣдствіе новыхъ отраслей производства, созданныхъ предпріимчивыми иностранцами, тратился или же могъ тратиться трансваальскимъ правительствомъ безъ вѣдома и согласія тѣхъ, кто собственно способствовалъ обогащенію Трансвааля, и притомъ еще на такія цѣли, какъ, напримѣръ, вооруженіе отрядовъ и сооруженіе военныхъ фортовъ, которые явно направлены противъ пришлаго населенія. Конечно, все это вызывало глухое броженіе и скрытую борьбу между боерами и иностранцами, между земледѣльцами и промышленниками, подавлявшими первыхъ своею численностью, своимъ богатствомъ и предпріимчивостью.

Боеры, хорошо понимая, что предоставить иностранцамъ политическія права, значитъ отдать въ ихъ распоряженіе республику, всячески цѣпляются за свои прерогативы, видя въ нихъ единственный оплотъ, противъ надвигающагося владычества иностранцевъ, преимущественно англичанъ, своихъ давнишнихъ притѣснителей. Возраставшій антагонизмъ вскорѣ принялъ очень острый характеръ и возникло настоящее революціонное движеніе, направленное противъ политическаго господства боеровъ. Образовалось два лагеря; одни проповѣдывали обычную систему петицій и заявленій и борьбы на легальной почвѣ, другіе же настаивали на открытомъ возстаніи. Поданныя, однако, въ 1894 и 1895 году петиціи (послѣдняя имѣла 38.500 подписей) объ уравненіи правъ иностранцевъ, успѣха не имѣли и волненіе возрастало. Центръ волненія находился въ Іоганнесбургѣ, городѣ, созданномъ иностранцами. Іоганнесбургъ тѣмъ замѣчателенъ, что онъ началъ развиваться лишь въ 1892 году, когда золотоносныя земли, въ центрѣ которыхъ находится этотъ городъ, привлекли сюда людей съ разныхъ концовъ земного шара, охваченныхъ золотою лихорадкой и жаждою наживы. Изумительно быстрый ростъ этого города, состоявшаго менѣе десяти лѣтъ тому назадъ всего лишь изъ нѣсколькихъ лачужекъ, далеко оставляетъ за собою американскіе и австралійскіе «города-грибы». Кромѣ того, еще въ 1892 году Іоганнесбургъ находился въ сторонѣ отъ всѣхъ путей сообщенія; все необходимое надо было доставлять на быкахъ изъ Наталя и Кимберлея, конечныхъ пунктовъ капской желѣзной дороги, отъ которыхъ Іоганнесбургъ отстоитъ почти на 600 верстъ. Весь матеріалъ для постройки желѣзной дороги былъ доставленъ въ Іоганнесбургъ подобнымъ же образомъ. Теперь городъ имѣетъ пять желѣзнодорожныхъ путей, соединяющихъ Іоганнесбургъ съ пятью портами, и 90.000 жителей, преимущественно иностранцевъ. Впрочемъ, треть этого населенія составляютъ негры, работающіе въ копяхъ и живущіе въ особыхъ кварталахъ. Бѣлое населеніе также распадается на двѣ категоріи, рѣзко раздѣляющіяся между собой: собственно боеровъ, составляющихъ меньшинство, и «уитлендеровъ» (иностранцевъ), составляющихъ двѣ трети всего бѣлаго населенія Трансвааля. Это самое смѣшанное населеніе, какое только можно себѣ представить; всѣ націи Европы имѣютъ тутъ своихъ представителей, но большинство все-таки англичане. Характеристичную черту этого пришлаго населенія составляетъ его жажда быстрой на-

живы и отсутствіе осѣдлости. Огромная масса этихъ людей является въ Трансвааль только для того, чтобы нажиться какъ можно скорѣе и тогда вернуться на родину. Поэтому-то большинство этихъ пришельцевъ, работающихъ въ копяхъ или на золотыхъ пріискахъ, отправляясь въ Трансвааль, оставляютъ свои семьи на родинѣ. Дѣльцы и финансисты хотя и строютъ для себя роскошные дома въ Іоганнесбургѣ, но, тѣмъ не менѣе, всегда отправляютъ своихъ дѣтей воспитываться въ Англію и сами часто ѣздятъ туда. Они прекрасно знаютъ, что въ каждый данный моментъ могутъ уѣхать изъ Трансвааля, съ которымъ ихъ ничто не связываетъ, кромѣ чисто дѣловаго отношенія и стремленія къ наживѣ. Только среди мелкихъ коммерсантовъ можно встрѣтить такихъ, которые намѣрены пустить корни въ Трансваалѣ и потому устраиваются въ немъ вмѣстѣ съ своими семьями. Все это придаетъ Іоганнесбургу, столицѣ уитлендеровъ, временный характеръ, и не смотря на то, что промышленная жизнь такъ и кипитъ въ немъ, вы все-таки чувствуете, что этотъ большой городъ, съ солидными домами, выстроенными изъ камня, представляетъ ничто иное, какъ лагерь рудокоповъ и дѣльцовъ, и что лѣтъ черезъ 40 — 50, когда изсякнутъ золотоносныя жилы, онъ быстро опустѣетъ и дома превратятся въ развалины, ибо обитателей ихъ ничто не прикрѣпляетъ къ почвѣ. Какъ только они извлекутъ изъ нея все золото, какое только можно извлечь, они удалятся, какъ удаляются съ поля жнецы послѣ жатвы.

При такихъ условіяхъ, конечно, нечего и говорить о какой-нибудь высшей культурѣ, которую вносятъ въ страну пришельцы изъ разныхъ мѣстъ. Даже капская колонія, по словамъ самихъ же англичанъ, стоитъ невысоко въ этомъ отношеніи и до сихъ поръ тамъ нѣтъ настоящаго университета, а только экзаменаціонная коммиссія для философскаго и юридическаго факультетовъ, учрежденныхъ въ четырехъ коллегіяхъ. Вообще, народное образованіе стоитъ тамъ гораздо ниже, чѣмъ во многихъ другихъ англійскихъ колоніяхъ. Что же касается Трансвааля, то нахлынувшіе въ него иностранцы и особенно англичане, способствовали только широкому развитію въ немъ промышленности и финансовыхъ спекуляцій и врядъ ли много содѣйствовали повышенію культуры. Настоящее коренное населеніе страны, боеры-крестьяне земледѣльцы, для которыхъ Трансвааль представляетъ родину въ истинномъ значеніи этого слова, держатся въ сторонѣ отъ промышленныхъ центровъ, къ которымъ они питаютъ врожденное отвращеніе и живутъ въ своихъ фермахъ, раскинутыхъ на огромныхъ разстояніяхъ въ зеленыхъ равнинахъ Трансвааля. Эти коренные земледѣльцы, сохранившіе почти въ первобытной чистотѣ свои патріархальные нравы и независимость, съ огорченіемъ увидали открытіе золота на своей родинѣ и наводненіе ея пришлыми элементами, и къ этимъ элементамъ боеры относились съ справедливымъ недовѣріемъ, опасаясь ихъ посягательства на свою родину. Однако, они не оказали имъ, какъ мы уже говорили раньше, никакого сопротивленія, и уитлендеры, сдѣлавшись силою въ странѣ, почувствовали себя вправѣ предъявить свои требованія, опираясь на точку зрѣнія конституціонной справедливости. Трансваальское правительство отклонило эти требованія, противъ которыхъ въ принципѣ ничего не могло возразить, но оно понимало, что за ними скрывается посягательство на независимость республики, хотя въ то же время оно не могло не сознавать, что положеніе иностранцевъ ненормально и что, рано или поздно, придется прибѣгнуть къ какому-нибудь компро-

миссу, чтобы урегулировать его. Чрезмѣрная поспѣшность руководителей революціоннаго движенія въ Іоганнесбургѣ и нетерпѣніе заправилъ южно-африканской компаніи захватить поскорѣе въ свои руки Трансвааль съ его богатствами ускорило кризисъ и, раскрывъ свои карты, сыграло въ руку трансваальскому правительству, перенеся борьбу съ легальной почвы на нелегальную. Не даромъ говорятъ, что президентъ Крюгеръ, незадолго до вторженія Джемсона, сказалъ одному старику фермеру, спрашивавшему его, правда ли, что англичане снова собираются воевать съ боерами: «Да, да, дружище, но успокойся! Ты самъ охотникъ и знаешь, что когда хотятъ убить черепаху, то надо подождать, чтобы она высунула свою голову!»

И неосторожная черепаха высунула свою голову! По мѣрѣ того, какъ возросталъ въ Англіи интересъ къ трансваальскимъ богатствамъ, усиливались въ англійской печати толки о невыносимомъ положеніи англичанъ въ Трансваалѣ. Замѣчательно, что въ Трансваалѣ другія національности, нѣмцы, американцы и т. д. вовсе не вопили о притѣсненіяхъ, которымъ они подвергаются со стороны боеровъ, и жили въ мирѣ съ трансваальскимъ правительствомъ, справедливо ожидая, что время лучше всего разрѣшитъ вопросъ объ уравненіи правъ иностранцевъ. Вообще, вопросъ этотъ представляется жгучимъ только англійскимъ промышленникамъ, мечтавшимъ объ образованіи федераціи южно-африканскихъ колоній подъ верховною властью Великобританскаго королевства.

Между тѣмъ, въ Іоганнесбургѣ агитація усиливалась: правительство же, очевидно дѣйствуя по заранѣе обдуманному плану (*пусть черепеха высунетъ голову!*), не мѣшало ей. Иностранная община въ Іоганнесбургѣ состоитъ далеко не изъ однородныхъ элементовъ; въ нее входятъ не одни только англичане, составляющіе, впрочемъ, большинство, но и нѣмцы, бельгійцы, французы и американцы. Эти національности не раздѣляли воззрѣній такъ называемаго комитета реформъ, организованнаго въ Іоганнесбургѣ англичанами, да оно и понятно, такъ какъ англичане держали себя очень вызывающимъ образомъ и при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ распѣвали свои національные гимны, God save the Queen и Rull Britannia, ругали Гладстона въ печати за то, что онъ призналъ независимость Трансвааля, и руководители комитета реформъ, увлекшись, не стѣсняясь заявляли на митингахъ, что единственное знамя, достойное развѣваться надъ Трансваалемъ — это великобританское знамя.

— «Съ какой стати мы будемъ разбивать себѣ голову ради пользы англійскихъ капиталистовъ!..» говорили, однако, бѣлые рабочіе, которыхъ вербовали вожаки движенія. Другіе прямо заявляли, что они не желаютъ помогать политическимъ планамъ Сесиля Родса, директора южно-африканской компаніи и владѣльца богатѣйшихъ алмазныхъ и золотыхъ розсыпей, возвысившагося изъ простыхъ рабочихъ до поста перваго министра капской колоніи. Все это несомнѣнно указываетъ, что иностранцы Іоганнесбурга далеко не всѣ желали вмѣшательства англичанъ, и воззваніе, отправленное Джемсону, администратору южно-африканской компаніи, почему-то очутившемуся со своимъ отрядомъ у границы Трансвааля въ это время, хотя и было подписано, по словамъ англійскихъ газетъ, «вліятельными лицами города», но, очевидно, исходило лишь отъ сравнительно небольшого кружка, желавшаго ускорить развязку.

Но какъ бы тамъ ни было, а Джемсонъ, «случайно» находившійся со своимъ отрядомъ въ 800 чело-

вѣкъ, вполнѣ вооруженнымъ и готовымъ къ походу, у самой трансваальской границы, немедленно перешелъ границу, какъ только получилъ адресованное ему воззваніе, и подъ вліяніемъ этихъ побужденій, отправился защищать права своихъ соотечественниковъ, хотя въ воззваніи ничего не говорилось о какой бы то ни было непосредственной опасности, угрожающей англичанамъ и ихъ семействамъ, которая бы могла оправдать вооруженное вмѣшательство и нарушеніе территоріальныхъ правъ.

Джемсонъ тутъ, конечно, дѣйствовалъ по заранѣе составленному плану. Предполагалось, что недовольные немедленно станутъ на его сторону, и, водворившись въ Іоганнесбургѣ, Джемсонъ могъ бы провозгласить реформы государственнаго устройства Трансвааля. Переворотъ сталъ бы свершившимся фактомъ, и Англія, какъ ближайше заинтересованная держава, взялась бы водворить порядокъ въ странѣ, оффиціально оккупировала бы Трансвааль и ужъ разумѣется не выпустила бы его изъ своихъ рукъ.

Однако, составители этого остроумнаго плана упустили изъ виду два главныхъ обстоятельства: во-первыхъ, они не постарались заручиться навѣрное поддержкою всѣхъ жителей, недовольныхъ существующимъ порядкомъ вещей, и, во-вторыхъ, не приняли во вниманіе ни военнаго искусства боеровъ, ни того, что имѣютъ дѣло съ проницательнымъ и хитрымъ голландцемъ, президентомъ Крюгеромъ, зорко слѣдившимъ за всѣми ихъ приготовленіями. Англичане были увѣрены, что боерамъ никогда не устоять противъ англійскаго отряда, къ тому же вооруженнаго пушками системы Максима. Событія слишкомъ быстро показали имъ всю ошибочность ихъ разсчетовъ. Президентъ Крюгеръ, не мѣшавшій англичанамъ подготовлять возстаніе и нашествіе, съ своей стороны, однако, принялъ заблаговременно всѣ нужныя оборонительныя мѣры. Вторженіе Джемсона не было для него неожиданностью, и потому, какъ только Джемсонъ перешелъ границу Трансвааля, онъ немедленно телеграфировалъ губернатору капской колоніи сэру Робинзону, запросъ по этому поводу, телеграфировалъ и въ Лондонъ и въ Берлинъ, такъ что дѣло получило нежелательную для англійскихъ властей огласку, и англійское правительство выпуждено было дать категорическій отвѣтъ, раньше чѣмъ Джемсонъ успѣлъ подойти къ Іоганнесбургу и одержать побѣду, которая поставила бы Англію лицомъ къ лицу съ свершившимся фактомъ. Волей-неволей англійскому правительству пришлось отречься отъ всякой солидарности съ Джемсономъ и даже отправить ему приказаніе вернуться обратно. Однако, на этотъ приказъ Джемсонъ не обратилъ вниманія, вѣроятно, смотря на него какъ на простую формальность. Близъ Крюгерсдорпа отрядъ Джемсона наткнулся на боеровъ и, несмотря на пушки Максома и все свое вооруженіе, былъ разбитъ боерами. Ожидаемая помощь не явилась; уитлендеры, призвавшіе Джемсона, предоставили ему самому выпутываться изъ бѣды. Тамъ, гдѣ Джемсонъ разсчитывалъ встрѣтить союзниковъ, онъ нашелъ враговъ. Полторы тысячи боеровъ, сосредоточенные близъ Крюгерсдорпа, окружали его отрядъ со всѣхъ сторонъ и обстрѣливали изъ засады. Джемсонъ скоро убѣдился, что отступленіе ему отрѣзано; двигаться впередъ онъ также не могъ, потому что солдаты у него изнемогали отъ усталости и весь провіантъ пришелъ къ концу, такъ какъ, отправляясь въ походъ, онъ твердо разсчитывалъ, что ему вышлютъ новые запасы и подкрѣпленія. Пришлось сдаться врагу. Джемсонъ приказалъ вывѣсить бѣлый флагъ, но такъ какъ таковаго въ отрядѣ не оказалось, то онъ снялъ свою рубашку

и привѣсилъ ее къ древку. Какъ только этотъ импровизированный флагъ былъ поднятъ, боеры немедленно прекратили перестрѣлку и выказали себя очень великодушными по отношенію къ врагамъ, которыхъ только обезоружили и доставили въ Преторію. Президентъ Крюгеръ немедленно приказалъ произвести разоруженіе жителей Іоганнесбурга и арестовалъ всѣхъ членовъ революціоннаго комитета, въ числѣ которыхъ находился и братъ Сесиля Родса, что и побудило самого Сесиля Родса немедленно сложить съ себя званіе перваго министра капской колоніи. Джемсона и англійскихъ офицеровъ президентъ Крюгеръ выдалъ англійскимъ властямъ, хотя, по закону, имѣлъ полное право распорядиться съ ними, какъ съ флибустьерами; надъ членами же такъ называемаго комитета реформъ производится слѣдствіе, по окончаніи котораго всѣ лица, замѣшанныя въ революціонномъ движеніи, будутъ привлечены къ суду. Джемсона и его офицеровъ будутъ судить въ Англіи за превышеніе власти и ослушаніе приказаній начальства. Весьма возможно, что судъ раскроетъ еще кой-какія любопытныя подробности этого дѣла, гдѣ Англія дѣйствительно сыграла роль черепахи по отношенію къ боерамъ.

Такъ кончился смѣлый набѣгъ Джемсона, очевидно попавшаго въ ловко разставленную западню. Трансваальскому правительству онъ принесъ несомнѣнную пользу, давъ ему возможность задержать конституціонныя требованія уитлендеровъ, еще разъ отказать имъ. Возможно, что неудачный походъ Джемсона, встряхнувъ боеровъ, приведетъ и къ нѣсколько инымъ результатамъ въ этомъ отношеніи и заставитъ ихъ выработать такія реформы, которыя послужатъ надежнымъ оплотомъ для мѣстнаго населенія, какъ пришлаго, такъ и кореннаго.

Народныя библіотеки въ Лондонѣ. Въ рабочихъ кварталахъ Лондона, тамъ, гдѣ обитаютъ бѣднѣйшіе классы населенія, среди покосившихся домовъ и невзрачныхъ лачугъ, невольно обращаютъ на себя вниманіе посѣтителя приличныя на видъ и еще новыя зданія, на которыхъ красуется вывѣска «Free Public Library» (Безплатная публичная библіотека). Двери этихъ зданій, выходящія на улицу, всегда широко раскрыты настежъ и постоянно можно видѣть входящихъ и выходящихъ оттуда людей. Вечеромъ освѣщенныя окна библіотеки такъ привѣтливо сверкаютъ въ темнотѣ, точно приглашаютъ къ себѣ посѣтителей. И дѣйствительно, въ посѣтителяхъ никогда недостатка не бываетъ. Просторная зала для чтенія всегда бываетъ полна народомъ. Устройство залы очень удобно, хотя и просто. Полъ устланъ толстою цыновкой, чтобы не слышно было шаговъ входящихъ и уходящихъ посѣтителей; на столахъ же и на особо приспособленныхъ для удобства публики пюпитрахъ разложены газеты и журналы. Въ залѣ господствуетъ тишина, прерываемая только шелестомъ перевoрачиваемыхъ листовъ. Одни читаютъ газеты или разсматриваютъ объявленія, другіе погружены въ чтеніе журналовъ или техническихъ книгъ. Одинъ посѣтитель такой библіотеки Лондона разсказываетъ, что онъ никогда ни заставалъ тамъ менѣе ста человѣкъ, въ какое бы время дня ни заходилъ туда. До какой степени такія библіотеки удовлетворяютъ своему назначенію, доказывается, напримѣръ, тѣмъ, что въ маленькомъ провинціальномъ городкѣ Чельтенгамѣ, въ читальной залѣ, въ день перебываетъ не менѣе 1.200 посѣтителей. Такое учрежденіе, находящееся въ центрѣ рабочаго квартала, или въ провинціальномъ городкѣ, является какъ бы призывомъ къ знанію и свѣту и убѣжищемъ для всѣхъ въ часы досуга. Журналы и газеты,

особенно иллюстрированныя, привлекаютъ всѣхъ. даже очень невѣжественныхъ людей, сначала являющихся въ библіотеку затѣмъ лишь, чтобы посмотрѣть картинки, объявленія, или прочесть свѣжія новости. Но мало-по-малу въ нихъ просыпается интересъ къ чтенію; отъ газеты они переходятъ къ журналу, затѣмъ къ книгамъ, и возникаетъ жажда знанія. По вечерамъ освѣщенныя и хорошо натопленныя залы библіотеки особенно привлекательны для одинокихъ усталыхъ тружениковъ, которыхъ холодъ гонитъ изъ ихъ непригляднаго и неуютнаго жилья.

Всѣ народныя библіотеки въ Англіи являются плодомъ мѣстныхъ усилій. По закону достаточно, чтобы 10 плательщиковъ податей заявили письменно мѣстному приходскому совѣту о своемъ желаніи имѣть библіотеку, и вопросъ объ ея учрежденіи тотчасъ же поднимается въ собраніи избирателей и производится голосованіе какъ при политическихъ выборахъ. Результаты голосованія, какъ было до сихъ поръ, всегда оказывались въ пользу учрежденія библіотеки, и община отдѣляла часть своихъ доходовъ на ея устройство. Въ нѣкоторыхъ общинахъ, впрочемъ, вопросъ объ учрежденіи библіотеки прошелъ не безъ борьбы, такъ какъ находились все-таки люди, стоявшіе во главѣ приходскихъ совѣтовъ, которые высказывались противъ слишкомъ большого распространенія просвѣщенія среди рабочихъ. Но именно тамъ, гдѣ рабочимъ приходилось выдерживать такую борьбу съ противоположными воззрѣніями и брать верхъ только благодаря своему сплоченному большинству, успѣхъ библіотекъ былъ особенно значителенъ и доказывалъ особенно ярко, какъ велика потребность въ чтеніи въ рабочихъ классахъ. Такимъ образомъ, менѣе чѣмъ въ десять лѣтъ открыто такихъ библіотекъ въ Англіи 250, и въ одномъ Лондонѣ 30. Агитація въ пользу учрежденія этихъ библіотекъ велась очень энергично. и самъ маститый Гладстонъ поддерживалъ ее, заявляя. что въ устройствѣ такихъ библіотекъ онъ видитъ самое могущественное воспитательное средство, какое только можно предложить народу. Между прочимъ, собственная библіотека Гладстона въ его помѣстьи открыта для всѣхъ посѣтителей. но такъ какъ она вся состоитъ изъ научныхъ сочиненій, преимущественно по богословію исторіи и изъ классиковъ, то, разумѣется, она не имѣетъ характера народной библіотеки и привлекательна только для тѣхъ, кто занимается изученіемъ классиковъ или интересуется историческими и богословскими вопросами. Всѣмъ такимъ лицамъ Гладстонъ широко раскрываетъ двери своей библіотеки. «Это мое богатство,—говоритъ всегда Гладстонъ, указывая на свои книги,—и я обязанъ дѣлиться съ неимущими». Гладстонъ ставитъ одно только условіе посѣтителямъ своей библіотеки, чтобы они не пользовались для литературныхъ цѣлей его помѣтками на поляхъ книгъ. Благодаря поддержкѣ Гладстона, народныя библіотеки въ Англіи получили широкое распространеніе, несмотря на оппозицію нѣкоторыхъ могущественныхъ членовъ парламента Одному изъ такихъ членовъ, указывающему на распространеніе вредныхъ идей въ народѣ и происходящія отсюда опасности, Гладстонъ сказалъ: «мы должны заглянуть въ лицо опасности, чтобы судить о ней, и должны судить о вещахъ, хороши онѣ или дурны, не заботясь о ярлыкѣ, который къ нимъ приклеиваютъ». Опытъ указываетъ, что въ дѣлѣ возбужденія любви къ чтенію и удовлетвореніи потребностей въ образованіи, ничто не можетъ сравниться съ народными библіотеками, такими, какія устроены въ Англіи. Двери ихъ такъ широко раскрыты и онѣ такъ комфортабельны и привѣтливы, что рабочіе охотно идутъ туда

отдыхать послѣ дневныхъ трудовъ, и незамѣтно у нихъ развивается пристрастіе къ чтенію. Несомнѣнно, что эти библіотеки, наравнѣ съ многочисленными техническими вечерними школами, устраиваемыми въ разныхъ мѣстахъ Англіи, много способствуютъ тому, что умственный уровень англійскихъ рабочихъ классовъ стоитъ выше, нежели въ другихъ государствахъ Европы, гдѣ принципы народнаго просвѣщенія не проводятся такъ широко въ жизнь, какъ въ Англіи. Большею частью первоначальныя свѣдѣнія и знанія, полученныя въ народной школѣ, скоро испаряются; народъ не имѣетъ возможности пополнять и развивать ихъ, рабочій же слишкомъ спеціализируется или же пріобрѣтаетъ познанія, болѣе широкія, только въ отношеніи техническаго дѣла; вотъ для того, чтобы пополнить этотъ пробѣлъ, и учреждаются народныя библіотеки въ Англіи, не дающія заглохнуть въ народѣ потребности знанія и свѣта.

Англійскіе студенты въ XIII вѣкѣ. Археологическія изысканія, произведенныя въ послѣднее время, и масса открытыхъ документовъ даютъ возможность возстановить прошлое Оксфорда лучше, чѣмъ какого бы то ни было другого англійскаго города. До сихъ поръ еще улицы Оксфорда имѣютъ то направленіе, которое онѣ имѣли 600 лѣтъ тому назадъ, и Оксфордъ до нѣкоторой степени сохранилъ свою прежнюю физіономію, хотя предмѣстій, сѣвернаго и южнаго, представляющихъ какъ бы отдѣльные маленькіе города въ настояще время, тогда не существовало.

Въ этомъ лабиринтѣ улицъ, переулковъ, аллей, перекрестковъ и т. д. обитало въ XIII вѣкѣ самое буйное и самое непокорное населеніе Англіи. Въ средніе вѣка каждый англійскій городъ заключалъ въ себѣ много элементовъ, нарушающихъ общественное спокойствіе и индивидуальную безопасность, но нигдѣ эти элементы не были такъ сильно развиты, какъ въ Оксфордѣ, и не пользовались такою полною безнаказанностью. Этотъ буйственный элементъ составляли студенты, которые въ XIII вѣкѣ много отличались отъ современныхъ оксфордскихъ студентовъ, лишь изрѣдка прибѣгающихъ къ боксу или позволяющихъ себѣ какое-нибудь буйство, завершающееся разбитіемъ стеколъ въ домѣ какого-нибудь мирнаго буржуа. Теперь оксфордскіе студенты—корректные молодые люди, живущіе въ коллегіяхъ, какъ въ монастырѣ, и занимающіеся спортомъ лишь для развитія физическаго здоровья, а не для удовлетворенія буйныхъ наклонностей, какъ было въ XIII вѣкѣ, когда оксфордскіе студенты представляли безпорядочную орду, не признававшую дисциплины, жившую гдѣ попало и какъ попало, и поддерживавшую лишь номинальную связь съ университетомъ. Научныя занятія не имѣли правильнаго характера и большею частью служили только предлогомъ разгульной молодежи пользоваться безнаказанностью и вести жизнь, какую вздумается. Удальство считалось наивысшимъ качествомъ среди тогдашней университетской молодежи, всегда находившейся въ открытой борьбѣ съ гражданскими властями и городскими обывателями. Съ этой недисциплинированной ордой очень трудно было сладить городскимъ обывателямъ, составлявшимъ меньшинство, и даже полиція боялась вступать съ нею въ борьбу; поэтому, никто не рѣшался выходить на улицу безъ оружія, и были такіе случаи, какъ осада студентами папскаго легата въ его резиденціи, или разграбленіе какого-нибудь аббатства.

Изъ сохранившихся документовъ, относящихся къ тому времени, ясно можно видѣть, что личной безопасности гражданъ тогда почти не суще-

ствовало. Въ Оксфордѣ, населеніе котораго не превышало 4.000 душъ, каждый годъ случалось по нѣскольку убійствъ, а разныхъ столкновеній и дракъ даже перечислить нельзя, такъ какъ они составляли совершенно обычное явленіе. Городъ, видя свое полное безсиліе въ борьбѣ съ вольностями оксфордскихъ студентовъ, съ величайшимъ неудовольствіемъ смотрѣлъ на все возрастающія привиллегіи университета. Это неудовольствіе достигло въ концѣ концовъ такихъ размѣровъ, что перешло въ открытую распрю и столкновеніе между городскими обывателями и студентами, продолжавшееся цѣлыхъ четыре дня и кончившееся пораженіемъ послѣднихъ, причемъ сорокъ студентовъ было убито. Послѣ этого студентовъ вынудили оставить городъ и удалиться въ стѣны коллегіи, и хартія университета была отмѣнена. Распри происходили и между самими студентами, которые раздѣлялись на сѣверныхъ и южныхъ. Между этими двумя партіями существовала почему-то смертельная вражда и въ маѣ 1314 года между ними произошло формальное сраженіе, очевидно подготовленное заранѣе. Университетское начальство очень рѣдко вмѣшивалось въ распри студентовъ и власть его была чисто номинальной, такъ что ни одинъ изъ виновниковъ безпорядковъ и даже убійцы не подвергались карѣ и преспокойно разгуливали на свободѣ. Каждаго изучающаго документы, относящіеся къ университетской жизни Англіи, должно поразить слѣдующее обстоятельство: принято хвалить возвышенныя благородныя чувства рыцарскихъ временъ, между тѣмъ поступки тогдашней молодежи, воспитывавшейся въ этихъ рыцарскихъ чувствахъ, совершенно противорѣчатъ нашимъ современнымъ понятіямъ о чести и благородствѣ. Разнузданность страстей, однако, становится понятной, если принять во вниманіе, что тогдашней молодежи большею частью некуда было расходовать свои силы и энергію, выходъ которымъ давали эти побоища и сраженія. Притомъ, же всѣми постоянно воспѣвалась война и въ молодежи воспитывался воинственный духъ и особенное уваженіе къ военнымъ доблестямъ. Что же удивительнаго, что это преобладающее настроеніе общества отражалось и на университетской молодежи, скученной въ узкихъ улицахъ довольно населеннаго города и почти лишенной книгъ, несмотря на свою связь съ центромъ просвѣщенія — университетомъ. Только когда книга вытѣсняла оружіе, воинственность студентовъ стала мало-по-малу исчезать и вмѣстѣ съ этимъ исчезъ и антагонизмъ, такъ долго существовавшій между городомъ и университетомъ.

Взрывъ аэролита въ Мадридѣ. Жители Мадрида были очень напуганы взрывомъ аэролита, пролетѣвшаго надъ городомъ 10-го февраля н. ст. въ 9 ч. 30 минутъ утра. Погода была прекрасна и небо совершенно безоблачно, такъ что жители испанской столицы и предчувствовать не могли, какой имъ готовится сюрпризъ. Вдругъ весь небосклонъ точно вспыхнулъ, какъ во время молніи, и яркій свѣтъ ослѣпилъ всѣхъ, но прежде чѣмъ успѣли отдать себѣ отчетъ въ томъ, что случилось, раздался оглушительный взрывъ. Дома потрясло до основанія; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рушились стѣны, окна разлетѣлись въ дребезги. Обезумѣвшее отъ страха населеніе въ первый моментъ вообразило, что это землетрясеніе, всѣ, кто находился въ домахъ, моментально бросились на улицу. Многіе выскакивали изъ оконъ прямо на улицу и причинили себѣ серьезные ушибы и поврежденія. Особенно сильно пострадали работницы на табачной фабрикѣ, моментально бросившіяся на лѣстницу,

которая, не выдержавъ напора толпы, обрушилась и передавила многихъ.

На улицѣ, на базарахъ толпившійся народъ спрашивалъ себя, что случилось? Никто не могъ понять, что произошло. Все было спокойно, земля не колебалась, дома стояли на своихъ мѣстахъ и небо было безоблачно по прежнему. Что же это было? Въ королевскомъ дворцѣ прежде всего подумали о динамитномъ покушеніи, и всѣ были страшно напуганы. Вскорѣ, однако, загадочность явленія разъяснилась. Наблюденія астрономической обсерваторіи въ Мадридѣ и метеорологическаго института констатировали появленіе и взрывъ огненнаго болида надъ Мадридомъ, сдѣлавшійся причиною паники. Среди мадридскаго населенія многіе также замѣтили появленіе болида въ видѣ бѣлаго съ голубоватымъ оттѣнкомъ облачнаго пятна, въ центрѣ котораго этотъ голубоватый оттѣнокъ переходилъ въ красноватый. Такое же явленіе наблюдалось одновременно и въ другихъ городахъ, даже довольно отдаленныхъ: въ Валенсіи, Толедо, Бургосѣ, Арагонѣ и Логроно.

Когда паника въ Мадридѣ поутихла, успокоенное населеніе принялось разыскивать осколки метеорита, пролетѣвшаго надъ городомъ. Дѣйствительно, таковые были найдены въ разныхъ мѣстахъ въ окрестностяхъ Мадрида. Одинъ изъ этихъ осколковъ во время паденія даже ранилъ въ лобъ аптекаря въ предмѣстьи Мадрида. Самый большой осколокъ, доставленный въ обсерваторію, вѣситъ 150 граммъ. По заключенію ученыхъ, взрывъ метеорита произошелъ на высотѣ 24.000 метровъ.

Разумѣется, ученые очень заинтересованы этимъ любопытнымъ явленіемъ, въ которомъ суевѣрное мадридское населеніе, конечно, видитъ особенное знаменіе, предвѣщающее какія-нибудь большія бѣдствія. Между тѣмъ, подобныя явленія, хотя и принадлежатъ къ числу очень рѣдкихъ, наблюдались уже много разъ. Во Франціи, напримѣръ, въ Эгль. наблюдалось такое же точно явленіе въ 1803 году. Взрывъ метеорита произвелъ такое сильное сотрясеніе, что многіе дома развалились. Осколки метеорита найдены были въ разныхъ мѣстахъ на 150 километровъ въ окружности и причинили не мало бѣдъ. Много людей было ранено этими осколками. Въ Уорчестершайрѣ, въ 1874 г., а также въ 1879 г. въ Сѣверной Англіи наблюдалось подобное же явленіе. Взрывъ былъ такъ силенъ, что всѣ дома потрясло до основаній; кромѣ того, взрывъ сопровождался появленіемъ необыкновенно яркаго свѣта, о которомъ трудно составить себѣ понятіе, не видѣвши его. Достаточно сказать, что весь городъ освѣтило сразу и свѣтъ былъ настолько силенъ. что разбудилъ даже спящихъ жителей, такъ какъ явленіе произошло поздно вечеромъ.

Одинъ изъ сотрудниковъ газеты «Temps» передаетъ по этому поводу свой разговоръ съ профессоромъ музея естественной исторіи въ Парижѣ, Станиславомъ Мёнье. Профессоръ Мёнье собралъ для музея цѣлую коллекцію метеоритовъ, найденыхъ въ 400 случаяхъ такихъ паденій. Въ этой коллекціи находятся метеориты всевозможной формы и величины, отъ небольшой груши до головы взрослаго человѣка. Всѣ они сѣроватаго цвѣта, но покрыты черноватою корой.

По мнѣнію профессора, мадридскій феноменъ не заключаетъ въ себѣ ничего такого, что противорѣчило бы установленнымъ научнымъ даннымъ, и отличается отъ другихъ подобныхъ же явленій лишь тѣмъ, что вызвалъ народную панику. Такая паника случается рѣдко, но лишь потому, что болиды очень рѣдко появляются надъ такими густо населенными городами, какъ Мадридъ.

— Болидъ, — сказалъ профессоръ

Мёнье,—большею частью представляетъ огненный шаръ, блескъ котораго ночью бываетъ ослѣпителенъ, днемъ же, конечно, онъ бываетъ не такъ ярокъ. Въ Мадридѣ, напримѣръ, наблюдалось бѣловатое пятно полулунной формы, представлявшее въ центрѣ такую же окраску, какую имѣютъ облака при закатѣ солнца. Болидъ пролетаетъ съ такою ужасающею быстротой, о которой мы даже приблизительно не можемъ составить себѣ понятія. Пушечное ядро, напримѣръ, пролетаетъ 500 метровъ въ секунду, болидъ же, согласно самымъ точнымъ измѣреніямъ, пролетаетъ въ этотъ же промежутокъ, т. е. въ одну секунду, 30—40.000 метровъ. Болидъ проникаетъ въ нашу атмосферу съ такою ужасающей быстротой что, раздвигая слои воздуха, образуетъ на своемъ пути какъ бы желобъ пустоты, куда съ шумомъ устремляется воздухъ, вызывая грохотъ, раскаты котораго мы слышимъ, когда пролетаетъ метеоритъ. Послѣ этихъ звуковыхъ и свѣтовыхъ явленій, наблюдается иногда паденіе осколковъ, которые бываютъ разной величины и иногда состоятъ цѣликомъ изъ желѣза, какъ это было, напримѣръ, въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ такой метеоритъ послужилъ даже поводомъ къ курьезному процессу, возбужденному правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ противъ владѣльца поля, куда свалилась громадная глыба метеоритнаго желѣза. Правительство требовало, чтобы владѣлецъ уплатилъ пошлину за это желѣзо, такъ какъ оно не составляло мѣстнаго продукта, а явилось извнѣ, т. е. съ неба. Въ метеоритахъ находятъ разныя минеральныя породы, встрѣчающіяся на землѣ, и если при изученіи космической геологіи станемъ примѣнять такіе же методы, какіе ввелъ Кювье въ изученіе исчезнувшихъ типовъ животныхъ, и попробуемъ возстановить посредствомъ этихъ осколковъ тотъ идеальный шаръ, частицу котораго они нѣкогда составляли, то несомнѣнно мы должны будемъ признать, что этотъ шаръ подвергался такимъ же геологическимъ переворотамъ, какіе происходятъ на земномъ шарѣ. Метеориты являются продуктами произвольнаго распаденія одного или нѣсколькихъ небесныхъ тѣлъ, которыя также были устроены, какъ и земной шаръ. Эти осколки распавшихся небесныхъ тѣлъ, увлекаемые своею первоначальною скоростью, блуждаютъ въ пространствѣ, и если встрѣтятся въ своемъ полетѣ съ нашею планетой, то падаютъ на нее, какъ, быть можетъ, падаютъ и на луну, когда встрѣчаются съ нею. Причиною распаденія небесныхъ тѣлъ является прогрессивная потеря первоначальной теплоты и постепенное охлажденіе. Солнечные лучи согрѣваютъ только поверхность и поэтому не могутъ вполнѣ вознаградить эту потерю. Шары постепенно охлаждаются, высыхаютъ и распадаются. Моря исчезаютъ, поглощенные почвой, исчезаетъ атмосфера и жизнь, и такой шаръ носится въ пространствѣ, безжизненный и холодный, до тѣхъ поръ, пока, достигнувъ окончательной дряхлости, не распадется, какъ трупъ. Метеориты, попадающіе къ намъ на землю, представляютъ именно остатки такихъ мертвыхъ тѣлъ, жизнь которыхъ давно угасла и которыя постепенно превратились въ прахъ...

— Но вѣдь такая судьба ожидаетъ и нашу планету! — воскликнулъ собесѣдникъ профессора.

— Да,—сказалъ задумчиво профессоръ.—И наша земля когда-нибудь сдѣлается источникомъ метеоритовъ, которые будутъ падать на новыя будущія планеты!

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«Westminster Review».—«Revue de Paris».—«Cosmopolis».

Историческая школа, хотя и отрицающая существованіе истинной цивилизаціи въ Новомъ Свѣтѣ въ періодъ его завоеванія, признаетъ всетаки, что Перу представляло уже въ то время довольно культурное государство, вышедшее изъ варварскаго состоянія. Нѣкоторые историки, правда, отдаютъ предпочтеніе мексиканцамъ, но если сравнить административныя и соціальныя системы въ обѣихъ странахъ, то несомнѣнно приходится отдать пальму первенства Перу. При изученіи системы государственнаго устройства, существовавшей въ Перу, изслѣдователь непремѣнно долженъ быть пораженъ изумительнымъ сходствомъ съ тѣмъ, напр., идеаломъ, который мерещится нѣкоторымъ нашимъ «народникамъ», вздыхающимъ о добромъ старомъ времени, когда и у насъ еще процвѣтало натуральное хозяйство съ его патріархальнымъ бытомъ.

Административное устройство Перу опиралось на децимальную систему. Единицу, составляла «шунша»—деревенская община, состоящая изъ десяти семействъ. Десять *шунша* составляла *«пашаку»*, десять *пашакъ—«хуаранку»* и, наконецъ, десять *хуаранка* составляли *«хуну»*—округъ, населеніе котораго состояло изъ 50.000 душъ. Во главѣ каждаго изъ этихъ административныхъ отдѣловъ находилось служебное лицо, отвѣтственное передъ другимъ лицомъ, стоящимъ выше его по іерархической лѣстницѣ, а въ концѣ концовъ,—передъ инкой, являющимся высшимъ главою всей бюрократіи страны. Дѣятельность этихъ чиновниковъ была двоякаго рода: прежде всего они завѣдывали раздачею сѣмянъ для посѣвовъ, сукна для одежды, строительныхъ матеріаловъ, если, бывало, нужно построить домъ, разрушенный пожаромъ или ураганомъ; затѣмъ они являлись судьями, тамъ гдѣ это было нужно, разбирали дѣла, препровождая болѣе серьезные случаи на разсмотрѣніе лица, стоявшаго выше ихъ по іерархической лѣстницѣ.

Земля считалась собственностью общины *(шунши)* и дѣлилась на мелкіе участки, достаточные для прокормленія мужа и жены. Какъ у древнихъ германцевъ, такъ и въ Перу въ опредѣленное время происходило новое дѣленіе земли для поддержанія равновѣсія. Продукты земли дѣлились на три части: одна предназначалась Инкѣ, другая — жрецамъ Солнца и третья—народу. Сначала воздѣлывались земли, принадлежащія богу солнца, затѣмъ, тѣ, которыя составляли участки старыхъ, больныхъ, увѣчныхъ, вдовъ и сиротъ—словомъ, всѣхъ тѣхъ, кто не могъ самъ обрабатывать землю. Покончивъ съ этими участками, народъ принимался за воздѣлываніе своихъ собственныхъ участковъ и земли, принадлежащія Инкѣ, воздѣлывались всегда самыми послѣдними. Повидимому, дневныя работы неотнимали слишкомъ много времени и не утомляли рабочихъ, такъ какъ они всегда изображаются бодрыми и веселыми, распѣвающими народныя пѣсни во время своей работы.

Главную отрасль индустріи въ Перу составляло производство сукна, приготовляемаго изъ шерсти домашней ламы и нѣкоторыхъ дикихъ породъ. Охота за этими животными происходила подъ руководствомъ правительственныхъ чиновниковъ, въ опредѣленное время. Въ этой охотѣ принимало участіе много людей. Шерсть распредѣлялась между всѣми семьями, и тутъ также каждая семья должна была прежде позаботиться объ удовлетвореніи своихъ собственныхъ потребностей и затѣмъ уже вырабатывала свою долю для Инки. Но руд-

ники драгоцѣнныхъ металловъ эксплуатировались исключительно только въ пользу Инки и духовенства. Никакого раздѣленія труда не существовало и каждый своими собственными руками изготовлялъ то, что ему было нужно. Каждый взрослый мужчина былъ одновременно и ткачемъ, и портнымъ, башмачникомъ и строителемъ, земледѣльцемъ и т. д., а въ нѣкоторыхъ отрасляхъ производства ему помогала женщина. Исключеніе составляла только обработка металловъ, требовавшая уже спеціализаціи и достигшая въ Перу высокой степени искусства.

Бюрократическая система Перу по праву возбуждала изумленіе завоевателей, такъ какъ она оказалась весьма сложной. Такъ, напримѣръ, администрація должна была заботиться о томъ, чтобы на каждаго члена общины налагался трудъ, вполнѣ соразмѣрный съ его силами, поэтому рабочее населеніе деревни раздѣлялось на четыре класса: въ первомъ находились мужчины отъ 16 до 20 лѣтъ, во второмъ — отъ 20 до 25, въ третьемъ отъ 25 до 50, и въ четвертомъ—отъ 50 до 60. Первому и четвертому классу назначалась болѣе лекая работа, а самая трудная выпадала на долю второго и третьяго классовъ. Женщины также подвергались подобной же классификаціи въ дѣлѣ хозяйственной работы.

Замѣчательно, что, не смотря на слабое развитіе письменности въ Перу, система оффиціальныхъ записей велась съ величайшей тщательностью и правительство обладало очень точными статистическими свѣдѣніями, касающимися каждаго округа, его климата, населенія, производительности и т. п. Если бѣдствіе обрушивалось на какую-нибудь общину, то извѣстіе объ этомъ немедленно достигало высшихъ сферъ и точасъ же принимались мѣры для исправленія бѣды. Число рабочихъ часовъ, особенно въ рудникахъ, подвержено было самой строгой регламентаціи,—«въ записяхъ», конечно, и отчетахъ мудрой администраціи, ибо мнѣнія самихъ рабочихъ по этому вопросу, къ сожалѣнію, не дошли до потомства.

Народныя развлеченія также занимали не послѣднее мѣсто въ Перу. Нѣсколько разъ въ годъ устраивались большія народныя празднества, на которыхъ танцовали, пѣли и смотрѣли на драматическія празднества.

Такова была система управленія, господствующая въ эпоху испанскаго завоеванія въ этой территоріи, занимавшей поверхность болѣе чѣмъ въ 800.000 квадратныхъ миль, т.-е. равнявшейся современной Германіи, Австріи, Франціи и Испаніи, соединеннымъ вмѣстѣ. Населеніе этой мѣстности было тогда гораздо гуще, чѣмъ теперь; земля воздѣлывалась въ совершенствѣ, дороги были въ хорошемъ состояніи и ирригація устроена съ такимъ искусствомъ, что невольно удивляешься ловкости народа, не имѣвшаго въ своемъ распоряженіи никакихъ желѣзныхъ орудій. Развалины древнихъ зданій свидѣтельствуютъ, что въ разсказахъ первыхъ изслѣдователей и завоевателей Перу не заключается никакихъ особенныхъ преувеличеній.

Все это, какъ мы знаемъ изъ учебника Иловайскаго, не спасло Перу, съ его милліоннымъ населеніемъ, при столкновеніи съ нѣсколькими стами испанцевъ, предводительствуемыхъ двумя бандитами, Пизарро и Альмагро. Этого вопроса не касается «Westminister Review», справедливо полагая, что читатели и сами понимаютъ, почему народъ, лишенный всякой самодѣятельности, не могъ оказать сопротивленія горсти авантюристовъ—въ борьбѣ, требовавшей прежде всего энергіи, иниціативы и сознанія своихъ правъ.

Леонсъ Пинго (Pingaud) печатаетъ въ «Revue de Paris» очень подробное

изслѣдованіе о послѣднихъ членахъ конвента. Къ концу первой имперіи, менѣе чѣмъ черезъ двадцать лѣтъ, говоритъ онъ, конвентъ, казалось, принадлежалъ уже къ очень отдаленной эпохѣ. Оставшіеся въ живыхъ члены знаменитаго собранія вспоминали о своемъ прошломъ, пожалуй, только лишь для того, чтобы сказать, другъ другу, какъ говорилъ нѣкогда Фуше Тибодо въ 1810 году: «мы стояли тогда въ партерѣ, недовольные и буйные, теперь мы удобно сидимъ въ ложахъ перваго ряда; будемъ же аплодировать!» Почти всѣ изъ переживщихъ бурныя времена республиканцевъ приняли должности отъ новой монархіи, и не только должности, но и пенсіи и даже почетные титулы. Что имъ за дѣло было до республики,—до «величественной системы», о которой нѣкогда мечталъ Кондорсе! Они приняли имперію, какъ спасеніе для нѣкоторыхъ учрежденій, въ которыхъ видѣли и свое собственное спасеніе. Наполеонъ даже особенно охотно набиралъ себѣ слугъ среди бывшихъ членовъ конвента и эмигрантовъ, заявляя во всеуслышаніе, что онъ не столько обращаетъ вниманіе на мнѣнія, сколько на покорность и пріобрѣтенную опытность.

Но, признавъ имперію, многіе изъ бывшихъ революціонеровъ признали затѣмъ и реставрацію. Однако. высказанная ими покорность тутъ не принесла имъ пользы. Хотя Людовикъ XVIII и объявилъ, что воспрещается доискиваться фактовъ и мнѣній до реставраціи и рекомендуется трибуналамъ и гражданамъ забыть о томъ, что происходило до этого времени, но, тѣмъ не менѣе, реакція наступала быстро, и бывшіе члены конвента подверглись преслѣдованію вездѣ, гдѣ только можно. Вскорѣ это преслѣдованіе распространилось и на ихъ родственниковъ и всѣхъ тѣхъ, кто такъ или иначе участвовалъ въ революціи. Нѣтъ ничего удивительнаго, что всѣ преслѣдуемые, не зная, какому святому молиться, съ радостью привѣтствовали возвращеніе Наполеона съ острова Эльбы. Стодневная монархія быстро пришла къ концу и наступила вторичная реставрація, и на этотъ разъ пострадали уже не одни только республиканцы, а и бонапартисты. Всѣхъ ихъ смѣшали въ одну кучу подъ общимъ наименованіемъ «горсти цареубійцъ», которое было дано имъ памфлетистомъ того времени, роялистомъ Боррюэль-Боверомъ. Ней былъ первою жертвою такого настроенія умовъ. Но пострадали и другіе. Даже Фуше не избѣгъ общей участи, хотя онъ всегда ухитрялся быть на сторонѣ побѣдителей. Онъ тоже былъ устраненъ мало-по-малу. Когда опубликованы были законы объ изгнаніи, то нѣкоторые изъ бывшихъ членовъ конвента стали просить у правительства отсрочки подъ разными предлогами. Бернаръ де-Сентъ прикинулся сумасшедшимъ, но неудачно; Тиріонъ лишилъ себя жизни. Другіе подписали торжественное отреченіе отъ своего голосованія смерти Людовика XVI и даже объявили себя роялистами. Бреаръ сослался на свою бѣдность, но правительство выдало ему нужную сумму денегъ и отправило его въ изгнаніе. Дегрона, немощный и слѣпой, былъ заключенъ въ больницу и долженъ былъ выплачивать по 10 фр. въ день.

Нѣкоторые, однако, избѣжали общей участи: такъ, напримѣръ, Ришаръ, должно быть за какія-то таинственныя услуги, получилъ пенсію отъ правительства въ 6.000 фр. Талльенъ, вѣроятно, въ воспоминаніе о 9-мъ термидорѣ, получилъ безсрочную отсрочку изгнанія и велъ въ Парижѣ самое жалкое существованіе. Друэ скрылся подъ чужимъ именемъ и вмѣстѣ съ какою-то нѣмкой открылъ пирожную лавку. Онъ кончилъ тѣмъ, что сдѣлался довѣреннымъ лицомъ одного изъ ультрареакціонеровъ и, все подъ чужимъ именемъ, ухаживалъ за его садомъ

и читалъ ему по утрамъ монархическія газеты.

Бессонъ, быть можетъ, былъ самымъ несчастнымъ изъ всѣхъ, но все же онъ купилъ менѣе унизительною цѣной право умереть во Франціи. Онъ взялъ заграничный паспортъ, но спрятался вблизи своей деревни, въ уединенной лачужкѣ въ лѣсу. За нимъ ухаживала его дочь, и правительство, знавшее, вѣроятно, гдѣ онъ скрывается, посылало отъ времени до времени дѣлать обыскъ въ его убѣжищѣ. Бессонъ, предупреждаемый друзьями, скрывался тогда въ лѣсу, и однажды ему пришлось даже провести ночь такимъ образомъ, подвергаясь опасности нападенія волковъ. Въ домѣ онъ также никому не показывался и его маленькій внукъ видѣлъ его только мелькомъ, точно какой-то призракъ, сквозь стеклянную дверь.

Европейскія государства не очень охотно принимали къ себѣ изгнанниковъ и самое лучшее убѣжище они, конечно, могли найти только въ Америкѣ. Но очень немногіе рѣшились туда отправиться. Изъ этихъ послѣднихъ называютъ: Гарнье де-Сентъ, утонувшаго въ Огіо, Пеньера, сдѣлавшагося первымъ слесаремъ колоніи, Лаканаля, организовавшаго университетъ въ Новомъ Орлеанѣ, и Билльо Варенна, проживавшаго въ хижинѣ въ Санъ-Доминго и не жалѣвшаго, повидимому, ни о чемъ, кромѣ смерти Робеспьера и Дантона.

Фуше, примирившійся со своею участью, рѣшилъ, что ему надо подумать о покоѣ и о своей репутаціи и занялся своими мемуарами. Но Карно, поднявшій бѣлое знамя въ Анверѣ во время первой реставраціи, вовсе не имѣлъ намѣренія покоряться безропотно. До своего изгнанія онъ пробовалъ протестовать въ запискѣ, поданной лично королю, но это было тщетно. Въ изгнаніи онъ принялъ участіе въ заговорѣ, организованномъ брюссельскими эмигрантами, съ цѣлью произвести революцію во Франціи и вмѣсто Людовика XVIII посадить наслѣдника Нидерландовъ, принца Оранскаго. Но этотъ странный проектъ водворить во Франціи пятую династію при посредствѣ бывшихъ республиканцевъ и иностранныхъ солдатъ, однако, потерпѣлъ неудачу.

Революція 1830 года открыла двери Франціи изгнанникамъ. Сорокъ пять бывшихъ членовъ конвента вернулись на родину.

«Я видѣлъ самъ,—пишетъ Эдгаръ Кине, — возвращеніе въ 1830 году изгнанниковъ, высланныхъ въ 1815 году. Воспоминаніе объ этомъ надрываетъ мнѣ сердце и теперь, когда я пишу эти строки... Они захотѣли повидать свои родныя провинціи, тѣ мѣста, гдѣ ихъ нѣкогда такъ чествовали и превозносили. Но ни одна дверь не открылась имъ и пребываніе на родинѣ скоро сдѣлалось для нихъ невыносимымъ. Убѣдившись, что они стѣсняютъ своимъ присутствіемъ, они удалились въ уединеніе, въ безвѣстное убѣжище, сожалѣя, какъ одинъ изъ нихъ самъ сознался мнѣ, о далекомъ изгнаніи, откуда они вернулись, и находя возвращеніе во сто разъ хуже смерти».

Не мѣшаетъ, конечно, напомнить, что всѣ эти люди, такіе уступчивые и легко мѣнявшіе свою форму, именно и составляли то послушное большинство въ конвентѣ, которое по очереди отправляло на эшафотъ то жирондистовъ, то Дантона, то Робеспьера.

Международный журналъ «Cosmopolis», печатающійся на трехъ языкахъ, помѣщаетъ въ своемъ февральскомъ нумерѣ письмо Жюля Симона, слѣдующаго содержанія: «М. г. Вы издаете космополитическій журналъ, чтобы содѣйствовать распространенію идей мира и согласія. Я заключаю изъ этого, что вы, также какъ и мы, стремитесь, — не уничтожить войну совсѣмъ, потому что это никогда не

упается, — а отдалить ее насколько возможно, доставивъ разуму и человѣчеству, какъ можно больше, шансовъ дѣйствовать противъ нея. Исторія послѣднихъ лѣтъ указываетъ, что различныя государства все болѣе и болѣе сознаютъ полезность конгрессовъ, ихъ необходимость, я бы сказалъ даже святость, ибо всякое учрежденіе, имѣющее цѣлью помѣшать людямъ убивать другъ друга, есть святое учрежденіе.

«Никогда, ни въ какую другую историческую эпоху война не была столь вѣроятна и столь же невозможна, какъ въ данную минуту; она вѣроятна, потому что «casus belli» скопляются со всѣхъ сторонъ, на Балканахъ, въ Болгаріи, въ Турціи, въ Трансваалѣ, въ Китаѣ и еще недавно къ нимъ прибавилось посланіе Кливэленда и посланіе императора Вильгельма; но она невозможна— вслѣдствіе громадности своихъ непосредственныхъ результатовъ и послѣдствій. Въ самомъ дѣлѣ, теперь уже не можетъ быть рѣчи о томъ, что на мѣсто битвы отправятся сотни тысячъ или даже милліонъ людей; благодаря обязательной и всеобщей военной службѣ, благодаря усовершенствованію желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ, телефоновъ и дальнобойнаго оружія, туда уйдутъ всѣ, и результатъ будетъ столь же роковымъ для побѣдителя, какъ и для побѣжденныхъ, для воинствующихъ, какъ и для нейтральныхъ. Явится недостатокъ въ людяхъ, исчезнутъ таланты и человѣчество отодвинется на нѣсколько вѣковъ назадъ. Оно умретъ, чтобы возродиться, но оно все-таки умретъ!

«Кто же не знаетъ этого среди серьезныхъ людей, или кто, зная, не видитъ, что первый долгъ каждаго народа—прибѣгать къ посредничеству въ своихъ частныхъ распряхъ, для разъясненія и улаженія недоразумѣній, и обращаться къ третейскому суду?

«Несогласія между народами имѣютъ такой же характеръ, какъ и ссоры между частными лицами. Каждая изъ спорящихъ сторонъ принимаетъ во вниманіе только свои интересы въ прошломъ и будущемъ. Трудно достигнуть соглашенія, когда разгораются страсти, тѣмъ болѣе, что основанія для нихъ могутъ быть вполнѣ законными съ обѣихъ сторонъ. Въ рѣчахъ также далеко не всегда соблюдается должная осторожность въ такихъ случаяхъ. Соглашенія даже скорѣе можно достигнуть тамъ, гдѣ идетъ дѣло о крупныхъ интересахъ, но война вѣдь возникаетъ изъ-за пустяковъ!

«Германія пишетъ президенту южноафриканской республики: «На васъ сдѣлано преступное покушеніе». Южноафриканская республика соглашается съ Германіей и приговариваетъ виновника къ смерти. Въ концѣ концовъ смерть замѣняется изгнаніемъ, но все же первый приговоръ былъ смертнымъ приговоромъ, да вѣдь и изгнаніе — наказаніе не легкое. Во многихъ законодательствахъ оно слѣдуетъ непосредственно за смертною казнью.

«Англія замѣчаетъ Германіи: «Какъ бы ни былъ виновенъ сдѣлавшій нападеніе, вы все же не имѣете права примѣшивать сюда Англію, осуждающую его, или дѣлать выговоръ англійскому подданному, не подлежащему вашей юрисдикціи».

«Такъ какъ каждый изъ этихъ народовъ по своему правъ, то ни одинъ изъ нихъ не желаетъ уступать, и разговоръ между ними только можетъ усилить взаимное раздраженіе. Въ ихъ собственныхъ интересахъ, слѣдовательно, нужно было бы прибѣгнуть къ третейскому суду, который разъяснитъ дѣло, щадя самолюбіе и той, и другой стороны.

«Изолированныя войны въ настоящее время невозможны. Ни одно государство не можетъ вынуть мечъ изъ ноженъ безъ того, чтобы другія не были

втянуты въ его ссору. Война 1870 года была последнею войной, во время которой міръ смотрѣлъ на избіеніе, не вмѣшиваясь въ него. Это послѣдняя война, во время которой народъ оказался побѣжденнымъ, не будучи, въ то же время, уничтоженнымъ. Отнынѣ придется во время битвы брать ту или другую сторону, если есть желаніе участвовать въ дѣлежѣ добычи. При такомъ положеніи вещей долгъ всѣхъ цивилизованныхъ народовъ настаивать на примиреніи или, по крайней мѣрѣ, предлагать мѣры къ нему. Народы не должны, ради собственной безопасности, чести и выполненія долга, освященнаго словами: «Помогайте другъ другу!», оставаться равнодушными къ общей опасности.

«Я вовсе не говорю, что война неизбѣжна. Я думаю, что невозможность вести войну еще разъ возьметъ верхъ надъ разными поводами къ ней. Но жить такъ, развѣ это значитъ жить? Развѣ же мы не должны воспользоваться случаемъ и призвать на помощь хладнокровіе и проницательность людей нейтральныхъ? Вѣдь, если страсти будутъ руководить рѣшеніями въ разногласіяхъ, то это неминуемо ввергнетъ насъ въ ужасы войны. Если же разногласія будутъ подвергнуты суду разума, то это поведетъ къ ихъ разрѣшенію и умиротворенію. И мы должны испробовать это средство. Если мы сдѣлали все, что можетъ быть сдѣлано въ интересахъ примиренія, то намъ нечего бояться, чтобы пролитая кровь и накопившіяся развалины обрушились на насъ.

«Вы не англичане, не нѣмцы, не французы: вы все это одновременно. Нѣтъ народа, интересы котораго не были бы вамъ дороги. Вы не хотите преобладанія никого, потому что вы хотите одинаковаго развитія всѣхъ. Когда же война будетъ объявлена, то останется только убивать и убивать до полнаго истребленія. Въ настоящее время друзья мира имѣютъ союзниковъ въ лицѣ всѣхъ тѣхъ, кому война внушаетъ ужасъ; имя же имъ: легіонъ. Всякій конгрессъ мира вызываетъ энтузіазмъ толпы, и всякій монархъ или народъ, взявшій на себя иниціативу замиренія, непремѣнно будетъ превозноситься своими современниками и исторіей.

«Богъ и люди сходятся въ этомъ отношеніи. Если дипломатія останавливается передъ мелочами, въ виду такихъ опасностей, то пусть общественное мнѣніе принудитъ ее. Тутъ нѣтъ рѣчи о томъ, чтобы все сдѣлать въ одинъ день, или даже, вообще, все сдѣлать. Анализъ долженъ быть во всемъ. Затрудненія устраняются постепенно, и каждый достигнутый успѣхъ облегчаетъ достиженіе послѣдующаго успѣха. Я бы желалъ, чтобы торжество силы, заявляющее о себѣ въ теченіе четверти вѣка, завершилось бы пораженіемъ этой силы. Я проповѣдывалъ эту доктрину во время празднованія столѣтія института, и ко мнѣ примкнуло все, что есть великаго въ области искусствъ и наукъ. Это дѣло мира и, слѣдовательно, дѣло Бога!

Жюль Симонъ».

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ“.

Январь 1896 г.

Содержаніе. Беллетристика.—Публицистика.—Исторія культуры и цивилизаціи. — Соціологія. — Политическая экономія.—Естествознаніе.—Новости иностранной литературы.—Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

К. М. Станюковичъ. «Морскіе силуэты».— *Аполлонъ Коринфскій.* «Черныя розы».—*Альфредъ Мюссе.* «Ночи».

К. М. Станюковичъ. Морскіе силуэты. Изъ далекаго прошлаго. Спб. Изд. О. Н. Поповой. 1896 г. Ц. 1 р. Въ «Морскихъ силуэтахъ» авторъ выводитъ съ обычнымъ талантомъ нѣсколько типовъ изъ далекаго прошлаго, грустные образы которыхъ выступаютъ на фонѣ того времени, когда сознаніе человѣческаго достоинства только еще зарождалось въ русскомъ обществѣ. Поражаютъ теперь и кажутся невозможными и этотъ матросъ-«нянька», и его барыня, и «генералъ-арестантъ», и весь ихъ ужасающій антуражъ. Знакомясь съ такими «силуэтами», которые еще такъ недавно были обычными представителями своего времени, никого не удивлявшими, казавшимися всѣмъ такими простыми, естественными явленіями, — начинаешь больше и больше вѣрить въ человѣчество и человѣчность. Въ самомъ дѣлѣ, какихъ-нибудь 30—40 лѣтъ назадъ «барыня», знаменитый типъ «дамы пріятной во всѣхъ отношеніяхъ», посылаетъ «няньку»-матроса, служащаго въ деньщикахъ, къ знакомому адъютанту съ изящной записочкой, въ которой проситъ предъявителя оной—выпороть, «примѣрно наказать» за дерзость. И барыня ни мало не смущается, и адъютантъ, какъ говорится, ничего, да и «нянька»—матросъ тоже. Словомъ, всѣ эти милые люди даже и не чувствуютъ, что тутъ что-то—«не того». А теперь мы переживаемъ настроеніе, которое заставляетъ насъ краснѣть отъ стыда при мысли о позорномъ наказаніи, сохранившемся какъ остатокъ этого «добраго» времени, присутствуемъ при цѣломъ движеніи, когда и земства, и ученыя и неученыя общества, и вся печать ходатайствуютъ объ его уничтоженіи. Довольно было одного-двухъ поколѣній, чтобы такъ радикально измѣнились нравы и взгляды. И если въ недалекомъ прошломъ человѣкъ намъ является жалкимъ, почти презрѣннымъ существомъ, то такая быстрая перемѣна не служитъ-ли въ то же время залогомъ, что и въ недалекомъ будущемъ онъ можетъ подняться на головокружительную высоту нравственнаго совершенства?

Этимъ-то и поучительны такія художественныя картинки прошлаго, какія даетъ новая книга г. Станюковича. Не ненависть и злобу, а жалость къ прошлому и радостное упованіе на будущее возбуждаютъ онѣ въ читателѣ, вызывая невольныя сравненія того, что прошло и *никогда* уже не можетъ вернуться, и того, что можетъ быть достигнуто безъ особыхъ усилій, если не теперь, то въ ближайшемъ будущемъ, когда наступитъ «полнота временъ», по евангельскому выраженію.

Изъ трехъ разсказовъ, вошедшихъ въ составъ «Морскихъ силуэтовъ», лучшій—«Нянька». Разсказъ «Генералъ-арестантъ» рисуетъ типъ безпримѣрной жестокости, вызывавшей удивленіе даже и въ то время. Выведенные изъ терпѣнія матросы пристрѣлили «генералъ-арестанта» во время севастопольской осады, «какъ бѣшеную собаку». Третій разсказъ «Матроска» не имѣетъ особаго отношенія къ прошлому. Это—обычная исторія «солдатской жены», обольщенной ловкимъ писарькомъ во время отсутствія мужа. Необыченъ только ея трагическій конецъ, скорѣе присочиненный авторомъ, чѣмъ логически вытекающій изъ даннаго положенія,

Аполлонъ Коринфскій. Черныя розы. Стихотворенія. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. Стихотворенія г. Коринфскаго могутъ служить образчикомъ той «цвѣточной литературы», которая напоминаетъ этикетики парфюмерныхъ произведеній Брокара и К°. Для довершенія сходства, г. Коринфскій снабдилъ обложку бюстомъ дѣвицы, съ черными кудрями и весьма аляповатымъ носомъ, и посвятилъ книжку г-жѣ Еленѣ съ тремя звѣздочками. Все это очень галантно и навѣрное понравится не одной мѣщанской «Еленѣ», обожающей «подношенья», въ видѣ куска розоваго мыла или баночки одеколона,—но къ поэзіи не имѣетъ никакого отношенія, какъ, впрочемъ. и большая часть содержанія книги.

Послѣдняя распадается на три части: «Дневникъ», «Бывальщины», «Отголоски». Въ первомъ авторъ, не стѣсняясь, разсказываетъ міру о своихъ мучительныхъ чувствахъ къ «Еленѣ съ тремя звѣздочками». «Яду мнѣ, яду скорѣй!..» — вопіетъ г. Коринфскій—

Жизнь! Гдѣ палачъ твой, гдѣ твой чародѣй-отравитель?
Смерть! Гдѣ отъ жизненной лжи твой мудрецъ-избавитель?!
Въ сердце отраву свою, прямо—въ сердце, мнѣ лей!..

Но жестокая Елена не внемлетъ, и г. Коринфскій подступаетъ къ ней «на другой манеръ».

Память!.. Казни меня, мучай
Ревностью къ прошлому жгучей,
Сердце и душу мнѣ болью
Рви—давъ просторъ своеволью!
. . . .
Каждое дѣло и слово
Вызови ты изъ былого,
Знахарь—палачъ мой могучій!
Память!.. Казни жъ меня, мучай...

Какой «пронзительный мужчина» этотъ г. Коринфскій,—только и можемъ мы сказать вмѣстѣ съ г-жей Еленой и—закрыть «Дневникъ».

Въ «Бывальщинахъ» авторъ разсказываетъ не то легенды, не то сочиняетъ какія-то сказанья. Если въ «Дневникѣ» можно догадываться, что какая-то Елена уязвила сердце бѣднаго г. Коринфскаго, то въ «Бывальщинахъ» ничего не поймешь. Это—просто наборъ словъ, въ родѣ, напр., слѣдующаго. Озаглавлено «Красная весна»:

То не бѣлая купавица
Расцвѣла надъ синью водъ,—
Съ Красной Горки раскрасавица,
Ярью-зеленью, идетъ.
Пава-павой, поступь ходкая,
На ланитахъ—маковъ-цвѣтъ,
На устахъ—улыбка кроткая,
Свѣтелъ-радошенъ привѣтъ,—

и такъ на протяженіи четырехъ страницъ. Различаются «Бывальщины» только тѣмъ, что однѣ написаны коротенькими строчками, другія—длинными-предлинными, какъ, напр., «Русалочья заводь»:

Подъ суглинистымъ обрывомъ, надъ зеленымъ крутояромъ
День и ночь на темный берегъ плещутъ волны въ гнѣвѣ яромъ...
Не пройти и не проѣхать къ той пещерѣ, что подъ кручей
Обозначилась изъ груды мелкой осыпи ползучей, и т. д.

Въ «Отголоскахъ» есть многое разное, но «сердца, нѣтъ, ничто не шевелитъ», хотя авторъ и не жалѣетъ себя. Это-то отсутствіе сердечности, простоты, неподдѣльнаго, искренняго чувства и составляетъ главный недостатокъ стихотвореній г. Коринфскаго. Назоветъ-ли онъ ихъ «черными», или «бѣлыми розами», сущность его поэзіи не измѣнится, разъ нѣтъ въ немъ божественнаго дара «глаголомъ жечь сердца людей».

Альфредъ де-Мюссе. Ночи. Переводъ А. Д. Облеухова. Москва 1895 г. Новый переводъ лучшихъ поэмъ А. де-Мюссе, его знаменитыхъ четырехъ «Ночей», представляется интереснымъ литературнымъ явленіемъ. Мюссе не принадлежитъ къ разряду первоклассныхъ, всеобъемлющихъ геніевъ, каждая строчка которыхъ сохраняетъ вѣчное значеніе. Не упоминая уже о великихъ именахъ другихъ странъ, въ самой Франціи Мюссе не занимаетъ мѣста на ряду съ геніальными поэтами XVII вѣка или съ величайшимъ поэтомъ нашего вѣка, В. Гюго. По отношенію къ этимъ вѣчнымъ свѣточамъ національной литературы, французская критика никогда не отступаетъ отъ признанія ихъ одинаковаго значенія для всѣхъ временъ. Не то съ А. де-Мюссе. Среди поэтовъ XIX-го вѣка ему принадлежитъ видное мѣсто; изъ французскихъ романтиковъ школы Шатобріана и Гюго онъ одинъ изъ наиболѣе популярныхъ, но его творчество подвергалось самой разнообразной оцѣнкѣ со времени жизни поэта и до нашихъ дней. «Молодая Франція», какъ называло себя поколѣніе тридцатыхъ годовъ, преклонялась предъ Мюссе, этимъ изящнымъ и въ то же время бурнымъ дэнди, выражавшимъ съ заразительной искренностью неспокойную душу своихъ современниковъ, ихъ жажду любви и страданій, возвышающихъ душу, ихъ молодую жизнерадостность, сказывавшуюся въ умѣньи сильно чувствовать какъ горе, такъ и

радость, какъ наслажденіе, такъ и отчаяніе. Но уже слѣдующее поколѣніе, увлеченное интересами болѣе общаго характера, отошло отъ настроеній Мюссе и находило его поэзію слишкомъ ограниченной узко-личными интересами. Возникла поэзія болѣе отвлеченная, ставившая созерцаніе вѣчныхъ истинъ и культъ вѣчной красоты выше сѣтованій о предходящихъ жизненныхъ скорбяхъ; эта поэзія такъ наз. парнасской школы вытѣснила эпигоновъ романтизма, однимъ изъ которыхъ былъ Мюссе. Съ тѣхъ поръ пѣвецъ «Ночей» и «Ролла» встрѣчалъ въ критикѣ не разъ и безпощадное осужденіе за свой чрезмѣрный индивидуализмъ, и горячую защиту за непосредственную поэтичность творчества. Въ послѣднее время, когда французскіе поэты преисполнены заботами о формѣ, о томъ, чтобы изгнать изъ поэзіи все условное, создать идеальную музыкальность стиха, способнаго отразить всѣ нюансы настроеній, поэзія Мюссе подвергается большимъ нападкамъ. Эта неустойчивость мнѣній о Мюссе во французской критикѣ дѣлаетъ крайне любопытнымъ пересмотръ его поэзіи съ объективной точки зрѣнія. Русскій переводъ его «Ночей» даетъ намъ поводъ подойти нѣсколько ближе къ этому поэту сердечныхъ изліяній и попытаться опредѣлить его литературную физіономію, производившую столь разнородныя впечатлѣнія на критиковъ нѣсколькихъ поколѣній, смѣнившихся со времени жизни поэта.

Одно изъ главныхъ прозаическихъ произведеній Мюссе носитъ названіе «Confessions d'un enfant du siècle» и въ героѣ его поэтъ изобразилъ самого себя, свою жизнь со всѣми ея душевными драмами. И таковымъ, какъ въ этомъ романѣ, такъ и въ своей жизни и въ своемъ творчествѣ, Мюссе былъ «сыномъ вѣка», человѣкомъ своего времени, отразившимъ всѣ особенности современныхъ ему чувствованій и стремленій и воплотившимъ ихъ съ вдохновеніемъ и страстностью истиннаго поэта. Мюссе родился въ 1810 году въ Парижѣ, въ достаточной буржуазной семьѣ, и всю жизнь, за исключеніемъ нѣсколькихъ путешествій, провелъ въ Парижѣ, оставаясь и по сущности своей природы парижаниномъ— и отчасти человѣкомъ съ буржуазными наклонностями. Воспитанный на легкомысленныхъ романахъ и игривой поэзіи XVIII вѣка, зараженный скептицизмомъ Вольтера, Мюссе съ первыхъ своихъ поэтическихъ опытовъ обнаружилъ качества чисто французскаго или, вѣрнѣе, парижскаго ума, того, что теперь принято называть esprit boulevardier, и что въ эпоху Мюссе составляло сущность такъ наз. дэндизма. Въ первую пору своего творчества Мюссе былъ всецѣло скептикомъ, съ тонкой ироніей говорилъ о чувствахъ, съ одинаковой легкостью относясь какъ къ трагическому, такъ и къ мелкому въ жизни, граціозно вышучивалъ людей и жизнь и былъ изящнымъ, легкомысленнымъ дэнди, цѣнителемъ мимолетныхъ ощущеній, вышучивающимъ романтизмъ во имя легкаго, беззаботнаго отношенія къ жизни. Въ этомъ настроеніи написаны его полусерьезныя, полушуточныя поэмы: «Namouna», «Mardoche», «Ballade à la Lune» и др. Вся прелесть ихъ въ непринужденности, непосредственности стиха, въ изяществѣ скептическаго настроенія, въ особой дерзновенной и въ то же время

грустно скептической манерѣ говорить о тайнахъ души. Однако, всѣ эти особенности таланта Мюссе дѣлали его въ юности только болѣе яркимъ представителемъ холодной искусственной поэзіи XVIII вѣка, лишенной глубокихъ настроеній. Но въ поэзіи Мюссе произошла глубокая перемѣна, когда среди беззаботнаго прожиганія жизни и погони за минутными удовольствіями, Мюссе испыталъ глубокое чувство, переродившее его жизнь и сдѣлавшее его однимъ изъ самыхъ искреннихъ поэтовъ вѣка. Любовь Мюссе къ геніальной Жоржъ Зандъ послужила темой для безконечныхъ толкованій и обвиненій то той, то другой стороны. Не входя въ подробности этой грустной исторіи двухъ людей, стремившихся къ вершинамъ идеальныхъ чувствъ и ежеминутно оскорбляемыхъ жизнью, отмѣтимъ только вліяніе пережитой любви на поэзію Мюссе. Разбивъ его жизнь, заставивъ послѣ цѣлыхъ лѣтъ душевныхъ мукъ искать забвенія въ низменныхъ удовольствіяхъ, она разбудила въ немъ спавшую до того душу, замѣнила его иронію и скептицизмъ искренними настроеніями, научила его глубоко чувствовать и отражать всѣ переходы чувствъ. Съ этой поры поэзія Мюссе пріобрѣла совершенно иной характеръ. Отъ шуточнаго тона первыхъ поэмъ Мюссе переходитъ къ серьезному анализу чувствъ въ «La Coupe et les lèvres», «A quoi rêvent les jeunes filles» и, наконецъ, переходитъ къ своей третьей настоящей манерѣ, къ изображенію любви, какъ основы жизни, любви во всѣхъ ея видахъ, но преимущественно съ точки зрѣнія Донъ-Жуана, гонящагося за идеальной любовью и ищущаго забвенія въ низкихъ удовольствіяхъ. Обаяніе Мюссе въ эту лучшую пору его творчества заключается въ его искренности и непосредственности. Это поэзія ощущеній и настроеній, самыхъ разнообразныхъ, но всегда пережитыхъ, правдивыхъ и потому трогательныхъ. Даже тамъ, гдѣ Мюссе пускается въ философствованіе, какъ, напр., въ неудачномъ началѣ «Rolla», видно, что эта риторика не напускная, а въ самомъ дѣлѣ отражающая настроеніе того времени. Въ этой искренности—секретъ неувядаемой прелести «Lucie», одного изъ самыхъ вдохновенныхъ описаній музыки; ею проникнуто «Письмо къ Ламартину», «Souvenir» и др. Непосредственность въ передачѣ ощущеній обусловливаетъ другое свойство поэзіи Мюссе: онъ рисуетъ всегда себя, и та двойственность, которая проникала все его существо, отразилась и въ его поэзіи. Способный на высочайшіе экстазы чистаго чувства, онъ переживалъ и моменты нравственнаго паденія, и, поднимаясь все выше мечтами, предавался въ жизни искушеніямъ. Таковы же всѣ его герои: власть порока надъ душой человѣка — постоянная тема всѣхъ его драматическихъ произведеній («La Coupe et les lèvres», «Lorenzaccio» и пр.); раздвоеніе въ человѣкѣ между духомъ и чувствами, и отчаяніе, сопровождающее его, изображены съ такой силой въ «Rolla», потому что Rolla — это Мюссе, потому что въ его душѣ жили два человѣка, которыхъ онъ изображаетъ или двумя (какъ въ Caprices de Marianne), или въ одномъ лицѣ циника-самоубійцы, полнаго презрѣнія къ себѣ, или, наконецъ, рисуетъ эту двойственность своего я въ «Nuits du Decembre».

Мюссе отразилъ сложность и противорѣчивость душевной жизни современнаго человѣка; отразилъ онъ ее глубоко и правдиво, будучи самъ настоящимъ enfant du siècle, и потому такъ близокъ и понятенъ онъ намъ съ своими переходами отъ высшаго идеализма къ воспѣванію мимолетныхъ удовольствій, съ своей смѣсью пессимизма, цинизма и безграничной нѣжности души. Эта близость къ своему вѣку, къ душевной жизни своего поколѣнія сдѣлала изъ Мюссе одного изъ тѣхъ любимыхъ поэтовъ, которыхъ не изучаютъ, а лишь читаютъ безъ конца и знаютъ наизусть. Самая форма его поэзіи не всегда соотвѣтствуетъ поэтичности настроеній. Мюссе слишкомъ занятъ своей сердечной жизнью, чтобы отдѣлывать стихъ, онъ стремится лишь высказать до конца все, чѣмъ полна была его душа, и дѣлаетъ это часто безъ художественныхъ образовъ, не заботясь о музыкальности выраженія. Эта внѣшняя прозаичность, бѣдность вдохновенія въ отраженіи самыхъ патетическихъ моментовъ души и отталкиваетъ отъ Мюссе французскихъ лириковъ позднѣйшей формаціи. Преобладаніе содержанія надъ формой выраженія и чрезмѣрный лиризмъ поэта, превратившаго свои поэмы въ дневники личной жизни, кажутся антихудожественными—пѣвцамъ «едва уловимыхъ нюансовъ несуществующихъ чувствъ». Вотъ почему такъ сильны нападки на Мюссе въ послѣднее время. Онѣ касаются недостатковъ его формы и не протестуютъ противъ обаянія его искренней, глубоко прочувствованной поэзіи. Къ тому же, нѣсколько поэмъ, какъ «Lucie», «Souvenirs» и отдѣльныя страницы въ «Nuits», являются истинными перлами поэзіи; форма и внутреннее настроеніе сливаются въ нихъ въ неразрывную гармонію, и онѣ являются такимъ же воплощеніемъ красоты, какъ самые совершенные образцы невозмутимой парнасской поэзіи.

Все сказанное нами о Мюссе болѣе всего примѣнимо къ лучшему его произведенію, къ его «Ночамъ». Всѣ страданія, пережитыя поэтомъ, вылились въ этихъ четырехъ поэмахъ съ необычайной силой, отражая цѣлую гамму чувствъ отъ самыхъ нѣжныхъ поэтическихъ настроеній до бурныхъ аккордовъ злобы и отчаянія. Много риторики встрѣчается среди этихъ воспоминаній о прошломъ счастьи, обращеній ко всѣмъ стихіямъ, среди проклятій и криковъ, чередующихся съ примирительными пѣснями всепрощающей музы поэта, музы любви и красоты; но въ описаніяхъ пережитаго есть безконечно прекрасные эпизоды, какъ, напр., конецъ «Майской ночи», гдѣ поэтъ сравнивается съ пеликаномъ, кормящимъ голодныхъ птенцовъ кровью собственнаго тѣла, или въ «Октябрьской ночи» описаніе безсонной ночи на балконѣ и др.

Передать все это въ переводѣ, конечно, крайне трудная задача, именно потому, что Мюссе часто впадаетъ въ риторичность и вульгарность тона, и лишь мѣстами возвышается до паѳоса истинной поэзіи. Не обладающій крайней чуткостью къ поэтическимъ нюансамъ, переводчикъ непремѣнно усугубитъ прозаичность Мюссе, злоупотребляющаго отвлеченными словами и риторическими перифразами; то же, что есть истинно поэтическаго въ Мюссе, его нѣжность и искренность, легко можетъ потонуть въ передачѣ на

другой языкъ. Это именно и случилось въ переводѣ «Ночей» г. Облеуховымъ. Это переводчикъ необыкновеннаго типа. Въ предисловіи онъ излагаетъ цѣлую теорію поэтическаго перевода, говоритъ, что нужно передавать не буквально произведенія поэтовъ, а воспроизводить духъ ихъ творчества. Это было извѣстно, конечно, и до появленія переводовъ г. Облеухова, но мы не знали, что передачей внутренняго смысла стихотворенія называется полное измѣненіе текста и замѣна образовъ, рисующихъ то или другое настроеніе, общими словами, ничего вообще не рисующими. Для сужденія о новомъ переводѣ «Ночей» совершенно достаточно сравнить хотя бы начало «Майской ночи» въ подлинникѣ и въ русскомъ переводѣ. Мюссе начинаетъ поэму слѣдующимъ воззваніемъ музы къ поэту: «Поэтъ, возьми свою лютню и поцѣлуй меня. На кустахъ шиповника распустятся сейчасъ почки. Весна рождается въ эту ночь, вѣтры набираются силъ, и птички, въ ожиданіи зари, садятся на первые зеленѣющіе кусты. Поэтъ, возьми лютню и поцѣлуй меня».

Вотъ какъ передана эта строфа г. Облеуховымъ:

Возьми, о поэтъ, сладкозвучную лиру
Рукою могучей ударь по струнамъ
И звуки польются, подобно волнамъ,
Про муки поэта разсказывать міру...
Востокъ превращается въ царственный храмъ
Отъ ясной зари, разостлавшей порфиру.

Это не только не переводъ, но и не поддѣлка, а просто неудачная импровизація на тему Мюссе. И никакими теоріями подобнаго обращенія съ поэтическимъ произведеніемъ оправдать нельзя. «Ночи» Мюссе одинъ изъ перловъ французской поэзіи,— въ переводѣ г. Облеухова это рядъ скучныхъ декламацій, пересыпанныхъ самыми банальными оборотами.

ПУБЛИЦИСТИКА.

В. А. Гольцевъ «Литературные очерки».—«Сборникъ для содѣйствія самообразованію».—*Д. П.* «Нѣкоторыя черты народнаго образованія въ Соединенныхъ Штатахъ».—*А. И. Свирскій.* «По тюрьмамъ и вертепамъ».

В. А. Гольцевъ. Литературные очерки. Изд. ред. жур. «Русская Мысль». Москва. 1895 г. Ц. 1 руб.—«Очерки» г. Гольцева составились изъ ряда статей, помѣщенныхъ имъ за послѣдніе годы въ журналѣ «Русская Мысль». По содержанію статьи эти крайне разнообразны, касаясь то животрепещущихъ вопросовъ дня, то литературныхъ темъ, какъ можно судить и по ихъ оглавленіямъ: «Разночинецъ и дворянская культура», «А. П. Чеховъ» (опытъ литературной характеристики), «Д. И. Писаревъ», «Памяти Некрасова» (по поводу пятнадцатилѣтія его кончины), «Въ поискахъ идеала», «О пессимизмѣ въ современной литературѣ», «Объ идеяхъ и поколѣніяхъ», «Объ основныхъ идеяхъ нашего вѣка» и др. Оставаясь всегда вѣрнымъ идеалу свободы и общественности, авторъ

старается передать вѣру въ этотъ идеалъ и своимъ читателямъ, возбуждая въ нихъ «духъ бодръ» въ минуты скорбнаго пониженія общественныхъ настроеній. Особенно характерной въ этомъ отношеніи кажется намъ статья «Въ поискахъ идеала», гдѣ г. Гольцевъ отмѣчаетъ современныя тенденціи къ мистицизму и декадентскія попытки къ символистикѣ и туманному, расплывчатому идеализму, лишенному общественной почвы. «Въ исторіи нерѣдко случалось,—говоритъ авторъ,—что цѣлое поколѣніе людей утрачивало вѣру въ лучшія преданія, отрекалось отъ цѣлей, ради которыхъ боролись и страдали прежнія поколѣнія. Наступалъ періодъ отчаянія или, по крайней мѣрѣ, унынія для однихъ, страстнаго исканія правды для другихъ. Подобное время переживаемъ и мы, и не только русское, но отчасти и западноевропейское общество. Великія идеи, при имени которыхъ сильно билось сердце юноши еще въ недавніе годы, не возбуждаютъ теперь энтузіазма во многихъ, а въ другихъ не только не встрѣчаютъ сочувствія, но вызываютъ неразумный и несимпатичный гнѣвъ». Нѣкоторымъ изслѣдователямъ такое настроеніе общественной мысли представляется *идеалистической реакціей*, явившейся какъ естественный результатъ крайностей матеріализма и натурализма. Но,—замѣчаетъ авторъ въ концѣ, сдѣлавъ общій очеркъ того, что понимается теперь подъ упомянутой «реакціей»,—«новѣйшимъ вздыхателямъ о погибшемъ будто бы идеалѣ не только французское, но уже и русское общество можетъ указать на свѣтлыя національныя и общечеловѣческія преданія, которыя связываютъ людей разныхъ и многихъ поколѣній въ общей работѣ общественныхъ улучшеній и личнаго совершенствованія. И намъ есть кого помянуть, есть на чьи идеалы сослаться, начиная съ Новикова и Радищева и до нашихъ дней... Не достаетъ не политическихъ и личныхъ идеаловъ, а ихъ разумнаго пониманія, искренней и дѣятельной преданности имъ». И эта мысль о необходимости «дѣятельной преданности» идеалу проходитъ красной нитью черезъ всѣ «Очерки» г. Гольцева, объединяя ихъ въ нѣчто цѣлое, при всемъ разнообразіи содержанія.

Сборникъ для содѣйствія самообразованію. Программы чтенія для самообразованія. Съ приложеніемъ статей Н. И. Карѣева, В. И. Семевскаго, М. С. Корелина и И. М. Сѣченова. Спб. 1895 г. Ц. 40 к. Въ нашемъ журналѣ уже было отмѣчено появленіе «Программъ для самообразованія», изданныхъ «Отдѣломъ Комитета Педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній», когда онѣ были напечатаны предварительно въ «Историческомъ Обозрѣніи». Поэтому, останавливаться надъ подробностями не станемъ. Въ отдѣльномъ изданіи «Программы» приведены въ болѣе стройный порядокъ, нѣкоторыя погрѣшности исправлены, другія устранены. «Программы» снабжены предисловіемъ, въ которомъ «Отдѣлъ» полемизируетъ съ рецензентами, высказавшими нѣсколько замѣчаній о программахъ, а г. Карѣевъ полемизируетъ съ г. Михайловскимъ. Нельзя сказать, чтобы эта полемика была особенно поучительна для лицъ, ищущихъ образованія, хотя авторы предисловія и заявляютъ, что ими руководитъ желаніе «объяснить лицамъ, которыя нуждаются въ программахъ, какими принципами руководствовался «Отдѣлъ»

при составленіи своихъ программъ». Не желая давать поводъ «Отдѣлу» къ новому выясненію этихъ принциповъ, мы лучше обойдемъ ихъ молчаніемъ. Далѣе, къ программамъ приложены четыре статьи: г. Карѣева «Объ отношеніи исторіи къ другимъ наукамъ съ точки зрѣнія интересовъ общаго образованія» *), г. Семевскаго «Крестьяне въ Россіи во второй половинѣ XVIII в.», г. Корелина «Гуманизмъ» (очеркъ, перепечатанный изъ словаря Брокгауза и Ефрона), и г. Сѣченова «Физіологическіе критеріи для установки длины рабочаго дня» (читано въ Обществѣ любителей естествознанія въ концѣ 1893 г.).

Д. П. Нѣкоторыя черты народнаго образованія въ Соединенныхъ Штатахъ. С.-Петербургъ. 1895 г. 1 р. 25 коп. Дѣло народнаго образованія, начиная съ сельской школы и кончая университетомъ, въ Соединенныхъ Штатахъ находится въ исключительномъ вѣдѣніи властей каждаго отдѣльнаго штата,—здѣсь нѣтъ федеральнаго, національнаго министерства народнаго просвѣщенія: каждый штатъ Союза имѣетъ свои собственные законы относительно народнаго образованія, которые отличаются большимъ разнообразіемъ. Школьный участокъ, или община, стоитъ всего ближе къ школѣ. Всѣ полноправные жители участка заботятся о школѣ, рѣшая на своихъ собраніяхъ вопросы, касающіеся ея, избирая комитеты попечителей (или директора) для ближайшаго и постояннаго завѣдыванія школой или школами. Участокъ и община заботятся объ установленіи и сборѣ мѣстныхъ налоговъ въ пользу школы, о покупкѣ земли и постройкѣ школьныхъ зданій, ихъ внутреннемъ устройствѣ, нанимаютъ учителей, слѣдятъ за тѣмъ, чтобы школьный годъ длился не менѣе 6 мѣсяцевъ, чтобы учили лишь лица, снабженныя установленными дипломами и т. п. Всѣми этими дѣлами обыкновенно завѣдуетъ бюро образованія или комитетъ, состоящій изъ выборныхъ общиной членовъ, числомъ отъ 6 до 50 человѣкъ. При нѣкоторыхъ городскихъ бюро существуетъ множество особыхъ коммиссій, напримѣръ, учительская, коммиссія по составленію отчетовъ и проч. Но первую роль играютъ суперинтенденты народнаго образованія, въ родѣ нашихъ директоровъ народныхъ училищъ, съ тою лишь разницею, что компетенція суперинтендента гораздо шире и дѣятельность несравненно плодотворнѣе. Суперинтенденты постоянно надзираютъ за правильнымъ ходомъ преподаванія во ввѣренномъ районѣ, за состояніемъ школъ, за учителями. Они же подаютъ совѣты, рѣшаютъ спорные вопросы, распредѣляютъ субсидіи штатовъ и доходы со школьныхъ фондовъ. «Они слѣдятъ за успѣхами въ области народнаго образованія и являются проводниками нововведеній. Спеціалисты (всегда почти изъ учителей) по профессіи, они въ теченіе послѣднихъ 30 лѣтъ были главными двигателями прогресса народнаго образованія». При содѣйствіи своихъ помощниковъ они производятъ экзамены, созываютъ

*) «См. двѣ статьи мои «Объ общемъ значеніи историческаго образованія», помѣщенныя въ «Историко-философскихъ и соціологическихъ этюдахъ», а также главу VI «Писемъ къ учащейся молодежи о самообразованіи» и главу VII «Бесѣдъ о выработкѣ міросозерцанія» Прим. г. Карѣева, стр. 49.

учительскіе съѣзды, иногда руководятъ ими; занимаются съ тѣми изъ учителей, которые не получили спеціальной подготовки; иногда предсѣдательствуютъ на собраніяхъ учительскихъ ассоціацій; они же читаютъ имъ лекціи по исторіи и теоріи преподаванія.

Американская народная школа, прежде всего, не есть школа народная въ томъ смыслѣ, въ какомъ это выраженіе употребляется у насъ въ Россіи; обучаются въ ней дѣти всѣхъ слоевъ общества— и богатый и бѣдный, и чистокровный янки и негръ, и католикъ и язычникъ. Далѣе, кончившій курсъ американской народной школы можетъ прямо поступить въ среднее учебное заведеніе, тогда какъ у насъ, напримѣръ, мальчикъ, окончившій народное училище и достигшій возраста 14 лѣтъ, не можетъ быть принятъ ни въ одно среднее учебное заведеніе.

Такъ какъ низшее образованіе въ Америкѣ безусловно безплатное, то почти всѣ дѣти школьнаго возраста тамъ посѣщаютъ школу. Такъ, въ 1891 году число лицъ школьнаго возраста (отъ 5 до 18 лѣтъ) опредѣлялось цыфрою 18.799.864; изъ нихъ въ общественныя школы поступило 12.966.061 дѣтей, въ частныя школы— 1.392.200; къ этому нужно присоединить лицъ, посѣщавшихъ вечерніе классы, учениковъ ремесленныхъ и коммерческихъ школъ, школъ для бѣдныхъ, для индѣйцевъ, такъ что всѣхъ учащихся въ Соединенныхъ Штатахъ получится 15 милліоновъ, что составитъ 25% населенія, или придется одинъ учащійся на четыре человѣка *).

На народное образованіе въ 1891 г. Соединенные Штаты израсходовали до 280 мил. рублей, на армію и флотъ было затрачено 146 мил. руб. Такимъ образомъ, нельзя не согласиться съ Гиппо, который говоритъ: «Въ Новомъ Свѣтѣ народное образованіе отнимаетъ у военнаго бюджета все то, что въ Старомъ Свѣтѣ военный бюджетъ отнимаетъ у народнаго образованія».

Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ коснуться другихъ сторонъ интересной книжки г. Д. П., а потому приведемъ лишь оглавленія, чтобы дать понятіе объ ея содержаніи: «Цѣли, преслѣдуемыя народной школой», «Безплатность и обязательность обученія», «Свѣтскій характеръ народной школы», «Внѣшкольное образованіе», «Вечернія школы», «Библіотеки», «Распространеніе университетскаго образованія».

А. И. Свирскій. По тюрьмамъ и вертепамъ. Очерки. Изданіе Д. А, Александрова. Москва, 1895 г. 1 руб. Г Свирскій задался цѣлью возможно тщательнѣе изучить «всѣ проявленія зоологическаго, трущобнаго прозябанія». «Побѣдивъ въ себѣ чувство гадливости и махнувъ на все рукой, я нарядился въ соотвѣтствующій костюмъ

*) Такого высокаго процента учащихся нѣтъ ни въ одномъ государствѣ. Въ другихъ цивилизованныхъ странахъ этотъ процентъ равняется:

Въ Баваріи	21,2	Въ Англіи	16,6	Въ Даніи	11,0
» Баденѣ	20,6	» Норвегіи и Швеціи	15,4	» Испаніи	10,6
» Саксоніи	20,2			» Италіи	9,6
» Пруссіи	19,6	» Франціи	15,1	» Греціи	6,4
» Швейцар.	19,5	» Нидерланд.	14,2	» Португаліи	5,9
» Германіи	18,8	» Бельгіи	13,5	» Болгаріи	5,5
» Финляндіи	17,6	» Австріи	13,1	» Россіи	3,1

и въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, переѣзжая изъ города въ городъ, скитался по разнымъ трущобамъ. И теперь, ознакомившись воочію съ жизнью отверженныхъ созданій, я хочу познакомить съ нею также читателей, намѣреваясь дать рядъ образовъ, типовъ и картинъ, которые проходили предъ моими глазами въ продолженіе многихъ томительныхъ дней...»

Изъ кого же состоитъ этотъ трущобный контингентъ, кто эти «отверженныя созданія»? Мы были бы вполнѣ неправы, предположивъ, что завсегдатаями вертеповъ и притоновъ являются люди, отъ природы порочные, глупые, слабовольные. Оказывается, что громадное большинство этихъ несчастныхъ питали когда-то надежду на лучшее и когда-то боролись всѣми силами съ невзгодами жизни. Каждый изъ нихъ былъ въ свое время борцомъ, и борцомъ отчаяннымъ. Не одинъ разъ онъ тонулъ и всплывалъ на поверхность, не одинъ разъ падалъ, спотыкался и снова вставалъ, но, въ концѣ концовъ, прибитый, униженный и окончательно побѣжденный, онъ невольно склонилъ навсегда голову, подставляя себя подъ неотвратимые удары. Возбудить сожалѣніе къ падшимъ, желаніе придти имъ на помощь, а также и намѣтить отчасти путь этой помощи—такова цѣль, которую преслѣдуетъ авторъ, описывая свои скитанія.

Въ книгѣ г. Свирскаго много интересныхъ данныхъ о пересыльныхъ тюрьмахъ и ихъ обитателяхъ, выработавшихъ свою, такъ сказать, арестантскую культуру. Такъ, напримѣръ, у арестантовъ есть своя литература, свои писатели, стихотворцы и прозаики. Въ ихъ произведеніяхъ оплакивается арестантское житье-бытье, горькая доля, лишеніе свободы и прочія невзгоды тюремной жизни, развязно и остроумно осмѣиваются оплошности воровъ, грабителей; или излагается «исповѣдь» и «похожденія» какого-нибудь неудачника «маровихера» (карманнаго вора).

Въ тюрьмѣ есть и свое дѣленіе заключенныхъ на классы,—есть арестантская аристократія и плебсъ, причемъ къ первой категоріи относятся опытные, закоренѣлые преступники, прошедшіе сквозь огонь и воду и мѣдныя трубы, побывавшіе въ Сибири, бѣжавшіе съ каторги и т. п.; плебсъ же составляютъ всѣ «новички», всѣ, попавшіе въ тюрьму «зря», за пустяки—за мелкую кражу, за безпаспортность и т. п. Аристократія свысока смотритъ на плебсъ, обращается съ нимъ деспотически, требуетъ себѣ безусловнаго повиновенія, уваженія, а главное, собираетъ съ плебса огромную контрибуцію. Словомъ, все comme chez nous...

ИСТОРІЯ КУЛЬТУРЫ И ЦИВИЛИЗАЦІИ.

Ю. Липпертъ. «Исторія культуры».—*Фридрихъ Штрайслеръ.* «Исторія культуры».—*Густавъ Ле-Бонъ,* «Эволюція цивилизацій».—*Дж. В. Дрэпэръ.* «Исторія умственнаго развитія Европы».

Ю. Липпертъ. Исторія культуры въ трехъ отдѣлахъ. Съ 83 рисунками. Перев. съ нѣмецкаго А. Острогорскаго и П. Струве. 2-ое изд.

Ф. Павленкова. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 60 к. История культуры—уже не новая отрасль знаній о человѣкѣ. Она побѣдоносно вступила въ рядъ этихъ знаній и заняла среди нихъ видное мѣсто еще въ шестидесятыхъ годахъ, ознаменовавшихся сильнѣйшимъ научнымъ подъемомъ, благодаря широкому распространенію ученія Дарвина. Теорія послѣдовательнаго развитія, заключавшаяся въ основѣ этого ученія, оказалась болѣе плодотворной для умственной, чѣмъ для физической исторіи человѣка. Между тѣмъ, какъ въ послѣдней до сихъ поръ не удалось еще установить ясной, непрерывной постепенности формъ,—преемственность, послѣдовательный переходъ различныхъ стадій духовной жизни человѣчества гораздо легче удалось опредѣлить ученымъ, какъ только они приложили къ изученію этой жизни методъ постепеннаго развитія. Труды Тэйлора, Лёббока, Гейгера и др. раскрыли факты первостепенной важности—усовершенствованіе орудій, предметовъ матеріальной и формъ духовной культуры, начиная отъ зачаточныхъ до самыхъ сложныхъ, существованіе первичныхъ культурныхъ формъ въ жизни современныхъ намъ дикарей и полную аналогію послѣднихъ съ нашими отдаленными некультурными предками. Какъ скоро путь въ эту новую, заманчивую область изученія былъ указанъ, по немъ пошли многіе, и частныя изслѣдованія, дополнявшія общія схемы творцовъ этой науки, стали накопляться съ поразительнымъ обиліемъ и быстротой. Въ свѣтѣ этихъ изслѣдованій въ настоящее время уже выступили изъ мрака многіе самые отдаленные участки прошлаго человѣчества; въ общемъ видѣ, намъ уже извѣстны и матеріальная сторона жизни, и общественно-правовыя отношенія, и вѣрованія самыхъ древнихъ и самыхъ дикихъ людей.

Накопленіе знаній по этому предмету вызывало отъ времени до времени попытки объединенія и систематическаго изложенія. Среди попытокъ краткой, общедоступной обработки этого обширнаго предмета, сочиненіе Липперта занимаетъ довольно видное мѣсто, какъ добросовѣстный сводъ этнографическихъ и другихъ данныхъ исторіи матеріальнаго, общественнаго и духовнаго развитія человѣчества.

Своему предмету Липпертъ даетъ весьма широкое опредѣленіе. По мнѣнію его, исторія культуры есть исторія усилій, какія дѣлалъ человѣкъ съ самаго начала своего существованія для поддержанія своей жизни, какъ индивидуума и какъ члена общества какъ на землѣ, такъ и въ другомъ мірѣ. Первой заботой его было, безъ сомнѣнія, поддержаніе и продленіе личной жизни, всегда вопросъ о пропитаніи стоялъ у него на первомъ планѣ. Ради него онъ придумывалъ способы добыванія и приготовленія пищи, изобрѣталъ орудія и оружіе, вступалъ въ союзъ съ себѣ подобными, прибѣгалъ къ различнымъ пріемамъ пониманія другъ друга, что привело его къ членораздѣльной рѣчи и пріучило ясно и опредѣленно мыслить.

Съ этой точки зрѣнія открываются такія стороны существованія человѣчества, которыя остаются незамѣченными, даже вовсе не затрогиваются при изученіи политической исторіи. Между тѣмъ, эти интимныя внутреннія стороны жизни человѣчества настолько

важны, что настоящее пониманіе послѣдней невозможно безъ знанія ихъ. Не обращая на нихъ вниманія, мы упускаемъ изъ виду непрерывную и тяжелую борьбу за существованіе, какую приходилось вести человѣку отъ перваго появленія его на землѣ; не зная, какъ дорого обошлась ему побѣда въ этой борьбѣ, составляющей культурное достояніе нашего времени, мы не можемъ уяснить себѣ и настоящей цѣны этого достоянія. Только въ исторіи культуры видимъ мы, какъ досталось человѣку нынѣшнее торжество; здѣсь онъ передъ нами не только во дворцахъ, на поляхъ битвъ или въ народныхъ собраніяхъ, а въ своей домашней, семейной жизни, за работой, которая обезпечиваетъ ему существованіе. Въ этой обыденной обстановкѣ мы замѣчаемъ многія тайныя пружины человѣческихъ дѣйствій, весьма важныя для пониманія этихъ дѣйствій, но ускользавшія отъ нашего глаза, когда люди проходили передъ нами лишь въ видѣ царедворцевъ, воиновъ, жрецовъ, правителей и т. п. Людьми въ настоящемъ смыслѣ слова, отстаивающими свое физическое существованіе, борющимися съ внѣшнимъ міромъ, то торжествующими надъ нимъ, то изнемогающими въ борьбѣ, люди являются намъ только въ исторіи своей культуры. Только она показываетъ намъ, какъ беззащитный и безоружный человѣкъ одерживалъ верхъ и надъ суровыми условіями природы, и надъ страшными врагами. Это торжество было достигнуто совокупными усиліями людей, усиліями массы. Въ политической исторіи эта масса чувствуется только гдѣ-то за кулисами совершающихся на исторической сценѣ событій. Здѣсь, въ исторіи культуры, она на первомъ планѣ, она занимаетъ все полотно картины. И картина эта развертывается передъ нами въ величайшемъ разнообразіи и во времени, и въ пространствѣ. Безконечно длинной лентой тянется она изъ глубины вѣковъ, когда зарождалось только человѣческое сознаніе; необозримой поверхностью простирается она по всему земному шару въ томъ видѣ, въ какомъ обитателей его мы знаемъ теперь. Передъ нашими глазами какъ будто вѣчно возобновляющаяся панорама человѣчества, отстаивающаго свое существованіе и стремящагося облегчить и повысить его условія: пещерный человѣкъ, сражавшійся въ Европѣ съ мамонтами, еще продолжаетъ жить въ видѣ дикаго обитателя Австраліи или Огненной земли. И то же мы замѣчаемъ на всѣхъ промежуточныхъ ступеняхъ отъ низшей до высшей культуры. Культура растетъ и измѣняется только въ верхней части, а нижнія стадіи ея до сихъ поръ еще имѣютъ своихъ живыхъ представителей.

Во многомъ эта наличность первобытныхъ культурныхъ формъ облегчаетъ задачу историка культуры и даетъ ему преимущество надъ историкомъ въ господствующемъ смыслѣ этого слова, позволяя первому провѣрять свою работу и пополнять ея пробѣлы. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, обширность и разнообразіе матеріала дѣлаютъ эту задачу невыполнимой во всемъ ея цѣломъ. Изображеніе борьбы за жизнь, какую выносило человѣчество съ самаго начала своего появленія на землѣ и какую оно упорно ведетъ и до сихъ поръ въ различныхъ отдаленныхъ или забытыхъ уголкахъ міра, изображеніе этой борьбы хотя бы въ самыхъ характерныхъ

ея чертахъ можетъ быть дѣломъ только соединенныхъ, непрерывныхъ усилій ученыхъ. Единичныя силы могутъ намъ раскрывать лишь отдѣльныя стороны громадной картины, оживлять передъ нашими глазами только отдѣльныя сцены, отдѣльныя подробности этой величайшей драмы.

Исторія путей и средствъ, какими человѣкъ дошелъ до своего нынѣшняго высоко-культурнаго положенія, такъ интересна, заключаетъ такъ много фактовъ, знаніе которыхъ необходимо для пониманія различныхъ сторонъ нашей современности, что всякое связанное и обдуманное изложеніе ея является чрезвычайно полезнымъ и своевременнымъ для нашей литературы. Много такихъ популярныхъ свѣдѣній изъ исторіи матеріальнаго и духовнаго развитія человѣчества читатель найдетъ въ названной книгѣ Липперта. Онъ узнаетъ, какъ питался человѣкъ въ самыя древнія и трудныя времена своего существованія, какъ болѣе доступная ему растительная пища не уничтожила потребности въ пищѣ—животной, потребности, доводившей его до людоѣдства, какъ онъ разыскивалъ годныя ему въ пищу растенія и животныхъ, какъ добываніе и сохраненіе пищи съ самыхъ раннихъ временъ разграничало области дѣятельности мужчинъ и женщинъ, какъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, женщина первая замѣтила, что зерно, упавшее въ землю, на слѣдующій годъ даетъ то же растеніе съ многочисленными сѣменами, что положило начало земледѣлію. Между тѣмъ какъ мужчина отдается войнѣ, охотѣ и рыбной ловлѣ, развивая въ себѣ физическую энергію и смѣлость, изобрѣтая и совершенствуя оружіе, женщина является хранительницей домашняго очага и жилища, изобрѣтательницей домашней утвари и сберегательницей запасовъ. Она усовершенствовала способы приготовленія пищи, придумала плетеніе корзинъ, и, затѣмъ, вѣроятно, выдѣлку глиняной посуды, шитье одежды изъ шкуръ и тканье. Въ борьбѣ за существованіе мужчинѣ принадлежала болѣе активная, болѣе опасная роль; послѣ убійства дикихъ животныхъ онъ положилъ начало ихъ разведенію и прирученію, но не менѣе важнымъ было и значеніе женщины, которая положила основаніе осѣдлости, домовитости и земледѣлію. Это раздѣленіе труда оказалось въ ущербъ женщинѣ: у нея не было времени для отдыха, тогда какъ мужчина, послѣ удачной охоты, и въ особенности при развитіи скотоводства, могъ уже располагать досугомъ, дававшимъ волю его умственной работѣ. Съ теченіемъ времени онъ взялъ верхъ надъ женщиной, подчинивъ ее своей власти, но это покореніе могло совершиться только тогда, когда онъ уже обезпечилъ себя отъ постоянной угрозы голода.

Пока забота о пропитаніи составляла неотступную заботу человѣка, на женщинѣ лежало не только исключительное попеченіе о домѣ, но и попеченіе о дѣтяхъ. Трудность добыванія пищи, которая въ первыя времена могла быть только случайной и грубой, препятствовала заключенію прочныхъ союзовъ между мужчиной и женщиной. Именно отсутствіе пищи, пригодной для ребенка послѣ перваго года его жизни, когда его отнимаютъ отъ груди, заставляло мать въ первобытномъ состояніи, чтобы сохра-

нить жизнь ребенка, кормить его своимъ молокомъ въ теченіе двухъ, трехъ и даже болѣе лѣтъ. Ради сохраненія этой жизни, она должна была въ то время избѣгать возможности имѣть другого ребенка, который своимъ появленіемъ на свѣтъ отнималъ у перваго пищу, принадлежащую ему. Въ этомъ періодѣ недостаточнаго и грубаго питанія, союзъ между мужчиной и женщиной не укрѣплялся, а разрывался рожденіемъ ребенка. Послѣдній, оставаясь исключительно на попеченіи матери, зналъ только ее одну и не зналъ или могъ не знать своего отца. Это положеніе вещей и привело къ семейно-общественному порядку, который ученые называютъ «матріархатомъ», т.-е. семьей съ исключительнымъ главенствомъ матери, порядку, трудно объяснимому безъ знанія тѣхъ сторонъ первобытной жизни, которыя раскрываются намъ исторіей культуры. При матріархатѣ женщина признавалась не только матерью своихъ дѣтей, но и родоначальницей, т.-е. нисходящее потомство вело свой родъ отъ нея. Эта генеалогія по матери, это видимое подчиненіе мужчины женщинѣ также находитъ свое объясненіе въ зависимости перваго отъ послѣдней по отношенію къ продовольствію; и какъ сынъ, и какъ мужъ, первобытный человѣкъ, пока онъ жилъ охотой, былъ застрахованъ отъ голодной смерти, только благодаря трудолюбію и запасливости женщины. Въ охотничьемъ обществѣ, на ряду съ военной организаціей, подчинявшейся мужчинѣ, существовала и мирная организація, которой управляла женщина; впослѣдствіи, какъ мы видимъ у сѣверо-американскихъ индѣйцевъ, эта функція перешла къ мужчинѣ, но за нею остался мирный, хозяйственный характеръ. Мужчина сталъ главою семьи лишь тогда, когда скотоводство отдало въ его руки обезпеченіе пропитанія послѣдней.

Забота о поддержаніи жизни даже за предѣлами земного существованія отражается и въ духовныхъ проявленіяхъ человѣка. Когда онъ додумывается до различенія смертной части своего существа, тѣла, отъ неумирающей души, онъ, съ одной стороны, начинаетъ бояться душъ умершихъ раньше его, а съ другой, принимаетъ мѣры къ благосостоянію собственной души, послѣ смерти. Онъ соображаетъ, что при жизни питалась именно душа, потому что тѣло, лишившись ея, уже не нуждается въ питаніи; поэтому, стараясь задобрить чужія души, онъ предлагаетъ имъ угощеніе кушаньемъ и строго устанавливаетъ, чтобы и его душа всегда могла пользоваться необходимой ей пищей. Отсюда вытекаетъ значительная часть обрядовой стороны первобытныхъ вѣрованій и, между прочимъ, такой важный культъ для исторіи общественнаго развитія, какъ культъ предковъ.

Помимо интереса содержанія, заключающагося въ самомъ предметѣ, книга Липперта представляетъ и многія достоинства исполненія. Читателя, еще не посвященнаго, она познакомитъ съ цѣлою важною областью знанія и подготовитъ его къ дальнѣйшему знакомству съ нею путемъ изученія отдѣльныхъ сторонъ ея. Читателю, уже имѣвшему случай изучать эти отдѣльныя стороны, изъ которыхъ, въ особенности, развитіе брака и семьи въ послѣднее время служило предметомъ многихъ монографій и журналь-

ныхъ статей, книга Липперта даетъ много новыхъ или интересныхъ подробностей. Книга эта не открываетъ новыхъ горизонтовъ, какъ сочиненія Бокля, Тэйлора, Лёббока и др.; она только собираетъ накопившіеся разрозненные факты и приводитъ ихъ въ систему. Но и это—большой и полезный трудъ, составляющій немаловажную заслугу автора.

Фридрихъ Штрайслеръ. Исторія культуры. «Библіотека для всѣхъ» №№ 2 — 5. Переводъ съ нѣмецкаго и изд. д-ра Н. Лейненберга. Одесса. 1896. Ц. 40 к. Потребность читающей публики въ извѣстнаго рода знаніяхъ опредѣляется не только успѣхомъ книгъ дѣльныхъ и полезныхъ, вродѣ только-что разобранной книги Липперта, но и появленіемъ различнаго рода подражаній и поддѣлокъ, спекулирующихъ на запросы читателей. Очевидно, важность такихъ областей науки, какъ исторія культуры, сознается широкимъ кругомъ публики, если вслѣдъ за сочиненіемъ Липперта появляется книжка, названіе которой выписано выше. Если бы она была переведена какимъ-нибудь неизвѣстнымъ переводчикомъ или издана анонимнымъ издателемъ, можно было бы предположить, что переводчикъ или издатель соблазнились интереснымъ названіемъ, небольшимъ объемомъ и сочли выгоднымъ внести эту книжку въ обиходъ текущей литературы. Но книжка Штрайслера переведена и издана г. Лейненбергомъ, докторомъ медицины, издателемъ трехъ «серій»: «Врачъ въ домѣ», «Гигіеническая библіотека» и «Библіотека для всѣхъ» и нѣсколькихъ сочиненій медицинскаго характера, не входящихъ въ «серіи». Такой издатель не можетъ быть оправданъ невѣдѣніемъ, когда онъ даетъ публикѣ плохую компиляцію, какова книжка Штрайслера, и притомъ въ дурномъ переводѣ, съ небрежной корректурой, во многихъ мѣстахъ искажающей смыслъ. Книга Штрайслера почти вся состоитъ изъ выписокъ, заимствованій изъ руководствъ по исторіи культуры, всего болѣе Липперта, у котораго списываются подъ рядъ по нѣсколько страницъ, и изъ монографій въ родѣ «Происхожденіе семьи» проф. Фр. Энгельса, причемъ переводчикъ выписывалъ соотвѣтственныя мѣста изъ русскихъ переводовъ названныхъ книгъ. Тамъ, гдѣ авторъ говоритъ отъ своего лица, онъ говоритъ непослѣдовательно, неясно и неточно. Для доказательства укажемъ вторую главу «Орудія и оружіе». Въ этой главѣ, посвященной исключительно каменному оружію, ни одного слова не говорится объ изготовленіи этого оружія посредствомъ оббиванія или обтесыванія камня и приводятся только подробности о прикрѣпленіи камня къ рукояткѣ, что читателю неопытному можетъ внушить мысль, будто каменное оружіе — ничто иное, какъ голышъ, привязанный къ палкѣ. Не касаясь ни обтесыванія, ни шлифованія орудій, авторъ весь каменный вѣкъ отождествляетъ съ неолитическимъ періодомъ (стр. 17), не зная про періодъ палеолитическій. Уже этого достаточно, чтобы оцѣнить научное достоинство этой книги.

Густавъ Ле-Бонъ. Эволюція цивилизацій. Сокращенный переводъ съ французскаго И. Гальперштейна. Изданіе «Международной Библіотеки». Одесса. 1895. Ц. 50 к. Подъ общимъ названіемъ «Международной Библіотеки» въ той же Одессѣ выходитъ «серія» «ход-

кихъ» и «интересныхъ» брошюръ на тѣ же «современныя» темы о продленіи жизни, о геніальности и помѣшательствѣ и о многихъ другихъ предметахъ, на которые есть «спросъ» въ читающей публикѣ. Мы ничего, конечно, не имѣемъ противъ изданія книгъ на темы, занимающія публику, но, въ интересахъ послѣдней, считаемъ себя въ правѣ предъявлять къ этимъ книгамъ требованіе, чтобы заглавія ихъ не обманывали читателя. Такой обманъ или разочарованіе ожидаетъ каждаго, покупающаго названную книжку Г. Ле-Бона. Ле-Бонъ принадлежитъ къ числу довольно поверхностныхъ ученыхъ, но у него есть эрудиція и талантливость изложенія; среди его многочисленныхъ сочиненій не трудно было бы выбрать работы небольшого объема, которыя, съ нѣкоторыми оговорками, могли бы представить интересное и полезное чтеніе. Но если бы Ле-Бонъ не имѣлъ никакой извѣстности, все же съ его книгой нельзя обращаться такъ безцеремонно, какъ это дѣлаетъ г. Гальперштейнъ. Онъ сдѣлалъ произвольныя исключенія въ первой половинѣ книги, не объясняя ни мотива, ни характера этихъ исключеній, а вторую половину онъ даже переработалъ по своему, упомянувъ объ этомъ только въ выноскѣ, заставляя покупателя пріобрѣтать подъ именемъ Ле-Бона «изложеніе» неизвѣстнаго ему писателя. Если г. Гальперштейнъ думалъ улучшить книгу, пополнивъ ее мнѣніями такихъ авторитетовъ, какъ Тэйлоръ и Лёббокъ, то, по общепринятому обыкновенію, онъ долженъ былъ сдѣлать дополненіе въ примѣчаніяхъ, оставивъ текстъ Ле-Бона, какъ скоро его имя выставлено въ заглавіи на оберткѣ книги. На самомъ же дѣлѣ, онъ даже не излагаетъ Ле-Бона, а замѣняетъ его выписками изъ другихъ авторовъ. Такъ, главы «развитіе культа» и «развитіе нравственности» изложены почти сплошь по Лёббоку, съ небольшими ссылками на Тэйлора, Спенсера и Липперта, причемъ Ле-Бонъ цитируется меньше другихъ ученыхъ; въ «развитіи права» г. Гальперштейну Іерингъ и Коркуновъ помогаютъ болѣе, чѣмъ Ле-Бонъ. Въ результатѣ этой обработки получилась небольшая книжка, напоминающая компилятивныя журнальныя статьи, вовсе не оправдывающая громкаго заглавія. Прибавимъ, что мы не совсѣмъ понимаемъ, для какой публики она предназначается. По изложенію она можетъ быть доступна только читателямъ интеллигентнымъ, но для нихъ едва-ли могутъ быть новы общія мѣста о развитіи цивилизаціи и извлеченія изъ Лёббока и Спенсера. По содержанію она можетъ расчитывать только на читателей, незнакомыхъ съ предметомъ, но для такихъ читателей она не понятна. Нельзя не замѣтить, что она и слишкомъ дорога— 50 коп. за $5^1/_2$ листовъ небольшого формата довольно крупной печати.

Дж. В. Дрэперъ. Исторія умственнаго развитія Европы. Пер. съ послѣдняго англійскаго изданія М. В. Лучицкой подъ редакціей проф. И. В. Лучицкаго. Въ двухъ томахъ. Ц. 1 руб. 50 коп. Южно-русское книгоиздательство Іогансона. Кіевъ—Харьковъ. Новое изданіе Дрэпера выходитъ почти черезъ тридцать лѣтъ послѣ перваго. Время для его повторенія выбрано, по нашему мнѣнію, чрезвычайно, удачно. Книга Дрэпера не только интересна, какъ одна

изъ книгъ, имѣвшихъ большое образовательное значеніе въ эпоху просвѣтительныхъ стремленій нашего общества: она появляется весьма кстати и въ наши дни, когда даже въ извѣстной части интеллигентнаго общества слышатся голоса, будто наше время «извѣрилось въ науку», когда намъ опять угрожаютъ сумерки мистицизма, подъ видомъ теософіи, символизма и т. п. Въ такую пору трезвый голосъ, убѣжденное слово талантливаго и яснаго ума должно дѣйствовать освѣжающимъ образомъ, должно укрѣплять колеблющихся и давать опору сомнѣвающимся въ непреложности научной истины. Глубокая вѣра въ эту непреложность проникаетъ все сочиненіе Дрэпера, и это единство мысли и убѣжденія дѣйствуетъ особенно отрадно въ наше двойственное время.

Настоящее русское изданіе переведено съ послѣдняго англійскаго, которое пересмотрѣно авторомъ въ 1875 г. Промежутокъ двадцать лѣтъ можетъ показаться большимъ, и у читателя можетъ возникнуть сомнѣніе—не устарѣла-ли книга Дрэпера, не отстала-ли отъ однородныхъ съ нею сочиненій по исторіи цивилизаціи. Это сомнѣніе легко устраняется. Главное значеніе подобной книги заключается въ ея руководящей идеѣ, которая не можетъ состарѣться, потому что она есть логическій выводъ изъ всей умственной исторіи западно-европейскихъ народовъ. Идея эта заключается въ томъ, что историческое движеніе человѣчества повинуется строгому закону, въ силу котораго оно походитъ, по выраженію Паскаля, на человѣка, «всегда живущаго и непрестанно учащагося». При этомъ отдѣльные народы проходятъ стадіи развитія индивидуальнаго человѣка—молодость, зрѣлость и старость, и каждому изъ этихъ состояній свойственны извѣстные образы мысли.

Дрэперъ доказываетъ это основное положеніе своей книги на умственной исторіи грековъ, которую онъ резюмируетъ въ слѣдующихъ словахъ: «Оглядываясь назадъ, на путь, пройденный греческимъ умомъ, мы видимъ, что послѣ легендарнаго доисторическаго періода,—вѣка легковѣрія,—наступаютъ преемственно вѣкъ умозрительнаго изслѣдованія, вѣкъ вѣры, вѣкъ разума, вѣкъ дряхлости; первый вѣкъ, легковѣрія, заканчивается географическими открытіями; второй, вѣкъ вѣры, критикою софистовъ; третій, вѣкъ разума, сомнѣніями скептиковъ; четвертый, отличающійся отъ предыдущихъ грандіозностью своихъ результатовъ, постепенно переходитъ въ пятый, вѣкъ дряхлости, прекратившійся, благодаря вмѣшательству римлянъ» (стр. 174). Въ виду такого хода развитія греческой мысли, онъ приходитъ къ заключенію, что «въ умственномъ прогрессѣ греческаго народа можно прослѣдить пять переходныхъ ступеней человѣческаго развитія: дѣтство, отрочество, юность, зрѣлый возрастъ и старость».

Тѣ же явленія, но въ гораздо большемъ масштабѣ, Дрэперъ видитъ и въ умственной исторіи Европы. Повидимому, исторія человѣческой жизни есть исторія мнѣній противурѣчивыхъ, несогласныхъ между собою, похожихъ на лабиринтъ путей, по которымъ умъ можетъ только безнадежно блуждать. Каждое изъ мнѣній считаетъ себя истиннымъ, и наша жизнь проходитъ въ

безплодномъ исканіи критеріума истины. Дрэперъ не считаетъ, однако, положенія мыслящаго человѣка безъисходнымъ: выходъ изъ безотраднаго блужданія указываетъ намъ наука. «Достовѣрность,—говоритъ онъ,—усиливается вмѣстѣ съ числомъ пришедшихъ къ соглашенію умовъ,—отсюда я прихожу къ заключенію, что въ единодушномъ согласіи всего человѣческаго рода заключается человѣческій критеріумъ истины,—критеріумъ, который, въ свою очередь, дѣлается все болѣе и болѣе точнымъ, по мѣрѣ распространенія просвѣщенія и знанія» (стр. 185).

Заблужденія человѣческаго ума, въ родѣ вѣры въ колдовство, омрачающее исторію среднихъ вѣковъ, разсѣеваются силою научнаго изслѣдованія. Римско-католическая церковь, присвоивъ себѣ монополію знанія, долго держала общество подъ вліяніемъ этихъ заблужденій. Отрицая силу науки, насильственно поддерживая мракъ, римская церковь только ослабляла себя. Повидимому, ею все было сдѣлано для упроченія своего торжества, но неожиданно наступило время испытаній, и она очутилась безоружной. Это—одинъ изъ самыхъ поучительныхъ фактовъ исторіи. Онъ показываетъ намъ, что даже «заблужденія подчиняются закону постояннаго измѣненія и воплощаются въ разныя формы, сообразно съ данными условіями, въ какія поставленъ человѣческій умъ въ ту или иную эпоху. Въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ вѣру въ нихъ раздѣляли всѣ классы общества, затѣмъ немногіе, но число ихъ постоянно возростало,—стали считать ихъ плодами фантазіи. Наконецъ, человѣчество пробудилось вполнѣ отъ своего вѣкового заблужденія, отъ своего сна. Окончательное отрицаніе всего, вопреки удивительному числу свидѣтельствъ, накопившихся въ теченіе столькихъ столѣтій, происходитъ самопроизвольно, внезапно, какъ только психическое развитіе достигло извѣстнаго пункта. Трудно представить болѣе поразительный примѣръ развитія человѣческаго ума» (стр. 416). Костры инквизиціи, на которыхъ погибали несогласные со взглядами церкви, не могли задержать распространенія научной истины. «Напрасно Бруно былъ сожженъ, а Галилей заключенъ въ тюрьму: истина пробила себѣ дорогу, не смотря на все сопротивленіе. Борьба закончилась полнымъ отрицаніемъ авторитета и преданія съ признаніемъ научной истины» (стр. 552).

Главная ошибка римской системы заключалась въ томъ, что она людей считала дѣтьми, нуждающимися въ вѣчной опекѣ. Эта система заботилась объ ихъ нравственности, не придавая никакого значенія ихъ умственному развитію, которое она задерживала или старалась направить исключительно по желательному для нея пути. Она не хотѣла принимать во вниманіе умственный ростъ общества, полагая, что люди могутъ оставаться въ одномъ и томъ же психологическомъ состояніи, что дѣти могутъ ничѣмъ не отличаться отъ своихъ отцовъ. Такая система могла существовать только при умственной неразвитости современнаго ей общества, при дѣтскомъ состояніи его ума. Какъ скоро дѣтство ума смѣнилось юностью, мышленіе заявило свои права и добилось признанія ихъ, несмотря на всѣ противодѣйствія. Говоря словами Дрэ-

пера, «въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій народы могутъ жить при формахъ жизни, удовлетворяющихъ ихъ потребностямъ и подходящихъ къ ихъ неразвитому уму; но ошибочно было бы предположить, что такого рода состояніе можетъ продолжаться до безконечности» (стр. 604).

По мнѣнію Дрэпера, Европа вступаетъ теперь въ зрѣлый періодъ своей жизни. Усиленіе научнаго міросозерцанія, замѣчаемое въ настоящее время, есть признакъ этой зрѣлости. Въ особенности, потребность этого міросозарцанія обозначилась въ нынѣшнемъ столѣтіи, отличающемся необычайно быстрыми умственными успѣхами и общимъ стремленіемъ къ просвѣщенію. И то, и другое обезпечиваетъ дальнѣйшее непрерывное движеніе по тому же пути, естественному и неизбѣжному въ силу закона роста человѣчества. Но свѣтлое будущее Европы обезпечивается, въ глазахъ Дрэпера, не однимъ лишь быстрымъ, успѣшнымъ ходомъ ея умственнаго развитія. Христіанская нравственность для европейскихъ народовъ представляетъ не меньшій залогъ преуспѣянія. «Всемірная любовь,—говоритъ Дрэперъ,—должна принести лучшіе плоды, чѣмъ эгоистичная гордость. Болѣе блестящее будущее, полное надеждъ, открывается для народовъ, воодушевленныхъ религіознымъ чувствомъ, для народовъ, которые, какова бы ни была ихъ политика, всегда сходились въ одномъ, въ томъ, что они набожны,—чѣмъ у народа, который предается преслѣдованію себялюбивыхъ цѣлей и матеріальныхъ выгодъ, который потерялъ всякую вѣру въ будущее и живетъ безъ Бога» (стр. 634).

Таковъ утѣшительный выводъ этой прекрасной книги, которая, надѣемся, и нынѣшнему молодому поколѣнію и всѣмъ стремящимся къ свѣту, сослужитъ такую же добрую службу, какую предыдущее изданіе сослужило ихъ предшественникамъ.

СОЦІОЛОГІЯ.

Фюстель-де-Куланжъ. «Древняя гражданская община».—*Ш. Летурно.* «Соціологія, основанная на этнографіи».

Фюстель-де-Куланжъ. Древняя гражданская община. (La cité antique). Изслѣдованіе о культѣ, правѣ, учрежденіяхъ Греціи и Рима. М. 1895 г. Ц. 2 руб. Изслѣдованіе Фюстель-де-Куланжа, являющееся вторымъ изданіемъ въ русскомъ переводѣ, пользуется заслуженной извѣстностью и авторитетомъ. Рѣдкое обиліе фактическаго матеріала, искусно сгруппированнаго и подчиненнаго одной общей идеѣ, художественная ясность изложенія и подавляющая убѣдительность аргументаціи дѣлаютъ это сочиненіе классическимъ въ научной литературѣ. Даже не раздѣляя точки зрѣнія Фюстель-де-Куланжа на основныя причины, опредѣлившія развитіе древнихъ учрежденій Греціи и Рима, считая ее односторонней и исключительной, нельзя отрицать ни глубины его анализа древнихъ вѣрованій и вліянія ихъ на складъ домашней и общественной жизни, ни основательности многихъ зависимостей, раскрытыхъ имъ съ рѣд-

кимъ остроуміемъ. Но, съ другой стороны, изслѣдованіе Фюстель-де-Куланжа о происхожденіи древней общины можетъ служить яркимъ примѣромъ той легкости, съ которою обширная масса фактовъ можетъ складываться подъ умѣлою рукою талантливаго систематика въ стройные ряды обобщеній и выводовъ, подавляющихъ и несокрушимыхъ вплоть до перваго столкновенія съ не менѣе обильными фактами иного порядка, которые съ такимъ же удобствомъ могутъ послужить въ другихъ рукахъ матеріаломъ для совершенно иныхъ построеній. Естественное стремленіе къ логическому единству мысли переходить въ данномъ случаѣ тѣ предѣлы, въ которыхъ факты господствуютъ надъ выводами, и приводитъ къ обратному подчиненію фактовъ заранѣе принятымъ обобщеніямъ. Множественность причинъ и факторовъ, управляющихъ въ мірѣ общественныхъ явленій, ускользаетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ ускользаетъ нерѣдко и почва дѣйствительности, и научное безпристрастіе уступаетъ мѣсто художественному творчеству.

Фюстель-де-Куланжъ безусловно примыкаетъ къ основной соціологической аксіомѣ, твердо установленной цѣлымъ рядомъ замѣчательнѣйшихъ мыслителей во второй половинѣ настоящаго столѣтія,—аксіомѣ, утверждающей, что «важныя перемѣны, время отъ времени возникающія въ строѣ общества, не могутъ быть дѣломъ ни случайности, ни одного только произвола», но что въ этой смѣнѣ общественныхъ явленій господствуетъ порядокъ и закономѣрность, которую и надлежитъ уловить. Въ этомъ стремленіи Фюстель-де-Куланжъ останавливается на томъ, что, по мнѣнію его, одно измѣняется въ самомъ человѣкѣ въ послѣдовательности эпохъ: это—наше познаніе, наши вѣрованія. Вѣрованія человѣчества не таковы теперь, какъ 25 вѣковъ тому назадъ, и именно отъ этого учрежденія, среди которыхъ мы живемъ, и законы, которыми мы теперь управляемся, иные, чѣмъ въ старину. Доказательству этой мысли о тѣсной связи между строемъ вѣрованій и соціальнымъ бытомъ народа, въ примѣненіи къ учрежденіямъ Греціи и Рима, и посвящено изслѣдованіе Фюстель-де-Куланжа.

Сравненіемъ вѣрованій и учрежденій онъ доказываетъ, что первоначальная религія грековъ и римлянъ, унаслѣдованная ими отъ общаго арійскаго міровоззрѣнія,—культъ усопшихъ предковъ и домашняго очага, который являлся символомъ единенія между живыми и мертвыми членами семьи—этотъ первобытный культъ опредѣлилъ организацію и характеръ греческой и римской семьи, установилъ бракъ и его обряды, власть отца, обозначилъ степени родства, освятилъ право собственности и условія наслѣдованія. Эта же религія, по мѣрѣ расширенія семьи, являлась организаторомъ и опредѣляющимъ началомъ для болѣе широкихъ соединеній: родовъ, фратрій, трибъ и, наконецъ, гражданскаго общества. Изъ нея вышли всѣ учрежденія, какъ и все частное право древнихъ. Подобно тому, какъ домашній очагъ собиралъ вокругъ себя членовъ одной семьи, точно также и гражданская община была собраніемъ всѣхъ, у кого были общіе боги-покровители, кто совершалъ религіозные обряды у общаго алтаря, имѣлъ общія религіозныя торжества и праздники. И Фюстель-де-Куланжъ шагъ

за шагомъ показываетъ намъ, какъ уже въ эпоху высокаго развитія политическаго строя Греціи и Рима религія проникала всю жизнь гражданъ, ихъ нравы, формы управленія, международныя отношенія и пр. Но съ теченіемъ времени древнія вѣрованія измѣнялись и забывались. Понятіе божества теряетъ свой исключительно домашній или мѣстный характеръ и пріобрѣтаетъ значеніе болѣе общее, рядомъ съ тѣмъ измѣняются частное право и политическія учрежденія. Усилія угнетенныхъ и низшихъ классовъ, исключенныхъ изъ религіознаго союза привилегированныхъ гражданъ, низверженіе греческаго сословія—аристократіи, труды философовъ поколебали древніе устои какъ религіознаго, такъ и гражданскаго строя. Христіанство, съ его полной противоположностью тому догмату древней религіи, который гласилъ, что каждый богъ покровительствуетъ исключительно одной семьѣ или одной гражданской общинѣ и для нея только одной существуетъ, и римское завоеваніе, съ его нивеллирующими правовыми принципами,—окончательно разрушили древній строй. Исторія одного вѣрованія и соотвѣтствующихъ ему учрежденій закончилась.

Какъ ни исключительно принимаетъ Фюстель-де-Куланжъ то положеніе, что началомъ, опредѣлившимъ большинство домашнихъ и соціальныхъ учрежденій древнихъ, были вѣрованія, религія, какъ ни односторонне освѣщаетъ онъ, благодаря этому, картину жизни древнихъ, однако, мы не можемъ упрекнуть его, по крайней мѣрѣ, въ той ошибкѣ, въ которой повинны нѣкоторые сторонники экономическаго направленія въ исторіи,—чтобы обобщенія, вынесенныя изъ наблюденія и анализа общественныхъ явленій одной эпохи, распространять на весь ходъ историческаго процесса. Показавъ, на какихъ основахъ, по его мнѣнію, зиждились древнія общества, онъ дѣлаетъ выводъ, что «эти основы болѣе не въ состояніи управлять человѣчествомъ». Какъ только вѣрованія, на какихъ основывался этотъ общественный строй, ослабли, онъ былъ опрокинутъ, опрокинутъ большинствомъ, «заинтересованнымъ въ разрушеніи такой соціальной организаціи, которая не доставляла имъ ни малѣйшаго благополучія» (225 стр.). Переворотъ, уничтожившій въ Римѣ господство жреческаго сословія и возвысившій низшій классъ до уровня древнихъ родовыхъ вождей, послужилъ началомъ новому періоду въ исторіи гражданскихъ общинъ. «Отнынѣ единственнымъ руководящимъ принципомъ, дающимъ силу и жизненность всѣмъ учрежденіямъ, стоящимъ выше единичныхъ желаній и властнымъ принудить ихъ къ повиновенію, является общественный интересъ» (303 стр.). Авторъ не считаетъ нужнымъ выяснить точнѣе, что же лежало въ основѣ этого общаго интереса, но можно понять, что онъ имѣлъ въ виду интересы демократіи, ея политическаго преобладанія и соціальнаго «благополучія». Однако, развѣ интересы эти отсутствовали раньше и не проявляли всегда своего вліянія на строй учрежденій? Фюстель-де-Куланжъ остается столь же исключительнымъ и одностороннимъ мыслителемъ въ концѣ книги, признавъ значеніе другого интереса, кромѣ религіознаго, какъ онъ былъ исключительнымъ въ своемъ отношеніи къ послѣднему ранѣе. Теперь для него въ періодѣ, куда

онъ вступаетъ, «преданію нѣтъ болѣе мѣста, а религіи—власти», какъ не было мѣста въ ранніе періоды развитія гражданскаго общества—общественному интересу. «Гражданскія общины,—говоритъ онъ,—не задавались вопросомъ, полезны ли созданныя ими учрежденія: эти учрежденія появились потому, что религія этого требовала. Ни интересъ, ни выгода не принимали участія въ ихъ установленіи; если жреческое сословіе боролось за ихъ защиту, то отнюдь не во имя общественнаго интереса, а во имя религіознаго преданія» (стр. 302). Жреческое сословіе, поддерживая древнія религіозныя установленія, выступало, конечно, не столько во имя общественнаго интереса, широко понимаемаго, сколько въ интересахъ своего класса, благополучіе и существованіе котораго ими обусловливалось, и утверждать, что оно исходило въ своей дѣятельности исключительно изъ безкорыстнаго преклоненія передъ религіознымъ преданіемъ, является столь же очевидной ошибкой, какъ и обратное. Жреческое сословіе всегда входило, какъ часть, въ составъ землевладѣльческой аристократіи и, защищая древнія установленія, оно боролось и за свои соціальныя привилегіи. Эта тѣсная связь между интересами религіи и соціальными привилегіями духовенства проявлялась и въ позднѣйшее время, и, отрицая по отношенію къ нему власть религіи, Фюстель-де-Куланжъ повинуется скорѣе голосу логики, чѣмъ объективнаго изслѣдованія фактовъ. Подобный пріемъ отношенія къ явленіямъ исторіи ярко характеризуетъ Гизо словами: «Ничто такъ не искажаетъ исторіи, какъ логика: когда умъ человѣческій останавливается на какой-либо идеѣ, онъ извлекаетъ изъ нея всѣ возможныя послѣдствія, заставляетъ ее произвести все то, что въ дѣйствительности она могла бы произвести, и потомъ представляетъ ее себѣ въ исторіи въ сопровожденіи всего этого».

Ш. Летурно. Соціологія, основанная на этнографіи. Выпускъ I. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. Ц. 60 коп. Настоящій выпускъ представляетъ переводъ не болѣе третьей или четвертой части обширнаго труда Ш. Летурно, обнимающаго всѣ проявленія существованія человѣка и человѣческаго общества у разныхъ расъ и подъ разными градусами широты и долготы. Переведенныя главы (кн. I) заключаютъ этнографическій матеріалъ по вопросу о роли потребностей питанія въ человѣческой жизни, о характерѣ пищи въ разныхъ частяхъ свѣта, о пріемахъ ея приготовленіе, опьяняющихъ и одурманивающихъ веществахъ и пр. Вторая половина выпуска (книга II франц. изданія) посвящена роли чувства въ жизни человѣка, вопросу объ отношеніяхъ между полами, о роли искусствъ, удовлетворяющихъ тѣмъ или инымъ потребностямъ чувства. Здѣсь собранъ обильный матеріалъ о характерѣ украшеній, къ которымъ прибѣгаютъ и прибѣгали разныя племена земного шара, о первоначальныхъ ступеняхъ искусства, музыки, танцевъ, скульптуры, живописи и пр. Дальнѣйшія книги сочиненія Летурно, долженствующія войти въ послѣдующіе выпуски, даютъ факты изъ области нравовъ, культуры и религіи, общественныхъ формъ, семьи, собственности, политическихъ учрежденій и пр. Нѣкоторыя изъ этихъ главъ были развиты Летурно въ отдѣльныя сочиненія, вы-

шедшія подъ особыми заглавіями, какъ-то: «Эволюція собственности», «Эволюція морали». Русскій переводъ «Соціологіи» снабженъ рисунками въ текстѣ, чего нѣтъ во французскомъ изданіи и что не совсѣмъ идетъ къ такому строго научному сочиненію, какъ трудъ Ш. Летурно, тѣмъ болѣе, что рисунки эти, взятые изъ разныхъ этнографическихъ и географическихъ изданій, не всегда отличаются хорошимъ исполненіемъ. Кромѣ того, присутствіе рисунковъ можетъ повести къ недоразумѣніямъ, внушая представленіе о книгѣ, какъ о сочиненіи популярномъ, между тѣмъ какъ въ томъ же первомъ выпускѣ есть главы, которыя не всегда могутъ быть съ удобствомъ предложены вниманію неопытныхъ читателей.

Переходя къ вопросу о значеніи трудовъ Летурно въ соціологической литературѣ, мы должны отмѣтить, что въ «соціологіи» онъ является по преимуществу только коллекторомъ и классификаторомъ обширнаго матеріала фактовъ и наблюденій, собранныхъ многочисленными этнографами, путешественниками, антропологами и историками, и касающихся тѣхъ или другихъ сторонъ человѣческой жизни. Авторъ проситъ не искать въ его книгѣ изложенія «соціологическихъ законовъ», претендующихъ на строгую научность. По мнѣнію его, соціальная наука находится еще въ періодѣ дѣтства, собиранія матеріала и выдѣленія наиболѣе важныхъ фактовъ изъ безпорядочной массы мелкихъ наблюденій. Соціологи-систематики сдѣлали большую ошибку, когда, располагая очень малымъ количествомъ фактовъ, стали основывать на нихъ свои теоріи, нерѣдко искажая и подтасовывая факты съ цѣлью подтвердить всевозможными способами свои предвзятые взгляды. Къ такимъ соціологамъ Ш. Летурно относитъ не только Вико, Кондорсэ, С. Симона, Ог. Конта, но и Спенсера, Лёббока, Тайлора и многихъ другихъ. Онъ, конечно, признаетъ, что все въ природѣ подчинено законамъ; слѣдовательно, должны существовать и соціологическіе законы. Но «общій законъ открыть тѣмъ труднѣе, чѣмъ большимъ числомъ явленій онъ управляетъ и чѣмъ больше ихъ разнообразіе и сложность; явленія же соціальной жизни безчисленны и подвергаются самымъ разнообразнымъ измѣненіямъ». При изученіи области соціологіи необходимо принять во вниманіе не только разнообразныя проявленія человѣческой дѣятельности, но и внѣшнія условія, въ зависимости отъ которыхъ она находится. Соціологія основывается на данныхъ, заимствованныхъ изъ многихъ наукъ: естественной исторіи, антропологіи, этнографіи, демографіи, политической экономіи, исторіи и пр. Все, что въ большей или меньшей степени вліяетъ на жизнь человѣка, имѣетъ значеніе и для соціолога. Въ виду этой-то обширности, сложности и трудности задачи, «всякая надежда на строго научную соціологію должна быть пока оставлена». Передъ нами огромный предварительный трудъ собиранія матеріала, группировки фактовъ, ихъ классификаціи и сопоставленія. Этотъ трудъ, или, точнѣе говоря, часть этого труда и беретъ на себя Ш. Летурно въ своей «Соціологіи по даннымъ этнографіи», послѣдовательно описывая въ ней главныя проявленія человѣческой дѣятельности у важнѣйшихъ расъ и сопоставляя ихъ

гдѣ возможно, съ аналогичными явленіями, наблюдаемыми у животныхъ.

Однако, какъ бы ни воздерживался ученый, избравшій предметомъ своего изученія область явленій соціологіи, отъ поспѣшныхъ обобщеній и произвольныхъ выводовъ, но для самаго «выдѣленія наиболѣе важныхъ фактовъ изъ безпорядочной массы мелкихъ наблюденій» —нужно имѣть какой-либо заранѣе принятый критерій для отличенія болѣе важныхъ и менѣе важныхъ фактовъ. Элементъ общей идеи предшествуетъ всякой индукціи, тѣмъ болѣе той, которая имѣетъ дѣло съ матеріаломъ такой сложности и обширности, какъ область явленій соціальныхъ. И Ш. Летурно доказываетъ справедливость этой мысли, не оставляя въ теченіи всего своего труда почвы нѣсколько неопредѣленнаго, но неизмѣннаго понятія объ общемъ законѣ соціальнаго развитія, *прогресса, усовершенствованія личности и соціальныхъ формъ*. Эта идея красной нитью проходитъ въ его сочинени, составляя единственную дань систематизирующимъ стремленіямъ современной соціологіи.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

В. В. «Артельныя начинанія русскаго общества».—«Краткій очеркъ экономическихъ мѣропріятій земствъ».

Артельныя начинанія русскаго общества. В. В. С.-Петербургъ. 1895 г. 1 руб. Существуютъ два вида артелей: однѣ изъ нихъ, выросшія какъ бы сами собой, безъ всякаго посторонняго вліянія, можно назвать бытовыми; артели второй категоріи, напротивъ, возникаютъ по иниціативѣ учрежденій или лицъ изъ образованнаго общества Здѣсь мы не будемъ долго останавливаться на характеристикѣ бытовыхъ артелей, — читатели нашего журнала уже имѣли случай ознакомиться съ ними (см. библіографію «Міръ Божій» за іюль 1895 г.); скажемъ лишь кратко, что бытовыя артели, прежде всего, останавливаются на отрасляхъ промышленности, не требующихъ прочно-установленнаго раздѣленія труда; далѣе, сбытъ вырабатываемыхъ этими артелями издѣлій производится въ ближайшихъ районахъ, почему артельщиками-кустарями не принимается какихъ-либо спеціальныхъ мѣръ. Затѣмъ, въ бытовой артели всегда можно подмѣтить фактъ незначительныхъ капитальныхъ затратъ на предпріятіе, и, наконецъ, она характеризуется простотой организаціи и непостоянствомъ личнаго состава участниковъ.

Теперь познакомимся съ важнѣйшими отличительными особенностями артелей, иниціатива которыхъ исходитъ не изъ простого народа, а изъ образованнаго класса.

Въ исторіи этой категоріи артелей слѣдуетъ различать три періода — время съ половины 60-хъ до начала 70-хъ годовъ, съ 70-хъ до половины 80-хъ годовъ и, наконецъ, третій періодъ обнимаетъ собою время отъ второй половины 80-хъ годовъ до

нашихъ дней. Первый періодъ можетъ быть названъ періодомъ сильнаго увлеченія интеллигентнаго общества идеей артели. Но для всякаго практическаго дѣла не достаточно одного желанія приносить пользу ближнему, а требуется прежде всего наличность иныхъ условій; и разъ такихъ условій нѣтъ, никогда нельзя разсчитывать на успѣхъ предпріятія.

Однимъ изъ первыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, при какихъ стали возникать у насъ артели по инипіативѣ интеллигентныхъ людей, была непрактичность самихъ иниціаторовъ, недостаточное знакомство ихъ съ различными условіями народной жизни. Но это еще далеко не все, и мы были бы вполнѣ неправы, если бы всю вину неудачи, напр., сыроваренія возложили на однихъ иниціаторовъ: дѣло въ томъ, что, кромѣ непрактичности, были иныя, весьма неблагопріятныя обстоятельства, при которыхъ возникло и начало развиваться артельное дѣло.

Только-что освобожденный отъ тяжелыхъ оковъ крѣпостничества, не имѣвшій возможности научиться даже простой грамотѣ, народъ, естественно, не могъ успѣшно повести такое сложное дѣло, какъ артельныя предпріятія.

Другимъ важнымъ препятствіемъ широкому распространенію артелей служитъ бѣдность народа. По нашему мнѣнію, артели нужно распространять и прививать не тамъ, гдѣ хозяйство крестьянъ пришло въ окончательный упадокъ и нищета успѣла себѣ свить гнѣздо, а тамъ, гдѣ есть хотя необходимый minimum матеріальнаго благостоянія. Нельзя сказать, чтобы и этотъ пунктъ житейской азбуки былъ принятъ во вниманіе при учрежденіи первыхъ артелей на Руси.

Послѣ всего сказаннаго сейчасъ, понятно, почему идеализмъ самоотверженныхъ иниціаторовъ потерпѣлъ фіаско, и мысль объ артеляхъ заглохла на цѣлый десятокъ лѣтъ.

И только со второй половины 80-хъ годовъ она снова выплыла на свѣтъ Божій, но уже нѣсколько при иныхъ, болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ. Г-нъ В. В. приводитъ въ своей книжкѣ массу примѣровъ, свидѣтельствующихъ о томъ сочувствіи, какое встрѣчаетъ среди населенія идея о кооперативномъ началѣ въ различныхъ предпріятіяхъ (см. стран. 71 и далѣе). Пользуясь этимъ настроеніемъ крестьянъ, многія земства и отдѣльныя лица снова стали организовать артели, преимущественно въ кустарныхъ промыслахъ. Оказалось, что опытъ прежнихъ лѣтъ не пропалъ даромъ: теперь артели организуются уже на болѣе раціональныхъ началахъ и, во многихъ случаяхъ, приносятъ мѣстному населенію несомнѣнную пользу. Эта часть труда г. В. В., т. е. та, гдѣ описываются «новѣйшія артели», заключаетъ много интереснаго и весьма поучительнаго матеріала.

Краткій очеркъ экономическихъ мѣропріятій земствъ 23 губерній Россіи. (1865—1892 гг.). Изданіе полтавской губернской земской управы. Полтава. 1894 г. 1 руб. Обзоръ экономическихъ мѣропріятій земствъ представляетъ огромный интересъ, не только съ точки зрѣнія фактическаго ознакомленія со всѣмъ тѣмъ, что сдѣлало земство въ сравнительно непродолжительный періодъ

своего существованія, но и въ видахъ практическихъ, въ особенности въ настоящее время, когда всюду поднимаются требованія энергическаго и организованнаго воздѣйствія общественныхъ силъ на экономическую жизнь страны. Вотъ почему разсматриваемая нами книга: «Краткій очеркъ экономическихъ мѣропріятій земствъ 23 губерній Россіи», составленная по порученію полтавской губернской земской управы, заслуживаетъ вниманія.

Изъ обширнаго круга мѣропріятій земствъ по поднятію экономическаго положенія населенія на первомъ планѣ стоятъ *мѣры по увеличенію крестьянскаго землевладѣнія.*

Роль земства въ этомъ случаѣ заключается въ томъ, что оно разъясняетъ правительству, при какихъ условіяхъ крестьянскій банкъ можетъ принести пользу населенію, ходатайствуетъ о пониженіи процентовъ по ссудамъ, объ упрощеніи выдачи такихъ ссудъ, о расширеніи операцій банка, наконецъ, выдаетъ крестьянамъ денежныя ссуды, необходимыя для приплаты къ полученнымъ изъ банка. Нѣкоторыя изъ южныхъ земствъ—таврическое, херсонское и черниговское — обратили вниманіе на вопросъ объ *арендѣ земель крестьянскими обществами.* Таврическое губернское земство, по иниціативѣ мелитопольскаго уѣзднаго, въ 1878 г. ходатайствовало передъ правительствомъ о разрѣшеніи сельскимъ обществамъ арендовать казенныя земли по мірскимъ приговорамъ, безъ залоговъ и безъ ограниченія величиною и отдаленностью участка, а также и продолжительностью арендного срока. Такое же ходатайство повторено было затѣмъ въ 1880 г., съ тѣмъ мотивомъ, что предлагаемая мѣра обезпеченія землею крестьянъ представляетъ значительныя выгоды и для казны, такъ какъ крестьяне могутъ платить болѣе высокую арендную плату, чѣмъ посредники, снимающіе казенныя земли для раздачи крестьянамъ по мелочамъ.

Въ такомъ же смыслѣ ходатайствовало и херсонское губернское земство въ 1879 г.

Гораздо обширнѣе, разнообразнѣе и плодотворнѣе оказалась *дѣятельность земствъ, направленная къ улучшенію сельскаго хозяйства.* Сюда относятся мѣры, имѣющія цѣлью улучшеніе скотоводства, мѣры по поднятію полевой, огородной и древесной культуры, и организація особыхъ учрежденій, предназначенныхъ заботиться о процвѣтаніи сельскаго хозяйства.

Земледѣліе, какъ главный фундаментъ, на которомъ зиждется жизнь нашего народа, всегда обращало на себя большое вниманіе земствъ и вызывало съ ихъ стороны различныя мѣропріятія, которыя выразились, между прочимъ, въ содѣйствіи распространенію земледѣльческихъ орудій, въ распространеніи лучшихъ сортовъ сѣмянъ, а также въ попыткахъ ввести удобреніе и травосѣяніе.

Но кромѣ этихъ, такъ сказать, частичныхъ мѣропріятій, земства старались создать еще такія *учрежденія, которыя бы заботились объ улучшеніи всѣхъ сторонъ крестьянскаго хозяйства.* Сюда относятся низшія и среднія сельскохозяйственныя училища, открытыя земствами, сельскохозяйственные курсы, опытныя станціи и поля, сельскохозяйственные и естественно-историческіе му-

зеи и коллекціи и особенно институтъ агрономическихъ смотрителей.

На ряду съ вопросомъ о крестьянскомъ земледѣліи вниманіе земства всегда привлекалъ вопросъ о *содѣйствіи кустарнымъ промысламъ и ремесламъ.* Мѣропріятія земствъ въ дѣлѣ развитія кустарныхъ промысловъ выразились прежде всего въ изслѣдованіяхъ мѣстныхъ кустарныхъ промысловъ, и, кромѣ того, въ содѣйствіи развитію среди населенія ремеслъ, въ устройствѣ учебныхъ мастерскихъ, техническихъ школъ, курсовъ ручного труда и классовъ техническаго рисованія, въ принятіи мѣръ по улучшенію кустарныхъ издѣлій, въ организаціи кредита для кустарей, въ учрежденіи кустарныхъ комитетовъ, музеевъ, складовъ, выставокъ, въ содѣйствіи развитію кустарныхъ артелей и, наконецъ, въ доставленіи кустарямъ подрядовъ по поставкѣ ихъ издѣлій для казны.

Но даже и этимъ не исчерпываются заботы земствъ въ дѣлѣ поднятія экономическаго положенія населенія: экономическія изслѣдованія (земская статистика), осушеніе земель и болотъ, обводненіе и орошеніе земель, борьба съ песками, добываніе ископаемыхъ богатствъ, фабричная и заводская промышленность, переселеніе, торговля, кредитъ и т. п.,—все это обращало на себя вниманіе земствъ и вызывало тѣ или другія мѣропріятія.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

Рихардъ Гертвигъ «Учебникъ зоологіи».

Рихардъ Гертвигъ. Учебникъ зоологіи. Перевелъ съ измѣненіями и дополненіями проф. Заленскій. XV+724. Рис. 613. Одесса. 1895 г. Изд. Шлейхеръ. Ц. 5 р. 40 к. При бѣдности нашей литературы оригинальными произведеніями по зоологіи, должно съ удовольствіемъ привѣтствовать появленіе въ русскомъ переводѣ руководства Гертвига.

Зоологія, какъ наука описательная, естественно распадается на два отдѣла: морфологію и систематику. Слѣдя за историческимъ ходомъ развитія описательныхъ наукъ, мы видимъ, что сперва старались узнать и описать возможно большее число формъ, не входя въ детальное анатомическое изслѣдованіе ихъ; исключеній въ этомъ отношеніи очень немного, самымъ замѣчательнымъ былъ безспорно Аристотель. Такого направленія держалась зоологія почти до Линнея включительно; были, правда, въ XVII с., морфологи, какъ Мальпигій, Свамердамъ, Левенгукъ, но имъ не удалось еще направить зоологію на истинный путь. Настоящимъ своимъ развитіемъ обязана морфологія ученымъ конца XVIII и начала XIX ст.: Ламарку, Жофруа Сентъ-Илеру и Кювье, въ особенности послѣднему. Съ тѣхъ поръ изученіе морфологіи подвигается гигантскими шагами. Установленіе фонъ-Бэромъ эмбріологіи какъ науки и эволюціонная теорія окончательно доказали первостепенную важность морфологическаго изученія формъ для истиннаго пониманія живот-

наго царства. Поэтому, отъ каждой общей книги по зоологіи нужно требовать прежде всего, чтобы она излагала предметъ съ морфологической точки зрѣнія; систематика нужна какъ нѣкоторая иллюстрація къ предмету изложенія.

Такимъ именно и является учебникъ Гертвига, въ которомъ систематикѣ отведено ограниченное, иногда даже слишкомъ ограниченное, мѣсто. Но это не вредитъ дѣлу: чтобы изучать систематику, нужно сперва изучить морфологію.

Книга распадается на общую и спеціальную часть. По примѣру многихъ авторовъ, Гертвигъ начинаетъ краткимъ историческимъ очеркомъ развитія зоологіи; изложенію эволюціонной теоріи, какъ для общаго сочиненія, посвящено достаточно вниманія. Послѣ историческаго введенія слѣдуетъ общая зоологія. Этою своею частью, заключающею общую анатомію и эмбріологію, книга ничѣмъ не отличается отъ другихъ существующихъ руководствъ, о которыхъ мы скажемъ въ концѣ нѣсколько словъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ, какъ и дальше во всей книгѣ, особенность, состоящую въ томъ, что послѣ каждой главы, посвященной изученію извѣстнаго типа организмовъ, слѣдуетъ сводъ главныхъ пунктовъ изъ морфологіи изучаемаго типа. Такіе краткіе, схематическіе конспекты имѣютъ несомнѣнную пользу, напр., при повтореніи.

Спеціальная часть уже значительно отличается отъ другихъ руководствъ. Въ классѣ Hydrozoa авторъ даетъ нѣсколько отличное подраздѣленіе отъ существующаго; сильно разнится у него дѣленіе типа моллюсковъ, и изъ нихъ преимущественно пластинчато-жаберныхъ. Проф. Заленскій, въ свою очередь, нѣкоторыми измѣненіями, на основаніи новѣйшихъ морфологическихъ, въ особенности эмбріологическихъ данныхъ, внесъ бо̀льшую цѣльность и схематичность въ систему. Онъ присоединилъ классы Bryozoa (мшанокъ) и Brachiopoda (плеченогихъ), соединивъ ихъ въ подтипъ Brachiostomata, къ типу червей; прежде оба эти класса соединяли въ особый типъ моллюскообразныхъ, что совершенно не соотвѣтствуетъ даннымъ эмбріологіи; такой типъ мы встрѣчаемъ еще въ главнѣйшихъ на русскомъ языкѣ руководствахъ Бобрецкаго и Клауса. Кромѣ того, онъ соединилъ Tunicata (оболочниковыхъ), Acrania (безчерепныхъ) и Chordata (позвоночныхъ) въ одинъ типъ, что также требуется современными успѣхами эмбріологіи.

Теперь нѣсколько словъ о формальной сторонѣ. Изложеніе весьма ясно и иллюстрируется значительнымъ количествомъ анатомическихъ и эмбріологическихъ рисунковъ. Важное и существенное отдѣлено отъ второстепеннаго матеріала, для чего въ книгѣ два шрифта: крупнымъ напечатаны главнѣйшія морфологическія данныя, мелкимъ—нѣкоторыя біологическія и систематическія. Болѣе подробно авторъ останавливается на нѣкоторыхъ практически важныхъ біологическихъ данныхъ: имъ подробно описаны паразитическіе черви, нѣкоторыя паразитическія и вредныя для культуры растеній формы среди насѣкомыхъ и т. п. Подробнѣе другихъ отдѣловъ изложенъ отдѣлъ позвоночныхъ животныхъ, иллюстрируемый значительнымъ количествомъ, отчасти даже раскрашенныхъ (при кровеобращеніи) рисунковъ.

Укажемъ теперь, для полноты, нѣкоторыя, по нашему мнѣнію, отрицательныя черты. Недостаточно изложены филогенетическія отношенія между различными типами; такъ, почти не описаны нѣкоторыя интересныя переходныя формы отъ Protozoa къ Metazoa, каковы группы Orthonectidae и Dyciemidae и нѣкоторые еще другіе организмы, о которыхъ только упомянуто; кратко также описана интересная переходная группа Enteropneusta, которая совмѣщаетъ въ себѣ признаки организаціи червей, иглокожихъ и хордатъ, и имѣетъ несомнѣнно большое филогенетическое значеніе; не упомянуто о недавно открытой Семперомъ на Филиппинскихъ островахъ свободноживущей и взрослой формы Trochophora, въ высшей степени похожей на личиночную стадію червей и отчасти моллюсковъ и являющейся, весьма вѣроятно, родоначальной формой для типа червей.

Но все это мелочи, нисколько не умаляющія достоинства книги, которую настоятельно можно рекомендовать, какъ руководство для первоначальнаго ознакомленія съ основами науки.

Въ заключеніе считаемъ умѣстнымъ упомянуть о нѣкоторыхъ учебникахъ по зоологіи на русскомъ языкѣ,

Среди нихъ на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить книгу *Бобрецкаго* «Учебникъ зоологіи» въ 2 частяхъ 1887. Серьезный трудъ, но имѣющій большой недостатокъ для учащихся: въ немъ нѣтъ ни одного рисунка; пользоваться же рисунками по другимъ книгамъ представляетъ большія неудобства; имѣющему же представленіе объ элементахъ зоологіи онъ можетъ принести несомнѣнную пользу. Другое популярное среди учащихся руководство *Клауса* «Учебникъ зоологіи» 1888. Этотъ учебникъ, въ виду нѣкоторой его краткости и недостаточнаго количества анатомическихъ рисунковъ, уступаетъ двумъ предъидущимъ.

Изъ учебниковъ по позвоночнымъ животнымъ можно указать на руководство *Шимкевича* и *Полежаева* «Учебникъ зоологіи позвоночныхъ» 1891. Строго морфологическій учебникъ; написанъ вполнѣ согласно съ современными воззрѣніями на позвоночныхъ; къ его довольно крупнымъ недостаткамъ слѣдуетъ отнести тяжелое изложеніе и пристрастіе авторовъ къ латинской терминологіи, что представляетъ значительныя затрудненія для начинающихъ. Онъ снабженъ многочисленными схематическими и анатомическими рисунками.

Книга *Видерсгейма* «Основанія сравнительной анатоміи позвоночныхъ животныхъ» 1887 г. не нуждается, конечно, ни въ какихъ комментаріяхъ, въ виду громаднаго авторитета, какимъ пользуется ея авторъ. Къ сожалѣнію, переводъ оставляетъ желать многаго; нѣтъ также части рисунковъ, имѣющихся въ нѣмецкомъ подлинникѣ.

Можно указать еще на одно общее сочиненіе по зоологіи—*Богданова* «Медицинская зоологія» 1883—1888 г. Но, въ виду того, что учебникъ этотъ написанъ не съ морфологической точки зрѣнія, онъ не можетъ быть рекомендованъ для ознакомленія съ основами науки.

По эмбріологіи имѣются два заслуживающихъ вниманія руко-

водства, причемъ оба по эмбріологіи позвоночныхъ: *Келликера* «Основанія исторіи развитія человѣка и высшихъ животныхъ» 1882 г. и *Оск. Гертвига* «Учебникъ эмбріологіи позвоночныхъ животныхъ и человѣка» 1894 г.; оба представляютъ классическіе труды въ области учебной литературы по эмбріологіи, но послѣдній, какъ болѣе новый, заслуживаетъ предпочтительнаго вниманія.

Слѣдуетъ упомянуть еще о соч. *Н. П. Вагнера* «Исторія развитія царства животныхъ» 1885 г., законченная только на типѣ червей. Книга могла бы быть полезной, если бы авторъ не пытался вводить свою собственную классификацію, что вноситъ, конечно, только путаницу и мѣшаетъ оріентироваться, и не проводилъ нѣкоторыхъ ему одному доступныхъ тенденцій; книга можетъ, впрочемъ, имѣть нѣкоторое значеніе, благодаря обилью рисунковъ.

Изъ общихъ сочиненій систематически-біологическаго направленія можно указать на общеизвѣстную «Жизнь животныхъ» *Брема*, выходящую вторымъ изданіемъ съ 1895 г.; «Птицы Россіи» *Мензбира* 1895 г., «Рыбы Россіи» *Сабанѣева* 1892 г.

О другихъ учебникахъ зоологіи, какъ, напр., Герда, Бранда, Сентъ-Илера, Поля Бера и Вагнера, мы здѣсь не упоминаемъ, въ виду того, что всѣ они представляютъ краткое, не систематическое изложеніе предмета, принаровленное къ занятіямъ въ средне-учебныхъ заведеніяхъ, и для изученія зоологіи непригодны.

Для полноты этого обзора учебной литературы не лишне упомянуть объ учебникѣ зоологіи какого-то г. Кащенко, изданномъ въ Томскѣ. Это—не учебникъ, а жалкая пародія на него, полная ошибокъ, безъ всякой системы и, вмѣсто рисунковъ, съ литографированными таблицами, приложенными въ концѣ книги. Нѣкоторымъ оправданіемъ для этого «учебника» можетъ служить то, что онъ предназначенъ для медиковъ.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«Litterary Anecdotes of the Nineteenth Century». Contributions Towards the Literary History of the Period. Edited by W. Robertson Nicoll. M. A. and Thomas J. Wise. Hodder and Stoughton. (Литературные анекдоты XIX вѣка). Этотъ томъ является продолженіемъ хорошо извѣстнаго англійской читающей публикѣ сборника разныхъ фактовъ, разсказовъ и анекдотовъ, касающихся писателей, издателей и типографщиковъ XVIII вѣка. Въ новомъ сборникѣ заключаются уже только факты, относящіеся къ литературѣ XIX вѣка. Безъ сомнѣнія, далеко не все въ этомъ собраніи разныхъ литературныхъ курьезовъпредставляетъодинаковый интересъ; многое является ненужнымъ хламомъ, но тѣмъ не менѣе сборникъ все-таки заслуживаетъ вниманія, такъ какъ въ немъ можно найти много данныхъ, прекрасно освѣщающихъ литературное движеніе нашего вѣка и характеризующихъ многихъ изъ его дѣятелей.

(Daily News).

«Vom Baume der Erkenntniss» Dr. Paul V. Gizycki (Dümmlers Verlags Buchchandlung) Berlin. 1896. (Древо познанія). Читающая публика обыкновенно относится съ нѣкоторымъ недовѣріемъ къ собраніямъ изреченій, мыслей и афоризмовъ различныхъ великихъ мыслителей и писателей. Это недовѣріе справедливо, такъ какъ составители такихъ сборниковъ, большею частью, не имѣютъ никакой руководящей идеи и выхватываютъ цитаты на удачу. Сборникъ г. Гижицкаго, въ данномъ случаѣ, представляетъ исключеніе; это не простой сборникъ цитатъ, а въ немъ есть руководящая идея. Читатель можетъ составить себѣ ясное понятіе объ отношеніяхъ великихъ поэтовъ, философовъ, основателей религій и государственныхъ людей къ различнымъ вопросамъ этическаго и религіознаго характера. Особенно полезенъ этотъ сборникъ для читателей, въ первый разъ приступающихъ къ философскимъ вопросамъ, такъ какъ онъ знакомитъ ихъ съ главнѣйшими воззрѣніями величайшихъ мыслителей на вопросы, наиболѣе волнующіе душу человѣка, какъ напримѣръ: религія, знаніе, законы природы, пессимизмъ и оптимизмъ, теологія и атеизмъ, свобода воли и т. п. Намъ остается только прибавить, что авторъ выказываетъ въ своемъ сборникѣ замѣчательную эрудицію. (Berliner Tageblatt).

«La Géologie comparée» par Stanislas Meunier (Alcan) Paris (Сравнительная геологія). Авторъ находитъ, что сравнительный методъ въ геологіи можетъ дать ключъ къ разрѣшенію самыхъ трудныхъ геологическихъ проблемъ. Въ сравнительной геологіи земля занимаетъ, конечно, такое же мѣсто, какъ и всѣ прочія планеты, такъ какъ эта геологія имѣетъ цѣлью распространить на всю видимую вселенную методы, примѣняемые ею къ изученію земли. Благодаря такому методу, авторъ даетъ намъ живую и яркую картину развитія солнечной системы.

(Revue des Revues).

«Journalistes et Polémistes» par J. Barbey d'Aurevlly (A. Lemerre). Paris. (Журналисты и полемисты). Эта книга представляетъ настоящую исторію журнализма, его прогресса и превращеній, которымъ онъ подвергался подъ вліяніемъ среды, а также различныхъ политическихъ условій. Авторъ этого чрезвычайно интереснаго труда знакомитъ читателя съ различными типами журналистовъ. Онъ говоритъ о Камиллѣ Демуленѣ, Арманѣ Каррелѣ, Эмилѣ де-Жирарденѣ, Эдмонѣ Абу, Пелльетанѣ и мн. другихъ, и старается опредѣлить психологическія основы журнализма, обусловливающія его различныя направленія и формы. Очень талантливо обрисовываетъ авторъ могущество и значеніе великой современной силы, именуемой журналистикой, и говоритъ о той

роли, которая ей принадлежитъ въ настоящемъ и будущемъ.

(Journal des Débats).

«Evolution en Art» par le professeur Alfred C. Haddon. (Walter Scott). Londres. (Эволюція въ искусствѣ). Книга эта входитъ въ составъ библіотеки «The contemporary Science Series» и состоитъ изъ четырехъ отдѣловъ, посвященныхъ изученію декоративнаго искусства и его роли въ исторіи человѣчества. Авторъ указываетъ, какъ надо изучать декоративное искусство въ различныхъ сферахъ, болѣе или менѣе ограниченныхъ, чтобы выяснить его значеніе въ исторіи. Въ отдѣльныхъ главахъ, подъ рубриками: искусство, богатство, религія, авторъ говоритъ о различныхъ причинахъ, дѣйствовавшихъ на развитіе декоративнаго искусства. Книга снабжена превосходными иллюстраціями.

(Journal des Débats).

«Album historique» par M. A. Parmentier, sous la direction de M. Ernest Lavisse de l'Académie française (Armand Colin) Paris. (Историческій альбомъ). Этотъ роскошно изданный томъ переноситъ читателя въ средніе вѣка и знакомитъ его съ частною и общественною жизнью Европы, начиная съ конца четвертаго до конца тринадцатаго вѣка. Въ альбомѣ заключается не менѣе двухъ тысячъ гравюръ. Къ каждой гравюрѣ приложено описаніе, по возможности сжатое, но ясное и содержательное и заключающее въ себѣ всѣ необходимыя свѣдѣнія для полнаго уразумѣнія исторіи прошлаго. (Temps).

«Notes de voyage. Les americaines chez elles» par Th. Bentzon (Callmann Levy) Paris (Путевыя замѣтки. Американки у себя дома). Г-жа Бентцонъ провела нѣсколько мѣсяцевъ въ Америкѣ со спеціальною цѣлью изучить американскую женщину на мѣстѣ въ различной обстановкѣ, въ различныхъ сферахъ и изслѣдовать вліяніе на нее воспитанія, соціальныхъ условій, особенностей американской жизни и т. п. Задачу свою г-жа Бентцонъ выполнила и въ своихъ очеркахъ даетъ намъ наивозможно болѣе полное представленіе объ американской женщинѣ, ея характера и дѣятельности *).

(Revues des Deux Mondes).

«La Guerre dans les diverses races humaines» par. Ch. Letourneau Paris (Battaille) 1895. (Война у различныхъ человѣческихъ расъ). Этотъ новый трудъ Летурно составляетъ продолженіе его изслѣдованій различныхъ формъ эволюціи человѣческихъ расъ. Онъ уже представилъ намъ, въ своихъ предшествующихъ сочиненіяхъ, эволюцію права, семьи, собственности и нравственности у различныхъ человѣческихъ расъ, въ различныя эпохи и въ разныхъ странахъ. Теперь онъ приступаетъ къ изученію одной изъ самыхъ трудныхъ и необыкновенныхъ проблемъ, существовавшихъ во всѣ времена и всегда угрожавшихъ человѣчеству. Это: грозный призракъ войны, вѣчно тяготѣющій надъ людьми. Летурно говоритъ въ своемъ предисловіи, что къ войнѣ нельзя примѣнить слова: эволюція, такъ какъ, въ ряду непрестанно измѣняющихся факторовъ и явленій соціальной жизни, она одна остается почти неизмѣнной, и съ этой точки зрѣнія современный человѣкъ мало отличается отъ своихъ дикихъ и варварскихъ предковъ. Летурно, излагая исторію войны, указываетъ, что въ самомъ началѣ она имѣла цѣлью добычу пищи, такъ что первымъ принципомъ войны былъ каннибализмъ. Съ теченіемъ времени этотъ принципъ исчезъ и замѣнился другими, но, во всякомъ случаѣ, главною и первоначальною причиною войны, какъ прежде, такъ и теперь, остается грабежъ, имѣетъ ли онъ своимъ объектомъ, какъ въ прежнія времена, похищеніе женщинъ, рабовъ, имущества, или какъ теперь— отнятіе территорій. Летурно беретъ эпиграфомъ своей книги: «Le vol pour but; le meurtre pour moyen» **), опредѣляя этими словами весь смыслъ и сущность войны. Появленіе такого сочиненія о войнѣ нельзя не признать вполнѣ своевременнымъ, такъ какъ вся Европа страдаетъ отъ постоянной угрозы войны, и общество выражаетъ свой протестъ организаціей союзовъ мира и пропаганды противъ войны.

(Revue Scientifique).

«Les Causes de la folie» prophylaxie et assistance, par Edouard Toulouse. Paris, Société d'Editions Scientifiques, 1896. (Причины помѣшательства. Профилактика и помощь). Книга эта проникнута не только широкими медицинскими, но и философскими взглядами и затрогиваетъ всѣ вопросы, интересующіе общество и касающіеся природы помѣша-

*) Съ этой книгой наши читатели отчасти знакомы по очерку г-жи Э. Пименовой «Дѣятельность женщинъ въ Соединен. Штатахъ», см. февраль 1895 г., а также по многимъ выдержкамъ въ отдѣлѣ «Заграницей».

**) «Грабежъ какъ цѣль; убійство какъ средство».

тельства, отвѣтственности помѣшанныхъ и обращенія съ ними. Авторъ изучаетъ роль различныхъ факторовъ въ генезисѣ помѣшательства и послѣдовательно изслѣдуетъ вліяніе соціальныхъ, біологическихъ, физіологическихъ, нравственныхъ и физическихъ условій. Глава объ отвѣтственности помѣшанныхъ заслуживаетъ особеннаго вниманія. Въ заключеніе авторъ указываетъ на ту роль, которую играетъ бракъ, нужда, отравленія и инфекціонныя болѣзни въ происхожденіи и распространеніи помѣшательства, книга интересна не только для однихъ спеціалистовъ и изъ нея можно извлечь чрезвычайно много полезныхъ и практическихъ указаній.

(Revue Scientifique).

«*Constantinople*» *by F. Marion Crawford. Illustrated by Edward L. Wecks (Macmillian and C°). (Константинополь).* Нельзя не признать своевременнымъ появленіе этого очерка въ данную минуту, когда глаза всей Европы обращены на востокъ. Авторъ, очевидно, прекрасно изучилъ столицу Турціи и ея обитателей и хорошо знакомъ съ Востокомъ и исторіей страны. Прочтя эту книгу, написанную прекраснымъ литературнымъ, и мѣстами даже поэтическимъ, языкомъ, читатель получитъ очень полное понятіе объ этомъ интересномъ городѣ, представляющемъ удивительную смѣсь Востока и Запада, современной цивилизаціи и сѣдой восточной старины. Авторъ не касается турецкой правительственной системы, но очень хвалитъ турокъ въ частной жизни, ихъ честность, воздержность и чистоплотность. Турецкое основное населеніе города представляетъ, по его словамъ, пріятный контрастъ въ этомъ отношеніи съ пришлымъ христіанскимъ населеніемъ, большинство котораго составляютъ поддонки европейскаго общества. Иллюстраціи, дополняющія текстъ, исполнены превосходно и еще увеличиваютъ интересъ книги.

(Athaeneum).

«*Almanach de la paix, pour 1896*» *publié par l'Association de la Paix par le Droit, avec la collaboration de M. M. Albert Sorel, Ferdinand Dreyfus, Frédéric Passy, Elie Ducommun, Charles Gide, Evans, Darby, Patiens. (Plon et Nourit). (Альманахъ мира).* Подъ скромнымъ названіемъ Альманаха европейской читающей публикѣ преподносится въ данномъ случаѣ очень интересный сборникъ, проникнутый самыми высокими стремленіями человѣчества. Къ сборнику приложено предисловіе Жюля Симона и Барду и въ немъ заключаются, между прочимъ, заслуживающія вниманія статьи: баронессы Зуттнеръ, Шарля Рише и Альберта Сореля. Альманахъ издается группою молодыхъ людей, принадлежащихъ къ обществу мира, и по цѣнѣ (20 сантимовъ) доступенъ всѣмъ.

(Revue des Revues).

«*Emotions*» *étude psycho-physiologique, par Lange. Traduit de l'allemand par Georges Dumas. (Bibliothèque de Philosophie Contemporaine). Paris. Alcan, 1895. (Эмоціи).* Что такое эмоція съ физіологической точки зрѣнія? Что такое радость, печаль, страхъ? Вотъ вопросы, которые ставитъ себѣ авторъ въ своемъ изслѣдованіи физіологическихъ явленій, сопровождающихъ различныя эмоціи. Онъ стремится указать тѣсную связь, существующую между психическими состояніями и физіологическими явленіями и процессами и подтвердить ихъ взаимное вліяніе, особенно подчеркивая значеніе и роль сосудодвигательныхъ центровъ въ произведеніи эмоціи. Очень интересны заключенія автора, касающіяся проявленія эмоцій у различныхъ расъ и индивидовъ различнаго пола. Возбудимость нервной системы весьма различна у людей; то же самое наблюдается и относительно сосудодвигательныхъ центровъ, которые у однихъ реагируютъ на всякое возбужденіе гораздо сильнѣе, чѣмъ у другихъ. Въ этомъ отношеніи разница между полами и расами особенно замѣтна. По словамъ Ланге, народы, какъ и отдѣльные индивиды, тѣмъ менѣе доступны эмоціямъ, чѣмъ они болѣе цивилизованы. Та же самая разница замѣчается и въ различныхъ классахъ одного и того же поколѣнія: способность самообладанія служитъ самымъ несомнѣннымъ доказательствомъ воспитанія и является въ значительной степени результатомъ развитія интеллектуальной жизни. Вмѣстѣ съ повышеніемъ цивилизаціи увеличивается и власть человѣка надъ своими рефлексами даже до степени господства надъ рефлексами сосудодвигательной системы, мало поддающейся дѣйствію воли человѣка.

(Revue Scientifique).

«*Le Congrès des religions à Chicago en 1893*» *par M. Bonet Maury (Hachette). (Конгрессъ религій въ Чикаго).* Читателямъ извѣстно, что на всемірной выставкѣ въ Чикаго, въ числѣ всевозможныхъ болѣе или менѣе интересныхъ конгрессовъ, былъ организованъ всемірный конгрессъ религій. Идею устройства такого конгресса нельзя не признать въ высшей степени оригинальной, хотя,

быть можетъ, она и не имѣетъ непосредственнаго практическаго значенія. Во всякомъ случаѣ, въ вышеназванной книгѣ, посвященной описанію этого конгресса, читатель найдетъ, конечно, много интересныхъ и полезныхъ свѣдѣній о религіяхъ всего земного шара и, быть можетъ, прочтя ее, придетъ къ весьма любопытнымъ философскимъ выводамъ.

(Journal des Débats).

«The Old Missionary» by sir W. W. Hunter (Henry Frowde). (*Старый миссіонеръ*). Этотъ небольшой очеркъ, напечатанный раньше въ «Contemporary Review», представляетъ въ высшей степени реальное изображеніе индійской жизни. Главное достоинство этого очерка—живость описанія, такъ что читатель невольно переносится воображеніемъ въ индійскую деревню, гдѣ старый миссіонеръ—лицо, прямо выхваченное изъ жизни, творитъ судъ и разрѣшаетъ всѣ недоразумѣнія, возникающія между ея жителями. Личность миссіонера очерчена превосходно.

(Bookseller).

«Torch bearers of History». By Amelia Hutchinson Stirling. M. A. (Nelson and Sons). (Свѣточи исторіи). Въ этой книгѣ заключаются очень живо и интересно написанные очерки жизни и дѣятельности нѣкоторыхъ величайшихъ людей въ исторіи, начиная съ самыхъ древнихъ временъ до Лютера. Юные читатели могутъ позаимствоваться очень многимъ изъ этой книги, такъ какъ въ ней прекрасно очерчены нѣкоторыя изъ главнѣйшихъ историческихъ событій. Нѣсколько рисунковъ служатъ хорошимъ дополненіемъ къ тексту.

(Bookseller).

«Notes in Japan». By Alfred Parsons. (Osgood Macmillaine and C°) 1896. (*Очерки Японіи*). Интересъ къ Японіи еще не остылъ въ Европѣ и на это указываетъ появленіе все новыхъ и новыхъ описаній этой страны. Впрочемъ, несмотря на массу появившихся въ послѣднее время сочиненій о Японіи, страна эта все-таки настолько еще мало извѣстна европейцамъ, что каждый новый путешественникъ по Японіи всегда можетъ найти интересный матеріалъ для сообщенія читателямъ. Авторъ вышеназванной книги доказываетъ это. Его очерки Японіи, написанные очень живо и литературно, вполнѣ заслуживаютъ вниманія читателей. (Daily News).

«Histoire de la philosophie atomistique» par Leopold Mabilleau, ancien membre de l'Ecole française de Rome, professeur de Philosophie à la Faculté des Lettres de Caen; ouvrage couronné par l'Institut (Felix Alcan) Paris. (*Исторія атомистической философіи*). Это сочиненіе, удостоенное главной преміи Виктора Кузена, заключаетъ въ сжатомъ видѣ, полную исторію эволюціи понятія о матеріи, начиная съ самыхъ древнихъ временъ до нашихъ дней. Мы всѣ говоримъ теперь объ атомахъ и молекулахъ и никогда намъ не приходитъ въ голову, что понятіе объ атомѣ такъ же старо, какъ міръ. Атомистическая теорія родилась на востокѣ и изъ индусской атомистической философіи родилась греческая и затѣмъ уже арабская. Читатели, интересующіеся исторіей философіи, и ученые найдутъ въ этой книгѣ огромный матеріалъ.

(Journal des Débats).

«Popular Readings in Science» by John Gall and David Robertson (2-nd edition, Constable and C°). (*Научныя популярныя чтенія*). Появленіе второго изданія этого труда указываетъ, конечно, что онъ отвѣчаетъ своей цѣли. Авторы его, профессора Галль и Робертсонъ, въ цѣломъ рядѣ лекцій, написанныхъ очень популярно, знакомятъ читателей со всѣми новѣйшими открытіями и успѣхами науки въ разныхъ направленіяхъ.

(Daily News).

«Pictorial New Zealand» (Casxell and C°). (Живописная Новая Зеландія). Въ составленіи этой книги участвовали очень многіе, такъ какъ цѣль ея—дать возможно болѣе полное описаніе не только жизни на этомъ островѣ, его государственнаго устройства, туземнаго и пришлаго населенія и т. д., но и красотъ природы. Поэтому къ книгѣ приложено множество оригинальныхъ рисунковъ, снятыхъ на мѣстѣ, а также историческій очеркъ открытія этого острова и первыхъ попытокъ колонизаціи.

(Daily News).

«The Growth of the Brain: the Study of the Nervous system in Relation to Education» by H. H. Donaldson. Contemporary Science Series (Walter Scott). (*Ростъ мозга; изслѣдованіе отношеній нервной системы къ воспитанію*). Профессоръ Дональдсонъ очень удачно соединилъ въ своей книгѣ популярное изложеніе съ строго научнымъ характеромъ. Нѣтъ сомнѣнія, что вопросъ о вліяніи воспитанія на развитіе мозга и нервной системы—вопросъ первостепенной важности; поэтому, книга профессора Дональдсона должна обратить на себя особенное вниманіе родителей и воспитателей, такъ какъ она знакомитъ ихъ съ тѣмъ отдѣ-

ломъ физіологія, на который, до сихъ поръ, обращено было слишкомъ мало вниманія въ педагогикѣ. (Bookseller).

«Stories of North Pole Adventure» by Frank Mundell (Sunday School Union). (Исторія экспедицій къ сѣверному полюсу). Арктическія страны обладаютъ особенною привлекательностью для смѣлыхъ путешественниковъ, всегда стремившихся проникнуть какъ можно далѣе къ сѣверу. Описаніе путешествій къ сѣверному полюсу, конечно, должно изобиловать драматическими эпизодами, но авторъ останавливается не только на нихъ, а кромѣ того, старается познакомить читателей съ исторіей арктическихъ экспедицій, въ главныхъ ея чертахъ, начиная отъ самыхъ первыхъ попытокъ проникнуть къ сѣверному полюсу до послѣднихъ полярныхъ путешествій лейтенанта Пири и Джексона. Книга написана очень живо и поэтому должна составить превосходное пріобрѣтеніе для сельскихъ и школьныхъ библіотекъ.

(Bookseller.

«Hidden Beauties of Nature» by Richard Kerr (The Religions Tract Society) London. (Скрытыя красоты природы). Авторъ совершенно правъ, говоря, что изученіе природы игнорируется нашимъ воспитаніемъ. Мы проходимъ мимо многихъ красотъ природы, совершенно не замѣчая и не понимая ихъ и точно также не умѣемъ внушить своимъ дѣтямъ любовь и пониманіе природы. Это авторъ считаетъ большимъ пробѣломъ современнаго воспитанія и его книга именно и направлена къ тому, чтобы пополнить, насколько возможно, этотъ пробѣлъ. Просто, но въ то же время увлекательно, авторъ развертываетъ передъ читателемъ картину скрытыхъ красотъ природы и заставляетъ его заинтересоваться тѣмъ, мимо чего онъ проходилъ до сихъ поръ, не останавливая своего вниманія. Къ книгѣ приложены очень недурныя иллюстраціи, дополняющія текстъ.

(Literary World).

«Les Merveilles de la Flore primitive». Par A. Froment (Georg and C°). Genève. (Чудеса первобытной флоры). Чрезвычайно интересная книга, авторъ которой доказываетъ метеоритное происхожденіе Австраліи. Очень живописно изображена авторомъ жизнь земли въ отдаленнѣйшія эпохи, когда вся растительность земного шара состояла, главнымъ образомъ, лишь изъ пальмъ и папоротниковъ. (Literary World).

«Sir John Franklin and the Romance of the North West Passage». By G. Barnett Smith (S. W. Partridge and C°). (Сэръ Джонъ Франклинъ и исторія сѣверозападнаго прохода). Въ этой маленькой, прекрасно изданной книгѣ авторъ разсказываетъ исторію героя, имя котораго дорого сердцу каждаго англійскаго читателя. Прекрасныя иллюстраціи увеличиваютъ интересъ книги, представляющей очень занимательное чтеніе, особенно для юныхъ читателей.

(Literary World).

«Arnold Toynbu: A Reminiscense» by Alfred Milner. (Edward Arnold). (Арнольдъ Тойнби; воспоминаніе). Маленькая брошюрка, прекрасно обрисовывающая жизнь и характеръ извѣстнаго англійскаго общественнаго дѣятеля. Авторъ брошюры лично зналъ Тойнби и находился съ нимъ въ постоянныхъ сношеніяхъ въ Оксфордѣ.

(Literary World).

«The World's Great Explorers and Explorations» editid by H. J. Mackinder, M. A. and E. G. Ravenstein. (Великіе изслѣдователи и путешественники). Эта серія изданій, выходящихъ отдѣльными небольшими книжками, заключаетъ въ себѣ исторію великихъ открытій и путешествій. Въ вышедшихъ уже книжкахъ помѣщены, между прочимъ: исторія Палестины; жизнь и путешествія Джона Дэвиса, изслѣдователя арктическихъ странъ и мореплавателя; исторія Магеллана и перваго кругосвѣтнаго путешествія; жизнь и путешествія Ливингстона и т. д. Книги эти можно рекомендовать какъ въ высшей степени полезное и занимательное чтеніе для юношества, (Literary World).

«Natural History in anecdote» Illustrating the Nature, Habits, Manners and Customs of animals, Birds, Fishes etc. by Alfred Miles. New-York. (Естественная исторія въ анекдотахъ). Превосходное изданіе со множествомъ иллюстрацій, знакомящее читателей съ жизнью, нравами и особенностями различныхъ представителей царства животныхъ. Читатель, мало знакомый съ естественными науками, незамѣтно для себя пріобрѣтаетъ много полезныхъ свѣдѣній изъ зоологіи и заинтересовывается міромъ животныхъ. (Daily News).

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ

съ 15-го ноября по 15-е декабря.

А. Марковъ. *Сборникъ стихотвореній и оригинальныхъ рисунковъ.* Спб. 1895 г. Ц. 5 р.

Ф. Нефедовъ. *Святочные разсказы.* Изданіе тов. С. И. Д. Сытина. Москва. 1896 г. Ц. 75 к.

Капитанъ Майнъ-Ридъ. *Дочери Скваттера.* Приложеніе къ журналу «Вокругъ Свѣта» за 1895 г.

— *Пропавшая сестра.* Приложеніе къ журналу «Вокругъ Свѣта» за 1895 г.

А. Заринъ. *Повѣсти и разсказы.* Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 60 к.

В. Свѣтловъ. *Семья или сцена.* Ром. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.

Д-ръ медицины В. А. Молчановъ. *Краткій курсъ гигіены.* Пособіе для учащихся. Спб. 1896 г. Ц. 35 к.

А. Л. Волынскій. *Русскіе критико-литературные очерки.* Спб. 1896 г. Ц. 3 р. 50 к.

Проф. К. Ланге. *Художественное воспитаніе въ дѣтской.*

Ф. Кейръ. *Воображеніе и память.* Изданіе редакція журнала «Образованіе». Спб. 1896 г. Ц. 40 к.

А. Лаландъ. *Этюды по философіи наукъ.* Перев. съ франц. Изданіе редакціи журнала «Образованіе». Ц. 75 к.

М. Базилевскій. *Іосифъ-Соломонъ Дельмедиго изъ Кандыи. Наша старина.* Изданіе Я. Х. Шермана. Одесса. 1895 г. Ц. 15 к.

А. И. Волкова. *Призрѣніе покинутыхъ дѣтей.* Москва. 1894 г. Ц. 30 к.

А. Верещагинъ. *У болгаръ и заграницей.* Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

А. Мюллеръ. *Исторія ислама* съ основанія до новѣйшихъ временъ. Перев. съ нѣм. подъ редакц. прив.-доц. Н. А. Мѣдникова. Тома III и IV. Изданіе Пантелеева. Спб. 1896 г.

Т. Хиггинсонъ. *Здравый смыслъ и женскій вопросъ.* Перев. и изданіе Р. Л. Муратова. Москва. 1895 г. Ц. 1 р.

Е. Страннолюбскій. *Очерки начальнаго образованія въ скандинавскихъ странахъ.* Изданіе журнала «Образованіе». Спб. 1896 г. Ц. 30 к.

В. Ладыженскій. *Объ училищахъ Пензенскаго уѣзднаго земства.* Докладъ XXXI очередн. земскому собранію. Пенза. 1895 г.

Л. Фигье. *Исторія чудеснаго въ новѣйшее время.* Перев. съ третьяго изданія М. Гогунцова. Приложеніе къ журналу «Природа и Люди». Спб. 1895 г.

Н. Бѣлозерскій. *Василій Трофимовичъ Нарѣжный.* Историко-литературный очеркъ. 2-е изданіе Л. Ф. Пантелеева. Спб. 1896 г.

П. Кампфмейеръ. *Кустарная промышленность въ Германіи.* Перев. съ нѣм. Г. Гербера подъ редакціей Л. С. Зака. Приложеніе: *Кустарная промышленность въ Россіи. С. Сергѣева.* Изд. А. С. Павловскаго. Одесса. 1895 г. Ц. 25 к.

М. Шиппель. *Техническій прогрессъ въ современной промышленности.* Изданіе А. С. Павловскаго. Одесса. 1895 г. Ц. 20 к.

Проф. Д. Овсянико-Куликовскій. *Языкъ и искусство.* Изданіе І. Юрковскаго. Спб. 1895 г. Ц. 20 к.

В. Рудневъ и Р. Мюльманъ. Сборникъ ариѳметическихъ задачъ для среднеучебныхъ заведеній. Изданіе И. С. Трескина. Рига. 1895 г. Ц. 25 к.

Рудольфъ фонъ-Іерингъ. *Борьба за право.* Изданіе Юровскаго. Спб. 1895 года. Ц. 25 к.

Положеніе армянъ въ Турціи до вмѣшательства державъ въ 1895 году. Съ предисловіемъ проф. Л. А. Камаровскаго. Рѣчь Гладстона, статьи Ролленъ-Жакмена, Мак-Коля, Грина. Диллона, Діева и др. Москва. 1896 г. Ц. 1 р.

Сборникъ для содѣйствія самообразованію. Программы чтенія для самообразованія. Изданіе Комитета педагогич. музея военно-учебн. заведеній. Спб. 1895 г. Ц. 40 к.

Вліяніе алкоголя на дѣтскій организмъ. Рѣчь, произнесенная проф. Демме. Спб. 1895 г. Ц. 50 к.

Русскій хирургическій архивъ. Подъ ред. И. А. Веліаминова, вып. III. 1895 г. Спб.

В. А. Богородицкій. *Изъ чтеній по сравнительной грамматикѣ индоевропейскихъ языковъ.* Варшава. 1895 г. Выпуски I и II.

Очерки по языковѣдѣнію. *Важнѣйшія данныя грамматики романскихъ языковъ. Н. В. Крушевскаго.* Казань. 1894 г.

Антропофоника. *Н. В. Крушевскаго.* Ц. 75 коп.

Е. С. Филимоновъ. Матеріалы по вопросу объ эволюціи землевладѣнія. Вып. I. Пермь. 1895 г. — Выпускъ II. Краткій историческій очеркъ малорусскаго землевладѣнія. Замѣтка о византійскомъ землевладѣніи X—XIII столѣтія. Пермь. 1895 г.

Отчетъ Общества по устройству народныхъ чтеній въ г. Тамбовѣ и Тамбовской губ. за 1894—1895 г.

VII годъ изданія ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1896 г. годъ изданія VII

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ.

РУССКІЙ ЛИСТОКЪ.

Открывая подписку на 1896 годъ, «Русскій Листокъ» начинаетъ 7-й годъ изданія. «Русскій Листокъ» по прежнему считаетъ своей первой и главной задачей служеніе православію, самодержавію и народности—этимъ тремъ несокрушимымъ базисамъ благоденствія русскаго народа и будетъ такъ-же, какъ и прежде, служить истинно русскимъ интересамъ.

Въ «Русскомъ Листкѣ» есть слѣдующія отдѣлы:

«Дѣйствія и распоряженія правительства»; «Распоряженія и назначенія по духовному вѣдомству»; «Факты и слухи»; Дневникъ происшествій и приключеній изъ жизни городовъ всего міра; «Военный Листокъ»; повседневныя событія московской жизни; повседневныя событія петербургской жизни; телеграммы; «Желѣзнодорожный Листокъ»; «Театръ и музыка» и «Изъ міра искусствъ»; «День за день»; «Обо всемъ» и «По городамъ и селамъ»; «Мелочи»; «Всякая всячина»; «Мимоходомъ; «Пѣсни дня»; «По Россіи»; «Торгово-промышленный листокъ» и «По сельскому хозяйству»; «Разныя извѣстія»; биржевыя, рыночныя и справочныя свѣдѣнія.

Ежедневно же въ фельетонахъ «Русскаго Листка» печатаются интересные романы лучшихъ беллетристовъ, изъ которыхъ многіе уже пріобрѣли незыблемыя симпатіи читающей публики, а также помѣщаются повѣсти разсказы, сценки и т. д.

Всѣмъ годовымъ подписчикамъ будетъ разосланъ роскошно-изданный

«КОРОНАЦІОННЫЙ АЛЬБОМЪ»,

для котораго извѣстнымъ художникамъ заказана масса снимковъ съ важнѣйшихъ моментовъ предстоящаго высокорадостнаго событія. Альбомъ въ отдѣльной продажѣ будетъ стоить 2 руб. 50 коп.

Затѣмъ—за ту же плату—«Русскій Листокъ» время отъ времени даетъ своимъ подписчикамъ художественно исполненные портреты Особъ Императорскаго Дома и выдающихся государственных дѣятелей.

Въ наступающемъ подписномъ году «Русскій Листокъ» будетъ выходить въ такомъже громадномъ форматѣ и будетъ заключать въ своихъ столбцахъ тотъ же разнообразный матеріалъ, какъ и въ истекшемъ. На будущій годъ въ распоряженіи редакціи имѣются слѣдующіе интересные романы: В. Риваля—«Докторъ», ром. въ 2-хъ частяхъ; Н. Афанасьева—«Путемъ преступленія»; А. П. Павлова—истор. романъ «Темное дѣло»; А. Д. Апраксина—«Крахъ банка» и мн. др.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: 6 р. въ годъ, 3 р. 50 к. за 6 мѣсяцевъ, 70 коп. за 1 мѣсяцъ. Адресъ редакціи: Москва, Варсонофьевскій пер., домъ Поповой.

Разсрочка подписной платы не допускается — Почтовыя марки не принимаются. 1—3

ЖИЗНЬ и ИСКУССТВО.

Кіевская ежедневная, литературная, политическая и художественная газета

СЪ ПОЯСНИТЕЛЬНЫМИ КЪ ТЕКСТУ РИСУНКАМИ.

БУДЕТЪ ИЗДАВАТЬСЯ ВЪ 1896 ГОДУ ПО ПРЕЖНЕЙ ПРОГРАММѢ.

Условія подписки: Съ пересылкой и доставкой на годъ 8 руб., на 6 м. 5 р. на 3 м. 3 руб., на 1 м. 1 руб. Безъ доставки на годъ, 6 руб. на 6 м. 3 р. 75 к., на 3 м. 2 р. 75 к., на 1 м. 75 коп.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ 4 руб.. къ 1 мая—2 руб. и къ 1 іюля—2 руб. а для служащихъ въ администр., судебн. обществ. и частн. учрежденіяхъ по 1 руб. въ первые восемь мѣсяцевъ. Подписка принимается въ Главной Конторѣ газеты: Кіевъ, Прорѣзная ул., № 8 а.

Редакторъ-издатель *М. Е. Краинскій.*

1—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА 5-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ (съ 1 января 1896 г. по 1 января 1897 г.)

НА

ВѢСТНИКЪ ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННОСТИ

И

ГОРНАГО ДѢЛА ВООБЩЕ

Журналъ имѣетъ выходить, по прежнему, 2 раза въ мѣсяцъ, въ размѣрѣ отъ одного до трехъ печатныхъ листовъ, считая въ томъ числѣ и чертежи.

Въ трудахъ редакціи принимаютъ участіе члены редакціоннаго комитета, состоящаго изъ г.г. горныхъ инженеровъ: Н. С. Боголюбскаго, В. Е. Власова, Н. С. Волконскаго, М. В. Гирбасова, В. Д. Коцовскаго, Н. І. Лебедева, В. С. Реутовскаго, Э. И. Фреймана, М. А. Шостакъ и Г. М. Яцевича. На сотрудничество изъявили согласіе профессора Императорскаго Томскаго Университета: А. М. Зайцевъ и Ф. Я. Капустинъ и многіе изъ горныхъ инженеровъ.

Задача изданія,—возможно полное удовлетвореніе потребностей золотопромышленниковъ въ смыслѣ знакомства ихъ со всѣмъ новымъ и выдающимся какъ въ области техники, такъ и въ соотвѣтствующихъ отдѣлахъ хозяйства, исторіи и статистики. Въ журналѣ будутъ помѣщаться статьи и по другимъ отраслямъ горнаго дѣла и въ особенности по тѣмъ, которыя дѣлаютъ болѣе яснымъ положеніе золотопромышленности.

Согласно поставленной задачи, въ справочномъ отдѣлѣ журнала будутъ своевременно помѣщены свѣдѣнія о всѣхъ заявкахъ, о пріискахъ, зачисленныхъ въ казну, назначенныхъ къ торгамъ и объявленныхъ свободными для новыхъ заявокъ (въ Сибири и на Уралѣ), также всевозможныя распоряженія начальства Восточной и Западной Сибири и Урала.

Кромѣ того, въ мартѣ, апрѣлѣ, маѣ и іюнѣ будутъ помѣщены свѣдѣнія о количествѣ добытаго золота въ 1895 году по всей имперіи по каждому пріиску отдѣльно.

Въ поименованное содержаніе журнала войдутъ какъ оригинальныя статьи такъ и переводныя. Статьи, помѣщаемые въ журналѣ, будутъ изложены общедоступно.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА (съ пересылкой или доставкой):

На годъ	9 руб.	На 3 мѣсяца	3 руб.
» полгода	5 руб.	» 1 мѣсяцъ	1 рук.

Подписка принимается: въ Томскѣ—1) въ книжномъ магазинѣ П. И. Макушина и 2) въ конторѣ редакціи журнала (Затѣевскій переулокъ, домъ Г. Я Цама); въ С.-Петербургѣ—въ главной контовѣ коммиссіонера казенныхъ горныхъ заводовъ, Малая Морская, д. № 9; въ Иркутскѣ—въ редакціи «Восточнаго Обозрѣнія» и въ магазинѣ П. И. Макушина

1—3 Редакторъ-Издатель горный инженеръ В. С. РЕУТОВСКІЙ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

на ежедневную (350 №№ въ годъ)

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННУЮ ГАЗЕТУ ЗАУРАЛЬЯ

ДѢЛОВОЙ КОРРЕСПОНДЕНТЪ.

Подписная цѣна: съ доставкою и пересылкою на годъ 5 руб., на полгода 3 руб., на три мѣсяца 1 руб. 75 коп., на одинъ мѣсяцъ 75 коп. (за февраль, во время Ирбитской ярмарки 1 руб.), отдѣльные №№ 5 коп.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: Екатеринбургъ, Колобовская ул., д. Магницкаго, № 21, и у агентовъ (см. заголовокъ газеты).

Редакторъ П. П. Баснинъ. Издатель В. Н Алексѣевъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ“.

Февраль 1896 г.

Содержаніе. Беллетристика. — Исторія литературы. — Исторія философіи.—Исторія всеобщая.—Политическая экономія.—Естествознаніе.—Народныя изданія.—Новости иностранной литературы.—Новыя книги, поступившія въ редакцію.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Лесажъ. «Тюркаре», комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. *А. Курсинскій.* «I. Полутѣни, стихотворенія. II. Изъ Томаса Мура».

Лесажъ. «Тюркаре», ком. въ 5 дѣйствіяхъ. Переводъ г-жи Шерстобитовой подъ редакціей и съ предисловіемъ Виктора Острогорскаго. Изд. Ледерле. С.-Петербургъ. 1895 г. Цѣна 40 к. Ни одинъ жанръ современной художественной литературы не подвергается столь рѣзкимъ и въ то же время справедливымъ нареканіямъ, какъ драматургія. И эти нареканія краснорѣчивѣйшимъ образомъ подтверждаются ежедневно. Въ наши дни относительно современныхъ драмъ и комедій наблюдается совершенно исключительное явленіе—полное единодушіе литературной критики и театральной публики. На какомъ же уровнѣ должно стоять произведеніе, чтобы самый нетребовательный, чаще всего безсознательный вкусъ совпалъ съ дѣйствительно художественными идеями! И горе въ томъ, что и конца не предвидится этому порядку вещей. Остается развѣ разсчитывать на появленіе какого-нибудь необыкновеннаго таланта: но это—вопросъ, выходящій за предѣлы человѣческихъ соображеній. Единственное спасенье—старая литература. Она для насъ—то же, чѣмъ часто бываютъ добрыя *молодыя* воспоминанія изъ лучшаго прошлаго. Они при благопріятныхъ условіяхъ способны оказать на черствую душу изжившаго человѣка несравненно болѣе благотворное вліяніе, чѣмъ какія угодно краснорѣчивыя поученія и доводы. А если эта старая литература, помимо художественной красоты, еще полна жизненнаго историческаго смысла,—говоритъ о стародавней борьбѣ лучшихъ людей за правду и истину, за мертвыми страницами рисуетъ мужественный образъ общественнаго дѣятеля!..

Именно такова пьеса Лесажа. Именно ей выпала съ самаго начала рѣдкая доля—служить одновременно превосходной исторической иллюстраціей нравовъ эпохи, сатирой на неумирающіе человѣческіе пороки и источникомъ того благороднаго смѣха, о которомъ мечталъ геніальный авторъ русской, столь же безпощадной и столь же спокойно-художественной общественной сатиры.

Тюркаре имѣетъ за собой длинную исторію: она въ общихъ чертахъ разсказана въ предисловіи къ русскому переводу. Французы до послѣдняго времени не перестаютъ интересоваться новыми документами къ этой исторіи. Давно рѣшивъ, что никакіе критическіе и литературные разборы не прибавятъ ничего новаго къ давнишнимъ восторгамъ предъ комедіей Лесажа, они подвергаютъ ее научно-историческому изслѣдованію, какъ точный документъ, и успѣли до сихъ поръ вокругъ чуть ли не каждой мелкой черты комедіи сплотить множество бытового и культурнаго матеріала изъ эпохи Людовика XIV.

Изъ старыхъ мемуаровъ и оффиціальныхъ записокъ возсталъ длинный рядъ прообразовъ героя нашей комедіи. Постепенно выяснялось, что почти чуть ли не всякая сцена основана или на дѣйствительномъ фактѣ, или на литературномъ источникѣ. Особенную большую услугу оказали Лесажу памфлеты, цѣлой тучей предшествовавшіе его произведенію. Самый рѣзкій и остроумный изъ нихъ носилъ названіе *Новая общественная школа финансовъ* (*Nouvelle école publique des finances ou l'Art de voler sans ailes*). Памфлетъ вышелъ вторымъ изданіемъ одновременно съ пьесой Лесажа и съ страшной силой поименно клеймилъ современныхъ финансистовъ. Иныя выраженія напоминаютъ послѣдовавшія много лѣтъ спустя демократическія нападки вообще на привилегированныхъ. Слѣдовательно, насколько строго касался онъ общественнаго мнѣнія, Лесажъ являлся только его краснорѣчивымъ выразителемъ. Но противъ автора была едва ли не самая грозная для драматурга сила-актера. Въ прошломъ вѣкѣ они рѣже всего стояли на уровнѣ благородныхъ общественныхъ теченій, во всякую минуту готовы были принести въ жертву какого угодно автора и какое угодно произведеніе капризу перваго вліятельнаго и просто богатаго покровителя. Разнымъ Тюркаре ничего не стоило повліять на артистическую «компанію» и потребовался приказъ принца, чтобы побудить актеровъ сыграть пьесу. Этотъ приказъ одинъ изъ любопытнѣйшихъ документовъ XVIII вѣка, въ архивѣ французскаго театра онъ не сохранился, но дошелъ до насъ въ копіи, сдѣланной старинными историками театра—братьями Парфэ. Имя принца въ точности неизвѣстно; есть основанія предполагать, что приказъ принадлежалъ герцогу Бургонскому и состоялся подъ вліяніемъ знаменитаго Фенелона, ожесточеннѣйшаго врага откупщиковъ: онъ предполагалъ просто довести ихъ до банкротства, отнявъ у нихъ главнѣйшіе источники дохода на основаніи церковнаго запрещенія роста. Такимъ образомъ поэты шли однимъ путемъ съ симпатичнѣйшимъ представителемъ духовенства и литературы въ эпоху Людовика XIV.

Въ предисловіи г. В. Острогорскаго указана общая исторія типа Тюркаре. Можно бы было пополнить эти указанія многочисленными частностями, прямо заимствованными Лесажемъ у другихъ авторовъ. Напримѣръ, въ комедіи Данкура—*Le Retour des officiers* на сценѣ та же самая комбинація дѣйствующихъ лицъ и эпизодовъ, какая растраиваетъ планы Тюркаре на счетъ баронессы. У Данкура откупщикъ мечтаетъ жениться на знатной ба-

рынѣ, но планы разбиваетъ его братъ, играющій роль, аналогичную роли сестры Тюркаре. Онъ мститъ своему брату-богачу за жестокое отношеніе къ его благосостоянію, и во всеуслышаніе выдаетъ его низкое происхожденіе.

Но всѣ подобныя заимствованія, конечно, нисколько не отнимаютъ у автора чести—считаться оригинально-художественнымъ живописцемъ нравовъ. Это доказывается самой судьбой пьесы. Послѣ перваго представленія она прошла еще шесть разъ и была снята съ репертуара, безъ всякаго сомнѣнія, по интригамъ заинтересованныхъ лицъ. Актеры легко подчинились давленію уже потому, что авторъ менѣе всего способенъ былъ ухаживать за владыками сцены, что и доказалъ безпощадной насмѣшкой надъ ними въ своемъ романѣ. Долженъ былъ произойти извѣстный періодъ раньше, чѣмъ страсти улеглись, и въ 1830 году *Тюркаре* былъ возобновленъ, въ маѣ того года, въ теченіе двухъ недѣль имѣлъ девять представленій съ громадными сборами. Съ тѣхъ поръ пьеса не сходитъ съ французскаго репертуара. Искренне можно пожелать ея появленія на русскихъ сценахъ, тѣмъ болѣе, что она одобрена и цензурой и театрально-литературнымъ комитетомъ для репертуаровъ русскихъ театровъ.

А. Курсинскій. I. Полутѣни, стихотворенія. II. Изъ Томаса Мура. Москва. 1896 г. Тоненькая книжка стиховъ г. Курсинскаго раздѣлена на двѣ разнородныя половины: въ первой помѣщены оригинальныя стихотворенія, во второй—десятокъ переводныхъ изъ Томаса Мура. Эта вторая половина намъ кажется болѣе интересной уже потому, что воспроизводитъ (хотя и не въ удовлетворительныхъ переводахъ) образцы несомнѣнной поэзіи, между тѣмъ какъ къ стихотвореніяхъ первой половины названіе поэзіи съ трудомъ можетъ быть примѣнимо. Въ оригинальныхъ своихъ стихотвореніяхъ г. Курсинскій примыкаетъ къ все болѣе и болѣе увеличивающемуся сонму современныхъ стихотворцевъ, дарящихъ русскую публику то искусственно декадентскими chef d'œuvre'ами, то альманахными стишками, гдѣ на каждомъ шагу риѳмуютъ неизбѣжныя «слезы» и «грезы». Г. Курсинскій альмахный пѣвецъ въ духѣ сентиментальнаго романтизма — отклики декадентства лишь изрѣдка слышатся у него («Блѣдно-бѣлая пелена», «безотвѣтная улица» въ стихотвореніи, посвященномъ В. Брюсову и т. п.); вмѣсто погони за необычайными образами и передачи неуловимыхъ, чуждыхъ жизни настроеній, онъ воспѣваетъ «любви и счастія чертогъ», «міръ любви и счастья», «оковы грезъ», «власть упоенія» и т. д.—весь репертуаръ чувствительной альбомной поэзіи. Среди этихъ пошлыхъ перепѣвовъ встрѣчаются, однако, поэтическія строки, и рядомъ съ пустыми крикливыми пьесами, вродѣ терцинъ «Молчанье. Тьма», попадаются болѣе удачныя стихотворенія какъ «Береза». Въ общемъ, стихотворенія г. Курсинскаго не лишены нѣкотораго таланта, но подражательны по содержанію и обнаруживаютъ отсутствіе художественнаго вкуса въ авторѣ—характерно по своему безвкусію, напр., стихотвореніе «Хороводъ», гдѣ встрѣчаются риѳмы «балалайка» и «молодайка».

Въ небольшомъ примѣчаніи ко второй половинѣ книги г. Кур-

синскій заявляетъ, что, изучая англійскихъ романтиковъ, онъ, между прочимъ, перевелъ тѣ изъ стихотвореній Томаса Мура, которыя, по его мнѣнію, представляютъ болѣе нежели историко-литературный интересъ. Выбранныя переводчикомъ стихотворенія принадлежатъ къ лучшимъ изъ сборника Мура «Irish melodies» и интересны какъ образчики творчества сравнительно мало извѣстнаго поэта. Эпоха, представителемъ которой являвляется Томасъ Муръ въ англійской поэзіи, одна изъ самыхъ блестящихъ по обилію первоклассныхъ поэтовъ, и вліяніе творчества той поры особенно сильно въ настоящее время. Поэзія послѣднихъ нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, въ особенности англійская поэзія, прямо примыкаетъ къ традиціямъ романтической школы, создавшей въ Англіи культъ чистой красоты и свободы личности. Представители этой школы тщательно изучаются въ настоящее время въ Англіи, въ особенности двое—Шелли и Китсъ; Байрону Англія до сихъ поръ не можетъ простить его презрительнаго отношенія къ обществу и не признаетъ великаго поэта въ гордомъ атеистѣ. Къ этому же поколѣнію принадлежитъ и Томасъ Муръ, одинъ изъ созидателей «возрожденія» въ англійской поэзіи, спавшей мертвымъ сномъ въ творчествѣ холодныхъ риторовъ XVIII вѣка. Муръ, къ тому же, былъ самымъ старшимъ изъ названныхъ нами поэтовъ, и это обуславливаетъ его историко-литературное значеніе. Родившись въ 1779 г., онъ былъ на девять лѣтъ старше Байрона, на 13 лѣтъ старше Шелли и на 16 лѣтъ старше Китса, а между тѣмъ все то, что есть общаго въ творчествѣ этихъ поэтовъ, т. е. ихъ протестъ противъ условности ложно-классическихъ переживаній, ихъ тяготѣніе къ широкой непосредственной красотѣ свободныхъ чувствъ, ихъ стремленіе создать новый міръ красоты, яркой и полной жизненныхъ силъ—все это уже имѣется въ зачаткахъ у Томаса Мура. Вотъ почему такъ велика была его слава у современниковъ: Томасъ Муръ былъ смѣлымъ новаторомъ для своего времени: онъ ввелъ въ англійскую поэзію Востокъ съ его яркимъ колоритомъ и открылъ новый источникъ красоты въ національныхъ преданіяхъ; онъ сталъ стремиться къ мелодичности стиха и разнообразію поэтическихъ формъ. Все это было совершеннымъ откровеніемъ и объясняетъ обаяніе Томаса Мура въ глазахъ его современниковъ. Его превосходство надъ всѣми выступавшими въ то время поэтами казалось несомнѣннымъ при жизни Мура: когда, послѣ преждевременной смерти Байрона, Муръ издалъ его біографію и провозгласилъ его первенство, всѣ считали искреннее мнѣніе Мура только признакомъ его чрезмѣрной скромности и ставили біографа выше превозносимаго имъ поэта. Но Муръ оказался правымъ въ своемъ безпристрастіи и потомство подтвердило его литературныя сужденія. Муръ первый ввелъ нѣкоторые элементы въ англійскую поэзію, но въ разработкѣ ихъ его современники и непосредственные преемники оказались значительно выше по таланту и ихъ слава затмила болѣе блѣдное и тяжелое въ длинныхъ поэмахъ творчество Мура. За блескомъ и силой восточнаго элемента у Байрона исчезаетъ искусственный условный Востокъ въ «Лалла-Рукъ» Мура, въ сравненіи съ красотой мелодій Китса «ирландскія мелодіи» кажутся блѣд-

ными, а философская глубина и пламенная проповѣдь свободы въ поэмахъ Шелли оставляютъ далеко за собой «Огнепоклонниковъ» Мура и другія его поэмы на гражданскія тэмы. Вотъ почему значеніе Томаса Мура преимущественно историческое и общая масса его произведеній интересна лишь какъ ступень отъ условной, дидактической поэзіи XVIII вѣка къ расцвѣту индивидуализма и красоты въ англійской поэзіи нашего вѣка.

Современники Мура цѣнили очень высоко его эпическое творчество: «Лалла Рукъ» съ ея вводными поэмами, «Рай и Пери» (Paradis and the Peri), «Огнепоклонники» (The Fireworshippers), «Свѣтило Гарама» (The Light of Haram) и др. имѣли громадный успѣхъ при своемъ появленіи въ 1877 г. Современнаго читателя эта поэма испугаетъ прежде всего своими непомѣрными длиннотами и фальшивыми описаніями Востока, но среди чисто условныхъ рамокъ и не смотря на скрывающуюся подъ восточнымъ колоритомъ сатиру современности, отдѣльные эпизоды «Лалла Рукъ» сохраняютъ до сихъ поръ обаяніе поэтичности и красоты вымысла. Таковъ, напр., разсказъ о Пери, которая должна купить себѣ право возврата въ закрывшійся передъ нею рай принесеніемъ самаго драгоцѣннаго для неба дара; она присутствуетъ при борьбѣ молодого воина съ поработителемъ его страны, видитъ пораженіе доблестнаго юноши — «тиранъ живетъ, а герой палъ» — и каплю крови, пролитой за свободу, несетъ на небо, чтобы открыть себѣ двери рая; но это еще не есть высшій даръ, требуемый небомъ. Не открывается небо передъ изгнанницей и тогда, когда она несетъ второй свой даръ — «драгоцѣнный вздохъ чистой, самоотверженной любви»; есть нѣчто болѣе драгоцѣнное — «слеза раскаянія», и только тогда, когда Пери является съ этой слезой передъ лицомъ ангела, стерегущаго входъ въ рай, двери растворяются передъ прощенной грѣшницей. Самыя картины бѣдствій, среди которыхъ пери находитъ небесныя дары, написаны трогательно и нѣжно. Нѣкоторые эпизоды поэмы, какъ, напр., «Огнепоклонники», представляютъ политическую сатиру, и мѣткость разныхъ намековъ на событія того времени утратила теперь интересъ. Нѣкоторыя другія изъ наиболѣе извѣстныхъ произведеній Мура носятъ характеръ политической или общественной сатиры; въ нихъ поэтъ обнаруживаетъ много чисто ирландскаго юмора и является однимъ изъ наслѣдниковъ сфифтовской манеры, перенесенной въ поэзію.

Всѣ эти произведенія, однако, опредѣляютъ лишь историческое значеніе Томаса Мура и сами по себѣ представляютъ мало интереса съ художественной стороны. Исключеніе составляетъ лишь сборникъ «Ирландскія мелодіи» (Irish Melodies), на которомъ и основана, главнымъ образомъ, слава Т. Мура, какъ поэта. Это сборникъ національныхъ пѣсенъ, гдѣ любовь къ родинѣ, къ «зеленому Ерину» облечена въ истинно поэтическіе образы и отражается въ нѣжныхъ, меланхолическихъ настроеніяхъ. Главное качество этихъ пѣсенъ — ихъ мелодичность, передающая наивность народныхъ мотивовъ и возобновляющая въ англійской поэзіи прозрачность лирики елизаветинской поры. Общій характеръ «ирланд-

скихъ мелодій» нѣжный и грустный. Это поэзія солнечныхъ закатовъ и воспоминаній: если поэтъ говоритъ о любви, то она является у него отраженной въ воспоминаніи о пережитыхъ страданіяхъ и сливается съ общимъ смутнымъ стремленіемъ къ неизвѣданному въ жизни, къ высшему счастью и покою. Эта неудовлетворенность земными чувствами и воспѣваніе въ природѣ того, что будитъ мечту въ недостижимомъ и совершенномъ, составляетъ главное обаяніе «ирландскихъ мелодій» и роднитъ ихъ съ настроеніями лирики нашего времени. Вотъ, напр., одно стихотвореніе, показывающее, какъ гармонично сливаются у Мура душевныя настроенія съ картинами природы и насколько этотъ поэтъ романтической поры уже является поэтомъ изысканныхъ настроеній. Приводимъ это стихотвореніе въ прозаическомъ переводѣ—стихотворный переводъ г. Курсинскаго, къ сожалѣнію, далеко не передаетъ оттѣнковъ оригинала: «Какъ отраденъ мнѣ часъ»,—поетъ Т. Муръ,—«когда умираетъ дневной свѣтъ,—И солнечные лучи таютъ на поверхности тихаго моря;—Тогда пробуждаются сны объ иныхъ дняхъ,—И память шлетъ вечерній вздохъ тебѣ.—И, слѣдя за линіей свѣта, что играетъ—Вдоль мягкой волны по пути къ пламенному западу,—Мнѣ хочется идти вдоль золотого пути лучей.—Мнѣ кажется, что онъ приведетъ къ какому-то блестящему острову покоя».

Послѣднее четверостишіе совершенно пропадаетъ въ переводѣ г. Курсинскаго, замѣняющаго живописныя строки англійскаго поэта ничего не говорящими клише, и искажающаго даже самый смыслъ стихотворенія:

«И я скорблю, зачѣмъ бы я не могъ
За свѣтомъ дня пройти за грань заката,
Гдѣ сталъ средь волнъ сіяющій чертогъ,
Чертогъ забвенія, откуда нѣтъ возврата».

Какой риторическій и пошлый оттѣнокъ принимаютъ стихи Мура въ этой передачѣ. Остальные переводы тоже не лучше сдѣланы—особенно это замѣтно въ переводѣ знаменитаго стихотворенія Мура «Послѣдняя Роза». Самый выборъ стихотвореній Мура сдѣланъ г. Курсинскимъ вполнѣ удачно: онъ въ самомъ дѣлѣ приводитъ лучшія изъ «ирландскихъ мелодій», тѣ, которыя затрагиваютъ вѣчныя струны души. Жаль только, что самый переводъ такъ мало воспроизводитъ красоту оригинала.

ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ И КРИТИКА.

В. Зелинскій. «Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева».

Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева. Выпускъ 1-й и 2-й. Составилъ В. Зелинскій. Москва. 1895. Обѣ названныя книги стоятъ по два рубля и вышли вторымъ изданіемъ; очевидно, книги расходятся и читаются. Составитель ихъ нѣкто В. Зелинскій. Чтобы познакомиться съ его

литературной личностью, слѣдуетъ обратиться къ двумъ источникамъ. Во-первыхъ, «предисловіе къ первому изданію»,—собственное произведеніе составителя. Здѣсь выясняются задачи предпринимаемаго труда — перепечатки критическихъ статей. Авторъ видѣлъ въ библіотекахъ, «какъ легкія беллетристическія произведенія талантливыхъ авторовъ буквально (!) поглощаются публикою», а «листы въ критическихъ отдѣлахъ журналовъ даже въ болѣе или менѣе многолюдныхъ библіотекахъ и кабинетахъ для чтенія» остаются «неразрѣзанными». Въ результатѣ авторъ возжелалъ «заставить большинство не игнорировать литературной критикой». Но какъ этого достигнуть? «Чего-либо существеннаго,— разсуждаетъ авторъ, — въ этомъ отношеніи, по моему мнѣнію, пока нельзя сдѣлать. Въ порядкѣ вещей *прежде* чувствовать, а *потомъ* мыслить (?!), такъ и общество: пока оно покоится въ болѣе доступной ему и сродной съ его душевными способностями области конкретнаго (?), до тѣхъ поръ немного пользы принесутъ какія-либо искусственныя усилія (?) заставить его подняться въ сферу болѣе или менѣе отвлеченнаго...» Слѣдовательно, дѣло автора, по его же мнѣнію, нѣчто *не существенное* для публики, по крайней мѣрѣ, и онъ даже не знаетъ, полезенъ ли его трудъ («объ этомъ судить не мнѣ»). Ему ясенъ одинъ лишь вопросъ:— разойдутся его сборники,—онъ напечатаетъ другіе.

Такова психологія и таковы литературныя задачи автора, на сколько онъ самъ считаетъ нужнымъ выяснить ихъ. Отвлеченному элементу, какъ видитъ читатель, соотвѣтствуетъ и стиль, о которомъ авторъ, вѣроятно, имѣетъ столь же опредѣленныя представленія, какъ и о внутреннихъ достоинствахъ своего труда.

Другой источникъ для знакомства съ составителемъ—реклама журнала *Нови* о преміяхъ. Здѣсь читаемъ: «къ первому тому предлагаемаго новаго изданія сочиненій Писемскаго приложенъ спеціально составленный для этого изданія и не бывшій еще въ печати обширный и подробный критико-біографическій очеркъ, принадлежащій перу извѣстнаго знатока русской литературы, В. А. Зелинскаго».

И такъ, теперь мы имѣемъ болѣе подробныя свѣдѣнія о г. Зелинскомъ и обращаемся къ его трудамъ,—прежде всего къ оригинальнымъ, *спеціально* составленнымъ, — къ очерку для преміи *Нови*. Открываемъ первый томъ Писемскаго и съ первыхъ же страницъ попадаемъ въ какую-то совершенно особенную область, только не литературную. Бѣдная редакція *Нови!* Она гордится, что напечатанный ею очеркъ г-на Зелинскаго «не былъ въ печати». Смѣемъ увѣрить почтенную редакцію, что ни одинъ изъ существующихъ печатныхъ органовъ не напечаталъ бы у себя *труда* г-на Зелинскаго по очень простой причинѣ: это не *трудъ* и не *г. Зелинскій*, а просто склеенныя вырѣзки изъ чужихъ статей, какъ это бываетъ въ газетахъ для составленія хроники. «Перу» г-на Зелинскаго рѣшительно нечего было дѣлать при этой операціи: любой переписчикъ совершилъ бы ее съ такими же и, можетъ быть, даже лучшими результатами, потому что самъ г. Зелинскій по временамъ, дѣйствительно, оставлялъ ножницы и бралъ

перо: въ такихъ случаяхъ его глубокомысліе производило, напримѣръ, такія остроумныя соображенія. Возражая г-ну Венгерову на счетъ незначительнаго вліянія *университета* на Писемскаго, оригинальный составитель восклицаетъ: «Да откуда же онъ (Писемскій) взялся у насъ? Какія другія вліянія и вѣянія подготовили его на столь выдающуюся дѣятельность (о стиль!). Въ самомъ дѣлѣ, не случайно же сѣлъ человѣкъ за письменный столъ и вдругъ, по мановенію волшебной палочки, сталъ удивлять общество блестящими произведеніями? Должны же быть гдѣ-нибудь начало и причина (?!) этой дѣятельности»...

Не правда ли, сильно сказано и особенно убѣдительно, — и этимъ все кончается со стороны критика; дальше все та же исторія: «приведемъ выдержку»—три страницы труда *Б. Алмазова*, дальше «читаемъ мы»—полстраницы труда *Анненкова* и т. д. Весь очеркъ, дѣйствительно, очень большой, но въ немъ г. Зелинскому принадлежатъ только чернила и бумага.

Это, очевидно, идеально *безсознательное* творчество, потому что трудъ въ результатѣ сводится къ механическимъ упражненіямъ въ преступленіи, весьма караемомъ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ. Но для г. Зелинскаго, какъ «извѣстнаго знатока русской литературы», переписываніе чужихъ сочиненій, очевидно, добродѣтель. Извѣстно, вѣдь, что большому барину не вмѣняется въ грѣхъ многое, за что страдаетъ мелкая сошка...

Такимъ образомъ, оба источника, изъ которыхъ мы могли почерпнуть свѣдѣнія о составителѣ «собранія критическихъ матеріаловъ», привели насъ къ одному и тому же результату: у составителя мало развито или даже совершенно отсутствуетъ сознаніе того, что онъ творитъ. Объ этомъ онъ даже въ минуты откровенности самъ заявляетъ, при чемъ искренность, при извѣстныхъ достоинствахъ формы заявленія, не подлежитъ сомнѣнію.

Открываемъ сборники, и на каждомъ шагу находимъ, на сколько г. Зелинскій остается вѣренъ своей «преобладающей наклонности» къ безсознательному труду. Прежде всего составитель позволяетъ себѣ обращаться съ чужими статьями, какъ портной со штукой матеріи,—разница только въ томъ, что у портного въ результатѣ выходитъ нѣчто дѣльное, а у г. Зелинскаго простое крошево, гдѣ уловить идею критика становится рѣшительно невозможнымъ. Стоитъ, напримѣръ, взглянуть во что превратились разсужденія Писарева объ *Отцахъ и дѣтяхъ*: это уже совершенно возмутительная торговля въ розницу чужими мыслями и словами. Неужели г-ну Зелинскому не ясна совершенно простая идея, что человѣкъ, въ полномъ разсудкѣ и твердой памяти, ведетъ свою бесѣду по законамъ логики и внутренней связи, и выкраивать изъ этой бесѣды лоскутья значитъ убивать логическую связь и совершенно извращать мысль автора... Впрочемъ, гдѣ же г-ну Зелинскому понимать подобныя вещи: его *faculté maîtresse*—безсознательность.

Такъ обращается составитель съ наиболѣе интересными своими жертвами. Другія являются у него въ такомъ видѣ:

«Николай Петровичъ, какъ слѣдуетъ, настоящій сынъ своего

вѣка. Въ немъ нѣтъ ни единой яркой черты и хорошаго только одно, что онъ человѣкъ, хотя и простѣйшій человѣкъ».

И только: подпись *И. Страховъ*... Конечно, если бы почтенный критикъ оставилъ послѣ своей смерти лишь эти строки, ихъ, можетъ быть, и слѣдовало бы сохранить для потомства. А теперь что они говорятъ самому г-ну Зелинскому? А между тѣмъ, подобными истинами и отрывками переполнены его книги, и авторъ еще «желалъ нѣсколько помочь читателямъ», не поднимающимся «въ сферу болѣе или менѣе отвлеченнаго». Много вынесутъ читатели изъ подобныхъ *отвлеченностей!*

Но довольно для безсознательности г-на составителя. Еще прискорбнѣе его другое качество, заставляющее насъ окончательно усомниться въ его правахъ на титло «извѣстнаго знатока русской литературы». Г. Зелинскій очень мало проявляетъ свои *знанія*, если не считать библіографическихъ свѣдѣній для переписчика, но *незнанія*—внѣ сомнѣнія. Откройте, напримѣръ, 296-ю страницу втораго выпуска «собранія»: перепечатывается статья О. Миллера и его слѣдующія слова: «А между тѣмъ, вѣдь, и самое слово *нигилистъ* было употреблено у насъ еще до г. Тургенева, а именно въ тридцатыхъ годахъ, въ *Телескопѣ*, гдѣ, подъ заглавіемъ *Сонмище нигилистовъ*, покойный Надеждинъ помѣстилъ статью, въ которой обрисованы люди, не признающіе никакихъ руководящихъ началъ въ искусствѣ и литературѣ»...

Вопросъ, какъ видите, очень любопытный и, несомнѣнно, открытіе покойнаго профессора какъ нельзя болѣе способно стать общимъ достояніемъ. Но, къ сожалѣнію, критикъ сдѣлалъ ошибку библіографическаго характера: статья Надеждина, *Сонмище нигилистовъ*, напечатана не въ *Телескопѣ* и не въ тридцатыхъ годахъ, а въ журналѣ *Вѣстникъ Европы, въ началѣ 1829-го года*. Для безсознательнаго и *мало* знающаго г-на Зелинскаго до этого нѣтъ дѣла: онъ отдаетъ въ типографію все, что ему приготовилъ переписчикъ, и смѣло подписываетъ свое имя на чужомъ трудѣ.

Извольте послѣ того «разрѣзывать» продукты подобнаго составителя и подниматься подъ его руководствомъ въ «болѣе или менѣе отвлеченную» сферу. Нѣтъ, г. Зелинскій съ этой сферой не имѣетъ рѣшительно ничего общаго, кромѣ того, *существеннаго*, на что онъ намекаетъ въ концѣ своего предисловія: на сколько ходкимъ окажется мой товаръ? Вотъ весь смыслъ предпріятія г-на Зелинскаго, не только не отвлеченный, а даже не литературный, просто-на-просто промышленный.

Издать статьи русскихъ критиковъ въ сборникахъ было бы весьма желательнымъ дѣломъ, но за него долженъ браться *литературный* человѣкъ, т.-е. знающій и понимающій литературу, а главное, *уважающій* ее. А то предложить публикѣ какое-то мѣсиво за *два рубля* серебромъ, т. е. пустить въ оборотъ чужой трудъ по самымъ высокимъ процентамъ — подобныя «аферы» свойственны совершенно не тѣмъ сферамъ, гдѣ обитаетъ литература, и могутъ быть оцѣнены по достоинству развѣ только стилемъ самого г-на «предпринимателя».

ИСТОРІЯ ФИЛОСОФІИ.

И. Тэнъ. «Французская философія первой половины XIX-го вѣка».

И. Тэнъ. Французская философія первой половины XIX-го вѣка. Переводъ съ 6-го франц. изданія Ю. В., подъ редакціей Е. Васьковскаго. Спб., 1896 г., цѣна 1 р. 50 к. Въ послѣднее время вышли два философскія сочиненія Тэна—новымъ изданіемъ трактатъ *объ умѣ и познаніи* и впервые появляется русскій переводъ одного изъ самыхъ раннихъ философскихъ произведеній Тэна—*Les philosophes français du XIX-e siècle.* Авторъ предисловія къ русскому переводу, неизвѣстно почему, счелъ нужнымъ оговариваться, что въ русскомъ заглавіи опущены слова *классическіе* философы. Тэнъ также издалъ въ первый разъ свою книгу, не воспользовавшись этимъ эпитетомъ (Изданіе 1857 года). Отдѣльныя статьи, вошедшія въ составъ книги, стали появляться въ 1855 году и были направлены противъ эклектизма. Въ эту эпоху школа, сильная въ тридцатыхъ годахъ, сильно упала подъ давленіемъ позитивизма, и автору не требовалось большой смѣлости развѣнчивать метафизиковъ и риторовъ въ эпоху Конта, Литтре, Милля. Оригинальны были не нападки, а тонъ и пріемы критики. Современные журналисты были крайне шокированы безпощадными насмѣшками надъ личностью Кузена: Тэнъ навязывалъ философу фантастическую біографію проповѣдника XVII-го вѣка, — необыкновенно легкимъ объясненіемъ возникновенія нѣкоторыхъ философскихъ системъ: напримѣръ, Ройэ Колларъ основалъ свою философію, купивъ на набережной за тридцать су «иностранную книжечку»—«Изслѣдованія о человѣческомъ духѣ» Томаса Рида, одного изъ наиболѣе уважаемыхъ представителей новой психологіи. Наконецъ, самая популярность эклектизма объяснялась болѣе чѣмъ странно: все дѣло, будто бы, въ любви французовъ начала XIX-го вѣка къ морали и отвлеченнымъ словамъ! Молодой критикъ не обращалъ никакого вниманія на важнѣйшіе симптомы общественнаго настроенія эпохи реставраціи, не хотѣлъ по справедливости оцѣнить усилія цѣлаго ряда поколѣній, слѣдовавшихъ послѣ революціи,—создать положительныя основы нравственности и даже религіи—на мѣсто старыхъ принциповъ, разрушенныхъ философіей XVIII-го вѣка. Тэнъ крайне насмѣшливо отзывался о Гамлетахъ, созерцающихъ концы своихъ сапогъ и мечтающихъ облагодѣтельствовать человѣчество (стр. 179 — 180). Молодой философъ, очевидно, не признавалъ никакой душевной борьбы по пути къ новымъ философскимъ ученіямъ,—и это въ тѣхъ же статьяхъ подтверждалось необычайной легкостью, съ какой онъ предлагалъ собственный философскій методъ.

Критики всевозможныхъ лагерей единогласно признали неосновательными претензіи автора на оригинальность метода и, главное, совершенно опрометчивой его самоувѣренность въ созданіи своей теоріи. Каро, Шереръ, Гюставъ Планшъ сошлись въ общей оцѣнкѣ мнимаго открытія Тэна,—разнились только въ указаніи источника этого открытія: одни признавали Тэна матеріалистомъ, другіе—

атеистомъ, третьи—позитивистомъ. (Caro: L'idée de Dieu dans une jeune école. M. Renan et M. Taine—*Revue Contemp.* 1857, 30 dec.; Planche — *Le Pantheisme dans l'histoire*, *Revue de deux Mondes*, 1 avr. 1857; Shérer—*M. Taine et la critique systematique*—*Bibliothèque universelle*, 1858, T, 497). Мы указываемъ эти статьи съ цѣлью рекомендовать русскимъ читателямъ познакомиться съ нѣкоторыми изъ нихъ, въ особенности со статьей Шерера. Это будетъ хорошей поправкой къ излишне лирическому предисловію русскаго переводчика. Въ краткой замѣткѣ не мѣсто разбирать содержаніе книги Тэна: наиболѣе важная часть ея не критика философовъ XIX-го вѣка, а нѣсколько страницъ, озаглавленныхъ *о методѣ*. Въ критикѣ философовъ любопытны страницы, написанныя на тему, ставшую впослѣдствіи предметомъ важнѣйшихъ работъ Тэна—историческаго содержанія. Въ высшей степени поэтому поучительно сопоставить характеристику стараго режима въ раннемъ сочиненіи съ отзывами Тэна о томъ же режимѣ въ послѣднемъ его сочиненіи, въ первомъ томѣ *Le regime moderne*. Для тѣхъ, кто интересуется общей картиной идей Тэна, мы предлагаемъ сравнить стр. 73—75 изъ сочиненія о философахъ и третью главу третьей книги въ названномъ томѣ — *Les origines de la France contemporaine*. Первыя страницы написаны противъ Кузэна, идеализировавшаго XVII-й вѣкъ, а позднѣйшая глава—противъ демократическаго строя современной Франціи. И въ то время, когда раньше очень краснорѣчиво указывались неудобства аристократическихъ привилегій и, вообще, неравенства гражданскаго и общественнаго,—позже рисовались идиллическія картины по поводу даже такихъ вопіющихъ злоупотребленій, какъ купля и продажа судебныхъ должностей (pp. 311 etc). Дѣло въ томъ, что настроенія историка при третьей республикѣ безусловно склонились въ пользу аристократическихъ порядковъ, Тэнъ не побоялся увѣнчать аристократію, какъ спеціальный разсадникъ государственныхъ дѣятелей (La Révolution I, 188 etc.) и тѣмъ впасть въ прямое противорѣчіе съ собственнымъ изображеніемъ французскаго дворянства наканунѣ революціи въ столь популярной книгѣ о старомъ порядкѣ. Рекомендуемъ также читателямъ въ книгѣ о философахъ XIX вѣка обратить вниманіе на отраженіе въ ней одной изъ капитальнѣйшихъ идей Тэна—идею о «господствующей способности»—*faculté maîtresse*. Эта способность, по представленію философа, причина и источникъ всей нравственной и практической дѣятельности данной личности. Впервые эту теорію Тэнъ примѣнилъ къ характеристикѣ Тита Ливія, какъ историка (книга вышла въ 1856 году), потомъ на французскихъ философахъ и позже на англійскихъ писателяхъ и еще позже—на дѣятеляхъ революціи 1789 года. Въ разбираемомъ сочиненіи читаемъ: Ройэ-Колларъ—диктаторъ, Жуффруа—человѣкъ, живущій внутренней жизнью, Кузэнъ—ораторъ, а де-Биронъ—олицетвореніе отвлеченнаго мыслителя. Всѣ, слѣдовательно, философы сведены къ нѣсколькимъ отвлеченнымъ понятіямъ—и по ихъ натурѣ, и по ихъ литературной и философской работѣ, вполнѣ согласно основному взгляду Тэна на все разнообразіе духовной природы человѣка и

ея проявленій: «всякаго человѣка и всякую книгу можно резюмировать въ трехъ страницахъ и эти три страницы—въ трехъ строкахъ». Легко представить, сколько, при такомъ резюмэ, приходилось Тэну совершать насилій надъ живыми фактами и способностями характеризуемыхъ имъ людей. Для примѣра мы предлагаемъ сравнить характеристику *Кузэна-оратора* съ Ливіемъ, тоже *ораторомъ*, и оцѣнить, до какой степени произвольно примѣнялся Тэномъ его руководящій психологическій принципъ. Ливій и Кузэнъ—люди, конечно, въ высшей степени различные, оказались подъ одной рубрикой, и въ результатѣ одному *навязано*, чего у него нѣтъ, у другого—*отнято*, что ему принадлежитъ по природѣ и по свойствамъ его произведеній. Что касается метода, исходная точка тэновскихъ разсужденій—въ отождествленіи процессовъ нравственнаго и физическаго міра, не въ параллелизмѣ и аналогіи, а именно отождествленіи, такъ какъ философъ считаетъ одинаково возможнымъ изслѣдовать путемъ опыта и математическаго метода и человѣческую душу, и историческія явленія, и организмъ животнаго, и химическія соединенія и реакціи. Разбирать самого метода мы, повторяемъ, въ библіографической замѣткѣ, не можемъ, но обратимъ вниманіе читателя на слѣдующія обобщенія и метафоры Тэна, на которыхъ онъ строитъ свою теорію: душу историка онъ сравниваетъ съ термометромъ; наблюденія надъ душевно-больными—съ пріемомъ химиковъ, когда тѣ «посредствомъ разрѣзовъ, вымочекъ, инъекцій, химическихъ операцій»—*видоизмѣняютъ наблюдаемый предметъ*; наконецъ, пользованіе изслѣдователями въ области опытныхъ наукъ инструментами, т. е. измѣненіе *способа наблюденія*, Тэнъ на почвѣ нравственныхъ явленій объясняетъ слѣдующимъ туманнымъ совѣтомъ: «Она (психологія) замѣняетъ этотъ способъ (прямого наблюденія), когда вмѣсто непосредственнаго наблюденія примѣняетъ изученіе знаковъ, предшествующихъ воспріятію или слѣдующихъ за ними и служащихъ указательными реактивами» (стр. 203). Но въ сравненіяхъ и аналогіяхъ нѣтъ еще большаго зла: дѣло въ томъ, что Тэнъ *аналогіями* пользуется какъ несомнѣнными научными положеніями. Для того, чтобы читатель вошелъ въ этотъ процессъ мышленія, мы совѣтуемъ прочесть предисловіе къ *Essais de critique et d'histoire*: здѣсь цѣлыя страницы наполнены аналогіями между физическими и нравственными явленіями. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что всѣ, возражавшіе Тэну противъ его пріема, не отвергали существованія опредѣленныхъ законовъ, управляющихъ внутреннимъ міромъ человѣка и историческимъ развитіемъ общества. Вопросъ только въ томъ, насколько при современномъ положеніи психологіи мы имѣемъ право психическія явленія сводить на почву математическаго изслѣдованія и подчинять крайне мало извѣстную намъ область умственнымъ операціямъ, заимствованнымъ изъ опытныхъ наукъ. Дѣятельность самого Тэна неминуемо должна была привести къ отрицательному отвѣту. Онъ, для оправданія заранѣе составленной нравственной и психологической формулы для каждой интересующей его личности, долженъ былъ прибѣгать къ *уродованію дѣйствительности*, какъ выражается его искреннѣйшій поклонникъ и личный другъ, историкъ Моно.

Во всякомъ случаѣ, появленіе книги Тэна на русскомъ языкѣ — фактъ не лишній: можетъ быть, ближайшее знакомство русскихъ читателей съ основными идеями философа и съ его пріемами критики въ области философіи, — поможетъ этимъ читателямъ составить болѣе точное представленіе о научности трудовъ Тэна и объ его пріемахъ натуралиста, о которыхъ онъ говоритъ во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, кончая *Старымъ порядкомъ*. Въ заключеніе, по поводу этого мнимаго натурализма, мы укажемъ на взглядъ человѣка, принадлежащаго къ той же литературной школѣ, какъ и Тэнъ, и признающаго себя во многихъ отношеніяхъ ученикомъ Тэна. Взглядъ—не ученый, но полный здраваго смысла и фактическихъ основаній,—именно впечатлѣнія Эмиля Золя въ *Парижскихъ письмахъ—Вѣст. Евр.*, май, 1878. Жаль только, что весьма дѣльныя соображенія относительно натуралистическихъ пріемовъ Тэна въ области исторіи революціи Золя забываетъ отнести къ своему творчеству въ области романа: и тамъ, и здѣсь современный натурализмъ одинаковой научной цѣнности.

ИСТОРІЯ ВСЕОБЩАЯ.

А. Мюллеръ. «Исторія ислама».

А. Мюллеръ: Исторія ислама съ основанія до новѣйшихъ временъ. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей Мѣдникова. Томы III и IV. Спб. 1896. Въ свое время («Міръ Божій», сентябрь 1895) мы дали отчетъ о первыхъ двухъ томахъ этого капитальнаго труда покойнаго нѣмецкаго профессора, причемъ сожалѣли, что небрежный переводъ могъ помѣшать распространенію столь полезнаго сочиненія. Вышедшее теперь окончаніе «Исторіи ислама» отличается бóльшею опрятностью: лишь изрѣдка встрѣчаются невозможныя на русскомъ языкѣ фразы. Сверхъ того, редакція приложила исправленіе многихъ погрѣшностей въ I-мъ томѣ. Въ концѣ сочиненія приложено 6 картъ, обозначающихъ границы ислама въ разныя эпохи. Нѣтъ только прекрасныхъ рисунковъ, украшающихъ трудъ Мюллера въ извѣстномъ изданіи Онкена; но при нихъ, конечно, нельзя бы было продавать два тома за 5 рублей.

Лежащіе передъ нами томы представляютъ особый интересъ: здѣсь авторъ доводитъ изложеніе своего крайне обширнаго и богатаго предмета «до новѣйшихъ временъ». А, вѣдь, историки обыкновенно не исполняютъ подобныхъ благихъ пожеланій: задавшись крупною задачей, они углубляются въ зародыши явленій и, пока дойдутъ до «новѣйшихъ временъ», или охладѣваютъ къ своему предмету, или сами представляютъ собой «хладный трупъ». Мюллеръ исполнилъ свое обѣщаніе, но также не безъ грѣха. Онъ, очевидно, старался лишь очистить свое обязательство передъ издателемъ. Чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ болѣе комкаетъ онъ массу фактовъ въ ущербъ обычной яркости его изложенія. А главное, авторъ довелъ до конца только давно скончавшіяся исламскія

государства; живущія же и представляющія для насъ теперь захватывающій интересъ покинуты имъ въ самые любопытные моменты: исторія персовъ доведена до 1852 г., остальныхъ турокъ—до 1521 г. *) И то сказать: недодѣланное потребовало бы отдѣльнаго сочиненія, и тѣмъ болѣе обширнаго, что именно новѣйшая исторія Персіи и Турціи особенно важна и весьма мало извѣстна. Но нужно отдать справедливость Мюллеру: съ свойственною ему добросовѣстностью и глубокомысліемъ, онъ умѣлъ, разставаясь съ своимъ предметомъ, освѣтить его такъ, что читатель можетъ самъ составить довольно правильное, научно-обоснованное понятіе о дальнѣйшемъ.

Въ разбираемыхъ нами книгахъ обстоятельно и живо изложена судьба множества исламскихъ государствъ, возникавшихъ на развалинахъ багдадскаго халифата. При этомъ вездѣ указывается на ихъ культурныя отличія и на глубокія причины превратностей въ ихъ судьбахъ. Тутъ богатый матеріалъ для соціологическихъ наблюденій, тѣмъ болѣе, что главное вниманіе историка было сосредоточено, совершенно правильно, на арабахъ въ Испаніи, а слѣдовательно, и на соотношеніяхъ между исламскою и западно-европейскою культурами: этому предмету посвященъ весь IV-й томъ. Но мы остановимся на болѣе важномъ для настоящей минуты и на менѣе извѣстномъ, а именно на нѣкоторыхъ крупныхъ вопросахъ изъ новой исторіи Востока. Здѣсь же обнаружатся передъ читателемъ важность и занимательность труда Мюллера.

Здѣсь, прежде всего, выясняется сложеніе персидской имперіи и ея характерныя отличія. Персіане—народъ талантливый, съ живымъ умомъ, съ предпріимчивостью и подвижностью. Но онъ лживъ (не въ укоръ сказать старику Геродоту), лишенъ патріотизма и общественныхъ стремленій. Его солдатъ горячъ и храбръ, но лишь при первомъ натискѣ: ему не хватаетъ выдержки. «Высшіе классы въ Персіи, какъ и почти вездѣ на Востокѣ, сильно опустились нравственно». Эти классы, а также вообще горожане, представляютъ смѣсь разныхъ инородцевъ—арабовъ, турокъ, монголовъ; настоящій персъ—житель селъ, глуши съ ея старинными національными преданіями; здѣсь національно даже низшее земельное дворянство (дикханы), которое, при лучшихъ условіяхъ, могло бы съиграть роль англійской джентри.

Персіане недаромъ заклятые враги турокъ. Этихъ двухъ народовъ всегда раздѣляли не одни оттѣнки въ религіи (персіане—шіиты, турки—сунниты), но разница въ характерахъ и культурѣ. Мюллеръ относится съ нескрываемою враждебностью ко всѣмъ вѣтвямъ турецкаго племени—отъ татаръ, владѣвшихъ Россіей, до османовъ, хозяйничающихъ теперь въ Константинополѣ и Персидской Азіи. Турки заимствовали у персіанъ только ложь и

*) Въ извѣстномъ изданіи Онкена (Allgemeine Geschichte in Einzeldarstellungen), часть котораго составляетъ трудъ Мюллера, этотъ пробѣлъ заполненъ другими сочиненіями въ особенности: 1) Kertzburg: Geschichte der Byzantiner und des Osmanischen Reiches bis gegen Ende des 16 Jahrhunderts.—2) *Schiemann*: Russland, Polen und Livland.—3) *Bamberg*: Geschichte der orientalischen Angelegenheit im Zeitraume des Pariser und des Berliner Friedens.

коварство и сохранили свою первобытную дикость и тупоуміе: среди нихъ не имѣли успѣха просвѣтительныя попытки нѣкоторыхъ султановъ-выродковъ. «Турецкій полумѣсяцъ — символъ варварства, стремящійся все разрушить кругомъ себя». Отъ того турки истребили всѣ исламскія государства, съ ихъ задатками культуры, и даже Византію, и держали въ рабствѣ Россію, но, лишенные развитія, движенія впередъ, они не могли нигдѣ укрѣпиться. Ими самими тайно повелѣвала даже такая шайка разбойниковъ, какъ ассассины, значеніе которыхъ уяснено Мюллеромъ по новымъ даннымъ. Ихъ били сначала нѣкоторые крестоносцы, помогшіе разложенію ихъ господства, потомъ такіе же дикари, какъ они, монголы. Они погибали и отъ внутреннихъ раздоровъ: лишенные культурныхъ задачъ, ихъ сильные люди могли заниматься только игрой во власть, политическими козням. Эти раздоры особенно хорошо описаны Мюллеромъ при разложеніи сельджукскаго царства въ эпоху крестовыхъ походовъ, причемъ авторъ искренно высказывается не въ пользу крестоносцевъ и горячо восхваляетъ такихъ героевъ ислама, какъ Нуррединъ и Саладинъ.

Послѣ Саладина, хотя пѣсня крѣстоносцевъ была уже спѣта, владычество сельджуковъ окончательно падало само собою. «Какъ курдскія, такъ и турецкія династіи западной Азіи выказали туже ужасающую неспособность водворить, среди своихъ земель и народовъ, хоть сносный порядокъ». А восточныя государства ислама, за Тигромъ, съ просвѣщенною Газной во главѣ, подвергались опустошеніямъ со стороны новыхъ турецкихъ ордъ, гонимыхъ съ востока монголами. Немудрено, что эти свирѣпые монголы легко уничтожили сельджукскихъ турокъ, этихъ «наѣздниковъ и головорѣзовъ», которые, въ два вѣка, «не сдѣлали ничего» даже для Востока, не говоря уже обо всемъ человѣчествѣ. Мюллеръ горячо опровергаетъ новѣйшихъ историковъ, затѣвавшихъ «обѣлить и спасти» даже такихъ чудовищъ, какъ турокъ Чингизъ-Ханъ и его монголы, истребившіе почти всю культуру ислама въ Азіи. «Съ этого времени—говоритъ Мюллеръ—міросозерцаніе исламскихъ народовъ остановилось на той точкѣ, какой оно достигло въ началѣ 13-го в., и въ теченіи вѣковъ совершено застыло. И если турки отличались еще въ многочисленныхъ войнахъ, а отчасти достигли и блестящихъ внѣшнихъ успѣховъ, то все же нигдѣ не было дѣйствительнаго движенія, а тѣмъ болѣе усовершенствованія внутренней жизни».

Османліи, которые начали выдвигаться въ Малой Азіи около половины 13-го в., не поправили бѣды. Вотъ приговоръ имъ нашего знатока восточныхъ дѣлъ: «не столь падкіе къ поголовнымъ избіеніямъ, какъ монголы, турки, обыкновенно державшіе себя даже доброжелательно по отношенію къ покорнымъ подданнымъ, были вполнѣ на своемъ мѣстѣ, гдѣ дѣло шло о возстановленіи или поддержаніи внѣшняго порядка; но въ другихъ отношеніяхъ они оказали на внутренній характеръ ислама столь же пагубное вліяніе, какъ и ихъ противники, варварскіе монголы. Мы хорошо знаемъ одно свойство турокъ — ихъ ограниченность въ общихъ

вопросахъ, которая, въ отдѣльныхъ случаяхъ, вполнѣ допускаетъ довольно большую дипломатическую ловкость, но мѣшаетъ имъ понимать нужды обширнаго государства и, въ силу сильной привязанности ихъ къ преданіямъ суннитскаго толка, заставляетъ относиться враждебно ко всякому проявленію самостоятельнаго мышленія. Монголъ раззоряетъ города и избиваетъ жителей, подъ владычествомъ же турокъ—первые падаютъ, а у вторыхъ постепенно изсякаютъ источники благосостоянія, равно какъ и живые родники духовнаго прогресса». Вотъ почему судьба ислама съ 14-го в., вообще безъисходна: «Всюду полная пустота и безплодіе. Внѣшнія войны и внутреннія возстанія смѣняютъ другъ друга; но, въ общемъ, не измѣняются ни формы проявленія ислама, ни судьба подданныхъ, которые тамъ и сямъ, благодаря особымъ условіямъ, правда, иногда создавали себѣ до нѣкоторой степени пріятное существованіе, но, подъ гнетомъ деспотичныхъ и безпощадныхъ государей, медленно погружались все въ большую бездѣятельность, даже неподвижность». Жизнь поддерживалась лишь наслѣдіемъ крестовыхъ походовъ—торговлей между итальянскими республиками и странами Востока. Но она была подорвана двумя почти одновременными великими событіями—открытіемъ воднаго пути въ Индію (1498) и завоеваніемъ Констанстантинополя османліями (1453): эти событія прекратили левантскую торговлю и ускорили экономическое паденіе Востока, равно какъ паденіе Генуи и Венеціи.

Разставаясь съ турками, Мюллеръ снова подводитъ итогъ ихъ дѣятельности до начала XVI-го в., когда они захватили всю Западную Азію и Египетъ. Этотъ итогъ весьма поучителенъ и важенъ особенно для нашихъ дней. «Ни одна изъ крупныхъ областей, захваченныхъ ими, не могла опять достигнуть хоть какого-нибудь благосостоянія подъ турецкимъ управленіемъ, задавшимся лишь цѣлью поддерживать внѣшній порядокъ и высасывать всѣ соки изъ провинцій. Мало того. Тамъ, гдѣ жалкіе остатки прежней культуры пережили ужасныя опустошенія послѣдних столѣтій, и они исчезаютъ, такъ какъ не дѣлается ничего для ихъ поддержанія. Малая Азія,—страна при сельджукахъ все еще населенная и богатая, а потомъ колыбель самого османскаго царства,—теперь совсѣмъ опустѣла. Месопотамія, нѣкогда почти неслыханно-богатый Иракъ и восточная полоса Сиріи погребены подъ песками пустыни, на которой шатаются почти однѣ толпы кочующихъ курдскихъ и арабскихъ бедуиновъ. Сирія и Палестина живутъ жалкими и все убывающими остатками своей прежней промышленности. И остается болѣе, чѣмъ когда-либо, подъ сомнѣніемъ, будетъ ли долговѣчное плодородіе Нильской долины еще разъ дѣйствительно полезно ея жителямъ. А неутѣшительному внѣшнему положенію какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало уничтоженіе умственной жизни... Подъ гнетомъ столѣтнихъ бѣдствій и вѣковой привычки, ограниченное фаталистически-азіатическое міросозерцаніе вошло въ плоть и кровь всѣхъ слоевъ общества. Со времени владычества монголовъ на магометанскомъ Востокѣ, подъ умственною работой разумѣютъ ничего болѣе, какъ вѣчное

пережевываніе однихъ и тѣхъ же грамматическихъ, логическихъ, юридическихъ и нософогическихъ положеній, причемъ единственною цѣлью остроумія служитъ украшеніе ихъ съ внѣшней стороны съ помощью все новыхъ тонкостей. Извлечь изъ тысячи книгъ 1001-ую, и не для того, чтобы подвинуться въ знаніи,—это невозможно, такъ какъ истина давно уже твердо установлена,—а чтобы доказать свою ученость и остроуміе или составить удобныя руководства для пріобрѣтенія знаній и практики — вотъ чѣмъ ограничивается научная дѣятельность Востока уже въ теченіе столѣтій... Существуютъ и процвѣтаютъ только сонники, каббалистическая, астрологическая и германтическая (оракуловъ) литература».

Немудрено, что Мюллеръ не сулитъ исламу добра въ будущемъ. Послѣ весьма любопытнаго разсказа о злодѣйскихъ подвигахъ Тимура, онъ говоритъ: «Теперь намъ остается присутствовать только при послѣдней сценѣ эпилога, хотя и нѣсколько растянутаго. Она кончится въ тотъ самый моментъ, когда европейскія государства соединятся для раздѣла между собою мухаммеданскихъ государствъ съ колонизаторскими цѣлями, что едва-ли будетъ сопровождаться значительными матеріальными затрудненіями. Каждый знаетъ, что, *къ сожалѣнію, это соединеніе состоится еще не такъ скоро*; и мертвенное окоченѣніе мусульманскаго Востока, только при случаѣ нарушаемое судорожными подергиваніями, продолжится еще нѣкоторое время, пока какой-нибудь болгарскій или армянскій камешекъ не сдвинетъ съ мѣста нависшую лавину». Подчеркнутыя нами слова значительно ослабляютъ увѣренность въ справедливости колонизаторскаго взгляда на будущее ислама. Здѣсь не мѣсто говорить о томъ, что есть еще и признаки внутреннихъ движеній на Востокѣ *).

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

Ланге. «Рабочій вопросъ». *Адольфъ Гельдъ.* «Фабрика и ремесло».

Ланге. Рабочій вопросъ. Его значеніе въ настоящемъ и будущемъ. Перев. А. Б. Блёка. Изд. Павленкова. П. 1895 г. Ц. 1 руб. 25 коп. Рабочій вопросъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, имѣетъ своимъ предметомъ положеніе наемныхъ рабочихъ и преимущественно той категоріи ихъ, которая занята въ крупныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ. Однако, авторъ разсматриваемой нами книги придаетъ такое громадное значеніе рабочему вопросу, что отъ того или иного рѣшенія его, по его мнѣнію, зависитъ «быть или не быть» всей міровой цивилизаціи. Онъ полагаетъ, что, хотя рабочіе составляютъ сравнительно и небольшой % всего населенія государствъ Стараго и Новаго Свѣта, тѣмъ не менѣе, они представляютъ тотъ базисъ, на которомъ зиждется частная, общественная, государственная и даже международная жизнь цивили-

*) См. статью профессора Трачевскаго о судьбѣ ислама въ «*Сѣверномъ Вѣстникѣ*» за прошлый годъ.

зованныхъ націй. Понимая такъ широко рабочій вопросъ, придавая ему первенствующее значеніе предъ всѣми другими злобами дня и жизни, Ланге не скрываетъ и той трудности, какая вполнѣ естественна и неизбѣжна при разрѣшеніи столь сложной задачи, какъ рѣшеніе этого вопроса. Почтенный авторъ полагаетъ, что удовлетворительное рѣшеніе рабочаго вопроса можетъ послѣдовать только тогда, когда въ немъ примутъ участіе какъ правительства, такъ и сами рабочіе, равно и всѣ тѣ, которые именуются интеллигентами.

И, прежде всего, къ правительствамъ Ланге предъявляетъ то общее требованіе, чтобы ихъ законодательства принимали во вниманіе потребности рабочаго сословія. Въ частности, требуется, по мнѣнію автора, чтобы каждое отдѣльное мѣропріятіе было направлено *къ дѣйствительной и полной эмансипаціи рабочихъ* отъ зависимости и подчиненности предпринимателямъ. Ланге рѣшительный противникъ палліативныхъ мѣръ. «Слѣдуетъ,—говоритъ онъ,—отвергать всякое мѣропріятіе, направленное къ тому, чтобы посредствомъ мелкихъ улучшеній въ матеріальномъ положеніи рабочихъ поддерживать и закрѣплять ихъ вѣковую зависимость и нравственное подчиненіе работодателямъ».

Во-вторыхъ, по мнѣнію Ланге, *поднятіе матеріальнаго уровня рабочихъ должно идти рука объ руку съ ихъ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ*. Повышеніе уровня общенароднаго образованія уничтожаетъ ту пропасть, какая существуетъ теперь между высшими и низшими классами. Программа и методъ преподаванія, въ особенности же въ школахъ, предназначенныхъ для болѣе зрѣлаго юношества, должны быть принаровлены къ тому, чтобы пріучать личность оріентироваться въ природѣ, обществѣ и государствѣ, пріучать ее къ самостоятельной защитѣ своихъ интересовъ какъ въ одиночку, такъ и въ союзѣ съ другими,—повышеніе нравственнаго уровня, на сколько оно зависитъ отъ государства, должно быть направлено прежде всего къ возстановленію этической связи между рабочими и всѣми сферами общества, въ которомъ они живутъ. А это можетъ осуществиться единственно при томъ условіи, если рабочіе будутъ въ качествѣ равноправныхъ членовъ принимать участіе въ общественныхъ дѣлахъ, да и участіе это должно быть проникнуто такимъ духомъ, который давалъ бы рабочимъ реальное основаніе вѣрить въ пользу узъ, соединяющихъ ихъ съ общиной, съ школьнымъ округомъ, съ государствомъ и со всѣмъ обществомъ.

Въ-третьихъ, поставляя рѣшеніе рабочаго вопроса въ тѣсную связь съ вопросомъ соціальнымъ, Ланге намѣчаетъ цѣлый рядъ мѣропріятій, имѣющихъ своею задачей улучшеніе быта рабочей массы теперь. Таковы мѣры, направленныя къ пересмотру наслѣдственнаго права, къ раздробленію крупнаго землевладѣнія и постепенной національзаціи земли. Ланге упоминаетъ здѣсь также и о болѣе равномѣрномъ распредѣленіи податныхъ тягостей между богатыми центрами и бѣдными захолустными общинами, напримѣръ, посредствомъ предоставленія государствомъ значительныхъ суммъ на школы, на призрѣніе бѣдныхъ и т. д.

Какъ на четвертый и послѣдній основной принципъ, Ланге указываетъ на необходимость самой широкой *свободы* въ примѣненіи рабочими всѣхъ способовъ, посредствомъ которыхъ они стараются выбиться изъ своего современнаго безсилія. Сюда относятся не только попытки самопомощи въ болѣе тѣсномъ смыслѣ этого слова, но, главнымъ образомъ, и всѣ національные и международные союзы рабочихъ, ихъ ассоціаціи, ихъ пресса и т. п.

Хотя книжка эта написана четверть вѣка тому назадъ, тѣмъ не менѣе, достоинства ея такъ велики, что, по крайней мѣрѣ, на русскомъ языкѣ нѣтъ ничего такого, чѣмъ бы можно было замѣнить превосходный трудъ Ланге. Лучшимъ доказательствомъ ея цѣнности и значенія служитъ то, что изъ богатой литературы, существующей по рабочему вопросу на Западѣ, переведено не новѣйшее какое-либо сочиненіе, а именно выбранъ трудъ Ланге. По сжатости, богатству содержанія и спокойному, безпристрастному изложенію, эта книга почти не имѣетъ равной и заслуживаетъ самаго широкаго распространенія.

Адольфъ Гельдъ. Фабрика и ремесло. Перев. съ нѣм. Ю. Спасскаго. Москва. 1896. Цѣна 25 к. Небольшая брошюрка Гельда появляется на русскомъ языкѣ какъ нельзя болѣе кстати. Теперь у насъ болѣе, чѣмъ когда-либо, интересуются вопросомъ о хозяйственномъ развитіи Россіи. Какъ извѣстно, споръ ведется, главнымъ образомъ, о томъ, пойдетъ-ли наше экономическое развитіе по западно-европейскому типу, или же намъ удастся, благодаря сохраненію у насъ примитивныхъ хозяйственныхъ формъ—общины и артели, выработать новый хозяйственный строй, отличный отъ западно-европейскаго и болѣе совершенный, чѣмъ этотъ послѣдній. Сторонники второго взгляда обыкновенно ссылаются на преобладаніе въ Россіи мелкаго производства, какъ въ земледѣліи, такъ и въ обрабатывающей промышленности, чѣмъ яко-бы отличается Россія отъ Западной Европы. Книжка Гельда тѣмъ именно и интересна, что она показываетъ, какъ мало самобытна въ этомъ отношеніи Россія. Въ Пруссіи по переписи 1875 г. оказалось, что изъ числа лицъ, занятыхъ въ промышленности, 62% заняты въ мелкомъ производствѣ, и только 38%—въ крупномъ. Но слѣдуетъ-ли изъ этого, что мелкая промышленность преобладаетъ въ Пруссіи сравнительно съ крупной? Нисколько. Все дѣло въ томъ, что нужно различать форму *производства* и форму *промышленности*. Мелкое производство еще не значитъ мелкая промышленность. Крупная капиталистическая промышленность исторически развивалась въ двухъ формахъ—въ формѣ такъ называемой домашней системы крупной промышленности и въ формѣ фабрики. Вотъ эта-то первая система—при которой производство остается мелкимъ—предприниматель-капиталистъ раздаетъ сырой матеріалъ для обработки рабочимъ на дому, не соединяя ихъ въ одной мастерской или фабрикѣ, эта система и пользуется значительнымъ распространеніемъ въ настоящее время въ Пруссіи, а также, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ переводчикъ г-нъ Спасскій, и въ Россіи. Нашъ кустарь, въ большинствѣ случаевъ, не есть самостоятельный производитель работающій для рынка; въ большей или меньшей сте-

пени онъ находится въ зависимости отъ капиталиста торговца, или прямо раздающаго работу кустарямъ по домамъ за извѣстную плату, или выдающаго сырой матеріалъ въ долгъ и затѣмъ скупающаго произведенія кустаря. Широкое развитіе въ Россіи этой формы капиталистической промышленности объясняетъ, почему у насъ до сихъ поръ сохранилось мелкое кустарное производство. Но, какъ справедливо указываетъ Гельдъ, домашняя промышленность есть только переходная ступень къ фабричной. Въ Англіи въ XVIII-мъ вѣкѣ преобладала домашняя промышленность; мелкіе производители въ нѣкоторыхъ случаяхъ еще сохраняли свою самостоятельность, но въ большинствѣ случаевъ они были наемными рабочими крупныхъ капиталистовъ. Крупное производство было мало развито, благодаря отсутствію машинъ. Изобрѣтеніе машинъ повело къ быстрому замѣщенію домашняго производства фабричнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ къ окончательному подчиненію производителя капиталисту, и Англія сдѣлалась типичной страной крупнаго фабричнаго производства.

Въ Германіи дѣло шло нѣсколько иначе. Еще полстолѣтія назадъ (въ 30—40-хъ годахъ) въ Германіи преобладало ремесло—мелкое самостоятельное производство. Постройка желѣзныхъ дорогъ и покровительственный тарифъ двинули впередъ національную промышленность. Городское населеніе стало быстро возрастать насчетъ деревенскаго, и Германія мало-по-малу превратилась въ богатую промышленную страну, какой она является теперь. Но въ то время какъ въ Англіи смѣна промышленныхъ формъ—замѣщеніе ремесла домашней промышленностью и этой послѣдней фабрикой,—произошла послѣдовательно, въ Германіи обѣ формы капиталистической промышленности развивались одновременно. Ремесло падало, но на смѣну ему являлась не только фабрика, но и домашняя промышленность. Тѣмъ не менѣе, и въ Германіи, какъ и въ Англіи, домашняя промышленность есть только переходная форма—прогрессъ техники, введеніе новыхъ машинъ, неизбѣжно ведутъ къ распространенію фабричнаго производства, которое какъ указано выше, уже въ 70-хъ годахъ занимало въ Пруссіи болѣе $^1/_3$ всѣхъ рабочихъ рукъ, занятыхъ въ промышленности, а теперь играетъ въ Германіи еще большую роль.

Изъ этого краткаго изложенія содержанія брошюры Гельда можно видѣть, насколько она интересна именно для русскаго читателя. Безъ обстоятельнаго знакомства съ формами промышленности на Западѣ, гдѣ эти формы не только вполнѣ опредѣлились, но и имѣютъ за собой цѣлую исторію, невозможно понять хозяйственныя условія Россіи, гдѣ еще многое не успѣло опредѣлиться и находится въ періодѣ созиданія. Поэтому, нельзя не пожелать брошюрѣ нѣмецкаго экономиста возможно большаго распространенія среди нашей читающей публики.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

Ч. Диксонъ. «Перелетъ птицъ».

Чарльсъ Диксонъ. Перелетъ птицъ. Опытъ установленія закона періодическихъ перелетовъ птицъ. Перев. съ англійскаго граф. Е. П. Шереметевой, подъ редакціей Дм. Кайгородова. Спб. 1895 г. 269 стр. Ц. 1 р. 50 к. Періодическія миграціи принадлежатъ къ числу самыхъ интересныхъ и наименѣе изученныхъ явленій въ жизни птицъ. Съ давнихъ временъ естествоиспытатели останавливали свое вниманіе на той правильности, съ какою ежегодно повторяются нѣкоторыя обстоятельства этихъ переселеній, напр., время появленія весеннихъ гостей, порядокъ, въ которомъ прилетаютъ къ намъ различныя птицы и т. д. Многія подробности явленія и до сего времени остаются загадочными. Не выясненъ, напримѣръ, вопросъ о томъ, чѣмъ руководятся птицы въ выборѣ того или другого пролетнаго пути, какъ и при помощи какого чувства отыскиваютъ онѣ дорогу, какое мѣсто слѣдуетъ считать первоначальной родиной той или другой породы птицъ, будетъ ли этой родиной мѣсто лѣтняго пребыванія, гдѣ птица гнѣздится, или мѣсто зимовки, или, можетъ быть, этотъ вопросъ не имѣетъ одного общаго разрѣшенія для всѣхъ птицъ, а въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ рѣшается различно. Еще недавно, пытаясь объяснить загадочныя стороны миграцій птицъ, орнитологи считали всѣ подробности правильныхъ періодическихъ переселеній проявленіемъ особаго миграціоннаго инстинкта. Въ доказательство существованія такого инстинкта приводили тотъ фактъ, что дикія птицы, находящіяся въ неволѣ, при наступленіи времени прилета или отлета, начинаютъ обнаруживать явное безпокойство. Понимая подъ словомъ инстинктъ безсознательное побужденіе, заставляющее животныхъ поступать такъ или иначе, но непремѣнно въ интересахъ собственноой породы, мы, конечно, должны считать миграціи птицъ явленіемъ инстинктивнымъ; однако, какъ бы мы ни называли явленіе, интересующій насъ вопросъ ни мало не выигрываетъ въ ясности. Считать какую-нибудь особенность въ жизни животныхъ проявленіемъ инстинкта,—это еще не значитъ объяснить эту особенность; необходимо еще показать, какія причины первоначально вызвали тотъ или другой инстинктъ и какъ онъ развивался. Въ этомъ смыслѣ самыя замысловатыя проявленія безсознательной дѣятельности муравьевъ, пчелъ или птицъ при постройкѣ ими гнѣздъ, не кажутся намъ загадочными. Не составляетъ, напримѣръ, никакихъ затрудненій объяснить, какимъ путемъ сложился удивительный рабовладѣльческій инстинктъ у муравьевъ. Достаточно представить себѣ, что когда-то, чисто случайно, колонія муравьевъ затащила въ свое гнѣздо личинку муравья другой породы и выкормила эту личинку; новый муравей превратился въ работника и своей персоной увеличилъ могущество колоніи. Тѣмъ самымъ порода, изъ которой эта колонія состояла, получила извѣстныя преимущества въ борьбѣ за существованіе, пріобрѣла новый шансъ уцѣлѣть въ этой борьбѣ и оставить послѣ себя потомство. Обычай таскать въ свое гнѣздо чужихъ личи-

нокъ, какъ полезная особенность, путемъ естественнаго подбора легко могъ сдѣлаться наслѣдственнымъ и принять форму инстинкта. Столь же понятны намъ и многіе другіе виды безсознательной дѣятельности животныхъ, напр., обыкновеніе собирать запасы, строить гнѣзда и проч. Нѣчто иное представляетъ переселенческій инстинктъ птицъ. Мы не можемъ объяснить, по какой причинѣ та или другая порода этихъ животныхъ, первоначально жившая осѣдло, вдругъ полетѣла на сѣверъ или на югъ, и какъ она узнала, что именно въ томъ направленіи, куда она полетѣла, имѣются лучшія условія для ея существованія въ теченіе опредѣленнаго времени года. Еще болѣе неяснымъ кажется намъ вопросъ о томъ, при помощи какихъ чувствъ птицы узнаютъ дорогу во время своихъ періодическихъ переселеній, амплитуда которыхъ равняется иногда 10.000 верстъ. Если допустить, что птицы отличаются превосходной памятью, то остается непонятнымъ, какъ могутъ находить дорогу молодыя птицы, ту самую дорогу, по которой онѣ летятъ въ первый разъ; извѣстно, что у многихъ породъ молодыя птицы летятъ отдѣльно отъ старыхъ, стало быть, не пользуются указаніями своихъ опытныхъ товарищей. До какой степени точно знаютъ свои пролетные пути мигрирующія птицы, показываетъ тотъ фактъ, замѣченный, напримѣръ, на ласточкахъ и аистахъ, что птицы хотя бы Сѣверной Европы, перезимовавшія въ центральной Африкѣ, возвращаются весной не только въ тотъ районъ, гдѣ онѣ гнѣздились въ предшествовавшемъ году, но даже въ свое прежнее гнѣздо.

За послѣднее десятилѣтіе появилось не мало научныхъ работъ, въ которыхъ многіе изъ этихъ темныхъ вопросовъ въ значительной степени разъяснены. Въ особенности много способствовало разъясненію ихъ одно довольно прочно установленное научное положеніе, со времени появленія котораго, по нашему мнѣнію, надо считать новую эру въ исторіи вопроса о переселеніяхъ птицъ. Это положеніе заключается въ томъ, что современныя перелетныя птицы во время своихъ миграцій летятъ по одному изъ тѣхъ направленій, по какому ихъ предки разселялись шагъ за шагомъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе въ теченіе вѣковъ, занимая все большій и большій участокъ земного шара. Къ такому выводу приходятъ на томъ основаніи, что многія птицы, гнѣздящіяся въ средней или даже восточной Сибири, летятъ на зимовку исключительно въ Африку, а не въ Индію, до которой онѣ могли бы долетѣть скорѣе, и гдѣ онѣ нашли бы тѣ же условія зимовки, что и въ Африкѣ. Точно также нѣкоторыя породы, вьющія гнѣзда въ средней Европѣ, улетаютъ на зиму исключительно въ Индію, а не въ Африку. Очевидно, эти птицы не подозрѣваютъ того, что прямо на югъ отъ мѣста ихъ гнѣздованія находится страна, гдѣ онѣ съ большимъ удобствомъ могли бы провести зиму. Фактъ такой непроизводительной траты времени и силъ на огромный перелетъ чрезъ Сибирь въ Африку, или чрезъ Европу въ Индію объясняется тѣмъ, что породы птицъ, летящія по такимъ окольнымъ дорогамъ, первоначально появились въ опредѣленной точкѣ на линіи этихъ путей. Изъ этой точки, какъ изъ центра, по мѣрѣ раз-

множенія изъ поколѣнія въ поколѣніе особи данной породы разселялись во всѣ стороны по радіусамъ, между прочимъ, и въ томъ направленіи, въ какомъ современные ихъ потомки совершаютъ свои ежегодныя переселенія. Другими словами, современныя птицы въ своихъ миграціяхъ ежегодно повторяютъ тотъ путь, по которому предки ихъ медленно и постепенно разселялись по лицу земли.

Хотя литература по вопросу о миграціяхъ птицъ довольно обширна, но она чрезвычайно разбросана, и до появленія въ свѣтъ разсматриваемаго сочиненія Диксона не было ни одной попытки свести ее въ одно цѣлое. Заслуга этого автора именно и заключается въ томъ, что онъ приводитъ къ одному знаменателю главнѣйшія изслѣдованія по названному вопросу, не упуская изъ виду и работъ послѣдняго десятилѣтія. Во всемъ, что касается изложенія содержанія иностранныхъ сочиненій, трудъ Диксона выполненъ достаточно обстоятельно, и, что всего важнѣе для неспеціалистовъ, написанъ довольно популярно; русскую же литературу авторъ систематически игнорируетъ, или, вѣрнѣе, обнаруживаетъ полное незнакомство съ ней. Такова, видно, ужъ участь нашихъ изслѣдованій. Между тѣмъ, не изъ патріотизма только ставимъ мы этотъ упрекъ Диксону. Познакомившись съ нашей литературой, авторъ убѣдился бы, что блестящая мысль о совпаденіи пролетныхъ путей мигрирующихъ птицъ съ путями, по которымъ ихъ предки разселялись изъ вѣка въ вѣкъ, первоначально была высказана не англичаниномъ Зибомомъ, а русскимъ ученымъ Мензбиромъ, который двумя годами раньше Зибома заявилъ это положеніе нисколько не менѣе ясно. Изъ сочиненія русскаго академика Миддендорфа Диксонъ познакомился бы съ изопинтезами, т. е. съ линіями одновременнаго прилета, о которыхъ авторъ не упоминаетъ ни единымъ словомъ. Труды того же Мензбира, а также Сѣверцова показали бы ему, что въ Россіи хорошо изучены и нанесены на карту пролетные пути многихъ птицъ. Съ такимъ игнорированіемъ русскихъ работъ можно было бы помириться, если бы онѣ были напечатаны на русскомъ языкѣ, между тѣмъ, указанныя сочиненія русскихъ авторовъ написаны на языкахъ французскомъ и нѣмецкомъ.

Къ числу недостатковъ сочиненія Диксона мы относимъ также слишкомъ довѣрчивое отношеніе автора къ показаніямъ многихъ мало авторитетныхъ натуралистовъ. Ссылаясь на свидѣтельство этихъ наблюдателей, онъ высказываетъ увѣренность въ возможность зимней спячки у птицъ, при чемъ самъ Диксонъ разсчитываетъ на то, что ему придется «подвергнуться безпощадной критикѣ за такую ересь». Безпощадной критикой мы заниматься не станемъ, отмѣтимъ только тотъ фактъ, что всѣ предположенія относительно возможности зимней спячки птицъ основаны или на неточныхъ наблюденіяхъ, или на нелѣпыхъ басняхъ писателей прошлаго столѣтія. Въ настоящее время, когда жизнь птицъ изучается достаточно полно, едва ли можно серьезно говорить о подобныхъ предположеніяхъ. Точно также намъ кажется ошибочнымъ увѣреніе Диксона, заимствованное, вѣроятно, у гельголанд-

скаго наблюдателя Гетке, будто стрижи летятъ со скоростью 200 миль въ часъ. Считая обыкновенную англійскую милю равной, приблизительно $1^1/_4$ версты, мы получимъ поистинѣ космическую скорость 350 верстъ въ часъ. На самомъ же дѣлѣ точныя наблюденія надъ быстротой полета почтовыхъ голубей, птицъ, какъ извѣстно, летающихъ быстро, показали, что скорость его при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ не превосходитъ 80—100 верстъ въ часъ.

Не смотря на указанные недостатки, книга Диксона является очень полезнымъ вкладомъ въ научную литературу. Такъ какъ сочиненіе изложено достаточно популярно и вопросъ, затронутый въ немъ, можетъ заинтересовать всякаго любителя природы, то намъ остается только порадоваться, что книга Диксона появилась въ русскомъ переводѣ. Къ сожалѣнію, переводъ этотъ нельзя считать вполнѣ удачнымъ. Прежде всего непріятно поражаетъ тяжелый, подчасъ неточный, языкъ. Въ качествѣ примѣровъ укажемъ: птицы проводятъ зиму «выше изотермической линіи преобладающаго снѣга и мороза» (стр. 146). Размѣры перелетовъ «превосходятъ почти всякое невѣроятіе» (стр. 213). «Краткость перелетнаго полета» (стр. 24) и т. д. Мѣстами англійскіе научные термины, переводимые вполнѣ опредѣленными терминами и по русски, переданы, такъ сказать, своими словами. Такъ, вмѣсто выраженія «постъ-пліоценовый», переводчица всюду употребляетъ «попліоценовый»; ледниковую эпоху на стр. 26 она называетъ также и ледяной эпохой. Астрономическое выраженіе «equinoctical precession» г-жа Шереметева переводитъ выраженіемъ «равноденственная прецессія» (стр. 131), тогда какъ въ русскомъ языкѣ для названнаго явленія имѣется опредѣленный терминъ «предвареніе равноденствій». Мѣстами мысль автора передана неясно и не совсѣмъ точно. Такъ, на стр. 115 Диксонъ говоритъ: «More local, but none tle less certain, causes of emigrition may be found in tle great numerical increase of species». Г-жа Шереметева переводитъ: (стр. 106) «Не менѣе очевидная, хотя и болѣе мѣстная, причина переселенія заключается *въ огромномъ увеличеніи численности видовъ*». На самомъ же дѣлѣ авторъ говоритъ не объ увеличеніи численности видовъ, а о численномъ возростаніи вида, т. е. объ увеличеніи количества особей вида. Названіе таблицъ, показывающихъ продолжительность перелета птицъ въ Англіи «Table showing the duration of flight» переведено: «таблица, показывающая продолжительность полета». Хотя слово «*flight*» въ дѣйствительности и значитъ полетъ, но въ данномъ случаѣ рѣчь, безъ всякаго сомнѣнія, идетъ не о продолжительности полета, т. е. не о времени, въ теченіе котораго птицы могутъ летѣть, не присаживаясь, и не о томъ промежуткѣ времени. который нуженъ птицѣ для того, чтобы изъ мѣстъ зимовки достигнуть Англіи, —въ этихъ таблицахъ Диксонъ отмѣчаетъ періодъ времени, въ теченіе котораго перелетъ разныхъ птицъ начинается въ Англіи и кончается, т. е. продолжительность перелета. Въ заключеніе считаемъ необходимымъ исправить ошибку или описку Диксона, вошедшую и въ русскій переводъ. Млекопи-

тающее Rhinoceros lemitaechus авторъ называетъ гиппопотамомъ, между тѣмъ это носорогъ.

НАРОДНЫЯ ИЗДАНІЯ.

Изданія книжнаго склада А. М. Муриновой. — Изданія «Посредника». — Изданія И. Ѳ. Жиркова. — Изданія Дм. Ив. Тихомірова. — Изданія книжнаго склада А. М. Калмыковой. — Изданія С.-Петербургскаго Комитета грамотности. Книжный складъ А. М. Муриновой очень недавно началъ свою издательскую дѣятельность и выпустилъ уже девятнадцать номеровъ народныхъ книжекъ. Этой фирмой издано нѣсколько разсказовъ Н. Златовратскаго, Вл. Короленко, Вас. И. Немировича-Данченко, Д. Мамина-Сибирика, нѣсколько книжекъ дѣлового содержанія, по естествознанію, по исторіи, нѣсколько біографій писателей. Не говоря о тѣхъ изданіяхъ, на которыхъ стоятъ имена извѣстныхъ авторовъ, всѣ остальные номера можно смѣло рекомендовать для школъ и народа. Если не всѣ книжки одинаково хороши, то каждая изъ нихъ все же обладаетъ извѣстными достоинствами. Передъ нами недавно вышедшая брошюрка г. Ч. Вѣтринскаго «Н. В. Гоголь и его произведенія» съ очень недурнымъ портретомъ на обложкѣ и передъ текстомъ. Это кратко, но хорошимъ литературнымъ языкомъ написанная біографія Гоголя въ связи съ его главнѣйшими произведеніями, содержаніе которыхъ тоже передано живо и интересно. Въ концѣ приложено пятое дѣйствіе изъ комедіи «Ревизоръ». Г-мъ Ч. Вѣтринскимъ составлены и ранѣе изданныя складомъ А. М. Муриновой біографіи А. В. Кольцова, И. С. Никитина, Т. Г. Шевченко, И. С. Тургенева. Всѣ эти біографіи заслуживаютъ такого же вниманія, какъ и біографія Н. В. Гоголя. Книжка, написанная г. В. Я. Я—въ, «Георгъ Вашингтонъ» представляетъ обстоятельно изложенную исторію Америки и основанія Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Книжка очень полезная, но нужно замѣтить, что она доступна пониманію читателя уже съ нѣкоторой подготовкой и съ значительнымъ навыкомъ въ чтеніи серьезныхъ книгъ. Составленныя г. А. Сельскимъ «Бесѣды о землѣ» даютъ читателю понятія о формѣ земли и разъясняютъ законы взаимнаго притяженія. Темы, взятыя авторомъ, безспорно, принадлежатъ къ наиболѣе труднымъ для разработки въ народномъ изданіи.

Фирма «Посредника» выпустила за послѣднее время еще нѣсколько книжекъ. Между ними особенно выдѣляется «Натанъ Мудрый», драма Г. Лессинга, въ переводѣ г. С. А. Порѣцкаго. Эта книжка представляетъ цѣнное пріобрѣтеніе въ народной литературѣ. Переводъ сдѣланъ хорошимъ языкомъ и хотя съ нѣкоторыми сокращеніями противъ подлинника, но не нарушающими цѣлостности драмы. Деревенскія сцены г. С. Т. Семенова «Не все то золото, что блеститъ или по одежкѣ встрѣчаютъ, а по уму провожаютъ» направлены противъ обольщенія внѣшнимъ лоскомъ,

пріобрѣтаемымъ простымъ деревенскимъ человѣкомъ въ городахъ. Читаются сцены съ интересомъ, написаны довольно живо и въ бытовомъ отношеніи вѣрны дѣйствительности, но тенденція пришита къ нимъ бѣлыми нитками и слишкомъ ужъ выглядываетъ наружу. Брошюра г. І. А. Клейбера «о томъ, что видно на небѣ» отчасти трактуетъ о томъ же, о чемъ говорится и въ «Бесѣдахъ о землѣ» г. А. Сельскаго, но разница между ними большая. Не мудрствуя лукаво, спокойно и просто повѣствуетъ авторъ о формѣ земли и о силѣ притяженія. Это не главная тема его брошюры, но ему все это нужно объяснить, чтобы перейти къ главному предмету, къ тому, что видно на небѣ. Объ этомъ разсказано тоже очень хорошо и литературнымъ языкомъ, что вмѣстѣ съ помѣщенными кстати чертежами даетъ читателю возможность вынести изъ брошюрки не мало свѣдѣній. Въ концѣ приложено прекрасное стихотвореніе А. Хомякова «Звѣзды».

Изданныя И. Ѳ. Жирковымъ «Басни Крылова» подобраны въ четыре книжечки: для младшаго, средняго, старшаго и зрѣлаго возрастовъ. Подборъ сдѣланъ удачно, а мысль раздѣлить басни по доступности пониманія въ разные возрасты нужно признать правильною. Въ публикѣ существуетъ относительно басенъ Крылова такое же заблужденіе, какъ и относительно сказокъ Андерсена — будто бы всѣ онѣ писаны для дѣтей. Это, конечно, невѣрно, и такія басни, какъ «Вельможа», «Лисица и сурокъ», «Рыцарь», «Лещи» и многія другія дѣтямъ совершенно непонятны и объяснить ихъ трудно. Книжки изданы чисто и каждая стоитъ 5 коп., заключая въ себѣ отъ 47 до 54 басенъ.

Книжка, изданная Дм. Ив. Тихомировымъ, «Два разсказа Д. Н. Мамина-Сибиряка», стоитъ довольно дорого—за 37 страницъ крупной печати 10 коп. Въ книжкѣ, правда, двѣ картинки, но исполнены онѣ такъ плохо, что лучше бы ихъ и не прикладывать. Оба разсказа г. Мамина-Сибиряка очень хороши, но лучшій изъ нихъ «Ангелочки».

Изданный отдѣльно книжнымъ складомъ А. М. Калмыковой разсказъ покойнаго профессора петербургскаго университета М. Н. Богданова «Карпушкинъ родникъ», входитъ въ составъ сборника талантливыхъ статей покойнагв автора подъ общимъ заглавіемъ: «Изъ жизни русской природы». Раньше всѣ эти статьи печатались въ дѣтскомъ журналѣ «Родникъ». Изданный теперь разсказъ написанъ на тему: «знанье—сила». Разсказъ написанъ такимъ же хорошимъ языкомъ, какъ и все, написанное покойнымъ М. Н. Богдановымъ. Другой разсказъ, напечатанный въ этой же книжкѣ, о Жозефѣ Реми, открывшемъ способъ искуственнаго разведенія рыбы, также написанъ очень хорошо и дышетъ жизненной правдой.

Издательская дѣятельность Петербургскаго Комитета грамотности при Вольно-Экономическомъ Обществѣ въ послѣднее время его существованія все возрастала. Цѣлый рядъ его изданій выпущенъ былъ въ концѣ октября и въ ноябрѣ 1895 года. Имена авторовъ изданныхъ разсказовъ достаточно свидѣтельствуютъ, съ какимъ серьезнымъ вниманіемъ относился Комитетъ къ важному дѣлу распространенія среди народа хорошихъ книгъ.

Ф. Д. Нефедовъ, А. А. Потѣхинъ, Марко Вовчокъ, Л. Н. Толстой и В. Г. Короленко писали свои произведенія для всего народа, совершенно понятныя для него вещи и на понятномъ ему языкѣ. Петербургскій Комитетъ грамотности постоянно задавался цѣлью знакомить народъ съ произведеніями только лучшихъ русскихъ и иностранныхъ авторовъ. Всѣ изданія Комитета отличались дешевизной и изяществомъ. Многія книжки украшены хорошими рисунками. Напримѣръ, разсказы Л. Н. Толстого: «Гдѣ любовь, тамъ и Богъ» и «Кавказскій плѣнникъ», соединенныя въ одну брошюру, стоютъ всего 3 коп., и очень недурно иллюстрированы. Эти разсказы были изданы ранѣе г. Сытинымъ по той же цѣнѣ, но далеко не такъ изящно. Прелестные разсказы Марко Вовчка давно уже ожидали своей очереди попасть «въ народъ», откуда они и были почерпнуты покойнымъ авторомъ. Теперь, благодаря Петербургскому Комитету грамотности, двери для нихъ туда открыты. «Саша», «Казачка», «Одарка», «Горпина», «Сестра», «Лядащая», изданныя раньше, и вышедшія теперь: «Павло Чернокрылъ», «Сказка о девяти братьяхъ разбойникахъ» и «Маруся» разнесутъ по всей Россіи добрыя чувства, волновавшія ихъ творца, разнесутъ вмѣстѣ съ его именемъ, неизвѣстнымъ до сихъ поръ народу, и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣжнымъ колоритомъ, который такъ свойственъ малорусской поэзіи. Произведенія Ф. Д. Нефедова и А. А. Потѣхина тоже принесутъ не мало наслажденія и прочтутся всѣми грамотными людьми, до кого только дойдутъ. А нужно думать, что, благодаря своей дешевизнѣ, дойдутъ они всюду. Насколько дешевы были изданія Комитета можно судить хоть бы потому, что повѣсть А. А. Потѣхина «На міру» въ 196 стр. (больше 12 печатныхъ листовъ), стоитъ всего 18 коп. Можно съ полною увѣренностью сказать, что издательская дѣятельность Петербургскаго Комитета грамотности не прошла безслѣдно и не одно спасибо будетъ сказано по его адресу въ самыхъ отдаленныхъ углахъ Россіи. «Указанія къ устройству читаленъ и пр.» появляется третьимъ изданіемъ въ самое короткое время. Одно это уже указываетъ на несомнѣнную его пользу. И, дѣйствительно, при томъ распространеніи народныхъ библіотекъ-читаленъ, которое замѣчается въ послѣднее время, книжка эта служитъ необходимымъ руководствомъ и указателемъ. Помимо узаконеній, касающихся безплатныхъ читаленъ, она заключаетъ примѣрные уставы такихъ читаленъ, кѣмъ бы онѣ ни учреждались, а также формы прошеній объ ихъ открытіи и примѣрный каталогъ для библіотеки въ 290 руб. Такая брошюра можетъ быть полезной справочной книжкой для всякаго и стоитъ очень дешево, всего 10 коп.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«Le roman en France pendant le XIX siècle» par Eugène Gilbert (Plon, Nourrit et C°). Paris. (Романъ во Франціи въ XIX вѣкѣ). Романическая литература во Франціи достигла очень большого развитія въ концѣ этого вѣка и романъ теперь занялъ первенствующее мѣсто. Въ XVII и даже XVIII вѣкѣ къ этому роду литературы относились довольно-таки презрительно, и онъ считался легкомысленнымъ жанромъ, стоящимъ гораздо ниже другихъ, благородныхъ жанровъ литературы. Но въ XIX вѣкѣ романъ, мало-по-малу, сталъ выдвигаться на первый планъ и даже заслонилъ собою другіе роды литературнаго творчества. Авторъ вышеуказанной книги разсматриваетъ развитіе романической литературы во Франціи съ исторической, философской, эстетической и нравственной точки зрѣнія. Онъ указываетъ, какъ отразились въ романѣ различныя литературныя и общественныя теченія и настроенія, и знакомитъ съ современными литературными школами во Франціи. Читатель, интересующійся современною французскою литературой, найдетъ въ этой книгѣ много разъясненій и цѣнныхъ указаній.

(Revue des Revues).

«The Making of the Nation 1783—1817» by Francis A. Walker (Sampson Lowand C°). (Образованіе націи). Очень интересная книга, въ которой подробно разсказывается исторія борьбы Соединенныхъ Штатовъ Америки за свою независимость и первые шаги великой американской республики, достигшей самостоятельности и свободы. Авторъ схватываетъ главныя черты великаго американскаго движенія и указываетъ на причины успѣха американцевъ на поприщѣ гражданской самостоятельности и независимости.

(Daily News).

«La femme devant la science» par Jacques Lourbet, Paris. (Женщина передъ наукой). Авторъ этой книги, французскій философъ, принадлежитъ къ числу защитниковъ и сторонниковъ женщинъ въ ихъ борьбѣ за самостоятельность и равноправность. Въ очень основательномъ и изобилующемъ фактическими данными трудѣ онъ старается, по возможности, безпристрастно разсмотрѣть всѣ доводы pro и contra, выдвигаемые на сцену противниками и сторонниками женской равноправности. Заключенія, къ которымъ приходитъ авторъ, могутъ подѣйствовать ободряющимъ образомъ на женщинъ, добивающихся самостоятельности и желающихъ вступить въ состязаніе съ мужчиной на различныхъ поприщахъ общественной и научной дѣятельности. (Journal des Débats).

«The Evolution of Industry» by Henry Dyer (Macmillian and C°). (Эволюція промышленности). Авторъ этой книги пользуется извѣстностью, какъ писатель по различнымъ вопросамъ политической экономіи. На этотъ разъ онъ касается въ своей книгѣ одной изъ важныхъ проблемъ политической экономіи, выдвинутыхъ на сцену необычайнымъ ростомъ промышленности и введеніемъ машиннаго производства.

(Popular Science Monthly).

«The Art of Newspaper Making» Three Lectures. By Charles A. Dana (D. Appleton and C°). New-York. (Искусство дѣлать газету). Изданіе газеты, которая могла бы привлечь огромный контингентъ читателей, безъ сомнѣнія, представляетъ не легкое дѣло. Авторъ, однако, можетъ считаться вполнѣ компетентнымъ судьею въ этомъ дѣлѣ; онъ изучилъ это искусство въ Америкѣ, гдѣ считается старѣйшимъ изъ газетныхъ издателей и поэтому обладаетъ большою опытностью.

(Daily News).

«*The Story of primitive man*» *by Edward Clodd* (*Appleton and C°*) *Illustrated.* (*Исторiя первобытнаго человѣка*). Въ этой книгѣ собраны результаты новѣйшихъ изслѣдованiй въ области первобытной исторiи человѣческой расы. Такъ же, какъ и предшествующее сочиненiе автора «Story of the Stars» (Исторiя звѣздъ), эта книга написана яснымъ, сжатымъ и образнымъ языкомъ, безъ всякихъ лишнихъ техническихъ выраженiй и фразъ и даетъ полное понятiе о ранней исторiи человѣчества. Текстъ сопровождается и поясняется множествомъ прекрасно исполненныхъ иллюстрацiй.

(Popular Science Monthly).

«*The Making of the Body*» *by M-rs S. A. Barnett.* (*London and New-York: Longmans, Green and C°*). (*Строенiе тѣла*). Книга написана съ цѣлью заинтересовать дѣтей и взрослыхъ, не имѣющихъ никакихъ, даже элементарныхъ понятiй о физiологiи, въ строенiи собственнаго тѣла. Благодаря ясности изложенiя, отсутствiю техническихъ выраженiй, поясненiю примѣрами и разсказами, книга эта вполнѣ достигаетъ своей цѣли. (Daily News).

«*The Education of the Greek People and its influence on civilization*» *by Thomas Davidson. International Education Series. New-York* (*D. Appleton and C°*). (*Воспитанiе греческаго народа и его влiянiе на цивилизацiю*). Цѣль автора—показать, «какъ воспитался постепенно греческiй народъ и достигъ той степени культуры, которая сдѣлала изъ него учителей всего мiра и каковы были результаты этого воспитанiя». Послѣ вступительной главы, въ которой авторъ говоритъ о цѣляхъ и общей формѣ воспитанiя, онъ переходитъ къ изображенiю древнегреческой жизни и ея идеаловъ и системы воспитанiя, существовавшей до и послѣ появленiя философскихъ ученiй. Онъ указываетъ далѣе, какое огромное влiянiе на греческую культуру оказали двѣ великiя религiи Востока, религiя Зороастра и iудейское ученiе, а также гражданскiй строй Рима. Вообще изъ этой книги можно почерпнуть гораздо болѣе основательное знанiе античнаго мiра, нежели изъ всѣхъ до нынѣ существующихъ учебниковъ по исторiи Грецiи и литературѣ.

(Popular Science Monthly).

«*The Natural History of Aquatic insects*» *by Professor J. C. Miall. F. R. S. With Illustrations by A. R. Hammond* (*Macmillian and C°*). (*Естественная исторiя водяныхъ насѣкомыхъ*). Появленiе этой книги знаменуетъ какъ бы новую эру въ бiологiи. Въ прошломъ столѣтiи «натуръ-философы», изучавшiе органическую жизнь нѣсколько иначе, нежели обыкновенные собиратели коллекцiй и классификаторы, не считали лишнимъ наблюдать и повѣствовать о нравахъ и привычкахъ животныхъ, надъ которыми они производили свои изслѣдованiя. Но изученiе этого важнаго отдѣла естественной исторiи предоставлено было затѣмъ окончательно любителямъ, и только теперь профессора и студенты обнаруживаютъ стремленiе вернуться на старый путь, бывшiй весьма плодотворнымъ для науки. Вышеназванная книга указываетъ на такое возвращенiе къ старому методу; она очень хорошо написана, прекрасно иллюстрирована и полна интереса.

(University Extension Journal).

«*Hans Christian Andersen*» *a Biography. By M. Nisbet Bain Illustrated* (*Lawrence and Bullens*). (*Гансъ Христiанъ Андерсенъ, бiографiя*). Кому неизвѣстно имя Андерсена, сказками котораго зачитываются до сихъ поръ дѣти всѣхъ цивилизованныхъ странъ? Сказки Андерсена переведены на всѣ европейскiе языки и имя его пользуется огромною популярностью; бiографiя его, конечно, должна представить не малый интересъ, тѣмъ болѣе, что онъ былъ въ высшей степени оригинальный человѣкъ и о немъ трудно составить себѣ понятiе изъ его литературныхъ произведенiй. Онъ очень много путешествовалъ по Европѣ и находился въ болѣе или менѣе близкихъ отношенiяхъ со всѣми литературными знаменитостями своего времени. (Athaeneum).

«*How to write Fiction*» (*Bellairs and C°*). (*Какъ писать повѣсти*). Можно обучить живописцевъ рисованiю, музыкантовъ—композицiи, — почему же нельзя обучить писателей сочинять хорошенькiе разсказы? Авторъ названной книги полагаетъ, что это возможно, и на этомъ основанiи издаетъ свое оригинальное руководство къ писанiю повѣстей. Въ предисловiи авторъ увѣряетъ, что методъ его былъ испробованъ на практикѣ и далъ хорошiе результаты. Во всякомъ случаѣ, его оригинальное руководство, навѣрное, прочтется съ интересомъ не одними только настоящими или будущими авторами повѣстей. (Bookseller).

«*A woman's words to women*» *by Mary Sharlieb. M. D.* (*Swan Sonnenschein and C°*). (*Слово женщины къ женщинамъ*). Авторъ этой небольшой, но очень полезной книги—женщина, докторъ медицины, долго практиковавшая въ Англiи и Индiи. Совѣты, которые она препо-

даетъ женщинамъ въ своей книгѣ, заслуживаютъ полнаго вниманія, такъ какъ они являются результатомъ долговременнаго опыта и наблюденія.

(Bookseller).

«*Village Tales and Jungle Tragedies*» *by B. M. Croker* (*Chatts and Windus*). (*Деревенскіе разсказы и трагедіи джунглей*). Авторъ этихъ разсказовъ, мистриссъ Крукеръ, основательно знакома съ условіями жизни въ Индіи и характеромъ ея населенія и поэтому ея разсказы, написанные очень живо и увлекательно, представляютъ особенный интересъ, тѣмъ болѣе, что обрисовываютъ жизнь глухихъ уголковъ Индіи, деревень, затерявшихся въ лѣсахъ или въ джунгляхъ. Передъ глазами читателя проходятъ картины индійской природы, ея красотъ и опасностей, угрожающихъ человѣку на каждомъ шагу. Очень хорошъ разсказъ, гдѣ героемъ является слонъ, и другой, мѣсто дѣйствія котораго происходитъ въ одной изъ интереснѣйшихъ мѣстностей Индіи, въ Раджпутанѣ.

(Bookseller).

«*The Darleys of Dingo Dingo*» *by J. C. Mac Carteè* (*Gay and Bird*). (*Разсказы изъ австралійской жизни*). Эти современные австралійскіе разсказы интересны въ томъ отношеніи, что они прекрасно обрисовываютъ постепенное исчезаніе первобытной дикости въ странѣ, насажденіе цивилизаціи и появленіе цвѣтущихъ колоній и городовъ. Эпизоды колоніальной жизни, борьба съ природой и первобытными обитателями, которыхъ европейцы изгнали изъ ихъ владѣній, разсказаны очень увлекательно и живо.

(Bookseller).

«*Thirteen Doctors*» *by M-rs J. K. Spender* (*Junes and C⁰*). (*Тринадцать врачей*). Врачамъ, безъ сомнѣнія, уже вслѣдствіе своей профессіи, приходится наталкиваться на очень любопытные эпизоды человѣческой жизни и имѣть дѣло съ весьма разнообразными проявленіями человѣческой природы и характера; опытъ ихъ въ этомъ отношеніи долженъ быть очень великъ. Исходя изъ этого убѣжденія, авторъ и собралъ въ своей книгѣ разсказы тринадцати врачей, могущіе заинтересовать читателей.

(Bookseller).

«*The River Kongo*» *by H. H. Sohnston* (*Low, Marston and C⁰*). (*Рѣка Конго*). Путешествія всегда возбуждаютъ интересъ читателей, особенно если они описаны живымъ, увлекательнымъ языкомъ, какимъ владѣетъ авторъ названной книги, въ которой онъ разсказываетъ свои приключенія и наблюденія въ Конго.

(Bookseller).

«*The Chemistry of the Farm*» *by R. Warington* (*Vinton and C⁰*). (*Химія фермы*). Эта небольшая книга вышла уже девятымъ изданіемъ и ужъ это одно указываетъ на то, что она удовлетворяетъ своей цѣли — служить хорошимъ руководствомъ для фермеровъ при веденіи хозяйства, (Bookseller).

«*The Training of Teachers in the United States of America*» *by Amy Blanche Bramwéll and H. Millicent Hugues* (*Sonnenschein and C⁰*). (*Приготовленіе учителей въ Соединенныхъ Штатахъ С. Америки*). Миссъ Брамвелль и миссъ Гюгсъ отправились въ Америку съ цѣлью познакомиться поближе съ принципами и практикою педагогической подготовки въ Америкѣ и собрать какъ можно болѣе фактовъ, которые могли бы способствовать разрѣшенію многихъ очень важныхъ вопросовъ, касающихся современнаго воспитанія. Американская воспитательная система во многихъ отношеніяхъ отличается отъ европейской и поэтому уже представляетъ огромный интересъ для европейцевъ. Американцы примѣнили на практикѣ многія теоретическія идеи педагогики и европейцы имѣютъ возможность видѣть уже результаты и судить о нихъ, что вдвойнѣ поучительно. Вотъ почему вышеназванная книга должна представить не малый интересъ для читателей, занимающихся вопросами воспитанія.

(Literary World).

«*Methods of Education in the United States*» *by Alice Zimmern* (*Sonnenschein and C⁰*). (*Методы воспитанія въ Соединенныхъ Штатахъ*). Авторъ этой книги, миссъ Циммернъ, обращаетъ свое вниманіе на воспитаніе дѣвочекъ въ Соединенныхъ Штатахъ и описываетъ смѣшанныя школы, коллегіи и университеты, въ которыхъ американскія дѣвушки заканчиваютъ свое образованіе. Не смотря на то, что миссъ Циммернъ не располагала достаточно временемъ, чтобы изучить во всѣхъ подробностяхъ систему американскаго воспитанія, такъ какъ въ каждомъ штатѣ существуетъ своя собственная школьная организація и во всей странѣ насчитывается не менѣе 600 воспитательныхъ учрежденій или коллегій, дающихъ ученыя степени, она все-таки видѣла много и «видѣла хорошо» и поэтому ея книга представляетъ огромный интересъ. Миссъ Циммернъ особенно отмѣчаетъ «общую заботливость о воспитаніи», которая составляетъ характерную черту каждаго штата въ Америкѣ: Въ системѣ преподаванія, господствующей въ Америкѣ, выражается главное ея отличіе отъ евро-

пейской педагогической системы. Во всѣхъ американскихъ школахъ устнымъ занятіямъ отдается предпочтеніе передъ письменными. Отъ американскаго школьника требуется, чтобы онъ умѣлъ говорить «ясно и отчетливо» и выражать мысли толково и безъ лишнихъ словъ. Все это ведетъ къ тому, что какъ дѣвочки, такъ и мальчики уже съ раннихъ лѣтъ пріучаются говорить публично и впослѣдствіи безъ всякихъ затрудненій выступаютъ въ качествѣ ораторовъ на митингахъ. (Athaeneum).

«Men, Cities, and Events» by W. Beatty Kingston (Bliss, Sand and Faster). (Люди, города и событія). Авторъ этой, очень занимательной книги, въ теченіе тридцати лѣтъ былъ корреспондентомъ одной изъ большихъ лондонскихъ газетъ, «Daily Telegraph». Разумѣется, благодаря своей профессіи журналиста, ему пришлось перебывать въ разныхъ странахъ и перезнакомиться со многими выдающимися личностями; поэтому, его повѣствованіе о личныхъ встрѣчахъ и разговорахъ и приключеніяхъ, выпавшихъ на его долю, во время поисковъ матеріала для корреспонденцій, весьма интересно и мѣстами преисполнено юмора. Нѣкоторыя изъ современныхъ знаменитостей встаютъ какъ живые передъ глазами читателя въ разсказѣ журналиста, описывающаго свое «interview» съ ними. Тридцатилѣтній опытъ журналиста, конечно, что-нибудь да значитъ и автору естественно пришлось быть свидѣтелемъ многихъ интересныхъ событій и встрѣчаться со многими интересными личностями въ своей жизни. (Athaeneum).

«Life and Labour or Characteristics of Men of industry, Talent and Genius». By V-r Smiles. (Жизнь и трудъ или характеристики промышленныхъ дѣятелей, таланта и генія). Никакая другая книга не сдѣлала столько для того, чтобы поставить трудъ на должную высоту, какъ это сочиненіе, преисполненное самаго горячаго и возвышеннаго энтузіазма. Авторъ (Смайльсъ) настолько извѣстенъ читающей публикѣ, что хвалить его книгу было бы безполезно. (Athaeneum).

«Missionary Heroines in Eastern Lands». By M-rs E. R. Pitman (S. W. Partridge and C°). (Героини миссіонерской дѣятельности въ восточныхъ странахъ). Миссіонерская дѣятельность зачастую бываетъ сопряжена съ опасностями для жизни и требуетъ подвиговъ высокаго самоотверженія и героизма. Многія женщины, воодушевленныя желаніемъ поработать на этомъ поприщѣ, выказали себя истинными героинями. Въ своемъ очеркѣ авторъ стремится познакомить читателей съ миссіонерскою дѣятельностью такихъ женщинъ и очертить образъ нѣкоторыхъ изъ этихъ героинь. (Literary World).

«My Lifetime» by John Hollingshead (Sampson, Low, Marston and C°). (Моя жизнь). Уважаемый авторъ и журналистъ собралъ въ этой книгѣ свои воспоминанія о событіяхъ и людяхъ, съ которыми ему приходилось встрѣчаться въ жизни. Онъ хорошо зналъ Теккерея, Диккенса, лорда Литтона и др., и его разсказы о нихъ очень интересны. Также интересны картинки литературной жизни Англіи, описанія литературной богемы и знаменитаго «клуба дикихъ». (Literary World).

«The Afghan and Hindu Highlands of the Punjab». By F. St. J. Gore B. A. (John Murray). (Афганскія и индустанскія высоты Пенджаба). Автору этого интереснаго описанія мѣстности, мало извѣстной и не посѣщаемой обыкновенными путешественниками, пришлось по дѣламъ службы совершить поѣздку въ Гималаи и изучить жизнь горныхъ племенъ, отличающихся многими особенностями и не вступающихъ въ сношенія съ населеніемъ Индіи. Къ описанію приложены превосходно исполненные фотографическіе снимки гималайскихъ видовъ и карта мѣстности, изслѣдованной авторомъ. (Daily News).

«Wild Nature won by kindness» by M-rs Brightwen (T. Fisher Unwin). (Дикая природа, побѣжденная добротой). Мистриссъ Брайтуэнъ, авторъ этой книги, выказываетъ большую любовь къ природѣ и животнымъ, нравы которыхъ она старательно изучаетъ. Въ своихъ разсказахъ о различныхъ представителяхъ животнаго царства, прирученіемъ которыхъ она занималась, мистриссъ Брайтуэнъ обнаруживаетъ большую наблюдательность. Очень хороши главы: «Studying Nature» (изученіе природы) и «Teaching village Children to be humane» (обученіе деревенскихъ дѣтей состраданію). Любители природы прочтутъ эту книгу съ удовольствіемъ. (Daily News).

«Lao-Tsze» by Major-General Alexander, C. B. Kegan Paul French and C°. (Лао-Тсе). Въ предисловіи къ этой книгѣ, представляющей переводъ поученій великаго китайскаго проповѣдника Лао-Тсе, основателя религіи, называемой теперь «таоизмомъ», авторъ, знатокъ китайской исторіи и китайскаго языка, говоритъ, что современная китайская религія представляетъ лишь грубое искаженіе первоначальнаго ученія, которое онъ и старается изобразить читателямъ

въ его первобытной чистотѣ. Лао-Тсе былъ реформаторомъ браминской религіи; онъ былъ современникомъ Пиѳагора, Езекіиля и Конфуція. Его ученіе представляетъ чистѣйшій монотеизмъ и врядъ ли въ религіозной литературѣ всего свѣта можно найти болѣе возвышенное понятіе о Богѣ и нравственности, чѣмъ то, которымъ проникнута проповѣдь Лао-Тсе. (Daily News).

«Society in China» an Account of the every-day life of the Chinese people, Social, Political and Religions. Library edition with 22 illustrations. (*Общество въ Китаѣ; соціальная, политическая и религіозная жизнь китайскаго народа*). Эта книга—лучшая изъ всѣхъ, которыя когда-либо писались о Китаѣ, и даетъ очень полное представленіе о жизни китайскаго народа, его воззрѣніяхъ и характерѣ. (Athaeneum).

«The moving Finger» Chapters from the Romance of australian Life. By Mary Gount (Methuen and C°). (*Двигающійся палецъ; главы изъ австралійской жизни*). Всѣ эти разсказы, обрисовывающіе жизнь среди первобытнаго народа и первобытной природы, написаны очень увлекательно и живо. Авторъ, очевидно, хорошо знакомъ съ жизнью въ австралійскихъ лѣсахъ и описанія его отличаются яркостью красокъ и мѣстами представляютъ большой драматическій интересъ. (Athaeneum).

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ".

Мартъ **1896 г.**

Содержаніе. Беллетристика.—Исторія литературы.—Русская исторія.—Этика.—Политическая экономія.—Естествознаніе.—Сельское хозяйство.—Новости иностранной литературы.—Новыя книги, поступившія въ редакцію.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

А. Верещагинъ. «У болгаръ и заграницей».—*И. Н. Потапенко.* «Повѣсти и разсказы».

А. Верещагинъ. У болгаръ и заграницей. Въ глуши. 1896 г. Ц. 2 р. «Есть книги, которыя выходятъ изъ печати, и есть другія, которыя выходятъ въ свѣтъ», говоритъ рецензентъ одной патріотической газеты, и къ числу книгъ, выходящихъ въ свѣтъ, причисляетъ и записки г. А. Верещагина «У болгаръ и заграницей». Какъ это ни странно, но наши мнѣнія объ этой книгѣ почти сошлись. Дѣйствительно, книга заслуживаетъ вниманія, хотя и не той своей стороной, которая восхитила упомянутую газету. Она заслуживаетъ вниманія не потому, чтобы записки г. А. Верещагина отличались особыми литературными достоинствами. Далеко нѣтъ,—добрая половина ихъ, напримѣръ, вся третья часть «Въ глуши», просто, скромно выражаясь,—ненужный балластъ. И не потому, чтобы личность автора была особенно любопытна. Онъ только—братъ знаменитости и, подобно женамъ знаменитостей, цѣликомъ тонетъ въ лучахъ славы своего брата. Но есть въ запискахъ его одна драгоцѣнная черта, которую мы бы назвали «откровенностью fin de siècl'я»—до того ужъ простъ г. А. Верещагинъ, когда онъ разсказываетъ о житьѣ-бытьѣ своемъ и своихъ товарищей-офицеровъ въ Болгаріи.

За подробностями отсылаемъ читателей къ самой книгѣ, гдѣ г. А. Верещагинъ, не смущаясь, разсказываетъ о своихъ подвигахъ, въ родѣ разграбленія турецкаго монастыря, причемъ и онъ, авторъ, «попользовался кое-какими дорогими ему вещицами, табакомъ да парою осликовъ на придачу». Читая его откровенныя признанія, дѣлающія чести прямодушію г. Верещагина, какъ не вспомнить добродушныхъ нѣмцевъ, которыхъ ихъ злѣйшіе враги—французы, могли укорить въ одномъ, что тѣ таскали стѣнные часы и отсылали ихъ на родину. Та же патріотическая газета, съ рецензентомъ которой мы такъ внезапно сошлись въ мнѣніяхъ, еще недавно метала громы и молніи на седанскихъ побѣдителей за эти злополучные часы и грозила имъ презрѣніемъ на этомъ и вѣчными муками на томъ свѣтѣ. Такое благородство ея каза-

лось намъ и очень мило, и очень трогательно, хотя и не совсѣмъ разумно. Ибо,—думали мы тогда, да, пожалуй, и теперь думаемъ также,—à la guerre comme à la guerre, и кто на войнѣ удовлетворяется только стѣнными часами,—заслуживаетъ, по меньшей мѣрѣ, монтіоновской преміи за благонравіе и добродѣтель. И вовсе мы не осуждаемъ г. А. Верещагина за то, что онъ попользовался табакомъ, кое-какими «особенно дорогими ему» вещами да парою осликовъ на придачу; сей офицеръ проявилъ большую скромность, достойную всяческой похвалы и поощренія.

Но вотъ за что мы осмѣлились бы осудить его,—хотя и боимся, что съ нами не согласится на этотъ разъ рецензентъ патріотической газеты. Есть вещи, которыя, такъ сказать, въ природѣ вещей, но о которыхъ не принято говорить во всеуслышаніе. И потому не принято, что въ человѣкѣ, ихъ совершающемъ, все же предполагается нѣкій стыдъ, мѣшающій ему съ яснымъ лицомъ и веселыми глазами повѣствовать объ этомъ. Предполагается затаенное въ глубинѣ души сознаніе того, что въ сущности не хорошо дѣлать такія вещи. А стыдъ—не меньшая добродѣтель, чѣмъ откровенность. Вѣдь, разоткровенничавшись, можно дойти до полнаго безстыдства и выступить передъ публикой совсѣмъ au naturel. Конечно, есть теперь и такія «откровенные», имъ г. Станюковичъ посвятилъ даже цѣлый романъ. Но подражать имъ не слѣдуетъ, потому что безстыдство заразительно, какъ и всякій порокъ.

Не только не понимаетъ г. Верещагинъ этихъ основныхъ правилъ общежитія, но даже свой образъ мыслей приписываетъ Михаилу Скобелеву, предъ памятью котораго онъ благоговѣетъ. Онъ приводитъ слѣдующій, яко бы дѣйствительно имъ слышанный разговоръ. На обѣдѣ у Скобелева, въ присутствіи массы молодыхъ офицеровъ, старый казачій генералъ говоритъ:

«Вы, ваше превосходительство, ежели когда будете воевать съ нѣмцами, такъ возьмите нашихъ донцовъ—такъ, очереди двѣ. Вѣдь это составитъ 120 полковъ. Подведите ихъ къ нѣмецкой границѣ и скажите:—«все, что вы, ребятушки, возьмете здѣсь, все будетъ ваше; за то ужъ не прогнѣвайтесь, ни кормить васъ не будутъ, ни жалованья не получите»,—и повѣрьте, что всѣ съ радостью бросятся туда—и сыты будутъ».

«И старый генералъ многозначительно смотритъ на Скобелева, какъ бы желая знать, что тотъ скажетъ.

«— Кха, кха, кха!—прыскаетъ отъ смѣху нашъ Михаилъ Дмитріевичъ. Слова заслуженнаго атамана пришлись ему какъ нельзя больше по сердцу.

«— Ха, ха, ха! Вотъ-то запоютъ они, когда казаки, ночью, примутся вязать мирныхъ бюргеровъ, да еще, какъ бы по ошибкѣ, свяжутъ ногу мужа съ ногою жены, и такъ потащутъ ихъ съ мягкой постели.

«И онъ еще долго смѣется... Всѣ мы, молодежь офицеры, безмолвно слушаемъ рѣчь любимаго начальника» (стр. 87—88).

Въ наивности души своей г. А. Верещагинъ не замѣчаетъ, что онъ развѣнчиваетъ «любимаго начальника», думая превознести его. «Бѣлый генералъ» не сохранился бы въ памяти массъ, если бы открыто, публично, говорилъ имъ такія проповѣди. Въ массахъ таится всегда инстинктивное уваженіе къ праву и справедливости, и хотя массы могутъ нарушать это право и справедливость и грабить почище господъ Верещагиныхъ, но никогда онѣ не пре-

клонятся передъ человѣкомъ, проповѣдующимъ имъ грабежъ. Наконецъ, какъ генералъ, Скобелевъ не могъ не знать «Воинскаго устава», въ которомъ строго воспрещается нападеніе на мирныхъ обывателей, тѣмъ болѣе «вязать ногу мужа съ ногою жены и тащить ихъ съ мягкой постели».

Все это лишь «плѣнной мысли раздраженіе», плодъ досужей фантазіи г. А. Верещагина, а если наше предположеніе невѣрно, и все имъ разсказываемое правда, то почему его оскорбила слѣдующая, приводимая имъ сценка въ Дрезденѣ, уже послѣ смерти Скобелева: «Помню, иду я какъ-то вечеромъ по Брюлловой террасѣ, передо мною гуляетъ группа дамъ и мужчинъ. Слышу фамилію «Скобелевъ». Настораживаю уши,—компанія хохочетъ. Къ сожалѣнію я только слышалъ: «Deutschenfresser... Champanien... Skobeleffs' Rede» («Нѣмцеѣдъ... Шампанское... Рѣчь Скобелева»)— и только. Подойти ближе было неловко. Но и эти слова настолько меня разсердили, что я нѣсколько дней не показывался на выставкѣ» (стр. 209). Такая чувствительность дѣлаетъ честь сердцу г. А. Верещагина, но нисколько не его логикѣ. Одно изъ двухъ— или Скобелевъ говорилъ такія рѣчи, и тогда нѣмцамъ простительно называть его «людоѣдомъ» и радоваться его смерти, или же г. А. Верещагинъ присочинилъ эту рѣчь, и тогда его негодованіе должно-бы обратиться на него самого. Но откровенность автора далеко превышаетъ его логику, и въ этомъ весь интересъ его книги, какъ своего рода «знаменья времени».

И. Н. Потапенко. Повѣсти и разсказы. Т. IX. Изд. Н. Павленкова. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. Въ настоящій томикъ вошло нѣсколько разсказовъ г. Потапенко, которые при всемъ разнообразіи содерженія объединяются одной, характерной для таланта автора чертой—юморомъ. Мягкій и безобидный, юморъ г. Потапенко, какъ намъ кажется, больше всего выдѣляетъ его изъ ряда другихъ извѣстныхъ беллетристовъ. Всякій разъ, когда избранная тема даетъ возможность развернуться вполнѣ этой особенности таланта г. Потапенко, мы получаемъ прелестные, яркіе, дышащіе свѣжестью и заразительнымъ весельемъ очерки, какъ, напр., вошедшіе въ IX томъ «Рѣчные люди», «Простая случайность», «Развязанный узелъ» и проч. Лучше другихъ первый, затрогивающій бытъ сельскаго духовенства. Вообще, изображенія этого быта преимущественно удаются г-ну Потапенко, который всегда находитъ въ жизни сельскаго духовенства новую интересную черту, до него не затронутую, и умѣетъ тепло и правдиво освѣтить ее. Кто не знаетъ его разсказа «Шестеро», своей почти классической простотой и глубокимъ трагизмомъ подавляющаго читателя? «Рѣчные люди», напротивъ, трогаютъ насъ, какъ безхитростная идиллія, согрѣтая южнымъ солнцемъ и проникнутая скрытымъ, примиряющимъ и ласковымъ юморомъ. И отецъ Левъ, дьяконъ «съ истинно благоуханнымъ голосомъ», восхищающимъ все высшее епархіальное начальство, и философія дьякона, согласно которой «рѣдко это проходитъ даромъ, чтобы начальство тебя увидѣло и никакого тебѣ затрудненія не сдѣлало», и съѣхавшіеся «на пробу» голосовъ другіе отцы, и само начальство, «которое, конечно, уважать

слѣдуетъ, нельзя не уважать, а только лучше подальше отъ него».—все это слагается въ картину тихой, мирной и бодрой жизни, очаровательной въ своей наивной простотѣ.

Нѣсколько иной характеръ имѣютъ два другіе разсказа: «Горячая статья» и «Счастливый». И въ нихъ отдѣльныя мѣста, въ которыхъ юмора авторъ находитъ себѣ пищу, дышатъ правдой и вызываютъ веселую, неудержимую улыбку. Но авторъ силится быть въ нихъ не только наблюдателемъ, талантливо рисующимъ жизнь, а провести идею, очень, быть можетъ, жизненную и почтенную, но читатель остается къ ней холоднымъ и ни мало не трогается ни его «счастливымъ», который въ основу своего счастья полагаетъ служеніе справедливости, ни его «больными людьми», нервная чуткость которыхъ не мирится съ житейскими компромисами.

Совсѣмъ особнякомъ стоитъ разсказъ «Клавдія Михайловна», въ которомъ авторъ подымается на еще болѣе высокую ступень, пытаясь рѣшить сложный вопросъ любви и личной свободы при этомъ. Хотя г. Потапенко и даетъ это рѣшеніе, но оно не является у него жизненнымъ, не вытекаетъ изъ условій дѣйствительности и, во всякомъ случаѣ, не есть рѣшеніе общаго вопроса. «Да, бываетъ, возможно»,—вотъ выводъ, къ которому приходитъ читатель, когда Клавдія Михайловна, героиня разсказа, «женщина съ положеніемъ», рѣшаетъ, что любовь, не кратковременная, а согрѣвающая всю жизнь, возможна лишь при условіи, если обѣ стороны сохраняютъ независимость своихъ положеній. Къ сожалѣнію, ни она, ни авторъ не даютъ указаній, какъ это можетъ быть достигнуто, какъ устроить это такъ, «чтобы не жить непремѣнно бокъ о бокъ, постоянно сталкиваясь на скучныхъ и пошлыхъ мелочахъ, которыя понижаютъ значеніе жизни». И это потому такъ, что кажущійся только личный вопросъ глубоко коренится въ условіяхъ всего современнаго общественнаго строя и не можетъ быть рѣшенъ безъ предварительнаго разрѣшенія еще болѣе общаго вопроса, одну изъ частностей котораго онъ составляетъ. А до того всѣ варіаціи на тему личной свободы могутъ быть интересны, но ничего существеннаго онѣ не даютъ. Наше безсиліе въ этомъ случаѣ отражается и на художественномъ выполненіи подобныхъ темъ. По крайней мѣрѣ, въ книжкѣ г. Потапенко это — самый слабый разсказъ.

ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

Н. Бѣлозерская. «Василій Тимофеевичъ Нарѣжный». — *А. Н. Анненская.* «О Бальзанѣ».—*М. В. Барро.* «Эмиль Золя».

Василій Тимофеевичъ Нарѣжный. Историко-литературный очеркъ Н. Бѣлозерской. Изд. 2-ое. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 75 к. Изд. Л. Ф. Пантелѣева.—«Нигдѣ не встрѣтишь, чтобы упоминали имена уже окончившихъ поприще писателей нашихъ... о вліяніи ихъ еще замѣтномъ. Наша эпоха, кажется, какъ-будто отрублена отъ своего

корня, какъ будто у насъ вовсе нѣтъ начала, какъ будто исторія прошедшаго для насъ не существуетъ». Такою выпискою изъ Гоголя начинаетъ г-жа Бѣлозерская свой историко-литературный очеркъ о Нарѣжномъ, первомъ по времени русскомъ романистѣ, желая какъ бы оправдать въ глазахъ читателя появленіе этого очерка. И въ этомъ ея желаніи нѣтъ ничего страннаго, потому что нигдѣ такъ мало не интересуются исторіей литературы и судьбой писателей, ихъ взаимнымъ отношеніемъ и преемственностью проводимыхъ ими идей и направленій, какъ у насъ. Зависитъ это, съ одной стороны, отъ той ничтожной роли, какую въ жизни нашего общества, играетъ до сихъ поръ литература, существованіе которой только терпимо, какъ своего рода неизбѣжнаго зла, но, въ еще большей степени, такое небрежное отношеніе къ исторіи литературы объясняется общей русской некультурностью. Каждому, конечно, приходилось слышать о русскихъ самоучкахъ-механикахъ, которые, сидя гдѣ-нибудь въ Зашиверскѣ или другомъ подобномъ истинно-русскомъ центрѣ самобытной культуры, додумываются своимъ умомъ до изобрѣтенія паровой машины или летательнаго снаряда. Рѣдкая выставка у насъ обходится безъ такихъ представителей русской самобытности, по поводу которыхъ патріотическая печать бьетъ въ бубны и кимвалы и трубитъ въ трубы, возвѣщая urbi et orbi, что и мы отъ Бога взысканы и что нѣмцы намъ не указъ. Такими же самоучками переполнена и наша литература, и каждый изъ нихъ непремѣнно «своимъ умомъ» дошелъ если не до отрицанія Бога, какъ Ляпкинъ-Тяпкинъ, то до отрицанія предшественниковъ. Попробуйте такому самобытному таланту заявить, хотя бы въ наискромнѣйшей и почтительнѣйшей формѣ, что вы причисляете его къ извѣстному направленію и видите въ немъ продолжателя опредѣленныхъ традицій, — и онъ жестоко обидится и непремѣнно заявитъ, что не привыкъ жить чужимъ умомъ, ибо онъ—самъ по себѣ.

При такихъ условіяхъ исторія литературы имѣетъ мало данныхъ для развитія и мало шансовъ на успѣхъ среди читателей. Второе изданіе труда г-жи Бѣлозерской, напечатаннаго предварительно въ «Русской Старинѣ», показываетъ, что избранная ею тема заинтересовала читателей, какъ изслѣдованіе одного изъ наиболѣе живыхъ вопросовъ въ литературѣ. Романъ, достигшій особаго развитія именно въ нашей литературѣ, почти вытѣснившій всѣ другіе роды ея, благодаря такимъ великимъ мастерамъ, какъ Гончаровъ, Тургеневъ, Достоевскій и Толстой, представляетъ безспорно одну изъ благодарнѣйшихъ темъ для историка литературы. Прослѣдить его зарожденіе, отмѣтить путь, по которому шли первые творцы, ихъ задачи, взгляды и результаты, достигнутые ими,— все это живые вопросы, имѣющіе прямое отношеніе къ исторіи нашего развитія и никогда не теряющіе значенія. Въ своемъ трудѣ г-жа Бѣлозерская посвящаетъ этимъ вопросамъ первую половину, въ которой читатели найдутъ интересную и живую исторію переводнаго и подражательнаго романа у насъ, отъ рукописной литературы до выступленія Нарѣжнаго съ первыми опытами русскаго оригинальнаго романа. Вторая часть посвящена біографіи и кри-

тическому разбору его произведеній, изъ которыхъ современному читателю извѣстенъ больше другихъ романъ «Бурсакъ», до сихъ поръ пользующійся значительнымъ спросомъ среди менѣе притязательной публики. Въ своей оцѣнкѣ Нарѣжнаго г-жа Бѣлозерская избѣгла обычной ошибки русскихъ біографовъ—преувеличеннаго мнѣнія о достоинствахъ избраннаго ими лица, вслѣдствіе чего ихъ біографіи очень часто переходятъ въ панегирики. Авторъ все время остается на почвѣ строго исторической, постоянно поясняя ту связь, какая была между Нарѣжнымъ и временемъ, вліяніе времени, требованій и условій тогдашней литературы и ихъ отраженіе на талантѣ романиста. Участь его, по словамъ автора, довольно печальна. Своимъ современникамъ онъ казался «отсталымъ, хотя, въ сущности, въ своихъ романахъ и повѣстяхъ онъ оказывается болѣе новымъ и самобытнымъ, нежели его предшественники». А послѣдующія поколѣнія, благодаря болѣе развитому вкусу и высшимъ требованіямъ общаго развитія, находили его «устарѣлымъ». Объясняется такое отношеніе къ нему тѣмъ, что произведенія Нарѣжнаго были переходною ступенью отъ переводовъ и подражаній къ оригинальному русскому роману, сдѣлавшему послѣ Пушкина и Гоголя огромный шагъ впередъ. «Не подлежитъ сомнѣнію,—заканчиваетъ свой очеркъ г-жа Бѣлозерская, — что при разнообразіи произведеній и силѣ таланта, о которомъ свидѣтельствуютъ лучшіе романы и повѣсти Нарѣжнаго, онъ могъ бы занять видное мѣсто среди русскихъ первоклассныхъ романистовъ, а для этого онъ долженъ былъ явиться въ пору большей зрѣлости литературы и при болѣе благопріятныхъ условіяхъ».

О. Бальзакъ. Его жизнь и литературная дѣятельность. Біографическій очеркъ А. Н. Анненской. Біограф. библ. Ф. Павленкова. Ц. 25 к. Спб. 1895 г.—Намъ приходилось уже говорить о произведеніяхъ великаго французскаго романиста, по поводу изданія тома его разсказовъ и повѣстей г. Ледерле (см. «М. Б.», іюль 1895 г.). Тогда мы указали на его значеніе въ исторіи литературы и отмѣтили главнѣйшія черты его, какъ писателя и творца новой, такъ называемой натуралистической школы, давшей столько выдающихся романистовъ, какъ Флоберъ, братья Гонкуры, Золя и Мопассанъ, и оказавшей огромное вліяніе на развитіе романа и у насъ. Въ своемъ очеркѣ г-жа Анненская останавливается преимущественно на личности Бальзака, касаясь главнѣйшихъ моментовъ его творчества лишь въ связи съ его жизнью, по скольку это необходимо для выясненія развитія этого удивительнаго таланта, поражающаго какъ размѣрами своихъ силъ, такъ и грандіозностью задуманнаго и въ значительной степени выполненнаго предпріятія. «*Комедія человѣческой жизни*,—говоритъ г-жа Анненская,—представляетъ единственный въ своемъ родѣ памятникъ литературнаго творчества. Въ составъ ея входятъ 96 романовъ, въ ней фигурируетъ около 2.000 лицъ, внутренній міръ и внѣшняя обстановка которыхъ описаны съ замѣчательною подробностью». Чтобы создать такое колоссальное произведеніе, надо было обладать неутомимой энергіей, творческой неослабной фантазіей, огромнымъ запасомъ наблюденій, художественной способностью схватывать

на лету жизненныя явленiя и претворять ихъ въ образы. Всѣ эти отличительныя черты Бальзака ярко выступаютъ въ художественной бiографiи г-жи Анненской, слагаясь въ цѣломъ въ рельефный литературный портретъ.

Эмиль Золя, его жизнь и литературная дѣятельность. Бiограф. очеркъ М. В. Барро. Бiограф. библ. Ф. Павленкова. Спб. 1895 г. Ц. 25 к.—Характеристика Золя, сдѣланная г. Барро, въ общемъ не даетъ чего-либо новаго, но ее нельзя назвать стереотипной. Авторъ не обладаетъ художественными прiемами изложенiя, и, видимо, сознавая это, держится строго фактическаго, иногда протокольнаго описанiя жизни прославленнаго романиста. Будучи поклонникомъ Золя, авторъ съумѣлъ удержаться на той границѣ, за которой бiографiя переходитъ въ панегирикъ. При нѣсколько суховатомъ изложенiи, бiографiя даетъ довольно полное представленiе какъ о личности Золя, такъ и о характерѣ его творчества. Авторъ вполнѣ правильно ограничился общей характеристикою его произведенiй, не вдаваясь въ подробности, въ виду распространенности романовъ Золя. Вообще, бiографiя написана живо и читается съ неослабнымъ интересомъ.

ИСТОРIЯ РУССКАЯ

А. Е. Мерцаловъ. «Очерки изъ исторiи смутнаго времени».

Историческiя чтенiя.—Очерки изъ исторiи смутнаго времени А. Е. Мерцалова. Спб. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. 1895. Стр. 8+196. Ц. 1 руб.—«Очерки» г. Мерцалова представляютъ одинъ изъ томиковъ предпринятаго г. Пантелѣевымъ съ 1892 г. популярнаго историческаго изданiя подъ общимъ заголовкомъ «*историческiя чтенiя*»; до сихъ поръ въ его составъ входили исключительно переводныя (съ французскаго) работы, посвященныя исторiи Востока и Западной Европы: самая идея подобнаго изданiя у насъ скопирована была съ извѣстной коллекцiи Hachette'а для внѣкласснаго ученическаго чтенiя «*Lectures historiques* conformément au programme du 22 janvier 1890». Такъ изданы были: *Масперо* «Древняя исторiя: Египетъ, Ассирiя», *Гиро* «Частная и общественная жизнь грековъ», *Ланглуа* «Исторiя среднихъ вѣковъ», *Марьежоль* «Исторiя среднихъ вѣковъ и новаго времени» (1270—1610 гг.) и *Лакуръ-Гайе* «Исторiя новаго времени» (1610—1789). Всѣ эти «*чтенiя*» имѣютъ въ виду преимущественно учащуюся молодежь и представляютъ «сжатые по формѣ, но полные по содержанiю культурно-историческiе очерки», приноровленные къ рубрикамъ программы 1890 г. для французскихъ лицеевъ и охватывающiе крупные, цѣльные историческiе перiоды. Издавая книжку г. Мерцалова, г. Пантелѣевъ значительно отступилъ отъ основной идеи коллекцiи Гашетта: книга эта не представляетъ ни культурно-историческаго очерка, соотвѣтствующаго извѣстной части исторической программы въ русскихъ гимназiяхъ, ни обзора цѣлаго перiода русской исторiи, а лишь небольшой эпизодъ, разыгравшiйся

на рубежѣ XVI и XVII столѣтій. Въ силу этого отступленія отъ идеи французскаго образца, новый томикъ «*чтеній*» пренебрежительно отнесся къ фактамъ духовной культуры и къ спеціальнымъ потребностямъ учащейся молодежи; связь его съ предшествующими томиками чисто внѣшняя, такъ что преимущественный интересъ онъ можетъ представлять лишь для публики, уже разставшейся съ средней школой и ищущей болѣе подробнаго ознакомленія съ внѣшними фактами отечественной исторіи.

Этого обстоятельства не слѣдуетъ забывать при оцѣнкѣ «Очерковъ» г. Мерцалова, равно какъ и необычной для современной научной популяризаціи въ области исторіи задачи «оттѣнить» по преимуществу «глубокій драматизмъ событій и трагическое положеніе дѣйствующихъ лицъ», — словомъ, ту сторону тридцатилѣтняго момента въ нашей исторіи (1584 — 1613 гг.), которая, по словамъ авторскаго предисловія, даетъ «много благодарныхъ сюжетовъ и для поэта, и для художника».

Книжка г. Мерцалова состоитъ изъ шести главъ, неравномѣрныхъ по объему и неудачныхъ по принципамъ, положеннымъ въ основу дѣленія такого любопытнаго историческаго момента, какъ смутное время Московскаго государства. Вотъ эти главы: I — «Взглядъ на причины русской смуты въ началѣ XVII вѣка» (стр. 1 — 12); II — «Борисъ Годуновъ» (стр. 13 — 79); III — «Василій Шуйскій» (стр. 80 — 134); IV — «Безгосударное время» (стр. 135 — 181); V — «Народное движеніе и литовское разореніе на сѣверѣ Россіи въ безгосударное время» (стр. 182 — 190) и VI — «Трагическій элементъ въ событіяхъ смутнаго времени» (стр. 191 — 196). Уже простое перечисленіе главъ показываетъ, что о какой-нибудь внутренней планомѣрности изложенія, столь важной для средняго читателя, у г. Мерцалова нечего и спрашивать. Основная точка зрѣнія нашего автора на смутное время довольно прямолинейна, а погоня за драматическими эффектами и попытка превратить названный эпизодъ изъ русской исторіи въ четырехъ-актную трагедію дышатъ большой наивностью. Согласно взгляду автора, основная причина смуты — внутренняя, заключающаяся «въ стремленіи московскаго боярства ограничить царскую власть въ прямой ущербъ интересовъ народа»; второстепенная причина смуты — внѣшняя, — ее надо искать «въ желаніи поляковъ ослабить московское государство и подчинить его своему вліянію». Можно, конечно, и слѣдуетъ вести рѣчь о той и другой причинѣ смуты, формулируя первую болѣе приличнымъ образомъ. Но указанными двумя, одиноко вырванными изъ сложнаго русла исторической жизни той поры, нельзя было бы ограничиться даже въ классномъ разсказѣ, а не только-что въ популярной книжкѣ для средняго читателя. Вѣдь смута, прежде всего, есть непремѣнный результатъ того невѣроятнаго проявленія абсолютизма, какое допустилъ царь Иванъ Грозный. Свою тяжелую руку онъ направилъ, прежде всего, на разгромъ боярскаго класса и своей собственной семьи. Не подготовивъ себѣ надежнаго преемника, царь Иванъ создалъ за то упорнаго врага московскому престолу въ лицѣ уцѣлѣвшаго отъ избіенія боярства: не удѣльныя воспоминанія играли теперь

главную роль, а простое чувство самосохраненія, воспитанное тираніей Грознаго. Ошеломленное боярство должно было, не разбирая средствъ, броситься на защиту своей личности, чести, животовъ, родни: оно, конечно, не думало о конституціонныхъ гарантіяхъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, не получивъ для этого достаточнаго политическаго воспитанія, а просто стремилось обезпечить себѣ болѣе или менѣе сносное существованіе противъ возможности новыхъ проявленій тиранніи, которыя въ Грозномъ пытались объяснить въ нашей литературѣ *) его душевной болѣзнью, однопредметнымъ помѣшательствомъ. Такое объясненіе, будь даже оно единогласно принято въ литературѣ, ничего не измѣнитъ въ нашихъ воззрѣніяхъ на роль боярства послѣ Грознаго. Инстинктъ самосохраненія одинаково сильно будетъ дѣйствовать, нападаетъ ли на васъ здоровый или больной человѣкъ; защищаться, все равно, необходимо, а еще лучше создать себѣ такое положеніе, при которомъ невозможна тираннія ни больного, ни здороваго представителя власти. Боярство и начало смуту, и первый же боярскій царь далъ ограничительную запись, въ которой нечего искать опредѣленныхъ политическихъ идей, за то есть превосходное выраженіе дѣйствительныхъ боярскихъ стремленій, воспитанныхъ тиранніей царя Ивана, о которомъ въ то время и не могъ подняться вопросъ, былъ ли онъ здоровымъ, или душевнобольнымъ человѣкомъ, такъ какъ это было безразлично для существа дѣла.

Если бы пойти далѣе въ научномъ изложеніи внутренней послѣдовательности событій смутнаго времени, то мы увидѣли бы, что книжку г. Мерцалова, очень живо и очень смѣло въ научномъ отношеніи написанную, пришлось бы исключить изъ числа историческихъ чтеній, содѣйствующихъ правильному освѣщенію фактовъ отечественной исторіи въ головахъ нашихъ юныхъ или неопытныхъ читателей. Посвятивъ достаточно строкъ анекдотическимъ моментамъ въ исторіи смутнаго времени, какъ, напр., убіенію царевича Димитрія въ Угличѣ или опредѣленію личности перваго Лжедимитрія, авторъ не смогъ разобраться въ литературѣ по вопросамъ смутнаго времени, рѣшалъ послѣдніе какъ-то сразу, бойко и не безъ остроумія, но въ полный ущербъ идейной сторонѣ дѣйствительности и осторожности, съ какой спорные вопросы вообще должны обсуждаться въ популярныхъ книжкахъ. Можно или нельзя, наконецъ, рекомендовать книжку г. Мерцалова неопытнымъ читателямъ? Трудно отвѣчать на этотъ вопросъ при данномъ состояніи нашей популярной литературы по отечественной исторіи: совсѣмъ читать нечего. Имѣющійся матеріалъ ненаученъ, грубо тенденціозенъ, сухъ и, въ большинствѣ случаевъ, не только неудобенъ, но прямо вреденъ для чтенія. Книжка г. Мерцалова, конечно, цѣлой головой переросла эту характеристику: она очень живо написана, читается легко, извѣстное представленіе объ эпохѣ даетъ, но отличается нежелательной тенденціозностью основной

*) См. любопытную книжку проф. П. И. Ковалевскаго «Іоаннъ Грозный и его душевное состояніе».

идеи, ее проникающей, ненаучностью и наивностью историческаго анализа и отсутствіемъ въ ней характеристики внутренняго смысла и внутренней послѣдовательности событій смутнаго времени.

ЭТИКА.

Г. Спенсеръ. «Научныя основанія нравственности».—*Гижицкій.* «Основы морали».—*Вундтъ.* «О связи философіи съ жизнью».

Гербертъ Спенсеръ. Научныя основанія нравственности; въ трехъ частяхъ. Переводъ съ послѣдняго англійскаго изд. Спб. 1896. Мы не считаемъ цѣлесообразнымъ въ короткой замѣткѣ говорить объ этическихъ теоріяхъ Герберта Спенсера. Мы скажемъ нѣсколько словъ по поводу русскаго изданія разбираемой книги. Оно лишній разъ убѣждаетъ насъ въ томъ, какъ часто научныя сочиненія издаются у насъ крайне небрежно. Мы говоримъ о переводѣ. Вообще Спенсеровской этикѣ у насъ не везетъ. Когда вышла его «The Data of Ethics», ее перевели черезъ «Основанія науки о нравственности» вмѣсто «Данныя этики»; теперь же «Principles of Ethics», что значитъ «Основанія этики», переведено посредствомъ «Научныя основанія нравственности», что, строго говоря, вовсе не одно и то же. «Основанія этики» или «Основанія науки о нравственности» представляетъ двухтомное сочиненіе, первый томъ котораго вышелъ въ 1892 году, а второй въ 1893. Книга эта выходитъ въ первый разъ. Переводчикъ заявляетъ, что книга переведена съ *послѣдняго* англійскаго изданія, очевидно для того, чтобы придать особенный вѣсъ издаваемой книгѣ. Русское изданіе представляетъ переводъ только *одного* перваго тома, переводчикъ же находитъ нужнымъ прибавить въ концѣ книги: «Конецъ третьей части и *послѣдней*», по всей вѣроятности, для того, чтобы ввести читателя въ заблужденіе и заставить его думать, что онъ имѣетъ дѣло съ цѣльнымъ и законченнымъ сочиненіемъ, но за то читатель недоумѣваетъ, отчего это Спенсеръ, излагая «основанія этики», говоритъ объ этикѣ «индивидуальной жизни», а объ этикѣ «соціальной жизни» ничего не говоритъ.

Теперь о самомъ переводѣ. Переведенный томъ (560 стр.) состоитъ изъ трехъ частей. Первая часть (320 стр.) содержитъ «данныя науки о нравственности», которая уже была переведена раньше въ 1880 году подъ заглавіемъ «Основанія науки о нравственности». Нужно было бы думать, что новый переводъ исполненъ лучше, чѣмъ старый, однакоже, на самомъ дѣлѣ, онъ во многихъ отношеніяхъ хуже его. Новый переводъ находился подъ вліяніемъ стараго. Насколько сильно это вліяніе, показываетъ то, что неточности прежняго перевода вошли въ новый. Такъ, напр., на стр. 5 и 20 «всемірное поведеніе» вм. «универсальное поведеніе» заимствовано изъ стараго перевода. На стр. 41 у Аристотеля оказывается добродѣтель, которая называется «пышностью» (стр. 48 стараго перевода). Переводчикъ вмѣсто тѣхъ

совсѣмъ ненужныхъ примѣчаній, которыми онъ снабдилъ книгу, сдѣлалъ бы гораздо лучше, если бы объяснилъ, что это за добродѣтель «пышность». Въ старомъ переводѣ на стр. 72 опечатка: вмѣсто «*анти*-утилитаристъ» стоитъ «*нати*-утилитаристъ». Эта же опечатка находится и въ новомъ переводѣ (стр. 65). На стр. 72: «всемірный законъ постоянства силы» вм. «всеобщій законъ»; въ старомъ переводѣ тоже самое стр. 79. Переводчикъ безъ всякой надобности употребляетъ совсѣмъ непринятыя въ русскомъ языкѣ иностранные термины. Стр. 326 «коллатеральный»; стр. 464 «эрисплойство» (?); стр. 473 «индивидуалитетъ»; стр. 478 «инвольвируетъ принятыя убѣжденія»; стр. 479 «преконцепція»; стр. 481 «сенсаціями» см. «ощущеніями»; стр. 182 «ординарно» понимаемаго вм. «обыкновенно» понимаемаго. Стр. 249 totality переводится посредствомъ «полнота» вм. «сумма». Какъ понять, напр., такія выраженія стр. 474: «Но теперь, такъ какъ показано, что нравственное чувство доктрины въ своей первоначальной формѣ не есть истинно»; стр. 480: «Такое частное поведеніе, которое блуждаетъ по направленію чувственнаго излишка»; стр. 483. Солнце «причиняетъ морщины на мозгѣ глазъ». Вообще подобныхъ промаховъ безчисленное множество. Нужно пожелать, чтобы слѣдующій томъ былъ изданъ добросовѣстнѣе,

Гижицкій. Основы морали. Изданіе международной библіотеки. Одесса, 1895. Этика Гижицкаго (недавно умершаго профессора берлинскаго университета) въ общихъ чертахъ можетъ быть характеризована, какъ этика утилитаристовъ. По его мнѣнію, методъ изслѣдованія въ этикѣ индуктивный; моральныя правила вырабатываются изъ инстинктивной морали. Благомъ въ моральномъ смыслѣ называется то, что является причиной удовольствія, или причиной устраненія страданія. Величайше благо есть причина наибольшаго преобладанія суммы пріятныхъ ощущеній надъ суммой непріятныхъ. Высшимъ мѣриломъ для оцѣнки относительныхъ достоинствъ различныхъ благъ оказывается возможно наибольшее счастье. Но такъ какъ нравственная философія имѣетъ дѣло не съ индивидуумомъ, а съ солидарными между собой членами общества, то высшимъ масштабомъ нравственной философіи является не возможно большее счастье индивидуума, а возможно наивысшее счастье общества, цѣлаго. Чтобы указать, что это на самомъ дѣлѣ такъ, Гижицкій доказываетъ несостоятельность эгоистической точки зрѣнія въ морали. Эта точка зрѣнія несостоятельна потому, что моральныя правила, такъ сказать, воплотились въ организмъ человѣка. Это происходитъ отъ того, что правила морали на самомъ дѣлѣ существуютъ съ незапамятныхъ временъ, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ люди сдѣлались людьми. Изслѣдованіе нравственныхъ чувствъ со стороны ихъ содержанія, т.-е. въ отношеніи предметовъ, на которые они направляются, показываетъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ регулированіемъ поведенія не въ видахъ пользы дѣйствующаго индивидуума, а въ видахъ пользы другихъ, пользы цѣлаго общества. Слѣд., психологически разсматривая, можно сказать, что нравственное чувство составляетъ неотъемлемое свойство психической природы человѣка.

Въ утилитарной морали является весьма труднымъ, вопросъ, на чемъ основывается *обязательность* нравственнаго закона. Гижицкій на этотъ вопросъ отвѣчаетъ оригинально, не такъ, какъ это обыкновенно дѣлается въ школѣ утилитаристовъ. По его мнѣнію, во-первыхъ, существуетъ *внѣшняя санкція*— это именно гармонія между интересомъ и долгомъ, т.-е. что исполненіе долга связано для насъ съ извѣстнымъ интересомъ. Но есть, кромѣ того, еще и *внутренняя санкція*. Сознаніе, что мы поступали правомѣрно и хорошо и заслужили общее уваженіе, даетъ намъ глубокое внутреннее ощущеніе счастья. Для человѣка нравственнаго, мысль, что его дѣятельность, его поступки влекутъ за собой благо другихъ, что, благодаря ему, міръ становится счастливѣе или лучше, уже сама по себѣ непосредственно доставляетъ ему удовлетвореніе и потому становится для него послѣднимъ мотивомъ: другими словами, созданіе блага другихъ становится его конечной цѣлью. Вопросъ о томъ, почему мы въ нашихъ нравственныхъ поступкахъ *должны* принимать въ соображеніе благо человѣчества, Гижицкій рѣшаетъ такъ. Чувство благодарности за оказанное добро живетъ въ человѣческой груди. Въ виду этого принципа благородный человѣкъ чувствуетъ себя въ долгу передъ человѣчествомъ за всѣ тѣ многочисленныя благодѣянія, которыми онъ обязанъ работѣ прежнихъ поколѣній и своихъ современниковъ: это заставляетъ его, въ воздаяніе за нихъ, уплатить свой долгъ общеполезной работой на благо современныхъ и будущихъ поколѣній. Онъ чувствуетъ себя лично тѣсно связаннымъ какъ съ прошедшимъ черезъ своихъ родителей и дѣдовъ, такъ и съ будущимъ черезъ дѣтей и внуковъ. Такимъ благо человѣчества является его собственнымъ благомъ. Онъ живетъ съ человѣчествомъ и его смерть не есть, поэтому, для него конецъ всего.

Въ нашей короткой замѣткѣ мы не рѣшаемся говорить о томъ, въ какой мѣрѣ утилитарная мораль основательно доказывается Гижицкимъ; мы считаемъ возможнымъ отмѣтить только, что книга Гижицкаго является очень хорошей выразительницей этого направленія. Нѣсколько сжатое изложеніе искупается тѣмъ, что оно отличается ясностью и полнотой. Къ числу достоинствъ книги нужно отнести и то, что она переведена вполнѣ удовлетворительно.

Вундтъ. О связи философіи съ жизнью за послѣднія сто лѣтъ. 3-е изд. Одесса. 1895. По мнѣнію Вундта, философскія ученія являются отблескомъ умственной жизни различныхъ эпохъ и въ то же время составляютъ непрерывный комментарій къ ней. Напр., философія породила тѣ идеи, которыя воодушевили революцію. «Декларація правъ человѣка» 1789 года скорѣе напоминаетъ философское исповѣданіе вѣры, чѣмъ введеніе въ государственный кодексъ. По принципамъ этой деклараціи люди имѣютъ одинаковыя неотъемлемыя права, свобода личности терпитъ лишь тѣ ограниченія, которыя вызываются такимъ же правомъ другихъ и необходимостью обезпечить свободу всѣхъ. Въ этой этикѣ говорится только о *правахъ* личности. Декларація правъ провозгла-

шаетъ, что право свободы, собственности, безопасности и сопротивленія угнетенію одинаково для всѣхъ людей и неотъемлемо. Объ *обязанностяхъ* въ этомъ актѣ нѣтъ ни слова. Въ этомъ исключительномъ выдвиганіи правъ трудно не замѣтить энергическаго протеста революціонной этики противъ той системы политическаго деспотизма, которая за подданными признаетъ однѣ обязанности, права же только за привилегированными сословіями.

При другихъ условіяхъ общественной жизни возникаетъ другая моральная философія — философія Канта. Какъ французская революціи была воплощеніемъ философіи французской просвѣтительной эпохи, такъ этика Канта является возведеніемъ въ философскую систему монархіи Фридриха Великаго. Предъ взорами Канта стоялъ живой примѣръ государственнаго строя, въ которомъ всѣ, начиная съ неограниченнаго властителя и кончая простымъ солдатомъ, безпрекословно повинуются велѣнію долга, не спрашивая, будетъ ли награда соотвѣтствовать жертвѣ. Отсюда мораль *долга* Канта.

Такимъ образомъ, въ прошломъ столѣтіи мы находимъ два этическихъ жизнепониманія: одно изъ нихъ основывается на идеѣ личнаго *права*, другое на идеѣ личнаго *долга*. Но оба эти жизнепониманія имѣютъ одинъ корень--*индивидуализмъ*, исключительное провозглашеніе единичной личности объектомъ нравственныхъ цѣлей.

Нашъ вѣкъ поставилъ совсѣмъ иныя нравственныя задачи въ сравненіи съ XVIII вѣкомъ. Онъ прежде всего стремится преодолѣть индивидуализмъ и установить нравственное міросозерцаніе, которое признало бы значеніе отдѣльной личности и въ то же время не забывало бы и о самостоятельномъ значеніи нравственнаго *общенія*. Далѣе, если прошлое столѣтіе смотрѣло на нравственность съ односторонней точки зрѣнія или права, или долга, то въ настоящее время наше нравственное міровоззрѣніе проникнуто мыслью, что долгъ и право суть понятія, всюду связанныя между собою. Если философія прошлаго столѣтія считала *разумъ* единственнымъ судьей въ нравственныхъ вопросахъ, то современная этика признаетъ, что высшую человѣческую дѣятельность представляетъ *воля*, выросшая изъ чувства и направляющая мышленіе и внѣшнія дѣйствія и что поэтому высшимъ человѣческимъ благомъ является добрая воля.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

Н. Водовозовъ. «Р. Мальтусъ, его жизнь и научная дѣятельность».—*Гиббинсъ.* «Англійскіе реформаторы».

Р. Мальтусъ, его жизнь и научная дѣятельность. Біографическій очеркъ Н. В. Водовозова. Съ портр. Мальтуса. Изд. Н. Павленкова. 1895 г. Ц. 25 к. Въ виду того интереса, какъ научнаго, такъ и общественнаго, какой возбуждаетъ теперь доктрина экономическаго матеріализма, знакомство съ ученіемъ Мальтуса необходимо для

тѣхъ, кто желаетъ выяснить себѣ историческое ея развитіе. Въ лицѣ Мальтуса это ученіе имѣло одного изъ наиболѣе послѣдовательныхъ выразителей. «Наиболѣе могущественная и универсальная изъ всѣхъ потребностей человѣка,—говоритъ Мальтусъ,—это потребность въ пищѣ и въ такихъ вещахъ, какъ одежда, жилище, и т. д., непосредственно необходимыхъ, чтобы избавлять насъ отъ непріятныхъ ощущеній холода и голода. Всѣми признано («увы,—замѣчаетъ г. Водовозовъ,—еще далеко не всѣми!»), что именно этими потребностями люди всего больше побуждаются къ дѣятельности, улучшающей и совершенствующей условія цивилизованной жизни, и что преслѣдованіе этихъ цѣлей и удовлетвореніе этихъ потребностей составляютъ главный источникъ счастья для большей части всего человѣчества и въ то же время совершенно необходимыя условія для самыхъ изысканныхъ наслажденій другой его части».

Въ такой, быть можетъ, нѣсколько грубоватой формѣ выражена сущность экономическаго матеріализма, составляющаго основную черту міровоззрѣнія Мальтуса, что не только не помѣшало ему быть вполнѣ буржуазнымъ экономистомъ, но надолго наложило особый буржуазный отпечатокъ на всю доктрину, изъ которой онъ и его послѣдователи извлекли выводы, противоположные интересамъ рабочаго класса. Въ свое время эта черта была рѣзко подчеркнута извѣстнымъ нѣмецкимъ экономистомъ, и достаточно разъяснена имъ же ошибка Мальтуса, упустившаго въ своихъ выводахъ «роль распредѣленія и соціально-политическихъ условій труда». Въ изученіи доктрины Мальтуса это и составляетъ поучительную сторону, на которую авторъ очерка и обратилъ особое вниманіе, выясняя то положеніе, какое Мальтусъ долженъ занимать въ ряду послѣдователей экономическаго матеріализма.

Цѣнную сторону настоящаго очерка составляетъ безспорно очень подробное изложеніе научныхъ трудовъ Мальтуса. Кто не можетъ ознакомиться съ ними непосредственно изъ сочиненій его, тому брошюра г. Водовозова дастъ въ сжатомъ и ясномъ изложеніи сущность положеній англійскаго экономиста. Біографическая часть занимаетъ весьма небольшое мѣсто, что вполнѣ понятно въ описаніи жизни ученаго, очень скудной внѣшними событіями. Эта часть, тѣмъ не менѣе, тоже очень интересна, такъ какъ возстановляетъ образъ Мальтуса очищеннымъ отъ несправедливыхъ нападокъ на его личность, въ общемъ представляющуюся въ изображеніи автора—скромною, благожелательною и высоко-нравственною. Такая реабилитація далеко не лишена общественнаго значенія именно у насъ, гдѣ слишкомъ часто смѣшиваютъ личность съ излагаемымъ ею ученіемъ, приписывая первой то, что является логическимъ слѣдствіемъ второго.

Гиббинсъ. Англійскіе реформаторы. Пер. А. А. Сонина. Москва. 1896. Ц. 1 р. 25 к. —Подъ этимъ заглавіемъ авторъ даетъ рядъ бѣглыхъ, но интересныхъ характеристикъ замѣчательныхъ англичанъ, такъ или иначе вліявшихъ на современный имъ общественный строй—великихъ утопистовъ, какъ, напр., Томасъ Моръ, мечтавшій о лучшемъ соціальномъ устройствѣ, при которомъ люди

будутъ братьями, а не врагами, нищета исчезнетъ, точно такъ же, какъ и чрезмѣрное богатство, никто не будетъ обреченъ на непосильный трудъ, но не будетъ и людей праздныхъ: народныхъ вождей, напр., Джона Болля, одного изъ предводителей крестьянскаго возстанія въ XIV вѣкѣ, «гордаго кентскаго попа», какъ его называли современники, проповѣдывавшаго соціальное равенство въ средніе вѣка и повѣшеннаго послѣ того, какъ король обѣщалъ исполнить желаніе возставшихъ крестьянъ; общественныхъ дѣятелей, посвятившихъ всю свою жизнь осуществленію какой-либо великой соціальной реформы—освобожденію негровъ, какъ Вильберфорсъ, или ограниченію дѣтскаго труда на фабрикахъ, какъ Остлеръ; религіозныхъ реформаторовъ, какъ, напр., Джонъ Уэсли, основатель одной изъ самыхъ распространенныхъ сектъ въ англійскомъ народѣ—секты методистовъ—мужественно боровшейся за свое ученіе, несмотря на гоненія толпы и преслѣдованія свѣтскихъ и духовныхъ властей; наконецъ, такихъ дѣятелей въ области мысли, какъ Т. Карлэйль или Рёскинъ, будившихъ своимъ словомъ благородныя и высокія чувства въ людяхъ, призывавшихъ ихъ къ нравственному совершенствованію и указывавшихъ высшія цѣли человѣческой жизни. Въ наше время, когда и въ литературѣ и въ жизни замѣчается усиленіе мистицизма, наклонность забывать живую дѣйствительность ради всякаго рода декадентскихъ и символистическихъ мечтаній, въ особенности полезно возстановить въ своей памяти образы людей-борцовъ за лучшее будущее человѣчества. Поэтому-то книга Гиббинса, несмотря на нѣкоторую блѣдность даваемыхъ имъ характеристикъ, читается съ большимъ интересомъ. Не вполнѣ ясно только, чѣмъ руководствуется авторъ въ выборѣ лицъ, которымъ онъ отводитъ мѣсто въ своей книгѣ; казалось бы, такіе замѣчательные дѣятели, какъ Коббесъ, Годвинъ или Феррусъ О'Конноръ, во всякомъ случаѣ, должны были найти въ ней мѣсто. Научнымъ недостаткомъ книги является то, что многія лица, описываемыя въ ней, разсматриваются авторомъ почти безъ всякой связи съ той исторической эпохой, когда они жили, или же характеристика этой эпохи дѣлается слишкомъ бѣгло и поверхностно. Благодаря этому, изложеніе имѣетъ отрывочный характеръ—авторъ переходитъ отъ одного лица къ другому безъ ясной руководящей мысли, оставляя читателя въ недоумѣніи, въ чемъ заключалось историческое значеніе всѣхъ этихъ лицъ. Тѣмъ не менѣе, повторимъ еще разъ, книга Гиббинса является хорошей книгой, которую полезно прочитать.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

Дрейфусъ. «Міровая и соціальная эволюція».—*К. Фламмаріонъ.* «Въ небесахъ».—«Астрономическій календарь».—*Рентгенъ* «Новый родъ лучей».—*Хэдсонъ.* «Натуралистъ въ Ла-Платѣ».

Міровая и соціальная эволюція. Ф. Камилла Дрейфуса. Пер. съ 2-го франц. изд. Изд. Д. В. Байкова и К°. М. 1896. Ц. 1 р. 50 к.—Эта книга въ оригиналѣ принадлежитъ къ «Международной на-

учной библіотекѣ». Намъ нѣтъ необходимости говорить о достоинствахъ серіи, знакомой, безъ сомнѣнія, всѣмъ читающимъ на иностранныхъ языкахъ. Въ выборѣ книгъ этой серіи, издаваемой на четырехъ языкахъ (нѣмецкомъ, французскомъ, англійскомъ и итальянскомъ), участвуютъ первоклассные ученые (въ качествѣ членовъ наблюдательнаго комитета, по три въ каждой странѣ), что служитъ достаточнымъ ручательствомъ за научное качество выбираемыхъ сочиненій.

Уже изъ названія книги Дрейфуса видно, что она относится къ числу сочиненій съ самой широкой и общеинтересной темой. Вопросъ о происхожденіи и развитіи нашей земли, обитающихъ на ней живыхъ существъ, человѣка и его общественной жизни, составляетъ краеугольный вопросъ знанія, къ которому сводятся общія и частныя задачи всѣхъ естественныхъ и соціальныхъ наукъ. Можно сказать даже, что каждое прогрессивное движеніе въ этихъ наукахъ есть шагъ впередъ въ духѣ эволюціонной теоріи, т. е. ученія о ходѣ и законахъ постепеннаго развитія явленій, входящихъ въ область той или другой науки. Мы видимъ примѣненіе начала послѣдовательнаго развитія и къ изученію физической стороны человѣческой природы, и къ изслѣдованію ея умственной стороны съ точки зрѣнія индивидуальной и общественной. Кругъ, открываемый теперь эволюціонной теоріей, весьма широкъ, и общій обзоръ сдѣланнаго въ этомъ направленіи въ различныхъ областяхъ знанія, отъ времени до времени, является необходимымъ.

Такой обзоръ и беретъ на себя авторъ названной выше книги. Самъ онъ въ слѣдующихъ словахъ опредѣляетъ научную цѣнность своего труда. «Пусть ученый,— говоритъ онъ—не ищетъ здѣсь никакихъ новыхъ фактовъ: на безпредѣльной нивѣ научныхъ явленій я собралъ въ снопы только тѣ факты, которые были необходимы для удовлетворенія моего ума, но не принесъ, къ сожалѣнію, ни одного новаго сѣмени для жатвы истины... (стр. 5). Ученый можетъ счесть мой трудъ неудовлетворительнымъ, философъ можетъ отнестись ко мнѣ съ пренебреженіемъ, но человѣкъ, живущій фактами и среди фактовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не отрекшійся отъ права мыслить и мечтать, — человѣкъ, который въ минуты утомленія борьбою стремится отдохнуть и подкрѣпиться въ общеніи съ великими умами.—прочтетъ, пойметъ и, конечно, не осмѣетъ меня» (стр. 6). Авторъ прибавляетъ, что эту книгу «онъ писалъ для себя, не предназначая ее для публики».

Эти признанія помогаютъ намъ установить точку зрѣнія на книгу Дрейфуса. Она написана не профессіональнымъ ученымъ, а журналистомъ, который не хотѣлъ отдаться исключительно газетнымъ и политическимъ интересамъ, а посвящалъ свои досуги болѣе высокимъ, «вѣчно ставящимся, но никогда вполнѣ не рѣшающимся вопросамъ, составляющимъ гордость человѣческаго ума». Другими словами, онъ никогда не переставалъ слѣдить за развитіемъ основныхъ идей своего времени и отмѣчалъ все, что разъясняло въ его глазахъ «міровой процессъ», т. е. происхожденіе и развитіе міра и человѣка. Оставаясь въ сторонѣ отъ не-

посредственной работы ученыхъ, онъ могъ «не принадлежать ни къ какой сектѣ или школѣ» и «мыслить ясно и независимо». Будучи трудомъ дилеттанта, книга Дрейфуса, тѣмъ не менѣе, можетъ имѣть интересъ, какъ отраженіе въ умѣ любознательнаго и образованнаго человѣка главнѣйшихъ теченій мысли нашего вѣка, и въ этомъ смыслѣ можетъ сослужить полезную службу для всѣхъ, обладающихъ тѣми же качествами, но не имѣющихъ досуга или охоты узнавать о томъ, что̀ дѣлается въ научной области, изъ сочиненій болѣе спеціальныхъ.

Мы находимъ въ книгѣ Дрейфуса все, что̀ поражаетъ воображеніе человѣка, интересующагося успѣхами естествознанія. Во вступительной главѣ мы чувствуемъ, какъ его увлекала и захватывала теорія развитія; въ этомъ очеркѣ эволюціонной теоріи мы видимъ, какую отраду доставляетъ ему сознаніе, что «наше общее представленіе физической вселенной и соціальнаго міра было вполнѣ обновлено прогрессомъ естественныхъ наукъ въ XIX столѣтіи». Приложеніе начала послѣдовательнаго развитія къ образованію небесныхъ тѣлъ, видимо, особенно занимаетъ его, и онъ посвящаетъ ему однѣ изъ самыхъ живыхъ страницъ своей книги. Видно, что онъ дѣятельно слѣдилъ за успѣхами астрономіи и отмѣчалъ среди нихъ все, что̀ удовлетворяло его запросамъ о происхожденіи и развитіи вселенной. Онъ не просто бралъ на вѣру доступное его пониманію и гарантированное великимъ или извѣстнымъ именемъ: онъ вдумывался, анализировалъ и выбиралъ наиболѣе достовѣрное. Такъ, напримѣръ, онъ не довольствуется изложеніемъ гипотезы, извѣстной подъ именемъ Канто-Лапласовской: онъ различаетъ, что въ ней принадлежитъ астроному и что философу, отдавая предпочтеніе первому. Въ очеркѣ строенія солнца, луны и планетъ Дрейфусъ обходитъ спорные вопросы, какъ обходитъ ихъ вездѣ, оставаясь въ области доказаннаго или признаннаго. Передъ читателемъ проходятъ наиболѣе изслѣдованныя свѣтила въ сжатыхъ, но ясныхъ описаніяхъ, дающихъ интересныя, а иногда и новыя картины. Съ такимъ же увлеченіемъ написанъ и очеркъ нашихъ свѣдѣній о такъ называемыхъ неподвижныхъ звѣздахъ и наиболѣе правдоподобныхъ, съ точки зрѣнія точной науки, предположеній о кончинѣ міровъ.

Слѣдующій отдѣлъ посвященъ землѣ—исторіи испытанныхъ ею превращеній, пока она не пришла въ тотъ видъ, въ какомъ мы застаемъ ее теперь, съ ея распредѣленіемъ материковъ и морей, климатическихъ поясовъ и растительныхъ, животныхъ и человѣческихъ населеній. И эта часть составлена весьма искусно: въ ней собраны, въ краткомъ и живомъ видѣ, данныя о «лицѣ земли», съ описаніемъ характерныхъ для каждаго періода живыхъ существъ растительнаго и животнаго міра. Описанія и наружнаго вида земли, и ея обитателей отличаются еще большей опредѣленностью и законченностью, чѣмъ въ предыдущемъ отдѣлѣ. Опредѣленность выводовъ нѣсколько измѣняетъ автору или, вѣрнѣе, не производитъ уже такого рельефнаго впечатлѣнія, въ слѣдующемъ отдѣлѣ, гдѣ онъ говоритъ о происхожденіи и развитіи человѣческаго типа. Правда, онъ и здѣсь старается дать

положительныя, ясныя заключенія о ступеняхъ, какими шло развитіе этого типа, но самый предметъ, гдѣ ему приходится говорить о строеніи череповъ, костей и т. д., не поддается такой живой изобразительности, какъ описанія каменноугольныхъ ландшафтовъ, допотопныхъ гигантовъ животнаго міра и др. дѣйствующихъ на воображеніе картинъ предшествующаго періода. Самая положительность выводовъ, къ которой стремится авторъ, придаетъ, въ глазахъ спеціалиста, его очерку нѣсколько устарѣлый видъ: такъ думали и говорили на первыхъ порахъ появленія ученія Дарвина, когда рѣшенія вопросовъ о происхожденіи и ступеняхъ развитія человѣческаго типа казались настолько ясными съ логической точки зрѣнія, что эту ясность принимали за факты. Съ того времени многое, казавшееся рѣшеннымъ, оказалось спорнымъ или еще до настоящаго времени не дождалось фактическаго подтвержденія. Поэтому и нѣкоторые рѣшительные выводы Дрейфуса въ этомъ отдѣлѣ должны быть принимаемы только за временные, а другіе должны быть вовсе оставлены, какъ, напримѣръ, указаніе, будто низшія расы по своему строенію стоятъ ближе къ животному типу. чѣмъ расы высшія. Это заключеніе вполнѣ противорѣчитъ новѣйшимъ антропологическимъ изслѣдованіямъ.

Послѣдній отдѣлъ книги о соціальной эволюціи, въ виду огромнаго и разнообразнаго матеріала, накопленнаго путешественниками и прекрасно разработаннаго антропологами, этнографами, юристами, лингвастами и т. п., можетъ показаться нѣсколько поверхностнымъ, но это обстоятельство не должно служить въ ущербъ разбираемой книги, такъ какъ этотъ отдѣлъ—самый доступный для читателей и литература его на русскомъ языкѣ обширнѣе, чѣмъ литература другихъ отдѣловъ теоріи и исторіи развитія.

Такова. въ общихъ чертахъ, книга Дрейфуса Если мы сравнимъ съ нею однородныя книги, написанныя спеціалистами, то найдемъ въ ней и преимущества, и недостатки. Достоинства всѣ для читателя не спеціалиста заключаются въ ясности и твердости ея положеній Въ наукѣ едва-ли можно найти хотя одинъ вопросъ, который всѣми рашался бы одинаково. Даже самыя точныя, повидимому, данныя, числовыя величины, опредѣленныя въ астрономіи самымъ строгимъ математическимъ методомъ, въ различныхъ сочиненіяхъ показываются неодинаково: мы встрѣчаемъ, напримѣръ, разногласія относительно объема и массы солнца по сравненію съ землей и проч. Такая спорность, неопредѣленность выводовъ можетъ затруднить и сбивать читателя, не имѣющаго возможности относиться критически къ научному сочиненію. Желающій не изучать какую-либо науку, а познакомиться съ ея выводами, окинуть взглядомъ поле ея работы, временно заглянуть въ ея область и узнать, что дѣлается въ ней, долженъ быть благодаренъ Дрейфусу за его книгу. Образованный человѣкъ какой-либо спеціальности, далекой отъ астрономіи, геологіи и антропологіи, или, по роду своихъ практическихъ занятій, не имѣющій возможности слѣдить за движеніемъ науки, найдетъ въ «Міровой и соціальной эволюціи» ясное и доступное изложеніе конечныхъ данныхъ, добытыхъ тремя названными науками, занимаю-

щимися исторіей развитія міра и человѣка. Такимъ читателямъ можно искренно рекомендовать книгу Дрейфуса. Но тому, кто хотѣлъ бы заняться этими науками, прослѣдовать путь, какимъ онѣ дошли до своихъ выводовъ, и опредѣлить достовѣрность этихъ выводовъ, тому разбираемая нами книга можетъ служить только въ качествѣ краткаго историческаго обзора. Ему нужно будетъ искать въ книгахъ спеціальнаго характера, какъ освѣщены основные вопросы мірового и соціальнаго развитія, насколько новѣйшая наука удовлетворяется существующими рѣшеніями ихъ и какія задачи ставитъ передъ собою въ будущемъ.

Относительно внѣшней формы изданія мы можемъ сказать, что литературная сторона его исполнена достаточно добросовѣстно и умѣло. Мы не замѣтили погрѣшностей въ терминахъ и чтеніи собственныхъ именъ; изъ послѣднихъ мы желали бы только, чтобы Жераръ не называлея Гергардтомъ, Серръ—Серресомъ и Мортилье—Мортилле. Прибавимъ, что книга много выиграла бы, если бы издатели внесли въ текстъ объяснительные рисунки, недостатокъ которыхъ особенно чувствуется въ геологическомъ отдѣлѣ. Но, повторяемъ, и въ этомъ видѣ, она можетъ оказаться полезной для интеллигентныхъ читателей, получившихъ образованіе, изъ программы котораго были исключены науки о небесныхъ тѣлахъ, землѣ и человѣкѣ.

К. Фламмаріонъ. Въ небесахъ (Uranie). Астрономическій романъ. Перев. съ французскаго Е. А. Предтеченской. 3-е изданіе. Ф. Павленкова. Спб. 1896 г. Ц. 75 к. Широкая популярность, какою пользуется это, одно изъ многочисленныхъ произведеній извѣстнаго популяризатора-астронома, вызываетъ искреннее изумленіе, когда, познакомившись съ нимъ поближе, вы вникните въ невѣроятную смѣсь изъ нѣсколькихъ общераспространенныхъ научныхъ истинъ и вздора, составляющаго суть содержанія «астрономическаго романа». Общее представленіе объ этой вещи таково, что это не что иное, какъ популяризація астрономіи въ легкой, полу-беллетристической формѣ. Но это не вѣрно. Скорѣе это бредъ больной фантазіи, въ которомъ правда грубо, мѣстами съ чисто французской пошлостью во вкусѣ «конца вѣка», перемѣшана съ необузданными вымыслами, не имѣющими къ наукѣ ни малѣйшаго отношенія. Чего тутъ только нѣтъ: и телепатья, столь популярная среди извѣстнаго сорта читателей нашихъ иллюстрированныхъ изданій, и переселеніе душъ съ планеты на планету, и воплощеніе мужчинъ въ женщинъ и обратно, и пикантныя подробности о тѣлесной оболочкѣ разныхъ безплотныхъ существъ, удивительно похожихъ на излюбленный типъ француженки изъ буржуазной семьи, и многое другое, чему не подберешь названія. Все это пересыпано высокопарными обращеніями къ астрономіи, въ родѣ слѣдующихъ: «Астрономія! Въ этомъ словѣ заключается все! Лишь она ведетъ насъ къ познанію этихъ чудесъ (т.-е. телепатьи, переселенія душъ и перевоплощенія мужчинъ въ женщинъ и обратно!). Лишь она учитъ насъ жить въ безконечности! Что значатъ предъ лицомъ этой науки всѣ остальныя человѣческія познанія? Тѣни, призраки при свѣтѣ солнца!»

Первая часть «астрономическихъ бредней», откуда заимствуемъ эту цитату, посвящена яко бы научно-обоснованному описанію путешествія автора съ Ураніей въ безконечномъ пространствѣ. Если исключить вѣрную мысль о безконечности міровъ, то останется плоская, неостроумная, аляповатая болтовня, приправленная французско-буржуазнымъ сентиментализмомъ о сладости жизни духовъ или особыхъ существъ, похожихъ на стрекозъ и обитающихъ на разныхъ звѣздахъ. На картинкѣ эти духи-стрекозы препотѣшно кувыркаются въ «эфирѣ», издавая по фантазіи автора небесную мелодію и одуряющій фиміамъ. Спустившись снова на грѣшную землю, авторъ заводитъ новую сказку объ идеальныхъ существахъ, своемъ другѣ и товарищѣ Георгѣ Сперо (вѣроятно, отъ латинскаго слова spero—надѣюсь) и его подругѣ «Иклеѣ». Это и есть нѣчто въ родѣ романа, начало котораго написано совершенно во вкусѣ французскихъ бульварныхъ романовъ. Г. Фламмаріонъ очень недурной популяризаторъ, но какъ художникъ—ниже всякой критики. «Онъ» и «она», не земныя созданія, знакомятся на небѣ и продолжаютъ знакомство на землѣ, глубокомысленно бесѣдуя о телепатьи, сродствѣ душъ и другихъ матеріяхъ важныхъ, напр., о томъ, «есть ли у этихъ (звѣздно-пространственныхъ) существъ... ротъ? потому что, видишь ли... поцѣлуй, губы!..» Краснорѣчивое многоточіе ясно должно указывать, что скромность астронома не позволяетъ автору углубляться въ дальнѣйшее развитіе глубокихъ изслѣдованій его героевъ. Передъ свадьбой,—ибо, не смотря на свои неземныя стремленія, герои, какъ добрые буржуа, преданные «святой католической церкви», горятъ желаніемъ освятить свои невещественныя отношенія,—они пускаются въ воздушное путешествіе. Но шаръ лопается, они летятъ внизъ и погибаютъ—по мнѣнію простаковъ, а по убѣжденію ученаго г. Фламмаріона, тутъ-то и начинается самое настоящее. Они переселяются на Марсъ, гдѣ «онъ» дѣлается «она», а «она» претворяется въ «онъ», и то одинъ, то другой являются къ автору засвидѣтельствовать свое почтеніе и поболтать на досугѣ отъ упоительнаго существованія на Марсѣ. Для вящей убѣдительности, пускается въ ходъ и гипнотизмъ, и «Общество для изслѣдованія психическихъ явленій», и Сведенборгъ. Не достаетъ еще г-жи Желиховской и пресловутой русской телепатки Блаватской, лавры которой, видимо, и побудили г-на Фламмаріона написать эту чепуху. Онъ забылъ только добрый совѣтъ своего соотечественника Вольтера, что въ искусствѣ всѣ роды хороши, кромѣ скучнаго, потому что все это, вмѣстѣ взятое, наводитъ убійственную скуку. Манерный, высокопарно-пошлый и жеманный тонъ старой дѣвы, тяжелый слогъ, напыщенный и грубо-чувственный, и неудачныя попытки на оригинальность дѣлаютъ эту книгу крайне тяжелой для чтенія.

Между тѣмъ, третье изданіе,—значитъ, есть читатели и многочисленные. Любопытно бы знать, кто они? Не тѣ-ли, что любятъ сонники, гаданья по картамъ дѣвицы Ленорманъ и упражненія, увеселяющія досуги персонажей изъ «Плодовъ просвѣщенія» Л. Толстого? Только причемъ здѣсь астрономія, давно уже потерявшая связь съ астрологіей, которой проникнуто это произведеніе г-на

Фламмаріона? Мы сильно сомнѣваемся, чтобы его «Уранія» послужила той цѣли, которую имѣлъ авторъ въ виду и о которой онъ говоритъ въ первой части: «Свѣтильникъ науки и разума нужно держать высоко надъ головою; надо, чтобы его пламя разгоралось, надо вынести его на многолюдныя площади, на широкія улицы и въ самые глухіе закоулки. Всѣ одинаково призваны къ свѣту, всѣ жаждутъ имъ насладиться, и въ особенности всѣ униженные, въ особенности всѣ обиженные, обойденные судьбою, потому что они больше думаютъ, энергичнѣе мыслятъ, потому что они сильнѣе жаждутъ знанія, чѣмъ довольные міра сего, не подозрѣвающіе своего невѣжества и гордящіеся имъ!» Святыя слова, но, если не слѣдуетъ скрывать свѣтъ знанія, то освящать авторитетомъ своего имени грубый вздоръ невѣжества и жаждущимъ знанія, вмѣсто хлѣба, давать камень—тоже не подобаетъ.

Русскій астрономическій календарь. 1896 г. Ц. 75 к. Составленъ «Нижегородскимъ кружкомъ любителей физики и астрономіи». Лѣтъ восемь назадъ, возникъ въ Нижнемъ кружокъ любителей астрономіи, задававшійся цѣлью распространять въ средѣ мѣстнаго общества астрономическія знанія, прививая, такимъ образомъ, любовь къ самостоятельному наблюденію природы. Въ числѣ различныхъ средствъ, служащихъ этой цѣли, является и новая попытка кружка—настоящій «Астрономическій календарь», представляющій практическое руководство къ наблюденіямъ астрономическихъ явленій въ 1896 г., пріуроченное къ знаніямъ и скромнымъ наблюдательнымъ средствамъ большинства любителей астрономіи. Не говоря уже о томъ, что «Астрономическій календарь», какъ первая и новая попытка популяризаціи одной изъ благороднѣйшихъ отраслей человѣческихъ знаній, заслуживаетъ полнаго вниманія,—и самъ по себѣ «Календарь» очень интересенъ и безусловно можетъ оказать большую услугу не одному изъ любителей астрономіи. Составленный просто, вполнѣ доступно всѣмъ, обладающимъ среднимъ образованіемъ, онъ даетъ всѣ необходимыя указанія относительно предстоящихъ въ этомъ году болѣе или менѣе любопытныхъ явленій на небѣ и поясняетъ, какъ ихъ можно наблюдать съ наилучшимъ результатомъ. Приложены необходимыя таблицы для вычисленій, двѣ карты, одна для опредѣленія фазъ и времени солнечнаго затменія 28-го іюля 1896 г., другая—карта звѣзднаго неба, съ указаніемъ, какъ ею пользоваться при опредѣленіи положенія звѣздъ и нахожденія ихъ. Кромѣ того, въ сжатой формѣ, ясной и простой, даны всѣ свѣдѣнія, которыя могутъ быть полезны для лицъ, только начинающихъ интересоваться небесными явленіями,—и, на что въ особенности обращаемъ вниманіе—приведена небольшая, но избранная литература по астрономіи. Все это дѣлаетъ «Астрономическій календарь» не только изданіемъ *полезнымъ*, но безспорно *необходимымъ* для всѣхъ любителей природы, не обладающихъ ни полной научной подготовкой, ни обильными средствами. Намъ неоднократно приходилось получать отъ нашихъ читателей просьбы указать какія-либо доступныя для широкой публики руководства по астрономіи. Съ полнымъ довѣріемъ

можемъ рекомендовать имъ это изданіе, въ которомъ они найдутъ отвѣты на многіе изъ своихъ запросовъ. Въ предисловіи редакція «Календаря» предполагаетъ сдѣлать изданіе его ежегоднымъ и впослѣдствіи расширить его, введя отдѣлъ новостей по астрономіи и отдѣлъ метеорологическій. Отъ души желаемъ успѣха, полагая, что подобныя изданія несравненно болѣе могутъ послужить распространенію знаній по астрономіи, чѣмъ *астрологическіе* романы, скорѣе способные затмить, чѣмъ просвѣтить читателей.

Проф. Рентгенъ. Новый родъ лучей. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей проф. И. И. Боргмана. Съ приложеніемъ одной фототипіи со снимка, произведеннаго проф. И. И. Боргманомъ и А. Л. Гершуномъ. Спб. 1896, 8°, 15 стр. Цѣна 30 коп. Брошюра представляетъ буквальный переводъ статьи самого Рентгена («Eine neue Art von Strahlen» von Dr. Wilth Konrad Röntgen), излагающей результаты наблюденій и опытовъ надъ особыми «иксъ-лучами» или Рентгеновскими лучами, обладающими способностью проходить сквозь всѣ, даже такъ называемыя непрозрачныя тѣла, лишь съ различною быстротой и легкостью. Сущность этихъ замѣчательныхъ опытовъ, вѣроятно, всѣмъ извѣстна. Къ брошюрѣ приложенъ прекрасный фототипическій снимокъ кисти руки, сфотокопированной проф. Боргманомъ и г. Гершуномъ при докладѣ о лучахъ Рентгена въ физической аудиторіи с.-петербургскаго университета 22 января 1896 г. Снимокъ лучше, чѣмъ приложенный къ нѣмецкому оригиналу снимокъ самого автора.

Новый родъ лучей. Популярный очеркъ новѣйшихъ изслѣдованій проф. А. (?) Рентгена. Съ двумя таблицами автотипій съ оригинальныхъ фотографическихъ снимковъ. Изданіе редакціи «Русскаго фотографическаго журнала». Спб. 1898, 8°, 9 стр. Цѣна 30 коп. Эта брошюра можетъ служить хорошимъ дополненіемъ къ предыдущей. Здѣсь, кромѣ бѣглаго описанія опытовъ Рентгена, излагается исторія открытія (главнымъ образомъ, опытъ Ленарда) и тѣ практическія результаты, какіе возможны и уже получены (въ медицинѣ) при употребленіи лучей Рентгена. Изложеніе ясное и популярное. Есть маленькія неточности, въ родѣ обозванія спирали Румкорфа «источникомъ» электричества *). Таблицы рисунковъ прекрасны. На одной—фотографія руки и нѣсколькихъ мелкихъ предметовъ, на другой—лягушка съ введенною внутрь булавкою и съ переломленными костями конечностей.

Замѣтимъ еще, что уже послѣ составленія брошюръ было доказано отраженіе Рентгеновскихъ лучей отъ стальной пластинки.

У. Г. Хэдсонъ (W. H. Hudson). Натуралистъ въ Ла-Платѣ. Съ 27 рис. въ текстѣ. Пер. въ англ. Д. Д. Струнина. Спб. Изд. А. Ф. Девріена. 1896 г. Ц. 2 р. 25 к. «Сѣра теорія, мой другъ, а древо жизни цвѣтами вѣчно блещетъ», но не всякому дано замѣчать ихъ, восхищаться ими и этотъ восторгъ передъ безконечной творческой силой природы сообщать другимъ. Хэдсонъ одинъ изъ немногихъ счастливцевъ, соединяющихъ тонкій умъ естествоиспыта-

*) Какъ извѣстно, спираль Румкорфа есть индукціонный аппаратъ, дѣлающій гальваническій токъ прерывистымъ.

теля съ глубокимъ сердцемъ художника. Въ рядѣ картинъ, разнообразныхъ и оригинальныхъ, то величественныхъ и грустныхъ, какъ все истинно великое, то полныхъ юмора и заразительной веселости, освѣжающей душу, онъ знакомитъ читателя съ рѣдкими явленіями еще неизслѣдованной страны, заставляя насъ вмѣстѣ съ собой наслаждаться роскошными видами южно-американской степи, огорчаться горестями и радоваться радостями ея многочисленнаго пернатаго и четвероногаго населенія. Хэдсонъ прежде всего любитъ природу во всѣхъ ея проявленіяхъ, любитъ почтительно и нѣжно, страдая отъ грубыхъ посягательствъ на нее человѣка и его культуры. Всякій разъ, когда ему приходится касаться тѣхъ измѣненій, какія вноситъ культура въ кругъ дѣвственной жизни природы, онъ съ глубокой меланхоліей отмѣчаетъ разрушительные результаты человѣческой дѣятельности. Эти результаты, конечно, должны радовать, какъ доказательства промышленныхъ успѣховъ человѣка, «но только тѣхъ, кто совершенно довольствуется или восторгается ходомъ нашей цивилизаціи; они пріятны только тѣмъ, кто одобряетъ современные пріемы покоренія природы, сводящіеся къ расчисткѣ мѣста для чрезмѣрно возрастающаго количества полезныхъ намъ видовъ животныхъ и растеній. Иначе смотритъ на дѣло всякій, кто находитъ прелесть въ такихъ предметахъ, какими они представляются въ непокоренныхъ человѣкомъ областяхъ природы, кто не горитъ желаніемъ окончить, какъ можно скорѣе, свое путешествіе, кто любитъ путешествовать верхомъ или на фурѣ, запряженной волами: у такого человѣка есть много основаній пожалѣть, что обликъ земной поверхности измѣняется и что, вмѣстѣ съ тѣмъ, исчезаютъ въ безчисленномъ количествѣ благородные и роскошные виды растительнаго и животнаго царства». Волны преобразованій, говоритъ онъ далѣе, быстро сметаютъ старый порядокъ со всѣмъ, что въ немъ могло быть изящнаго и прекраснаго.

Желая сохранить хотя часть, хотя слабый отблескъ умирающей красоты, Хэдсонъ даетъ въ отдѣльныхъ очеркахъ картины Пампы, описываетъ животныхъ, ее населяющихъ, вникая въ ихъ жизнь, стараясь понять ея сокровенные законы. Всегда онъ остается оригинальнымъ, вѣрнымъ художественной красотѣ и научной правдѣ. Въ его монографіяхъ разсѣяны вездѣ черты этой красоты, что придаетъ имъ удивительную обаятельность инстинныхъ художественныхъ произведеній въ соединеніи съ научной обстоятельностью. Самый скромный, маленькій звѣрекъ, какое-нибудь насѣкомое, шмель или «оса-мухоловка» живутъ своей особой жизнью, которую мы наблюдаемъ вмѣстѣ съ авторомъ, съ живѣйшимъ интересомъ, очарованные новизной этого міра незамѣтныхъ существованій. «Человѣчество предприняло крестовый походъ противъ животныхъ, и слѣдующее поколѣніе,—болѣе счастливое, чѣмъ мы, въ этомъ отношеніи,—будетъ, безъ сомнѣнія, свидѣтелемъ его блестящаго исхода!» съ грустной ироніей замѣчаетъ Хэдсонъ, рисуя чудныя картины изъ животной жизни, понятныя и доступныя тому, кто любитъ и умѣетъ наблюдать эту жизнь. Его монографіи «Пума или американскій левъ», «Вонючка»,

«Шмели», «Оса-мухоѣдка», «Колибри», «Хохлатая паламедея», «Жизнь вискачи», «Лошадь и человѣкъ»—по художественности воспроизведенія жизни животныхъ, проникновенію, если можно такъ выразиться, въ ихъ психику, напоминаютъ лучшіе разсказы Киплинга изъ міра животныхъ («Бунтъ Моти-геджа», «Старый крокодилъ» и др.). Это нисколько не лишаетъ ихъ глубокаго научнаго значенія, такъ какъ Хэдсонъ не простой любитель природы, а знатокъ, обладающій всѣми современными знаніями, стоящій на высотѣ послѣдняго слова науки въ области біологіи. Каждое явленіе онъ умѣетъ связать съ общимъ, освѣтить его и намѣтить новую черту въ сложной картинѣ природы.

Въ особенности сильно сказывается его философское настроеніе въ тѣхъ монографіяхъ, въ которыхъ онъ описываетъ групповыя явленія, или свойственныя массѣ животныхъ, не одному какому-либо виду, а цѣлому классу. Таковы его монографіи «Приливъ жизни», «Мимитизмъ», «Материнскіе инстинкты», «О свойствѣ притворяться мертвымъ», «Музыка и танцы въ природѣ», «Странные инстинкты животныхъ». Оригинальность взглядовъ Хэдсона сказывается здѣсь въ новомъ освѣщеніи, которое онъ даетъ многимъ общеизвѣстнымъ фактамъ, на основаніи многочисленныхъ личныхъ, иногда чрезвычайно тонкихъ наблюденій, сдѣланныхъ имъ, благодаря художественному чутью, никогда не покидающему его. Усиленно напирая на эту особенность автора, рѣзко выдѣляющую его изъ ряда другихъ естествоиспытателей и сближающую его съ такими великанами, какъ Дарвинъ, мы хотимъ подчеркнуть различіе между истиннымъ ученымъ и кропотливыми Вагнерами, неспособными изъ одолѣвающихъ ихъ мелочей ни вывести общаго закона, ни создать яркой картины.

По вѣрному замѣчанію переводчика, г. Струнина,—блестящій переводъ котораго составляетъ немаловажное достоинство этой книги,—послѣднюю можно отнести къ серіи такихъ сочиненій, какъ «Путешествіе на кораблѣ «Бигль» Ч. Дарвина, «Малайскій архипелагъ» А. Уоллеса и «Натуралистъ на Амазонской рѣкѣ» Бэтса (всѣ есть на русскомъ языкѣ). Но въ то же время «Натуралистъ въ Ла-Платѣ» отличается отъ названныхъ авторовъ бо́льшей доступностью и простотою изложенія, такъ что отъ читателя не требуется почти никакой предварительной подготовки, и тѣмъ не менѣе, дается ему, благодаря прекрасной группировкѣ фактовъ, сущность біологіи. Лучшія страницы Брэма отчасти напоминаютъ въ этомъ отношеніи Хэдсона, но Брэмъ подавляетъ читателя систематикой, чуждой первому. Мы думаемъ, что всѣ эти первоклассныя достоинства книги должны сдѣлать ее необходимой принадлежностью каждой порядочной ученической библіотеки и любимой книгой для юношества.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Кирхнеръ. «Руководство къ молочному хозяйству». — *Лебе.* «Молочное хозяйство». — *Дремцевъ.* «Объ улучшеніи луговъ». *Кованъ.* «Медоносная пчела».

Д-ръ В. Кирхнеръ. Руководство къ молочному хозяйству на научныхъ и практическихъ основахъ. Переводъ-извлеченіе съ 3-го нѣмецкаго изданія. Спб. Изданіе А. Ф. Девріена. 1894 г. Цѣна 3 р. 50 к. Потребность въ хорошемъ «руководствѣ по молочному хозяйству», какъ видно, растетъ не по днямъ; такъ, въ короткое время книжка Кленце «Молочное дѣло» выдержала два изданія, перевели и издали отдѣльной книжкой Лебе «Молочное хозяйство», написана масса небольшихъ книжекъ для народа и т. д., однимъ словомъ, спросъ и предложеніе идутъ другъ другу на встрѣчу. Причина тому—экономическій переворотъ въ нашемъ сельскомъ хозяйствѣ. Въ то время, какъ еще недавно на крупный рогатый скотъ наши помѣщики смотрѣли какъ на «необходимое зло» и держали его только для «производства навоза», въ настоящее время во многихъ хозяйствахъ скотоводство стало ядромъ его и «хозяева пришли къ убѣжденію», какъ говоритъ авторъ въ своемъ введеніи, «что молочное дѣло при внимательномъ отношеніи можетъ стать очень доходнымъ»,—нужны только знаніе и внимательное отношеніе къ дѣлу: первое пріобрѣтается въ школахъ и литературѣ, второе—при выгодности дѣла на практикѣ.

«Руководство» проф. Кирхнера принадлежитъ къ тѣмъ книгамъ, которыя удовлетворяютъ теоретиковъ и практиковъ. Хотя книга переведена съ нѣмецкаго, и авторъ имѣлъ, главнымъ образомъ, въ виду хозяйства Германіи, однако, «руководство» это вполнѣ доступно и русскимъ хозяевамъ какъ по изложенію техники самого производства, такъ и по примѣрамъ, взятымъ изъ другихъ странъ. Авторъ самъ говоритъ во введеніи, «что поднятію молочнаго дѣла въ Германіи способствовалъ примѣръ странъ, прежде всего убѣдившихся въ возможности улучшенія молочнаго хозяйства и раньше другихъ вступившихъ на путь прогресса»,—слѣдовательно, примѣръ Германіи, еще недавно перешедшей къ правильному хозяйству, будетъ намъ вдвойнѣ полезенъ. Мало того, чтобы перейти къ правильному хозяйству, нужно, какъ говоритъ авторъ, слѣдовать примѣру даже такихъ странъ, «въ которыхъ уже въ теченіе многихъ столѣтій центръ тяжести всего хозяйства находится въ скотоводствѣ и, въ особенности, въ приготовленіи масла и сыра (Шлезвигъ-Голштинія, Голландія и Данія)». Хозяева этихъ страхъ начали сознавать, что при постоянно увеличивающемся требованіи въ отношеніи качества продукта, идущемъ рука объ руку съ цѣнами на нихъ, работать по старинному нельзя, что необходимо ввести улучшеніе въ техникѣ дѣла, иначе грозитъ потеря пріобрѣтенной вѣками репутаціи и—всего важнѣе—рынка.

Изъ введенія читатель узнаетъ о пользѣ «школъ молочнаго хозяйства», о вліяніи организаціи, т. е. союзовъ сельскихъ хозяевъ, и выставокъ по молочному дѣлу, о значеніи опытныхъ станцій и т. д., словомъ, исторію развитія молочнаго дѣла какъ въ Германіи,

такъ и въ другихъ странахъ. Все руководство разбито на 8 болѣе или менѣе самостоятельныхъ *отдѣловъ*. Въ первомъ разсматривается «молоко и его свойства», какъ его составныя части (жиръ, протеиновыя вещества, молочный сахаръ и т. д.), такъ и происхожденіе молока, физическія и химическія свойства его, разные факторы, вліяющіе на образованіе и пороки его. Кромѣ того, авторъ удѣлилъ много мѣста вопросу о кормленіи, значенію индивидуальности и породы скота. Второй отдѣлъ посвященъ вопросу объ уходѣ за молокомъ отъ доенія до продажи или до полученія сливокъ, и, въ особенности, обращено вниманіе на способы сохраненія молока въ прѣсномъ видѣ—больное мѣсто всѣхъ почти хозяйствъ. Третій отдѣлъ удѣленъ испытанію и изслѣдованію молока относительно его состава и фальсификаціи. Этотъ отдѣлъ, къ сожалѣнію, страдаетъ нѣкоторымъ пробѣломъ: нѣкоторыхъ новѣйшихъ аппаратовъ для быстраго опредѣленія количества жира въ молокѣ нѣтъ, напримѣръ, ацидобутирометра Гербера, Альбюрна и еще нѣсколькихъ новѣйшихъ. Здѣсь виноватъ больше переводчикъ, который не слѣдилъ за новѣйшими открытіями въ области техники и перевелъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія 1892 года, когда подобныхъ аппаратовъ еще не существовало. Обстоятельно разработанъ въ 4-омъ отдѣлѣ вопросъ объ отдѣленіи сливокъ. Такъ какъ для хозяйствъ самое главное въ молокѣ въ настоящее время жиръ, то вопросъ о томъ или другомъ способѣ выдѣленія его для дальнѣйшей переработки очень важенъ. Авторъ подробно разсматриваетъ прежніе ручные способы, затѣмъ отдѣленіе сливокъ, въ настоящее время болѣе распространенное, центробѣжною силою. Послѣдній вопросъ дѣлится на общій теоретическій и описательный. Здѣсь читатель найдетъ массу извлеченій изъ отчетовъ по опытамъ, произведеннымъ на всевозможныхъ станціяхъ, и такимъ образомъ можетъ легко оріентироваться при выборѣ центрофуги (сепаратора). Хотя и здѣсь нужно указать на тотъ же недостатокъ, что и въ 3-емъ отдѣлѣ, т. е. отсутствіе указаній на болѣе новѣйшіе центрофуги (сливкоотдѣлители), какъ-то: ручной сепараторъ альфа-беби, колибри и т. д. Кромѣ того, для большей доказательности выгоды центрофуга даже для небольшихъ хозяйствъ, переводчикъ могъ взять разсчеты нѣкоторыхъ небольшихъ русскихъ помѣстій, гдѣ уже давно работаютъ съ большой выгодой для себя подобные аппараты, тѣмъ болѣе, что въ прессѣ сельскохозяйственной указывалось неоднократно на подобные отрадные факты. Отъ центрофуговъ въ 5-мъ отдѣлѣ переходимъ къ вопросу о сбиваніи масла и его сохраненіи. Начиная съ общей теоретической постановки вопроса о выдѣленіи масла, теоріи процесса сбиванія, авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію обстоятельствъ, вліяющихъ въ хорошую или худую сторону при образованіи продукта (масла), т. е. значеніе температуры, степень окисленія и т. д., и переходитъ къ выбору маслобойки. Здѣсь разсматриваются всѣ виды маслобоекъ, и затѣмъ онъ переходитъ къ дальнѣйшей обработкѣ масла, къ описанію разныхъ сортовъ его, значенію посолки, способовъ сохраненія и къ требованіямъ рынка; въ концѣ главы приводятся за многіе десятки лѣтъ статистическія данныя по ввозу и вывозу масла и потребленія

его тѣми или другими странами. 6-ой отдѣлъ начинается съ описанія приготовленія сычужины и значенія ея для сыроваренія, какъ приготовляемой большей части домашними средствами, такъ и фабричнымъ способомъ. Затѣмъ слѣдуетъ теорія нагрѣванія молока и описаніе всѣхъ употребительныхъ для этой цѣли котловъ, прессовъ, послѣ чего мы знакомимся съ крашеніемъ и посолкой сыровъ, съ выборомъ помѣщенія для созрѣванія ихъ (т. е. выборъ погреба), съ пороками и врагами сыра. Въ концѣ слѣдуетъ описаніе фабрикаціи всякихъ сортовъ сыра, начиная съ сычужныхъ, мягкіе—французскіе и др. и твердые—эмментальскій, грюйерскій, эдамскій и т. д., и кончая кисломолочными: зеленый, норвежскій. 9-ая глава этого отдѣла посвящена статистикѣ ввоза и вывоза и потребленія сыра въ Европѣ и Америкѣ. Въ 7-мъ отдѣлѣ читатель находитъ описаніе приготовленія дѣтскаго и лѣчебнаго концентрированнаго молока, кумыса и кефира и прочихъ молочныхъ продуктовъ.

Наконецъ, въ 8-омъ отдѣлѣ разсматривается экономическая сторона молочнаго хозяйства. Здѣсь мы узнаемъ сравнительную оплату молока при различныхъ способахъ его примѣненія, напримѣръ, при откармливаніи телятъ, при сыровареніи, маслодѣліи, веденіе книгъ по молочному хозяйству и т. п. Здѣсь же читатель найдетъ планы и смѣты по устройству молочныхъ какъ большихъ, такъ и малыхъ. Къ сожалѣнію, переводчикъ эти два отдѣла оставилъ безъ измѣненій, какъ было въ оригиналѣ, а тамъ, какъ было уже выше сказано, авторъ имѣлъ въ виду хозяйства Германіи. По нашему мнѣнію, слѣдовало бы для плановъ и смѣтъ по устройству молочныхъ и сравнительный разсчетъ оплаты молока взять хоть нѣсколько примѣровъ изъ русскихъ хозяйствъ, такъ какъ экономическое положеніе сельскаго хозяйства Германіи во многомъ разнится, если не во всемъ, отъ нашего положенія. Но не смотря на нѣсколько такихъ недостатковъ и шероховатость языка, книга заслуживаетъ возможно большаго распространенія и можетъ вполнѣ служить настольной книгой для начинающихъ и даже уже опытныхъ хозяевъ. Книга иллюстрирована 211-ю рисунками новѣйшихъ машинъ и аппаратовъ, съ 721 страницей текста, написана профессоромъ, прославившемся на поприщѣ молочнаго хозяйства, какъ теоретикъ и практикъ, и можетъ вполнѣ замѣнить уже устарѣвшее во многомъ сочиненіе проф. Флейшмана, переведенное на русскій языкъ въ 1878 г. и бывшее до сихъ поръ единственнымъ капитальнымъ произведеніемъ по молочному хозяйству.

В. Лебе. Молочное хозяйство, маслодѣліе и сыровареніе. Переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія съ дополненіями, касающимися молочнаго хозяйства въ Россіи. Переводъ В. Дмитріева. Спб. Изд. В. И. Губинскаго. 1895. Ц. 90 коп. Книжка Лебе не заслуживала, по нашему мнѣнію, труда переводчика по слѣдующимъ причинамъ. Въ отдѣлѣ первомъ, «разведеніе молочнаго скота», авторъ на 41 страницѣ двухлистовой книжки хотѣлъ сказать «о полезнѣйшихъ породахъ и сортахъ скота, о ихъ разведеніи и даже о кормленіи дойныхъ коровъ», но, къ сожалѣнію, вышло сжато, скомкано, и книга имѣетъ видъ скорѣе справочной книжки, гдѣ

ссылаются на громкія имена профессоровъ и т. д.; всему хотятъ научить и въ общемъ ничего практическаго не даютъ. Поэтому. намъ кажется, такіе вопросы не слѣдуетъ затрогивать такъ поверхностно, тѣмъ болѣе, что по отдѣлу животноводства, кормленія написана такая масса сочиненій, что отсутствіе нѣсколькихъ страничекъ совсѣмъ пройдетъ незамѣченнымъ и безъ ущерба,

Тотъ же недостатокъ чувствуется въ отдѣлѣ «молочное хозяйство». Здѣсь тѣ же ссылки на различныя мнѣнія авторитетовъ, иногда другъ другу противорѣчащихъ, въ которыхъ трудно разобраться спеціалисту, а человѣку начинающему это—только лишній балластъ. Что касается отдѣла центрофуговъ (сепараторовъ), то переводчикъ, издавшій книжку въ 1895 году, могъ хоть отъ себя прибавить описаніе новѣйшихъ машинъ, работающихъ во многихъ русскихъ хозяйствахъ, не говоря уже о заграничныхъ. Отдѣлу этому удѣлено 4 странички, какъ это было сдѣлано самимъ авторомъ для перваго изданія; но тогда, можетъ быть, техника центрофуговъ не была еще такъ развита, а теперь это первый насущный вопросъ всякаго новоорганизующагося хозяйства. Отдѣлъ маслодѣлія и сыроваренія носитъ характеръ больше справочной книжки, гдѣ упоминается о существующихъ сортахъ товара. Что же касается знакомства съ самой техникой производства, то здѣсь не мало погрѣшностей. Такъ, напримѣръ, на страницѣ 135 слѣдуетъ общее наставленіе «приготовленія прѣсныхъ сыровъ», подъ которыми авторъ, какъ мы узнаемъ на страницѣ 142, подразумѣваетъ всѣ жирные сыры. На самомъ же дѣлѣ, какъ варка, такъ и соленіе и сохраненіе въ погребахъ сыровъ французскихъ и твердыхъ швейцарскихъ или голландскихъ во всемъ почти отличается и подъ одну общую рубрику не подходитъ. Недостатокъ этого отдѣла — отсутствіе даже упоминанія о новѣйшихъ бактеріологическихъ работахъ въ области сыроваренія. Что касается обѣщанныхъ въ заглавіи «дополненій, касающихся молочнаго хозяйства Россіи», то мы находимъ только перепечатки изъ разныхъ сборниковъ, вышедшихъ къ всемірной чикагской выставкѣ, и восхваленія требующей еще большой критики дѣятельности Н. В. Верещагина, и ничего нѣтъ изъ практики многихъ русскихъ хозяйствъ, заслуживающихъ подражаній или, по крайней мѣрѣ, упоминаній. Книга, вообще, не удовлетворяетъ ни практика, ни теоретика.

С. П. Дремцовъ. Объ улучшеніи луговъ и посѣвовъ травъ. Руководство для крестьянъ. 2-е изд. А. Ф. Девріена. Спб. 1894 г. Цѣна 25 коп. Авторъ вѣрно понялъ, что часто крестьянъ останавливаетъ отъ перехода къ правильному луговодству и травосѣянію не косность, а незнаніе, какъ приступить къ дѣлу, или неимѣніе нагляднаго примѣра. Желая удовлетворить насущной потребности въ коротко и хорошо изложенномъ руководствѣ, авторъ прямо приступаетъ къ объясненію причинъ упадка доходности луговъ и даетъ тотчасъ практическіе совѣты, какъ поднять укосъ. Въ небольшомъ введеніи авторъ знакомитъ читателя съ исторіей правильнаго травосѣянія въ Западной Европѣ и въ Россіи. Во второй бесѣдѣ говоритъ о болѣе распространенныхъ травахъ, о времени посѣва и

кошенія, о количествѣ посѣвныхъ сѣмянъ, объ обработкѣ почвы и удобреніи и о мѣстѣ въ сѣвооборотѣ, если посѣвъ производится въ полевомъ клину. Въ третьей бесѣдѣ говорится о правилахъ для посѣва сѣменныхъ травъ и объ обновленіи суходольныхъ луговъ. Въ четвертой главѣ находимъ исторію травосѣянія въ Московской губерніи и совѣты, какъ удобнѣе и выгоднѣе завести посѣвы травъ на поляхъ. Тутъ же читатель знакомится съ теоріей удобренія фосфоритной мукой и пользой этой муки для луговъ. Въ концѣ приложенъ списокъ полезныхъ книгъ по сельскому хозяйству, главнымъ образомъ для крестьянъ. Какъ по изложенію, такъ и по языку, книга безупречна и, главное достоинство, написана вполнѣ популярно и понятно, безъ фальсифицированнаго, такъ-называемаго «народнаго языка».

Кованъ. Медоносная пчела. Переводъ съ англійскаго Л. А. Потѣхина. Изд. А. Девріена. Спб. 1895 г. Ц. 1 руб. «Изучайте прежде всего теорію, а не то всю жизнь останетесь практиками-пачкунами», такъ говоритъ въ своемъ введеніи словами великаго германскаго пчеловода, барона А. ф.-Берлепша, переводчикъ и дальше продолжаетъ: «только при основательныхъ теоретическихъ познаніяхъ мы можемъ всесторонне обсуждать каждый шагъ своей практической дѣятельности, провѣрять и придавать то или другое значеніе нашимъ практическимъ опытамъ и наблюденіямъ». Поэтому, онъ надѣется, что русскіе пчеловоды встрѣтятъ съ полнымъ сочувствіемъ предлагаемый переводъ книги Кована, который пополняетъ существовавшій до сихъ поръ въ нашей пчеловодной литературѣ недостатокъ свѣдѣній по естественной исторіи пчелы. Точно также авторъ объясняетъ въ оригиналѣ причину появленія своей книги. Въ дѣйствительности, книга носитъ чисто научный характеръ, знакомитъ читателя съ естественной исторіей медоносной пчелы, съ мѣстомъ, занимаемымъ ею въ животномъ царствѣ, съ анатоміей, физіологіей и т. д., словомъ, книжка представляетъ полную и популярно изложенную монографію о пчелѣ. Переводъ сдѣланъ извѣстнымъ пчеловодомъ Л. А. Потѣхинымъ, авторомъ «Учебника пчеловодства» и «Справочной книжки для пчеловодовъ», что вполнѣ гарантируетъ точность перевода. Потребность въ такой книжкѣ для нашихъ практиковъ-пчеловодовъ даетъ себя знать давно и сознается всѣми ими. Книжка иллюстрирована роскошно исполненными 71 рисункомъ и вполнѣ доступна пониманію людей съ среднимъ образованіемъ.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*Margaret Winthrop*» *by Alice Morse Eearle (John Marray). 1896.* (*Маргарита Уинтропъ*). Названная книга представляетъ первый томъ біографической библіотеки, издаваемой подъ общимъ названіемъ: «Women of Colonial and Revolutionary Times in America» (Женщины колоніальнаго и революціоннаго періода въ Америкѣ). Героиня этой книги—жена перваго губернатора Массачусетса, Джона Уинтропа, типичная представительница пуританскаго поколѣнія первыхъ американскихъ піонеровъ, къ которому принадлежалъ ея мужъ. Ея біографія имѣетъ несомнѣнно историческій интересъ, такъ какъ въ ней воспроизводится англійская жизнь конца семнадцатаго вѣка и колонизаціонная дѣятельность въ Америкѣ. Авторъ этой біографіи умѣло воспользовался источниками, находившимися въ его распоряженіи, и соединилъ увлекательность разсказа съ соблюденіемъ строгой исторической правды.

(Daily News).

«*Studies in Black and White*» *by Lady Henry Somerset* (*Fishes Unwin*). (*Изслѣдованіе чернаго и бѣлаго*). Извѣстная англійская писательница лэди Генри Сомерсетъ въ этой книгѣ описываетъ жизнь бѣднѣйшихъ классовъ англійскаго населенія. Ея очерки написаны съ натуры и обличаютъ въ ней большую наблюдательность. Она не ограничивается лишь описаніемъ мрачныхъ сторонъ этой жизни и находитъ въ ней и кое-какія свѣтлыя стороны, возбуждая въ то же время въ душѣ читателя теплое чувство состраданія и желанія придти на помощь низшей братіи и всѣмъ обездоленнымъ и угнетеннымъ. (Daily News).

«*In the Evening of His Days; a study of M-r Gladstone in Retirement, with some account of St. Deniol's Library and Hostel*» (*Westminates Gazette*). *London.* (*На склонѣ дней*). Небольшой томъ, изданный Вестминстерской газетой, заключаетъ въ себѣ описаніе домашней жизни Гладстона, послѣ его отставки. Личность «великаго старика» выступаетъ очень рельефно въ этомъ очеркѣ. Какъ извѣстно, главною причиною удаленія Гладстона со сцены политической жизни было ослабленіе зрѣнія и слуха. Удачно сдѣланная операція катаракты, однако, вернула ему зрѣніе, но, тѣмъ не менѣе, онъ не могъ оставаться въ парламентѣ, потому что не слышалъ рѣчей, на которыя ему нужно было отвѣчать. Волей-неволей энергичному политическому дѣятелю пришлось сойти со сцены и удалиться въ частную жизнь. Можно было бы думать, что жизнь человѣка, постоянно пребывавшаго въ водоворотѣ политическихъ событій, сдѣлается очень безцвѣтной, когда онъ будетъ лишенъ возможности принимать дѣятельное участіе въ этихъ событіяхъ. Однако, противъ ожиданія, Гладстонъ не былъ слишкомъ огорченъ своимъ невольнымъ удаленіемъ съ политической сцены и нашелъ утѣшеніе въ своихъ любимыхъ занятіяхъ теологическими вопросами и въ изученіи классиковъ. Очень интересно описаніе библіотеки Гладстона въ Говарденѣ, которою могутъ пользоваться свободно всѣ желающіе, свѣтскіе и духовные изслѣдователи, писатели и студенты. «Мое богатство — книги,—говоритъ Гладстонъ,—и мой долгъ дѣлиться имъ со всѣми нуждающимися».

(Daily News).

«*Curiosities of Impecuniosity*» *by H. G. Somerville.* (*Beatley and Son*).(*Особенности безденежья*). Авторъ этой книги задался оригинальною цѣлью прослѣдить, какъ отразилось безденежье въ жизни многихъ знаменитыхъ людей, которымъ въ началѣ своего поприща приходилось бороться съ нуждой. Конечно, многое, что сообщаетъ авторъ, имѣетъ анекдотическій характеръ, но это неизбѣжно, принимая во вниманіе избранную авторомъ тэму. Тѣмъ не менѣе, въ его книгѣ найдется не мало не только интересныхъ въ анекдотическомъ отно-

шенія, но и поучительныхъ страницъ, указывающихъ, какое значеніе имѣютъ личная энергія и сила воли въ жизненной борьбѣ. Любопытны черты, разсказанныя авторомъ изъ жизни Шеридана, Кольриджа, Розы Бонёръ и нѣкоторыхъ друг. (Daily News).

«*A wandering Scholar in the Levant*» *by David G. Hogarth, M. A. Fellow of Magdalen College. With illustrations. (Murray). 1896.* (*Странствующій ученый въ Левантѣ*). Авторъ описываетъ въ этой книгѣ свое путешествіе по Леванту и свои археологическія изысканія. Очень занимательны его разсказы, обрисовывающіе нравы мѣстнаго населенія и условія жизни въ заброшенныхъ уголкахъ Малой Азіи, анатолійскихъ деревушкахъ, гдѣ перебывалъ авторъ во время своихъ странствованій. Не смотря на то, что авторъ предпринялъ свое путешествіе исключительно съ научною цѣлью произвести археологическія изслѣдованія, онъ описываетъ страну какъ туристъ и путешественникъ, отличающійся юморомъ и большою наблюдательностью, такъ что даже обыкновенный читатель, нисколько не интересующійся археологическими находками автора, можетъ прочесть эту книгу съ удовольствіемъ. (Daily News).

«*Les dompteurs de la Mer*» *pvr E. Neukomm (Hetsel) Paris.* (*Укротители моря*). Авторъ этой книги оспариваетъ у Колумба честь открытія Америки и доказываетъ, что нормандцы, за четыре столѣтія до Колумба, колонизовали Массачусетсъ, Виргинію и Флориду; они называли эту страну «Виндяндъ» и на своихъ утлыхъ суденышкахъ часто плавали къ ея берегамъ. Свой разсказъ о похожденіяхъ нормандцевъ авторъ подкрѣпляетъ данными, почерпнутыми изъ историческихъ документовъ. (Revue des Revues).

«*I. I. Rousseau et ses amies*» *par Léo Claretie, avec une préface de M. Ernest Legouvé, de l'Académie française.* (*Leon Chailley*). (*Руссо и его пріятельницы*). Эта книга представляетъ психологическій очеркъ, посвященный спеціально интимной сторонѣ жизни Руссо, его отношеніямъ къ женщинамъ, которыя его любили. Въ этихъ отношеніяхъ авторъ ищетъ разгадку духовной личности философа. Личности женщинъ, игравшихъ болѣе или менѣе выдающуюся роль въ жизни Руссо, выступаютъ очень рельефно въ разсказѣ автора; также очень живо описано все тогдашнее общество, среди котораго вращался Руссо. (Journal des Débats).

«*Les Contemporains* (*etudes et portraits littéraires*; 6-e *Serie*) *par Jules Lemaitre, de l'Académie française* (*Lecèm et Oudin*). (*Современники*). Трудно въ небольшой замѣткѣ анализировать содержаніе этой книги, заключающей цѣлый рядъ очерковъ и литературныхъ портретовъ; между прочимъ, въ эту книгу включена статья о вліяніи литературы сѣверныхъ народовъ, возбудившая нѣкоторую полемику, и цѣлый рядъ очень интересныхъ очерковъ, посвященныхъ Франсуа Коппе, Анатолю Франсу, Мопассану и др. (Journal des Débats).

«*Des limites de la philosophie*» *par O. Merten, professeur à l'Université de Liège* (*Wesmacl-Charlier*) *Namur.* (*Границы философіи*). Авторъ этой книги—сторонникъ объединенія спиритуалистической философіи съ положительными науками, тѣмъ не менѣе, старательно разграничивающій область спиритуализма и положительныхъ знаній. Въ его книгѣ заключается программа обширнаго курса, въ который входитъ преподаваніе философіи, психологіи и космологіи, логики и морали, теологіи и метафизики. Авторъ ищетъ въ строгой классификаціи главнаго средства къ примиренію между собою противоположныхъ воззрѣній и это особенно ярко выступаетъ въ главѣ о государствѣ. Во всякомъ случаѣ въ его книгѣ заключается много оригинальныхъ мыслей, надъ которыми стоитъ остановиться. (Indépendance Belge).

«*Great Men's Sons*» *by Elbridge S. Brooks* (*G. Putnam Sons*). *1896.* (*Сыновья великихъ людей*). Авторъ этой книги американскій писатель, добившійся извѣстности своими біографическими и историческими очерками, приноровленными спеціально для юныхъ читателей. Въ новомъ своемъ сочиненіи авторъ занимается не личностью великихъ людей, а ихъ семьями, начиная отъ Сократа до Наполеона и старается прослѣдить, какъ отразились на семейной жизни, и преимущественно на дѣтяхъ, великіе таланты и качества ихъ родителей. (Daily News).

«*Darwin and after Darwin*» *By the late George John Romanes M. A. Post Darwinian Questions. Hereclity and Utility.* (*Longmane Green and C°*). (*Дарвинъ и послѣ Дарвина*). Изучающіе эволюціонную доктрину прочтутъ эту книгу съ большимъ интересомъ, такъ какъ авторъ ея, профессоръ Романесъ, очень подробно излагаетъ въ ней ученіе Дарвина и распри ученыхъ послѣ его смерти. Это въ высшей степени полный очеркъ

развитія эволюціонной доктрины и вытекающихъ изъ нея научныхъ теорій.

(Literary World).

«Women's Work» by Lady Dilke, Miss Bulley and Miss Whilley (*Social Questious of to day*). (*Работа женщинъ*). Въ этой маленькой книжкѣ обсуждаются важные вопросы, касающіеся условій женскаго труда и положенія женщинъ работницъ. Однако, и мужчины могутъ извлечь полезныя указанія изъ этой книги, такъ какъ она ограничивается не только областью спеціально женскаго труда, а затрогиваетъ рабочій вопросъ вообще. (Athaeneum).

«Ruskin on Masic» being Extracts from the works of John Ruskin Intended for the use of all intesested in the Artof Music. Edited by Miss A. M. Wakefield. With in Colour of Jeaf from Antiphonaire of Thirteenth Century from M-r Ruskin's Collection. (Рускинъ о музыкѣ). Содержаніе книги, составленной изъ статей Рускина о музыкѣ, достаточно говоритъ само за себя. Въ книгу вошли слѣдующія статьи: музыкальный идеалъ; музыка и раннія вліянія; музыка и живопись; музыка и воспитаніе; музыка и нравственность и т. п.

(Athaeneum).

«Study of Childhood» By Jomes Sully M. A.[(*Longmans and C°*). (*Изученіе дѣтства*). Чтобы изучить природу дѣтей, надо не только быть тонкимъ наблюдателемъ и любить ихъ, но надо имѣть, кромѣ того, и хорошую психологическую подготовку и психологическій опытъ. Всѣмъ этимъ авторъ книги, профессоръ Сёлли, обладаетъ въ значительной степени и, кромѣ того, онъ обнаруживаетъ еще замѣчательную эрудицію, особенно въ вопросахъ, касающихся психологіи ребенка. Такія условія, вмѣстѣ съ литературнымъ талантомъ, умѣньемъ сжато и сильно выражать свои мысли, снабжаютъ названное сочиненіе автора качествами, которыя позволяютъ причислить его книгу къ разряду лучшихъ современныхъ изслѣдованій о ребенкѣ и его психологіи. Книга можетъ представить интересъ не для однихъ спеціалистовъ по педагогическимъ вопросамъ, но и для обыкновенныхъ читателей.

(Daily News).

«Un naufrage à 100 Mètres sous terre» par E. A. Martel et R. Rupin. (Bure imprimerie Roche) 1896. (*Крушеніе на глубинѣ 100 метровъ подъ землею*). Безстрашный изслѣдователь подземныхъ глубинъ Мартель описываетъ въ этой книгѣ свое плаваніе по подземнымъ озерамъ въ Севеннахъ. У этого яраго «гротолога», какъ онъ самъ себя называетъ, есть любимая пещера— это гротъ «Padriac», въ департаментѣ «Lot». описанный имъ уже въ его книгѣ «Les Cévennes; Les Abîmes». Главная прелесть этого грота заключается въ четырехъ подземныхъ озерахъ, соединяющихся вмѣстѣ, и въ чудныхъ сталактитахъ, покрывающихъ стѣны. Послѣдній разъ, когда Мартель отправился въ свою подземную экскурсію, ему и его двукъ спутникамъ пришлось пережить страшныя минуты въ этомъ гротѣ, такъ какъ лодка, на которой они совершали свое плаваніе по подземнымъ озерамъ, потерпѣла крушеніе, и только необычайное присутствіе духа спасло ихъ. Мартель очень живо описываетъ свои приключенія и подземный міръ, обладающій для него особенною привлекательностью.

(Daily News).

«The Stories of Coal Mine» by Frank Mundell. The Sunday School Union. (T. Nelson and Sons). (*Исторія угольныхъ копей*). Авторъ прекрасно, увлекательно разсказываетъ въ своей книгѣ исторію образованія угольныхъ копей и ихъ разработки. Жизнь углекоповъ очерчена яркими красками и правдивый разсказъ автора о приключеніяхъ и опасностяхъ, съ которыми сопряжена работа подъ землею, производитъ сильное впечатлѣніе.

(Literary World).

«Oxford and her Colleges» by Goldwin Smith (*Macmillian and C°*). (*Оксфордъ и его коллегіи*). Интересная книга, снабженная многочисленными иллюстраціями и фотографіями, въ которой описывается исторія Оксфорда и университетская жизнь со всѣми ея особенностями и обычаями въ прежнія времена.

(Literary World).

«Out with the old Voyagers» by Horace G. Grosser (Andrew Melrose). (*Прежніе путешественники*). Въ книгѣ собраны наиболѣе выдающіеся эпизоды изъ морскихъ путешествій прежнихъ временъ. Иллюстраціи дополняютъ текстъ.

(Literary World).

«Days and Hours in a Garden» by E. V. B. Eihgt Edition (Elliot Stock's publications). (*Дни и часы въ саду*). Любители природы и садоводы прочтутъ эту маленькую книгу съ большимъ интересомъ. Авторъ ея изучилъ жизнь растеній и не только умѣетъ наслаждаться, но и понимаетъ окружающую его природу. Успѣхъ книги доказывается тѣмъ, что она выходитъ уже восьмымъ изданіемъ. (Literary World).

«At the Court of the Amir» by John Alfred Gray. With Purtrait and othes illustrations. (*При дворѣ эмира*). Авторъ этой книги состоялъ долгое время при-

дворнымъ врачемъ при дворѣ афганскаго эмира. Пребываніе въ Афганистанѣ и должность врача доставили ему возможность изучить эту страну и народъ. Многое, что сообщаетъ авторъ, бросаетъ совершенно новый свѣтъ на положеніе дѣлъ въ Афганистанѣ и характеръ эмира. (Literary World).

«Storio della Spiritismo» Cesaro Baudi d i Veste (Roux Frassati et C°). Turin. (*Исторія спиритизма*) Въ предисловіи авторъ говоритъ, что онъ рѣшился предпринять историческое изслѣдованіе спиритизма, убѣдившись, что ни въ Италіи, ни въ другомъ мѣстѣ никто не написалъ настоящей исторіи спиритизма. Люди, по словамъ автора, дѣлятся, по отношенію къ спиритизму, на два разряда: на тѣхъ, которые вѣрятъ въ спиритическіе феномены и, принимая ихъ безусловно, не подвергаютъ критическому обсужденію, и тѣхъ, которые не вѣрятъ и отвергаютъ, также не потрудившись хорошенько изслѣдовать и изучить эти феномены. Несмотря на то, что самъ авторъ—спиритъ, онъ, тѣмъ не менѣе, производитъ свои историческія изслѣдованія спиритизма съ величайшею добросовѣстностью и нигдѣ не навязываетъ своей точки зрѣнія читателю. Его исторія спиритизма распадается на четыре части: 1) Спиритизмъ въ древности; воззрѣнія скандинавскихъ, германскихъ и кельтскихъ народовъ во времена варварства, а также древнихъ мексиканцевъ и инковъ и т. д. 2) Спиритизмъ у восточныхъ народовъ. 3) Классическая цивилизація, съ ея миѳологіей и философіей. 4) Христіанская доктрина и спиритическія явленія. Изъ этого краткаго перечня можно видѣть, что книга заключаетъ въ себѣ чрезвычайно интересный историческій матеріалъ. (Daily News).

«Women's Suffrage Colendas» by Miss Helen Blackburn (Simpkin Marshall and C°) (*Календарь женскаго движенія*). Прекрасно составленная, небольшая книжка даетъ чрезвычайно полное понятіе объ исторіи женскаго движенія, не только въ Великобританіи, но и въ другихъ странахъ. Очень интересны свѣдѣнія объ успѣхахъ женщинъ и объ условіяхъ женскаго труда въ Англіи. Изъ данныхъ, сообщаемыхъ авторомъ, слѣдуетъ, что англійскія женщины неуклонно стремятся впередъ и уже добились многаго. Многія публичныя должности, недоступныя для женщинъ еще такъ недавно, теперь для нихъ открыты. Между прочимъ, женщина состоитъ теперь вице-президентомъ института журналистовъ. Авторъ сообщаетъ статистику женщинъ, получившихъ ученыя степени въ различныхъ англійскихъ университетахъ, а также тѣхъ, которыя состоятъ членами школьныхъ совѣтовъ, ученыхъ обществъ и т. д., и занимаютъ мѣста, прежде составлявшія исключительную привиллегію мужчинъ. (Daily News).

«Adventurer of the North» by Gilbert Parker (Methuen) (*Искатель приключеній на сѣверѣ*). Джильбертъ Паркеръ считается Брэтъ-Гартомъ Сѣверной Канады, такъ какъ всѣ его разсказы проникнуты такою же свѣжестью и оригинальностью, какъ и разсказы вышеназваннаго писателя, и столь же увлекательны. Описанія дикой канадской природы и ея вліянія на человѣка, особенно хороши. (Daily News).

«Les Jeunes: Etudes et Portraits» par René Doumic (Perrin) Paris. 1896. (*Молодые: очерки и портреты*). Въ этой книгѣ, хорошо извѣстный современной французской читающей публикѣ писатель, сотрудникъ журнала «Revue des deux Mondes», изучаетъ то, что онъ называетъ новымъ литературнымъ поколѣніемъ, и стремится схватить его главныя характеристичныя черты и тенденціи. По словамъ автора, каждый изъ представителей этого молодого поколѣнія началъ съ золяизма и затѣмъ уже проложилъ для себя совсѣмъ новый путь, такъ что въ каждомъ такомъ писателѣ мы можемъ наблюдать теперь реакцію противъ реализма, который несомнѣнно уже отжилъ свое время. Авторъ развертываетъ читателямъ цѣлую галлерею литературныхъ портретовъ, и указываетъ на оригинальныя стороны каждаго изъ «молодыхъ», у большинства которыхъ онъ находитъ общія черты: пренебреженіе къ стилю и родному языку, стремленіе къ эксцентричности и игнорированіе литературной отдѣлки. Въ то же время, авторъ характеризуетъ и современную читающую публику, «ко вкусамъ которой должны приспособляться писатели, если они не желаютъ писать только для собственнаго удовольствія». Вообще, все, что говоритъ авторъ о современномъ литературномъ поколѣніи во Франціи, въ высшей степени интересно и заслуживаетъ вниманія, даже и въ томъ случаѣ, если допустить, что авторъ не всегда даетъ вѣрное освѣщеніе этимъ явленіямъ. (Journal des Débats).

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ

съ 15-го января по 15-е февраля.

С. Т. Семеновъ. *Раздоръ.—Деревенскія сцены.* Москва. 1896 г. Изданіе «Посредника». Ц. 6 к.

Б. Гринченко. *Сестрица Галя.—Украла.—Грицко.* Москва. 1896 г. Изданіе «Посредника». Ц. 1½ к.

Николай Поповъ. *Шемякинъ Судъ.* Комедія въ одномъ дѣйствіи изъ старин. сказанія. Москва. 1896 г. Изданіе «Посредника». Ц. 1½ к.

С. Т. Семеновъ. *Не все то золото, что блеститъ.* Деревенскія сцены въ 3 дѣйствіяхъ. Москва. 1896 г. Изданіе «Посредника».

Г. Лессингъ. *Натанъ Мудрый,* драма перев. С. А. Порѣцкаго. Москва. 1896 г Изданіе «Посредника». Ц. 6 к.

Ѳеодоръ Шперкъ. *Книга о духѣ моемъ* Поэма, ч. I. Спб. 1896 г. Ц. 30 к.

М. А. Берновъ. *Изъ Одессы пѣшкомъ по Крыму.* Спб. 1896 г.

Л. Н. Толстой. Произведенія послѣднихъ годовъ.—Статьи, вошедшія въ XIII т. полнаго собранія сочиненій. Ц. 50 к. Москва. 1896 г. Изданіе «Посредника».

Врачъ Д. П. Никольскій. *О табакѣ и вредѣ его куренія.* Москва. 1896 г. Изданіе «Посредника». Ц. 1½ к.

Г. С. Солтъ. *Гуманитарное ученіе*—пер. съ англ. Москва. 1896 г. Ц. 30 к.

Джонъ Морлей. *О компромиссѣ*—перев съ англ. М. Ц. съ приложеніемъ статьи того же автора о воспитат. значенія литературы. Изданіе «Посредника». Москва. 1896 г. Ц. 75 к.

Евграфъ Ковалевскій. *Народное образованіе въ Соединенныхъ Штатахъ Св. Америки.* Спб. 1895 г. Ц. 2 р.

Н. Добролюбовъ. Полное собраніе сочиненій, съ портретомъ Добролюбова и біографіей, сост. А. М. Скабичевскимъ. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1896 г. Ц. за всѣ 4 тома 7 р.

Н. Износковъ. *Естественная исторія*—(зоологія, ботаника и минералогія) съ 247 рис. Казань. 1894 г. Ц. 1 р 80 к.

Н. Износковъ. *Краткій курсъ естественной исторіи.* Казань. Ц. 1 р. 80 к.

А. Кирпичниковъ. *Очерки по исторіи новой русской литературы.* Спб. 1896 г. Изданіе Пантелѣева. Ц. 2 р. 50 к.

Куно Фишеръ. *Артуръ Шопенгауэръ*—переводъ съ нѣм. подъ ред. В. П. Преображенскаго. Изданіе Московск. Психологич. Общества. Москва 1896 г. Ц. 3 р.

А. Вязигинъ. *Петръ Даміани*—борецъ за церковно-общественныя преобразованія XI вѣка. Пробн. лекція, прочит. 10-го ноября 1894 г. Харьковъ. 1895 г.

В. Л. Бинштокъ. *Изъ недавняго прошлаго.* Спб. 1896 г. Ц. 1 р.

Н. В. Водовозовъ. *Р. Мальтусъ*—его жизнь и научная дѣятельность—біографич. очеркъ. Изданіе Павленкова. Спб. 1895 г. Ц. 25 к.

С. Н. Южаковъ. *Соціологическіе этюды*—т. II. Изданіе, просмотр. и дополненное. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

Вл. Михневичъ. *Русскія женщины XVIII стол.* Историч. этюды. Спб. 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.

Врачъ А. Коровинъ. Послѣдствія алкоголизма и борьба съ нимъ. 1896 г. Москва.

Л. П. Никифоровъ. *Джонъ Рёскинъ*—его жизнь идеи и дѣятельность. Біограф. очеркъ. Изданіе. «Посредника». Москва. 1896 г.

Разсказы о Финляндіи и ея жителяхъ. Москва. 1896 г. Изданіе «Посредника». Ц. 3 к.

Астрономическій календарь. Москва. 1896 г. Ц. 75 к. Изданіе «Посредника».

Ив. Елинъ. *Какъ ухаживать за цвѣтами.* Москва. 1896 г. Изданіе «Посредника».

Г. Преображенскій. *Краткая исторія Россійскаго государства*—для православнаго русскаго народа.
